СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ СЕМЬДЕСЯТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1903.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:
И. И. Глазунова, **М. Эггерса** и **Комп.** и **К. Л. Риккера** въ Санктпетербургѣ; **Н. П. Карбасникова** въ Санктпетербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ; **М. В. Клюкина** въ Москвѣ; **Н. Я. Оглоблина** въ Санктпетербургѣ и Кіевѣ; **Е. П. Распопова** въ Одессѣ; **Н. Киммеля** въ Ригѣ; у **Фоссъ** (**Г. Гессель**) въ Лейпцигѣ; у **Г. Люзакъ** и **Комп.** въ Лондонѣ, а также и въ Книжномъ складѣ Императорской Академіи Наукъ.

Цѣна этого тома **Сборника** *два рубля*.

74

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ СЕМЬДЕСЯТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1903.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ. Сентябрь 1903 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

СОДЕРЖАНІЕ.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXXIV.

ОТЧЕТЪ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ
ИМПЕРАТОРСКОЙ
АКАДЕМІИ НАУКЪ
за 1902 годъ,

составленный
Академикомъ В. И. Ламанскимъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1903.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Сентябрь 1903 года. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

ОТЧЕТЪ

О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

за 1902 годъ,

составленный къ торжественному засѣданію Императорской Академіи Наукъ 29 декабря 1902 года

Академикомъ В. И. Ламанскимъ.

Въ истекшемъ году Отдѣленіе лишилось двухъ достойнѣйшихъ членовъ-корреспондентовъ: Сергѣя Александровича Рачинскаго и Аполлона Александровича Майкова.

Скончавшійся 2 мая 1902 г. С. А. Рачинскій род. 10 іюня 1833 г. въ селѣ Татевѣ, Бѣльск. у. Смоленской г. Родной по матери племянникъ оригинальнаго, вдумчиваго поэта Е. Баратынскаго, Рачинскій получилъ прекрасное домашнее образованіе сначала въ родномъ селѣ Татевѣ, а съ 11-ти лѣтъ въ Дерптѣ, куда переѣхала вся семья съ цѣлью педагогическою. Здѣсь оставался онъ до 15 л., до 1848 г., когда Рачинскіе переѣхали въ Москву. Окончательно подготовленный въ экзамену въ Университетъ извѣстнымъ впослѣдствіи М. Н. Капустинымъ, С. А. Рачинскій поступилъ въ 1849 г. въ Московскій Университетъ, на медицинскій факультетъ, но черезъ годъ онъ перешелъ вольнослушателемъ на физико-математическій по раз-

ряду естественныхъ наукъ. Въ 1853 г. онъ сдалъ кандидатскій экзаменъ и рѣшилъ готовиться къ магистерскому по излюбленному имъ предмету — ботаникѣ, и, по обычаю московскаго дворянства, записался на службу въ Московскій Архивъ М-ва Иностр. Дѣлъ. Здѣсь онъ помогалъ своему начальнику князю Оболенскому въ реставраціи Романовскихъ палатъ и былъ на время откомандированъ въ качествѣ личнаго секретаря къ извѣстному Андрею Николаевичу Муравьеву, автору писемъ о богослуженіи.

Въ 1856 г. С. А. Рачинскій вышелъ въ отставку и отправился, для приготовленія къ каѳедрѣ, за границу, гдѣ онъ и пробылъ два года. Онъ занимался ботаникой въ Берлинѣ у Шахта, въ Іенѣ у Шлейдена. Даровитый, прекрасно образованный, общительный и свѣтскій, любитель и знатокъ поэзіи, живописи и музыки, Рачинскій сдѣлалъ большія знакомства въ Германіи, въ Берлинѣ между прочимъ съ П. Гейзе, съ Лассалемъ, который впрочемъ ему не понравился, особенно же сблизился съ высоко цѣнившимъ нашего Пушкина, Фарнгагеномъ фонъ Энзе, — въ Веймарѣ, гдѣ былъ представленъ ко двору, съ Фр. Листомъ, съ коимъ онъ вновь часто видался въ 60-хъ гг. въ Римѣ. Большой почитатель Франциска Ассизскаго, Рачинскій написалъ для Листа на нѣмецкомъ языкѣ гимнъ въ честь этого святаго, положенный Листомъ на музыку. Шлейденъ въ четвертомъ или пятомъ изданіи своего сочиненія «Растеніе и его жизнь» напечаталъ письмо своего друга Рачинскаго объ отношеніи искусства къ природѣ по поводу картины Геема, а полюбившій Рачинскаго іенскій же професоръ Куно Фишеръ уговаривалъ его посвятить себя философіи. Тогда же Рачинскій перевелъ на нѣмецкій языкъ любимую имъ Семейную хронику С. Т. Аксакова и такимъ образомъ не мало помогъ возбужденію возникавшаго тогда въ З. Европѣ интереса къ Русской литературѣ. По возвращеніи въ Москву въ 1858 г., Рачинскій за представленное имъ разсужденіе «О движеніи высшихъ растеній» получилъ званіе магистра и въ 1859 г. былъ

назначенъ адъюнктомъ на каѳедру ботаники. Въ 1861 г. онъ предложилъ Московскому Университету вычитать ежегодно изъ его жалованья по 500 р. на отправленіе молодыхъ людей за границу для совершенствованія въ различныхъ отрасляхъ естествознанія. Въ октябрѣ 1861 г. уже экстра-ординарнымъ професоромъ онъ былъ уволенъ въ заграничный отпускъ. На этотъ разъ онъ прожилъ всего долѣе въ Италіи и особенно въ Римѣ[1]), гдѣ чаще всего видался съ В. П. Боткинымъ и Фр. Листомъ. Въ 1866 г. Рачинскій получилъ докторскую степень за разсужденіе «О нѣкоторыхъ химическихъ превращеніяхъ растительныхъ тканей» М. 1866 г.—4 февраля 1867 г. онъ былъ утвержденъ ординарнымъ професоромъ по каѳедрѣ ботаники, но весною того же года онъ подалъ прошеніе объ отставкѣ вмѣстѣ съ професорами Чичеринымъ, Дмитріевымъ, Капустинымъ и Соловьевымъ. Тогдашній министръ народнаго просвѣщенія гр. Д. А. Тостой употребилъ всѣ усилія для сохраненія Московскому Университету этихъ высоко имъ цѣнимыхъ професоровъ. Всѣ они согласились тогда остаться. Тѣмъ не менѣе черезъ годъ въ маѣ 1868 года Рачинскій вновь подалъ прошеніе объ отставкѣ и оставилъ Университетъ и ученую дѣятельность навсегда. За эти годы явились въ печати переводы Рачинскаго двухъ крупныхъ трудовъ — Шлейдена «Растеніе и его жизнь» М. 1862 и Дарвина «О происхожденіи видовъ въ царствахъ животномъ и растительномъ». СПБ. 1864. Кромѣ того въ открывшемся тогда новомъ журналѣ «Русскій Вѣстникъ» и «Современная Лѣтопись», въ редакціи коихъ Рачинскій принималъ живое, хотя и неофиціальное участье, было имъ напечатано нѣсколько оригинальныхъ статей[2]): въ «Совр. Лѣт.» 1859 г. «О современ-

1) Такъ по словамъ Горбова (Ж. М. Нар. Пр. XII), а по словамъ Д. А. Коропчевскаго онъ былъ посланъ врачами на островъ Мадеру. Зимою 1864 г. я встрѣтился съ Рачинскимъ въ Римѣ у покойнаго Мамонова, женатаго на родной сестрѣ С. А-ча.

2) Сверхъ того въ Рус. Вѣстн. были имъ напечатаны: «Письма изъ-за границы: объ учебномъ заведеніи Стоя въ Іенѣ, о музыкѣ Вагнера», въ Совр. Лѣт. объ одной картинѣ, приписываемой Рафаэлю, въ Вѣстн. естеств. наукъ

ныхъ задачахъ физіологіи растеній», въ «Рус. Вѣстн.» 1863 г., I. «Цвѣты и насѣкомыя», тамъ же 1866 г., рецензія на соч. Кауфмана «Московская флора» и тамъ же 1875 г., V: «По поводу спиритическаго сообщенія проф. Вагнера». Тутъ Рачинскій строго отнесся къ свидѣтельствамъ двухъ натуралистовъ Вагнера и Бутлерова о полученныхъ ими отвѣтахъ отъ вертящихся столовъ и модное въ то время не въ одной Россіи увлеченіе спиритизмомъ обозвалъ суррогатомъ утраченной вѣры. Въ Русскомъ же Вѣстникѣ, 1859 г., IX, была напечатана оригинальная повѣсть Рачинскаго «Тріо». Быть можетъ будущій его біографъ найдетъ въ ней страницы пережитой авторомъ драмы.

Быть можетъ она же отразилась и на его здоровьи и на настроеніи его духа. Въ своемъ воспоминаніи о С. А. Рачинскомъ[1]) бывшій его слушатель, извѣстный антропологъ Д. А. Коропчевскій замѣчаетъ: «Правда онъ былъ плохой лекторъ, говорилъ слабымъ голосомъ, часто дѣлалъ паузы, во время которыхъ маленькими глотками пилъ или какъ то втягивалъ воду изъ стакана. Я полагаю, что такой недостатокъ живости и плавности рѣчи происходилъ отъ слабости груди, какою въ то время страдалъ С. А. Эта слабость одно время имѣла даже угрожающій характеръ; заключаю это изъ того, что осень и зиму 1861—1862 гг. С. А. провелъ на о-вѣ Мадерѣ. Однако недочеты въ дикціи нисколько не вредили глубокому интересу, какой вызывали въ насъ лекціи Рачинскаго. Онъ иллюстрировалъ ихъ прекрасными рисунками, которые тутъ же набрасывалъ на доскѣ и сопровождалъ микроскопическими демонстраціями на лекціяхъ и на дому, куда приглашалъ желающихъ работать у него... Его деликатность и простота, возбуждавшая наши симпатіи на лекціяхъ, въ домашней обстановкѣ казались еще обаятельнѣе. Эти качества профессора дѣлали работу у него легче и пріятнѣе, но

Рулье статьи: Ятрышники, Краски растеній (1858). Чужеядныя растенія, Семейство кактусовъ, Исландская флора (1858). Альпійскія растенія (ibid 1858).

1) Самообразованіе № 34.

нисколько не вредили ея серьезности. Къ тѣмъ, кто хотѣлъ работать серьезно, Рачинскій относился строго, требуя почти безукоризненной точности. Онъ видимо присматривался къ каждому изъ насъ и для каждаго умѣлъ найти именно то, что̀ могло бы всего лучше пріохотить его къ дѣлу. Благодаря университетскимъ и домашнимъ занятіямъ мы освоились съ микроскопомъ, умѣли изготовлять микроскопическіе препараты и хорошо ознакомились со споровыми растеніями». Рачинскій ходилъ весною и на ботаническія экскурсіи. Тотъ же свидѣтель говоритъ и о нихъ: «Въ самомъ началѣ весны, когда снѣгъ еще не совсѣмъ сошелъ, Рачинскій уже повелъ насъ на экскурсію на Воробьевы горы, па поиски Viola odorata. Эти экскурсіи повторялись въ теченіе апрѣля и мая въ дни, свободные отъ экзаменовъ. Мы исходили многія окрестности Москвы — Сокольники, Кунцово, Останкино и пр. На лугу и въ лѣсу, среди дикорастущихъ растеній, мы видѣли Рачинскаго въ совершенно новомъ свѣтѣ. Природа увлекала его, приводила въ возбужденное, почти восторженное состояніе. Онъ становился живымъ, подвижнымъ, говорилъ много и оживленно. Мы видѣли его то карабкающимся на холмъ, то сбѣгающимъ въ лощину за какимъ нибудь цвѣткомъ, и онъ возвращался къ намъ съ цѣлымъ пучкомъ растеній, которыя заставлялъ насъ разсматривать и опредѣлять. Какая нибудь лужайка или уголокъ лѣса пробуждали въ немъ воспоминанія о другихъ экскурсіяхъ, и онъ съ живыми подробностями разсказывалъ намъ о природѣ южной Германіи, многія мѣстности которой онъ исходилъ пѣшкомъ. Его любовное, страстное отношеніе къ природѣ невольно сообщалось намъ, и если оно уже жило въ душѣ окружавшихъ его молодыхъ естественниковъ, то благодаря ему, оно окрѣпло, опредѣлилось и, вѣроятно, у многихъ сохранилось на всю жизнь. Иногда одного намека его было достаточно, чтобы постигнуть то обиліе разнообразной жизни, какое открывается при внимательномъ и умѣломъ наблюденіи въ каждой луговинѣ, въ каждомъ кустарникѣ. Онъ именно заставлялъ насъ вникать въ жизнь рас-

тенія, объяснялъ его строеніе, значеніе формы его цвѣтка, листьевъ, стебля и корней, раскрывая передъ нами индивидуальность каждаго вида. Въ этихъ объясненіяхъ чувствовалась не одна только широко понимаемая наука, но и тонко ощущаемая поэзія. Поэтическій элементъ необыкновенно удачно дополнялъ и скрашивалъ научный, и изъ сочетанія ихъ выливалась та глубина, та цѣльность возрѣнія на природу, которыя восхищали насъ и чутко воспринимались нами. Экскурсіи Рачинскаго придавали что то новое и необыкновенно интересное подмосковной флорѣ, и мы какъ будто видѣли ее какими то другими глазами, между тѣмъ какъ многіе изъ насъ выросли среди нея и безчисленное множество разъ видали эти луга, поляны и рощи. Съ тѣхъ поръ для меня, по крайней мѣрѣ, растенія средне-русской флоры навсегда слились съ воспоминаніемъ о Рачинскомъ: я не могу видѣть ни одной лужайки или лѣсной опушки безъ того, чтобы не вспомнить о немъ.

Давая намъ на экскурсіяхъ живой матеріалъ для анатоміи и физіологіи растеній, Рачинскій въ то же время училъ насъ и опредѣлять ихъ. Мы скоро освоились съ опредѣленіемъ растеній и настолько прониклись интересомъ и важностью этой работы, что потомъ каждый изъ насъ составлялъ гербарій той мѣстности, гдѣ онъ проводилъ лѣто.

Мы были тѣмъ болѣе признательны Рачинскому, что онъ иногда видимо напрягалъ свои силы, проводя съ нами цѣлые дни за городомъ, несмотря ни на какую погоду. Случалось, что мы возвращались совершенно промокшіе и усталые. Зная о томъ, что здоровье его внушаетъ нѣкоторыя опасенія, мы просили его избѣгать для выѣзда изъ Москвы, по крайней мѣрѣ, прохладныхъ и сырыхъ дней. Онъ улыбался и говорилъ, что это невозможно, что экскурсій никогда откладывать нельзя. На будущей недѣлѣ, — говорилъ онъ, многія растенія уже отцвѣтутъ, и вы не увидите ихъ цвѣтка, природа насъ не ждетъ; чтобы ознакомиться съ флорой, надо не спускать съ нее глазъ; весною и лѣтомъ не можетъ быть отдыха для практическаго ботаника».

Повидимому въ это время онъ еще не соглашался съ докторами, которые требовали, чтобъ онъ провелъ осень и зиму въ тепломъ климатѣ. Но въ концѣ мая онъ уже чувствовалъ необходимость уступить имъ и на послѣдней экскурсіи простился съ нами на цѣлый годъ. «Уѣзжаю на Мадеру, — сказалъ онъ, чтобы собраться съ силами и на четвертомъ курсѣ читать Вамъ физіологію растеній».

Пользуясь приглашеніемъ Рачинскаго, Д. А. Коропчевскій бывалъ у него иногда и по окончаніи курса и, говоритъ, что «узналъ его тогда съ болѣе интимной домашней стороны. Я заставалъ его за піанино, за чтеніемъ классиковъ, и мнѣ казалось всегда, что отъ одинокой изящной квартиры его и отъ него самого вѣетъ какою то отчужденностью, какою то грустью. Кратковременное пребываніе его въ нашемъ университетѣ, вѣроятно, послужило причиною, почему онъ не создалъ ни одного ученика. Но если никто изъ насъ не послѣдовалъ за нимъ по пути его спеціальности, то мы всѣ въ теченіи нашей жизни сохранили о немъ благодарное воспоминаніе, какъ объ учителѣ, который болѣе другихъ професоровъ научилъ насъ любить и понимать природу» [1]).

Можно думать, что не однѣ дружественныя отношенія Рачинскаго къ проф. Чичерину и Дмитріеву побудили его оставить Университетъ. Какъ ни дорожилъ онъ своими лекціями и экскурсіями, какъ ни дорого ему было расположеніе къ нему студентовъ, но все же онъ не могъ не замѣчать, что тѣ и другія сильно утомляютъ его и надрываютъ его здоровье. Но оставивъ Университетъ и продолжая жить въ Москвѣ, онъ конечно не могъ бросить научныхъ занятій, но за все это время съ осени 1868 г. до весны 1872 г. онъ все же ничего не печаталъ и кажется проводилъ въ Москвѣ эти четыре зимы довольно разсѣянно, посѣщая лучшія московскія гостиныя, вращаясь въ кругу писателей, художниковъ и ученыхъ, въ оживленныхъ бесѣдахъ и пре-

1) Самообраз. 1902. № 34.

ніяхъ на темы научныя и художественныя, философскія и религіозныя и гдѣ дамы принимали живое участіе. Близко знавшій Рачинскаго, г. Горбовъ замѣчаетъ: «въ своихъ свѣтскихъ отношеніяхъ Рачинскій цѣнилъ особенно общество образованныхъ и талантливыхъ женщинъ»[1]). Мечталъ ли онъ найти подругу жизни и зажить семьяниномъ, мы не знаемъ. Молодому, впечатлительному и привязанному къ Рачинскому посѣтителю всегда казалось, что и «отъ одинокой изящной квартиры его и отъ него самого вѣетъ какою то отчужденностью и грустью». На 39-мъ году жизни, перейдя въ ряды старыхъ холостяковъ, Рачинскій покидаетъ Москву и навсегда поселяется въ своемъ родномъ Татевѣ. Здѣсь онъ много занимался чтеніемъ, музыкою и цвѣтоводствомъ. Но все это его не удовлетворяло. Онъ хандрилъ, говоритъ г. Горбовъ, и томился отъ неимѣнія живого обязательнаго дѣла. Съ лучшею частью русскаго дворянства и вообще, русской интеллигенціи онъ давно сознавалъ великій нашъ долгъ передъ русскимъ народомъ, нашимъ кормильцемъ и главнымъ виновникомъ нашего внѣшняго благосостоянія и государственной мощи: народъ подарилъ намъ создателя русскаго стиха и вообще нашего литературнаго языка, отца русской литературы и науки, народъ же былъ вдохновителемъ многихъ лучшихъ думъ и образовъ величайшаго поэта русской земли. Рабство пало, но милліоны способнаго народа были лишены всякихъ почти средствъ къ минимальному образованію. Все это прекрасно сознавалъ Рачинскій, и это сознанье главнѣйше побудило его оставить Москву и поселиться въ своемъ Татевѣ: онъ былъ близко знакомъ съ Л. Н. Толстымъ и высоко цѣнилъ его педагогическую дѣятельность въ Ясной Полянѣ. Что же дѣлать, за что именно приняться, какъ лучше послужить народу?

«Въ Татевѣ, говоритъ г. Горбовъ, была сельская обыкновенная школа. Рачинскій какъ то случайно зашелъ въ нее, и

2) Ж. М. Нар. Пр. 1902. Дек.

попалъ на урокъ ариѳметики, показавшійся ему необыкновенно скучнымъ, попробовалъ самъ дать урокъ, стараясь сдѣлать его болѣе интереснымъ и жизненнымъ — и этимъ опредѣлилась вся его дальнѣйшая судьба». Съ той поры онъ сталъ заниматься сельскою школой, и мало по малу отдался ей всецѣло и посвятилъ ей всѣ остальные годы своей жизни. Университетъ и русская ботаника утратила навсегда даровитаго, много обѣщавшаго ученаго, Московскія гостиныя блестящаго, высокообразованнаго собесѣдника, но русскій народъ, весь нашъ крещеный міръ обрѣлъ себѣ рѣдкаго, самоотверженнаго друга, просвѣтителя и подвижника.

Въ 1875 г. Рачинскій построилъ новую Татевскую школу просторную, свѣтлую, съ широкимъ террасокрыльцомъ, противъ церкви, отдѣленной отъ нея широкой улицею. Надъ входомъ въ школу икона благословляющаго дѣтей Христа. Внизу школьнаго зданія — просторные классы и помѣщеніе для общежитія учениковъ; наверху двѣ небольшія комнаты (спальня и кабинетъ) Рачинскаго, заставленныя книжными шкафами, завѣшанныя картами и картинами. Ходъ въ нихъ черезъ школу. Все нижнее помѣщеніе было украшено картинами, фотографіями, рисунками, — сверхъ того школа была снабжена цвѣтами. Красный уголъ былъ обставленъ иконами. Онѣ были убраны лучшими русскими полотенцами. Рачинскій очень любилъ ихъ и постоянно ихъ собиралъ. Передъ школой былъ большой цвѣтникъ, недалеко отъ нея — огородъ. О томъ и другомъ много заботился самъ Рачинскій. Въ школѣ было сначала до 30, а потомъ до 60 учениковъ. Только ближайшіе къ Татеву и весьма немногіе уходили домой, да и то больше по праздникамъ. Большинство же оставалось въ общежитіи. Учебное время продолжалось отъ Покрова до 6 недѣли великаго поста включительно. Лѣтнія занятія бывали только со старшими и наиболѣе способными учениками, которыхъ приготовлялъ Рачинскій въ учителя или въ другія заведенія, чаще всего духовныя. Видя въ кастовомъ характерѣ нашего духовенства одинъ изъ источниковъ разныхъ его недо-

статковъ, Рачинскій ожидалъ много добра отъ освѣженія нашего сельскаго духовенства элементомъ крестьянскимъ. Разумѣется при этомъ онъ сообразовался съ личными наклонностями школьниковъ. Раньше 10 лѣтъ учениковъ онъ не принималъ: по его словамъ, «ребенокъ, оставляющій школу 11, 12 л., рискуетъ все перезабыть».—Ребятъ, оказавшихъ способности къ музыкѣ или живописи онъ готовилъ въ пѣвческія или рисовальныя школы. Менѣе даровитые приготовлялись къ художественному ремеслу, напр. къ иконописи, дабы, оставаясь въ крестьянствѣ, могли добывать себѣ средства къ жизни. Однимъ изъ учениковъ Рачинскаго былъ извѣстный живописецъ Богдановъ-Бѣльскій. Съ 1875 г. по 1892 г., т. е. въ теченіе семнадцати лѣтъ Рачинскій проводилъ почти все время въ школѣ и со школьниками, заходя лишь каждое утро въ усадьбу поздороваться съ матерью и выпить съ нею чаю, да по воскресеньямъ и большимъ праздникамъ онъ обѣдалъ въ усадьбѣ и оставался въ ней нѣкоторое время послѣ обѣда. Все остальное время посвящено было школѣ или объѣздамъ другихъ основанныхъ или имъ самимъ или его родственниками или возникшихъ подъ его близкимъ участіемъ. Такихъ школъ было 10—12. Въ послѣдніе годы при содѣйствіи Рачинскаго были открыты второклассныя школы въ селахъ Дунаевѣ и Большевѣ. Сверхъ того имъ была вызвана цѣлая сѣть школъ грамоты. Въ большей части этихъ школъ учителями были и остаются его же ученики. По словамъ г. Горбова, «уже и теперь есть школы, которыя могутъ быть названы воплощеніемъ педагогическихъ теорій Рачинскаго. Такова напримѣръ Дунаевская второкласная школа, въ 30 верстахъ отъ Татева. Такова особенно Дровнинская учительская школа въ Гжатскомъ уѣздѣ, предметъ особой любви и гордости Сергѣя Александровича. Ея руководитель, сынъ мѣстнаго священника, В. А. Лебедева, провелъ $1^1/_2$ года въ Татевѣ и затѣмъ открылъ у себя въ селѣ школу, сперва обыкновенную трехлѣтнюю. Но скоро, благодаря его исключительнымъ педагогическимъ и организаторскимъ талантамъ, она разрослась въ цѣлый комплексъ учебныхъ заведе-

ній, съ учительскими классами, обученіемъ ремесламъ и т. д., и нѣсколькими сотнями учениковъ».

Въ теченіе первыхъ 17 лѣтъ до 1892 г. за немногими исключеніями и отлучками для экзаменаціонныхъ разъѣздовъ или нечастыми и непродолжительными (10—15 дней) поѣздками въ Москву или въ Петербургъ, Рачинскій всѣ часы дня зимой и лѣтомъ проводилъ въ школѣ или съ своими «ребятами и отроками». Вставали школьники въ 6 час. Послѣ молитвы до класныхъ занятій дѣти рубили дрова, возили съ рѣки воду, убирали школу. Въ 9 ч. начинались классы и продолжались до 12 час., когда обѣдали и затѣмъ слѣдовалъ перерывъ до 2 ч. Въ эти часы дѣти играли на дворѣ или занимались какими нибудь легкими физическими работами. Отъ 2 до 4 ч. шли уроки. Въ 4 ч. за столъ (полдничанье). Съ 6 ч. новыя занятія, часто вечеръ проходилъ въ спѣвкахъ, въ коихъ принимали участіе не только мальчики, но и дѣвочки, составлявшіе церковный хоръ. Въ 8 ч. ужинъ и молитва на сонъ грядущій. Одинъ изъ учениковъ возглашалъ начальныя молитвы, потомъ пѣли Отче нашъ, и затѣмъ учитель читалъ одну изъ вечернихъ молитвъ.

Человѣкъ глубоко-религіозный съ самаго дѣтства и прекрасно образованный въ музыкальномъ отношеніи, Рачинскій придавалъ огромное значеніе религіозному элементу. Обучая дѣтей не только русской, но и славянской грамотѣ, онъ требовалъ не только внимательнаго и толковаго, но и возможно изящнаго чтенія Часослова и Псалтыря. — «Обязательное изученіе языка мертваго, обособленнаго отъ отечественнаго цѣлымъ рядомъ синтактическихъ и этимологическихъ формъ, а между тѣмъ столь къ нему близкаго, что изученіе его вполнѣ доступно на первыхъ ступеняхъ грамотности, — это такой педагогическій кладъ, которымъ не обладаетъ ни одна сельская школа въ мірѣ. Это изученіе, составляя само по себѣ превосходную умственную гимнастику, придаетъ жизнь и смыслъ изученію языка русскаго, придаетъ незыблемую прочность пріобрѣтенной въ школѣ грамотности... По условіямъ нашего семейнаго быта, по бѣдности и

малодоступности нашей свѣтской литературы, для грамотнаго крестьянина не существуетъ иного постояннаго упражненія въ грамотности, кромѣ чтенія Псалтыря по покойникамъ и участія въ богослуженіи».—«Неисчерпаемыя богатства нашего богослужебнаго круга—этого сокровища поэзіи, нравственнаго и догматическаго поученія на ряду съ Св. Писаніемъ и житіями святыхъ даютъ постоянную пищу уму, воображенію, нравственной жаждѣ нашего грамотнаго крестьянина, поддерживаетъ въ немъ способность къ тому серьезному чтенію, которое одно полезно и желательно».

Въ другомъ мѣстѣ замѣчалъ Рачинскій, что въ глазахъ родителей, народная школа пріобрѣтаетъ великую важность, когда они видятъ, что въ богослуженіи дѣти ихъ принимаютъ живое участье, когда ихъ дѣти умѣло читаютъ Псалтырь надъ покойникомъ. «Задача школы типа 60-хъ гг. — изъ ребенка сдѣлать человѣка абсолютно непонятна родителямъ. Они основательно полагаютъ, что дитя сдѣлается человѣкомъ и безъ азбуки, стремленіе же школы сдѣлать изъ дѣтей — добрыхъ христіанъ — всякому понятно и всякому любезно. Школа должна быть не только школой ариѳметики и элементарной грамотности, но прежде всего — школою христіанскаго ученія и добрыхъ нравовъ, школою христіанской жизни».

«Церковное чтеніе, говоритъ Рачинскій, есть искусство, имѣющее свои преданія, свои неписанные законы и можетъ быть доведено до высокой степени совершенства, самое популярное изъ искусствъ... Образовательное его вліяніе громадно. Хорошее церковное чтеніе предполагаетъ полное пониманіе читаемаго, т. е. съ формальной стороны усвоеніе цѣлой системы сложныхъ и смѣлыхъ конструкцій, съ внутренней — цѣлаго міра высокой поэзіи и глубокаго богословскаго мышленія. Вспомнимъ громадное содержаніе хотя бы однихъ паримій, апостоловъ и кановъ Страстной Седмицы... Тотъ, кто *это* понялъ, кто *это* почувствовалъ, тотъ кто своимъ чтеніемъ довелъ до сознанія безграмотныхъ слушателей хотя бы десятую долю этого вѣскаго

содержанія — можно ли отказать ему въ умственномъ, въ художественномъ развитіи? Можно ли сомнѣваться въ томъ, что ему будетъ eo ipso доступно и по содержанію и по формѣ все, что̀ представляетъ прочнаго, истинно цѣннаго наша свѣтская литература?» —

«Но еще болѣе широкій просторъ истинно народной художественной дѣятельности даетъ церковное пѣніе. Въ немъ можетъ участвовать всякій, кто обладаетъ хотя бы самыми ограниченными голосовыми средствами, хотя бы самою посредственною музыкальною способностью. Эти задатки, столь распространенные въ нашемъ народѣ, совершенно недостаточные для одиночной художественной дѣятельности, въ хоровомъ пѣніи пріобрѣтаютъ глубокій смыслъ, высокую цѣну, даютъ доступъ къ высшимъ сферамъ человѣческаго искусства.

«Есть ли надобность передъ людьми, обладающими хоть тѣнью музыкальнаго чутья, настаивать на несравненной красотѣ нашихъ древнихъ церковныхъ напѣвовъ? Есть ли нужда читателю, хотя сколько нибудь знакомому съ нашимъ богослуженіемъ, напоминать о ихъ неисчерпаемомъ разнообразіи? Тому, кто окунулся въ этотъ міръ строгаго величія, глубокаго паренія всѣхъ движеній человѣческаго духа, тому доступны всѣ выси музыкальнаго искусства, тому понятны и Бахъ и Палестрина, и самыя святыя вдохновенія Моцарта и самыя мистическія дерзновенія Бетховена и Глинки».

Рачинскій при этомъ упомянулъ, что ему случилось проиграть на фортепіано мальчикамъ, не знавшимъ иной музыки, кромѣ церковной, цѣлую музыкальную хрестоматію. «Одобренія ихъ удостоились только отрывки изъ Донъ Жуана и изъ Passions-Musik Баха».

Цѣня такъ высоко значеніе чтенія и пѣнія, Рачинскій самъ много занимался со своими школьниками этимъ дѣломъ и успѣлъ наконецъ образовать художественный хоръ и отличныхъ чтецовъ.

Немало онъ потрудился и надъ обученіемъ ребятъ ариѳметики,

особенно налегая на упражненія учениковъ двухъ старшихъ группъ (всего было четыре) въ умственномъ счетѣ. Задачи онъ импровизовалъ. Ребята такъ полюбили эти задачи, что, по словамъ его, безпрестанно просили новыхъ. По просьбѣ сосѣднихъ учителей, онъ записалъ 1001 задачу и издалъ особою книжкою. Одинъ педагогъ замѣтилъ о ней: «Если ученики Рачинскаго могли рѣшать эти задачи, то это можетъ свидѣтельствовать только о дарованіи учителя, съумѣвшаго развить дѣтей до такой высокой степени. А съ задачникомъ этимъ учитель долженъ ознакомиться, чтобы имѣть въ виду, чего можно достигнуть при беззавѣтной преданности дѣлу народнаго образованія».

Обращалъ вниманіе Рачинскій и на рисованіе и издалъ небольшую книжку подъ заглавіемъ «Геометрическія забавы», гдѣ предлагается рисованіе по клѣткамъ узоровъ прежде всего геометрическихъ»; упражненіе въ рисункахъ такихъ узоровъ «можетъ служить превосходнымъ пособіемъ для развитія въ дѣтяхъ инстинктовъ математическихъ и художественныхъ».

У себя въ школѣ онъ не вводилъ, но замѣчалъ, что впослѣдствіи, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, можно и должно расширить школьную программу введеніемъ дробей, элементарной геометріи, географіи, русской исторіи и начатковъ экспериментальной физики. Въ нѣсколькихъ школахъ, основанныхъ не безъ его участія, преподавались нѣкоторыя ремесла и для дѣвочекъ рукодѣлья. Такъ въ одной школѣ, въ 25 верстахъ отъ Татева устроилась ткаческая и рукодѣльная школа для дѣвочекъ. Въ лѣтнее время занимаясь со старшими учениками, приготовлявшимися въ учителей, онъ пріучалъ ихъ работать въ огородѣ и цвѣтникахъ, конечно передавая при этомъ много полезныхъ свѣдѣній. Въ двухъ статьяхъ своихъ «Начальная школа и сельское хозяйство», «Школьное цвѣтоводство», Рачинскій высказалъ много прекрасныхъ замѣчаній о возможности и важности для школьныхъ учителей занятій плодоводствомъ, пчеловодствомъ и цвѣтоводствомъ.

Съ 1885 года у Рачинскаго, прежняя его, незначительная

кореспонденція съ двумя—тремя друзьями, правда постоянная и частая, развилась постепенно до огромныхъ размѣровъ. Ему писали изъ разныхъ концовъ Россіи, изъ Кавказа и Сибири лица самыхъ различныхъ состояній, обращались къ нему за совѣтами и вопросами не только о школѣ, но и о другихъ предметахъ. Привыкшій къ труду и охотно писавшій, Рачинскій давалъ отвѣты и заводилъ съ иными лицами правильную переписку. Съ исхода 80-хъ гг. онъ получалъ по нѣскольку десятковъ писемъ въ недѣлю. Эта переписка можетъ быть обнародована только со временемъ. При жизни его, съ его согласія, были лишь напечатаны сначала для немногихъ, а потомъ и въ большомъ количествѣ экземпляровъ, его письма къ студентамъ Казанской духовной Академіи, какъ имѣющимъ быть наставникамъ, а частью и пастырямъ будущаго русскаго духовенства. Первое письмо утрачено, всего, начиная со II-го, 37 писемъ. Эти сжатыя, образцовыя по стилю письма, поражаютъ своей рѣзкой критикой и обличеніемъ темныхъ сторонъ русскаго духовенства. Дыша скорбью и гнѣвомъ на грязь, порокъ и пошлость, письма эти чужды злорадства и внушены лишь любовью къ народу и человѣчеству, и сознаніемъ великихъ задачъ Россіи. Написанныя необыкновенно просто и вмѣстѣ изящно, какъ все писанное Рачинскимъ, эти письма о трезвости, небольшая брошюрка (въ 100 стр.), и его небольшой сборникъ статей о сельской школѣ (около 370 стр.)— принадлежатъ къ однимъ изъ лучшихъ произведеній Русской литературы не только по формѣ, языку и стилю, но и по внутренней красотѣ и глубинѣ мыслей.

Всегда слабаго здоровья, Рачинскій 49 лѣтъ, слѣдов. въ 1882 г., по словамъ одного изъ его друзей, имѣлъ видъ гораздо старше своихъ лѣтъ. «Его мучилъ часто удушающій кашель, несносная экзема не давала покоя, разные недуги мѣшали часто свободѣ движеній, но онъ какъ будто не обращалъ на это вниманія. «Такая напряженная работа, въ которой Рачинскій жертвовалъ и всѣмъ своимъ существомъ, и всѣми своими матеріальными средствами, отказывая себѣ рѣшительно во всемъ,

такая работа продолжалась 17 лѣтъ, съ 1875 по 1892 г. Въ 1892 году, по смерти своей матушки, онъ, окончательно сломленный недугами, переселился снова на житье въ «барскій домъ», приходилъ въ школу лишь на уроки, и то подъ конецъ неаккуратно, а въ послѣднюю зиму и совсѣмъ пересталъ заниматься въ школѣ. Но онъ не бросалъ наблюденія и руководства надъ Татевскою школою и продолжалъ свои экзаменаціонные разъѣзды по сосѣднимъ школамъ—въ 1896 г. въ такихъ школахъ, частью содержимыхъ имъ на свои средства, частью только руководимыхъ, но въ которыхъ во всѣхъ учили или его ученики или имъ выбранные учителя, было около 1000 учениковъ. 21 апрѣля, за 10 дней до своей смерти, онъ писалъ Горбову, что съ ужасомъ думаетъ о предстоящихъ ему экзаменаціонныхъ разъѣздахъ. Въ это время ему кончался 69 годъ, и онъ былъ такъ слабъ, что будучи ранѣе страстнымъ и неутомимымъ ходокомъ, уже нѣсколько лѣтъ, какъ не могъ проходить ту четверть версты, что̀ отдѣляетъ школу отъ дома, и долженъ былъ поставить себѣ на полпути для отдыха скамейку». Въ послѣдніе же годы много труда и времени онъ употребилъ на пропаганду и образованіе обществъ трезвости.

Если бы Рачинскій ничего не написалъ и не сдѣлалъ для науки и литературы до 1868 г., до выхода въ отставку изъ Университета, если бъ онъ не оставилъ ни своихъ писемъ о трезвости и своего сборника, то одно его подвижническое служеніе народу и его просвѣщенію въ теченіи 27 лѣтъ, при такихъ еще слабыхъ физическихъ силахъ, заслуживало бы глубокой благодарности современниковъ и памяти далекаго потомства. Но приложивъ еще богатство его дарованій, широту его образованія и разностороннее содержаніе его ученой, литературной и народно-педагогической дѣятельности, исторія русской литературы и образованности безспорно отведетъ ему достойное мѣсто въ ряду крупныхъ нашихъ писателей и самоотверженныхъ сѣятелей просвѣщенія.

Гофмейстеръ Высочайшаго двора, бывшій управляющій Императорскими театрами въ Москвѣ, Аполлонъ Александро-

вичъ Майковъ, скончавшійся 17 октября 1902 г., какъ и понынѣ здравствующій членъ Государственнаго Совѣта, бывшій посолъ въ Константинополѣ и Вѣнѣ, Евгеній Петровичъ Новиковъ и какъ умершій во цвѣтѣ лѣтъ бывшій помощникъ Статсъ Секретаря А. Ѳ. Гильфердингъ — принадлежатъ къ тріадѣ крупныхъ Славистовъ, вышедшихъ изъ Московскаго Университета въ концѣ 40-хъ и въ началѣ 50-хъ гг. и немало послужившихъ къ славѣ и чести его Историко-филологическаго факультета и покойныхъ профессоровъ Бодянскаго и замѣщавшаго его одно время Григоровича.

Достойный сотоварищъ почти ровесника Новикова и младшаго его Гильфердинга, Аполлонъ Александровичъ Майковъ былъ двоюроднымъ братомъ извѣстныхъ писателей Аполлона, Валеріана и Леонида Майковыхъ. Онъ родился въ Москвѣ 28 іюля 1826 г., воспитывался въ М. Двор. Институтѣ и окончилъ курсъ въ университетѣ въ 1847 г. Ранній любитель литературы и театра, онъ еще въ молодости перевелъ съ нѣмецкаго вмѣстѣ съ Родиславскимъ драму «Байронъ или поэтъ и общество», позже писалъ о театрѣ: таковы его статьи о драмѣ Писемскаго «Горькая судьбина» (СПБ. Вѣд. 1860. №№ 65, 67, 69), «Донъ Жуанъ Мольера» (Голосъ 1876. № 352), «Объ авторскихъ правахъ на драматическія произведенія» (Суд. Вѣстн. 1874. № 162), «О правѣ драматической собственности» (Моск. Вѣд. 1875. № 213); въ теченіе 30 л. былъ казначеемъ Общ. драматическихъ писателей, въ половинѣ 80-хъ гг. былъ управляющимъ Императорскихъ театровъ въ Москвѣ. Какъ дворянинъ и землевладѣлецъ Владимирской губ. и домовладѣлецъ г. Москвы, Майковъ принималъ живое участье въ дѣлахъ дворянства и земства своей губерніи, состоялъ членомъ владимирскаго губ. комитета по улучшенію быта крестьянъ, а затѣмъ былъ мировымъ посредникомъ съ 1861 по 1869 годъ, съ 1869 по 1872 годъ ковровскимъ предводителемъ дворянства. Въ теченіе 1875—1886 г. служилъ чиновникомъ особыхъ порученій при Московскомъ генералъ-губернаторѣ князѣ Долгоруковѣ. Какъ домо-

владѣлецъ и гражданинъ Московскій, въ 1874 и 1875 г. Майковъ, живо интересуясь городскимъ хозяйствомъ, напечаталъ шесть статей въ Русскихъ Вѣд. подъ названіемъ «Замѣтки о нуждахъ и пользѣ г. Москвы» (Русск. Вѣд. 1874. № 15, 32, 97 и 105, 1875. №№ 148, 159), и въ Судебн. Вѣстн. (1875. № 8) «О денежномъ сборѣ на частныя дворянскія повинности съ домовъ, принадлежащихъ дворянамъ въ Москвѣ».

Состоя дѣйств. членомъ Общества Любителей Русск. Словесности въ Москвѣ и М. Общ. Ист. и Древн., пробывши 2 г. (съ 1857 г.) адъюнктомъ М. Унив. по каѳедрѣ Русской Словесности Майковъ напечаталъ (въ М. Вѣд. 1868 № 16) свою Вступительную лекцію, а въ Библ. для Чт. (1859 кн. 10—12) обширную и цѣнную рецензію на Историческую грамматику Буслаева, въ Бесѣдѣ Общ. Люб. Русск. Слов. статью «О Славяновѣдѣніи въ Россіи», а въ Чтен. М. Общ. Ист. и Др. 1848 и 1862 свои переводы съ Польскаго трудовъ Зубрицкаго «Начало Уніи» (Чт. 1848 кн. 7) и «Галицкая Русь въ XVI ст.» (Чт. 1862 кн. 3).— Съ 1876 г. по 1902 г. включительно Майковъ много отдавалъ времени и труда публицистикѣ, преимущественно по дѣламъ нашей внѣшней политики, особенно въ земляхъ южно-славянскихъ и на Азіатскомъ Востокѣ. Въ Русск. Вѣд., въ СПб. Вѣд., въ Русск. Мысли и др. газ. и журналахъ имъ было напечатано не менѣе 175 статей, иногда довольно пространныхъ. Какъ близко озабоченный судьбами южнаго славянства, особенно же Сербовъ, Майковъ былъ однимъ изъ основателей Славянскаго вспомогательнаго Общества въ Москвѣ и долгое время его предсѣдателемъ. Но какъ ни почтенны были всѣ эти литературные труды и общественная дѣятельность А. А. Майкова, не ими однако завоевалъ онъ себѣ видное мѣсто въ исторіи науки. Его магистерская диссертація 1857 г., увѣнчанная Акад. Наукъ Демидовскою преміею, вполнѣ заслуживала докторской степени. Масса публицистическихъ статей его будетъ забыта, его языкъ и слогъ лишенъ живости и блеска, сжатости и силы, его статьи о современныхъ земляхъ западно-славянскихъ отмѣчены печатью кабинетности:

среди Славянъ никогда онъ не жилъ, зналъ лишь ихъ заглазно, по книгамъ и по разсказамъ русскихъ путешественниковъ или пріѣзжавшихъ въ Москву Славянъ. Совершенно иное значеніе капитальнаго труда его «Исторія Сербскаго яз. по памятникамъ, писаннымъ кириллицею въ связи съ исторіею народа», въ б. 8-ку, очень убористаго шрифта, (50 строкъ въ стран.) всего 850 стр. Этотъ зрѣлый, строго-обдуманный, тщательно исполненный, безъ мала десятилѣтній трудъ Майкова по истинѣ составилъ эпоху въ наукѣ. Въ немъ двѣ части, первая меньшая (306 стр.)—исторія Дубровника, Босны и Сербіи, вторая (540 стр.)—тщательная и подробнѣйшая картина историческаго развитія сербскаго народнаго языка (фонетика и морфологія) съ XIII до конца XV в. За небольшимъ предисловіемъ (IV стр.), гдѣ вкратцѣ изложено содержаніе книги, идетъ обширное введеніе, гдѣ представленъ рукою настоящаго мастера критическій обзоръ всѣхъ извѣстныхъ тогда изданій сербскихъ грамотъ, какъ первостепенныхъ источниковъ исторіи сербскаго народа и важнѣйшихъ памятниковъ исторіи сербскаго языка. Этотъ, смѣло можно сказать, классическій трудъ Майкова устранилъ и смелъ все, что̀ было до него писано по сербски и на разныхъ европейскихъ языкахъ по исторіи народа и языка сербскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ образцовый трудъ Майкова возбудилъ и повелъ за собою въ Россіи и за границей цѣлый рядъ новыхъ трудовъ и изысканій историческихъ, филологическихъ, археологическихъ и этнографическихъ о народности сербской, какъ южныхъ краевъ Австро-Венгріи, такъ и западной половины юговосточнаго полуострова за Дунаемъ и за Савой. До Майкова, кромѣ замѣчательныхъ статей Прейса о сербской народной поэзіи и Срезневскаго о Вукѣ Караджичѣ да двухъ интересныхъ книжекъ Е. Ковалевскаго и А. Попова о Черной Горѣ, русская литература не имѣла по этой части ничего самостоятельнаго. Съ легкой же руки Майкова и не безъ его вліянія наша наука обогащается полезными, а часто и прекрасными, трудами, каковы Григоровича о Сербіи въ XV в., Гильфердинга о Босніи, Герцоговинѣ и Ст. Сербіи,

его же письма по исторіи Сербіи и Болгаръ, покойнаго Макушева, проф. въ Варшавѣ, изслѣдованія о Дубровникѣ, объ Албаніи, его же изысканія въ Итальянскихъ архивахъ (Венеціи, Милана, Флоренціи и Неаполя), К. Грота разборъ свидѣтельствъ Конст. Багрян. о Сербахъ и Хорватахъ, проф. Голубинскаго— «Исторія церквей Сербіи, Болгаріи и Румыніи», Зигеля, нынѣ проф. въ Варшавѣ, о законникѣ Стефана Душана, проф. Флоринскаго — «Сербія и Византія въ XIV в.», его же «Памятники законодательства Стефана Душана», наконецъ, труды о Сербскихъ старыхъ писателяхъ Брандта, нынѣ проф. въ Москвѣ, о Гундуличѣ и его поэмѣ «Османъ», Князева — о Ветраничѣ, Петровскаго — о Гекторовичѣ, проф. Кулаковскаго — о Вукѣ Караджичѣ, его же о Хорватскомъ возрожденіи, проф. Лаврова и Ровинскаго о черногорскомъ владыкѣ Петрѣ Нѣгошѣ, Ровинскаго же капитальные труды по исторіи, географіи и этнографіи Черной Горы, Н. Попова Исторія Сербіи въ первой половинѣ XIX в., его же о Сербахъ въ Австро-Венгріи. Такое же живительное дѣйствіе произвелъ прекрасный трудъ Майкова и на Сербовъ. Лучшіе и старѣйшіе въ настоящее время сербскіе ученые изслѣдователи родной исторіи — Стоянъ Новаковичъ, Никаноръ Руварацъ считаютъ себя значительно обязанными Майкову. Не даромъ старшій ихъ годами, первокласный сербскій ученый, ученикъ и другъ Миклошича, покойный Юрій Даничичь поспѣшилъ перевести на сербскій языкъ всю первую, чисто историческую часть только что вышедшей въ свѣтъ книги Майкова. Переводъ этотъ имѣлъ уже два изданія. Вторая же, бо̀льшая часть труда Майкова явилась первымъ и вмѣстѣ образцовымъ опытомъ исторической грамматики Сербскаго языка. Въ позднѣйшихъ трудахъ своихъ Даничичь, особенно въ исторіи формъ (облика), явился прямымъ продолжителемъ Майкова. За великую цѣнность его труда говоритъ и то, что хотя прошло почти полъ вѣка съ выхода его въ свѣтъ, но и теперь постоянно приходится къ нему обращаться за справками и указаніями. Предпріятіемъ и завершеніемъ та-

кого труда, тщательною точностью и богатствомъ собранныхъ въ немъ данныхъ и трѣзвою критическою ихъ оцѣнкою съ одной стороны, съ другой своимъ благодушіемъ и участливымъ отношеніемъ къ людямъ Майковъ оставилъ по себѣ славную и добрую память, какъ въ лѣтописяхъ науки, такъ и въ сердцахъ множества людей его знавшихъ.

Дѣятельность Отдѣленія Русскаго языка и словесности за истекшій годъ выражалась въ его издательской дѣятельности, какъ по части вышедшихъ уже въ свѣтъ, такъ и въ продолженіи болѣе или менѣе давно начатыхъ и въ приготовленіи новыхъ научныхъ трудовъ и предпріятій. Такъ окончены печатаніемъ и выпущены четыре выпуска Извѣстій II Отд. подъ редакціею академиковъ А. Н. Пыпина и А. А. Шахматова и три тома (LXIX, LXX и LXXI) Сборника II Отдѣленія подъ редакціею акад. В. И. Ламанскаго.

Кромѣ этихъ періодическихъ изданій, другія предпріятія Отдѣленія по обширности своихъ задачъ и по требуемой для нихъ самаго внимательнаго и тщательнаго выполненія какъ со стороны типографской, такъ и редакціонной, могутъ подвигаться впередъ лишь весьма медленно. Таковы напр. изданія памятниковъ старославянскаго языка, выходящихъ подъ редакціею академика Ф. Ѳ. Фортунатова. Давно начатые печатаніемъ тексты важнаго памятника XI в. Супрасльской рукописи или Мартовской Четіи Минеи, сфотографированной и приготовленной къ изданію живущимъ въ Вѣнѣ г. Северьяновымъ и т. наз. Саввиной книги или кириловскаго Евангелія XI в., приготовленной къ изданію В. Н. Щепкинымъ, въ настоящее время близятся къ окончанію. Можно надѣяться, что небольшіе «Листки Ундольскаго», приготовляемые къ изданію проф. Карскимъ, будутъ также изданы въ наступающемъ году. Сверхъ того въ нынѣшнемъ же году подъ личнымъ и тщательнымъ наблюденіемъ В. Е. Щепкина были изготовлены фотографическіе снимки со всего, хранящагося въ Римѣ, извѣстнаго глаголическаго Евангелія Ватиканскаго или Ассеманіева. Къ изданію этого важнаго

памятника Отдѣленіе намѣрено приступить въ настоящемъ году.

Словарь древне-русскаго языка Срезневскаго, приготовляемый къ изданію дочерью и сыномъ покойнаго академика, продолжаетъ по немногу подвигаться печатаніемъ; такъ приготовляется къ выходу въ свѣтъ I выпускъ III т. Буква Р уже окончена.

Словарь Русскаго языка, при всей неутомимой энергіи его редактора, академика А. А. Шахматова, подвигается медленно, по сложности и трудности въ приготовленіи къ изданію и въ самомъ печатаніи; выпускъ VII вышелъ въ свѣтъ и изготовляется выпускъ VIII.

Словарь Литовскаго языка, трудъ покойнаго Юшкевича, продолжаетъ печататься подъ редакціею Яблонскаго и ак. Фортунатова; въ наступающемъ году имѣетъ выйти второй томъ его.

Подвинулось также впередъ и новое изданіе важнаго памятника старо-литовскаго языка, литовскихъ церковныхъ проповѣдей Даукши по изд. 1599 г., приготовленное къ печати Э. А. Вольтеромъ и редактируемое академикомъ Ф. Ѳ. Фортунатовымъ.

Давнее и высоко-важное предпріятіе II Отдѣленія—изданіе Полнаго Собранія сочиненій Пушкина, какъ извѣстно, по смерти Л. Н. Майкова, поручено особой Коммисіи, состоящей подъ предсѣдательствомъ предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи академика А. Н. Веселовскаго и членовъ—академиковъ А. Н. Пыпина, А. А. Шахматова, Ѳ. Е. Корша и А. И. Соболевскаго и приглашенныхъ членовъ, какъ знатоковъ литературы Пушкинскаго періода и даже обладателей важныхъ матеріаловъ: П. Я. Дашкова, П. А. Ефремова, Д. Ѳ. Кобеко, А. О. Онѣгина (въ Парижѣ), В. И. Саитова и В. Е. Якушкина. Въ настоящее время важнѣйшія работы по изданію главнѣйше лежатъ на двухъ членахъ, наиболѣе потрудившихся надъ біографіею и произведеніями великаго писателя, — В. Е. Якуш-

кинѣ и В. И. Саитовѣ. Работы перваго заключались въ приготовленіи къ печати текста стихотвореній и примѣчаній къ нимъ для второго тома и вообще въ возстановленіи, по автографамъ поэта и печатнымъ изданіямъ, текста стихотвореній и прозы. Г. Якушкинымъ уже окончательно приготовленъ къ изданію текстъ стихотвореній съ 1818 по 1823 г. и написаны къ нимъ примѣчанія, а также въ значительной степени обработаны по рукописямъ повѣсти Пушкина. Весною 1903 года В. Е. Якушкинъ надѣется приступить къ печатанію II-го т. Собранія сочиненій Пушкина. По его окончаніи будетъ печататься томъ прозы, затѣмъ опять томъ стихотвореній и т. д. Распредѣленіе матеріала по томамъ уже окончательно выработано въ такомъ видѣ: томъ II, какъ сказано, будетъ содержать стихотворенія 1818—1823, т. III—стихотворенія 1824—1827 г., т. IV—стихотворенія 1828—1830 г., т. V—будетъ занятъ «Евгеніемъ Онѣгинымъ», т. VI—стихотвореніями 1831—1836 г., т. VII—повѣстями, т. VIII—IX—журнальными и критическими статьями, записками и проч. т. X—сочиненіями историческими. Томы XI и XII посвящаются перепискѣ Пушкина. Ея редакторъ В. И. Саитовъ въ истекшемъ году занимался приготовленіемъ къ печати текста писемъ Пушкина и уже собралъ и частью свѣрилъ по подлинникамъ, какіе только оказалось возможнымъ разыскать въ правительственныхъ хранилищахъ, архивахъ и у частныхъ лицъ, всѣ письма поэта. Собраны В. И. Саитовымъ нѣкоторые матеріалы для примѣчаній къ этимъ письмамъ. Коммисія обращалась ко всѣмъ извѣстнымъ ей владѣльцамъ автографовъ поэта и, въ большинствѣ случаевъ, просьбы ея о сообщеніи ихъ редакторамъ изданія бывали исполняемы[1]). Съ начала насту-

1) Вотъ эти лица, которымъ Коммисія и Отдѣленіе считаютъ долгомъ принести благодарность за просвѣщенное содѣйствіе: В. П. Авенаріусъ, П. Л. Ваксель, К. Я. Гротъ, П. Я. Дашковъ, П. А. Ефремовъ, А. В. Половцевъ, А. Н. Пыпинъ и А. А. Шахматовъ. Кромѣ того оказали содѣйствіе къ полученію рукописей: ак. Н. Ѳ. Дубровинъ и А. И. Станкевичъ, и обѣщали сообщить автографы: графъ С. Д. Шереметевъ, Е. Б. Зубова, рожд. баронесса Вревская, В. И. Шенрокъ и др.—Собственныя Его Величества

пающаго года Пушкинская коммисія начнетъ издавать свой органъ подъ заглавіемъ: «Пушкинъ и его современники — Матеріалы и изслѣдованія». Сюда будутъ входить работы членовъ Коммисіи и постороннихъ лицъ; здѣсь же найдутъ себѣ мѣсто и такіе матеріалы, какъ описаніе библіотеки Пушкина, каталогъ которой, составляемый Б. Л. Модзалевскимъ, уже почти законченъ, его же отчетъ о поѣздкѣ въ село Тригорское и проч.

Въ истекшемъ году Отдѣленіе принимало участіе въ чествованіи памяти двухъ великихъ нашихъ писателей Гоголя и Жуковскаго и приготовило въ память ихъ къ изданію Юбилейный Сборникъ въ который вошли статьи академиковъ А. Н. Пыпина, А. Н. Веселовскаго, поч. академика Арсеньева и статьи и матеріалы, поступившіе отъ постороннихъ лицъ: проф. Шляпкина, прив. доц. Перетца, проф. К. Я. Грота, Заболотскаго, и доставленная А. А. Ѳоминымъ переписка Гоголя и Жуковскаго.

Вызывая новыя изученія, эти юбилейныя воспоминанія приводятъ къ лучшей оцѣнкѣ заслугъ почившихъ дѣятелей. Въ наступающемъ году Отдѣленіе приметъ участье въ чествованіи памяти Некрасова.

Отдѣленіе долгомъ считаетъ съ признательностью упомянуть о дорогомъ пожертвованіи вдовы и сына покойнаго академика и професора Ѳ. И. Буслаева. Они прислали Отдѣленію письменныя свои заявленія о предоставленіи ему права на изданіе всѣхъ сочиненій покойнаго ученаго, имѣющихъ не только ученый характеръ, но также педагогическихъ и литературныхъ, кромѣ его

Библіотеки, Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Императорскій Россійскій Историческій Музей, Московскій Публичный и Румянцевскій Музей, Императорская Публичная библіотека, Архивъ Министерства Финансовъ, Харьковскій Университетъ, Владимирская и Калужская ученыя Архивныя Коммисіи, Радищевскій Музей въ Саратовѣ, Императорское Общество Любителей древней письменности, Архивъ Департамента полиціи, въ которыхъ имѣются автографы поэта, также были использованы для цѣлей редакторовъ.

учебниковъ грамматики и христоматіи. Относительно изданія сочиненій Буслаева Отдѣленіе постановило: 1) сохранить въ неизмѣнномъ видѣ «Историческіе очерки», такъ какъ самая идея изданія была установлена уже самимъ авторомъ; что же касается остальныхъ сочиненій, то редакція вправѣ расположить ихъ, какъ найдетъ нужнымъ, по характеру ихъ содержанія и изложенія. Что до иллюстрацій Очерковъ, то редакціи предоставляется замѣнить ихъ лучшими воспроизведеніями и 2) поручить редактированіе изданія академикамъ Н. П. Кондакову и А. И. Соболевскому, съ предоставленіемъ имъ права снабдить изданіе комментаріями и приложеніями по ихъ усмотрѣнію.

Ученая дѣятельность членовъ Отдѣленія въ истекшемъ году состояла въ слѣдующемъ.

Академикъ Веселовскій напечаталъ:

1) В. А. Жуковскій, чтеніе ак. А. Н. Веселовскаго.

2) Изъ исторіи русскаго сентиментализма. Жуковскій и Андрей Тургеневъ по новымъ даннымъ. (Двѣ статьи въ Научномъ Обозрѣніи 1902 года, апрѣль и май).

3) «Алеша Поповичъ» и «Владимиръ», Жуковскаго. Въ журн. Мин. Нар. Просв. 1902, май.

4) Жуковскій о Байронѣ, Гёте и Шиллерѣ. (Научное Обозрѣніе 1902 г., декабрь).

Ученыя занятія академика И. В. Ягича за 1902 годъ были преимущественно посвящены приготовительнымъ работамъ по изданію нѣсколькихъ древнѣйшихъ текстовъ славянской толковой псалтыри рядомъ съ неизданнымъ до сихъ поръ греческимъ текстомъ этого толкованія. Авторомъ послѣдняго въ разныхъ греческихъ и нѣкоторыхъ славянскихъ спискахъ псалтыря значится Аѳанасій, въ одной же вѣнской рукописи Оригенъ. Всѣ доселѣ извѣстные тексты славянскаго перевода этого толкованія сводятся къ одному источнику, къ одной редакціи. По изслѣдованіямъ академика, славянскій переводъ отличается буквальной

точностью по отношенію къ греческому подлиннику. Но для этого необходимо было отыскать вполнѣ соотвѣтствующую редакцію греческаго текста. Вѣнскій списокъ, относимый къ началу XIII столѣтія, помимо того, что онъ не полонъ, отступаетъ во многихъ мѣстахъ отъ славянскаго перевода болѣе обширнымъ изложеніемъ. Можно было думать, что славянскій переводчикъ сдѣлалъ въ переводѣ сокращеніе. Но на дѣлѣ оказалось, что это не такъ. Снявъ собственноручно копію съ вѣнскаго списка, академикъ И. В. Ягичъ отправился въ Венецію, гдѣ ему удалось найти рукопись болѣе древнюю, чѣмъ вѣнская, и въ то же время гораздо ближе подходящую къ славянскому переводу. Для громаднаго большинства случаевъ текстъ этой рукописи представляетъ прямой подлинникъ славянскаго перевода. Хорошую услугу оказала академику въ этомъ отношеніи еще одна венеціанская рукопись, самая древняя изо всѣхъ до сихъ поръ извѣстныхъ греческихъ списковъ толковой псалтыри этого рода. Она къ сожалѣнію уцѣлѣла лишь въ небольшихъ отрывкахъ, но сохранившаяся часть толкованія въ этой рукописи X—XI столѣтія точно совпадаетъ со славянскимъ переводомъ.

Въ Римѣ, въ ватиканской библіотекѣ, И. В. Ягичъ нашелъ еще одну греческую рукопись съ тѣмъ же толкованіемъ (она XII-го столѣтія съ точно опредѣленнымъ годомъ), но по сличеніи этого текста съ бывшимъ у него уже запасомъ вѣнско-венеціанскимъ оказалось, что ватиканскій текстъ толкованія представляетъ какую-то особенную расширенную редакцію, — тѣ же мысли, но другія слова, другіе обороты. Для исторіи судебъ греческаго текста этого толкованія ватиканская рукопись имѣетъ, быть можетъ, очень важное значеніе, но издатель славянскаго текста толкованія можетъ обойтись безъ нея, такъ какъ эта редакція не имѣетъ ничего общаго съ славянскимъ переводомъ. Поэтому академикъ отказался отъ подробнаго изученія этой рукописи. Напротивъ, по наведеннымъ справкамъ можно предположить, что для славянскаго перевода рядомъ съ венеціанскими рукописями главное значеніе принадлежитъ одной греческой

рукописи Оксфордской, но поѣздку въ Оксфордъ академикъ долженъ былъ отложить до будущаго года.

Собранный славянскій и греческій матеріалъ далъ академику Ягичу возможность, вскорѣ по возвращеніи изъ Италіи, приступить къ печатанію своего труда. До сихъ поръ напечатано 35 псалмовъ текста и толкованія съ критическими и пояснительными примѣчаніями, въ объемѣ 11 печатныхъ листовъ.

Помимо этого главнаго занятія, академикъ И. В. Ягичъ напечаталъ на русскомъ языкѣ въ Варшавскомъ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ «Изслѣдованіе о ново-найденномъ имъ текстѣ Легенды о св. Вячеславѣ». Небольшой отрывокъ этой редакціи славянской легенды о св. Вячеславѣ былъ уже давно извѣстенъ, но полный текстъ ея, столь замѣчательно подтверждающій кирилловскіе списки (востоковскій и макаріевскій), изданъ теперь впервые. Въ этомъ текстѣ, несмотря на нѣкоторое сокращеніе его въ сравненіи съ Востоковскимъ, сохранилась редакція легенды въ болѣе древнемъ видѣ.

Издаваемаго академикомъ журнала «Archiv für slavische Philologie» конченъ въ этомъ году XXIV томъ, а XXV-го юбилейнаго тома (съ портретами главныхъ сотрудниковъ) вышелъ уже 1-й выпускъ, въ которомъ И. В. Ягичъ подъ заглавіемъ «Analecta romana» сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ римскихъ памятникахъ славянской старины.

Подъ редакціею И. В. Ягича напечатаны въ теченіе этого года два большихъ выпуска (№ 2 и 3) «Трудовъ» состоящей при Вѣнской Академіи наукъ балканской коммиссіи, лингвистическимъ отдѣленіемъ которой завѣдываетъ ихъ редакторъ. Въ выпускѣ второмъ представлены профессоромъ Люб. Милетичемъ результаты его изслѣдованій о говорахъ Восточной Болгаріи. Сочиненіе профессора Милетича изобилуетъ богатствомъ собранныхъ матеріаловъ и очень точной передачей всѣхъ звуковыхъ особенностей. Выпускъ третій содержитъ результаты наблюденій профессора О. Брока (въ Христіаніи) надъ простонароднымъ произношеніемъ языка жителей новоприсоединенныхъ

къ Сербіи округовъ: Нишъ, Пиротъ, Враня. Тонкая наблюдательность проф. Брока хорошо извѣстна въ славянской филологіи, ею же отличается и это изслѣдованіе норвежскаго ученаго. Въ печати находится еще одно изслѣдованіе лейпцигскаго профессора Г. Гирта о слѣдахъ «Икавскаго нарѣчія въ западной Сербіи», какъ результатъ предпринятой въ тѣ страны поѣздки нѣмецкихъ ученыхъ на средства вышеупомянутой коммисіи. Въ новѣйшее время (лѣтомъ нынѣшняго года) она же снабдила опять профессора Милетича средствами для поѣздки въ Родопскія горы къ такъ называемымъ помакамъ. И эта поѣздка состоялась, она обѣщаетъ богатые новые результаты для выясненія говоровъ помацкихъ.

Академикъ А. Н. Пыпинъ въ теченіе года продолжалъ работать надъ изданіемъ «Сочиненій имп. Екатерины II». Въ данное время находится въ печати т. V-й и готовится къ печати томъ VI-й, въ которые входятъ журнальныя статьи императрицы, ея сочиненія педагогическія, нравоучительныя сказки, наконецъ разнаго рода статьи и замѣтки, имѣвшія также дидактическое назначеніе и нѣкоторые неизданныя сочиненія и замѣтки. Далѣе приготовленъ къ печати т. XI-й, въ который должна войти подробная опись бумагъ, большею частью автографовъ, послужившихъ основаніемъ для «Записокъ касательно россійской исторіи» (изданныхъ въ VIII—X томахъ академическаго изданія), и должно войти также продолженіе «Записокъ», надъ которыми императрица работала въ послѣдніе годы жизни и которыя остались тогда не изданными. Наконецъ, находится въ печати томъ XII-й, въ которомъ заключаются автобіографическія записки имп. Екатерины II, до сихъ поръ извѣстныя не вполнѣ и частію въ испорченныхъ текстахъ. «Записки» представятъ собою главнѣйшій литературный трудъ императрицы, въ высокой степени важный какъ историческій матеріалъ.

Кромѣ того, акад. Пыпинъ, вмѣстѣ съ акад. А. А. Шахматовымъ, завѣдывалъ редакціей «Извѣстій» II Отдѣленія Академіи Наукъ.

Въ публичномъ соединенномъ собраніи отдѣленія рус. языка и словесности, разряда изящной словесности Имп. Акад. Наукъ и историко-филол. фак. Спб. университета, 21 февраля 1902 года, собраніи, посвященномъ памяти Гоголя, акад. Пыпинъ прочелъ рѣчь о «значеніи Гоголя въ созданіи современнаго международнаго положенія русской литературы».

Внѣ работъ академическихъ академикъ Пыпинъ напечаталъ въ нынѣшнемъ году второе, исправленное и дополненное, изданіе своей «Исторіи русской литературы» (четыре тома).

Академикъ Ф. Ѳ. Фортунатовъ въ текущемъ году продолжалъ редактировать два изданія: 1) Супрасльской рукописи (приготовленное къ печати С. Н. Северьяновымъ) и литовскихъ церковныхъ проповѣдей Н. Даукши, изданія 1599 г., (приготовленныхъ къ перепечаткѣ Э. А. Вольтеромъ), и приступилъ недавно къ редактированію изданія проф. Е. Ѳ. Карскаго «Листки Ундольскаго» во 2-мъ вып. I-го тома «Памятниковъ старославянскаго языка».

Академикъ Ѳ. Е. Коршъ напечаталъ, въ 1902 году, слѣд. статьи:

1) О русскомъ правописаніи (Извѣстія Отдѣл. русск. яз. и слов. т. VII).

2) Zum zamburischen Dialekt (Suomalais Ugrilainen Seuran aikakauskirja—Journal de la Société finno-ougrienne XX).

3) Двоегласныя въ древне-греческомъ языкѣ съ физіологической точки зрѣнія (Сборникъ въ честь Ф. Ѳ. Фортунатова стр. 281—348).

4) De quarto Isylli carmine comentatio metrica (Филологическое Обозрѣніе т. XX).

Академикъ А. А. Шахматовъ напечаталъ въ 1902 году:

1. Къ исторіи звуковъ русскаго языка. Полногласіе. I. Второе полногласіе [Извѣстія Отд. русск. яз. и сл. т. VII, кн. 1-я].— II. Первое и второе полногласіе. III. Сочетанія съ краткими

плавными. IV. Замѣна долгихъ плавныхъ краткими и третье полногласіе [Тамъ же, т. VII, кн. 2-я].

2. Русское и словенское аканіе въ Сборникѣ статей, посвященныхъ Ф. Ѳ. Фортунатову (Варшава, 1902).

3. Изслѣдованіе о Радзивиловской лѣтописи, въ юбилейномъ изданіи Общества Любителей Древней Письменности.

Кромѣ того, приготовилъ восьмой выпускъ (II-го тома пятый) Словаря русскаго языка.

Академикъ Н. П. Кондаковъ въ истекшемъ 1902 году издалъ сочиненіе: Памятники христіанскаго искусства на Аѳонѣ, въ 8-ю д., 312 стр., съ 49 фототипіями и 103 рис. въ текстѣ, составилъ и напечаталъ объяснительный текстъ къ изданію Порфиріевской Коммисіи при Академіи Наукъ: Иконы Синайской и Аѳонской коллекцій пр. Порфирія, издаваемыя въ лично имъ приготовленныхъ 23 таблицахъ, — въ теченіи лѣта обозрѣвалъ московскія иконописныя собранія и иконы московскихъ соборовъ, церквей, монастырей и моленъ въ видахъ собиранія матеріаловъ для издаваемаго Лицеваго Иконописнаго Подлинника, также обозрѣлъ собранія Троице-Сергіевой Лавры, Кіева и пр. и занимался устройствомъ учебныхъ иконописныхъ мастерскихъ во Владимірской и Курской губерніяхъ; сдѣлалъ два ученыхъ сообщенія: «о новооткрытыхъ миніатюрахъ, изображающихъ кн. Ярополка Изяславича въ латинской Псалтыри» и «о появленіи въ частныхъ коллекціяхъ поддѣльныхъ византійскихъ эмалей».

Академикъ А. И. Соболевскій на средства Археологическаго Института 1) издалъ вторую половину своей «Славяно-русской палеографіи» посвященную орѳографическимъ особенностямъ южно-славянскихъ и русскихъ текстовъ, хронологіи и тайнописи, и 2) предпринялъ изданіе снимковъ съ ряда русскихъ грамотъ, по преимуществу XIV вѣка, по большей части неизвѣстныхъ и малоизвѣстныхъ въ ученой литературѣ.

Онъ также приступилъ къ печатанію сборника своихъ старыхъ и новыхъ статей по библіографіи переводной литературы Московской Руси XIV—XVII столѣтій.

Сверхъ того, А. И. Соболевскій издалъ брошюру: «Къ исторіи древнѣйшей церковно-славянской письменности», и два реферата, читанныхъ имъ на Кіевскомъ и Ярославскомъ археологическихъ съѣздахъ: 1) «Церковно-славянскія стихотворенія IX—X вѣковъ и ихъ значеніе для изученія церковно-славянскаго языка», и 2) «Откуда шла русская колонизація въ Ростово-Суздальскую область?».

Академикъ В. И. Ламанскій редактировалъ вышедшіе въ нынѣшнемъ году три тома Сборника (LXIX, LXX и LXXI тт.), приготовилъ къ печати критическій разборъ Паннонской теоріи Копитара, Миклошича и Шафарика, и, въ качествѣ Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи И. Р. Географическаго Общества, продолжалъ редакцію основаннаго имъ 12 лѣтъ назадъ этнографическаго журнала «Живая Старина».

По примѣру прежнихъ лѣтъ Отдѣленіе изъ имѣющихся въ его распоряженіи суммъ оказывало вспоможеніе постороннимъ ученымъ и молодымъ наблюдателямъ и изслѣдователямъ, для занятій и разысканій въ области задачъ и вопросовъ, входящихъ въ кругъ занятій Отдѣленія. Отчеты этихъ ученыхъ объ ихъ занятій въ истекшемъ году приложены къ настоящему Отчету Отдѣленія.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

По лестному приглашенію Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, я отправился въ Россію въ концѣ апрѣля (н. ст.) с. г. Предварительная переписка съ академикомъ А. Шахматовымъ уже отмѣтила главную цѣль поѣздки — собираніе матеріала для описанія съ одной стороны одного типичнаго южновеликорусскаго, съ другой одного типичнаго же сѣверновеликорусскаго нарѣчія. По письменному и устному совѣщанію съ Шахматовымъ, какъ самыя подходящія мѣста для наблюденій, избраны были съ одной стороны Мосальскій уѣздъ Калужской губерніи, съ другой Тотемскій уѣздъ Вологодской губерніи. Въ Мосальскомъ уѣздѣ изслѣдованія должны были обхватить болѣе широкій округъ говоровъ, къ западу отъ г. Мосальска; въ Тотемскомъ уѣздѣ, вопросъ насчетъ выбора говора мы оставили въ сторонѣ, предоставляя подборъ моему усмотрѣнію тамъ же, по пріѣздѣ въ этотъ край.

Поселившись подъ Мосальскомъ, я началъ свои наблюденія разсмотрѣніемъ говора подмосальскаго же села Ивонина. Конечно, нужно здѣсь, въ сосѣдствѣ города, предположить сильное вліяніе на говоръ со стороны чужихъ идіомовъ, тѣмъ болѣе что

мужское населеніе этихъ мѣстностей находится такъ сказать постоянно на отхожихъ промыслахъ. Но нужно прибавить, что вліяніе извнѣ дѣйствуетъ съ особенной силой съ востока, скрывая старую подкладку все болѣе подъ Московскую окраску. Это вліяніе, которое, конечно, особенно замѣтно у молодого поколѣнія, однакожъ не мѣшало возстановленію главныхъ чертъ первоначальнаго произношенія. Напротивъ, борьба стараго съ новымъ на почвѣ того же нарѣчія выставляла отчасти разницу между тѣмъ и другимъ ярче на глазъ наблюдателя. Такъ особенно при наблюденіи надъ темпомъ и интонаціей рѣчи.

Замѣтно, что старинный образъ рѣчи гораздо медленнѣе, чѣмъ проникающій теперь темпъ. Вмѣстѣ съ новымъ, скорѣйшимъ темпомъ проникаетъ и болѣе однообразная интонація; именно, при обыкновенной, спокойной рѣчи, безъ сильнаго аффекта, неударяемые слоги держатся въ довольно ровномъ низкомъ тонѣ, а ударяемые выговариваются въ болѣе высокомъ тонѣ, который внутри самаго слога чаще всего склоняется къ дальнѣйшему, слабому повышенію; ср. Московское произношеніе. Что ударяемый слогъ иногда — особенно при утвержденіи — вмѣсто повышенія отличается отъ неударяемыхъ явнымъ пониженіемъ тона, это не разстраиваетъ общаго впечатлѣнія; ср. опять Московское произношеніе. Старинный, болѣе медленный образъ рѣчи напротивъ соединяется съ своеобразной интонаціей, о которой нужно сказать, что она особенно характеризуетъ говоръ. Гдѣ удареніе падаетъ на первый слогъ слова, его можно опредѣлить какъ высокотонное и нисходящее; ср. приблизительно сербское ̑: «dȏm», «chl′ȇp», «mȏrda» и т. д. А гдѣ удареніе падаетъ не на первый слогъ, типичная форма интонаціи такая, что слогъ передъ ударяемымъ имѣетъ высокій тонъ, между тѣмъ какъ ударяемый выговаривается на значительный интервалъ ниже: «^{cha}d′íł», ходилъ. Это тоническое отношеніе между слогомъ передъ ударяемымъ и самимъ ударяемымъ наблюдается и тамъ, гдѣ первый содержитъ т. н. «ирраціональную» всегда краткую гласную «ъ», о которой ниже.

Высокій тонъ, въ которомъ выговаривается слогъ передъ ударяемымъ, конечно сильно выдвигаетъ этотъ слогъ насчетъ прочихъ неударяемыхъ. А это впечатлѣніе усиливается тѣмъ, что слогъ передъ ударяемымъ отличается въ большинствѣ случаевъ отъ прочихъ неударяемыхъ еще и долготою. Его долгота приближается къ долготѣ слѣдующаго, ударяемаго слога, можетъ пожалуй и уравниваться съ послѣдней [1]). Такъ, сравнивая разныя формы множ. числа слова «сковорода»: skówrъdy — skъwrdách — skъvarót, мы можемъ обозначить распредѣленіе съ одной стороны относительной долготы и краткости, съ другой стороны высокаго и низкаго тоновъ слѣдующими условными картинами:

$$\text{sk}\overset{\acute{}}{\text{ó}}\text{w-r}\breve{\text{ъ}}\text{-d}\breve{\text{y}} \qquad \text{sk}\breve{\text{ъ}}\text{w-r}\breve{\text{ъ}}\text{-d}\acute{\text{á}}\text{ch} \qquad \text{sk}\breve{\text{ъ}}\text{-v}\bar{\text{a}}\text{-r}\acute{\text{ó}}\text{t.}$$

Упускаю при томъ изъ виду второстепенныя особенности, какъ то движеніе тона внутри слоговъ въ послѣднихъ двухъ типахъ и разныя степени краткости въ гласныхъ неударяемыхъ и не удлиненныхъ, о чемъ нѣсколько словъ ниже.

Гдѣ удареніе лежитъ изстари не на первомъ слогѣ слова, изъ вышесказаннаго видно, какъ дѣйствіе его нынѣ распредѣляется извѣстнымъ образомъ на два слога. Хотя бóльшая экспираторная сила сохраняется, повидимому, еще обыкновенно за вторымъ, исторически ударяемымъ слогомъ, за то низкій его тонъ будто бы ослабѣваетъ и особенно въ случаяхъ послѣдняго изъ названныхъ типовъ иногда заставляетъ наблюдателя спросить себя, который слогъ собственно носитъ «удареніе слова», если освободиться вполнѣ отъ исторической традиціи [2]).

---

1) И экспираціонная сила увеличивается притомъ и приближается, повидимому, къ таковой же ударяемаго слога; это можно здѣсь упускать пока изъ виду; ср. ниже.

2) Ср. московское приказчичье «хорошо», произносящееся нерѣдко съ совершенно безголоснымъ (т. е. низкотоннымъ до шептанія) -о; тамъ «удареніе» ужъ поневолѣ переносится на предшествующій (высокотонный) слогъ -ра-.

Изъ области вокализма мы уже видѣли примѣры одной особенности, которая опредѣляетъ типъ нашего говора въ системѣ русскихъ нарѣчій: аканіе говора развило изъ старыхъ а, о въ слогѣ передъ ударяемымъ вообще а, но передъ á находимъ «ирраціональную» гласную «ъ»; напр. sъvá (сова): savú, savý, dom (домъ), мн. ч. dъmá, dъmám: damów; ср. damój. [j]iná sъmá (она сама), dъstát′, sъbáka, vъńát′ (вонять) и т. д. И у молодыхъ сохраняется отчасти, пожалуй даже бóльшею частью, эта разница (sъvá: savú), которая въ старинномъ произношеніи проходитъ черезъ весь составъ говора какъ живой принципъ. Но уже замѣчается разложеніе, которое, насколько могу судить, захватываетъ составъ словъ съ двухъ сторонъ; намекаю здѣсь на примѣры вродѣ съ одной стороны travá (трава), vadá, при trъvá, съ другой дат. мн. γlъzóm при им. γlъzá (глаза). Параллельно съ развитіемъ старыхъ а, о въ слогѣ передъ ударяемымъ идетъ, какъ и въ другихъ нарѣчіяхъ этого типа, развитіе е, ѣ. Напр. s′istrá: s′astrú (сестра); l′itách (лѣтахъ).

Разслѣдуя далѣе вокализмъ нашего нарѣчія, съ исторической точки зрѣнія, въ прочихъ неударяемыхъ слогахъ, мы встрѣчаемся съ явленіями, хорошо извѣстными въ кругѣ южновеликорусскихъ нарѣчій. Общерусскіе звуки і, u и у (ы) вообще сохранены, между тѣмъ какъ гласныя, образованныя при т. н. среднемъ положеніи языка по разстоянію отъ нёба, т. е. съ одной стороны а, о, съ другой е, ѣ, (я), приняли новыя формы, рефлексъ которыхъ въ современномъ языкѣ можно отчасти съ русскими лингвистами назвать «ирраціональнымъ». Для освѣщенія историческаго развитія пока достаточно нѣсколько примѣровъ: а) Передъ удареніемъ—sam: sъmamù (самому): padskŕóp: ja pъtskŕabú (подскребу); tъrgъvál (торговалъ); ńi tužý (не тужи); śiŕidá (середа); ńi pъpad′i (не попади); къ раздумію ведутъ исключенія вродѣ b′eŕeγ′ém (бережемъ), при 1 ед. b′iŕaγú. б) Послѣ ударенія—kŕépkъja (крѣпкая), ср. kŕivája (кривая); mázъt′ (мазать), pĺákъt′ (плакать): ĺъskát′ (ласкать); búd′iš (будешь): id′éš (идешь): ср. móžyš (можешь); sórъk со-

рокъ; p'át'ira пятеро; d'év̇it'ira, девятеро. Ср. еще v̇ed'i't'a, или лучше — t'ä, ведите. Впрочемъ, востановляя правила, находимъ нерѣдко отступленія отъ ожидаемаго; перекрещиваются разные принципы, дѣйствуютъ разныя аналогіи. Особенно замѣтно, повидимому, колебаніе въ концѣ словъ, подъ вліяніемъ флексивныхъ окончаній. Напр., отмѣчено s'éła (сѣла) при kłáłъ (клала); uv̇éd'en (уведенъ) и т. п. И здѣсь замѣчалось извѣстное различіе между произношеніемъ старшаго и младшаго поколѣнія; младшіе, съ болѣе бойкимъ образомъ рѣчи, будто бы болѣе склонны замѣщать -а, -о ирраціональнымъ «ъ» и въ такихъ окончаніяхъ.

Около ударяемаго слога, такимъ образомъ, группируются слоги, о которыхъ, по встрѣчающимся теперь оттѣнкамъ извѣстныхъ гласныхъ, т. е. по историческимъ соображеніямъ, можно сказать, что они имѣютъ разный вѣсъ въ словѣ. Вообще, повидимому, этому и соотвѣтствуетъ распредѣленіе «вѣса» въ настоящемъ произношеніи, подразумѣвая подъ этимъ выраженіемъ и долготу и силу экспираціи, которыя отстепеняются въ нашемъ говорѣ, насколько могу судить, довольно параллельно. Можно указать и на извѣстные небезъинтересные подоттѣнки; сравнивая, напр., долготу двухъ «ъ» въ tъrgъvál (торговалъ), нужно признать, что ъ въ слогѣ передъ ударяемымъ отличается немного бо́льшимъ «вѣсомъ» — ср. выше по поводу его тона. Но оставляя такіе вопросы, съ которыми связывается, конечно, вопросъ о т. н. второстепенныхъ удареніяхъ, въ сторонѣ до окончательной обработки матеріала, отмѣчу здѣсь только то, что и по настоящему произношенію, а не только по исторически полученнымъ оттѣнкамъ извѣстныхъ гласныхъ, можно — и нужно — различать слоги самаго легкаго качества, слоги менѣе легковѣсные и слоги тяжелаго качества.

По нѣкоторымъ наблюденіямъ я склоненъ заключить, что вмѣстѣ съ относительнымъ «вѣсомъ» отстепеняется вообще и относительная «ясность», относительное напряженіе артикуляціи гласныхъ въ разныхъ слогахъ. Такъ какъ рѣчь, при такомъ

явленіи, идетъ о массѣ тонкихъ, очень близкихъ другъ къ другу, поэтому отчасти такъ сказать неуловимыхъ оттѣнковъ гласныхъ, то не осмѣливаюсь выражаться иначе, какъ съ большою осторожностью. Но если наблюденіе вѣрно, оно облегчаетъ пониманіе спорадическихъ перемѣнъ гласныхъ въ слогахъ самаго легкаго вѣса, не только въ Ивонинскомъ, но и въ другихъ говорахъ этой области, какъ напр. форму mъžukі вм. mu-.

Мы, такимъ образомъ, касались уже самой артикуляціи гласныхъ. При попыткѣ подвести эти гласныя подъ систему общеизвѣстной формы, напр. Sweet-Sievers, наблюдатель встрѣчается отчасти съ крупными затрудненіями. Причиною нужно считать частью характеръ самой гласной, частью же ступень историческаго развитія, на которой находится говоръ. Первое освѣщается лучше всего гласными «у» и «ъ». Въ болѣе ранней моей работѣ указано, какъ въ Московскомъ подъ гласною у (ы) собираются собственно разныя оттѣнки, въ зависимости отъ окружающихъ, особенно предшествующихъ согласныхъ (ср. сынъ: былъ); оттѣнки эти, по большей части повидимому закрытаго образованія, составляютъ такъ сказать поясъ, начиная съ артикуляціи средняго ряда и кончая въ заднемъ рядѣ; ср. «Угро-русское нарѣчіе села Убли», С.-Пб. 1899. Тоже самое находимъ въ Ивонинскомъ и окружающихъ говорахъ. Подъ знакомъ ъ описатель невольно собираетъ рядъ артикуляцій, который пожалуй еще шире; средоточіемъ этого пояса можно считать гласную верхнюю задняго ряда, ср. делабіализованное u нѣмецкаго «Hund», русск. «тутъ», а часто «ъ» принадлежитъ еще среднимъ гласнымъ этого же ряда, ср. делабіализованное o. Въ области гласныхъ верхнихъ задняго ряда видимъ такимъ образомъ, какъ отчасти встрѣчаются артикуляціи двухъ исторически разныхъ гласныхъ у (ы) и ъ. Такъ какъ артикуляціи ъ соединяются вообще съ особенно слабымъ напряженіемъ, и поверхность языка поэтому лежитъ вообще ниже, чѣмъ при у (ы), то эти двѣ гласныя большею частью различаются еще безъ трудности. Но припоминая сказанное выше насчетъ ослабленія въ напряженіи гласныхъ

въ зависимости отъ относительнаго вѣса слоговъ, мы поймемъ, какъ перекрещиваніе артикуляціонныхъ поясовъ двухъ гласныхъ можетъ вести къ случаямъ смѣшенія [1]). — Какимъ образомъ ступень развитія, на которой стоитъ теперь говоръ, можетъ затруднять наблюдателя при попыткѣ подвести гласныя говора подъ легче обозримую систему, это освѣщается такимъ примѣромъ, какъ вторая гласная слова «письмецо». Та же самая форма звучитъ въ однихъ случаяхъ ближе къ «piśḿacó», въ другихъ скорѣе «piśḿecó», въ третьихъ съ оттѣнкомъ «ä», смотря по скорости рѣчи, положенію въ предложеніи и т. д. Въ такихъ случаяхъ наблюдателю приходится скорѣе оперировать съ границами извѣстной гласной артикуляціи, чѣмъ съ гласною въ болѣе узкомъ пониманіи слова.

Данныя замѣтки достаточны для освѣщенія трудностей, встрѣчающихъ наблюдателя въ области гласныхъ нашего говора. Гораздо проще вообще консонантизмъ, который большею частью совпадаетъ съ консонантизмомъ образованнаго (Московскаго) русскаго. Отмѣчу здѣсь только пару изъ тѣхъ крупныхъ особенностей, которыя сейчасъ бросаются въ глаза. Такъ, московскому г соотвѣтствуетъ длительное γ. На мѣстѣ в (*v*) находимъ рядъ артикуляцій между границами *v* (губно-зубное в) и полною гласною *u* (у): sъvá (см. в.) — dwóřńik (дворникъ, губно-зубное) — u̥tóřńik (вторникъ, редуц. у) — užiĺáś (взялась). Въ ч, č, которое всегда «мягко» (č′), первый элементъ, t, выступаетъ слабо, склоненъ какъ будто исчезать.

Отмѣченныя вкратцѣ разныя звуковыя черты принадлежатъ не только Ивонинскому говору. Напротивъ, ихъ нужно считать общей звуковой подкладкой и окружающихъ говоровъ, общимъ фономъ, на которомъ разновидности отражаются менѣе значительными особенностями развитія. Поэтому я и остановился такъ

---

1) Близкое родство двухъ гласныхъ ъ и у свидѣтельствуется и обратнымъ образомъ; при вторичномъ усиленіи слога съ ъ — извѣстнаго рода «Dehnstufe» — въ произношеніи этихъ нарѣчій ъ можетъ развиваться иногда въ полное у (ы).

долго на Ивонинскомъ говорѣ. Напр., указанная выше особенная интонація въ случаяхъ, гдѣ удареніе лежитъ не на первомъ слогѣ слова, выступаетъ во всей окрестности Мосальска. Ее сохраняютъ отчасти и тѣ работники, которые во время отхожихъ промысловъ сильно и долго подвергаются вліянію чужихъ идіомовъ. Съ прислугою она проникаетъ и въ семьи образованныхъ людей, тамъ ярко выступаетъ у ребятъ, хотя бы родители были съ другого конца Россіи. Но всюду при томъ замѣчается борьба этой интонаціи съ новой, о которой врядъ ли рисковано сказать, что она вторгается подъ вліяніемъ московскаго образа рѣчи.

Съ морфологіей Ивонинскаго говора мнѣ удалось хорошо познакомиться, особенно при помощи указаній рожденнаго тамъ же учителя Богомолова. О морфологіи можно сказать то же самое, что о фонетикѣ: большею частью этотъ говоръ представляетъ, въ болѣе или менѣе ясномъ видѣ, тѣ явленія, которыя свойственны не только ему, но и всему окружающему краю. Отмѣчу, какъ примѣръ, окончаніе мѣстоименнаго род. пад. муж. рода. Въ Ивонинѣ теперь вообще говорятъ —*vo* (—во), какъ въ Московскомъ [1]). Только въ парѣ случаевъ, съ удареніемъ на конечной гласной, иногда слышится γ (kaγó, taγó, ср. кого, того); при томъ эти формы уже исчезаютъ. Въ этомъ γ имѣемъ по всей вѣроятности умирающій остатокъ того, что въ западной части уѣзда, отчасти уже въ немногихъ верстахъ за Мосальскомъ, не только еще бодрствуетъ, но и господствуетъ безъ соперника γo въ названномъ окончаніи, будь оно ударяемо или нѣтъ.

— Составивъ себѣ понятіе объ Ивонинскомъ говорѣ, затѣмъ и объ общемъ строѣ окружающаго нарѣчія, я занимался, оріентировки ради, немножко съ арестантами въ Мосальской тюрьмѣ. Потомъ началъ было свои разъѣзды. Отправился черезъ Аристово въ Спасъ Дѣминское. Но легкая болѣзнь заставила меня немедленно вернуться въ Мосальскъ и отложить пока поѣздку.

1) Употребляю условно гласную — *o*.

Это обстоятельство грозило уменьшить результаты путешествія весьма чувствительнымъ образомъ. Вышло къ счастью лучше. Чтобы не терять времени совсѣмъ даромъ, я приступилъ пока къ болѣе тщательной эксплуатаціи упомянутой тюрьмы, начальникъ которой съ большою любезностью способствовалъ моимъ занятіямъ.

Интересный матеріалъ удалось такимъ образомъ собрать по говору села Кобылья Спасскаго (s′ä𝓁ó Kabў𝓁′šyna, vó𝓁oš Spáскъдa, Kabў𝓁′sкъдa») къ югозападу отъ Мосальска. Не буду здѣсь останавливаться на извѣстныхъ особенностяхъ, наблюдаемыхъ по интонаціи и связаннымъ съ нею явленіямъ долготы и представляющихъ будто бы извѣстное различіе отъ упомянутаго подмосальскаго говора; это нужно отложить до окончательной обработки собраннаго матеріала. Изъ области гласныхъ отмѣчу извѣстную склонность развивать «ъ» въ о, т. е. къ артикуляціи гласной присоединяется невольно лабіализація, свойственная большею частью гласнымъ задняго ряда (o, u). Получаются, такимъ образомъ, при формахъ съ ъ, примѣры какъ sová (сова), vodá, norubít′ (нарубить); ср. bo𝓁á вм. была, при посредствѣ bъ𝓁á. — Въ области согласныхъ отмѣчу напр., что č (ч), въ которомъ артикуляція мгновенной части, какъ выше сказано, по всему этому краю слаба, въ единичныхъ случаяхъ выступаетъ какъ чистое ṡ, мягкое ш; напр., иногда b′ėŕėš (беречь). Изъ согласной съ слѣдующимъ j (мытье) въ этой мѣстности еще не встрѣчаемъ долгихъ согласныхъ. Зато окончаніе род. п. муж. рода мѣстоименій и прилагательныхъ имѣетъ здѣсь всегда γ. Именно по этимъ явленіямъ типъ Кобыльскаго говора легко опредѣляется какъ переходный отъ собственно подмоскальскихъ къ говорамъ западнѣйшей части уѣзда: въ сосѣднихъ къ западу отъ Кобылья поселеніяхъ находимъ ужъ не только — γo, но начинаются и долгія согласныя въ словахъ какъ myt̄′ó, sv́in̄′á (мытье, свинья) и т. п., характеризующія всю западную часть уѣзда.

Упомянутые изъ Кобыльскаго говора слѣды, такъ ска-

зать, «вторичнаго оканья», развиваемаго на почвѣ ирраціональной гласной «ъ», не стоятъ особнякомъ. То же самое явленіе отмѣчено также изъ другихъ мѣстностей. Особенно ярко это новое «оканье» выступало въ говорѣ одного старика съ границы Мосальскаго уѣзда съ Жиздринскимъ, наблюденія надъ которымъ сдѣланы также въ тюрьмѣ; явленіе въ его говорѣ достигло, очевидно, уже широкаго распространенія, но повидимому уже опять вымираетъ подъ вліяніемъ новаго направленія у младшаго поколѣнія, которое возстановляетъ снова ъ или же вводитъ гласныя чужого происхожденія. Такъ, старое поколѣніе въ этой мѣстности говоритъ vodá съ чистымъ о, младшіе люди vъdá (вода); старые zdvorá, младшіе zъdvъrá (со двора); старые kobàk, младшіе kabák (кабакъ); старые borodá, boroná, вин. boradú, boranú, младшіе скорѣе bъradú, bъranú и пр. У старшаго поколѣнія, по произношенію моего источника, можно даже указать случаи, гдѣ это новое оканье, при помощи аналогіи, перешло черезъ законныя свои границы; напр., находимъ не только trowá (у младшихъ trъwá, трава), но и род. trowý (мл. tra —), куда *о* перешло, конечно, изъ падежей съ гласной á во второмъ слогѣ.

— Поправивъ свое здоровье, я отправился къ западу, направляясь въ этотъ разъ въ Сильковичи. Нужно было теперь спѣшить; но удалось познакомиться, хотя и не такъ основательно, какъ хотѣлось бы, а однакожъ довольно хорошо съ говоромъ Сильковичской волости, а потомъ, въ Спасѣ Дѣминскомъ, съ главными чертами говоровъ около этого мѣстечка, пограничныхъ уже съ Ельнинскимъ уѣздомъ Смоленской губерніи.

Переходъ отъ говоровъ типа Кобыльскаго къ говорамъ Сильковичскаго типа обозначается, какъ выше сказано, яркимъ внѣшнимъ признакомъ, а именно появленіемъ въ послѣднихъ долгихъ согласныхъ въ словахъ какъ мытье, судья, платье и т. д. Другое, бросающееся въ ухо различіе — форма «ȷoš» (есть), которая также начинаетъ здѣсь свое существованіе. Укажу еще на склонность, отмѣченную около самихъ Сильковичей: произно-

шеніе гласной «ъ» часто приближается замѣтно къ а. Въ связь съ этимъ явленіемъ, на которомъ здѣсь конечно не мѣсто останавливаться подробнѣе, нужно, повидимому, привести появленіе чистаго а въ окончаніяхъ прилагательныхъ, какъ то charóšaį, rúškaį, stáraį (хорошій, русскій, старый); твор. и мѣст. ед. ч. dóbram, u dóbrach l′úd′éį (у добрыхъ людей) и пр.

Къ сѣверозападу отъ Сильковичей начинаются говоры «Деминщина». Ко всѣмъ признакамъ, которые уже накоплялись около Сильковичей (— γо, долгія согласныя, įoś), здѣсь прибавляется еще, какъ ясная внѣшняя черта, частое употребленіе частицы «t′i» («t′i įóś u t′ib′é karówa (— ъ)»). Это для сосѣдей къ востоку — «тикающіе» говоры; подъ выраженіемъ, что «тамъ все притикиваютъ», населеніе къ востоку собираетъ вообще особенности этихъ говоровъ. — По поводу говора Кобылья сказано бѣгло объ интонаціи, что она выказываетъ уже тамъ, повидимому, извѣстное различіе отъ Ивонинской. Яснѣе различіе отъ этого Подмосальскаго типа въ нѣкоторыхъ явленіяхъ интонаціи и распредѣленія долготы выступаетъ около Спаса Деминскаго. Отмѣчу здѣсь одну черту. Интересно, что ясно нисходящій тонъ встрѣчается здѣсь несомнѣнно и въ ударяемыхъ слогахъ неначальныхъ; слышится не только напр. čîstъch (чистыхъ), но также ḱipît′ (кипитъ), burḿîz byƚ (ср. бурмистръ), ṕriznâƚs′a (признался). О такомъ произношеніи нельзя сказать, чтобы оно поражало наблюдателя такъ сильно и постоянно, какъ выше отмѣченная обыкновенная интонація около Мосальска; напротивъ, оно, повидимому, составляетъ исключеніе; однакожъ оно бросается нерѣдко рѣзко въ ухо. Я склоненъ считать это произношеніе остаткомъ, уступающимъ мѣсто типу, однородному съ показаннымъ для окрестности Мосальска. — Гласныя этой мѣстности не представляютъ крупныхъ особенностей отъ раньше отмѣченнаго. Въ области согласныхъ привлекаетъ вниманіе встрѣчающееся часто, но не послѣдовательно š̌, мягкое ш, вмѣсто ч; ср. выше, по поводу говора Кобыльскаго.

Спасъ-Дёминскій край былъ раньше очевидно подъ извѣст-

нымъ вліяніемъ съ запада; ср. слова какъ панъ, бурмисъ. По словамъ мѣстныхъ урожденцевъ, пограничныя съ Ельнинскимъ уѣздомъ деревни и волости стоятъ еще въ тѣсной связи съ Смоленскими крестьянами, напр. въ церковномъ отношеніи. Связь съ этимъ западомъ засвидѣтельствована и одной чертой изъ морфологіи: муж. р. прош. времени оканчивается, поближе къ границѣ Ельнинскаго уѣзда, на -ṷ: znaṷ, b′iṷ, v̑id′iṷ и т. п. Поближе къ самому Спасу находимъ теперь -ł; но старичокъ почти 80-и лѣтъ—младшій сынъ его «rad′iłs′a dъ-m′iłach v̑éstu», т. е. до Манифеста — мнѣ указалъ, что раньше имѣли и въ его деревнѣ, пару верстъ къ западу отъ Спаса, формы на -ṷ. Восточные сосѣди иногда склонны приписать эту черту всему Спасскому краю. Конечно, -ł вмѣсто старшаго -ṷ можетъ развиваться и само собою, хоть подъ вліяніемъ ł въ прочихъ формахъ; но сопоставляя упомянутый фактъ съ другими явленіями, считаю несомнѣннымъ, что переходъ -ṷ въ ł совершается подъ вліяніемъ востока и что именно онъ особенно ясно указываетъ направленіе одного главнаго теченія въ лингвистической жизни мѣстности.

— Любезно встрѣчали и помогали мнѣ всюду; многимъ лицамъ я по этому много обязанъ. Особенную же благодарность считаю долгомъ выразить члену Калужскаго окружного суда по Мосальскому уѣзду, г-ну Дмитрію Коссаковскому, который совѣтомъ и дѣломъ способствовалъ моей работѣ прекраснѣйшимъ образомъ.

Покончивъ занятія въ Мосальскомъ уѣздѣ, я отправился въ Вологодскую губернію. Какъ сказано, подборъ говора въ Тотемскомъ уѣздѣ былъ предоставленъ собственному моему усмотрѣнію. Остановился я въ селѣ Шуйскомъ на Сухонѣ, въ западной части уѣзда, чтобы оріентироваться, а въ случаѣ нужды спуститься дальше. Между тѣмъ, обстоятельства въ рѣдкой степени благопріятствовали предстоящей работѣ. Хотя въ самомъ Шуй-

скомъ говоръ стоитъ уже подъ сильнымъ вліяніемъ Петербурга, за то въ деревняхъ по близости сохраняется еще у старожиловъ типичный, старинный сѣверно-великорусскій говоръ; а такъ какъ при томъ случайно оказалось возможнымъ сравнивать въ Шуйскомъ же важнѣйшія черты этого говора съ говоромъ старушки изъ села поближе къ Тотьмѣ, то мнѣ казалось, что лучшей станціи для своихъ наблюденій едва ли мнѣ удастся отыскать, почему я тамъ и остановился.

Говоръ деревни «pańḱóva» (Панькова) въ четырехъ верстахъ къ югу отъ Шуйскаго, какъ онъ сохраняется еще у старожиловъ—чисто окающій (dorobótat'); въ ударяемыхъ слогахъ онъ сохраняетъ разницу между старыми ѣ и е; ч и ц онъ смѣшиваетъ въ ć, мягкомъ ц, — все типичныя черты. Въ интонаціи я не замѣчалъ интересныхъ особенностей; за то въ вокализмѣ встрѣчаются любопытныя явленія. Особенно интересно, что этотъ говоръ, какъ и окружающіе, различаетъ два рода о, одно открытое и одно закрытое. Послѣднее («ô») встрѣчается только при извѣстныхъ условіяхъ въ ударяемыхъ слогахъ. Особое вниманіе привлекаютъ случаи какъ slóvo (слово): род. мн. slôf, góry (горы): род. gôr. Ихъ немного: исключая ихъ, находимъ вообще или открытое о или же закрытое ô проведенными по всѣмъ формамъ слова: rok róga и т. д. (рогъ рога); но narốt narốdu и т. д. (народъ), zavốt (заводъ) na zavốd'e, мн. zavốdy. Далѣе, закрытое ô свойственно извѣстнымъ окончаніямъ; напр. род. мн. synốf, psốf, vorốf и т. д., и даже въ другомъ говорѣ vorob'i̯ốf (воробьевъ), хотя ô правильно не существуетъ послѣ мягкихъ согласныхъ (ср. о kôm, о комъ, съ ро čom, по чемъ). Особенно любопытно въ этой связи сравненіе окончаній прилагательныхъ; напр. им. муж. zloi̯ (злой), но род. дат. мѣст. жен. р. zlôi̯; мѣст. муж. zlôm и др. Насъ здѣсь, какъ и выше, сейчасъ поражаетъ сходство съ извѣстными явленіями малорусскаго вокализма, тѣмъ болѣе что rot, lop, rof (ротъ, лобъ, ровъ) и др. доказываютъ, что о изъ стараго ъ не подлежало развитію въ ô. Съ другой стороны, отъ названныхъ

явленій раздѣляетъ напр. постоянное ô (ударяемаго) окончанія им.-вин. средняго рода: molokó, dolotó, kryló; dobró, stud'onó, rovnó отъ róvnoj (ровный) и т. д.; но što, ščo что. Ср. дальше напр. kovó кого, čovó чего — но chto кто. Въ «полногласныхъ» формахъ второе о часто отмѣчено какъ ô (не только korôl', morôs, а также ot morózu, bolóto, koróva); первое, напротивъ, никогда (vóron, bórodu, bóloźe). Вопросовъ вообще по этому явленію представляется, какъ видно, не мало.

Старое е не выказываетъ никакихъ слѣдовъ родственнаго, явленія. Находимъ въ говорѣ и е закрытое («ê»), но это развилось изъ стараго ѣ въ твердыхъ ударяемыхъ слогахъ; въ мягкихъ ударяемыхъ ѣ перешло въ і; напр. p'êu̯, p'êla: pîl'i (пѣлъ, пѣла: пѣли). Къ судьбѣ стараго ѣ ср. далѣе напр. «na mýs-ot za ŕokój» (рѣкой) при «vód'le ŕiḱí-to» (рѣки); na ruḱê при vḿíst'e (рукѣ: мѣстѣ).

При сравненіи звуковаго состава живого говора съ составомъ раньше изслѣдованныхъ, южно-великорусскихъ говоровъ, невольно поражаетъ опредѣленность, такъ сказать выкачаненность перваго. Гласныя выступаютъ вообще ясно, безъ «ирраціональныхъ» оттѣнковъ, не даютъ наблюдателю много колебаться. Но конечно, и здѣсь нельзя ждать той полной схематичности, которая вообще чужда живому языку. Упомяну, какъ примѣръ, одну черту, въ которой говоръ находится т. ск. въ отступающемъ, но еще не оконченномъ движеніи, выражающемся въ цѣломъ рядѣ не разграниченныхъ гласныхъ артикуляцій на раньше болѣе однообразной почвѣ. Именно, въ неударяемыхъ слогахъ, гдѣ при медленномъ, отчетливомъ произношеніи сохраняется у стариковъ еще т. ск. чистое 'о изъ стараго е (ь, ѣ) передъ твердою согласною (pógŕop погребъ, góŕo горе, ńosú несу, ŕoká рѣка, ḱíšoł кисель, ḿodovój медовый, chóćet'o хочете), при скорѣйшемъ выговорѣ слышенъ рядъ гласныхъ, отъ настоящаго о черезъ ŏ до чистаго е. Сравненіе говора Паньковы съ говоромъ поближе къ Тотьмѣ показало,

какъ отдѣльные говоры относительно этого явленія стоятъ на разныхъ ступеняхъ развитія: въ одномъ ′о или ему близкіе оттѣнки сохраняются еще въ большомъ числѣ случаевъ, а при медленномъ произношеніи являются до сихъ поръ правиломъ; въ другомъ, напротивъ, часто уже выступаетъ ясно е, а ′о иногда ужъ звучитъ чуждо.

И консонантизмъ нашего говора ясенъ и довольно простой. Есть впрочемъ и въ немъ черты, привлекающія вниманіе наблюдателя. Такъ напр., можно здѣсь извѣстнымъ образомъ говорить о двухъ степеняхъ палатализаціи. Подробное изложеніе этого принадлежитъ окончательной обработкѣ моего матеріала; здѣсь достаточно намекнуть, что такое различіе въ степени палатализаціи выходитъ при составленіи напр. сочетанія «ƅ′е» (старое е) съ «ƅ′ė» (старое ѣ).

Въ предварительномъ отчетѣ этого достаточно. Въ теченіе относительно короткаго времени удалось благополучно составить себѣ обзоръ звуковыхъ особенностей этого сѣверно-великорусскаго нарѣчія. Для лучшаго освѣщенія его развитія и строя я, конечно, прослѣдилъ разные вопросы по діалектологической «Программѣ» II Отдѣленія и собралъ притомъ хорошій матеріалъ по морфологіи нарѣчія. Въ концѣ іюля (н. ст.) я могъ, такимъ образомъ, считать свою задачу на русской почвѣ законченной.

За оказанное Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности рѣдкое довѣріе благодарю сердечно. Вмѣстѣ съ благодарностью позволю себя выразить и надежду, что командировка Академіи окажется не безплодною.

Христіанія въ ноябрѣ 1902 г.

Олафъ Брокъ.

II.

Пользуясь матеріальной поддержкой и открытымъ листомъ, предоставленными мнѣ Вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ, я въ іюнѣ сего 1902 г. посѣтилъ центральныя мѣстности Курской губерніи, держась направленія съ юго-востока ея къ сѣверо-западу (Бѣлгородъ — Льговъ — Дмитріевъ). Цѣлью моихъ занятій было дополненіе моихъ прежнихъ наблюденій надъ говорами Курской губерніи.

Однимъ изъ интересныхъ говоровъ Курской губерніи, бывшихъ до этой послѣдней поѣздки мнѣ менѣе знакомымъ, является шепелеватый говоръ крестьянъ, называемыхъ въ сѣверныхъ и центральныхъ частяхъ Курской губерніи Саянàми. Главное затрудненіе въ изслѣдованіи этого говора состояло, во 1-хъ, въ томъ что Саяны живутъ очень разбросанно въ разныхъ мѣстахъ Курской губерніи и, во 2-хъ, названіе это въ языкѣ интеллигенціи Курской губерніи и въ научной литературѣ употребляютъ, не точно. Моей цѣлью было отыскать тѣхъ крестьянъ, которые сами себя называютъ Саянами, опредѣлить особенности ихъ говора и затѣмъ разыскивать по Курской губерніи ихъ діалектическихъ родичей. Саянами называютъ сами себя жители с. Будановки Курскаго у., затѣмъ дер. Ясенковъ Щигры. Съ ними сходны называемые Саянами крестьяне нѣкоторыхъ селъ и деревень Льговскаго у. (Банищы, Шерекино, Камышовка, но утратившіе большинство особенностей говора Саяновъ Будановки и Ясенковъ). Затѣмъ оказалось, что съ говоромъ Саяновъ существенно сходенъ говоръ жителей села Болховца (Карпова и Крапивной) Бѣлгор. у. и мѣщанъ подгородныхъ слободъ Бѣлгорода и Курска, не называющихъ себя и не называемыхъ Саянами. Вопреки мнѣнію, высказанному г. Добротворскимъ (Саяны, этнографич. очеркъ Вѣстн. Евр. 1888 г. сентябрь), будто Саяны — исконные жители Курской губерніи, оставшіеся здѣсь отъ удѣльно-вѣчевого періода, непосредствен-

ныя историческія данныя говорятъ о сравнительно позднѣйшемъ переселеніи крестьянъ, близко сходныхъ по своему говору съ говоромъ Саяновъ, въ Курскіе края въ XVII в. изъ области юго-западной окраины Московскаго государства (гор. Болховъ, Карачевъ, Мценскъ, Крапивна). Нѣкоторыми чертами своего консонантизма (и вокализма) говоръ Саяновъ сближается съ говоромъ старо-псковскимъ, и естественно возникаетъ предположеніе о болѣе близкомъ отношеніи Курскихъ Саяновъ къ жителямъ старо-псковской области, выселеннымъ центральнымъ правительствомъ Москвы изъ исконныхъ его родныхъ палестинъ.

Объединенные результаты моихъ наблюденій надъ говорами Курск. губ. честь имѣю представить при этомъ отчетѣ.

Профессоръ М. Халанскій.

III.

Обработывалъ собранные мною въ январѣ сего 1902 года, матеріалы по діалектологіи Бронницкаго уѣзда.

Говоры Бронницкаго уѣзда дѣлятся на три группы: 1) акающіе-нецокающіе, 2) акающіе-цокающіе и 3) окающіе-цокающіе. Сосѣдство цокающихъ и окающихъ-нецокающихъ говоровъ вблизи Москвы, нужно полагать,—старое; оно свидѣтельствуетъ о колонизаціонномъ движеніи сѣверно-русскаго племени по рѣкамъ Окѣ и Клязьмѣ. — Въ настоящее время всѣ 3 группы говоровъ, повидимому, имѣютъ гораздо больше общихъ фонетическихъ особенностей, чѣмъ они имѣли до столкновенія другъ съ другомъ въ Бронницкомъ уѣздѣ. Это сходство можно объяснить вліяніемъ говоровъ другъ на друга и вліяніемъ языка образованнаго русскаго общества на всѣ группы говоровъ. Мы можемъ до извѣстной степени прослѣдить характеръ и причины этихъ явленій въ настоящее время. — Вліяніе говора одного селенія на другое зависитъ, главнымъ образомъ, отъ родственныхъ свя-

зей этихъ селеній. — Говоръ образованнаго русскаго общества вліяетъ на рѣчь крестьянъ не непосредственно. Деревенскимъ жителямъ мало приходится слышать литературную рѣчь, но они знакомятся хорошо съ говоромъ бывалыхъ людей изъ среды своихъ же крестьянъ, въ рѣчи которыхъ, по большей части не мало особенностей, свойственныхъ интеллигентнымъ горожанамъ.—Въ результатѣ указанныхъ вліяній въ разсматриваемомъ районѣ сглаживаются рѣзкія, сравнительно съ говоромъ образованнаго русскаго общества, особенности, и всѣ три группы говоровъ постепенно приближаются въ основныхъ звуковыхъ чертахъ другъ къ другу. —

Статья подъ заглавіемъ: «О говорахъ восточной половины Бронницкаго уѣзда» будетъ мною напечатана въ непродолжительномъ времени.

Кромѣ того я продолжалъ свои занятія по исторіи удареній въ области русской письменности.

Николай Каринскій.

IV.

Считая пріятнымъ своимъ долгомъ выразить Отдѣленію чувство моей искренней признательности за нравственную и матеріальную поддержку съ его стороны какъ для приготовленія къ печати моего собранія былинъ, такъ и мнѣ лично, что дало мнѣ возможность полностью отдаться своимъ научнымъ занятіямъ, имѣю честь представить Отдѣленію отчетъ въ своихъ занятіяхъ за истекшій академическій годъ.

Все время до лѣта я былъ занятъ приготовленіемъ къ печати своего послѣдняго собранія былинъ, хлопотами объ ихъ перепискѣ и провѣркой переписаннаго. Теперь уже сдѣлано описаніе объѣханной мною мѣстности, составлены характеристики всѣхъ деревень и сказителей, а самыя былины переписаны. —

Въ то же время я былъ занятъ хлопотами о переводѣ на ноты записанныхъ мною посредствомъ фонографа напѣвовъ былинъ и духовныхъ стиховъ. Теперь почти половина напѣвовъ переведена и, благодаря рѣдкой готовности акад. Ѳ. Е. Корша, начата провѣрка нотъ. — Такимъ образомъ благодаря поддержкѣ Отдѣленія въ близкомъ будущемъ можно будетъ приступить къ печатанію моего собранія архангельскихъ былинъ.

Въ продолженіе всего этого года я усиленно готовился къ магистерскому экзамену, прошлой весной началъ держать его, а теперь расчитываю продолжать.

Въ то же время я принималъ дѣятельное участіе въ занятіяхъ образовавшагося здѣсь Московскаго, частнаго пока, кружка для научнаго изученія русскаго языка, внося свои доклады и предложенія и участвуя въ обсужденіи докладовъ другихъ лицъ.

Въ прошедшемъ году я продолжалъ описывать въ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ рукописи богословскаго характера.

Кромѣ этихъ главныхъ дѣлъ, я написалъ двѣ статьи о былинахъ (одна о новѣйшихъ записяхъ былинъ для Архива г. Ягича, а другая о новой былинѣ моего собранія «Путешествіе Вавилы со скоморохами»); принималъ участіе въ приготовленіяхъ по празднованію 10-лѣтняго юбилея Славянской Коммисіи Императорскаго Археологическаго Общества и чествованію ея предсѣдателя, моего глубокоуважаемаго учителя М. И. Соколова; наконецъ, по порученію Императорскаго Археологическаго Общества я изучалъ надписи на иконахъ Смоленскаго собора Московскаго Новодѣвичьяго монастыря съ цѣлью выяснить существованіе въ нихъ неисправности и ошибки; результатомъ этого изученія былъ прочитанный мною въ засѣданіи Общества докладъ и нѣкоторыя исправленія въ надписяхъ иконъ.

А. Д. Григорьевъ.

V.

Въ іюнѣ 1901 года мнѣ удалось записать на Низовой Печорѣ семь былинъ, которыя были приняты для напечатанія въ «Сборникъ Второго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ», а весной 1902 года И. Р. Географическое Общество и Второе Отдѣленіе И. Академіи Наукъ дали мнѣ средства, чтобы еще разъ съѣздить на Печору, уже нарочно за былинами. Чтобы записи былинъ были возможно большими, нужно было пріѣхать на Печору во время наибольшей свободы мѣстныхъ крестьянъ отъ работы; такое время есть время отъ Пасхи до Петрова дня и главнымъ образомъ время распутья. Чтобы пріѣхать къ Пасхѣ, я выѣхалъ изъ Петербурга 2 Апрѣля, по желѣзной дорогѣ доѣхалъ до Архангельска, а отъ Архангельска до Печоры около 800 верстъ проѣхалъ по послѣднему зимнему пути на лошадяхъ. 12 Апрѣля я былъ уже на Печорѣ, гдѣ прожилъ до 4-го іюля, и за это время объѣхалъ частью на лошадяхъ, частью въ лодкѣ Устьцылемскую и Пустозерскую волости, вездѣ записывая былины, стихи, пѣсни и сказки, знакомясь съ архивами мѣстныхъ церквей, знакомясь съ рукописями, а если можно, то и пріобрѣтая ихъ, вездѣ дѣлая общія этнографическія наблюденія и фотографическіе снимки. Заполнялъ я между прочимъ и академическую программу говоровъ. Кромѣ двухъ вышеуказанныхъ русскихъ волостей я съѣздилъ въ Ижемско-Зырянскій край и въ самоѣдское селеніе Колву, расположенное на рѣкѣ того-же имени, впадающей въ рѣку Усу, притокъ Печоры, гдѣ знакомился съ церковными архивами. Знакомство съ церковными архивами мнѣ было доступно благодаря любезности Архангельской Духовной Консисторіи, давшей мнѣ разрѣшеніе на осмотръ церковныхъ библіотекъ, архивовъ и ризницъ. Такъ какъ морскіе пароходы ожидались нынче на Печорѣ очень поздно, то я и обратно принужденъ былъ сдѣлать утомительный путь на лоша-

дяхъ до города Мезени, откуда я уже на морскомъ пароходѣ доѣхалъ до Архангельска. Проѣзжая бѣгло по рѣкѣ Мезени я попутно знакомился съ рукописями и что можно было пріобрѣлъ для библіотеки Академіи.

Сдѣлавъ о «Былинной поэзіи на Печорѣ» подробный докладъ Отдѣленію Этнографіи Географическаго Общества, я готовлю для Второго Отдѣленія И. Академіи Наукъ подробный отчетъ съ обозрѣніемъ церковныхъ библіотекъ, архивовъ, рукописей и вообще съ обозрѣніемъ старины на Низовой Печорѣ и здѣсь только въ самыхъ краткихъ чертахъ скажу, что я ныньче сдѣлалъ на Печорѣ. Всего былинъ по содержанію записано мною — 46, а съ варіантами — 82; если причислить сюда записи прошлаго лѣта, то получимъ цыфру всѣхъ былинъ, сохранившихся на Печорѣ. Цыфра эта, будетъ равна 50. Варіантовъ съ прошлогодними записано мною 89. Духовныхъ стиховъ записано — 9, съ варіантами — 15. Историческихъ, горочныхъ, обрядовыхъ и др. пѣсенъ — 44, сказокъ — 50. Пріобрѣтенныя мною для библіотеки Академіи Наукъ рукописи не восходятъ дальше XVI вѣка, большинство рукописей XVII вѣка, но есть XVIII-го и даже начало XIX-го вѣковъ. По содержанію ихъ можно раздѣлить на 1) богослужебныя, 2) повѣствовательныя и 3) раскольничьи, къ которымъ я отношу разнаго рода посланія, полемическія произведенія и раскольничьи стихи. Всего рукописей пріобрѣтено мною 25.

Членъ-сотрудникъ Императ. Русскаго Географическаго Общества, вольнослушатель Археологическаго Института

Н. Ончуковъ.

VI.

Въ теченіи іюня 1902 года съ цѣлью осмотра и пріобрѣтенія рукописей я посѣтилъ Вологду, уѣздные города Вологодской губерніи Тотьму, Кадниковъ, Сольвычегодскъ и Великій Устюгъ, а также Каргополь (Олонецкой губерніи), Екатеринбургъ (Пермской губерніи) и мимоѣздомъ Вятку.

Рукописей начиная съ XVI в. по XIX я пріобрѣлъ 136, въ томъ числѣ 2 свитка, старопечатныхъ книгъ XVI и XVII вв.— 15, изданій XIX в. — 4, лубочныхъ картинъ 24, нѣсколько каррикатуръ начала XIX в. и портретовъ дѣятелей первой половины того же вѣка, частью гравированныхъ, частью литографированныхъ. Изъ рукописей болѣе другихъ заслуживаютъ вниманія: сборникъ XVI в. съ отрывкомъ лѣтописца Литовскаго, апостолъ XVI в., нѣсколько миней мѣсячныхъ XVI и XVII вв., сборникъ житій того же времени, описная книга г. Каргополя исхода XVII в., нѣсколько отдѣльныхъ повѣстей въ спискѣ XVIII в., Синодикъ старообрядческій XVIII в., сборникъ заупокойныхъ службъ съ духовными стихами XVIII в., лицевая исторія о страдальцахъ Соловецкихъ письма XIX в. Старопечатныя книги я пріобрѣталъ почти исключительно такія, какихъ нѣтъ въ Библіотекѣ Академіи. Изъ числа ихъ отмѣчу Библію Скорины, особенно цѣнную для нашего собранія, такъ какъ въ ней находятся именно тѣ книги, которыхъ недостаетъ въ академическомъ экземплярѣ.

Подробное перечисленіе всѣхъ моихъ пріобрѣтеній вмѣстѣ съ описаніемъ того, что мнѣ удалось увидѣть въ церковныхъ библіотекахъ и у частныхъ лицъ, представляю въ отчетѣ о моей поѣздкѣ.

В. Срезневскій.

VII.

Съ глубокой признательностью за поддержку имѣю честь представить въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ отчетъ о своихъ научныхъ занятіяхъ въ теченіе 1902 г., но прежде позволю себѣ оговориться, что послѣ перенесенной мной въ 1901 г. болѣзни вполнѣ отдаться работѣ я могъ лишь со второй половины истекающаго года.

Занятія же мои, независимо отъ преподавательской дѣятельности, были двоякаго рода.

Во-первыхъ, они носили характеръ посильныхъ откликовъ на юбилеи Карамзина, Гоголя и Жуковскаго. Произнесенная 26-го мая 1901 г. въ засѣданіи общества Нестора-лѣтописца рѣчь моя о Карамзинѣ была обработана въ нынѣшнемъ году для печати и появилась въ IV в. 16-ой кн. «Чтеній въ истор. обществѣ Нестора-лѣтописца», 1902 г.; оттискъ ея при семъ прилагаю[1]). Въ засѣданіи того же общества 3-го марта 1902 г. мной былъ доложенъ рефератъ о комедіяхъ Гоголя, который вошелъ въ составъ печатающагося Гоголевскаго юбилейнаго сборника; въ виду того, что комедіямъ Гоголя была посвящена публичная лекція г. Бокадорова, также предназначавшаяся для сборника, я съ своей стороны ужъ не разсматривалъ этихъ комедій во всемъ ихъ цѣломъ, а остановился лишь на нѣкоторыхъ чертахъ ихъ, какъ это видно изъ прилагаемаго оттиска моего доклада[2]). Наконецъ, въ засѣданіи 12-го мая с. г., посвященномъ памяти Жуковскаго, я прочелъ докладъ на тему: «Народность въ поэзіи Жуковскаго». Исходя изъ положенія что жизне-

---

1) «Письма русскаго путешественника», какъ матеріалъ для характеристики умственнаго кругозора и взглядовъ Карамзина.

2) Комедіи Н. В. Гоголя въ связи съ развитіемъ русской комедіи и другими его произведеніями.

способность и правильный ростъ литературы стоятъ въ тѣсной, неразрывной связи съ правильнымъ сочетаніемъ въ ней началъ національныхъ и общечеловѣческихъ, или западно-европейскихъ въ данномъ случаѣ, я отмѣтилъ положеніе тѣхъ и другихъ въ русской жизни и литературѣ до Жуковскаго, указалъ, какъ подъ покровомъ наружнаго западно-европейскаго лоска послѣ Петра I продолжали жить старые обычаи, понятія и произведенія словесности и какъ это непосредственное вліяніе народнаго быта и старины нашло себѣ сильную опору въ нѣкоторыхъ западныхъ же теченіяхъ — пасторальномъ народничаньѣ, позднѣйшемъ воспроизведеніи народно-рыцарской эпики, оссіанизмѣ и романтизмѣ; охарактеризовавъ создавшіяся на этой двойной почвѣ русскія произведенія XVIII в. въ народномъ духѣ, я доказывалъ тѣсную связь съ ними соотвѣтственныхъ произведеній Жуковскаго и самыхъ взглядовъ Жуковскаго на народность; тому движенію, которое ознаменовалось открытіемъ и разработкой «Слова о полку Игоревѣ» или Пушкинскими народными сказками, Жуковскій не остался чуждъ, но и здѣсь у него не могъ вполнѣ изгладиться отпечатокъ XVIII в., какъ, впрочемъ, то же сказывается и у издателей «Слова о полку Игоревѣ», Калайдовича и др. Однако, каковы бы ни были формы, въ которыя отливались народно-поэтическіе сюжеты Жуковскаго, сквозь нихъ выразительно пробивается неизмѣнное теплое отношеніе къ родинѣ, ея прошлому и настоящему, временами окрашенное то благородной гордостью по поводу ея славы, то мягкой скорбью; и въ самомъ складѣ общаго міросозерцанія Жуковскаго можно найти черты, роднящія его съ его народомъ. Такимъ образомъ, если Жуковскому и не удалось гармонично слить свое родное съ западно-европейскимъ, то во всякомъ случаѣ онъ много поработалъ для этого, даже помимо того, что сдѣлалъ достояніемъ своего народа произведенія міровой литературы. — Благодаря опубликованной въ маѣ с. г. работѣ А. Н. Веселовскаго: «Алеша Поповичъ и Владиміръ Жуковскаго», моя статья о Жуковскомъ была затѣмъ значительно дополнена, и для окончательной обработки ея

я жду только выхода въ свѣтъ всѣхъ томовъ собранія сочиненій Жуковскаго въ изданіи Маркса.

Къ указаннымъ юбилейнымъ статьямъ по своему назначенію отчасти примыкаетъ и прилагаемая коротенькая замѣтка о былинахъ, вызванная пріѣздомъ въ Кіевъ извѣстнаго сказителя И. Т. Рябинина[1]).

На ряду съ такими занятіями нѣсколько случайнаго характера, у меня шла разработка свадебныхъ мотивовъ въ русскихъ былинахъ. Признавая вслѣдъ за А. Н. Веселовскимъ (см. предисловіе къ «Южно-русскимъ былинамъ»), что въ основѣ изученія нашего былевого эпоса должно лежать «изученіе каждой былинной группы порознь», я намѣтилъ себѣ такую группу, которая была бы связана общностью мотивовъ, но не именемъ богатыря. Сдѣлалъ я такъ потому, во первыхъ, что вообще имена не представляются вполнѣ устойчивыми въ народномъ эпосѣ, а сказанія объ одномъ какомъ-нибудь богатырѣ перемѣшиваются со сказаніями о другихъ лицахъ и одинъ и тотъ же мотивъ иногда оказывается внесеннымъ въ сказанія о разныхъ лицахъ, такъ что самое разсмотрѣніе былинъ по богатырямъ въ сущности требуетъ предварительнаго изученія ихъ по мотивамъ; во вторыхъ, былины вѣдь не только даютъ извѣстную характеристику богатырей, но и сами по себѣ представляютъ рядъ поэтическихъ образовъ, возникшихъ на основѣ своеобразныхъ народныхъ представленій, т. е. онѣ подлежатъ такому же анализу, какой былъ произведенъ Потебней надъ малорусскими колядками, а этого анализа нельзя примѣнять безъ того, чтобъ не выдвинуть мотива на первое мѣсто. На *свадебныхъ* же мотивахъ я остановился потому, что они — одни изъ самыхъ любопытныхъ по своему богатству, разнообразію, переживаніямъ, бытовымъ аллюзіямъ, да и предметомъ изслѣдованія служили они не рѣдко. Послѣднее для меня важно въ томъ отношеніи, что даетъ возможность провѣрить пригодность различныхъ методовъ истолкованія былинъ

1) Русскія былины въ ихъ прошломъ и настоящемъ, Чтенія въ ист. общ. Нестора-лѣт. IV в. 16 кн.

и, избавляя меня отъ нѣкоторой части мелочной, кропотливой работы, больше простора оставляетъ для опредѣленія, на почвѣ изученія былинъ о сватовствѣ, того общаго процесса творчества, которымъ обусловлено зарожденіе и развитіе нашего былевого эпоса вообще.

Далекій отъ мысли умалять значеніе всего сдѣланнаго доселѣ въ области русскаго фольклора, я тѣмъ не менѣе пришелъ къ убѣжденію, что не мало еще остается сомнительнаго, непорѣшеннаго и запутаннаго и что въ этомъ отчасти повинно чрезмѣрное или одностороннее примѣненіе тѣхъ взглядовъ, которые и вѣрны и плодотворны, но только въ извѣстныхъ предѣлахъ. Выясненіемъ этихъ опасныхъ сторонъ современныхъ методовъ изученія былинъ занята первая глава моего изслѣдованія [1]), имѣющая цѣлью также указать, какое положеніе я намѣренъ занять среди нынѣшнихъ школъ, и оправдать мои нѣкоторые пріемы въ дальнѣйшемъ.

Со второй главы начинается уже собственно разсмотрѣніе цѣльныхъ былинъ о сватовствѣ и отдѣльныхъ эпизодовъ, касающихся сватовства или женитьбы. Во второй главѣ разобраны былины, гдѣ женитьба богатыря является лишь однимъ изъ наслоеній или новообразованій въ циклѣ сказаній о немъ; сюда вошли: женитьба Добрыни, неудачное сватовство Идолища, женитьба Алеши Поповича и, наконецъ, женитьба Михаила Потока. Этого рода эпизоды любопытны въ томъ отношеніи, что показываютъ, какое значеніе въ развитіи сказаній имѣетъ смѣшеніе нѣкоторыхъ шаблонныхъ пріемовъ и формулъ либо перенесеніе ихъ по аналогіи съ одного лица на другое и какъ изъ одного сравненія, намека, художественнаго образа, служившаго первоначально своего рода общимъ мѣстомъ, можетъ развиться цѣлое сказаніе, подъ вліяніемъ подходящаго былевого или иного матеріала. Съ другой стороны, это—вѣтви, молодые побѣги, отдѣляя которые мы приближаемся къ основнымъ мотивамъ сватовства.

1) Русскія былины о сватовствѣ; гл. I. Современныя методы изученія былинъ.

Начинать прямо съ послѣднихъ мнѣ казалось не совсѣмъ методичнымъ, такъ какъ былины извѣстны намъ въ своемъ позднѣйшемъ видѣ и, чтобъ добраться до ихъ основныхъ очертаній, нужно ихъ, т. е. былины, т. ск. «разслоить», начиная съ верхнихъ слоевъ, которые ближе и виднѣе намъ.

Если оставить въ сторонѣ тѣ случаи, гдѣ Добрыня, видимо, механически, случайно, подставленъ на мѣсто другого какого-либо лица, то останется двѣ главныхъ версіи женитьбы его. По первой, онъ женится на освобожденной имъ плѣнницѣ змѣя, и эта женитьба есть результатъ воздѣйствія сказокъ, причемъ, однако, разъ плѣнница, которую освобождаетъ Добрыня, восходитъ къ матери Θеодора, героя греческаго апокрифа и духовныхъ стиховъ, то для представленія ея въ образѣ дѣвицы (невѣсты) черты были уже въ апокрифѣ, по которому Θеодоръ находитъ свою мать, «яко дѣву украшену», κόρην. По второй версіи, Добрыня женится на поленицѣ; эта же женитьба представляетъ мозаичное воспроизведеніе популярнаго сюжета по даннымъ былинъ о женитьбѣ Дуная и о Святогорѣ-Самсонѣ, и первичной не можетъ быть названа. Былины о неудачномъ сватовствѣ Идолища относятся ко времени ослабленія старой былевой традиціи и возникли на почвѣ того же процесса, подъ давленіемъ котораго и нашествіе Калина-царя (Батыги и др.) оказалось связаннымъ съ добываніемъ женщины (невѣсты). Многія былины знаютъ Идолища, какъ насильника вообще, и такое изображеніе Идолища я считаю болѣе древнимъ; затѣмъ, насилій Идолища какъ частичное поясненіе и распространеніе начинаютъ выдвигаться мотивы женолюбія, такъ что, наконецъ, самое появленіе Идолища въ Кіевѣ отчасти обусловлено желаніемъ его добыть «Опраксеюшку Королевисьню» (Бѣлом. былины 216 стр.); при дальнѣйшемъ развитіи этихъ посягательствъ Идолища, изъ послѣдняго не трудно было сдѣлать претендента, добывающаго себѣ невѣсту. Превратившись въ жениха, Идолище кое-что позаимствовалъ у идеальнаго жениха Соловья Будиміровича. Похожденія Алеши Поповича съ Сбродовичной, заканчиваясь смертью

послѣдней, отводятъ насъ, какъ указалъ А. Н. Веселовскій, къ пѣснямъ «объ убіеніи сестры за нарушеніе цѣломудрія»; но иногда дѣло оканчивается свадьбой, и на такой исходъ, по моему, повліяло именно изображеніе Сбродовичны въ видѣ «дѣвушки-затворницы», ибо этотъ образъ, какъ показываютъ приведенныя мной южно-славянскія и западныя параллели и, какъ отмѣчено это А. И. Кирпичниковымъ, соединяется обычно съ свадебнымъ исходомъ. Къ женитьбѣ Михаила Потока на Лебеди бѣлой мной собраны обширныя параллели изъ сказокъ, обрядовыхъ пѣсенъ и былинъ. Былинный разсказъ о женитьбѣ Потока представляетъ распространенное обычное эпическое вступленіе (запѣвъ), осложненное чертами свадебной символики и нѣкоторыми сказочными подробностями. Вторичная же женитьба Потока на дѣвушкѣ, освобождающей его отъ оковъ, есть комбинація бродячихъ мотивовъ 1) о невѣрной женѣ и 2) объ освобожденіи узника при содѣйствіи дѣвушки.

Начало моего изслѣдованія о русскихъ былинахъ, касающихся сватовства, поступило въ печать еще до моей болѣзни; но затѣмъ, послѣ долгаго перерыва въ работѣ, многое пришлось дополнять и отчасти видоизмѣнять, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ новыхъ данныхъ, такъ что два листа (печатныхъ) изъ напечатаннаго, между прочимъ, были вовсе изъяты и перебраны вновь; теперь заканчивается печатаніемъ вторая глава, по объему нѣсколько бóльшая первой, и по отпечатанію немедленно будетъ доставлена въ Отдѣленіе[1]).

А. Лобода.

---

1) Пока представляю часть этой главы, стр. 53—96.

VIII.

Принося глубокую благодарность Отдѣленію за помощь, оказанную мнѣ въ настоящемъ полугодіи, имѣю честь сообщить, что въ текущемъ году

1) я напечаталъ замѣтку «Къ вопросу о Македонскомъ глаголическомъ листкѣ» въ «Сборникѣ статей, посвященныхъ акад. и з. орд. проф. Ф. Ѳ. Фортунатову».

2) Редактировалъ изданіе первой русской газеты, предпринятое Московскою Синодальною Типографіею къ 200 лѣтнему юбилею русской періодической печати, подъ заглавіемъ «Вѣдомости», вып. 1-й (1702—1707 гг.).

3) Продолжаю печатать Описаніе рукописей Моск. Типографской Библіотеки, выпускъ 4-й, въ который войдетъ описаніе рукописныхъ оригиналовъ и матерьяловъ первыхъ Вѣдомостей (1702 — 1727 гг.). Эта работа можетъ имѣть то значеніе въ научномъ отношеніи, что укажетъ нѣкоторыя новыя данныя, такъ какъ эти рукописи не были извѣстны изслѣдователямъ исторіи первой русской газеты: Пекарскому, Бычкову и др., а между тѣмъ даютъ много матерьяла для сужденія о редакціонной работѣ надъ Вѣдомостями.

4) Приготовилъ къ печати статью объ Изборникѣ кн. Святослава 1073 г., хранящемся въ Моск. Синодальной Библіотекѣ, съ палеографической стороны. Между прочимъ внимательное разсмотрѣніе памятника выясняетъ и вопросъ о подчисткѣ имени писца и князя въ послѣсловіи.

Ранѣе о причинахъ этой подчистки высказывались два мнѣнія: 1) что первоначально рукопись предназначалась для кн. Изяслава, а послѣ его изгнанія изъ Кіева была поднесена кн. Святославу, почему и была сдѣлана соотвѣтственная поправка; по другому мнѣнію, поправка объясняется тѣмъ, что въ оригиналѣ, съ котораго списывали, было имя царя Симеона, для котораго,

какъ извѣстно, предназначенъ былъ Сборникъ, и писецъ по ошибкѣ внесъ это имя и въ свою копію и затѣмъ исправилъ. Всматриваясь ближе въ это послѣсловіе, мы видимъ, что оно все писано рукой того писца, которому принадлежитъ текстъ лл. 86 — 263, тогда какъ текстъ, писанный по подчищенному, носитъ всѣ признаки руки того писца, который писалъ всѣ орнаментированныя буквы во всемъ памятникѣ, а также текстъ лл. 1 — 86, въ томъ числѣ и это же послѣсловіе, помѣщенное въ рукописи еще разъ — на л. 2 об. притомъ безъ всякихъ подчистокъ. Изъ всего этого слѣдуетъ заключить, что писецъ 1-й части рукописи желалъ примѣнить найденное имъ въ оригиналѣ послѣсловіе къ своему времени, внеся соотвѣтственныя измѣненія и помѣстивъ его въ началѣ рукописи, въ видѣ предисловія, но писецъ, которому онъ передалъ затѣмъ остальную часть работы, оставивши за собой лишь орнаментировку, разрушилъ этотъ планъ, переписавши снова послѣсловіе уже на своемъ мѣстѣ и притомъ безъ всякихъ измѣненій сравнительно съ оригиналомъ, такъ что первому писцу пришлось, оставивши самый текстъ, внести въ него поправки.

Въ настоящее время я приступилъ къ изученію другихъ списковъ этого памятника.

Магистрантъ слав. филологіи В. Погорѣловъ.

IX.

Благодаря просвѣщенному содѣйствію со стороны Отдѣленія русск. яз. и словесн. Императорской Академіи Наукъ, я имѣлъ возможность лѣтомъ текущаго года на мѣстѣ ознакомиться съ рукописными и старопечатными собраніями Волынской Епархіи: въ городахъ Житомирѣ, Владимирѣ-Волынскомъ, Кременцѣ, Луцкѣ и въ мѣстечкѣ Почаевѣ.

Въ г. Житомирѣ съ 15 мая 1893 г. существуетъ (при Волынск. Церковно - Археологич. Обществѣ) Епархіальное Древлехранилище, открытое по иниціативѣ покойнаго архіепископа Модеста: сюда перешли богатые архивы монастырей Загоровскаго, Дерманскаго, Тригорскаго, а также цѣлый рядъ памятниковъ книжной старины изъ разныхъ городскихъ и сельскихъ церквей мѣстной Епархіи и отъ многихъ частныхъ лицъ.

Въ настоящее время общее количество имѣющихся въ Епархіальномъ Древлехранилищѣ рукописей свыше 100: болѣе точное опредѣленіе пока еще невозможно, такъ какъ не всѣ рукописи приведены въ окончательную извѣстность. Старшія восходятъ къ началу XV в.—и одна изъ нихъ на пергаментѣ (№ I, 428: Служебная Минея).

Что касается рукописей, могущихъ представлять такой или иной историко-литературный интересъ, то по содержанію онѣ распредѣляются слѣдующимъ образомъ.

I. Свящ. Писаніе и богослужебныя: 17 Евангелій (XV—XVIII вв.) [1]), 2 Апостола (XVI в.), 17 Миней (XV—XVIII вв.), 5 Ирмологіевъ (XVI—XVIII вв.), 2 Требника (1403 и 1729 годовъ) [2]), 5 Тріодей (считая въ томъ числѣ отдѣльные листы изъ Тріоди постной XV—XVI в.), 3 Октоиха (XVII и XVIII вв.), Часословъ (1693 г.), Анѳологій (XVIII в.), архіерейскій Чиновникъ (XVIII в.) и Типиконъ (XVI в.).

II. Святоотеческія творенія: Діонисій Ареопагитъ. О небесной іерархіи (XV в.) [3]), Ефремъ Сиринъ. Паренесисъ (два списка XVII в.), Григорій Богословъ. Слова (XVI—XVII в.), Іоаннъ Златоустъ. Бесѣды на Евангелія (четыре рукоп. XVI и

---

1) Девять Евангелій (въ томъ числѣ одно учительное) описаны Г. Я. Крыжановскимъ въ I вып. Вол. Ист. — Арх. Сборн. 1896.

2) На первомъ изъ нихъ (Загор. собр. № 24: Большой Требн) запись: «Списанъ бы списо сій изъ великаго и старо номоканона на москвѣ. в лѣ ѕѡі. ииндикта аі. мцаѳ...

3) Списокъ сербскаго перевода инока Исаіи (Ср. рукоп. М. Рум. М. № XCIII. Подробн. см. Кратк. опис. памятн. древн., поступивш. въ Вол. Еп. Др. III, 10 — 14).

XVII вв.), Іоаннъ Златоустъ. Постныя Слова (XVII в.), Іоаннъ Златоустъ. Цвѣтоносныя Слова (XVII в.), Исаакъ Сиринъ. Постническ. Слова (XVI в.), Іоаннъ Лѣствичникъ. Лѣствица (два списка — 1479 г. и XVI в.).

III. Сборники житійнаго и гомилитическаго характера: 2 Толковыхъ Евангелія (XVI и XVII вв.), Бесѣды Θеофилакта Болгарскаго (XVI в.), 2 Маргарита (XV—XVI и XVII вв.), Руно Орошенное (1783 г.), Поученія св. Димитрія Ростовскаго (XIX в.), 6 сборниковъ святоотеческихъ и др. поученій (XV—XVII вв.), 4 Пролога (XVI и XVII вв.), Златоструй (XVI) [1]), Толковая Палея (XVI) [2]) и Патерикъ Печерскій (1622 г.) [3]).

IV. Каноническіе сборники. а) № I, 130 (Загор. собр. № 34). Рукоп. на 326 листахъ, въ полдесть, половины XV в., безъ начала, конца и многихъ листовъ въ серединѣ. Л. 1. «Книги, глемый дховныя, еже сказаеть монаканү. Сочтания свщеных правилъ стых соборовъ, не токъмо же тѣхъ, но и помѣстьных, иже ѿ нѣкыхъ стыхъ ѿць, ѡсобьно бывъшй, правилъ, и посланиа стй ѡтць, и како по рядоу, стоять, и который соборъ, колько правилъ имае». Л. 326 об.: «Аще кто зоветь чюжю женоу блядью... сельскыхъ людей. за соромъ ей гривна серебра. а митрополитү гривна серебра...» (Церковн. Уставъ кн. Ярослава). Текстъ (сокращенной) Кормчей восходитъ, повиди-

1) № I, 123 (Загор. № 27). Рукоп. на 369 листахъ (ненумерован.), въ десть, безъ начала и конца, первой половины XVI вѣка. Всѣхъ Словъ 45: изъ оглавленія видно, что не больше ихъ было и въ полной рукописи. Л. 1 (нач.): «с корйстьми прихóдящен». (Оглавл.: 25 ст. 2 Слова); кон.: «аще тоѐ повелѣлъ бъ то дóбрѣ творйши. и не творя ако съгрѣшаеши аще ли сѫпро».... (Сл. 45). Порядокъ и заглавія отдѣльныхъ Словъ тѣ же, что въ рукоп. Солов. б. № 182 (259), библ. Моск. д. Ак. №№ 43 и 44, И. П. б. Погод. № 1008, и др.

2) № I, 134 (Загор. № 38) Рукоп. въ десть, на 280 (ненумерован.) листахъ, безъ начала и конца, второй половины XVI в. Текстъ Палеи той же редакціи, что въ Коломенск. сп. 1406 г.

Л. I: «а полъ нотвердь, мдростію бь разьдѣляа воды, да некако пакость творять світилници ти»... (Ср. Колом. сп. л. 4, 13); кон. (л. 277 об.): «іавй ісү воеводе вашемү. елма убо недѹжныма очима немощно е зрѣти, на блыщающася луча солнечныа».. (Колом. сп. л. 165, 657). Три послѣднихъ листа не имѣютъ отношенія къ Толк. Палеѣ.

3) Текстъ Кассіановск. II ред.

мому, къ той редакціи, какую даетъ рукоп. Солов. б. № 412 (858), 1493 г.: см. «Прав. Соб.» 1860, II и Опис. II, 1—25. b) № I, 126 (Загор. собр. № 30). Рукоп. на 636 листахъ, въ десть, XVI в., безъ начала и конца: на первыхъ 428 листахъ Типиконъ, а на 208 послѣднихъ Кормчая Рязанской редакціи. Кон.: «оучитиже безь стыденїа. и оучити безъ зависти. аще чьто наоучися ѿ ина не съкрывати. ꙗко злыа жены съ...» (Изъ Посл. Василія Вел. къ Григорію Бог. «ѿ мнишестемъ строенїи»).

На лл. 118—119 запись: «написанна же бы сїа зонара в лѣ ҂ѕѱ. оп. индик. въ дни блговѣрнаго цра костеньтина, предръжаща столъ болгарьскїи повеленїемь по цѣнѣ великого гдна ꙗкова стаслава деспота болгарьскаго», для русскаго митрополита Кирилла: ср. Срезневскій. Обозр. др. р. сп. Кормч. кн. СПб. 1897, 60—61.

V. Сборникъ апокрифическихъ статей (XIX в.)[1]).

Изъ памятниковъ древнерусской письменности въ отмѣченныхъ рукописяхъ находимъ слѣдующіе.

М. Иларіонъ. Слово о законѣ и благодати. (Дерманск. Прологъ XVI в., л. 255: Кратк. опис. пам. др. III, 110—117).

Пр. Ѳеодосій Печерскій. Поученіе въ субботу 3 нед. поста. (№ I, 6: Апост. и Сборн. поуч. XV в., л. 133). Нач. Слышимь оубо прркъмь глюще к нашему оунылъству...

Пр. Несторъ Лѣтописецъ. Мца. ию. кд. сло ѡ житїи и погжбленїи стых мникь бориса и глѣба. бдви оче: (Загор. собр. № 25: Сборн. поуч. XVI в.). Нач. Блко ги вседръжителю. сътворївый небо и землю и вса ꙗ на неи...; кон.: «той ѡ чюдеси его мало нѣчто исповѣ. на слау и чть великому бгу...

---

1) Подробн. см. въ I вып. Вол. Ист. Археол. Сб.: О. А. Фотинскій. Къ литерат. ист. ю-р. апокрифовъ. Здѣсь изданы тексты: 1) Житіе и страданіе великомучен. Григорія. Пострада 5796 г.; 2) Житіе пр. отца нашего Агапита марта 15 дня; 3) Чудо св. Григорія Змѣеборца; 4) Слово св. Василія Вел., акъ отъ человѣка злого духа отъгнавъ и 5) сказаніе о святыхъ, помогающихъ въ различныхъ случаяхъ жизни.

со ни же ѡц҃ж слав҃у со прест҃ы дх҃ ннѣ и прно и во вѣкї вѣко:» ⁓

Мц҃ мая. в҃. днь. пренесенїе мощей ст҃ою мчнкж бориса и глѣба. блви ѡч҃е: ⁓

Нач. Блвнъ гъ бъ ѡць ншго іс хрс иже не да на погыбнжтї во прелести идольстей... (въ той же рукоп.). Разсказъ о пяти посмертныхъ чудесахъ Бориса и Глѣба изъ Несторова Чтенія.

Кириллъ Туровскій. 1) Слово на св. Пасху. (въ той же рук.). Нач. Радо соугжва всѣмъ хртианомъ и веселие мїру неизреченное..., кон.: «сий днь иже сътвори гдь возрадуемся... ннѣ и прно и во векы:» ⁓ 2) Слово въ понед. цвѣтоносн. нед. (№ I, 12: Сбор. поуч. XVII в.). Нач. Велика кетха съкровища дивно и радостно ѿкровение. добра и силна бгатетства...; 3) Слово въ недѣлю Ѳомину (въ той же рукоп.). Нач. Велика оучителя и мра сказателя требоуеть церкви. на оутвержение и на оукрашение празника...; 4) Слово въ среду 4-й нед. по Пасхѣ (въ той же рукоп.). Нач. Неизмѣрима небесная высота. не испытана преисподняя глубина ниже испытана бжия смотрения таинство...

Мца июля. еі. днь. памя блговѣрного кнзя вламера нареннаго во стом крщенїе блга: ⁓ (Рукоп. Загор. м. № 25, XVI в.). Нач. Сей бы снъ стославъ. ѿ племене варяжскаго. кнзь владимеръ. прьвое ко идолом мно тщанїе творя. по преданїю ѡчю...; кон.: «ѿ нихъ же ннѣ насыщаюся вѣрнїи. и прїемлють црство нбное о хе іс гди нашемъ емж же слва:» ⁓

Поученїе. всѣм хрестияномъ: ⁘ (тамъ же) Нач.: Прьвие всего братїе имѣйте стрaх бжїи въ срци...; кон.: «си же зрїте всегда и ннѣ и прно и во веки веко».

Поученїе ѡца дховнаго ко дѣтем. о пїанствии: ⁓ (тамъ же). Нач. Блвенїе ѡца дховнаго ко дѣтем. ѡ чада не вѣсте лї еже бъ ми пода талантъ...

(Въ рукоп. № I, 130, XV в.:) I) Церковный Уставъ кн. Владимира (лл. 323—324). Два отрывка: а) Нач. «нътина, и василия. крти володимеръ всю роусь..., кон.: «на потрѣбоу црквъноую имѣние и люди свои давали»; b) Я се ѡ десятинахъ.

Нач. «Ѿ всакого кнажа соуда десатаа вѣкъша...», кон.; «кто изменить стый сии уставъ ѿческий. горе собе наследоуеть». (Ср. «Прав. Соб.» 1861, II, 436—438 и 441. Болѣе важные варіанты: «митрополита михаила» вм. «митроп. Леонта» (такъ въ Соловецк. сп.), «митрополию» вм. «архіепископью», «въ сты ѧпстлъ правилѣ. нд». вм. «въ святыхъ апостолъ правилѣ 29-мь»).

II) Русская Правда (л. 180 и д.) Сꙋд ꙗраслава володимеровича. Пра роуськаꙗ, аще оуесть моу. то мьстити брау...; кон.: «Аще холоп крадеть ко любо... то кнѧзю во продажи». (Ср. Калачовъ. Текстъ Русск. Пр. СПб. 1881, 20—40. III. Карамз. сп.: недостаетъ статей 44—68 (вырваны листы) и 118. Всего 132 ст.).

III) Церковн. Уставъ кн. Ярослава (лл. 324—326 об.). Кнѧзь великий. ꙗрославъ. Се азъ великии кнѧзь ꙗрославь. снъ володимеровъ. по данию Ѿца своего...; кон. см. выше.

IV) Вопросы Кирика Нифонту (л. 56 об.). Се е вопрошание. кириково, и вопраша епискупа. новъгородского ѿнидонъта инѣхъ. Прашахъ влки...; кон. (л. 61 об.): «а и ꙗко во наковѣ заповеди писано есть:». (Ср. «Р. Ист. Б.» VI, 21—50).

V) Правило стго савы (л. 61 об.). На мертвецемъ бывъши попу...; кон.: «ни еѵглиа цѣловати, ни оу цркве лѣзъти». («Р. И. Б.» VI, 51—57).

VI) Стго Ѿца илии Правилъ 12 (л. 63 об.). (Ib. 57—60).

VII) Прало кирила митрополита, и сошешихсѧ, еппъ... на поставление еппа, Сарапиѡна володимерьскаго (л. 230 об.). Нач. Понеиже оувѣдахомъ, ѡбѣжетькыанемь крщений...; кон.: «и ны да ѿстаноуть того, аще ли то во пре реный соу вопадоуть». (Ib 93—100).

VIII) Поучение, и наказание, попо, ѡ всѣ ка побаеть дѣти своꙗ дховьныꙗ оучити, ѡпитемьи имъ дакати, по заповѣмъ, и по правило стыхъ ѡць (267 об.). Нач. Слыши крѣпъкый, и препобныи сборѣ, к вамъ ми сло...; кон.: «соу же канони иже вамъ предали недвижимо держатъ».

IX) Отвѣты Константинопольск. собора 1301 г. на вопросы Ѳеогноста (л. 268 об.). Нач. **Сѣдащїи с҃ты патриӑрх҃о, во мѣстѣ своемъ, с҃тыӑ софиӑ...**; кон.: «**П҃овлеть емоу проклати свою вѣроу... и та причтите правовѣрьнѣи вѣре**».

Иже во свѧтых отца нашего николы чюдо сътворившеесѧ въ градѣ киевѣ. о половчинѣ. бл҃гслови Ѡче. (Дерманск. Прол. XVI в., л. 228 об.). Нач. **Въ граде киевѣ. бѣаше человѣкъ цѣломоудренъ смысломъ. имѣ великоу вѣроу и любовь. къ свѧтоу архиерею христовоу николѣ...**

Мѣсѧца декевріа въ 21. житіе и жизнь и мало повѣствованіе отъ чюдесъ. иже во свѧтыхъ отца нашего петра, архіепископа кіевьскаго и всеа руси. писано кѵпріаномь смѣренымь митрополитом кіевьскымь и всеа р8си. благослови Ѡче. (тамъ же л. 91 об.). Нач. **Праведници въ вѣкы живоут' и от' господа мьзда имъ...**

Что касается старопечатныхъ книгъ Волынск. Епарх. Древлехр., то изъ нихъ слѣдуетъ назвать: Книгу о постничествѣ св. Василія Вел., Острожск. печати 1594 г., Октоихъ, Дерманск. печ. 1604 г., Анѳологіонъ, Кіевск. печ. 1619 г., и Житіе св. Варлаама и Іоасафа, Кутеинской печ. 1637 г.

Раньше Епархіальнаго открыто Древлехранилище при Св. Владимирскомъ Братствѣ въ г. Владимирѣ Волынскомъ (1888 г.).

Рукописей здѣсь около двадцати: 8 Евангелій (въ томъ числѣ одно Учительное, XVI в.), 2 Апостола (XVI в.), 2 Служебн. Минеи (іюль—авг. и сент.—окт., XVI в.)[1]), Типиконъ (XVI в.), 2 Октоиха (XVI в.), Ирмологій (XVI—XVII в.), Номоканонъ (XV—XVI)[2]) и пергаменная мѣновая запись кн. Сангушки съ

1) См. Г. К. Богуславскій. Иваничскія мѣсячн. Минеи 1547 — 79 гг. и содержащаяся въ нихъ служба св. мученикамъ-князьямъ Борису и Глѣбу. «Чтен. въ ист. общ. Нест. Лѣтоп.» XIV — 2, 29 — 70; П. В. Голубовскій. Служба свв. мучен. Борису и Глѣбу въ Иваничск. мин. Ib. XIV — 3 125 — 166.

2) Копія списка Кормчей, сдѣланнаго въ 1286 г. для кн. Владимира Васильковича, княжившаго во Владимирѣ Волынск. Рукоп. пожертвована въ 1892 г. пр. Павломъ, епископомъ Олонецк. и Петрозаводск.

Красовскимъ по имѣніямъ Красовъ, Мыслинъ и Ставровъ, составленная 6 ф. 1537 г.

Изъ старопечатныхъ книгъ обращаютъ на себя вниманіе: два Евангелія Виленской печати (П. Т. Мстиславцева) 1575 г., Псалтырь и Новый Завѣтъ Острожской печати 1580 г. (Ив. Ѳедорова), Учительное Евангеліе Львовск. печ. 1606 г. и два Анѳологіона той же печати 1638 и 1643 гг.

Въ библіотекѣ Почаевской Лавры, когда-то довольно богатой рукописями, теперь ихъ всего лишь 11 нумеровъ: два Типикона (XVI в.), Бесѣды Іоанна Златоуста на Евангелія Матѳея и Іоанна (XVI в.) [1]), Поученія Каллиста, еп. Константинопольскаго (XVI—XVII в.), Псалтырь (XVII в.), три нотныхъ Ирмологія (XVII и XVIII вв.) и мѣсячн. Минея (янв. — февр., XVIII в.) Большинство рукописей перешло въ Кіевскую дух. Академію [2]), а нѣкоторыя, повидимому, исчезли безслѣдно, напр. упоминаемыя въ описи начала XVIII в. [3]) «Хроничка писанная по русски» и «Книга названная Пчела».

Старопечатныхъ книгъ довольно много: Апостолъ Московск. печати 1564 г. (Ив. Ѳедорова и П. Мстиславцева), Книга о постничествѣ Василія Великаго, Острожск. печ. 1594 г., Апокрисисъ, изд. въ Новогрудкѣ въ 1595 г., Слова о священствѣ Іоанна Злат., Львовск. печ. 1614 г., Зерцало богословія 1618 г., Вертоградъ Душевн., Виленск. печ. 1620 г., Учительное Евангеліе Каллиста, Кіевск. печ. 1637 г., Кіево-Печерск. Патерикъ 1661 г., Мечъ Духовн. Лазаря Барановича 1666 г., Небо Новое Іоанникія Галятовск. 1665 г., Трубы словесъ проповѣдн. Лазаря Барановича, Кіевск. изд. 1674 г., и др.

---

1) №№ 65/40, 65/41 и 65/42; на послѣдней рукоп. л. 261 об.: «доздѣ конѣ переводъ книзы курбьскаго, в книзѣ сі.

2) См. В. Березинъ, Опис. рукоп. Почаевской Лавры, хранящ. въ библіот. Музея при К. д. Акад. К. 1881.

3) «Волынск. Епарх. Вѣдом.» 1899, № 18, 547 — 9.

Въ библіот. Волынск. дух. Семинаріи: Творенія Іоанна Дамаскина (пять словъ и Діалектика), переводъ кн. А. Курбскаго, XVI в. (№ 142/368), Діоптра нач. XVII в. (№ 493/1193) и нѣсколько богослужебныхъ рукописей (Ирмологій, Тріодь постная, Типиконъ, Служебникъ, два обихода и архіерейск. Чиновникъ) XVIII в. Изъ старопечатныхъ книгъ отмѣтимъ: три экземпляра Острожской Библіи (1581 г.), славянск. грамматику Мелетія Смотрицкаго, Кременецк. печ. 1638 г. (№ 2063—5025), Діоптру Остр. печ. 1604 г. (№ 492—1192), два экземпляра Слав. р. Лексик. Берынды 1627 г., два экземпляра Литургіаріона Кіевск. печ. 1629 г., Новый Завѣтъ Кутеинск. печ. 1652 г. (№ 15—47).

Наконецъ, пять рукописей принадлежатъ Луцкому Крестовоздвиженскому Братству и хранятся въ аптекѣ при братской богадѣльнѣ: 4 Евангелія (XVI и XVII вв.) и Апостолъ (XVII в.).

Какъ можно видѣть изъ Историко-статистическ. описанія церквей и приходовъ Волынск. Епархіи, составленнаго Н. И. Теодоровичемъ (т. I—IV. Почаевъ, 1888—1899 гг.), — многіе памятники мѣстной книжной старины не попали ни въ одно изъ указанныхъ нами книгохранилищъ и составляютъ собственность разныхъ сельскихъ церквей.

Такъ, въ церкви с. Свинной, Староконстантиновскаго уѣзда, хранится рукописн. Апостолъ 1728 г. (Опис. IV, 138); въ ц. с. Волица Іодко, того же у., Евангеліе 1731 г. (IV, 398—399); въ ц. с. Бальковцы, того же у., Шестодневъ 1720 г. и еще пять рукоп. (IV, 771); въ ц. с. Кучмановка, Заславск. у., Анѳологій 1725 г., Ирмологій 1774 г. и нѣсколько старопеч. кн. (IV, 450—451); въ ц. с. Сосновка, того же у., Евангеліе 1728 г. и Тріодіонъ 1731—1732 гг. (IV, 477); въ ц. с. Дикова, Ровенск. у., Апостолъ Львовск. печ. 1574 г. (II, 478); въ ц. с. Курашъ, того же у., Евангеліе первой половины XVI в. (II, 618); въ ц. с. Черницы, Острожск. у., два Евангелія, писанныхъ киноварью (II, 701: «въ надписи писца

второго Еванг. въ концѣ книги значится ‚ари?»); въ ц. с. Дзвонокъ, того же у., Евангеліе 1539 г. (II, 852).

Частную собственность (прот. Трипольскаго въ Житомирѣ) составляетъ и очень интересный южно-русск. переводъ Евангелія 1571 г. (Подробн. см. II вып. Вол. Ист. арх. Сб. 1900 г., 1—114).

Доцентъ С.-Петербургской духовной Академіи
Дмитрій Абрамовичъ.

X.

Въ отчетѣ за 1901 г. я указалъ на работу объ «Исторіи о Казанскомъ царствѣ», или т. н. Казанскомъ лѣтописцѣ. Она займетъ два тома, около 70 листовъ. Томъ I — текстъ «Исторіи». Къ настоящему времени отпечатано 18 листовъ этого тома (= XIX т. П. С. Р. Л.). Томъ II — опытъ изслѣдованія «Исторіи». Содержаніе его, между прочимъ, составляютъ главы: Списки. Редакціи. Обзоръ главъ «Исторіи». Авторъ. (Подробнѣй о т. II см. въ Лѣтописяхъ занятій Археографической Коммиссіи за 1901 г.).

Изъ другихъ своихъ работъ позволяю себѣ указать въ отчетѣ на работу о кн. А. М. Курбскомъ. Какъ извѣстно, литература о немъ довольно обширна: чувствуется нужда въ перечнѣ сочиненій о немъ. Можно замѣтить такимъ образомъ слѣдующее. Сочиненія Курбскаго до сихъ поръ обращали на себя вниманіе болѣе съ исторической точки зрѣнія, чѣмъ съ литературной. Остается открытымъ вопросъ о литературной дѣятельности Курбскаго до бѣгства. О вліяніи Максима Грека говорится обязательно, но требуются параллели изъ сочиненій. Это же слѣдуетъ сказать о вліяніи «преподобнаго и премудраго» Артемія. Очень часто можно встрѣтить ссылки на письма Курбскаго къ

разнымъ лицамъ Литовско-Польскаго государства, но оцѣнка дѣятельности Курбскаго до сихъ поръ, такъ сказать, довольно голословна, ибо недостаточно разъяснены условія дѣятельности. Наконецъ, то, съ чего и начать слѣдуетъ: до сихъ поръ нѣтъ полнаго собранія сочиненій Курбскаго. Какъ извѣстно, и 3-е изданіе Устрялова далеко неполное. Но и оно уже давно распродано и не такъ часто попадается даже у букинистовъ. Новое изданіе сочиненій Курбскаго, по моимъ соображеніямъ, займетъ два тома. Въ томъ 3-ій, дополнительный къ этимъ двумъ, войдетъ библіографія, краткая біографія и изслѣдованіе сочиненій.

Я упомянулъ о Максимѣ Грекѣ. Разъ рѣчь зашла объ изданіи сочиненій Курбскаго и изслѣдованія о немъ, то едва ли можно обойти молчаніемъ необходимость изданія сочиненій «преподобнаго старца» Максима Грека. Казанская духовная академія издала 3 тома его сочиненій. Конечно, и за это спасибо. Но, думается, Максимъ Грекъ заслужилъ полнаго собранія сочиненій. По крайней мѣрѣ современники составляли собранія его сочиненій. По моимъ соображеніямъ, сочиненія Максима Грека могутъ занять 4 тома, лишь съ необходимѣйшими примѣчаніями.

Указанныя мною двѣ послѣднія работы, о Курбскомъ и Максимѣ Грекѣ, не будучи подгоняемы къ какому-либо сроку, постепенно выйдутъ въ свое время, если этому будутъ благопріятствовать обстоятельства.

Въ 1902 напечатано:

1) Грамоты Казанскаго Зилантова монастыря, въ Извѣстіяхъ Казанскаго Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи, 1901 г., т. XVII, вып. 5—6, и отдѣльно.

2) Взятіе Казанскаго царства. Пѣсня и сказаніе, въ Извѣстіяхъ рус. яз. и слов. Ак. Н., 1901 г., кн. 4, и отдѣльно.

3) Житіе св. Никиты Переяславскаго. Чудо о водѣ, въ Ж. М. Н. П., 1902 г., май.

4) Житіе св. Никиты Переяславскаго. Чудо 19-е и 20-е, въ приложеніяхъ къ Отчету Общества любителей древней письменности за 1901—1902 г., и отдѣльно.

5) Записка о Кіевскомъ университетѣ св. Владимира въ 1838 г. (архіеп. Иннокентія Борисова), въ Русской старинѣ, 1902, іюнь.

Кромѣ этого нѣсколько замѣтокъ напечатано въ Ж. М. Н. П. и Литературномъ вѣстникѣ.

Въ вакаціонное время занимался въ библіотекахъ Москвы, Сергіева и Кіева.

Въ заключеніе своего отчета считаю долгомъ принести глубокую благодарность Отдѣленію русскаго и словесности за оказанную мнѣ нравственную и матеріальную поддержку.

С.-Петербургъ, 27-го октября 1902 г.

Г. Кунцевичъ.

XI.

Рѣшивъ посвятить себя посильнымъ изслѣдованіямъ въ области русской исторіи, авторъ представляемаго отчета подъ вліяніемъ бесѣдъ съ профессоромъ С. Ѳ. Платоновымъ пришелъ къ мысли изучить вопросъ о «Книгѣ Степенной царского родословія». Ходъ занятій и наблюденія надъ петербургскими и отчасти провинціальными рукописями [1]), относящимися къ изу-

1) Съ чувствомъ живѣйшей благодарности авторъ отчета вспоминаетъ о содѣйствіи, оказанномъ ему въ этомъ случаѣ Вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ и Историко-Филологическимъ Факультетомъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета.

чаемой темѣ, указали ему необходимость ознакомленія съ богатымъ матеріаломъ, находящимся въ книгохранилищахъ Москвы. Второе Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ дало автору отчета средства для поѣздки, а также снабдило его свидѣтельствомъ о занятіяхъ, облегчившимъ доступъ во многія книгохранилища. Чувство глубокой благодарности за моральную и матеріальную поддержку обязываетъ пишущаго эти строки представить вышеназванному Отдѣленію отчетъ о своихъ лѣтнихъ занятіяхъ.

I.

Отчету о занятіяхъ въ Москвѣ необходимо предпослать перечень главныхъ выводовъ, какіе сдѣлалъ авторъ изъ наблюденій надъ петербургскимъ и провинціальнымъ матеріаломъ, относящимся къ изучаемой темѣ.

1. Изученіе печатнаго текста и пересмотръ рукописныхъ списковъ «Степенной» заставили автора отчета вслѣдъ за Калайдовичемъ, Карамзинымъ и Е. Е. Голубинскимъ отнести появленіе ея ко времени митрополита Макарія, т. е. къ XVI в.

2. По нѣкоторымъ даннымъ является возможность пріурочить написаніе Степенной къ 1560-ымъ годамъ.

3. Есть основанія авторомъ Степенной считать Аѳанасія, впослѣдствіи митрополита всея Руси.

4. Пересмотръ списковъ житія св. Михаила Клопскаго, написаннаго въ 1537 г. Василіемъ Тучковымъ[1]), заставляетъ заподозрить свидѣтельство о существованіи Степенной до этого года[2]).

---

1) Житіе св. Михаила Клопскаго дошло до насъ въ нѣсколькихъ редакціяхъ. Авторъ отчета всюду разумѣетъ лишь редакцію 1537 года.

2) Въ весьма неисправномъ изданіи Н. И. Костомарова (Памятники старинной русской литературы, выпускъ 4-ый, стр. 36 — 51) читаемъ на 48 стр: въ житіи чудотворца святителя Алексія *въ Степеннѣ* сказаетъ..» Важность свидѣтельства требовала для его принятія или опроверженія большой осмотрительности. Пересмотръ многихъ, при этомъ иногда весьма тщательныхъ и исправныхъ списковъ показалъ, что всюду данное мѣсто читается такъ: въ житіи чудотворца святителя Алексія *явственнѣ* сказаетъ.»

5. Списокъ, положенный Миллеромъ въ основу печатнаго изданія, неисправенъ и неполонъ. Въ немъ нѣтъ окончанія, куска въ срединѣ (рукописныхъ листовъ около 15—20) и, весьма вѣроятно, начала, т. е. вводныхъ статей. Существуютъ списки гораздо болѣе исправные и полные.

6. Степенная царского родословія пользовалась большимъ вниманіемъ среди книжныхъ людей XVI—XVIII вѣка. Она служила источникомъ историческихъ сочиненій и сама подвергалась дополненіямъ, вставкамъ, передѣлкамъ и переработкамъ.

7. Наиболѣе интересной изъ переработокъ является такъ называемая Латухинская, вѣрнѣе Тихоновская, Степенная Книга[1]).

II.

Въ Москвѣ авторъ отчета работалъ надъ рукописями слѣдующихъ книгохранилищъ: Свято-Троице-Сергіевой Лавры, Московской Духовной Академіи, Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, Типографской, Синодальной, Архива Мин. Ин. Дѣлъ, Румянцевскаго и Публичнаго Музеевъ.

1. Въ библіотекѣ Свято-Троице-Сергіевой Лавры были пересмотрѣны 2 списка житія св. Михаила Клопскаго. Одинъ изъ нихъ съ позднѣйшей вставкой изъ житія св. Іоны новгородскаго, а другой одного типа съ изданнымъ Костомаровымъ. Въ обоихъ спискахъ интересное для изучаемой темы мѣсто читается: «въ житіи чуд. св. Алексія явственнѣ сказаетъ.

2. Библіотека Московской Духовной Академіи обладаетъ 2-мя списками житія св. Михаила Клопскаго. Оба нѣкогда принадлежали Волоколамскому монастырю. Въ первомъ изъ нихъ важное мѣсто читается, какъ и въ прочихъ спискахъ. — Второй списокъ (№ 632) представлялъ особенный интересъ, какъ бывшій

---

1) Статья о Латухинской Книгѣ ожидаетъ напечатанія. Остальныхъ переработокъ и редакцій «Степенной» авторъ надѣется коснуться въ дальнѣйшихъ своихъ работахъ.

оригиналомъ для изданія. — Оказалось, что издатель плохо его прочелъ, или позволялъ дѣлать въ изданіи поправки, искажавшія текстъ. Интересующее мѣсто читается такъ же, какъ и въ другихъ спискахъ, т. е. «въ житіи чудотворца святителя Алексія явственѣ сказаетъ.

3. Изъ 4-хъ списковъ «Степенной», находящихся въ «Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ», ни одинъ особаго интереса для темы не представляетъ. Одна изъ рукописей, представляющая собою сборъ разныхъ отрывковъ историческаго содержанія, интересна по описанію городовъ и путей Московскаго государства, составленному, надо думать, въ XVII столѣтіи.

4. Въ Типографской Библіотекѣ разсмотрѣны 3 списка Степенной. Нѣкоторый интересъ представляетъ собой списокъ, несомнѣнно конца XVI вѣка, подаренный Рожественскому Владимірскому монастырю Вологодскимъ архіеп. Іоной, авторомъ пространной редакціи житія св. Александра Невскаго. Житіе это включено въ составъ «Степенной» Книги. — Осталь-ные 2 списка Типографской Библіотеки содержатъ въ себѣ «Житіе св. Александра Невскаго» въ той же редакціи, но помѣщенное въ концѣ и безъ послѣсловія.

5. Много важнаго матеріала для изучаемой темы нашелъ авторъ отчета въ Синодальной Библіотекѣ, гдѣ имъ разсмотрѣны 12 рукописей. Въ двухъ изъ нихъ, представляющихъ собой январскіе томы Синодальнаго и Успенскаго Списковъ Макарьевскихъ Чети-Миней, находятся отличные тексты Житія св. Михаила Клопскаго[1]). Рукопись, принадлежавшая раньше Чудову монастырю и интересная по записи, свидѣтельствующей объ участіи въ дѣлѣ составленія «Степенной» митропол. Аѳанасія, оказывается спискомъ несомнѣнно XVI вѣка и содержитъ въ

1) Въ виду того, что интересное для изучаемой темы мѣсто «Житія» читается вездѣ, даже и въ оригиналѣ печатнаго изданія, одинаково (объ этомъ см. выше), авторъ отчета въ дальнѣйшемъ изложеніи ограничивается простымъ указаніемъ на списки названнаго произведенія.

себѣ хорошій, хотя по мнѣнію автора отчета нелишенный пропусковъ, текстъ изучаемаго произведенія. — Списокъ Синод. Библіотеки подъ № 277, интересовавшій покойнаго академика И. Н. Жданова, не оправдалъ его предположеній[1]). Текстъ его содержитъ несомнѣнно «Степенную» Макарьевскаго времени, а отсутствіе 17-ой грани является лишь вслѣдствіе недописанности рукописи.—Списокъ «Латухинской Степенной Книги», находящійся въ Синодальной Библіотеѣк, весьма любопытенъ. Онъ содержитъ въ себѣ послѣдовательное и въ общемъ умѣлое сокращеніе названнаго произведенія, сдѣланное по нѣкоторымъ признакамъ около 1695 года.—Рукопись весьма тщательно писана и украшена. Принимая во вниманіе, что въ 1690-ыхъ годахъ патріаршимъ казначеемъ (рукопись находилась въ патріаршей палатѣ) былъ Тихонъ Макарьевскій, котораго авторъ отчета вслѣдъ за Н. П. Поповымъ, библіотекаремъ Синодальной Библіотеки, склоненъ отожествить съ авторомъ Латухинской книги, можно рискнуть на предположеніе о принадлежности ему и вышеуказаннаго сокращенія. Изъ остальныхъ рукописей Синодальной Библіотеки, пересмотрѣнныхъ авторомъ отчета, большой интересъ для изучаемаго вопроса, представляетъ списокъ Житія св. Даніила Переяславскаго. Житіе это написано въ 1553 году и вызвало справедливую оцѣнку проф. В. О. Ключевскаго. Изъ сопоставленія текста житія съ сокращеніемъ его въ Степенной можно думать, что обѣ редакціи названнаго произведенія принадлежали одному лицу[2]), а по намекамъ, разсѣяннымъ въ разныхъ мѣстахъ того и другого текстовъ, авторъ отчета при-

1) Въ своей докторской диссертаціи И. Н. Ждановъ высказалъ особую гипотезу о происхожденіи и разработкѣ «Степенныхъ Книгъ». Онъ предполагалъ между прочимъ, что Синодальный Списокъ «Степенной», во многомъ отличный по словамъ архим. Саввы отъ печатнаго текста, содержитъ въ себѣ домакарьевскую Степенную. На самомъ дѣлѣ особенности Синодальнаго списка, по мнѣнію автора отчета, объясняются большей близостью его (не по времени, а по тексту) къ протографу Степенной Макарьевскаго времени.

2) Мысль объ этомъ въ очень осторожной формѣ была уже высказана В. О. Ключевскимъ въ соч. «Древнерусскія Житія Святыхъ и т. д.»

ходитъ къ заключенію, что авторомъ Житія былъ митрополитъ Аѳанасій, написавшій и «Степенную».

6. Въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ авторомъ отчета пересмотрѣны 2 списка Житія св. Михаила Клопскаго и 10 списковъ «Степенной Книги». Нѣкоторые изъ послѣднихъ представляютъ извѣстный интересъ для изучаемаго вопроса. Такъ, рукопись пожертвованная въ 1813 году Каблуковымъ въ основной своей части содержитъ текстъ «Степенной» весьма близкій къ принимаемому авторомъ отчета за протографическій, а прибавленія ея — довольно любопытная компиляція, доводящая разсказъ до 1619 года. Рукопись, принадлежавшая до поступленія въ Архивъ Евграфу Салтыкову, содержитъ довольно исправный и тщательно писанный текстъ «Степенной» и «Новаго Лѣтописца». Списокъ XVIII вѣка, спеціально сдѣланный для Юрьева, автора компилятивнаго «Извѣстія о Россійскихъ Великихъ князьяхъ и т. д.», любопытенъ для изученія пріемовъ компилятора XVIII вѣка. — Исключительный интересъ для автора отчета представлялъ списокъ «Степенной», служившій по словамъ Г. Ф. Миллера оригиналомъ печатнаго текста. Пересмотръ названнаго списка показалъ, что покойный исторіографъ лишь поверхностно былъ знакомъ съ этой рукописью. Изъ многочисленныхъ доказательствъ послѣдняго факта достаточно привести одно: Миллеръ въ предисловіи къ изданію «Степенной» утверждаетъ, что списокъ этотъ написанъ при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, а между тѣмъ въ немъ упоминается царь Михаилъ Ѳеодоровичъ. — Могло бы возникнуть сомнѣніе, на вышеназванный ли списокъ указываетъ Миллеръ. Но въ виду того, что списокъ этотъ несомнѣнно пожертвованъ въ 1775 году (годъ изданія Степенной) въ Архивъ Бантышемъ-Каменскимъ, на пожертвованіе котораго указываетъ и предисловіе Миллера, и что до 1784 года этимъ лицомъ принесена въ даръ Архиву одна лишь рукопись «Степенной», сомнѣнію нѣтъ мѣста. Пересмотръ нѣкоторыхъ портфелей Миллера показываетъ, что покойному исторіографу были извѣстны списки «Степенной» гораздо болѣе

исправные, чѣмъ тотъ, который служилъ ему при изданіи [1]). Между прочимъ, въ портфеляхъ Миллера находится отрывокъ «Степенной», встрѣчаемый лишь въ спискахъ наиболѣе близкихъ по тексту къ протографическому. Затѣмъ въ портфеляхъ историографа имѣется копія съ окончанія того академическаго списка «Степенной», изъ котораго автору отчета удалось извлечь «Отповѣдь» въ защиту памяти патріарха Гермогена [2]). Извѣстны были Миллеру и: 1) «Повѣсть кн. Ив. Мих. Катырева», 2) «Латухинская Степенная книга» въ первоначальной редакціи.

7. Въ библіотекѣ Московскихъ Румянцевскаго и Публичнаго Музеевъ авторъ отчета пересмотрѣлъ 2 списка житія св. Михаила Клопскаго, 12 списковъ «Степенной» и рукопись, содержащую повѣсть о послѣднихъ дняхъ жизни и о преставленіи митрополита Макарія. Изъ списковъ «Степенной» на первое мѣсто по исправности текста и древности надо поставить рукопись № 612. Списокъ этотъ — XVI вѣка и по мнѣнію автора отчета содержитъ весьма близкій къ протографическому текстъ «Степенной» Макаріевскаго времени. Изъ списковъ болѣе позднихъ еще 3 имѣютъ подобный же текстъ. Изъ остальныхъ музейскихъ списковъ любопытенъ описанный Востоковымъ и содержащій въ себѣ кромѣ «Степенной» разныя добавленія. Можно думать, что этотъ или тожественный съ нимъ списокъ послужилъ источникомъ для нѣсколько сокращенной и въ тоже время пополненной редакціи «Степенной». Автору отчета извѣстны 2 списка такой редакціи. Старшій изъ нихъ находится въ Императорской Публичной Библіотекѣ, а младшій въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ. Сверхъ того въ музейской библіотекѣ находится нѣсколько списковъ «Степенныхъ» съ разными дополненіями. —

---

1) Весьма вѣроятно, что оригиналъ погибъ при наборѣ. По крайней мѣрѣ его нѣтъ въ портфеляхъ Миллера, хранящихся въ Архивѣ. Можно думать, что Миллеръ не дѣлалъ особенно существенныхъ отступленій отъ оригинала, такъ какъ автору отчета случалось видѣть списки очень схожіе съ печатнымъ текстомъ «Степенной».

2) См. Ж. М. Н. Пр. Іюль 1901 года.

Списокъ повѣсти о послѣднихъ дняхъ жизни и о представленіи митрополита Макарія очень любопытенъ. Въ немъ мы находимъ много интересныхъ подробностей о знаменитомъ іерархѣ XVI вѣка. — Для изучаемой темы не лишено значенія упоминаніе въ этой повѣсти о митрополитѣ Аѳанасіи[1]).

III.

Поѣздка въ Москву по мнѣнію автора отчета привела его въ дѣлѣ изученія «Степенной» къ слѣдующимъ главнымъ результатамъ.

1. Многія изъ предположеній автора отчета пріобрѣли бо́льшую увѣренность и доказательность[2]).

2. Авторъ отчета ознакомился со многими интересными списками Степенной, изъ которыхъ на первое мѣсто надо поставить 2 вышеуказанныя рукописи: № 612 Публичнаго Музея и «Степенную Чудова монастыря» (нынѣ Синодальной Библіотеки).

3. Открылись нѣкоторые дотолѣ неизвѣстные факты, касающіеся изданія «Степенной» Миллеромъ.

4. Можетъ быть указана новая редакція Латухинской книги, а также дополнена нѣсколько біографія ея автора.

Принимая во вниманіе нѣкоторую необходимость ознакомленія людей, интересующихся памятниками древнерусской исторической письменности, съ результатами изученія многихъ списковъ «Степенной книги», авторъ отчета думаетъ приступить

---

1) Повѣсть эта не имѣетъ заглавія и дошла до насъ къ сожалѣнію въ весьма позднемъ спискѣ. — Тѣмъ не менѣе столь авторитетный изслѣдователь, какъ В. О. Ключевскій, считаетъ «повѣсть» современной описываемымъ въ ней событіямъ.

2) Здѣсь подразумѣваются ближайшимъ образомъ вопросы: 1) о митрополитѣ Аѳанасіи, какъ авторѣ Степенной, 2) невѣрности свидѣтельства въ печатномъ изданіи житія св. Михаила Клопскаго о существованіи «Степенной» до 1537 года, 3) о различныхъ спискахъ «Степенной», 4) о позднѣйшихъ редакціяхъ этого произведенія.

къ посильной обработкѣ хотя части добытаго имъ матеріала. Въ 1902/3 академическомъ году, если только позволятъ служебныя занятія автора отчета, онъ предполагаетъ приготовить къ печати слѣдующія статьи:

1. Кто былъ авторомъ «Книги Степенной Царского родословія»?.

2. О печатномъ изданіи «Степенной».

3. Житіе св. Михаила Клопскаго въ редакціи 1537 г. и печатное его изданіе.

4. Вопросъ о «Книгѣ Степенной» въ русской исторической литературѣ.

Заканчивая свой отчетъ, авторъ его считаетъ своей прямой и пріятной обязанностью принести искреннюю благодарность лицамъ, стоящимъ во главѣ тѣхъ Учрежденій, гдѣ онъ работалъ лѣтомъ 1902 года, за допущеніе къ занятіямъ, а также и господамъ завѣдующимъ Библіотеками этихъ Учрежденій за ихъ любезное и внимательное отношеніе. Особенно обязанъ авторъ отчета содѣйствію С. А. Бѣлокурова (Архивъ М. И. Д.) и Н. П. Попова (Синодальная Библіотека).

Преподаватель С.-Петерб. Коломенской Женской Гимназіи
В. У. И. М. Платонъ Васенко.

XII.

Въ истекшемъ 1902 году мои занятія сосредоточивались главнымъ образомъ на продолженіи предпринятыхъ ранѣе работъ по изслѣдованію судебъ русской поэзіи, преимущественно лирической, начала XVIII в.

1. Мною закончена и напечатана книга «Изъ исторіи развитія русской поэзіи XVIII» (докторская диссертація), заключающая въ себѣ изслѣдованія о древне-русскомъ народномъ стихѣ

и тонизаціи силлабическаго стиха; о трудахъ Тредьяковскаго, паст. Э. Глюка и І. Пауса по установленію теоріи метротоническаго стихосложенія, и о судьбахъ параллельно развившагося изъ силлабическаго—малорусскаго народнаго и искусственнаго стиха. Основные выводы этой моей работы указаны уже въ моемъ отчетѣ за 1901 г. (Отчетъ о дѣятельности отд. русск. яз. и слов. за 1901 г., стр. XV). Не вошедшія въ эту диссертацію мелкія замѣтки и изслѣдованія по исторіи малорусской поэзіи XVIII в. находятся въ распоряженіи редакціи Извѣстій отдѣленія русс. яз. и слов. Имп. Академіи Наукъ. При содѣйствіи отдѣленія я былъ допущенъ къ занятіямъ въ Государственномъ Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ, гдѣ мною розысканы нѣкоторыя данныя, касающіяся поэтической дѣятельности В. Монса и Е. Столѣтова, незатронутыя М. И. Семевскимъ въ его извѣстной монографіи о семействѣ Монсовъ. Одновременно разрабатывались мною матеріалы для характеристики русской лирики начала XVIII в. по рукописямъ Имп. Публ. Библіотеки, Тверского музея и Виленской Публ. Библ. Результаты моихъ наблюденій надѣюсь опубликовать въ недалекомъ будущемъ.

2. Возобновивъ свои занятія по исторіи р. театра XVII—XVIII в., я составилъ подробный каталогъ рукописныхъ и старопечатныхъ пьесъ и программъ зрѣлищъ до-классическаго репертуара. При названіи каждой пьесы мною указывается: 1) мѣстонахожденіе рукописи или старопечатнаго изданія; 2) новое изданіе и 3) изслѣдованія, въ которыхъ каждая данная пьеса упоминается. Этотъ каталогъ выяснилъ, что въ настоящее время извѣстно уже около 50 пьесъ, оставшихся неиспользованными авторомъ «Исторіи русскаго театра» 1889 г., П. О. Морозовымъ. Кромѣ составленія этой общей канвы для исторіи драмы до половины XVIII в., мною предпринято изданіе неизвѣстныхъ и малоизвѣстныхъ пьесъ эпохи Петра Великаго на средства, дарованныя Отдѣленіемъ русс. яз. и слов. Императ. Академіи Наукъ. Назначеніе этого сборника — служить дополненіемъ и продолженіемъ извѣстнаго труда ак. Н. С. Тихонра-

вова: «Русскія драматическія произведенія» (2 тт. 1874 г.). Въ мой сборникъ вошли пьесы «Актъ о Калеандрѣ и Неонильдѣ» 1731 г. — трилогія въ стихахъ, передѣланная изъ переводнаго романа, списки котораго указаны въ трудѣ академика А. Н. Пыпина «Для любителей книжной старины»; Комедія о царѣ Давидѣ и царѣ Соломонѣ», соч. около 1717 г., основанная на эпизодѣ изъ кн. Царствъ; — эти пьесы были извѣстны въ литературѣ лишь по названію и ничтожнымъ выпискамъ. Вновь появляются другія двѣ пьесы: «Синопсисъ о царѣ Езекіи» 1724 г. и «Шутовская комедія».

3) Заботясь о продолженіи обѣщанныхъ мною «Изслѣдованій изъ исторіи русской повѣсти» (Изсл. и матер., т. II), я занимался собираніемъ и предварительной обработкой данныхъ для исторіи повѣсти о Саввѣ Грудцынѣ и аналогичныхъ ей въ русской литературѣ XVII—XIX вв.; а также приготовленіемъ къ изданію текста «Слова о Горѣ Злосчастьѣ» и изслѣдованія этого любопытнаго памятника.

4) По порученію Историко-Филологическаго Факультета Имп. СПБ. Университета составилъ и произнесъ рѣчь «Гоголь и малорусская литературная традиція» въ соединенномъ засѣданіи Отдѣленія русс. яз. и слов. Академіи Наукъ и Факультета.

Заканчивая свой третій уже отчеть о занятіяхъ, не могу не выразить глубочайшей признательности Отдѣленію русскаго яз. и слов. за матеріальную и нравственную поддержку въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ. И если за это время мною сдѣлано что либо для разработки вопросовъ нашей науки, то этимъ я обязанъ почти всецѣло означенной поддержкѣ, давшей мнѣ необходимый для научныхъ занятій досугъ.

Списокъ напечатанныхъ въ 1902 г. работъ.

1. Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы. Т. III. Изъ исторіи русской поэзіи XVIII в., ч. 1 и 2. СПБ. 1902. 426+186 стр.

2. Памятники русской драмы эпохи Петра В. СПБ. 1903.

3. Гоголь и малорусская литературная традиція. Рѣчь. 1902.
4. Панегирикъ Θеоф. Прокоповича на побѣду Петра В. при Полтавѣ. Библіогр. замѣтка. (Литер. Вѣстн. 1902 г. № 2).
5. Изъ стариной русской юмористики нач. XVIII в. (Литер. Вѣстн. 1902 г. № 7.
6. Разборъ труда В. А. Погорѣлова «Библіотека Моск. Синод. Типографіи. ч. I, рукописи; вып. 3. Псалтири. М. 1901». (Журн. Мин. Нар. Пр. 1902, № 6).
7. Отвѣтъ И. А. Шляпкину (на его разборъ диссертаціи «Изъ ист. русской поэзіи XVIII в.»). Ж. М. Н. Пр. 1902, № 10.

Рядъ рецензій въ Литературномъ Вѣстникѣ за 1902 годъ на книги по исторіи русской литературы, западно-русской исторіи и археологіи.

Печатается въ серіи «Памятниковъ древней писменности» Имп. О. Л. Др. П. «Слово о трехъ волхвахъ» по западной-русской рукописи XV вѣка.

В. Н. Перетцъ.

XIII.

Въ теченіе 1902 года Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ оказало мнѣ существенную поддержку въ двухъ отношеніяхъ: съ января мѣсяца мнѣ высылались изъ I-го Отдѣленія библіотеки И. А. Н. журналы 20-хъ и 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія, необходимые для справокъ по интересующему меня вопросу, а съ перваго іюля я получаю стипендію въ количествѣ 75 р. въ мѣсяцъ. Высылка журналовъ позволила мнѣ по мѣрѣ возможности не прерывать своихъ научныхъ занятій даже и въ учебное время, когда я связанъ учительской службой и не могу посѣщать библіотеки при Императ. Варш. Университетѣ, въ которой къ тому же

нужныя мнѣ періодическія изданія или совсѣмъ отсутствуютъ или имѣются за нѣкоторые года въ разрозненномъ видѣ. Назначеніе же стипендіи дало мнѣ возможность провести два лѣтнихъ мѣсяца подъ Петербургомъ, благодаря чему я могъ нѣсколько разъ въ недѣлю посѣщать Императорскую Публичную Библіотеку, и работать тамъ въ отдѣленіи, пользуясь любезными указаніями В. П. Ламбина; и разъ въ недѣлю я бывалъ въ библіотекѣ Императ. Ак. Наукъ, откуда съ разрѣшенія А. А. Шахматова получалъ еженедѣльно нѣкоторыя нужныя мнѣ изданія на домъ. Въ настоящее время стипендія позволила мнѣ на текущій учебный годъ сократить почти на половину количество моихъ уроковъ въ гимназіи (число которыхъ обыкновенно доходило до 30-ти) и тѣмъ самымъ выгодать и время и энергію, не подвергая себя тяжелымъ матеріальнымъ лишеніямъ.

Благодаря вышеуказаннымъ обстоятельствамъ я успѣлъ за истекшее время 1) ознакомиться съ нѣкоторыми трудами какъ по исторіи западноевропейской литературы вообще, такъ по исторіи романтизма въ частности, 2) изучить детально слѣд. необходимый мнѣ матеріалъ: а) журналы 20-хъ и 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія: *Московскій Вѣстникъ, Московскій Телеграфъ*, *Телескопъ*, *Вѣстникъ Европы*, *Атеней*, *Мнемозина, Галатея*, *Дамскій Журналъ*, *Отечественныя записки*, *Сѣверный Архивъ*, *Сынъ Отечества*, *Соревнователь просвѣщенія и благотворенія*, *Благонамѣренный*, *Невскій Зритель*, *Журналъ изящныхъ искусствъ*, *Литературные листки*, *Рецензентъ*, *Славянинъ*, *Русскій Зритель, Радуга;* б) нѣкоторые журналы изъ первыхъ двухъ десятилѣтій прошлаго столѣтія: *Духъ Журналовъ, Новости литературы*, *Цвѣтникъ*, *Амфіонъ*, *Корифей или ключъ литературы*, *Санктпетербургскій Вѣстникъ;* в) нѣкоторыя отдѣльныя сочиненія по теоріи романтизма той же эпохи, какъ напр. *О романтической поэзіи* Ореста Сомова, *О трагедіи грековъ, французовъ и романтиковъ* В. Ѳ. Товарницкаго, *De origine, natura et fatis poëseos*, *quae romantica audit* Н. И. Надеждина и др.

Близкое ознакомленіе съ интересующимъ меня матеріаломъ и ученой литературой, къ нему относящейся, позволило мнѣ прежде всего выяснить и формулировать тотъ научный вопросъ, который я избралъ темою для своей магистерской диссертаціи. Этотъ вопросъ я хотѣлъ бы опредѣлить формулой: *Романтизмъ въ русской литературѣ.* Изученіе этого широкаго вопроса мнѣ представляется возможнымъ вести съ двухъ, главнымъ образомъ, сторонъ: 1) разсмотрѣть ту совокупность литературныхъ мнѣній въ русской литературѣ и журналистикѣ, которыя въ 20-хъ и 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія извѣстны были подъ названіемъ романтизма; 2) прослѣдить совокупность поэтическихъ мотивовъ западно-европейскаго романтизма, которые подъ тѣмъ или другимъ названіемъ проникли въ нашу литературу главнымъ образомъ въ первыя три десятилѣтія прошлаго вѣка, жили въ ней нѣкоторое время и, можетъ быть, продолжаютъ жить еще и донынѣ въ томъ или другомъ видѣ. Пока я избралъ для себя первую часть вопроса, которая по приблизительнымъ разсчетамъ, сдѣланнымъ мною, потребуетъ много времени, а по количеству матеріала и характеру выводовъ можетъ представить собою законченное изслѣдованіе. Планъ этой первой части представляется мнѣ въ слѣдующемъ видѣ:

Романтизмъ въ русской литературѣ.

Часть первая.

Литературная почва романтизма въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣковъ. Теорія романтизма въ русской литературѣ и журналистикѣ 20-хъ и 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія.

[Предисловіе. Разсмотрѣніе мнѣній о романтизмѣ въ западно-европейской критикѣ и исторіи литературы].

Глава I. Литературная почва романтизма въ концѣ XVIII и началѣ XIX в.

а) Обращеніе къ народной поэзіи [народно-поэтич. элементъ въ искусственномъ творчествѣ].

б) Вліяніе Оссіана, Шекспира; отголоски восточной поэзіи.

в) Зачатки новаго пониманія классич. древности (поэзіи).

г) Зарожденіе новыхъ литературныхъ мнѣній.

[Примѣчаніе. Вопросъ объ общественной почвѣ романтизма, поскольку она была возможна для русской литературы, я нахожу болѣе удобнымъ отнести къ обозрѣнію поэтическихъ мотивовъ романтизма, т. е. ко второй части моей работы].

Глава II. Источники теоріи романтизма. Первые слухи о романтизмѣ въ русск. журналистикѣ и литературѣ первыхъ двухъ десятилѣтій XIX в.

Глава III. Отголоски нѣмецкой романтической доктрины въ русской литературѣ и журналистикѣ.

Глава IV. Теоретическіе выводы французскаго романтизма и отношеніе къ нимъ русской критики; [русская критика объ англійскихъ романтикахъ].

Глава V. Оппозиція новымъ литературнымъ взглядамъ со стороны «классической» партіи (споръ романтиковъ и классиковъ).

Глава VI. Мысли о синтезѣ классицизма и романтизма. Возникновеніе понятія о «новой поэзіи».

Примѣнительно къ данному плану и на основаніи изученнаго уже мною матеріала я успѣлъ за это время составить въ черновомъ видѣ части нѣкоторыхъ изъ вышеуказанныхъ главъ. Эти наброски въ количествѣ 8-9 печатныхъ листовъ по содержанію могутъ быть формулированы слѣд. образомъ.

1) [Къ главѣ III-й]. *Московскій Вѣстникъ и нѣмецкая романтическая доктрина.* Общій характеръ журнала. Моск. Вѣстн. и западно-европейская романтическая литература: переводы поэтовъ и теоретиковъ романтизма. Сущность романтизма въ западно-европейской литературѣ по понятіямъ Моск. Вѣст-

ника. Терминъ «романтическая поэзія»; генезисъ романтической поэзіи и положеніе ея въ исторіи литературнаго развитія человѣчества; современное ея состояніе (въ концѣ XVIII и началѣ XIX вв.). Романъ, какъ характерная форма романтической поэзіи. Свобода художественнаго творчества, какъ ея необходимое условіе. Двѣ струи въ романтической поэзіи (идеалистическая и реалистическая), обусловливающія ея будущность. Античная и романтическая поэзія, ихъ взаимное отношеніе; мысли о новомъ изученіи классической древности. Романтическія вѣянія въ русской литературѣ. Мысли о примѣненіи теоріи романтизма на русской почвѣ.

2) [Къ главѣ IV-й]. *Московскій Телеграфъ и теоретическіе выводы французскаго романтизма.* Иностранная литература въ Моск. Телеграфѣ. Отношеніе Моск. Телеграфа къ нѣмецкой и англійской литературѣ. Вліяніе В. Гюго и французскихъ романтиковъ на критич. воззрѣнія Моск. Телеграфа. Выясненіе понятія о романтизмѣ. Взглядъ на исторію романтической поэзіи. Романтизмъ и классицизмъ; итоги того и другого направленія. Основные пункты романтической эстетики и критики. Романтизмъ въ русской литературѣ и его будущность.

3) [Къ главѣ V-й]. *Оппозиція противъ романтизма въ классической партіи.* Духъ Журналовъ и ранняя оппозиція противъ нѣмецк. романтизма и философіи. Первыя впечатлѣнія отъ романтизма въ лагерѣ «классиковъ»; нападки на романтическій стиль и поэтич. произволъ романтиковъ (обзоръ антиромантической критики Благонамѣреннаго, Галатеи, Дамскаго Журнала, Невскаго Зрителя и др.). Дамскій Журналъ и первая попытка рѣшить «тайну классицизма и романтизма». Вѣстникъ Европы въ двадцатыхъ годахъ; его «классическое» направленіе. Критическія статьи Н. И. Надеждина въ Вѣстникѣ Европы; пересмотръ основныхъ положеній теоріи романтизма и ихъ критика. Атеней и его колебаніе между классицизмомъ и романтизмомъ; намекъ на возможность ихъ синтеза. Н. И. Надеждинъ и его докторская диссертація «De origine, natura et fatis poëseos,

quae romantica audit»; попытка рѣшить научнымъ путемъ споръ между классицизмомъ и романтизмомъ и указаніе новаго пути русской поэзіи.

4) [Къ главѣ V-й]. *Мысли о синтезѣ классицизма и романтизмѣ. Возникновеніе понятія «новой поэзіи»*. Телескопъ и его отличительный характеръ. Указаніе «новаго пути» литературному развитію. Народность, какъ отличительная черта «новой поэзіи». Отношеніе «новой поэзіи» къ классицизму и романтизму. Ретроспективный взглядъ на романтизмъ въ нѣмецк. и французской литературахъ. Элементы романтизма и классицизма, вошедшіе въ понятіе о «новой поэзіи». Роль романтизма въ будущемъ при наличности «новой поэзіи». Гегеліанство и кризисъ романтизма 20-хъ годовъ. Романтизмъ по опредѣленію В. Г. Бѣлинскаго и Ап. Григорьева[1]).

Кромѣ того въ настоящемъ году много были написаны и прочитаны въ засѣданіяхъ общества исторіи, филологіи и права при Императ. Варш. Университетѣ двѣ рѣчи на темы:

1) Три романтическихъ мотива въ произведеніяхъ Гоголя и

2) «Голубой цвѣтокъ» въ поэзіи Жуковскаго (Параллель между Жуковскимъ и Новалисомъ).

Первая рѣчь напечатана въ I книжкѣ Записокъ Общества исторіи, филологіи и права при Императ. Варш. Университетѣ, а вторая печатается въ настоящее время въ III-й кн. Научно-литературнаго сборника общ. Русско-галицкой Матицы (во Львовѣ).

Въ заключеніе считаю своимъ пріятнымъ долгомъ выразить глубокую благодарность Отдѣленію русскаго языка и словесности Имп. Ак. Наукъ, за оказанную мнѣ матеріальную и нравственную поддержку и высказать увѣренность въ томъ, что при тѣхъ

---

1) Эти этюды къ диссертаціи пока еще представляютъ черновую рукопись, не вполнѣ удобную для чтенія, но могутъ быть въ теченіе трехъ недѣль или мѣсяца мною переписаны начисто и представлены въ видѣ приложенія къ настоящему отчету, если Отдѣленіе русск. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ найдетъ это необходимымъ.

условіяхъ, въ которыя я теперь поставленъ, мнѣ удастся бодро и успѣшно сдѣлать свою работу и тѣмъ оправдать довѣріе, которымъ меня почтили.

Магистрантъ русской словесности
Иванъ Замотинъ.

XIV.

Настоящій отчетъ считаю своимъ первымъ долгомъ начать изъявленіемъ искренней признательности Второму Отдѣленію за ту съ его стороны щедрую матеріальную помощь и нравственную поддержку, которыя позволили мнѣ продолжить и довести почти до конца свой наиболѣе обширный трудъ. Я имѣю въ виду полное собраніе сочиненій И. М. Муравьева—Апостола, снабженное историко-литературнымъ комментаріемъ и біографіей названнаго дѣятеля. Работа эта, начатая по порученію покойнаго Л. Н. Майкова еще въ 1899 году, шла у меня въ теченіе двухъ съ половиной лѣтъ, чередуясь съ другими историко-литературными занятіями, пока я не сосредоточилъ именно на ней главное свое вниманіе въ текущемъ отчетномъ году. За этотъ годъ я успѣлъ подготовить комментарій ко всѣмъ произведеніямъ Муравьева, какія только мнѣ удалось найти, собрать — гдѣ только открытъ былъ мнѣ доступъ — матеріалы для характеристики его жизни и дѣятельности и составить по нимъ біографію Муравьева, пока еще не совсѣмъ готовую къ печати. Въ цѣляхъ своего предпріятія я работалъ и производилъ поиски въ слѣдующихъ архивахъ: Московскомъ Архивѣ Минист. Иностран. Дѣлъ, С.-Петербургскомъ Государственномъ и Главномъ Архивахъ Минист. Иностр. Дѣлъ, Архивѣ Минист. Народн. Просвѣщенія, Сенатскомъ Архивѣ, Архивѣ Департамента Герольдіи, а также въ

библіотекахъ: Императорской Публичной, Академіи Наукъ, Московскаго Румянцевскаго Музея; кромѣ того я обращался за содѣйствіемъ къ потомкамъ и родственникамъ Муравьева. Изъ результатовъ моихъ поисковъ въ этомъ направленіи отмѣчу слѣдующее: мнѣ удалось познакомиться со всей обширной дипломатической перепиской Муравьева въ бытность его нашимъ посланникомъ въ чужихъ земляхъ. Переписка эта, дающая незначительный матеріалъ для біографа Муравьева, представляетъ драгоцѣнный матеріалъ для историка нашихъ дипломатическихъ сношеній въ послѣдніе годы царствованія императора Павла и въ первые Александра I-го. (Все наиболѣе цѣнное изъ этихъ матеріаловъ со временемъ надѣюсь опубликовать). Затѣмъ мнѣ удалось найти нѣсколько собственноручныхъ (еще неизданныхъ) частныхъ писемъ Муравьева и, наконецъ, не мало документовъ оффиціальнаго характера, могущихъ такъ или иначе служить матеріаломъ для біографіи Муравьева...—Но все же я имѣю основаніе сѣтовать на незначительность и сравнительную скудость добытаго мною матеріала. Не говоря о томъ, что матеріалы, которыми я располагаю не въ состояніи освѣтить съ достаточною ясностью нѣкоторыя стороны общественной и литературной дѣятельности Муравьева и даже цѣлыхъ эпохъ его жизни, мнѣ не посчастливилось даже найти нѣкоторыхъ принадлежащихъ ему сочиненій, несмотря на справки о нихъ въ нашихъ казенныхъ и частныхъ, а также и въ иностранныхъ библіотекахъ. Впрочемъ, я нашелъ возможнымъ еще въ началѣ отчетнаго года приступить къ составленію комментарія къ извѣстнымъ мнѣ произведеніямъ Муравьева и біографіи его. Первое въ настоящее время уже окончено, второе въ окончательномъ видѣ будетъ готово къ январю 1903-го года. Внѣшнимъ образомъ мои занятія надъ жизнью и дѣятельностью Муравьева выразились въ напечатаніи (въ «Русской Старинѣ») этюда: «И. М. Муравьевъ-Апостолъ-авторъ Писемъ изъ Москвы въ Нижній-Новгородъ», другой этюдъ: «Драмматическіе опыты И. М. Муравьева-Апостола» еще весной сданъ въ редакцію «Извѣстій

Отдѣленія русск. яз. и слов. Императ. Академіи Наукъ». — Помимо этихъ работъ я напечаталъ въ журналѣ «Литературный Вѣстникъ» статью: «Списки «Ундины» Жуковскаго», рецензіи и рядъ статей въ Біографическомъ Словарѣ. Затѣмъ прочиталъ въ гимназіи К. Мая рѣчь на тему: «Черты изъ литературной дѣятельности А. Ѳ. Погоскаго». Наконецъ продолжалъ разработку темъ, отмѣченныхъ въ прошлогоднемъ отчетѣ и заканчиваю статью: «Пушкинъ въ молодые годы».

И. А. Кубасовъ.

XV.

(Памяти В. К. Ернштедта.)

Не смотря на неблагопріятное для занятій время, въ которое я отправился, на средства Императорской Академіи Наукъ, въ Италію, мнѣ удалось обогатиться значительнымъ количествомъ новаго, доселѣ еще мало извѣстнаго или совсѣмъ неизвѣстнаго матеріала.

Что касается до греческихъ житій святыхъ, я цѣликомъ списалъ въ Генуѣ мученичество свв. Спевсиппа, Еласиппа и Мелесиппа, по рукописи X вѣка, единственной въ мірѣ, въ которой только и сохранилось это «мученичество». Затѣмъ вполнѣ списалъ тамъ же драгоцѣнное житіе св. Ѳеодора, игумена Хорскаго монастыря (въ Константинополѣ), богатое археологическими данными для самой Византіи въ VI вѣкѣ, но остававшееся доселѣ почти неизвѣстнымъ, если не считать нѣкоторыхъ извлеченій изъ него — греческаго ученаго г. Гедеона. Изъ прочитаннаго въ Генуѣ житія св. Михаила Синкелла, очень любопытнаго многими мелкими историческими подробностями и особенно хронологическими данными, я могъ вывести заключеніе, что не этотъ св. Михаилъ Синкеллъ была авторомъ житія патр.

Игнатія, — а его именно хотѣли видѣть византинисты, не зная содержанія этого житія. Житіе св. Филарета Милостиваго, читанное здѣсь же, по справедливости должно быть отнесено къ числу первоначальныхъ біографій святаго: всѣ остальные, доселѣ изданные греческіе тексты и славянскіе переводы есть уже только болѣе или менѣе поздніе пересказы этого основнаго житія. Біографія написана Никитою, внукомъ св. Филарета и его крестникомъ, въ 822 году, во время его изгнанія, въ пелопонесскомъ городѣ Каріуполѣ. Сверхъ того прочитано мною во Флоренціи житіе св. Константина Синнадскаго, остающееся доселѣ неизданнымъ, представляющее нѣсколько цѣнныхъ подробностей для исторіи IX столѣтія. Но Метафрастовскій пересказъ житія св. Стефана Новаго, равно какъ неизданное житіе ап. Андрея Первозваннаго, составленное не позднѣе VIII—IX в., не дали намъ чего либо особенно интереснаго.

Въ отношеніи паломнической литературы извѣстный интересъ долженъ представлять списанный мною въ Римѣ греческій Проскинитарій св. Земли, по списку XV вѣка, составленный въ лаврѣ св. Саввы Освященнаго. Извѣстно, что наши старые русскіе паломники останавливались и жили въ этой лаврѣ, почему, быть можетъ, могли пользоваться этимъ, такъ сказать, оффиціальнымъ лаврскимъ путеводителемъ.

Особенно важныя находки сдѣланы мною въ отношеніи русской исторіи. Бесѣды патр. Фотія по поводу нашествія русскихъ на Константинополь въ 860 году, издаваемыя нынѣ Императорскою Академіею Наукъ, сохранились, теперь можно сказать, еще въ одномъ спискѣ: такимъ спискомъ можетъ считаться теперь флорентинскій plutei X codex XXXI, XV вѣка, содержащій къ себѣ бесѣду Дороѳея, митрополита Митилинскаго, по поводу нашествія на Константинополь турокъ, въ XV вѣкѣ: Дороѳей составилъ свое слово исключительно изъ двухъ бесѣдъ Фотія, почему διδασκαλία перваго можетъ имѣть значеніе для исправленія текста бесѣдъ послѣдняго. Затѣмъ извѣстно было, что внука нашего Владиміра Мономаха, какъ кажется Евпраксія

(Добродѣя), въ 1122 году вышла замужъ за византійскаго царя Алексѣя Іоанновича Комнина и, какъ я разыскалъ, при короновавіи получила имя Зои. Незадолго до поѣздки въ Италію я нашелъ, что Зоя передъ смертью пользовалась волхвованіемъ и чародѣйствами, то-есть, говоря современнымъ языкомъ, употребляла медицинскія средства для излѣченія смертельнаго недуга. Флорентинская рукопись Plutei VII codex XIX, XIV вѣка, открыла мнѣ, что Зоя въ Византіи много занималась медицинскими науками, что она даже написала собственное руководство въ этомъ родѣ и столь замѣчательное, что послѣдующіе греческіе врачи пользовались ея указаніями, дѣлая выписки изъ ея сочиненія. Книга Зои, Ἄλειμμα, сохранившаяся до насъ не въ цѣломъ своемъ видѣ, а только въ извлеченіи, списана мною цѣликомъ и въ непродолжительномъ времени будетъ напечатана. Стоитъ еще указать на новый, по счету восьмой, греческій списокъ посланія русскаго митрополита Льва (X—XI в.) къ латинянамъ объ опрѣснокахъ: списокъ этотъ находится въ Генуѣ. Тамъ же хранятся и два посланія Болгарскаго архіепископа Льва (XI в.) къ нѣкоему римскому епископу объ опрѣснокахъ.

Изъ болѣе мелкихъ статей, прочитанныхъ мною, укажу на грамоты Иліи Критскаго и Никиты Солунскаго, на сочиненіе патр. Іоанна Каматира объ астрологіи, на церемоніалъ коронованія имп. Мануила Палеолога, отличный отъ всего, что было до сихъ поръ извѣстно, на подгробное слово Харитонима Ермонима по поводу кончины Екатерины Палеологины, супруги Ѳомы Палеолога и матери нашей Софьи Ѳоминичны.

Поѣздка моя, имѣвшая цѣлью занятія въ Генуѣ, Флоренціи, Римѣ и въ Венеціи, удалась только на половину: въ первыхъ двухъ городахъ я извлекъ почти все, что и имѣлъ въ виду, въ остальныхъ же двухъ я почти вовсе не могъ заниматься: Ватиканская библіотека, по случаю лѣтнихъ каникулъ (до октября мѣсяца), была закрыта, а въ Венецію я не успѣлъ даже и заѣхать.

Въ заключеніе позволяю себѣ принести искреннѣйшую бла-

годарность вице-библіотекарю della Civico Beriana въ Генуѣ Cav. Luigi Augusto Cervetto и въ особенности библіотекарю della Biblioteca della Missione Urbana канонику Rever. Giacomo Grasso; во Флоренціи управляющему русскимъ консульствомъ г. C. de Hoeltzke, библіотекарю della R. Biblioteca Mediceo-Laurenziana Dr. Curzio Mazzi и г. Amedeo Nesi и наконецъ въ Римѣ администраціи Національной Библіотеки Виктора Эмануила.

Хр. Лопаревъ.

XVI.

Отправляясь въ путешествіе на Востокъ, я имѣлъ въ виду:

1) изслѣдовать хранящіеся тамъ въ главнѣйшихъ библіотекахъ греческіе списки номоканоновъ XIV-тительнаго и Схоластикова и собраній правилъ съ толкованіями Зонары и Аристина, а также собрать данныя для исторіи сборника Матвѣя Властаря и покаяннаго номоканона;

2) опредѣлить отношеніе этихъ списковъ къ славянскимъ переводамъ тѣхъ же сборниковъ;

3) разсмотрѣть нѣсколько канонич. славянскихъ рукописей, свѣдѣнія о которыхъ проникли въ печать, и поискать новыхъ.

Для этого были намѣчены слѣдующія библіотеки: Патмосская, Константинопольскія, Аѳинская Національная и Аѳонскія; съ Аѳона черезъ Салоники я хотѣлъ проѣхать по Македоніи и черезъ Болгарію и Румынію вернуться въ Россію. Выполнить этотъ планъ представлялось возможнымъ потому, что главная работа въ благоустроенныхъ библіотекахъ должна была итти быстро, да и каноническія рукописи не такъ ужъ многочисленны, а особенно достопримѣчательныя.

На дѣлѣ вышло иначе. Вслѣдствіе разгорающагося возстанія въ Македоніи путешествіе по этой странѣ сдѣлалось настолько небезопаснымъ, что и русскій генеральный консулъ въ Салони-

кахъ, и сербскій, и всѣ знающіе люди настойчиво совѣтовали мнѣ не предпринимать его теперь; при томъ же и турецкое правительство выдавало паспортъ для путешествія не иначе какъ въ сопровожденіи 2 — 3 заптіе, которыхъ вмѣстѣ съ ихъ лошадьми долженъ былъ бы кормить на свой счетъ путешественникъ.

Такъ какъ работа надъ греческими рукописями потребовала гораздо больше времени, чѣмъ сколько я расчитывалъ, то, въ виду краткости остававшагося у меня въ распоряженіи срока, путешествіе въ славянскія земли не имѣло смысла; слѣдовало поѣхать въ Іерусалимъ, такъ какъ тамъ есть замѣчательные списки номоканоновъ, хотя и два раза описанные, но недостаточно ясно, точно и подробно; этой поѣздкѣ помѣшала чума, появленіе которой въ Одессѣ заставило меня подумать о немедленномъ возвращеніи въ Россію.

Замедленіе въ работѣ, о которомъ я упомянулъ выше, произошло отъ того, что условія для работы оказались далеко не вездѣ и далеко не такъ благопріятными, какъ слѣдовало ожидать. Всюду оказалось, что по отношенію къ каноническимъ рукописямъ каталоги заставляютъ желать очень многаго и почти ни на одно данное въ нихъ описаніе нельзя положиться; иной разъ думалось даже, что лучше бы ужъ вовсе не имѣть никакихъ описаній, чтобы не приходилось тратить время и трудъ на свѣрку ихъ съ дѣйствительнымъ составомъ рукописей. Работы было вдоволь вездѣ, но не вездѣ можно было работать такъ, какъ хотѣлось бы для успѣха дѣла. Лучше всего было на о. Патмосѣ въ монастырѣ св. Іоанна Богослова, гдѣ я пробылъ 5 недѣль, какъ рекомендованный патріаршей грамотой и какъ русскій, пользуясь самымъ трогательнымъ и неизмѣннымъ вниманіемъ игумена, братіи и даже жителей острова. Точно также и въ Μετόχιον τοῦ Ἁγίου Τάφου работать было очень удобно и пріятно, потому что управлявшіе имъ митрополитъ Неапольскій Арсеній и архимандритъ Каллистъ—авторъ появившагося недавно изслѣдованія о номоканонѣ Фотія — долго прожили въ Россіи.

Въ Аѳины я пріѣхалъ въ такое время, когда Національная

Библіотека бываетъ открыта только съ 10 до 12 ч. утра, но по ходатайству проф. Defner для меня было открыто отдѣленіе рукописей съ 8 до 12 часовъ въ теченіе приблизительно недѣли.

Изъ Аѳинъ, по совѣту хранителя рукописнаго отдѣленія и отчасти проф. Defner, я отправился въ ѳессалійскіе монастыри Μετέωρα, гдѣ дѣйствительно нашелъ много рукописей, но все хламъ въ самомъ растерзанномъ видѣ и только одну каноническаго содержанія, довольно замѣчательную; такъ какъ всѣ книги переписаны греческимъ правительствомъ и за продажу ихъ наказанія примѣняются очень суровыя, то не было возможности купить что-нибудь и тѣмъ спасти отъ крысъ и моли.

Въ исторіи монастырей Μετέωρα[1]), написанной въ 80-ыхъ годахъ XIX в. бывшимъ игуменомъ самаго большого изъ нихъ, находится извѣстіе, что на двухъ скалахъ, гдѣ заброшенный монастырь Св. Духа, сохранились два желѣзныхъ креста, поставленные царемъ Самуиломъ въ 992 г. и сплошь исписанные по-славянски разсказомъ о походѣ и побѣдахъ Самуила въ этомъ году. Взобравшись на скалу къ тому кресту, который былъ хорошо виденъ снизу, и внимательно разсмотрѣвши вершину другой скалы въ бинокль, я убѣдился, что почтенный игуменъ занесъ въ свою исторію безъ всякой провѣрки какія-то «неистовыхъ бабъ басни»: на крестѣ надписи не оказалось, а другого креста никогда и не существовало.

На Аѳонѣ патріаршая грамота не вездѣ производила надлежащее впечатлѣніе, и дружественно расположенные ко мнѣ монахи говорили, что гораздо лучше было бы запастись мнѣ еще и рекомендательными письмами отъ директора Русскаго Археологическаго Института въ КП. или отъ русскаго посольства, а иногда даже и совсѣмъ не имѣть этой грамоты (?!); поѣздивши мѣсяцъ по Аѳону, я и самъ увидѣлъ, что они отчасти правы: лишняя рекомендація мнѣ не помѣшала бы. Правда, во всѣхъ

1) Свѣдѣнія о нихъ у еп. Порфирія, Путешествіе въ Метеорскіе и Олимпійскіе м-ри.

монастыряхъ за исключеніемъ Ватопеда, рукописи давали въ архондарикъ, но показывали далеко не всѣ хотя бы даже тѣ, которыя были въ рукахъ иностранцевъ незадолго до меня. Обыкновенно эти рукописи не находятся въ библіотекѣ; если же онѣ тамъ, то посѣтителю или приносятъ съ любезнѣйшимъ видомъ рукописи по каталогу, лишь бы отнять у него поводъ къ осмотру самой библіотеки, или, ссылаясь на трудность доступа, прямо не пускаютъ туда. Въ монастырѣ св. Павла относительно славянскихъ рукописей мнѣ сказали, что онѣ уничтожены пожаромъ всѣ; но путаница въ разсказѣ объ этомъ происшествіи заставила меня усумниться въ справедливости этого сообщенія; къ тому же монахи изъ другихъ греческихъ монастырей увѣряли меня, что рукописи не сгорѣли, а припрятаны, и едва ли кому-нибудь изъ русскихъ придется увидѣть ихъ въ монастырѣ (!!).

Въ Ватопедѣ, благодаря примѣненной ко мнѣ τάξις τοῦ μοναστηριοῦ, мнѣ пришлось въ теченіи 6 сутокъ только около 20 часовъ просидѣть въ полутемномъ углу библіотеки за рукописями, которыхъ мнѣ не давали въ архондарикъ, хотя этой привилегіей за день до меня пользовался другой цѣлую недѣлю.

Осязательнымъ результатомъ моихъ 5-мѣсячныхъ почти (съ начала іюня до средины октября) занятій явилось описаніе всѣхъ каноническихъ рукописей, хранящихся въ библіотекахъ: Константинопольскаго Μετόχιον τοῦ Ἁγίου Τάφου, Халкинской Богословской Школы, Халкинской Коммерческой Школы, Смирнской Евангелической Школы, монастыря Чаушъ въ Салоникахъ, Аѳинской Національной Библіотеки, библіотекъ Аѳонскихъ монастырей Пантократора, Ивера, Есфигмена, Кутлумуша, Ватопеда, Лавры, Діонисіата и отчасти Пантелеймоновскаго (изъ остальныхъ монастырей мною осмотрѣны всѣ за исключеніемъ Григорія, Симопетры, Ксиропотама, Дохіара и Ксенофа; особенно жалѣю, что не видѣлъ за недостаткомъ времени послѣднихъ двухъ); это описаніе, послѣ исправленія вкравшихся недочетовъ, будетъ мною представлено въ Академію въ качествѣ

отчета, какъ часть давно задуманной мною Bibliotheca juris canonici Graecorum manuscripta.

Изъ всѣхъ видѣнныхъ мною рукописей самая замѣчательная Patm. 172, первой половины IX вѣка: благодаря ей, многіе вопросы изъ исторіи номоканона XIV титуловъ и синтагмы каноновъ рѣшаются окончательно, выдвигаются новыя точки зрѣнія и даются указанія для исторіи славянскаго перевода Ефремовскаго списка кормчей; это единственный пока въ мірѣ по своей древности списокъ XIV-тительнаго номоканона, и едва ли найдется много такихъ, текстъ которыхъ сохранился бы лучше (Patm. 173, схожій съ предыдущимъ, также IX в., но уже второй половины и плохо очень сохранился).

Patm. 373 и 536 представляютъ двѣ редакціи каноническаго сборника 1379 года; Patm. 536 (и Venet. S. Marci Nanian., по описанію Mingarelli p. 425) были извѣстны проф. Павлову, который ожидалъ отъ изслѣдованія сборника 1379 года интересныхъ результатовъ для исторіи номоканона при Большомъ Требникѣ; такъ какъ еще три болѣе аккуратныхъ списка того же сборника оказались въ Аѳинской Націон. Библіотекѣ, то возможно дать первый опытъ анализа и исторіи памятника, что и будетъ мною сдѣлано.

Кромѣ указаннаго сборника 1379 года, нашлось еще нѣсколько неизвѣстныхъ большей частью до сихъ поръ наукѣ, даже и по заглавію, каноническихъ трудовъ, именно:

1) монаха Исаака законникъ, составленный по приказанію митрополита τῶν Παλαιῶν Πατρῶν Даніила; это — извлеченіе изъ Властаря и, кажется, покаяннаго номоканона; особенно интересны схоліи монаха Исаака, прибавляющія много чертъ къ картинѣ внутренней жизни греческой церкви XV — XVI вѣковъ;

2) сборникъ іеромонаха Макарія, (Zachariae, Delineatio, 92);

3) сборникъ Никона;

4) сборникъ Пантелеймоновскаго монастыря № 830 замѣчательнаго состава;

отношеніе послѣднихъ трехъ къ извѣстнымъ въ наукѣ представляется очень неяснымъ.

Для опредѣленія источниковъ и пособій, которыми пользовался Властарь, интересныя указанія даетъ единственное мнѣ извѣстное по рукописи Діонисіата оглавленіе содержанія Фотіевой синтагмы въ порядкѣ буквъ алфавита со ссылками на каноны въ каждой главѣ; затѣмъ въ одной изъ рукописей Μετόχιον τοῦ Ἁγ. Τάφου оказалось собраніе гражданскихъ законовъ въ алфавитномъ порядкѣ главъ, изъ котораго черпалъ, повидимому, Властарь свои νόμοι. Въ одномъ изъ Ватопедскихъ списковъ Синтагмы (№ 415, f. 2ᵃ) есть и изображеніе Властаря, исполненное красками, съ надписью: *ὁ σοφώτατος καὶ λογιώτατος καὶ ὁσιώτατος ἱερομόναχος καὶ μέγας πρωτοσύγγελος κυρ ματθαῖος ὁ βλασταρης*.

Изъ рукописей, содержащихъ правила съ толкованіями, особаго вниманія заслуживаетъ одна Есфигменская (№ 131), гдѣ правила читаются то въ сокращенномъ, то въ полномъ текстѣ и сопровождаются толкованіями то Аристина, то Зонары: мною будетъ произведено сравненіе текста этого списка и другого съ нимъ схожаго, помнится, Вѣнской Библіотеки, съ славянскимъ переводомъ Рязанской и Новгородской кормчихъ, такъ какъ даже бѣглый пока просмотръ нѣсколькихъ случайно попавшихся подъ руку отрывковъ славянскаго перевода даетъ предчувствовать возможность новаго освѣщенія нѣкоторыхъ спорныхъ пунктовъ.

Славянскихъ каноническихъ сборниковъ, сколько нибудь заслуживающихъ вниманія или упоминанія, мнѣ не встрѣчалось; изъ рукописей неканоническаго содержанія считаю нелишнимъ отмѣтить слѣдующія Аѳонскія:

Лавры св. Аѳанасія въ отдѣлѣ подъ буквой Z слѣд. №№:

41, пергам. XIV в. Тетраевангеліе. 244 лл.

43, пергам. лл. 104 XIV в., лл. 105—192 бум. Минея праздничная.

45, пергам. Апостолъ XIII в. (сербск.) 110 лл. (безъ конца).

46, бум. XVI в. Еванг. апракосъ. 297 лл. (безъ конца).

47, пергам. Тетраевангеліе XIII в. 102 лл. (безъ конца и безъ начала).

48, бум. Апостолъ (сербск.) 181 лл. съ записью: съписасе сиꙗ книга, въ лѣ҇ ✠ кѥ҇ѡѳѡѱѣкѡнь, нъ оу҇ѣ ҂зцзв. мц҇а декеврїа кд҇ дн҇ь: —

49, бум. Апостолъ XVI в. (болгарск.) 200 лл.

50, бум. Октоихъ (сербск.) XVI в. 129 лл. съ записью: ✠ да сѐ зна̀ка́ко кꙋпи сїю книгꙋ. пе́ꙗ ра́нкѡви҇ ѿ се́ла грьнчара, и неша ѿ до́ла мило́шевь о҇нь ·за· ·рм҇· ·а҇· еди́нь да́де ·о҇· и҆ др҇ꙋ ·о҇· и҆ приложихꙋ по́пꙋ цо́це ꙋ҆линоввꙋ, что҇ сиди па ко́ннѣ ба́щинѣ. рѣ҇коше да служи̇̀ ꙋ҆ тебѣ, и да сѐе (?) ты҇ во́л҆нь съ нѥю. доклѣси̇̀ живь. а҆ по тво҇ живо́тꙋ, а҆ко ти сн҇ь наꙋ҆чи̇̀ книгꙋ и҆ бꙋде слоужитель бжт҇вный тайнь и҆ли̇̀ ꙋ҆нꙋкь: ✠ а҆ коли не бꙋде́ а҆ вы҇ да и҆мате во́лю съ нѥю̀: въ лѣ҇ ҂зѯи сїю начрьта̀: —

51, бум. печатн. евангеліе 1575 года (въ Вильнѣ).

52, бум. Евангеліе апракосъ XVI в., лл. 284.

53, бум. То же XVI в. 248.

54, бум. XVII Минея праздничная, 342 лл.

55, бум. XVIII в. 201 лл. (безъ конца): Іоанна Адолфа Гофмана двѣ книги о спокоиствѣ или удово́лствіи человѣческомъ, по правиламъ вѣры и разума, сочиненныя, восмаго и исправнѣйшаго выходу 1740 года. На Россійской Іазыкъ с' нѣме́цкаго Переведены Сергѣемъ Волчко́вымъ въ Санкт' Петербургѣ 1741 и 1742 года (съ посвященіемъ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ).

56, бум. XV в. Μηνολόγιον, лл. 405.

57, бум. XV в. Тріодь цвѣтная, 302 лл.

58, бум. XVI в. Минея праздничн., 251 лл.

59, бум. XVI в. (Минея праздничн.) 95 лл. (безъ нач. и безъ конца).

60, бум. XVII в. (безъ нач.) 246 лл. съ записью:

✠ Сый панигирі҇ прп҇бна оц҇а нш҇его а҆нтѡнїа великаго. да а҆ще кто̀ дрьзне҇ ѿѧти его ѿ црк҇ве ст҇го а҆ндѡнїа та́кови да ѥсть разлꙋче҇а ѿ х҇а и҆ да ѥ про́кле҇ ѿ ба҇ и прч҇тїе бц҇е и҆ ст҇го

ѡ҆ц҃а антѡ́нїа и҆ всѣ̑ ст҃ыи҆ и҆ ѿ мє̑ грѣ́шна̑ гаѵрїила іеромона̑ а҆ми҃: —

61, бум. XVII в. Богородичникъ 164 лл.

62, перг. XVIII в. Минея праздничная (сербск.) 246 лл. (безъ нач. и безъ конца).

Ἐσφιγμένου (единственная славянская):

Евангеліе (болг.) XIII—XIV в. съ надписью на корешкѣ: «Ἱερὸν καὶ θεῖον εὐαγγέλιον σλαβενικὸν εὐκλεής τε καὶ ποθηνότατον διὰ τοὺς ῥώσσους φιλολόγους. Русскій! Обрати вниманіе на меня».

На обор. переплетной доски: Τὸ παρὸν χειρόγραφον βιβλίον τὸ Σλαβενικὸν δὲν εἶναι αριθμημένων εἰς τὸν ἀριθμὸν τὸν γραικικὸν μεμβράνον ἀλλ' ὡς καὶ αὐτῶ μεμβράνα ἐτέθη εἰς τὴν σειρὰν τῶν μεμβράνων. Μονὴν Ἐσφιγμένου τῇ 20 Μαρτίου 1899 ἔτους.

На л. 1: 1858 года іюля 9 дня читалъ сіе четвероевангеліе и сравнивалъ оное съ четвероевангеліемъ Іω. Бассарабы воеводы (1512 г.). Обѣ эти книги близнецы. А. Порфирій.

На л. 9ª запись:

Съ̑ тетроеѹ҃ль да́де і҆ѡ҃ кри́ка, въ мѡ҆́бж сѐбѣ и подрѹжїа є҆го̀ и҆ въ задш҃їе рѡди́телїи его, кри́ка и҆ марі́на. и҆дѣ́же є҃ хра̑ ст҃ѡ́ю и҆ врьхо́вною а҆п҃лѹ пе́тра и па́вла. въ сѹча́вско҃ трьгѹ. про́ то же никтоже да не порѹши҃ є҆го̀ ѿ прѣреченаго хра́ма ни да рече҃ кто̀ ѩ҆к°о҃тнина ми є҃. ни да кто̀ оу҆кра́дє҃. ни прода̑. ни кѹпи҃. продáлли и҆ кѹпѹ҆л, прокл҃ ѿ ба҃ и҆ ст҃ї тиі ѿцъ иже въ никéи. и ст҃ѡю а҆п҃лѹ пе́тра и па́вла, а҆ми҃: —

Заглавія золотомъ; есть изображенія 4-хъ евангелистовъ.

Если ко всему вышесказанному прибавить еще, что мною собраны для печати тексты нѣсколькихъ каноническихъ статей и сербскихъ хрисовуловъ XIV и XV вѣка, то перечень результатовъ, добытыхъ мною за все время путешествія, будетъ приблизительно полонъ. Представляя его на судъ II Отдѣленія Академіи Наукъ и сравнивая его съ тѣмъ, что могъ бы и долженъ былъ бы сдѣлать на моемъ мѣстѣ человѣкъ болѣе меня опытный, и что я самъ предполагалъ сдѣлать, я испытываю немалое смущеніе; пусть послужитъ для меня извиненіемъ только то,

что, глубоко благодарный Второму Отдѣленію Академіи Наукъ за оказанныя мнѣ вниманіе и честь, я добросовѣстно все время имѣлъ въ виду только двѣ цѣли, именно, какъ ихъ выразилъ на аудіенціи и патріархъ Іоакимъ III, «пользу науки и славу Академіи».

Покорнѣйше прошу Второе Отдѣленіе принять отъ меня въ даръ для библіотеки Академіи слѣдующія греческія рукописи:

1) пергаменн., около 170 лл. большого формата; XI вѣка (житія и мученія святыхъ); безъ начала и безъ конца;

2) пергаменн., 2 лл., отрывокъ изъ богослужебной рукописи XII — XIII в.

3) бумажная рукопись XVI вѣка, къ которой преплетено Венеціанское изданіе 1563 г. Захаріи Скордилія словъ Григорія Назіанзина (безъ выходного листа);

4) бумажная рукопись 1687 года, отлично писанная (*αἱ περιόδοι τοῦ ἁγίου Ἰωάννου τοῦ Θεολόγου* ученика его Прохора); послѣднія двѣ рукописи принадлежали вселенскому патріарху Іереміи III; на одной есть и его автографъ.

Владиміръ Бенешевичъ,
магистрантъ СПБ. Университета по церковному праву

XVII.

С. Л. Пташицкій въ 1902 г. главнымъ образомъ продолжалъ начатыя раньше работы. Занимался дальнѣйшей обработкой матеріала по исторіи средневѣковой повѣсти въ славянскихъ литературахъ; продолжалъ редактированіе XVII тома Пол. Собр. Русскихъ лѣтописей (западно-русскія лѣтописи); редактировалъ польскій отдѣлъ славяновѣдѣнія въ 1901 г.

Для выполненія работы по исторіи повѣсти предпринялъ лѣтомъ поѣздку за границу. Въ Берлинѣ обсуждалъ этотъ во-

просъ съ лучшимъ знатокомъ средневѣковой повѣсти въ Польшѣ, проф. А. Брюкнеромъ. Такое совѣщаніе привело къ заключенію, что при настоящемъ положеніи вопроса нѣтъ возможности пополнить матеріалъ, уже собранный и указанный въ изданномъ «Обзорѣ», что многіе неясные вопросы требуютъ еще болѣе серьезныхъ разысканій.

Такъ остается, нп., непонятнымъ, откуда появился въ польской старопечатной Александріи эпизодъ о 24-хъ заклепанныхъ въ горахъ царяхъ; откуда получились своеобразныя имена въ польской Магеленѣ. Выяснилось одно, что польскій переводъ Магелены, Мелюзины и Оттона могъ быть сдѣланъ въ XVI в. М. Сѣнникомъ.

Библіографическій матеріалъ повѣсти пополнился — указаніемъ д-ра Эрзепки въ Познани на существующій въ Вреславлѣ экземпляръ исторіи объ Оттонѣ, и находкой въ Щорсахъ втораго экземпляра Буднаго Apophtegmata въ изданіи съ исторіей о Барнабѣ.

При спеціальныхъ занятіяхъ удалось отмѣтить въ библіотекахъ нѣсколько постороннихъ интересныхъ фактовъ.

У д-ра Эрзепки, въ его частномъ собраніи, нашелся экземпляръ неизвѣстнаго изданія Теренція съ польскимъ текстомъ. Это выборка отдѣльныхъ изреченій съ подстановкой, по большей части, польскихъ поговорочныхъ реченій. Другое изданіе такого же Теренція сохранилось въ единственномъ экземплярѣ въ Ягеллоновской библіотекѣ, но и оно мало извѣстно даже спеціалистамъ. Вотъ его заглавіе:

Ex P.|Terentii co|mediis latinis|simae colloquiorum formulae,| ordine selectae, una cum eius-|dem Poëtae insignioribus sen-|tentiis ydiomate Polonico do|natae, multis in locis quam an-|te hac unquam lucuple-|tiores.|MDXLV. | На концѣ: Cracoviae ex officina | Mathiae Scharfenber|gij XVI. Decemb. | Посвященіе подписалъ — Valentinus Cantius — Datum Przemisliae ao. 1545. л. 4. Sign. Aiiij—польское заглавіе: Z Terencyſſowych kome-|diey práwie łácinskie ku rozmowie z czel-|nieyszemi tego Poety

wyroki, w Polską | rzecz wyłożone, więcey niż przed|tym kiedy pomno-|żone.

Ex Andriae Prologo.

Ad scribendum animum appulit.
Przyłożył mifli ku pisaniu.

Экземпляръ д-ра Эрзепки дефектъ, начинается на л. Sign. Aiij.

EX ANDRIAE | PROLOGO. |
Ad fcribendum animum appulit.
Przyłożył myśli ku pifániu.

Это два разныхъ изданія. Въ этотъ сборникъ вошло очень много польскихъ поговорокъ. Нп. Aliis si licet tibi non licet. Tego iest wiele, Co sie tobie nie skrupi, to sie innemu zmiele. Spem praecio non emo. Jako mowią przy dworze, Nie kupuią kota w worze. Г. Адальбергъ (Księga przysłów) не знаетъ полнаго экземпляра, а только дефектъ (Anon. II); Д-ръ К. Эстрейхеръ (Bibliografia т. XIV, стр. 48) указываетъ на это изданіе подъ Cantius.

У д-ра Эрзепки имѣется неизвѣстное изданіе XVI в. Евангельскихъ чтеній на польскомъ языкѣ. Безъ заглавнаго листа, только съ выходнымъ:

Drukowano|w Krolewcu Pruskim | Przez Janá Daubma-|na, | Roku pañfkie-|go 1564. Текстъ этихъ евангелій извѣстенъ по другимъ изданіямъ и иногда считается Постиллой Рея.

Вотъ примѣръ текста. По изд. 1564 г. Чтеніе на Рождество: Wyszedł wyrok od Cefarza Augufta, | aby był popifan wfzitek fwiat. To | popifanie pirwfze, sftało fie od ftaro-|fty Syriyfkiego Cyrina...

Въ Постиллѣ Рея.

У sstało sie iest gdy iuż przyszły ony czasy, stał sye wyrok od CesarzaAugusthusa, aby był popisan wszytek swiat, a to było napirwsze popisanie, a sstało sie iest pod stárostą, ktory na ten czas roskazował w Syriey, ktorego zwano Tirenius...

Едва ли можно допустить, что авторъ Постиллы и издатель Евангельскихъ чтеній 1564 г. одно и тоже лицо.

Въ Познани въ библіотекѣ Рачинскихъ находятся матеріалы по исторіи Смутнаго времени, извѣстные по печатному каталогу, но неиспользованные новѣйшими изслѣдованіями (Д-ръ Гиршбергъ, Е. Н. Щепкинъ).

Рукопись № 12 (II На. 6). По печатному каталогу значится Дневникъ Маскевича. По провѣркѣ оказалось, что это Дневникъ Олесницкаго, напечатанный Тургеневымъ (Hist. Russiae Monumenta, т. II) по рукописи Альбертранди. Текстъ библ. Рачинскихъ полнѣе. Отрывокъ этого дневника имѣется въ этой же библіотекѣ въ другой рукописи № 12 (II На. 11).

Этимъ исправляется указанное въ прошлогоднемъ отчетѣ сомнѣніе.

Рк. № 12. Содержитъ письмо Сигизмунда III отъ 21 января 1599 г. къ неизвѣстному лицу, повторяющее слухъ объ убіеніи Бориса Годунова.

... w liście swym vprz. W. nam oznajmujesz o zabiciu kniazia moskiewskiego terazniejszego Borysa Hodunowa, oczemeśmy pierwiej mieli wiadomość od Krzysztofa Radziwiła, do którego wiadomość przyszła od starosty Orszańskiego Andrzeja Sapiehy y od urzędnika Kopyskiego, lecz wiadomość dają różną: starosta pisze, jakoby miał być zabity od Caryka niejakiego, a urzędnik Kopyski, że jakoby miał mieć u niego audiencyą Mikicin, którego kniaź Moskiewski miał posochem uderzyć. A on go też nożem zarazem przebić miał, o czem jeszcze pewnej wiadomości nie mamy.

До сихъ поръ изъ польскихъ источниковъ (изъ письма Льва Сапѣги къ Радзивиллу отъ 28 дек. 1598 г.) извѣстенъ былъ слухъ объ убіеніи Бориса Москвою (jakoby Moskwa zabiła — Archivum domus Sapiehanae 203).

Рк. № 16 (II На. 15). Porządek slubin posła W. Kn. Dimitra г. 1605. Разсказъ этотъ напечатанъ Кояловичемъ (Р. Ист. Библіотека I, 53) по рукописи Имп. Пуб. Библіотеки (Пол. F. IV. 33).

Текстъ библіотеки Рачинскихъ нѣсколько отличается отъ петербургскаго.

Въ этой же рукописи находится Rewolucya w Moskwie do г. 1606, находящаяся въ той-же рукописи Пуб. биб., но ненапечатанная Кояловичемъ. Тутъ же на л. об. 416 имѣется польскій текстъ сказки о Петрѣ Медвѣженкѣ, напечатанной по русски Бодянскимъ (Чтенія въ Общ. Ист. и Древ. 1846. I) по списку той же библіотеки № 34 (II Наа. 13). Это донесеніе того же старосты оршанскаго, который сообщалъ столько слуховъ изъ Москвы.

Рк. № 33 (II Наа. 12). Отрывокъ дневника Немоевскаго, соотвѣтствующій львовской редакціи, напечатаной г. Гиршбергомъ (Pamiętnik Niemojewskiego. Lwów. 1899), но представляющей нѣкоторыя разночтенія и непринятой во вниманіе г. Гиршбергомъ. Отрывокъ начинается со словъ:

... pod nim wisiała perła wielka na czele... и оканчивается спискомъ перебитыхъ поляковъ (Гиршбергъ стр. 43—92).

Рк. № 34 (II Наа 13). Цѣлый рядъ документовъ, относящихся къ Смутному времени. Между прочимъ:

л. об. 11 въ концѣ статьи konwokocya wileńska ao 1605 имѣется приписка:

Carewicz Dmitr na stolicy Moskiewskiej usiadł, Hodunow otrułsię, potym w jesieni szwedów naszy potłukli do jedenastu tysięcy, potym roku 1606 Cara Dmitra w Moskwie poddani zabili i naszych polaków przy nim kilkanaście.

Здѣсь любопытно повтореніе извѣстія «Иного Сказанія» о томъ, что Борисъ самъ отравился, а также названія Димитрія царемъ, а не Самозванцемъ.

Въ этой рукописи имѣется списокъ грамоты царевича Петра Өедоровича ҂зрiз Maia 26. а также русскій текстъ Сказки о Петрѣ Медвѣженкѣ Москалѣ ao. 1607 Jan. VII.

Рк. № 139 (II Hc. 8). Дневникъ польскаго сейма 1605 г. съ 20 января по 26 февраля. Дневникъ этотъ напечатанъ въ отрывкахъ Кояловичемъ по рукописи Имп. Публ. Библіотеки (Рус.

Ист. Библ. I), Е. Н. Щепкинымъ по нѣмецкому переводу, найденному въ Данцигѣ и Копенгагенѣ. Рукопись Рачинскихъ полнѣе и точнѣе. Вотъ нп. описаніе въѣзда русскаго гонца:

10 февраля: Goniec moskiewski na zamek w wielkim poczcie wieżdżał, usarzów było do kilkaset, piechoty koło 4000. Tam poselstwo odprawował publice (у Щепкина der Moshkowittershe Gesante publice gehoret worden) in senatu przed krolem IM., ktorego... niżej jest opisana. Sam chłop urodziwy, grzeczny i kosztownie ubrany, od soboli altembasu i pereł przednić wielkich i cudnych. Upominki od siebie oddał — dwa soroki soboli, parę rysiow i parę marmurkow. Zatym do gospody odiechał.

Дневникъ кончается 26 февраля извѣстіемъ о прощаніи русскаго посла. Рукописью этой ни г. Гиршбергъ, ни Е. Н. Щепкинъ не пользовались. Въ ней нѣтъ письма Бориса Годунова къ Сигизмунду III. Оно имѣется въ Рк. Публ. Библіотеки, но пропущено Кояловичемъ при печатаніи Дневника. Е. Н. Щепкинъ напечаталъ по плохому Данцигскому списку; у И. М. Болдакова (Сборникъ Матеріаловъ) повторяется по вѣнскому списку, какъ грамота къ Императору, тогда какъ петербургскій списокъ представляетъ болѣе исправный текстъ. Е. Н. Щепкинъ указалъ на этотъ списокъ въ примѣчаніяхъ (Arch. Sl. Phil. XIX. 310).

Вообще для Смутнаго времени въ этой библіотекѣ найдется много интереснаго. Пользоваться этой библіотекой оказалось возможнымъ, несмотря на вакаціонное время, благодаря особенной любезной предупредительности библіотекаря Г-на С. Бедерскаго, которому слѣдуетъ принести особенную благодарность.

Въ Несвижѣ С. Л. Пт. занялся спеціально изученіемъ открытыхъ въ прошломъ году рукописей Хроники Стрыковскаго и Перениси Литовскаго войска 1567. Этимъ двумъ рукописямъ сдѣлано подробное описаніе, и оно вскорѣ будетъ напечатано. Тамъ же найденъ очень любопытный планъ и описаніе смотра литовскаго войска, произведеннаго въ присутствіи короля въ 1568 г. въ Радошковичахъ.

«Ших войска великого кнзя литовскаго при бытности гдра короля ЕМ..... въ Радошковичахъ ...вчынены лѣта Бож нарож ,афзи мца ноября ки дня в патницу».

Въ Несвижскомъ архивѣ удалось разрѣшить вопросъ, гдѣ хранились и нынѣ хранятся акты уніи Литвы съ Польшей. Въ этомъ Архивѣ хранится подлинная королевская грамота отъ 1551 г., данная Н. Радзивиллу, по которой дается ему «omnibusque post illum Nieswiezii Ducibus legitimis successoribus eius plenum ius integram ac plenam potestatem et facultatem omnia et singula Ducatus Lithuaniae privilegia... apud se habendi, possidendi, perpetuisque temporibus custodiendi et asservandi».

На основаніи этой грамоты и позднѣйшихъ сеймовыхъ опредѣленій (Vol. Leg. VII, 316, 861) всѣ акты уніи, начиная съ акта 1401 г. по 1569 г., нынѣ сохраняются въ Несвижѣ.

Въ отчетномъ году С. Л. Пташицкій напечаталъ въ Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго и Словесности: Разборъ изданія пр. Вержбовскаго Матеріалы по исторіи польской литературы; Обзоръ новѣйшихъ трудовъ по Исторіи Польской Литературы и Обзоръ Матеріала по Исторіи Средне-вѣковой повѣсти. Прочелъ въ Русскомъ Археологическомъ обществѣ рефераты: 1) Новыя данныя для біографіи Ивана Өедорова; 2) Актъ Люблинской уніи (1569 г.), какъ юридическій документъ; 3) Гдѣ хранились и нынѣ хранятся акты Уніи Литвы съ Польшей?.

С. Пташицкій,
Приватъ-доцентъ С.-Петербургскаго Университета.

XVIII.

Лѣтомъ 1902 года я работалъ въ архивахъ и библіотекахъ Несвижа, Варшавы, Кракова, Вѣны и Львова, собирая матеріалы для своихъ изслѣдованій по исторіи царствованія Стефана

Баторія и, между прочимъ, по исторіи борьбы за Ливонію между московскимъ государствомъ и Речью Посполитою въ періодъ отъ 1570 до 1582 года. Полагая, что отношенія Іоанна Грознаго къ Речи Посполитой въ эпоху перваго и втораго безкоролевья по смерти Сигизмунда Августа заключаютъ къ себѣ много пунктовъ, которые еще не выяснены исторіографіею, я старался отыскать документы, которые пролили бы побольше свѣта на темныя стороны данной эпохи, что мнѣ и удалось, кажется, сдѣлать до извѣстной степени. Донесенія аббата Цира императору Максимиліану, изученныя мною въ вѣнскомъ Государственномъ архивѣ, сообщили мнѣ много интересныхъ подробностей изъ жизни Польши и Москвы въ 1570—1572 г. Отношенія Іоанна къ Речи Посполитой въ 1572—1573 г. выяснилъ я себѣ гораздо лучше благодаря слѣд. отысканнымъ мною документамъ: письмамъ литовскихъ вельможъ къ польскимъ отъ 14 и 15 сентября 1572 г., письмамъ Іоанна къ польскимъ и литовскимъ сенаторамъ отъ 15 іюля 1573 г. (эти документы найдены мною въ Несвижѣ и Львовѣ) и отчету польскаго посла Андрея Тарановскаго (въ вѣнскомъ архивѣ). Замѣтимъ мимоходомъ, что послѣднее посольство осталось неизвѣстно и Карамзину, и Соловьеву. Изъ рукописей, хранящихся въ краковскомъ Музеѣ кн. Чарторыйскихъ, я извлекъ много писемъ короля Стефана Баторія къ Яну Ходкевичу, администратору Ливоніи, весьма важныхъ для выясненія состоянія этой стороны въ 1576—1578 гг. Въ библіотекѣ Краковской Академіи Наукъ я изучалъ донесенія папскихъ нунціевъ Калигари и Болоньетти и сдѣлалъ для себя выдержки изъ тѣхъ донесеній, которыя не были приняты во вниманіе А. И. Тургеневымъ (Historica Russiae monumenta, t. I). Въ львовской библіотекѣ Оссолинскихъ я скопировалъ рядъ документовъ, выясняющихъ внѣшнюю политику Стефана Баторія, которая до сихъ поръ почти совсѣмъ еще не изслѣдована. Попутно я изучалъ такія печатныя изданія, которыхъ нельзя было отыскать въ Петербургѣ, какъ напр.: Ostrowski i Daneykowicz: «Swada polska i łacińska, Lublin 1745—

1747», Strubicz: «Descriptio Livoniae, 1577», «Rozmaitości lwowskie», «Czas 1856», «Przegląd polski 1872» и др.

Въ заключеніе своего отчета считаю своимъ долгомъ принести Отдѣленію русскаго языка и словесности искреннюю и глубокую благодарность за оказанное мнѣ денежное пособіе.

Приватъ-доцентъ С.-Петербургскаго университета
В. Новодворскій.

XIX.

Первую половину отчетнаго 1902 года, — до іюля мѣсяца, когда окончилась моя научная заграничная командировка, — я провелъ въ Прагѣ чешской; съ августа мѣсяца занимаюсь самостоятельной научной работой въ г. СПБургѣ, насколько это позволяютъ мнѣ учебныя занятія въ Университетѣ и Гимназіи (V-й). Самый характеръ научной работы различается въ виду неодинаковыхъ условій для нея въ каждой изъ указанныхъ мною частей года: находясь въ Прагѣ, я занимался приблизительно тѣмъ же, что̀ указано мною въ отчетѣ за 1901 годъ, т. е. главнымъ образомъ собираніемъ матеріала для своей диссертаціи и другихъ ученыхъ работъ; здѣсь, въ СПБургѣ, приходится подводитъ итоги своей работы за границей, печатать или подготовлять къ печати свои труды; впрочемъ, это послѣднее я началъ дѣ-лать еще и заграницей.

Въ своемъ отчетѣ за 1901 годъ я указалъ на то, что въ ходѣ занятій по исторіи чешскихъ братьевъ до 30-хъ 40-хъ лѣтъ XVI вѣка для меня выяснилась необходимость углубиться въ исторію гуситства XV вѣка, заняться духовными отцами чешскихъ братьевъ-Хельчицкимъ и Рокицаной, особенно первымъ. Изученіе Хельчицкаго — его жизни и сочиненій — тѣснѣйшимъ образомъ связаннаго съ внутреннимъ развитіемъ гуситскаго дви-

женія до 50-хъ, 60-хъ год. XV вѣка привело меня къ постановкѣ и рѣшенію группы вопросовъ, обнимаемыхъ подготовляемою мною къ печати книгой подъ общимъ заглавіемъ «Очерки по исторіи гуситской мысли». Ч. 1-я. «Петръ Хельчицкій и его время». Такимъ образомъ исчерпывающее (по возможности) обслѣдованіе ученій и установленій Общины чешскихъ братьевъ, которымъ я занялся-было въ первое время своего пребыванія въ Чехіи, оказалось отложеннымъ до убдущаго — надѣюсь, недалекаго-времени.

Наиболѣе времени и труда пришлось употребить мнѣ на установленіе въ возможной полнотѣ всѣхъ произведеній Хельчицкаго, на ихъ внимательное чтеніе и списыванье (что касается послѣдняго, то я руководился не только нуждами своего изслѣдованія, но и намѣреніемъ издать если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя выдающіяся произведенія знаменитаго чешскаго мыслителя). Оставляя въ сторонѣ указанія на многочисленныя уже напечатанныя сочиненія Хельчицкаго, я отмѣчу указанный мною въ Отчетѣ 1901 года код. Д. 82 Святовитской капитулы въ Прагѣ, содержащій 10 трактатовъ Хельчицкаго на 374 ff. (748 стр.) большого in quarto. Кромѣ этого кодекса, я работалъ надъ код. 32 Архіепископской (частной) библіотеки въ Прагѣ, извѣстнымъ мнѣ по указанію въ статьѣ Анненкова и Патеры и ставшимъ для меня доступнымъ лишь послѣ многихъ хлопотъ и предварительнаго печальнаго — къ счастью, оказавшагося неправильнымъ — убѣжденія въ его утерѣ, благодаря лишь просвѣщенному содѣйствію моимъ поискамъ архіепископскаго церемоніарія о. Грубика. Этотъ кодексъ заключаетъ въ себѣ 11 произведеній Хельчицкаго на 165 ff. (330 стр.) in octavo.

Результатомъ изученія код. Д. 82 и код. 32 было открытіе нѣсколькихъ новыхъ произведеній Хельчицкаго, изъ которыхъ нѣкоторыя важны для біографіи Хельчицкаго, нѣкоторыя же для лучшаго, болѣе всесторонняго пониманія его литературной дѣятельности; въ связи съ этимъ результатомъ стоитъ выясне-

ніе различныхъ редакцій и списковъ отдѣльныхъ произведеній Хельчицкаго. Установленіе литературной производительности Хельницкаго въ полномъ объемѣ было возможно лишь путемъ убѣжденія въ принадлежности того или другого произведенія Хельчицкому. Въ большинствѣ случаевъ это убѣжденіе получалось изъ внутренней историко-литературной критики каждаго трактата. Два существенные вопроса этой критики: моментъ и среда крайне трудно разрѣшаются у Хельчицкаго. Принятыя въ чешской научной литературѣ хронологическія пріуроченія отдѣльныхъ произведеній Хельчицакаго выяснились для меня, какъ малообоснованныя и часто невѣрныя. Въ общемъ приходится ограничиваться или terminus post quem или term. ante quem, а эти termini устанавливать по глухимъ указаніямъ — намекамъ на мелкіе и мѣстные факты изъ чешской исторіи XV вѣка или на постановленія гуситскихъ синодовъ — съѣздовъ, на трактаты и проповѣди гуситскихъ учителей. Извѣстно, что какъ разъ внутренняя исторія гуситства разработана мало: нѣтъ не только монографій о такихъ видныхъ дѣятеляхъ, какъ Якубецъ, Пшибрамъ, Пэнъ, Рокицана и др., не только изданій ихъ сочиненій, — нѣтъ даже литературныхъ, такъ сказать, инвентарей, списковъ всѣхъ ихъ сочиненій и указаній на мѣста храненія рукописей — списковъ. Между тѣмъ, изслѣдователь Хельчицкаго часто чувствуетъ потребность заглянуть въ трактаты этихъ людей: и вотъ, въ связи съ манерой ссылокъ у Хельчицкаго (иногда полнымъ отсутствіемъ ихъ), изслѣдователь часто не знаетъ, въ какомъ трактатѣ онъ долженъ справиться, и гдѣ находится этотъ трактатъ.

Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ было для меня возможно обращеніе къ богатымъ собраніямъ рукописей гуситскихъ трактатовъ, хранимымъ въ библіотекѣ Святовятской капитулы въ Прагѣ и въ Придворной библіотекѣ Вѣны, въ цѣляхъ установленія если не точной хронологіи трактатовъ Хельчицкаго, то, по крайней мѣрѣ, литературныхъ источниковъ Хельчицкаго, связей его съ тѣми или другими явленіями гуситства

(Изъ рук. Святовитской библіотеки: код. 53. Tractatus de homicidio; C. 69. Reprobatio errorum Valdensium и Tractatus de Sacramentis; D. 49. Tractatus contra Thaboritas и др.; изъ рук. Вѣнской библіотеки: код. 4749. Tractatus de Antichristo Якубца; тоже — Станислава изъ Знойма; код. 4549. Tractatus contra Picarditas и др.; код. A. 16 библіотеки въ Тшебони Život kněží taborských). Довольно значительные и интересные выводы для пониманія Хельчицкаго даетъ и изученіе печатныхъ матеріаловъ по исторіи гуситства: внимательный пересмотръ трактатовъ, заключенныхъ въ такъ называемой «Chronicon Thaboritarum» и въ новой публикаціи др. Неѣдлаго «Prameny k dějinam synod taborských», обнаруживаетъ не только общее вліяніе таборитства на ученія Хельчицкаго, но часто и почти буквальное совпаденіе во фразеологіи Хельчицкаго и таборитовъ. Въ свѣтѣ этого наблюденія для меня представляется преувеличеніемъ мнѣніе о зависимости Хельчицкаго отъ вальденцевъ. Интересныя заключенія о сильномъ вліяніи Виклефа на Хельчицкаго въ критикѣ послѣднимъ государственно-церковнаго строя европейскаго общества были сдѣланы мною на основѣ сравнительнаго изученія Хельчицкаго и Виклефа: пересмотръ многотомнаго изданія сочиненій Виклефа, сдѣланнаго «Wyklif-Society» (Лондонъ), потребовалъ довольно много времени, о чемъ, впрочемъ, жалѣть не приходится въ виду вышесказаннаго. Въ ближайшемъ будущемъ мнѣ придется еще заняться этимъ дѣломъ. Въ общемъ, уѣзжая изъ-за границы, я имѣлъ нѣсколько главъ своей работы почти готовыми къ печати.

Одновременно съ этой главной своей работой я производилъ и другія работы, отчасти стоявшія съ нею въ связи, отчасти составлявшія продолженіе моихъ занятій южно-славянской (и византійской) исторіей въ первый годъ моей командировки, въ Вѣнѣ и Мюнхенѣ.

Работая надъ источниками по исторіи братской Общины, я имѣлъ счастье найти въ библіотекѣ Чешскаго Музея одинъ неизвѣстный доселѣ трактатъ Я. Благослава «O původu Jednoty

Bratrské a řádu v ní», о чемъ я уже сообщалъ въ отчетѣ прошлаго года. Историко-литературное изслѣдованіе объ этомъ памятникѣ я напечаталъ въ «Český Časopis Historický» за 1902 годъ. Въ отчетѣ за 1901 годъ я указалъ на свои занятія «Ἐπιστολή» Евф. Зигавина о богомилахъ и на необходимость изученія одного еще (кромѣ уже изученныхъ мною вѣнскихъ списковъ) списка этого памятника — № 900 Туринской библіотеки. Въ отчетномъ 1902 году мнѣ удалось наконецъ получить изъ Турина въ Прагу нужную для меня рукопись, отмѣтить ея варіанты, вообще изучить её и сдѣлать съ нея снимки. Такимъ образомъ работа собиранія матеріаловъ для изданія этого памятника средневѣковаго греческаго языка и литературы, размѣромъ въ нѣсколько печатныхъ листовъ, была мною окончена. Изданіе «Ἐπιστολή» было задержано болѣзнью и смертью акад. В. К. Ернштедта, любезно согласившагося помочь мнѣ въ нѣкоторыхъ трудныхъ вопросахъ при изданіи. Въ связи съ моими южно-славянскими научными интересами стоитъ напечатанный мною въ «Ж. М. Н. П.» за текущій годъ (за Май) критическій разборъ изданія и изслѣдованія грамоты болгарскаго царя Іоанна Асѣня II г. Ильинскимъ, — вмѣстѣ съ общими замѣчаніями объ изданіи южно-славянскихъ грамотъ (см. Периодическо Списание, 1902, кн. 5 — 6, стр. 450 — 458).

По возвращеніи изъ-за границы я напечаталъ въ т. LXXI «Сборника Отдѣленія русскаго языка и словесности» чешскій текстъ вышеназваннаго трактата Я. Благослава вмѣстѣ съ введеніемъ къ нему (расширеннымъ сравнительно со статьей въ «Č. Č. H.») и указателемъ; вышло и отдѣльное изданіе этой работы (стр. XXV + 46). Въ этой работѣ, по отзыву «Český Časopis Historický (1902, 4), «заполненъ пробѣлъ, остававшійся въ развитіи братской исторіографіи, и указано, какъ возникло сочиненіе Лазицкаго, оказывающееся менѣе самостоятельнымъ и оргинальнымъ, чѣмъ это казалось до сихъ поръ». Кромѣ этихъ работъ, мною напечатаны: 1) отчетъ о книгѣ проф. К. Иречка: «Die Romanen in den Städten Dalmatiens während des Mittelal-

ters», Wien. 1901 (въ «Извѣстіяхъ Отд. русс. яз. и словес.», 1902, кн. 3) и 2) критическій разборъ (совмѣстно съ приватъ-доцентомъ Новороссійскаго Университета г. Кульбакинымъ) книги проф. Пастернека «Dějiny slovanských Apoštolů Cyrilla a Methoda». Praha, 1902 (въ «Ж. М. Н. П., 1902, кн. 9). Въ настоящее время я кончаю печатаніемъ издаваемый мною въ «Сборникѣ» Отдѣленія трактатъ Хельчицкаго «O trogiem lidu rzec — o duchownych a o swietskych».

Главнымъ же образомъ я работаю нынѣ надъ подготовкой къ печати вышеназванной мною магистерской диссертаціи.

Приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Пбургскаго Университета Н. Ястребовъ.

XI.

Высочайше разрѣшенною мнѣ, по ходатайству Императорскаго Варшавскаго университета, командировкою съ ученою цѣлью на лѣтнее вакаціонное время 1902 г. я имѣлъ въ виду воспользоваться для спеціальныхъ занятій въ Прагѣ по исторіи новѣйшей чешской литературы. Намѣченную мною задачу мнѣ удалось отчасти выполнить благодаря матеріальной помощи, оказанной мнѣ II-ымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ, которому считаю пріятнымъ долгомъ принести здѣсь мою искреннюю благодарность.

Новѣйшая чешская литература не имѣетъ еще своего историка. Даже въ общихъ трудахъ послѣдняго времени, обнимающихъ полные курсы исторіи чешской литературы, о новѣйшемъ періодѣ ея мы встрѣчаемъ такъ мало, что въ сущности по этимъ немногимъ страницамъ не можемъ составить себѣ надлежащаго представленія ни о литературныхъ направленіяхъ въ чешской письменности конца XIX ст., ни о характерѣ, размѣрахъ и зна-

ченіи литературной дѣятельности того или другого писателя. Назовемъ здѣсь для примѣра «Исторію чешской письменности» («Písemnictví české slovem i obrazem od nejdávnějších dob až po naše časy») д-ра Вацлава Флайшганса, поразительно скомканную въ послѣднихъ своихъ главахъ и не дающую здѣсь ничего, кромѣ незначительныхъ біографическихъ свѣдѣній. Единственнымъ пособіемъ для ознакомленія съ новѣйшей чешской литературой являются поэтому многочисленныя статьи, посвященныя отдѣльнымъ писателямъ, разсѣянныя по различнымъ чешскимъ періодическимъ изданіямъ. Въ качествѣ справочной книги весьма полезную службу можетъ сослужить очеркъ Яна Воборника «Padesát let české literatury», помѣщенный въ юбилейномъ сборникѣ, изданномъ ко дню пятидесятилѣтія царствованія имп. Франца Іосифа Чешской Академіей Наукъ. Въ послѣднее время вышелъ рядъ весьма цѣнныхъ, хотя и небольшихъ по размѣрамъ, монографій, посвященныхъ отдѣльнымъ писателямъ. Такъ, замѣчательнѣйшему представителю чешскаго историческаго романа Алоису Ираску посвященъ очеркъ Яна Воборника: «Alois Jirásek, jeho umělecká činnost, význam a hodnota díla» (1901); Ал. Тучекъ посвятилъ тому же писателю критическія статьи, озаглавленныя: «Alois Jirásek. Kapitoly literárně kritické»; обширный разборъ всѣхъ произведеній Ираска представилъ Д-ръ Зденекъ Неѣдлый въ Časop. Česk. Musea (1901—1902). Извѣстный литературный критикъ Ф. В. Крейчи издалъ свои блестяще написанныя критическія студіи о Юліѣ Зейерѣ и Янѣ Нерудѣ (F. V. Krejčí: Julius Zeyer. Kritická studie, 1901; Jan Neruda. Studie jeho vývoje a díla). Къ сожалѣнію, не имѣется подобныхъ цѣльныхъ характеристикъ творчества другихъ крупныхъ литературныхъ силъ, нѣтъ ни одной обстоятельной и исчерпывающей оцѣнки обширной дѣятельности Святополка Чеха и Ярослава Врхлицкаго (Фриды), не имѣется отдѣльныхъ этюдовъ, посвященныхъ и менѣе крупнымъ величинамъ новѣйшей чешской литературы. Для исторіи новаго чешскаго романа попытался представить сводъ критическихъ отзывовъ о главнѣйшихъ явле-

ніяхъ въ этой области проф. І. Махалъ (O českém románu novodobém, 1902). Многочисленные чешскіе литературные и т. п. общіе журналы заключаютъ обильный матеріалъ для исторіи новѣйшей чешской литературы; въ нихъ тщательно зарегистровывается каждое болѣе или менѣе выдающееся явленіе; многіе журналы отводятъ весьма широкое мѣсто спеціально критическому отдѣлу. Такъ какъ въ этихъ изданіяхъ чаще всего и появляются всѣ новости изящной чешской литературы, то ознакомленіе съ содержаніемъ ихъ представляетъ особенный интересъ. При отсутствіи въ нашихъ библіотекахъ собраній сочиненій чешскихъ писателей, при крайней затруднительности слѣдить у насъ за явленіями современной чешской письменности, такого рода занятія, какъ изученіе новѣйшаго періода чешской литературы, возможно только въ центрѣ ея, при непосредственномъ общеніи съ знатоками ея и при ихъ ближайшемъ руководствѣ.

Доцентъ Императорскаго Варшавскаго университета
Владиміръ Францевъ.

Варшава, 17 октября 1902 г.

XXI.

Согласно изложенному мною въ запискѣ отъ 4 мая с. г. плану, предпринятая мною лѣтомъ текущаго года поѣздка въ Швецію и Данію преслѣдовала двоякую цѣль: 1) занятія въ библіотекахъ Стокгольма и Копенгагена въ видахъ пополненія пробѣловъ въ моемъ знакомствѣ съ научной литературой по изученію сагъ, и 2) изученіе хранящихся тамъ-же рукописныхъ списковъ саги объ Ингварѣ и руническихъ надписей, упоминающихъ о немъ.

Первая изъ намѣченныхъ задачъ выполнена мною посильно, и результаты моихъ занятій въ этомъ направленіи войдутъ въ критико-библіографическій очеркъ, который готовится мною къ представленію въ Отдѣленіе.

Что касается второй задачи, то мною были изучены всѣ сохранившіеся списки саги объ Ингварѣ. Ихъ всего 12, а именно:

I. Въ Арнамагнейской библіотекѣ въ Копенгагенѣ:

1. AM. 193 c. fol. pap. c. 1700 (G, отрывокъ, см. № 8).
2. AM. 343 a. 4° perg. XV s. (A).
3. AM. 343 b. 4° pap. c. 1700 (H).
4. AM. 343 c. 4° pap. XVII s. (C).
5. AM. 949 a-g. 4° pap., первой половины XIX в. (K).
6. Rask 31 pap. XVIII s. (J).
7. Accessoria 5 pap. XVIII s.

II. Въ Королевской библіотекѣ въ Копенгагенѣ:

8. Gl. kgl. sml. 2845, 4° perg. XV s. (B, отрывокъ: главы 8—10, 12—до конца).
9. Thott 1750, 4° pap. XVIII s. (F).

III. Въ Королевской библіотекѣ въ Стокгольмѣ:

10. Pap. fol. 98. XVIII s. (E).
11. Pap. 4° 42 XVII s. (D).
12. Pap. 4° 60. a. 1734.

Изъ этихъ рукописей однако только 10 подлежали изученію. Дѣло въ томъ, что № 7 (Access. 5 pap.) оказался списаннымъ съ рукописи, представлявшей копію съ печатнаго изданія саги (Brocman 1762, Stockholm). Въ концѣ саги находится приписка: «Þessi Saga var ritud ad Homrumm i Hraunhrepp effter manuscripto Mr. Arna Bodvassonar (sem af henni orkti Rjmur). Enn hafde hana skrifad upp effter þvi, i Sviarjki þrickta Exemplari, sem getur umm i upphafe, hvort med eignum Augum sa sa þessa skrifade og endade V. nonarum martii 1773. Þorkell Sigurdsson».

Точно также и № 12 (Holm. pap. 4° 60) не представлялъ интереса. Это рукопись, написанная N. R. Brocman'омъ и точно воспроизведенная имъ въ его изданіи 1762 г. По этой именно

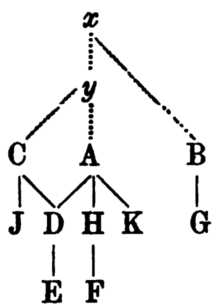
рукописи набирался текстъ изданія, подстрочныя примѣчанія котораго повторяются въ рукописи на поляхъ.

Остальные 10 списковъ изучены мною подробно. Такъ какъ одинъ изъ нихъ, притомъ самый важный (№ 2) оказался временно высланнымъ въ Оснабрюкъ, то мнѣ пришлось, по окончаніи работъ въ Копенгагенѣ, проѣхать туда.

Въ результатѣ получилась слѣдующая картина.

Самостоятельное значеніе имѣютъ только три списка: A, B и C. Остальныя же рукописи всѣ восходятъ къ нимъ, представляя лишь большія или меньшія орѳографическія и стилистическія отклоненія, которыя даютъ возможность болѣе точнаго опредѣленія ихъ взаимоотношенія. D даетъ сводный текстъ, списанный съ A и исправленный по C.

Взаимоотношеніе рукописей можетъ быть выражено слѣдующей схемой:

Такимъ образомъ, при установленіи текста для критическаго изданія, придется принять во вниманіе лишь A, B и C. Въ основу должна лечь редакція A, какъ болѣе древняя чѣмъ C и болѣе полная чѣмъ B, дающая лишь отрывки (приблизительно $^1/_4$ всей саги). Подробное обоснованіе моей схемы я дамъ въ предисловіи къ моему изданію.

Руническія надписи объ Ингварѣ также изучены мною всѣ. Благодаря любезной предупредительности шведскаго государственнаго антиквара, директора Національнаго Музея и секретаря Королевской Академіи исторіи и древностей (Kongl. Vitterhets Historie och Antiqvitets Akademie) H. Hildebrand'a, а

также состоящихъ при Національномъ Музеѣ въ Стокгольмѣ ученыхъ, я имѣлъ возможность пользоваться въ самыхъ широкихъ размѣрахъ не только богатой библіотекой академіи, но и всѣми, въ высшей степени цѣнными матеріалами, собранными Академіей въ теченіе многихъ лѣтъ для предпринятаго ею критическаго изданія всѣхъ шведскихъ руническихъ надписей. Между прочимъ мнѣ были даны въ полное распоряженіе, съ правомъ изданія, имѣвшіеся въ Академіи фотографическіе снимки съ интересовавшихъ меня камней.

Надписей, несомнѣнно относящихся къ Ингвару саги, оказалось 18. Изъ нихъ 11 найдены въ Södermanland'ѣ (Hundhammars borg, Tystberga hage, Stäringe, Gripsholm, Strengnäs [3], Eskilstuna, Balsta, Högstena, Lilla Lundby); 6 въ Upland'ѣ (Råby, Varpsund, Ekala bro, Tierp, Steninge, Svingarn) и одна въ Östergötland'ѣ (Stora Syltan около Norrköping'a).

Кромѣ того, одна надпись (Upland, Fjuckby), можетъ быть, также относится сюда. Во всякомъ случаѣ, она такъ интересна, что и ее также слѣдовало бы издать вмѣстѣ съ несомнѣнными камнями объ Ингварѣ. Она гласитъ:

tuir sturimaþr riti stain þinsa aftir sunu sina sa hit aki simsutifurs iufur sturþi hari | kuam | an krik | hafnir haima tu | uk ikua(r?) —

Таково чтеніе Säve (Nordisk universitetstidskrift III, 92 s.). Но hari не даетъ удовлетворительнаго смысла, такъ какъ въ надписяхъ «войско» или «отрядъ» всегда выражается словомъ liđ; притомъ dat. sg. отъ др.-шв. hærr будетъ не hæri, а hær (ср. исл. her). Дѣйствительно, рисунокъ у Dybeck'a, Sveriges Runurkunder I № 214 даетъ возможность читать sturþ... nari и предположить между þ и n двѣ руны ik, иначе говоря, возстановить какъ первоначальное чтеніе sturþi knari, какъ дѣйствительно прочелъ на камнѣ Celsius (Acta Litt. Sv. II, 406). Затрудненіе представляютъ также формы simsuti furs, которыя могутъ быть поняты какъ sems úti fórs или sem sóttiæifors (какъ предлагаетъ Brate, Runverser 43 сл.). По нѣкоторымъ сообра-

женіямъ, послѣднее толкованіе наиболѣе вѣроятное. Принимая его, мы получаемъ переводъ: «Диръ рулевой воздвигъ камень этотъ въ память сыновей своихъ. Тотъ назывался Аки, который посѣтилъ Айфорсъ, Юфуръ (?) управлялъ торговымъ судномъ, былъ въ греческихъ гаваняхъ (но) умеръ дома. Рубилъ Ингваръ» —. Надпись эта заслуживаетъ тщательнаго разбора въ связи съ другими.

Увлекшись рунами, я попутно собралъ и всѣ остальныя надписи, упоминающія о Россіи и вообще походахъ на востокъ. Ихъ довольно много, и между ними встрѣчаются очень интересныя.

Въ предпринятой и отчасти уже выполненной мною работѣ объ Ингварѣ и его походахъ, мнѣ хотѣлось бы дать, въ видѣ приложенія, текстъ и объясненіе всѣхъ этихъ надписей, представляющихъ цѣнный и надежный матеріалъ по вопросу о варягахъ въ Россіи.

Наконецъ, не могу не упомянуть еще о томъ, что я посѣтилъ также островъ Готландъ, гдѣ я, по приглашенію стокгольмскаго Національнаго Музея, принималъ участіе въ археологическихъ раскопкахъ, производившихся тамъ членами Музея. По многимъ соображеніямъ, о которыхъ здѣсь распространяться нечего, фольклоръ, древности и языкъ Готланда заслуживали-бы самаго внимательнаго и всесторонняго изученія съ точки зрѣнія гото-славянскихъ и русско-варяжскихъ взаимоотношеній. Я надѣюсь, что въ теченіе моихъ дальнѣйшихъ работъ мнѣ удастся вернуться къ нему, тѣмъ болѣе, что то немногое, что я узналъ о немъ на мѣстѣ, и при изученіи готландскихъ древностей въ Стокгольмскомъ музеѣ, живѣйшимъ образомъ заинтересовало меня. Между проч. подтвердились нѣкоторыя соображенія, высказанныя мною относительно языка острова въ моихъ «Разысканіяхъ въ области гото-славянскихъ отношеній», но не подтвердились тѣ изъ моихъ предположеній, которыя были основаны на археологическихъ данныхъ.

На этотъ разъ я могъ посвятить Готланду всего нѣсколько дней, и я успѣлъ лишь вскользь познакомиться съ Висби (въ

архивѣ котораго не оказалось интересныхъ матеріаловъ) и прислушаться къ говору готландцевъ, сильно расходящемуся съ говорами шведскаго побережья. До настоящаго времени, готландцы (гуты) считаютъ себя особымъ племенемъ, ничего общаго съ шведами не имѣющимъ, хотя у нихъ, насколько я могъ узнать, нѣтъ никакихъ живыхъ преданій о ихъ происхожденіи. То, что я слышалъ отъ нихъ о Тьелварѣ и т. д., явно книжнаго происхожденія.

Много пользы извлекъ я изъ общенія, хотя и кратковременнаго, съ мѣстными учеными дѣятелями, изъ которыхъ одинъ (Dr. Klintberg) давно работаетъ надъ словаремъ гутскаго нарѣчія.

Вообще, личное знакомство съ нѣсколькими видными учеными Скандинавіи я считаю однимъ изъ самыхъ цѣнныхъ для себя результатовъ моей поѣздки. Не могу не отмѣтить, что я всюду встрѣчалъ такой живой интересъ къ моей работѣ и такую радушную готовность помогать мнѣ совѣтомъ и дѣломъ, какую мнѣ нигдѣ не приходилось встрѣчать въ западной Европѣ. Съ особенной благодарностью я вспоминаю о содѣйствіи, оказанномъ мнѣ H. Hildebrand'омъ (см. выше), доцентомъ Упсальскаго университета археологомъ Dr. O. Almgren'омъ, который былъ моимъ спутникомъ и руководителемъ на Готландѣ, и профессоромъ Копенгагенскаго университета Finnur Iónsson'омъ, лучшимъ, въ настоящее время, знатокомъ древнеисландскаго языка, который между проч. помогъ мнѣ при чтеніи рукописи B (очень потемнѣвшей отъ времени и потому весьма неразборчивой) и вообще никогда не отказывалъ мнѣ въ своемъ авторитетномъ содѣйствіи и совѣтѣ.

Подводя итогъ, я долженъ сказать, что остался очень доволенъ результатами своей поѣздки, нашедши въ ней больше, чѣмъ ожидалъ. Тѣмъ-искреннѣе я признателенъ Отдѣленію, давшему мнѣ возможность выполнить давно задуманный планъ.

Ѳ. Браунъ.

XXII.

П. А. Сырку въ текущемъ году издалъ слѣдующее:

1. Очерки изъ исторіи литературныхъ сношеній болгаръ и сербовъ въ XIV—XVII в.—Житіе св. Николая Новаго Софійскаго по единственной рукописи XVI в. въ Сборникѣ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. LXXI.

2. Къ исторіи исправленія книгъ у сербовъ въ XV в. Въ припискѣ на Тріоди сербской редакціи, — Тріоди, списанной на Аѳонѣ, въ Карейской башнѣ (оу пиргоу карѣискомь) монахомъ Іовомъ въ двухъ книгахъ или частяхъ (прьвыи комать и послѣдніи) для прота Св. Горы, іеромонаха Дороѳея. Тріодь писана по изводамъ кастамонитскимъ (ѿ изводь кастамонитьскыхь Сравни изводь стогорсьски правы новый, истинный, болгарскаго языка. 'Напечатана эта статья въ Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, въ т. VII, въ кн. 4-й.

3. Два слова о славянскихъ отраженіяхъ въ румынской народной поэзіи о Новакѣ, — о формѣ multe blăgĭ, — сербск. много блага. Напечатано тамъ-же.

4. О славянскихъ и русскихъ рукописяхъ въ Бодлеянской библіотекѣ въ Оксфордѣ:

а) Евангеліе, списанное въ 1429 г. монахомъ Гавріиломъ Уриковымъ въ Нямецкомъ монастырѣ по желанію господарши молдавской Марины или Маріи, третьей супруги молдавскаго господаря Александра Добраго (1401—1433 гг.). Евангеліе на двухъ языкахъ: славянскомъ и греческомъ; славянская часть — терновскаго невыдержаннаго извода. Приведены отрывки изъ Евангелія Матѳея, изъ главъ пятой и шестой, съ соблюденіемъ правописанія одного и другого текстовъ.

б) Евангеліе (Hat. 66) русско-болгарской редакціи XVII—XVIII в. съ англійскими замѣтками на поляхъ.

в) Евангеліе Іоанна (Loud. B. 70=46) XVII в., собственность архіеписк. кентерберійскаго Уильяма Лоуда, канцлера оксфордскаго университета, съ англійскими замѣтками на поляхъ.

г) Евангеліе (Ms. Can, № 441=991) русской редакціи XVI в.

д) Апостолъ (№ 942) XVI в. русско-болгарской редакціи, съ англійскими замѣтками, подаренный англичаниномъ Лемсилотою Брауномъ въ 1601 г., 2 ноября, въ «Бодлеянскую библіотеку въ Оксфордѣ». Вѣроятно, Брауномъ отмѣчено, что книга стоитъ one Roble, one altyn and 2 d. (=denga) и послана въ Colmogro and at Wologdo 18 ноября 1587 г.

е) Bodl. № 184. Псалтирь XVII—XVIII в., сербской редакціи.

ж) Bodl. № 163. Псалтирь XV—XVI в., болгарско-русской редакціи на основѣ терновскаго извода.

з) Bodl. 946. slav. Часословъ Учебный 1588 г., списанный нѣкіимъ Илейкою Борисовымъ для англичанина Томаса Иванова (Thomas Johnson) или Tomas'a Herkastelle, съ азбукою въ началѣ. Тамъ-же.

Печатается:

5) Карансебешскій Октоихъ, болгарской редакціи XIII в., важный въ палеографическомъ и лингвистическомъ отношеніяхъ, съ тремя фототипическими снимками. Напечатана только часть для Сборника Отдѣленія.

6. Изъ корреспонденціи румынскихъ воеводъ съ сибинскимъ магистратомъ и другіе документы XVII в. (изъ архива магистрата въ Сибинѣ,—Hermannstadt). Для того же изданія.

Приготовлено къ печати:

7. Грамота болгарскаго царя. I. Асѣня II съ изслѣдованіемъ и фототипическимъ снимкомъ въ натуральную величину. Приготовляется для Извѣстій Отдѣленія.

Полихроній Сырку.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXXIV, № 1.

ПЕРЕВОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА МОСКОВСКОЙ РУСИ XIV—XVII ВѢКОВЪ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ.

Академика А. И. Соболевскаго.

СЪ ДВУМЯ ФОТОТИПИЧЕСКИМИ СНИМКАМИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1903.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Мартъ 1903 г. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Переводная литература въ древней Руси имѣла гораздо большее значенie, чѣмъ оригинальная.

Она была несравненно богаче, чѣмъ оригинальная.

Въ первые вѣка существованiя русской письменности число переводовъ, сдѣланныхъ южными славянами съ греческаго на церковно-славянскiй языкъ и перешедшихъ отъ южныхъ славянъ къ намъ, было довольно значительно. Можно думать, что въ это время русскiе уже могли читать почти всѣ тѣ южно-славянскiе переводы IX—X вѣковъ, которые мы знаемъ по дошедшимъ до насъ спискамъ. Между тѣмъ число русскихъ оригинальныхъ литературныхъ произведенiй было совсѣмъ ничтожно.

Въ XIV—XV вѣкахъ литературное богатство Московской Руси было освѣжено притокомъ новыхъ южно-славянскихъ переводовъ съ греческаго на церковно-славянскiй языкъ, и процентное отношенiе между числомъ переводныхъ съ одной стороны и числомъ оригинальныхъ русскихъ произведенiй съ другой значительно повысилось въ пользу переводной литературы.

Съ половины XVI вѣка южно-славянскiе переводы, какъ древнѣйшiе, IX—X вѣковъ, такъ и болѣе позднiе, XIII—XV вѣковъ, особенно первые, перестаютъ въ Московской Руси читаться, будучи для русскаго читателя уже малопонятными; впрочемъ не безъ исключенiй. Но съ того же времени появляются, и чѣмъ ближе къ концу XVII вѣка, тѣмъ все въ большемъ коли-

чествѣ, — новые переводы и съ греческаго, и особенно съ латинскаго, польскаго и нѣмецкаго языковъ. Они наполняютъ собою литературу Московской Руси XVII вѣка и среди нихъ почти затериваются русскія оригинальныя произведенія того же времени.

То, что сказано о числѣ, можетъ быть сказано и о значеніи переводовъ съ одной стороны и оригинальныхъ произведеній съ другой. Первые, служившіе образцами для вторыхъ, образцами часто недосягаемыми по своей внѣшней стройности и внутренней силѣ,—гораздо болѣе читались, чѣмъ вторые, и оказывали сильнѣйшее вліяніе на народную фантазію. Что бы мы ни взяли изъ области народнаго поэтическаго творчества, вѣрованія, легенды, сказки, пѣсни, духовные стихи, — во всемъ мы замѣтимъ слѣды вліянія именно переводной литературы. Новыя эпохи въ исторіи древне-русской литературы составлялись также переводами; иначе говоря, культурныя движенія въ Московской Руси находили себѣ выраженіе не въ оригинальныхъ произведеніяхъ, а въ подборѣ переводовъ, въ стремленіи заимствовать переведенныя у южныхъ славянъ произведенія извѣстнаго содержанія или въ усиліяхъ организовать въ Москвѣ переводныя работы въ опредѣленномъ направленіи.

Необходимо помнить, что для древней Руси переводъ имѣлъ гораздо большую цѣну, чѣмъ для новой. Древне-русскій читатель, за рѣдчайшими, значенія не имѣющими исключеніями, не зналъ ни одного чужаго языка и могъ читать книги только на литературномъ языкѣ древней Руси — церковно-славянскомъ. Лишь съ Петровской эпохи, когда стало развиваться общеніе Россіи съ западомъ, появились у насъ люди читающіе книги на западно-европейскихъ языкахъ; но въ теченіе всего XVIII столѣтія переводъ сохранялъ цѣну, тѣмъ большую, чѣмъ выше было его достоинство.

Выпуская въ свѣтъ сборникъ своихъ старыхъ и новыхъ статей по библіографіи древне-русской переводной литературы, мы не имѣемъ въ виду дать читателю что бы то ни было полное. Мы предлагаемъ только *матеріалы.*

Рукописныя собранія, находящіяся въ нашихъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, хотя уже всѣ почти общедоступны, — еще недостаточно описаны, и заключающіяся въ нихъ сочиненія и статьи еще не вполнѣ приведены въ извѣстность. Что до многочисленныхъ рукописныхъ собраній, принадлежащихъ частнымъ лицамъ и — повидимому — цѣнныхъ, то они, за немногими изъятіями, пока недоступны для изслѣдователя, и свѣдѣнія о нихъ скудны и неточны.

Понятно, при такомъ положеніи вещей невозможно стремиться къ библіографической полнотѣ.

Древне-русскіе переводы, даже тѣ, о существованіи которыхъ давно извѣстно, даже тѣ, которые уже изданы, за рѣдкими исключеніями, не изучены ни въ какихъ отношеніяхъ. Вопросы объ оригиналахъ, переводчикахъ, взаимныхъ отношеніяхъ списковъ, объ особенностяхъ языка и т. п. остаются открытыми.

Въ виду этого, имѣя дѣло съ массою разнообразныхъ текстовъ, мы не всегда были въ состояніи освѣтить переводы въ достаточной степени.

Въ нашихъ указаніяхъ на №№ рукописей мы слѣдуемъ вездѣ, гдѣ можно, печатнымъ каталогамъ. Лишь въ томъ случаѣ, гдѣ послѣднихъ нѣтъ, мы приводимъ №№ по рукописнымъ каталогамъ библіотекъ. Впрочемъ при ссылкахъ на рукописи собранія графа Толстого мы указываемъ иногда № печатнаго описанія, иногда № библіотечнаго каталога, а при ссылкахъ на рукописи Ново-Іерусалимскаго монастыря слѣдуемъ библіотечному каталогу.

Ссылки на Макарьевскія Четьи Минеи относятся къ тѣмъ экземплярамъ этихъ Миней, по которымъ сдѣлано ихъ печатное описаніе, изданное Синодомъ.

Орѳографія рукописей нами обыкновенно болѣе или менѣе измѣняется.

Приложенные къ нашему труду два фототипическіе снимка изображаютъ таблицы изъ Шестокрыла по списку Холмскаго Музея.

За указанія и справки большое спасибо А. С. Архангельскому, И. А. Бычкову, С. А. Бѣлокурову, Г. П. Георгіевскому, В. Н. Перетцу, Н. И. Петрову, П. Г. Преображенскому и М. И. Соколову.

С.-Петербургъ, 1 марта 1903 г.

I.

Южно-славянское вліяніе на русскую письменность въ XIV—XV вѣкахъ.

Если мы возьмемъ два ряда русскихъ рукописей, одинъ — около половины XIV вѣка, другой — около половины XV вѣка, и вглядимся въ ихъ особенности и содержаніе, — намъ бросится въ глаза значительная разница между ними во всѣхъ отношеніяхъ.

Начнемъ съ письма. Рукописи половины XIV вѣка написаны или уставомъ, или образовавшимся изъ него и съ нимъ тѣсно связаннымъ старшимъ полууставомъ [1]). Рукописи половины XV вѣка написаны почти исключительно младшимъ полууставомъ, совершенно отличнымъ отъ полуустава старшаго и не находящимся отъ него въ зависимости. Уставъ и старшій полууставъ имѣютъ ѥ или замѣняющее его є, наклоненное къ началу строки [2]). Младшій полууставъ не знаетъ ѥ и пользуется его замѣнителемъ

---

1) Этотъ старшій, чисто русскій полууставъ мы имѣемъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописей 1377 г., въ Тактиконѣ 1397 г. (снимокъ у *Срезневскаго*, въ приложеніи къ «Древнимъ памятникамъ русскаго письма и языка»), въ Паисіевомъ Сборникѣ и въ цѣломъ рядѣ другихъ не датированныхъ рукописей.

2) Смотри это є въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописей и въ Тактиконѣ 1397 г.

е или прямымъ, или наклоненнымъ къ концу строки[1]). Уставъ и старшій полууставъ нерѣдко имѣютъ букву *у* послѣ согласныхъ безъ *о* (т. е. въ видѣ ү) и совсѣмъ не знаютъ буквы ижицы. Младшій полууставъ постоянно пользуется буквою ү съ о (т. е. оү) или такъ называемымъ укомъ (ȣ) и имѣетъ особую букву ижицу (ѵ), отличающуюся отъ второй части оү и формою, и величиною[2]). Уставъ и старшій полууставъ обыкновенно имѣютъ букву *ы* въ видѣ ъı. Въ младшемъ полууставѣ въ составъ *ы* всегда входитъ ь (ы). Уставъ и старшій полууставъ употребляютъ букву *ѳ* очень рѣдко, почти исключительно въ ея цифровомъ значеніи, причемъ она имѣетъ форму перечеркнутаго обыкновеннаго *о*. Младшій полууставъ пользуется ѳ сравнительно часто, и форма этой буквы въ немъ совсѣмъ иная[3]). Уставъ и старшій полууставъ совсѣмъ не знаютъ буквы ѕ и имѣютъ лишь цифру въ формѣ ƨ[4]). Младшій полууставъ болѣе или менѣе часто пользуется буквою ѕ, и его ѕ и въ буквенномъ, и въ цифровомъ значеніи имѣетъ ту форму, какая ему придается въ нынѣшнихъ нашихъ церковныхъ книгахъ[5]). Далѣе, въ уставѣ и старшемъ полууставѣ форма остальныхъ, не названныхъ выше буквъ (особенно *в*, *ж*, *з*, *к*, *т*, *ч*, *ъ*, *ѣ*) болѣе или менѣе значительно отличается отъ формы тѣхъ же буквъ въ младшемъ полууставѣ.

Взглянемъ на начало и конецъ статей. Уставъ и старшій полууставъ не сопровождаются въ заглавіяхъ статей вязью, въ

1) Смотри у архіеп. *Саввы* («Палеографическіе снимки съ греческихъ и славянскихъ рукописей Моск. Синодальной Библ.») снимки съ рукописей 1436, 1438, 1452 и 1477 гг.; въ сборникѣ Археологическаго Института («Палеографическіе снимки съ русскихъ рукописей XII—XVII вѣковъ») снимки съ рукописей 1428, 1485, 1495 гг.

2) См. у *Саввы* снимки съ рукописей 1436 и 1477 гг.; въ сборникѣ Археологическаго Института снимокъ съ рукописи 1495 г.

3) См. у *Саввы* снимокъ съ рукописи 1436 г.; въ сборникѣ Археологическаго Института снимки съ рукописей 1428 и 1495 гг.

4) См. у *Саввы* снимки съ рукописей 1357, 1358, 1369 гг.

5) См. у *Саввы* снимки съ рукописей 1436, 1438, 1452 гг.; въ сборникѣ Археологическаго Института снимки съ рукописей 1428, 1466, 1485 гг.

концѣ статей воронкой; при младшемъ полууставѣ вязь и воронка [1]) — явленія вполнѣ обычныя.

Обратимся къ орнаменту. Уставъ и старшій полууставъ нерѣдко имѣютъ при себѣ заставки и большія буквы, исполненныя въ такъ называемомъ чудовищномъ стилѣ киноварью или красками [2]). Младшій полууставъ обыкновенно сопровождаетдя геометрическимъ [3]) или (рѣже) растительнымъ [4]) орнаментомъ, въ которомъ, рядомъ съ киноварью и красками, являются золото и (рѣже) серебро.

Кинемъ бѣглый взглядъ на орѳографію. Тексты, писанные уставомъ и старшимъ полууставомъ, отличаются простотою орѳографіи и сравнительной близостью ея къ русскому произношенію. Напротивъ того, въ текстахъ, писанныхъ младшимъ полууставомъ, мы встрѣчаемся и съ юсомъ большимъ, и съ *а* вмѣсто *я* (сво*а*, добра*а*, спасені*а*), и съ *ь* вмѣсто *ъ* въ концѣ словъ (при *ъ* вмѣсто *ь* или *е* въ срединѣ словъ), и съ написаніями въ родѣ в*ръ*хъ, тр*ъ*гъ (= верхъ, торгъ), а сверхъ того, находимъ, въ словахъ греческаго происхожденія, болѣе или менѣе правильное употребленіе *ѳ*, *ѵ* и двухъ *г* вмѣсто *нг*: а*гг*елъ, а иногда *б* вмѣсто *п* послѣ *м*, *д* вмѣсто *т* послѣ *н*, согласно позднѣйшему греческому произношенію: Ол*ѵмб*ъ, Ан*д*оній.

Разсмотримъ языкъ. Церковно-славянскій языкъ рукописей половины XIV вѣка богатъ обще-русскими и мѣстными русскими особенностями. Мы имѣемъ въ немъ болѣе или менѣе часто *ж* вмѣсто *жд*, *ч* вмѣсто *щ*, полногласіе; мы имѣемъ въ немъ новгородское *ц* вмѣсто *ч* и наоборотъ, галицко-волынское *ѣ* вмѣсто *е*

---

1) Вязь см. у *Саввы* въ снимкахъ съ рукописей 1436, 1477, 1499 гг. Вмѣсто воронки въ концѣ статей встрѣчаются крестъ и кругъ.

2) См. у *Буслаева* («Матеріалы для исторіи письменъ») снимокъ съ рукописи 1355 г. и у *Саввы* снимки съ рукописей 1357 и 1358 гг.

3) Такъ мы называемъ орнаментъ изъ пересѣкающихся круговъ или фигуръ сходныхъ съ кругами. Образцы см. у *Саввы* въ снимкѣ съ рукописи 1504 г. и въ сборникѣ Археологическаго Института въ снимкѣ съ рукописи 1516 г.

4) См. у *Буслаева* и *Саввы* снимки съ рукописи 1499 г.

въ извѣстныхъ случаяхъ и т. п. Напротивъ того, церковно-славянскій языкъ многихъ рукописей половины XV вѣка какъ-бы избѣгаетъ руссизмовъ (кромѣ главныхъ: *у* вмѣсто ѫ и т. п.), но зато не свободенъ отъ древнихъ и позднихъ болгаризмовъ: *ѣ* вмѣсто *я*, *я* вмѣсто *ю* и наоборотъ (ѧ вмѣсто ѫ и наоборотъ), формъ въ родѣ Васил*іе* (им. ед.), сын*овомъ*, сын*овѣхъ* (отъ *сынъ*), трі*ехъ*, пят*ихъ*, десят*ихъ* (отъ *три*, *пять*, *десять*), словъ *цвѣту* (цвѣту), *прѣзъ* (чрезъ), *егова* (его), *тогова* (того) и т. п.

Наконецъ, передъ нами самые тексты. И здѣсь разница между рукописями половины XIV вѣка и рукописями половины XV вѣка значительна. Евангеліе половины XIV вѣка, апракосное, имѣетъ одну редакцію церковно-славянскаго перевода, а Евангеліе половины XV вѣка, тетръ, — другую; то же можно сказать объ Апостолѣ и Псалтыри. Богослужебныя Минеи половины XIV вѣка по своему составу существенно отличаются отъ Миней половины XV вѣка; то же, кажется, должно сказать о большей части остальныхъ сборниковъ богослужебныхъ гимновъ. Пѣснь пѣсней [1]), Слова Григорія Богослова, Лѣствица Іоанна Лѣствичника, Пандекты Никона Черногорца, Вопросоотвѣты псевдо-Аѳанасія къ князю Антіоху, Житіе Антонія Великаго [2]), Житіе Варлаама и Іоасафа [3]), Синайскій Патерикъ, апокрифическая повѣсть о пророкѣ Іереміи [4]), Слово Меѳодія Патарскаго и многія другія произведенія въ спискахъ половины

---

1) Старшая редакція — съ толкованіемъ Филона Карпаѳійскаго; младшая, исправленная, — безъ толкованія. Въ спискѣ Ундольскаго № 1, XV в., находятся обѣ редакціи.

2) О церковно-славянскихъ текстахъ первыхъ трехъ произведеній см. у *Горскаго* и *Невоструева*, «Описаніе рукописей Московской Синодальной Библіотеки», II, 2; а о текстахъ послѣднихъ двухъ — у *Архангельскаго*, «Творенія отцовъ церкви въ древне-русской письменности».

3) Старшая редакція — въ Макарьевскихъ Минеяхъ и въ рукописяхъ Софійск. № 69, XIV в., Публ. Библ. Погод. № 765, Румянц. Муз. Унд. № 241, Троицк. Л. № 690, а отдѣльныя повѣсти въ Златой Цѣпи XIV вѣка и (въ сокращеніи) въ Прологѣ; младшая — въ рукописяхъ Троицк. Л. № 687, 1444 г., и Публ. Б. Толст. I, № 255, XV вѣка.

4) Обѣ редакціи изданы *Тихонравовымъ*, «Памятники отреченной русск. литературы», I, одна на стр. 278, другая на стр. 284.

XIV вѣка съ одной стороны и половины XV вѣка (или позднѣе) съ другой — или представляютъ разные церковно-славянскіе переводы, или имѣютъ болѣе или менѣе крупныя отличія въ текстѣ. Далѣе, рукописи половины XIV вѣка не знаютъ цѣлаго ряда литературныхъ произведеній, почти исключительно переведенныхъ съ греческаго, которыя обычны въ рукописяхъ половины XV вѣка. Къ этимъ произведеніямъ принадлежатъ аскетическія сочиненія свв. Василія Великаго, Исаака Сирина, аввы Дороѳея, Григорія Синаита, Симеона Новаго Богослова и другихъ, полемическія сочиненія противъ латинянъ Григорія Паламы, Нила Кавасила, Никиты Стифата, Германа, патріарха константинопольскаго (а также Преніе Панагіота съ Азимитомъ), Толковое Евангеліе Ѳеофилакта Болгарскаго, два Учительныхъ Евангелія: Іоанна Златоустаго и патріарха Каллиста, Римскій Патерикъ [1]), три другіе Патерика (Азбучный [2]), Іерусалимскій и одинъ изъ Скитскихъ [3])), Стишной Прологъ, Житіе Григорія Омиритскаго, Маргаритъ Іоанна Златоустаго, Тактиконъ Никона Черногорца, Діоптра инока Филиппа, Похвала твари Богу Георгія Писидійца, Стефанитъ и Ихнилатъ, христіанизованная Александрія [4]).

Само собою разумѣется, между рукописями половины XIV вѣка и рукописями половины XV вѣка находится рядъ рукописей болѣе или менѣе смѣшаннаго характера. Уставъ и старшій полууставъ еще господствуютъ въ концѣ XIV и началѣ XV вѣковъ, но нѣкоторыя ихъ буквы могутъ имѣть ту форму, съ которой они являются въ младшемъ полууставѣ [5]); или сопровож-

---

1) Старшіе южно-славянскіе списки: 1) пергаменный, Виленск. Публ. Библ. № 3, XIV в.; 2) Публ. Библ. Q. I. 275, XIV в. Старшій русскій списокъ — Моск. Дух. Ак. № 27, XV в. Переводъ древній. Отрывки перевода этого Патерика были извѣстны въ Россіи до XIV в.

2) Переводъ Азбучнаго Патерика — древній. Срв. *Востоковъ*, «Описаніе Румянц. Музеума», № 307.

3) Троицкой Лавры № 701, 1469 г., и № 704, XV в.

4) См. приложеніе I.

5) Напримѣръ, з имѣетъ эту форму въ писанной уставомъ Кіевской Псалтыри 1397 г. (см. у *Срезневскаго*). Въ той же рукописи ы въ видѣ ы, изрѣдка ь въ концѣ словъ и *я* вм. *ю*.

дающій ихъ орнаментъ можетъ быть орнаментомъ младшаго полуустава; или въ орѳографіи и языкѣ встрѣчаются, то чаще, то рѣже, обычныя особенности младшаго полуустава [1]). Наоборотъ, младшій полууставъ второй четверти XV вѣка нерѣдко имѣетъ двѣ, три, нѣсколько буквъ въ той формѣ, которая имъ свойственна въ старшемъ полууставѣ [2]). Наконецъ, старшіе списки нѣкоторыхъ изъ тѣхъ текстовъ, которые не были у насъ извѣстными въ половинѣ XIV вѣка, списки, относящіеся къ концу XIV и началу XV вѣка, написаны уставомъ или старшимъ полууставомъ.

Если мы сопоставимъ наши рукописи половины XV вѣка съ южно-славянскими XIV—XV вѣковъ, то замѣтимъ между ними поразительное сходство. Нашъ младшій полууставъ въ разныхъ своихъ видахъ сходенъ съ южно-славянскимъ полууставомъ до мельчайшихъ особенностей. Орнаментъ, его сопровождающій,— тотъ самый, который является при южно-славянскомъ полууставѣ. Орѳографія нашихъ рукописей половины XV вѣка представляетъ отраженіе орѳографіи южно-славянскихъ (точнѣе: средне-болгарскихъ) рукописей, а особенности ихъ языка — отраженіе особенностей средне-болгарскаго языка. Наконецъ, наши тексты половины XV вѣка, тѣ, которые были неизвѣстны у насъ въ половинѣ XIV вѣка, — не что иное, какъ копіи южнославянскихъ текстовъ XIV—XV вѣковъ.

Ясно, что между половиною XIV и половиною XV вѣковъ русская письменность подпала подъ очень сильное вліяніе южнославянской письменности и въ концѣ концовъ подчинилась этому вліянію. Это произошло благодаря усилившимся сношеніямъ Россіи съ Константинополемъ и Аѳономъ.

Какъ извѣстно, русская литература получила начало отъ ли-

1) Напримѣръ, въ Тактиконѣ 1397 г. Вязь въ заглавіи является уже въ Стихирарѣ 1381 г., писанномъ едва ли не знаменитымъ Епифаніемъ Премудрымъ (см. у *Срезневскаго*).

2) Напримѣръ, з (цифра) находится въ писанной младшимъ полууставомъ рукописи 1438 г. (см. у *Саввы*).

тературы южно-славянской (древне-болгарской) и первые ея памятники, за немногими исключеніями, — не болѣе какъ списки съ памятниковъ южно-славянскихъ. Но живыя сношенія русскихъ съ южными славянами послѣ покоренія Болгаріи греками сначала ослабли, а потомъ почти прекратились[1]). Такимъ образомъ эти двѣ родственныя литературы начали жить независимо одна отъ другой. Тѣ переводы съ греческаго, которые были сдѣланы въ Россіи въ XI—XIII вѣкахъ, и оригинальныя сочиненія русскихъ писателей того же времени остались почти совсѣмъ неизвѣстны[2]) южнымъ славянамъ; въ свою очередь то немногое, переводное и оригинальное, что появилось у южныхъ славянъ въ XII—XIII вѣкахъ[3]), не перешло своевременно въ Россію. Словомъ, къ началу XIV вѣка съ одной стороны у русскихъ накопилось нѣкоторое количество литературныхъ произведеній, неизвѣстныхъ южнымъ славянамъ, съ другой — у этихъ послѣднихъ оказалось кое-что неизвѣстное русскимъ. Конецъ XIII вѣка и первая половина XIV в. были неблагопріятны для русской литературы. То, что въ ней было раньше (въ томъ числѣ тексты священнаго писанія и богослужебные), къ этому времени, благодаря частому переписыванію и отсутствію какого-нибудь наблюденія за исправностью переписки, въ рядѣ случаевъ болѣе или менѣе исказилось и начало представлять въ той или другой степени трудности для пониманія. Новые переводы греческихъ

1) Между русскими текстами XII—XIII вв. мы почти совсѣмъ не имѣемъ списковъ съ южно-славянскихъ оригиналовъ того же времени, съ сохраненіемъ особенностей средне-болгарской ореографіи (мѣны юсовъ и т. п.).

2) Исключеній мало: кое-что изъ сочиненій Кирилла Туровскаго, найденное М. И. Соколовымъ въ сербскомъ Сборникѣ XIII в., Прологъ съ Житіями русскихъ святыхъ: Бориса и Глѣба, Мстислава (сына Мономахова), Θеодосія Печерскаго, Ольги (старшій списокъ съ годомъ — Имп. Публ. Библ. 1839 г., болгарскій; другой съ годомъ — 1340, болгаро-сербскій, описанъ *Ламанскимъ*, «О нѣкоторыхъ славянскихъ рукописяхъ»). Уваровскій списокъ № 70, сербскій, по Востокову, относится къ XIII в.

3) Къ литературнымъ произведеніямъ, переведеннымъ у южныхъ славянъ въ это время, должно относить труды греческихъ писателей XI вѣка Θеофилакта Болгарскаго (Толковое Евангеліе) и Филиппа инока (Діоптра).

литературныхъ произведеній перестали появляться. Дѣятельность русскихъ писателей сократилась. Напротивъ того, для южно-славянской литературы конецъ XIII вѣка и почти весь XIV вѣкъ были временемъ большаго оживленія. Старые переводы съ греческаго одинъ за другимъ были подвергнуты пересмотру и исправленію, на основаніи сличенія съ оригиналами; между ними были тексты и священнаго писанія, и святоотеческихъ твореній, и житій святыхъ, и хронографовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ явился рядъ новыхъ переводовъ всевозможныхъ произведеній греческой литературы: и богослужебныхъ пѣснопѣній [1]), и сочиненій свв. отцовъ, и свѣтскихъ повѣстей. Наконецъ, появились кое-какіе, впрочемъ сравнительно очень немногіе оригинальные труды южно-славянскихъ авторовъ (почти исключительно житія). Наши свѣдѣнія о дѣятеляхъ южно-славянской литературы конца XIII вѣка и XIV вѣка совсѣмъ ничтожны. Мы можемъ назвать лишь нѣсколько именъ [2]). Но мы имѣемъ основанія догадываться, что главные изъ этихъ дѣятелей жили и трудились не въ южно-славянскихъ земляхъ, а въ Константинополѣ [3])

---

1) Новый переводъ Тріоди и Октоиха существовалъ уже въ 1374 г. Срв. ст. *Дринова*, въ «Отчетѣ о присужденіи Ломоносовск. преміи въ 1899 г.», стр. 29.

2) Евѳимій, патріархъ терновскій (переводчикъ и плодовитый авторъ); нашъ митрополитъ Кипріанъ (переводчикъ богослужебныхъ каноновъ и молитвъ; перечень ихъ — въ статьѣ *архим. Амфилохія* въ «Трудахъ» III-го Археологическаго Съѣзда, стр. 247); Ѳеодосій, патріархъ терновскій († 1362), переведшій слова Григорія Синаита; Діонисій (XIII в.), переведшій Маргаритъ Златоустаго; Исаія, аѳонскій монахъ, переведшій ок. 1371 г. творенія Діонисія Ареопагита; Димитрій Зографъ, переведшій въ 1385 г., будто бы въ Ростовѣ, «Похвалу твари Богу» Георгія Писидійца; Закхей, переведшій слова Исаака Сирина; аѳонскій іеромонахъ Евѳимій, ученикъ Михаила Даскала, переведшій «Воспоминаніе» Петра Дамаскина; Антоній (или Андроній), переведшій Житіе Григорія Омиритскаго; первопресвитеръ Ѳеодоръ, переведшій рядъ каноновъ и молитвъ (патр. Филоѳея и др.); Гавріилъ, протъ Св. Горы, переведшій чинъ погребенія на св. недѣлѣ (*Строевъ*, «Библіологич. Словарь», стр. 46). Сербскіе агіографы для насъ не представляютъ интереса.

3) Они могли жить, между прочимъ, въ Студійскомъ монастырѣ, въ которомъ жили Евѳимій и Кипріанъ и въ которомъ Кипріанъ въ 1387 г. сдѣлалъ списокъ Лѣствицы.

и на Аѳонѣ[1]), которыхъ монастыри владѣли богатыми библіотеками и представляли всѣ удобства для литературной дѣятельности.

Около половины XIV вѣка Россія (по преимуществу сѣверо-восточная) начала болѣе дѣятельныя сношенія съ Константинополемъ и Аѳономъ, чѣмъ были прежде. Число русскихъ паломниковъ значительно увеличилось[2]).

Скоро въ монастыряхъ Константинополя[3]) завелась небольшая колонія русскихъ монаховъ. Однимъ изъ нихъ былъ преп. Аѳанасій Высоцкій, любимый ученикъ преп. Сергія, первый настоятель Высоцкаго монастыря подъ Серпуховомъ, ростовецъ родомъ, который, по свидѣтельству Епифанія (въ житіи преп. Сергія), былъ «въ божественныхъ писаніяхъ зѣло разуменъ» и любилъ книжное дѣло. Поселившись въ Константинополѣ въ 1383 году, «яко единъ отъ убогихъ», онъ повидимому занимался здѣсь лишь перепискою книгъ[4]). Другимъ изъ нихъ былъ кир-Зиновій, едва ли не тотъ Зиновій, который потомъ, съ 1432 по

1) Изъ извѣстной замѣтки хиландарскаго монаха Григорія объ исправленіи имъ такъ наз. Паралипоменона Зонары видно, что даже простая переписка книгъ для Сербіи въ началѣ XV вѣка производилась монахами этого монастыря.

2) Слѣдствіями усиленія сношеній московской Руси съ Греціей были между прочимъ сперва выходъ замужъ за сына Императора Мануила дочери великаго князя Василія Дмитріевича Анны (въ 1414 г.), а потомъ женитьба Ивана III на Софьѣ Палеологъ.

3) Въ монастыряхъ Студійскомъ (иначе Іоанна Предтечи) и сосѣднемъ съ нимъ Перивлептѣ, а можетъ быть, и въ другихъ. Игнатій Смольнянинъ, бывшій въ Константинополѣ въ 1889 г., уже упоминаетъ о русскихъ въ монастырѣ Студійскомъ (Предтечи): «и упокоиша ны добрѣ ту живущіи русь» (по изданію Палест. Общ., стр. 7). Но Стефанъ Новгородецъ, посѣтившій Константинополь около 1350 года и осматривавшій Студійскій монастырь, объ жительствѣ въ немъ русскихъ не говоритъ; то мѣсто «Путешествія», гдѣ говорится о встрѣчѣ его съ новгородцами Иваномъ и Добрилою и которое находится въ изданіи Сахарова, но отсутствуетъ во всѣхъ извѣстныхъ намъ спискахъ, по нашему мнѣнію, — сочиненіе новѣйшаго времени.

4) *Голубинскій*, Преп. Сергій Радонежскій, стр. 99. Во времена Епифанія, въ Сергіевомъ монастырѣ были «доброписанія многа руки его». Вѣроятно, они сохраняются и до нашихъ дней. Ихъ не трудно разыскать при помощи сличенія ихъ письма съ письмомъ собственноручной приписки Аѳанасія въ Пандектахъ Никона Черногорца 1381 года Синод. Библ. (*Срезневскій*, Древніе пам., стр. 245).

1443 г., былъ игуменомъ Троицкой Лавры и много потрудился надъ увеличеніемъ лаврской библіотеки. Русская колонія въ Константинополѣ завела дѣятельныя сношенія съ колоніею южнославянской (болгарской). Интересуясь книжнымъ дѣломъ, она съ одной стороны добывала отъ южныхъ славянъ ихъ книги, изготовляла съ нихъ списки, отправляла ихъ на родину, съ другой — доставляла южнымъ славянамъ неизвѣстные имъ русскіе тексты[1]) и хлопотала объ свѣркѣ послѣднихъ съ греческими оригиналами. Сверхъ того, нѣкоторые члены русской колоніи, болѣе или менѣе знакомые съ греческимъ языкомъ, сами предпринимали исправленіе своихъ текстовъ. Одному изъ нихъ принадлежитъ исправленный по греческому оригиналу текстъ Евангелія, дошедшій въ константинопольскомъ спискѣ 1383 года[2]). Другому — также исправленный (и сильно исправленный) текстъ всего Новаго Завѣта, сохранившійся въ томъ чудовскомъ спискѣ половины XIV вѣка, который обыкновенно считается принадлежащимъ перу св. митрополита Алексія и который написанъ также повидимому въ Константинополѣ[3]).

---

1) Русскіе Константинополя имѣли, напримѣръ, у себя неизвѣстные южнымъ славянамъ Пандекты Никона Черногорца и Исторію Іосифа Флавія. Русскій текстъ Пандектъ былъ дважды исправленъ и дополненъ южными славянами, въ первый разъ слегка. Списокъ Пандектъ съ текстомъ перваго исправленія, русскій съ средне-болгаризмами, относится къ 1381 г. (Синод. № 198) и сдѣланъ въ Высоцкомъ монастырѣ подъ Серпуховомъ, по благословенію игумена его преп. Аѳанасія Высоцкаго. Объ этомъ спискѣ см. у *Горскаго и Невоструева*, II, 3, № 218. Русскій текстъ Исторія Іосифа Флавія былъ переписываемъ у южныхъ славянъ, и мы знаемъ сдѣланный съ него сербскій списокъ 1585 г. (на Аѳонѣ; *Дмитріевъ-Петковичъ*, Обзоръ аѳонскихъ древностей, 57). Сверхъ того, у русскихъ Константинополя были 16 словъ Григорія Богослова съ толкованіями Никиты Ираклійскаго (сравни окончаніе одного изъ словъ въ спискѣ XV в., у *Тихонравова*, «Лѣтописи», т. IV, смѣсь, стр. 99). Русскій текстъ Словъ Григорія и толкованій Никиты также былъ исправленъ южными славянами и въ исправленномъ видѣ извѣстенъ и въ южно-славянскихъ, и въ русскихъ спискахъ XV и XVI вѣковъ. *Андрей Поповъ*, «Библіографическіе Матеріалы», II—VII, стр. 265 сл.; *Н. К. Никольскій*, «О литерат. трудахъ митрополита Климента», стр. 15.

2) Списокъ книгъ, написанныхъ русскими въ Константинополѣ, и копій съ нихъ см. въ приложеніи II.

3) О немъ см. приложеніе III.

Вѣроятно, одновременно съ поселеніемъ русскихъ монаховъ въ Константинополѣ усилилась русская монашеская колонія на Аѳонѣ[1]). Но аѳонская колонія менѣе, чѣмъ константинопольская, интересовалась книжнымъ дѣломъ и не оставила замѣтныхъ слѣдовъ своей дѣятельности на литературномъ поприщѣ. Нами можетъ быть названъ лишь одинъ членъ этой колоніи — іеромонахъ Аѳанасій Русинъ, покупавшій и списывавшій на Аѳонѣ книги въ 1430—1432 годахъ. Другіе русскіе, вывезшіе съ Аѳона какіе-нибудь тексты, были, по всей вѣроятности, не болѣе какъ паломниками[2]). Русскіе Аѳона также завели сношенія съ южными славянами (того же Аѳона), но не со всѣми, а лишь съ одними болгарами; вслѣдствіе этого одна часть переводовъ и оригинальныхъ сочиненій, бывшихъ у сербовъ Аѳона въ XIV и началѣ XV вѣковъ, русскимъ осталась совсѣмъ или почти совсѣмъ неизвѣстна[3]); съ другою мы познакомились черезъ посредство болгаръ[4]). Отсюда понятно, почему русскіе списки, сдѣланные прямо съ сербскихъ оригиналовъ и потому болѣе или менѣе изобилующіе сербизмами, — такъ рѣдки[5]).

---

1) Русскіе монахи были здѣсь и до XIV вѣка.

2) См. приложеніе IV.

3) Таковы: переводъ Церковнаго Устава Іерусалимскаго старшей редакціи (о которой см. у *Мансветова*, «Типикъ», стр. 271), дошедшій до насъ въ хиландарскомъ спискѣ 1331 г. (описанномъ въ *Starine*, V) и другихъ сербскихъ XIV вѣка (Публ. Библ., Новый Іерусал.); переводъ Синтагмы Матѳея Властаря, дошедшій до насъ въ рядѣ сербскихъ списковъ XIV—XV вѣковъ (о нихъ см. у *Флоринскаго*, «Памятники законодательной дѣятельности Душана», стр. 307); переводъ толкованія Олимпіодора на книгу Іова, сдѣланный хиландарскимъ монахомъ Гавріиломъ въ 1412 г. (Синод. Библ.); большая часть житій сербскихъ государей.

4) Такъ, исправленіе перевода или, пожалуй, новый переводъ Лѣствицы сдѣланъ хиландарскими монахами около 1370 года. Но мы получили исправленный текстъ отъ болгаръ. Старшій списокъ этого текста, изъ южно-славянскихъ, до насъ дошедшій, руки митрополита Кипріана, — 1387 г. (*Горскій и Невоструевъ*, II, 2, стр. 216—217). Нѣсколько житій сербскихъ государей перешло къ намъ также черезъ посредство болгаръ: старшіе наши списки ихъ несвободны отъ болгаризмовъ; см., напримѣръ, списокъ житія деспота Стефана Лазаревича Тр. Л. № 686, XV в., изданный *Андреемъ Поповымъ* («Изборникъ», стр. 92).

5) Сербскія рукописи, привезенныя въ Россію, очень затрудняли нашихъ

Сверхъ того, въ самой Россіи появились южно-славянскіе выходцы. Мы знаемъ изъ нихъ троихъ. Одинъ — митрополитъ Кипріанъ, полу-грекъ, полу-болгаринъ, жившій до пріѣзда въ Россію въ монастыряхъ Константинополя и Аөона[1]), любившій книжное дѣло, занимавшійся и переводами съ греческаго, и (будучи уже митрополитомъ) переписываніемъ книгъ, и прославившійся (въ Россіи) какъ авторъ. Другой — его родственникъ, митрополитъ Григорій Цамблакъ, болгаринъ, жившій до пріѣзда въ Россію и на Аөонѣ, и въ Сербіи, и въ Молдавіи, большой любитель книжнаго дѣла, оставившій по себѣ память рядомъ литературныхъ трудовъ. Третій — «іеромонахъ Святой Горы» Пахомій Логоөетъ, сербъ, сначала простой писецъ въ пріютившей его Троицкой Лаврѣ, потомъ одна изъ литературныхъ знаменитостей сѣверо-восточной Руси половины XV вѣка.

Но объ ихъ дѣятельности по перенесенію южно-славянскихъ текстовъ на Русь мы знаемъ очень мало. Мы можемъ сказать съ увѣренностію, что они явились въ Россію не съ пустыми руками[2]), но не имѣемъ права приписывать принесеннымъ ими южно-славянскимъ текстамъ сколько-нибудь большое значеніе. Кажется, эти выходцы сдѣлали для Россіи лишь одно: они своею властію или вліяніемъ много поспособствовали замѣнѣ у насъ болѣе или менѣе неисправныхъ богослужебныхъ книгъ, бывшихъ до нихъ въ общемъ употребленіи, — исправными, только что перенесенными въ Россію отъ южныхъ славянъ. Во всякомъ случаѣ, современники охотно дѣлали списки съ принадлежавшихъ Кипріану богослужебныхъ текстовъ и хвалили его за его заботы объ «исправленіи книжномъ»[3]).

переписчиковъ. См. объ этомъ интересное послѣсловіе въ спискѣ Словъ Григорія Богослова 1479 г. (Публ. Б. Погод. № 989), сдѣланномъ съ сербскаго оригинала. Послѣдній былъ вынесенъ «изъ сербской земли» инокомъ Кассіаномъ Румянцевымъ въ первой половинѣ XV вѣка.

1) Мы считаемъ вполнѣ вѣроятнымъ, что аөонскій монахъ Кипріанъ, къ которому адресовано посланіе Евөимія Терновскаго, — нашъ Кипріанъ.

2) До насъ дошла Лѣствица Кипріана, написанная имъ самимъ въ Студійскомъ монастырѣ въ 1387 г., до окончательнаго переселенія въ Россію.

3) Запись рукописи Успенскаго собора № 7, 1403 г.: «В лѣто 6000-ное 911,

Въ 1453 году турки овладѣли Константинополемъ. Русская колонія этого города была невольною свидѣтельницею ихъ торжества, и двое изъ ея уцѣлѣвшихъ членовъ, возвратясь на родину, составили трогательныя повѣствованія объ горестномъ событіи [1]). Понятно, послѣ него русскимъ не зачѣмъ было пріѣзжать на жительство въ Константинополь; да и Аѳонъ, къ которому нужно было ѣхать черезъ подвластный иновѣрнымъ Константинополь, не могъ привлекать ихъ къ себѣ столько, сколько прежде. Поэтому установившіяся было дѣятельныя литературныя сношенія русскихъ съ южными славянами во второй половинѣ XV вѣка почти совсѣмъ прекратились [2]).

Значеніе южно-славянскаго вліянія на русскую письменность въ XIV—XV вѣкахъ очень важно. Благодаря ему, русская письменность обновилась во всѣхъ отношеніяхъ. Конечно, замѣна однихъ начертаній буквъ другими и одной орѳографіи другою не имѣетъ цѣнности; но этого уже никакъ нельзя сказать объ замѣнѣ неисправныхъ текстовъ богослужебныхъ и другихъ книгъ исправными и объ перенесеніи въ Россію значительнаго количества неизвѣстныхъ въ ней ранѣе почти исключительно переводныхъ сочиненій. Необходимо признать, что по окончаніи [3])

индикта 11, а солнечнаго круга 7, при благовѣрномь и христолюбивѣмъ великомъ князи Василии Дмитриевичи всея Руси, 15 лѣта княженіа его, при святѣйшемъ и пресвященнѣмъ Кипріанѣ митрополитѣ киевьскомъ и всея Руси, его благословеніемъ и повелѣніемъ, написана бысть книга сіа, егоже благословеніемъ земля руськаа миръ глубокый приемлетъ, церкви же божиа православіа одежею свыше истканною одѣася, и исправленіемъ книжнымъ и ученіемъ его свѣтлѣется паче солнечныхъ зарей и напаается яко отъ источника приснотекуща».

1) Первое находится въ обще-извѣстной повѣсти о Царьградѣ и въ одномъ изъ списковъ приписывается яко-бы турецкому солдату Нестору Искендеру (фактическія данныя повѣсти показываютъ, что авторъ во время осады Царьграда находился въ Царьградѣ); второе въ Толстовскомъ Хронографѣ (издано *Андреемъ Поповымъ* въ «Изборникѣ»).

2) О русскихъ въ Константинополѣ послѣ его паденія см. у *Малинина*, «Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей», стр. 232.

3) Кое-что было къ намъ приносимо отъ южныхъ славянъ и въ XVI вѣкѣ (даже списки съ сербскихъ и молдавскихъ хрисовуловъ XV и начала XVI вѣковъ; см. Іосиф. № 154, 1563 г.); такъ, списокъ Житія Саввы Серб-

южно-славянскаго вліянія русская литература оказалась увеличившеюся почти вдвое и что вновь полученныя ею литературныя богатства, отличаясь разнообразіемъ, удовлетворяли всевозможнымъ потребностямъ и вкусамъ и давали обильный матеріалъ русскимъ авторамъ. Едва ли можно сомнѣваться, что безъ этихъ богатствъ мы не имѣли бы ни сочиненій Нила Сорскаго, ни своего Хронографа, перваго русскаго труда по всеобщей исторіи [1]), ни Азбуковника съ его статьями по грамматикѣ и ороографіи [2]).

скаго былъ принесенъ въ Москву въ 1517 г. (*Строевъ*, Библіологическій Словарь, 93); списокъ Синтагмы Властаря былъ доставленъ изъ Молдавіи въ Москву при Иванѣ Грозномъ, въ 1556 г.

1) См. приложеніе V.

2) См. приложеніе VI.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Предлагаемъ небольшой списокъ литературныхъ произведеній, появившихся въ нашей литературѣ послѣ половины XIV вѣка, съ указаніемъ тѣхъ старшихъ списковъ ихъ, XIV—XV вѣковъ, которые намъ сколько нибудь извѣстны[1]).

Аскетическія сочиненія.

Василія Великаго «Постничество». Старшіе русскіе списки: 1) пергаменный Чудова мон. № 10, 1388 г.; 2) пергаменный Имп. Публичной Библ. F. I. 40, XIV в.; 3) Троицкой Лавры № 129, XIV—XV в.; 4) Тр. Л. № 168, 1433 г. (отрывокъ). Средне-болгарскій (молдавскій?) списокъ Хлудова, приб. № 8, 1444 г. Сербскій списокъ, аѳонскій (*Леонидъ*, «Славяно-сербскія книгохранилища на святой Аѳонской горѣ», 46), XV—XVI в.

Германа, патріарха константинопольскаго, «Стиси добрѣйши къ винѣ слезнѣй». Старшіе русскіе списки: 1) пергаменный Моск. Дух. Ак. № 3, XIV—XV в.; 2) Троицк. Л. № 407, 1437 г.

Григорія Синаита Слова. Старшіе русскіе списки: 1) пергаменный Тр. Л. № 13, конца XIV в.; 2) пергаменный Моск.

---

1) Сравни данныя у *Голубинскаго*, «Краткій очеркъ исторіи слав. церквей» (болгарскіе и сербскіе переводы), у *Шафарика*, «Geschichte der serbischen Schriftthum», у *Майкова*, «Исторія сербскаго языка», у *Янича*, «Исторія сербо-хорватской литературы», у *Петрова*, «Историческій взглядъ на взаимныя отношенія между сербами и русскими» (сербскіе переводы). — Произведенія, которыя изданы и сколько-нибудь изслѣдованы («Похвала» Георгія Писидійца, христіанизованная Александрія, 2-я редакція Слова Меѳодія Патарскаго о послѣднихъ языцѣхъ), нами опущены.

Дух. Ак. № 3, XIV—XV в. (отрывокъ); 3) Тр. Л. № 156, 1412 г.; 4) Тр. Л. № 186, XV в.; 5) Тр. Л. № 753, XV в.; 6) Тр. Л. № 756, XV в.; 7) Синод. № 923, XV в. Старшій южно-славянскій списокъ — Синод. № 383, XIV в.

Діадоха Фотійскаго. Слова о духовномъ совершенствѣ (66 главъ). Старшіе русскіе списки — Тр. Л. №№ 753 и 756, XV в.

Аввы Дороѳея Слова. Старшіе русскіе списки: 1) пергаменный Публ. Б. Толст. I № 118, XIV в.; 2) пергаменный Чудова монастыря № 14, XIV в.; 3) Тр. Л. № 163, XIV—XV в.; 4) Публ. Б. Погод. № 872, XIV—XV в.; 5) Тр. Л. № 165, 1414 г.; 6) Тр. Л. № 167, 1423 г.; 7) Тр. Л. № 185, 1425 г.; 8) Тр. Л. № 175, 1431 г.; 9) Моск. Дух. Ак. № 34, XV в.; 10) Виленск. Публ. Б. № 61, XV в. — Митрополитъ Кипріанъ указывалъ русскимъ на это сочиненіе. Старшіе сербскіе списки: 1) Тверск. Муз. № 110, XIV—XV в.; 2) пергаменный Увар. № 203, XV в.; 3) Румянц. М. Севаст. № 37, XV в.

Епиктита Философа «Главизны», съ толкованіями Максима Исповѣдника. Старшіе русскіе списки — 1) пергаменный Синод. № 644, XIV—XV в.; 2) Хлуд. приб. № 10, XV в.

Зосимы. «Бесѣды душеполезны о ярости», записанныя Каллистомъ. Старшіе русскіе списки — Кирилло-Бѣлозерскаго мон. № 15, XV в. (Чтенія Общ. ист. и др. 1860 г. № 2); Тр. Л. №№ 753, 757, 763, XV в.; Солов. № 270, XV в.

Исаака Сирина Слова. Старшіе русскіе тексты: 1) пергаменный Синод. № 193, XIV в. (при Пандектахъ Никона Черногорца 1381 г., отрывокъ); 2) пергаменный Кіево-Михайловскаго монастыря № 1664, XIV—XV в.; 3) полу-пергаменный, полу-бумажный того же монастыря № 1661, нач. XV в.; 4) Увар. № 210, XIV—XV в.; 5) Тр. Л. 1412 г.; 6) Публ. Б. Толст. II № 174, 1416 г.; 7) Тр. Л. № 185, 1425 г.; 8) Тр. Л. № 175, 1431 г.; 9) Румянц. М. Пискар. № 59, 1471 г.; 10) Моск. Дух. Ак. № 32, XV в.; 11) Виленск. Публ. Б. № 64, XV в. Старшіе южно-славянскіе списки — Тр. Л. № 172, 1381 г.,

Публ. Б. Q. I. 903, 1389 г. (отрывокъ), и Моск. Дух. Ак. XIV в.

Иларіона «Объ отверженіи міра» и др. Старшіе русскіе списки: 1) пергаменный Рум. М. № 1548, XIV в.; 2) Тр. Л. № 753, XV в.; 3) Тр. Л. № 757, XV в.

Исихія «Словеса душеполезна къ Ѳеодулу». Старшіе русскіе списки: 1) пергаменный Тр. Л. № 13, XIV—XV в.; 2) Тр. Л. № 753, XV в.; 3) Тр. Л. № 756, XV в. Старшіе сербскіе списки: 1) деспота Стефана Лазаревича 1421 г. (*Р. Филологич. Вѣстн.* 1881 г., № 2); 2) Румянц. М. Севастьян. № 38, XV в.

Кассіана Римлянина «О осми помыслахъ» и др. Старшіе русскіе списки: 1) Тр. Л. № 756, XV в.; 2) Тр. Л. № 760, XV в.; 3) Синод. № 367, XV в. (*Горск. и Невостр.* № 203).

Каллиста Ксаноопула «Исповѣданіе къ Творцу». Старшій русскій списокъ — Троицк. Л. № 753, XV в.

Максима Исповѣдника «Главы о любви, къ Елпидію попу», и др. Старшіе русскіе списки: 1) пергаменный Синод. № 644, XIV—XV в.; 2) пергаменный Моск. Дух. Ак. № 3, XIV—XV в. (отрывокъ); 4) Публ. Б. Толст. II № 46, XIV—XV в. (отрывокъ); 5) Румянц. М. Пискар. № 59, 1472 г. (одно слово); 6) Тр. Л. № 756, XV в. Старшій болгарскій списокъ — въ Синод. Сборникѣ 1345 г., написанномъ по повелѣнію царя Іоанна Александра (отрывокъ).

Никиты Стифата «Главы». Старшіе русскіе списки: 1) Румянц. М. Унд. № 1280, XIV—XV в.; 2) Тр. Л. № 756, XV в.

Николы, патріарха константинопольскаго, посланіе къ проту Святой Горы. Старшій русскій списокъ — Троицк. Л. № 756, XV в.

Нила Философа разныя сочиненія. Старшіе русскіе списки: 1) пергаменный Синод. № 644, XIV—XV в.; 2) пергаменный Моск. Дух. Ак. № 3, XIV—XV в.; 3) Публ. Б. Толст. III № 46, XIV—XV в. (отрывокъ); 4) Тр. Л. № 165, 1414 г.; 5) Публ. Библ. Толст. II № 4, 1419 г.; 6) Тр. Л. № 156, 1412 г.; 7)

Тр. Л. № 167, 1423 г.; 8) Тр. Л. № 756, XV в.; 9) Тр. Л. № 760, XV в.; 10) Тр. Л. № 763, XV в.; 11) Тр. Л. № 765, XV в.; 12) М. Арх. М. Ин. Д. № 603—1111, XV в.; 13) Хлуд., приб. № 9, XV в. Старшій южно-славянскій списокъ — въ средне-болгарскомъ Сборникѣ Публ. Б. 1348 г. (о осми помышленіяхъ).

Петра Дамаскина «Воспоминаніе къ своей душѣ». Старшіе русскіе списки: 1) Публ. Библ. Толст. III № 46, XIV—XV в. (отрывокъ); 2) Тр. Л. № 185, 1425 г.; 3) Тр. Л. № 760, XV вѣка; 4) Увар. № 197, XV в.; 5) Синод. № 650, XV в.; 6) Чудова мон. № 247, XV в.; 7) Солов. № 271, XV—XVI в. Старшій сербскій списокъ — Тр. Л. № 179, XIV в.

Симеона Новаго Богослова творенія. Старшіе русскіе списки: 1) пергаменный Синод. № 193, XIV в. (при Пандектахъ Никона Черногорца 1381 г., отрывокъ); 2) пергаменный Румянц. М. № 1548, XIV в. (отрывокъ); 3) пергаменный Моск. Дух. Ак. № 3, XIV—XV в.; 4) пергаменный Тр. Л. № 13, XIV—XV вѣка (отрывокъ); 5) Тр. Л. № 185, 1425 г.; 6) Тр. Л. № 407, 1437 г.; 7) Тр. Л. № 180, 1443 г. (письма Пахомія Серба); 8) Тр. Л. № 760, XV в.; 9) Тр. Л. № 763, XV в.; 10) Румянц. М. № 2460, XV в.; 11) Румянц. М. Унд. № 559, XV в.; 12) Синод. № 650, XV в.; 13) Увар. № 197, XV в.; 14) Моск. Дух. Акад. № 33, XV в.; 15) Виленск. Публ. Б. № 72, XV в.; 16) М. Арх. М. Ин. Д. № 603—1111, XV в. Старшій сербскій списокъ — деспота Стефана Лазаревича 1421 г. (*Р. Филологическій Вѣстн.*, 1881 г., № 2).

Филоѳея Синаита «Главы трезвительныя». Старшіе русскіе списки: 1) пергаменный Моск. Дух. Ак. № 3, XIV—XV в. (отрывокъ); 2) Тр. Л. № 156, 1412 г.; 3) Тр. Л. № 183, XV в.

Филоѳея, патріарха константинопольскаго, «Преданіе къ своему ученику». Старшіе русскіе списки: 1) Увар. № 205, XV в.; 2) Тр. Л. № 756, XV в.

Ѳаласія «Главы, къ Павлу пресвитеру». Старшій русскій списокъ — Тр. Л. № 753, XV в. Старшій сербскій списокъ — дес-

пота Стефана Лазаревича 1421 г. (*Р. Филол. Вѣстн.* 1881 г., № 2).

Θеодора Едесскаго «Главы добродѣтельныя». Старшіе русскіе списки: 1) пергаменный Моск. Дух. Ак. № 7, XIV в.; 2) пергаменный Синод. № 644, XIV—XV в.; 3) Публ. Библ. Толст. III, № 46, XIV—XV в. (отрывокъ); 4) Тр. Л. № 156, 1412 г.; 5) Тр. Л. № 756, XV в.; 6) Румянц. М. Унд. № 1081, XV в.; 7) Румянц. М. Унд. № 1280, XV в.; 8) Хлуд., прибавл. № 10, XV в.; 9) Солов. № 270, XV в.

Θеодора Студита Слова. Старшіе русскіе списки: 1) пергаменный Моск. Дух. Ак. № 4, XIV в.; 2) Увар. № 338, 1473—1477 г.; 3) Хлуд. № 64, XV в.

Толкованіе на Лѣствицу (Пселла). Старшіе списки: 1) пергаменный Моск. Дух. Ак. № 3, XIV—XV в.; 2) Синод. № 367, XV—XVI в.; 3) Солов. № 196, XV—XVI в.; 4) Іосиф. № 122, XV—XVI в.

Житія.

Григорія Омиритскаго. Старшіе русскіе списки: 1) Синод. № 419, 1453 г.; 2) Кирилло-Бѣлоз. № 24—1263, 1466 г.; 3) Синод. № 750, XV в.; 4) Софійск. № 1210, XV в.

Григорія Синаита (сочиненія Каллиста). Старшіе русскіе списки: 1) Тр. Л. № 116, XV в.; 2) Синод. № 923, XV в.

Евθимія Великаго. Старшій русскій списокъ — Румянц. М. Унд. № 250, XV в.

Θеодора Едесскаго. Старшіе русскіе списки: 1) пергаменный Моск. Дух. Ак. № 7, XIV в.; 2) пергаменный Тр. Л. № 36, конца XIV в.; 3) Увар. № 210, XIV—XV в.; 4) Тр. Л. № 687, 1444 г.; 5) Румянц. М. Унд., № 1280, XV в.[1]).

Повѣсть объ убіенныхъ св. отцахъ, Аммонія Мниха. Старшій русскій списокъ — пергам. Моск. Дух. Ак. № 7, XIV в.[2]).

---

1) Было два перевода. Второй, древнѣйшій, Ундольскій указываетъ въ своей рукописи № 1081, XV в.

2) Издана Обществомъ Древней Письменности.

Разныя сочиненія.

Василія, царя греческаго, «Главы наказательныя къ сыну его, царю Льву». Старшіе русскіе списки: 1) Синод. № 468, 1457 г.; 2) Тр. Л. № 758, XV в.; 3) Синод. № 367, XV в. (*Горск. и Невостр.*, № 203).

Германа, патріарха константинопольскаго, сборникъ статей противъ латинянъ. Старшіе русскіе списки: 1) пергаменный Публ. Библ. Толст. III № 65 (*Поповъ*, «Полем. соч.», стр. 145 сл.); 2) Публ. Библ. Q. XVII. 88, 1496 г.; 3) Румянц. М. Унд. № 1280, XV в.; 4) Кіево-Михайл. монастыря 1483 г. (*Петровъ*, II, № 493). Старшій сербскій списокъ — Новоросс. Ун. Григоров., XV в.

Григорія Паламы и Нила Кавасила сочиненія противъ латинянъ. Старшій сербскій списокъ — Синод. № 383, XIV—XV в. (*Горск. и Невостр.*, № 175).

Григорія Паламы «Бесѣдованіе» съ евреями и турками. Старшій русскій списокъ — Тр. Л. № 116, XV в. (Срв. *Горск. и Невостр.*, № 191).

Давыда сочиненіе противъ Варлаама и Акиндина. Старшіе русскіе списки: 1) Публ. Библ. Q. XVII. 88, 1496 г.; 2) Типогр. Библ. № 25, XV—XVI в.

Діонисія Ареопагита сочиненія съ толкованіями Максима Исповѣдника[1]). Старшіе русскіе списки: 1) Увар. № 162, XV в.; 2) Антоніева-Сійскаго монастыря XV в. (*Викторовъ*, стр. 74). Старшіе южно-славянскіе списки: 1) болгарскій, Моск. Дух. Ак. № 122, XIV в., письма митрополита Кипріана; 2) сербскій, Нов. Іерусал. № 78, XIV в.; 3) болгарскій, Румянц. М. № 93, XV в.

Іоанна Дамаскина Діалектика. Старшіе русскіе списки: 1) Тр. Л. № 176, XV в.; 2) Тр. Л. № 177, XV в.

Іоанна Дамаскина Грамматика («О осми частехъ слова»).

---

1) Изданы въ *Макарьевскихъ Минеяхъ*, октябрь, вып. I.

Старшіе русскіе списки: 1) Тр. Л. № 176, XV в.; 2) Тр. Л. № 177, XV в.[1]).

Іоанна Златоустаго Маргаритъ[2]). Старшіе русскіе списки: 1) Румянц. М. Унд. № 181, XV в.; 2) Солов. № 184, 1491 г.; 3) Синод. № 103 (1499 г.?). Старшіе болгарскіе списки: 1) Публ. Библ. Толст. I № 59, XIV в.; 2) Нямецкаго монастыря 1443 г. (*Яцимирскій*, стр. 32); старшій сербскій списокъ — Нов. Іерусал. № 73, XV—XVI в.

Іоанна Златоустаго Посланіе къ Киріаку епископу. Старшій русскій списокъ — Тр. Л. № 756, XV в.

Каллиста, патріарха константинопольскаго[3]), Учительное Евангеліе. Старшіе русскіе списки: 1) Увар. № 297, XV в.; 2) Тр. Л. № 99, XV в.; 3) Общ. Люб. Др. Письм. № 90, 1464 г. Срв. *Горск. и Невостр.* № 209.

Никиты Стифата о опрѣснокахъ (противъ латинянъ). Старшіе русскіе списки: 1) Кіево-Михайловскаго монастыря 1483 г. (*Петровъ*, II, № 493); 2) Тр. Л. № 760, XV в.

Никифора Каллиста, Повѣсть о вечеряхъ Христовыхъ. Старшій русскій списокъ — Тр. Л. № 760, XV в.[4]).

Никона Черногорца Тактиконъ. Старшіе русскіе списки: 1) пергаменный Публ. Библ. 1397 г., F. I. 41; 2) Синод. № 189, XIV—XV в.; 3) Увар. 1478 г. Старшій болгарскій списокъ — аѳонскій, XV в. (*Леонидъ*, 47).

Северіана Гевальскаго Шестодневъ. Старшіе русскіе списки: 1) Синод. № 367, XV в. (*Горск. и Невостр.* № 203); 2) Солов. № 117, XV в.; 3) Тр. Л. № 760, XV в.; 4) Публ. Библ. Q.. XVII. 88, 1496 г. (отрывокъ). Старшіе болгарскіе списки: 1) Синод. № 38, 1345 г. (отрывокъ); 2) Академіи Наукъ

---

1) Издана *Калайдовичемъ*, «Іоаннъ экзархъ Болгарскій», стр. 167, и *И. В. Ягичемъ* въ «Изслѣдованіяхъ по русскому языку», I, стр. 326 сл.

2) Изданъ въ *Макарьевскихъ Минеяхъ*, сентябрь, вып. II.

3) По греческимъ рукописямъ — Филоѳея, патріарха константинопольскаго. Двѣ редакціи славянскаго перевода (одна Тр. Л. № 99, другая — Тр. Л. № 100).

4) По сербскому списку издана въ *Starine*, IX, стр. 13.

Яцимирск. № 17, до 1349 г. (отрывокъ). Срв. *Радченко*, Отчетъ, стр. 93.

Сильвестра и Антонія вопросы и отвѣты (Вопросы Кесарія). Старшіе русскіе списки — Моск. Дух. Ак. №№ 2, 3, XV в.; Синод. № 261, 1512 г. (*Горск. и Невостр.* № 129)[1]).

Филиппа инока Діоптра. Старшіе русскіе списки: 1) полупергаменный Чудова мон. № 15, 1388 г.; 2) пергаменный Публ. Библ. F. I. 43, XIV в.; 3) Тр. Л. № 190, 1418 г.; 4) Увар. № 383, 1426 г.; 5) Тр. Л. № 191, 1471 г.; 6) Синод. № 930, XV в.; 7) Румянц. М. № 59, XV в.; 8) Моск. Дух. Ак. № 23, XV в. Старшій болгарскій списокъ — Ставропигійскаго Музея во Львовѣ, XIV в.

Ѳеофилакта, патріарха Болгарскаго, Толковое Евангеліе[2]). Старшіе русскіе списки: 1) пергаменный М. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, XIV в.; 2) пергаменный Чудова мон. № 9, XIV в.; 3) пергаменный Виленск. Публ. Библ. № 13, XIV в. (отрывокъ); 4) Синод. № 73, начала XV в. (*Горск. и Невостр.* № 91); 5) Моск. Дух. Ак. 1456 г. Митрополитъ Кипріанъ рекомендовалъ русскимъ читать это произведеніе. Старшій сербскій списокъ — 1473 г. (*Леонидъ*, 44).

Историческая Палея. Старшій русскій списокъ — Синод. № 591 (*Горск. и Невостр.* № 318)[3]).

Воспоминаніе отъ части Святыя Горы Аѳонскія. Старшій списокъ — Синод. № 355, XV—XVI в. (*Горск. и Невостр.* № 185).

Чудо архистратига Михаила, бывшее въ Св. Горѣ (начало: Ельма убо извыче божественная благодать). Старшій русскій списокъ — Чудова монастыря № 263, XV в.

---

1) Изданы Обществомъ Древней Письменности, № XCV, 1890 г. Переводъ древній.

2) Часть издана въ *Макарьевскихъ Минеяхъ*, октябрь, вып. II.

3) Изданъ *Андреемъ Поповымъ*. Переводъ, довольно древній, былъ у южныхъ славянъ въ XIII—XIV в. исправленъ; исправленный текстъ извѣстенъ только въ сербскихъ спискахъ. Срв. статью М. Н. Сперанскаго въ *Споменик*ѣ Сербской Академіи Наукъ, № XVI.

Сказаніе о чудесахъ Богородицы отъ иконы ея, именуемой Римляныни. Старшіе русскіе списки: 1) Синод. № 367, XV в. (*Горск. и Невостр.* № 203); 2) Тр. Л. № 704, XV в.

Повѣсть объ избавленіи Царьграда отъ персовъ. Старшій русскій списокъ — Толст. I № 204, XV в.

«Стиси Льва Премудраго» (начало: Горе тебѣ, седмихолмий граде). Единственный русскій списокъ — Румянц. М. Унд. № 1 (л. 423), XV в. (отрывокъ); старшій сербскій списокъ — Румянц. М. № 1472, XV в.[1]).

Краткая византійская хроника («Царіе царствующіи въ Константини градѣ»). Старшій русскій списокъ — Моск. Дух. Ак. № 60, XV в. Срв. *Андрей Поповъ*, «Обзоръ хронографовъ», I, стр. 186; II, № 15; *Ждановъ*, «Русскій былевой эпосъ», стр. 97—98.

Никодимово Евангеліе («Дѣяніе Святыя Троицы»), состоящее изъ разсказовъ: 1) о страданіи и воскресеніи, и 2) о сошествіи въ адъ[2]). Старшіе русскіе списки: 1) пергаменный Софійск. № 1264, XIV в.; 2) Тр. Л. № 145, XV в.

Стефанитъ и Ихнилатъ[3]). Старшіе русскіе списки: 1) Синод. № 367, 1479 г.; 2) Тр. Л. № 765, XV в. Старшій сербскій списокъ — Румянц. М. Севаст. № 1472, XV в. Другой сербскій списокъ — Румянц. М. Григоров. № 1736, XIII—XIV в. — имѣетъ текстъ болѣе древняго перевода.

Громникъ[4]). Старшій русскій списокъ — Тр. Л. № 762, XV в. Старшій сербскій списокъ — Румянц. М. Севаст. XV в.

---

1) Объ этомъ произведеніи и его спискахъ см. *Истрина*, Откровеніе Меѳодія Патарскаго, стр. 321.

2) По сербскому списку XVI в. издано въ *Гласник*'ѣ Сербскаго Учен. Общ., кн. 63, стр. 89 сл. О переводѣ см. въ статьѣ: «Церковно-славянскіе тексты моравскаго происхожденія» (*Р. Филолог. Вѣстн.* 1900 г., № 1, стр. 161).

3) Изданъ Обществомъ Древней Письменности, № XXVII, 1878 г.

4) Изданъ *Тихонравовымъ*, «Памятники р. отреч. литерат.», II, 360 сл. Другой Громникъ, болгарскій, изданъ *Радченкомъ* въ «Отчетѣ», стр. 26 (изъ Сборника Яцимирскаго до 1349 г.).

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Предлагаемъ списокъ русскихъ рукописей, написанныхъ въ Константинополѣ.

1) Четвероевангеліе, писанное въ 1383 году въ Константинополѣ (Синодальная Библіотека). Имени писца нѣтъ.

2) Діоптра инока Филиппа, писанная въ 1388 году въ Константинополѣ, «въ глаголемѣй царьстѣй обители Иперивлепте» (Чудовъ монастырь). Писецъ — «священный слуга» кир-Зиновій [1]).

3) Сборникъ житій и поученій, который дошелъ въ позднемъ спискѣ, съ сохраненіемъ записи оригинала, писаннаго въ 1392 г. въ Константинополѣ, «въ царстѣй обители святѣйшаго... крестителя Ивана», по благословенію «честнѣйшаго во иноцѣхъ кир-Аѳанасія, бывшаго прежде стадохранителемъ общему житію... въ монастыри, иже именуется на Высокомъ» [2]).

4) Исторія Іосифа Флавія, которая внесена въ январскую (февральскую?) книгу Макарьевскихъ Миней съ сохраненіемъ записи оригинала, писаннаго въ 1399 году въ Константинополѣ. Одинъ изъ писцовъ—Іоаннъ «грѣшный старичищь». Заказчикъ— неизвѣстное духовное лице [3]).

5) «Око церковное» (Церковный Уставъ Іерусалимскій), которое дошло въ спискѣ 1428 года (Румянцевскій Музей) съ сохраненіемъ записи оригинала, писаннаго въ 1401 году въ Кон-

---

1) Списокъ Діоптры конца XIV вѣка Публичной Библіотеки (F. I. 43), пергаменный, принадлежавшій нѣкогда Кириллову Бѣлозерскому монастырю, имѣетъ интересное послѣсловіе. Писецъ обращается въ немъ «къ начеишему и свершившему сию божестъвьную книгу, глаголемую еллинскою рѣчью Диоптру, нашею же, рекше ростовскою рѣчию Зерцало», «брату» кир-Зиновію. Онъ не называетъ себя по имени, но показываетъ кое-какія свѣдѣнія въ греческомъ языкѣ, приписывая: «Христе мой, воиѳи ме».

2) *Срезневскій*, «Древніе памятники русск. языка и письма», 2-ое изд., стр. 271. *Востоковъ*, «Описаніе Румянц. Муз.», № 360.

3) *Строевъ*, «Библіологическій Словарь», стр. 400.

стантинополѣ, въ «обители царьской всесвятыя Богородица Иперивлепто». Писецъ — «грѣшный Аѳанасій»[1]).

6) Слова Исаака Сирина, дошедшія въ спискѣ 1428 года, съ сохраненіемъ записи оригинала 1420 года. Этотъ оригиналъ писанъ въ Константинополѣ, въ монастырѣ Панмакаристѣ, для Герасима, епископа Владимира Волынскаго. Писецъ Тимоѳей[2]).

7) Лѣствица Іоанна Лѣствичника, которая переписана съ сохраненіемъ записи оригинала, писаннаго въ 1421 году въ Константинополѣ, «въ царьстѣй обители пресвятыя Владычиця нашя Богородиця Иперивлепто». Писецъ — «убогый Евсевіе — непотребный Ефремъ» (списки въ библіотекахъ Іосифова монастыря, ярославскаго Спасо-Преображенскаго монастыря, Новаго Іерусалима)[3]).

8) Четья Минея (житія святыхъ) за май, Тр. Л. № 669, начала XV в. Орѳографія всѣхъ почерковъ (ихъ нѣсколько) русская. Изъ знаковъ бумаги мы отмѣтили крылатаго дракона, нѣсколько сходнаго съ помѣщенными у Лихачева подъ №№ 923, 958. На листѣ 124 приписка читателя: «О убогый Еѵсевіе послѣдовахъ (прочелъ?) сіе в лѣто 6928 (1420), мартіа въ вторый». На послѣднемъ листѣ приписка: «Господину моему игумену Зиновію Сергіева монастыря».

9) Можетъ быть, извѣстный сборникъ Моск. Духовной Академіи Іосиф. № 230, XV вѣка. Онъ заключаетъ въ себѣ Паралипоменонъ Зонары и списки съ нѣсколькихъ болгарскихъ и сербскихъ переводовъ и сочиненій, между послѣдними — съ Житія Стефана Лазаревича, Константина Костенчскаго. Такъ какъ это Житіе составлено въ 1431—1432 году, то сборникъ напи-

1) Старшій списокъ этого устава (Толст. I № 11) — 1409 г. Объ другихъ спискахъ см. *Мансветова*, «Типикъ», 275.

2) *Чтенія въ Истор. Общ. Нестора Лѣтописца*, кн. IX, стр. 219.

3) *Строевъ*, стр. 28. Въ вышеупомянутой Діоптрѣ 1388 г. (Чудова монастыря) на л. 1-мъ находится приписка: «А се писахъ азъ послѣдни въ иноцѣхъ и грѣшни *Евсевіе*, родомъ срьбинъ» (слѣдуютъ свѣдѣнія о родныхъ, о томъ, что онъ былъ «слуга» турскаго царя Баазита и отъ него бѣжалъ въ Св. Гору и постригся). — «Грѣшный Ефремъ» — писецъ русской рукописи Тр. Л. № 145, нач. XV в.

санъ около половины XV вѣка. Въ числѣ почерковъ сборника есть сербскіе, или придерживающіеся сербской орѳографіи[1]).

Трудно сомнѣваться, что между рукописями второй половины XIV и первой XV вѣка, хранящимися въ нашихъ библіотекахъ, должны быть еще рукописи, вышедшія изъ подъ пера членовъ русской колоніи въ Константинополѣ[2]). Они должны быть писаны на греческомъ матеріалѣ: или на тонкомъ пергаменѣ, отличномъ отъ обычнаго грубаго пергамена собственно-русскихъ рукописей XIV—XV вѣковъ, или на той толстой бумагѣ, которую обыкновенно называютъ бомбициною и на которой несомнѣнно въ Россіи писанныхъ рукописей очень немного. Наибольшее ихъ число должно находиться въ библіотекѣ Троицкой Лавры, бывшей, повидимому, въ особенно частыхъ сношеніяхъ съ константинопольскими русскими. Они могутъ быть легко открыты посредствомъ сличенія ихъ письма съ письмомъ несомнѣнныхъ константинопольскихъ рукописей.

ПРИЛОЖЕНІЕ III.

Чудовской списокъ представляетъ книгу въ четвертку писанную на тонкомъ пергаменѣ въ два столбца, самымъ мелкимъ уставнымъ почеркомъ. Особенности его письма—обычныя особенности русскаго устава XIV вѣка: *у* послѣ согласныхъ вмѣсто болѣе древняго *оу*, но рядомъ съ *оу* и съ укомъ (ȣ); іотированное *е* съ высоко поднятою чертою между *і* и *е*, рядомъ съ большимъ, опрокинутымъ къ началу строки *е*; *ч* почти или совсѣмъ безъ ножки, потерявшее всякое сходство съ чашею. Но рядомъ съ этими особенностями мы имѣемъ другія, русскому уставу XIV

1) *Шахматовъ*, Къ вопросу о происхожденіи Хронографа, стр. 72—73.

2) Діоптра Публ. Библ., о которой мы упомянули выше, съ обращеніемъ писца къ «брату» кир-Зиновію и съ упоминаніемъ о «нашей ростовской рѣчи», написана едва ли не въ Константинополѣ, можетъ быть, Аѳанасіемъ Высоцкимъ.

вѣка несвойственныя: *ѵ* въ видѣ греческаго υ, ω не только въ ея обычномъ видѣ, а также въ видѣ двойного *о*, необыкновенно частое употребленіе *ї*, а особенно — огромное количество вязей. Лицо, писавшее чудовской списокъ, пользовалось всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы соединить двѣ, а иногда и три буквы въ одно начертаніе, и при этомъ зачастую ставило буквы греческія, т. е. употребляло вязи обычныя въ греческой скорописи. Полная свобода въ пользованіи греческими вязями не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что это лицо было столько же привычно къ греческому скорописному письму, сколько къ русскому уставному. Сверхъ того, писецъ разставилъ ударенія: то острое, то тупое, то облеченное, чего (за самыми незначительными исключеніями) нѣтъ въ русскихъ уставныхъ текстахъ, но что обычно въ греческихъ скорописныхъ.

Исправность чудовскаго списка замѣчательна. Мы въ немъ имѣемъ одну изъ наиболѣе тщательно написанныхъ рукописей, писецъ которой вполнѣ понималъ, что̀ онъ писалъ; онъ зналъ (сколько нужно, чтобы не смѣшивать разныя формы) грамматику и заботился (сколько можно было въ XIV вѣкѣ) объ однообразіи орѳографіи. Онъ не соблазнился ни средне-болгарскими формами, ни орѳографическими особенностями болгарскихъ рукописей его времени (съ которыми былъ несомнѣнно знакомъ) и не употребилъ ни разу ни *ж*-са, ни *ръ* вмѣсто *ор* или *ер* (в*ръ*хъ), ни *а* послѣ гласныхъ вмѣсто *я* въ славянскихъ словахъ (мо*а*, добры*а*; у него только Хананеа, Матѳе*а* и т. п.).

Такимъ образомъ мы находимъ у него лишь тѣ грамматическія и орѳографическія черты, которыя въ той или другой степени свойственны русскимъ, въ частности московскимъ текстамъ его времени и изъ которыхъ не всѣ были одинаково древними. Такъ, онъ писалъ рядомъ пріведїте и ід*ѣ*те, въ вретищ*ѣ* и въ корабл*и*, дѣлател*и* (вин. мн.) и стоящ*а* (вин. мн. муж.); такъ, онъ писалъ постоянно *ки* вмѣсто древняго *кы* и т. п. Достойно замѣчанія, что онъ очень рѣдко ставилъ *ь* между согласными: болши, колми, болна, горко и т. п., что онъ любилъ опускать *ъ* и *ь* въ

концѣ словъ: дожд, смр҃т, оц҃, сн҃ члѣч, мытар, что онъ предпочиталъ сочетанія *ья*, *ью*, *ье* и т. д. (брат*ья*, брат*ью*, спасен*ье*) сочетаніямъ *ия*, *ию*, *ие* (брат*ия* и т. д.). Эти особенности его орѳографіи—особенности рѣдкія и во всякомъ случаѣ не находящіяся вмѣстѣ и не проведенныя сколько-нибудь послѣдовательно ни у одного изъ другихъ намъ извѣстныхъ писцевъ XIV вѣка.

Извѣстный Копитаръ, въ брошюрѣ: «Hesychii glossographi discipulus... russus in ipsa Constantinopoli», Vindobonae, 1839, сообщилъ свѣдѣнія о греческой рукописи Вѣнской Придворной Библіотеки XI—XII в., имѣющей между строками греческаго письма русскія глоссы болѣе поздняго кирилловскаго письма. Онъ издалъ изъ нея часть греческаго текста и всѣ глоссы, а также снимокъ съ одной изъ нея страницъ.

Письмо русскихъ глоссъ — XIV вѣка, то самое, какое мы имѣемъ въ чудовскомъ спискѣ, со всѣми его характерными особенностями: то же *у* послѣ согласныхъ, но рядомъ съ *оу* и *ȣ*; то же *ч*; то же частое *і*; то же пристрастіе къ вязямъ; наконецъ, тѣ же опущенія *ь* между согласными (колце и т. п.), опущеніе *ъ* и *ь* въ концѣ словъ (красен, свѣтлост, ров), предпочтеніе *ья* и проч. (почест*ье*, неразум*ье* и т. п.).

Вѣнская греческая рукопись принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя были пріобрѣтены австрійскимъ посломъ при Портѣ Бусбекомъ, между 1554 и 1562 годами, въ Константинополѣ. Итакъ, нашъ писецъ жилъ и работалъ въ Константинополѣ[1]).

Чудовская рукопись заключаетъ въ себѣ весь новый завѣтъ. Ею уже воспользовались архим. Амфилохій и проф. Воскресенскій. Сдѣланное ими сличеніе евангельскаго и апостольскаго тек-

---

1) Сначала Рачки въ *Rad*'ѣ, кн. II, потомъ г. де-Нунціо въ *Журналѣ Мин. Нар. Пр.* 1892 г., № 11, сообщили свѣдѣнія о русской Псалтыри XIV в., хранящейся въ Ватиканской Библіотекѣ подъ № VII, и издали снимки съ нѣсколькихъ ея страницъ. Она писана «на очень хорошемъ пергаменѣ», мелкимъ уставомъ, въ составъ котораго входитъ нѣсколько греческихъ скорописныхъ буквъ; ея письмо — не обычное, а такъ называемая полусловица; иначе говоря, большинство ея буквъ — не полныя буквы, а лишь части буквъ. Сколько можно судить по снимкомъ, эта рукопись имѣетъ много сходнаго съ чудовскимъ спискомъ.

ста этой рукописи съ текстами въ другихъ рукописяхъ русскихъ и южно-славянскихъ разнаго времени показало, что ея текстъ стоитъ особнякомъ и не имѣетъ близкаго сходства ни съ однимъ изъ другихъ. И дѣйствительно, евангельскій текстъ чудовской рукописи есть нѣчто самостоятельное. Въ основаніи его лежитъ обычный евангельскій текстъ русскихъ рукописей XIV вѣка; рядъ варіантовъ взятъ изъ текста Толковаго Евангелія Ѳеофилакта Болгарскаго, переведеннаго въ Болгаріи, вѣроятно, въ XI—XII в. и остававшагося для русскихъ неизвѣстнымъ до второй половины XIV в.; но весь текстъ у него свѣренъ съ греческимъ и мѣстами приближенъ къ нему (напр., Матѳ. VIII, 3: *злѣ имущая*) съ замѣною кое-гдѣ церковно-славянскихъ словъ русскими (*верста* вмѣсто поприще, грады вся и *погосты*, села и *погосты*).

Покойный митрополитъ Леонтій, издавшій чудовскую рукопись, считаетъ достовѣрнымъ преданіе о томъ, что она написана рукою московскаго святителя, и въ доказательство, съ приложеніемъ фототипическаго снимка, ссылается на «собственноручное» духовное завѣщаніе св. Алексія, хранящееся въ Чудовомъ монастырѣ. Но бѣглаго взгляда на это завѣщаніе, писанное обычнымъ московскимъ канцелярскимъ полууставомъ XIV вѣка, приближающимся къ скорописи, достаточно, чтобы видѣть всю разницу между нимъ и чудовскою рукописью; да сверхъ того, нѣтъ никакихъ основаній подозрѣвать въ духовномъ завѣщаніи письмо самого св. Алексія. Такимъ образомъ, остается лишь преданіе. Мы имѣемъ нѣсколько преданій о рукописяхъ свв. Варлаама Хутынскаго, Антонія Римлянина, митрополита Кипріана, преданій, которыя при повѣркѣ оказываются лишенными всякой достовѣрности. Кажется, и преданіе о чудовской рукописи должно быть отнесено также къ числу недостовѣрныхъ. Правда, эта рукопись по письму современна московскому святителю, тогда какъ Служебникъ Антонія Римлянина по письму моложе этого святого столѣтія на три. Но современность письма не есть доказательство. Напротивъ, нѣсколько данныхъ препятствуютъ видѣть въ

чудовской рукописи трудъ самого св. Алексія. Эта рукопись писана мастеромъ своего дѣла, человѣкомъ привыкшимъ къ писанію книгъ и превосходно владѣвшимъ не только русскимъ уставомъ, но и греческою скорописью; между тѣмъ объ св. Алексіи мы не имѣемъ никакихъ древнихъ свидѣтельствъ, которыя бы указывали на писаніе имъ книгъ. Далѣе, эта рукопись — нѣчто въ своемъ родѣ единственное. Мы имѣемъ всего лишь два списка съ находящагося въ ней евангельскаго текста[1]); мы знаемъ лишь одинъ текстъ, въ которомъ есть кое-какіе слѣды знакомства съ нею[2]). А между тѣмъ это — отличный по исправности текстъ, лучшій изъ дошедшихъ до насъ текстовъ XIV вѣка. Если бы чудовская рукопись дѣйствительно была трудомъ святого митрополита, конечно, и при жизни его, и особенно по смерти, она нашла бы цѣнителей, и мы имѣли бы съ нея большій или меньшій рядъ списковъ. Наконецъ, чудовская рукопись, если бъ она принадлежала св. Алексію, должна бы была послѣ смерти его поступить въ митрополичью казну и или сгорѣть въ одинъ изъ большихъ московскихъ пожаровъ, какъ сгорѣла большая часть книгъ митрополичьей библіотеки и весь митрополичій архивъ[3]), или сохраниться тамъ, гдѣ сохранилось всего больше книгъ митрополичьей библіотоки[4]), — въ Троицкой Лаврѣ. Чудовъ монастырь не имѣетъ, кажется, въ своей библіотекѣ ничего такого, что бы указывало на поступленіе въ нее книгъ изъ митрополичьей библіотеки.

---

1) Одинъ — Евангеліе св. Никона Радонежскаго, XIV в. (въ ризницѣ Троицкой Лавры). О немъ см. статью проф. *Воскресенскаго* въ *Богословскомъ Вѣстникѣ* 1893 г., № 7.

2) Особенности ея текста (и то очень рѣдко) совпадаютъ съ особенностями текста константинопольскаго Евангелія 1383 года. Такимъ образомъ писецъ послѣдняго былъ съ нею знакомъ.

3) Древнѣйшая часть архива сгорѣла еще при м-тѣ Фотіи.

4) Между прочимъ, собственноручныя книги м-та Кипріана. Нѣсколько бывшихъ митрополитовъ кончили жизнь въ Сергіевомъ монастырѣ (Зосима, Даніилъ, Іоасафъ); они могли взять туда съ собою части митрополичьей библіотеки. Изъ нихъ Іоасафъ пожертвовалъ монастырю порядочное количество книгъ.

Сверхъ того, преданіе о принадлежности чудовской рукописи св. Алексію (въ видѣ извѣстія о знакомствѣ св. Алексія съ греческимъ языкомъ и о переводѣ имъ новаго завѣта) является записаннымъ впервые лишь въ концѣ XVII вѣка, въ позднѣйшей редакціи житія Алексія, принадлежащей, повидимому, извѣстному справщику Евѳимію[1]). Его нѣтъ ни въ одной болѣе ранней редакціи того же житія, даже въ редакціи макарьевскаго времени[2]), даже въ томъ ея спискѣ, который, съ дополненіями конца XVI вѣка, былъ переписанъ въ половинѣ XVII вѣка и изданъ въ 1877—1878 годахъ Обществомъ Древней Письменности[3]).

ПРИЛОЖЕНІЕ IV.

Предлагаемъ списокъ русскихъ монаховъ на Аѳонѣ XIV—XV вѣковъ, сдѣлавшихъ что-нибудь по перенесенію въ Россію южно-славянскихъ текстовъ.

Аѳанасій Русинъ, іеромонахъ: въ 1430 году купилъ на Аѳонѣ, въ обители Пантократора, Четвероевангеліе (Нов. Іерус.), принесъ его въ Россію и въ 1436 году отдалъ «святѣй Богородицѣ на Перемѣру»; въ 1431 году переписалъ на Аѳонѣ, въ Лаврѣ св. Аѳанасія[4]), Житіе св. Аѳанасія Аѳонскаго (копія съ его списка сдѣлана въ Троицкой Лаврѣ по повелѣнію игумена Зиновія, 1436—1445 гг.); въ 1432 году переписалъ на Аѳонѣ, въ той же Лаврѣ, Житіе Григорія Омиритскаго (копія съ его списка сдѣлана въ Кирилловомъ Бѣлозерскомъ монастырѣ[5]).

---

1) *Ключевскій*, «Древне-русскія житія святыхъ», стр. 356.

2) По Ключевскому, четвертой (стр. 245).

3) Срв. статью проф. *Муретова* въ защиту преданія въ *Богословскомъ Вѣстникѣ* 1898 гг., №№ 1, 2.

4) Въ этой Лаврѣ были, между прочимъ, монахи болгаре. Въ ней написанъ средне-болгарскій списокъ Словъ Исаака Сирина (Публ. Библ. Q. I. 93). *Радченко*, «Отчетъ», стр. 97.

5) Эти данныя см. у *Строева*, подъ «Аѳанасій Русинъ».

Досиѳей, архимандритъ Печерскій, вынесъ «правило Святыя Горы»[1]).

Убогій Евсевій — непотребный Ефремъ Русинъ въ 1425 г. получили на Аѳонѣ отъ Іакова доброписца переводъ постническаго слова Максима Исповѣдника[2]).

Иларіонъ, игуменъ одного изъ новгородскихъ монастырей, вынесъ изъ Святой Горы оригиналъ Тактикона Никона Черногорца 1397 г.[3]).

Савва, основатель Вишерскаго монастыря подъ Тверью (основанъ въ 1397 г.), вынесъ изъ Святой Горы «правила», которыми воспользовался для составленія своей Кормчей Вассіанъ Патрикѣевъ (Публ. Библ. Толст. I № 169).

ПРИЛОЖЕНІЕ V.

Гдѣ составленъ русскій Хронографъ?

Тамъ, гдѣ былъ живой интересъ не только къ грекамъ, но и къ южному славянству. Русь XV вѣка, и сѣверная, и южная, имѣла слишкомъ мало общенія съ южнымъ славянствомъ, чтобы предпринять большой историческій трудъ, въ которомъ значительное число листовъ удѣлялось судьбамъ еле извѣстныхъ по названію болгаръ и сербовъ. Такимъ мѣстомъ, гдѣ русскіе книжники могли интересоваться вмѣстѣ греками, болгарами и сербами, въ концѣ XIV вѣка и въ первой половинѣ XV вѣка былъ

1) *Ундольскій*, Библіографическія разысканія, стр. 41; *Строевъ*, подъ «Досиѳей». По даннымъ Н. К. Никольскаго («Отчетъ о дѣятельности Отд. русск. яз. и словесн. Имп. Ак. Наукъ за 1902 г.», стр. 35), это лице жило во второй половинѣ XIV в.

2) *Строевъ*, стр. 122; Новоросс. унив. № 49. Въ Кирилло-Бѣлозерскомъ сборникѣ 1476—1482 г. № 6—1083, послѣ приписки Евсевія-Ефрема, отмѣчено: «писано въ Семенѣ Богословѣ горѣломъ» (л. 350 об.). Объ Евсевіи см. выше, стр. 25).

3) Священникъ Иларіонъ перевелъ канонъ молебный къ I. Христу. *Строевъ*, стр. 114.

Константинополь. Здѣсь рядомъ съ русскими монахами жили болгарскіе, а изрѣдка и сербскіе (см. выше о сербинѣ Евсевіи); здѣсь легко было раздобыться южно-славянскими текстами, переводными и оригинальными, говорящими о судьбахъ грековъ и южныхъ славянъ [1]); здѣсь, наконецъ, были разнообразные русскіе тексты.

Взглянемъ на русскіе источники Хронографа (кромѣ русскихъ лѣтописей; данныя изъ послѣднихъ могли быть введены въ Хронографъ позднѣе, когда онъ появился уже въ Россіи). Это —

1) Лѣтописецъ Еллинскій. Онъ былъ у константинопольскихъ русскихъ; два отрывка изъ него («отъ Еллинскаго Хронографа») находились въ упомянутомъ выше константинопольскомъ спискѣ Іосифа Флавія 1399 года, послѣ текста Іосифа и передъ записью писцовъ. Мы ихъ читаемъ въ копіи съ этого списка, внесенной въ февральскую книгу Макарьевскихъ Миней (подъ 29 числомъ);

2) Іосифъ Флавій. Къ только что сказанному можно добавить, что существуетъ сербскій списокъ этого текста, съ русскаго оригинала (см. выше, стр. 10);

3) Толковая Палея. О нахожденіи этого произведенія у константинопольскихъ русскихъ до нѣкоторой степени свидѣтельствуетъ существованіе сербскаго списка, прямо съ русскаго оригинала, сдѣланнаго въ 1633 году (теперь въ Хиландарской библіотекѣ). Писцы получили русскій текстъ «отъ нѣкоего брата»;

4) Александрія второй редакціи (основаніе находящихся въ Хронографѣ 3-й и 4-й, по Истрину, редакцій, въ которыхъ есть «русское» толкованіе имени Александръ и вставка изъ сербской Александріи), какъ извѣстно, входитъ въ составъ Лѣтописца Еллинскаго.

Прочіе источники или не представляютъ въ себѣ ничего спе-

---

1) «Отдѣлъ сербскихъ статей въ Хронографѣ несравненно богаче (чѣмъ болгарскихъ), такъ что въ общей своей совокупности онѣ представляютъ довольно полный обзоръ сербской исторіи». *Андрей Поповъ*, «Обзоръ хронографовъ», вып. II, стр. 39.

ціально русскаго (какъ Житіе папы Сильвестра), или вполнѣ южно-славянскіе, т. е. тѣ, которые перешли въ Россію, по всей вѣроятности, черезъ константинопольскихъ русскихъ.

Статейка о послѣднемъ греческомъ царѣ (глава 207), принадлежащая составителю Хронографа, не смотря на свою краткость, показываетъ въ авторѣ освѣдомленнаго человѣка.

Что наконецъ до статьи о смерти Батыя въ Угріи, основанной, какъ полагаютъ, на народной сербской пѣснѣ, то она представляетъ пересказъ сербской повѣсти (съ обычнымъ въ XIV—XV вѣкахъ для сербовъ названіемъ государя: самодержецъ), сдѣланный русскимъ (имя Батыя, *станы* = лагерь, *бесерменинъ*).

Отсутствіе южно-славянизмовъ (за исключеніемъ перешедшихъ изъ южно-славянскихъ источниковъ), не всегда правильное пониманіе южно-славянскихъ фразъ и словъ (напримѣръ, *въ посадѣ* вмѣсто: по Савѣ; *Андрей Поповъ*, «Изборникъ», стр. 81), простота изложенія (когда источники, напротивъ, излагаютъ витіевато), все это показываетъ въ составителѣ Хронографа русскаго человѣка безъ особеннаго литературнаго образованія.

ПРИЛОЖЕНІЕ VI.

И. В. Ягичъ («Изслѣдованія по русскому языку», I, стр. 918 сл.) издалъ текстъ одной статьи фонетико-ореографическаго содержанія (первой части «Простословіи») по Чудовскому списку конца XVI вѣка и сдѣлалъ указаніе на ея составъ, — на то, что первая ея часть до извѣстной степени самостоятельна, а вторая — не что иное, какъ извлеченіе изъ перевода латинскаго Доната. Достаточно бѣгло прочесть этотъ текстъ, чтобы увидѣть въ немъ искаженія и описки.

Гдѣ составлена эта статья?

Ея словарный матеріалъ не имѣетъ въ себѣ совсѣмъ рус-

скихъ элементовъ. Термины *буква* въ значеніи: азбука (стр. 919), *логоватъ*, *изератенъ* (= извращенъ?), *вилавъ* (стр. 920), *веспона* въ значеніи: разница (стр. 921), *взрядъ* въ значеніи: подрядъ (стр. 922), и т. п. совершенно чужды языку старой русской письменности, но мы не можемъ ими воспользоваться.

Терминъ *слогня* также неизвѣстенъ въ старомъ русскомъ языкѣ, но онъ можетъ сослужить намъ службу, такъ какъ нерѣдко встрѣчается въ языкѣ *болгарскихъ* записей и т. п. XIV вѣка.

Запись Евангелія 1356 года: (царь) «прѣписа изь еллиньскыхь словесь вь нашѫ словѣнскѫꙗ слогнѫ».

Запись Учительнаго Евангелія 1346 года: «исписасѧ . . . из грьческыихь *слогней* на блъгарскый ѧзыкь»[1]).

Запись русскаго такъ называемаго Кипріанова Служебника XIV вѣка, представляющаго списокъ съ экземпляра принадлежавшаго митрополиту Кипріану: «...сматряй не приложити или отложити едино нѣкое слово..., ниже премѣнити *слогню* нѣкоторую...»[2]).

Написаніе слог*ну*, найденное издателемъ въ Тихонравовскомъ спискѣ (въ Чудовскомъ: слогу), заключаетъ въ себѣ одну изъ обычныхъ орѳографическихъ особенностей средне-болгарскаго языка; оно не что иное, какъ ср.-болг. слогнѫ.

Форма 3-го л. мн. ч.: «не могутъ и простыя своея рѣчи добрѣ вѣщати, которую *умѣя* отъ дѣтства своего», вполнѣ объясняется изъ ср.-болг. умѣѧ, съ ѧ вмѣсто ѫ.

Итакъ, едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что интересующая насъ статья, какъ и мелкія статьи грамматическаго содержанія, напечатанныя Ягичемъ на стр. 635 сл.,—представляетъ собою потомство болгарскаго сочиненія по фонетикѣ и орѳографіи церковно-славянскаго языка. Его текстъ подвергся передѣлкѣ и исправленію русскихъ книжниковъ; въ него вошли русскія осо-

---

1) *Сырку*, Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи, т. I, ч. 1, стр. 433, 476.

2) *Горскій и Невоструевъ*, III, 11. О значеніи слова *слогня* см. у *Ягича*, стр. 804.

санъ около половины XV вѣка. Въ числѣ почерковъ сборника есть сербскіе, или придерживающіеся сербской орѳографіи[1]).

Трудно сомнѣваться, что между рукописями второй половины XIV и первой XV вѣка, хранящимися въ нашихъ библіотекахъ, должны быть еще рукописи, вышедшія изъ подъ пера членовъ русской колоніи въ Константинополѣ[2]). Они должны быть писаны на греческомъ матеріалѣ: или на тонкомъ пергаменѣ, отличномъ отъ обычнаго грубаго пергамена собственно-русскихъ рукописей XIV—XV вѣковъ, или на той толстой бумагѣ, которую обыкновенно называютъ бомбициною и на которой несомнѣнно въ Россіи писанныхъ рукописей очень немного. Наибольшее ихъ число должно находиться въ библіотекѣ Троицкой Лавры, бывшей, повидимому, въ особенно частыхъ сношеніяхъ съ константинопольскими русскими. Они могутъ быть легко открыты посредствомъ сличенія ихъ письма съ письмомъ несомнѣнныхъ константинопольскихъ рукописей.

ПРИЛОЖЕНІЕ III.

Чудовской списокъ представляетъ книгу въ четвертку писанную на тонкомъ пергаменѣ въ два столбца, самымъ мелкимъ уставнымъ почеркомъ. Особенности его письма—обычныя особенности русскаго устава XIV вѣка: *у* послѣ согласныхъ вмѣсто болѣе древняго *оу*, но рядомъ съ *оу* и съ укомъ (ȣ); іотированное *е* съ высоко поднятою чертою между *і* и *е*, рядомъ съ большимъ, опрокинутымъ къ началу строки *е*; *ч* почти или совсѣмъ безъ ножки, потерявшее всякое сходство съ чашею. Но рядомъ съ этими особенностями мы имѣемъ другія, русскому уставу XIV

1) *Шахматовъ*, Къ вопросу о происхожденіи Хронографа, стр. 72—73.

2) Діоптра Публ. Библ., о которой мы упомянули выше, съ обращеніемъ писца къ «брату» кир-Зиновію и съ упоминаніемъ о «нашей ростовской рѣчи», написана едва ли не въ Константинополѣ, можетъ быть, Аѳанасіемъ Высоцкимъ.

вѣка несвойственныя: *ѵ* въ видѣ греческаго *υ*, *ω* не только въ ея обычномъ видѣ, а также въ видѣ двойного *о*, необыкновенно частое употребленіе *і*, а особенно — огромное количество вязей. Лицо, писавшее чудовской списокъ, пользовалось всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы соединить двѣ, а иногда и три буквы въ одно начертаніе, и при этомъ зачастую ставило буквы греческія, т. е. употребляло вязи обычныя въ греческой скорописи. Полная свобода въ пользованіи греческими вязями не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что это лицо было столько же привычно къ греческому скорописному письму, сколько къ русскому уставному. Сверхъ того, писецъ разставилъ ударенія: то острое, то тупое, то облеченное, чего (за самыми незначительными исключеніями) нѣтъ въ русскихъ уставныхъ текстахъ, но что обычно въ греческихъ скорописныхъ.

Исправность чудовскаго списка замѣчательна. Мы въ немъ имѣемъ одну изъ наиболѣе тщательно написанныхъ рукописей, писецъ которой вполнѣ понималъ, что̀ онъ писалъ; онъ зналъ (сколько нужно, чтобы не смѣшивать разныя формы) грамматику и заботился (сколько можно было въ XIV вѣкѣ) объ однообразіи орѳографіи. Онъ не соблазнился ни средне-болгарскими формами, ни орѳографическими особенностями болгарскихъ рукописей его времени (съ которыми былъ несомнѣнно знакомъ) и не употребилъ ни разу ни *ж*-са, ни *рѣ* вмѣсто *ор* или *ер* (в*рѣ*хъ), ни *а* послѣ гласныхъ вмѣсто *я* въ славянскихъ словахъ (мо*а*, добры*а*; у него только Хананеа, Матѳе*а* и т. п.).

Такимъ образомъ мы находимъ у него лишь тѣ грамматическія и орѳографическія черты, которыя въ той или другой степени свойственны русскимъ, въ частности московскимъ текстамъ его времени и изъ которыхъ не всѣ были одинаково древними. Такъ, онъ писалъ рядомъ прiведiте и iд*ѣ*те, въ вретищ*ѣ* и въ корабл*и*, дѣлател*и* (вин. мн.) и стоящ*а* (вин. мн. муж.); такъ, онъ писалъ постоянно *ки* вмѣсто древняго *кы* и т. п. Достойно замѣчанія, что онъ очень рѣдко ставилъ *ь* между согласными: болши, колми, болна, горко и т. п., что онъ любилъ опускать *ъ* и *ь* въ

I.

Западное вліяніе на литературу Московской Руси XV—XVII вѣковъ.

[illegible] убѣжденіе, что М[illegible] государство XV—XVII вѣковъ [illegible] [illegible] Петръ [illegible] Московское государство [illegible] XVI вѣка въ Москвѣ [illegible] въ чи[illegible] XVII вѣка [illegible] не слышалъ объ Нѣмецкой [illegible] XVII вѣка [illegible] и т. д.?

[illegible] убѣжденіемъ не представляетъ [illegible] [illegible] изслѣдованіе — по [illegible] по исторіи быта, по исторіи языка, или [illegible] искусства, имѣвшаго въ то время по пре-

имуществу церковный характеръ,—даетъ въ результатѣ длинный рядъ крупныхъ и мелкихъ данныхъ, указывающихъ на тѣсныя связи Москвы съ западомъ Европы задолго до Петра. Мы ограничимся данными историко-литературными и взглянемъ на переводный отдѣлъ старой московской письменности.

Первые переводы произведеній западно-европейскихъ литературъ, сдѣланные несомнѣнно въ Московской Руси, относятся къ второй половинѣ XV вѣка [1]) и принадлежатъ по преимуществу Новгороду.

И въ этомъ столѣтіи, и въ началѣ слѣдующаго, Новгородъ работаетъ надъ переводами энергично. Архіепископъ Геннадій является распорядителемъ и покровителемъ переводнаго дѣла, а правительственный переводчикъ (толмачъ) Дмитрій Герасимовъ производитъ главную часть работы. Они преслѣдуютъ не отвлеченныя цѣли; они смотрятъ на дѣло съ практической точки зрѣнія и ищутъ на западѣ средствъ къ удовлетворенію ближайшихъ нуждъ своихъ и своего времени.

Когда у насъ кончилась пасхалія на семь тысячъ лѣтъ и оказалось необходимымъ составить ея продолженіе, Геннадій поручилъ Герасимову навести какія-то справки о пасхаліи въ Римѣ, и Герасимовъ доставилъ ему оттуда «міротворный кругъ» [2]).

---

1) Старшіе переводы документовъ съ латинскаго языка на русскій, сдѣланные въ Московской Руси, относятся къ первой половинѣ XV вѣка. Это переводы документовъ относящихся къ Флорентійскому собору. Изъ нихъ переводъ воззваній папы Евгенія о результатахъ собора находится въ сборникахъ Моск. Дух. Ак. № 28, к. XVI — нач. XVII вѣка, С.-Петерб. Дух. Ак. Соф. № 1464, XVI в., а переводъ грамоты того же папы тверскому послу Ѳомѣ въ сборникѣ Публ. Библ. Толст. II № 341, XVI в.

2) «Міротворный кругъ» — обычное названіе пасхаліи съ относящимися къ ней статьями. Въ дошедшихъ до насъ спискахъ пасхаліи мы не можемъ указать ничего, что должно бы было считать переведеннымъ Герасимовымъ.

Замѣтимъ кстати, что авторъ посланія о бѣломъ клобукѣ (гдѣ говорится о посылкѣ Геннадію «міротворнаго круга») — «Митя», т. е. несомнѣнно, Герасимовъ.

Л. Н. Майковъ считаетъ несомнѣннымъ, что московскимъ посломъ въ Римѣ въ концѣ XV вѣка былъ Димитрій Ралевъ, грекъ (*Изв. р. отд. Ак. Н.* 1900 г., № 2, 388); но это нисколько не мѣшаетъ принадлежности посланій Димитрію Герасимову: послѣдній могъ быть въ свитѣ перваго.

Когда подъ вліяніемъ дѣятельности жидовствующихъ Геннадій взялся за составленіе полнаго кодекса библейскихъ книгъ на церковно-славянскомъ языкѣ, Герасимовъ снабдилъ этотъ кодексъ переведенными имъ статьями изъ нѣмецкой библіи.

Когда Геннадію пришлось вступить въ борьбу съ жидовствующими, Герасимовъ изготовилъ переводъ двухъ латинскихъ книгъ противъ еврейства.

Наконецъ, едва выступилъ на сцену вопросъ объ церковныхъ имѣніяхъ, какъ явился переводъ латинскаго трактата противъ мірянъ, вступающихся въ дѣла церкви, и этотъ переводъ принадлежалъ, судя по всему, Герасимову.

Надо сказать, что Геннадій располагалъ не однимъ образованнымъ и трудолюбивымъ Герасимовымъ. У него былъ еще доминиканецъ Веніаминъ, «родомъ славянинъ, а вѣрою латинянинъ»; ему Геннадій не усумнился довѣрить такое дѣло, какъ переводъ съ латинскаго нѣсколькихъ библейскихъ книгъ ветхаго завѣта[1]). У него былъ также какой-то Юрій, спутникъ Герасимова по путешествію въ Италію; онъ переводилъ для Геннадія какое-то «слово»[2]).

Въ началѣ второй четверти XVI вѣка Новгородъ сходитъ со сцены; послѣ Герасимова[3]) о новгородскихъ переводахъ уже не слышно. Переводная дѣятельность сосредоточивается въ Москвѣ.

Наши свѣдѣнія о Максимѣ Грекѣ и о ливонскомъ пасторѣ

1) О Веніаминѣ см. ниже. Герасимовъ едва ли не помогалъ Веніамину въ его трудѣ, во всякомъ случаѣ ошибки перевода Веніамина (переводъ латинскаго acies черезъ *спица* и т. п.) иногда совпадаютъ съ ошибками старшихъ нѣмецкихъ переводовъ библіи (о послѣднихъ см. у *W. Walther*, Die deutsche Bibelübersetzung des Mittelalters, Braunschweig, 1892).

2) «Да писалъ еси, господине, о словѣ томъ, что Юрьи переводитъ, его къ тебѣ ранѣе отслати. Ино, господине, тому толь вскорѣ нельзя быти, занеже переводъ медленъ, а еще Юрью мало досугу». Можетъ быть, это — Юрій Траханіотъ, грекъ. Любопытно, что посланіе къ Геннадію объ аллилуія въ Вахрамѣевскомъ спискѣ № 226 приписывается «Юрію Малому, греку». Дата посланія Герасимова къ Геннадію, гдѣ находятся приведенныя слова, неясна. По Макарію (Ист. р. ц., VII, 248), оно написано въ 1491 г.; списки даютъ то 1486 г. (Публ. Б. Q. XVII. 15), то 1493 г. (Публ. Б. Толст. I № 116).

3) Умершаго около 1530 г. По лѣтописи (*Полн. собр. р. лѣт.* VI, 299), Герасимовъ въ 1526 г. былъ уже въ «старости маститѣ».

Веттерманѣ (изъ нихъ первый былъ правительственнымъ переводчикомъ, состоялъ на содержаніи отъ правительства, имѣлъ помощниковъ для работы и переводилъ тѣ книги, которыя указывали ему великій князь и митрополитъ, а второй [1]) получилъ предложеніе отъ Ивана Грознаго быть правительственнымъ переводчикомъ на тѣхъ же въ общемъ условіяхъ, какъ и Максимъ) дѣлаютъ несомнѣннымъ, что московское правительство въ XVI столѣтія серьезно интересовалось переводнымъ дѣломъ и желало руководить имъ, сообразно со своими потребностями.

Старшій переводъ московскаго происхожденія — повѣсть о валашскомъ воеводѣ Дракулѣ. Онъ относится ко времени между 1482 и 1490 годами и сдѣланъ съ нѣмецкаго языка если не дьякомъ Ѳедоромъ Курицынымъ, то однимъ изъ лицъ, сопровождавшихъ Курицына въ посольствѣ въ Венгрію. Послѣ него мы имѣемъ еще рядъ переводныхъ трудовъ то съ именемъ переводчиковъ, то безъ нихъ. Общее ихъ число сравнительно велико. Мы можемъ назвать житіе блаженнаго Августина съ чудесами, бывшее у Курбскаго еще до его бѣгства въ Литву, три, если не больше, лѣчебника, хронику и космографію Мартина Бѣльскаго, хронику чудесъ Конрада Ликостена, географію Помпонія Мелы, ариѳметику, риторику, нѣсколько книжекъ астрономическаго и астрологическаго содержанія [2]), нѣсколько мелкихъ разсказовъ и отрывковъ, т. е. рядъ трудовъ для своего времени недурныхъ и для Московской Руси или полезныхъ, или даже цѣнныхъ.

Языки, съ которыхъ были сдѣланы переводы, — главнымъ образомъ латинскій и нѣмецкій; лишь въ одномъ случаѣ оригиналъ былъ несомнѣнно польскій (лѣчебникъ Спичинскаго [3]) и также въ одномъ случаѣ бѣлорусскій (М. Бѣльскій).

---

1) О немъ и сдѣланномъ ему предложеніи см. у *Лихачева*, Библіотека и архивъ московскихъ государей въ XVI вѣкѣ, стр. 29.

2) Геннадій и Іосифъ Волоцкій обвиняли въ занятіяхъ астрологіей Ѳ. Курицына и жидовствующихъ, что позволяетъ предполагать существованіе въ Москвѣ переводовъ астрологическихъ книжекъ даже въ концѣ XV вѣка.

3) О немъ у *Змѣева*, Русскіе врачебники (изд. Общ. Др. Письм.), стр. 37, и въ нашей рецензіи на эту книгу въ *Ж. М. Нар. Пр.* 1896 г., № 5, стр. 212.

Между переводчиками, работавшими надъ переводами, были иностранцы. Переводчикъ нѣмецкаго лѣчебника въ 1534 г. называетъ себя «полоняникомъ любчаниномъ»; слѣдовательно, онъ былъ нѣмецъ изъ Любека. Переводчикъ польскаго лѣчебника въ 1588 г. былъ если не полякъ, то бѣлоруссъ.

Конечно, не всѣ переводы XV—XVI вѣковъ московскаго происхожденія исполнены равно удачно, съ достаточнымъ знаніемъ языка оригинала и съ достаточнымъ умѣньемъ передавать иноязычный текстъ по-церковно-славянски [1]) или по-русски. Но хорошихъ переводовъ — большинство.

Въ XVII вѣкѣ Москва уже одна занимается переводами.

Главная группа переводчиковъ — переводчики посольскаго приказа. Они дѣлаютъ все, что имъ велятъ: сопровождаютъ заграницу московскихъ пословъ, ѣздятъ туда же гонцами, переводятъ дѣловыя бумаги, переводятъ и книги. Михаилъ Юрьевъ переводитъ книгу по военному искуствѣ, Виніусъ — сборникъ басенъ, Руданскій — повѣсть о Мелюзинѣ и т. д. Спеціализація имъ неизвѣстна, и одинъ и тотъ же Гадзаловскій переводитъ и полемическое сочиненіе противъ магометанъ, и книжку о выѣздкѣ лошадей. Нерѣдко одна книга, значительнаго объема, переводится двумя или болѣе переводчиками одновременно. По происхожденію эти приказные переводчики лишь въ немногихъ случаяхъ — великоруссы, имѣвшіе возможность познакомиться съ какимъ-нибудь иностраннымъ языкомъ [2]). Обыкновенно это — «иноземцы», какъ

---

1) Говоря здѣсь и далѣе о церковно-славянскомъ языкѣ, мы имѣемъ въ виду языкъ церковныхъ книгъ Московской Руси XV—XVII вѣковъ.

2) О Герасимовѣ мы знаемъ, что онъ научился латинскому и нѣмецкому языкамъ въ Ливоніи. Вѣроятно, онъ былъ туда отправленъ еще въ юности новгородскими властями спеціально для изученія языковъ. О московскихъ переводчикахъ русскаго происхожденія XVI и нач. XVII вв. нѣтъ свѣдѣній, гдѣ они познакомились съ иностранными языками, но судя по отправленію молодыхъ людей въ Германію при Иванѣ Грозномъ, въ Германію, Англію и Францію при Борисѣ Годуновѣ «для науки разныхъ языковъ и грамотъ», между ними были обучавшіеся за границею. Московское правительство XVI в. повидимому пользовалось тѣмъ же способомъ подготовлять для себя переводчиковъ, какой былъ въ то время употребляемъ нѣмцами, англичанами, датча-

тогда говорили, — выходцы изъ южной и западной Россіи, поляки, нѣмцы, голландцы, люди съ ничтожнымъ образованіемъ, безо всякой литературной подготовки, неожиданно для самихъ себя пустившіеся въ литературу. Большинство изъ нихъ совсѣмъ не знаетъ литературнаго языка Московской Руси — церковно-славянскаго языка; многимъ мало извѣстенъ даже живой русскій языкъ того времени. И вотъ одни переводятъ съ польскаго такъ, что ихъ переводъ не что иное, какъ переписанный русскими буквами польскій текстъ оригинала[1]); у другихъ мы встрѣчаемся то съ такъ называемымъ бѣлорусскимъ языкомъ[2]), то со смѣшною смѣсью элементовъ церковно-славянскаго, великорусскаго, бѣлорусскаго и польскаго; у третьихъ такой русскій языкъ, что читателю нужно много думать, чтобъ догадаться, что говорится въ иностранномъ оригиналѣ[3]). Но не слѣдуетъ думать, что подобные переводы оставались у насъ безъ употребленія. Нѣтъ, хотя не всегда, но часто свѣдущіе читатели и переписчики постепенно исправляли ихъ текстъ и превращали его языкъ въ приличный церковно-славянскій. Конечно, при этомъ мѣстами измѣнялся смыслъ оригинала[4]).

Другая группа переводчиковъ была не многочисленна. Это были монахи по преимуществу, люди болѣе или менѣе образо-

---

нами, французами, чтобы имѣть у себя людей знающихъ русскій языкъ и грамоту, т. е. посылало своихъ молодыхъ людей учиться за границу (сравни объ обученіи у насъ датскихъ «робятъ» въ 1516 г. *Р. Ист. Библ.*, VI, 16, объ обученіи нѣмцевъ въ 1629 г. *А. А. Э.* III, № 184; *Цвѣтаевъ*, Протестанство и протестанты въ Россіи, стр. 701).

Мнѣніе Л. Н. Майкова, что Герасимовъ былъ братъ нѣкоего Герасима Поповки, ни на чемъ не основано. Герасимовъ, судя по всему, былъ родомъ новгородецъ, а Поповка, судя по даннымъ его языка, — изъ московской области.

1) См. Апофоегматы въ рукописи Публ. Библ. Q. XV. 13.

2) Само собою разумѣется, подобные переводы трудно отличать отъ переводовъ сдѣланныхъ въ юго-западной Россіи.

3) При неудовлетворительности одного перевода, немедленно производился другой, даже третій (почему мы иногда имѣемъ по два, даже по три перевода одной и той же книги). Дѣловыя бумаги въ посольскомъ приказѣ XVII в. переводились нисколько не лучше, чѣмъ книги.

4) Такого рода исправленіе языка мы видимъ въ повѣсти объ Аполлоніи Тирскомъ и въ Семи мудрецахъ.

ванные, отчасти вызванные въ Москву правительствомъ. Мы можемъ изъ нихъ назвать Епифанія Славинецкаго съ товарищи; вѣроятно, къ ихъ числу должны быть отнесены Арсеній Грекъ и Діонисій Грекъ. Они не употребляются какъ толмачи, не ѣздятъ въ качествѣ гонцовъ за границу, не переводятъ дѣловыхъ бумагъ; содержаніе, даваемое имъ правительствомъ, несравненно лучше содержанія приказныхъ переводчиковъ; вообще они находятся въ положеніи сходномъ съ положеніемъ Максима Грека. Но и они переводятъ все, что имъ велятъ; спеціализаціи у нихъ нѣтъ, и напримѣръ, Епифаній переводитъ и анатомію, и географію, и проповѣди Бернарда, и отрывокъ изъ Плинія Младшаго. Но и они иногда переводятъ вдвоемъ, втроемъ одну книгу, когда она имѣетъ значительный размѣръ. Они знаютъ церковно-славянскій языкъ и ихъ переводы для своего времени недурны, хотя по своей буквальности и ученому характеру языка нѣсколько темны для малообразованнаго читателя.

Третья группа — случайные переводчики, бывшіе въ распоряженіи московскаго правительства. Она очень не велика. Московское правительство, нуждаясь въ переводахъ, дорожило всякимъ, кто зналъ какой-нибудь западно-европейскій языкъ и могъ переводить, и для всякаго находило дѣло. Пріѣзжаетъ въ Москву изъ Кіева съ пѣвчими архидіаконъ Михаилъ. Ему сейчасъ посольскій приказъ поручаетъ переводить сочиненія блаженнаго Августина; оказываются между пріѣзжими кіевскими пѣвчими годные для переводнаго труда, и для нихъ находится дѣло: ихъ сажаютъ за переводъ Лиѳоса, Петра Могилы [1]); является надобность испытать познанія и таланты пріѣзжаго грека Венедикта, и ему даютъ переводить латинскую книгу объ Индіи, и т. д.

О четвертой группѣ, работавшей безъ приказанія свыше, изъ любви къ дѣлу, мы не будемъ распространяться. О переводчикахъ-любителяхъ мы знаемъ очень мало и не имѣемъ возможности опредѣлить, что именно имъ принадлежитъ. Позволительно

1) *Каптеревъ*, Патріархъ Никонъ, стр. 21.

думать, что ихъ было у насъ немного до конца XVII в., когда въ московскомъ высшемъ свѣтѣ стало распространяться знаніе польскаго языка. Мы можемъ назвать лишь три имени: «царскій синклитикъ», вѣроятно, сынъ Артамона Матвѣева, Андрей Матвѣевъ, стольникъ Богдановъ и князь Кропоткинъ. Ихъ переводы сдѣланы именно съ польскаго языка. Возможно, что переводчиками-любителями были Симеонъ Полоцкій и еще кое-кто изъ монаховъ южно-русскаго воспитанія, жившихъ въ московскихъ монастыряхъ, но объ обстоятельствахъ, при которыхъ они взялись за переводы, намъ ничего неизвѣстно.

Кто въ Москвѣ имѣлъ высшее наблюденіе за переводнымъ дѣломъ, иначе — кто выбиралъ книги для перевода, мы хорошенько не знаемъ. Можно догадываться, что рекомендація книгъ царю и вліятельнымъ боярамъ дѣлалась служилыми иноземцами. Во всякомъ случаѣ мы видимъ переведенными у насъ прежде всего тѣ книги, которыя были широко распространены въ Польшѣ или на западѣ Европы. Нерѣдко это былъ устарѣвшій хламъ, утратившій цѣну, но еще обращавшійся въ томъ кругѣ польскихъ или западно-европейскихъ читателей, къ которому принадлежали жившіе у насъ иноземцы. Здѣсь были и рыцарскіе романы (Петръ Золотые ключи), и старые сборники повѣстей восточнаго происхожденія (повѣсть о Семи мудрецахъ), и труды средневѣковыхъ ученыхъ (Альберта Великаго, Михаила Скотта, Раймунда Люлла), и медицинскія книги въ родѣ Проблематъ лже-Аристотеля и Мизальда Воскресшаго. Но также нерѣдко оказываются переведенными книги для того времени новыя и цѣнныя. Это — по географіи знаменитые въ свое время труды Меркатора и Блеу, по исторіи труды Баронія и Слейдана, по астрономіи «Селенографія» Гевеліуса, по политическимъ наукамъ книга Модржевскаго, по военному дѣлу книги Фроншпергера и Вальгаузена.

Наконецъ, мы имѣемъ переводы тѣхъ летучихъ листовъ, которые въ XVI и особенно въ XVII вѣкахъ во множествѣ выходили въ Польшѣ и въ западной Европѣ и исполняли роль современныхъ газетъ. Они сообщали публикѣ о движеніяхъ воюющихъ

сторонъ во время войны, объ открытіи новыхъ земель и обо всякаго рода необычайныхъ событіяхъ въ мірѣ; иногда въ видѣ такихъ летучихъ листовъ распространялись мелкія литературныя произведенія. Само собою разумѣется, московское правительство заботилось о переводѣ не всѣхъ летучихъ листовъ, которые до него доходили, а лишь тѣхъ, которые представляли для него какой-нибудь интересъ. Поэтому мы не имѣемъ въ переводѣ ни одного листа о войнахъ Людовика XIV [1]), но у насъ есть листы о коронаціи Яна Собескаго, о появленіи въ Данцигѣ вѣчнаго жида, о двухъ пророкахъ въ Палермо, о превращеніи жестокаго человѣка въ собаку въ Чехіи, переписка турецкаго султана съ императоромъ и польскимъ королемъ, дополненная у насъ перепискою султана съ Иваномъ Грознымъ [2]).

Но возвратимся къ переведеннымъ книгамъ. Что именно было въ Москвѣ переведено въ XVII вѣкѣ?

Всего болѣе интересовались географіею. Всѣ лучшіе труды по этой наукѣ общаго характера, явившіеся въ западной Европѣ въ концѣ XVI и въ XVII вѣкахъ, были у насъ переведены. Это— сочиненія Ботера, Ортеліуса, Меркатора, де-Линды, огромный амстердамскій атласъ Блеу, еще нѣсколько сочиненій, оригиналы

---

1) Впрочемъ возможно, что до насъ дошла лишь небольшая часть переводовъ летучихъ листовъ, говорившихъ о войнахъ въ западной Европѣ. Въ повѣсти о внезапной кончинѣ царя Михаила Ѳеодоровича 1647 г. мы читаемъ: «въ странахъ нѣмецкихъ пишутъ и печатаютъ въ книгахъ и на листахъ о военныхъ дѣйствіяхъ. Почему же мы лѣнимся, боимся или срамимся писать или печатать?» (*Голубцовъ*, Пренія о вѣрѣ, вызванныя дѣломъ королевича Вальдемара, стр. 338).

Мы внесли въ нашъ списокъ также отрывки изъ перевода курантовъ, въ виду невозможности отличить ихъ отъ летучихъ листовъ. О курантахъ въ Россіи см. *Фабриціуса*, Почта и народное хозяйство въ Россіи въ XVII столѣтіи. Спб. 1864. Здѣсь, на стр. 82, перечень иностранныхъ газетъ, получавшихся съ 1631 г. въ посольскомъ приказѣ.

2) Отъ летучихъ листовъ, сообщавшихъ разныя новости и обыкновенно имѣвшихъ въ себѣ какой-нибудь рисунокъ (гравюру на деревѣ), надо отличать гравюры съ текстами, въ которыхъ рисунокъ имѣлъ главное, а текстъ второстепенное, служебное значеніе. У насъ въ XVI — XVII вв. срисовывали рисунки и переводили тексты довольно усердно. Объ этомъ мы надѣемся когда-нибудь поговорить подробно, а пока мы указываемъ лишь одинъ переводъ текста при гравюрѣ, въ виду его особеннаго интереса.

(а вмѣстѣ и авторы) которыхъ намъ неизвѣстны. Далѣе, у насъ было переведено нѣсколько спеціальныхъ трудовъ по географіи (описанія Святой земли, Алжира съ Тунисомъ, Персіи, Шпицбергена); далѣе, рядъ путешествій въ земли дальняго востока, путешествіе въ Персію Олеарія, путешествіе въ Святую землю Радзивилла [1]).

За географіею слѣдовала исторія.

Всего болѣе у насъ интересовались (что и естественно) сосѣднею Польшею. Посвященные вмѣстѣ и исторіи, и географіи ея труды Гваньина и Стрыковскаго дошли до насъ, одно въ трехъ, другое въ двухъ переводахъ. Затѣмъ мы имѣемъ переводы книгъ Бартоша Папроцкаго и Горчина.

По исторіи европейскихъ государствъ вообще были переведены сочиненія Слейдана и Пясецкаго; по исторіи церкви — сокращеніе знаменитыхъ Церковныхъ лѣтописей Баронія. Сверхъ того — нѣсколько книгъ о Турціи и туркахъ, о послѣднихъ событіяхъ въ Китаѣ, о Чехіи, исторія Абиссиніи, исторія іудейской войны Іосифа Флавія.

Дальнѣйшее мѣсто занимаетъ медицина.

Но о переводѣ у насъ въ XVII вѣкѣ лѣчебниковъ и другихъ книгъ медицинскаго содержанія мы не будемъ распространяться въ виду существованія монографіи д-ра Змѣева [2]).

Книги практическаго содержанія интересовали насъ довольно сильно, но переведено ихъ было относительно немного. Именно, мы имѣемъ нѣсколько книгъ по военному дѣлу, нѣсколько книгъ по коннозаводству и выѣздкѣ лошадей, одну или двѣ по псовой охотѣ, одну поваренную книгу, нѣсколько вообще по сельскому хозяйству, нѣсколько риторикъ (учившихъ составленію «словъ»), нѣсколько словарей.

---

1) Позволительно думать, что московское правительство имѣло въ виду, при переводѣ книгъ по географіи, практическія цѣли. Срв. ссылку на «космографію» при Иванѣ Грозномъ, какъ на документъ, опредѣляющій границы Даніи. *Р. Истор. Библ.*, XVI, стр. 56, 126.

2) Русскіе врачебники. Изд. Общ. Др. Письм., Спб. 1895. Нашъ разборъ этой книги въ *Журн. М. Нар. Пр.* 1896 г., № 5.

Книгъ собственно научнаго характера было у насъ переведено совсѣмъ мало. Можемъ назвать: по геометріи — сочиненіе неизвѣстнаго намъ пока англичанина, начала XVII вѣка, по астрономіи — «Селенографію» Гевеліуса, по зоологіи — трудъ Альдрованда (вѣроятно, неполный), по естествознанію вообще и философіи — уже упомянутые нами выше, устарѣвшіе и не имѣвшіе цѣны, но находившіе у насъ читателей труды Альберта Великаго, Михаила Скотта, Раймунда Люлла, по политическимъ наукамъ — книгу Модржевскаго. Числа книгъ по политическимъ наукамъ мы не можемъ опредѣлить, такъ какъ большая часть имѣющихся у насъ переводовъ дошла въ спискахъ XVIII вѣка; слѣдовательно, возможно, что онѣ были переведены у насъ въ этомъ послѣднемъ столѣтіи, а не въ XVII вѣкѣ [1]).

Теперь передъ нами собственно литературныя произведенія.

Они были переведены въ значительномъ числѣ. Это—прежде всего повѣсти, крупныя и мелкія, однѣ обращавшіяся въ западной Европѣ въ отдѣльномъ видѣ, другія входившія въ составъ большихъ сборниковъ, однѣ свѣтскія, часто нескромныя, другія духовныя, съ яркою католическою окраскою. О нихъ мы можемъ не распространяться въ виду существованія у насъ диссертаціи А. Н. Пыпина, дающей о нихъ достаточное понятіе [2]). Затѣмъ, это — драматическія пьесы, о которыхъ также можемъ ограничиться однимъ упоминаніемъ въ виду общеизвѣстности изданія Тихонравова [3]). Затѣмъ, это—духовная лирика, дидактика и полемика. Между прочимъ, мы имѣемъ книгу о пастырскомъ попеченіи папы Григорія, книгу о презрѣніи къ міру (= Тропникъ) папы Иннокентія, извѣстное сочиненіе Ѳомы Кемпійскаго, Дези-

---

1) Крижаничъ предлагалъ московскому правительству перевести Политику Аристотеля. Позволительно думать, что у насъ желали имѣть переводы книгъ по политическимъ наукамъ въ цѣляхъ подготовленія къ престолу сыновей царя Алексѣя Михайловича.

2) Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ. Спб. 1858.

3) Русскія драматическія произведенія 1672 — 1725 годовъ. Два тома. Спб. 1874.

дерозуса Беллярмина, размышленія Суквета, проповѣди Бернарда и Мефрета, полемическія сочиненія Галятовскаго и рядъ менѣе важныхъ трудовъ.

Въ заключеніе, оставляя въ сторонѣ календари и астрологическія статьи (что въ значительномъ числѣ случаевъ было одно и то же), мы упомянемъ о классикахъ. Ими — что естественно — интересовались у насъ очень мало. Но все таки были переводы Метаморфозъ Овидія, съ обстоятельнымъ комментаріемъ, съ польскаго, Фронтина о военномъ искусствѣ, тоже съ польскаго, и часть Панегирика Плинія Младшаго, съ латинскаго оригинала (о переводѣ географіи Помпонія Мелы мы уже упоминали).

Наконецъ, у насъ было кое-что еще. Это тѣ труды, которые были переведены въ южной и западной Россіи на церковно-славянскій языкъ и могли свободно быть читаемы великорусскими читателями. Но ихъ было совсѣмъ мало. Южно-и западно-русскіе образованные люди въ XVII вѣкѣ владѣли польскимъ языкомъ лучше, чѣмъ церковно-славянскимъ, и если переводили съ какого-нибудь западно-европейскаго языка, то чаще всего не на церковно-славянскій, а на польскій языкъ (Рымша, Кассіанъ Саковичъ). Мы можемъ указать для XVII вѣка изъ болѣе крупнаго лишь на Страсти Христовы. Но Страсти во всякомъ случаѣ не переводъ латинскаго оригинала[1]), а передѣлка, приспособленная къ привычкамъ православнаго читателя.

Мы не имѣли еще случая сказать объ языкѣ и родинѣ тѣхъ оригиналовъ, которые у насъ въ XVII вѣкѣ переводили.

Кажется, большая часть переводовъ этого столѣтія сдѣлана съ латинскаго языка, т. е. съ того языка, который въ то время былъ языкомъ науки въ Польшѣ и западной Европѣ. За латинскимъ языкомъ мы можемъ поставить польскій, которымъ владѣло большинство нашихъ переводчиковъ и на которомъ часто писали южно- и западно-русскіе ученые. Въ самомъ концѣ должны быть поставлены языки нѣмецкій, бѣлорусскій и голланд-

1) Въ точности этотъ оригиналъ намъ неизвѣстенъ.

скій. Переводовъ съ другихъ языковъ западной Европы мы не знаемъ, хотя въ числѣ нашихъ приказныхъ переводчиковъ были люди, владѣвшіе французскимъ и англійскимъ языками.

Родина переведенныхъ у насъ сочиненій самая разнообразная. Тутъ труды римскихъ классиковъ, средневѣковыхъ и современныхъ нѣмцевъ, французовъ, англичанъ, итальянцевъ, испанцевъ, поляковъ; но всѣ они были нами получены или въ голландскихъ изданіяхъ XVI — XVII вѣковъ, или въ польскихъ переводахъ и извлеченіяхъ того же времени. Переводы съ изданій нѣмецкихъ еще есть; переводовъ съ изданій французскихъ почти совсѣмъ нѣтъ; переводовъ съ изданій итальянскихъ и испанскихъ мы вовсе не знаемъ.

Должно замѣтить, что говорить о преимущественномъ вліяніи польской литературы на литературу Московской Руси мы не имѣемъ никакого права. Произведеній писателей поляковъ у насъ было переведено сравнительно немного; мы воспользовались главнымъ образомъ польскими переводами западно-европейскихъ произведеній и написанными на польскомъ языкѣ сочиненіями южно-русскихъ авторовъ.

Въ какомъ отношеніи переводная дѣятельность Московской Руси XVII вѣка находится къ переводной дѣятельности начала XVIII вѣка, т. е. собственно петровской эпохи?

Въ другихъ областяхъ русской жизни Петръ произвелъ нѣчто похожее на реформу. Во всякомъ случаѣ въ этихъ областяхъ сближеніе Московской Руси съ западной Европой, до Петра шедшее впередъ тихимъ, хотя и вѣрнымъ шагомъ, — при Петрѣ двинулось быстрѣе, неровно, скачками, съ насиліемъ, среди ропота и протестовъ. Въ литературной же области все осталось по старому: тѣ же правительственные переводчики на первомъ мѣстѣ[1]), тотъ же правительственный выборъ книгъ для перевода, то же разнообразіе въ содержаніи и достоинствѣ переведенныхъ книгъ, тѣ же качества перевода (конечно, прибли-

1) Они продолжали существовать довольно долго послѣ Петра.

зительно). Существенная разница между до-петровской и петровской эпохой замѣтна лишь въ одномъ. До Петра переводы съ польскаго — обычное дѣло, многочисленны; при Петрѣ ихъ уже почти нѣтъ: увеличившееся знакомство съ латинскимъ и вообще съ западно-европейскими языками позволило намъ усилить переводъ прямо съ оригиналовъ, минуя польское посредство.

СПИСОКЪ

переводовъ и передѣлокъ съ бѣлорусскаго, польскаго и западно-европейскихъ языковъ, сдѣланныхъ въ Московской Руси въ XV—XVII вѣкахъ[1]).

I. КНИГИ И СТАТЬИ.

Географія Помпонія Мелы.

Начало пролога космографіи Понъпоніа Меле. Начинаю указывати, какъ земля стоить, дѣла смѣсная...

Писмо вселеннѣй Понъбоніа Мела. Книга прьвая начинаетъ.

Начало: Все убо то что ни есть, емуже вселенную и небо имя дахомъ, едино есть...

Намъ извѣстны два списка: Арх. Мин. Ин. Д. № 514—995, несомнѣнно XVI вѣка, приблизительно половины этого столѣтія (изъ него выписаны заглавіе и начальныя слова), и Чудова мон. № 347, XVII вѣка; въ обоихъ одна первая книга географіи. Языкъ — плохой церковно-славянскій, съ многочисленными великоруссизмами. Переводчикъ зналъ по-гречески, и собственныя имена передаются имъ нерѣдко не по латинскому, а по позднему греческому произношенію: араѳесь, ѳактри, ѳретаній-

1) Въ этотъ списокъ мы не помѣстили того, что уже болѣе или менѣе удовлетворительно изслѣдовано или описано учеными: гг. Владимировымъ, Змѣевымъ, Поливкою, Пташицкимъ, Пыпинымъ, Тихонравовымъ, и въ области изящной литературы и медицинскихъ сочиненій даемъ лишь очень немногое.

Точно также мы не включили переводовъ сочиненій южно-русскихъ ученыхъ.

скаго, Камѳискъ царь, *Кимонъ*, *Кизикъ*, Селев*кія*, *кимери*, *кири*неи, Асія, Виѳинія, *ѳ*ивеяне, *а*ѳинейскій, Мара*ѳ*осъ градъ, Орон*десъ*, Понъ*б*оній, *Зм*ирна; окончанія греческихъ словъ иногда греческія: Елеспонт*осъ*, Понт*осъ* Евксин*осъ*, Кикн*осъ*, Олимп*осъ*, Омир*осъ*. Рядомъ: Трац*иусъ* Босфор*усъ*, Химерик*усъ* Босфор*усъ*. Есть случаи передачи латинскаго *c* черезъ русское *c*: инди и сересъ и *сит*е (= скиѳы), *с*итскому акіану.

Хроника и Космографія Бѣльскаго.

1. Первый великорусскій переводъ (по списку 1670 года) начинается: Сказаніе извѣстно главамъ, яже суть въ *книзѣ* сей *царствеенной* (позднѣйшимъ почеркомъ приписано: Козмографіи, описанія всего свѣта), = оглавленіе.

Далѣе, безъ заглавія: Когда списывалися мудрецы въ лѣтѣхъ своихъ отъ сотворенія свѣта, покамѣста та книга писана...

Глава 1. Первый вѣкъ свѣта почнается отъ Адама до Ноева потопа по жидовскому письму лѣтъ 1656. По письму мудреца Езебіуша...

Пятая книга имѣетъ такое заглавіе: Книги пятые всего свѣта Козмографіи, сирѣчь размѣренія всеа земли.

Начало: Земля есть посреди округу небеснаго, что маковое зерно въ околу, сколь далече отъ неба до земли, тако около на всѣ стороны земли столько же, создано Божіимъ повелѣніемъ для того, чтобы...

Объ этомъ переводѣ говоритъ Андрей Поповъ въ своемъ «Обзорѣ хронографовъ», вып. II, стр. 87 слѣд. Мы имѣли въ рукахъ списки: Публ. Библ. F. IV. 162, 1670 года, съ пустыми мѣстами для рисунковъ; Синод. Библ. № 113, XVII в., съ вклеенными гравюрами (вырѣзанными изъ польскаго изданія); Румянц. Муз. № 2409, XVII в.[1]). Переводъ на великорусское нарѣчіе

---

1) Поповъ называетъ этотъ послѣдній списокъ, ему принадлежавшій, — «западно-русскаго письма», что невѣрно.

сдѣланъ въ Москвѣ съ западно-русскаго перевода, который былъ исполненъ по повелѣнію короля Сигизмунда Августа шляхтичемъ великаго княжества Литовскаго Амброжеемъ Брежевскимъ; это мы знаемъ изъ записи, сохраненной нѣсколькими списками[1]). Оригиналомъ бѣлорусскаго перевода послужило не первое (1550 г.) и не второе (1554 г.), а одно изъ слѣдующихъ изданій «Хроники свѣта» Бѣльскаго (по Попову, 1564 г.). Дата великорусскаго перевода, указываемая въ записи, — 1584 годъ; но мы имѣемъ упоминаніе (*А. А. Э.* I, 353) о переводѣ космографіи и польской лѣтописи (т. е. того же труда Бѣльскаго) раньше — при митрополитѣ Аѳанасіи (1565 — 1568). Быть можетъ, оно имѣетъ въ виду указываемый далѣе переводъ.

Языкъ великорусскаго текста богатъ полонизмами и бѣлоруссизмами, кое-гдѣ (въ разсказѣ о событіяхъ священной исторіи) съ аористами и имперфектами. Стоитъ отмѣтить, что въ пятой части (т. е. въ космографіи) латинское *c* передается иногда чрезъ *ч*: море счетикусъ (=scythicus), дочь Очиянова.

2. Изъ второго великорусскаго перевода до насъ дошла цѣликомъ лишь пятая книга, съ заглавіемъ:

Книга именуемая Козмографія, размѣреніе и расписаніе всеа земли противъ слопневъ и знаменъ въ кругахъ небесныхъ.

Оглавленіе.

Начало: Земля есть среди круговъ небесныхъ яко пунцыкъ въ церклевомъ колку и одностойной далекости отъ неба со всѣхъ странъ Божіею мочью устроено, чтобъ одна...

Между прочимъ: Раздѣлъ 4-й о полуночныхъ украинахъ Московской земли, а *по-польску* то раздѣлъ (5-й). Глава 36.

Однородныя ссылки на польскій оригиналъ въ заглавіи раздѣловъ 5-го, 6-го и 7-го.

Послѣдній раздѣлъ космографіи — 7-й, глава 39-я, о Лифляндской землѣ.

---

1) Приведена у *Попова*; см. также списки Архангельской Семинаріи и Антоніева Сійскаго монастыря; *Викторовъ*, Описи рукописныхъ собраній сѣверной Россіи, стр. 81, 84.

Послѣ него: Предисловіе, о турскихъ всѣхъ царствахъ. Глава 40-я.

Начало: Дѣлятся на два народы. Единъ народъ зовутъ Натолія, то есть Азія; вторый народъ — Романія, то есть Европа...

Далѣе: Описаніе моря. Глава 41-я.

О горахъ большихъ и рѣкахъ большихъ. Глава 42-я.

О выспахъ, альбо островахъ морскихъ. Глава 43-я.

О дивныхъ народѣхъ людехъ. Глава 44-я.

О королѣ великомъ во Африцѣ. Глава 45-я.

Мы знаемъ этотъ текстъ въ рукописи Публ. Библ. F. IV. 158, к. XVII — нач. XVIII вѣка.

Переводъ его сдѣланъ прямо съ польскаго, очень близко къ оригиналу.

Языкъ — русскій, со множествомъ полонизмовъ.

Повидимому, изъ этого перевода извлеченія взяты въ Хронографъ 2-й редакціи и слѣд. (см. у *Попова*, «Обзоръ», вып. II, стр. 96, сопоставленіе извлеченій въ Хронографѣ и выписокъ изъ перваго перевода; см. также *Шахматовъ*, Къ вопросу о происхожденіи Хронографа, стр. 18).

3) Считаемъ не лишнимъ упомянуть, что есть два списка западно-русскаго перевода[1]) сочиненія Бѣльскаго, одинъ Публ. Б. F. IV. 688, XVII в., другой Музея кн. Чарторыскаго въ Краковѣ, № 1273, XVI вѣка. Сдѣланный лицомъ, знавшимъ по-гречески (ара*в*ъ = арабъ, си*в*иля, *В*енедихтъ, *к*есарь, *К*елестинъ и т. п.), онъ значительно отличается отъ перваго великорусскаго перевода. Сравни:

Муз. Чартор.	Публ. Б. 1670 г.:
Третѣи книгы Кроникы свѣта Іоанна Шлеидана о постановлѣнію церкви христіаньскои и рѣчи посполитое. Роздѣлѣніе первое.	Книги третьиеи Кроники свѣта о раздвоеніи вѣры римской для Мартыновой вѣры Лютора въ Нѣмецкой землѣ, въ Француской, въ Аглинской,

1) Въ текстѣ множество малоруссизмовъ.

Левъ папѣжъ 10 римьскыи з дому княжатъ Медыценскыхъ з Флоренцыи...	въ Угорской и въ Итальянской короткими словесы написалъ Янъ Шлейданъ. Дѣялося лѣта отъ нароженія Божія 1517-го. Раздѣленіе первое. Леонъ папа римскій, десятый тѣмъ именемъ, родомъ съ Флоренціи города...

Можетъ быть, отрывокъ изъ этого перевода (о Магометѣ) находится въ западно-русскомъ сборникѣ 1580 г., приведенный Андреемъ Поповымъ въ *Чтеніяхъ* 1879 г., кн. 1, стр. X; срв. его же «Обзоръ», вып. II, стр. 107.

Космографія Ботера.

1. Театрумъ свѣта всего, на которомъ Европа, Азія, Африка и Америка, таможде народовъ, краевъ, мѣстъ нѣцыи нравы, богатства и иныя признаки выставленныя, по-влоску прежде *Яномъ Ботеромъ* Бенесусомъ описанныя, а послѣ съ влоскаго на польскій языкъ... велебнымъ отцемъ Лентиціушемъ законникомъ отцовъ Бернардыновъ вѣрне вытолковано. А нынѣ сызнова на свѣтъ въ Краковѣ, въ друкарни дѣдичовъ Станислава Ленчевскаго Берстутовича, повторено, року Господня 1659.

Слѣдуетъ посвященіе Собескому, предмова къ читателю и Оглавленіе вещей, яже въ книгѣ сей».

Начало описанія Европы: Европа. Посмотря на еѣ величіе, меньши иныхъ частей свѣта новаго. Въ длину идетъ отъ конца Португаліи...

Намъ извѣстны списки: Румянц. Муз. № 2423, XVII в. (изъ него взято заглавіе), № 20, XVIII в. (изъ него взято начало описанія Европы), Унд. № 1112, XVIII в. Первый изъ нихъ имѣетъ столь значительныя отличія въ текстѣ отъ двухъ остальныхъ, что можно подозрѣвать въ нихъ два разные перевода. Въ

Рум. № 20 (а также Увар. № 1737), въ концѣ посвященія Собескому, находится слѣд.: «Писано на Москвѣ въ лѣто 7189, а отъ Христа 1681 году»; это, безъ сомнѣнія, дата перевода.

Польскій оригиналъ по первому изданію носитъ заглавіе: Relacye powszechne abo Nowiny pospolite, *Jana Botera* Benesiusa. Krakow, 1609.

Языкъ перевода — русскій, съ огромнымъ количествомъ полонизмовъ и бѣлоруссизмовъ (Рум. № 20: *у* битве = w bitwie и т. п.). Дошедшіе тексты сильно искажены[1]).

2. Изъ книги кроники польской *Яна Ботера* переписано вкратцѣ съ польскаго діалекта на словенское реченіе о Люторѣ Мартинѣ и о Янѣ Калвинѣ на изъявленіе ереси ихъ, иже печатана въ Краковѣ градѣ въ лѣто 7121-го года отъ міротворенія, а въ 1613-мъ годѣ отъ Христова рожденія; въ части 4, во книгахъ 1-хъ описуетъ о вѣрахъ и законѣхъ, яже обрѣтаются во Европѣ. Впервыхъ же описуетъ, како началася быть въ римскомъ законѣ люторская ересь, и о семъ для увѣдѣнія переписано по-словенски въ Бѣлѣградѣ трудами К. М. К. въ лѣто 7199-го году отъ міротворенія, а въ 1691-мъ годѣ отъ Христова рожденія, имѣя начало сице.

Единственный списокъ — Румянц. Муз. № 608 [2]). Переводчикъ *князь Кропоткинъ* не особенно заботился о точности и его текстъ заслуживаетъ названія скорѣе пересказа, чѣмъ перевода. Весь его трудъ умѣщается на семи съ половиною листахъ въ 4°. За извлеченіемъ изъ Ботера слѣдуетъ извлеченіе изъ Гваньина (о Лютерѣ, одна страница).

Языкъ — русскій, не особенно чистый.

---

1) Срв. *Пекарскій*, Наука и литература при Петрѣ В., I, 338.

2) Объ этомъ спискѣ и переводчикѣ см. *Викторовъ*, Каталогъ славяно-русскихъ рукописей Д. В. Пискарева, № 173, и *Покровскій*, Борьба съ протестантскими идеями въ Петровское время и князь Михаилъ Кропоткинъ («Русск. Вѣстн.», томъ CI).

Космографія Ортеліуса.

Космографія, сирѣчь всемірное описанье земель во едино пребыванье и назнаменованье степенемъ въ округахъ небесныхъ.

Начало введенія: Земля есть посредѣ округовъ небесныхъ яко точка во окружальномъ колеси...

Начало Космографіи: Орбисъ террарумъ, еже речется весь свѣтъ и земля. Въ чемъ описаніи указуетъ...

Намъ извѣстны списки (всѣ безъ чертежей, на которые часто ссылается текстъ): Румянц. Муз. №№ 456, 2446, Унд. № 705, Чуд. монаст. № 347, Моск. Общ. ист. и др. № 207, XVII вѣка. Андрей Поповъ издалъ эту Космографію въ «Изборникѣ славянскихъ и русскихъ сочиненій, внесенныхъ въ хронографы», стр. 476. Переводъ сдѣланъ не съ латинскаго оригинала (*Ortelius*, Theatrum orbis terrarum, 1-ое изд. Antwerp. 1571), а съ польскаго перевода, который имѣлъ введеніе, отсутствующее въ латинскомъ текстѣ и частію взятое изъ хроники М. Бѣльскаго. Сравни:

Ортеліусъ:	Бѣльскій въ великор. перев.
Земля есть посредѣ округовъ небесныхъ яко точка во окружальномъ колеси въ равномъ разстояніи отъ небеси до земли...	Земля есть посреди округу небеснаго, что маковое зерно во колу, сколь далече отъ неба до земли... (Списокъ 1670 г.).

На то же указываютъ польскія географическія названія: *Саская* земля, *Сляская* земля (= Силезія), *Ракуская* земля (= Австрія). Но польскіе библіографы до сихъ поръ не указали печатнаго изданія Космографіи Ортеліуса на польскомъ языкѣ.

Всѣ списки, въ главѣ объ Азіи, имѣютъ фразу: «до державы великаго государя царя и великаго князя Василія Ивановича всея Русіи, его великаго государства». Кое-гдѣ указывается на Москву: «камень копаютъ, который на Москвѣ нарицаютъ аспидомъ».

Языкъ — русскій, съ небольшимъ числомъ полонизмовъ. Собственныя имена, а мѣстами и самый текстъ, въ спискахъ порядочно искажены.

Заглавіе и введеніе въ спискахъ иногда отсутствуютъ и текстъ начинается прямо: Орбисъ террарумъ и т. д. [1]).

Космографія Г. Меркатора.

Книга глаголемая Космографія, сирѣчь всего свѣта описаніе.

Начало введенія: Всякому убо человѣку свойственно есть отъ Бога дарованнымъ ему разумомъ... (Все введеніе издано Поповымъ въ «Обзорѣ», вып. II, стр. 190 слѣд.).

Начало описанія Европы: Европа меньши всѣхъ частей сего свѣта по нашей смѣтѣ...

Начало описанія Африки: Африку Птоломей и Діонисій и Плиніушъ мудрецы...

Начало описанія Азіи: Азія убо имя свое взяла отъ нимфы...

Начало описанія Америки: Четвертая часть сего свѣта земель въ древнія времена...

Всего 230 главъ.

Намъ извѣстны списки: Публ. Библ. Погод. № 1693 (изъ него взяты нами заглавіе и проч.), Q. IV. 270, F. IV. 137, XVII в., F. IV. 118, нач. XVIII в., Рум. Муз. Унд. № 703, XVII в., М. Арх. М. Ин. Д. 734 — 1256, к. XVII в., Нов. Іерусал. № 159, съ вкладною патр. Никона 1661 г. Послѣдній списокъ, великолѣпная рукопись, на лл. 202 и 366 имѣетъ пустыя страницы съ надписями: «доска сложенная Герардомъ Меркаторомъ» [2]). Оригиналъ — *Ger. Merkator*, Atlas sive Cosmograficae meditationes de fabrica mundi et fabricati figura (1-oe

---

1) Срв. *Сергѣй Строевъ*, Описаніе памятниковъ славяно-русской литературы въ библіотекахъ Германіи и Франціи, стр. 101 сл. (о рукописи Мюнхенской Библ. XVII в.).

2) Кромѣ полной Космографіи, нерѣдко встрѣчаются сокращенія ея. Одно такое сокращеніе въ спискѣ Пуб. Библ. Q. XVII. 28.

полное изданіе — Амстердамъ, 1606; 5-ое изданіе — Амстердамъ, 1623).

Митр. Евгеній въ своемъ «Словарѣ русскихъ свѣтскихъ писателей» сообщаетъ, что «Лыковъ Богданъ, переводчикъ Посольскаго приказа,.. въ 1637 году съ товарищемъ Иваномъ Дорномъ перевелъ съ латинскаго языка славную въ XVI вѣкѣ Космографію Герарда Меркатора». Въ главѣ о Московіи читается слѣдующее: «Московскій государь въ титлахъ своихъ пишется тако: Великій государь Василій, Божіею милостію царь самодержецъ всея Россіи, великій князь Владимирскій, Московскій»... То же въ латинскомъ оригиналѣ Космографіи.

Языкъ—русскій (лишь изрѣдка формы аориста, имперфекта и т. п.), съ рѣдкими полонизмами и бѣлоруссизмами: *бажантъ* (= фазанъ), *кляшторъ* сирѣчь монастырь, *мѣсто* (= городъ), Брытанія. Латинское g часто передается черезъ *кг*: Васко Де*кгама*, Кареа*кго*, *кг*радъ (= градусъ)[1].

Большой Атласъ Блеу.

Позорище всея вселенныя, или Атласъ новый, въ немъже начертанія и описанія всѣхъ странъ издана суть.

1. Въвожденіе въ космографію и ея части.

Глава 1. О разнствѣ между космографіею, географіею и хорографіею.

Начало: Свѣтъ, имъже все то есть, еже очесы зримо есть...

Намъ извѣстны списки: Синод. Библ. № 19, XVII в.[2]), со

---

1) Срв. *Пекарскій*, I, 334 слѣд.; предисловіе къ изданію Космографіи 1670 г. Общ. Др. Письм., стр. 7 слѣд. — *И. А. Шляпкинъ* (Димитрій Ростовскій, стр. 81) говоритъ о двухъ переводахъ Космографіи Меркатора; мы знаемъ только одинъ.

Объ Иванѣ Дорнѣ, между прочимъ, см. *Цвѣтаевъ*, Протестанство и протестанты, стр. 414.

2) Снимокъ съ одной изъ страницъ (автографъ Епифанія Славинецкаго)— въ изданіи Археологическаго Института: «Палеографическіе снимки съ русскихъ рукописей XII — XVII вѣковъ», табл. XLV.

вкладной патр. Никона 1661 г. (изъ него взяты заглавіе и проч.), М. Арх. М. Ин. Д. № 734—1256, к. XVII в., Публ. Библ. Q. XVII. 31 и Q. XVII. 6, конца XVII в., С.-Петерб. Дух. Акад. Соф. № 1510[1]).

Въ серединѣ «введенія въ космографію» находятся вопросы и отвѣты, ему несомнѣнно не принадлежащіе: Вопросъ 1. Быша ли островы прежде потопа... Вопросъ 2. Коимъ образомъ по потопѣ звѣріе на островы...

Языкъ — ученый церковно-славянскій. Переводчикъ былъ знатокомъ греческаго языка: *к*ентръ, гипер*ѳ*орейскій и т. под.

На поляхъ варіанты къ словамъ и выраженіямъ текста.

Всѣ названные списки, кромѣ Син. № 19, имѣютъ рисунки и чертежи.

2. Еѵропа.

Начало: Въ ветсѣмъ крузѣ паче Асіи и Афріки многими имены изяществуетъ Еѵропа, юже Плиній...

Описываются: Исландія, Норвегія, Данія, Швеція, Московія, Литва, Польша, Австрія, Германія; послѣдняя рубрика: Дрентій комитство и Вестерволдій господство.

Намъ извѣстны списки Синод. Библ. №№ 19 и 779 (въ № 779 на 1-мъ чистомъ листѣ: «преводъ Епифаніевъ»); главы о Московіи (лл. 45 — 56) и о Россіи (л. 97) въ № 779 писаны тѣмъ же почеркомъ, которымъ писанъ № 19. Послѣдній по отношенію къ № 779 — чистовой[2]).

Языкъ — ученый церковно-славянскій. Переводчикъ пишетъ: А*г*лia, *В*елгiа (= Бельгія), *В*осніа, Си*к*илійское, Све*к*іа. Встрѣчаются полонизмы.

3. Галліа.

Начало: Яко единъ народъ келтянъ именемъ во всю древле Іспанію и Галлію и Германію...

---

1) Заглавіе въ послѣднихъ спискахъ: Зерцало всея вселенныя, или Атласъ...

2) Повидимому, тотъ же текстъ, что въ Син. № 779, находится въ спискѣ Нижегородскаго Благовѣщенскаго монастыря. *Викторовъ*, стр. 827.

Описаніе Франціи (очень подробное), Испаніи, Португаліи, Азіи, Африки, Америки.

Намъ извѣстны списки Синод. Библ. №№ 112 и 781 (второй начинается съ конца описанія Франціи и относится къ первому какъ чистовой къ черновому). № 112 имѣетъ вкладную патр. Никона 1661 г. Одинъ почеркъ этого № (съ листа 71) — тотъ же, что въ Син. № 19. — № 781, кажется, автографъ Арсенія Сатановскаго.

Языкъ — ученый церковно-славянскій. Отмѣтимъ: Франіа, *В*ретанскія островы, *В*елловакяне, *В*олоніа. Французскія названія переписаны буквально русскими буквами: Ле Духе де Валоисъ (= Le Duché de Valois), Лорраине (= Lorraine), Кампагне (= Campagne) и т. п. Полонизмы.

4. Описаніе Италіи (подробное), Греціи (подробное), Шотландіи и Ирландіи (краткое).

Намъ извѣстенъ одинъ списокъ Синод. Библ. № 780, черновой, на первомъ листѣ котораго надпись: «преводъ Исаіи товарища Епифаніева». Языкъ — ученый церковно-славянскій, съ полонизмами и южноруссизмами [1]).

5. Описаніе Англіи (подробное).

Начало: Іоаннъ Влаевъ (= Blaew) четцу радоватися. Се тебѣ, благожелательный четче, четвертую Атланта нашего часть, уже отъ многихъ лѣтъ обѣщанную. Содержитъ Англию... описания Гвиелма Камвдина, мужа старовѣчности вританской изобилно обученнаго... Дата: во Амстелодамѣ... 1645.

Единственный списокъ — Синод. Библ. № 41, со вкладной патр. Никона 1661 г., судя по всему, автографъ переводчика. Почеркъ тотъ же, что въ Синод. № 780, изъ чего можно заключить, что переводъ сдѣланъ Исаіею. Языкъ — ученый церковно-славянскій, съ полонизмами и южно-руссизмами. Отмѣтимъ: Гре*к*іа, Ал*ѳ*ионъ, *В*елгіа, Анни*ѳ*алъ; Буцкинггамсхире, Камбридгесгире.

---

1) Списокъ Баузе № 292, 1673 — 1674 гг., вѣроятно, не что иное, какъ эта часть Атласа Блеу.

Всѣ описанные выше тексты представляютъ собою переводъ четырехъ первыхъ томовъ огромнаго изданія (съ массой картъ), выходившаго одновременно на латинскомъ, голландскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Заглавіе 1-го тома латинскаго изданія: Theatrum orbis terrarum sive Atlas novus, in quo tabulae et descriptiones omnium regionum. Editae a Guiljelmo et Ioanne Blaeu. Amsterdami. Apud Iohannem Guljelmi F. Blaeu. Anno 1643. Первый томъ (въ двухъ частяхъ) заключаетъ въ себѣ введеніе въ космографію и описаніе сѣверной и центральной Европы; второй (тоже въ двухъ частяхъ)—описаніе Франціи (часть 1-ая), Испаніи, Португаліи, Азіи, Африки, Америки; третій—описаніе Италіи и Греціи, съ картами Англіи, Шотландіи и Ирландіи; въ четвертомъ помѣщено описаніе Англіи Камбдена (Cambdenus).

О переводѣ этого Атласа какъ о своемъ упоминаетъ въ «Оглавленіи книгъ» Епифаній Славинецкій: «(преложи) часть Еѵропу, отъ латінскія, изданныя въ..., и часть Асію, отъ тоя же» [1]).

Географія де-Линды.

Луки Делинда Описаніе свѣта и всѣхъ въ немъ государствъ. Напечатася въ Амстеродамѣ, въ типографіи Іакова Дезеттера, году 1668. Преведеся съ латынскаго на россійскій діалектъ.

Исторія всѣхъ государствъ, господствъ, владѣтельствъ...

Указатель.

Книга содержитъ въ себѣ описаніе географическое Европы, Азіи, Африки, Америки.

1. Описаніе и раздѣленіе географическое Гишпаніи съ приложеніемъ нѣкіихъ свойствъ нѣкоторыхъ мѣстъ.

Начало: Гишпанія прежде называлася Иверіа, отъ Иверы

---

1) Срв. *Пекарскій*, I, 337, примѣч. — Повидимому, объ Атласѣ Блеу говорится въ описи домовой казны Никона 1659 года (*Временникъ*, кн. XV, стр. 107). Онъ былъ также у графа А. А. Матвѣева (6 книгъ).

рѣки, потомъ Есперія, отъ Есперона звѣзды свѣтлыя; таже наречеся Гиспалія отъ града Гиспали...

Двѣнадцать книгъ, изъ которыхъ 2-я даетъ краткія характеристики странъ, а 3-я и слѣд. говорятъ о нравахъ и обычаяхъ (6-я между прочимъ о папѣ, его власти и правахъ, съ историческими данными).

Единственный списокъ этого огромнаго и для своего времени не дурнаго труда — Публ. Библ. F. IV. 27, нач. XVIII в. Оригиналъ — *Luca de Linda*, Descriptio orbis et omnium rerum publicarum. Amstelodami. Apud Iacobum de Zetter, anno 1665 [1]).

Переводъ сдѣланъ, судя по языку, нѣсколькими переводчиками.

Космографія въ 76 главъ.

Многочисленные списки этой Космографіи или 1) имѣютъ передъ текстомъ Космографіи предисловіе (начало: Искони зиждитель Богъ) и краткій очеркъ четырехъ странъ свѣта и послѣ текста «Слово свершительное» (начало: Кто хитроумная словесемъ) несомнѣнно русскаго происхожденія [2]), или 2) не имѣютъ. Списки перваго рода обычны; одинъ изъ нихъ описанъ Епифаніемъ Славинецкимъ въ его «Оглавленіи книгъ»; списокъ второго рода мы знаемъ лишь одинъ — Публ. Библ. Q. IV. 270, второй половины XVII в.

Онъ начинается оглавленіемъ, за которымъ слѣдуетъ небольшое «Предисловіе». Начало: Аще ли Цесарская держава большая часть поворочена въ нѣмецкое владѣніе, а то Нѣмецкое государство...

Текстъ Космографіи по списку 1670 года Синод. Библ. из-

---

1) Оригиналъ имѣетъ два описанія Польши. Второе изъ нихъ «Poloniae accuratior descriptio secundum Simon Starovolscium», въ нашемъ переводѣ отсутствуетъ.

2) Изданы во *Временникѣ* (Моск. Общ. ист. и др., кн. XVI (въ обычномъ видѣ), и въ «Изборникѣ» Попова, стр. 508 (со вставками и измѣненіями). О нихъ: *Поповъ*, «Обзоръ», вып. II, стр. 216; предисловіе къ изданію Космографіи по списку 1670 г. Общ. Др. Письм.

данъ Обществомъ Древней Письменности, съ обширнымъ предисловіемъ, гдѣ говорится объ отношеніи ея къ Космографіи Меркатора и къ Хроникѣ Бѣльскаго и гдѣ предлагается выводъ, что она — русская компиляція изъ двухъ названныхъ сочиненій.

Мы считаемъ Космографію въ 76 главъ переводомъ неизвѣстной намъ компиляціи нѣмецкаго происхожденія, на латинскомъ или нѣмецкомъ языкѣ, составленной или изданной въ 1611 г. (императоръ Рудольфъ «и до днесь... государствуетъ. 1611»). Что передъ нами переводъ, а не составленная въ Россіи компиляція, на это указываетъ и частая постановка сказуемаго въ концѣ предложенія, и постоянный счетъ годовъ отъ Р. Хр.

Языкъ русскій чистый, съ полонизмами лишь въ географическихъ названіяхъ: *Шленская* земля, князь *саскій*, *Венгерское*, сирѣчь Угорское королевство[1]).

Предисловіе къ голландскому атласу «Водный міръ».

А. Переводъ съ книги имянуемой Водный міръ, сіирѣчь кратное (sic) описаніе о обрѣтеніи перваго морскаго корабельнаго ходу и новыхъ незнаемыхъ земель, такъ описаніе о всѣхъ государствахъ.

Кратное (sic) сказаніе о началѣ и дѣйствѣ корабельнаго хожденія, даже и до сихъ времянъ.

Начало: Понеже убо всемогущему и премудрѣйшему Богу изволившу се вся, яже человѣческимъ разумомъ...

Послѣднія событія — открытія Дависа и Гудзона и прибытіе голландцевъ къ устью Оби.

Намъ извѣстны два списка к. XVII в. — нач. XVIII в. Публ. Б. F. XVII. 21 (лл. 795—802) и библ. Моск. Арх. Мин. Ин.

1) Едва ли не объ этой Космографіи упоминается въ описи книгъ царевича Алексѣя Михайловича: «Космографія въ листъ. Челомъ ударилъ думный дьякъ Михайло Даниловъ». Во всякомъ случаѣ нельзя сомнѣваться, что переводъ ея сдѣланъ до половины XVII вѣка.

Д. № 48—68; пользуемся первымъ. Переводчикъ, переводившій на русскій языкъ (съ аористами и т. п.), зналъ по-гречески: ухитиша *Мидию* = Медею, ѳеотиры, Минусъ аѳиновъ одолѣ, и т. п.[1]).

Б. 1. Краткое изъявленіе о крузѣ земномъ и раздѣленіе всѣхъ частей его, и которыя государства въ каждой части обрѣтаются и каждаго государства предѣлы, величина, съ которыми смежны, и сила, богатства, доходы, и прочая.

Начало: Превѣчный и всемогущій Богъ въ началѣ премудростію своею непостижимою сотворилъ есть изъ ничесоже вся...

Намъ извѣстны списки: Новоросс. Унив. № 136, нач. XVIII в. (изъ него приведено заглавіе), Публ. Библ. Погод. №№ 1697, 1698. Между прочимъ, слѣд. подробность, л. 23: (Венгрія) *въ нынпшнихъ же лѣтѣхъ* мало не все то королевство паки въ державѣ Цесарской привелося. Столичный градъ есть Будінъ, *нынѣ* (1683 г.) отъ цесаря (Леопольда I) взятъ есть...

Кое-гдѣ русскія прибавленія: (л. 31 об.) татары, мунгалы, калмыки, киргизы и прочыя, отъ нихъже кождая орда имѣетъ своего князя, или мурзу, или тайшу...

Языкъ и орѳографія (особенно въ началѣ списка) — ученые церковно-славянскіе: Асія, горы Пѵрінейскія, Еѵропа и т. п. Есть полонизмы.

2. Краткое описаніе объявленіе образѣ (sic) и свойства земнаго.

Начало: Богъ вѣчный и всемогущій изъ начала своею премудростію неизреченною весь миръ ни изъ чегоже сотворилъ...

Намъ извѣстны списки: Публ. Библ. F. XVII. 21 (л. 802 об.) и Моск. Арх. Мин. Ин. Д. № 220—381 (л. 95), к. XVII в.—

1) Упоминаніе о *Водномъ мірѣ*—въ «Таблицѣ разстояній разныхъ городовъ отъ Москвы», *Виніуса*, 1667 г. («по размѣру книги именуемыя *Водный міръ*»). Кромѣ этого атласа, у насъ часто пользовались атласомъ *Де-Витта*. Экземпляръ послѣдняго, съ русскимъ текстомъ на оборотѣ картъ, — въ библіотекѣ Общества Др. Письм.; другой экземпляръ (Памятники древней письм., № CXXXV, стр. 19) былъ въ рукахъ Никиты Зотова.

нач. XVIII в. Оригиналъ тотъ же. Языкъ церковно-славянскій [1]).

Оригиналъ — предисловіе къ голландскому атласу, экземпляръ котораго (библ. Юрьевскаго Университета), въ изданіи 1693 года, носитъ заглавіе: De Zee-Atlas, ofte Water-Wereld, waer in vertoont werden alle de zee-kusten van het bekende des aerd-bodems. Seer dienstigh voor alle herren en kooplieden, als oock booz alle schippers en stuurlieden. Amsterdam, 1693 (посвященіе датировано 1666 годомъ).

Второе заглавіе атласа таково: Kort verhael van't begin en de voortgangh der scheep-vaert, tot aen dese tijdt. Затѣмъ краткое введеніе. Начало: Het heeft de almachtige en alwijse Godt belieft...

Далѣе новое заглавіе: Korte verklaringh der afdeelingh, gestaltenis en eygenschappen des Aerdtbodems. Начало: Godt de eeuwige en almachtige heeft, in't begin door sijne wijsheydt, de geheele werelt uyt niet geschapen...

(1-ая) Математическая географія.

Географіи книга 1. О глобуса и маппъ употребленіи.

Глава 1. О аффекціяхъ или свойство глобуса земнаго. Начало: Виды глобуса земнаго суть четыре...

Глава 2. О циркуляхъ и о полюсахъ.

Единственный списокъ, повидимому, безъ конца, — Румянц. Муз. № 1557, нач. XVIII в., лл. 106 — 127. Упоминаются Стетинъ (нѣсколько разъ), Торунь, Ботнія, Абовъ, Москва, Казань. Оригиналъ намъ неизвѣстенъ.

Переводъ, можетъ быть, — начала XVIII в.

Языкъ — церковно-славянскій.

---

1) Эта же статья въ первомъ переводѣ напечатана въ 1710 году. *Пекарскій*, II, 239.

(2-ая) Математическая географія.

I. О заживанію глоба террестра или земнаго.

Какъ сыскать высокость поля всякаго мѣста по глобусѣ. Начало: Когда нашелъ мѣсто на глобѣ, котораго ищу высокость поля...

Конецъ кроткому заживанію о глобѣ (послѣднія слова зачеркнуты; написано: описанія о заживанію глобуса) діографичнаго или земнаго или террестре.

На л. 16. О заживанію сверы армилярной и глобуса небеснаго. Начало: Глобусъ небесный опричь цыркуля, часовъ и части цыркуля вертыкальнаго...

Конецъ краткому заживанію (это слово зачеркнуто; написано: описанію) глобуса небеснаго.

На л. 71. Таблица климовъ.

Здѣсь, между городами, упомянуты Подолія и Московія.

На л. 55 упоминается о «нынѣшнемъ» 1698 годѣ.

II. Краткое описаніе о сверѣ армилярной, то есть. Начало: Слово свера походитъ отъ языка грецкаго и значитъ вещь круглую. А свера не что иное есть, токмо вещь утвержденная и круглая, которая имѣетъ со всѣхъ странъ одинъ верхъ, а въ срединѣ имѣетъ одинъ пунктъ, который называется центромъ. Отъ того центра...

Первый отдѣлъ озаглавленъ: О частяхъ сверы армилярной.

На стр. 31: Конецъ описанія краткаго о глобусѣ земномъ.

Далѣе: О употребленіи сей таблицы. Начало: Сія таблица служитъ для премѣненія градусовъ...

На стр. 34. О глобусѣ небесномъ. Начало: Глобусъ небесный есть вещь круглая...

Въ статьѣ: Какъ находить день луны (начало: Треба найтить золотую личбу...), говорится о «нынѣшнемъ» 1698 годѣ.

Два эти куска, конца XVII в., по большей части одного почерка, съ чертежами, одинъ (второй) совсѣмъ черновой, разбитый,

другой переписанный и потомъ исправленный, въ М. Арх. Мин. Ин. Д. №№ 215—375, 216—376. Оригиналъ намъ неизвѣстенъ.

Описаніе Палестины, Анзельма Краковскаго.

Хорографіа или топографіа, сі есть особное и извѣстное описаніе земли Святыя и отъ преписанія людей извѣстныхъ съ оноя, тамо сущихъ мѣстъ вѣдомыхъ, отъ латинскаго же и польскаго языка на славенскій преложено.

Небо, не смыслъ премѣняютъ,

Иже чрезъ море преплаваютъ.

Хорографіа или топографіа, сирѣчь особное и извѣстное описаніе земли Святыя.

Начало: Да всякій возмоглъ бы удобнѣе узрѣти и познати расположеніе мѣстъ...

Намъ извѣстны списки: Публ. Библ. Q. XVII. 147, XVII в. (изъ него взято заглавіе и проч.), Рум. Муз. Унд. № 1309, XVII в., Синод. № 745, XVII в. Латинскій текстъ изданъ въ первый разъ въ Краковѣ въ 1512 г. Польскій переводъ, послужившій оригиналомъ для нашего текста, носитъ заглавіе: Chorographia albo topographia, to jest osobliwe a okolne opisanie ziemie Świętej z wypisania onej ludzi pewnych, tam bywałych. Teraz niedawno z łacińskiego języka na polski przetłumaczona przez Andrzeia Rymszę Litwina... W Wilnie, 1595.

Языкъ — ученый церковно-славянскій, съ бѣлоруссизмами.

Описаніе Персіи, Сансона.

Описаніе нынѣшняго персицкаго двороваго разводу и владѣния, како то обстоитъ въ духовномъ и свѣтскомъ чину отъ вышняго до нижняго чиновъ. Отъ французскаго славнаго месіонара господина *Сансона.* Тамо живучи въ десять лѣтъ осматривалъ и описалъ.

Такожде притягаетъ приказное обыкновеніе и писанію

устройство: купчія, женидбенныя крѣпости, описаніе свадьбѣ, праздниковъ и погребенія, и описаніе духовныхъ.

Начало: Нынѣшнее обстояніе царства Персицкаго. Начало отъ писца, о чемъ онъ во всей книгѣ хочетъ писати. Мое начальнѣйшее зрѣніе есть то, что устройства...

Мы пользуемся двумя списками: Публ. Библ. F. IV. 115 и Акад. Наукъ 34. 3. 1 (послѣ путешествія Олеарія), конца XVII в. Оригиналъ — нѣмецкій переводъ (печатнаго экземпляра котораго мы не имѣли въ рукахъ) книги: Voyage ou Relation de l'état présent du royaume de Perse. Par M-r *Sanson*. Paris, 1695. Этотъ переводъ былъ дополненъ статьею, озаглавленною въ русскомъ переводѣ: Персицкое писмяное и рѣчевное обыкновеніе, которое они въ грамоткахъ своихъ и описяхъ потребляютъ (въ сп. Публ. Б. тетрадь 104-я). Здѣсь о свадебныхъ, похоронныхъ и др. обычаяхъ; о религіи; тексты молитвъ и образцы документовъ. Въ одномъ мѣстѣ такая фраза: Изъ арапскаго въ *нѣмецкое* переведено тако...

Языкъ — русскій простой; переводъ плохой и буквальный[1]).

Описаніе Алжира.

Царства Алгерійскаго краткое описаніе отъ различныхъ авторовъ собранное.

Начало: Царство Алгерійское къ востоку отъ границъ царства Тунетанскаго...

Единственный списокъ — Публ. Библ. F. IV. 93, конца XVII в.; онъ — какъ-будто отрывокъ большой рукописи. Оригиналъ — одна изъ статей сборника: Turcici imperii status. Accedit de regno Algeriano atque Tunetano commentarius. Lugd. Batav. 1634.

Языкъ русскій[2]).

---

1) Въ описи книгъ Заиконоспасскаго монастыря 1688 года: «Описаніе Персидскаго царства».

2) Срв. *Пекарскій*, I, 338.

Сборникъ путешествій въ Индію.

Индіи восточной часть семая, плаванія двѣ содержащая.

Первое чрезъ трилѣтное время отъ Георгія Спилбергія трохъ кораблей начальника року 1601 отъ Селяндіи въ Индію восточную пріятое.

Второе чрезъ девятолѣтное время отъ Каспара Бальби Бисернаго венеціянина року 1575 съ Алѣепы ку Вавилону, а оттуда еще даже ку царству именуемому Пегу навершенное.

Всѣхъ дѣяній, яже оному въ правду ку року 1604, сему убо даже до року 1588 прилучилися воспоминаніемъ, царей такожде, мѣсцъ, народу, разлѣчнихъ вѣръ и обычаевъ описаніемъ придана.

Составителемъ *М. Готардомъ Артхусомъ* гданщаниномъ вся изящнѣйшими на мѣдѣ изображенними иконами объясненна и свѣту преданна. Въ Франкофурту..., року 1606.

Посвященіе. Начало: Ни единому доселѣ, найпревелебнѣйшій...

Начало текста: Изъ начала мѣсяца мая, сі есть дня 5 року 1601, нѣціи зъ голяндовъ трома кораблями...

Далѣе: Индіи восточной части девятая, десятая, одиннадцатая и двѣнадцатая. Заглавіе послѣдней таково:

Исторіи въсточной Индіи томъ дванадесятый на три книги или писанія раздѣленній, зъ нихъже первая описанія съдержитъ краевъ и царствъ, княженій, острововъ, мѣстъ, городовъ, купецкихъ складовъ, горъ и рѣкъ всея тоя земли, яже народно восточной Индіи именемъ нарицается...

І. Людовѣкъ Готофридусъ зъ англской и белгской на латинскую мову преведе... Въ Франкофуртѣ.., року 1628.

Посвященіе. Начало: Старѣнною почестію рода...

Тома дванадесятаго Исторіи восточной Индіи и ближнихъ странъ гл. 1.

Начало: Сума. Кіи народи сътворше висланія корабленная...

Мы знаемъ два списка (огромные томы) — Публ. Библ. F. IV. 116 и F. IV. 124, изъ которыхъ первый, безъ конца, по-

хожъ на бѣловой, а второй на черновой. Этотъ послѣдній не вполнѣ совпадаетъ съ первымъ (впрочемъ сравненіе ихъ очень трудно сдѣлать, такъ какъ въ F. IV. 124 перемѣшаны при переплетѣ тетради). Оставлены въ обоихъ спискахъ мѣста для рисунковъ. Оригинала двѣ части мы имѣли въ рукахъ: Indiae orientalis pars tertia... Francofurti, 1601, и Indiae orientalis pars septima... auctore *M. Gotthardo Arthus* dantiscano. Francof. 1606.

Почерки въ обоихъ спискахъ южно-русскіе, повидимому, принадлежащіе переводчикамъ. Языкъ — то церковно-славянскій съ южно-руссизмами, то бѣлорусскій съ церковно-славянизмами[1]).

Въ спискѣ F. IV 124 (лл. 101 об. — 111), среди текста Индіи восточной, находится писанная однимъ изъ почерковъ этого послѣдняго слѣдующая статья:

Описаніе Шпицбергена.

Историчное Описаніе края Спитзберга, его первое изданіе, положеніе, натуру, звѣріе и прочая по ряду сказующое. Приложенное смутному восклоненію навожденіе, яже наши риболовци, тако бискайскіи, яко и голяндстіи мимошедшаго року 7023 (= 1615) отъ англовъ претерпѣша...

Начало: Край болѣе ко полунощи восклоняющійся, понеже отъ древнихъ давно познася, нареченъ есть Туле, егоже многіе зъ нинѣшнихъ краюписцовъ...

Главы: Положеніе предреченной страни. Натура мѣстца. О звѣрехъ. Крипкое отпертіе преложеній и защищеній англскихъ...

Оригиналъ (на латинскомъ языкѣ) намъ неизвѣстенъ.

---

1) *Пекарскій*, I, 340.

Путешествіе Олеарія.

Переводъ съ книги цесарскаго языку, какову написалъ свѣтославный *Адамъ Олеаріусъ* со многимъ умноженіемъ ѣздъ описаній въ Московскомъ и Персицкомъ государствахъ, тако жъ Яганя Албрехта *Манделоскаго* восточные ѣзды, Ірья *Андрѣева* и Вола *Иверсенскаго* восточные жъ ѣзды, съ прибавкою *Китайскаго росказанія* и како такое мочное государство мимошедшеи тому краткіе лѣта отъ татаръ обсилено и взято и како текучей китайски мандаринъ и морской разбойникъ Кочинга отъ голандцевъ осаженой островъ Фармозовъ взялъ, тако же съ прибавкою *Персицкимъ Крымскимъ раздоліемъ* и *Древнимъ садомъ*, оба наполнени охотою и богато учинени учеными притчами. И сія послѣдня — Древней садъ — наперво изъ персицкаго языку на голандскій переведенъ и изъ того въ цесарскій переведенъ, и для своего изряднѣйшаго одержанія, для Крилнаго раздолія приставится нѣкая вещь исполненна чудъ и дивными исторіами и прилучіемъ — описаніе чуждыхъ мѣстъ и земель и тѣхъ обкновеніе, природа, житіе, устроенство духовнаго и звѣснаго (sic) и домоваго устава, и иное такое представляется сквозь идуще... Печатано въ Анбуркѣ градѣ отъ Захарія Гертаина и Ѳомы Верина, лѣта 1696 года.

Послѣ этого заглавія слѣдуетъ: Преддателя предлаганіе ко склоному читателю. Начало: Мы надѣемся многи любителемъ...

Затѣмъ: Надъ персуною пресвѣтлѣйшаго князя и государя Фридриха арцуга Гостенскаго и иныхъ (проза).

Далѣе: Преддателя господина Адама Оліаріа предисловіе къ склонному читателю, о своей послѣдней изданной персицкой ѣздѣ описаніе. Начало: Я за нѣкіе годы никое описаніе...

Оглавленіе.

Далѣе: Адама Оліарія издивное описаніе его ѣзды изъ Голстенской земли къ Москвѣ и въ Персиду и что на дорогѣ наипачно явилося и чинилося.

Первая книга и первая глава. Начало: Я чаю, что сіе...

Единственный списокъ шести книгъ путешествія Олеарія (за которыми слѣдуетъ сочиненіе Сансона о Персіи) — Академіи Наукъ 34. 3. 1, конца XVII в.

Послѣднія двѣ книги извѣстны также въ другомъ спискѣ:

Книга 5-я: О новой персицской ѣздѣ описаніе, содержаетъ въ себѣ о Персицкомъ государьствѣ и о тѣхъ жителяхъ.

Глава 1: о Персицкомъ государствѣ по ряду. Начало: Государьство Персицкое, которое имѣетъ свое имя...

Книга 6-я: Новой персицкой ѣзды описаніе, содержаетъ въ себѣ возвращеніе ѣзды изъ Персиды назадъ въ Голштенскую землю.

1-я глава. Како мы поднялися изъ царствующаго города Ишпагана...

Это — списокъ Публ. Библ. F. IV. 15, конца XVII вѣка (за этими двумя книгами и здѣсь — сочиненіе Сансона о Персіи); онъ представляетъ продолженіе другой рукописи, въ которой были, вѣроятно, первыя четыре главы Путешествія. Первая тетрадь нашего списка помѣчена цыфрою 58.

Оригиналъ — одно изъ изданій Путешествія въ Московію и Персію Адама Олеарія, именно — гамбургское 1696 года (см. ниже).

Сборникъ Олеарія.

1) Юрія *Андрѣева* изъ арцугства Слезвицкаго, урожденіемъ града Тундера, описаніе восточной ѣзды.

Съ придаткомъ Китайскаго росказанія, како тако сильное государство въ мимошедшихъ лѣтехъ отъ татаръ обсилено и взято, и како утеклый китайскій мандаринъ и морской разбойникъ Коксинга отъ галанцовъ островъ Формозу отнялъ. Издано чрезъ *Адама Оэліаріа.*

Юрьи Андрѣева изъ арцухства Слѣзвицкаго, урожденецъ города Тундера, восточныя ѣзды описаніе. 1-я книга...

2) 4 книга: Волькверта *Иверсенскаго*, урожденецъ Гуссума, описаніе восточной Индеи ѣзды и безсчастливая плавка корабельная.

1-я глава. О выѣздкѣ изъ Галанской земли до горы Кабо-дебона-исперонса. Начало: Когда я Волквертъ Иверсунъ...

3) *Персицкій крынъный долъ*, въ которомъ много веселыхъ и пріятныхъ исторій... Описалось сіе дѣло тому назадъ 500 лѣтъ отъ тогдашняго славнаго и высокоразумнаго поэта *Ошахасадія* по-персицки, описалось и для его изобранства и достоинства высоко почитается и возлюбляется, и тому назадъ лѣтъ десять переведена въ нѣмецкій языкъ отъ славнаго издателя *Адама Аліарія*.

Начинается оглавленіемъ (8 книгъ).

4) Премудраго *Лохмона* издивительные склады и примѣры. Первая притча: о львѣ и о двухъ волахъ[1]).

5) *Персицкаго деревнаго саду* первая книга (безъ конца).

6) Не имѣющій начала разсказъ о завоеваніи Китая татарами (передѣлка труда *Мартиніуса*) и объ отнятіи у голландцевъ китайскими морскими разбойниками острова Формозы.

Единственный списокъ — Публ. Библ. F. XVII. 4, конца XVII вѣка[2]). Оригиналъ — Reisebeschreibungen nach Musskau und Persien, I. A. von Mandelslo morgenländische[3]) und I. *Andersens* und V. *Iversens* orientalische Reise. Mit angehängter chinesischen Revolution, nebst *Persianischen Rosenthal* und *Baumgarten*. Von neuen aufgelegt. Hamburg, 1696. Изданіе *Олеарія*.

Языкъ перевода — русскій простой, мѣстами съ полонизмами; переводъ плохой и буквальный (нѣсколькихъ переводчиковъ).

См. выше — Путешествіе Олеарія.

---

1) Первое изданіе: *Saadi*, Persianisches Rosenthal. Uebersetzt von *Ad. Olearius*. Schleswig. 1654.

2) Кринный долъ Саади и басни Локмана — еще въ спискѣ Публ. Библ. F. XV. 12 (эта рукопись имѣетъ первую тетрадь съ помѣтою: 174).

Деревной садъ — въ томъ же спискѣ Публ. Б. F. XV. 12; онъ здѣсь имѣетъ заглавіе: Персидскій деревной садъ наполненъ со избранными прививками (25 главъ).

3) Перевода путешествія Мандельсло мы не знаемъ.

Путешествіе въ Святую землю, Ник. Радзивила.

Путешествіе или похожденіе въ землю Святую пресвѣтлосіяющаго господина его милости Николая Христофа *Радзивила*...

Издано Палестинскимъ Обществомъ. Мы имѣли въ рукахъ списки Синод. Библ. №№ 529, 191, Публ. Библ. Q. IV. 49 и Погод. № 1536, всѣ конца XVII в. Оригиналъ — Peregrynacya do ziemi Świętej... Mik. Krzyszt. *Radziwiłła*[1]).

Языкъ — церковно-славянскій, съ великоруссизмами (*свороборинъ*, *изюмъ*, *шогла* и т. п.). Синод. № 529 имѣетъ поправки и приписки руки извѣстнаго Евѳимія.

«Оглавленіе книгъ» Епифанія Славинецкаго говоритъ лишь о латинскомъ и польскомъ текстахъ; оно умалчиваетъ о русскомъ переводѣ.

Описаніе Сарматіи, Гваньина.

1) Исторія Сарматіи Европской, въ нейже заключается королевство Польское со всѣми господствіями, княженіями и державами своими; ту такожде великое княженіе Литовское, Русское, Прусское, Жмудское, Инѳлянское, Московское и часть татаровъ. Отъ Александра *Гваінина* зъ Верони... первѣе року 1578-го по-лацинѣ издадеся, а нынѣ паки съ придачею тыхъ королей, иже въ латинской не обрѣтаются..., отъ того жъ изобрѣтателя съ великимъ прилежаніемъ раздѣленіями на десять книгъ вократцѣ собрася, а отъ Мартина Пашковскаго попеченіемъ авторовымъ (съ) латинскаго на польскій истолковася. Въ Краковѣ, въ типографіи Николая Лоба, року Божьего 1611.

На знаменіе реченное Радвалъ (оставлено мѣсто для рисунка герба). Князей русскихъ воинства двое... (стихи).

На знаменіе авторіи (оставлено мѣсто для рисунка герба). Тривъ со сатиромъ ратніи... (стихи).

За благословеніемъ и повелѣніемъ королевскимъ и кесаре-

---

1) Экземпляръ изданія 1688 г. — въ Моск. Типографской Библ. (№ 4211).

вымъ. До читателя возлюбленнаго, автора. Начало: Между странами европскими Сарматія...

Книгъ 1-хъ часть 1-я, въ которой содержится описаніе самой Сарматіи европской въ предѣлахъ и окрестностяхъ ея.

Начало: Сарматіи европской народъ и странѣ, съ которыи въ себѣ содержитъ, положеніе описуючи, мнѣло ми ся, что сего вещь...

Мы пользуемся спискомъ Публ. Библ. F. IV. 130, XVII в. (пять книгъ).

Языкъ — русскій, съ церковно-славянизмами, полонизмами и малоруссизмами (*що* = что, на *нывахъ*, посредѣ хат*и* и т. п.). Стихи оригинала переведены стихами же.

2) Кройника земли Еуропской, въ которой пишется государство Польское со всѣми государствы, княжествы и украинами своими; тутъ же великое княжество Литовское, Русское, Прусское, Жмоицкое, Инѳлянское, Московское и часть татаръ. Написалъ Александръ *Гвагнинъ*, грабія..., перво лѣта 7078-го по-латынѣ написалъ, а нынѣ при тѣхъ короляхъ, которыхъ въ латынскихъ нѣтъ,... — тотъ же Александръ великимъ трудомъ написалъ, съ латынскаго на польскій перевелъ. Въ Краковѣ, на печатномъ дворѣ Миколая Лоба, лѣта 7111.

Печать названыхъ Родвановъ (оставлено мѣсто для рисунка герба). Князей русскихъ два полка... (стихи).

Великомощному, милостивому государю Миколаю Забредовскому зъ Забредовичъ, воеводѣ и енoралу краковскому, снятинскому и иныхъ, моему милостивому государю и благодѣтелю.

Начало: Въ тѣхъ украинахъ въ землѣ Европской многими лѣты...

Печать аутoрова (оставлено мѣсто для рисунка герба). Грифъ исъ сатыремъ бьются... (стихи).

Милостивому читателю предсловіе. Начало: Межъ украинами европскими и Сармацыя...

Книгъ первыхъ часть первая, въ которыхъ пишется написаніе самой Сармацыи европской и о рубежахъ кругомъ ея.

Начало: Сармацыи европской народъ пишутъ украинное положеніе, видится мнѣ, что и то надобно...

Мы пользуемся спискомъ Публ. Библ. F. IV. 180, XVII в. (четыре полныхъ книги и начало пятой).

Языкъ — русскій.

Переводъ этихъ текстовъ сдѣланъ съ польскаго перевода: *Gwagnin,* Kronika Sarmacyi eyropejskej. Krak. 1611 [1]).

3) Книгъ первыхъ часть первая, въ нейже обрѣтается описаніе самой Сармаціи европской, и о границахъ прилежащихъ ей.

Начало: Страна именуемая Сарматія, которая въ третьей части лежитъ земли Европы, а въ Сарматіи государства — корона Польская и Литва, Жамоитская, Мазовецкая, Прусская, Поморская, Ливонская, Московская и часть Татарскія земли.

Савроматіе Европе роды и государства, въ ней лежачіе, и обычай ихъ и начало, какъ и почему Европа именуется. Дѣвка именемъ Европа...

Мы пользуемся спискомъ Публ. Библ. Пог. № 1497, XVIII в., съ которымъ вполнѣ сходенъ списокъ той же библіотеки F. IV. 106, XVII в.

Переводъ сдѣланъ не менѣе какъ двумя переводчиками, съ латинскаго оригинала — *Alexander Guagninus*, Sarmatiae Europeae descriptio. Spirae, 1581 [2]).

---

1) Экземпляръ «Гвагнина» былъ пріобрѣтенъ въ Польшѣ въ 1653 г. кн. Репнинымъ-Оболенскимъ (*Лѣтописи* Тихонравова, т. III, кн. 5, стр. 84). Вѣроятно, это сочиненіе есть та книга «Исторія польской печати», которую Никонъ въ 1655 г. поручилъ перевести въ Иверскомъ монастырѣ (*Р. Истор. Библ.*, V, 543).

2) Разсказъ о жестокостяхъ Ивана Грознаго, съ дополненіями и измѣненіями, помѣщается при сочиненіяхъ Курбскаго. Переводъ его, съ латинскаго, современный (послѣ 1584 г.), сдѣланъ кѣмъ-нибудь изъ московскихъ бѣглецовъ, близкихъ къ Курбскому. Языкъ церковно-славянскій.

Переводъ или всего труда Гваньина, или части его, съ польскаго на бѣлорусскій языкъ, былъ сдѣланъ Олехномъ Станковичемъ. См. Увар. № 1347.

Хроника Стрыковскаго.

1) Матѳеа *Стриковскаго* Осостовича Кроники литовской книгъ 1-хъ глава 1.

Начало: О созданіи міра необходимаго, земли, неба и началовъ вещей, яже на нихъ суть, различны бяху, читателю любезный, мнѣнія и доводы философовъ...

Мы пользуемся спискомъ Публ. Библ. F. IV, 103, к. XVII в., съ которымъ сходны списки той же библіотеки F. IV. 131, к. XVII в., и Погод. № 1759, нач. XVIII в., оба полные, списки М. Арх. Мин. Ин. Д. № 58—80, к. XVII в. (съ припиской 1707 г.), и № 59—81, нач. XVIII в. (изъ библіотеки извѣстнаго Волынскаго), и списокъ Академіи Наукъ 32. 4. 31, XVII в.

Переводчикъ зналъ по-гречески: Ѳал*ис*ъ Мил*ис*іанинъ, *И*раклитъ, *Кик*еронъ, по *Ви*росу и т. п.

Языкъ церковно-славянскій [1]).

2) Лѣтописанія Матѳея *Стриковскаго* отъ начала міра трудолюбіемъ отцевъ и многихъ лѣтописателей написана и во свѣтъ дана, прежде на польскомъ языкѣ, таже написася славенски лѣта отъ сотворенія міра 7196, отъ рожества же Бога Слова 1688-го.

На дверь книги.

Всякъ бо входяй во двери свѣта
Не имать видѣти темна мѣста... (8 строкъ).

Начало съ Богомъ святыимъ. Собрано изъ книгъ старыхъ лѣтописцевъ. Книга 1.

Начало: О сотвореніи свѣта необходимаго, земли, небесе и начатковъ дѣлъ, яже на нихъ суть, всяческія бяху, читателю милостивый, мнѣнія и изданія философовъ...

Послѣ разсказа о событіяхъ 1581 г. находится предисловіе.

---

1) Списокъ этого текста Александровскаго Успенскаго монастыря, съ указаніемъ на годъ перевода 1668, описанъ въ *Вѣстн. Археол. и Ист.*, II, 39. Баузе владѣлъ роскошнымъ золотообрѣзнымъ экземпляромъ, повидимому, того же текста, съ 1688 годомъ.

Начало: Уже по кончину сію подвизаніе наше скончашеся, благодатный читателю, идѣже кратко дѣянія при королѣ Жигимонтѣ Августѣ, Генрикѣ и Стефанѣ нынѣ благовременно государствуючего предложихъ...

Пользуемся спискомъ Уваров. № 1382, к. XVII—нач. XVIII в. Другой списокъ—Академіи Наукъ 32. 11. 4, 1758 г.

Переводчикъ старался писать по-церковно-славянски, но владѣлъ этимъ языкомъ плохо, сбиваясь постоянно на русскій. Переводъ сдѣланъ имъ буквальный, не вездѣ достаточно удобопонятный. Грецизмовъ нѣтъ: *Талесъ Милесіусъ*, *Гераклитусъ*, *Цыцеро*[1]).

3) О западно-русскомъ переводѣ (Публ. Библ. F. IV. 688) мы ограничимся упоминаніемъ.

Вертоградъ королевскій, Папроцкаго.

(Послѣ «оглавленія» = указателя собственныхъ именъ въ алфавитномъ порядкѣ): Вертограда королевскаго книга первая. Кое дѣло и кой чинъ бяше изначала во времена владѣнія сенату римскому въ странахъ италійскихъ.

Начало: Вся царствія изъ малыхъ зѣло и равныхъ начинаній взяша начало...

Въ концѣ: Батрошъ *Попроцкій* зъ Глогалъ. п. ц. і. м. г.

Единственный списокъ—Публ. Б. Погод. № 1700, начала XVIII вѣка. Оригиналъ—извѣстный трудъ по исторіи Чехіи, Польши и юго-западной Руси, Ogrod królewski, w ktorem o początku cesarzów Rzymskich, arcyxiążąt Rakuskich, krolów Polskich, Czeskich, xiążąt Sląskich, Ruskich, Litewskich, Pruskich, rozrodzenia ich krotko opisane najdziesz. Przez Bartosza *Paproskiego* P. C. J. M. H. Прага, 1599. Переводчикъ перевелъ весь трудъ, съ латинскими цитатами и стихами включительно (стихи иногда также риомованными стихами).

---

1) Объ оригиналѣ — *Поповъ*, «Обзоръ», II, 203 сл. Книга Стрыковскаго была въ библіотекѣ ц. Θедора Алексѣевича въ 1682 г.

Онъ употребляетъ плохой церковно-славянскій языкъ, съ малоруссизмами и полонизмами, и пишетъ: *Ки*керо, Людв*ѣ*къ, *В*аварчикъ (= Баварецъ), Га*лв*а (= Гальба, императоръ), Люкре*ти*я; годы иногда только отъ Р. Х., какъ въ оригиналѣ, иногда съ переводомъ на лѣточисленіе отъ С. М.[1]).

О королѣ Владиславѣ IV, Горчина.

Черновые столбцы, въ числѣ 83, писанные очень небрежною скорописью, не вполнѣ хорошо сохранившіеся, безъ начала, находятся въ библіотекѣ Моск. Архива Мин. Ин. Дѣлъ № 197—333. Старая записка, приложенная къ нимъ: «Исторія польскаго короля Владислава IV, переведенная изъ какого-нибудь иностраннаго языка; безъ начала; начинается съ 1624 году».

Оригиналъ: *Gorczyn*, Pamięć o cnotach Władysława IV. Kraków, 1648.

Языкъ — русскій, съ полонизмами[2]).

Лѣтопись Пясецкаго.

Павелъ *Піазецый*, епископъ перемышленскій, Іакову Піазецыю, аббату Кларетумбы, великаго Владислава четвертаго короля польскаго и свецкаго секретарю, внуку здравія и прочая. Пріими, любезный внуче, яже по моей смерти прочтеши...

Начало: Да не льстятъ тебя, которые подъ титуломъ исторіи не такъ дѣла учиненныя...

Мы знаемъ списокъ Публ. Б. F. IV. 163, конца XVII—нач. XVIII вѣка, безъ конца (послѣдній годъ 1619). Оригиналъ

---

1) О Б. Папроцкомъ и его трудахъ см. статью I. Иречка въ *Časopis*'ѣ Чешскаго Музея за 1866 годъ. Экземпляръ Ogrod'а — въ Моск. Типографской Библ.

2) Въ библіотекѣ Моск. Заиконоспасскаго монастыря по описи 1689 г.: «книга Владислава короля, польская». Этотъ экземпляръ теперь находится въ Типографской Библіотекѣ, № 4210.

содержащій въ себѣ подробную лѣтопись событій въ Европѣ съ 1571 по 1648 г. (много свѣдѣній о Польшѣ и о самозванцахъ),— *P. Piasecius*, episcopus Praemisliensis, Chronica gestorum in Europa ad a. 1648. Cracoviae, s. a. (около 1648).

Переводъ буквальный; языкъ—тяжелый русскій (безъ аористовъ и имперфектовъ); есть полонизмы [1]).

Исторія четырехъ монархій, Слейдана.

Іоанна Слейдана О четырехъ великихъ монархіяхъ.

Книга первая.

Начало: Первѣе нежели о четырехъ великихъ и начальнѣйшихъ міра сего монархіяхъ глаголати начну — о Вавилонской, Персской, Греческой и Римской, вократцѣ сіе предрещи подобаетъ...

3 книги. Исторія Римской монархіи доведена до имп. Карла V, современника автора [2]).

Мы знаемъ два списка — Публ. Библ. F. IV. 125, XVII в. (автографъ переводчика, южно-русская скоропись [3]), и Q. IV. 75, нач. XVIII в., полный. Оригиналъ—одно изъ изданій небольшой книжки *J. Sleidani* De quatuor summis monarchiis libri tres (мы пользовались амстердамскимъ изданіемъ 1656 г.; нашъ текстъ не имѣетъ тѣхъ предисловія издателя и біографіи автора, которыя находятся въ этомъ изданіи).

Языкъ — церковно-славянскій съ юго-западно-русскими осо-

---

1) «Гранографъ» Пясецкаго былъ пріобрѣтенъ въ Польшѣ въ 1653 г. кн. Репнинымъ-Оболенскимъ (*Лѣтописи* Тихонравова, т. III, кн. 5, стр. 34).

Отрывокъ Лѣтописи, о событіяхъ смутнаго времени и начала царствованія царя Михаила Ѳеодоровича, изданъ въ Памятникахъ древней письменности, № LXVIII.

О Пясецкомъ см. *Szelągowski*, Paweł Piasecki, historyk polski XVII w. I (біографія). Lw. 1899.

2) Другое сочиненіе Слейдана: De statu religionis et reipublicae Carolo Quinto... Argentorati, 1566, вошло въ составъ «Хроники» *Март. Бѣльскаго.*

3) Снимокъ въ изданіи Археологическаго Института, табл. XLVI. — Почеркъ не похожъ ни на одинъ изъ почерковъ перевода Атласа Блеу.

бенностями. Переводчикъ знаетъ по-гречески и потому пишетъ: *К*и*к*еронъ, *К*имонъ, Си*к*илія, Мар*к*еллъ, Лу*к*ій, три*ѳ*унъ, Мар*т*ій, Асія и т. п. (но: С*ц*ипіонъ, *Ц*еѳегъ, де*ц*емвиръ); *речь посполитая* = respublica.

Церковныя лѣтописи, Баронія.

1) Годовыя дѣла церковныя, вкратцѣ собраны отъ рождества Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, выбраны изъ Годовыхъ дѣлъ церковныхъ Цесаря *Бараніуша*, названы Анналесъ екклесіастики, (то) есть Лѣтописецъ церковный. Сіа книга имѣетъ въ себѣ 12 томовъ, то есть 1200 лѣтъ.

Предисловія нѣтъ.

Начало: Вѣкъ 1. Годъ рождества Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа былъ четыредесять первый царства Октавія Августа...

Мы знаемъ списки: М. Румянц. Муз. № 16, XVII в. (изъ него взято заглавіе и проч.), Публ. Библ. F. I. 276, XVII в.[1]), Погод. 1712, XVII в. (безъ начала и конца). Оригиналъ — сдѣланное извѣстнымъ Скаргою польское сокращеніе Церковныхъ лѣтописей *Баронія* (1-ое изданіе въ Краковѣ 1603 г.), подъ заглавіемъ: Roczne dzieje kościelne. Переводчикъ сократилъ текстъ Скарги.

Языкъ — церковно-славянскій плохой, съ многочисленными юго-западно-руссизмами и полонизмами: рекъ *до* Цесарія, Гормиздъ *зъ* Фрусина, *черетикъ*, *набоженство*, *мѣсто* = городъ[2]).

---

1) Здѣсь заглавіе: Годовыя дѣла церковныя... въ ново преведены нужнѣйшія вещи изъ Бароніуша втораго друкованія. Въ концѣ: Преведена сія книга съ польскаго языка на словенскій съ друкованныя книги въ Краковѣ по благословенію преосвященнѣйшаго Іосифа, митрополита рязанскаго и муромскаго, въ лѣто отъ С. М. 7187-го года, а отъ рождества Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа 1678-го года. Преводившаго сію книгу, имя его седмеролитерно, троесложно, въ немже убо четыре гласныхъ и три согласныхъ; начало пріемлетъ отъ перваго гласнаго; число же его суть 8 (= Игнатій?). Тотъ же конецъ въ спискѣ Александровскаго Успенскаго монастыря (*Вѣстн. Археол. и Ист.*, II, 37).

2) Срв. *Востоковъ*, Описаніе Рум. Муз., № 16. Здѣсь высказано предположеніе, что переводчикъ — уніатъ или католикъ. Дѣйствительно, онъ сохра-

2) Годовыя дѣяпія церковныя отъ рождества Господа и Бога нашего Іисуса Христа, выбраны изъ Годовыхъ дѣяній Цесаря *Баронія*, кардинала римскаго костела, называемыхъ Лѣтопись церковная.

Приступъ къ Дѣяніямъ церковнымъ.

Начало: Прежде даже отъ лѣта сего, воньже Сынъ Божій...

Начало изложенія: Лѣто рождества Господа нашего Іисуса Христа. Лѣто, въ негоже Мессія Христосъ Сынъ Божій, Богъ и человѣкъ истинный...

Въ концѣ то самое послѣсловіе, которое мы выписали выше, въ примѣчаніи, изъ рукописи Публ. Библ. F. I. 276.

Текстъ исторіи первыхъ трехъ вѣковъ — отличный отъ текста предыдущаго перевода. Сравн.

F. I. 273:	F. I. 276:
Лѣто Господне 299, Маркелина 3, Діоклитіана 17.	Годъ Господень 299, Маркеллина 7, Діоклитіана 16.
Въ Сиріи въ Едесѣ веліе страданіе двою христіану Гуріа, Самона, яже за едину руку увязанна...	Въ Сиріѣ въ Едесѣ было знаменитое мученичество дву славныхъ христіанъ Гуріа и Самона, каждаго ихъ за едину руку повѣшено...

Единственный списокъ намъ извѣстный — Публ. Библ. F. I. 273, XVII в. Текстъ исторіи первыхъ трехъ вѣковъ представляетъ переводъ текста Скарги безъ сокращеній. Дальнѣйшій текстъ — тотъ же, что въ первомъ переводѣ.

Языкъ первой части — церковно-славянскій.

3) Лѣтодѣянія церковныя отъ воплощенія Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, избранныя изъ Лѣтодѣяній церков-

---

нихъ въ переводѣ бранныя слова противъ Фотія и православія; но и только.— Переводъ извлеченія изъ Скаргина сокращенія Баронія, на бѣлорусскомъ языкѣ, въ Синод. Библ. № 729, къ этому нашему переводу, кажется, не имѣетъ отношенія.

Отмѣтимъ, что уже въ 1649—1650 г. у насъ ссылались на Баронія. *Бѣлокуровъ*, Арсеній Сухановъ, I, стр. XXXIV.

ныхъ Кесаря *Бароніа* и нареченныя того Кесаря именованіемъ Бароній.

Преведенныя съ польскаго языка на славено-россійскій прелогъ царскаго величества нѣкіимъ сѵгклитикомъ. Сія книги содержатъ въ себѣ дванадесять томовъ, се есть 1200 лѣтъ.

Взываніе къ чтенію Лѣтодѣяній церковныхъ и опаства въ немъ. Начало: Трудъ благополучный и всему сану полезный...

Далѣе: Восходъ къ дѣяніямъ церковнымъ. Начало: Симъ начнемъ дѣянія отъ лѣта сего...

Начало изложенія: Лѣто Господне первое, оставя прешедшаго лѣта шесть дній, Августа 42. О обрѣзаніи Господни пишетъ святый Лука...

Единственный списокъ намъ извѣстный — Рум. Муз. № 15, 1689 года, съ полистною записью собственника, окольничаго Андрея Артемоновича Матвѣева, 1695 года. Содержитъ въ себѣ исторію первыхъ пяти столѣтій. Оригиналъ — польское сокращеніе Скарги.

Языкъ — церковно-славянскій.

4) Посланій различна рода отъ различна сана человѣкъ собраніе изъ книги шестыя *Вароніевы*, о исторіи церковнѣй и прочиихъ подробну.

Отъ лѣта Христова 440-го, за Лва папы перваго, царей Ѳеодосія и Валентиніана, издадеся въ хартографію рускаго языка, до лѣта Христова 518-го, царей Анастасія и Ѳеодорика. Въ лѣто 1681-го.

Посланіе 1. Начало: Яже кареаиняне пострадаша, Есхиловы и Софоклевы требуютъ трагедіи...

Посланіе 2. Начало: Зѣло чудному и велеможнѣйшему Келестіяну.

Всего 168 посланій (послѣдняго начало: Святѣйшему и блаженнѣйшему всея поднебесныя патріярсѣ Гормиздѣ...).

Единственный списокъ — Синод. Библ. № 566, конца XVII в. Переводъ сдѣланъ съ латинскаго.

Языкъ — церковно-славянскій ученый, съ бѣлоруссизмами.

5) Вѣкъ 7. Лѣта Спасителева 610 при папѣ римскомъ Вонифатіи четвертомъ и при цесарѣ Фоцѣ, во Англіи, въ Лондоніумѣ градѣ, внукъ краля Едилберта, иже ново въ вѣру...

Лѣта отъ Рождества Христова 118 при цесарѣ римскомъ Онтонинѣ Каракаллѣ тѣло цесаря Сѣвера сынове его изъ Вританіи...

Два эти отрывка извѣстны намъ въ рукописяхъ Публ. Библ. Q. XVII. 28 (лл. 389—392), Погод. 1387 и Академіи Наукъ 34. 8. 22 (л. 110), конца XVII вѣка. Переводъ съ латинскаго. Языкъ — ученый церковно-славянскій.

6) Бароній. Сильвестръ вторый юнный, иже съ ременскаго епископства изгнанный (списокъ папъ, съ указаніемъ лѣтъ папства).

Этотъ отрывокъ вставленъ въ переведенный съ греческаго текстъ: Синод. Б. № 346, лл. 1076—1079 (= *Горскій и Невоструевъ*, № 310).

Этотъ и два предыдущіе №№, — можетъ быть, отрывки изъ полнаго русскаго перевода латинскихъ Annales Ecclesiastici *Баронія*.

Церковная исторія, Никифора Каллиста.

Исторія церковная *Никифора Каллиста Ксанѳопула*, съ греко-латинскаго преведена Палладіемъ, игуменомъ Спасскаго монастыря, что за Иконнымъ рядомъ.

Единственный списокъ (съ которымъ мы не знакомы) — въ рукописи Ярославскаго Спасо-Преображенскаго монастыря № 170 (гдѣ также проповѣди Палладія и переводъ Проскинитарія Св. горы Аѳона Іо. Комнина, съ букурештскаго изданія 1701 г.[1]). Переводчикъ — Палладій Роговъ или Роговскій, ученикъ Лиху довъ[2]), довершившій свое образованіе заграницей, въ 1700 г. назначенный ректоромъ Заиконоспасскаго училища и тамъ во-

1) О ней *Прибавленія къ твореніямъ св. отц.*, ч. XXXII, стр. 273—274.
2) *Смирновъ*, Исторія Моск. славяно-греко-лат. Академіи, 24.

дворившій латинское образованіе. Умеръ въ 1703 г.[1]). Переводъ сдѣланъ, быть можетъ, передъ назначеніемъ въ ректоры, для испытанія. Вѣроятно, слово *греко-латинскій* надо понимать, какъ *латинскій*.

Оригиналъ — сочиненіе византійскаго писателя Никифора Каллиста (XIV в.), сохранившееся не вполнѣ (дошло изъ 23 книгъ — 18, отъ Рождества Христова до смерти имп. Фоки[2]). Моск. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ (= посольскій приказъ) владѣетъ двумя его изданіями: 1) франкфуртскимъ 1588 г. и 2) парижскимъ 1630 г. Оба были переданы въ посольскій приказъ изъ Верхней типографіи въ 1684 г.[3]).

Лавсаикъ.

Палладіа, епископа Еленупольскаго, къ Лавсону препоситу Исторіа обдержащая житія преподобныхъ отецъ.

Начало: О монаховъ житіи, нравѣхъ и уставѣхъ многа мнози частно писавшихъ (= писавше?), Лáвсонъ препоситъ полезную исторію, Кассіанъ бесѣды, Софроній Іерусалимскій Цвѣтникъ..., ихъже единъ убо Палладій прежде *латински* преведенъ... на свѣтъ изыде, но не весь... Прочее недоволенъ быхъ симъ, еже тому недостаетъ, исполнити, развѣ того паки отъ начала привести. Сіе же быти дѣло Палладіа, никтоже не усумнится, прочитаяй главу 44 книги 11 «Церковныя исторіи» *Никифора*.

1-я глава — О Исидорѣ страннопріимцѣ.

Всего 131 глава.

Единственный извѣстный намъ списокъ — Хлуд. № 186, к. XVII в., судя по поправкамъ — автографъ переводчика. Послѣдній — едва ли не Палладій Роговъ.

Переводъ сдѣланъ съ латинскаго перевода Лавсаика.

Языкъ — церковно-славянскій ученый.

---

1) *М-тъ Евгеній*, Словарь. Еще о Палладіи — *Правосл. Обозр.* 1863 г., ч. X, стр. 162 сл.

2) О переводѣ отрывка изъ него см. выше, стр. 21.

3) *Бѣлокуровъ*, О библіотекѣ московскихъ государей, стр. 75, 78.

Повѣсть о туркахъ.

Повѣсть о туркахъ.

Начало: Туркія или Тракія или Сараценія, новый сей людъ въ тѣ страны пришелъ изъ татарскаго народу...

О войствѣ турковъ.

Начало: Турки всѣ имѣютъ одного царя...

Родословіе турское.

Начало: Аще ли хощемъ увѣдати, откуду турки...

Мы знаемъ два списка: Рум. Муз. № 457 (л. 496), безъ конца (изъ него выписано заглавіе и пр.), и Публ. Библ. Q. IV. 126, оба конца XVII в. Оригиналъ намъ неизвѣстенъ, но нельзя сомнѣваться, что онъ польскій. Авторъ ссылается на «Путешествіе въ Святую землю» Радзивила и на какое-то стихотвореніе Варшевицкаго: о томъ Скандербекѣ поэта ксендзъ *Варшевицкій* пишетъ (слѣдуетъ риѳмованная проза); въ концѣ своего труда (по списку Публ. Библ.) онъ говоритъ: Дай, Господи Боже, дабы при государствованіи непобѣдимаго короля польскаго, государя нашего, волохи гроты свои,... венгры свои сабли, поляки свое палаши, шведы протазаны, Москва свое бердыши, сербы свое пуклеры... Этотъ оригиналъ, повидимому, въ свое время былъ въ Россіи хорошо извѣстенъ. Имъ пользовался въ «Скиѳской исторіи» Лызловъ (особенно въ главѣ 7-ой книги 4-ой[1]); онъ былъ отчасти переведенъ Софоновичемъ. Въ Хроникѣ послѣдняго, по списку Публ. Библ. F. IV. 125, на л. 127 мы читаемъ:

Енеаліогія турецкая, откуль взяли свой початокъ.

Начало: Хочемъ ли обачити, откуль турки...

Порадокъ о рыцерьствѣ цесара турецкого.

Начало: Вси турки маютъ цесара едного...

Эта небольшая, но интересная книжка (о происхожденіи и завоеваніяхъ турокъ, ихъ обычаяхъ, религіи, войскѣ, положеніи

---

1) Сравни только что выписанное обращеніе къ Богу съ обращеніемъ къ Богу Лызлова на стр. 80 изданія 1787 года.

невольниковъ христіанъ) переведена у насъ на русскій языкъ, изобилующій полонизмами и бѣлоруссизмами.

Разсказы о Магометѣ и магометанской вѣрѣ, Петра Альфонса и Викентія изъ Бове.

1) Книга *Петра Алфонса*, родомъ еvреина, но обратившагося ко Христу Господу и писавшаго противу іудеомъ, изъ языка латинскаго преведенная на словенскій въ лѣто 1680...

2) Тогожде *Петра Алфонса* о законѣ сарацинстемъ.

Глава 1. Но негли речетъ нѣкто: доселѣ рода іудейска вѣру...

Всего 6 главъ.

3) Ино сказаніе о Махометѣ..., взятое изъ книги именуемыя Зерцало Историческое *Викентія* Бургундія, епископа *Бельловакенскаго*; преведеся изъ языка латинскаго на словенскій...

Глава 1. О Махометѣ и законѣ его. Въ лѣта Иракліа царя греческаго сарацини, иже и турки глаголются, Махомету лжепророку вожду ихъ бывшу...

29 главъ.

Единственный намъ извѣстный списокъ — Синод. Библ. № 289, содержащій въ себѣ переводы Симеона Полоцкаго, отчасти писанный рукою Симеона. Третья статья переведена въ 1676 г.[1]).

Языкъ — тяжелый церковно-славянскій.

Повѣсть о Магометѣ.

Изъ нѣмецкаго календаря Ягана *Фохта* математика и философа свейскаго королевства Стадена города, изданнаго по спасительномъ воплощеніи Бога Слова на 1684 годъ, повѣсть о Махметѣ, о началѣ ученія его и кончинѣ, отъ лѣтописцовъ христіанскихъ.

1) Срв. *Горскій и Невоструевъ*, II, 3, 243; *м-тъ Евгеній*, II, 217.

Начало: Мерзкій сей и богоотступный прелестникъ и сынъ діаволь, паче жь гонитель христіанскій Махметъ родися...

Эта небольшая статья (полтора листа in f.) извѣстна намъ въ спискахъ Рум. Муз. №№ 457 (л. 506 об.) и 413 (стр. 1937), XVII в. Языкъ — церковно-славянскій, довольно правильный.

Второй списокъ вслѣдъ за повѣстью о Магометѣ имѣетъ болѣе двухъ листовъ текста, заимствованнаго изъ того же календаря, безъ заглавія.

Начало: Еще же къ сему календару, любезный читателю, предалъ есмь отъ повѣстей Матьѳея матика (sic) гадательство нѣкоего еврейскаго раббика, именемъ Иліи, четвертой части во второй книгѣ Толлуда (sic) его обрѣтающа: о еже колико лѣтъ міръ имать стояти. И той рабикъ подтверждаетъ, яко всѣхъ лѣтъ міра до скончанія имуть быти 6000, въ нихъже двѣ тысячи лѣтъ до потопа...

Дворъ турецкаго султана, Старовольскаго.

1) Переводъ съ польской печатной тетрати, какова напечатана въ Краковѣ въ печатни Францышка Цезарего, турскаго салтана о дворѣ и о чину его и о Царѣгородѣ и о иныхъ статьяхъ. Напечатано 1646-го году римскимъ числомъ, а привезъ ту тетрать изъ Польши дьякъ Григорей Кунаковъ въ нынѣшнемъ во 157-мъ (= 1649) году.

Дворъ турскаго салтана и о чину и о строеніи его во Царѣгородѣ.

Ясневельможному пану его милости папу Яну Замоскому... ксендзъ Симоносъ *Старовольски*... (посвященіе).

Статья 1. О Царѣгородѣ и о лучшихъ домовыхъ строеньяхъ.

Начало: Чтобъ есми достаточно описалъ дворъ турского салтана...

Намъ извѣстны списки Публ. Библ. Q. XVII. 21, л. 382, к. XVII вѣка (изъ него выписаны заглавіе и пр.), и Q. IV. 57, 1715 г. Оригиналъ — *Starowolski,* Dwor cesarza tureckiego.

Kraków, 1649, типографія Cezarego, съ посвященіемъ Яну Замойскому[1]). Языкъ — русскій.

2) Дворъ цесаря турецкаго, житіе его въ Константинополю.

Глава 1. О строеніи града Константинополя и домовъ его изряднѣйшихъ.

Начало: Во описаніи полномъ двора цесаря турецкаго...

Къ концѣ: Во краковской друкарни Цезарего лѣта Господня 1649.

Намъ извѣстенъ одинъ списокъ — Рум. Муз. Унд. № 1034, XVIII в. Языкъ — русскій, съ церковно-славянизмами и изрѣдка съ полонизмами.

3) О Царѣградѣ и о дворѣ цесаря турецкаго, въ ней бо описуетъ о положенію града Константинополя и о всемъ пребыванію во дворѣ цесаря турецкого и чинѣхъ его, тако же о приходѣ въ казну его всякихъ податей... Печатана въ Краковѣ въ друкарнѣ Францижка Цезарего въ лѣто отъ міротворенія 7197-го, отъ рожества же Бога Слова 1689-го году. Ново преписана же съ польскаго діалекта на словенское реченіе въ Бѣлѣградѣ трудами К. М. К. въ лѣто 7199-го году (= 1690), декемврия мѣсяца.

Изъявленіе на книгу сію.

О положенію града Константинополя и о строеніяхъ его и о дворѣ цесарскомъ. Глава 1.

Начало: Градъ Константинополь созданъ есть яко бы на единомъ клинѣ земли, моремъ обліянъ со обоихъ сторонъ...

Намъ извѣстенъ одинъ списокъ—Рум. Муз. № 608. Языкъ—русскій.

Переводчикъ—князь М. Кропоткинъ, съ которымъ мы встрѣтились уже какъ съ переводчикомъ извлеченія изъ космографіи Ботера.

Изданіе 1689 года книги Старовольскаго у Эстрейхера не отмѣчено.

---

1) Это сочиненіе переведено Старовольскимъ съ итальянскаго. О немъ и его авторѣ см. *Tyszyński*, Wizerunki polskie. Zbiór szkiców literackich. Warsz. 1875.

4) Дворъ цесаря турецкаго и пребываніе его въ Цариградѣ.

Глава 1. О положеніи Царьграда и хоромахъ его что ни лучшихъ.

Начало: Да совершеннѣ опишется домъ цесаря турецкаго...

Намъ извѣстенъ одинъ списокъ — Синод. Библ. № 539, XVII в., изданный въ Памятникахъ древней письменности, № XLII. Языкъ — русскій, съ юго-западно-русскими особенностями.

5) Глава 1. О основаніи Царяграда и зданіяхъ его изряднѣйшихъ.

Начало: Во еже достовѣрнѣе описати ми дворъ цесаря турецкаго...

Намъ извѣстенъ одинъ списокъ — Публ. Библ. Q. XVII. 8, конца XVII в.[1]). Языкъ — русскій съ частыми церковно-славянизмами.

6) Кромѣ указанныхъ выше переводовъ, существуетъ шестой — Лызлова, 1683 года, находящійся въ рукописяхъ вмѣстѣ съ «Скиѳской исторіей» Лызлова и вмѣстѣ съ нею изданный Новиковымъ въ 1787 году. Приводимъ заглавіе первой главы.

Глава 1. О положеніи селенія Константина града и зданіяхъ его начальнѣйшихъ.

Начало: Да быхъ достаточнѣе описалъ дворъ султана турецкаго...

Исторія завоеванія Китая татарами, Мартиніуса.

Книга, а въ ней повѣсть, какъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ богдойскіе татаровя одолѣли и завладѣли мало не все Китайское царство. Здѣ же и обычай ихъ, татаровъ, описуется.

Начало: Татаровя убо сіи, тѣ же мунгалы и калмыки, древнѣйшій народъ во Азіи есть и начало многихъ...

Намъ извѣстны списки: Публ. Библ. Погод. 1716, XVII в.

---

1) Соловецкій списокъ № 681, XVII — XVIII в., судя по «Описанію», II, 551, заключаетъ въ себѣ этотъ же переводъ.

(изъ него взято заглавіе и пр.), F. IV. 87[1]) и М. Общ. ист. и др. № 102, к. XVII — нач. XVIII в. Въ большей части дошедшихъ до насъ списковъ это сочиненіе слѣдуетъ за приписываемымъ Спаѳарію сочиненіемъ о Китаѣ, а въ спискѣ Казанскаго Университета № XCIII — 20497 — за Космографіею Меркатора. Въ описи книгъ, взятыхъ изъ библіотеки царя Ѳедора Алексѣевича въ 1682 г., оно значится какъ отдѣльная книга («Повѣсть о богдойскихъ татарахъ и о завладѣніи ими Китайскаго государства»). Оригиналъ, вѣроятно,— VI томъ того Атласа *Блеу*, съ которымъ мы встрѣтились выше. Онъ носитъ заглавіе: Joannis *Blaeu* Theatrum orbis terrarum sive Novus Atlas. Pars sexta. Novus Atlas Sinensis a Martino *Martinio* soc. Jesu descriptus... Sine l. et a. (1655 г.)[2]. Въ немъ послѣ описанія Китая находится приложеніе: De bello tartarico historia, in qua quo pacto tartari hac nostra aetate Sinicum imperium invaserint ac fere totum occuparint narratur eorumque mores breviter describuntur. Это приложеніе извѣстно также въ отдѣльномъ изданіи, съ тѣмъ же заглавіемъ (мы знаемъ 3-е изданіе, Coloniae, 1654). Оно одно только у насъ переведено.

Языкъ — русскій. Переводчикъ или редакторъ перевода сдѣлалъ рядъ съ одной стороны сокращеній, съ другой мелкихъ и крупныхъ дополненій въ текстѣ Мартиніуса, свидѣтельствующихъ объ его хорошемъ знакомствѣ съ Китаемъ и Монголіею и съ историческими событіями въ этихъ странахъ въ половинѣ XVII вѣка. Изъ его хронологическихъ указаній: «1600, тому нынѣ 77 лѣтъ», и т. п., видно, что переводъ или редакція перевода сдѣланы въ 1677 году[3]).

---

1) Здѣсь заглавіе: Книжица исторіею особною приведенная, како богданскіе татаре подъ владѣніе свое покорили все царство Китайское; такожде и о обычаехъ сихъ татаровъ богдойскихъ описуется сице.

2) Есть отдѣльное изданіе: Novus Atlas Sinensis и т. д. Amst., 1655.

3) *Михайловскій*, Важнѣйшіе труды Николая Спаѳарія, Кіевъ, 1897, стр. 41, 51—55, включаетъ этотъ переводъ въ число переводовъ Спаѳарія. Хотя связь его съ приписываемымъ Спаѳарію описаніемъ Китая и съ посольствомъ Спаѳа-

Изъ книги Ав. Кирхера о Китаѣ.

Сказаніе, который называютъ въ славной Хинѣ или государства Китайскаго корень гинзенъ. Выписаю изъ книги Авонасія *Кирхера*.

Начало: Государства Китайскаго нарицаемой Лаутутьи обрѣтается...

Мы пользуемся Лѣчебникомъ Публ. Б. F. VI. 19 (глава 248-я). Судя по существованію этого отрывка, у насъ былъ переводъ сочиненія іезуита *Kircher*'a China monumentis qua sacris, qua profanis, nec non variis naturae et artis spectaculis illustrata, Amstelod., 1667 [1]).

Древнѣйшая исторія Чехіи.

Исторія вкратцѣ о Бохомѣ, еже есть о землѣ Чешской.

Начало: Бохема, то есть земля Чешска, иже пишутъ козмографове быти часть земли Нѣмецкой, тако же и Моравѣ и Сленску...

Начинается съ Чеха и Леха, карватскихъ князей. Далѣе: Крокъ, Любуша съ сестрами, Премыслъ, дѣвичья война, Некланъ... Въ разсказѣ о Боривоѣ находится эпизодъ о пустынникѣ Иванѣ. Оканчивается Болеславомъ, убійцей св. Вячеслава. Затѣмъ перечень чешскихъ королей, изъ которыхъ послѣдніе — Максимиліанъ цесарь и Рудольфъ, его сынъ; Рудольфъ «счастливо государствовалъ».

Намъ извѣстны два списка — Публ. Библ. Q. XVII. 12 (листы 68—86), конца XVII в., и Кіевск. Церковно-Археол.

рія въ Китай не подлежитъ сомнѣнію, тѣмъ не менѣе въ виду его чистаго русскаго языка мы считать его принадлежащимъ одному Спаөарію не находимъ возможнымъ.

1) Въ сборникѣ Публ. Б. Q. IV. 82 (= Толст. I, 411), л. 76 сл., находится какая-то «Исторія о Хинскомъ царствѣ». Можетъ быть, это также извлеченіе изъ соч. Кирхера? Къ сожалѣнію, этою рукописью мы не имѣли возможности воспользоваться.

Муз. № 747, нач. XVIII в. Оригиналъ—или чешскій, или—скорѣе—сдѣланный съ чешскаго польскій, намъ неизвѣстный[1]).

Языкъ—русскій, не всегда удобопонятный, съ такимъ огромнымъ числомъ полонизмовъ, что переводчикомъ должно считать поляка; отмѣтимъ: коронованъ тогда Крокъ чехов*а* шапк*а*, жабы... себѣ *ботяна* обрали за государя[2]).

Отрывокъ изъ этого текста:

О пустынникѣ Иванѣ королевичѣ корвацкомъ.

Начало: Борвовой князь маворскій, христіянъ греческаго закона. Улучися ему...

Онъ находится въ сборникахъ Увар. № 1844, к. XVII в. (л. 231 об.), и Румянц. Муз. № 459, к. XVII в. (л. 475), и изданъ (въ качествѣ церковно-славянскаго текста) сначала въ *Časopis*'ѣ Чешскаго Музея за 1862 годъ, потомъ въ *Fontes rerum bohemicarum*, I, 111 (по Румянц. списку).

Можетъ быть, съ Исторіей о Бохемѣ находится въ какой-либо связи коротенькая статья съ заглавіемъ:

О архіепископѣ Венцлавѣ, что въ Краковѣ.

Начало: Польскій король Болеславъ Храбрый воевался со княземъ Святославомъ..., 7 лѣтъ ко двору не бывая. И жены безъ мужей... соблудиша, а иныя за мужи вышли...

Пользуемся сборникомъ Уваров. № 1844, XVII в. (л. 230). Въ Рум. № 459 она находится на л. 474, передъ отрывкомъ объ Иванѣ Корвацкомъ.

Исторія Эѳіопіи, I. Лудольфа.

Іова *Людовика*, Исторія Еѳіопская, или краткое описаніе царства Габессинскаго, о немъже четыре книги здѣ обрѣтаются: первая о натурѣ и уродѣ панства и жителей оныхъ; вторая о правленіи политичномъ и царей восхожденіи; третяя о чину церковномъ, о началѣ и поведеніи благочестія христіанскаго; чет-

---

1) Kronika česká *В. Гайка* была у насъ въ рукахъ.

2) Замѣтка объ этой статьѣ г. Мурко въ *Archiv für slav. Philol.*, XIV, 158.

вертая о речахъ особленныхъ и о наукахъ вольныхъ и о økономіи и прочіихъ. Типографа Блатазара Христофора Вустія, року 1683.

Посвященіе: Пресвѣтлѣйшимъ и великодержавнѣйшимъ государемъ и великимъ князямъ Іоанну Алексѣевичу и Петру Алексѣевичу...

Оглавленіе.

Книга 1. О натурѣ царства Абиссинскаго и жителехъ его.

Глава 1. О разныхъ именахъ абиссиновъ и о началѣ народа онаго.

Начало: Отъ имени народа начати намъ надобно есть. Габессини прежде нарѣцахуся абиссинни...

Стихи оригинала переведены стихами (съ риѳмами).

Мы знаемъ лишь одинъ списокъ — Публ. Библ. F. IV. 105, к. XVII — нач. XVIII в., принадлежавшій прежде кн. Д. М. Голицыну.

Переводъ сдѣланъ нѣсколькими переводчиками, трудъ которыхъ легко можетъ быть опредѣленъ по особенностямъ языка. Послѣдній — то церковно-славянскій, то русскій, съ многочисленными полонизмами[1]).

Оригиналъ — знаменитый трудъ *J. Ludolfi*: Historia Aethiopica, sive brevis et succincta descriptio regni habissinorum. Francof. 1681.

Исторія Іудейской войны, Іосифа Флавія.

Іосифъ въ повѣстехъ древнихъ дѣяній еврейскихъ, въ осминадесятыхъ книгахъ, въ четвертой главѣ о Господѣ Іисусѣ Христѣ свидѣтельствуетъ: Въ то время бяше Іисусъ мужъ мудрый...

Далѣе: Къ любимому читателю. Иже ся въ сей повѣсти многажды поминаютъ мѣсяцы еѵрейскіе...

Заглавіе: Повѣсти *Іосифа* сына Горіонового о брани еврей-

---

1) Экземпляръ этого перевода былъ въ 1689 году въ библіотекѣ кн. В. В. Голицына. *Розыскныя дѣла о Шакловитомъ*, IV, 32.

ской первая часть, въ нейже написася плѣненіе земли Жидовскія. Глава первая.

Начало: Вина васни и брани еврейской зъ римляны, юже царь Агриппа...

Намъ извѣстны списки: Синод. № 745, XVIII в. (изъ него взяты нами заглавіе и проч.; находящаяся здѣсь вкладная патр. Никона не подлинная, а списанная вмѣстѣ съ текстомъ), Румянц. Муз. Унд. № 1309, к. XVII в. Оригиналъ — Historya *Josefa* syna Goryonowego o wojnie żydowskiej. 1-е изданіе — въ Вильнѣ, 1595, 2-ое — въ Краковѣ, 1623 [1]).

Языкъ — ученый церковно-славянскій, съ бѣлоруссизмами.

О началѣ Шведскаго государства.

О начаткѣ Швецкаго и Готскаго государства.

Начало: Ноіе, во управленіи селитвы во всемъ свѣтѣ десять лѣтъ трудившись, воротился къ рѣкѣ Дону, откуль онъ прежде сего отшелъ, и большую достальнаго житія часть у скиѳовъ или татаръ европскихъ живше...

О частяхъ Шведскаго государства, о подданныхъ, о войскѣ, объ академіяхъ, о податяхъ, пошлинахъ, торговлѣ, почтѣ. Лифляндія, Эстляндія, Ижорская земля считаются шведскими провинціями. Шведы нерѣдко называются *свеи*.

Послѣднія слова: За карта сигиллята... въ сборѣ *на 1695 годъ* во всемъ королевствѣ и провинціяхъ (продолженія нѣтъ).

Единственный списокъ — Публ. Библ. F. XVII. 3 (л. 77), XVIII в., безъ конца. Передъ этимъ сочиненіемъ — Разговоры въ царствѣ мертвыхъ... между... Паткулемъ и... фонъ-Герцомъ, переведенные въ 1722 г. Оригиналъ сочиненія намъ неизвѣстенъ.

Языкъ — русскій [2]).

---

1) Заглавіе взято нами у Эстрейхера. Мы пользовались дефектнымъ экземпляромъ 1-го изданія и нашли, что переводъ съ его текстомъ вполнѣ сходенъ. Переводчикъ, повидимому, былъ знакомъ съ древне-русскимъ переводомъ этого сочиненія Іосифа Флавія.

2) Срв. *Пекарскій*, I, 338.

О Карлѣ I-мъ англійскомъ.

О Каролусѣ первомъ, королѣ великобританскомъ, француз-скомъ и ирлянскомъ.

Начало: Каролусъ 1 послѣдова по отцѣ своемъ Іяковѣ, королѣ шкотскомъ, на правительствѣ всей Великой Британіи...

Особенно подробно о казни Карла I. Въ концѣ разсказъ о призваніи на престолъ Карла II. Небольшое сочиненіе.

Единственный намъ извѣстный списокъ — Публ. Библ. Q. XVII. 11, первой половины XVIII в. Переводъ сдѣланъ съ нѣмецкаго, какъ показываютъ арцухъ фонъ Буккингамъ, графъ фонъ Эсексъ и т. п.

Языкъ — русскій, кое-гдѣ съ церковно-славянизмами.

Быть можетъ, это то самое сочиненіе, которое находится въ рукописи Архангельской Духовной Семинаріи съ заглавіемъ: Переводъ съ печатнаго изданія свейскаго языка на цысарскій, а съ цысарскаго на славенскій о казни англинскаго короля Карлуса Стюверта[1]). Къ сожалѣнію, Викторовъ не выписалъ начальныхъ словъ этого текста.

Упомянутый Епифаніемъ Славинецкимъ въ «Оглавленіи книгъ», сдѣланный имъ переводъ книжки: О убіеніи краля аггельскаго, съ латинскаго изданія 1649 года, до насъ, повидимому, не дошелъ.

Исторія Никейскаго собора.

Соборъ Никейскій первый вселенскій, на четыри книги раздѣленый, чрезъ *Альфонса Пизана*, собранія Іисусова. Лѣта отъ воплощенія Сына Божія 1581-го.

Намъ извѣстны два списка — Синод. Библ. №№ 875 и 544 (послѣдній съ поправками на поляхъ), заключающіе въ себѣ переводъ двухъ первыхъ книгъ оригинала. Послѣдній носитъ названіе: Nicaenum concilium, primum generale, in quatuor libros distinctum, per *Alphonsum Pisanum*, S. J. Coloniae, 1581.

1) *Викторовъ*, стр. 46.

Языкъ и ороографія перевода — ученые церковно-славянскіе, кое-гдѣ съ полонизмами: *ведлугъ натури* и т. п.

Родословіе русскихъ царей, Хурелича.

Родословіе пресвѣтлѣйшихъ и вельможнѣйшихъ великихъ московскихъ князей и прочая и всеа Росіи непобѣдимѣйшихъ монарховъ, особымъ тщаніемъ и радѣніемъ изъ розныхъ печатныхъ и рукописныхъ ауторовъ и изъ ыныхъ вѣры достойныхъ памятствованей собранное *Лаврентіемъ Хуреличомъ*, священнаго цесарскаго и королевскаго величества Леопольда I-го совѣтникомъ и священнаго Римскаго государства героальдомъ. 1673 года.

Тишайшему, державнѣйшему и непобѣдимому великому государю царю и великому князю Алексію Михайловичу, Божіею милостію... (полный титулъ), житіе, благополучіе, побѣды и тріумфъ. Пресвѣтлѣйшій, вельможнѣйшій и непобѣдимѣйшій монархо...

Начало: Владиміръ 1. Князь Москвы и Россіи, Святослава сынъ, Игоря внукъ, Рюрика правнукъ, отъ тоя же крови, что и Августъ кесарь...

Послѣдній русскій царь — Алексѣй Михайловичъ.

Далѣе: Зрѣлище царскія чести и крови, на немъже чрезъ осмь частей короны родословно изъявляются, како отъ древнія Владиміра 1-го московскаго великаго царя крови вси нынѣшніе еѵропьстіи короли чрезъ слученная великихъ государей, королей и цесарей супружества, яко и самъ... Алексій Михайловичь, благополучно произыдоша. Тогожде святаго царскаго величества славѣ и чести посвящено.

Начало: Вѣнецъ 1-й, изъясняющій сродство съ умножительнѣйшимъ римскимъ цесаремъ Леопольдомъ...

Далѣе не «вѣнецъ», а «корона». Всѣхъ коронъ 8.

Въ концѣ: Епилогъ. Начало: Видѣлъ еси, непобѣдимѣйшій монархо...

Мы пользуемся списками Моск. Арх. М. Ин. Д. № 26, к. XVII в. (экземпляръ царской библіотеки), и Рум. Муз. № 499, новѣйшаго времени (выписки выше — изъ послѣдняго). Собственныя имена русскія сильно искажены: Вицеславъ вм. Вячеславъ, Разославъ вм. Ростиславъ и т. п. Переводъ, буквальный, не отличается достоинствами. Латинскій оригиналъ не былъ напечатанъ. Авторъ — хорватъ (по мадьярской ороографіи) Churelich?

Языкъ — церковно-славянскій, простой[1]).

Хронологическія таблицы.

1) Академія Наукъ (17. 8. 4) владѣетъ книжкою in 4°, въ бумажномъ обтянутомъ сафьяномъ переплетѣ изящнаго полууставнаго письма XVII в., судя по всему, изъ царской библіотеки, въ которой находятся сравнительныя хронологическія таблицы. Въ первой графѣ находятся года отъ сотворенія міра и отъ Рождества Христова; въ слѣдующей — сначала имена «царей римскихъ» (первый — Іулій Кесарь), потомъ «царей западныхъ» (= германскихъ императоровъ и византійскихъ императоровъ); въ слѣдующихъ — имена папъ римскихъ, патріарховъ іерусалимскихъ, антіохійскихъ, александрійскихъ и константинопольскихъ; въ слѣдующихъ (съ IX в.) — имена русскихъ князей (царей) и митрополитовъ (патріарховъ). Таблицы далеко не полны. Именъ патріарховъ іерусалимскихъ, антіохійскихъ и александрійскихъ нѣтъ уже съ XIII в.; имена патріарховъ константинопольскихъ далеко не всѣ. Оканчиваются 1619 годомъ; послѣднія русскія имена — Вас. Шуйскаго и Ермогена.

Переводъ не русской части сдѣланъ съ латинскаго. Св. папа Климентъ называется: *Клеменсъ*, между патріархами находятся Корн*е*лій, *Ц*еладій, Нар*ц*иссъ, *Г*іераклій. Русская часть составлена въ Россіи.

---

1) Экземпляръ этой книги былъ въ библіотекѣ царя Өедора Алексѣевича. *Востоковъ*, № 499; *Викторовъ*, 212—213.

Заглавія нѣтъ, но на первомъ листѣ сдѣлана надпись подьяческою скорописью XVII в.: «Книга лѣтописецъ римскихъ цесарей и папъ и патріарховъ вселенскихъ»[1]).

2) Спб. Синодальный Архивъ владѣетъ книжкою недурнаго полууставнаго письма, къ сожалѣнію, безъ перваго листа, содержащею (въ параллельныхъ графахъ) списки 1) русскихъ князей, греческихъ царей, римскихъ цесарей, гишпанскихъ, францускихъ, аглинскихъ, польскихъ, дацкихъ, свейскихъ королей, персидскихъ шаховъ, турскихъ салтановъ, съ годами вступленія ихъ на престолъ; 2) патріарховъ константинопольскихъ, александрійскихъ, антіохійскихъ, іерусалимскихъ, россійскихъ и папъ римскихъ[2]). Послѣдніе русскіе государи: Θеодоръ Алексѣевичъ 1676, Іоаннъ Алексѣевичъ 1682 и Петръ Алексѣевичъ 1696; послѣдній патріархъ іерусалимскій — Хрисанθъ 1706. Въ числѣ турскихъ салтановъ—Аттила. Годы—отъ Р. Хр.; цифры — славянскія. Источникъ — на латинскомъ языкѣ, какъ показываютъ многочисленныя имена на *усъ*: Антонинусъ Пиусъ, Сигебертусъ, Алдеранусъ и др.; но польскія имена имѣютъ славянскіе звуки и окончанія: Лѣшекъ, Жемавитъ, Мечеславъ, Болеславъ 2 Крижпосъ (= Crispus?), Лѣшко.

Много искаженій.

Списокъ папъ.

Безъ первыхъ словъ заглавія.

Всѣхъ папъ отъ святаго Петра апостола до нынѣшнихъ временъ отъ старыхъ съ прилежаніемъ собраны.

Слѣдуютъ миніатюрныя изображенія Христа, ап. Петра и папъ до Климента IX включительно (потомъ еще два изображенія безъ подписей). Исполнены тушью и чернилами. Несомнѣнныя копіи съ западныхъ гравюръ. Подъ каждымъ изобра-

---

1) «Лѣтописецъ римскихъ царей», въ полдесть, значится въ библіотекѣ ц. Θедора Алексѣевича въ 1682 г. Можетъ быть, этотъ именно экземпляръ принадлежитъ теперь Академіи Наукъ.

2) Нѣкоторые списки — очень неполны.

женіемъ подпись, гдѣ помѣщаются имя папы и свѣдѣнія, какого онъ былъ рода, сколько времени былъ папою.

Далѣе тѣ же подписи написаны особо, полууставомъ.

Мы знаемъ лишь одинъ списокъ — Академіи Наукъ 34. 3. 16, к. XVII в., въ бумажномъ переплетѣ.

Имена папъ — латинскія: Паулусъ, Иноцентіусъ, Бонифацыусъ и т. п. Оригиналъ, несомнѣнно, — на латинскомъ языкѣ.

Хроника чудесъ К. Ликостена.

Въ началѣ: Предисловіе переводчика.

Человѣкъ великой науки, философъ и дохторъ Кондратъ, прозвище ему *Ликостенесъ*, родился во Итталіянской землѣ, въ городѣ великомъ, которой зовутъ городъ Рубеаква, то есть Красная Вода. Писалъ книгу драгую, дивную, въ которой онъ пишетъ напередъ счетъ, колико изстари и новыхъ мудрецовъ считали годовъ отъ начала свѣта до Рождества Христова, а тутъ 39 написали всякой счотъ свой особной.

Да въ тѣхъ же книгахъ пишетъ чудеса великіе, которые явилися на небеси и на земли отъ начала свѣта до Рождества Христова и до сего вѣка. *И недавно тому* какъ ту книгу пересталъ писать, *1557 по римскому счету*, да переписавъ онъ ту книгу, захвалилъ всему свѣту и тотъ часъ того города великаго Базиліи бояромъ болшимъ думнымъ, самимъ собою живущимъ, межъ себя выбирали людей добрыхъ на власть монархіи. Тотъ же философъ Кондратъ начало свое совершилъ тѣми словесы: послухъ на меня есть Господь Богъ, который чудное дѣло дѣлаетъ, яко душа моя предъ Богомъ есть, что есмь въ тѣхъ книгахъ ничего не смыслилъ, изъ думы своей ничего не писалъ, отъ Адама перваго человѣка съ великою правдою и неложно ту книгу написалъ; и выбралъ я ту книгу отъ великихъ и многихъ мудрецовъ.

....писалъ ту книгу... по римскому счету 1557, а *нынѣ пишутъ по римскому счету 1599*, и тому всему перешло

43 лѣта по сей часъ. Выдалъ на свѣтъ ту книгу въ городѣ Базиліи 1557 мѣсяца сентебря въ 1 день на большомъ соборѣ при Евгеніи четвертомъ папѣ римскомъ и Жигимонта царя римскаго; а печатана та книга въ томъ же градѣ въ Базиліи, печаталъ еѣ Гендрикъ Петровъ сынъ мѣсяца августа, а по римскому счету лѣта 1557, и тому нынѣ 42 лѣта...

Далѣе переводчикъ говоритъ о томъ, кто сколько считаетъ лѣтъ отъ С. М. до Р. Хр.

Заглавіе: Кроника, сирѣчь лѣтописецъ чудесъ великихъ небесныхъ и земныхъ отъ начала свѣта до нынѣшнихъ лѣтъ.

Начало: Лѣта отъ начала свѣта 1-го до Рожд. Хр....

Намъ извѣстенъ списокъ Моск. Общ. ист. и древн. № 121, XVII в., безъ конца. Повидимому, съ нимъ сходны Увар. №№ 1873 и 1976. Оригиналъ—огромное сочиненіе со множествомъ рисунковъ: Prodigiorum ac ostentorum chronicon, quae praeter naturae ordinem, motum et operationem... acciderunt. Per Conr. *Lycosthenem*. Basileae, 1557. Языкъ — русскій, простой[1]).

Воинская книга Юрьева и Ѳомина.

Въ началѣ предисловіе, изъ котораго видно, что въ 1606 г. царь Василій Шуйскій «указалъ Воинскую нѣмецкую книгу перевести на русскій языкъ для вѣдома всякихъ тамошнихъ воинскихъ чиновъ и урядствъ, понеже и въ тамошнихъ странахъ такія драгія хитрости и въ воинскихъ обычаяхъ ученія мудрыми и искусными людьми изыскано... По его государеву приказу переведена бысть сія Воинская книга съ нѣмецкаго нами, двѣма переводчики Михаиломъ Юрьевымъ[2]) да Иваномъ Ѳоминымъ, лѣта... 1607... Подносимъ къ престолу милости вашей сію книгу.

Текстъ начинается (на тетради съ помѣткою: 1) главою

1) Срв. *Поповъ*, Обзоръ, II, 113.

2) Михаилъ Юрьевъ упоминается какъ гонецъ и сынъ боярскій въ 1603 г. *Русск. Историч. Библ.*, VI, №№ 88, 92; Иванъ Ѳоминъ, переводчикъ, какъ гонецъ въ 1613 г. *Соловьевъ*, Ист. Р., указат.

367-ю: Наукъ, какъ зелье дѣлати пищальное въ травѣ, чтобъ добрѣ прудко грянуло. Начало: Да аже похочешь зелье пищальное дѣлати. Слѣдующая глава 382-я: О силѣ сѣрѣ горячей, какъ ее разумѣти. Послѣдняя глава помѣченная цифрою — 499-я: Наукъ, какъ зеленое зелье дѣлати. Затѣмъ, безъ помѣты цифрою, небольшая глава: О ломовой снасти, о воротѣхъ, подъемѣхъ и о шурупѣхъ. Въ концѣ: Конецъ вторые части сее Воинскіе книги.

Списокъ, которымъ мы пользуемся, Публ. Библ. F. IX. 19, половины XVII в., имѣетъ всего 76 листовъ. Нѣмецкая книга, съ которой сдѣланъ переводъ, — 2-я часть книги Kriegsbuch, принадлежащей L. Fronsperger'у, 2-ое изд. Francfurt, 1596.

Рукопись Казанскаго Университета № 1580, вкладъ въ Троицкій монастырь Симона Азарьина 1665 г., представляетъ, повидимому, переводъ первой части. Здѣсь предисловіе (то же, что въ спискѣ Публ. Библ.), оглавленіе и 221 «наукъ». Для заглавія оставлено мѣсто.

Текстъ между 221 и 367 главами, вѣроятно, утраченъ.

Языкъ — русскій, менѣе ясный, чѣмъ у Он. Михайлова [1]).

Воинская книга Он. Михайлова.

Уставъ ратныхъ, пушечныхъ и другихъ дѣлъ, касающихся до воинской науки, состоящій въ 663 указахъ или статьяхъ, въ государствованіе царей и великихъ князей Василія Іоанновича Шуйскаго и Михаила Өеодоровича... въ 1607 и 1621 годѣхъ выбранъ изъ иностранныхъ военныхъ книгъ *Онисимомъ Михайловымъ*. Напечатанъ съ рукописи, найденной въ 1775 году въ Мастерской и Оружейной Палатѣ въ Москвѣ.

---

1) Находившаяся въ библіотекѣ Баузе книга съ заглавіемъ: «Таинства военнаго искуства», переводъ съ книги, поднесенной имп. Карлу V (слѣдовательно, напечатанной не позднѣе 1555 г.), сдѣланный по повелѣнію царя Василія Шуйскаго въ 1606 г., — едва ли трудъ Юрьева и Өомина. Можетъ быть, это — 1-я часть труда Он. Михайлова?

2 части. Спб. 1777—1781. Чертежей и рисунковъ, о которыхъ говорится въ текстѣ, — нѣтъ. Въ началѣ данныя о переводѣ и переводчикѣ.

Лѣта 7114 (=1606) великій государь царь и великій князь Василій Ивановичъ... указалъ сію книгу съ нѣмецкаго и латинскаго языковъ на русскій языкъ перевести..., на Москвѣ, отъ сотворенія міра въ лѣто 7115, а отъ воплощенія Господа... 1607; а потомъ при державѣ... Михаила Ѳедоровича... написалъ сію Воинскую книгу къ царскому величеству его государскій холопъ многогрѣшный *Онисимъ Михайловъ* въ... градѣ Москвѣ въ лѣто 7129 (= 1620), сентября въ 26 день.

Первая статья: О обозѣхъ и полкохожденіи и о станѣхъ, и какъ обозы смыкати и въ нихъ шанцоватися...

Изданіе сдѣлано, очевидно, съ той рукописи, которая изъ библіотеки царя Ѳедора Алексѣевича въ 1682 г. была взята въ Мастерскую Палату; о ней въ описи говорится: двѣ книги письменныхъ ратнаго строю 114 года.

Списокъ этой Воинской книги мы знаемъ лишь одинъ [1]) — Публ. Библ. F. IX. 3, половины XVII в., съ оставленными для рисунковъ мѣстами. Оригиналъ 1-ой части этого огромнаго труда (объ обозахъ, станахъ, мостахъ, объ осадѣ, о сидѣньѣ въ осадѣ и т. п.) намъ неизвѣстенъ. Оригиналъ 2-ой части (объ артиллеріи, изготовленіи пороха и т. п.) — 2-я часть упомянутой выше книги *Fronsperger*'а.

Порядокъ статей нашего текста отличается отъ порядка главъ Kriegsbuch'а, и нельзя ручаться, что послѣднія переведены въ нашемъ текстѣ вполнѣ [2]).

Онисимъ Михайловъ, повидимому, имѣлъ въ рукахъ трудъ Юрьева и Ѳомина; сравни, напримѣръ, заглавіе послѣдней статьи у Юрьева и Ѳомина:

---

1) Издателю печатнаго «Устава» В. Рубану одинъ «ученый» говорилъ, что списокъ его съ чертежами ему случилось видѣть въ библіотекѣ Троицкой Лавры (предисловіе Рубана ко 2-й части).

2) Срв. *Бобровскій*, Постоянныя войска и состояніе военнаго права въ Россіи въ XVII ст. М. 1882, стр. 4, 15—19.

Он. Михайловъ (ст. 650):	Юр. и Ѳом.:
О ломовой снасти, о вȏротѣхъ, подъемахъ и о трубѣхъ.	О ломовой снасти, о вȏротѣхъ, подъемѣхъ и о шурупѣхъ [1]).

Но пользуясь имъ, онъ постоянно справлялся съ нѣмецкимъ оригиналомъ.

Языкъ — русскій, вполнѣ удобопонятный.

Военное искусство, Вальгаузена.

Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей.

Напечатано въ Москвѣ въ 1647 году (*Каратаевъ*, № 629), съ оттиснутыми за границей рисунками.

Оригиналъ — *J. J. Wahlhausen*, Kriegskunst zu Fuss. 1-е изд. Oppenheim, 1615; 2-ое Leerwardein, 1630. Рисунки нашего изданія тѣ же (оттиски тѣхъ же досокъ), что въ 2-мъ нѣмецкомъ изданіи. Это собственно — 1-й томъ большого сочиненія Вальгаузена по военному искусству.

Языкъ — русскій, простой и ясный [2]).

Огненныя художества, Бойлота Лангрини.

Художества огненная и разныя воинскія орудія ко всякимъ городовымъ приступамъ и ко оборонѣ приличныя, издателемъ *Іосифомъ Бойлотомъ Лангрини* изобрѣтенныя. Съ французскаго переведены на нѣмецкій языкъ Яковомъ Бранціемъ. Печатано въ Страсбургѣ 1603 г., по числу россійскаго счету 7111 году. А по указу великаго государя царя и вел. кн. Петра Алексѣе-

---

1) У Фронспергера послѣдняя статья 2-й части: Vom Brechzeug der Windt und Schrauben. Перемѣты главъ цифрами у Фр. нѣтъ.

1-ое изданіе Kriegsbuch'а — Francf. 1573.

2) Срв. *Стасовъ*, Сочиненія, II, 52—54.

вича... преведено съ французскаго и нѣмецкаго языка на русскій языкъ 1685 году.

Начало: Ежели чинъ человѣческаго ока...

Объ этомъ трудѣ, списокъ котораго прежде находился въ Имп. Эрмитажѣ, а теперь хранится въ Имп. Публичной Библіотекѣ (съ чертежами), мы знаемъ отъ *Пекарскаго*, I, 220. Оригиналъ намъ неизвѣстенъ [1]).

О подготовленіи къ войнѣ.

О предъуготовленіи вещей къ войнѣ надобныхъ подобало бы цѣлую исписати книгу, но мы по нашему наставленію вещъ самую только въкратцѣ изъявимъ.

Предъуготовленіе вещей воинскихъ и у старобытности въ употребленіи было, котораго власный судія учиненный майстеровъ начальникъ именовался...

Единственный намъ извѣстный списокъ — Публ. Библ. F. IX, 12, нач. XVIII в. Это — отрывокъ изъ какого-то сочиненія о военномъ искусствѣ (авторъ въ немъ ссылается на другую, въ нашемъ спискѣ отсутствующую главу: Вещъ махины *въ главѣ о вещи польной написалисмо*...).

---

1) Въ Моск. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ № 380—830 хранятся черновыя тетради, разныхъ почерковъ к. XVII — нач. XVIII в., повидимому, переводчиковъ посольскаго приказа, безъ начала и конца. Здѣсь, между прочимъ:

Глава 23. Како запальныя трубки изображати, чтобы бомба, елико возможно, при низпаденіи вдругъ разсыпалась (л. 77).

Глава 2. Како свертки ракетные дѣлать, набивать... (л. 106 об.).

Этотъ текстъ не имѣетъ ли какого-нибудь отношенія къ «Огненнымъ художествамъ»?

Укажемъ еще на рукопись Академіи Наукъ 16. 6. 32, к. XVII—н. XVIII в. На первомъ ея листѣ бѣглою скорописью: «Описаніе художества артиллерійскаго воинское и потѣшное». Текстъ начинается отдѣломъ: О изготовленіи размѣрной палки (начало: Какъ размѣрной палки различнымъ вѣсомъ на камени, желѣзѣ, свинцѣ ..) Послѣдній отдѣлъ: Водяныя бочки съ водяными ракетами изготовить. Содержаніе: устройство литейныхъ заводовъ, изготовленіе пушекъ, ядеръ, гранатъ и т. п. При каждомъ отдѣлѣ чертежи, таблицы и исполненные тушью рисунки.

Языкъ — русскій, съ огромнымъ количествомъ малоруссизмовъ и полонизмовъ и съ кое-какими церковно-славянизмами.

Причины успѣха на войнѣ.

Вины благополучія на браны.

Первая вына благополучія на браны — брань праведная.

Начало: Всякъ воюяй неправедне разбиваетъ, а не воюетъ, и иже ему помоществуютъ, тому же суть прегрѣшенію виновны...

Вторая вина благополучія на браны — быти во вѣрѣ православпой.

Начало: Можетъ до времене и невѣрнымъ на браны благополучіе служити...

Послѣдняя вина — 24-я.

Единственный намъ извѣстный списокъ — Публ. Библ. F. I. 326, к. XVII — нач. XVIII в.; онъ представляетъ часть какой-то рукописи, такъ какъ первая его страница помѣчена цифрой 145. Оригиналъ этого небольшого сочиненія (41 листъ) или части сочиненія намъ неизвѣстенъ (повидимому, онъ на латинскомъ языкѣ).

Языкъ — церковно-славянскій, съ многочисленными малоруссизмами.

Что нужно знать воину.

Часть первая, о вопросахъ и отвѣтахъ вѣдѣнію воинскому благопотребныхъ.

Начало: Естественное есть и природное человѣку желаніе еже вѣдѣти, познавати и разумѣти вещи...

Вопросъ первый: Откуду война и брань иматъ свое начало. Отвѣтъ: Мнози вознепщеваша, яко война и брань...

Послѣдній, 20-й вопросъ: Како воину отъ брани пришедшему въ дому своемъ жити подобаетъ. Отвѣтъ: Иныя суть добродѣтели воинскія...

Намъ извѣстенъ одинъ списокъ—Уваров. № 2228, к. XVII в.

Тексты свящ. писанія (ихъ много) въ обычномъ церковно-славянскомъ переводѣ.

Языкъ — церковно-славянскій ученый [1]).

Голландскій воинскій уставъ о наказаніяхъ.

Провы или уставы воинскіе въ Галанской земли.

Начало: Прово или правила воинскіе, якоже и гражданскіе, роду человѣческому зѣло потребны будутъ...

Статья 1. Начало: Въ началѣ же подобаетъ воеводѣ быти, во образъ протчимъ, житіемъ безпорочну, чисту, воздержну...

Всего 82 статьи.

Мы знаемъ лишь одинъ списокъ — Публ. Библ. Q. XVII. 87, второй половины XVII в. (л. 108 сл.).

Языкъ—русскій, не вездѣ удобопонятный [2]).

О случаяхъ военныхъ, Фронтина.

Книги Іулія *Фронтина*, сенатора римскаго, о случаехъ военныхъ, на четыре части раздѣленныя. Сіи первоновопреведенныя на славено-россійскій языкъ дѣлотщаніемъ труждающихся въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ... 1692 лѣта.

Посвященіе Петру I, подписанное *Каріономъ Истоминымъ*.

Начало 1-ой главы: Марко Портій Катонъ, разумѣя, яко грады испанскія отъ него побѣжденныя во время надежды крѣпкихъ стѣнъ противостояти имяху...

Единственный намъ извѣстный экземпляръ, тотъ самый, который былъ поднесенъ Петру, — Моск. Арх. Мин. Ин. Д. № 257 — 462. Переводъ сдѣланъ съ польскаго. Оригиналъ—

1) Возможно, что передъ нами оригинальное русское произведеніе.

2) Эта книга была въ библіотекѣ кн. В. В. Голицына въ 1689 г. *Розыскныя дѣла о Өедорѣ Шакловитомъ*, т. IV, стр. 56. Поэтому ее нельзя считать переводомъ А. А. Виніуса, упоминаемымъ у *Пекарскаго*, I, 203.

Książki Juliusza *Frontina*, senatora rzymskiego, o fortelach wojennych... księgi czwore. Przez urodzonego Jakuba Cieleckiego z łacińskiego języka na polskie przełożone. Teraz nowo wydane. Roku 1609, w Poznaniu.

Языкъ — ученый церковно-славянскій, не вездѣ достаточно удобопонятный. Отмѣтимъ: С*ик*илія, *к*есарь, Пелоппон*исъ* и т. п. Полонизмы: отъ *габицыковъ* (= жителей Габій), *локренчики* (жители Локръ), Аріовистъ немецкій *кроль*, Клавдій *бормистръ*, Дуеллій *бормистръ* (= консулъ) [1].

Книга о псовой охотѣ, Остророга.

Сія книга о содержаніи псовой охоты и о порядкахъ, какъ надлежитъ знающему и прямому охотнику содержать охоту, и дабы всякій охотникъ въ своемъ званіи зналъ свою должность. Которая раздѣляется на семь частей, а переведена съ польскаго діалекта на россійскій языкъ ловчимъ королевства польскаго и воеводою познанскимъ *Іанномъ Загарскимъ* въ городѣ Варшавѣ 1649 году и поднесена имъ польскому королевичу Владиславу Жихмантовичу. А писана сія книга, называемая Охотничій порядокъ, въ Санктъ-Петербурхѣ декабря дня 1748 году.

Посвященіе автора королевичу Владиславу Жихмантовичу. Начало: Между сими preднѣйшими благородными особами...

О настоящемъ первомъ порядкѣ. Глава 1-ая.

Начало: Во-первыхъ, кто главный дому начальникъ, повелитъ первому своему охотнику...

7 главъ. Въ концѣ «реэстръ» — клички собакъ въ алфавитномъ порядкѣ.

Мы знаемъ два списка: Публ. Библ. Q. X. 7, 1748 г., и Q. X. 3, послѣ 1782 г. [2]). Судя по всему, Іоаннъ Загарскій есть не кто иной, какъ графъ *Jan Ostrorog*, воевода познанскій, издав-

---

1) Срв. *Пекарскій*, I, 210; *Брайловскій*, Каріонъ Истоминъ, М. 1889, стр. 92 слѣд.

2) Этотъ второй списокъ — копія съ перваго списка.

шій книжку Myślistwo z ogary, съ посвященіемъ королевичу Владиславу (второе изданіе которой вышло въ Краковѣ въ 1649 г.). Посвященіе русскихъ списковъ совпадаетъ съ посвященіемъ Остророга (начало: Między wszystkiemi najprzedniejszemi dobrodziejstwy...), но текстъ самаго сочиненія въ нашихъ спискахъ совершенно отличенъ отъ текста польской книжки. Очевидно, сдѣланный у насъ переводъ труда Остророга подвергся передѣлкѣ русскихъ читателей охотниковъ и измѣнился до неузнаваемости.

Книжка: *Псовый охотникъ*. Изд. любителемъ псовой охоты Г. Б. (М. 1785), представляетъ собою новую передѣлку труда Остророга. Издатель въ предисловіи говоритъ: Будучи въ деревнѣ, случилось мнѣ у одного моего пріятеля найти въ библіотекѣ его письменную старинную книгу, *переведенную съ польскаго* на россійскій языкъ, подъ названіемъ: О содержаніи псовой охоты... Вознамѣрился я, переправивъ... и дополнивъ, оную издать.

Книга о псовой охотѣ, фон-Лесси.

Книга Охотничій регулъ, или порядокъ о содержаніи псовой охоты, имѣетъ въ себѣ 40 главъ, а раздѣляется на 4 части. 1635-го году, августа дня.

Сочиненіе рижскаго нѣмца стольника Крестьяна Алгердовича сына *Фон-Лессіина*, поднесенная государю царю Алексѣю Михайловичу всея Россіи самодержцу.

Посвященіе автора царю Алексѣю Михайловичу заключаетъ въ себѣ слѣдующее: Множество исходя государствъ, изыскивая во псовыхъ охотахъ исправностей, въ чемъ я свою жизнь препровождаю... живу въ свѣтѣ 63 года, а веселостей ни въ какихъ забавахъ не нахожу, акромѣ псовъ. Я надѣюся, что полюбится на васъ, государь, и всему обществу мои вседостойныя примѣчанія... Подпись: Всенижайше подноситъ вашъ холопъ Крестьянъ Алгердовичъ.

Послѣ посвященія: Переведена съ нѣмецкаго на россійскій языкъ смоленскимъ шляхтичемъ Аркадіемъ *Станкевичемъ*.

Глава 1. Какъ содержать псовую охоту въ порядкѣ, о различныхъ вещахъ и о ловчемъ его, если содержатель исправной псовой охоты слѣдовать моему приказу, когда...

Въ концѣ клички собакамъ въ алфавитномъ порядкѣ.

Единственный намъ извѣстный списокъ — Публ. Библ. Q. X. 3, к. XVIII в. (послѣ 1782 г.). Оригиналъ — рукописное сочиненіе фон-Лесси.

Языкъ — русскій, не вездѣ удобопонятный.

Гиппика.

1. Ко благосердому воинскому читателю.

Начало: Много умѣти, много и вѣдѣти, много разумѣти, тѣ вещи, благосердый читателю...

Что въ сихъ четырехъ книгахъ и во всякой ихъ главѣ заключается...

Въ 1-ой книгѣ говорится о мастяхъ конскихъ, о жеребцѣ, кобылахъ, какъ припускать, когда, какъ кормить и т. п. Во второй—о выѣздкѣ, о конюшнѣ, конюшемъ. Въ 3-й—о мундштукѣ, удилахъ. Въ 4-ой о лѣкарствахъ.

Въ концѣ: Преведена сія книга въ царствующемъ велицѣмъ градѣ Москвѣ 1685 года преводникомъ Стахіемъ *Гадзаловскимъ*.

Намъ извѣстны списки: Публ. Библ. Q. X. 8 (изъ него мы взяли выше приведенное) и F. X. 1, XVIII в. Оригиналъ—Hippica albo nauka o koniach, sposob natury, przymiotów różnych końskich poznania, wychowania, cwiczenia i uleczenia różnych chorob i przypadków podająca. Przez jednę znaczną osobę roku 1647 do druku podana, a teraz swieżo... przedrukowana. W Krakowie, w drukarni akademickiej. Sine anno. Послѣ заглавія: Do łaskawego ryterskiego czytelnika. Начало: Wiele umieć, siłą widzieć, wiele rozumieć... [1]).

---

1) Мы пользовались экземпляромъ Варшавскаго Университета (IV. 30. 1—25).

Языкъ — русскій, съ церковно-славянизмами, тяжелый и не вездѣ удобопонятный.

2. Гиппика или наука о коняхъ, способъ натуры, примѣтъ разныхъ конскихъ познанія, вскормленія, ученія, такъ разныхъ немощей и тяжкихъ припадковъ лѣченіе подающая. Чрезъ одну знатвую особу 1647 къ печатанію предложена, а нынѣ ново... типомъ изданна въ Краковѣ, въ типографіи академицкой. Нынѣ паки на россійскій просторѣчный діалектъ преведена. Лѣта Христова 1752 года.

Гиппика о коняхъ.

Къ благопріятнымъ рыцарскимъ читателемъ.

Начало: Много умѣти, много вѣдати, много разумѣти сіи вещи суть, читателю...

Въ концѣ (передъ «реестромъ»): Съ благодѣяніемъ и привиллегіемъ свщ. королевскаго величества. Въ Краковѣ, въ типографіи академической.

Единственный намъ извѣстный списокъ—Публ. Библ. F. VI. 6, XVIII в. Дата, приведенная выше, относится къ этому списку, а не къ переводу. Оригиналъ тотъ же.

Языкъ — русскій тяжелый.

Школа верховой ѣзды, Плувинеля.

1. Книга лошадинаго ученія, преведена съ французского письма на рускій языкъ въ нынѣшнемъ во 179 (= 1670) году, декабря въ 20 день.

Королевская ѣздная школа господина *Плувиннела* королевскаго величества высшаго конюшаго... въ другіе наложено и на высокій нашъ нѣмецкій языкъ преведено въ городѣ Броншвейку, печатано чрезъ Андреа Дункера, вспоможеніемъ Готфрида Миллера.

Посвященіе.

Мы знаемъ лишь списокъ Публ. Библ. F. XI. 1, к. XVII в., въ переплетѣ съ позолотой, принадлежавшій, несомнѣнно, царской

библіотекѣ. Въ немъ находится заглавный листъ оригинала, гравюры оригинала и между ними портретъ Людовика XIII, гравированный въ 1626 г.[1]). Оригиналъ — Le maneige royal de *Pluvinel*, Braunschweig, 1653, съ текстами французскимъ и нѣмецкимъ. Переводъ сдѣланъ съ нѣмецкаго.

Языкъ — русскій, съ глаголами въ концѣ предложеній и съ полонизмами, тяжелый, хотя и понятный.

2. Ученіе, како объѣзжати лошадей, се есть художество о яжденіи, умершаго господина Антоніа де *Плувинелла*, королевскаго величества французскаго начальнаго конюшего, думнаго статскаго коморника и подгубернатора.

Начало: Королевскому величеству французжскому.

Милостивѣйшій король и государь, усердно болѣзную, что нынѣ принужденъ учинился рукою перо воспріяти...

Единственный экземпляръ, также изъ царской библіотеки,— Публ. Библ. Погод. № 1717, XVII в., на александрійской бумагѣ, съ золотомъ на мѣстѣ киновари, съ вклеенными заглавнымъ листомъ и гравюрами оригинала. Переплетъ бумажный съ позолотою. Оригиналъ — Instruction du roi, en l'exercice de monter à cheval. Par Messire Antoine de *Pluvinel*. Paris, 1629. Переводъ сдѣланъ какъ будто съ нѣмецкаго.

Языкъ — русскій, кое-гдѣ съ церковно-славянизмами[2]).

---

1) О другомъ спискѣ см. въ словарѣ м-та Евгенія, II, 286.

2) Послѣ сочиненія Плувинеля въ рукописи Публ. Библ. находится рядъ гравюръ и заглавный листъ изъ книги: Equile Joannis Austriaci Caroli V Imp. F. In quo omnis generis generosissimorum equorum ex variis orbis partibus insignis delectus. Ad vivum omnes delineati a celeberrimo pictore Johanne *Stradano*, Belga Brugensi. Et a Philippo *Gallaeo* editi. Гравюры изображаютъ лошадей разныхъ породъ. Латинскія ихъ подписи (въ стихахъ) въ нашей рукописи переведены (иногда стихами) и написаны на нихъ же. Текста нѣтъ.

Снимки съ обѣихъ рукописей царской библіотеки—въ изданіи Археологическаго Института: «Палеографическіе снимки съ русскихъ рукописей XII—XVII вѣковъ», табл. XL и XLI.

Руководство по коннозаводству.

1. О строеніи конскаго дому.

Начало: Подобаетъ великому и можному пану и господину дворъ построить для пригону и покою конскаго стада...

Другое дѣло. Описаніе коней чужеземскихъ. О персянскомъ 1, о арабскомъ 2, о барбарскомъ...

Третіе дѣло. О конюшемъ и подконюшемъ... и о аптекѣ конской.

Подлинникъ «аптеки»: издадеся сія книга римскаго государства при дворѣ цесарскаго величества въ лѣто 1687-го году, марта въ 16 день. [Едва ли «цесарское величество» не передѣлано изъ фамиліи краковскаго типографа того времени Cezary, род. пад. Cezarego].

Единственный намъ извѣстный списокъ — Моск. Румянц. Муз. № 282, XVII в.

Рисунки: изображенія лошадей разныхъ породъ, конюшни и т. п.

Оригиналъ, несомнѣнно на польскомъ языкѣ, намъ неизвѣстенъ.

Языкъ — русскій, съ полонизмами.

Поваренная книга, Чернецкаго.

Артикулъ поварн... принадлеж...

Раздѣленіе первое, въ которомъ замыкается сто образцовъ, какъ строить потравы мясныя разными прибавками.

Первый росолъ. Подобаетъ вѣдати, какъ тотъ первый росолъ готовить: мясъ говяжьихъ, телячьихъ...

Единственный намъ извѣстный списокъ — Публ. Библ. Q. X. 4, самаго начала XVIII в. Оригиналъ — Compendium ferculorum albo zebranie potraw, przez urodzonego Stanisława *Czer-*

nieckiego. W Krakowie, 1682[1]). Нашъ текстъ не имѣетъ посвященія и разсужденія о поварѣ, находящихся въ оригиналѣ.

Языкъ—русскій, съ множествомъ полонизмовъ.

Экономика, Петриція.

Экономики Аристотелесовой, сирѣчь Домостроенія, съ приданіемъ книги двои, съ которыхъ учится всякъ домостроитель, какъ имать управляти жену, чадъ, рабовъ и имѣнія. Въ концѣ книгъ сихъ суть приданія, въ которыхъ ширѣй и удобнѣй придается, что до той же вещи принадлежитъ.

Преложено есть сіе съ языка латинскаго и польскаго на славенскій въ царствующемъ градѣ Москвѣ лѣта 1676 году, мѣсяца февраля въ 26 день, трудами стольника Ѳеодора Григорьева сына *Богданова*.

Начало 1-й главы 1-й книги: Домостроительство и гражданское житіе между собою разными суть...

Двѣ книги (въ первой 6, во второй 4 главы). Затѣмъ: Приданіе до двоихъ книгъ Экономики Аристотелевой.

Языкъ — церковно-славянскій, простой и ясный.

Единственный намъ извѣстный списокъ—Румянц. Муз. Пискар. № 627, половины XVIII вѣка[2]). Оригиналъ — Oekonomiki Aristotelesowej, to jest rządu domowego z dokładem księgi dwoje..., w których się może nauczyć każdy gospodarz, jako się obchodzić z żoną, z dziećmi, z czeladzią, z majętnością... Powtore wydanie poprawione... z pracej doktora Sebastiana *Petricego* medyka. W Krakowie, 1618 (1-е изд. 1603 г.).

---

1) Эта книга (изъ числа принадлежавшихъ Сильв. Медвѣдеву) значится въ описи книгъ Заиконоспасскаго монастыря 1689 г. и теперь находится въ Моск. Типографской Библіотекѣ.

2) Другой былъ въ библіотекѣ Бауве (№ 268).

Экономія земская.

Сокровище извѣстныхъ тайнъ економіи земской.

Ключь до сокровища економіи земской, въ немъже разные новые и собственные замыкаются о урожденіяхъ и пожиткахъ земскихъ въ трактатахъ 30 во едино собранные матери, ради лучшаго благоразумному читателю изобрѣтенія, показующе, что въ книгѣ сей замыкается и обрѣтается. Оглавленіе трактатомъ...

Начало 1-го трактата: Не можетъ быти лучшая, достойнѣйшая первѣйшая бесѣда, яко о господарствѣ земскомъ, понеже...

Заглавіе первой главы: Вины урожденія и неурожденія. Начало: Яко всякая вещь...

Въ концѣ: Конецъ сей книги, Економія названной, полагается.

Обширное сочиненіе о земледѣліи, скотоводствѣ, птицеводствѣ, рыбоводствѣ, охотѣ, лѣченіи животныхъ, воспитаніи дѣтей, искусствахъ и т. д. Дѣлится на 30 трактатовъ, которые въ свою очередь дѣлятся на главы.

Единственный намъ извѣстный списокъ — Публ. Библ. F. X. 5, нач. XVIII в. Оригинала мы не знаемъ, и можемъ о немъ сказать лишь то, что онъ — на польскомъ языкѣ[1]).

Языкъ — русскій, съ церковно-славянизмами и полонизмами. Послѣднихъ очень много.

Сочиненіе по сельскому хозяйству.

Единственный списокъ — Уваров. № 2229, нач. XVIII в., имѣетъ самый печальный видъ: большое число листовъ утрачено, сохранившіеся изорваны и при переплетѣ перебиты. Приводимъ нѣсколько извлеченій.

л. 1. Регула, о пшеницѣ и выборѣ полезныхъ ради еѣ мѣстъ.

---

1) Мы сличали съ книгою *Haur*'a Ziemiańska generalna oeconomia, Krak. 1679. Послѣдняя, вѣроятно, оригиналъ «Генеральной Экономики», переведенной съ польскаго въ 1720 г. (Баузе, № 236).

Начало: 1. Здѣсь только сугубый родъ пшеницы обрѣтается: 1 безъ осей, другая же съ осьми...

л. 3. Регула 2, въ которой объявляется другія примѣненія економическая, огородныя и полевыя, и о землѣ къ плодородію способной и неспособной.

Начало: Разность земли экономической, огородной и хлѣбородной познавается...

л. 16. Регула 3, о разсмотрѣніи древесъ плодородныхъ...

л. 27. Вѣдѣніе 2. О сѣменахъ въ своемъ раздѣленіи.

Регула 1, о ржи и о примѣчаніяхъ о ней економическихъ.

Начало: 1. Рожь наша сугубая есть: одна озимая, а другая яркая...

л. 27 об. Регула 5, о оркишу самопше ячменю.

Начало: Оркишъ походитъ частію на пшеницу...

л. 32. Регула 2, о аржаномъ хлѣбѣ. Начало: Хлѣбъ ржаной свѣтлой муки...

л. 52 об. Регула 4. О пивахъ съ разнаго хлѣба дѣлаемыхъ и ихъ пользѣ или вредѣ.

Начало: Солодъ на пиво не вездѣ равный дѣлаютъ...

Часть листовъ принадлежитъ лѣчебнику (въ сельско-хозяйственныхъ сочиненіяхъ стараго времени обыкновенно помѣщается и лѣчебникъ).

Между прочимъ:

Глава 49, о пострѣлѣ. Начало: Понеже суть пострѣлъ мало что лучше, нежели францы, умыслили есми тутъ написати...

Языкъ, русскій, съ такимъ огромнымъ количествомъ полонизмовъ, что цѣлыя фразы кажутся польскими, написанными русскими буквами. Оригиналъ, несомнѣнно, — на польскомъ языкѣ.

Риторика.

Предословіе на риторику съ прикладомъ.

Начало: Царь нѣкій обрѣте землю удобну...

Нарѣчіе предословія риторическаго.

Начало: Азъ есмь риторика доброглаголиваго и яснозрительнаго разумѣнія;

Мною грамматика исполняется

И діалектика украшается;

Азъ, связующися съ сими ученіи, витійскую мудрость составляти научаю

И богословная реченія ясно глаголати и вѣщати вразумляю...

(Стихи съ риѳмами, различной величины).

Книга глаголемая риторика, сирѣчь наука добрословія или хитрорѣчію учащая.

Книги риторики суть двѣ потонку въ вопросѣхъ написаны, скораго и удобнаго ради ученія.

Книга первая. О изобрѣтеніи дѣлъ.

Начало риторики: Что есть риторика и что держитъ ученіе ея? Риторика есть, яже учитъ пути правому...

Книга вторая. О украшеніи слова.

Мы пользовались списками: Синод. Библ. №№ 861 (изъ него взято находящееся выше), 918 и 933, Румянц. Муз. Рум. № 192, Унд. № 874, Муз. № 2778, Публ. Библ. Погод. № 1663. Они всѣ имѣютъ одинъ и тотъ же текстъ; но нѣкоторые начинаются словами: Книги риторики суть двои... Это — небольшой, но хорошо составленный учебникъ риторики, безъ цитатъ изъ латинскихъ авторовъ (обычныхъ въ западно-европейскихъ риторикахъ XVI—XVII вв.). Судя по всему, оригиналъ его былъ на латинскомъ языку. Переводчикъ зналъ по-гречески: *Кик*еронъ, Ли*к*иніушъ, Д*и*мостенъ, р*и*торъ (рядомъ: синекдох*е*, синкоп*е* и т. п.). Такъ какъ старшіе списки относятся къ двадцатымъ годамъ XVII в. (Синод. № 933—1620 г. [1]), Унд.—1623 г.) и такъ какъ царская грамота въ Троицкій монастырь 1616 г. объ исправленіи требника тѣми монахами, которые «грамматику и *риторію* умѣютъ», заставляетъ думать, что въ началѣ XVII в.

1) Въ Типографской Библ. есть другой списокъ 1620 г. *Погорѣловъ*, Библіотека Моск. Синод. Типографіи, вып. II, стр. 23, 29. Это — копія съ списка 1620 г.?

риторика была въ Москвѣ уже хорошо извѣстна, то позволительно считать нашу риторику переведенною не позже конца XVI в.

Языкъ — церковно-славянскій, правильный и ясный, безъ полонизмовъ и западно-руссизмовъ (впрочемъ: Ликиніумъ и т. п.).

Риторика безъ заглавія.

Бесѣда 1 предословная.

Вопросъ. Что есть риторика? Отвѣтъ. Риторика есть хитрость добрѣ глаголати. Вопросъ. И что есть глаголати добрѣ?...

Бесѣда 2, въ нейже предлагаюгся (!) о коейждо особь части. Слово о началѣ.

Вопросъ. Уразумѣхъ убо отъ прежней бесѣды твоей, что есть каяждо часть слова...

Бесѣда 3, о изобрѣтеніи. Вопросъ. Что убо изобрѣтеніе есть?...

Бесѣда 4, о чиннооложенію и изреченію.

Часть 1, о чинноположенію. Вопросъ. О чинноположенію хотяще бесѣдовати...

Бесѣда 5, о памяти и проповѣди. Вопросъ. Четвертую риторики часть...

Уваров. № 2112, нач. XVIII в. (л. 230 сл.).

Повидимому, это — не вполнѣ переводъ; во всякомъ случаѣ текстъ имѣетъ видъ передѣлки латинскаго сочиненія (есть ссылки на Квинтиліана, Виргилія, Катулла, рядомъ съ ссылками на греческихъ церковныхъ историковъ).

Языкъ—церковно-славянскій, ученый и тяжелый. Переводчикъ имѣлъ польско-латинское образованіе: *жродло*, «*аллегорія римскіи* превращеніе», апострофе; но зналъ по-гречески: тропосъ, схима, *К*едринъ, *К*икеронъ.

Словари.

1) Лексиконъ латинскій зъ *Калепина* преложенный на славенскій, отъ созданія міра 7150 (= 1642). Судя по датѣ, принадлежитъ не Епифанію Славинецкому, а одному изъ переводчиковъ посольскаго приказа.

2) Dictionarium latinosclavonicum operi *Ambrosii Calepini*... conformatum, studio... patrum Epiphanii Slavenickii, Arsenii Koreckii Satanoviensis... Moschovia... 1650.

3) Лексиконъ латинскій зъ *Калепина* преложеный или преведеный на славенскій діалектъ, лѣта... 7193 (= 1685).

Всѣ эти словари — сокращенный переводъ, съ измѣненіями и дополненіями, словаря *A. Calepini* Dictionarium linguarum.

4) Лексиконъ греко-славено-латинскій, Епифанія Славинецкаго.

Переводъ словаря *Jo. Scopulae* Lexicon graecolatinum. Трудъ, въ свое время цѣнившійся высоко. Списокъ его, принадлежащій Архангельской семинаріи, имѣетъ при себѣ прошеніе Николая (Головина, справщика) патр. Адріану объ его изданіи (*Строевъ*, 108)[1].

5) Лексиконъ языковъ польскаго и славенскаго скораго ради изобрѣтенія и уразумѣнія... Написася въ царствующемъ градѣ Москвѣ..., лѣта отъ воплощенія Сына Божія 1670. Передъ текстомъ лексикона небольшое предисловіе (редактора).

Намъ извѣстно два экземпляра: Моск. Типографской Библ. № 1792 (отсюда заглавіе), подробно описанный Погорѣловымъ (№ 42), и Чудова мон. № 366, XVII в., безъ заглавія и предисловія. Редакторъ словаря воспользовался извѣстнымъ въ свое время польско-латино-греческимъ словаремъ Кнапскаго.

Экземпляръ Типографской Библіотеки принадлежалъ Сильвестру Медвѣдеву. Сравни у Баузе № 3: Словарь польско-русскій 1688 г.

---

1) Житіе Ѳ. Ртищева разсказываетъ, что Епифаній составилъ свой словарь по просьбѣ Ртищева (*Росс. Вивліоѳика*, XVIII, 401). Но этотъ разсказъ, какъ

6) Лексиконъ россійско-латинско-шведскій. Списокъ конца XVII в. въ Моск. Арх. М. Ин. Д. № 244—444. Вѣроятно, и этотъ словарь — переводный.

Краткая грамматика Доната съ дополненіями.

Издана акад. *И. В. Ягичемъ* въ «Изслѣдованіяхъ по русскому языку», т. I, стр. 812 слѣд., съ введеніемъ. Изъ предисловія въ спискѣ Казанскаго университета видно, что переводъ ея былъ сдѣланъ *Дмитріемъ Герасимовымъ* еще во дни его молодости[1]), а былъ пущенъ въ обращеніе, безъ достаточнаго исправленія, въ 1522 году. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что Герасимовъ имѣлъ въ виду дать русскимъ переводъ *латинской* грамматики, руководства для изученія латинскаго языка, и что переписчики его труда выкинули изъ него все писанное латинскими буквами, оставивъ одинъ русскій текстъ.

Интересно, что въ казанскомъ спискѣ латинское *с* часто передается чрезъ русское *с*: са*с*ердосъ, фели*с*иа, спе*с*иесъ, са*с*еръ (при *ц*ивитасъ), а въ Синодальномъ № 738, нач. XVII в., на мѣстѣ этого *с* стоитъ *ц*: са*ц*ердосъ и т. д.[2]).

и многіе другіе разсказы житія, не заслуживаетъ вѣры. Московское правительство XVII в. заботилось о составленіи словарей и, напр., Спаѳарію вмѣняло въ обязанность это дѣло. Оно должно было побудить Епифанія къ работѣ.

Объ этихъ словаряхъ см. статью *Брайловскаго* въ *Русск. Филолог. Вѣстн.* 1890 г., № 2, и изслѣдованіе *Погорѣлова* въ изд. «Библіотека Моск. Синод. Типографіи», вып. II.

У Баузе (№ 4) былъ еще *Линднеровъ* латино-греческій словарь съ славянскимъ переводомъ XVII в.

1) Повидимому, эта грамматика, подъ именемъ «Осмочастной книги» (= «о осми частехъ вѣщаній» = de octo partibus orationis), была послана Герасимовымъ архіеп. Геннадію изъ Рима ок. 1491 г. (посланіе Герасимова о бѣломъ клобукѣ).

2) Синодальный списокъ остался неизвѣстнымъ И. В. Ягичу.

Есть упоминаніе о переводѣ съ польскаго какой-то грамматики въ 1586 г. *Андреемъ Олферьевымъ*. Искаженный текстъ (объ окончаніяхъ русскихъ именъ муж., жен. и ср. родовъ)—въ рукописи Публ. Библ. F. IV. 158, послѣ извлеченія изъ Космографіи Бѣльскаго (см. выше, стр. 55).

Мусикійская грамматика, Н. Дилецкаго.

1) Грамматика мусикійскаго пѣнія, или извѣстная правила пѣнія въ слозѣ мусикійскомъ, въ нихъже обрѣтаются шесть частей или раздѣленій.

(Эпиграфъ). Воспою Господеви, дондеже есмь. Воспойте Господеви пѣснь нову.

Издася въ Смоленску Николаемъ *Дилецкимъ* въ лѣто отъ Р. Х. 1677.

Во «вводящихъ», т. е. во введеніи, авторъ говоритъ, что «не тако пространнѣ, якоже нѣкогда въ Вильнѣ, написахъ грамматику мою; сокращеннѣ ю нынѣ, раздѣливше надвое, предлагаю».

Мы знаемъ только списокъ М. Арх. М. Ин. Д. № 532—1024, XVIII в.

2) Идеа грамматикіи мусикійской, составленная прежде Николаемъ *Дилецкимъ* въ Вильнѣ, послѣжде имъ же преведена на славенскій діалектъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ отъ с. м. 7187 (1679) году.

Предисловіе — панегирикъ Г. Д. Строганову. Начало: Во благородныхъ благородному и въ именитыхъ именитому господину.

Списокъ Моск. Синод. Училища церк. пѣнія подробно описанъ о. *Металловымъ* въ *Русск. Музык. Газетѣ* 1897 г., № 12. Здѣсь также о спискѣ Моск. Дух. Акад., принадлежавшемъ Строганову.

Оба произведенія, повидимому, представляютъ сокращенный переводъ труда, написаннаго по-польски и, можетъ быть, изданнаго печатно въ Вильнѣ[1]).

---

1) Польская библіографія знаетъ лишь одно соч. Дилецкаго: Toga złota w nowej świata metamorphosi, szlachetnemu magistratowi Wileńskiemu, przez Mikołaja *Dileckiego*, akademika Wileńskiego. W Wilnie, 1675.

О Дилецкомъ, кромѣ статьи о. Металлова, см. *Разумовскаго*, Церк. пѣніе въ Россіи, стр. 211—212, *Преображенскаго*, въ *Р. Музык. Газ.* 1897 г., № 8, стр. 405, и *Саккетти* въ *Ж. М. Нар. Пр.* 1901 г., № 8, стр. 62.

Третій трудъ Дилецкаго — *Мусикія* («написася первое съ писемъ древнихъ доброписцевъ, второе изысканіемъ діакона Іоанникія Трофимова сына Коренева, что служилъ у великаго государя на сѣняхъ въ соборѣ Стрѣтенія Господня, послѣди же совершися Николаемъ Павловымъ сыномъ Дилецкимъ лѣта 7189, маія въ 30-й день») — не можетъ быть считаемъ за переводный. Онъ намъ извѣстенъ по отличному списку М. Общ. ист. и древн., XVII в. (новая копія съ него — Публ. Б. F. XII. 56).

О годѣ, мѣсяцахъ и т. д.

Рисунокъ (несомнѣнно, копія съ западно-европейской гравюры) изображаетъ царя на престолѣ (= годъ), съ надписью: наставшему дивимся. Къ нему слѣва поднимается по ступенямъ царь юноша, съ надписью: будущаго чаемъ. Отъ него справа сходитъ царь старикъ, съ надписью: минувшее хвалимъ.

Надъ рисункомъ текстъ:

Дни суетъ. О наставшемъ и о будущемъ и минувшемъ царя философское любонравное ученіе житія человѣческаго.

Начало: Не вся глаголемъ, яже вѣдаемъ, ниже вся творимъ, елико хощемъ... (о томъ, что все суетно).

Далѣе, безъ заглавія: Царь убо нѣкій бяше славенъ и великъ зѣло и благороденъ и вельми богатъ и свѣтелъ...

Такъ называемая притча о царѣ годѣ, о веснѣ, лѣтѣ, осени и зимѣ, съ рисунками четырехъ временъ года. Послѣдніе въ главномъ — въ изображеніи временъ года въ видѣ царей — такіе же, какъ и въ другихъ рукописяхъ[1]), но имѣютъ свои частности. Именно, въ нихъ по сторонамъ и въ низу времени года изображены происходящія въ немъ дѣянія, сценки изъ русскаго быта, не имѣющія ничего западнаго, кромѣ одной: изображены три бочки съ виномъ; изъ одной цѣдятъ вино въ посудину; тутъ же пьютъ вино.

---

1) Изданы *Буслаевымъ* въ его «Очеркахъ».

Въ концѣ (послѣ толкованія зимы): ...аще не бы Господь Богъ далъ весну и лѣто на поданіе плодомъ земнымъ. Оставимъ же сія и на *предиреченную возвратимся притчю, о нейже* намъ слово предлежитъ. Услышимъ днесь, что изъявитъ намъ повѣсть душеполезная сія.

Далѣе:

Первое о году солнечномъ: что есть годъ и како начало творитъ годъ, разнительно по-язычески, и о висикостѣ и о первомъ дни вѣка и о (и)ндиктѣ.

Второе о двунадесяти знаменіяхъ зодіяка: откуду и како тѣ звѣзды имя восприяша.

Третіе о четырехъ временехъ года или частехъ: откуду весна начинается, и прочая.

Четвертое солнечнаго года о статіи, сирѣчь о возрасту солнца и о равноденствіи и о равнонощіи.

Пятое о мѣсяцехъ: како именуются и почему въ коемъ мѣсяцѣ по колику дней.

Шестое о календахъ, идусѣхъ, сирѣчь о праздницѣхъ еллинскихъ и латыньскихъ.

Седмое о седмицахъ и отъ коея звѣзды кой день именуется и въ кой день что своей твари сотвори Богъ, и паки о перьвомъ дни вѣка.

Осмое о дни и откуду день и како день и нощь именуются черты, и о часѣхъ: како во дни или нощи часы растутъ и отрастаютъ, и о инѣхъ реченно и впредь лехчае вѣдати можемъ.

Слѣдуютъ перечисленныя здѣсь статьи.

Первая: О солнечномъ году и о прочихъ. Годъ есть солнечный продолженіе времени...

Шестая: О календахъ и нонѣхъ и (и)дусѣхъ, сирѣчь о праздницѣхъ еллиньскихъ. Есть же убо въ коемждо мѣсяцѣ, содержитъ...

Седмая: О седмицѣ и отъ коея звѣзды кой день именуется и въ который день что отъ своея твари сотвори Богъ. Седмица убо держитъ седмь дній родныхъ...

Объясненія даются изъ греческой и римской миѳологіи и исторіи, съ грубыми ошибками и съ полемикою противъ нихъ на основаніи Моисеевыхъ книгъ и псалтыри. Въ одномъ мѣстѣ совѣтуется тѣмъ, кто желаетъ знать о златорунномъ овнѣ и огнедышащихъ волахъ, «да четъ троянскую бытію»; въ другомъ говорится: «у Пріямуса царя сынъ именемъ Александръ, *иже и Фарижъ именовася пастыревичъ прежe*».

Приведемъ еще нѣсколько мелочей: Ромилъ сдѣлалъ «жертвище во имя отца своего *Марта*», «Азонъ, сынъ Асоновъ, братъ Пелеяса, царя тесалискаго, иде *до* Колкоса острова», апрѣль «сирѣчь отворитель», Кастеръ и Полюскъ, Юлій Кесарь «ипаты египетьскіе изби По*мб*ія и Магна», сентябрь «римски глаголется сентемберь», «Ахи*ллесъ* греческій волхвъ и царь», Енея (= Эней) прибылъ «до Кицылѣи и потомъ до влохъ и потомъ до горъду Лядыхъ», «Юнонъ былъ идолъ».

Кромѣ приведеннаго *до влохъ*, есть еще полонизмы: *волоская* земля, Ювишъ (= Юпитеръ).

Грецизмы: Роми*лъ* (= Romulus), По*мб*ій (= Pompaeus), *Зевесъ*, «*Арисъ* богъ еллинскій», «вмѣсто *Афродикта*, иже глаголется латыньской Венусъ», въ *Ѳивехъ* и т. п.

Мѣстами виденъ переводъ съ латинскаго: небесное *знамя* (= signum, знакъ зодіака), «единъ ликъ — старѣйшиньство (= senectus?) отцевъ, другій же ликъ — юнѣйшиньство (= juventus?) дѣтей», «*перескокъ* (= transfuga?), сирѣчь измѣнникъ».

Мѣстами неясности: «недоумѣваются, отъ какова дѣянія сего рака имя *въ луну* поставиша» (*луна* не разъ въ значеніи небо).

Очевидно, передъ нами не простой переводъ съ латинскаго[1]), по крайней мѣрѣ мѣстами, а передѣлка русскаго человѣка.

Мы пользуемся спискомъ этой «книги» (такъ этотъ текстъ именуется на л. 157) — въ «Кругѣ міротворномъ» к. XVI—нач. XVII вѣка Моск. Дух. Акад. № 103, лл. 129 об., съ чертежами.

1) Есть ссылки на нѣмъ или на нѣмю русскій языкъ.

Другой списокъ ея, Уваров. № 685, XVII вѣка[1]), имѣетъ другое заглавіе:

Предисловіе святцемъ. Списано вкратцѣ о году и о прочихъ пристоящихъ въ немъ.

Россійскаго царствія цареву книгчію *кир-Софронію* радоватися.

Начало: Начало божественнѣй благодати даннѣй намъ отъ Бога...[2]).

Между прочимъ: Тебѣ же, возлюбленный брате киръ-Софроніе, пишу сіе списаніемъ ради твоего словесе, егда *отъѣдеши со царемъ отъ нашихъ псковскихъ предѣлъ.* По семъ же прошу твое величество, яко да прочтется сія книга инѣмъ нашей братіи у васъ пребывающимъ...

Надписаніе же сіе сице, въ немъже предлежитъ обоявленіе вѣка, сiирѣ(чь) годъ солнечный и временна года, мѣсяцы и дни и часы и седмицы, два равноденьства, два солнцу возврата, календы, ноны, идусы, годъ лунный. Оставимъ же сія и *на предиреченную возвратимся притчу*[3]), о нейже намъ слово предлежитъ. Услышимъ днесь, что изъявитъ повѣсть сія.

Слѣдуетъ притча о царѣ годѣ (безъ начала) и о четырехъ временехъ года, съ рисунками.

Далѣе тѣ же статьи, что въ рукописи Моск. Дух. Академіи, съ небольшими измѣненіями.

Текстъ обрывается на статьѣ о календахъ, нонахъ и идахъ, неполной.

Третій списокъ — Уваров. № 703 («Кругъ міротворный», въ

1) Сходныхъ съ нимъ списковъ довольно много; одинъ — Публ. Библ. Q. XVII. 67—относится къ концу XVI или нач. XVII в.

2) Издано въ «Описаніи» арх. Леонида. По соображеніямъ арх. Леонида, царь, здѣсь упоминаемый,—всего скорѣе Иванъ Грозный, посѣтившій Псковъ въ 1577 г. Соловецкій сборникъ № 699 имѣетъ при этой статьѣ дату — 1617 г. (Описаніе, II, 578). Уставъ церковный Спб. Синод. Архива XVI—XVII в., гдѣ находится эта же статья, имѣетъ вкладную патріаршаго духовника, чернаго священника *Софронія* 1636 г.

3) Эта фраза показываетъ, что передъ нами передѣлка текста, сохраненнаго спискомъ Моск. Дух. Ак.

общемъ очень близкій къ «Кругу» Моск. Дух. Ак.) — имѣетъ другое начало, чѣмъ предыдущій, но очевиднѣйшимъ образомъ передѣланное изъ начала этого послѣдняго. Вотъ оно:

Предисловіе святцемъ. Списано о году и о протчихъ предстоящихъ въ немъ.

Далѣе киноварью: Начало божественнѣй благодати даннѣй намъ отъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и еже о любви заповѣданная намъ во святыхъ великихъ четырехъ благовѣстницѣхъ, паче во святѣмъ и велицѣмъ проповѣдницѣ и учители Іоаннѣ Богословѣ; чтый бо въ нихъ и обрѣтая да разумѣетъ.

Начало: Тебѣ же, возлюбенный о Христѣ киръ, гласный безприступный, громный согласный, гласный паки безприступный, согласный необавный, послѣди же единъ гласный и согласный, но дебелъ въ перьвыхъ и въ послѣднихъ и паки въ послѣднихъ и въ перьвыхъ... (описано имя), написахъ сіе, понеже понуди мя твое нищелюбіе и многая твоя къ намъ благая дѣтели, еже требова наше недостоинство отъ твоего благородія; мощенъ бо еси въ моемъ требованіи и все разрѣшити, елико наше скудоуміе требуетъ. Егда течаше лѣто всемірнаго созданія надъ лѣты седьмыя тысящи (тайнопись опять; получается 7138 = 1630 г., 11 марта)... Написаніе же сіе бесѣдуетъ въ начало святцемъ, отъ многихъ писаній собрася во едино...

Посемъ же молю твое величество, яко да прочтется сія книга инѣмъ братіямъ по плоти...

Слѣдуетъ притча о годѣ; для рисунковъ оставлены мѣста. За нею прочія статьи «Круга мiротворнаго» Моск. Дух. Ак.

Въ сборникѣ Моск. Синод. Библ. № 865, XVII в. (лл. 264—285) находится слѣд. извлеченіе изъ текста «Круга міротворнаго» Моск. Дух. Ак.

Сказаніе вкратцѣ о году и о прочихъ предстоящихъ въ немъ. Сіе же писаніе бесѣдуетъ въ начало святцемъ, нѣчто свѣтло и кротко сложеніе написуется; иже гдѣ въ коихъ нѣкихъ многихъ книгахъ сокровенно и мрачно пишется, здѣ же свѣтло и от-

кровенно бесѣдуется, отъ многихъ писаніихъ собратися во едино содержится. Сего ради перьвіе притчею глаголетъ о настоящихъ, покажется сокровенно; послѣди же толкованіемъ яко дверь отверзется.

Написаніе же сице, въ немъже лежатъ обновленія вѣка, сирѣчь годъ солнечный, времена года, мѣсяцы и *дни и часы*, *седмицы*, (равно)деньства два солнечныхъ, во врата *каладны*, *носы*, *идусы*, *годъ лунный. Оставимъ же сія и на предреченную возвратимся притчю, о немъже намъ слово предлежитъ. Услышимъ днесь, что изъявитъ намъ повѣсть сія.*

Притча. Царь убо нѣкій бяше зѣло славенъ и великъ и благороденъ и вельми богатъ, свѣтелъ и высокъ... (о царѣ годѣ).

Сказаніе истины сея повѣсти о 12 мѣсяцей.

Начало: Мѣсяцъ мартъ, май, іюль.... имать по 30 дней со днемъ, а сія: апрѣль, іюнь... по 30 дней равно, а февраль имать 28 дней. Егда же бысть строитель римскаго града Ромилъ, и устрои быти въ году 10 мѣсяцъ и видѣ, яко нѣсть лѣпо подъ десятію мѣсяцы исполнитися году...

Сказаніе о язычныхъ разныхъ написаній года.

Начало: Мудрецы годъ начинаютъ отъ марта и всякому годовому обновленію годъ мартомъ починаютъ, понеже и повелѣніе Господне къ Моисеови...

Весна подобна царю юну оболчену въ царскую... (о веснѣ и лѣтѣ; безъ конца).

Текстъ одной притчи о годѣ и четырехъ временахъ года (или даже только о четырехъ временахъ года) встрѣчается въ рукописяхъ XVII — нач. XVIII вѣковъ очень часто, обыкновенно съ рисунками [1]).

---

1) О ней см. *Пѣтуховъ*, Очерки изъ литературной исторіи Синодика, стр. 262; *Правосл. Собесѣдн.* 1860 г., т. I, ст. «Аллегорическія изображенія временъ года».

«Кругъ міротворный» былъ отправленъ Дм. Герасимовымъ архіеп. Геннадію изъ Рима ок. 1491 г.

Изъ астрономіи.

Заглавіе: Изъ астрономіи, съ нѣмецкихъ переводовъ.

Восемь не перемѣченныхъ цифрами статей: 1) О лунномъ теченіи[1]; 2) О солнцѣ; 3) О солнцѣ и о мѣсяцѣ; 4) описаніе восьми большихъ звѣздъ (безъ заглавія), съ чертежами и длинными таблицами; 5) Какъ мѣрити и вѣдати про сѣверную звѣзду; 6) О городахъ, гдѣ которые стоятъ или островы (таблица широтъ нѣсколькихъ пунктовъ); 7) Познати, какъ кружало (= компасъ) держати; 8) О срединощной строкѣ (= экваторѣ).

Начало первой статьи: Мѣсяцъ идетъ на всякій день 13 градъ...

Находится въ спискахъ Публ. Библ. Q. IX. 43, нач. XVII вѣка (до 1642 г.), F. VI. 19 (л. 325 об.) и Рум. Муз. № 932, XVIII в.; послѣдній описанъ *Бобынинымъ*, Очерки исторіи развитія физико-математическихъ знаній въ Россіи, вып. II, М. 1893, стр. 10 слѣд.

Оригиналъ этого текста намъ неизвѣстенъ. Языкъ оригинала мы не беремся опредѣлить. Вотъ нѣсколько словъ: *градъ* (градусъ), минюта, *нѣмецкая земля*; названія мѣстностей: Кап-*ван*-лейзертъ, Кап-*ван*-порлантъ и т. п., съ *ван* = нижне-нѣм. van (при верхне-нѣм. von); въ названіи Капвисентъ = Cap Vicent латинская буква *c* передана чрезъ наше *c*; Енкъгюженъ. Еще: лось, *по-нѣмецки* телѣга; какъ которую звѣзду *нѣмцы* зовутъ. Въ концѣ перечня городовъ упомянуты: Данскій городъ, Рига, Колывань, Стокгольмъ.

Языкъ — русскій, простой и ясный. Судя по словамъ: *шелоникъ*, *голоменный западъ*, переводъ сдѣланъ въ Новгородѣ или на сѣверѣ Россіи.

Мы относимъ его къ XVI вѣку (срв. Ариѳметику).

---

1) Заглавіе 1-й главы взято нами изъ списка Рум. Муз.

Мѣсяцесловъ Леопондійскій.

Мѣсяцословъ Леопондійскій (?) всего лѣта, начало имать съ генваря...

О раздѣленіи римлянъ со христіаны, въ кія лѣта бысть.

Начало: Въ лѣто отъ созданія міра пишущимъ христіаномъ 7091 годъ, а римляномъ отъ созданія міра пишущимъ 6781-й годъ..., а римляномъ то же время пишущимъ отъ Христа 1583-й годъ. Евреи, люторе и калвины пишутъ отъ Христа то же время 1583 годъ...

Слѣдуетъ таблица, гдѣ указываются: годы отъ Адама 1) восточной церкви, 2) римскаго костела, 3) по-еврейски, 4) по правой исторіи 72-хъ преводниковъ; годы отъ Христа; индиктъ вкупѣ съ римляны, круги солнца, круги луны, вруцѣлѣтія, основанія 1) восточной церкви и 2) латынскаго костела; пасха жидомъ: 1) по восточной церкви и 2) по-римски; пасха 1) христіанъ и 2) латинъ новаго календаря.

Первый годъ — 1583; послѣдній — 1752.

Мы пользуемся спискомъ Синод. Библ. № 388, XVII вѣка[1]).

Опредѣленіе времени рожденія и т. д. луны.

Аще восхощеши день, часъ, минуту и фракцу рожденія и ущерба и обоихъ перекроевъ небеснаго мѣсяца вѣдати, и ты прежде знай: въ нощеденствіи 24 часа, въ часу 60 минютъ, въ минютѣ 47 фракцъ, и кругъ лунѣ восходитъ на 19 лѣтъ...

Между прочимъ: И о семъ прекословіе несмысленныхъ принуди *мя* отъ божественнаго многословити, не искусни бо суще о Святомъ писаніи и вѣдѣнія священнаго благочестія прекословятъ...

Эта небольшая статья намъ извѣстна по списку Румянц.

---

1) Срв. въ каталогѣ Баузе (№ 68): Міротворный кругъ, астрологическое сочиненіе, въ переводѣ 1683 г. (ошибка вм. 1583 г.?).

Муз. Унд. № 448, к. XVII в., лл. 51—52. Передъ нами не переводъ, а передѣлка западно-европейской статьи. Судя по тому, что постоянно пишется минюта (какъ въ Ариѳметикѣ), появленіе ея у насъ можетъ быть относимо къ XVI вѣку.

Языкъ — русскій, простой и ясный.

Бѣги небесные.

Бѣги небесные, о движеніи и теченіи двою великихъ свѣтилъ небесныхъ солнца и луны и другихъ пяти планетъ — Сатурна и прочихъ, — въ колико лѣтъ обходятъ круги движенія своего и въ кое время становятся въ чину своемъ въ небесныхъ знакахъ подъ зодіями; по елику мощно по силѣ нашей собравше, здѣ предлагаемъ.

До читателя. О календарѣ квести, или вопросы.

Начало: Иже аще кто восхощетъ годо́вый по альманаху календарь написать, сирѣчь святцы, по еллинскому и латинскому обычаю, я(ко)же римстіи и еллинстіи астролози, на единъ годъ, тотъ ниже писаннымъ наукамъ да внемлетъ, понеже прешедшу лѣту, а пришедшу другому, оные календари бываютъ не въ лѣпоту.

Вопросъ. Чесо ради мимошедшаго года календарь, или святцы, нынѣшнему и настоящему лѣту не согласуются? *Отвѣтъ*... [1]).

---

1) Слова: «Иже аще кто восхощетъ...», находятся въ рукописи Публ. Библ. Q. XVII. 67, к. XVI или нач. XVII в. (л. 189). Здѣсь мы читаемъ:

Книга или посланіе или предлогъ слова, еже именуется *жилъ стреканіе*, имуще начало сице. Якоже въ тѣлеси востаема буря отъ болѣзни недуга отбѣгаетъ абіе жилъ стреканіемъ, да человѣческая тѣлеса могутъ здравствовати. Вопроси врача и повѣдаетъ ти. Благослови, отче! Честнымъ и великимъ любомудрымъ мужемъ совершеннымъ и юнотамъ и всѣмъ иже въ благочестивѣй вѣрѣ просіавшимъ радоватися... Тебѣ же, авво-освященному кир-*Алексѣю*, понудившу мя списати сіа книгы, азъ же, многогрѣшный *Иванъ*, не отъ себе сіа написахъ книгы, ты вѣси, но отъ еллинскыхъ и латинскыхъ докторъ, вѣдущихъ добрѣ звѣзднаа теченіа и лѣкарскіа наукы, ихъже азъ готова ученіа обрѣтохъ, собравъ во едино, и вамъ, исправя, предложихъ...

Предсловіе или бесѣда о книзѣ *алманасѣ* и календарей (святцевъ). Честному и великому твоему преподобію и равноангельному твоему лицу радоватися. *Иже аще кто астрологъ восхощетъ* докторски по алманаху календаріа

Часть 1. Глава 1. О небеси и крузѣхъ его, о солнцѣ же и лунѣ и звѣздахъ, качествѣ же и количествѣ движеній ихъ.

Начало: Небо есть по существу своему едино кругловидно...

Глава 2. О движеніи и теченіи солнца подъ зодіями и крузѣ его пасхальномъ.

Содержаніе: о движеніи солнца, луны, планетъ, затмѣніяхъ, временахъ года, погодѣ, о дняхъ удобныхъ для кровопусканія, принятія лѣкарствъ и разныхъ дѣлъ; прогностикъ о здоровьѣ и болѣзняхъ. Таблицы, въ которыхъ упоминаются какъ прошедшіе — года 1712 и 1713, и какъ будущіе — 1721 и слѣд.

На л. 93 мы читаемъ: того для видится мнѣ, что сей прогностикъ о плодоносіи не надобно такъ просто оставлять, какъ профессоръ Авдіасъ Трей въ своемъ календарѣ *1667 году* учинилъ...

Мы знаемъ одинъ списокъ — Моск. Рум. Муз. № 1557 (лл. 1 — 105). Быть можетъ, передъ нами русская компиляція; во всякомъ случаѣ нашъ текстъ дополненъ однимъ изъ русскихъ читателей въ XVIII в.

Языкъ — плохой церковно-славянскій, мѣстами переходящій въ обычный русскій.

Планидникъ.

О человѣцѣхъ. *Планидникъ*, или календарь мѣсячный человѣческимъ нравомъ на 12 мѣсяцевъ, который человѣкъ въ коемъ мѣсяцѣ родится и подъ которою планидою, и кто какова будетъ обычая и возраста и счастія, и какіе будутъ у него признаки болѣзни, или какое будетъ родимое знамя, и отъ чего кому будетъ какое безсчастіе или счастіе, и кто какого цвѣту употребляти будетъ, кромѣ непотребнаго.

написати, сирѣчь святцы, по еллинскому и латинскому обычаю, якоже римстіи и еллинстіи астролози знаменуютъ...

Далѣе (л. 191) притча о годѣ.

Упоминаніе объ *альманахѣ* находится въ сочиненіяхъ Максима Грека; Домострой говоритъ уже — объ *альманахахъ*.

1. Егда кто родится въ мартѣ, того времени, который пребываетъ отъ сравненія дня съ нощію...

2. Кто родится въ апрѣлѣ, егда солнце преходитъ быка...

12 коротенькихъ главъ, перемѣченныхъ цифрами. Въ концѣ: Конецъ симъ мѣсячнымъ планидникомъ.

Мы знаемъ одинъ списокъ — Публ. Библ. Q. XVII. 27, к. XVII в. (лл. 157 — 162).

Полонизмовъ мало[1]).

О четырехъ временахъ года.

Переводъ четырехъ времянъ году лѣта 1664-го.

Про зиму пишетъ. Хотя бы по натурѣ св(о)ему сотворенію годно начинать новый годъ въ началѣ отъ мѣсяца марта...

Про весну пишетъ. Въ томъ времени солнце своимъ восходомъ таково высоко подступитъ подъ первую строку...

Про лѣто пишетъ. Какъ въ песочныхъ часахъ зерно по зерну...

Про осень пишетъ. Какъ солнце подвождѣ въ годовомъ времени день и ночь...

Содержаніе: предсказанія на 1664 г. (1663 г. называется «прошлымъ»), или такъ называемый прогностикъ, непремѣнная принадлежность календарей XVII в.

Единственный списокъ намъ извѣстный — Музея Археологической Комиссіи при Псковскомъ Губернскомъ Статистическомъ Комитетѣ, № 24, к. XVII в. (лл. 497 — 506). Оригиналъ, судя по всему, — какой-нибудь польскій или нѣмецкій календарь на 1664 г.

Языкъ — русскій простой[2]).

---

1) Въ бумагахъ Сахарова сохранилось заглавіе бывшей у него въ рукахъ книги: Книга глаголемая *Планетникъ*, изданная отъ древнихъ философовъ; переведена сія книга съ польскаго языка на словенскій языкъ въ лѣто... 1677. *Шляпкинъ*, Св. Димитрій Ростовскій, 86.

2) Въ библіотекѣ Баузе, № 81, было еще «Гадательство общественное», астрологическія предсказанія на 1691 г.

Календари.

1) Новый и старый календарь теченій небесныхъ, домовитымъ для сѣвбы и для прививковъ, больнымъ для исправленія здравія, здравымъ для творенія дѣлъ великихъ, ловчимъ ловленія ради звѣря зѣло надобенъ. На лѣто Господне 1689.

Издатель — Мартинъ Станиславъ *Словаковичъ*. Мѣсто печати — Краковъ. Переводчикъ — переводчикъ посольскаго приказа Семенъ *Лаврецкій*[1]).

Списокъ, оставшійся намъ неизвѣстнымъ, — въ библ. Архангельской Дух. Семинаріи (*Викторовъ*, 45).

Другой календарь *Словаковича*, на 1696 г., находившійся прежде въ Имп. Эрмитажѣ, теперь хранится въ Имп. Публичной Библіотекѣ.

2) Календарь историческій, старый и новый, по описаніи обыкновенномъ особый. Календарь на 1685 г. историческій, въ которомъ по обыкновенномъ времени и праздниковъ, луны, ведра и ненастій описаніи, рѣчь или молитва о войнѣ турской, которую... учитель во общей высокой школѣ въ Лейпцикѣ городѣ Матѳей Дрессерусъ говорилъ и написалъ. А нынѣ предлагаетъ Іоаннъ Генрихъ *Фохтъ*, короля свейскаго математикъ. Печатанъ въ Амбуркѣ.

Списокъ находится въ б-кѣ Флорищевой пустыни (*Викторовъ*, 278; *Георгіевскій*, № 122).

3) Ягана Гендрика *Фохта*, короля свейскаго математика, Календарь домашній и лѣкарственный, такожде о войнѣ и миру, на нынѣшній 1690-й годъ послѣ Рождества Христова, и вмѣсто провѣщанія — Дѣйство коронованія короля аглинскаго. Переводилъ государственнаго посольскаго приказу переводчикъ Юрья *Гивнеръ*.

Списокъ въ Публичной Библіотекѣ Q. IV. 357.

4) Королевства Свейскаго математика Гендрика *Фохта* хри-

1) О немъ см. въ *Сборникѣ Нѣжинскаго Ист.-Филологич. Общ.* I, 5.

стіанскій и планетъ алманахъ отъ Рождества Христова на 1692-й годъ, въ которомъ такожде описаніе житія святаго Антонія. Тутъ же и прибавка о кометѣ, яже явилась въ 1576-мъ году, и что на тое послѣдствовано въ премѣненіи вѣры и кровавыхъ боевъ. Печатанъ въ Амбуркѣ...

Переводчикъ — Иванъ *Тяшкогорскій*. Переводъ сдѣланъ въ 1692 г.

Списокъ находится въ Академіи Наукъ 16. 17. 15, съ полистною записью собственника Исая Петровича Шафирова.

Здѣсь, сверхъ обычныхъ предсказаній, на л. 50 — 52 — *Рокенбаха* Вѣстоописательное описаніе сей кометы, а на л. 52 — 74 — Описаніе *Аѳанасія* о житіи святаго Антонія (начало: Святый славимый мнихъ Антоній родился въ Египтѣ отъ богобоязливыхъ родителей [1]).

5) Календарь теченій годовыхъ на лѣто Господне 1696-е, Ѳомою *Орминскимъ* изданъ въ Краковѣ. Начало: Генварь. Новое лѣто, въ морозную прибравсе шубу, ходитъ въ ней до нови. Въ рубрикѣ: О поведеніи различныхъ странъ, стоятъ: Аустріа и Вѣна, *Москва*, Венгры.

Этотъ *юмористическій* календарь мы знаемъ въ спискѣ Академіи Наукъ 17. 7. 16, XVII в.

6) Календари Фохта на 1691, 1695, 1696 годы, въ переводѣ переводчика посольскаго приказа *П. Шафирова*, прежде находившіеся въ Имп. Эрмитажѣ, теперь принадлежатъ Публичной Библіотекѣ.

Статьи изъ календаря Фохта на 1684 г. («повѣсть о Махметѣ» и др.) см. выше, стр. 89.

Каталогъ книгъ П. Г. Демидова, изд. Ундольскимъ, подъ № 680 имѣетъ: Ягана Фохта, свейскаго математика, календари о маловиданныхъ вещахъ на 1676, 1693 и 1694 годы, переведены съ цесарскаго языка иноземцемъ Иваномъ *Якимовымъ*.

---

1) Черновой переводъ этого житія, въ столбцахъ, неполный,—въ М. Арх. М. Ин. Д. № 556—1057.

7) Календарь на 1697 г., *Галкена;* списокъ — прежде въ Имп. Эрмитажѣ[1]), теперь въ Публ. Библіотекѣ.

1-ый сборникъ астрологическихъ статей.

Бесѣды о седми планетахъ небесныхъ.

От мудрыхъ философовъ сложенна
И на сей свѣтъ преведенна,
Да навыкнемъ опасно сихъ писанія,
Явственнѣйши буди ихъ изданія,
Буди глаголемое о поясѣхъ небесныхъ
И о седми звѣздахъ великихъ и мѣстныхъ,

яже наричутся планеты. Довлѣетъ намъ убо о сихъ мало побесѣдовати и надобрѣ увѣдати... По Дамаскину убо пояси наричутся...

Слѣдуютъ названія планетъ (греческія) и знаковъ зодіака.

I. Повѣсть о потугѣ планетной сказа мудрецъ. Потуга планетъ: Кронъ.... (названія планетъ греческія).

Пишетъ въ книзѣ Григорія Назіанзина. Іоаннъ Дамаскинъ во второй своей книзѣ о небесахъ и о бѣгахъ небесныхъ и о планетахъ небесныхъ.

II. Аще хощешь вѣдать, подъ которою планетою кто родился, а ты напередь напиши, на чемъ восхощешь, имя матки твоей и твое власное. И тако смотри, гдѣ случится. Имя матери твоей Магдалыня; тамо машь на той таблицѣ..., а литеры написаны польскою азбукою (имена планетъ латинскія: Сатурнусъ, Юпитеръ, Марсъ).

---

1) *Пекарскій*, I, 285 — 288. Здѣсь, I, 283, еще объ одномъ календарѣ, на 1670 г., бывшемъ прежде въ Имп. Эрмитажѣ, теперь въ Публ. Библ.— *Строевъ*, 401. Въ неизвѣстно гдѣ находящейся рукописи Толст. II, № 220, л. 180: Изъ польскаго печатнаго календаря на 1699 лѣто.

У царевича Алексѣя Алексѣевича былъ какой-то «календарь серебряный».

Изображеніе солнца. Текстъ: (А приказано на огнь и на землю, на вѣтръ и на воды, и свѣтлость и владычество и мудрость и науку, и ангелъ его Кавцыемъ, а владѣетъ въ 9 часу). Первая планета солнце, держитъ недѣлю, есть сила дня...

Изображеніе луны. Текстъ: (А приказано на братство и на милость и на прокормленіе и на красоту, и ангелъ Цаденикъ; а владѣетъ во 12-мъ часу). Вторая планета луна, держитъ понедѣльникъ, есть дѣва...

Изображеніе Марса. Текстъ: (А приказано на ревность и гнѣвъ, а твердо какъ желѣзо, на сваръ и на гладъ и на вражду и на злость и на убойство, и ангелъ его Анноелъ, а владѣетъ въ 4-мъ часу). Третія планета Марсъ, держитъ вторникъ, есть несчастлива, мужеска можнѣ, зла, горяча...

Слѣдуютъ изображенія прочихъ планетъ, все точныя копіи хорошихъ западно-европейскихъ гравюръ. Текстъ говоритъ о значеніи планеты для человѣка (каковъ тотъ, кто родился подъ данною планетою, чему эта планета способствуетъ и т. д.).

Изображеніе знака зодіака овенъ. Текстъ: (Первый мѣсяцъ мартъ, иже Рувимъ наречется. Звѣзда твоя овенъ, имущи подъ собою звѣздъ 25). Овенъ есть знамя початокъ животнымъ 12, а силу свою имѣетъ, горяче и сухо обдержитъ...

Изображеніе тельца. Текстъ: (Вторый мѣсяцъ апрѣль, нареченный юнецъ, сирѣчь телецъ. Звѣзда твоя имущи подъ собою звѣздъ 19). Юнецъ есть знамя студено и сухо; въ томъ знамени добро есть сѣмена...

Слѣдуютъ изображенія прочихъ знаковъ зодіака, также копіи съ гравюръ, той же работы, что и предыдущія. Текстъ говоритъ о значеніи знаковъ зодіака для человѣка (что будетъ съ тѣмъ, кто родился подъ даннымъ знакомъ и т. п.).

III. Мудрость знаменію небесному, по чему разсудити планеты небесныя, что на кой годъ будетъ, изобрана многими ея премудрость.

Начало: Аще будетъ лѣто 1-е, овенъ, сирѣчь мартъ, егоже знамя, зима тепла, а весна дождь....

Лѣто 2-е, телецъ планету (!), цари и князи лихи бываютъ, а имъ...

Лѣто 3-е, близнецъ, май, тишина будетъ....

Лѣто 12, рыбы, то есть февраль, тогда будетъ зима тепла...

Списокъ безъ заглавія:

1 лѣто, емуже имя либеръ.

2 кумоней.

3 тронено, въ немъже 13 мѣсяцевъ.

4 китра глаголется численное.

5 авритонъ.

....

19 фалтасъ, яже глаголется восходъ лунѣ и кругъ лунѣ тожъ.

О лунномъ разсмотрѣніи. Начало: Многа бо и различна луна знаменія творитъ. Въ третій бо день луны, егда будетъ тонка и чиста, то долгую тихость являетъ. Аще ли тонка, но нечиста...

А сіе мѣсяцамъ окруженіе. Начало: Мѣсяцъ мартъ окруженъ — воды много будетъ. Мѣсяцъ апрѣль....

О гибели луннѣй. Начало: Гибель лунѣ отъ осѣненія земли бываетъ....

О томъ же. Начало: Гибель лунная бываетъ днемъ въ часъ...

О разсмотрѣніи солнца. Начало: Егда будетъ обаполы солнца аки два солнца сотворившися на востоцѣ или на западѣ, дождь бываетъ. Егда изрядицею учистится воздухъ....

О лунныхъ дняхъ. Начало: Въ 1 день луны до 9 часа сѣяти и садити и волосовъ урѣзати....

О рожденіи лунамъ. Начало: Аще родится въ понедѣльникъ луна, тогда студено и мокро....

О днехъ. Начало: Людемъ исраильтескимъ указано архистратигомъ Михаиломъ, въ кія дни крови не пущати, ни коней холостити, ни сѣяти....

О погодѣ. Начало: Первый день небеснаго мѣсяца, сирѣчь луны, такожде сухо вельми....

Изображеніе знака зодіака овенъ. Текстъ: Мѣсяцъ мартъ, ты же Рувимъ[1]) наречешися, звѣзда твоя овенъ, имущи подъ собою звѣздъ 43. Аще родится человѣкъ во овенъ звѣзду, лицемъ будетъ добръ, ростомъ средній....

Изображеніе тельца. Текстъ: Мѣсяцъ апрѣль, ты же Іосифъ наречешися, звѣзда твоя телецъ, имѣетъ подъ собою двѣ звѣзды велицы. Аще родится человѣкъ въ телецъ, будетъ очима добръ...

Слѣдуютъ изображенія прочихъ знаковъ зодіака, копіи съ недурныхъ западно-европейскихъ гравюръ, отличныя отъ выше упомянутыхъ изображеній тѣхъ же знаковъ. Текстъ одного въ общемъ содержанія съ тѣмъ, что указанъ выше, но совершенно отличный отъ него.

Слѣдуютъ небольшія статьи, переведенныя съ греческаго:

IV. Kniga Gromnic, твореніе премудраго Ираклія царя Перскаго. Начало: Аще громъ возгремитъ во овнѣ, иже отъ восточныя страны, порушатся....

Безъ заглавія (Колядникъ). Начало: Аще рожество Христово въ недѣлю, зима будетъ протяжна....

По Луннику о скорбѣхъ. Аще луна настанетъ въ суботу. Аще въ 1 день разболится человѣкъ, то исцѣлѣетъ....

Далѣе опять статьи западно-европейскаго происхожденія:

V. Tablica Pitagoresowa. Краткое описаніе, како кто по сей таблицѣ расположити можетъ. Начало: Первѣе найди день мѣсяца, по бѣгу того... Слѣдуетъ изображеніе «таблицы», назначенное для гаданія о счастіи или выздоровленіи.

VI. Выписано вкратцѣ о рожденіи человѣчестѣмъ. Начало: Аще кто родится въ недѣлю, звѣзда его царская свѣща, всего свѣта око небесное; очи у того велики, брада добра...

---

1) Это имя и слѣдующія, при слѣдующихъ мѣсяцахъ, — имена сыновей Іакова. Сопоставленіе мѣсяцевъ съ сыновьями Іакова — еврейскаго происхожденія.

Мы пользуемся сборникомъ Уваров. № 1865, к. XVII в. (л. 180 слѣд.).

Это — сборникъ статей, взятыхъ изъ разныхъ источниковъ и имѣющихъ разный языкъ.

Статья I, первая половина (до словъ: Пишетъ въ книгѣ), находится также въ сборникѣ Публ. Библ. Q. XVII, 56, XVII в. (л. 1). Здѣсь далѣе слѣдуетъ:

Тоже аче хощеши вѣдати коего человѣка планиду, и ты по языку сложи имя свое и матери имя прямое и подъ всякаго слова по(д)бери числа и сочти, сколько будетъ...

Первая планида солнце, держитъ недѣлю и стоитъ надъ востокомъ, тамо люди мало живутъ, а домъ его левъ, а ходъ его во единомъ дому животномъ...

Вторая планида луна, держитъ понедѣльникъ, а стоитъ надъ Русскою землею и надъ западомъ, а домъ его ракъ, а ходъ его во единомъ домъ животномъ...[1]).

Третія планида Афродитъ (?), держитъ вторникъ, а стоитъ надъ Угорскою землею и надъ Волоскою, а домъ его скорпія...

Пятая планида Афродитъ, держитъ пятокъ, а стоитъ надъ Индіею и Вавилонскою землею...

Седмая планида Кронъ, держитъ суботу, а стоитъ надъ Русскою землею и надъ великимъ княжествомъ Литовскимъ и надъ Новымъ градомъ...

Изображеній знаковъ зодіака нѣтъ.

Статья II — переводъ большей части книжки: Snow wykład Daniela proroka, dwoim obyczaiem z siedmi planet niebieskich własnością i komplexyami i z praktyką dwunastu znamion niebieskich wypisany. K temu przydano praktykę Pitagoresa wielkiego filozofa. A wszytko znowu przejrzano i na wielu miejscach poprawiono. W Krakowie, w drukarni Wojciecha Siękielowicza, 1660[2]). Здѣсь, послѣ Сонника, находится Nauka jako pożyteczna,

1) Эта статья издана *В. Н. Перетцемъ* въ его «Матеріалахъ къ исторіи апокрифа и легенды. II. Къ исторіи Лунника», стр. 116.

2) Мы пользуемся экземпляромъ Типографской Библ.

nie mniej potrzebna człowiekowi wszelakiemu, ktory by rad wiedział, pod ktorą się planetą rodził i w ktorym znamieniu..., начало которой: Jesli się chcesz dowiedzieć, pod ktorą się planetą narodził, tak masz czynić. Naprzod napisz na czymkolwiek imię matki, imię twoie własne... Словъ, которыя *нами* заключены въ скобки, въ польскомъ текстѣ нѣтъ[1]).

Статья V — переводъ послѣдней статьи той же книжки.

2-ой сборникъ астрологическихъ статей.

Алманахъ на многія впредь будущія лѣта отъ германъ, еже есть отъ нѣмецъ, изобрѣтенъ художествомъ ученія и пресвѣтлѣйшимъ разумомъ просвѣщенъ.

Начало: Навыкати требуемъ Божія великаго чудеси, вышнему и страшному дѣлу смотрительнымъ по закону быти же толико звѣзднаго двизанія, колико ходящихъ звѣздъ шествія и возвращенія и стоянія....

Содержаніе: при извѣстномъ сочетаніи планетъ какая должна быть погода, что можно дѣлать и чего нельзя.

Мы знаемъ одинъ списокъ — Публ. Библ. Погод. № 1674, н. XVIII в. (лл. 1—41). Оригиналъ едва ли не на польскомъ языкѣ; во всякомъ случаѣ полонизмовъ много: *милости* дѣвичьи просить имѣй, зъ думцами *посполитуй, будуй* (= строй) и др. Названія планетъ (= планитъ) греческія: Кронъ, Зевесъ, Аррисъ, Афродитъ, Ермисъ.

Вѣроятно, Альманаху не принадлежатъ слѣдующія за нимъ небольшія статьи:

1) Изъ Астрономіи о седми планетахъ (помѣчено 44-ю главою). Первый день есть астрологовъ седмичный... Названія планетъ греческія и латинскія.

2) О часѣхъ нѣмецкихъ (глава 52). Аще хощеши увѣдать, како бываютъ, егда...

---

1) Имена ангеловъ, здѣсь находящіяся, извѣстны изъ еврейской Каббалы.

3) Календарь на 7 лѣтъ (гл. 56). Аще Рожество Христово въ солнцѣ, зима будетъ велика, снѣжна; весна...

4) Указъ аспектамъ (гл. 59). Начало: Что имать быть справовано ведлугъ бѣгу мѣсяца.... Языкъ и терминологія не тѣ, что въ предыдущихъ статьяхъ. Нельзя сомнѣваться, что оригиналъ польскій; полонизмы въ обиліи: *чвартакъ Марша*, *злученіе Іовиша*, — *Меркуріуша*.

5) Имена 12 мѣсяцемъ разными языки (еврейскія, греческія, латинскія, нѣмецкія и польскія; нѣмецкія переведены порусски). Эти статьи намъ извѣстны также въ сборникѣ Моск. Арх. Мин. Ин. Д. № 220—381, л. 133.

Далѣе (л. 77 об.—84):

6) Книга глаголемая *Математика*, ново преложеная съ еллинска и латинска, влоска и польска языковъ на словенскій въ Москвѣ въ лѣто... 1664.

Начало: Яко кто бы вопросилъ чесо ради случаевъ свѣтилъ небесныхъ....

Здѣсь, между прочимъ, мы читаемъ, что Сатурнъ «стоитъ надъ Русскою, надъ Новгородскою, Московскою и Литовскою странами».

Полонизмы. Съ таблицами.

Отъ хитрецъ о знамени Иліоса и Селиниса. Глаголютъ о томъ хитросмотрители... (л. 85).

Полонизмы.

Обѣ эти статьи также въ сборникѣ Арх. Мин. Ин. Д. № 220—381, первая съ тѣмъ же заглавіемъ и съ той же датой.

Этотъ сборникъ (л. 233) имѣетъ еще статью:

Справа и поразумѣніе седми планитъ. Сатурнусъ—Кроносъ.

Начало: Межи планетами ясновышній Сатурнусъ рожаеви людскому вельми противный иншимъ рѣчамъ, а есть прирожденія холоднаго....

Полонизмы.

Оригиналы намъ неизвѣстны[1]).

---

1) Еще сборникъ астрологическихъ статей — Рум. М. № 12, XVIII в. Въ

Указатель гербовъ и астрологическій ключъ.

1. Переводъ съ астрологическаго календарнаго ключа, въ которомъ изъявлены всѣхъ потентатовъ гербы, также и градомъ различнымъ, какъ тѣ въ календаряхъ астрологами описаны бываютъ.

Также описаніе, подъ которыми небесными зодіаки кои государства и грады подлежатъ.

Переведенъ 1681-го году.

Начало: Алтарь златой на зеленой горѣ въ красномъ полѣ—Аустрійская земля.—Ангелъ въ красной одеждѣ—кардиналы.—Ангелъ бѣлый въ лазоревомъ полѣ — Апулійская и Капитанійская....

Длинный списокъ гербовъ въ правильномъ алфавитномъ порядкѣ; послѣдній несомнѣнно русскаго происхожденія.

Намъ извѣстны списки: Новоросс. Универс. № 136, XVII в. (изъ него выписано заглавіе и проч.), Моск. Арх. Мин. Ин. Д. № 220 — 381, к. XVII — нач. XVIII в. (безъ заглавія), Чудова монастыря № 347, XVII в. (заглавіе: Потентаты или гербы многихъ столицъ [1]).

2. А. Роспись, подъ которымъ небеснымъ знакомъ или зодіею которые государства или грады подлежатъ.

Начало: Подъ овномъ. Цесарская, Французжская, Аглинская, Малая Полща....

Намъ извѣстны списки: Новоросс. Унив. № 136 (см. выше) и Моск. Арх. Мин. Ин. Д. (см. выше). Въ нихъ эта статья находится вслѣдъ за статьею подъ № 1.

Языкъ — русскій, съ полонизмами въ мѣстныхъ названіяхъ (*Шленская* земля и т. п.).

немъ такъ смѣшаны статьи старыя и новыя, переведенныя съ греческаго и переведенныя съ польскаго, что мы не въ состояніи разобраться.

1) Въ 1669 г. живописецъ Станиславъ Лопуцкій съ товарищемъ написалъ для царя Алексѣя Михайловича большую картину на полотнѣ: «гербъ Московскаго государства и иныхъ окрестныхъ государствъ гербы, а подъ всякимъ гербомъ планеты, подъ которымъ каковы». *Ровинскій*, Граверы [1], 401.

Б. Переводъ съ того, которыя земли и государства подъ которою планетою лежащія, тако жъ нѣкоторые большіе городы.

Начало: Подъ планетою барана. Нѣмецкая земля, Фрянцуская, Аглинская, Малая Польская...

Намъ извѣстенъ одинъ списокъ — Музея Археологической Комиссіи при Псковскомъ Губернскомъ Статистическомъ Комитетѣ, № 24, к. XVII в. (лл. 507 — 510). Послѣ этой статьи коротенькій текстъ: Семь планетъ своими натурами. Сатурнусъ студенъ и сушенъ. Юпитеръ теплѣ (!) и мокръ...

Языкъ — русскій, съ полонизмами.

В. Знаки царствъ и государствъ и мѣстъ и украинъ, которыя подъ которымъ знаменіемъ небеснымъ двунадесяти зодій лежатъ.

Начало: Подъ овеномъ. Нѣмецкая земля, Францiя, Англія, Малая Польша, Бургундія Высокая, Швабская земля.

Мы пользуемся спискомъ Румянц. М. Унд. № 1185, к. XVII в., съ изображеніями знаковъ зодіака. Срв. *Поповъ*, Обзоръ, II, 220 (въ Хронографѣ 1696 г.).

Г. Росписаніе царствъ и мѣстъ и украйномъ, подъ которымъ знаменіемъ небеснымъ стоятъ и которыми имяны именуются.

Начало: Подъ овномъ. Нѣмецкая земля, Англія, Неаполитанское королевство, земля Шварская, Полска Малая и съ мѣстомъ головнымъ Краковымъ...

Мы пользуемся спискомъ Увар. № 1897 (Описаніе, IV, 281).

Какъ видно уже изъ заглавій, въ языкѣ всѣхъ текстовъ много полонизмовъ[1]).

Типографская Библіотека владѣетъ книжкой (№ 4179): Klucz prognostykarski, to jest rzetelne obiaśnienie... słow i przezwisk nie wyrozumiałnych, ktorych Furman i insze astrologowie w kalendarzach i prognostykach swoich zażywają..., w Gdansku, s. a. Въ ней находится: 1) коротенькій «Ключъ», въ алфавитномъ порядкѣ (на *а* только: Achitophel—znaczy zdrajcę domowego); 2) Spe-

1) «Роспись царствамъ, подъ которымъ знакомъ которое царство»,—также въ Рум. № 12, полов. XVIII в. (л. 116).

cifikatia królewstw, miast i krajów, ktore znakom 12 niebieskim in zodiaco będącym poddane są. Начало: Pod baranem. Sub ariete. Niemiecka ziemia. Francya. Anglia. Mała Polska. Burgundya Wysoka. Szwabska ziemia...; 3) таблицы восхода и захода солнца.

Списокъ королевствъ и проч., въ ней находящійся, — повидимому, оригиналъ текстовъ 2-й группы.

Кометы 1680 года, Невескаго.

Кометы, лѣта 1680 видѣнныя, о нихъже есть здѣ изъявленіе, со извѣщеніемъ даже до лѣта 1686 послѣдующимъ, маѳематикомъ *Станиславомъ Невѣскимъ*, наукъ свободныхъ и философіи докторомъ и физики въ академіи Замойской учителемъ и астрономомъ, описано. Напеч. въ Замойстѣ, лѣта 1681, въ мѣсяцѣ февруаріи.

(Эпиграфъ). Всему міру искусствомъ явное есть, яко кометы...

Къ читателю. Начало: Разсуждая прежде небесные бѣги...

Глава 1. Едина ли то комета, или двѣ мнятся быти...

Мы знаемъ списокъ Нов. Іерусал. № 160, к. XVII в., съ чертежами и поясненіями на поляхъ переводчика. О другомъ спискѣ, находящемся въ библіотекѣ Архангельской семинаріи, упоминаютъ *Строевъ*, стр. 397, и *Викторовъ*, стр. 32. Оригиналъ — Komety roku 1680 widziane, o ktorych jest tu relacya z prognostykiem do roku 1686 służącym, przez m. *Stanisława Niewieskiego*, nauk wyzwolonych i filozofiej doktora, fizyki w akademiej Zamojskiej professora i astronoma, opisana. Drukowano w Zamościu, roku 1681. Здѣсь описаніе кометъ и объясненіе значенія ихъ появленія (неблагопріятное для турокъ)[1].

Языкъ церковно-славянскій[2].

---

1) Сопиковъ, а за нимъ Ундольскій (№ 1041), говорятъ о печатномъ «Календарѣ астрономическомъ» 1686 г. Это — переводъ книжки Невескаго?

2) О Невескомъ и его изданіяхъ см. *Kochanowski*, Dzieje akademii Zamojskiej (указатель).

Селенографія, Гевеліуса.

О творцахъ иже прежде ученія изобрѣтша. Предисловіе.

Начало: Никто же да не усумнится, яко звѣздословнаго ученія первѣйшіе творцы быша человѣческаго рода праотцы...

Принадлежитъ переводчику и содержитъ въ себѣ оправданіе, или лучше — защиту «звѣздословія»; между прочимъ указывается на то, что звѣздословіе «благопотребно есть на управленіе государства». Ссылки на Іосифа Флавія, Діонисія Ареопагита, Цедрина Георгія. Упоминаются: Сулпициушъ сенаторъ римскій, Периклесъ атенскій король, Нѣцыашъ атенскій властитель. Вотъ одно мѣсто изъ середины и конецъ: Изволь, добронравный читателю, разсуждати и честь;... что же обрящешь полезно, Господу Богу подаждь честь и славу, *великому государю, своему правителю*, почтеніе... О семъ нынѣ достойное мира сіе трудодѣліе, чрезъ мою недостойную худость протолкованное, добронравный читателю, ему, *великому государю*, въ пользу, себѣ въ упражненіе любезно пріими, о *повелители же и радѣтели сего дѣла* Господа Бога моли.

Далѣе:

Переводъ съ латинскаго языка на словенскій, слово въ слово, съ книги Іоанна Гевелія, въ нейже пишетъ о лунѣ, о солнцѣ и о прочихъ планетахъ небесныхъ[1]).

Титла сія книги.

Іоанна Гевелія Селенографія, еже есть луны описаніе и прилежное крапинъ ея и подвиженій различныхъ и иныхъ всѣхъ измѣненій и изображеній, зрительнаго сосуда помощію испытанныхъ, опредѣленіе. Въ немъже здѣ иныхъ многихъ планетъ природный зракъ и многая блюденія, наипаче же крапинъ солнечныхъ и иовѣшовыхъ трубозрѣніемъ изобрѣтенныхъ и табліями вельми прилежно на мѣди изваянными во увидѣніе полагаются...

---

1) Срв. заглавіе бывшей у царя Ѳедора Алексѣевича въ 1682 г. книги Книга о лунѣ и о всѣхъ планетахъ.

Посвященія, стиховъ и проч., оглавленія нѣтъ.

Глава 1-ая. О различныхъ стеклахъ.

Селенографія переведена вполнѣ. Далѣе: Къ лунному теченію придатокъ, обращающіеся чрезъ нѣсколько лѣтъ блюденія и круга іовишова положенія и движенія показующій.

Единственный списокъ — Виленск. Публ. Библ. № 266, XVII в., отличной сохранности. Онъ имѣетъ въ себѣ большое число исполненныхъ перомъ чертежей и рядъ вклеенныхъ большихъ гравюръ. Оригиналъ — огромный трудъ Ioannis *Hevelii*, Selenographia sive lunae descriptio atque accurata tam macularum ejus, quam motuum diversorum aliarumque omnium.., Gedani, 1647, со множествомъ чертежей и гравюръ (часть послѣднихъ вырѣзана изъ оригинала и вклеена въ переводъ).

Языкъ — церковно-славянскій, простой и сравнительно ясный. Переводъ исполненъ очень недурно[1]).

Ариѳметика.

Сія книга глаголемая по-гречески ариѳметика, а по-нѣмецки алгоризма, а по-русски цыѳирная счетная мудрость. А мудрость едина изъ большихъ изъ седми мудростей. Начало мудростемъ грамматика, геомитрія, музи́ка, тѣ 4 мудрыя книги.

А отъ сея книги философи гречестіи изыскали, безъ сея мудрости ни единъ философъ, ни дохтуръ не можетъ быти; по сей мудрости гости по государевымъ землямъ торгуютъ и во всякихъ товарѣхъ и въ торгахъ силу знаютъ и (въ) всякихъ вѣсахъ и въ мѣрахъ и въ земномъ верстаніи и въ морскомъ теченіи.

Первая статья отъ числа немерасія, или счетаніе словесемъ и начертаніе числомъ цыфирнымъ.

---

1) О значеніи Гевеліуса въ исторіи астрономіи см. *Marie*, Histoire des sciences mathématiques et physiques, Paris, 1884, т. IV, стр. 140 — 141. Новѣйшій трудъ объ Гевеліусѣ — *Wierzbicki*, Żywot i działalność Jana Heweliusza astronoma polskiego (Rozprawy Краковск. Акад. по филологич. отд., т. VII, 1889 г.).

Первая строка.

Сія 9 словъ цыѳирныхъ, которые всякое число и счетъ исполняется, пишутся сице (слѣдуютъ славянскія и арабскія цыфры)...

Другая статія адитъсіе или считаніе.

Оканчивается: указъ, какъ пытати. Хощеши вѣдати, гораздо ли счелъ, или не гораздо...

Мы пользуемся рукописью Моск. Дух. Акад. № 103, к. XVI — нач. XVII в., лл. 214 об. — 217. Кажется, въ ней Ариѳметика имѣетъ свой первоначальный видъ.

Рядъ рукописей заключаетъ въ себѣ эту Ариѳметику съ дополненіями.

Списокъ Публ. Библ. Q. IX. 43, до 1643 г.[1]), имѣетъ передъ текстомъ: 1) предисловіе: Сія мудрость изыскана отъ древнихъ философъ остропаримаго разума, и 2) похвалу ариѳметикѣ, отъ ея лица: Азъ бо есмь отъ Бога свободная мудрость высокозрительнаго и добромысленнаго разума; а послѣ текста рядъ статей, между прочимъ: Статья о вѣсахъ и о мѣрахъ Московскаго государства. Статья о вѣсахъ и о мѣрахъ Нѣмецкіе земли, О денежномъ вѣсу ливонскомъ и парійскомъ (?), О временахъ года во весь годъ по-нѣмецки (начало: часъ 60 минут*енъ*, минутенъ 60 секунд*енъ*, секунде 60 теркій...), и задачи.

Списокъ Рум. Муз. № 12, XVIII в., начинается такимъ заглавіемъ: Сія книга глаголемая по-еллински и по-гречески ариѳметика, а по-нѣмецки алгоризма, а по-русски цыфирная счетная мудрость. Тая мудрость едина изъ большихъ изъ седми мудростей, пятая мудрость. Далѣ риѳмованною прозой (издано въ «Памятникахъ древней письменности» 1880 г., вып. II, стр. 91):

Хотяй мене разумѣти,
Паче еже рещи умѣти,

---

1) Съ этимъ спискомъ имѣютъ значительное сходство списокъ Рум. Муз. Унд. № 681, первой половины XVII в., описанный *Бобынинымъ*, Очерки исторіи развитія физико-математическихъ знаній въ Россіи, вып. I, М. 1886, стр. 5 слѣд., и списокъ Академіи Наукъ 17. 8. 32, XVII в.

Нелестнымъ умомъ да навыкаетъ
И несуетнымъ помышленіемъ да внимаетъ...

Далѣе: Предисловіе книги сія. Начало: Сія мудрость есть изыскана отъ древнихъ философовъ...

Далѣе: та похвала ариѳметикѣ, которую мы уже отмѣтили выше.

Наконецъ заглавіе Ариѳметики и ея текстъ, тѣ же, что въ спискѣ М. Дух. Ак.

См. еще въ вышеназванномъ трудѣ *Бобынина.*

Текстъ Ариѳметики во всѣхъ многочисленныхъ спискахъ въ общемъ одинъ и тотъ же. Латинскія слова во всѣхъ спискахъ болѣе или менѣе искажены, но можно отмѣтить въ нихъ, какъ обычное явленіе, передачу латинскаго *c* черезъ русское *с*: н*ю*мера*с*ія, м*ю*лтипликa*с*іе, субстряк*с*іе, адит*с*іе (Публ. Б.), и иногда передачу латинскаго *u* черезъ русское *ю* (но при нюмерасія есть н*у*-, н*о*-, н*е*-).

Оригиналъ, намъ неизвѣстный, — на нѣмецкомъ языкѣ.

Языкъ — русскій, простой и сравнительно ясный.

Переводъ долженъ быть относимъ къ XVI вѣку[1]).

Геометрія.

Сіе предисловіе собралъ я, Ивашко князь Елизарьевъ сынъ Альбертусъ Долмацкій, отъ многихъ учителей, и ихъ книги у меня всѣ. Начало философеи и риторіи и иныхъ мудростей, что подобаетъ къ геометріи, собралъ я отъ различныхъ многихъ старинныхъ мудростей и книгъ. Геометрія есть мастерство, чтобы было добро положено... (о значеніи геометріи, нескладно и неудобопонятно).

Предисловіе. Азъ много челомъ бью вамъ, возлюбленный анагностъ, да не зазрите сему писанію, аще нелѣпо есть, и вы

---

1) Срв. ст. м-та Евгенія «О старинной славяно-русской ариѳметикѣ» (*Вѣстн. Евр.* 1813 г., № 17).

меня простите, понеже я тружался одинъ и трудъ мой Богъ вѣдаетъ; а билъ я челомъ тебѣ, государю, безпрестано ȯ справкѣ въ той книгѣ, и ты, государь, пожаловалъ — велѣлъ быти дьякомъ и подьячимъ для справки тое книги. И дьяки и подьячіе у тое книги у справки не были, мнѣ одному ту книгу справить Богъ пособилъ. А буде твое государское жалованье будетъ, велишь къ печати ту книгу отдати, и толды еще стану смотрить у справки. Надѣюсь, государь, на милость Божію и на твое государское жалованье, что не будетъ та книга виновата, хотя безъ помощника справлена...

Второе предисловіе. Переводъ съ аглинскіе съ печатные землемѣрные книги, а печатана на аглинскаго королевича Карлусово имя, а лѣта отъ Рожества Христова 1616-го. А совершена та книга въ 1625 году.

Превысочайшему и державному князю Карлусу гальскому и duксъ Карнуелу, еркъ Албаніи и Ротиса, маркѣзу Ормонгу и владика Росѣ... Начало: Понеже въ прежнія времена, о преродный и пресвѣтлый князь...

Листъ 55. Вторая часть первые книги строеніе. Сія вторая часть держится о томъ многоразличіи геометрискаго видѣнія отъ объявленныхъ и извѣстныхъ ученій...

Послѣдняя страница говоритъ о кругѣ.

Чертежи (циркулемъ); арабскія цифры.

Единственный списокъ, повидимому, автографъ переводчика, не доконченный, — Моск. Синод. Библ. № 42, XVII в. Первый листъ — гравюра англійскаго оригинала, которой середина (гдѣ были заглавіе и имя автора) вырѣзана. Листъ 36 — также гравюра. Оригиналъ намъ неизвѣстенъ.

Языкъ — русскій, неправильный и неудобопонятный[1]).

---

1) О переводчикѣ см. *Голубцовъ*, Пренія о вѣрѣ, вызванныя дѣломъ королевича Вальдемара, стр. 185 сл. Карамзинъ (Ист. г. росс., X, гл. 4) говоритъ: «Измѣреніе и перепись земель отъ 1587 до 1594 г. въ Двинской области, на обѣихъ сторонахъ Волги, вѣроятно, и въ другихъ мѣстахъ, служили, можетъ быть, поводомъ къ сочиненію первой россійской геометріи, коей списки намъ

Описаніе четвероногихъ животныхъ, Альдрованда.

Улисеса *Алдрованда*, философа и медика Бононійскаго, о четвероножныхъ перстныхъ книга первая.

Чина положеніе. Начало: Земныхъ животныхъ три яко вящшія роды, се есть: скоти, пресмыкающаяся и гадомъ въ святыхъ писаніихъ полагатися разумѣемъ...

Послѣ этого (довольно длиннаго) введенія: О лвѣ. Глава 1. Понеже многоглагольное наричіа знаменованіе, еже философи...

Историческія данныя о львѣ, его описаніе, его употребленіе для потѣхъ, казней, что значитъ видѣть льва во снѣ и т. п.

Единственный намъ извѣстный списокъ—Публ. Библ. F. V. 4, нач. XVIII в., безъ рисунковъ (для которыхъ оставлено мѣсто). Оригиналъ — Ulysses *Aldrovandus*, De quadrupedibus digitatis viviparis libri tres... Bononiae, 1637. Заглавіе нашего текста—переводъ 2-го заглавія подлинника (послѣ посвященій и проч.): Ulyssis *Aldrovandi* philosophi et medici Bononiensis, De quadrupedibus digitatis viviparis. Liber primus. Ordinis ratio. Начало: Terrestrium animantium... Нашъ текстъ заключаетъ въ себѣ лишь одну первую главу труда Альдрованда.

Языкъ—сначала церковно-славянскій, плохой и темный (благодаря буквальности перевода), потомъ русскій, съ церковнославянизмами, болѣе ясный.

Анатомія, Реммелина.

Исторія и объявленіе, малаго свѣта зерцало, которое есть образъ Божіей твари, о человѣческомъ тѣлѣ.

извѣстные не древнѣе XVII в., книги глубоко-мудрой, по выраженію автора, дающей легкій способъ измѣрять мѣста самыя недоступныя... радиксомъ и циркулемъ. Въ ней изъясняется сошное и вытное письмо...».

Въ примѣчаніи 436-мъ Карамзинъ сообщаетъ: «Титулъ моего экземпляра, писаннаго уже за половину XVII в., — Книга глаголемая Геометріа или землемѣріе радиксомъ и циркулемъ».

Мы не знаемъ ни одного списка подобной Геометріи.

Посвященіе доброшляхетному Филиппу Гангоферну...

Предисловіе.

Переводъ латинскихъ, греческихъ и еврейскихъ имянъ и рѣчей...

Глава 1. Что человѣкъ и его внѣшній образъ.

Всего 8 главъ.

Въ концѣ: Печатано въ городѣ Увзбурхѣ Урликомъ Шенинкомъ. *Ягана Ремелина*, города Ульма жильца и книгъ продавца, въ лѣто отъ Р. Хр. 1632.

Болѣе подробное описаніе единственнаго извѣстнаго списка Флорищевой пустыни, XVII в., у *Викторова*, 262, и у *Георгіевскаго* («Флорищева пустынь. Историко-археологическое описаніе»), 194.

Оригиналъ этой книги — *Joh. Remmelin*, Catoptron microcosmicon, выдержавшій нѣсколько изданій (1619, 1632, 1639, 1660, 1661 гг.).

Сочиненіе Беверввика.

1. Изъ книги Іоанна *Беверввикія*, врачебныя науки доктора, глава 14, о снѣ.

Въ 14 статьяхъ.

Мы знаемъ только о существованіи списка этого текста въ библ. Флорищевой пустыни отъ *Викторова*, стр. 263, и *Георгіевскаго*, стр. 195.

2. О болѣзни чечуйной, изъ книги дохтура Іоанна Беверникія.

Статья 1. Первый чечуй и разнство его. Двѣ вины или причины...

8 статей.

Единственный намъ извѣстный списокъ — въ Лѣчебникѣ Публ. Б. F. VI. 19 (глава 249). Оригиналъ — одинъ изъ трудовъ голландскаго ученаго *Беверввика*, XVII в.

Гигіеническія правила.

Сказаніе вельми добро есть мистровъ сразмаитыхъ и налѣпшихъ вси философи а тоже кто есть (?) свое здравіе держати; коли кто держитъ, то можетъ отъ всякія болѣзни врачеватися.

1. Нѣкая (?) рѣчь блюстися отъ вѣтра, 2-я отъ хожденія и отъ стоянія, 3-я отъ питія и отъ яденія, 4-я отъ спанія и отъ безсонія, 5-я отъ объяденія и отъ яденія (?), 6-я отъ радости и отъ печали. А въ тѣхъ во шти рѣчахъ все здравіе человѣче лежитъ...

Слѣдуетъ «толкованіе» этихъ шести «рѣчей».

Конецъ, повидимому, на л. 35. Послѣднія слова: «который держитъ сіе писаніе, съ Божіимъ милосердіемъ здравъ бываетъ».

Находится въ сборникѣ к. XVII в. Публ. Б. F. IV. 19, л. 32 об.

Управленіе здравія.

Управленіе здравія врачевъ парижскихъ, царю аглицкому списанное, научающее, яко всякъ человѣкъ по вся цѣлаго року мѣсяца такъ въ яденіи и питіи, яко и въ сѣченіи жилъ имать радѣтися.

Сіе Управленіе латынскимъ языкомъ первѣе типомъ издадеся въ Парижу, потомъ року 1565 въ Краковѣ; нынѣ же въ року 1698 году на словенскій языкъ переведено.

Начало: Аще тя цѣла, аще здрава хощешь мѣти,
Престань тяжко пещися и тяжко скорбѣти:
Скорбно сердце, гнѣвъ частый, мысль всегда унылa,
Сіи тріе снѣдаютъ людемъ скоро тѣла...

Извѣстное наставленіе, въ стихахъ, какъ должно себя вести, чтобы быть здоровымъ, составленное на латинскомъ языкѣ и потомъ переведенное почти на всѣ европейскіе языки. Единственный списокъ русскаго перевода, неполный, — Моск. Румянц. Муз. № 628, к. XVII в.

Мы знаемъ книжку: Regimen sanitatis medicorum parisiensium, pro tuenda sanitate regis Angliae compositum, docens, quomodo quilibet homo se per singulos totius anni menses cum in esu et potu, tum in venarum incisione gerere debeat (то же заглавіе по-нѣмецки и по-польски). Далѣе стихи на трехъ языкахъ. Издана въ Краковѣ въ 1532 г. Ея *латинскій* текстъ — оригиналъ русскаго. Изданія 1565 года польская библіографія не знаетъ [1].

Языкъ — церковно-славянскій, съ полонизмами и малоруссизмами.

Проблемата псевдо-Аристотеля.

1) Проблемата, то есть вопрошенія разныя списанія великаго философа *Аристотеля* и инныхъ мудрецовъ, яко прирожденныя, такожде и лѣкарскія науки: о свойствѣ и о постановленіи удовъ человѣческихъ, такожде и о звѣриныхъ, съ прилежаніемъ собрана и на три части раздѣлена, ко обученію или къ навыкновенію разуму человѣческому вельми благопотребна.

Оглавленіе.

О главѣ человѣческой. Раздѣлъ 1. Вопросъ. Чесо ради человѣкъ не яко скоти и звѣри лице имѣетъ выспрь поднесенно. Отвѣтъ. Первая сему вина суть: тако его сотворила воля Божія...

Оригиналъ опредѣляется такъ: Выдана въ Краковѣ въ друкарнѣ Станислава Схарфенбра въ лѣто отъ Р... І. Хр. 1567.

Посвященія нѣтъ.

Намъ извѣстны списки: Публ. Библ. Q. VI. 9, (изъ него нами взяты заглавіе и проч.), Q. VI. 1 [2], Q. VI. 16 [3], Q. VI.

---

1) Извѣстно краковское изданіе 1575 г. Проф. Вержбовскій переиздалъ изданіе 1532 г. въ *Bibliotek*'ѣ *zapomnianych poetów i prozaików polskich*, zesz. XI (Warsz., 1899).

2) Въ концѣ: Преведена сія книга польскаго языка на словенскій языкъ съ печатныя польскія книги печати краковской.

3) Въ заглавіи: Выдана въ Краковѣ въ типографіи Станислава Схарфенба, первыя двѣ части въ лѣто отъ Р... І. Хр. 1660-е, а третья часть въ лѣто 1667-е.

20, Моск. Рум. Муз. № 763[1]), Унд. № 680, конца XVII в. Оставшійся намъ неизвѣстнымъ списокъ 1689 г., Увар. № 2217, судя по заглавію, сходенъ съ вышеуказанными.

Оригиналъ — польская передѣлка средневѣковаго сочиненія Problemata *Aristotelis*, сдѣланная Андреемъ изъ Кобылина и впервые изданная въ 1535 г.[2]).

Языкъ — плохой церковно-славянскій, съ огромнымъ количествомъ полонизмовъ. Текстъ въ спискахъ болѣе или менѣе искаженъ.

2) Проблемата, сирѣчь гананія или совопрошенія различная, отъ книгъ великаго философа *Аристотеля* и иныхъ мудрыхъ, яко же естественныя, такожде и врачевскія хитрости: о свойствѣ и расположеніи членовъ человѣческихъ и иныхъ животныхъ, со прилежаніемъ собранная и на три части раздѣленная, ко поощренію разума человѣческаго зѣло потребная.

Посвященіе «Іоанну Христофорскому, каштеляну виленскому» и оглавленіе.

1) О главѣ человѣчестѣй. Глава 1. Вопросъ. Чесо ради единъ человѣкъ между иныхъ животныхъ имать лице горѣ вознесенное. Отвѣтъ. Первая вина есть воля Божественнаго правленія...

Переводъ сдѣланъ съ краковскаго изданія Схарфенберга 1567 г.

Намъ извѣстны списки: Публ. Библ. Q. VI. 10 (изъ него взяты заглавіе и пр.), к. XVII вѣка, Моск. Рум. Муз. № 2866, XVIII в., Моск. Общ. ист. и др. № 162, XVII в., и № 163, XVIII в., Спб. Дух. Ак. (по Родосскому) №№ 198 и 209, XVIII в.

Переводъ сдѣланъ съ того же изданія. Языкъ — плохой

---

1) Годъ оригинала — 1677.

2) Новѣйшее изданіе: *Andrzeja z Kobylina*, Gadki o składności członków człowieczych (Biblioteka pisarzów polskich, № 28), Kr. 1893. Изданія, бывшаго въ рукахъ нашего переводчика, мы у Эстрейхера не нашли.—О Проблематахъ см. *Змњевъ*, стр. 232—238.

церковнославянскій, съ полонизмами. Текстъ этого перевода лучше, чѣмъ предыдущаго.

Рукопись Увар. № 1836 = Царск. № 416, к. XVII в. (лл. 90 — 106), — не что иное, какъ неполныя Проблемата перваго перевода. Въ концѣ: Преведена сія книга съ польскаго языка на словенскій языкъ съ печатныя польскія книги печати краковской въ лѣто... 1677 году.

Сочиненія Альберта Великаго.

Альбертъ Славный Таинствъ женскихъ, еще о силахъ травъ, каменій, звѣрей, птицъ и рыбъ. Во Амстердамѣ, у Юдона Юншоніа, лѣта 1648. Переведенъ же слово отъ слова съ латинска на славенскій и написанъ лѣта Господня 1670, отъ созданія же міра 7178.

1) (О таинствахъ женскихъ).

О рожденіи, плодозачатіи во чревѣ матернѣмъ. Глава 1. Начало: Внегда слово наше предпослася о тѣхъ, яже намѣреніе...

13 главъ.

2) Книга таинственная *Алберта Великаго* о силахъ травъ, камней и животныхъ.

Книга 1-я. О силахъ нѣкихъ травъ.

Предисловіе. Яко хощетъ философъ на многихъ мѣстѣхъ...

Три книги.

Конецъ: *Албертъ Магнусъ* о собственныхъ травъ, каменныхъ и нѣкихъ животныхъ конецъ творитъ.

Мы знаемъ списки: Моск. Румянц. Муз. № 2955 (изъ него выписано заглавіе и пр.) и № 2868, XVIII в. Оригиналъ: *Alberti Magni*, De secretis mulierum, item de virtutibus herbarum, lapidum et animalium. Amstel., 1648.

Языкъ — плохой церковно-славянскій, съ полонизмами[1]).

---

1) Срв. *Змѣевъ*, стр. 250. Отрывокъ—въ Историч. Хрестоматіи *Буслаева*. Амстердамскій типографъ Юншоній = Янсоній. — Польскій переводъ напечатанъ въ Амстердамѣ въ 1698 г.

Книга Михаила Скотта о естествознаніи.

Книга *Михаила Скотта* о естествознаніи на три части раздѣляется.

Часть 1-я. О тайнахъ естественныхъ и яко полезно есть о естествахъ знати.

Начало 1-й главы: Славный самодержце, мужу желаній...

Л. 148. Начинается третія часть, въ нейже содержатся главизны естественныя, по виду обоего пола — мужа и жены.

Три части.

Мы знаемъ, изъ числа многихъ, одинъ списокъ — Моск. Румянц. Муз. № 2955, XVIII в. Здѣсь (какъ и въ другихъ спискахъ) книга Михаила Скотта находится послѣ сочиненій Альберта Великаго, точно такъ же, какъ и въ латинскомъ оригиналѣ въ изданіяхъ XVII в., и, вѣроятно, переведена вмѣстѣ съ ними.

Языкъ — плохой церковно-славянскій, съ полонизмами [1]).

Великая Наука, Райм. Люлла.

Великая и предивная Наука Богомъ преосвященнаго учителя *Раймунда Люліа.*

Предисловіе.

Начало: Лѣта отъ воплощенія Слова Бога 1300 года въ столичномъ градѣ земли Француҗскія, въ Парижу, въ первоначальнѣй въ западныхъ странахъ Академіи Сорбонской... (о Раймундѣ Люллѣ).

Азбука, или начертаніе всея сея науки суть, или таблица належащая до Науки Раймунда Люліа.

Вопросы ученика и отвѣты учителя. Вопросъ. Что значитъ книга сія...

Часть 1-я. Въ сей первой части о трехъ вещехъ наставленіе...

---

1) Срв. *Змѣевъ*, стр. 250. Отрывокъ — въ Историч. Хрестом. *Буслаева.*

Глава 1-я. О естествѣ. Естество есть вещь вышшая...

Вотъ начало части 4-й, о вопросѣхъ: Девять вопросовъ Раймундусъ Люліусъ полагаетъ...

Начало главы 1-й части 8-й, о сребролюбіи: Въ сей главѣ опишу, что есть сребролюбіе...

Восемь частей, съ чертежами.

Мы пользовались, изъ многихъ списковъ, —списками Спб. Дух. Ак. Соф. № 1556, первой половины XVII в. (изъ него взято находящееся выше), Моск. Рум. Муз. № 2867, нач. XVIII в., и Увар. № 2235, нач. XVIII в. (здѣсь заглавіе: Великая и предивная Наука *кабалистичная*...). Оригиналъ этого большого философско-богословскаго сочиненія — Ars magna generalis et ultima *Raim. Lulli*, много разъ издававшееся въ теченіе XV — XVII вв.[1]).

Краткая Наука, Райм. Люлла.

Начинается съ Богомъ Краткая Наука, яже есть вообразъ инаго зданія тояжде Науки народныя, ниже сея положенныя, яже сице надписуется.

Начало: Сего ради сію Краткую Науку творимъ, яко да Великая Наука удобнѣйше познатися можетъ...

46 главъ, съ чертежами.

Мы знаемъ два списка: Моск. Публ. Муз. № 2867 (Краткая Наука здѣсь слѣдуетъ за Великою Наукою) и Увар. № 422 XVII в. Оригиналъ — Ars Brevis того же автора.

Переводъ того и другого сочиненія, судя по всему, сдѣланъ однимъ лицомъ.

---

1) Г-жа Безобразова въ статьѣ: «О Великой Наукѣ Раймунда Люллія въ русскихъ рукописяхъ XVII в.» (*Журн. М. Нар. Пр.* 1896 г., № 2), доказываетъ, что нашъ текстъ—переводъ не Великой Науки, а какого-то извлеченія изъ нея, или передѣлки. Мы не сличали нашего текста съ латинскими изданіями.

Несчастный Квиринъ Кульманъ увлекался Великою Наукою. Одинъ изъ русскихъ переписчиковъ называетъ это сочиненіе въ русскомъ его видѣ «ароматоуханнымъ, гроздополезнымъ овощемъ» (Хлуд. № 235, 1725 г.).

О государствѣ, Модржевскаго.

Предисловіе.

Начало: Иже дерзають сія вещи въ мірѣ гласити, о нихъже прочіи писаху, съ тѣми двойственнымъ нравомъ...

Андрея Фрича Модревскаго къ королю и паномъ раднымъ, ко епископомъ и прочему духовному чину, къ шляхтѣ и всему народу земли Польскія и всеа Сармаціи списовъ (!) о исправленіи гражданскаго житія.

Книги первые глава 1, о обычаехъ.

Начало: Благоугодно ми есть оно, что мужіе мудріи во всякомъ разсужденіи благопотребно разумѣютъ...

Безъ конца.

(Послѣдняя глава: Глава четвертая, о казни мужеубійства. О направленіи уставныхъ правилъ возвратихся глаголати...).

Единственный списокъ, намъ извѣстный, Уваров. № 2120, XVII—XVIII в., безъ послѣднихъ страницъ; киноварныя заглавія часто отсутствуютъ (для нихъ оставлено мѣсто). Оригиналъ—извѣстное сочиненіе *Modrzewskiego*—De republica emendanda, Krak. 1551 [1]). Судя по указанію каталога Баузе (№ 266), переводъ сдѣланъ въ 1678 г.

Языкъ — церковно-славянскій, очень недурной; не мало полонизмовъ. Переводчикъ зналъ по-гречески: гимнасія, сикеръ, и т. п. (но: *Ц*иceронъ, Сармa*ц*ія и т. п. [2]). Стихи-цитаты переведены прозою или для ихъ перевода оставлено мѣсто.

О воспитаніи государя, Лорихія.

Рейнгарда *Лорихіа* Книги о воспитаніи и наказаніи всякаго начальника, не токмо господину, но и подданному къ читанію полезны суть зѣло.

---

1) О немъ см. *Tarnowski*, Pisarze polityczni XVI wieku. Krak. 1886.

2) Вѣроятно, этотъ текстъ былъ у кн. В. В. Голицына: Книга писанная о гражданскомъ житіи или о поправленіи всѣхъ дѣлъ (*Розыскн. дѣла о Шакловитомъ*, IV, 32). Латинскій текстъ, повидимому, былъ въ 1677 г. у А. С. Матвѣева: Книга о гражданскомъ житіи на латинскомъ языкѣ (*Цвѣтаевъ*, Протестанство и протестанты въ Р., стр. 751).

Начало: Что есть благородство? Благородство есть нѣкое величіе (на полѣ: изящество) прародителей и честь...

Эта глава безъ конца. Далѣе: О вождѣ или учителѣ начальнаго въ младыхъ лѣтѣхъ...

Начало: Сіе наипаче отъ прирожденія памятствуемъ, чему...

Единственный списокъ — Флорищевой пустыни, № 138—172, петровскаго времени, безъ конца (всего 52 листа). О немъ см. у *Викторова*, стр. 262, и у *Георгіевскаго,* Флорищева пустынь, Вязники, 1896, стр. 217. Оригиналъ — Reinharda *Lorichiusa* Księgi o wychowaniu i o cwiczeniu każdego przełożonego nie tylko panu, ale i poddanemu każdemu ku czytaniu barzo pożyteczne, teraz nowo z łacińskiego języka na polski przełożone. W Krakowie, 1558.

1-я глава озаглавлена: O wodzu, abo o nauczycielu przełożonego człowieka w młodych jeszcze leciech...

Нашъ текстъ — лишь начало большого сочиненія Лорихія, заключающаго въ себѣ, между прочимъ, много поучительныхъ разсказовъ изъ греческой и римской исторіи.

Языкъ — церковно-славянскій, простой и удобопонятный. Отмѣтимъ слово *баталія* и Діонисій Сикилійскій, *К*имонъ, со *ѳ*ины = съ аѳинянами, *ц*имбры, Мар*целль*, Люку*ллюсъ*, Агеси*ляй* и т. п.

Символическое изображеніе христіанскаго государя, Дид. С. Факсарда.

Образецъ крестьянскаго политицкаго князя. Сто одинъ примѣръ. Хорошіе, сирѣчь добрые симбальскіе нарѣчіи. Писалъ сію книгу *Дидако Сааведра Ѳаксарду*, шпанскій рыцарь. Прежде сего ишпанскій языкъ, латинскій и цесарскій. Преведенъ на русскій. А переводилъ переводчикъ иноземецъ Андрей *Дикенсонъ.* Печатано въ Амстрадамѣ, у Егана Яксонуса младаго.

Слѣдуютъ длинныя предисловія оригинала.

Уставъ сихъ символовъ, что въ немъ сила, о мудрыхъ нарѣчіахъ и о воскормленіи владѣтельныхъ и монарскихъ дѣтей.

Рисунокъ символа, чернилами, съ надписью по-латыни и по-русски.

Мы знаемъ списки съ рисунками: Спб. Дух. Акад. № 419, к. XVII в. (изъ него приведено заглавіе и проч.), и Публ. Библ. Q. II, 36, н. XVIII в., безъ заглавія и конца. Оригиналъ — *D. Saavedra Faxardo*, Idea principis christiano-politici, 101 symbolis expressa, Amstelodami, 1659, съ гравюрами[1]).

Языкъ—русскій, нескладный и неудобопонятный.

Морально-политическія наставленія, Фредра.

Андрея Максиміяна Фредра, воеводы Львовскаго, Наказаніе нравоучительное, или моральное, какъ подобаетъ жить съ немногимъ народомъ безъ поврежденія его силы и любви и чести.

Первая часть, нравоучительная.

Начало: 1. Бога явственно со веліею честію чти, да ти самъ...

4 части, состоящія изъ перемѣченныхъ цифрами наставленій, то краткихъ, то длинныхъ.

Единственный намъ извѣстный списокъ — Публ. Библ. F. III, 8, к. XVII—нач. XVIII в. На первомъ листѣ внизу надпись: преводъ чернеца (имя срѣзано при переплетѣ). На второмъ листѣ, гдѣ начинается текстъ сочиненія, помѣта страницы славянскою цифрою 444. Оригиналъ — *Andreae Maximiliani Fredro*, castellani Leopoliensis, Monita politico-moralia, seu quomodo vivendum cum paucis, cum populo, salva virtute, gratia et authoritate (рядъ изданій въ Данцигѣ и въ Франкфуртѣ во второй половинѣ XVII в., первое 1664 г.).

Языкъ—церковно-славянскій правильный, кое-гдѣ съ бѣлоруссизмами и полонизмами.

---

1) Срв. *Пекарскій*, I, 139, 215. Экземпляръ этого изданія находится въ библіотекѣ Тамбовской Дух. Семинаріи.

Гражданство обычаевъ дѣтскихъ.

Гражданство обычаевъ дѣтскихъ.

Вопросъ: Чинъ наказанія дѣтскаго елики части имать.

Отвѣтъ: Три найпаче: первая есть, еже младому уму сѣмя благочестія христіанскаго пояти; вторая, еже ученія свободная любити и ихъ учитися; послѣдняя, еже отъ первыхъ жизни своея начатковъ благолѣпымъ обычаемъ обучатися.

Вопросъ: Что есть гражданство. Отвѣтъ...

Наставленія, какъ долженъ себя вести молодой человѣкъ, съ ссылками на Горація, Овидія, Ювенала, Теренція и другихъ классиковъ.

Въ концѣ три молитвы и «заключеніе»: Имате, дѣти, упражняющіися во ученіи...

Этотъ небольшой текстъ находится въ рукописи Уваров. № 1865, нач. XVIII в. (лл. 75—84).

Рукопись Уваров. № 1940, нач. XVIII в. (лл. 198 — 228), имѣетъ тотъ же текстъ, но неполный, съ такимъ заглавіемъ:

Гражданство нравовъ благихъ, на краткіе вопросы раздѣленное.

Толкователь. Нрави повѣствуются быти комуждо своего счастія художницы и дѣлателіе.

Аристотель въ книзѣ 10 нравнѣй: хотящаго быти блага (мужа) подобаетъ воспитати добрѣ и благихъ нравовъ обучати.

Къ дѣтемъ.

Варварска, неискусна, глупа вся бываютъ

Въ градѣ, въ немъже нравовъ добрыхъ не стяжаваютъ... (8 строкъ).

Главы (оглавленіе).

На гражданство обычаевъ *толкователевъ* стихъ увѣщательный къ дѣтямъ.

Изрядный есть плодъ мудрости доброта... (12 строкъ).

Въ концѣ нѣтъ ни трехъ молитвъ предъидущей рукописи, ни «заключенія»; вмѣсто нихъ:

Нравное ученіе, юнымъ наказаніе.

Начало: Юноше, не почивай на постланномъ ложи,

Да не удебелиши съ плотію и кожи...

Послѣ 14-го стиха прямо слѣдуетъ извѣстное, переведенное съ польскаго стихотвореніе:

Розгою Духъ Всесвятый дѣти бити велитъ,

Зане розга здравія ниже мало вредитъ, и т. д.[1]).

Приглаголаніе о сынѣ и матери.

Начало: Отроча изъ училища съученика книжицу украдъ, принесе матери. Тѣй же не азвивше и пріемшей, проходя времени, начатъ и больши красти...

Оригиналъ, какъ-будто на латинскомъ языкѣ, намъ неизвѣстенъ. Переводчикъ—едва ли не *Епифаній Славинецкій*. Евѳимій въ письмѣ въ Кіевъ говоритъ о трудѣ Епифанія: «Гражданство и обученіе нравовъ дѣтскихъ». Если такъ, то стихи, принадлежащіе «толкователю», должны считаться написанными Епифаніемъ.

Языкъ—церковно-славянскій, ученый и тяжелый.

Причины гибели царствъ.

1) Описаніе винъ, имиже къ погибели и къ разоренію всякая царства приходятъ и съ которыми дѣлы въ цѣлости и смиреніи содержатся и строятся.

Начало: Прежде подобаетъ показати двух мудрецовъ слова—Платона и Ксенефонта, имиже объявляются всякая царства, отъ человѣческихъ ли винъ, или отъ суда Божія погибель свою и разореніе пріемлютъ...

Такъ въ спискѣ Публ. Библ. F. XVII. 16, XVII в. (лл. 22—29 об.), съ которымъ согласенъ списокъ Публ. Библ. F. XV. 21, XVII в.

---

1) Оригиналъ этого стихотворенія печатался въ польскихъ букваряхъ («elementarz») даже въ самое недавнее время.

2) Въ спискѣ Публ. Библ. Q. IV. 270, к. XVII в., текстъ нѣсколько иной:

Описаніе винъ, или причинъ, кіими къ погибели и къ разоренію всякая царства приходятъ и кіими дѣлы въ цѣлости и въ покою содержатся. Преведено съ различныхъ книгъ латинскаго языка на русскій Василіемъ *Садовулинымъ* (на полѣ: *Садовскимъ*).

Начало: Напередъ показуются двоихъ мудрецовъ слова, или разумѣнія, о томъ, аще всякая царства отъ вины, или причины человѣческія погибель свою и разореніе пріемлютъ, или судомъ Божіимъ...

Съ этимъ спискомъ болѣе или менѣе согласны списки Спб. Дух. Ак. Соф. №№ 1495 и 1501, нач. XVIII в., Синод. Библ. № 933 (л. 475; переводчикъ — Васька *Садовскій*), Публ. Б. Q. I. 1010 (л. 211; переводчикъ — *Садовулинъ*) и Увар. № 1919. Списокъ Увар. № 1865, к. XVII в. (лл. 36—55), вполнѣ сходенъ съ предыдущимъ, но имѣетъ еще заглавіе: Книга о содержаніи царствъ, и «Вѣрши до читателя» (начало: Молю ти ся, любезный читателю, Буди, сіе читая, самъ себѣ благодателю... (всего 6 строкъ). Затѣмъ слѣдуетъ второе заглавіе. Списокъ Акад. Наукъ 17. 8. 10, к. XVII в., близокъ къ Увар. № 1865, но названія: «Вѣрши до читателя», въ немъ нѣтъ и стихи болѣе длинны (16 строкъ)[1].

Какъ будто, первый текстъ — первоначальный, а второй — исправленный.

Оригиналъ (или оригиналы) намъ неизвѣстенъ.

Языкъ — церковно-славянскій съ полонизмами.

Скорѣе переводъ, чѣмъ компиляція изъ нѣсколькихъ источниковъ. Оригиналъ, если судить по Клавдіу*шъ*, Агесилау*шъ* и т. п. (рядомъ съ Пиру*съ*, Фабрицыу*съ* и т. п.), — польскій[2].

---

1) Срв. *Викторовъ*, 219; здѣсь заглавіе: Книга о содержаніи царствъ, или описаніе винъ...

2) Книга *Chokier*'a O odmianie państw i zgubie panujących..., Vilnae, 1552, была у насъ въ рукахъ.

Сказаніе о 7 свободныхъ мудростяхъ.

I. Сказаніе о седми свободныхъ (мудростяхъ).

Первая мудрость грамматика.

Начало: Чтущаго мя почту и любящаго мя возлюблю, а уничижающаго не поношу...

Конецъ: ...таковымъ есмь уставомъ и поставомъ и составомъ и всѣмъ естествомъ грамматика имянуюся[1]).

Вторая мудрость діалектика.

Начало: Что чудитеся и на мя зряще помышляете и ко мнѣ мнимаго ради строптивства не приступаете...

Конецъ: ...такова есть мудрая діалектика, рекше словесница.

Здѣсь упоминаются «Омиръ и Платонъ и *похвальный во Вратѣхъ Аристотель*» (имѣются въ виду «Тайная тайныхъ» псевдо-Аристотеля)[2]).

Третія мудрость риторика.

Начало: Зрятъ мя убо мнози и не внимаютъ о мнѣ...

Четвертая мудрость мусика.

Начало: Утверждайте очи, отверзайте слухи, ускоряйте духи...

Пятая мудрость ариѳметика.

Начало: Хотяй мене разумѣти, паче еже рещи умѣти...

Шестая мудрость геометрія.

Начало: Крѣпкія тристаты, способствуйте ми, и силныя исполины, собесѣдствуйте...

Здѣсь о частяхъ свѣта (только о трехъ); Асія... студености ради тако имянуема; отъ Европы бо къ Сѣверному морю рѣкою

---

1) Похвала себѣ грамматики напечатана въ московскомъ изданіи Грамматики Мелетія Смотрицкаго 1648 г., л. 40. И. В. Ягичъ перепечаталъ ее въ «Изслѣдованіяхъ по русскому языку», I, 613. Онъ видитъ въ ней переводъ съ греческаго.

2) Похвала себѣ діалектики отчасти издана въ «Описаніи рукописей Соловецкаго монастыря», I, 407—408.

Дономъ отдѣляется, а къ Среднему морю рѣкою *Истмою* (?); къ ней прилегъ великій кругъ Акіана моря. Въ той убо части Асіи великаго благочестія свѣтлосіятельное государство *Россійскаго царствія*, пресвѣтлая и Богомъ снабдимая великая держава, еяже кто Востокомъ обыкнувши нарицати не погрѣшитъ... Край же царства того во Европстѣй части еже къ западу и къ полунощи достизаше, идѣже Студенымъ моремъ отъ странскихъ королей предѣлъ, рекше рубежъ, полагается, и паки отъ другихъ странъ еже къ востокомъ и къ полудни внизъ Катаинскія рѣки и Хвалимскимъ моремъ до Истмы рѣки (?); въ той же части объ ону страну тоя же Катаинскія рѣки, рекше Волги, прилегли рубежи *татарскихъ царей*, а къ тѣмъ къ татарскимъ рубежамъ прилегло Арапское море; (а четвертое во Азіи государство Перское), что Сепфанъ (Софанъ) Атаманъ (Отоманидесъ)[1] обладалъ и кизылбашемъ назвася; отъ того же и до нынѣ государство Кизылбашское именовася; а пятая доля Асіи, что осталося за четвертыми государствы, и тою долею владѣетъ шпанскій король...

Предѣлъ размѣру ея (Африки) сказуется Среднимъ и Атланскимъ моремъ и Ефіопскимъ и рѣкою Ниломъ. Въ той части Африкѣ государство Палестинское... Европа же отъ дщери Агенора царя именовася, юже *Юпитеръ* волхвъ, *Зевесовъ* сынъ, въ Критѣ на волѣ восхити...

А море глаголется всѣмъ водамъ общее имя, егоже латини фретумъ нарицають, греци же портфмонъ... Первая узина... Елеспонтъ имянуема; а гдѣ паки во другія узится Трати Босфоръ именуется; а гдѣ во другія мѣста разливается, Понтъ Ексинонъ имянуется; а егда ко езеру пріидетъ, а Имерекъ (?) Босфоръ имянуется; само же то езеро Меотисъ глаголютъ. И двѣма великима рѣками Дономъ и Ниломъ во всѣ три части вселенныя раздѣляется. Донъ убо... вреди Меодита езера вливается...

А Америка въ Асіи, иже во Европѣ...

---

1) Династія Софидовъ утвердилась въ Персіи въ началѣ XVI в.

Седмая мудрость астрономія (на полѣ: ...логіа).

Начало: Первая и мудрая грамматика извитіемъ частей своихъ осми слова уже рекლася; вторая же по той хитрословесная во отвѣтехъ діалектика...

Здѣсь: еллиномъ и скиѳомъ рекуся рачительная геометрія... астрономія по еллинохъ, звѣздозаконіе же по *слювянохъ*..., по планитамъ коегождо *аера*...

Конецъ: ...сицевыхъ седмь свободныхъ мудростей, проходяй и почитаяй насъ въ пространствѣ любовные бразды, на твердѣмъ благовѣрія камени адамантѣ сердца своего, острословесною *графіею* трости, омакая въ киноварь красныя доброты, въ память отческаго милованія напишетъ и закономъ духовныя любви прощеніе подастъ и о Бозѣ самъ здравствуетъ выну. Аминь.

Мы пользуемся рукописью Чудова мон. № 298, к. XVII в.; съ нею сходна Румянц. М. № 376, к. XVII в. (л. 252 сл.), письма Евѳимія. Въ послѣдней заглавіе: О 7-ми мудростѣхъ свободныхъ. Передъ большею частью главъ: Предсловіе на грамматику, Предсловіе на третію мудрость риторику и т. п. Текстъ нѣсколько подправленъ (вмѣсто *мусика*—*музыка*, вмѣсто *Асіа*—*Азія* и т. п.). Изъ этой рукописи нами взято то, что у насъ въ скобкахъ.

Передъ нами не просто свободный переводъ съ латинскаго, а мѣстами передѣлка какого-то латинскаго оригинала (Сепѳанъ = Sop*h*an?). Послѣдній относится къ первой половинѣ XVI в., ко времени, когда еще мало знали объ Америкѣ, когда у Волги еще находились «татарскіе цари», когда дѣятельность основателя династіи Софидовъ въ Персіи была еще свѣжа въ памяти. Переводчикъ старается писать стихами (впрочемъ, не вездѣ), риѳмованными, но разной величины. Это заставляетъ относить появленіе у насъ Сказанія только къ самому концу XVI или даже къ началу XVII вѣка (Гозвинскій писалъ подобные стихи; см. его переводъ Езоповыхъ басенъ).

Переводчикъ какъ-будто немножко знакомъ съ греческимъ языкомъ.

Сказаніе нѣсколько напоминаетъ намъ статью О годѣ, мѣсяцахъ и т. д. (см. выше, стр. 124)[1].

II. Книга избраная вкратцѣ о девятихъ мусахъ и о седмихъ свободныхъ художествахъ (*Спаварія*).

Предисловіе. Начало: Понеже никая вещь начинается безъ нѣкоего орудія...

Между прочимъ: Мнози же любопрятся и простираютъ ученія даже до девяти и трехъ видовъ, яко *Іоаннъ Алстедій*... (рѣчь идетъ о числѣ свободныхъ художествъ).

О девятихъ мусахъ сказаніе и о Аполлонѣ. Глава 1.

Начало: Философи древніи хотяще показати...

Между прочимъ: Изобразиша девять мусъ по образу девяти дѣвъ, яже различнымъ ученіемъ подобятся. Пишетъ же о нихъ, яко отъ отца Зеѵса, идола[2]) перваго, и матери Мнимосини, сирѣчь памяти, родишася, якоже на древнѣйшѣмъ мраморномъ столпѣ въ Царѣградѣ при брезѣ моря и до нынѣ зрится. Писано бо есть на столпѣ сице еллинскимъ древнимъ письмомъ стихъ единъ... ...Не токмо во Еликонѣ горѣ, но и во Парнасѣ горѣ, яко и *Мелетій Смотрицкій* во своей грамматицѣ пишетъ стихами иройскими (приводятся стихи)... Изряднѣ же пишетъ *Виргилій*, первый и главный латинскій творецъ, о девятихъ мусахъ сими стихами иройскими (слѣдуютъ стихи)...

Грамматика, 1 свободное художество. Глава 2.

Начало: Грамматика имя свое получи отъ греческаго реченія грамма, сирѣчь письмо...

Между прочимъ: Грамматика сама о себѣ сице глаголетъ: Чтущаго мя почту и любящаго мя возлюблю...

Конецъ: И тако вамъ есмь уставъ, поставъ и составъ и всѣмъ естествомъ грамматика именуюся.

---

1) Срв., напримѣръ, наименованіе *волхвомъ* въ Сказаніи — Юпитера, а въ статьѣ О годѣ—Ахиллеса.

2) Срв. въ статьѣ О годѣ, мѣсяцахъ и т. д. названіе Юноны — идоломъ. См. выше, стр. 126.

Риторика, 2 свободное художество, Глава. 3. Начало: Риторика есть художество, яже учитъ слово украшати и увѣщевати...

Между прочимъ: Сего ради риторика сама о себѣ сице глаголетъ: Зрятъ мя убо мнози и не внимаютъ о мнѣ...

Діалектика, 3 свободное художество. Глава 4.

Діалектика, яже и логика нарицается, именуется отъ греческаго реченія діалегоме, сирѣчь изтязаюся, или любопрюся, или скоро обрѣтаю...

Между прочимъ: Глаголетъ убо сама о себѣ діалектика сице: Что чудитеся и на мя зряще помышляете и ко мнѣ мнимаго ради сопротивства не приступаете...

Конецъ: Такова есмь мудрая діалектика, сирѣчь словесница.

Ариѳметика, 4 свободное художество. 5 глава.

Начало: Ариѳметика, сирѣчь числительница, отъ ариѳмосъ гречески, сирѣчь отъ числа произходитъ...

Между прочимъ: Пространнѣе убо ариѳметика о себѣ глаголетъ сице: Хотяй мене разумѣти, паче же и умѣти, нелестнымъ умомъ да навыкаетъ и несуетнымъ помышленіемъ да внимаетъ...

Геометріа, 6 свободное художество. Глава 7.

Начало: Геометріа, сирѣчь земномѣріе, отъ гео еллински, сирѣчь земля, и метронъ, сирѣчь мѣра, именуется...

Мы пользуемся великолѣпнымъ (вѣроятно, подноснымъ) экземпляромъ—Синод. № 527, съ акварельными рисунками Аполлона съ музами и семи свободныхъ искусствъ. Похвалы себѣ наукъ, находящіяся въ трудѣ Спаѳарія, — тѣ же, что въ Сказаніи о 7 свободныхъ мудростяхъ по Чудовскому списку.

Спаѳарій воспользовался готовымъ произведеніемъ и включилъ его въ свой трудъ, какъ включилъ стихи Мелетія Смотрицкаго.

Сомнительно, чтобы трудъ Спаѳарія, «избранный вкратцѣ», былъ оригиналенъ и въ той части, которой нѣтъ въ Сказаніи.

Изъ документовъ, изданныхъ въ VI т. *Дополн. къ А. Ист.*, видно, что Книга о мусахъ была составлена около 1672 года.

III. Въ рукописяхъ встрѣчаются похвалы себѣ наукъ, отличныя отъ тѣхъ, которыя находятся въ Сказаніи о 7 свободныхъ мудростяхъ.

Вотъ напримѣръ, похвала себѣ риторики:

Нарѣчіе предословія риторическа.
Азъ есмь риторика доброглаголиваго и яснозрительнаго разумѣнія;
Мною грамматика исполняется
И діалектика украшается;
Азъ, связующися съ сими ученіи, витійскую мудрость составляти научаю
И богословная реченія ясно глаголати и вѣщати вразумляю...

Она находится въ большей части списковъ старшей Риторики. Мы ее взяли изъ списка Синод. Б. № 861, к. XVII в.; срв. выше, стр. 119.

Или вотъ похвала себѣ діалектики:

Азъ есмь діалектика, отъ Бога свободная мудрость мудроглаголательнаго и естествосудительнаго разумѣнія, корень же и виновница и мати словеснымъ хитростемъ и высокаго и глубочайшаго разума;

Мною праведныя дѣла показуются и неистинны объявляются,
И въ соперныхъ дѣлѣхъ сопротивленіе разрѣшается;
Азъ существо и естество съ существомъ и естествомъ совокупляю...

Мы беремъ эти строки изъ списка Діалектики Публ. Б. Q. XVII. 6, к. XVII в. (л. 48); они служатъ предисловіемъ. То же въ нѣкоторыхъ другихъ спискахъ Діалектики: Софійск. № 1510, XVII в. (л. 3), Погод. № 1592, XVII в. (начало).

Совѣтъ воинскій, Барт. Папроцкаго.

Книга Совѣтъ воинскій, въ немъже различное сотвореніемъ сходъ и гласы своя имѣютъ.

Куду всякъ человѣкъ примѣрится, како самому жити и иныхъ научити и чего ся стеречи и беречи, нынѣ въ ново написаны. *Бартоша Папроцкаго.*

Читателю указъ. Виждь, брате, совокупленія сотворенія различнаго, всякъ улучити слободы желаетъ и прокладу своего, но всѣхъ насъ ловитъ лютая смерть...

Приповѣсть о солнцѣ и о мѣсяцѣ и о сверѣпствѣ. Начало: Солнце лицомъ красно, свѣта широкаго...

По листамъ подпись: Коло рыцерское, или Совѣтъ воинскій. Петра Ивановича Челищева.

Единственный списокъ этого стихотворнаго сборника притчъ съ благочестивыми наставленіями — Публ. Библ. Q. XV. 29, XVII в., съ пустыми мѣстами для вписанія большихъ буквъ. Оригиналъ: Koło rycerskie, w którym rozmaite stworzenia rozmowy swemi są: skąd człowiek przykład wziąć... Teraz nowo wydane przez *Bart. Papr.* (Krak. 1576)[1].

Языкъ — русскій, съ церковно-славянизмами, тяжелый. Текстъ сильно искаженъ.

Ода въ честь Яна Собескаго.

Переводъ съ латинскихъ стиховъ новообрану Яну королю Третіему.

Яну Третіему польскому королю въ Варшавѹ на сеймъ входящему Варшавская Сиринь воспѣваетъ.

Воспой побѣдителю пѣснь веселую, который тебѣ съ побѣдительнымъ миромъ радость приноситъ. Се кончина брани: вѣнцы дадите, веселая юность, и зеленымъ препоясаніемъ честные

---

1) Экземпляръ этой книги, принадлежавшій Сильв. Медвѣдеву, находится въ Моск. Типографской Библ.

украсите власы! Сильнымъ Маріомъ (sic) возбранный князь турскіе (sic) воеводы смертною раною побѣдилъ есть...

Единственный списокъ—Каз. Д. Ак. № 384, нач. XVIII в. (л. 277). *Описаніе рукописей Солов. мон.*, I, 720.

Разсужденіе объ Аргенидѣ.

На *Аргеній* Іоанна Баркляа дискурсъ, ко удобному знанію нѣкихъ вещей, яже сѣмо повѣствуются.

Начало: Безъ разсужденія глаголати о вещи безщестно есть, ради...

Въ концѣ: Сія книга, глаголемая Баркляюсъ, еяже здѣ токмо *Ключъ на Аргеній есть преведенны съ латинскаго языка на словенски*, преведена нѣкоторымъ отъ человѣкъ; но превождаяй ю молитъ, аще гдѣ будетъ неисправно, да будетъ отъ читателя исправлено. Laus Deo.

Мы знаемъ лишь одинъ списокъ—Публ. Библ. Q. XVII. 29 (л. 29), к. XVII—нач. XVIII в., изъ библіотеки кн. Д. М. Голицына. Стихи оригинала переведены правильными стихами. Оригиналъ («Clavis in Argenidem», объясненіе аллегорическаго содержанія этого политическо-сатирическаго романа), находится при эльзевировскомъ изданіи Аргениды.

Языкъ — ученый церковно-славянскій, тяжелый и малопонятный. Полонизмы: *гвизійчикъ* (сторонникъ Гиза), *валезійчикъ* (сторонникъ Валуа), ненависть *до* царя наварскаго, геретикъ. Слово *салдатъ*[1]).

Слово о дивныхъ свойствахъ человѣческой души, К. Барлея.

Каспара Барлея, доктора и профессора въ Академіи Лугдуни Батавской, Слово о дивныхъ свойствахъ души человѣческія.

Начало: Не вельми удивляюся, слушателіе достохвальніи....

---

1) Экземпляръ лат. Аргениды, принадлежавшій Сильвестру Медвѣдеву, находится въ Моск. Типографской Библ.

Мы пользуемся тремя списками этого текста: Синод. Библ. № 776, XVII в. (лл. 3—36), Спб. Дух. Ак. Соф. № 1503, нач. XVIII в. (лл. 228 об.—350), и Акад. Наукъ 17. 15. 7, 1754 г. Авторъ извѣстенъ главнымъ образомъ какъ поэтъ элегикъ [1]).

Языкъ — тяжелый церковно-славянскій.

Бесѣда милости съ истиною.

Краткая бесѣда милости со истинною о Божіи милосердіи и мученіи.

Ѳема: Милость и истина срѣтостася, и прочее, на концѣ бесѣды.

Милость: Возрадовахся, сестро моя, истино святая, яко тя срѣтохъ.

Истина: И азъ отдревле видѣти тя и любезно бесѣдовати усердно желахъ...

Конецъ: Правда и миръ облобызастася. Конецъ. Твореніе *Андрея* Христофорова сына *Бѣлобоцкаго*. Лѣта Христова 1685.

Небольшой діалогъ, скорѣе прозаическій, чѣмъ стихотворный (число слоговъ неравное), но нерѣдко съ риѳмами.

Мы пользовались тремя списками Публ. Библ. Q. I. 229, XVII в. (отсюда взято выписанное выше), Q. I. 480, нач. XVIII в. (безъ имени автора), и Погод. № 1575. Судя по всему, это— переводъ латинскаго стихотворнаго діалога, намъ неизвѣстнаго.

Переводчикъ Андрей Бѣлободскій не долженъ быть смѣшиваемъ съ Яномъ Бѣлободскимъ, прибывшимъ въ Москву изъ западной Руси въ 1681 г., имѣвшимъ диспутъ съ Лихудами въ 1685 г. и потомъ нѣкоторое время жившимъ въ Москвѣ. Андрей Бѣлободскій—переводчикъ Посольскаго приказа; онъ принималъ участіе въ переговорахъ съ китайцами въ Сибири въ 1686 г., происходившихъ на латинскомъ языкѣ [2]).

---

1) Стихи Барлея, по словамъ Н. И. Петрова (*Труды Кіевск. Д. Ак.* 1867 г., № 1, стр. 95), высоко цѣнились кіевскими учеными.

2) *Соловьевъ*, Исторія Р., изд. «Общест. Пользы», III, 1031.

Это произведеніе было напечатано въ Спб. въ 1750 г. (*Сопиковъ*, № 2198).

Пентатевхумъ.

Пенътатеугумъ, или пять книгъ краткихъ, творенія *Андрея Бялобоцкаго*, о четырехъ вещахъ послѣдныхъ, о суетѣ и жизни человѣка. Первая книга о смерти. Другая книга о страшномъ судѣ Божіимъ. Третія книга о гегенѣ и мукахъ адскихъ. Четвертая книга о вѣчнѣй славѣ блаженныхъ. Пятая книга о суетѣ міра, нареченная сонъ жизни человѣческія.

Первая книга о смерти, творенія *Андрея Бялобоцкаго*. Дума смертная.

Послѣ эпиграфа изъ Іисуса Сирахова—

Пѣснь 1.

Начало: О свѣтлѣйше злата солнце, луно, чиста паче сребра,
Смерть близкую слышитъ сердце: мнѣ умрети, вамъ жизнь добра....

Въ первой книгѣ 23 «пѣсни» (= четверостишія).

Всѣ пять книгъ состоятъ изъ четверостишій.

Мы знаемъ это произведеніе по списку Уваров. № 2117, к. XVII — нач. XVIII в. (лл. 348 — 362). Трудно сказать, что оно такое: передѣлка чего-нибудь западно-европейскаго, или подражаніе. Тема — четыре вещи послѣднія — на западѣ была разработана много разъ, и сочиненія (прозаическія) на эту тему Картена и Костера были переведены на польскій языкъ (1562, 1606 гг.).

Языкъ — церковно-славянскій, съ рѣдкими полонизмами и западно-руссизмами.

Стихотвореніе о презрѣніи къ міру.

О возгороженіи свѣта человѣческаго (списокъ Публ. Б.: О възгорженію свѣта).

Бѣжи, бѣжи въ землю обѣтованную,
Святымъ отъ вѣка уготованную,

И ко пристанищу пріити сподобишися (сп. Публ. Б.: Да ся—сподобиши),
Идѣже благъ вѣчныхъ насладишися (Христовыхъ ся благъ н—ши)...

Это небольшое произведеніе находится въ сборникахъ Синод. Библ. № 593, XVII в. (лл. 192—193; отсюда выписка), и Публ. Библ. Q. XVII. 18, к. XVII в. (л. 395 об.). Судя по заглавію (представляющему плохой переводъ съ польскаго: o wzgardzeniu świata) — оригиналъ на польскомъ языкѣ. Впрочемъ, полонизмовъ, кромѣ заглавія, нѣтъ (отмѣтимъ еще: клейнотъ, пріими его *до* дому своего).

Стихъ безъ размѣра и мѣстами съ плохою риомой.

О дьяволѣ и его осьми дочеряхъ.

Діяволъ окаянный понялъ себѣ жену нечестиву, госпожу Мерзость урожену. Она же проклятому супружница бысть мила, осмъ дочерей подобныхъ себѣ уродила, яже, совершенныхъ лѣтъ своихъ дошедши, за люди различныхъ чиновъ удобно замужъ пошли. Отецъ бо вамъ лукавый зѣло промышляетъ, дочерей возлюбленныхъ замужъ выдаваетъ, дабы чрезъ то многихъ къ себѣ о горе (?) присвоити.

1. Бол'шая тогда имянемъ Гордостию названна за богатыхъ и полныхъ чрезъ изобиліе повѣдана. Для того богатіи бѣднаго обидятъ и нищаго межъ себя (неразобрано одно слово) ненавидятъ.

2. Вторую, иже той менши, Лютость полюбившіи вельможи поняли, души свои впозабывшіи. Для того во многихъ мѣстѣхъ кровь потокомъ течетъ, когда сильніи безвинныхъ на зпагубу (?) влечетъ. Изобидѣнныхъ слезами землю затопили, плачъ и вопль обиженныхъ небо порушили...

3. Третія, и той менши, Сребролюбіемъ названна, торговымъ и промышленнымъ за жену отданна...

4. Четвертой имя Измѣна; та общему чину мірскому доставшися, подаетъ причину, разнымъ служивымъ людемъ, наемнымъ и чернымъ, что они въ повинности своей не тако вѣрніи обрѣтаются, какъ имъ подобаетъ, и нечистая ихъ совѣсть имъ повелѣваетъ...

5. Пятая художникомъ отдана за жену и тѣмъ, что достойнаго не годни суть чину. Ненависть ей имя...

6. Шестая же, надъ всѣми прехитростнѣйши, Лицемѣрствомъ названа, якоже и величайшимъ досталася...

7. Седьмая, именемъ Спѣсь высока, замужъ не похотѣла, аще и полюбовниковъ, и многихъ имѣла. Сваталися младые бояря царедворцы, и приказные люди мирутвор(ц)и. Она же красна лицемъ, добра собою, сама себе полюбивши и ту доброту свою, пошла къ женскому полу, тамъ подружилася и дворецкою у нихъ у всѣхъ учинилася...

8. Осмая дщерь Скверною называнна. Совѣтъ таковъ учинилъ отецъ окаянный, и чтобъ всему міру присно въ соблазнъ была и бе(з)опасныхъ людей съ путя сводила...

Конецъ (л. 72 об.): Приповѣсть отъ старинныхъ. Зрите убо вси и страшитеся сихъ дщерей страшныхъ окаянныхъ.

Списокъ эттого небольшаго произведенія, Рум. М. Унд. № 1079, к. XVII в. (л. 71), какъ будто не имѣетъ начала (впрочемъ первая буква написана киноварью). Текстъ, повидимому, порядочно испорченъ, стихъ во всякомъ случаѣ сохраняется не вездѣ.

Оригиналъ—несомнѣнно на польскомъ языкѣ.

О добронравіи, Яна Запчица.

Переводъ съ польскаго письма печатной тетради, выданіе о добронравіи.

Начало: 1. Учтивое житіе: Бога бойся, Старѣйшаго почитай, Любовь ближнему воздавай. 2. Дѣло христіанское: Своимъ буди доволенъ, Славы своей береги, Достойнаго мужа люби...

Всего 104 рубрики.

Намъ извѣстны списки: Публ. Библ. Q. XVII. 214, к. XVII—нач. XVIII вѣка (изъ него выписано заглавіе и проч.), и Q. I. 480, н. XVIII в., М. Арх. М. Ин. Д. № 250, XVII в. (л. 312), и № 476—956, XVIII в. (л. 238 сл.)[1]), Кіевск. Дух. Ак. Муз. № 162, до 1753 г. (съ измѣненіями въ языкѣ)[2]). Оригиналъ—одна изъ многочисленныхъ брошюръ *Яна Запчица* (Zabczyc), польскаго писателя первой половины XVII вѣка, Politica dworskie, Krak. 1606. Сравни у Эстрейхера подъ 1627, 1629, 1630, 1633, 1637, 1642, 1645, 1650 гг. брошюры того же Запчица.

Языкъ—русскій, съ полонизмами.

Четвертакъ польскій.

Четвертакъ (старый польскій), или зерцало, въ немъже всякъ человѣкъ можетъ прозрѣтися.

Начало: Искахъ поминка въ лихой хижинѣ моей, Тебе ради, господине, но въ худобѣ моей Праздно имѣть устремляются дары, Пріимѣ любовнѣ убога и сей четвертакъ старый...

Единственный намъ извѣстный списокъ—Спб. Дух. Ак. Соф. № 1496, к. XVII—нач. XVIII в. (л. 65 об.). Оригиналъ—небольшое польское стихотвореніе, въ свое время напечатанное, недавно вновь изданное по рукописи съ заглавіемъ: Czwartak xiążęciu J. M. panu hetmanowi Wielkiego X. Litewskiego przypisany. Начало:

---

1) Здѣсь заглавіе: Переводъ съ польскаго письма съ печатной тетради, именуемой «Политика дворска», *Яна Заптицы*, о добронравіи. Сравни заглавіе Увар. № 1873 (Опис. IV, 221): Переводъ съ польскаго письма съ печатной тетрати, выданіе о добронравіи, *Яна Запчица*. Сравни также: *Звѣревъ*, Духовное завѣщаніе св. Митрофана Воронежскаго, Серг. посадъ, 1897, стр. 11.

2) Здѣсь заглавіе: Книга глаголемая обычаевъ человѣческихъ. Выписано изъ книги *Яна Затина* о добронравіи человѣчестѣмъ, краткими реченіями сладостнѣ и зѣло изящно изображено.

Текстъ этого произведенія см. у *Симони*, Старинные сборники русскихъ пословицъ, I, стр. 21 сл. (русскій и польскій).

Szukałem upominku w lichej gaździe moiej
Dla ciebie, zacny xiążę, lec w chudobie moiej...[1]).

Сборникъ изреченій и анекдотовъ.

Начало:

Не бойся смерти, не бойся грѣха, понеже смерть добрая начало есть вѣчныя жизни, а грѣхъ начало есть вѣчныя смерти и муки безконечныя.

Суетна есть мудрость человѣка, аще...

Послѣдній анекдотъ: Умирающаго нѣкотораго человѣка тѣшилъ отецъ духовный его, чтобы не боялся смерти, но весело шелъ на вѣчное пированіе. Отвѣща умирающій...

Мы знаемъ этотъ текстъ, безъ заглавія и, можетъ быть, *безъ начала*, по списку Спб. Дух. Ак. Соф. № 1496, к. XVII— нач. XVIII в. (лл. 80—107). Оригиналъ, повидимому, на латинскомъ языкѣ. Переводчикъ болѣе или менѣе былъ знакомъ съ греческимъ языкомъ: Тиѳерій *к*есарь, Аѳины (при: Александ*ер*ъ, Д*ем*онакс*ес*ъ, Ксерс*ес*ъ).

Можно отмѣтить: *Малгранатъ* есть яблоко красотою и прикусомъ всѣхъ яблокъ славнѣйшее, = malum granatum?

Языкъ—церковно-славянскій, часто сбивающійся на русскій.

Аривмологія, Н. Спаѳарія.

I. Аріѳмологіа, сирѣчь числословіе, всѣхъ, яже насъ учити могутъ, числомъ объемлемое.

Предисловіе. Начало: Нѣсть, почто нѣкіимъ удивлятися будутъ, что намъ полезное сіе числословіе утворяетъ. Понеже убо философія иѳика, сирѣчь яже нравы украшаетъ, основаніе

---

1) *Bretholz*, Ueber unbekannte und wenigbekannte polnische Dichter des XVII Jahrh. Dissertation. Kr. 1897, стр. 86. Здѣсь это стихотвореніе приписывается Я. Запчицу. — Брюкнеръ (Kwartalnik Historyczny, XII, 125) считаетъ его принадлежащимъ Наборовскому.

есть гражданскія философіи, домашнія и зрителныя и наипаче всѣхъ житій дѣлателныя... (о пользѣ Ариѳмологіи).

Начало Аріѳмологіи:

Девять суть чини аггельстіи. Серафіми....

Девять суть мусы.....

Седмь суть свободная художества....

Пять чювствія....

Три благодати....

Седмь мудріи, иже бѣху у еллиновъ всѣхъ человѣковъ премудріи и изрядніи во всю вселенную....

Три адскія мучительницы, иже суть отмстители всѣмъ злодѣемъ, отъ Бога воздани....

Седмь планиты. Кронъ, или Сатурнъ. Зеѵсъ, или Юпитеръ...

Четыри стихіи, или елемента....

И т. д. Безъ малѣйшаго порядка въ числахъ и содержаніи.

Аріѳмологіа нравомъ отъ различныхъ творцовъ.

Три суть, яже доводомъ и объявленіемъ не употребляются...

Двухъ клевретствъ не возпріяти....

Другое предисловіе. Начало: Да никто же убо отъ читателевъ, чтуще сія, помышляетъ... (то же, что въ спискѣ 1743 г.).

Странамъ нѣкіимъ и родомъ свойство....

По томъ числословіи пристойное будетъ приложити и иѳику...

1. Каіа Іуліа Кесаря главы. Единожды, нежели всегда... (то же, что въ спискѣ 1743 г.).

Совершися и преведеся сія книжица новая отъ Николая Спаѳаріа лѣта 7181 году, септевріа въ 26 день.

Пользуемся спискомъ Публ. Библ. Погод. № 1691, великолѣпнаго письма, съ золотомъ, въ бумажномъ съ золотымъ тисненіемъ переплетѣ, принадлежавшимъ царской библіотекѣ XVII в. Писецъ—тотъ же, который писалъ Книгу о сивиллахъ, Спаѳарія, Рум. № 227 (см. ниже)[1]. Съ этимъ спискомъ сходны той же Публ. Библ. О. XVII. 23 (неполный) и Чудова мон. № 299

1) Снимокъ съ заглавнаго листа — въ сборникѣ Археологическаго Института, табл. XXIII.

(принадлежавшій іеродіакону Чудова мон. Дамаскину, можетъ быть, его автографъ).

Въ немъ мы имѣемъ, безъ сомнѣнія, первоначальную редакцію Ариѳмологіи.

II. Другая редакція намъ извѣстна въ спискѣ 1743 г. Уваров. № 2224; она представляетъ передѣлку труда Спаѳарія, сдѣланную, вѣроятно, братьями *Денисовыми*.

Ариѳмологія, сирѣчь численнословная книга, въ нейже исчисленіемъ описуются вещи достопамятныя и къ вѣдѣнію весьма нуждныя, въ пользу любомудрымъ тщателемъ, упражняющимся въ прочитаніи и во ученіи книжнѣмъ, издадеся и на три части раздѣлися. Ихъже первая исчисляетъ вещи, о нихъже самое божественное писаніе и святая церковь научаетъ; вторая — о нихъже философи любомудрствуютъ; третія же — въ нихъже ѳоическое содержится ученіе.

Часть Ариѳмологіи первая.

Единое. Единъ есть Богъ Отецъ, изъ Негоже вся.

Единъ Господь Ісусъ Христосъ, Имъже вся.

Единъ Духъ Святый...

. . . .

Девять чинове ангельстіи на три іерархіи раздѣленніи. 1. Херувими, серафими, престоли...

Пять доводовъ, имиже Богъ познавается...

Тринадесять чудеса дивная...

Седмь дней, имиже настоящій вѣкъ числится...

И т. д. Безъ малѣйшаго порядка въ числахъ и содержаніи.

Часть Ариѳмологіи вторая.

Три суть, яже доводомъ и объявленіемъ не употребляются...: 1. вино благое, егда піется, 2. мудрое слово, егда глаголется, 3. мужъ благій во понужденіихъ.

Два въ клевретство не пріемлются:

1. Любовь нечистая.

2. Владѣніе, или господьство.

И т. п. Безъ порядка въ числахъ и содержаніи.

Часть Ариѳмологіи третія.

По семъ числословіи пристойно есть приложити и иѳику, сирѣчь нравы царственные, си есть знаменіе царемъ и кесаремъ...

Глава первая, въ нейже знаменіе или рукописаніе кесарей римскихъ отъ Каіа Іуліа Кесаря даже до Константина Великаго.

1. Каіа Іуліа Кесаря. Единожды, нежели всегда, лучше есть умирати. Лучше есть навѣтіе...

Изреченія (къ числамъ не имѣющія отношенія) 43-хъ императоровъ, кончая Матѳіемъ I германскимъ.

Далѣе, безъ заглавія:

Да не кто убо отъ читателей, чтущій сія, помышляетъ, яко мы ради укоризны или поношенія послѣдующая сія написали есмы...

Далѣе: Странамъ нѣкимъ и родомъ свойства.

Начало: Нѣмци храбріи, простіи, благотворители. Изъ нихъже французскій родъ...

Совершися и преведеся новая сія книжица Ариѳмологіа отъ мудраго мужа Николая Спаѳаріа въ лѣто 7181 (= 1672), сентевріа въ 26 день.

Нынѣ же отъ млажайшихъ сыновъ ветхія деньми Премудрости и *многими недостаточествовавшими наполнися и* (идѣже потребно бѣ исправленіе) *исправися* и преписася близъ студенаго Окіяна, на рѣцѣ Выгу, во обители Богоявленія Господня, въ лѣто 7251 (= 1743), мѣсяца іаннуаріа.

Спаѳарій говоритъ о своемъ трудѣ какъ о переводѣ, не указывая оригинала или оригиналовъ, и лишь поэтому мы включили его трудъ въ свой списокъ [1]).

1) Мы знаемъ одну книгу съ сходнымъ названіемъ. Это Arithmologia sive de occultis numerorum mysteriis, іезуита Аѳ. Кирхера (Kircherus), Romae, 1665; но не имѣли возможности ея видѣть.

Ариѳмологіи Спаѳаріа посвящена не оконченная статья *Кедрова* въ *Журн. М. Н. Пр.* 1876 г., № 1.

Языкъ церковно-славянскій тяжелый, съ мелкими синтаксическими неправильностями.

„Превращенія" Овидія съ комментаріемъ.

Предисловіе къ читателю. Начало: За еже въ другой рядъ уже латинскаго книгописца на польскій языкъ переложить дерзаю, никто же...

Книги первые метаморфосеонъ, се есть преображеній или перемѣнъ, Публіемъ *Овидіемъ* Насономъ стихами описанныхъ.

Сказаніе предисловія. Начало: Овидій, намѣривъ собрати въ сихъ книгахъ всѣ басни...

Предисловіе стихотворца. Начало: Мысль меня ведетъ сказати образы перемѣнные въ новыя плоти...

Въ концѣ: Конецъ второйнадесять книги.

Намъ извѣстенъ одинъ списокъ — Синод. Библ. № 809, к. XVII — нач. XVIII в. Оригиналъ: Księgi metamorphoseon, to iest przemian od Publiusa *Owidyusza* wierszami opisane, a przez Waleryana Otfinowskiego... na polskie przetłumaczone. W Krakowie, 1638[1]). Переводъ сдѣланъ прозой, не менѣе какъ тремя переводчиками.

Языкъ — русскій, съ церковно-славянизмами и полонизмами, не вездѣ удобопонятный.

Статьи изъ латинской и нѣмецкой библіи.

1) Начало русскихъ списковъ полной библіи:

Главы. Послѣдуетъ сице рядовый чинъ, егоже содержитъ книга библіа, сирѣчь книга обоихъ завѣтовъ, ветхаго и новаго.

---

1) Экземпляръ этой книги, принадлежавшій Сильв. Медвѣдеву, теперь въ М. Типографской Библ.

Другой переводъ «Превращеній», графа П. А. Толстого, находится въ рукописи Публ. Библ. Q. XVIII. 4. *Пекарскій*, I, 221.

Переводъ «числа» 75-го изъ Панегирика *Плинія*, «имъже чести вручаются», сдѣланный *Епифаніемъ Славинецкимъ* и имъ упомянутый въ «Оглавленіи книгъ», до насъ, кажется, не дошелъ.

Глава 1. Генисисъ, сирѣчь роды, рекше бытіа, еврейски же Бреситъ, главъ 50. 2. Исходъ, еврейскы же Елезмотъ, главъ 40...

Предисловіе на настоящую книгу. Начало: Понеже Богъ, творецъ всѣхъ, сего ради человѣка словесемъ обогащена созда...

Начинаетъ оглавленіе книгъ ветхаго завѣта. Начало: Книга божественнаго писанія библія обрящется съдержа по раздѣленію, въ себѣ имѣя 36 книгъ....

Главы божественнаго писанія книгы сея (Бытьи) по частемъ. Начало: Въ первой книгѣ въ Бытіи о сътвореніи небеси и земля....

Все священное писаніе раздѣляется въ два завѣта.... (описаніе всѣхъ книгъ ветхаго и новаго завѣтовъ).

Эти статьи и предисловія къ библейскимъ книгамъ находятся во всѣхъ спискахъ Геннадіевой Библіи, начиная съ списковъ Синод. Библ. 1499 г. и 1588 г., и (съ нѣкоторыми измѣненіями и опущеніями) въ московскомъ печатномъ изданіи библіи 1663 г. Указаніе въ «оглавленіи» на то, что Пѣснь пѣсней «на *нѣмецкое* не преведена есть», говоритъ о переводѣ предисловія и оглавленія изъ нѣмецкаго изданія латинской библіи XV в.; послѣдняя статья (описаніе) переведена изъ какого-то латинскаго изданія библіи.

Переводъ съ нѣмецкаго сдѣланъ, вѣроятно, въ 1498 г. или Дмитріемъ *Герасимовымъ* (см. ниже его запись о переводѣ заглавій псалмовъ), или толмачемъ Власіемъ.

Отдѣльный списокъ всѣхъ статей, находящихся въ полной библіи, переведенныхъ съ латинскаго и нѣмецкаго, — въ Чудовской рукописи № 284, XVII в., л. 2.

Синодальная библіотека владѣетъ скорописною рукописью № 812, второй половины XVII в., до 1683 г., въ которой находятся тѣ же заглавія библейскихъ книгъ (вмѣстѣ съ подробными заглавіями = argumenta главъ каждой книги), что въ спискахъ полной библіи, но съ нѣкоторыми отличіями. Напримѣръ, заглавіе книги Бытія таково:

Начинаетъ книга Генесисъ, сирѣчь *родства*, рекше бытіа,

иже глаголется сирейски (sic) Бреситѳь, книга 1 о(тъ) пяти книгъ моисеовыхъ[1]).

Порядокъ библейскихъ книгъ тотъ же, что въ Библіи 1588 г.; въ книгѣ Эсѳирь значится 16 главъ, о книгѣ Пѣснь пѣсней также говорится, что она «на нѣмецкое не переведена есть» (л. 84); но книгъ Ездры только двѣ. Въ началѣ заглавія книги стоитъ слово *начинаетъ*; послѣ заглавій главъ пишется фраза въ родѣ: здѣ скончеваетъ книга родствъ, сирѣчь бытія; скончеваетъ книга Левитикъ, иже именуется еврейски Вагерка; скончеваетъ книга Товіева.

Какъ будто текстъ заглавій библ. книгъ въ этой рукописи представляетъ болѣе древнюю редакцію, чѣмъ въ спискахъ полной библіи (хотя и не вездѣ)[2].

Другой списокъ — Чудова мон. № 284, XVII в. (л. 230).

2) Заглавія (= краткія argumenta) псалмовъ изъ нѣмецкой псалтыри.

Заглавіе перваго псалма:

Поученіе на благочестіе и отметаніе противныхъ. Начинаетъ о царьскомъ пророчествѣ Давидовѣ. Перьвое написаніе перьваго псалма: егда Саулъ Божію заповѣдь преступилъ, тогда посла Богъ Самоила, да онъ помажетъ Давида Ему въ царя, и егда сіе събысться, тогда отиде духъ святый отъ Саула. Егда Давидъ сѣде на царьскомъ столѣ въ Виѳліомѣ, тогда сотвори онъ сей перьвый псаломъ, како Богъ праведныхъ и добрыхъ преводитъ, иже Его пути и Его заповѣди держатъ, и како злыхъ, иже сего оставляютъ, низводитъ. Псаломъ 1.

Заглавіе 3-го псалма:

Сей псаломъ сотвори Давидъ, егда онъ уклонился изъ града предъ лицемъ сына своего Авесалома. Псаломъ 3.

---

1) Они принадлежатъ великоруссу XVI—XVII в. Языкъ—церковно-славянскій.

2) *Горскій и Невоструевъ*, I, 1—7. Проф. П. В. Владимировъ на IX-мъ Археологическомъ съѣздѣ въ Ригѣ заявилъ, что онъ нашелъ нѣмецкій оригиналъ статей.

Заглавіе 30-го псалма:

Егда Давидъ съ царемъ Ахисомъ....

Заглавіе 60-го псалма:

Егда Давидъ всю землю къ себѣ....

Заглавіе 94-го псалма:

Егда Давидъ восхотѣ вывести ковчегъ....

Текстъ псалмовъ — обычный церковно-славянскій.

Послѣ 150-го псалма и молитвъ — заключеніе нѣмецкой псалтыри и запись переводчика:

Здѣ имаеть (имать) конецъ псалътыри, гиръ. гевенъ. іенъ. (еенъ) ѳнде де саатиръ (саалтирь) хвала. (хвала Богу) лаугъ део. (деи) сѣ (сдѣ) надписанія псалмомъ приведены (преведены) на русьскій языкъ изъ нѣмецьскія псалтыри въ лѣто 7000 осмаго (= 1500 г.). А въ латыньской псалтыри надписанія однаки съ нашими русьскими слово въ слово. А велѣлъ переводить архіепископъ Генадей новогородцкій. А переводилъ *Митица* малой. А преже того года за два переводилъ (ихъ) архіепископъ (архіепископу) первыя власти (пръвое *Власъ*) и потомъ Митя; а ту же (то уже) у третыя (въ третье) опять *Митя* переводилъ.

Мы пользовались списками Публ. Библ. Погод. № 88, XVI в. (изъ него взяты выписки) и М. Арх. М. Ин. Д. № 438—899, XVI в. (изъ него взято то, что въ скобкахъ). Оригиналъ, судя по приведенной нижне-нѣмецкой фразѣ, — нижне-нѣмецкая псалтырь въ одномъ изъ изданій XV в.[1]). Переводчикъ — Дмитрій *Герасимовъ*.

Языкъ — церковно-славянскій. Отмѣтимъ: платъ отъ *вотомы* (пс. 5), дабы его никто моглъ *щкотити* (пс. 12), большіе *майстры* (пс. 38)[2]).

3) Заглавія (=argumenta) псалмовъ изъ латинскихъ псалтырей.

Псаломъ Давыдовъ 1, Аѳонасія архіепископа. Сказаніе и

1) Hain № 13519 и Grässe указываютъ лишь одно изданіе нижне-нѣмецкой псалтыри XV вѣка: De Salter...., Lübeck, 1493.

2) Срв. *Горскій и Невоструевъ*, I, стр. 7; — *Москвитянинъ* 1852 г., № 9, смѣсь, стр. 20.—Часть записи (гдѣ дата) — въ Іосиф. № 186, XVI в.

поученіе на благочестіе и отметаніе противныхъ (срв. тѣ же слова выше). Извѣстуется путь къ благословенію вѣчному.

Заглавіе 3-го псалма:

Псаломъ Давыдовъ, егда бѣгаше отъ лица Авесалома сына своего. Авесаломъ же отецъ миру сказуется, яко Адамъ, рече, скрыся отъ міра, еже есть отъ лица Божія. Ту пророчьствіе приноситъ отъ Христа, яко хотящи воздвигнути Адама. Псаломъ 3.

Пророчьство будущихъ благъ. Давыдъ, егда бѣгаше отъ лица Авесалома сына своего; о страсти и о воскресеніи Господа Іисусъ Христа, и еже Христосъ есть Богъ. Дивяся множеству противникъ своихъ, глаголеть Богу Отцу сице.

Заглавіе 30 псалма:

Въ конецъ псаломъ Давыдовъ, во ужасѣ; узрѣвъ бо пророкъ тайны на концы не хотящая ся свершити, ужасеся чюдомъ. Псаломъ 30.

О кончинѣ прозрѣвь пророкъ ужасеся. *Напоминается* праведный, чтобы самъ на себе не уповалъ, токмо въ милосердіи Божіи надежю имѣлъ. Гласъ Сына Божія въчеловѣчившагося вѣщаетъ: о Боже Отче.

Заглавіе 60 псалма:

Въ конецъ въ пѣніи Давыдови; о новѣмь пѣніи поемѣмъ Богу, пророчьство сказаетъ на скончаніе вѣка. Псаломъ 60.

Пророкъ вѣщаетъ къ славѣ Божіи; гласъ церкви вѣщающіе въ желаніи, чтобы молитва ее услышана была; и глаголеть.

Заглавіе 94 псалма:

Хвалѣ пѣнія Давыдова хвалѣ пѣснь припряже; пѣснь богоглашеніе разумѣвается, нарече бо второе пришествіе Христово. Псаломъ 94.

Напоминаетъ, чтобъ мы Господа Бога чювьственѣ и разумнѣ славили, и глаголеть.

Содержаніе обѣихъ частей заглавія часто сходное. Послѣ каждой каѳизмы находится «поученіе».

Послѣ 1-й каѳизмы:

Поученіе 1-е. Ставше слышимъ чистыя сія Троица добродѣтельствомъ къ намъ высокимъ апостоломъ вопіюща и глаголюща: Пріидѣте ко мнѣ вси тружающіися обремененіи грѣхи, и азъ покою васъ, возмете яремъ мой на ся и обрящете покой душамъ вашимъ. Яремь мой благъ, грѣхомь великимъ цѣлебенъ есть.

Послѣ 2-й каѳизмы:

Поученіе 2-е. Елико царю Христу предстати и изглаголати градемъ, не безо устроеніе теченіе сътворимъ, егда како видѣвъ насъ и здѣ же чи (?) не имуще оружія ни одежи царю предстояніе работникъ (?) и слугамъ повелить да не ле гдѣ (?) того лица связаны изгонить, и наша молитвы предъ нашимъ лицемъ растерзаемъ въспять отпущати предстати градущю, буди твоя котыга душевная предъ Господомь вся нищими паче же роздоры гнѣвенедръжанія истканa. Аще ли, то ничтоже отъ молитвы имаши успѣха.

Поученія, кажется, одного источника съ первою частію заглавій.

Весь текстъ малопонятенъ; поученія особенно неудобопонятны.

Время отъ времени западно-руссизмы, болѣе во второй части заглавій, чѣмъ въ первой: чтобы... молился, *абы* вѣчнаго мученія избылъ (пс. 6), пророкъ *знакмо* творитъ (пс. 26), *напоминаетъ* насъ пророкъ, чтобы *есмо*... терпѣливи были (пс. 42), *напоминаетъ* насъ, что *бысмо* ся молили Бога противу злому мира сего.

Переводъ сдѣланъ, повидимому, съ латинскаго (пророчествіе приносить *оно* Христа яко хотящи = *de* Christo ut volente?; въ милосердіи надежю имѣлъ = in misericordia spem? и т. п.). Оригиналовъ слѣдуетъ искать въ латинскихъ псалтыряхъ нѣмецкой печати XV—XVI вв.

Мы пользуемся спискомъ Толковой Псалтыри Синод. Библ. № 348, XVI в. Тотъ же текстъ оглавлений въ рукописи Публ. Библ. Q. I. 42[1].

[1] Карскій, Западно-русскіе переводы Псалтыри въ XV—XVII вѣкахъ. Варш., 1896, стр. 38—42.

4) О преводницѣхъ библіи, сирѣчь ветхаго и новаго завѣтовъ, отъ еврейска на греческо. Преводници или толковницы библіи быша многоразличии.

Начало: Вѣдомо есть, еже преводници и толковници библіи многоразличии быша, яко рече учитель въ исторіяхъ....

О толкованіяхъ священнаго писанія ветхаго и новаго завѣта сказаніе вкратцѣ. Четыре суть чины или правила къ распространенію священнаго писанія, яже глаголются по-гречески исторіа, тропологіа, аллегорія, аналогія.

Начало: Вѣдомо да есть, еже все священное писаніе четверообразнѣ...

Мы знаемъ три списка этихъ двухъ статей — Спб. Дух. Ак. Соф. № 1255, XVI в. (лл. 602, 604, послѣ текста Псалтыри съ толкованіями Брунона Вюрцбургскаго въ переводѣ Дм. Герасимова 1535 г.), Моск. Синод. Библ. № 305 (= Горск. и Невостр. № 77; лл. 15, 17, передъ текстомъ Псалтыри Брунона), и Академіи Наукъ 16. 12. 7, второй половины XVII в. (послѣ текста Псалтыри Брунона). По Горскому и Невоструеву, эти статьи находятся въ нюренбергскомъ изданіи библіи 1521 г.; вѣроятно, онѣ находятся и въ другихъ нѣмецкихъ изданіяхъ библіи XV—XVI вв. Переводъ, по всей вѣроятности, Дмитрія Герасимова.

Языкъ — церковно-славянскій[1]).

Толкованія на Псалтырь, Брунона Вюрцбургскаго.

Текстъ псалмовъ и помѣщаемыхъ на западѣ вмѣстѣ съ псалмами пѣсней (молитвъ) Богородицы, Симеона Богопріимца и т. д. — обычный церковно-славянскій[2]). Переведены лишь толкованія на него Брунона († 1045 г.).

Описаніе списка Синод. Библ. № 305, XVI в., сдѣлано Горскимъ и Невоструевымъ, II, 1, стр. 101 сл. (№ 77). Тотъ же

---

1) Сравни *Описаніе рукописей Соловецкаго монастыря*, I, 151.

2) Подробнѣе у *Горскаго и Невоструева*, II, 1, 107—108.

текстъ намъ извѣстенъ въ спискѣ Спб. Дух. Ак. Соф. № 1255, XVI в.[1]), въ Макарьевскихъ Минеяхъ (подъ 20 августа) и въ спискѣ Академіи Наукъ 16. 12. 7, второй половины XVII в. За Псалтырью въ этихъ спискахъ слѣдуютъ (держимся порядка Соф. списка):

1) Моленіе Господьское въ Матѳеи, глава шестая, а въ Луцѣ 11, въпросы и отвѣты.

Начало: Ученикъ. Въ моленіи Господьскомъ колика прошенія имѣются? Учитель. Седмь...

2) Исповѣданіе православныя вѣры, еже предаша апостоли по частемъ.

Началю: Глаголется же по-гречески симболумъ, иже есть събраніе многыхъ словесъ... (апостольскій символъ и толкованіе на него въ вопросахъ ученика и отвѣтахъ учителя).

3) Ангельская хвала послѣ нощныхъ, или пѣснь, юже святый Амбросій и святый Августинъ въкупѣ съставиша. Тебе Бога хвалимъ...

4) Исповѣданіе православныя вѣры святаго Аѳанасія, архіепископа Александрійскаго[2]).

Послѣ третьей статьи въ Соф., какъ и въ Синод.:

Конца же достиже превоженіе сея книгы лѣта отъ създанія Адамля 7044 (= 1535), мѣсяца октября въ 15 день.

Всѣ перечисленныя статьи также принадлежатъ Брунону.

Передъ Псалтырью, между другими статьями, находятся Глаголанія блаженнаго Августина въ прологѣ псалтыри и иныхъ о силахъ псалмовъ, которыя встрѣчаются и отдѣльно (наприм., Увар. № 1830).

Изданіе Псалтыри Брунона, съ котораго Дмитрій Герасимовъ сдѣлалъ переводъ, намъ достовѣрно неизвѣстно. Гамелъ

---

1) Сравни *Описаніе рукописей Соловецкаго монастыря*, I, 146—152. Здѣсь цѣликомъ издано послѣсловіе Дмитрія Герасимова.

2) Моленіе Господьское встрѣчается отдѣльно отъ Псалтыри (Тр. Л. № 201, л. 589 об.; Солов. № 807, л. 768). О спискахъ символа Аѳанасія см. *Архангельскаго*, Къ изученію древне-русской литературы, стр. 15, примѣч.

(Англичане въ Россіи, I, 178) указываетъ на изданіе: Psalterium beati *Brunonis*, episcopi quondam Herbipolensis, a Joh. Cochleo restitutum... Lipsiae, 1533; но были болѣе раннія изданія (1494, 1497 гг.).

Языкъ — церковно-славянскій [1]).

Противъ іудейства, Делира и Самуила.

1) Магистра *Николая Делира*, чина меньшихъ, ѳеологіи прослѣдователя, прекраснѣйшія стязанія, іудейское безвѣріе въ православнѣй вѣрѣ похуляюще (Ув.); или:

Книжка учинена магистромъ *Николою Делира*, чина меншихъ, богословія послѣдователя, въ нейже суть прекраснѣйшіи съпрошанія, іюдейское безвѣріе въ православнѣй вѣрѣ отмещуще (В. Д. С.)

Извѣстно два списка [2]) — Увар. № 1971 и Волог. Дух. Семин., оба XVIII в., которыхъ мы не имѣли въ рукахъ. Въ концѣ обоихъ списковъ: Повелѣніемъ архіепископа Геннадія преложилъ сіе на русскій языкъ *Митя толмачъ* лѣта 7009-го (=1501). *Строевъ*, 86. Оригиналъ — одно изъ многочисленныхъ сочиненій Nicolaus'а *de Lyra*, не разъ изданныхъ въ XV и XVI вв.

2) Учителя *Самоила* обличеніе на іудейская блуженія, Мессіина пришествія еще чающихъ (Увар. № 453 и В. Д. С.); или:

Учителя *Самоила Евреина* на богоотметные жидове обличительно пророческими рѣчьми, главъ 25 (Увар. № 1971).

Извѣстно четыре списка — Увар. №№ 453 и 1971, XVIII в., Вологодск. Дух. Семин., XVIII в., и Троицкаго Лютикова монастыря, до 1676 г. [3]), которыхъ мы не имѣли случая видѣть.

---

1) Срв. сдѣланный въ томъ же 1535 г. переводъ отрывка изъ Исидора Испаленскаго.

2) Судя по описанію архим. Леонида, въ одной рукописи Троицкаго Лютикова монастыря до 1676 г. находится еще списокъ (*Чтенія М. Общ. Ист. и др.* 1865 г., кн. 4, стр. 33).

3) По указанію архим. Леонида въ *Чтеніяхъ М. Общ. Ист. и др.* 1865 г., кн. 4, стр. 33. Еще списокъ (Сербск. Ак. Н., XVI в.), повидимому, русскій, XVI в.,

Переводъ, какъ указано въ началѣ второго списка, сдѣланъ съ латинскаго, въ Новгородѣ, для архіепископа Геннадія. Въ концѣ трехъ списковъ: Напечатано въ Колоніи Индрикомъ Квентелъ лѣта воплощенія Господня 1493, а на русскій языкъ переведено лѣта 7012-го (= 1504). Судя по всему, переводчикъ — Дмитрій Герасимовъ. Оригиналъ, изданіе apud Henricum Quentell, извѣстно въ библіографіи (*Строевъ*, 86)[1].

Сочиненіе Самуила находится также въ вышеупомянутомъ спискѣ Сербской Академіи. Вотъ какъ оно описано Новаковичемъ.

Съвѣщанія кратка великаго учителя *Самуила Іудеанина* родомъ, но отъ іудейства къ вѣрѣ христіянстѣ обращшагося... А какъ тотъ Самуилъ Іудеанинъ отвратился въ христіанство, и тому же прошло время 563 лѣта, по сіе настоящее лѣто, еже чтется отъ начала міра 7064-е (= 1556).

Слѣдуетъ оглавленіе 25 главъ текста. Далѣе введеніе:

Начинаетъ епистолія мниха *Алфонсія* отъ чина проповѣдниковъ[2]) къ мниху Хугону, учителю того же чина, о книзѣ ниже написаной....

Далѣе самое сочиненіе Самуила:

Начинаетъ епистолія, преведена отъ арапска на латинско мнихомъ Алфонсіемъ, добрымъ человѣкомъ испаняниномъ, чина проповѣдниковъ. Сія же епистолія его же будетъ вводительна и къ чему потребна предсловеице (?) исповѣданіе ея полнѣе просвѣтлится съ надписаніемъ, еже таково есть: Епистолія, ея написалъ учитель *Самуилъ Іисральтянинъ*, роженіемъ отъ Фера

описанъ *Истринымъ* въ *Ж. М. Нар. Пр.* 1896 г., № 6, стр. 79—80, и *Новаковичемъ* въ *Споменик*'ѣ, XXIX, стр. 55—57.

1) То же сочиненіе было у насъ нѣсколько разъ издано въ XVIII в. Мы имѣли въ рукахъ «Златое сочиненіе раввина іудейскаго Самуила» въ переводѣ іеромонаха Варлаама, изд. 2-е, Спб. 1782.

2) О Петрѣ Альфонсѣ см. выше, стр. 89.

Максимъ Грекъ писалъ противъ «Главъ» *Самуила Евреина* (Соч. I, 55: «*Самуила Евреина* Главы съ латинскихъ книгъ перевелъ на русскій языкъ *Николай Нѣмчинъ*...»). Значитъ, въ XVI в. было два перевода. Который изъ нашихъ переводовъ сдѣланъ Нѣмчиномъ?

Объ Н. Делирѣ и Самуилѣ и ихъ сочиненіяхъ см. еще *Голубинскаго*, Исторія р. церкви, II, 1, 605—607.

града царства Мохитанска, къ учителю Исааку, учителю сонмища...

За этою статьею — произведеніе Делира въ переводѣ Димитрія Герасимова.

Противъ міряпъ, вступающихся въ имущество церкви.

Слово кратко противу тѣхъ, иже въ вещи священныя, подвижныя и неподвижныя, съборныя церкве вступаются и отъимати противу спасеніа души своеа дрьзають, заповѣди Божіи и церковные прѣзирающе и православныхъ царей и великихъ князей истинное съ клятвою законоположеніе разаряюще и заповѣди Божіа пріобидяще (Синод. Библ.); или:

О свободѣ святыя церкве, писаніе древнее, написано бысть отъ нѣкотораго духовнаго и любомудраго мужа въ вѣдѣніе хотящимъ, въ лѣто отъ созданіа міра 7013, отъ Рождества же Христова 1505, февруарія мѣсяца (Увар. № 1687, XVII—XVIII в.).

Начало: Святѣйшему и разумнѣйшему о Христѣ отцу духовному...

Въ концѣ: Настоящее писаніе наше отъ многихъ и разныхъ учителей писаній удѣлано, въ настоящемъ 1000 пятьсотъ пятомъ лѣтѣ, въ 6 каландъ февраля даже до конца доведе(ся).

Описаніе списка Синод. Библ. № 759, XVI в., сдѣлано Горскимъ и Невоструевымъ, II, 3, 609—616; здѣсь приведены вставки переводчика великорусса; здѣсь доказанъ переводъ цитатъ изъ свящ. писанія съ латинскаго; здѣсь наконецъ выставлено предположеніе, что переводчикъ — Дмитрій Герасимовъ.

Изданіе того же списка было приготовлено *Андреемъ Поповымъ* и вышло въ свѣтъ въ *Чтеніяхъ* 1902 года («Библіографическіе Матеріалы», № XXI), съ предисловіемъ Григорьева. Послѣдній выставляетъ предположеніе, что это сочиненіе написано доминиканцемъ Веніаминомъ; онъ также указываетъ списки и ихъ редакціи.

Еще списокъ (безъ заглавія) — Казанск. Унив. № 21382, XVII—XVIII в. (*Артемьевъ*, стр. 285).

Нѣтъ сомнѣнія, что передъ нами переводъ какого-то латинскаго сочиненія: *цѣлованіе многое глаголетъ* (= salutem plurimam dicit). Переводчикъ едва ли не Дмитрій Герасимовъ (здѣсь, напримѣръ: каланды, Индрикъ = Henricus, какъ въ несомнѣнныхъ переводахъ Герасимова [1]).

Языкъ — церковно-славянскій.

О суетѣ.

Начертаніе подобожительнаго чертога, въ немже зрится образъ многосуетнаго и временнаго и тлѣннаго житія сего.

Сказаніе и поученіе о суетѣ и (не)постояніи бытія нашего, въ немъже и о начертаніи подобожительнаго чертога житія сего маловременнаго и мимотекущаго. Сія же всякому внимающему въ пользу и потребу.

Начало: Якоже бо море многоволнеными зыбленіи разливаемо и волнящеся и корабли мятуще...

Между прочимъ: И аще хощеши увѣдати суету вѣка сего, то *напишу ти подобожительный чертогъ житія сего*, нъ немъже путіе и суета и непостоянство мира сего подобозрительно зрится, еже есть — како обращается въ немъ... (объясненіе рисунка, не находящагося однако при текстѣ).

Списокъ этой довольно длинной статьи, говорящей о суетѣ мірской, находившійся у насъ въ рукахъ, — Моск. Дух. Акад. № 103, к. XVI — нач. XVII в., лл. 162 об. — 165. Съ нимъ сходенъ списокъ Уваров. № 703, 1630 г., л. 193 об. слѣд. (обѣ рукописи — такъ наз. Кругъ міротворный).

Въ спискѣ Синод. Библ. № 456 (ок. 1649 г.), написанномъ въ Молдавіи, на лл. 510—514 — Сказаніе и поученіе о суетѣ....,

---

1) Срв. *Павловъ*, Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи, Од. 1871, стр. 61—64.

а на л. 514 об. — О милостыни и любви. Начертаніе подобожительнаго чертога.... За этимъ заглавіемъ слѣдуетъ короткій текстъ (одна страница); начало: Милостыня въ любви воскриляетъ человѣка во горняя и возводитъ во небесный Сіонъ...

Языкъ — церковно-славянскій.

Житіе и сочиненія блаж. Августина.

1. Книга святаго *Агустина*, западнаго учителя, епископа Иппонскаго, на двѣ части расположенная. Напреди имущая исторію о немъ самомъ, отъ ученика его списанную, въ 31-й главахъ.

Житіе святаго Агустина, учителя церковнаго, епископа Иппонскаго, списанное отъ ученика его Посейдонія, епископа Каламанскаго.

Глава 1. Сей всесвященный Агустинъ бысть отъ земли Африкійскія....

31 глава.

Языкъ церковно-славянскій, ясный, безъ учености. Полонизмовъ не замѣчено.

Часть 1-я. Агустина учителя о видѣніи Христа.... (то же, что ниже).

Часть 2-я. Поученія, или молитвы...., 40 главъ (то же, что ниже).

Сказаніе о явленіяхъ святому Агустину, епископу Иппонійскому.

Начало: Неправедно возмнихъ утаити двѣ повѣсти чудныя, явленныя отъ Бога святому Агустину, ихъже слышалъ есмь отъ многихъ православныхъ словомъ сказаемы, паче же отъ *преподобнаго Максима Философа*, а написанныхъ ихъ нигдѣже видѣхъ, и не вѣмъ, аще преведены ли будутъ въ русскомъ языцѣ...

Это сказаніе, какъ видно изъ упоминанія о Максимѣ Грекѣ,— принадлежитъ *Курбскому*.

Въ концѣ его мы читаемъ: Оле неизреченныя ти, Христе, силы и предивныхъ дѣйствъ твоихъ бездны.... Гдѣ нынѣ зазирающіи оглагольники и неповинныхъ истязатели, малоискусныхъ въ писаніи іереевъ и діаконовъ осуждающіи, а простоты жительства ихъ не смотряюще; такожде и народовъ простыхъ неискуству молитвамъ насмѣхающеся, а трудовъ ихъ претяжкихъ и потовъ многихъ ни во чтоже вмѣняюще....

Списокъ Чудова монастыря № 216, к. XVII в., съ ученой ороографіей.

Переводъ сдѣланъ человѣкомъ не только хорошо знающимъ латинскій языкъ, но и по своему образованнымъ. Его церковнославянскій языкъ имѣетъ много руссизмовъ.

Курбскій уже передъ бѣгствомъ въ Литву (до 1564 года) владѣлъ спискомъ Житія Августина[1]). Изъ этого можно заключать, что переводчикъ работалъ около половины XVI в. и былъ однимъ изъ людей, близкихъ къ Курбскому. Его трудъ былъ сохраненъ, повидимому, Курбскимъ, обращался сначала только въ юго-западной Руси (и то мало) и лишь въ концѣ XVII в. сталъ извѣстенъ въ Москвѣ, вмѣстѣ съ сочиненіями и переводами Курбскаго[2]).

2. Учителя *Агустина* книга о видѣніи Христа, или о Словѣ Бога, иже успенна небеснаго вожделѣнія память обновляется.

Предословіе 1. Параграфъ 1. Начало: Понеже посредѣ сѣтей положени есмы...

1) Письмо литовскаго воеводы кн. Полубенскаго о книгахъ Курбскаго: «другая книга: мученіе князя Михаила Черниговскаго да болярина его Өеодора, *Житіе Августія Ипаниская*, да и иныя словеса, а переведено изъ латынскаго языка. ...А будетъ... не допыташеться... Августинова житія, и ты бы велѣлъ списать у старца Вассіана у Муромца въ Печерскомъ монастырѣ, да и *явленіе чудесъ Августиновыхъ*, а писаны при концѣ». *Бычковъ*, Описаніе рукописн. сборниковъ Публ. Библ., 56.

2) Какъ извѣстно, всѣ списки Исторіи Курбскаго относятся къ концу XVII или началу XVIII в. Ни одинъ Хронографъ не имѣетъ изъ нея отрывковъ. Позволительно предположить, что списки сочиненій и переводовъ Курбскаго и текстовъ, бывшихъ въ его библіотекѣ, принесены въ Московскую Русь переселившимися въ нее монахами Кутеинскаго монастыря (въ Иверскій монастырь подъ Валдаемъ).

Глава 1. О дивнѣмъ существѣ Бога.

Мы пользовались спискомъ Синод. Библ. № 459, к. XVII в. Другіе списки (въ ихъ числѣ Чудовск. № 291, принадлежавшій Каріону Истомину) имѣютъ обширное посвященіе Каріона царевнѣ Софьѣ (начало: Егда убо ветхозавѣтна скинія), изъ котораго, между прочимъ, видно, что въ 1687 г. онъ списалъ текстъ съ рукописи бѣлорусскаго письма: «кую книгу обрѣтохъ на бѣлорусскомъ письмѣ славенскимъ діалектомъ переведену и писану, юже славенскими буквами написахъ» [1]). Оригиналъ — Manuale; seu libellus de contemplatione Christi, sive de Verbo Dei, quo sopita coelestis desiderii memoria renovetur (36 главъ) [2]).

Списокъ Академіи Наукъ 16.7.19, к. XVII в., не имѣющій посвященія Каріона, имѣетъ передъ текстомъ 36 стихотвореній (четверостишій, шестистишій и восьмистишій) съ заглавіемъ: Надъ всякою главою образы (=изображенія), около же ихъ писаны быша стихи сіи. Начало 1-го стихотворенія: Сладкая бесѣда. Христе сладосте, велія утѣха, Въ бесѣду Твою даруй ми поспѣха...

Списокъ Академіи Наукъ 17.13.7, к. XVII в., написанный отличнымъ крупнымъ полууставомъ, съ двумя откуда-то вырѣзанными, раскрашенными гравюрами, въ переплетѣ, обтянутомъ краснымъ сафьяномъ, съ золотымъ тисненіемъ, имѣетъ заглавіе: Книга Боговидная любовь. Вокругъ миніатюръ восьмистишія: 1) Августинъ святый книгу сю состави..., 2) Сладкая бесѣда. Христе сладосте, велія утѣха...

---

1) Каріонъ называетъ это произведеніе: Боговидная любовь. Объ посвященіи царевнѣ Софьѣ см. *Брайловскій*, Каріонъ Истоминъ, М. 1889, стр. 90 слѣд.

2) Срв. *Викторовъ*, стр. 22. Каріонъ Истоминъ въ числѣ своихъ трудовъ называетъ «Книгу о любви Божіей, чистыя души», поднесенную царевнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ (*Брайловскій*, стр. 107). Она нами не найдена, но мы позволяемъ себѣ высказать догадку, что она — переводъ одного изъ произведеній, издававшихся вмѣстѣ съ сочиненіями блаж. Августина, именно Contemplationes de amore divino, неизвѣстнаго автора (заглавіе главы I: Quid sit amor?).

Кіево-братскій архидіаконъ Михаилъ, во время пребыванія въ Москвѣ въ 1652 году, по приказанію думнаго дьяка Михаила Юрьевича, перевелъ «книгу учителя Августина». *Каптеревъ*, Патріархъ Никонъ, стр. 164.

3. Поученія, или молитвы зѣло душеполезныя, учителя *Августина.*

Глава 1. Призывайте Бога всемощна ко исправленію обычаевъ и житія.

Стихъ 1. Начало: Господи Боже мой, даждь сердцу моему Тебе желати, желая искати, ища обрѣсти, обрѣтая любити...

Глава 2. Человѣка обвиненіе и похвала милосердія Божія.

Мы знаемъ списки Спб. Дух. Ак. Соф. 1481—64, к. XVII в., и Чудова мон. № 290, к. XVII в., принадлежавшій Каріону Истомину (40 главъ) [1]. Оригиналъ—Meditationes divi *Augustini* (41 глава), много разъ издававшіяся въ XVI и XVII вв. (мы пользовались изданіемъ іез. Соммалія: Divi *Augustini* Meditationes, soliloquia et manuale..., Coloniae, 1639).

Языкъ—церковно-славянскій.

---

4. Поученіе блаженнаго *Августина* на словеса апостольская, да быхомъ о умершихъ не скорбѣли.

Начало: Увѣщеваетъ насъ божественный апостолъ...

Намъ извѣстенъ одинъ списокъ—въ Синодикѣ Вахрамѣева № 39, XVII—XVIII в. (л. 65). Оригиналъ—Sermo CLXXII Августина: Tristitia de mortuis qualis prohibetur (*Migne*, т. XXXVIII, стр. 936).

Переводъ какъ будто старше конца XVII вѣка [2]).

---

1) Снимокъ со второго списка — въ изданіи Археологическаго Института. Въ описаніи одного сборника Боровскаго Пафнутіева монастыря архим. Леонидъ упоминаетъ «39 главъ душеполезныхъ молитвъ учителя *Августина*» (*Чтенія М. Общ. Ист. и Др.* 1865 г., кн. 4, стр. 11).

2) Епифаній Славинецкій въ «Оглавленіи книгъ» упоминаетъ о переводѣ молитвы Августина, съ начальными словами: Яко съ великимъ...

Изъ «Словесъ супротивныхъ» Максима Грека «къ Іоанну Лодовику, толковнику священныя книги св. *Августина*, епископа Иппонскаго» (Соч., III, стр. 205 сл.), позволительно догадываться, что во время пребыванія Максима въ Москвѣ было переведено съ латинскаго на славянскій языкъ сочиненіе Августина De civitate Dei, съ толкованіемъ Іоанна Людовика *Вивеса* (*Иконниковъ*, Максимъ Грекъ, стр. 152).

Вопросы, Іустина Философа.

Иже во святыхъ отца нашего *Іустина Философа* и мученика Вопросы еллинстіи къ христіаномъ о безтѣлесномъ и о Бозѣ и о воскресеніи мертвыхъ.

Начало: 1. Откуду явленно, аще есть нѣчто безтѣлесное и аще есть безтѣлесное?

15 вопросовъ.

Далѣе: Отвѣти христіанстіи на предреченныя вопросы отъ благочестія естественныхъ словеснствованій.

Начало: Сія словеса не суть словесная недоумѣнія...

Напечатано въ московскомъ Анѳологіонѣ 1660 года (стр. 42—81).

Извѣстенъ списокъ—Флорищ. пустыни, XVII в. (*Викторовъ*, 274; *Георгіевскій*, № 114). Переводъ принадлежитъ Епифанію Славинецкому (послѣдній упоминаетъ о немъ какъ о своемъ въ «Оглавленіи книгъ» и указываетъ на оригиналъ — на парижское изданіе 1636 г. apud Claudium).

О псалмахъ, Аѳанасія Великаго.

Иже во святыхъ отца нашего *Аѳанасія*, архіепископа Александрійскаго, къ Маркеллину о толкованіи псалмовъ посланіе.

Начало: Похваляю твою еже о Христѣ волю, превозлюбленне Маркелline...

Напечатано въ московской Псалтыри 1651 г. (*Каратаевъ*, № 675). Есть списки.

Переводъ сдѣланъ съ *латинскаго* въ 1649 г. Епифаніемъ Славинецкимъ, какъ онъ самъ сообщаетъ въ «Оглавленіи книгъ».

Преніе Аѳанасія Великаго съ Аріемъ.

Прѣніе противу Арія блаженнаго *Аѳанасія*.

Начало: Призрѣніемъ Бога, со дразѣми братіи моей пошедъ, путь къ рабомъ божіимъ мнѣ възлюбленнымъ имѣхъ, и егдаже

телесныа ради немощи тихо съ сею братіею идохомъ, мужь нѣкый.... Вмѣсто: Арій всегда пишется: Аріе (им. п.).

Мы пользуемся списками Тр. Л. №№ 178 (отсюда сдѣлана выписка) и 773, половины XVI вѣка, и Чуд. мон. № 345, 1692 г., и Макар. Мин. подъ 18 января.

Списокъ Увар. № 270, XVII в. (л. 427 об. слѣд.), имѣетъ такое заглавіе: «Блаженнаго *Аѳанасія* Прѣніе со Аріемъ еретикомъ. Преведеся со греческаго на римскій языкъ нѣкимъ мудрымъ философомъ и отъ Рима принесену тому въ Русскую землю къ великому князю Ивану Васильевичу...; онъ же, благочестивый государь, повелѣ перевести на русскій языкъ *Мануилу* гречину Дмитріеву сыну *аморѣанину*, иже пріидоша съ царевною изъ Рима. А переводилъ съ Благовѣщенскимъ протопопомъ *Ѳеодоромъ*».

Оригиналъ намъ извѣстенъ лишь по изданію *Migne*'я (Patrologia, p. graeca, т. XXVIII, стр. 459; между сочиненіями, ложно приписываемыми Аѳанасію). Изданія сочиненій Аѳанасія 1482 г. намъ не привелось видѣть.

Языкъ — церковно-славянскій, съ кое-какими южно-славянизмами (выше: со *дразѣми*, и т. п.), показывающими, что переводчикъ былъ знакомъ съ однимъ изъ южно-славянскихъ языковъ (скорѣе съ сербскимъ, чѣмъ болгарскимъ).

Преніе Аѳанасія Великаго съ Аріемъ, Вигилія Тапсійскаго.

Прѣніе между Савелліемъ, Ѳотіемъ, Аріемъ и Аѳонасіемъ о Христѣ Господѣ нашемъ и вѣрѣ святыя Троицы.

Начало: Въ Никѣйстемъ градѣ 318 отцы святіи отъ евангельскихъ и апостольскихъ ученій...

Приведенное заглавіе намъ извѣстно въ спискахъ Синод. Библ. № 476 (= Горск. и Невостр. № 285), Спб. Дух. Ак. Соф. № 1254, Акад. Наукъ 17. 5. 4, XVII в., и Кіевск. Дух. Ак. О. 4. 77, XVII—XVIII в. (= Петровъ, № 141). Другіе списки, описанные Викторовымъ (стр. 204, 231), Строевымъ и архим. Леонидомъ (*Вѣстн. Археологіи и Ист.*, II, 28), и

М. Арх. М. Ин. Д. № 302—681, XVII в., имѣютъ другое заглавіе:

Книга глаголемая Судопрѣніе, еже бяше между Савелліемъ, Фотиномъ и Аріемъ пресвитеромъ, древними еретиками, и благочестивымъ Аѳанасіемъ діакономъ, повелѣніемъ благочестиваго царя греческаго Константина Константіа, о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ и вѣрѣ св. Троицы, Прову судіи сущу. Произнесеся на латинскомъ языцѣ творцемъ *Вигиліемъ* епископомъ Тридентійскимъ; нынѣ же преведеся съ латинскаго языка на славенороссійскій языкъ, изъ книги богослова Григорія *Касандра*, въ лѣто отъ С. М. 7096-е, отъ Рождества же по плоти Бога Слова 1687, индикта 11, мѣсяца маіа.

Оригиналъ — Beati *Vigilii* martyris et episcopi Tridentini opera, въ изданіи Georgii *Cassandri*, вышедшія въ свѣтъ вмѣстѣ съ сочиненіемъ Кассандра: Commentarius de duabus in Christo naturis et una hypostasi, Coloniae, 1555. Нашъ текстъ имѣетъ заглавіе: Disputatio inter Sabellium, Fotinum, Arrium et Athanasium de Christo Domino nostro et fide sanctae Trinitatis.

Языкъ — церковно-славянскій ученый, съ западно-руссизмами[1]).

Только что упомянутое сочиненіе *Кассандра* также сохранилось въ переводѣ, въ спискѣ М. Арх. М. Ин. Д. № 315—694, XVII в., съ заглавіемъ:

О двою во Христѣ естеству, о единой ѵпостаси толкованіе.

Начало: Тако діавольскимъ коварствомъ содѣяся, яко спасительная Господня воплощенія тайна особныхъ ересей начало содѣловается....

Переводъ принадлежитъ, повидимому, тому же лицу, которое перевело Преніе Аѳанасія Вел.

---

1) Сравн. въ той же Синод. рукописи № 476 «Краткое удобство разсужденія», переведенное въ 1685 году.

Тропникъ, папы Иннокентія III.

Предисловіе (переводчика). Доброму читателеви истинное и благое благовѣстіе. Яко дни свѣтъ, къ востоку солнца соприплетшися, всѣмъ сладость сіятельства лучь, божественныхъ словесъ слышащимъ простираетъ...

Оглавленіе.

Книга глаголемая *Тропникъ*, понеже не широкословіемъ путь спасенія являетъ, но краткими словесы отъ божественныхъ писаній поучаетъ, како злыхъ дѣлъ удалятися и ихъ ненавидѣти, пребывати же во всѣхъ, имиже возможно есть внити въ животъ вѣчный. Твореніе Инокентія папы римскаго.

О суетѣ міра сего и яже вся суть красота человѣческая ни во чтоже намѣнишася. Глава 1.

Начало: Охъ, увы, и чесо ради изыдохъ изъ чрева матери моеа, да быхъ...

87 главъ.

Въ концѣ: Въ премудростехъ славимый и въ разумѣхъ хвалимый, честностію же чти честно почитаемый, во своихъ бо си дѣлехъ художно познаваемый, понеже трудолюбно подвизаемый и усердно совершаемый, Богомъ же самѣмъ наставляемый, *Өеодоръ Касьяновъ сынъ Гозвинскій*, греческихъ словъ и польскихъ переводчикъ.

Прошенія пріятіемъ по закону любви благонравна и благочестію рачителя купца по виновному падежу въ четыренадесятомъ четыредесятое и въ первонадесятомъ десятое, сторица третицею сугубо съ первымъ, и паки въ десятомъ осмое и въ тринадесятомъ тридесятое и первое (=Міхаила), переведе сію книжицу съ польскаго на рускій языкъ, въ царствующемъ градѣ Москвѣ 7117 (=1609) лѣта, перваго же на десять (іюля) мѣсяца, въ славу Богу и благодареніе, въ пользу же и въ наслажденіе душевное чтущимъ и слышащимъ ю. Аминь.

Изъ многочисленныхъ списковъ этого текста мы пользуемся спискомъ Моск. Дух. Акад. № 233, XVII в. (вкладъ 1665 г.),

съ которымъ близко сходны списки Румянц. Муз. Унд. № 207, XVII в., и Общ. Др. Письм. Q. XLII (1023), XVIII в. Оригиналъ латинскій носитъ названіе: De contemptu mundi, sive de miseria humanae conditionis; оригиналъ польскій—Tropnik, albo mała droga do zbawienia. Печатнаго изданія послѣдняго не указано ни Вержбовскимъ, ни Эстрейхеромъ.

Языкъ — церковно-славянскій тяжелый. Переводчикъ, вѣроятно, — воспитанникъ одной изъ южно-русскихъ школъ [1]).

Пастырское попеченіе, папы Григорія Великаго.

Книга пастырскаго попеченія, отъ иже во святыхъ отца нашего Григорія Двоеслова, папы римскаго, діалектомъ латинскимъ сложенная, а отъ іеромонаха *Сѵмеона Полоцкаго* на славенскій языкъ, во пользу пастырей словенскаго стада Христова и разсмотрѣнія ради бремене сана епископскаго желателемъ его, преложенная въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ лѣто отъ созданія міра 7179 (1671).

Преложитель къ читателю, епископства желателю.

Аще епископства мужъ нѣкій желаетъ,
Добра дѣла хощетъ, Павелъ повѣдаетъ...

Скрижаль главъ (=оглавленіе).

Предисловіе на пастырская блаженнаго Григорія папы къ святѣйшему Іоанну епископу града Равенны.

Начало: Пастырскаго попеченія тягость...

Начало 1-й главы 1-й книги: Ни едино художество учимо быти дерзается...

---

1) Срв. *Поповъ*, Обзоръ, II, 169.

Въ большей части списковъ (пользуемся Синод. №№ 449, 450, XVII в.) свѣдѣнія о переводчикѣ находятся въ началѣ текста, передъ оглавленіемъ: Сказаніе о преведеніи книжицы сея, глаголемой Тропника, съ польскаго языка на русскій языкъ. Лѣта 7117-го перевелъ сію книжицу съ польскаго языка на русскій языкъ Ѳеодоръ Касьяновъ сынъ Гозвинскій, греческихъ словъ и польскихъ переводчикъ, въ царствующемъ градѣ Москвѣ мѣсяца іюня въ день.

Приведеннаго выше послѣсловія въ этихъ спискахъ нѣтъ.

4 книги. Мы пользуемся чистовымъ экземпляромъ, письма Сильвестра Медвѣдева, Синод. Б. № 662, и черновымъ, автографомъ Симеона, 1671 г., Син. Б. № 663. Между ихъ текстами почти нѣтъ различія [1]). Только въ автографѣ начало стиховъ Симеона таково:

Желаяй Христову пастырь стаду быти,
Долженъ есть первѣе себе разсудити.

Мы пользуемся также отличнымъ полууставнымъ спискомъ Ярославскаго Спасо-Преображенскаго монастыря № 104—91, к. XVII—нач. XVIII в.

Латинскій оригиналъ носитъ названіе: De cura pastorali.

Языкъ—церковно-славянскій ученый.

О подражаніи Христу, Ѳомы Кемпійскаго.

Книга первая о послѣдованіи Христу. Написана и смиренно поднесена госпожѣ игуменіи Новодѣвича монастира недостойнымъ рабомъ Христовымъ А. Х. Б.

Предисловіе къ высоцѣй въ Бозѣ пречестнѣйшей Антонидѣ Даніиловнѣ, игуменіи Новодѣвича монастыря подъ царствующимъ градомъ Москвою.

Начало: Всяцѣй твари (могущей разумѣти благодѣяніе) даде сіе прирожденіе... Приношу сія малыя труды моя — преведеніе на русскій языкъ двухъ книжекъ о послѣдованіи Христу, отъ нѣкоего славнаго творца изданныхъ. И неложно о семъ свидѣтельство полагаю: множае нежели на тридесяти языкахъ преведенну обрѣтохъ. Егда же не возмогохъ увѣдѣти, аще есть на русскомъ языцѣ и яснѣйши паче моего истолкованы, дерзнухъ на сицевый благій и спасеный трудъ... И аще сія малыя труды моя мѣсто и благодать обрящутъ у пречестности вашея, готовъ и третію книжицу, обоихъ сихъ вящшую, о томъ же послѣдованіи Христу

---

1) Описаніе синодальныхъ списковъ — у *Горскаго и Невоструева*, II, 2, 242—246.

издати..., отъ мене уже преведенну, токмо еще на русскомъ языцѣ не совершенно устроенну, якоже и въ сихъ дву книжицахъ много словесъ грубыхъ, а мало изрядныхъ обрящете... (Подпись): Смиренный рабъ А. Х. Б.

Анаграмма (по-русски и по-польски), съ истолкованіемъ.

Книга первая о послѣдованіи Христу.

Глава 1-я. О уничиженіи всѣхъ суетствій міра. Начало: Ходяй по мнѣ не имать ходити въ тмѣ, глаголетъ Господь сія словеса...

Книга вторая написана и смиренно поднесена намѣстницѣ того же монастыря Анастасіи Өеодоровнѣ.

По Горскому и Невоструеву, игуменья Антонида умерла въ 1689 г.

А. Х. Б. почти несомнѣнно — *Андрей* Христофоровичъ *Бѣлободскій.*

Намъ извѣстенъ лишь списокъ Синод. Библ. № 825, к. XVII — нач. XVIII в.

Языкъ — церковно-славянскій тяжелый; полонизмовъ и западно-руссизмовъ очень мало [1]).

О вѣчномъ блаженствѣ святыхъ, Беллярмина.

Роберта кардинала *Беллярмина* О вѣчномъ блаженствѣ святыхъ, подъ именемъ царства Божія, рая, дому, града, царства, предложено. Къ тому жъ и евангельскіе параволи, т. е. притчи, или таинственная пріуподобленія... Типомъ изображено въ Римѣ лѣта воплощеннаго Бога Слова 1644.

Предисловіе. Робертъ кардиналъ Беллярминъ чтущимъ здравствовати о Господѣ желаетъ. Прешедшаго лѣта и моему наипаче употребленію писахъ...

О вѣчномъ блаженствѣ святыхъ, подъ именемъ царствія Божія. Книга первая. Глава 1. О пространствѣ царствія Божія.

---

1) Срв. *Горскій и Невоструевъ*, II, 3, 206 сл.

Начало: Ученіе о царствіи небесномъ толь высокаго достоинства есть, яко и изъ сего познати возможно...

Мы знаемъ одинъ списокъ — Публ. Библ. Погод. № 1102, половины XVIII в. Оригиналъ — сочиненіе писателя XVI в. *Беллярмина* De aeterna felicitate sanctorum, имѣвшее въ XVII в. много изданій.

Языкъ—церковно-славянскій. Стихи переведены стихами [1]).

Дезидерій, Беллярмина.

Десидерій, или стезя къ любви Божіей и къ совершенству житія христіанскаго. Бесѣда дивнѣ благоговѣйная и утѣшная, съ испанскаго на влоскій, французскій, нѣмецкій, нидерлянскій и латинскій языкъ, потомъ же и на польскій преложися чрезъ Аспара Вилговскаго. Нынѣ же съ польскаго языка на славянскій ради богобоящихся и житіе свое въ богомысліи и въ трудолюбіи препровождати хотящихъ монаховъ преложена іеродіакономъ *Θеофаномъ* въ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ монастырѣ Чюда архистратига Михаила, въ лѣто отъ міроздація 7197, отъ рождества же по плоти Бога Слова 1688, мѣсяца ноевріа.

Ко православному читателю сія книги по латынѣ издавшаго.

Начало: Діалогъ сей сложи прежде нѣкоторой испанъ...

Передъ 1-й книгой. Молитва святаго Августина дивнѣ помощна къ стяжанію смиренія.

Начало: Вѣмъ сіе, милостиве Господи, и исповѣдаю...

Изъ многочисленныхъ списковъ мы пользовались лишь однимъ—Спб. Дух. Ак. Соф. № 1503, нач. XVIII в. Оригиналъ—Desiderosus, albo ścieżka do miłości Bożej i do doskonałości żywota chreściańskiego. Dialog dziwnie nabożny i ucieszny, z hispańskiego na włoski, francuzki, niemiecki, niderlandski i laciński język, a potym i na polski przełożony przez Gaspara Wilgowskiego.

---

1) То же сочиненіе подъ названіемъ: О вѣчномъ блаженствѣ святыхъ, пять книгъ, соч. кардинала Роберта Беллармина, въ переводѣ свящ. Суворова, было напечатано въ Спб. въ 1784 г.

Teraz znowu do druku podany przez ojca Kassiana Sakowicza. W Krakowie, 1625. [1]). Нашъ переводчикъ опустилъ два предисловія оригинала (Саковича и Вильковскаго) и введеніе.

Языкъ—церковно-славянскій ученый.

Благочестивыя размышленія, Суквета.

Разсужденія богодухновенныя, еже уклонятися отъ зла и творити благое, съ изображеніями пути жизни вѣчныя, пречестнымъ отцомъ Антоніемъ *Сукиветомъ* іезуитою сложенная 1600 года.

Предисловіе къ читателю. Аще видѣлъ еси, читателю милостивый, злата и кедра достойную книгу...

Оглавленіе.

Цензурное разрѣшеніе.

Разсужденіе 1, о концѣ, къ немуже созданъ есть человѣкъ.

Начало: Всякъ иже благотворити и жизнь благу начати желаеши...

32 короткихъ разсужденія и за ними рядъ главъ съ особыми заглавіями (послѣдняя — Собраніе христіанскаго совершенства).

Единственный списокъ, намъ извѣстный,—Спб. Дух. Ак. А. № 105, нач. XVIII в., безъ рисунковъ. Оригиналъ—Piae considerationes ad declinandum a malo et faciendum bonum, cum iconibus vitae aeternae, r. p. Antonii *Sucquet* e societate Jesu. Viennae Austriae, 1672.

Языкъ — церковно-славянскій ученый, съ юго-западно-руссизмами. Переводъ буквальный.

---

1) Въ 1-мъ изданіи Desiderosus'а, Краковъ, 1599, переводчикъ называетъ себя Wilkowski, что несогласно съ нашимъ текстомъ.

О содержаніи этого духовно-аллегорическаго романа (нѣсколько похожаго на сказку о царевичѣ Хлорѣ) см. у *Владимирова*, Къ изслѣдованію о Великомъ Зерцалѣ, стр. 14.

Нашъ переводъ былъ изданъ въ Спб. въ 1785 г.

Солнечникъ, Іереміи Дрекселія.

Солнечникъ, или уравненіе воли человѣческія съ волею Божію, еже пятію книгами описа всечестный отецъ монахъ *Іеремія.* Нынѣ же на славенскій діалектъ въ пользу душевную преложися іеродіакономъ *Ѳеофаномъ*, въ царствующемъ велицѣмъ градѣ Москвѣ, въ монастырѣ Чудесе архистратига Михаила, въ лѣто отъ сотворенія міра 7196, отъ рожества же по плоти Бога Слова 1688-го.

(Эпиграфъ:) Господи, Господи, царю...

Къ читателю. Читателю благочестивому и въ писаніихъ люботщательному...

Въ концѣ добавленіе переводчика: Вѣждь же и сіе, всякій православный читателю, яко во книзѣ сей обрѣтаются свидѣтельства отъ ветхаго и новаго завѣтовъ не вездѣ согласна съ библіею седмидесяти преводниковъ..., да никако сумниши о томъ: таковъ бо преводъ и сочиненіе сея книги творца.

Употупосисъ, или описаніе пяти книгъ...

Книга первая. О познаніи воли Божія.

Глава 1. Начало: Александръ царь Македонскій, егда съ Даріемъ...

5 книгъ.

Изъ многочисленныхъ списковъ мы имѣли въ рукахъ списокъ Рум. Муз. № 99, XVII в. Латинскій оригиналъ — *Drexelius*, Heliotropium, seu conformatio humanae voluntatis cum divina, въ 1-й разъ былъ изданъ въ Мюнхенѣ въ 1627 г. Нашъ переводчикъ пользовался польскимъ переводомъ: *Drexelius*, Słonecznik, albo porownanie woli ludźkiej z wolą Bożą. Lublin, 1630; Krak. 1649.

Языкъ — церковно-славянскій ученый [1]).

1) *Востоковъ*, № 99. М-тъ Евгеній, II, 294, ошибочно называетъ переводчика Ѳеологомъ. Первое польское изданіе имѣется въ Моск. Типогр. Библ.

Другой переводъ, съ латинскаго, сдѣланъ І. Максимовичемъ и изданъ въ 1714 г. подъ названіемъ: Иліотропіонъ. Вѣроятно, этотъ переводъ, съ исправленіями, изданъ потомъ въ Москвѣ въ 1784 г. и въ Спб. въ 1785 г.

Купель душевная.

Купель душевная, или ученіе житія духовнаго. Книга древняя нѣкоимъ монахомъ благовѣйнымъ св. Венедикта во Италіи написанная и въ Польшѣ латинскимъ и польскимъ языкомъ напечатаная. Нынѣ же съ польскаго на славенскій ради богобоящихся и житіе свое въ богомысліи препровождати хотящихъ монаховъ преложена.

Оглавленіе.

Предисловіе ко ученію житія духовнаго. По словеси и заповѣди, починается зѣло потребная бесѣда, которая нарицается ученіе житія духовнаго. Предисловіе.

Начало: Преблагословеннѣй Троицѣ и славнѣй Дѣвѣ Богородицѣ...

Глава 1. Монаху, духовнѣ хотящему преуспѣяти, въ семъ много заключается: во еже бы благихъ дружества искати, злыхъ же уклонятися.

Начало: Увѣщаетъ насъ пророкъ глаголя...

69 главъ.

Мы пользовались спискомъ Синод. Библ. № 784 (изъ библіотеки св. Дмитрія Ростовскаго). Переводчикъ — монахъ *Ѳеофанъ* (чудовской); время перевода — 1684 г. Оригиналъ — книга *Rochowicz*'а: Kąpiel duszna, albo cwiczenie żywiołu duchownego. Księga dawna, od jednego zakonnika bogobojnego reguły s. Benedykta we Włoszech napisana i tu w Polszcie lacińskim językiem wydrukowana... Wilno, 1609.

Языкъ—церковно-славянскій тяжелый [1]).

Инфирмарія христіанская.

Анѳиръмарія (sic) христіанская, то есть при смерти болящему разсужденіе ся, размышленіе ся и потѣшеніе, вонже тяжкою болѣзнію притужа.

А съ польска и латынска языка преложена на словено-рос-

1) *Горскій и Невоструевъ*, II, 3, 280; *Викторовъ*, стр. 236.

сійскій діалектъ въ лѣто 7182-го (= 1676), марта мѣсяца и апрѣля и преписана съ докладомъ (= дополненіемъ).

Начало предисловія: Хотящимъ извѣстнымъ и наученнимъ боголюбивымъ человѣкомъ...

Здѣсь переводчикъ, послѣ просьбы о прощеніи за ошибки въ переводѣ, говоритъ о себѣ:

Имени ли переводника желаеши вѣдати, непотребнаго, грѣшнаго, и слышати, обаче повѣмъ. Аще почтеши дводесятицу сугубо, навершая слогъ единицею, и сторице съ двократною десятницею навершиши дебелымъ припряжногласнымъ; а по реклу: сугубо пятерица и седмица десятицею со единицею и дважды пятдесятма, и паки тажъ навершиши дебелымъ же припряжногласнымъ; а прозваніемъ: сугубо четверодесятница со единицею и третица съ четверицею, и сторица четверицею и тресотица сугуба и четверица двократна и пятерица десятицею (= *Маркъ* Іоаннъ *Пазухинъ*).

Далѣе, безъ заглавія: Егда болящій, тѣломъ неспособенъ, разумомъ разсудку еще воленъ есть, и того ради много можетъ и мыслію своею учинити, — первое: разсуждаяй себе...

Далѣе: Вторый раздѣлъ, что болящій имать умысломъ своимъ чинити. Начало: Оходити скорыхъ бы (?) причинъ такія болѣзни вникли въ міръ...

Далѣе: Третій раздѣлъ, иже имать болящій въ болѣзни своей утѣшатися. Начало: Подобаетъ нынѣшнія болѣзни...

10 «раздѣловъ», за которыми слѣдуетъ «замкненіе». Далѣе еще нѣсколько «раздѣловъ» безъ означенія цифрами. Послѣдній— «Раздѣлъ о приготованіи себя къ доброй смерти».

Мы пользовались спискомъ М. Общ. Ист. и Древн. № 4, 1730 г. Другой списокъ, к. XVII в., — въ библіотекѣ Спб. Синодал. Архива. Оригиналъ—Infirmaria chrześciańska, sporządzona przez jednego kapłana, Kraków, 1626. По Эстрейхеру, авторъ— *Mościcki*. Было два изданія 1626 г.; оба есть въ М. Типографской Библ.

Языкъ—церковно-славянскій, съ полонизмами.

Удобство разсужденія.

Краткое удобство разсужденія и познанія спѣянія духовнаго, отъ нѣкоего благоговѣйнаго мужа написанное, нынѣ же на славенскій языкъ ради душевнаго спасенія преложеное, въ царствующемъ и велицѣмъ градѣ Москвѣ, въ монастырѣ всемилостиваго Спаса, иже въ Китаѣ градѣ, близъ Неглинненскихъ вратъ, въ лѣто отъ созданія міра 7193, а отъ воплощенія Бога Слова 1685, мѣсяца іаннуарія.

Предисловіе къ благочестивому читателю. Начало: Мнози отцы духовніи, якоже прешедшаго, тако и нашего времене, писаху...

Реестръ (= оглавленіе).

1-я часть. Удобство разбиранія спѣянія духовнаго.

Глава 1. Разумѣніе, или разсужденіе о грѣсѣхъ повседневныхъ.

Начало: Что убо касается первыя частицы вещей, прежде положенныхъ...

Вторая часть. Чинъ подаянія разсужденія о спѣяніи духовномъ. Повѣдавъ уже выше, какъ учитель духовный...

Глава 1. Разсужденіе о успѣхѣ духовномъ, изъ чина храненія себе отъ грѣховъ повседневныхъ и несовершенства.

Начало: Повѣмы кратко тако о тѣхъ, иже...

(3-я часть). Краткій чинъ обновленія человѣка внутренняго чрезъ обученіе духовное. Первая цѣль обученія духовнаго есть...

Намъ извѣстенъ лишь одинъ списокъ этого небольшого сочиненія, назначеннаго для отцовъ духовныхъ, — Синод. Библ. № 476, XVII в. Переводчикъ намъ неизвѣстенъ; можетъ быть, это—Негребецкій, стоявшій близко къ Сильвестру Медвѣдеву[1]). Оригиналъ намъ также неизвѣстенъ.

Языкъ—тяжелый церковно-славянскій.

---

1) Челобитная Негребецкаго на Бѣлободскаго 1681 г. составлена Сильвестромъ и дошла до насъ въ автографѣ Сильвестра. *Цвѣтаевъ*, Памятники къ исторіи протестантства въ Россіи, М. 1888, I, 196.

Изъ книги іезуита Станигурста.

Предсловіе о смерти.

Мнози отъ списателей достовѣрніи вкратцѣ повѣствуютъ, яко многихъ аѳинеанъ толико бяху ушеса мягка, яже смерти не память, но ниже сіе имя точію можаху держати.

Глава 1. Новаго человѣка отъ назиранія со вниманіемъ смерти рожденіе.

Начало: Якоже ветхій человѣкъ раждается изъ ложеснъ, такожде новый изъ гроба...

Дѣяніе. Имѣ обыкновеніе божественный Антоній глаголати часто...

Глава 2. Ветхій человѣкъ, смотря во гробъ, возбуждается, новый же бодрствуетъ.

Глава 3. Человѣка удобопоползающася время удобопремѣнное.

Глава 4. Что есть смерть?

8 главъ.

Мы пользуемся сборникомъ Спб. Дух. Ак. Соф. № 1481, к. XVII или самаго начала XVIII в. (лл. 54—84).

Языкъ — церковно-славянскій тяжелый. Въ «Дѣяніи» 4-й главы есть ссылка на «молитвы Ѳикаровы».

Это произведеніе мы знаемъ еще въ двухъ переводахъ:

1) Румянц. Муз. № 2865, XVIII в., съ заглавіемъ: *Колесница отъ четырехъ духовныхъ колесъ*, си есть отъ четырехъ послѣднихъ вещей: смерти, суда, ада и царства небеснаго, составленная.... Съ латинскаго на славенскій языкъ преведенное лѣта отъ Р. Хр. 1717. Здѣсь не только «предисловіе о смерти», но также «предисловія» о послѣднемъ судѣ, адѣ, небѣ. То же въ Увар. № 446.

2) Рум. М. № 1383, XVIII в., съ заглавіемъ: *Книга о четырехъ послѣднихъ*, си есть о смерти, о судѣ, о муцѣ вѣчной и о царствіи небеснѣмъ, на латынскомъ діалектѣ въ 1661 году езуитою *Вилгелмомъ Станъгурстомъ* изданная, а съ латынскаго

на славеноросcійскій діалектъ въ общую пользу чтущимъ преведенная въ лаврѣ Кіево-Печерской (въ) 1733-мъ году. Здѣсь также четыре «предисловія».

Оригинала нашего текста намъ не удалось видѣть. Іезуитъ *G. Stanihurstius* извѣстенъ какъ авторъ нѣсколькихъ духовныхъ сочиненій.

Утѣшеніе согрѣшившему.

Охлада искушеньми побѣжденному.

Инная вещь есть быти побѣжденному отъ злыхъ помышленій, а инное есть быти побѣжденнымъ отъ нихъ... (л. 173).

Прилогъ 3. Отступникъ монахъ и іерей бысть разбойникъ и въ мытарство на *два* тысяща лѣтъ самъ себе осуди; егда же за него молитву и милостыню два лѣта творяху и прочее, избавленъ бысть.

Начало: Юноша нѣкій благородный бысть монахъ... (л. 186).

Мы знаемъ лишь одинъ списокъ — Публ. Библ. Q. I. 480, нач. XVIII в. Оригиналъ, судя по всему, на латинскомъ языкѣ.

Языкъ — церковно-славянскій ученый [1]).

Поученіе о кометѣ.

Поученіе о кометѣ. Евангеліе отъ Матѳеа, въ главѣ 24, зачало 100 (церк.-славянскій текстъ).

Начало: Изрядный онъ и велегласный философъ Периклесъ, плаваяй нѣкогда, возлюбленнѣйшіе христіане, въ корабли, узрѣ знаменіе страшное на небеси — затменіе солнца...

Между прочимъ: Якоже и въ лѣто 1577, въ нейже (sic!) азъ

---

1) Изъ произведеній западныхъ духовныхъ писателей были у насъ въ XVII в. переведены еще три слова на рождество Хр., *Бернарда*, *Епифаніемъ Славинецкимъ*, съ изданія 1650 г. («Оглавленіе книгъ», 22) и «Оградъ царицы», *Мефрета*, *Арсеніемъ Сатановскимъ* («Лѣтописи» Тихонравова, I, 160). Hortulus Reginae, sive sermones *Meffreth*..., opus nunc denuo recognitum, Coloniae Agr., 1625,—огромный сборникъ схоластически построенныхъ проповѣдей.

родихся, комета огненная чрезъ немалое время видѣна бяше, послѣ которой *разореніе* зѣльное *всей земли* (= Ливоніи?) *чрезъ московитина наступило*... Сверхъ того, упоминается о смерти короля Владислава угорскаго въ 1456 г. и о моровомъ повѣтріи въ Седмиградской землѣ въ 1554 г.

Рѣчь идетъ о значеніи кометы какъ предвѣстницы несчастія (въ утвердительномъ смыслѣ). Составленіе поученія должно быть отнесено не позднѣе какъ къ половинѣ XVII вѣка.

Списокъ, единственный намъ извѣстный,—въ сборникѣ Публ. Библ. Погод. 1584, к. XVII в. (лл. 68—83); *Бычковъ*, стр. 20.

Языкъ — церковно-славянскій, очень недурной. Вотъ нѣсколько фразъ: война *пелопонезіацкая*, слученіе Сатурна, *Іовиша*, Марса; Клавдіанъ *вършо*писецъ взятъ свой *вършъ*. Встрѣчаются латинскія цитаты. Много ссылокъ на классическихъ и позднѣйшихъ латинскихъ писателей.

Оригиналъ—едва ли не на польскомъ языкѣ.

Предисловіе къ библіи, Вехеля.

Андреа *Вехеля Ередска* предсловіе къ читателю.

Начало: Все священное писаніе древняго и новаго завѣта греческимъ языкомъ нынѣ издаемъ, благоразумный читателю...

Единственный намъ извѣстный списокъ — Синод. Б. не переплетенный сборникъ № I, лл. 200—205.

Оригиналъ, вѣроятно,—въ Divinae scripturae nempe veteris et novi testamenti omnia, Francofurti, apud *Wecheli haeredis*, 1597.

Переводъ едва ли не извѣстнаго Евѳимія. Языкъ церковнославянскій ученый.

Предисловіе къ «Православному исповѣданію».

Читателю благохотному книгопродавцу (!) спасеніе.

Начало: Исповѣданіе новое церкви греческія восточныя отъ патріарха Нектаріа.... сложенное....

Двѣ страницы. Предисловіе типографа въ книгѣ: Orthodoxa confessio catholicae atque apostolicae ecclesiae orientalis, quam cum interpretatione latina primum edidit Laurentius Normannus. Lipsiae, apud I. Thomam Fritsch, 1695.

Находится въ принадлежавшемъ Евѳимію экземплярѣ греческаго изданія того же произведенія Ὀρθόδοξος ὁμολογία.... (М. Типографская Библ., № 3116).

Толкованіе литургіи.

На чинъ божественныя и святыя литургіи святаго отца нашего Іоанна Златоустаго наблюденія (на полѣ: усмотрѣнія).

Начало: 1. Чинъ божественныя и святыя литургіи. Якоже міра твореніе, тако церкве чины...

Мы пользовались спискомъ Синод. Библ. № 526, конца XVII в. (лл. 1—95; далѣе «Возраженіе» противъ этого толкованія, начинающееся: Нѣкто злославнаго латинскаго мудрованія..., и имѣющее отношеніе къ полемикѣ о времени пресуществленія). Греческія слова написаны по-гречески; на поляхъ замѣтки мелкимъ почеркомъ, какъ будто монаха Евѳимія. Оригиналъ — статья подъ заглавіемъ: In ordinem divinae et sacrae missae sancti patris nostri Ioannis Chrysostomi observationes, находящаяся въ Εὐχολόγιον, sive rituale graecorum, opera Jacobi *Goar*, Lutetiae Par. 1547, стр. 108 сл.

Чинъ литургіи и друг.

Литургія, си есть жертвоприношеніе, како пріятъ начало совершити служеніе Богу и како до сего времени сіе обдержатъ святыя греческія церкви и римскіе костелы, извѣстнаго ради вѣдѣнія православныхъ, како святая греческая вѣра и служеніе сущихъ въ ней православныхъ христіанъ освящается Господу Богу...

Преведеся съ латинскаго языка на славено-россійскій, изложенное изъ книгъ богослова Григорія *Кассандра*, юже собра

отъ различныхъ списателей. Написася въ преславнѣйшемъ и преименитомъ градѣ Москвѣ въ лѣто... 1688, мѣсяца маіа въ 1 день, индикта 11.

25 главъ; изъ нихъ послѣдняя содержитъ символъ апостольскій и провѣщаніе отъ святыхъ апостолъ.

О спискѣ этого текста мы знаемъ изъ статьи архим. Леонида въ *Вѣстникѣ Археологіи и Ист.*, II, 30.

Вѣроятно, съ этимъ текстомъ находится въ тѣсной связи текстъ:

О различныхъ литургіяхъ и о уставѣ и чинѣ вечери Господни освященныя... Преведено съ латинскаго языка на славенскій изъ книги Григорія *Кассандра*, юже собра отъ различныхъ списателей, извѣстный въ спискѣ Арханг. Дух. Семин. до 1689 г. (*Викторовъ*, 22).

Книга Кассандра, которой мы не имѣли въ рукахъ, носитъ названіе: Liturgica.

Чинъ латинской миссы.

Чинъ мисы, си есть латинскія службы.

Начало: Священникъ уготовлейся, внегда входитъ ко жертвеннику, сотворивъ подобающее поклоненіе...

Kanon missae, или правило латинскія службы.

Начало: Священникъ простирая и совокупляя руцѣ...

Мы знаемъ лишь одинъ списокъ — Синод. Библ. № 433, конца XVII или нач. XVIII в., лл. 128, 135 (= Горск. и Нев. № 297, стр. 459). Судя по *саввата* = субота и т. п., переводчикъ—или Евѳимій, или кто-нибудь изъ близкихъ къ нему людей.

Языкъ — церковно-славянскій ученый.

Крещеніе римскаго закона.

Издано *Голубцовымъ*, Памятники преній о вѣрѣ, № 15. Переводъ сдѣланъ «съ латинскаго на русскій языкъ» юрьевскимъ бискупомъ Германомъ.

Отвѣты ливонскаго пастора о лютеранствѣ.

Отвѣты ливонскаго (кокенгаузенскаго) пастора Мартина Нандельштета на вопросы царя Іоанна Грознаго были написаны на нѣмецкомъ языкѣ.

Они вмѣстѣ съ вопросами въ рукописи Соловецк. Библ. № 604, лл. 232—238. Изданы *Голубцовымъ*, № 14. О нихъ см. еще *Цвѣтаева*, Протестантство и протестанты въ Россіи, стр. 574—576.

Житіе св. Меркурія Смоленскаго.

Мѣсяца ноемврія 24 дня. Повѣсть о святомъ и побѣдоносномъ мученику Меркурію, чудотворцу смоленскому, являюще преславное чудо бывшее отъ иконы Пречистыя Владычици нашея Богородици, како избави градъ Смоленескъ крѣпкимъ своимъ заступленіемъ и милостію, рукою угодника своего Меркурія, въ нашествіе безбожныхъ агарянъ, и како побѣди царя Батыя и освободи градъ Смоленескъ и всѣхъ живущихъ въ немъ избави, въ бывшее въ лѣто отъ созданія міра 6746. Исписана бо прежде сія вещь словенскимъ языкомъ, таже изъ словенска языка преложена на польскій языкъ, а нынѣ паки исъ польскаго на словенскій.

Начало: Главизна чудесъ нынѣ намъ является и преславныхъ дѣяній и освобожденіе граду нашему Смоленску, яже...

Мы пользуемся спискомъ Спб. Синодальнаго Архива, к. XVII в. (лл. 36 об.—46), западно-русскаго письма; едва ли этотъ списокъ написанъ не въ Смоленскѣ. Въ спискѣ Публ. Библ. F. XVII. 16, к. XVII в. (лл. 679—680), опущено введеніе Синодальнаго списка. Его заглавіе и начало таковы:

Мѣсяца ноября въ 24 день. Повѣсть о святомъ и добропобѣдномъ мученикѣ Меркуріи, смоленскомъ чудотворцѣ, како побѣди царя Батыя и свободи градъ Смоленескъ отъ безбожныхъ агарянъ въ лѣта 6746 году. Прежде (съ) словенскаго языка на

польскій языкъ преведено, нынѣ же паки съ польскаго языка на славенскій языкъ преложено въ лѣто 7164 (1656).

Начало: Въ то бо время злый мучитель безбожный царь Батый, умысливъ въ своемъ лукавомъ сердцѣ, яко да въ тайнѣ нощію пріидетъ на погубленіе... Смоленска...

Польскій текстъ намъ неизвѣстенъ.

Другіе списки указаны у *Барсукова*, Источники русской агіографіи, стр. 359.

Языкъ — церковно-славянскій.

Повѣсть о Лоретской Богородицѣ.

О прехожденіи храма святѣй Богородицы въ градъ Тарсію (А.); или:

Повѣсть о храмѣ святыя Богородицы, въ немже родися отъ Іакима и Анны (К.).

Начало: Въ странахъ Іерусалимскихъ, въ градѣ Галилейскомъ, емуже имя Назаретъ...

Рѣчь идетъ о чудесномъ перенесеніи дома, гдѣ родилась Богородица, изъ Назарета въ Италію.

Въ концѣ приписка: Въ лѣто 7036 (= 1528) пріидоша на Москву іюня посланницы великаго государя (князя, К.) Василія Ивановича отъ папы римскаго Климента четвертаго *Іеремія Трудовъ* (Трусовъ, К.) съ товарыщи, иже видѣша сію святую церковь, отъ Рима 300 верстъ, и *къ намъ* сіе писаніе донесоша. А стоитъ та церковь посторонь Рима, въ Римской державѣ папинѣ. И пребыша въ томъ мѣстѣ послы великаго князя 4 дни (послѣдней фразы въ К. нѣтъ).

Изъ ряда списковъ этой небольшой Повѣсти мы пользуемся спискомъ М. Арх. Мин. Ин. Д. № 288—667, к. XVII в. (л. 194 об.). По другому списку (Моск. Дух. Ак.) издана *Кирпичниковымъ* въ *Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Др.* 1896 г., съ предисловіемъ. Посолъ Еремей Трусовъ былъ у папы Климента VII въ 1527—1528 гг.

Оригиналъ, вѣроятно, латинскій, печатный, или рукописный, — намъ неизвѣстенъ.

Языкъ—церковно-славянскій, очепь недурной. Можно отмѣтить только: олтарь *мурованый*, *муръ* (= стѣна).

О образѣ Христа.

О образѣ Господа нашего Іисуса Христа, каковъ бысть.

Начало: Во время Октавіана (Ув.: Октавія) цесаря, во странахъ Іудейскія земли, нѣкто Лентуліосъ, Ирода царя урядникъ, сенату и всему совѣту римскому сице писалъ...

Находится въ сборникѣ Моск. Общества Ист. и Древн. № 212, нач. XVIII в., лл. 107—110, въ настоящее время утраченномъ. Другой списокъ—Увар. № 424, 1764 г. (лл. 88 об.—90). Судя по *урядникъ* = польск. urzędnik,—переводъ съ польскаго.

Сказаніе о сивиллахъ.

1) Сія повѣсть о сивиллахъ пророчицахъ, выписано изъ книги Гранографа, сирѣчь описаніе всѣхъ государствъ.

Сказаніе о сивиллахъ, сирѣчь пророчицахъ, яже пророчествоваху о Пречистѣй Дѣвѣ Маріи и о воплощеніи Божія Слова.

Сіи пророчествоваша въ разныя времена до Христова рождества; аще суть невѣрніи, но чистаго ради житія открылося имъ, земныхъ ради глаголаша предыдущая.

1. Первая сивилла, именемъ Персика, яже отъ Персскія страны бысть. Ходила во златыхъ ризахъ...

Такъ въ спискѣ Кіевск. Дух. Ак. О. 8. 32, XVIII в. То же заглавіе (безъ первыхъ словъ) и тотъ же текстъ — въ Публ. Б. Погод. № 1446, XVII в. (л. 377 об.)[1]).

1) Этотъ списокъ имѣетъ изображенія сивиллъ, очевидныя копіи съ плохихъ западно-европейскихъ гравюръ.—Книга *Passaeus*'а, Duodecim sybillarum imagines in aes incisae, (Amsterd.), 1615, apud Jansonium, не есть оригиналъ нашего сказанія.

Списокъ Публ. Библ. Q. XVII. 143, XVII в., имѣетъ такое заглавіе и начало:

Изъ книги мудреца о двунадесяти сивиллахъ, сирѣчь о пророчицахъ, иже пророчествовали о Христѣ до воплощенія Его въ разныя времена; аще и невѣрни быша, но честнаго ради житія ихъ отъ Бога открыся имъ и глаголаша, что впреди будетъ.

Первая сивилла именемъ Персика, страны Персскія. Ходила въ золотомъ платьѣ...

Списокъ Публ. Библ. Q. XVII. 22, XVII в., имѣетъ такое заглавіе:

Изъ книги мудреца Маркуса о двунадесяти сивиллахъ, сирѣчь о пророчицахъ, иже пророчествовали о Христѣ до воплощенія Его въ разныя времена; аще и невѣрныя быша, но чистаго ради житія ихъ открыся имъ отъ Бога и глаголаша впереди будущая 1048 лѣта.

Списокъ Синод. Библ. № 593, XVII в., имѣетъ заглавіе:

Изъ книги мудреца Маркуса о *десяти* сивиллахъ, иже пророчествоваше о Христѣ до воплощенія въ разныя времена; аще невѣрніи быша, но чистаго ради житія и отъ Бога открыся имъ, глаголаша предбудущая.

Текстъ въ общемъ тотъ же, что въ предыдущемъ текстѣ.

Списковъ болѣе или менѣе близкихъ къ вышеназваннымъ много. Языкъ — церковно-славянскій, съ полонизмами: *костелъ*, изъ *волохъ* = изъ Италіи, и т. п.[1]).

2) Первая сивилла, имя ей Персика. Персика нареченна была родомъ изъ Персійской земли, которая была въ третьемъ вѣку свѣта, какъ пишетъ объ ней философъ Мирандуле до рождества Христова 1248 лѣтъ. О ней писалъ философъ Никаноръ греческій, который великаго Александра дѣяніе писалъ... Ходила въ золотной одежи...

По списку Публ. Библ. Q. XVII. 134, XVII в. (л. 136 слѣд.). Языкъ — церковно-славянскій, съ большимъ количествомъ поло-

---

1) Отрывокъ изданъ *Буслаевымъ*, Очерки, II, 363—364.

низмовъ и юго-западно-руссизмовъ: *костелъ*, король *се розсмѣялъ*, изъ *моцы*, *зъ Либѣи*, что *се* она *уродила у* Делфу...

Румянцевскій Хронографъ № 456, XVII в., имѣетъ ту же статью съ такимъ заглавіемъ и началомъ:

Сивилла толкуется пророчица, или теобулисъ по-гречески, иже есть воля Божія. Имѣша бо тщаніе къ Богу, живуще въ чистотѣ сердечной, аще и невѣрни быша. Латыняне же звали ихъ мулиерисъ ентгеянъ, сирѣчь жены пріявшія Бога. Было бо таковыхъ много женъ у невѣрныхъ поганъ, кои прорицаху предъидущая бѣсовскимъ навоженіемъ, но не о Бозѣ. Нѣкоторіи же быша во времена святыхъ пророкъ, иже тѣ познавше истиннаго Бога много о Бозѣ глаголаша и писаша....

Сказаніе о сивиллахъ. Первая сивилла Персика. Та бысть родомъ отъ Персіи и бяше отъ начала міру творенія въ треттей тысящи лѣтъ. О той писалъ Мирандула философъ до воплощенія Господня за тысящу лѣтъ и за 248 лѣтъ; егоже писаніе перевелъ на греческій языкъ Никаноръ поета греческій.... Хожаше въ златомъ одѣяніи....

Обѣ редакціи находятся въ какой-то связи съ разсказомъ о сивиллахъ въ Хроникѣ М. Бѣльскаго.

Вотъ его начало:

По списку 1670 г. (л. 313):	По сп. Музея кн. Чарторыскаго:
О пророчицахъ, а греческимъ словомъ о сивиллахъ, како пророчествовали про Христа. Мудрецъ писалъ Маркусъ Варо о сивиллахъ въ своихъ книгахъ до Юліуса Цысаря. Пишетъ, десять сивиллъ какъ пророчествовали про Христа, хотя онѣ поганки были, а для того, что онѣ въ чистотѣ были, и говорили Ду-	О сивиляхъ. Сивиля речена есть тымъ словомъ грецкымъ пророкыни, бо то не есть власное имя невѣстѣе, едно отъ таемности Божіи речено такъ. Сибиля або теобулинъ вшитко то едно.....

хомъ Святымъ. А были не въ
одно время и не въ однѣхъ лѣ-
тѣхъ. А имена имъ...

3) Отъ Сказанія о сивиллахъ надо отличать трудъ *Ник. Спаѳарія*, 1672 г.

Книга о сивѵлляхъ, колика быша и кіими имены, и о предреченіихъ ихъ.

Вмѣсто эпиграфа: Сівѵлля Ерѵѳреа предрече.....

Предисловіе. Егда преблагій Богъ....

О сівѵлляхъ предглаголаніе. Преизрядное видится быти.....

Повѣсть о сівѵлляхъ и о именехъ и о прореченіихъ ихъ. Глава 1. Сівѵлля 1, Персидская.

Начало: Аще убо и многія и различныя сівѵлли...

Мы пользуемся спискомъ Румянц. Муз. № 227, второй половины XVII в. (изъ царской библіотеки); другой списокъ — въ М. Арх. М. Ин. Д., XVII в. (съ датою: 7181 года, октября 1).

Для насъ не ясно, что такое этотъ трудъ Спаѳарія: переводъ, передѣлка какого-нибудь латинскаго изданія, или компиляція.

Звѣзда Пресвѣтлая.

Оглавленіе книги сея глаголемыя *Звѣзды Пресвѣтлыя*.

Здѣсь, въ концѣ, мы читаемъ: Глава 15-я приложена здѣ о различныхъ чудесѣхъ и мѣстѣхъ, *еяже въ бѣлорусской книзѣ*, отъ неяже преведеся сія книга, *нѣсть*...

Вѣнецъ разумный, сплетенный ангельскимъ гласомъ Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи, отъ бѣлорусскаго языка преведены и, елико возможно, по творенію ихъ расположенны, въ пользу инокомъ и бѣльцемъ, въ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ лѣто отъ созданія міру 7176 г., іюля въ 20 день. Симъ образомъ здѣ первое изъобразися и наречеся Звѣзда Пресвѣтлая.

Слѣдують стихи:

Сугубство мыслетей и литера буки
Вручають насъ Божіей Матери въ руки.
Марія Мати Божія сими письмены наречется...

Предисловіе къ любезному читателю.

Начало: Боготечную звѣзду, юже видѣвше волстви, о нейже пророчества Валаамъ...

Глава 1-я. Сказаніе о чудесѣхъ Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи и о поздравленіи ангельскомъ, еже принесе отъ Бога Гавріилъ архангелъ, приношая радость, сице: Богородице Дѣво, радуйся, и прочая.

Чудо 1-е. Начало: Нѣкій учитель подвизая всенародное множество...

Глава 14-я. Аще кто глаголетъ сію молитву, симъ Пресвятая Богородица во время смерти ихъ милостію своею помогаетъ.

Чудо 1-е. Во странѣ нѣкоей бысть дѣва именемъ Марія...

Глава 15-я. О различныхъ чудесѣхъ и мѣстѣхъ.

Чудо 1-е. Человѣкъ нѣкій молитву принося...

15 главъ, состоящихъ изъ разсказовъ о чудесахъ Богородицы.

Изъ многочисленныхъ списковъ Звѣзды Пресвѣтлой конца XVII и начала XVIII в. мы пользовались списками Публ. Библ. Q. XVII. 71, конца XVII в. (изъ него взято находящееся выше), F. I. 739, к. XVII в. (собранія Буслаева), М. Арх. М. Ин. Д. 566—1067 и Синод. Библ. № 525, нач. XVIII в.[1]) Академія Наукъ (34. 3. 6) владѣетъ великолѣпнымъ лицевымъ спискомъ, поднесеннымъ царевнѣ Софьѣ въ 1686 г., съ изображеніями царей Іоанна и Петра и патр. Іоакима. Всѣхъ чудесъ въ немъ 339 (дополненія взяты изъ Великаго Зерцала, Неба Новаго и др.). Оригиналъ—печатная книга на бѣлорусскомъ языкѣ, до насъ не

1) Синодальный списокъ (какъ и другіе) имѣетъ сначала заглавіе: Книга глаголемая Звѣзда Пресвѣтлая. Вѣнецъ разумный и т. д., затѣмъ предисловіе и наконецъ оглавленіе. Стиховъ въ немъ нѣтъ. Годъ перевода означенъ 1706 (послѣдняя цифра подправлена).

дошедшая, но находившаяся въ 1689 г. у кн. В. В. Голицына (безъ заглавнаго листа)[1]). Годъ перевода въ большей части списковъ 1668. Переводчикъ въ спискѣ Буслаева называетъ себя «простолюдиномъ Никитою»[2]).

Языкъ — церковно-славянскій ученый.

Сужденіе дьявола противъ рода человѣческаго.

Противъ человѣка, всечестнаго Божія творенія, завистное сужденіе и злое поведеніе проклятаго демона, съ польска языка преведенное.

Предисловіе переводчика: Словоположеніе се, извѣщающее о дивнѣмъ Божіи содѣтельствѣ перваго человѣка...

Въ концѣ предисловія: Окончахъ же (книжку), яко *отъ ветхости конца не имущую*, — повѣстьми отъ злыхъ дѣлъ отстрашающими и поспѣшающею во всѣхъ злыхъ нашихъ и отъ злаго борителя избавляющею Господскою молитвою съ ея расположеньми въ славу Творцу моему и Богу и всѣмъ ближнимъ единоплеменныхъ и вкуповѣрныхъ пользу о Спасителѣ нашемъ Христѣ. Аминь.

Начало 1-ой главы: Богъ всемогущій и Господь вседержавный, славный...

Послѣсловіе переводчика: Окончающее сію книгу собранейце.

Начало: Ниже бо огню сухихъ дровъ коснувшуся...

21 глава. Далѣе четыре повѣсти изъ Великаго Зерцала и толковое Отче нашъ. Списки многочисленны (мы имѣли въ рукахъ Публ. Библ. Погод. № 1108, XVII в., съ заглавіемъ послѣ предисловія).

Небольшое изслѣдованіе объ этомъ произведеніи и изданіе предисловія и послѣсловія принадлежитъ проф. Кирпичникову:

---

1) Начиналась «Оглавленіемъ Звѣзды Пресвѣтлой» и была оцѣнена довольно высоко—въ 16 алтынъ. *Розыскныя дѣла о Шакловитомъ*, IV, 31.

2) Объ этомъ спискѣ см. замѣтку Буслаева въ *Лѣтописяхъ* Тихонравова, т. I, стр. 151—152.

Сужденіе дьявола противъ рода человѣческаго, Спб. 1894 (Пам. др. письменности, № 105). Здѣсь указаны списки его и годъ перевода — 1687. Оригиналъ — Postępek prawa czartowskiego przeciw narodowi ludźkiemu, Brześć Litewski, 1570, w drukarni Cypryana Basylika (перепечатанъ въ Biblioteka pisarzów polskich, № 22, 1892 г.).

Языкъ — церковно-славянскій, съ полонизмами [1]).

Луцидаріусъ.

Изданъ *Тихонравовымъ* въ его «Лѣтописяхъ» (I, стр. 41 сл.) и *Порфирьевымъ* въ «Апокрифическихъ сказаніяхъ о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ», Спб. 1890 (стр. 417 сл.), и потому мы ограничиваемся немногими о немъ замѣчаніями.

Языкъ этого текста въ старшей редакціи — церковно-славянскій, переходящій мѣстами въ русскій, очень простой и ясный, — какъ указано уже Тихонравовымъ, имѣетъ небольшое число германизмовъ, что говоритъ о нѣмецкомъ языкѣ оригинала. Латинское *c* (въ латинскихъ словахъ) передается послѣдовательно черезъ русское *с*: Лу*с*идаріюсъ, *с*иклопесъ, моно*с*еръ, Сили*с*ія = Sicilia и т. п. [2]). Переводчикъ обнаруживаетъ нѣкоторое знакомство съ греческимъ языкомъ, какъ видно изъ Лам*п*автія = Ломбардія (*Тих.*, 51), гора Оли*м*ба (51), *В*ританіа (51), островъ Кр*и*тъ, островъ Кол*х*осъ (52) и т. п.

Переводъ сдѣланъ до 1525 г., такъ какъ о немъ говоритъ Максимъ Грекъ въ своемъ посланіи къ Георгію (Соч. III, № 28), которое написано въ цвѣтущее время дѣятельности Максима въ Россіи, т. е. до суда надъ нимъ въ 1525 г. (срв. Соч. Максима Грека, II, 424; I, 55) [3]).

---

1) Срв. *Arch. für slav. Phil.* XIV, 190; XV, 471.

2) Въ передачѣ латинскаго *c* черезъ русское *с* переводъ Луцидаріуса сходенъ съ переводами Вертограда здравія (травника), Сказанія о пропущеніи водъ изъ травъ (*Змѣевъ*, стр. 101), Ариѳметики, Исторіи Троянской войны, Гвидо-де-Колумны, и др. См. еще ниже, стр. 230, прим.

3) Новѣйшій трудъ о Луцидаріусахъ принадлежитъ проф. Архангельскому.

Сонникъ.

Глава 3. О адскомъ огнѣ и о вѣчнѣй мукѣ.

Начало: Ежели кому явится, будто онъ на адской огонь осужденъ, то знаменуетъ, что...

Глава 4. О аггелѣхъ.

Начало: Ежели кому явится, будто онъ аггела Божія видялъ, отъ тѣхъ, которые въ библіи упомянуты, то знаменуетъ ему радость...

Глава 151. (О) всякихъ рыбахъ.

Начало: Ежели кому явится, будто онъ въ чистой водѣ рыбу ловилъ, то знаменуетъ....

Списокъ Моск. Арх. М. Ин. Д. № 602—1110, к. XVII в., не имѣетъ ни начала, ни конца. Послѣдняя, безъ конца, глава—152. Первый листъ помѣченъ цифрою 9.

Оригиналъ, повидимому, на польскомъ языкѣ, намъ неизвѣстенъ.

Отрывки.

1) Печать царя Соломона, писана съ перевода Генадіа, архіепископа ноугородскаго. Кто мудръ, отгонетъ.

Это извѣстное

С	а	т	о	р
а	р	е	п	о
т	е	н	е	т
о	п	е	р	а
р	о	т	а	с.

Снимокъ см. въ «Славяно-русскихъ рукописяхъ В. М. Ундольскаго», М. 1870, № 53, Псалтырь к. XVI в. Срв. снимокъ въ «Описаніи Румянцевскаго Музеума», Востокова, № 368, XVII в.

Нерѣдка въ рукописяхъ XVI и XVII вв., нерѣдко «протолкована отъ нѣкоего мудраго ритора» (Рум. М. № 368). См. *Востоковъ*, стр. 552. Сербскій списокъ XVII в. (*Starine*, X, 93),—вѣроятно, восходитъ къ русскому оригиналу.

2) Кругъ Ерусалимскій, сказаніе царствамъ и странамъ.

Чертежъ такъ наз. розы вѣтровъ — кругъ, центръ котораго Іерусалимъ. Въ немъ текстъ:

Ерусалимъ посередъ свѣта. Рій море...

Находится въ сборникѣ конца XVII вѣка и изданъ Срезневскимъ въ «Свѣдѣніяхъ и Замѣткахъ», N LXII (*Зап. Ак. Н.*, т. XXIV), стр. 369. Главное въ этой статейкѣ — чертежъ; текстъ только поясняетъ чертежъ. Судя по всему, чертежъ взятъ изъ какого-нибудь изданія XV или XVI в., текстъ котораго латинскій: Еѳіопіа *либра*, царство *Медерумъ* (=Medorum), *Картаю*, *Акѳило* (= Aquilo). Интересно окончаніе въ Зафѣ*росъ*, Ноуо*хосъ*, Супси*ланосъ* списка Срезневскаго (при: Фавричі*усъ*, Зафи*русъ*, Афри*кусъ* и др. списка Публ. Библ.). Текстъ сильно искаженъ.

Менѣе исправный чертежъ и текстъ—въ Публ. Библ. Q. IX. 43, до 1642 г., и Румянц. № 932 (по послѣднему изданъ *Бобынинымъ*, Очерки, II, стр. 19 и приложеніе). Въ обоихъ онъ слѣдуетъ за статьею: Изъ астрономіи, и имѣетъ названіе: Палманъ, знаменіе по морю плавающимъ. По мнѣнію Бобынина, западноевропейскій оригиналъ этой розы вѣтровъ не можетъ быть позднѣе XV вѣка.

3) Лактанціусъ Фирміанусъ.

Человѣкъ благый и мудрый бысть въ дни Констянтина царя великаго, егоже въспоминаетъ Іеронимъ въ книгахъ де вирисъ иллустрибусъ, и тъи убо написа Константинови книгы многы, въ нихъже разрушая лживыя и неправыя почести боговъ, а наказуя почесть правую единаго Бога. Иже изъ тѣхъ книгъ есть зде, нѣкоторыя вещи въкратцѣ выписаны иже ихъ чтущимъ, въ тъи часъ могутъ послужити къ тому, како и чимъ имаютъ Бога чтити а како почьсты Божія бранити. А иныхъ нѣколико главъ христіянскыхъ есть написано, якоже самъ тъи, кто будетъ чести, возможетъ разумѣти, тако и ины нѣкыя вещи суть, *йзъ тѣхъ книгъ, иже писалъ къ Донатови.*

Сице убо начинается.

Умъ убо человѣка, темънымъ прибыткомъ тѣла ограженый, далеко отъ съвръшенія правды есть удаленъ, еже убо тѣмъ ся дѣлитъ божество отъ человѣчества, понеже человѣчьству прилежитъ неумѣніе, а божеству умѣніе...

Конецъ: а къ тому не позритъ, еже по смерти иматъ пріити, и тако се отъ Бога отврати, той и до ада връженъ сый и вѣчно мученъ будетъ.

Мы пользовались спискомъ Спб. Дух. Ак. Соф. № 1454, нач. XVI в. (лл. 249—257, послѣ переведенныхъ съ латинскаго книгъ Товита и Юдиѳи). И введеніе, и текстъ Лактанція (De ira Dei, ad Donatum, съ середины 1-ой главы), повидимому, переведены съ чешскаго[1]), во всякомъ случаѣ имѣютъ въ языкѣ чехизмы: *бранити*=чешск. braniti оберегать, *прибытокъ*=чешск. příbytek = domicilium, *умѣніе* = чешск. umění = scientia, *цтность* = чешск. ctnost (это слово дважды на полѣ, въ видѣ глоссы) и друг. Отмѣтимъ нѣсколько формъ: Сократесъ, иже *есть былъ* межи всѣми мудреци прѣмудрѣйшій... рече бо самъ о себѣ, еже ничто не *знае*, *едино* то едино, еже ничто не *разумѣе*. Но то *есть разумѣлъ*, еже то ученіе не имѣло въ себѣ *ничто* истинного и *ничтоже* праваго. Собственное имя Епикуріо*съ*.

Въ общемъ языкъ — церковно-славянскій.

4) (Безъ заглавія). По нашему русскому счету отъ созданія Адамля до воплощенія Христова лѣтъ 5500, а по римскимъ лѣтописцомъ лѣтъ 5210. Отъ Христова же въплощенія до нынѣшняго настоящаго 7044-го лѣта по нашему русскому счету прошло 1543 лѣта, а четвертое настало; а по латинскому счету отъ Христова рожества лѣтъ 1535, а шестое настанетъ съ рожества Христова. И у насъ разнь въ лѣтѣхъ съ латинскимъ счетомъ: до рожества Христова у насъ боле лѣтъ прошло 290, а по

1) Въ статейкѣ объ Іудѣ предателѣ (начало: Іуда предаде Господа на 30 сребреницѣхъ....), принадлежащей, можетъ быть, Максиму Греку, слово *трупъ* употреблено въ значеніи: туловище. Срв. чешск. troup. Этотъ чехизмъ принадлежитъ одному изъ сотрудниковъ-переводчиковъ Максима?

Христовѣ рожествѣ по нашему русскому счету прошло боле же латинскаго счету 8 лѣтъ.

Тако писа Исидоръ епископъ Испаленскій; а во иныхъ лѣтописцѣхъ латинскихъ извѣстно не вѣмъ[1]), согласуетъ ли тому, или ни, нѣчто будетъ въ той книзѣ опись.

А сей перечень лѣтомъ отъ начала міра до сего настоящаго 7044.

Перечень выписанъ изъ латинскіе книги Исидора епископа Испаленскаго, изъ части 5-е, главы 39-е. Съ русскимъ нашимъ не сходится.

О различіи временъ. Глава 39.

Время 1-е. Первое время содержитъ отъ начала своего, сотворенія міра, перваго бо дне Богъ въ свѣта имени сотворилъ ангеловъ... Ной же лѣтъ 600. Бысть потопъ 2242. *Доселѣ счетъ римскій ровенъ съ русскимъ.*

Второе время. Симъ по потопѣ во второе лѣто роди...

Время третіе. Авраамъ ста лѣтъ роди...

Четвертое время. Давидъ пророкъ и царь лѣтъ 40. Картавгенъ отъ Дидона созидается...

Пятое время. Еврейскаго плѣненія лѣтъ...

Время шестое. Октовіанъ Августъ лѣтъ 26...

Мы знаемъ списки: Спб. Дух. Акад. № 1461, начала XVIII в. (лл. 371—374; отсюда взято выписанное выше), и № 1255, XVI в. (лл. 607 об.—611), Акад. Наукъ 16. 12. 7, второй половины XVII в. (л. 341 об.)[2]), и Моск. Син. Библ. № 305 (=*Горск. и Невостр.* № 77). Сверхъ того, въ Макарьевскихъ Минеяхъ, подъ 20 августа, и въ сборникѣ Спб. Дух. Ак. 1602 г.[3]), съ заглавіемъ: А се перечень лѣтомъ отъ начала міра до сего настоящаго лѣта 7044 (=1536). Переводъ сдѣланъ съ

---

1) Максимъ Грекъ ссылается на Исидора въ статьѣ о Левіаѳанѣ и дѣлаетъ изъ него выдержку (Соч. III, 278; срв. III, 205).

2) Здѣсь и въ Макар. Минеяхъ передъ этимъ текстомъ — Псалтырь Брунона.

3) *Срезневскій*, Свѣдѣнія и замѣтки, № XL, стр. 95—96.

латинскаго. Переводчикъ зналъ по-гречески, какъ это видно изъ *ми*ды (= мидійцы), *Ди*мостеносъ, Сев*и*ръ, Ти*ѳ*ерій, Мар*кі*онъ, *ки*ѳара, А*v*ри*лі*о*съ*, Помпео*съ* (при Пріа*му*съ, Таси*ту*съ); можетъ быть ему былъ извѣстенъ итальянскій языкъ: Асканіо Албанъ градъ създа[1]). Оригиналъ—*Isidori Hispalensis* Aetymologiarum lib. III, cap. 39 (у *Migne*'я томъ 83-й, стр. 224), въ одномъ изъ изданій XV или XVI в.

Языкъ — церковно-славянскій[2]).

5) Отъ книги глаголемыя *Тефологіи*[3]), сіи (рѣчь) *Совокупленіе вкратцѣ*, избрано о антихристѣ.

Начало: Данъ будетъ змій колуберъ на пути...

О пятинадесяти знаменіихъ грядущихъ предъ суднымъ днемъ.

Начало: Иже всемогый Богъ всѣмъ человѣкомъ имѣя устроеніе...

Между прочимъ: обрящется въ началѣ книги сея, яже именуется *Іакова брата Господня отъ чина проповѣдниковъ*, или паки именуется *Исторія Ломбардійская*. Се первое знаменіе, еже море протягнется...

Послѣ 15-го знаменія: Многи книги о сихъ повѣдаютъ и наипаче книга *Совокупленіе вкратцѣ теологіи*, въ седьмой главѣ.

Мы пользуемся списками Публ. Б. Погод. № 1588 (л. 228), к. XVII в., и Q. I. 1007 и Спб. Д. Ак. Соф. №1506 (л. 193). Текстъ изданъ *Истринымъ*, Откровеніе Меѳодія Патарскаго, М. 1897, стр. 219—224, имѣвшимъ въ рукахъ также списокъ Публ. Библ. Q. I. 1007, относящійся къ XVI в. Оригиналъ — латинскій: змій *колуберъ*, у *магистра* учитися, повелитъ іудеи знаменати вѣрующихъ (acc. cum inf.), не восхотѣ *повелѣнъ быти* во антихриста вѣровати, *юностный* судъ (= novissimus)[4]). На-

---

1) Латинское *c* переводчикъ обыкновенно передаетъ черезъ *с*: Сципіо, Таситусъ, Фульгеньсій, асефалійская ересь.

2) *Описаніе рукописей Соловецкаго монастыря*, I, стр. 152.

3) Въ Погод. сп. это слово всегда пишется: теологія, съ *ѳ* надъ *т*.

4) *Юностный* день—въ Луцидаріусѣ (*Тихонравовъ*, Лѣт. I, 37).

званіе оригинала можетъ быть возстановлено въ видѣ Theologiae compendium breve. Переводчикъ — человѣкъ начитанный: керастъ, царь ливійскій; но цитаты изъ свящ. писанія переведены имъ съ латинскаго.

Языкъ — церковно-славянскій, съ великоруссизмами: изъ яйца *выколупити*, *полчетверта* дни.

6) Вопросъ отъ книгъ глаголемыхъ Тикра.

1. Откуду отъ самаго рожества иніи воздержливіи обрѣтаются.

2. О человѣцѣ, о главныхъ знаменіихъ. Созда Богъ человѣка, то ничтоже сотвори безъ лѣпоты, но на требованіе....

Далѣе: О челѣ.... О бровѣхъ.... О ушію....

Противъ заглавія стоитъ славянская цифра 90, а противъ второй статьи цифра 91.

На полѣ противъ первой статьи (тѣмъ же почеркомъ): еже мнѣтъ сице, люторскій есть сѵллогісмъ.

Мы знаемъ одинъ списокъ этого небольшого отрывка — Публ. Библ. Q. XVII. 31 (л. 24 сл., послѣ отрывка изъ Атласа Блеу въ переводѣ Епифанія Славинецкаго). Оригиналъ намъ неизвѣстенъ; вѣроятно, онъ носитъ названіе Speculum (= ц.-слав. Тикра).

Языкъ и орѳографія — ученыя церковно-славянскія. Возможно, что переводъ сдѣланъ Епифаніемъ.

7) Отъ латинскія книги осьмыя части о днехъ собачіихъ.

Въ коемждо мѣсяцы суть дніе, яже собачіи глаголются, отъ суки, или сучьи звѣзды...

Мы пользуемся сборникомъ астрологическихъ статей М. Арх. М. Ин. Д. № 220—381 к. XVII—нач. XVIII в. (л. 197; всего одинъ листъ). Объ этомъ сборникѣ см. стр. 143, 144.

Языкъ — церковно-славянскій.

8) Отъ риторства, о еже како исчезе мудрованіе, сирѣчь смыслъ, и еже како скрыся слово.

Понеже раждается слово въ сердцы, а еже како разліяся сугубое, сирѣчь части нѣкія душевныя и тѣлесныя; а еже три-

частное погибе, душевныя три части суть: словесное, яростное, желательное; а еже четвертое растлѣ — видѣніе тѣлеси. Пятое же безъ дыханія мертво — сірѣчь сердце...

Здѣсь между прочимъ «вопросъ» и «отвѣтъ». Смыслъ для насъ неясенъ.

Мы пользуемся спискомъ Чудова мон. № 298, к. XVII в. (лл. 45 об.—47).

II. ЛЕТУЧІЕ ЛИСТКИ И ГАЗЕТНЫЯ СТАТЬИ.

Повѣсть о Дракулѣ.

Издана нѣсколько разъ, въ послѣдній разъ по нѣсколькимъ спискамъ *проф. Богданомъ*: Vlad Tepeš ši narațiunile germane ši rușešti asupra lui. Bucurešti, 1896. Переводчикъ или редакторъ видѣлъ въ Будапештѣ сына Дракулы и былъ современникомъ молдавскаго воеводы Стефана Великаго; возможно, что онъ не иной кто, какъ дьякъ Ѳед. Курицынъ, бывшій въ Будапештѣ въ 1482 г.

Старшій списокъ, неизданный, Спб. Дух. Ак. Кир.-Бѣлоз. № 11—1088, относится къ 1490 г.; списокъ Рум. Муз. № 358 относится или къ концу XV или къ нач. XVI. в. Послѣдній написанъ въ западной Руси (судя по даннымъ языка), но есть слѣды великорусскаго оригинала (тебя, им. ед. великой и т. п.). Оригиналъ неизвѣстенъ; судя по всему, это — одинъ изъ нѣмецкихъ летучихъ листковъ XV в. (слова: *миля*, *дукатъ*).

Языкъ — церковно-славянскій, съ большимъ количествомъ позднихъ русскихъ словъ (*шапка*, *колпакъ*, *пристивъ*); изложеніе простое и ясное[1]).

1-ое Преніе живота съ смертію.

Издано по старшему списку начала XVI в. (Спб. Дух. Ак. Соф. № 1454) и другимъ *Ждановымъ* въ книгѣ: «Къ литератур-

1) Срв. *Извѣстія отд. р. яз. и слов. Ак. Н.*, II, 1897 г., ст. Яцимирскаго. Срв. также изложеніе реферата Сырку въ *Ж. М. Нар. Пр.* 1891 г., № 10, стр. 18.

ной исторіи русской былевой поэзіи», стр. 194 сл., съ указаніемъ нѣмецкаго источника и съ изслѣдованіемъ.

Отрывки нижне-нѣмецкаго оригинала — летучаго листка конца XV или самаго начала XVI в. — изданы имъ же. Переводъ, буквальный и не вездѣ понятный, современенъ оригиналу.

Языкъ — церковно-славянскій. Можно отмѣтить: звѣрю, зв. п.; мы *волимъ* многа имѣніа дати: пріити въ таковое *постатіе*; *грамота* = письмо.

2-ое Преніе живота съ смертію.

Сказаніе о смерти нѣкоего мистра великаго, сирѣчь философа (Бусл.: ...мистра и великаго ф—фа; Богд.: ...мистра великаго ф—фа).

Начало: Милостивый Боже, помози ми, да быхъ моглъ изложити достовѣрнѣ къ твоей хвалѣ и человѣкомъ на пользу. Вси людіе, послушайте....

Между прочимъ, мы читаемъ: скоро ся ужаснулъ, палъ *взнакъ* и разразился; высмотри *постава* мой (срв. пол. postawa); коли принесу меду *горнокъ*, имаши пити; устрашился еси, *небоже*; (дьяволъ) Евву *изрядила*, коли ей *овощь* укусити повелѣлъ; прото умрѣти *мусила*.

Мы знаемъ три списка — Моск. Д. Ак. Іосиф. № 186. лл. 48—52, XVII в., и Публ. Б. Q. I. 1007 (Богданова) и O. I. 426 (Буслаева). По первому списку издано *Древностяхъ. Тр.* VIII-го Археологич. съѣзда въ Москвѣ, т. II, 1895 г., стр. 281. Мѣстами рифмованная проза.

Языкъ — церковно-славянскій, съ большимъ количествомъ полонизмовъ и малорусизмовъ. Оригиналъ — старо-польское стихотвореніе, напечатанное Nehring'омъ въ Altpolnische Sprachdenkmäler, стр. 288—293.

Легенда о папѣ-женщинѣ.

Въ Римѣ [illegible] бѣсъ [illegible] у [illegible].

Слѣдуетъ таблица:

п	п	п	п	п	п
п	т	а	ы	а	а
а	и	к	т	р	л

и т. д.

Смотряще же римляне и недоумѣвающеся отнюдь, что сіе, на удивленіе бысть всѣмъ. Бѣсъ же, иже написа, явися юношою и глаголя (sic) имъ: что зрите, чудящеся сему? Они же рѣша: не вѣмъ, что се писанію (sic) и кто писа. Онъ же глагола имъ: что ми дадите? Они же моляще его много и хотяще ему воздати залогъ сребра. Бѣсъ же протолкова имъ 6 покоевъ и въ часѣ времянѣ избысть.

Весь этотъ текстъ (очевидно, безъ конца) — въ рукописи Тр. Л. № 660, 1640 г. (л. 370 об.). Срв. лубочную картинку: «Надпись, сдѣланная бѣсомъ надъ дверьми храма Петра и Павла въ Римѣ», работы 1745 г., съ надписью: «Выписано изъ греческаго хронографа» (т. е. изъ сборника, гдѣ былъ, между прочимъ, греческій хронографъ). *Ровинскій*, III, № 713.

Языкъ — церковно-славянскій плохой.

Сказаніе о мѣстѣ Медійскомъ, идѣже глаголютъ гробу быти Магмета прелестника.

Начало: Тогда же въ княженіе русскія державы великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи въ лѣто 7001 (=1493) ходилъ до Медійскія страны нѣкто мужъ римлянинъ, именемъ Людовикъ, а по нашему Логгинъ. Шелъ изъ Виницеи во Александрію, что въ Египетьстѣй странѣ, и потомъ Ниломъ же рѣкою до Вавилона....

Рѣчь идетъ о посѣщеніи Людовикомъ Медины и Мекки, о гробѣ Магомета, о дальнѣйшемъ пути путешественника черезъ Калькутту въ Португалію. Въ концѣ: (Португальскій король) велѣлъ проводити до Рима, и *оттуду сіе писаніе къ намъ доиде*, мы же и сіе не оставихомъ.

Мы пользуемся спискомъ Хронографа М. Архива Мин. Ин. Д. XVII в. № 4—4 (л. 927 об.). Другіе списки также въ Хронографахъ: Публ. Б. F. XVII, 21, Румянц. М. №№ 368 и 457, Уваров. № 2053. Послѣдній имѣетъ годъ 7008=1500.

Языкъ — русскій, съ церковно-славянизмами. Кое-гдѣ полонизмы: *мѣсто* = пол. miasto; длина ея сто *ступеней* человѣческихъ=пол. stopień; *до*=къ, въ. Изложеніе обрывистое[1]).

Изложеніе истинно-истиннѣйшее и предивнѣйшее вѣстей отъ Неапольскаго града отъ господина Лудовика, того же града воеводы: како Неаполь водою умиленнѣ истребися въ день 11 октября мѣсяца, еже вси вмѣсто потопа нарицати могутъ.

Начало: Въ лѣто Господскаго воплощенія тысяща и пятьсотъ двадесятъ третій, въ день 11 октябрія мѣсяца, послѣдующей нощи межи пятаго и осьмаго часа, въ Неаполи градѣ италійскомъ вздвижена бысть буря...

Описаніе наводненія отъ страшнаго ливня и произведенныхъ имъ бѣдствій.

Послѣ него другая статья, безъ особаго заглавія:

Стреми (= Сремъ), страна угорьская, между Дуная и Савы рѣки. Въ настоящемъ лѣтѣ 1524 отъ Господскаго воплощеніа бысть трусъ толь великъ, яко мнози домы погибоша и церковь убо поглощена бысть, еже преже того не бысть. Видимо земля отврьзеся на четырехъ верстахъ тако, яко ни единому человѣку преити мощно есть.

Мы привели весь текстъ второй статьи.

Обѣ эти небольшія статьи находились, очевидно, вмѣстѣ, въ одномъ листкѣ, и вмѣстѣ же были переведены. Единственный списокъ, намъ извѣстный, — въ сборникѣ Публ. Библ. Q. XVII. 15, XVI—XVII в. (л. 284).

Языкъ — церковно-славянскій плохой[2]).

---

1) Издано *Поповымъ* въ «Изборникѣ», 178—179, по Синод. № 135.

2) Объ этомъ листкѣ см. у *Малинина*, Старецъ... Филоѳей, стр. 233 сл.

Въ лѣто 7050 (=1542) года въ Римской земли во градѣ въ Шимборіи, тако же и въ Турской земли погибель граду Солоникіи.

Пріидоша нѣмцы, любчанс родомъ, изъ моря кораблемъ и сказываютъ...

Единственный извѣстный списокъ — Каз. Дух. Ак. Солов. № 682, л. 127. Мы пользовались лишь данными, сообщенными въ «Описаніи рукописей Соловецкой библіотеки», II, 553. Этотъ листокъ упомянутъ *E. Weller*'омъ въ его библіографіи нѣмецкихъ Zeitungen XVI вѣка: Die ersten deutschen Zeitungen. 1505—1599 (Bibliothek des litterarischen Vereins in Stuttgart. CXI. Tübingen, 1872)[1]), подъ № 141. Здѣсь городъ — Schgarbaria, недалеко отъ Флоренціи.

Судя по началу, наша статья — сокращеніе нѣмецкой.

О Молукицкихъ островѣхъ и иныхъ многихъ дивныхъ, ихже новѣйшее плаваніе кастелляновъ, рекше испанскихъ, потщаніемъ кротчайшаго самодержца Карола Пятаго събрано, еже ново обрѣте. *Максимиліана Трансильвана* къ честнѣйшему кардыналю Салтызвуръенскому епистоліа краснѣйша чтеніемъ.

Начало: Честнѣйшій мнѣ и пресвѣтлѣйшій владыко, владыко мой въжделѣннѣйшій. Възвратился есть въ днехъ сихъ единъ отъ пяти корабль онѣхъ, ихже кесарь...

Единственный извѣстный списокъ—Имп. Публ. Библ. Q. IV. 412, л. 18—29, XVI в. Оригиналъ—De Moluccis insulis itemque aliis pluribus mirandis, quae novissima Castellanorum navigatio, serenissimi imperatoris Caroli V auspicio suscepta, nuper invenit. *Maximiliani Transylvani* epistola ad reverendissimum cardinalem Saltzburgensem lectu perquam jucunda. Köln, 1523[2]).

---

1) Авторъ имѣлъ въ виду лишь тѣ листки, которыхъ заглавіе: Zeitung. Прочіе, т. е. Anzeigen, Berichten, Historien, Relationen и т. д., въ его списокъ не вошли.

Дополненія къ труду Веллера: въ *Germania*, XXVI (1881 г.), и въ *Centralblatt für Bibliothekwesen*, V (1888 и 1889 гг.).

2) *И. А. Бычковъ*, Каталогъ собранія рукописей П. И. Савваитова, нынѣ принадлежащихъ Имп. Публичной Библіотекѣ, I, 153.

Сказаніе брани венеціанъ противу турецкаго царя.

Начало: О случаю разнаго счастія прилучаевъ различныя докторы различнымъ чиномъ писаша...

Рѣчь идетъ о туркахъ и ихъ завоеваніяхъ (до 1523 г.). Конецъ: На конци же сего писаннаго, понеже мнѣ еще во умъ пріиде, яко не невѣдомо есть о двоерядномъ (=двукратномъ) турецкомъ къ сему пресловущему (Московскому) царству посольствѣ, иже, яко мнѣ видится, въ ложь, токмо подсмотрѣнія для, учинены суть, яко легцѣ и свѣтлѣ отъ тѣхъ посдовъ рѣчей познатися и уразумѣтися можетъ, и сіе тоя ради вины, да италіанъ и венеціанъ оставлыше и сложився съ татары, царство сіе покорятъ и свободенъ приступъ имѣютъ по Аламаніи во Итталію. Чаетъ бо, съвѣтомъ иныхъ, сирѣчь русаковъ у него пребывающихъ, наученъ, легчае себѣ Итталію, Францію, Испанію и Аламанію покорити мощи, аще преже сіе царство, сирѣчь Русское, обдержитъ. Того ради ни единою, но двожды посла своего, подсмотринія для, якоже Моисей своихъ подзорщиковъ въ землю обѣтованія, посылалъ. Мы же о сей вещи сумнѣніе чинимъ. Богъ и испытатель сердецъ сія лучше вѣсть, возмогая благочестнѣ на многа лѣта.

Единственный извѣстный списокъ—Имп. Публичной Библіотеки Q. IV. 412[1]), лл. 14—17, XVI в. Оригиналъ — на латинскомъ языкѣ.

Переписка турецкаго султана съ польскимъ королемъ.

I. Переводъ съ нѣмецкаго письма, что написанъ списокъ съ листа, каковъ листъ прислалъ турскій царь къ литовскому королю 145 (=1637) года, марта въ 5 день.

Отказная грамота турскаго царя къ королевскому величеству въ Польшу съ посломъ прислана; переведена сперва съ турскаго въ польскую рѣчь, а послѣ того изъ польскаго въ нѣмецкую рѣчь.

1) Описанъ *И. А. Бычковымъ* тамъ же.

Начало: Салтанъ, сынъ того пресвѣтлѣйшаго велеможнѣйшаго кесаря и государя всего свѣту и другъ неодолѣемый...

Между прочимъ: Подлинное вѣдомство къ нашей царской силѣ и ко двору пришло, что ты со всѣми нашими недруги и поддатными тайныя совѣтства укрѣпленныя чинишь, особѣ съ нашимъ недругомъ и съ измѣнникомъ московскимъ... И ты все то оставилъ и своихъ камышниковъ запорожскихъ казаковъ... выпустилъ...

Въ концѣ: Данъ листъ въ Константинѣ градѣ лѣта отъ Христова рожества 1637-го, марта въ 5 день.

Пользуемся спискомъ Уваров. № 1844, к. XVII в., съ которымъ въ общемъ сходенъ списокъ Р. Археолог. Общ. № 43 (лл. 22—25). *Прозоровскій*, Опись древнихъ рукописей, хранящихся въ музеѣ Имп. Русск. Археолог. Общ., стр. 66 (здѣсь заглавіе: ...прислалъ турскій царь къ польскому королю).

Языкъ — русскій [1]).

II. Списокъ съ переводу польскаго письма, а въ Польшѣ переведено съ турскаго письма и языка, каково письмо прислано отъ турскаго царя къ польскому королю, а польскій король тотъ переводъ прислалъ съ посломъ для совѣту къ великому государю къ Москвѣ.

Начало: Салтанъ сынъ освященный и великаго царя преизящнаго...

Между прочимъ: Ты противъ вельможности нашей втай съ москвитиномъ, противникомъ нашимъ, договоръ братскій заключилъ... Воздвигъ на наше панство монархію казаковъ украинскихъ...

Та же по содержанію грамота, что выше, но въ совершенно другой редакціи.

Пользуемся изданіемъ *Попова* (стр. 454).

---

1) Изданъ *Поповымъ* въ «Изборникѣ», стр. 456. Срв. «Обзоръ», II, 227.

Изъ Палерміи, государства Сицилійскаго, отпущенъ къ наилучшему достоинству Угорскіе земли подкоролю и великому учителю святыя вѣры Іерусалимскія.

Начало отписки сице.

Даилучшій (!) господарству въ небольшемъ времени нынѣшнихъ числъ, къ нашему Палермитанскому городу пришли два старца, и тѣ себя извѣстили пророками быти...

Въ концѣ: Списаніе сіе пришло изъ Палерміи, Сицилійскаго господарства, во Угорскую землю ко благовѣрному подкоролію и великому учителю святыя вѣры и властелю страны тоя. И изъ Угорскія земли прислано въ Великую Русію къ великому государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея Русіи.

Рѣчь идетъ о двухъ святыхъ старцахъ и ихъ предсказаніяхъ. Старшій изъ годовъ, упоминаемый какъ будущій, — 1661.

Мы пользуемся спискомъ Румянц. Муз. Унд. № 611, к. XVII в. (л. 42 об.). По другому списку издано *Барсовымъ* въ *Чтеніяхъ* 1884 г., № 3.

Оригиналъ, повидимому, — на латинскомъ языкѣ.

Языкъ — русскій, съ полонизмами.

Книга Левитъ, глава 1-я, отъ премудрости Діогеновы, отъ лѣта 2-го столпотворенія вавилонскаго, сочиненная людемъ Божіимъ въ память вѣчную.

Славный европитскій астрономъ *Тихо* образно (?) сочиняе на латынскомъ языкѣ. На островѣ, у Вознесенскаго монастыря, въ каменной стѣнѣ закланъ (?) бысть въ лѣто 1660-мъ. Оная книга найденная въ 1660-го лѣта, въ которой пишетъ, что въ цѣломъ году находится 33 дня, въ которы всякому человѣку беречься должно.....

Списокъ несчастныхъ дней и объясненіе, что будетъ съ человѣкомъ родившимся, заболѣвшимъ и т. п. въ одинъ изъ этихъ дней (съ дополненіями изъ другихъ источниковъ).

Очень плохой списокъ находится въ старообрядческомъ сборникѣ Спб. Синодальн. Архива ок. 1831 г. (лл. 56 об.—58).

(Изъ курантовъ).

I. 7171-го (=1663) году изо Гданска, февраля 22-го числа. Въ прежнихъ вѣстяхъ отъ насъ писано было, что пришелъ къ намъ жидовинъ Еганъ Бутадеусъ, Агасферусъ названъ, а нынѣ подлинно про его роженіе объявляю...

Безъ конца.

Рѣчь идетъ о вѣчномъ жидѣ.

Мы пользуемся сборникомъ Публ. Библ. Погод. № 1565, XVII в. (л. 167—170); *Бычковъ*, стр. 121.

II. Переводъ съ галанскихъ печатныхъ вѣстовыхъ тетратей 163 (=1655) году, каковы присланы отъ Архангельскаго города іюня въ 28 день.

III. Переводъ съ галанскихъ печатныхъ курантовъ, каковы подалъ Иванъ Фансведенъ въ нынѣшнемъ въ 173 (=1665) году, іюля въ 20 день.

Издано *Забѣлинымъ* въ *Чтеніяхъ* 1880 г., кн. 2, и отчасти *Буслаевымъ* въ «Историч. Христоматіи», стр. 1143.

Языкъ — русскій, простой и ясный.

Въ Сицилійскомъ островѣ гора Етна како огнемъ сгорѣла.

177 (=1668) года, мѣсяца марта въ 8 день, въ Сицилійскомъ островѣ гора Етна паки учала горѣть; о которомъ дѣлѣ епископъ града Катана, который близь той горы, такое писаніе написа.

Гора Етна или Гибелолъ есть гора вездѣ славна ради испущающаго(ся) изъ себе поядающаго пламене...

Мы пользуемся сборникомъ Публ. Библ. F. XVII. 21, к. XVII — нач. XVIII в. (л. 875).

Языкъ — русскій, съ полонизмами.

(Изъ курантовъ).

Списокъ съ печатныхъ съ цесарскихъ и съ голландскихъ писемъ, каковы переведены въ нынѣшнемъ въ 178 (=1669) году, октября въ 13 день.

Переводъ съ печатныхъ съ цесарскихъ и съ голландскихъ курантовъ.

Начало: Его королевское величество отъ многихъ чиновъ сенаторей и шляхты до Кракова городу проводили нынѣшняго году къ коронованію, сентября къ 29 числу. И какъ его королевское величество пріѣхалъ въ Краковъ, сталъ на потѣшномъ дворѣ бискупа Краковскаго; а сентября 27 числа въ городъ Краковъ шелъ такимъ образомъ...

Описаніе церемоніаловъ въѣзда въ Краковъ новоизбраннаго короля и его коронованія.

II. Переводъ съ нѣмецкаго письма октября 1-го числа, переведено въ нынѣшнемъ во 178 году, октября въ 24 день.

Начало: Прошлой суботы чрезъ почту вѣдомо есть, какъ при коронованіи королевскомъ, въ воскресеніе, то есть сентября 24-го по новому, было первое чрезъ арцыбископа при костельныхъ дверехъ...

Описаніе коронованія того же короля.

Единственный списокъ, намъ извѣстный, — въ сборникѣ Русск. Археологич. Общ. № 43, XVII в. (лл. 1—7, 8—10). *Прозоровскій*, стр. 66.

Языкъ — русскій.

(Сказаніе о въѣздѣ короля Яна Собескаго въ городъ Краковъ, о погребеніи королей Яна Казимира и Михаила Вишневецкаго и о вѣнчаніи Яна Собескаго).

I. Сказаніе о славномъ вьѣздѣ (sic) Яна Третіяго короля польскаго въ городъ Краковъ генваря въ 20 день и о погребеніи обоихъ польскихъ королей Яна Казимера и Михаила Вѣшневецкаго.

Начало: Королевское величество Янъ Собежскій, пришедъ изъ походу своего, сталъ генваря 20 день подъ Краковымъ въ замкѣ Проднице и того же числа...

Описывается церемонія въѣзда въ Краковъ.

II. О погребеніи королевскихъ величествъ Яна Казимера да Михаила Вешневецкого, которое съ великою славою было въ Краковѣ генваря въ 21 день.

Начало: Тѣлеса обоихъ королей стояли въ костелѣ святаго Флоріана на высокомъ къ тому учиненномъ мѣстѣ....

Описывается церемонія погребенія.

III. О королевскомъ и королевинѣ короновании, еже бысть въ нынѣшнемъ во 184-мъ году, генваря въ 23 день, въ Краковѣ, при многихъ сенатырехъ и рыцерства польскаго и при различныхъ розныхъ государей послехъ.

Начало: Генваря въ 23 день въ праздникъ пуриѳикаціонисъ Маріе, которой назначенъ былъ къ королевскому коронованію....

Описывается церемонія коронованія.

Мы пользуемся Синод. сборникомъ № 377, к. XVII в. (лл. 224—233), письма Евѳимія. Другой, неполный списокъ въ сборникѣ Русск. Археолог. Общ. № 43, XVII в. (лл. 27—29, 36—41). *Прозоровскій*, стр. 68.

Языкъ — русскій[1]).

Переписка турецкаго султана съ императоромъ Леопольдомъ и германскими государями.

I. Списокъ съ грамоты, какову писалъ турскій царь къ римскому цесарю Леополдусу.

Начало: Магметъ салтанъ, сынъ прехвальныя славы и надо всѣми иными повелитель...

1) Въ библіотекѣ царевича Алексѣя Алексѣевича было «Описаніе о короновании Михаила короля польскаго» (Вишневецкаго), а въ библіотекѣ графа А. А. Матвѣева — «Описаніе вратъ чести въ Гагѣ, учиненныхъ къ пріѣзду Вильгельму Аглинскому, Скоттскому, Французскому (1689 г.?), и переводъ исповѣданія вѣры ихъ» («Лѣтописи» Тихонравова, стр. 73).

Угрозы за заключеніе Леопольдомъ союза съ какимъ-то королемъ.

II. Списокъ съ цесарской грамоты къ турскому салтану.

Начало: Магмете, сыне погибели, наслѣдичу вѣчнаго осужденія, муже гнилый...

Ругательный отвѣтъ на предыдущую грамоту, съ угрозами.

Мы пользуемся, изъ многихъ списковъ, спискомъ Публ. Библ. F. XVII. 21, XVII в., л. 370), съ которымъ въ общемъ сходны списки Увар. № 1495, XVII в., и Р. Археолог. Общ. № 43 (Прозоровскій, стр. 66). Послѣдній списокъ послѣ второй грамоты имѣетъ добавленіе: Переводъ съ нѣмецкаго письма, октября 2 числа. Переведено въ нынѣшнемъ въ 178 (=1669) году, октября въ 24 день. А первая грамота въ немъ датирована 1668 г.[1].

Языкъ — церковно-славянскій плохой. Между прочимъ: монарха им. ед., повелѣваемъ *возвратитися* (1-я грамота); жены твоя *наложи* сотворю, да возмутъ землю... (2-я грамота).

III. Подлинный списокъ съ безчестнаго и богомерзкаго листа, который турскій салтанъ Магометъ писалъ и присылалъ нѣмецкимъ властителемъ и всѣмъ христіанскимъ людемъ въ нынѣшнемъ 1663 году.

Начало: Милостію великаго Бога съ небесъ, Магометъ, богъ на земли, великій, сильный и необолѣемый...

Угрозы. Между прочимъ: вашихъ приобщниковъ поляковъ...

Мы пользуемся вышеупомянутымъ сборникомъ Р. Археолог. Общ. № 43 лл. 11—13, 13—14, 25 об.—27. *Прозоровскій*, стр. 65.

(Изъ курантовъ).

I. Изъ города Нурнберка генваря въ 14 день. Здѣсь говорятъ, будто въ городѣ Минцѣ страшная и неслыханная притча учинилась, такимъ обычаемъ. Нѣкоторый графъ, князь или вели-

---

1 [illegible] Поповымъ въ «Изборникѣ», стр. 453. 455.

кій господинъ, который своихъ подданныхъ непобѣдимыми податьми и иными налогами истѣснилъ, въ собаку обрѣлся. И то такъ учинилось. Тотъ графъ хотѣлъ у бѣдной подданной своей жонки, у которой одна корова была, и онъ ту корову хотѣлъ отнять...

Одна страница.

II. Изъ Варшавы генваря въ 6 день. Корунный казначей къ королю пишетъ, что будто онъ въ Краковѣ ничего не учинилъ и тамошніе санатори казны ему, казначею, не дали. Асганенко пишетъ королю и проситъ указу, чтобъ ему поволили въ Украйну ити, для того, что Дорошенокъ въ тамошней Украйнѣ подъ турское владѣнье привесть хочетъ. А къ нему, Асганенку, отповѣдь писана, чтобъ онъ погодилъ, покамѣста здѣшняя ссора скончается съ противниками.

И то великое наказаніе отъ Господа Бога, что польскихъ людей жены, оставивъ мужей и домъ свой, перебѣгутъ къ туркамъ. Тако же и изъ Каменецъ пишетъ, будто 1200 шляхетскихъ, тако же и иныхъ женъ..., оставивъ своихъ мужей, и съ турками приживаютъ.

Мы выписали всю статью.

Обѣ статьи въ вышеупомянутомъ сборникѣ Русск. Археол. Общ. № 43 (лл. 31—32).

Переводъ съ нѣмецкаго печатнаго листа, объявленіе.

Начало: Читателіе, признавайте сіе, которое учинено отъ нѣкотораго благоговѣйнаго человѣка при послѣднемъ концѣ его, въ Краковѣ, лѣта 1558; а потомъ сіе пророчество нашлося у нѣкотораго священника межъ письмами. Лѣта 1595 году, когда время исполнится и еще пять лѣтъ прибавится, тогда не все, еже посѣяно будетъ, возростетъ, но пропадетъ совсѣмъ и плоды земные не созрѣютъ...

Пророчества относительно Польши и толкованіе ихъ. Между

прочимъ: Польская земля для неисчетныхъ грѣховъ, беззаконія и неблагодаренія своего аки жиды пагубу пріимутъ...

Очень интересная статья.

Единственный списокъ — въ вышеупомянутомъ сборникѣ Русск. Археол. Общ. № 43 (лл. 32—35).

Языкъ — русскій.

Переводъ съ листа нѣмецкаго печатнаго письма. Учинилось во 180-мъ (=1671) году, въ декабрѣ мѣсяцѣ.

Страшное зерцало проклятіе (Синод.: проклятія) или наказательное предложеніе нѣкотораго немилосердаго и богоотступнаго человѣка, какъ онъ праведнымъ судомъ Божіимъ обратился въ страшнаго пса....

Объявлено и просто (Син.: пространно) изъ города Пряги (Син.: Праги) отъ нѣкотораго духовнаго чину человѣка и изъ иныхъ многихъ мѣстъ подлинно подтверждено 1603-го году (Син.: 1673 лѣта).

Начало: Что всемогущій (Син.: Всемогущій) Богъ вся грѣхи и беззаконіе...

Рѣчь идетъ о жестокомъ помѣщикѣ, заставлявшемъ своихъ подданныхъ платить большія подати.

Мы пользуемся, изъ многихъ списковъ, двумя: Публ. Библ. F. XVII. 21, к. XVII — нач. XVIII в, (л. 877), и Синод. Б. № 377, к. XVII в. (л. 234).

Списокъ Кіевск. Церк.-Археолог. Муз. (*Петровъ*, № 535, к. XVII — нач. XVIII в., л. 75) имѣетъ такое заглавіе и начало:

Страшное и наказательное предложеніе на нѣкоего немилосерда и богоотступнаго и кленущаго человѣка, како онымъ (?) праведнымъ судомъ Божіимъ обращенъ во пса.

Въ Чешскомъ королевствѣ, близь города Праги, объявлено и свидѣтельство(вано) изъ града Праги 1670-го лѣта въ декабрѣ мѣсяцѣ.

Начало: Всемогый Богъ наказуетъ страшнымъ отмщеніемъ... Языкъ — русскій, съ полонизмами[1]).

Небесное знаменіе въ Венгріи въ 1671 г.

I. Сіе знаменіе явися въ воздусѣ въ земли Венгерской надъ градомъ, нарицаемымъ Коссовія, лѣта 7180-го (=1671), мѣсяца октября отъ пятагонадесять числа, и пребысть до такова же числа мѣсяца ноября по пятыйнадесять день, во дни и въ нощи, 4 недѣли, совершенно видимо бысть всѣми. Тамо не бысть сихъ словъ (= буквъ) А. Б. В. Г. Д. Е. Ж. Ѕ. З. І. И. К. Л., но токмо ради разсужденія положены суть *во* извѣстныхъ нѣмцовъ. Сіе *азъ* видѣвше и счетавше и у нѣкоихъ сіе толкованіе премудрѣ мнящихъ людей, еже могохъ воспомянути, сіе пишу...

Слѣдуетъ описаніе небеснаго знаменія въ Венгріи, въ городѣ Кашау, и объясненіе этого знаменія какъ предзнаменованія побѣды надъ турками. Въ концѣ: Тако чтохъ и слышахъ и сіе памятствую. *Варлаамъ Ясинскій*, ректоръ Братства Кіевскаго.

Этотъ текстъ вполнѣ изданъ нами по Румянц. Хронографу № 413, XVII в., въ *Чтеніяхъ* въ Историч. Общ. Нестора Лѣтописца, XIV, вып. I. Тотъ же текстъ мы знаемъ въ сборникахъ Уваров. № 1941, XVIII в. (здѣсь годъ—7181=1672, городъ—Касавія), и Р. Археол. Общ. № 40, XVII—XVIII в. (здѣсь подписи Ясинскаго нѣтъ). Несомнѣнно, при оригиналѣ былъ рисунокъ, на которомъ были «слова», значащіяся въ текстѣ.

II. Сей знакъ показался на воздухѣ въ Венгерской земли надъ городомъ, названнымъ Каша, въ лѣто 1672, мѣсяца октября отъ 15 числа, видѣнъ былъ даже до 15 числа ноября, днемъ и ночью, чрезъ 4 недѣли, ото всѣхъ. Тамъ были слова сіе азбучные...

---

1) Срв. *Буслаевъ*, Очерки, II, 54—55; *Ровинскій*, Русскія народныя картинки, III, 60. Текстъ въ разныхъ спискахъ представляетъ нѣкоторое различіе. Проф. Шляпкинъ указываетъ на списокъ 1674 г. (*Памятники Древней Письм.*, CXLI, 14).

Подпись: Такъ челъ и слышалъ есмь, что есть благое по мнѣ (?), больше не памятую. *Варлаамъ Ясинскій*, ректоръ Братскій Кіевскій.

Этотъ текстъ изданъ *И. Я. Гурляндомъ* въ книгѣ: Приказъ великаго государя тайныхъ дѣлъ, Яросл., 1902, стр. 380, по подлиннику Государственнаго Архива (при немъ сохранился и рисунокъ).

Мы здѣсь имѣемъ два перевода на русскій языкъ съ польскаго или латинскаго текста, доставленнаго въ Москву Ясинскимъ. Въ чемъ заключается роль Ясинскаго: просто ли онъ сдѣлалъ списокъ съ попавшагося ему въ руки листка, или, сверхъ того, перевелъ содержимое нѣмецкаго листка на латинскій или польскій языкъ, для насъ неясно.

Переводъ съ польскаго листа изъ обозу турецкаго 24 августа 1677 года.

Начало: Сполна (одно слово не разобрано) чрезъ недѣли четыре безъ жаднаго старанія или помощи боронилъ себе Чигиринъ, такъ далеко, яко ни густыми подкопы...

Разсказывается о пораженіи турокъ Ромодановскимъ, о взятіи турками Чигирина и о дурныхъ распоряженіяхъ Ромодановскаго.

Мы пользуемся рукописью Р. Археолог. Общ. № 36, XVII в., лл. 330 об.—333). *Прозоровскій*, стр. 60.

Языкъ—русскій, съ большимъ количествомъ полонизмовъ и малоруссизмовъ.

(Изъ курантовъ).

Изъ Гаги августа въ 17 день 7188 (=1680) году.

Гишпанской изъ (названіе города не разобрано) намъ объявляютъ, что у нихъ недавно въ городѣ объявилися два человѣка старые и называются апостолами, имѣя въ себѣ Духъ Святый

истинный. А одежда на нихъ такая, какой прежде сего въ міру не видали...

Эти старики проповѣдывали покаяніе и предсказывали будущее.

Единственный списокъ — въ сборникѣ Р. Археолог. Общ. № 43.

Описаніе пречуднаго сициліанскаго трясенія.

Начало: Господь Богъ можетъ за человѣческія тщія разумы наказаніе чинити...

Описаніе землетрясенія въ Сициліи, бывшаго 29 декабря 1692 г.

Мы пользуемся рукописью Уваров. № 1873, к. XVII в. (лл. 308—309).

Языкъ — русскій. Отмѣтимъ два слова: (городъ) Зеракуза, *мѣсто* (=городъ).

Вслѣдъ за этимъ разсказомъ, сравнительно длиннымъ, помѣщенъ коротенькій разсказъ:

Чудесные знаки, явленіе.

Начало: Въ маіѣ мѣсяцѣ прошлаго 1692 году явилися пречудные знаки у города Финфъкирхена, въ Венгерской земли,— два явленія именуемыя комети, единая зъ запада, вторая съ сѣвера...

Видѣны были въ воздухѣ священники съ крестами, войско, огненные столпы.

Оригиналъ, повидимому, на нѣмецкомъ языкѣ.

Вѣроятно, оба разсказа находились въ одномъ листкѣ.

Списокъ присланъ отъ кавалеровъ острова Политанскаго.

Въ нынѣшнемъ двѣсти третіемъ (=1695) году, въ іюлѣ мѣсяцѣ, появилися у насъ два старика, незнаемо коего языка родомъ, нашимъ же языкомъ свойственно говорятъ...

Предсказанія о послѣднемъ времени существованія міра.

Мы пользуемся спискомъ Румянц. Муз. Унд. № 635, нач. XVIII в. (л. 27). Тотъ же текстъ въ сборникахъ Уваров. № 1949, Флорищевой пустыни (*Георгіевскій*, стр. 238) и Публ. Библ. О. I. 427, XVIII в., безъ конца; въ первомъ съ такимъ заглавіемъ:

Списокъ съ листа присланнаго отъ кавалеровъ острова Астроматанскаго, въ городѣ Малтѣ, нынѣшняго 7203 году, въ іюніи мѣсяцѣ.

Въ концѣ: Сей листъ на Москвѣ, въ Посольскомъ приказѣ; тогда его и списали.

Списокъ съ столпа.

Списокъ съ столпа каменнаго, съ листовъ жестяныхъ съ уставныхъ слово въ слово, 1697 года.

Мы знаемъ о существованіи этого текста изъ каталога библіотеки М. Арх. М. Ин. Д. Онъ значится въ рукописи № 240—424, второй половины XVIII в., на 24 листахъ, теперь уже не находящейся въ Архивѣ.

Подлинное объявленіе, что августа жъ 22-го по 13 сентября межъ христіанскимъ войскомъ учинилося. Писано изъ обозу при Центѣ сентября 13 числа 1697-го года.

Начало: Войско цесарское, 20000 слишкомъ, при Петервара-дынѣ и Кобыѣ городѣ стояли; и получали вѣдомость, что салтанъ турецкій въ Бѣлгородъ пришелъ и тамо со всѣмъ войскомъ чрезъ Дунай рѣку мостомъ прошелъ...

Въ концѣ: Отъ волошскихъ рубежей пишутъ, что 15000 татаръ побито, 3000 татаръ пошли было съ Буджаку въ Польшу и отъ волохъ и отъ казаковъ польскихъ тамъ побиты, что только съ триста человѣкъ назадъ возвратились. Казаки готовы всѣ, коль скоро польское коронованіе совершится, всѣми силами, су-

химъ и водянымъ путемъ, татаръ воевать; а татары зѣло смущаются для коронованія того и спрашивали у нашихъ вѣстовщиковъ, аще ли тотъ королемъ польскимъ, который лошадиную подкову руками разорветъ...

Рѣчь идетъ о военныхъ дѣйствіяхъ принца Евгенія Савойскаго противъ турокъ.

Мы пользуемся сборникомъ Публ. Библ. Погод. № 1561, XVIII в. (лл. 122—130, какъ будто безъ конца).

Сборникъ М. Румянц. Муз. Унд. № 635, нач. XVIII в., заключаетъ въ себѣ извлеченіе изъ этого листка (л. 44 об.), съ такимъ началомъ:

Августа съ 22 числа сентября по 13 число межъ христіанскимъ и турскимъ учинилося. Писано изъ обозу при Ценѣ сентября 13 числа 1697. Убито цесарскаго полка 25 человѣкъ, пѣхоты 67 человѣкъ, конницы...

Языкъ — русскій, съ полонизмами.

Выписано изъ переводу съ латынскаго листа.

Хотя въ началѣ дѣло показалося зѣло худо, а потомъ Богъ милостиво на насъ призрѣлъ. На Тисѣ рѣкѣ близь мѣста именуемаго Сента, идѣже Богъ намъ преизобильно даровалъ побѣду превеликую противъ турокъ въ нынѣшнемъ году...

Короткій разсказъ (какъ будто безъ начала) о побѣдѣ австрійцевъ надъ турками, съ указаніемъ, сколько убито и т. д.

Мы пользуемся вышеозначеннымъ сборникомъ Унд. № 635 (л. 40).

Языкъ — русскій, съ полонизмами.

Листъ съ неба.

I. Сіе писаніе отъ невидимаго Отца Господа нашего Іисуса Христа.

Начало: Заповѣдано вамъ многія заповѣди и не вѣруете и не соблюдаете словесъ моихъ и не брежите. И рече Господь: небо и земля мимо идетъ, а словеса моя не могутъ преити...

Между прочимъ: За святую недѣлю и за воскресеніе Христово, за среду и за пятницу и за праздники Восподни и за святыя посты.... Бысть во святомъ градѣ Іерусалимѣ вещь дивна: спаде съ небеси камень малъ и студенъ, а тяготы его никто извѣдати можетъ, въ 4 часъ дни; патріархъ же іерусалимскій со всѣмъ соборомъ начаша надъ тѣмъ каменемъ пѣти молебны по 3 дни и по 3 нощи; и въ 4 день тотъ камень развалился и обрѣтоша въ немъ свитокъ, написанъ Богомъ. Тако глаголетъ Господь: слышите, людіе мои, словесъ человѣколюбія моего...

Мы пользуемся спискомъ Рум. Муз. Больш. № 162, XVIII в. (л. 222). Вторая часть этого листа — въ сборникѣ Рум. М. Больш. № 116, несомнѣнно, конца XVII вѣка (л. 14). Сходный списокъ (Публ. Б., XVIII в.) изданъ въ «Памятникахъ стар. р. литературы», III, 150; о немъ см. въ статьѣ *Веселовскаго* въ *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1876 г., № 3, стр. 111.

Переводъ, судя по всему, — поздній.

II. Слово о листѣ, како сосланъ отъ Господа Бога Леонови Іоанну папежу, а папежъ послалъ брату королю Савѣ, оставши противъ неприятеля своего.

Начало: А тотъ листъ такую силу имѣетъ: кто его станетъ читать или слушать, и я тому грѣхи его отпущю за всякимъ прочитаніемъ, и никакія споны ему не будетъ, и никакова зла въ томъ дому, въ которомъ тотъ листъ лежитъ, и не будетъ на него ни огнь, ни немочь, и никакое зло....

Конецъ: Господь вашъ Іисусъ Христосъ, азъ вамъ заповѣдаю, дабы день святый недѣльный чтили и нынѣ въ недѣлю ничего не дѣлали и корения никакова въ городѣхъ не копали.

Епистолія о недѣлѣ въ позднѣйшемъ переводѣ. Срв. статью *Веселовскаго*, стр. 102. Срв. также новѣйшій текстъ, изданный въ «Саратовскомъ Сборникѣ», вып. I (1881 г.), стр. 275, съ заглавіемъ: Поученіе посланное отъ перваго и отъ единаго Го-

спода Бога нашего Іисуса Христа Сына Божія (папа *Левъ* послалъ его ко брату своему *Каролу* идти на непріятеля).

Мы пользуемся спискомъ Рум. М. Унд. № 1137, XVIII в. (лл. 36—40).

Переводъ съ польскаго оригинала, сходнаго съ бывшимъ въ рукахъ Ерлича (съ помѣтою 1559 годомъ) и перепечатаннаго Веселовскимъ. Его начало: Te słowa Boże święte, na ten świat zesłane od samego Boga Lwowi papieżowi, a Lew papież posłał bratu swemu królowi naprzeciwko nieprzyjaciołom onego. I ten list taką moc ma, gdy onego kto czyta albo onego słucha...

Языкъ русскій, съ полонизмами [1]).

Подпись къ гравюрѣ.

Подпись на Вертоградъ личной [2]), переведенна съ италіанскаго [3]).

Заглавіе: Лядина освященная (три строки).

1-й вопросъ.

Небесный царю, кій тя такъ вѣнчаше,
Кто твою главу такъ злѣ украшаше....

Семь вопросовъ и отвѣтовъ (четверостишій) въ риѳмованныхъ стихахъ. Потомъ еще два четверостишія, помѣченныя цыфрами 8 и 9.

Мы пользуемся спискомъ Синод. Б. № 776, XVII в. На полѣ текста написано латинскими буквами: Списано во 195-мъ году (= 1687) у стольника Самойла Николева. Срв. рукопись

---

1) Добровскій сообщаетъ, что въ его время нѣмецкій текстъ «Посланія съ неба» продавался на ярмаркахъ. *Веселовскій*, стр. 101.

2) Т. е. лицевой, картинный?

3) Переводчикъ съ итальянскаго изъ к. XVII и нач. XVIII в. намъ извѣстенъ лишь одинъ — Сильвестръ Черницкій, родомъ изъ юго-западной Руси, въ 1676—1699 гг. архимандритъ Саввина Сторожевскаго монастыря, потомъ м-тъ смоленскій. Въ 1709 г. имъ переведена съ итальянскаго Епитомія космографическая (Публ. Б. F. IV. 112=Толст. I, 228).

Археографич. Комиссіи № 218. Чудовск. № 290 (л. 121), автографъ Каріона Истомина, имѣетъ то же стихотвореніе (въ началѣ прямо заглавіе, въ концѣ нѣтъ указанія на годъ и Николева).

Здѣсь первое двустишіе читается такъ:

Небесный царю, кто такъ тя вѣнчаше,
Кто твою главу толь злѣ украшаше...

Есть и другіе варіанты, мелкіе.

Листъ долженъ изображать страсти Христовы. Срв. *Ровинскій*, III, стр. 334.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Доминиканецъ Веніаминъ.

Наши ученые уже давно обратили вниманіе на одинъ изъ примѣчательнѣйшихъ фактовъ въ исторіи древне-русской культуры и письменности — на переводъ нѣсколькихъ книгъ св. писанія ветхаго завѣта[1]) съ латинскаго языка на славянскій, совершенный въ самомъ концѣ XV в. Буслаевъ насъ познакомилъ отчасти съ грамматическимъ, но главнымъ образомъ съ словарнымъ матеріаломъ этого текста по Синодальному списку Геннадіевой Библіи 1499 года[2]). Горскій и Невоструевъ посвятили названному переводу рядъ страницъ въ своемъ трудѣ[3]); здѣсь ими приведены многочисленныя данныя для сужденія о качествѣ перевода и сдѣланъ выводъ, мало благопріятный для переводчика: онъ былъ «ограниченъ въ знаніи латинскаго языка»; онъ «не всегда былъ счастливъ въ переводѣ извѣстныхъ ему словъ».

---

1) Паралипоменонъ, Ездры, Неемія, Товитъ, Іудиѳь, Эсѳирь, Маккавейскія, Притчи, Премудрость Соломонова, Іисусъ Сираховъ (вполнѣ или отчасти).

2) *Матеріалы для исторіи письменъ*, М. 1855 г., стр. 51—54.

3) *Описаніе*, I, 44—53, 125—129.

Тѣ же ученые привели запись книгъ Маккавейскихъ въ Погодинскомъ спискѣ библіи, изъ которой видно, что переводъ книгъ былъ исполненъ въ 1493 (=7001) году по повелѣнію новгородскаго архіепископа Геннадія и что переводчикомъ былъ «презвитеръ, паче же мнихъ обители святаго Домника, именемъ Веніаминъ, родомъ словенинъ, вѣдущій латинскій языкъ и грамматику, вѣдущій отчасти и греческій языкъ и фряжскій» [1]). Другіе ученые повторяли слова Горскаго и Невоструева.

Такова литература вопроса.

Внимательное разсмотрѣніе перевода позволяетъ имѣть болѣе выгодное мнѣніе о переводчикѣ, чѣмъ установленное Горскимъ и Невоструевымъ. Латинскій языкъ былъ ему знакомъ достаточно, и если онъ перевелъ cepit arcem черезъ *нача арсемъ* (1 Паралип. XI) или liberis = дѣтьми черезъ *свободами* (2 Паралип. XX),— дѣло не въ незнаніи латинскаго языка, а въ небрежности работы. Переводъ его съ нашей точки зрѣнія мало удовлетворителенъ по своей темнотѣ; но и здѣсь вина лежитъ не столько на переводчикѣ, сколько на обычаѣ стараго времени переводить по возможности буквально. Едва ли можно сомнѣваться, что переводчику было легче перевести правильно ingressus sum, ingressi sunt, saturati sumus, чѣмъ придумать странныя *внидень есмь, внидоша суть, насыщахомся есмы*. Употребленіе въ текстѣ оставленныхъ безъ перевода латинскихъ словъ, часто самыхъ простыхъ (castra и т. п.), съ переводомъ ихъ на поляхъ (принадлежащимъ — по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ — переводчику) свидѣтельствуетъ не о желаніи «пестрить рѣчь иностранными словами», а о плохомъ редактированіи текста, при которомъ славянскія слова попали на поля, въ видѣ глоссъ, а латинскія, отмѣченныя для себя переводчикомъ, очутились въ текстѣ.

Далѣе, не подлежитъ сомнѣнію нѣкоторое знакомство переводчика съ греческимъ языкомъ. Онъ довольно часто передаетъ

1) Изъ бумажки, приклеенной въ рукописи Рум. М. № 93, видно, что Веніаминъ находился въ Новгородѣ уже въ 1491 г.

латинское b через славянское *в*: Іоа*в*ъ, Аминада*в*ъ, Ель*в*ои = Gelboe, Ра*вв*а = Rabba, *в*асилика = basilica, латинское *с* через *к*: *К*исъ, *к*имбалъ, *к*ентуріонъ [1]), и т. п. Кажется, есть слѣды знакомства его и съ языкомъ итальянскимъ (= фряжскимъ): ве*ти*галъ (1 Ездры IV) = vectigal, *костелла* (1 Паралип. XXI) = castra. Въ достаточномъ знаніи имъ церковно-славянскаго языка богослужебныхъ книгъ того времени не можетъ быть сомнѣній. Русскій языкъ, въ томъ видѣ, какой онъ имѣлъ въ старомъ Новгородѣ или — скорѣе — во Псковѣ, также ему былъ хорошо извѣстенъ [2]). Онъ употребляетъ слова *кромъ* = arx (какъ въ Псковскихъ лѣтописяхъ), *кремль* = castrum, *посадъ* = urbs, *ларецъ*=arca, *по щельи*=per clivum, *деньги*=pecuniae, *тетрадь*= volumen, *говѣніе* = jejunium, *вѣнчаніе* = matrimonium и т. п.

Но кто былъ этотъ переводчикъ?

Взглянемъ на грамматическія формы текста.

Формы аориста, имперфекта, давнопрошедшаго употребляются въ правильномъ видѣ, не смѣшиваясь между собою, и тамъ, гдѣ ихъ требуетъ смыслъ. Подобное пониманіе этихъ глагольныхъ формъ въ XV в. было уже чуждо русскимъ; его не было также ни у поляковъ, ни у чеховъ. Но оно должно было быть у сербовъ.

Формы 1-го лица единств. ч. настоящаго времени довольно часто имѣютъ окончанія русскихъ формъ 1-го лица множ. ч. *емъ* и *имъ*: да предъ Богомъ сіе сътвор*имъ* и кровь мужей тѣхъ пі*емъ* (1 Паралип. XI) = ut faciam..., bibam; помыслихъ да съзижд*емъ* домъ (1 Паралип. XXVIII) = ut aedificarem domum; вся пріидоша на мя..., да разумѣ*емъ* (ibid.)=ut intelligerem; тако сътвори со мною, да съзижд*емъ* домъ (1 Паралип. XXIX) = ut edificem, и др. Подобныя формы, не чуждыя до извѣстной степени и дру-

---

1) Въ другихъ случаяхъ латинское *с* передается не черезъ *ц*, а черезъ *с*. Срв. выше, стр. 225.

2) Возможно, что Власій, Димитрій Герасимовъ и другіе сотрудники Геннадія исправляли переводъ Веніамина, приближая его языкъ къ русскому изводу. Срв. роль Сильвана при Максимѣ Грекѣ и подьячаго Долгова при Спаѳаріи.

гимъ славянскимъ языкамъ, особенно обычны въ сербскомъ языкѣ.

Другія формы, чуждыя церковно-славянскому [1]) и русскому языку, встрѣчаются лишь изрѣдка: въ углохъ стена*хъ* (2 Паралип. XXVI) = in angulis murorum, мраморъ паріов*а* (1 Паралип. XXIX) = marmor parium. Эти формы по преимуществу сербскія.

Если мы разсмотримъ словарный матеріалъ, мы въ немъ найдемъ цѣлый рядъ словъ или необычныхъ для церковно-славянскаго и русскаго языковъ, или употребленныхъ въ необычномъ для этихъ языковъ значеніи: *ковачь* = faber, *краты* = vices (*по кратихъ* 1 Парал. XXIII = per vices), *одножъ* = вмѣстѣ, unaque, *ловити* = insidiari, *лѣсъ* = ligna, *плѣнъ*, *плѣненіе* = praeda, *полкъ* = populus, *стая* = stabulum, *стѣна* = petra, *вѣзданъ* = praeditus, *наставляти* = imponere, *настояти* = urgere, и друг. Всѣ эти слова — сербскія: сравни сербск. *ковач*, *крат*, *једнош*, *лијес*, *пук*, *плијен*, *стаја*, *стијена*, *уздан*, *наставити*, *настојати*.

Наконецъ, въ синтаксисѣ мы можемъ отыскать одну интересную особенность. Это — употребленіе формы дат. пад. безъ предлога при глаголахъ движенія, на вопросъ куда: възратися *дому* ахавлю (2 Парал. XXII) = everteret domum Achab; внидоша *дому* Валъ (2 Парал. XXIII) = ingressus est domum; обратися *Иерусалиму* (1 Паралип. XXI) = reversus est Ierusalem; снидоша *камени* (1 Парал. XI) = descenderunt ad petram и т. п. Эта особенность — спеціально сербская [2]).

Приведенныя данныя, при полномъ отсутствіи полонизмовъ и чехизмовъ, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что Веніаминъ былъ хорватъ-глаголяшъ изъ приморской Хорватіи, хорошо знакомый съ церковно-славянскимъ языкомъ по своимъ церков-

---

1) Подъ церковно-славянскимъ языкомъ мы разумѣемъ здѣсь языкъ русскихъ богослужебныхъ книгъ XV—XVI вѣка.

2) Мы пользуемся Погодинскимъ спискомъ № 84, начала XVI вѣка.

нымъ книгамъ и, какъ католикъ, владѣвшій и латинскимъ языкомъ [1]).

Зачѣмъ попалъ онъ въ Россію, мы не можемъ даже догадываться. Но относительно пути его къ намъ возможно сдѣлать предположеніе.

Чешскій король и германскій императоръ Карлъ, большой славянскій патріотъ, съ разрѣшенія папы, основалъ въ 1347 г. въ Прагѣ особый монастырь для отправленія въ немъ службы на славянскомъ языкѣ. Онъ былъ отданъ хорватскимъ монахамъ бенедиктинцамъ, нарочно вызваннымъ съ юга. Въ 1372 году храмъ этого монастыря былъ освященъ и богослуженіе было совершено по хорватскимъ глаголическимъ книгамъ.

Вслѣдъ за Карломъ, въ 1390 г. Ягелло съ Ядвигою, также съ папскаго дозволенія, основали славянскій монастырь въ Краковѣ и помѣстили въ немъ тѣхъ же хорватовъ-глаголяшей, взятыхъ изъ пражскаго славянскаго монастыря.

Мы не знаемъ, сколько времени существовали эти два славянскіе монастыря и что въ нихъ дѣлалось. Можемъ указать лишь то, что въ краковскомъ монастырѣ еще около 1470 г. раздавалось славянское богослуженіе, хотя во главѣ его стоялъ священникъ латынникъ.

Нашъ Веніаминъ (хотя и доминиканецъ) могъ быть однимъ изъ тѣхъ хорватовъ-глаголяшей, которые перебрались изъ родной Хорватіи сначала въ Прагу, потомъ въ Краковъ; въ послѣднемъ городѣ онъ могъ рѣшиться попытать счастья въ мало кому тогда извѣстной Россіи.

Замѣтимъ кстати, что съ хорватами-глаголяшами, переселившимися на сѣверъ, можетъ быть связано еще два произведенія. Это — старо-бѣлорусскія повѣсти 1) о Тристанѣ и Изольдѣ и 2) о Бовѣ, изъ которыхъ первая въ заглавіи имѣетъ указаніе какъ на источникъ на «книги сэрбъскія» [2]) и которыя обѣ — судя по

---

1) Срв. мнѣніе *Первольфа*, Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи, II, 573, основанное на другихъ данныхъ.

2) Изданы *акад. Веселовскимъ* въ трудѣ: «Изъ исторіи повѣсти и романа»,

малочисленности сербизмовъ и обилію полонизмовъ — сначала были переведены на польскій языкъ и потомъ уже съ него на русскій.

вып. II, Спб. 1888 г. Укажемъ кстати еще на два произведенія. Въ описи книгъ Львовскаго Братства 1601 г. значится «Космографія *сербская* великая» (*Голубевъ*, Петръ Могила, I, прилож. стр. 169). Мартинъ Бѣльскій, какъ онъ самъ сообщаетъ въ Kronika swiata (XVI в.), видѣлъ старую польскую библію, въ которой половина словъ были *сербскія* или болгарскія (*Małecki*, Biblia kr. Zofii, предисловіе, XXX).

III.

Мелкіе переводы Максима Грека.

Кажется, ни одинъ писатель древней Россіи не пользовался при жизни такимъ уваженіемъ и значеніемъ, какъ Максимъ Грекъ. Онъ былъ дважды осужденъ соборомъ московскихъ святителей, какъ еретикъ, былъ лишенъ причащенія, былъ заточенъ; но авторитетъ его не уменьшился въ глазахъ современниковъ. Никто изъ послѣднихъ не рѣшился выступить противъ собора, и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ считали Максима «новымъ исповѣдникомъ», столпомъ православія и «страдальцемъ за истину». Неизвѣстный авторъ статьи, посвященной Максиму тотчасъ по его смерти, какъ-бы некролога, заключилъ свой трудъ удостовѣреніемъ, что Максимъ—«мужъ истинно-благочестивъ и ни единаго въ немъ порока еретическа нѣтъ». Потомство уже совсѣмъ забыло соборное осужденіе Максима, и авторитетъ его какъ писателя еще болѣе возвысился. «Максимъ Грекъ, писалъ въ началѣ XVII вѣка троицкій монахъ Арсеній Глухой, — инокъ благочестивъ и премудръ былъ и словеснаго любомудрія зѣло преисполненъ, священныя же философіи до конца навыклъ, ибо святая божественная писанія его явѣ свидѣтельствуютъ о немъ и о премудрости и о разумѣ его и смыслѣ» (Синодальн. Библ. № 416, л. 328).

Понятно, сочиненія и переводы Максима дошли до насъ во множествѣ списковъ, изъ которыхъ нѣкоторые ему современны

или почти современны. Толковая Псалтырь дошла до насъ въ спискахъ 1520 года (Хлудова), 1549 года (Академіи Наукъ), 1550—1551 годовъ (Е. Е. Егорова), 1555—1560 годовъ (Троицкой Лавры); Бесѣды Іоанна Златоуста на Евангеліе отъ Іоанна—въ спискѣ 1545 года (Нов. Іерусалимъ); собраніе переводовъ и словъ—въ спискѣ принадлежавшемъ митрополиту Іоасафу, до 1553 года (Московской Духовной Академіи) и въ спискѣ 1563 года (одна часть — Хлудова, другая — Моск. Румянцевскаго Музея); нѣсколько переводовъ и словъ вошло въ составъ Миней митрополита Макарія. Современники благоговѣйно сохранили даже ничтожныя и по величинѣ, и по содержанію записочки Максима.

Принято думать, что Максимъ прибылъ въ Москву съ Аѳона безъ знанія славянскаго языка и что онъ научился этому языку уже въ Россіи. Дѣйствительно, игуменъ Ватопедскаго монастыря, отправляя Максима къ великому князю Василію Ивановичу, рекомендовалъ его какъ знающаго хорошо только греческій и латинскій языки, но могущаго скоро научиться и русскому. Дѣйствительно, поселившись въ Москвѣ, Максимъ работалъ надъ переводами при помощи толмачей Дмитрія Герасимова и Власія такимъ образомъ, что онъ переводилъ имъ греческій текстъ на латинскій языкъ, а они въ свою очередь переводили его латинскій переводъ по-славянски[1]); можетъ быть (говоримъ на основаніи особенностей языка), часть его оригинальныхъ сочиненій перваго періода его дѣятельности въ Россіи (до 1525 года) была написана имъ на латинскомъ языкѣ и переведена на славянскій языкъ названными толмачами или кѣмъ-либо другимъ[2]). Но

1) Слѣды латинскаго посредства иногда замѣтны; напр., въ статейкѣ изъ Свиды о Велизаріи мы читаемъ: *отъ* архистратиг*а*, еже по-руски воевода (Уваров. № 251, л. 310; срв. Соч. III, 238), въ значеніи: *объ* а-гѣ=лат. de a-go.

2) Расположеніе словъ въ предложеніи (глаголы-сказуемыя въ концѣ); частое употребленіе оборота винительный съ неопредѣленнымъ (напр.: бѣ тогда видѣти зрѣніе—христоборцевъ вѣрнымъ нападающихъ, вѣрныхъ же.... жегомыхъ, дѣт*и* и дѣв*ы* дерза*ти* на муки, Соч. I, 49; мед*а* глаголютъ силу имѣти,

представляется страннымъ, какъ могъ игуменъ Ватопедскаго монастыря, на просьбу великаго князя прислать свѣдущаго старца для перевода книгъ съ греческаго на славянскій языкъ,— отвѣтить отправленіемъ человѣка совершенно не знавшаго по-славянски. Также неясно, какъ могъ рѣшиться Максимъ взяться за такое отвѣтственное дѣло, какъ исправленіе Тріоди, безъ достаточнаго пониманія ея славянскаго текста, на основаніи лишь указаній толмачей. Наконецъ, что можетъ значить похвала ему его ученика Сильвана, всего черезъ нѣсколько лѣтъ по прибытіи его въ Москву,—между прочимъ за знаніе русскаго языка?[1]).

Дошедшій до насъ автографъ Максима даетъ на это достаточный отвѣтъ. Это — Псалтырь, написанная Максимомъ въ 1540 году, во время невольнаго жительства его въ Твери, для іеродіакона Веніамина, принадлежавшая потомъ извѣстному попу Сильвестру и теперь хранящаяся въ библіотекѣ С.-Петербургской Духовной Академіи Соф. № 78. Она написана по-гречески; лишь оглавленіе псалмовъ, небольшое число замѣтокъ (глоссъ) на поляхъ и нѣсколько церковныхъ пѣсней послѣ псалмовъ написаны по-славянски[2]). Само собою разумѣется, эти немногія славянскія строки для насъ во много разъ интереснѣе его обширнаго греческаго текста.

Въ нихъ виденъ человѣкъ достаточно знакомый съ славянскимъ письмомъ и языкомъ, но не тѣми, которыми пользовались въ Москвѣ въ XVI вѣкѣ, а до нѣкоторой степени отличными отъ послѣднихъ въ разныхъ отношеніяхъ славянскимъ письмомъ

Соч. I, 235); употребленіе падежей, согласное съ латинскимъ, а не со славянскимъ или греческимъ (напр.: аще кто желаетъ и освященію высочайшу богословныхъ ученій, Соч. I, 8; срв. лат. studere съ дат.); мелочи, находящія объясненіе только изъ латинскаго яз. (напр.: понеже іудеи разоришася отъ римлянъ и *расточени* по странамъ, Соч. I, 55; срв. лат. формы сложнаго перфекта съ двумя причастіями и однимъ sunt; и сего Бога — о Духѣ Св. — во всѣ*хъ* равносильна и единосущна Отцу и Сыну, Соч. I, 269; срв. лат. in omnibus).

По нашему мнѣнію, несомнѣнно написано Максимомъ на латинскомъ яз. посланіе къ в. кн. Василію (Соч. II, № 25).

1) Изслѣдованія по русскому языку, I, 628.

2) Описаніе ея сдѣлано А. С. Родосскимъ въ *Христ. Чтеніи* 1882 г., № 9—10.

и языкомъ тогдашнихъ болгаръ. Форма славянскихъ буквъ у Максима та же, что и у болгаръ; употребленіе ж, тамъ, гдѣ эта буква имѣется, — такое же, какъ у болгаръ; буквы ъ и ь ставятся имъ нерѣдко, первая — въ серединѣ, вторая — въ концѣ словъ, такъ же, какъ ставили ихъ болгары. Форма род. п. мн. ч. на *хъ*, находящаяся и въ автографѣ Максима (у еврѣе*хъ*), и въ спискахъ его сочиненій (противу іудее*хъ* и еллине*хъ*, Соч. I, 8; отъ мужей италіяне*хъ*, I, 77; многочисленыхъ израильтяне*хъ* люде*хъ* преведъ, I, 81; предбывшыхъ у него ученни*хъ* ниже похулилъ... есть, отъ христіанѣ*хъ*, I, 86; отъ учителе*хъ*, I, 378; у израильте*хъ*, I, 380; отъ догматѣ*хъ*, III, 178), вполнѣ объясняется изъ средне-болгарскаго языка [1]). Можно указать на слово *егова*, изрѣдка встрѣчающееся въ трудахъ Максима (Соч. II, 437), несомнѣнно, болгарское. Очевидно, до пріѣзда въ Москву Максиму приходилось и читать, и писать по-славянски, подъ руководствомъ болгаръ. Не будетъ смѣлымъ думать, что живя на Аѳонѣ, онъ порядочно владѣлъ славянскимъ языкомъ, употреблявшимся у болгаръ [2]).

Надо полагать, что Максимъ, увидавъ, по прибытіи въ Москву, разницу между славянскимъ языкомъ Москвы и славянскимъ языкомъ Болгаріи, не призналъ для себя возможнымъ пользоваться этимъ послѣднимъ и переводить на него греческія книги. Онъ предоставилъ славянскій текстъ переводовъ (а отчасти и своихъ оригинальныхъ произведеній) заботамъ сперва толмачей, потомъ своего ученика Сильвана; впрочемъ, онъ, повидимому, просматривалъ ихъ труды и иногда даже поправлялъ [3]).

1) Нахожденіе этой формы въ предисловіи къ собранію словъ Максима (Соч. I, 7—10) и въ замѣткѣ о родинѣ и родителяхъ Максима показываетъ, что эти произведенія написаны Максимомъ.

Въ «Лексисѣ», «преводѣ Максима Грека», помѣщаемомъ въ Азбуковникахъ, мы читаемъ форму 1 л. мн. ч. наст. вр. *будимо*, 3 л. мн. аориста *бихху*, будущаго *бити мя хотятъ* (Публ. Библ. Погод. № 1145, л. 10).

2) Указанія И. В. Ягича («Изслѣдованія по р. яз.», I, 587—588) даютъ основаніе думать, что Максимъ былъ хорошо знакомъ съ южно-славянскими богослужебными текстами.

3) Къ сожалѣнію, языкъ Толковой Псалтыри и другихъ крупныхъ переводныхъ трудовъ Максима остается совершенно не изслѣдованнымъ.

Лишь тогда Максимъ рѣшился писать по-славянски, когда прожилъ нѣкоторое время въ Москвѣ и поосвоился съ ея литературнымъ языкомъ. Но онъ никогда не могъ овладѣть послѣднимъ вполнѣ [1]), и языкъ даже позднѣйшихъ его трудовъ отличается своеобразными словами, необычными синтаксическими сочетаніями, получающими наилучшее объясненіе то изъ греческаго [2]), то изъ латинскаго, то изъ болгарскаго языка, и тяжелою конструкціею фразы.

Максимъ Грекъ, живя въ Москвѣ, располагалъ довольно значительною греческою библіотекою. Онъ пользовался греческою библіотекою московскихъ государей [3]); у него было нѣкоторое количество собственныхъ книгъ [4]). Онъ могъ имѣть въ рукахъ, между прочимъ, разнообразныя сочиненія Іоанна Златоуста, Василія Великаго, Григорія Богослова, Θеодорита Кирскаго, Іосифа Флавія, минеи Симеона Метафраста, «Церковную исторію» Никифора Каллиста, Номоканонъ съ толкованіемъ Вальсамона, «Библіотеку» Фотія (Соч. II, 307), пророчества сивиллъ (Соч. I, 114—115; III, 281), «Лексиконъ» Свиды [5]). Сверхъ того, Максимъ, повидимому, зналъ наизусть нѣкоторое количество греческихъ стиховъ и изъ нихъ кое-что перевелъ [6]).

1) Максимъ, между прочимъ, не могъ справиться съ употребленіемъ формъ вин. п. мн. (древнихъ на и, а, мя и т. д.) и новыхъ, тожественныхъ съ формами род. п. Обыкновенно и тѣ, и другія у него рядомъ: не призывати ни богатыя сосѣды, ни сродники своя, ни другомъ, но слѣпыхъ, сухихъ, хромыхъ, убогыхъ и нищетствующая всяко мнѣ ублажающу рачителей миру и сыны Божія сихъ нарицающу (Соч. II, 268, 269).

2) Отмѣтимъ употребленіе дат. п. личнаго мѣстоименія при страдательныхъ формахъ глагола, очень частое у Максима и потому важное для опредѣленія его переводовъ и сочиненій. Напр.: презрѣно бысть ми=мною не досмотрѣно. Соч. I, 37; рече ми ся, I, 51, 54.

3) О ней см. нашу статью по поводу книги С. А. Бѣлокурова — въ *Вѣстникѣ Археологіи и Истор.*, вып. XIII.

4) Онъ пишетъ кн. П. Шуйскому: «Отдалите ми яже со мною оттуда съ Аѳона принесенія здѣ (=сюда) книги греческія». Соч. II, 419.

5) Эта книга могла быть у Максима въ печатныхъ изданіяхъ, или въ миланскомъ 1499 г., или въ венеціанскомъ Альда 1514 г.

6) Между сочиненіями Максима напечатаны: II, 450 похвальное слово

Особенное вниманіе было обращено Максимомъ на труды Симеона Метафраста. Они въ Россіи его времени были очень мало извѣстны. Обращавшіяся среди русскихъ и южно-славянскихъ читателей житія святыхъ были переведены на славянскомъ югѣ въ глубокой древности, когда у грековъ были еще распространены Четьи Минеи до-метафрастовской редакціи. Между тѣмъ греки XV—XVI вв. пользовались почти исключительно житіями и похвальными словами въ обработкѣ Метафраста и цѣнили ихъ высоко.

Отсюда между мелкими переводами Максима[1]) особенно много житій и словъ *Метафраста*. Мы знаемъ слѣдующія.

Мученіе святаго *Діонисіа Ареопагита*, списано блаженнымъ Сѵмеономъ Метафрастомъ. Преведеся изъ греческіа книгы Максимомъ инокомъ.

Начало: Древле убо въ образѣхъ бѣша и гаданіихъ, вѣры...

Находится, между прочимъ, въ Макарьевскихъ Минеяхъ подъ 3 октября (издано). Отрывокъ — въ сборникѣ м-та Даніила начала XVI в. Іосиф. № 134, л. 453.

Греческій оригиналъ изданъ у *Migne*'я, Patr. gr., IV, 589. Срв. *Горскій и Невоструевъ*, II, 3, 145.

Слово Симеона Метафраста о чюдеси святаго *Михаила Архистратига*, иже въ Хонехъ. Преведеся Максимомъ. Глава 34[2]).

«нѣкоему пречудному древнему мученику, егоже имя невѣдомо». Оригиналъ, судя по всему, — греческое стихотвореніе, однородное со стихотвореніями въ честь Іоанна Тревеликаго, Өомаиды и Потаміи (Соч. II, 447—449); но Максимъ забылъ имя воспѣваемаго въ немъ святаго. — Переводъ «Строкъ» (=стиховъ) Максима, «како подобаетъ входити во св. Божія храмы» (Соч. III, 288, 289), въ Хлудовскомъ сборникѣ сочиненій Максима 1563 г. № 73 озаглавленъ такъ: «Строкы 16 сложены мѣрою иройскою (=гекзаметръ) и елегійскою (= пентаметръ), а толкуетъ въ нихъ, како подобаетъ входити во св. храмы Божія» (глава 46).

1) О крупныхъ см. въ словаряхъ м-та Евгенія и Строева, въ «Обзорѣ» архіеп. Филарета, въ «Исторіи р. церкви» м-та Макарія, въ монографіи В. С. Иконникова и т. п.

2) Интересно бы знать, что означаетъ эта ссылка на главу.

Начало: И еже о иныхъ святыхъ повѣдати и въ память пріимати.....

Епифаній Славинецкій въ «Оглавленіи книгъ» называетъ это произведеніе «похвальнымъ словомъ». Находится, между прочимъ, въ Макар. Минеяхъ подъ 6 сентября (издано). Греческаго текста у *Migne*'я нѣтъ.

Слово воспоминательно о светомъ *апостоле Фомѣ*. Списанно убо блаженнымъ Симиономъ Метофрастомъ.

Начало: Древле убо на земьли житие совершающе апостоли и поднебесную обьтекающе нечестиемъ порабощеннымъ свобожение проповѣдаша....

Находится въ западно-русскомъ сборникѣ XVI вѣка, принадлежавшемъ Кутеинскому монастырю, а теперь находящемся въ Синод. Библ. № 219, лл. 545—550 [1]). Въ оглавленіи этого сборника указано, что переводъ сдѣланъ Максимомъ Грекомъ.

Этотъ текстъ находится также въ Іосифовскомъ (М. Дух. Ак.) сборникѣ № 214, лл. 133—139, написанномъ въ Іосифовомъ монастырѣ въ 1537 году, въ Іосиф. сборникѣ № 133, л. 52, до 1571 года, и въ Троицкомъ сборникѣ № 783, лл. 168—173, XVI вѣка. Въ послѣднемъ, между заглавіемъ и текстомъ, написано и зачеркнуто: Преведеся изъ греческія книги Максимомъ Грекомъ, инокомъ святогорьскимъ.

Греческій оригиналъ до насъ не дошелъ. Латинскій переводъ — у *Migne*'я, т. CXVI, 559. Срв. *Горскій и Невоструевъ*, II, 3, 145.

Мученіе святаго великого *мученика Никиты*, отъ самого Симиона Метофраста.

---

1) Этотъ сборникъ, заключающій въ себѣ по преимуществу произведенія Метафраста въ переводѣ Курбскаго и его друзей, съ предисловіемъ Курбскаго, описанъ проф. Владимировымъ въ *Трудахъ* IX-го Археологич. Съѣзда, въ Вильнѣ, II, стр. 308. Въ оглавленіи, л. 1, послѣ главы 73, замѣтка: «Си словеса прежде насъ преведены отъ *Максима* Философа, новаго исповѣдника и страдальца».

Начало: Побѣдительныхъ подвиговъ мученика Никиты торжествуемъ днесь, и егоже връховный апостолъ Петръ наказалъ...

Находится въ томъ же Синод. сборникѣ № 219, лл. 557—561. Заглавіе взято изъ оглавленія этого сборника, гдѣ указано, что переводъ сдѣланъ Максимомъ Грекомъ. Находится также въ Макар. Минеяхъ, подъ 15 сентября (издано).

Греческій текстъ — у *Migne*'я, т. CXV, 704.

Пѣснь на *успеніе* Пресвятыа *Богородица*.

Начало: Пѣти усердствуя Богородици пространнѣ царствующия, еже отъ земленыхъ нѣдръ восхожение на воздусѣ въспомяну...

Находится въ томъ же Синод. сборникѣ № 219, лл. 551—554, а также въ Іосиф. № 133, л. 62, до 1571 г. Въ оглавленіи Синод. сборника указано, что оригиналъ принадлежитъ Симеону Метафрасту, а переводъ сдѣланъ Максимомъ Грекомъ. Въ Макарьевскихъ Минеяхъ подъ 15 августа этотъ текстъ озаглавленъ такъ: Пѣніе на всечестное успеніе Пресвятыя Владычица нашеа Богородица и Приснодѣвы Маріа. *Сложи* же *ся* Максимомъ инокомъ, иже *отъ* Ватопед*и* святогорск*ому*. Срв. *Горскій и Невоструевъ*, II, 2, 681.

Того же (= Симеона Метафраста) Слово на праздникъ святаго апостола евангелиста *Іоанна Богослова*.

Начало: Яко немного отъ ангелъ разликуетъ человѣкъ...

Находится въ вышеупомянутыхъ Іосиф. сборникахъ № 233, лл. 488—503, и № 133, л. 256, XVI вѣка, въ Синод. № 219, л. 271, и № 384, л. 245, въ Троицкомъ № 664, лл. 466—483 об., и др.

Греческій оригиналъ—у *Migne*'я, CXVI, 683. Срв. *Горскій и Невоструевъ*, II, 3, 140.

Отрывокъ изъ этого Слова встрѣчается отдѣльно:

Святаго Симеона Метафраста отъ слова въспоминательнаго еже о *Іоаннѣ Богословѣ*.

Начало: Глаголетъ бо ся, яко въ оно врѣмя вѣренъ нѣкій, довольна имѣнія преже и неоскудно имѣаше...

Находится въ вышеупомянутомъ Іосиф. сборникѣ № 214, лл. 73—75, 1537 года (*Migne*, стр. 697).

Метафрастово отъ Слова еже о *Богословѣ* Великаго Василія.

Начало: Доброта во истинну сильнаго мысленое и видимое его божество.... (отрывокъ).

Находится въ Макар. Минеяхъ подъ 31 августа, л. 1401 об.

Слово воспоминательно о житіи и скончаніи святаго апостола и евангелиста *Матѳѣа*. Списася блаженнымъ Симеономъ Метафрастомъ.

Начало: Еже убо данную намъ отъ создавъшаго насъ заповѣдь хранище блаженнымъ въ раи обитаніемъ....

Находится въ Іосиф. сборникѣ № 233, л. 482 об.

Въ Синод. сборникѣ № 219, л. 288, это слово—въ другомъ переводѣ: Воспоминаніе св. апостола и евангелиста Матѳѣя, изобретателемъ Симиономъ Метофрастомъ. Аще повелѣніе оное еже отъ сущаго....

Греческій текстъ — у *Migne*'я, CXV, 813.

Мученіе святаго священномученика Григорія великіа Арменіа.

Начало: Персидской державѣ въ парѳены преложившейся....

Находится въ Іосиф. сборникѣ № 214, л. 98, 1537 г. Епифаній Славинецкій зналъ списокъ съ указаніемъ на принадлежность этого произведенія Метафрасту («Оглавленіе книгъ», подъ Симеонъ Метафрастъ)[1]).

Греческій текстъ — у *Migne*'я, CXV, 944.

---

1) Въ Макар. Минеяхъ подъ 30 сентября этого Мученія нѣтъ.

Изъ другихъ отцовъ церкви Максимъ особенно охотно пользовался твореніями *Василія Великаго.* Мы видимъ переводы Максима въ слѣдующихъ статьяхъ:

Иже во святыхъ отца нашего Василіа Великаго, архіепископа Кесаріа Каппадокійскіа, толкованіе псалма 1-го. Бесѣда.

Начало: Зиждителіе убо величествомъ устроеный на высоту возводяще храмъ....

Слѣдуютъ толкованія псалмовъ 7, 14, 28, 29, 32, 33, 37, 44, 45, 48, 59, 61, 104, 105. Толкованіе псалма 14 имѣетъ двѣ «бесѣды»; изъ нихъ вторая носитъ заглавіе:

Того же отъ части 14 псалма. Бесѣда на лихву емлющихъ.

Начало: Вчера о 14 псалмѣ вамъ бесѣдующе постигнути къ концу слова отъ часа не повелѣнно бысть....

Мы знаемъ лишь одинъ списокъ — Синод. Библ. № 238, XVI в., подробно описанный *Горскимъ и Невоструевымъ* II, 1, 75. Всѣ эти толкованія, по нашему мнѣнію, переведены при участіи Максима. Сборникъ трудовъ Максима Общ. Др. Письм. О. CLXXVI, XVI в., описанный Лопаревымъ (III, 186), имѣетъ оглавленіе, гдѣ читается: «да Максимъ же переводилъ:.... *Великаго Василія* Слово на лихоимцевъ....»[1]).

Иже во святыхъ отца нашего Василіа Великаго Слово о еже не пригвоздитися въ житійскихъ. Переведено Максимомъ инокомъ Грекомъ.

Начало: Азъ убо непщевахъ, о возлюбленніи, зѣльнѣйши о семъ слово всегда принося...

Находится въ собраніяхъ трудовъ Максима Троицк. № 200, л. 424, XVII вѣка, и Увар. № 251, л. 377 об., 1795 г. (здѣсь безъ имени Максима); сверхъ того, въ Іосиф. сборникѣ № 133, л. 212.

---

1) Это указаніе не можетъ относиться къ Василія Вел. «Бесѣдѣ въ реченіе отъ Луки св. евангелія о еже разорю житницы моя и большая созижду, и о лихоимствѣ» (Макар. Мин. подъ 1 янв. и др.), такъ какъ эта «Бесѣда» извѣстна въ спискахъ XV в. (Толст. I, № 144).

Слово Великаго Василія о дѣвствѣ отчасти и о иноческомъ житіи и чинѣ.

Начало: Человѣкъ по образу Божію и по подобію бысть, грѣхъ же красоту образа неключиму сотворилъ есть...

Находится между трудами Максима въ Іосиф. сборникѣ № 133, л. 236 об.

Того же о святѣмъ мученицѣ Варлаамѣ.

Начало: Первѣе убо святыхъ смерти плачми украшахуся и слезами...

Находится въ томъ же Іосиф. сборникѣ № 133, л. 223 об. Въ собраніи сочиненій Максима Грека Увар. № 251, л. 310, 1795 г., послѣ заглавія читается: Преведено Максимомъ инокомъ Грекомъ.

Святаго отца нашего Василіа, архіепископа Кесаріи Кападокіе, реченіе.

Начало: И аще свѣтлы суть оныа постановленіа законъ, ихъже царіе ко управленію общіе своеа вещи покоривши.... (похвала воинамъ).

Находится въ собраніяхъ трудовъ Максима Троицк. № 200, л. 431, № 201, л. 276, Соловъ. № 310, л. 636, Увар. № 251, л. 385.

Другіе греческіе авторы пользовались вниманіемъ Максима уже въ меньшей степени. Мы можемъ указать:

Слово *Григорія Богослова* на несытное чрево и безчисленыхъ виновно иночествующимъ. Къ Филагрію отвѣтно.

Начало: О чрево безстудно и николиже насыщаемо...

Находится въ собраніяхъ трудовъ Максима Румянц. Муз. Унд. № 338, л. 175 об., XVIII в. (отсюда заглавіе), и др.; издано (безъ имени Григорія) въ Соч. II, 153[1]). Греческаго оригинала между письмами Григорія къ Филагрію мы не нашли.

---

1) Это слово надо отличать отъ другого слова Григорія «Къ Филагрію отвѣтно», которое находится между прочимъ въ Макар. Минеяхъ подъ 25 ян-

Нравоученіе *Златоустаго* отъ бесѣды 1-я еврейскаго посланіа о латынехъ, зѣло полезно.

Начало: Не всѣ убо возлагайте на учители, а не всѣхъ подавайте....

Нравоученіе отъ бесѣды 8-я еврейскаго посланіа.

Начало: И мы да научаемся того, ни аще бы услышали...

Нравоученіе отъ бесѣды 29 еврейскаго посланіа.

Начало: Ученіа ли убо есть учасництво святыни зѣло...

Всѣ три отрывка находятся въ собраніяхъ трудовъ Максима Троицк. №№ 200 и 201 и Увар. № 251 [1]).

Кирила, архіепископа *александрьскаго*, Слово о исходѣ души отъ тѣла, о второмъ пришествіи. Преведено отъ греческаго языка на русскій Максимомъ инокомъ Грекомъ въ лѣтѣ 50-мъ осмыя тысящи (=1542).

Начало: Боюся смерти, яко горька ми есть; боюся геены, зане безконечна есть; боюся тартара...

Іоанна Златоустаго о исходѣ души отъ тѣла.

Начало: Попечемся, братіе, умомъ о томъ часѣ, пріити бо имать яко пламень паля, да не забываимся умомъ.....

Списковъ этихъ двухъ статей, переведенныхъ, очевидно, вмѣстѣ, — очень много. Можемъ отмѣтить Макар. Минеи подъ

варя (л. 1141) и которое переведено гораздо раньше XVI в. (оно—въ сербскомъ сборникѣ 1421 г. *Русскій Филологич. Вѣстн.* 1881 г., № 2, стр. 149).

Похвалы Адаму, Григорія Богослова, упоминаемой въ числѣ переводовъ Максима въ сборникѣ Общ. Др. Пис. (см. выше, стр. 269), мы не знаемъ.

1) Вмѣстѣ съ толкованіями на псалмы Василія Велик. въ Синод. сборникѣ № 238 (о немъ см. выше, стр. 269) находится рядъ толкованій на псалмы Іоанна Златоустаго, какъ будто того же перевода. Срв. Троицк. № 180, л. 356, и № 733, л. 333, XV в.

Двѣ статейки: 1) Блаженнаго Іоанна Златоустаго о приносимѣй фиміанѣ или фиміамѣ толкъ. Да ся исправитъ молитва моя яко фиміамо предъ тобою, съ начальными словами: Якоже фиміама она, рече, отъ многихъ ароматъ слагаема; 2) О томъ же, Великаго Василія, находящіяся въ собраніяхъ трудовъ Максима (Хлуд. № 74, Тр. № 200, Солов. № 310), — судя по всему, переведены Максимомъ.

13 ноября (л. 740 об.) и печ. Соборникъ, М. 1647, статья 7-я. Мы пользуемся спискомъ Публ. Библ. Q. I, 219, л. 345, XVII в. Въ Троицкомъ сборникѣ № 201, л. 491, заглавіе перваго слова таково: Сіе слово нѣсть мое, но *Кирилла Іерусалимскаго*[1]).

Святаго *Максима Исповѣдника*.

Начало: Нѣсть согрѣшающему избѣжати будущаго суда безъ вольныхъ здѣ трудовъ...

Находится въ собраніяхъ трудовъ Максима Троицк. № 201, л. 292 об., Общ. Др. Письм. № 1291, XVIII в., л. 348, и др.

Констянтина Порфирогенита, о Хрістѣ царя греческаго, Повѣсть, отъ различныхъ собрана исторій, о посланнѣмъ къ Авгарю нерукотворенномъ и божественномъ образѣ Хріста Бога нашего, и како отъ Едеса прѣнесеся къ всеблагоденьствующему сему и царьствующему во градѣхъ Константиню граду.

Начало: Не убо единъ самъ непостижимъ съприсносущный Отцу Богъ Слово...

Находится въ Макар. Минеяхъ подъ 16 августа, въ Іосиф. сборникахъ № 132, л. 295, и № 233, л. 504, и др., а также въ печатномъ московскомъ Соборникѣ 1642 г. Издана *Порфирьевымъ* въ его «Апокрифическихъ сказаніяхъ о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ», стр. 65, 253. *Строевъ*, 205, указываетъ списокъ, гдѣ, послѣ заглавія, читается: Переведе же ся изъ греческіа книгы Максимомъ Грекомъ, святогорскимъ инокомъ.

Описаніе божественныя Христовы плоти и совершеннаго возраста его сицево бысть.

---

1) Слово Кирилла Александрійскаго объ умиленіи души, упоминаемое въ числѣ переводовъ Максима въ сборникѣ Общ. Др. Письм. (см. выше, стр. 269), намъ извѣстно, безъ имени автора, въ другомъ сборникѣ Общества Др. Письм. Q. CLXXVII, л. 4, XVIII в. (начало: Возведите очи свои на небо и ужаснитеся...).

Начало: Бяше же лицемъ красенъ зѣло, якоже пророкъ рече...

Въ концѣ: Сіе написа Максимъ Грекъ, Святыя Горы инокъ, обители Ватопедскія.

Находится 1) въ Хронографѣ 2-й редакціи и по одному изъ его списковъ издано *Поповымъ* въ его «Обзорѣ хронографовъ», II, 82—83; 2) въ Лицевомъ Подлинникѣ и по одному изъ его списковъ издано *Буслаевымъ* въ «Сборникѣ на 1866 годъ» Общества Древне-русскаго Искусства, стр. 49. По Буслаеву, это—отрывокъ изъ «Церковной исторіи» *Никифора Каллиста*[1]).

Іосипа Іюдеанина Слово о томъ, яко благочестивый помыслъ самодержецъ есть страстемъ, и сіе являетъ отъ вышеестьственнаго терпѣнія, еже ко горчайшимъ мукамъ Маккавѣ*охъ*, мученыхъ бывшихъ Антіохомъ.

Начало: Философское слово повѣдати хотя, аще убо самовластенъ есть страстемъ благочестивый помыслъ...

Находится въ собраніяхъ трудовъ Максима Грека Синодальномъ № 491, л. 602 об., Троицк. № 201, л. 112 об., и др.

По Горскому и Невоструеву, II, 2, 573, это—4-я книга Маккавейская, съ опущеніемъ нѣсколькихъ главъ, а по «Описанію рукописей Соловецкаго монастыря», I, стр. 489,—пересказъ Слова Іосифа Флавія о Маккавеяхъ; послѣднее вѣрнѣе[2]).

Сказаніе о раздѣленіи Персидскія державы и о звѣздочетіи, яко почитаяй ея самъ погибаетъ, сана и живота лишается, нынѣшняго и будущаго, и своимъ сродникомъ и инымъ многимъ кровопролитіемъ виновенъ бываетъ.

---

1) Другіе отрывки изъ этого сочиненія («Повѣсть о вечеряхъ Христовыхъ», см. выше стр. 21; «Отъ Повѣсти св. Никифора Калиста. Глаголеться нарда пистикія...» и др.) — переведены, вѣроятно, въ Болгаріи въ XIV в.

2) Курбскій передъ бѣгствомъ въ Литву имѣлъ въ Юрьевѣ «Слово Іосифа Евреина о Макавѣехъ .... и иныя многія словеса Максима Философа». *Бычковъ*, Описаніе рукописн. сборниковъ Имп. Публичн. Библ., 56.

Начало: Персидской державѣ въ парѳянехъ раздрѣшившейся и парѳьскому начальству въ толику силу возшедшу, яко не токмо персы владѣти....

Мы знаемъ лишь одинъ списокъ — Публ. Библ. Q. I. 225, лл. 483—490, XVII вѣка (=Толст. II, № 402), между сочиненіями Максима. Сказаніе говоритъ о возстаніи Артасира противъ парѳянскаго царя Артавана и направлено противъ вѣры въ астрологію. Переводъ, судя по языку, принадлежитъ Максиму: поучится возстанію на своего владыки (=покусится—владыку), область возвѣздозрительную, женѣ въ шатрѣ соспя, обычна была плотскимъ смѣшеніемъ нѣкоему, проситъ сообщительницу (=сожительницу) имѣти ея въ животъ, мняся бѣжати отъ царя (=дѣлая видъ), разскѣпивъ щитъ того, много ратоваше (=воевалъ).

Въ концѣ ссылка на житіе Григорія Арменскаго (срв. выше, стр. 268).

Чюдо предивно, како сдѣяся въ Египтѣ святымъ патріархомъ александрьскымъ Іоакимомъ *въ нынѣшнихъ временехъ* силою честнаго и животворящаго креста Господа нашего І. Христа.

Нач.: Неправдуя явлюся, аще утаю отъ твоея любви предивно нѣкое новоявленіе....

Находится въ Іосифовскихъ сборникахъ № 186, л. 389 об., и № 155, л. 95, XVI в. (здѣсь безъ заглавія).

Въ оглавленіи сборника трудовъ Максима Общества Др. Письм. О. CLXXVI (о немъ см. стр. 269, прим.) мы читаемъ: «Слово на звѣздочетцы, отъ пѣсни Анны пророчицы; *Повѣсть чюдо о Іакимѣ патреарсѣ александрстемъ*; да *Максимъ* же переводилъ»....

Разсказъ о томъ, какъ патріархъ Іоакимъ (1486—1565 гг.) въ состязаніи съ евреемъ о вѣрѣ выпилъ ядъ и остался невредимъ,—сталъ извѣстенъ въ Москвѣ до 1559 г., подъ которымъ упомянуто о чудѣ въ Степенной книгѣ (II, стр. 287) и къ которому относится грамота Ивана Грознаго къ Іоакиму, отправлен-

ная съ купцемъ Вас. Позняковымъ (Степ. кн. II, 293) и намекающая на чудо.

Одна изъ многочисленныхъ редакцій греческой повѣсти о чудѣ издана въ книгѣ: «Востокъ христіанскій. Александрійская патріархія», еп. *Порфирія*, т. I, стр. 16; другая указана И. И. Соколовымъ въ *Журн. Мин. Н. Пр.* 1900 г., № 5, стр. 140. См. еще *Малышевскій*, Александр. патр. Мелетій Пигасъ, К. 1872, I, 163.

Другой, довольно обычный въ русскихъ сборникахъ XVI и XVII вв. разсказъ о томъ же чудѣ, съ разными заглавіями и начальными словами: Бѣ нѣкій царь черкасскій въ Египтѣ, именемъ Гаврило... (Румянц. Муз. Унд. № 1079, л. 75 об.),— извлеченіе изъ Путешествія Трифона Коробейникова.

Строкы (=стихи) *сивилы* пророчицы о второмъ преславномъ пришествіи Спаса Христа и о страшнѣмъ судѣ, ихъже краеграніе сицево есть.... Начало: Ізпотѣетъ бо земля...

А сіи строки тоя же сивиллы о страстехъ Спасовыхъ. Начало: Въ рукахъ же беззаконныхъ...

Сивилла же была до воплощенія Спасова за 1000 лѣтъ, родомъ евреанина....

Находятся въ собраніяхъ трудовъ Максима Общ. Др. Письм. О. CLXXVI, л. 44, Соловецкаго монастыря № 307, л. 764, и Троицк. Лавры № 201, л. 589 (здѣсь лишь вторая часть); изданы Лопаревымъ (Описаніе рукописей И. Общ. Люб. Др. П., III, 188—190). Срв. Сказаніе о сивиллахъ, составленное Максимомъ (Соч. III, 281), и Слово на агарянскую прелесть (Соч. I, 114), къ которому «Строки» должны, повидимому, служить приложеніемъ. Зиновій Отенскій въ «Истины показаніи», по печ. изд. стр. 743, ссылается на пророчества «іудеяныни сивиллы», т. е. на «Строки».

Статьи изъ Лексикона *Свиды*:

Епистолие Анастасіи мученици къ Хрѵсогону исповѣднику.

Начало: Святому исповѣднику Христову Анастасіа радова-

тися. Аще и зѣло мой отецъ идоломъ поклоняшеся, но убо мати моя Флавіа...

Далѣе: 1) отвѣтъ Хрисогона («Хрѵсогонъ приемъ епистоліе противу написа сице»...), 2) вторая епистолія Анастасіи и 3) отвѣтъ Хрисогона («Къ симъ Хрѵсогонъ противу писалъ сице»....).

Находятся въ сборникѣ Публ. Библ. Q. I. 219 (= Толст. II, 241), л. 538, первой половины XVII в., между переводами Максима Грека.

Синодальный сборникъ № 219, л. 462 (о которомъ см. выше), имѣетъ эти епистолія (вмѣстѣ съ мученіемъ Анастасіи, Метафраста) въ другомъ переводѣ.

Греческій текстъ—у Свиды (II, 1684—1688)[1]).

а) Сказаніе о Оригенѣ. Начало: Оригенъ, иже и Адамантей наречеся.... (греч. II, 1270);

б) Сказаніе о Іовѣ, изъ *Суіды*. Нач.: Іовъ великый въ истину онъ... (греч. I, 1031);

в) О Авраамѣ. Нач.: Авраамъ иже пръвый въ патріарсѣхъ, о немже... (греч. I, 23);

г) О Мельхіседецѣ, изъ *Суіды* же. Нач.: Мелхіседекъ, священникъ Бога вышняго, царь... (греч. II, 174)[3]);

д) Промиѳей. Яко при судіахъ іудейскыхъ у еллин*ехъ* познаваашеся Промиѳей...

е) Серухъ. Сѣй родословится отъ колѣна Іафетова, и отъ того Серуха почало идолослуженіе... (греч. II, 718);

ж) Давидъ, пророкъ и праотецъ Господа и Бога нашего І. Христа. Сій же, по еже царь бысть, идяше... (греч. I, 1179);

---

1) Въ Макар. Минеяхъ подъ 29 октября этихъ епистолій нѣтъ. Переводъ епистолій Димитрія Ростовскаго отличается отъ вышеупомянутыхъ.

2) Пользуемся изданіемъ Свиды (греч. и лат.) 1853 года.

3) Записка, при которой эти четыре статьи были посланы Максимомъ къ Василію Михайловичу (Тучкову), — у *Строева*, 205.

з) О Велисаріи воеводѣ. Велісарій стратигъ, сирѣчь воевода, бѣ бо тѣломъ предобръ и дороденъ... (греч. I, 978).

Эти статьи находятся въ собраніи трудовъ Максима Публ. Библ. Q. I. 219, л. 542 сл. (отсюда сдѣланы нами выписки) и во многихъ другихъ рукописяхъ XVI—XVII вв., съ разными заглавіями. Статья о Велизаріи издана въ Соч. III, 238.

Сборникъ Соловецкаго монастыря № 310, л. 693 об., XVII в., послѣ статей объ Оригенѣ, Іовѣ, Авраамѣ, Мелхиседекѣ и передъ статьей о Серухѣ, имѣетъ «повѣсти различны, преведошася отъ книги греческія глаголемыя *Суидасъ* Максимомъ, инокомъ святогорскимъ»: о врахманѣхъ, о болгарскомъ царѣ Кремѣ, о паденіи ангеловъ, и особо, л. 719 об., — о талантѣхъ. Изъ нихъ двѣ первыя и четвертая находятся въ Хлудовскомъ сборникѣ № 74, XVIII в.:

и) Повѣсть приведеся отъ книги глаголемыя *Суидасъ* Максимомъ инокомъ Грекомъ о рахманѣхъ. Нач.: Рахмане языкъ есть благочестивѣйшъ... (греч. I, 1040);

і) Ина повѣсть того же Максима. *Суидасъ* о Кремѣ, государѣ болгарстѣмъ. Нач.: Яко Кремъ, болгарскій государь, по плѣненіи аваровъ.... (греч. I, 1017);

к) Изъ книги глаголемыя *Суиды* о талантѣхъ. Нач.: Талантъ, якоже глаголетъ Діодоръ въ словѣ иже о мѣрехъ... (издано въ Соч. III, 283; греч. II, 1021).

Сверхъ того, статья о сивиллахъ (нач.: Сивила Халдея, яже и Еврея именуется... Соч. III, 281) въ первой своей половинѣ заимствована изъ Свиды (греч. II, 740—742)[1]).

---

1) Статей о паденіи ангеловъ (въ Соловецкомъ сборникѣ), о дьяволѣ, о днѣ воскресенія Христова (*Строевъ*, 206) мы у Свиды не нашли, точно также, какъ и 1) статей о Ѳивахъ, о Вавилонѣ, о гробѣ Мавсола, объ Агамемнонѣ (нач.: Агамемнону царю еллиньскому, воюющу на многа лѣта въ Трою....), объ римскомъ юношѣ (нач.: Въ повѣстехъ римскихъ повѣствуется таково нѣкое. Риму и Картагену на многа лѣта воюющимся вражебнѣйши межи себе, юноша нѣкій .... достиже Картагену....), извѣстныхъ намъ изъ собранія сочиненій Максима Общ. Др. Письменн. № 1291, л. 344 сл., XVIII в., и судя по языку, несомнѣнно вышедшихъ изъ подъ пера Максима, и 2) статьи объ Іисусѣ Сира-

Изъ незначительныхъ отрывковъ, переведенныхъ Максимомъ, стоитъ отмѣтить:

1) Сказаніе *Менандра* философа. Нач.: Три добродѣтели наипаче преславно и долговѣчно творятъ преславное царство земское (=земное)... (издано въ Соч. II, 184).

Очень свободный переводъ отрывка, сохраненнаго Стобеемъ (Fragmenta comicorum graecorum, ed. Meineke, editio minor, 1847 г., II, 897). Вѣроятно, стоитъ въ связи съ наставленіями царю, какъ слѣдуетъ царствовать, преподанными в. кн. Василію Ивановичу и Ивану Грозному (Соч. II, №№ XXVII, XXVIII).

Находится въ собраніяхъ трудовъ Максима Синод. Библ. № 491, л. 129 (*Горск. и Невоструевъ*, II, 2, 530), и Солов. № 310, л. 610.

2) О *Голиафѣ*. Яко высота тѣло Голиафова бяше...

О *Давыдѣ*. Поставленъ Давыдъ предъ царемъ Сауломъ рече къ нему....

Эти два отрывка изъ 1-й книги Царствъ, гл. 17, находятся въ сборникахъ Публ. Библ. Q. I. 219, л. 322, только что названномъ Синодальномъ, л. 613 (*Горск. и Нев.* II, 2, 574), и Общ. Др. Письм. № 1291, XVIII в., л. 342. Въ языкѣ этихъ текстовъ слова: *важить*=вѣсить, *лотъ* мѣра вѣса, *пансырь*. Очевидно, въ переводѣ ихъ принималъ участіе западно-русскій уроженецъ (*Власій?*).

3) Повѣсть потѣшна, изъ книгы *Ездрины* преведена. Нач.: Дарей царь персидьскый сътворилъ пиръ превелій...

Находится въ томъ же сборникѣ Публ. Библ., л. 458. Въ языкѣ руссизмы: легъ спати, подъ подушкою, написалъ [1]).

4) Сказаніе инока Максима Грека Святыя Горы отъ книгъ

ховѣ, находящейся въ Хронографѣ 2-й редакціи и изданной *Поповымъ*, въ его «Обзорѣ хронографовъ», вып. II, 82.

Курбскій передъ бѣгствомъ въ Литву имѣлъ слова о Авраамѣ, о Мелхиседекѣ, о Оригенѣ и «иныя многія словеса Максима Философа». Срв. выше, стр. 196, примѣч.

1) Прочіе отрывки: Синод. № 491 (*Горск. и Нев.* II, 2, 569—572), Солов. № 310 (л. 390), Увар. № 248.

Вальсамона, премудраго толковника священныхъ писаній. Нач.: Егда убо возведенъ бысть на престолъ...

Находится въ Соловецк. № 307, л. 754 (издано въ *Описаніи рукописей Солов. мон.*, I, 482).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Максимъ Грекъ и Курбскій.

Курбскій, родившійся около 1528 г.[1]), называетъ Максима Грека своимъ учителемъ[2]) и передаетъ его сообщенія и наставленія. Хронологическія и другія соображенія[3]) позволяютъ сомнѣваться въ существованіи близкихъ личныхъ отношеній между Курбскимъ и Максимомъ, тѣмъ болѣе, что мы знаемъ съ одной стороны объ участіи Курбскаго въ многочисленныхъ походахъ первой половины царствованія Ивана IV, съ другой объ его жизни въ свободное отъ походовъ время въ вотчинѣ подъ Ярославлемъ[4]). Повидимому, Курбскій слышалъ много разсказовъ о Максимѣ отъ лицъ близко стоявшихъ къ послѣднему во время его жизни въ Москвѣ, всего скорѣе отъ Василія Михайловича Тучкова, своего близкаго родственника[5]). Но то не подлежитъ сомнѣнію, что Курбскій былъ проникнутъ глубокимъ благоговѣ-

---

1) Умеръ, 55 лѣтъ отъ роду, въ 1583 г.; бѣжалъ въ Литву въ 1563 г.

2) «Азъ же сіе слышалъ отъ превозлюбленнаго *учителя моего*» (предисловіе на Новый Маргаритъ); «вопрошахъ превозлюбленнаго *моего учителя*» (предисловіе къ переводу Діалога Геннадія Схоларія).

3) Максимъ сосланъ въ Тверь въ 1531 г.; переведенъ, больной, въ Троицкій монастырь въ 1553 г.; умеръ въ 1556 г.

4) «Духовный отецъ» Курбскаго жилъ въ одномъ изъ ярославскихъ монастырей. Можно думать, что это былъ Ѳеодоритъ, просвѣтитель лопарей (*Ясинскій*, Сочиненія кн. Курбскаго какъ историч. источникъ, Кіевъ, 1889, стр. 68).

5) Вѣроятно, дядя по матери. *Устряловъ*, Сказанія кн. Курбскаго [3], 347. *Ясинскій*, 85—86.

ніемъ къ Максиму, высоко цѣнилъ его сочиненія[1]) и старался ихъ распространять.

Юго-западная Русь XVI вѣка не имѣла почти никакихъ связей съ Москвою и жила самостоятельною жизнію. Сочиненія московскихъ писателей не доходили до юго-западно-русскихъ читателей. Труды Максима Грека представляютъ почти единственное[2]) исключеніе. Это произошло, конечно, благодаря Курбскому, включившему нѣкоторые переводы Максима въ составленные имъ сборники[3]) и вообще способствовавшему ихъ распространенію. Помимо списковъ, мы видимъ труды Максима въ старшихъ юго-западно-русскихъ изданіяхъ. Слово о крестномъ знаменіи вышло отдѣльно въ концѣ XVI в. (ок. 1584 г. *Каратаевъ*, № 110); одно изъ словъ на латинянъ сперва вошло въ составъ трактата объ исхожденіи Св. Духа въ такъ называемой «Книжицѣ» (1588 г. *Каратаевъ*, № 119), а потомъ было напечатано цѣликомъ (Почаевъ, 1618 г.? *Каратаевъ*, № 239; въ «Книгѣ о вѣрѣ», Кіевъ, 1619 г.? *Каратаевъ*, № 246); канонъ Параклиту увидѣлъ свѣтъ въ «Вертоградѣ Душевномъ» (Вильна, 1620 г. *Каратаевъ*, № 255).

Дѣятельность Курбскаго въ юго-западной Руси такъ тѣсно связана съ дѣятельностью Максима въ Москвѣ, что является какъ-бы ея продолженіемъ. Максимъ боролся съ латинскою и протестантскою пропагандою; противъ нея борется и Курбскій.

1) Письмо литовскаго воеводы кн. Полубенскаго о книгахъ Курбскаго показываетъ, что бѣжавъ въ Литву, Курбскій добивался полученія изъ оставшагося въ Дерптѣ своего имущества скорописной книги въ полдесть, тетрадей въ 60 или въ 70, гдѣ были «слово Іосифа Евреина о Маккавеяхъ, да слово о Аврамѣ и о Мелхиседекѣ и Оригенѣ (см. выше, стр. 276), да и иныя *многія словеса Максима Философа*, да и иныхъ святыхъ». *Бычковъ*, Описаніе рукописныхъ сборниковъ Публ. Библ., 56. Срв. выше, стр. 196, прим.

2) Курбскій получилъ изъ Псково-Печерскаго монастыря, вѣроятно, отъ Вассіана Муромцева (*Бычковъ*, 56), житіе Герасима (*Правосл. Собесѣдн.* 1863 г., ч. II, стр. 553). Повидимому, это — житіе Герасима Болдинскаго; во всякомъ случаѣ трудно думать, чтобы рѣчь шла о житіи блаж. Іеронима. Вассіанъ Муромцевъ былъ казненъ, повидимому, въ 1570 году.

3) Мы имѣемъ въ виду сборникъ Синодальной Библ. № 219 (см. выше, стр. 266).

Максимъ не боялся латинскихъ писателей (см. выше, стр. 229, прим.); у Курбскаго мы находимъ переводы отрывковъ изъ трудовъ блаж. Іеронима и Амвросія (Медіоланскаго). Максимъ высоко цѣнилъ житія Метафраста и перевелъ нѣкоторыя изъ нихъ; цѣлый рядъ трудовъ (житій и словъ) Метафраста переводится и Курбскимъ[1]). Максимъ указывалъ на высокое значеніе «Богословія» и вообще твореній Дамаскина[2]); Курбскій переводитъ «Богословіе», Діалектику, житіе Варлаама и Іоасафа и разныя мелкія произведенія этого отца церкви. Максимъ пользовался «Церковною исторіею» Никифора Каллиста; это сочиненіе пріобрѣтаетъ и усердно читаетъ Курбскій[3]). Максимъ хвалилъ «Діалогъ» Геннадія Схоларія[4]); Курбскій дѣлаетъ его переводъ и заботится объ его печатномъ изданіи.

Какъ извѣстно, Курбскій работалъ не одинъ, а съ двумя или—можетъ быть—съ тремя сотрудниками. Послѣ его смерти сотрудники, повидимому, уже не продолжали переводческой дѣятельности; во всякомъ случаѣ изъ сочиненій Метафраста осталось непереведеннымъ многое[5]), а предположенный Курбскимъ, вмѣстѣ съ княземъ Михаиломъ Оболенскимъ и Маркомъ, переводъ твореній Григорія Богослова и Василія Великаго[6]) не состоялся. Единственный трудъ, принадлежащій (по нашему мнѣнію, несомнѣнно) сотруднику или сотрудникамъ Курбскаго, исполненный уже послѣ смерти послѣдняго (не ранѣе 1584 г.), переводъ опи-

---

1) Въ томъ же Син. сборникѣ № 219 и въ сборникахъ Рум. Муз. № 159 и Кіево-Михайловскаго монастыря № 1650 (*Петровъ*, II, № 491).

2) «Что лучше книги Дамаскиновы, аще бы прямѣ преведена была и исправлена?» Соч. III, 227. Срв. Соч. III, 66, 232.

3) «Сію повѣсть многополезную (Максимъ) возвѣстилъ мнѣ о томъ преблаженомъ патріарсѣ Геннадію...; словеса его (Геннадія) богословныя въ книжцѣ сей премудрость его являютъ...» (*Каратаевъ*, № 112, стр. 230—231).

4) Отрывки изъ Никифора Каллиста, переведенные Курбскимъ, — въ Син. № 219. Срв. письмо Курбскаго къ Марку.

5) Впрочемъ переводъ ряда житій изъ Метафраста въ вышеупомянутомъ сборникѣ Кіево-Михайловскаго монастыря и въ Соловецк. сборникѣ № 382 *на западно-русскій языкъ*, можетъ быть, сдѣланъ бакаляромъ Амброжеемъ.

6) О немъ мы знаемъ изъ письма Курбскаго къ Марку.

санія Іерусалима, голландца Адрихома[1]), близкій по своему церковно-славянскому языку къ переводамъ Курбскаго, не имѣетъ никакой связи съ трудами Максима Грека и Курбскаго.

1) Онъ дошелъ въ спискахъ 1) Публичной Библ. F. I. 247, XVII в., 2) Рум. Муз. № 2397, XVI—XVII в., и 3) Тихонравова, 1637 г. Послѣдними двумя воспользовался *С. О. Долговъ* въ своей статьѣ: «Русскій переводъ латинскаго описанія Іерусалима» (въ *Древностяхъ* Моск. Археологич. Общ.).

IV.

Греческое вліяніе на литературу Московской Руси XV—XVII вѣковъ.

Греческое вліяніе на литературу Московской Руси XV—XVII вѣковъ не могло быть сильнымъ вслѣдствіе ничтожности позднѣйшей греческой литературы и малодоступности свято-отеческой греческой литературы.

Греческая литература XV—XVII вѣковъ не отличалась ни силою, ни самостоятельностью[1]). Она состояла изъ сравнительно немногихъ переводовъ или съ литературнаго греческаго на «общій» (κοινή), «простой» (ἁπλῆ) греческій языкъ твореній святыхъ отцовъ, житій святыхъ и т. п., или съ западно-европейскихъ языковъ на тотъ же новый греческій языкъ разнаго рода произведеній, начиная съ религіозныхъ повѣстей о чудесахъ Богородицы (онѣ въ популярной Ἁμαρτωλῶν σωτηρία, Агапія Критянина) и кончая свѣтскимъ романомъ (въ родѣ Ἡ Βοσκοπούλα ἡ εὐμόρφη, Венеція, 1638, = La belle Bergère). Ея немногія самостоятельныя произведенія давали мало новаго, иначе говоря, были въ значительной степени повтореніемъ, популяризаціей стараго. Таковы были поученія, полемическія сочиненія (противъ латинянъ и протестантовъ), историческіе труды.

1) Какъ и вообще греческая образованность того времени. Максимъ Грекъ, Арсеній Грекъ, Лихуды получили образованіе на западѣ и были въ Москвѣ проводниками до извѣстной степени западной культуры. Вспомнимъ похвалы Максима Савонаролѣ, католическимъ монахамъ картезіанцамъ, Альду Мануцію, хотя и рядомъ съ предостереженіями противъ «внѣшнихъ учительствъ» запада.

Малодоступность свято-отеческой греческой литературы происходила какъ отъ малаго числа печатныхъ изданій твореній святыхъ отцовъ, почти исключительно западно-европейскихъ [1]), такъ въ особенности отъ незнакомства съ греческимъ литературнымъ языкомъ, на которомъ писали святые отцы.

Этимъ языкомъ былъ древній греческій языкъ, понятный и во времена Іоанна Златоустаго, и позднѣе лишь тѣмъ читателямъ, которые получили хорошее школьное образовwніе. Простой народъ Константинополя едва ли былъ въ состояніи понимать поученія Златоустаго, такъ какъ говорилъ на другомъ—на средне-греческомъ языкѣ, въ то время уже значительно отличавшемся отъ древняго греческаго языка [2]). Въ XV—XVII вѣкахъ разница между языкомъ свято-отеческихъ твореній съ одной стороны и живымъ языкомъ народа, ново-греческимъ языкомъ, была почти такая же, какъ теперь.

Чтобы овладѣть литературнымъ (= древнимъ) греческимъ языкомъ, грекъ долженъ былъ много и много учиться. «Еллинскій языкъ, сирѣчь греческій, говоритъ Максимъ Грекъ, зѣло есть хитрѣйшій; не всякъ сице удобь можетъ достигнути силы его до конца, аще не многа лѣта просидѣлъ кто будетъ у нарочитыхъ учителей, и той аще будетъ грекъ родомъ и умомъ остръ, еще же и охочъ; а точію не таковъ, — учится убо отчасти, а въ совершеніе его не дошелъ» [3]). Тому же Максиму, вѣроятно, принадлежатъ такія слова въ предисловіи къ Азбуковнику [4]): «Грамматикіа єсть ученіе зѣло хитро у еллин*ехъ*... Не-

1) Максимъ Грекъ пользовался греческими рукописями библіотеки московскаго великаго князя; что же до Арсенія Грека, Епифанія Славинецкаго, Евѳимія и другихъ переводчиковъ второй половины XVII вѣка, жившихъ въ Москвѣ, то они пользовались, за рѣдкими исключеніями, лишь печатными книгами. Привезенныя Арсеніемъ Сухановымъ съ востока рукописи почти не нашли себѣ въ Москвѣ употребленія. Повидимому, въ Москвѣ не умѣли читать греческой скорописи.

2) Объ этомъ языкѣ и его литературномъ употребленіи въ XV—XVII вв. см. между прочимъ у *Малышевскаго*, Александр. патріархъ Мелетій Пигасъ, Кіевъ, 1872, I, 85—88.

3) Соч. III, 80.

4) *Изслѣдованія по русск. языку*, I, 594.

мощно есть малыми рѣчьми и на мало время разумѣти силу ея... И ученіе то у насъ, у грековъ, хитро зѣло, а не и у васъ... Требуемъ мы, греки, долго сидѣти у учителя добраго и учитися со многимъ трудомъ и біеніемъ, доколѣ внидетъ въ умъ нашъ». «Хотяй навыкнути еллинскому языку, сирѣчь греческому, говоритъ неизвѣстный русскій авторъ въ Азбуковникѣ нач. XVII в. (Синод. № 738, л. 40 об.), извѣстно ему буди, яко безъ наказанія учительскаго невозможно есть достаточно изводствомъ слово греческое совершити, понеже древними еллинскими мудрецы паче мѣры умудренъ и тѣснымъ скудствомъ многотягостное разумѣніе содержитъ. Сего ради отъ написанія единаго многое заблужденіе показуетъ.... И еллини отъ уности своея навыкаютъ и до мужства; но не вси на совершенство приходятъ».

Московская Русь всегда интересовалась свято-отеческими произведеніями и желала имѣть въ хорошемъ переводѣ и тѣ изъ нихъ, которыя были ей еще неизвѣстны, и тѣ, которыя были неудовлетворительно переведены въ древности. Но пріѣзжавшіе въ Москву греки рѣдко могли похвалиться ученостью и пониманіемъ языка святыхъ отцовъ. Максимъ Грекъ, Паисій Лигаридъ, Лихуды были знатоками свято-отеческихъ твореній и понимали ихъ въ совершенствѣ. Другіе же, и между ними даже Арсеній Грекъ, получившій какъ-будто хорошее образованіе въ Римѣ, были въ силахъ справляться только съ позднѣйшими греческими произведеніями, тѣми, которыя были написаны на κοινή γλῶσσα.

Понятно, люди знающіе литературный греческій языкъ были въ Москвѣ XV—XVII вѣковъ большою рѣдкостью. Когда въ началѣ XVI вѣка московскій великій князь пожелалъ увидѣть въ славянскомъ переводѣ греческую Толковую Псалтырь своей библіотеки, онъ долженъ былъ искать переводчика на Аѳонѣ. Высокія достоинства пріѣхавшаго по его вызову Максима Грека, признанныя всею православною Русью, были, повидимому, одною изъ причинъ того, что въ теченіе всего XVII вѣка Москва жаждала «греческаго ученія», искала и приглашала къ себѣ ученыхъ грековъ, не скупясь для нихъ на крупные расходы. Из-

вѣстно, что между ними не нашлось второго Максима. Впрочемъ кое-кто изъ московскихъ людей XVI—XVII вѣковъ былъ болѣе или менѣе знакомъ съ литературнымъ греческимъ языкомъ. Троицкій монахъ Сильванъ, можетъ быть, уже нѣсколько владѣвшій греческимъ языкомъ (почему его и приставили къ Максиму), повидимому, порядочно научился отъ Максима этому языку; во всякомъ случаѣ онъ могъ заняться самостоятельнымъ переводомъ одного изъ большихъ трудовъ Златоустаго. Несомнѣнно, Максимъ обучилъ еще нѣсколько человѣкъ, главнымъ образомъ изъ монаховъ тѣхъ монастырей, гдѣ ему пришлось жить. Съ нимъ, кажется, хотя и не непосредственно, можно связывать знаніе литературнаго греческаго языка двумя троицкими монахами первой половины XVII вѣка—Арсеніемъ Глухимъ и Арсеніемъ Сухановымъ [1]). Число знающихъ по-гречески людей стало увеличиваться въ Москвѣ лишь съ половины XVII вѣка, когда въ Москвѣ поселились сперва Епифаній Славинецкій съ своими товарищами монахами Дамаскиномъ Птицкимъ [2]) и Исаіею, а потомъ Лихуды. И Епифаній, и Лихуды усердно обучали желающихъ греческому языку. Изъ учениковъ Епифанія пользуется извѣстностью только чудовской монахъ Евѳимій; но къ нимъ можно причислить Ѳедора Ртищева, боярина (онъ учился у кіевлянъ «греческой грамотѣ»), Игнатія Корсакова, впослѣдствіи митрополита тобольскаго, въ «Словѣ» котораго, 1687 г., тексты священнаго писанія приведены по-гречески (Флорищ. пустыни № 85; *Викторовъ*, 246), Аѳанасія, впослѣдствіи архіепископа холмогорскаго [3]), и чу-

---

1) Срв. у *Бѣлокурова*, Арсеній Сухановъ, I, стр. 415.

Могли обучать греческому языку и другіе греки, жившіе въ Москвѣ, какъ Савва святогорецъ, новоспасскій архимандритъ, замѣшанный въ 1525 г. въ дѣло Максима Грека и сосланный; Аѳиногенъ, новоспасскій строитель и николоугрѣшскій игуменъ, встрѣченный Вас. Гагарою въ 1637 г. въ Кіевѣ («гораздъ добрѣ нашему языку», аттестуетъ его Гагара); Іоанникій, новоспасскій келарь (20-е годы XVII в.); о немъ см. ниже; Арсеній Елассонскій и др.

2) Четвертый кіевлянинъ, Арсеній Сатановскій, не зналъ по-гречески, какъ самъ объ этомъ свидѣтельствуетъ въ одной изъ челобитныхъ.

3) Не онъ ли — тотъ монахъ Аѳанасій, который перевелъ Чинъ и молитву на пророчество царя (*м-тъ Евгеній*, Словарь, I, 57)?

довского монаха, справщика Германа, греческія книги котораго хранятся теперь въ Моск. Типографской Библіотекѣ. Между учениками Лихудовъ извѣстны Ѳедоръ Поликарповъ, Николай Головинъ[1]), Алексѣй Барсовъ, монахи Іовъ и Ѳеологъ; дѣятельность этихъ лицъ впрочемъ относится по преимуществу уже къ XVIII столѣтію.

Что до знакомства съ живымъ греческимъ языкомъ и греческою грамотою, то оно въ Москвѣ XV—XVII вѣковъ было, повидимому, нѣсколько болѣе распространено. Изъ Москвы отправляли въ Константинополь «ребятъ», «паробковъ» для обученія греческому языку[2]), какъ отправляли ихъ въ Ливонію, Германію и др. для обученія латинскому и нѣмецкому языкамъ (см. выше, стр. 42, прим.), и такимъ образомъ получали нѣкоторое число переводчиковъ; сверхъ того, русскіе монахи иногда подолгу жили на востокѣ и выучивались говорить по-гречески. Участникъ Флорентійскаго собора Симеонъ свободно бесѣдовалъ и со своимъ митрополитомъ Исидоромъ, и съ Маркомъ Ефесскимъ, конечно, по-гречески. Чудовской монахъ Дамаскинъ въ сороковыхъ годахъ XVII столѣтія жилъ на Аѳонѣ и тамъ «грамотѣ греческой учился»[3]). Іеромонахъ Тимоѳей около 14 лѣтъ провелъ (до 1681 года) провелъ въ Палестинѣ и тамъ хорошо познакомился съ греческимъ языкомъ[4]). Подобныя лица могли быть толмачами, переводить грамоты восточныхъ патріарховъ и т. п.[5]), наконецъ переводить греческіе тексты попроще; но какого-нибудь

1) Только что названныя два лица съ 1694 г. — преподаватели греческаго языка въ московской школѣ, съ 1698 г. — справщики московскаго печатнаго двора.

2) *Макарій*, Исторія р. церкви, VIII, 369—370; *Бѣлокуровъ*, Арсеній Сухановъ, I, 114—115.

3) *Бѣлокуровъ*, I, стр. XXXIII.

4) *Сменцовскій*, Братья Лихуды, 39.

5) Переводы греческихъ документовъ нисколько не лучше переводовъ документовъ латинскихъ и др. Даже такая важная грамота, какъ грамота константинопольскаго патріарха Паисія I къ Никону (издана въ переводѣ при *Скрижали* 1656 г. и въ оригиналѣ въ *Христ. Чтеніи* 1881 г., № 3—4), переведена мѣстами «неудовлетворительно». *Матеріалы для исторіи раскола*, I, 6, прим.).

значенія въ дѣлѣ литературнаго общенія русскихъ съ греками получить не были въ состояніи. Наконецъ въ Москвѣ всегда жило нѣкоторое число грековъ, болѣе или менѣе знавшихъ по-русски и годныхъ для удовлетворенія нуждъ Посольскаго приказа[1]).

Итакъ, греческое вліяніе на литературу Московской Руси не могло быть сильнымъ. Прилагаемый ниже *списокъ переводовъ съ греческаго, сдѣланныхъ въ Москвѣ XV—XVII вѣковъ* (кромѣ трудовъ Максима Грека)[2]) показываетъ, что это вліяніе по своему значенію было почти *ничтожно*: оно не только не обновило, но даже не пополнило русской литературы. Вновь переведенныя полемическія сочиненія немного прибавляютъ къ тому, что было уже извѣстно (срв. стр. 20); вновь переведенный Хронографъ Дороѳея мало чѣмъ отличается отъ русскаго Хронографа; Физіологъ Дамаскина Студита повторяетъ старый Физіологъ.

Необходимо принять во вниманіе церковно-славянскій языкъ сдѣланныхъ въ Москвѣ переводовъ съ греческаго. Епифаній Славинецкій и его товарищи и ученики, потрудившіеся въ данномъ случаѣ очень много, старались при переводѣ держаться какъ можно ближе своихъ греческихъ оригиналовъ и передавать не только смыслъ, но даже букву этихъ послѣднихъ. Отсюда неудобопонятность ихъ трудовъ, усиливаемая новою, странною терминологіею: *укрестовати*=распяти, *саввата*, *савватъ*=субота, Ромъ, ромскій, ромлянинъ = Римъ и т. д. Одинъ изъ близкихъ къ нимъ людей, котораго можно считать почти ученикомъ Евѳимія, Ѳедоръ Поликарповъ въ 1723 г. писалъ въ Синодъ о пере-

---

1) Многочисленные греко-славянскіе словарики, находящіеся въ разнообразныхъ русскихъ сборникахъ XV—XVII вѣковъ, составлены, повидимому, въ XIV—XV вѣкахъ, когда русскіе особенно часто посѣщали Константинополь и Аѳонъ. Нѣкоторые изъ нихъ списаны съ средне-болгарскихъ оригиналовъ (Синод. Библ. № 367, XV—XVI в.: отъ морѧ, на землѧ, вин. ед., и т. п.); нѣкоторые съ сербскихъ (Синод. Библ. № 738, нач. XVII в.: ѳтено=*танко*; икуса=слышалъ *исамъ*; *даци* = дочь, и т. п.). Старшій русскій словарикъ, XIV вѣка, — въ той вѣнской греческой рукописи, о которой см. на стр. 28.

2) *За исключеніемъ молитвъ, богослужебныхъ текстовъ, соборныхъ дѣяній и сочиненій по каноническому праву.*

веденныхъ Епифаніемъ и напечатанныхъ въ Москвѣ въ 1665 г. твореніяхъ Григорія Богослова, Василія Великаго, Іоанна Дамаскина и Аѳанасія Александрійскаго: «Книга Григорія Богослова Назіанзена съ прочими, иже въ ней, *преведена необыкновенною славянщизною*, паче же рещи — еллинизмомъ, и за тѣмъ *о ней мнози недоумѣваютъ и отбѣгаютъ»* [1]). Арсеній Грекъ, хотя много переводившій, но до конца жизни плохо владѣвшій церковно-славянскимъ языкомъ и писавшій на немъ неправильно, также не могъ дать удовлетворительныхъ переводовъ. Изъ другихъ переводчиковъ трудно указать хоть одного выдающагося. Едва ли лишено значенія то обстоятельство, что переводы съ греческаго XVII в. вообще не имѣли успѣха среди читателей и дошли до насъ въ ограниченномъ числѣ списковъ, часто только въ автографахъ переводчиковъ. Такія важныя свято-отеческія творенія, какъ напечатанныя въ Москвѣ въ 1665 г. въ переводѣ Епифанія произведенія Василія Великаго и Іоанна Дамаскина, не были потомъ перепечатаны ни разу; интересно составленнаго Анѳологіона, ни въ цѣломъ, ни въ частяхъ, также не понадобилось перепечатывать; а Маргаритъ Златоустаго, Паренесисъ Ефрема Сирина, Слова аввы Дороѳея въ *древнихъ* переводахъ были напечатаны въ XVII и XVIII вѣкахъ по нѣскольку разъ [1]).

Греческому вліянію мы обязаны только *исправленіемъ* славянскаго текста священнаго писанія и богослужебныхъ книгъ, исправленіемъ, увы, и далеко неполнымъ, и далеко несовершеннымъ....

Новый завѣтъ въ новомъ переводѣ.

Предисловіе на евангеліе (принадлежитъ, вѣроятно, *Евѳимію*).

Начало: Уподобишася толковницы святаго писанія опаснымъ и прилежнымъ крушцевзыскателемъ...

---

1) *Журн. Мин. Нар Пр.* 1894 г., № 9, стр. 31 (статья Брайловскаго).

Евѳимій, ученикъ и почитатель Епифанія, также не всегда былъ доволенъ его переводами и исправлялъ ихъ; Синтагму М. Властаря, переведенную Епифаніемъ (списокъ въ Спб. Синод. Архивѣ), онъ нашелъ нужнымъ перевести вновь вполнѣ.

Здѣсь между прочимъ: Лѣта 7157 (=1649), мѣсяца іулія въ—день, по изволенію великаго государя царя и великаго князя Алексія Михаиловича,... призванъ изъ Кіева въ царствующій градъ Москву, ради наученія славенороссійскаго народа дѣтей еллинскому наказанію, нѣкто іеромонахъ, именемъ *Епифаній*, мужъ многоученый (аще кто инъ таковъ во времени семъ), не токмо грамматики и риторики, но и философіи и самыя ѳеологіи извѣстный бысть испытатель и искуснѣйшій разсудитель, и опасный претолковникъ еллинскаго, латинскаго, славенскаго и польскаго діалектовъ. (Онъ находилъ погрѣшности въ славянскомъ переводѣ священнаго писанія вообще и евангелія въ частности. Объ этомъ узналъ царь Алексѣй Михайловичъ). И лѣта 7189 [1]), въ мѣсяцѣ септемвріи, праздну сущу всероссійскому кормилу патріаршескаго престола, послѣ кормничества престола онаго святѣйшаго Питирима патріарха, великій государь царь... указалъ, а священный соборъ... благословилъ *переводити библію всю вново*, ветхій и новый завѣтъ, ему, іеромонаху Епифанію Славинецкому, съ книгъ греческихъ, самыхъ седмьдесятныхъ преведенія, въ Франкофуртѣ печатаныхъ въ десть лѣта 1600 и съ другихъ въ Лондини печатаныхъ лѣта 1. . ., и иныя, изданія лѣта 1587. Назирати же богодухновенное дѣло сіе преведенія и трудящихся въ немъ снабдѣвати и питати по подобающему довольству указалъ великій государь царь преосвященному Павлу, митрополиту сарскому и подонскому; той бо тогда правяше престолъ патріаршества всероссійскаго...

Іеромонахъ же Епифаній избра въ потружденіе себѣ къ превеликому дѣлу сему чтецовъ греческихъ и латинскихъ книгъ и писцовъ, добрѣ знающихъ по грамматицѣ славенстѣй правописаніе: Сергіа, бывшаго игумена изъ Путивля града Молченскаго монастыря, Еѵѳимія, монаха Чудова монастыря, что на Москвѣ, Никифора іерея, справщика книгъ печатнаго дѣла, Моѵсеа іеродіакона и монаха, Чудова монастыря екклисіарха, Михаила Ро-

1) Надо читать: 7182 (=1673). Питиримъ умеръ въ апрѣлѣ 1673 г.

достамова и Флора Герасимова, книгописцевъ книгъ печатнаго дѣла....

И тако іеромонахъ Епифаній... нача преводити новый завѣтъ..., рекше священное еуангеліе и апостоловъ святыя дѣянія и посланія и откровеніе.... И егда совершися въ преведеніи благовѣщаная *книга сія новый завѣтъ*, тогда... Павелъ митрополитъ занемоществова на много время и общій долгъ отдаде, въ вѣчную преселися жизнь, въ лѣто 7184 (=1675), септемвріа въ 9 день. Потомъ вскорѣ и отецъ Епифаній Славинецкій, мужъ мудрости внѣшнія и духовныя исполненъ сый, отъ міра сего преставися въ вѣчное блаженство въ тожде 7184 лѣто, ноемвріа мѣсяца въ 19 день. И тако оное преведеніе ветхаго завѣта въ дѣло не произиде; точію новый завѣтъ преведеся и исправися [1])....

Передъ каждою главою евангелія — изложеніе ея содержанія (= argumentum).

Единственный извѣстный намъ списокъ евангелія въ переводѣ Епифанія — М. Рум. Муз. Унд. № 1291, к. XVII в. Списковъ остальныхъ новозавѣтныхъ книгъ въ томъ же переводѣ намъ неизвѣстно.

Евѳимій упоминаетъ между «греко-славенскими» рукописями Епифанія полный новый завѣтъ «преводу и стяжанія» Епифанія (сборникъ Публ. Библ. Погод. № 1963, л. 122 об.).

Въ описи библіотеки Евѳимія значатся: «святое евангеліе и дѣяніе святыхъ апостолъ, переведена съ греческихъ книгъ *Космою* іеродіакономъ грекомъ, по полямъ приписывано Евѳиміевою же рукою» (*Лѣтописи* Тихонравова, V, стр. 53). Вѣроятно, здѣсь имѣется въ виду текстъ Епифанія. Трудно думать, чтобы у Евѳимія не было этого текста; легче допустить, что имя Козмы явилось въ описи по какому-нибудь недоразумѣнію.

Переводъ — крайне буквальный.

---

1) Извлеченіе изъ этого предисловія—въ Словарѣ м-та *Евгенія*, I, 178—183.

Литургія ап. Іакова.

Уставъ божественныя службы святаго апостола *Іакова* брата Господня.

Начало: Времени пришедшу, входитъ іерей въ церковь...

Въ концѣ: Сія святая и божественная литургіа святаго славнаго и всехвальнаго апостола Іакова брата Господня и перваго архіепископа святѣйшія Божія и великія іерусалимскія церкве. Преведенна *Еѳиміемъ*, патріархомъ терновскимъ, съ греческаго на славенскій языкъ. Исправлена же иислѣдованна іеромонахомъ *Іоанникіемъ Грекомъ*.

По списку Академіи Наукъ ст. № 26, 1692 г., издано *П. А. Сырку*, Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV вѣкѣ, т. I, вып. II, стр. 179 сл. Другой списокъ, помѣченный также 1692 г., находится въ Моск. Дух. Ак., № 168. По мнѣнію Сырку, повторенному *Калужняцкимъ* (Werke des Patriarchen von Bulgarien Euthymius, Wien, 1901, стр. XCVIII) и весьма правдоподобному, Іоанникій Грекъ—не кто иной, какъ оставленный въ Москвѣ іерусалимскимъ патріархомъ Ѳеофаномъ и сдѣланный келаремъ Новоспасскаго монастыря грекъ Іоанникій (1618—1630 гг.)[1]. Судя по кое-какимъ юго-западно-руссизмамъ: о *панѣхъ* (въ ектеніи; *Сырку*, стр. LXXXVIII), призри *съ* готоваго жилища (вм. *изъ* —; *Сырку*, стр. 184), этотъ Іоанникій, до прибытія въ Москву, нѣкоторое время провелъ въ южной Руси и тамъ познакомился съ церковно-славянскимъ и русскимъ языками[2]).

Переводъ Литургіи Іакова былъ еще разъ пересмотрѣнъ въ 1717 г. Софроніемъ Лихудомъ и Алексѣемъ Барсовымъ, на

---

1) О немъ *Каптеревъ*, Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку, стр. 168 сл.

2) Бывшій въ рукахъ Іоанникія переводъ патр. Евѳимія, судя по совпаденію словъ и выраженій, былъ очень близокъ къ изданному Сырку хиландарскому списку Литургіи Іакова. Возраженія Калужняцкаго (стр. XXXVI, XCVIII) лишены значенія.

основаніи венеціанскаго изданія 1645 г.[1]). Новый текстъ (заглавіе: Божественная литургія св. Іакова апостола; начало: Во множествѣ грѣховъ оскверненна мя не уничижи...) извѣстенъ намъ въ спискѣ Публ. Библ. Q. I. 63, л. 32 (=Толст. II. 133)[2]), съ которымъ нѣсколько сходенъ (есть много различія) списокъ Чудова монастыря № 292 (начало: Во множествѣ грѣховъ пришедша мя да не презриши...).

Синодальная Библіотека владѣетъ двумя списками Литургіи: №№ 435 и III, XVII в.[3]). Заглавіе: Божественная литургія иже во святыхъ отца нашего Іакова апостола, брата Божія; начальныя слова: О священниче, сотвори проскомидію по обычаю непремѣнно.... (*Горск. и Невостр.* II, 3, 804—805)[4]). Въ нихъ текстъ—тотъ же, что въ спискѣ М. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ № 735—1257, половины XVII в., *южно-русскаго происхожденія.* Можно думать, что этотъ переводъ сдѣланъ въ южной Руси[5]).

Творенія отцовъ церкви.

Во святыхъ отца нашего *Василіа*, архіепископа Кесаріи Кападокійскія, Бесѣда 11 на Шестодневное (на полѣ: -дневъ, -дневникъ).

Бесѣда 1. Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю.

---

1) *Legrand*, Bibliographie Hellénique du XVII siècle, II, № 365, сообщаетъ заглавіе этого изданія.

2) Объ этомъ спискѣ *Сырку*, стр. XCIII, прим.

3) Второй изъ этихъ списковъ находится въ сборникѣ изъ тетрадокъ Епифанія Славинецкаго и Евѳимія.

4) Епифаній Славинецкій въ «Оглавленіи книгъ» упоминаетъ о слав. переводѣ Литургіи Іакова. Въ описи библіотеки Евѳимія, составленной въ 1705 г., значится «Литургіа св. ап. Іакова» (*Лѣтописи* Тихонравова, V, 54). Но Сильвестръ Медвѣдевъ въ «Маннѣ», напротивъ, говоритъ, что такого перевода нѣтъ (*Прозоровскій*, Сильв. Медвѣдевъ, 78).

Текстомъ Литургіи Іакова пользовались въ XVI—XVII вв. въ полемикѣ противъ латинянъ.

5) Какъ и переводъ Литургіи ап. Петра, находящійся въ томъ же сборникѣ М. Арх. М. Ин. Д.

Начало: Лѣпотствующее начало о міра составленіи имущу повѣствовати...

Напечатаны въ Москвѣ въ 1665 г. Переводъ сдѣланъ *Епифаніемъ Славинецкимъ* въ 1656 г. и свидѣтельствованъ Діонисіемъ Грекомъ «со клевреты»; греческій текстъ взятъ изъ базельскаго изданія 1551 г. («Оглавленіе книгъ»)[1].

Софроній отъ Іерон(имовыхъ книгъ)[2].

Начало: Василій Кесаріи Каппадокійскіа, иже первѣ Мазака звашеся... (сказаніе о Василіи Великомъ).

Во святыхъ отца нашего Василія, архіепископа Кесаріи Кападокійскія, слово противоглаголательное на злочестиваго Еѵноміа.

Слово 1. Нач.: Аще убо хотѣли бы вси, на нихъже имя Бога и Спаса нашего...

5 словъ.

Находятся въ сборникѣ Синод. Библ. № 346 (= *Горск. и Нев.* № 310), к. XVII в., лл. 528—612.

Во святыхъ отца нашего Василія Великаго, архіепископа Кесаріи Каппадокійскіа:

Бесѣда реченая на гладъ и на сухоту. Начало: Левъ рыкнетъ и кто не устрашится....

Бесѣда, яко не есть виновенъ злыхъ Богъ. Начало: Мнози учительства образи чрезъ псалмопѣвца Давида...

---

1) О качествѣ перевода см. выше, стр. 289.

Древній переводъ Шестоднева (Іоанна Экзарха Болгарскаго) въ XVI—XVII вв., повидимому, былъ уже почти неизвѣстенъ. Курбскій въ письмѣ къ Марку передаетъ слова извѣстнаго игумена Артемія, несомнѣнно, человѣка по своему времени образованнаго: «Наилѣпшая книга его (Василія Великаго), о естественныхъ вещахъ писанная (=Шестодневъ), и иныя книги противъ еретиковъ (на Евномія?), тѣ *не переведены въ нашъ языкъ*».

2) Изъ принадлежащаго Софронію греческаго перевода сочиненія De viris illustribus, блаж. Іеронима.

Бесѣда 14, на пьянствующія. Начало: Движутъ убо мя къ слову вечернія позоры...

Бесѣда 25, на святое Христово рождество. Начало: Христово рождество свойственное убо...

Бесѣда 27, на савелліаны и Аріа и аноміаны. Нач.: Ратуется іудейство еллинству и обои христіанству....

Бесѣда 28, о покаяніи. Нач.: Покаяніе отъемляти смѣльствующихъ...

Бесѣда 29, къ оклеветающимъ ны, яко бы три богы глаголемъ. Начало: Велико утѣшеніе душамъ за еже...

Бесѣда 30, о раи. Начало: Насади Богъ рай въ едемѣ...[1])

Бесѣда 13, поущательная къ св. крещенію. Нач.: Мудрый убо Соломонъ сущихъ въ житіи вещей....[2]).

О гнѣвѣ и враждѣ, слово (17). Начало: Величайшее порицаніе христіанину...

О начальствѣ и власти, слово (15). Добро присно горшему отъ лучшаго...

За этими произведеніями Василія Великаго слѣдуютъ посланія его къ Юліану Отступнику, Патрофилу епископу, врачу Евстаѳію и рядъ другихъ его произведеній меньшей величины, перечисленныхъ *Горскимъ и Невоструевымъ*.

Мы пользуемся только что указаннымъ сборникомъ Син. Библ. № 346.

Евѳимій въ своей запискѣ (Публ. Библ. Погод. № 1963) завѣщалъ въ патріаршую ризницу принадлежащій ему сборникъ, гдѣ были «Василіа Великаго пять словеса обличительная на Ѵноміа еретика и иныя разныя его бесѣды, и словеса нѣкая тогожде..., *новопреведеная* съ греческа діалекта». Вѣроятно, онъ принималъ участіе въ переводѣ этихъ статей.

---

1) Эта бесѣда извѣстна намъ еще въ роскошномъ спискѣ Казанск. Ун. № 21382, XVII—XVIII в. (*Артемьевъ*, стр. 284).

2) Синодал. сборникъ № III (= *Горск. и Невостр.* № 337) имѣетъ и эту Бесѣду, и слова 17-ое и 15-ое, посланія и мелкіе отрывки, отчасти въ автографѣ Евѳимія, отчасти съ его поправками.

Слово Василія Великаго зѣло полезное о монашестѣмъ житіи.

Начало: Слышасте, братіе мои, Господа глаголюща: иже остави отца и мать....

Принадлежитъ не св. Василію, а какому-то другому отцу церкви. Находится въ упомянутомъ выше Синод. сборникѣ № 346 (=*Горск. и Нев.* № 310), к. XVII в., л. 734.

---

50 словъ св. *Григорія Богослова*:

1-ое слово — «отвѣтное въ Понтъ, бѣгства ради».

20-ое слово — «на Василія, епископа Кесаріи Каппадокійскіа, надгробное».

40-ое слово — на св. крещеніе.

50-ое слово — «Метафрасисъ на Екклисіаста».

Начало 1-аго слова: Побѣдихся и побѣду исповѣдую...

Напечатаны въ Москвѣ въ 1665 г. Переводъ сдѣланъ *Епифаніемъ* въ 1656—1657 гг. и свидѣтельствованъ Діонисіемъ со клевреты. Епифаній пользовался парижскимъ изданіемъ твореній Григорія 1630 г. («Оглавленіе книгъ»)[1].

Изложеніе вѣры по откровенію св. Григоріа, епископа неокесарійскаго, чудотворца.

Начало: Единъ Богъ Отецъ Слова живаго....

Напечатано при «Православномъ Исповѣданіи», М. 1696, л. 191. Далѣе (лл. 191 об.—194): Како же откровеніе св. Григорію о семъ бысть, житія его списатель св. Григорій Нисскій повѣствуетъ сице....

Переводъ принадлежитъ, вѣроятно, *Евѳимію*.

Четверострочія святаго *Григорія Богослова*, преведена отъ еллиногреческаго языка въ славянскій монахомъ *Арсеніемъ Грекомъ* на общую пользу.

---

1) Въ рукописи Синод. Библ. № 594 (=*Горск. и Нев.* № 124) есть переводъ еще одного слова Григорія («Келестину начальнику»), сдѣланный Епифаніемъ.

О качествѣ перевода 50 словъ см. выше, стр. 289.

Начало: *Сущее*. Дѣяніе ли предпочиталъ бы еси, или зрѣніе... *Толкованіе*. О человѣче, хотѣлъ ли предпочитати отъ обою....

Напечатаны въ Анѳологіонѣ 1660 г. Переводъ сдѣланъ, вѣроятно, съ ново-греческаго языка.

Есть списки.

О житіи человѣческомъ.

Коло есть нѣкое непостоянное водружено
Мало сіе и многообразное житіе...

9 строкъ.

Этотъ текстъ находится въ сборникѣ Синод. Библ. № 776, л. 1. На полѣ, латинскими буквами: «Списано у старца Сергіа справщика». При слѣдующей за этимъ текстомъ «Подписи на Вертоградъ личной» (см. выше, стр. 253) на полѣ замѣтка: «Списано во 195 (=1687) году у стольника Самойла Николева».

Переводъ сдѣланъ едва ли не *Ѳ. Поликарповымъ*; во всякомъ случаѣ, въ исправленномъ видѣ, это стихотвореніе, вмѣстѣ съ тремя другими, напечатано Ѳ. Поликарповымъ въ его Букварѣ, М. 1701, л. 69 об. Здѣсь первый стихъ читается:

Коло нѣкое есть непостояннѣ водружено....

Оригиналъ — одно изъ стихотвореній Григорія Богослова [1]).

Иже во святыхъ отца нашего *Іоанна*, архіепископа Константина града, *Златоустаго*:

Слово о еже: обаче всуе мятется всякъ человѣкъ живый...

Начало: Понуждаетъ нѣдро глубинное рыболовца, егда мрежю въвергъ и многъ отъ сущихъ въ мори ловъ объемъ...

Издано въ Анѳологіонѣ 1660 г. Переводчикъ намъ неизвѣстенъ [2]). Это слово существуетъ также въ древнемъ переводѣ, съ

---

1) *Migne*, XXXVII, 787.

2) Можетъ быть, это — *Дамаскинъ Птицкій*, занимавшійся въ Москвѣ въ 50-хъ годахъ XVII в. переводами съ греческаго языка и получавшій такое же жалованье, какъ и Епифаній Славинецкій. Въ расходной книгѣ патріаршаго казеннаго приказа 1654 г.: «Кіевлянамъ преводникамъ старцамъ Епифанію да

заглавіемъ: Іоанна Златоустаго слово: занеже безъ ума мятется всякъ человѣкъ живый, и съ начальными словами: Нудить ядро глубокое рыбитвы...; оно входитъ въ составъ симеоновскаго Златоструя (слово 78-е).

Епифаній Славинецкій въ «Оглавленіи книгъ», стр. 36, упоминаетъ объ переводѣ имъ въ 1658 г. слова Златоустаго на св. Пятдесятницу о равности апостолъ; начало: Днесь земля небомъ ся.... Списковъ его мы не знаемъ.

Слово зѣло полезно о вѣрѣ и о естественномъ законѣ и о Святѣмъ Дусѣ. Начало: Всякое писаніе богодохновенное и полезное, начало имущее...

О воспитаніи дѣтей, слово 2. Начало: Молю и милъ ся дѣю, многъ о своихъ дѣтехъ...

О промыслѣ и о имарменѣ, слово 3. Нач.: Иже злословитъ отца или матерь, смертію, рече...

О промыслѣ, слово 4. Начало: Чесо ради прельстившаго врага не погуби...

О имарменѣ, слово 5. Начало: Ни единъ есть по истиннѣ догматъ...

На усѣкновеніе Предтечи и Крестителя Господня Іоанна и о Иродіадѣ, слово 6. Начало: Паки Иродіа бѣсится, паки смущается, паки пляшетъ, паки проситъ главѣ Іоанна Крестителя... [1]).

Напечатаны въ Маргаритѣ, М. 1698. Предисловіе къ этой книгѣ сообщаетъ, что эти слова «нынѣ *новопреведены* съ греческа языка» [2]).

Дамаскину послано по 20 рублевъ человѣку». *Ротаръ*, Епифаній Славинецкій, Кіевъ, 1901, стр. 70. Но «Оглавленіе книгъ» не имѣетъ указаній на Дамаскина.

1) Въ древнемъ переводѣ это слово — въ Макар. Минеяхъ подъ 20 февраля, л. 1148.

2) Срв. *Пекарскій*, II, 5.

О еже по Богу жительствовати и на еже: тѣсная врата, и проч. И толкованіе молитвы: Отче нашъ. Начало: Всякаго убо богодохновеннаго писанія прочитаніе...

Отъ слова: Цѣлуйте Прискѵллу и Акѵлу. Начало: Ниже богатящіяся просто да блажимъ...

На рождественный день Спаса нашего Іисуса Христа, не явленъ убо еще сущъ тогда... Начало: Яже древле патріарси убо болѣзнородиша...

Слово на второе пришествіе Господа нашего Іисуса Христа и на еже: вси предстанемъ судищу Христову.... Начало: Мнѣхъ велика нѣкая и преестественная...

Изъ слова Златоустаго о въчеловѣченіи, егоже начало: Истинно проявися намъ благодать....

Эти пять словъ находятся въ Синод. сборникѣ № 346, о которомъ см. выше, стр. 294. Переводъ сдѣланъ, повидимому, при участіи *Евѳимія.*

Слово о псалмѣ 145.

Κύριε, ἐκέκραξα πρὸς σὲ, εἰσάκουσόν με ... Domine, clamavi ad te, exaudi me....

Начало: Сего псалма изъ млада возраста вси навыкоша пѣти, силы же глаголемыхъ не вѣдятъ...

О 50-мъ псалмѣ, о покаяніи слово. Начало: Да никтоже отселѣ отчается своего спасенія...

Находятся въ сборникѣ Румянц. Муз. № 376, лл. 179, 188, письма *Евѳимія.* Переводъ, вѣроятно, его же.

Сборникъ Публ. Библ. Погод. № 1586, XVI в., имѣетъ три посланія Златоустаго, составляющія по содержанію какъ-бы одно цѣлое:

Посланіе, еже посла отъ заточенія сый (?) отъ Кукуса къ Кѵріаку епископу, и тому сущу въ заточеніи, утѣшенія ради отъ зельныя его жялости и скорби. Имать же посланіе сице. Нач.: Принеси уже, да почерпу твоея жалости прихода и разорю...

13-е посланіе къ Алимпіядѣ. Нач.: Что рыдаеши, почто томиши себе и казни пріемлеши.

Посланіе къ Алимпіадѣ отъ Кукуса. Нач.: Едва нѣкогда почихомъ, въ Кукусъ дошедше, откудуже пишемъ...[1]).

Епифаній Славинецкій въ «Оглавленіи книгъ« (стр. 40, 42) упоминаетъ о первыхъ двухъ изъ этихъ посланій, съ отмѣткою: «Маргаритъ московскій лѣта 7150»[2]).

Повидимому, эти три посланія переведены вмѣстѣ однимъ лицомъ въ Москвѣ, въ XVI в.; во всякомъ случаѣ намъ не удалось найти ихъ въ сколько-нибудь древнихъ спискахъ.

Слово 71 блаженнаго Филогонія. Нач.: Азъ убо и днесь...

Мы знаемъ объ этомъ переводѣ похвальнаго слова *Златоустаго* епископу антіохійскому Филогонію, находящемся въ сборникѣ Флорищевой пустыни XVII в., отъ *Георгіевскаго*, стр. 238. Послѣдній о немъ говоритъ: «черновой оригиналъ переводчика, съ поправками и дополненіями». Греческій текстъ (нач.: Ἐγὼ μὲν καὶ τήμερον...) — въ I т. изданія Монфокона.

Досиѳей, митрополитъ сочавскій, уѣхавъ изъ Москвы на родину, въ Молдавію, въ 1693 году перевелъ съ ново-греческаго 35 словъ Златоустаго и посвятилъ переводъ царямъ Іоанну и Петру съ просьбою «умножить» его «смиренное рукодѣліе» въ друкарнѣ.

Единственный списокъ—полу-черновой, автографъ—Синод. Библ. № 446, описанный *Горскимъ и Невоструевымъ*, II, 2, № 128.

Оригиналъ — Μαργαρῖται, ἤτοι λόγοι διάφοροι... Ἰωάννου....

---

1) *Бычковъ*, стр. 25.

2) Въ печатномъ московскомъ Маргаритѣ 1641 г. этихъ словъ нѣтъ. Посланіе къ Киріаку въ другомъ переводѣ и первое посланіе къ Алимпіадѣ *въ томъ же переводѣ* находятся въ «Новомъ Маргаритѣ» Курбскаго (*Архангельскій*, Очерки изъ исторіи западно-русской литературы XVI—XVII вв., М. 1888, приложеніе, стр. 68, 72). За первымъ посланіемъ къ Алимпіадѣ здѣсь слѣдуетъ еще «епистолія» къ Алимпіадѣ «новопреведена» (*Архангельскій*, стр. 26).

τοῦ Χρυσοστόμου, καὶ ἑτέρων ἁγίων πατέρον..., πεζευθέντες εἰς ἁπλῆν γλῶσσαν, ἐκδοθέντες εἰς τύπον συνδρομῇ μὲν καὶ δαπάνῃ Παχωμίου... Венеція, 1675 [1]).

Блаженнаго *Іоанна Дамаскина* Изданіе опасное православныя вѣры, яко непостижно божество и яко не подобаетъ искати и испытовати не преданныхъ намъ отъ святыхъ пророковъ и апостоловъ и еѵангелистовъ.

Начало 1-й главы: Бога никтоже видѣ когда, единородный Сынъ, сый въ нѣдрѣхъ Отчихъ, той исповѣда. Неизглагольно убо божество и непостижно. Никтоже бо познаваетъ Отца...

4 книги.

Напечатано въ Москвѣ въ 1665 г. Переводъ сдѣланъ *Епифаніемъ* (начатъ въ 1660 г.) и свидѣтельствованъ Діонисіемъ со клевреты [2]).

Есть списки.

Евѳимій въ своемъ перечнѣ трудовъ Епифанія упоминаетъ также переводъ сочиненія Іоанна Дамаскина о поклоненіи святыхъ иконъ. Мы не знаемъ ни одного списка. Вѣроятно, извлеченіе изъ него напечатано при «Православномъ Исповѣданіи», М. 1696, лл. 181—190:

Святаго Іоанна Дамаскина отъ третіяго слова о святыхъ иконахъ.

Начало: Рцемъ первое, что есть икона. Второе: чесо ради бысть икона. Третіе: колика разнства...

Четвертая глава: что образуемое и что не образуемое и како коеждо образуется.

Начало: Тѣлеса убо, яко и чертанія...

---

1) *Legrand*, II, № 530. Литература о Досиѳеѣ (главнымъ образомъ на румынскомъ яз.) указана у *Kałużniacki*'аго, Zur älteren Paraskevalitteratur der Griechen, Slaven und Rumänen, Wien, 1899, стр. 31, прим.

2) О качествѣ перевода см. выше, стр. 289. Новый переводъ былъ вызванъ тѣмъ, вѣроятно, что древній переводъ (Іоанна Экзарха) уже былъ, выражаясь словами Курбскаго, «ко выразумѣнію неудобенъ и никомуже познаваемъ».

Во святыхъ отца нашего *Аѳанасіа*, архіепископа александрскаго, ко епископомъ егѵпетскимъ и ливѵйскимъ. Посланіе окружное на аріаны первое.

Начало: Вся убо, елика Господь нашъ и Спасъ Іисусъ Христосъ, яко написа Лука, сотвори же и научи...

Четыре посланія [1]).

Напечатаны въ Москвѣ въ 1665 г. Переводъ сдѣланъ *Епифаніемъ* въ 1655—1656 гг. и свидѣтельствованъ Діонисіемъ со клевреты. Переводчикъ пользовался парижскимъ изданіемъ твореній Аѳанасія 1627 г.

Есть списки [2]).

Иже во святыхъ отца нашего Аѳанасіа, архіепископа александрійскаго, ко Антіоху начальнику о множайшихъ и нужныхъ вопросахъ, въ божественныхъ писаніихъ недоумѣваемыхъ и отъ всѣхъ христіанъ вѣдомымъ быти должньствуемыхъ.

Вопросъ 1. Вѣровавше и крестившеся въ Троицу единосущную и глаголюще Бога быти Отца, подобнѣ и Бога быти Сына... [3]).

Реченія и толкованія притчей святаго еѵаггелія.

Вопросъ 1. Идите въ преднюю весь и обрящете человѣка въ скудели воду носяща....

Евангельскій текстъ приводится подъ названіемъ: «сущее», а объясненіе называется: «толкованіе». Всего 133 евангельскихъ отрывка [4]).

Нѣцыи вопросы.

Вопросъ 1. Что есть Богъ? Отвѣтъ: Богъ есть существо умное, невидимое и несказанное...

---

1) Синод. сборникъ № III заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, переводъ 5-го посланія (письмо Евѳимія, съ поправками Епифанія).

2) *Горскій и Невоструевъ*, II, 2, 42—43. О качествѣ перевода см. выше, стр. 289.

3) О древнихъ текстахъ Вопросо-отвѣтовъ псевдо-Аѳанасія см. выше, стр. 4.

4) Эта статья, подобно Вопросо-отвѣтамъ, не принадлежитъ Аѳанасію.

Всего 20 вопросовъ и отвѣтовъ.

Всѣ эти произведенія Аѳанасія напечатаны въ Скрижали 1656 года. Изъ нихъ Вопросо-отвѣты къ Антіоху переведены *Епифаніемъ Славинецкимъ*; кому принадлежитъ переводъ двухъ остальныхъ, неизвѣстно. Епифаній, имѣвшій, конечно, свѣдѣнія, говоря въ «Оглавленіи книгъ» о переводѣ, не называетъ переводчика [1]).

Преп. *Ефрема Сирина* Слово о худыхъ ризахъ инока.

Начало: Въ мірскомъ...

Мы знаемъ объ этомъ текстѣ изъ «Оглавленія книгъ» Епифанія Славинецкаго. Судя по замѣткѣ послѣдняго: «лѣта 7151», онъ напечатанъ въ 1643 г. Срв. указаніе на неизвѣстное теперь московское изданіе словъ Ефрема 1643 г. (*Каратаевъ*, № 553) [2]).

Завѣтъ святаго Еврема Сѵрина.

Начало: Азъ, Ефремъ, умираю; вѣдомо убо вамъ да будетъ, мужіе едесстіи...

Находится въ Синод. сборникѣ № 346, о которомъ см. выше, стр. 294. Напечатанъ въ сборникѣ словъ Ефрема и Дороѳея, М. 1701 [3]).

---

1) Срв. *Горскій и Невоструевъ*, II, 2, 43.

2) Повидимому, это — сборникъ, въ которомъ помѣщено, между прочимъ, слово Ефрема. Его же, повидимому, имѣетъ въ виду Епифаній, говоря въ «Оглавленіи книгъ» (стр. 11, 40, 42) о «Маргаритѣ московскомъ» 7151 или 7150 г. Срв. выше, стр. 300.

Паренесисъ Ефрема *впервые* напечатанъ въ Москвѣ въ 1647 г.

3) Въ этомъ изданіи напечатано нѣсколько словъ Ефрема въ новомъ переводѣ. Они перечислены *Пекарскимъ*, II, 50. О нихъ въ расходной книгѣ моск. печатнаго двора говорится: «..... а въ той же книгѣ Ефремѣ сдѣланы нынѣ въ прибавку новопреведеныя словеса, *преводу монаха Еѳѳимія...*» *Журн. М. Нар. Пр.* 1894 г., № 10, стр. 248 (статья Брайловскаго).

Еще два слова Ефрема Сирина переведены ок. 1693 г. *Досиѳеемъ Сочавскимъ*. Синод. Библ. № 446=*Горск. и Невостр.* № 128, лл. 279—295. Срв. выше, стр. 300.

М-тъ Евгеній (II, 23) сообщаетъ, что *Макарій Осницкій*, черниговскій іеромонахъ, перевелъ съ греческаго слова Ефрема Сирина и въ 1692 г. поднесъ переводъ патріарху Адріану. Но мы не знаемъ этого труда.

Во святыхъ отца нашего *Григоріа*, епископа *нссскаго*, о нищелюбіи слово 2.

Начало: Еще въ видѣніи страшнаго царя...

Еще слова того же св. отца: о душѣ, о покаяніи, на лихвящія, отъ недоумѣнныхъ, о житіи Моисея законоположника, похвала на преп. отца нашего Ефрема Сирина.

Находятся въ Синод. сборникѣ № 346, о которомъ см. выше, стр. 294. Похвала Ефрему напечатана въ собраніи словъ Ефрема и Дороѳея, М. 1701 (*Пекарскій*, II, 50). Переводъ сдѣланъ повидимому *Евѳиміемъ* [1]).

Святаго отца нашего *Кирилла*, архіепископа *іерусалимскаго*, Катихисмъ 1-й, или ученіе изустное просвѣщеннымъ въ Іерусалимѣ.

Катихисисъ 10.

Начало: Иже во единаго Бога Вседержителя вѣровати соблаговолиша....

Катихисисъ 18.

Начало: Корень всего благаго дѣянія есть надежда...

Кирилла, архіепископа *іерусалимскаго*, Катихисисъ таинственный къ сущимъ новопросвѣщеннымъ 1-й.

Начало: Желахъ съ вами и прежде, о истинніи...

18 огласительныхъ, 5 таинственныхъ Катихисисовъ и епистолія Кирилла къ императору Константину Августу.

Мы пользуемся рукописью Вахрамѣева № 94, 1744 г. Передъ текстомъ оглавленіе и предисловіе; въ концѣ послѣдняго рекомендуется читателю не давать книгу для чтенія не-христіанамъ [2]).

Переводъ *Евѳимія*, въ спискѣ-автографѣ Синод. Библ. № 133, кратко описанномъ *Горскимъ и Невоструевымъ*, II, 2, № 116, отличенъ отъ описаннаго нами [3]).

---

1) Объ отрывкѣ изъ житія Григорія Богослова см. выше, стр. 296.

2) Болѣе подробное описаніе сдѣлано *Титовымъ*: «Рукописи славянскія и русскія, принадлежащія И. А. Вахрамѣеву», I, 79, М. 1888.

3) Срв. *Викторовъ*, 288.

Преподобнаго отца нашего и исповѣдника *Ѳеодора* игумена *Студита* Катихисисъ, сирѣчь оглашеніе, ко своимъ ему ученикомъ.

(Слово 1-ое). О еже въ подвизѣ совершити все наше житіе.

Начало: Братіе и отци, понеже сподобихомся благодатію Христовою святую пасху совершити...

127 словъ.

Мы знаемъ лишь одинъ списокъ «Малаго Катихизиса» — Синод. Библ. № 715, подробно описанный *Горскимъ и Невоструевымъ,* II, 2, № 159, к. XVII в. Неизвѣстный переводчикъ [1]) воспользовался греческимъ текстомъ (неполнымъ) въ рукописи Синод. Библ. № 374 (*арх. Владимиръ*, № 205), изъ числа привезенныхъ съ Востока Арсеніемъ Сухановымъ. Переводъ — крайне буквальный и неясный, съ сочиненными славянскими словами [2]).

Фотіа, святѣйшаго патріарха константинопольскаго, посланіе Амфилохію, митрополиту кѵзическому.

Начало: Три знаменуемая еже Θεός имени...

Находится въ Синод. сборникѣ № 346, о которомъ см. выше, стр. 294—296.

Въ святыхъ отца нашего и исповѣдника *Германа*, святѣйшаго архіепископа константинопольскаго, Исторія церковная и таинственное зрѣніе.

Начало: Церковь есть храмъ Божій, святилище святое...

Мы пользуемся спискомъ Синод. Библ. № 378, к. XVII в., съ замѣтками на поляхъ, греческими словами оригинала и т. п. Передъ текстомъ Германа въ немъ находятся слѣдующія строки:

Сего святаго Германа, патріарха константинопольскаго, тол-

1) См. стр. 297, прим.

2) Древній переводъ «Малаго Катихизиса», между прочимъ, — въ Макар. Минеяхъ подъ 11 ноября.

Срв. *Викторовъ*, стр. 233, № 38.

кованіе на божественную литургію сицево есть, яко здѣ видимо, еже гречески напечатано въ Венетіи, въ лѣто отъ Христа 1639 [1]). По благословенію же святѣйшаго кvръ-Іоакима, патріарха всероссійскаго, преведеся на славенскій діалектъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ и написася рукою нѣкоего негли монаха (=*Евѳимія*), въ лѣто отъ созданія міра 7197 (=1689), въ обители Чюда великаго архистратига Михаила...

Извѣстно нѣсколько списковъ [2]).

Отъ этого перевода должно отличать другой — въ сборникѣ Моск. Арх. М. Ин. Д. № 735—1257, л. 299, половины XVII в., южно-русскаго происхожденія. Здѣсь заглавіе: Св. отца нашего *Германа*, архіепископа Константина града, о церковнихъ вещей созерцаніе и тайное разсужденіе; а начало: Церковъ храмъ есть Божій, мѣсто святое...

Зачиненія святыхъ апостоловъ, чрезъ *Климента*, ромскаго епископа же и гражданина, каѳолическое учительство.

Книга 1. О людинѣхъ.

Начало: Апостоли и пресвvтери всѣмъ сущымъ...

Намъ извѣстенъ списокъ Синод. Библ. № 474, автографъ Евѳимія, имѣющій замѣтку: начася 199 (=1691 г.), іуля 6 дня писати. Оригиналъ — Διαταγαὶ τῶν ἁγίων ἀποστόλων, διὰ Κλήμεντος τοῦ Ῥωμαίων ἐπισκόπου τε καὶ πολίτου ἡ καθολικὴ διδασκαλία [3]) — много разъ издавался въ XVII в. Переводчикъ — или (по м. Евгенію) Епифаній Славинецкій, или, скорѣе, Евѳимій. Онъ пользовался, судя по выпискамъ на поляхъ Синод. № 474, и греческимъ оригиналомъ, и какимъ-то латинскимъ переводомъ.

Языкъ — церковно-славянскій ученый [4]).

---

1) *Legrand*, I, № 284.

2) *Викторовъ*, 19, 81. Греческій текстъ—у *Migne'я*, XCVIII, и у *Красносельцева*, Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ литургическихъ рукописяхъ Ватиканской библіотеки, Каз. 1885, стр. 323. Свѣдѣнія объ Германѣ (VIII в.) и древній слав. переводъ толкованія — у *Красносельцева*, стр. 306 сл., 333.

3) *Migne*, I, 556.

4) Срв. *Строевъ*, 103, 107; *Викторовъ*, 7. — *Шляпкинъ*, Дим. Ростовскій, стр. 93, говоритъ о переводѣ «Зачиненій» съ польскаго, безъ основанія.

Синод. списокъ № 474 и сходный съ нимъ Ярославск. Спасо-Преображ. монастыря № 78—65, передъ Зачинеиіями, имѣетъ еще текстъ:

Епистоли, сирѣчь посланіе *Климента*, папы ромскаго, о житіи его.

Начало: Климъ Іакову господу и епископу.....

Эта статья — не что иное, какъ одна изъ редакцій Клементинъ; она извѣстна также въ древнемъ переводѣ (между прочимъ въ Макар. Минеяхъ подъ 25 ноября).

Святаго священномученика *Игнатіа*, архіепископа Божія града Антіохіи, посланія.

12 подлинныхъ и не подлинныхъ посланій, извѣстныхъ въ греческомъ текстѣ. Они перечислены *арх. Леонидомъ* въ описаніи Уваровскаго сборника № 2040, л. 431. Они также находятся въ Синод. № 346 (=*Горск. и Нев.* № 310), л. 1156, и въ Синод. № 436 (=*Горск. и Нев.* № 109). Послѣдній, судя по находящемуся въ немъ письму переводчика, м-та сочавскаго *Досиѳея*, къ патріарху Іоакиму, представляетъ подлинный текстъ переводчика; въ двухъ другихъ переводъ нѣсколько исправленъ [1]).

Предсловіе на книгу святаго священномученика *Діонѵсіа Ареопагита*, перваго по апостолѣхъ и крайнѣйшаго въ святыхъ отцехъ богослова, епископа бывша аѳинскаго, ученика святаго апостола Павла, и о двоищномъ преведеніи тоя святыя книги съ греческа діалекта на славенскій, когда и гдѣ, и коея ради вины второе преведеніе тоя книги бысть.

Благочестивому читателю въ Господѣ радоватися.

Начало: Понеже убо мнози предъ многими времены и лѣты и въ различныхъ мѣстѣхъ обрѣтошася въ славенскій нашъ

---

1) О Досиѳеѣ см. выше, стр. 300, 303.

Переводъ посланія Игнатія къ Богородицѣ и отвѣта ему Богородицы, сдѣланный *Курбскимъ*,—въ Синод. № 219, л. 429. Срв. выше, стр. 266.

языкъ прелагающіи божественная писанія отъ многомудраго и художнаго (на полѣ: хитраго) зѣло еллинскаго языка... (изъ перевода Исаіи 1371 г.)[1].

Въ серединѣ: Втораго же преведенія тояжде книги вина бысть сія. Понеже оная Исаіемъ монахомъ (сербиномъ явленно) преведеная книга отъ многихъ славенски преписующихъ... растлѣся... въ конецъ... Благоволеніемъ же Бога святаго....., отъ собранія святѣйшаго Никона патріарха..., четыри книги св. Діонѵсіа, на пергаминѣ писаныя, греческія, обрѣтошася. Къ симъ обрѣтеся тамо же, въ патріаршей книгохранильницѣ, греко-латинская печатная книга св. Діонѵсіа съ толкованми. Вторая, подобная тѣй, печатная же книга тогожде св. Діонѵсіа, точію инаго изданія, обрѣтеся у многомудраго и словеснаго мужа Епифаніа Славиницкаго..., яже вся сія греческія книги разсмотришася, и обрѣтошася съ собою (на полѣ: между собою) согласни въ разумѣ и реченіихъ.

И по благословенію *тогда сущаго* святѣйшаго *Іоакима* патріарха.... преведеся съ оныхъ греческихъ вышепомяненыхъ книгъ *вново* вся книга сія св. сего Діонѵсіа, и съ толкованми св. Максима, всецѣло... Содѣяся же сіе въ царство благочестивѣйшаго государя царя и великаго князя Алексіа Михайловича...., въ лѣто отъ зданія міра 7183..., въ царствующемъ великоградѣ Москвѣ, въ обители... зовемѣй Чудовѣ.... Потрудивыйся негли монахъ Ευθυμій.....

Въ царство же... Петра Алексіевича..., при правленіи корабля духовнаго церкве святыя восточныя... кѵръ-*Адріаномъ*.... патріархомъ, тщаніемъ богомудрымъ и иждивеніемъ преизобильнымъ всеусерднаго въ святыхъ писаніихъ разумѣній рачителя и предовольнаго читателя, мудролюбца, словолюбца и истиннолюбца, имущаго имя безсмертія тезоименное, преосвященнаго *Аѳанасіа*, архіепископа холмогорскаго и важескаго, въ достовѣрность, *печатнаго ради тисненія*, сіе преведеніе прочтеся и въ недоумѣнныхъ... нѣкіихъ реченіихъ.... исправися.

---

1) Срв. выше, стр. 20.

Къ сему же еще тогожде преосвященнаго Аѳанасіа архіепископа желаніемъ и преусердіемъ, преведеся на таяжде словеса св. Діонѵсіа пространнѣйшее и яснѣйшее Парафрасісъ Георгіа *Пахѵмера*, учителемъ схолъ еллинославенскихъ, сущихъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ, учителемъ, многоплоднаго (на полѣ: *Полѵкарпа*) отца сыномъ Богодаромъ (на полѣ: *Ѳеодоромъ*) благоплодовитымъ, уплодяющимъ не сугубо, но обильноплодно талантъ, егоже ввѣри ему общій всѣхъ Владыка въ ученіи его и вѣжествѣ.

Св. Максима на яже св. Діонѵсіа Ареопагита предсловіе.

Начало: Благородіе убо и свѣтлое же въ богатствѣ...

Оглавленіе.

Въ святыхъ *Діонисіа Ареопагита* О небесной іерархіи.

Глава 1. Къ пресвѵтеру Тимоѳею Діонѵсій пресвѵтеръ. Яко все божественное осіяніе, по благости различнѣ въ промышляемая происходящее, пребываетъ просто, и не сіе токмо, но и единотворитъ осіеваемая.

Начало: Всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ...

Содержаніе: о небесной іерархіи, о церковной іерархіи, о божественныхъ именехъ, о таинственномъ богословіи, посланія (10). Для внесенія Парафрасиса Пахимера передъ каждою главою или посланіемъ оставлено мѣсто.

Л. 365. О помраченіи солнца бывшемъ во время спасительныя страсти Христа Бога нашего. Діонѵсіа Ареопагита на посланіе 7, къ Полѵкарпу іерарху.

Начало: Божественному Лукѣ евангелисту глаголющу.... (съ чертежемъ, гдѣ употреблены латинскія буквы).

Л. 367 об. Житіе и похвала св. Діонѵсіа Ареопагита. *Изъ Минеи.*

Л. 370. Житіе и мученіе св. Діонѵсіа Ареопагита, ученика св. апостола Паѵла и склевретовъ его Рустика и Елеѵѳеріа. Списано отъ Метафраста и иныхъ древлнихъ восточныхъ и западныхъ списателей.

Начало: Діонѵсій святый бѣ отъ славнаго мудростію философскою въ Греціи града Аѳинъ, родителей славныхъ....

Переведено съ латинскаго?

Л. 372 об. *Сумеона Метафраста.* Житіе и жительство во святыхъ отца нашего Діонусіа Ареопагита.

Начало: Древле убо во образѣхъ быша, яже вѣры, и гаданіихъ...

Переводъ сдѣланъ Максимомъ Грекомъ. См. выше, стр. 265.

Пользуемся спискомъ Синод. Библ. № 55, съ поправками и и приписками Евѳимія (описаннымъ у *Горскаго и Нев.*, II, 2, 10)[1].

Иже во святыхъ отца нашего *Максима* ко Елпидію попу о любви, главизнъ четыреста.

Начало: 1. Любовь убо есть залогъ души благъ, имже...

Того же святаго Максима сотница вторая.

Начало: Глава 1. Любяй Бога истинно...

Напечатано въ Анѳологіонѣ 1660 г. Переводъ принадлежитъ *Арсенію Греку*[2]).

Нила, епископа и мученика, главы поучительныя.

Начало: Начало спасенію есть себе самого зазрѣніе...

Напечатаны въ Анѳологіонѣ 1660 г., послѣ «Главизнъ о молитвѣ», Нила, въ древнемъ (но исправленномъ) переводѣ. Переводчикъ намъ неизвѣстенъ; во всякомъ случаѣ это не Арсеній Грекъ и не Епифаній Славинецкій: ничто не говоритъ о принадлежности имъ этого перевода. Оригиналъ этихъ изреченій былъ изданъ въ первой половинѣ XVII в. (нач.: Ἀρχὴ σωτηρίας ἡ σεαυτοῦ κατάγνωσις)[3]).

---

1) Списокъ твореній Діонисія Ярославск. Спасо-Преображ. мон. XVII в., въ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ, съ тисненнымъ изображеніемъ двуглаваго орла на задней доскѣ,—содержитъ въ себѣ текстъ въ переводѣ Исаіи.

Предисловіе къ Синодальному сп., по м-ту Евгенію (I, 171), издано при позднѣйшемъ переводѣ «О церковномъ священноначаліи», Діонисія, М. 1787.

2) Срв. выше стр. 17.

3) *Migne*, LXXIX, 1250. Мы не входимъ въ разборъ, какой св. Нилъ — авторъ этого произведенія. Срв. выше, стр. 17.

Отъ слова святаго *Леонтія*, прозвитера Царяграда, о поминовеніи умершихъ.

Начало: Вонми разумно, аще надъ гробомъ ты нынѣ вино піеши или брашны услаждаешися...

Это извлеченіе изъ неизвѣстнаго намъ произведенія Леонтія[1]) помѣщается въ Синодикахъ. Мы пользуемся Синодикомъ Публ. Библ. Q. I. 1098, лл. 15 об.—16 об., нач. XVIII в.; оно находится еще въ Синодикѣ Публ. Библ. O. I. 81, XVIII в.[2]). Переводъ — позднѣйшій.

Аскетическія сочиненія.

Главы преведеныя отъ книги нарицаемыя *Рай* о дѣяніи и житіи преподобныхъ отецъ, Ниломъ инокомъ, нѣцыи же глаголютъ *Іоною Геометромъ* списаны быти ироелеіацки.

Глава 1. Яко безсмертна есть читающимъ польза.

Начало: Цвѣтущій рай святыхъ ликъ есть....

99 главъ.

Напечатано въ Анѳологіонѣ 1660 года. Переводчикъ, вѣроятно, — *Арсеній Грекъ*. Крумбахеръ (Geschichte d. byzantin. Litteratur², 734, 736) упоминаетъ о книгѣ *Рай* Іоанна Геометра (99 четверостишій, изреченій славныхъ аскетовъ), иногда приписываемой въ рукописяхъ Нилу и изданной въ Венеціи въ 1563 г.

---

1. Исповѣданіе грѣховъ своихъ повседневныхъ къ самому Господу Богу, любомудрѣйшаго *Каллиста Ксанфопула*, въ истинну душеполезно и спасительно, вспоминаютъ бо ся въ семъ исповѣданіи человѣческія наши страсти.

---

1) О цареградскомъ пресвитерѣ Леонтіи (XIV в.?) упоминаетъ *Крумбахеръ*, Gesch. d. byzant. Litter.², 169.

2) *Пѣтуховъ*, Очерки изъ литературной исторіи Синодика, Спб. 1895, стр. 132.

Въ «Мечѣ» Лихудовъ, а вмѣстѣ съ нимъ и въ «Щитѣ вѣры», какъ 20-е разглагольствіе, помѣщенъ переводъ бесѣды епископа газскаго *Самона* (XI в.) съ сарациномъ о пресуществленіи. *Смѣнцовскій*, Лихуды, 238.

Начало: Исповѣдаю ти ся, Отче Господи Боже, творче небеси и земли, видящему единому тайная сердца моего....

Издано въ «Брашнѣ Духовномъ», Иверск. монастырь, 1661, лл. 112—120. Есть списки.

Это «Исповѣданіе» извѣстно также въ болѣе древнемъ переводѣ (см. выше, стр. 17).

2. Малѣйшихъ въ пустынницѣхъ *Каллиста* (и) *Игнатіа Ксанѳопуловъ* Художество и правило съ Богомъ (на полѣ: съ Божіею помощію) опасно (на полѣ: извѣстно) и отъ святыхъ имущо свидѣтелства о изволяющихъ безмолвно пожити и иночески и о пребываніи и жителствѣ и пищи ихъ и о еже еликихъ благъ виновно безмолвіе бываетъ проходящымъ е. Раздѣлися же настоящее слова сего списаніе на сто главъ. Глаголется же наименованіе книги сея *Рай*, яко мало не отъ всего божественнаго писанія обдержитъ въ себѣ свидѣтелство [1]).

Предисловіе слова, еже и первыя главы число имать, о сущемъ въ вѣрныхъ Святымъ Духомъ божественнѣмъ и вышеестественнѣмъ дарѣ же и благодати. Глава 1.

Начало: Подобаше убо намъ по божественнымъ рещи глаголомъ...

100 главъ. Какъ 101-я глава слѣдуетъ статья:

О блаженныхъ отцехъ нашихъ Каллистѣ патріарсѣ и Игнатіи, отъ книги Симеона Ѳессалонитскаго, во главѣ, яже о божественномъ послѣдованіи, 295 страницѣ.

Начало: Изряднѣе же во дни наша сія...

Отъ Церковныя повѣсти Мелетіа Аѳинскаго, въ книзѣ 14, главѣ 5, числѣ 8.

Начало: Каллистъ второй иже отъ Ксанѳопуловъ монастыря....

---

1) Курбскій получилъ изъ Псково-Печерскаго монастыря, вѣроятно, отъ Вассіана Муромцева (между 1563 и 1570 гг.; см. выше, стр. 280, прим.), какую-то «книгу глаголемую *Райскую*». «Мню, пишетъ онъ, яко недостаточествуетъ сіе имя, но во истинну небесной красотѣ уподобленна и всякими преудобренными словесы украшена и священными догматы свидѣтельствована» (*Прав. Собесѣдн.* 1863 г., ч. II, стр. 550). Что это за книга, мы не знаемъ.

Мы пользуемся рукописями Ново-Іерусалимскаго монастыря № 94, 1788 г., и Румянц. Музея Унд. № 547, 1791 г. Еще списокъ находится въ Хиландарскомъ монастырѣ на Аѳонѣ (по Саввѣ Хиландарцу № 392), XVIII в.[1]).

Святѣйшаго Фотіа, патріарха константинопольскаго, свидѣтельство о книзѣ преподобнаго отца нашего аввы *Марка.*

Начало: Прочтеся книга Марка инока въ осми словесѣхъ, ихъже первое...

Преподобнаго и безсмертнаго отца нашего *Марка* о покаяніи всѣмъ всегда приличествующемъ, егоже силу дѣйствія вѣрніи и прежде дѣланія благодатію крещенія пріяша.

Слово 1. Начало: Господь нашъ І. Христосъ, Божія сила и Божія премудрость....

8 словъ[2]).

Мы пользуемся вышеозначенною рукописью Ново-Іерусал. монастыря. Новый переводъ.

Предисловіе и предпутіе хотящимъ чести сію книжицу и не погрѣшати разума въ ней лежащаго.

Начало: Мнози убо чтущіи сію святую книжицу св. *Григорiа Синаита* и не вѣдуще искуса умному дѣланію...

Принадлежитъ переводчику. Есть ссылка на Нила Сорскаго.

Святаго *Григорія Синаита* предисловіе на книгу сію о еже яко нѣсть наша брань къ крови и плоти и что есть брань и кто есть воинъ и всеоружество Божіе.

Начало: Станище есть добродѣтелей разстояніе, позорище же ангеловъ...

Иже во святыхъ отца нашего *Григорія Синаита* главы чрезъ краегранесіе зѣло полезны, ихъже краегранесіе есть сіе: словеса различна...

---

1) Сочиненіе писателей XIV вѣка Каллиста и Игнатія Ксанѳопуловъ — у *Migne'я*, p. graeca, т. CXLVII, 636 сл. Срв. *Krumbacher*, Geschichte der byzant. Litteratur [2], 159—160.

2) Сочиненіе Марка—у *Migne'я*, LXV, 965.

1. Сличесу убо быти кому или быти по естеству...

135 небольшихъ главъ.

Другіе главизны тогожде.

Тогожде о безмолвіи во главизнахъ пятинадесятихъ о двою образу молитвы.

Тогожде *Григорія Синаита* вѣдѣніе извѣстно о безмолвіи и молитвѣ, еще же о знаменіихъ благодати и прелести.

Тогожде *Григорія Синаита* о четырехъ священноначальствіихъ, колижды священноначальство глаголется и елицеми раздѣляется уставное вѣдѣніе.

Преподобнаго отца нашего *Григорія Синаита* вопросъ ко св. Максиму Кавсокаливиту.

Начало: Рцы ми, молю, честнѣйшій отче, держиши ли умную молитву...

Мы пользуемся той же рукописью Ново-Іерусал. монастыря. Кажется, только первая и послѣдняя статьи изъ сочиненій Григорія Синаита переведены вновь. Остальныя были извѣстны въ русской литературѣ давно (см. Троицк. Лавры № 186; см. выше, стр. 15), но переводъ ихъ провѣренъ по греческому оригиналу. На поляхъ варіанты къ тексту и ссылки на греческій оригиналъ; на л. 148 отмѣчено: «въ словенскомъ лежитъ тако».

Иже во святыхъ отца нашего Семіона Новаго Богослова предисловіе и показаніе яже о вниманіи и молитвѣ. Слово 24.

Тогожде художество тріехъ образовъ священнаго вниманія и молитвы.

Въ той же Ново-Іерусалимской рукописи (л. 154 об.). О текстѣ можно сказать то же, что и о текстѣ статей Григорія Синаита. Срв. Троицк. Лавры № 180, л. 82 об.

Слово о храненіи сердца, пользы исполненно, *Никифора* монашествующаго.

Начало: Елицы великолѣпное Спаса нашего І. Христа божественное...

Въ той же Ново-Іерусалимской рукописи (л. 157). Повидимому, новый переводъ[1]).

Языкъ всѣхъ статей Ново-Іерусалимской рукописи — церковно-славянскій тяжелый, но удобопонятный.

Гдѣ сдѣланъ переводъ (или исправленіе), опредѣлить нѣтъ данныхъ. Если судить по напечатанію «Исповѣданія» Каллиста въ Иверскомъ монастырѣ, переводчикъ былъ монахъ этого монастыря въ половинѣ XVII в.

Слово *аввы Исаака* сі (= со) архаріемъ монахомъ, сирѣчь новопостриженнымъ. Преведено отъ еллинскаго языка на греческій простый Діонисіемъ іеромонахомъ риторомъ на пользу употребляющимъ.

Начало: Братіа и отцы, сія словеса и заповѣди написа авва Исаакъ новопостриженнымъ монахомъ....

Подобаетъ монаху, да не взираетъ сѣмо и овамо....

Въ концѣ: Преведено малѣйшимъ святогорскимъ *Космою* и подано пречестному монаху іеродіакону міръ (= киръ) Дамаскину.

Единственный списокъ, намъ извѣстный,—Уваров. № 2071, конца XVII или нач. XVIII в. (лл. 14 об.—17).

Языкъ — церковно-славянскій.

Творенія Симеона Солунскаго.

1) Читателю православному въ Господѣ радоватися всеусердно желаю.

Начало: О священная главо, Божій іерею, читая книгу сію священную....

Между прочимъ: Человѣкъ грубъ и ненаказанъ трудися въ велицѣмъ дѣлѣ сему преведенія, принужденъ отъ великаго начальника духовнаго; и не можетъ быти... дѣло сицевое безъ по-

1) Греческій текстъ—у *Migne'я*, CXLVII, 945.

грѣшенія, ово отъ трудящагося въ преведеніи невѣжди суща и отъ старости одряхлѣвша и умною и памятною силою оскудѣвша... И понеже убо яко преведеся святая сія книга съ греческаго, по елико Духъ Святый вразуми, тако въ простѣ положися, ниже соборнѣ прочтеся и свидѣтельствовася, и аще еще и требуетъ въ нѣкіихъ поправленія, но нѣкая препятія не допустиша, наипаче же вскорѣ нашедшій предѣлъ смерти святѣйшаго Іоакима патріарха постиже, желанно повелѣвшаго преводити книгу сію, ради пользы всѣхъ, наипаче духовнымъ, по немъ же преемника престола и власти его святѣйшаго Адріана патріарха многовременная немощь донынѣ не допустиша прилежнѣйше прочести съ искуснымъ и вѣжнымъ человѣкомъ, добрѣ вѣдущимъ и реченія, и разумѣнія обѣихъ діалектовъ, греческаго глаголю и славенскаго....

Симеона блаженнаго, архіепископа *ѳессалоникійскаго*, на вся ереси и о единѣй правѣй христіанстѣй нашей вѣрѣ, священныхъ же службахъ и таинствахъ церковныхъ разглаголаніе, о божественнѣмъ же храмѣ и сущихъ въ немъ архіереехъ и іереехъ и діаконѣхъ и о сихъ священныхъ одеждахъ, имиже кійждо одѣяются, и о божественномъ священноводствѣ, о сvмволѣ же толкованіе православныя христіанскія вѣры, и того реченій изложеніе, откуду собрашася и на кіихъ сложенна суть. Еще же обдержательныя главы или члены дванадесять, и яко сія обдержитъ священный сvмволъ. И о объятельныхъ добродѣтелехъ. Отвѣты же на нѣкая вопрошенія архіерея къ вопросившему его. И конечное о священствѣ.

Съ нимиже мудрѣйшаго и словеснѣйшаго *Марка* Еvгеника, митрополита *ефесскаго*, повѣствованіе церковнаго послѣдованія.

Патріарха іерусалимскаго Досиѳея обращеніе 1) къ Іо. Дукѣ; 2) къ читателямъ. Начало: 1) Уравняя нѣкто святыхъ отцевъ...; 2) Всякій ловецъ художенъ сый...

Къ сему приглаголательно вкратцѣ мало нѣчто о благодареніи къ Богу (*переводчика*).

Начало: Дадите убо, славолюбци или богодаролюбци...

Между прочимъ: ... священную сію книгу, юже пріемъ дарованную отъ святѣйшаго кѵръ-Досиѳеа... святѣйшій кѵръ-Іоакимъ, всероссійскій патріархъ, повелѣ въ славенскаго діалекта претолкованіе яко въ многоцѣнную и драгоупещренную ризу одѣяти.... Прочее молите, духовніи отци,... православныя цари и великія князи Іоанна Алексіевича, Петра Алексіевича...., да повелятъ; святѣйшаго кѵръ-Адріана... просите, да благословитъ новопреведеную книгу сію... печатнымъ тисненіемъ въ преславнѣйшемъ великоградѣ Москвѣ издати....

Чинъ въ книзѣ лежащихъ вещей, блаженнаго Сѵмеона, архіепископа ѳессалонитскаго (краткій перечень статей); здѣсь, между прочимъ, о присылкѣ печатнаго экземпляра греческаго ясскаго изданія патр. Досиѳеемъ патр. Іоакиму, «яже по его, святѣйшаго Іоакима патріарха, благословенію преведеся съ еллинска на славенскій діалектъ въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ, въ обители святаго архистратига Михаила, ... Чудовѣ зовемой, нѣкіимъ грѣшнымъ негли монахомъ; въ недоумѣнныхъ же нѣкіихъ реченіихъ исправися съ древлія рукописаныя книги, еллински писаныя въ лѣто 7041 въ самомъ градѣ Ѳессалоникѣ..., обрѣтающіяся у учителей еллинскаго діалекта, іеромонаховъ Іоанникія и Софронія самобратовъ Ликудіевыхъ... Начася же книга сія преводитися... въ лѣто 7194 (=1686), іаннуарія въ 27 день; совершися же въ лѣто 7197 (=1688), октоврія въ 10 день....

Оглавленіе.

Листъ 24. Блаженнѣйшаго архіепископа ѳессалоникійскаго Сѵмеона разглагольство въ Христѣ на вся ереси...

Начало: Архіерей. Въ Христѣ единороднѣмъ сынѣ Бога и Отца... (разговоръ архіерея съ клирикомъ).

Л. 258. Тогожде *толкованіе о божественнѣмъ храмѣ* и сущихъ въ немъ священницѣхъ же и діаконѣхъ....

Начало: Отъ любве божественныя подвижени ко еже вѣдѣти...

Л. 275. Тогожде *толкованіе* созрительно *на* православный и непорочный нашея вѣры христіанскія божественный и священный *сѵмволъ*.

Начало: О священнѣйшемъ сѵмволѣ истинныя и единыя христіанскія нашея вѣры нуждно убо и спасительно...

Л. 297. Обдержательныя, яко можно, единыя христіанскія нашея вѣры главы 12, яже нѣціи члены зовутъ вѣры, явленше сложеныя отъ блаженнаго ... Сѵмеона, и яко сія обдержитъ божественный сѵмволъ, и о обдержательныхъ добродѣтелехъ.

Начало: Истинная и едина христіанъ насъ вѣра...

Л. 309. Тогожде отвѣты на нѣкая вопрошенія, архіерею вопросившу его.

Предословіе. Подобаше убо таковая...

Л. 348. Мудрѣйшаго и словеснѣйшаго *Марка* Евгеника, митрополита *ефесскаго*, повѣствованіе (на полѣ: толкованіе) о церковномъ послѣдованіи.

Начало: Подобаше убо по повелѣвающей заповѣди непрестанно....

Въ концѣ: Напечатася въ Гіасіи Молдовіи, иждивеніемъ убо всесвѣтлѣйшаго ....Іоанна Дуки, воеводы всеа Молдовлахіи и повелителя всея украины, потщаніемъ же и исправленіемъ словеснѣйшаго господина Іоанна Моливда Перинѳоа, отъ боголюбезнѣйшаго епископа хусійскаго господина Митрофана, въ лѣтѣ 1683.

Слѣдуетъ подробный «каталогъ» или предметный указатель (по буквамъ русскаго алфавита), послѣ котораго стихотворная «молитва или законченіе трудившагося въ дѣлѣ семъ» (акростихъ: Еѵѳѵміос) и замѣтка, что «каталогъ» начатъ составленіемъ 18 сентября 7198 (=1689) года, а оконченъ 19 октября того же года «въ градѣ Переаславлѣ рязанскомъ, въ келліи преосвященнѣйшаго Авраамія, митрополита рязанскаго и муромскаго, многогрѣшнымъ тѣмъ же монахомъ, иже преведе книгу сію съ греческаго діалекта на славенскій».

Мы пользуемся отличнымъ, современнымъ переводу спи-

скомъ Спб. Дух. Ак. Соф. № 1693, съ которымъ вполнѣ согласенъ принадлежавшій Евѳимію, отчасти его рукою писанный списокъ Синод. Библ. № 283, описанный *Горскимъ и Невоструевымъ* (II, 2, № 180). Списокъ Синод. Библ. № 654 (=*Горск. и Нев.* № 179) имѣетъ «предувѣдомленіе» отъ имени патріарха Адріана объ изданіи перевода твореній Симеона (издано *Горск. и Нев.* II, 2, 486), съ упоминаніемъ о 7201 годѣ (=1693).

Переводъ принадлежитъ *Евѳимію*. Онъ — крайне букваленъ и не вездѣ удобопонятенъ.

Вѣроятно, съ цѣлію сдѣлать его болѣе яснымъ, проживавшій въ Москвѣ митрополитъ сочавскій *Досиѳей* пересмотрѣлъ его и исправилъ по оригиналу. Результатъ его работы дошелъ до насъ лишь въ одномъ спискѣ, его автографѣ, — Синод. Библ. № 727 (*Горск. и Нев.* № 184)[1].

2) *Сѵмеона* блаженнаго, архіепископа *ѳессалоникійскаго*, на ереси и о единой правой нашей христіанской вѣрѣ и священныхъ службахъ и тайнахъ церковныхъ двоесловная бесѣда, и о божественнѣмъ храмѣ и о иже въ немъ архіереевъ и іереевъ и діаконовъ и тѣхъ, ихъже кійждо ихъ одеждами святыми одѣяется... При томъ содержительныя православныя вѣры главы, си есть составы, дванадесять, и яко сихъ обдержитъ священный сѵмволъ. И о обдержительныхъ добродѣтелехъ. И отвѣты къ нѣкіимъ вопросамъ архіереа вопросившу его, и послѣди о священствѣ.

Потомъ мудрѣйшаго и словеснѣйшаго *Марка* Еѵгеника, митрополита *ефесскаго*, толкованіе церковныя службы, и о нихъ оглавленія нуждная и пребогатая два.

Напечатася иждивеніемъ.... кѵръ-господина Іоанна Дуки,

---

1) *Строевъ*, 100.—*Викторовъ*, 20, 206, 284. Книга о храмѣ находится также въ Синод. сборникѣ № III, л. 29.

Часть перевода Евѳимія (книга о храмѣ и толкованіе на литургію) издана *Дмитревскимъ* въ приложеніи къ его сочиненію: «Историческое, догматическое и таинственное толкованіе на литургію», М. 1823.

Часть статьи Симеона о символѣ вѣрѣ, кажется, въ переводѣ Досиѳея,— въ сборникѣ Увар. № 2040, л. 118. — О Досиѳеѣ см. выше, стр. 300.

воеводы всея Молдовлахіи... Въ лѣтѣ спасительномъ 1683-мъ, въ мѣсяцѣ октомвріи, въ Іасѣ Молдавіи.

Стихи Іо. Дукѣ. Начало: Дука Молдавіи зѣло славный владѣтель земли.... Подпись: Іоаннъ.

Патріарха іерусалимскаго Досиѳея обращеніе 1) къ читателямъ и 2) къ Іо. Дукѣ. Начало: 1) Всякъ ловитель, искусенъ сущій..., 2) Уравняя нѣкто изъ святыхъ отцевъ....

Оглавленіе.

Л. 40. Блаженнѣйшаго архіепископа селунскаго Сѵмеона двоесловная бесѣда о Христѣ на вся ереси...

Начало: Архіерей. Во Христѣ единороднаго Сына Божія...

Л. 539. О божественнѣмъ храмѣ и иже въ немъ іереевъ же и діаконовъ....

Начало: О божественнѣй любви подвизаемый во еже научитися....

Л. 728. Премудрѣйшаго и словеснѣйшаго *Марка* Евгеника, митрополита *ефесскаго*, толкованіе божественнаго послѣдованія.

Начало: Подобаше убо по повелѣющей заповѣди непрестанно....

Л. 749. Конецъ книги сея. Напечатася во Гіасіи Молдавскія земли..., въ лѣто отъ Христа 1683.

А на словенскій языкъ преведеся по силѣ отъ многогрѣшнаго толкователя Николая *Спаѳаріа* лѣта 7206-го (=1697), септемвріа въ 26 день.

Мы пользуемся отличнымъ спискомъ Моск. Арх. М. Ин. Д. № 277—656, к. XVII в.[1]). Съ нимъ вполнѣ сходенъ (но не имѣетъ указанія на переводчика) списокъ Публ. Библ. F. I. 652, 1699 г. Третій, неполный списокъ находится въ Спб. Дух. Ак. № А. 23 (подробно описанъ *Родосскимъ*, стр. 27—29)[2]).

Переводъ Спаѳарія (который — кстати сказалъ — имѣлъ въ рукахъ переводъ Евѳимія) — еще болѣе неудобопонятенъ, чѣмъ

1) Срв. *Строевъ*, 264.

2) Еще списокъ, XIX в., находится въ Кіевск. Дух. Ак. (изъ рукописей м-та Макарія). *Петровъ*, I, № 22.

переводъ Евѳимія. Языкъ — церковно-славянскій ученый, съ многочисленными неправильностями въ сочетаніи словъ и вообще въ синтаксисѣ.

Творенія Симеона Солунскаго, вмѣстѣ съ толкованіемъ на литургію Марка Ефесскаго, были изданы іерусалимскимъ патріархомъ Досиѳеемъ въ Яссахъ въ 1683 г.

Съ сочиненіемъ Симеона о церкви не слѣдуетъ смѣшивать книгу Ѳеодосія *Софоновича*: «Выкладъ о церкви святой и о церковныхъ речахъ, о службѣ Божой и о вечерни, зъ святого Сѵмеона, архіепископа солунскаго, и изъ иныхъ ѵчителей церковныхъ выбранный» (1-ое изданіе — Кіевъ, 1667; 2-ое изданіе— Кіевъ, 1668), извѣстную въ церковно-славянскомъ переводѣ («Сказаніе о церкви...») во многихъ спискахъ. Это не переводъ, а самостоятельный трудъ Софоновича, воспользовавшагося, сверхъ сочиненія Симеона, нѣсколькими сочиненіями греческихъ и латинскихъ отцовъ церкви [1]).

---

1) О Симеонѣ Солунскомъ († 1428 г.) см. статью *Соколова* въ *Чтеніяхъ Общ. Люб. Дух. Просв.* 1894 г., № 7.—О переводахъ твореній Симеона Солунскаго на церк.-слав. языкъ см. въ статьѣ Красносельцева, *Прав. Собесѣдн.* 1872 г., № 5, стр. 41 сл. Здѣсь же, стр. 38—39, о «Выкладѣ» Софоновича и спискахъ его великорусскаго перевода. О послѣднемъ еще *Горскій и Невоструевъ*, II, 2, 420. Вполнѣ возможно, что этотъ переводъ «Выклада» сдѣланъ въ Иверскомъ монастырѣ въ 1669 г. и доставленъ архимандритомъ этого монастыря Ѳеодосіемъ новгородскому митрополиту Питириму. *Строевъ*, 306; *Шляпкинъ*, Димитрій Ростовскій, 134, примѣч.

Небольшой отрывокъ: «Кѵръ-Симеона Солунскаго о священницѣхъ» (вопросы и отвѣты), находится въ сербскомъ сборникѣ 1646 г., собранія Шафарика.

Любопытно, что Дамаскинъ (іеродіаконъ Чудова монастыря, лицо близкое къ Евѳимію) въ 1705 г. писалъ Гавр. Домецкому слѣд.: Ты говоришь, что книги Симеона въ Москвѣ нѣтъ и не было; а она есть, и не одна. Рукописная греческая была пріобрѣтена для патріаршей библіотеки при Никонѣ. Печатное изданіе, ясское, прислано патр. Іоакиму патр. Досиѳеемъ. А третья книга—въ славянскомъ переводѣ молдовлахійскаго епископа Іоакима (*Яхонтовъ*, Іеродіаконъ Дамаскинъ, 48). Значитъ, Дамаскинъ зналъ только текстъ Досиѳея Сочавскаго?

Полемическія сочиненія.

Книга глаголемая *Рушка*, сірѣчь разрушающая догматы и богословіе латыньское. Отвѣты *Григорія* (*Паламы*), архидіакона бывшаго церкви селунскія, иже потомъ и архіепископъ бысть тоя же церкви селунскія, и изъ оглавленія его, и отъ *Нила* (*Кавасила*) чуднаго собраніе обличительно на всѣхъ мудрствующихъ латынская. И кои богословцы написаша Духа Святаго отъ Отца исходящаго, кои же и отъ Сына, и на тѣхъ указъ, что ради та́ко рекоша, и малія рекоша, яко и отъ Сына, отъ Отца же вси, паче же иже въ чудесѣхъ и знаменіихъ явившеися, и до нынѣ свидѣтельствуютъ.

Заглавіе:

Главизны здѣ предложишася отъ части нѣкыя малы, еликіа латины излагаютъ, исполнь суще хулы и всякіа ереси и показующе ихъ непричастныхъ благодати и дара божественнаго и животворивагo Духа Божія, и ничтоже отъ божественныхъ велѣній и православныхъ и (?) вѣдящихъ отнюдъ.

Начало: Понеже убо латины, по божественномъ рещи апостолу, не искусиша имѣти Бога въ разумѣ, предастъ ихъ....

Мы знаемъ одинъ списокъ — Чудова монаст. № 288, к. XVII — нач. XVIII в. Переводъ — плохой и, несомнѣнно, позднѣйшій.

Языкъ — церковно-славянскій, сбивающійся иногда на русскій приказный [1]).

(Посвященіе издателя:)

Святѣйшимъ блаженнѣйшимъ четыремъ патріархомъ каѳолическія и апостольскія Христовы церкве восточныя и свѣтозар-

---

1) Есть извѣстіе, что въ 1632 г. въ Москвѣ протосингелъ александрійскаго патріарха Іосифъ, по приказанію царя и патріарха, переводилъ съ греческаго языка на славянскій книги «на латинскія ереси». Въ 1634 г. онъ умеръ, и царь далъ на поминъ его души 100 рублей «для его многіе службы». *Макарій* Исторія р. церкви, XI, 71—73. Не есть ли «Рушка» — плодъ его труда, исполненный, какъ это часто было при несовершенномъ знаніи церковно-славянскаго языка переводчикомъ, — при участіи какого-нибудь дьяка или подьячаго?

ныя, Кѵриллу константинопольскому, Герасиму александрійскому, Аѳанасію антіохійскому, Ѳеофану іеросолѵмскому....

Во святыхъ отца нашего *Григоріа*, архіепископа *ѳессалоникійскаго*, слово назидательное первое, яко не и изъ Сына, но изъ единаго Отца исходитъ Духъ Святый.

Начало: Паки лютый и началозлобный змій свою главу на ны вознося....

Того же святаго Григоріа слово второе о происхожденіи Святаго Духа, яко не и изъ Сына, и на сущая отъ латинъ изъ божественнаго писанія въ защищеніе ихъ негли предлагаемая.

Начало: О ихъже убо требоваше и самому благочествующихъ каталогу...

Въ концѣ: Совершися 201-го (= 1692), октов(рія) въ 16 день.

Мы знаемъ лишь одинъ списокъ — Моск. Рум. Муз. Унд. № 475, подробно описанный его бывшимъ владѣльцемъ. Первые 39 листовъ—автограѳъ Евѳимія. По Ундольскому, переводъ посвященія и текста Паламы сдѣланъ съ изданія: Γεωργίου τοῦ Σχολαρίου σύνταγμα, ἐπιγραφόμενον Ὀρθοδόξου καταφύγιον, τοῦ ὕστερον γενομένου Γενναδίου μοναχοῦ, τμῆμα πρῶτον περὶ τῶν αἰτίων τοῦ σχίσματος...., Лондонъ, 1624[1]).

Святѣйшаго и блаженнѣйшаго отца нашего *Нила*, архіепископа *ѳессалоникійскаго*, о Святѣмъ Дусѣ, въ немъже противоглаголетъ латиномъ въ главахъ же.

Главы латиновъ. Словеса латинъ, изъ нихъже мнятся показати Духа Святаго и изъ Сына исходяща.

Словеса латинъ, глава 1.

Начало: Первое убо древльное нѣкое есть мнѣніе каѳолическія церкве и изъ Сына исходити Духу непщевати, не отъ Аѵгустина или онсицы, якоже нѣціи непщуютъ, начало пріемшю...

1) О Григоріи Паламѣ (XIV в.) и его сочиненіяхъ — *А. Н. Поповъ*, Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ, М. 1875, стр. 296 сл. Срв. выше, стр. 20.

1) 49 главъ латинскихъ (гдѣ излагаются доводы латинянъ), 2) 5 «Словъ» объ исхожденіи Св. Духа и 3) опроверженіе 49 главъ латинскихъ.

Мы пользуемся бѣловою рукописью Синод. Б. № 198 (=*Горск. и Нев.* № 178), принадлежавшею Евѳимію, съ поправками и приписками (на поляхъ) Евѳимія. На оборотѣ послѣдняго листа имъ приписано: «чтена до 31 тетради». Судя по ошибкамъ переводчика (напр. л. 76 об.: Несторію глаголемыхъ; исправлено Евѳиміемъ на: Н—*емъ*), переводъ принадлежитъ не Евѳимію, а Ѳедору Поликарпову или кому-либо изъ его товарищей, и сдѣланъ послѣ 1693 года, когда Ѳ. Поликарповъ перевелъ сочиненіе патр. Нектарія о власти папской, на которое есть ссылка на л. 281 (на полѣ), по-русски, какъ бываетъ при ссылкахъ только на славянскіе тексты.

Часть текста: Отъ книги иже во святыхъ отца нашего Нила Кавасила, архіепископа селунскаго, на латинскія сѵллогисмы отвѣтствованія (главизна латинская 11 съ отвѣтомъ на нее Нила и статья: Яко нѣсть мощно латиномъ сѵллогисмами указати Духа Святаго отъ Сына исходяща), находится въ рукописи Академіи Наукъ 17. 13. 15, к. XVII в. (всего 17 листовъ)[1].

Есть списки; одинъ, Флорищ. пуст.,—1699 г. (*Викторовъ*, 234).

Языкъ — церковно-славянскій ученый.

---

1) Подробное описаніе перевода — у *Горскаго и Нев.*, II, 3, 481. Срв. *Смендовскій*, Лихуды, 232.

Это сочиненіе извѣстно также въ древнемъ (XIV в.) переводѣ. Сербскій списокъ XIV в.—въ Синод. Библ. № 383 (=*Горск. и Нев.* № 175). О немъ см. въ «Оглавленіи книгъ» Епифанія Славинецкаго. Едва ли не этотъ древній переводъ имѣетъ въ виду Курбскій, сообщая во 2-мъ письмѣ къ К. Мамоничу о доставленіи князю К. Острожскому отъ Святой Горы книги Григорія и Нила Селунскихъ.

Толкованіе Нила Кавасила на литургію, находящееся въ сборникѣ Моск. Арх. М. Ин. Д. № 735—1257, южно-русскаго происхожденія,—переведено, судя по всему, въ южной Руси (ср. выше, стр. 298). То же можно сказать и о переводѣ связаннаго съ нимъ сочиненія *Максима* мниха «о церковной мѵстагогіи», находящемся въ той же рукописи.

Сказаніе о срацынской вѣрѣ. Начало сей книзѣ изложено бысть отъ латынина *Риклада*, сущу ему бывшю въ чину учителя по закону срачиньскому и пакы возвратившюся ему къ своей вѣрѣ латыньстѣй въвсяси (sic). Имущу предсловіе сицево.

Начало: Колико есть дній раба твоего, когда сътвориши ми отъ гонящихъ мя судъ...

Извѣстно намъ по спискамъ іюльской книги Макарьевскихъ Миней, обѣихъ — новгородской и московской — редакцій (подъ 31 числомъ). Одинъ изъ списковъ — Троицкой Лавры № 730 — относится къ XVI вѣку.

Переведено съ греческаго языка. Оригиналъ—греческій переводъ сочиненія нѣкоего Рихарда (XIII вѣка), сдѣланный Димитріемъ Кидонскимъ (списокъ оригинала— Синод. № 360). Русскій переводъ — неполный; въ немъ находятся только предисловіе, главы 1-я, 2-я, 13—17-я (всѣхъ главъ 17), именно главы съ историческимъ содержаніемъ. Въ концѣ прибавленіе русскаго переводчика (по списку Синод. № 182, л. 810):

Молла Гавзадинъ слѣпъ былъ, а жена у него была царица Барака, царя сестра, а сынъ былъ у него Мунзи-Богатырь. Тотъ прѣлся съ митрополитомъ съ Алексѣомъ въ Ордѣ предъ царемъ, коли царицу слѣпу просвѣтилъ Амауратову (примѣчаніе: а бакшей[1]) сказывалъ Зенебѣкову) въ Орданѣ. А сказывалъ бакшей: Махметь жилъ 63 лѣтъ..., а какъ умеръ, тому 884 лѣта. А сказывалъ себѣ тысящу лѣтъ лежати до втораго. По-татарьскы отошло 800 лѣтъ и 80 и 4, а по-рускы 982. Ино татарьскаго лѣтописца осталося 100 и 16 лѣтъ, а рускаго 18 лѣтъ.

Если принять за годъ смерти Магомета 632 г. и взять цифру татарина писца 884, то получится 1516 годъ; эта цифра — дата нашего перевода.

Языкъ — плохой церковно-славянскій. Изложеніе — нескладное.

---

1) Татарское слово; значитъ: писецъ.

[illegible]

Житіе и страданіе [illegible] *Екатерины* [illegible] съ греческаго языка на словенскій.

Начало: Съ [illegible]...

Собственно-житіе начинается такъ: Сіи [illegible] бяше отъ [illegible] града Александрія...

Издано въ печатномъ Авеологіонѣ. М. [illegible] г. Переводчикъ — *Арсеній Грекъ*. Оригиналъ находится въ [illegible] Συμεῶνος τοῦ Μεταφραστοῦ μεταφρασθέντα παρὰ Ἀγαπίου μοναχοῦ τοῦ Κρητὸς εἰς τὴν κοινὴν διάλεκτον, [illegible] Βενετία, 1641.

Много списковъ.

Мѣсяца марта въ 17 день Житіе и жительство преподобнаго и богоноснаго отца нашего *Алексія Человѣка Божія*.

Начало: *Се достиже время воздержанія, возлюбленіи, поприще отверзеся...*

Собственно-житіе начинается такъ: Во времена благочестивѣйшихъ царей Аркадія и Оноріа бяше въ Римѣ единъ князь...

Издано въ Авеологіонѣ 1660 г. и въ Прологѣ 1689 г. (л. 60 об. сл.). Переводчикъ — *Арсеній Грекъ*. Оригиналъ — въ *Βιβλίον καλούμενον* Ἐκλόγιον *τουτέστιν οἱ ὡραιότερα βίοι τῶν ἁγίων ἐκ τοῦ* Μεταφραστοῦ Συμεῶνος *ἐκλελεγμένοι καὶ εἰς κοινὴν μεταφρασθέντες διάλεκτον παρὰ* Ἀγαπίου *μοναχοῦ τοῦ* Κρητός (Венец. 1644; мы пользовались венеціанскимъ изданіемъ 1783 г.).

Много списковъ.

---

1) Каріонъ Истоминъ посвятилъ царевичу Алексѣю Петровичу книгу «Рай», въ десть, съ житіемъ св. Алексія Человѣка Божія. *Брайловскій*, Каріонъ Истоминъ, 107. Вѣроятно, это житіе мы имѣемъ въ рукописи Флорищевой пустыни (*Георгіевскій*, 243; начал. слова: Сего дивнаго Алексія...). О «Раѣ» см. выше, стр. 811, 812.

Мученіе св. славнаго великомученика *Θеодора Стратилата*, новопреведено отъ греческаго языка во славенскій.

Начало: Ино нѣсть сладчайшее во блазѣй души благочестиваго человѣка, благословенніи христіане....

Собственно-житіе начинается такъ: Святый мученикъ Θеодоръ бѣ отъ Еvхаитъ...

Издано въ томъ же Анθологіонѣ. Переводчикъ — *Арсеній Грекъ*. Оригиналъ находится въ одномъ изъ изданій Θησαυρός'а *Дамаскина Студита* (см. ниже).

Много списковъ.

Въ переводѣ Θησαυρός'а *Полетаева* это житіе имѣетъ такое начало: Яко нѣсть слаждше блазѣй душѣ благочестиваго человѣка... [1]).

Житіе преп. о̂тецъ нашихъ *Симеона* Христа ради *Юродиваго* и *Іоанна Постника* его. Изъ Леонтія, епископа неапольскаго, иже въ Кипрѣ, и Симеона Метафраста сокращеніе.

Начало: Въ лѣта благочестиваго царя Іустина людемъ христолюбивымъ ко святому граду Іерусалиму отъ всѣхъ странъ...

Находится въ Увар. № 1057, XVII в., л. 213 об. Мы знаемъ объ этомъ текстѣ лишь по описанію архим. Леонида. Переводчикъ воспользовался текстомъ въ Βίβλος χαλουμένη Καλοκαιρίνη, ἐν ᾗ εἰσί γεγραμμένοι μερικοί βίοι ἁγίων τινων οἱ ὡραιότεροι τοῦ καλοκαιρίου..., μεταφρασθέντες ἐκ τῆς τῶν Ἑλλήνων εἰς τὴν κοινὴν ἡμετέραν διάλεκτον παρὰ Ἀγαπίου μοναχοῦ (мы имѣли въ рукахъ венеціанское изданіе 1851 г.) [2]).

Слово о житіи и чудесѣхъ святаго мученика *Іоанна* Стратилата и *Воина*, иже чудотвореніи преславно отъ Господа Бога

---

1) *Лавровъ*, Сокровище Дамаскина Студита въ новомъ русск. переводѣ, Од. 1901, стр. 8.

2) Изъ этого ново-греческаго сборника переведены также (*Досиѳеемъ*, митрополитомъ сочавскимъ) житія свв. 1) Панкратія Тавроменійскаго и 2) Михаила Малеина (Син. Библ. № 446 = *Горск. и Нев.* № 128, лл. 320, 343 об.). Срв. выше, стр. 300, 303.

одарствованъ и присно просящимъ его и совершающимъ его память цѣльбы подаетъ.

Начало: Егда царь Израилевъ Соломонъ свыше богодарованною премудростію въ чудесныхъ дѣланіяхъ Всетворца[1]) нашего Бога поучавашеся и устраневашеся суеты и неправды, благоразумнѣ чистотствуя, тогда...

Напечатано въ Москвѣ въ 1695 г., со службою святому, составленною Каріономъ Истоминымъ.

Возможно, что это — оригинальное русское произведеніе.

Мѣсяца декабря въ 17 день Мученіе и страсть святаго великомученика *Өедора Тирона*.

Начало: Якоже сіяетъ солнце видящимъ, такоже о семъ воинѣ словеса сія слышащимъ...

Находится въ Увар. № 1058, лл. 599—604, XVII в., и извѣстно намъ только изъ описанія архим. Леонида. Въ Увар. № 1883, л. 101—110, XVII в., оно отнесено къ Өеодору *Стратилату* и къ 8 февраля[2]).

Воспоминаніе на святаго *апостола Андреа* Первозваннаго.

Начало: Нынѣ сынъ Захаріинъ, Іоанну, глаголю, великому...

Находится въ сборникѣ Публ. Библ. F. XVII. 38, конца XVII в.[3]).

Болландисты въ «Bibliotheca hagiographica graeca», Bruxellis, 1895, указываютъ Ὑπόμνημα объ ап. Андреѣ съ сходными начальными словами въ одномъ парижскомъ изданіи 1656 г.[3]).

---

1) Слово *всетворецъ* мы нашли также въ одной стихотворной подписи подъ русской гравюрой к. XVII в.

2) Въ Макар. Мин. ни подъ 17 декабря, ни подъ 8 и 17 февраля нѣтъ.

Надо отличать это Мученіе св. Өеодора Тирона отъ Мученія, находящагося въ Θησαυρός'ѣ и переведеннаго вмѣстѣ съ другими словами этого сборника (Хлуд. № 69, л. 595 об.; нач.: Егда Максиміянъ и Максиминъ два тіи царіе еллинстіи царствоваша....).

3) Въ Макар. Минеяхъ подъ 30 ноября нѣтъ.

Мученіе Елеазарово и седьми *Маккавей*.

Нач.: Святому же граду Іерусалиму живущу всѣмъ миромъ и благочестіемъ...

Находится въ Троицкомъ сборникѣ № 792, л. 148 об., 1572 г.[1]).

(Житіе *Іосифа* Прекраснаго).

Нач.: Сей убо отрокъ блаженный седмьнадесятъ лѣтъ поживе въ добродѣтели, въ дому отчи расты по вся дни въ страсѣ Божіи....

Находится въ Погодинскомъ сборникѣ Публ. Библ. № 1696, половины XVIII в., л. 88 об., безъ заглавія.

(Житіе *Василія Великаго*).

Нач: Отъ юна возраста святый Василій предадеся отъ своего отца учителю въ Понтъ....

Находится въ сборникѣ Казанскаго Университета № 21382, XVII—XVIII в., л. 93, и извѣстно намъ изъ описанія *Артемьева* (стр. 284); безъ заглавія и, вѣроятно, безъ начала[2]).

Изъ Житія св. *Ефрема Сирина*, новопреведеннаго съ греческаго діалекта.

Находится въ рукописи Толст. II, № 220, XVII—XVIII в., л. 286, въ настоящее время утраченной[3]).

Мѣсяца августа въ 15 день Успеніе Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи. Совершеніе есть всѣхъ нарочитыхъ праздникъ, воньже сказаніе вкратцѣ собранное отъ богодухновенныхъ учителей зѣло полезно о тайнѣ лѣтъ святаго житія Ея.

---

1) Въ Макар. Минеяхъ подъ 1 августа нѣтъ.

2) Макар. Минеяхъ двухъ послѣднихъ житій мы также не нашли.

3) О Житіи *Діонисія Ареопагита* см. выше, стр. 309.

Начало: Всегда бо приближатися лѣтомъ во откровеніе таинъ смотренія Владычня святія на землю...

Этотъ краткій и просто изложенный разсказъ о Богородицѣ, съ ссылками на Дамаскина, Епифанія, Евсевія, Андрея Критскаго, извѣстенъ намъ лишь въ одномъ спискѣ — Публ. Библ. Погод. № 1583, второй половины XVII в., лл. 64—85[1]). Судя по даннымъ языка, переведенъ съ греческаго: не обрѣтеся пречистое тѣло Ея, точію погребальная. вѣроваша, яко во истину достодолжна въ небесная сцарствовати Сыну и Богу своему.

Языкъ — церковно-славянскій. простой и удобопонятный.

Въ Макар. Минеяхъ этого разсказа подъ 15 августа нѣтъ.

Чудеса отъ иконъ Богородицы и др.

Чудо Богоматере. Въ Кипрѣ островѣ къ полуденной странѣ бяше иногда храмъ Пресвятыя Богородицы. Внѣ же храма надъ вратами бяше едина икона Пресвятыя, писаная мусіею... (Арапъ выстрѣлилъ въ икону и отъ иконы излилось миро).

Ино чудо Богоматере. Во градѣ именуемомъ въ Діосполи во имя Пресвятыя Богородицы создаша храмъ... (при Юліанѣ Отступникѣ; сколько ни скребли мраморъ евреи писцы, ликъ Богородицы все продолжалъ свѣтиться).

Ино чудо отъ образа Спасителева. Во градѣ Виритійстѣмъ бысть чудо отъ Владычня образа. Нѣкій христіанинъ живяше...

Есть нѣсколько мелкихъ чудесъ отъ иконъ.

Эти извлеченія изъ неизвѣстнаго намъ греческаго сборника чудесъ отъ иконъ находятся въ Уваровскомъ сборникѣ № 2071, лл. 26 об.—29, к. XVII—нач. XVIII в.[2]).

---

1) Есть апокрифическія подробности. Между прочимъ: когда Богородица молилась на горѣ Елеонской, «масличная древеса прекланяхуся, честь воздающе матери Содѣтеля».

Бычковъ, стр. 17.

2) Еще чудеса Богородицы—въ книгѣ «Грѣшныхъ спасеніе». См. ниже. Синодикъ Публ. Библ. F. I. 788, XVIII в., имѣетъ рядъ разсказовъ о страш-

Сказанія объ Аѳонскихъ монастыряхъ.

Сказаніе о Святѣй Горѣ Аѳонстей, како бысть жребій Пресвятѣй Владычицы нашей Богородицы, и како наречеся Святая Гора и садъ ея, иже и повѣсть о божественныхъ иконахъ чюдеса и о обителехъ отъ чести (= части?) зданіе, и воспоминаніе въ послѣднихъ, иже на святыхъ и богоносныхъ отецъ приключьшіися отъ мерскихъ латынь, и тѣхъ повѣстей воспоминаніе списано божественымъ *Стефаномъ*.

Начало предисловія: Подобенъ, возлюбленне и вожделѣнне зѣло, иже блаженныхъ путь....

Начало Сказанія: По вознесеніи Господа нашего І. Христа еже на небеса, совокупленомъ ученикомъ....

То же произведеніе, но въ другой редакціи, которое отмѣчено нами подъ заглавіемъ: «Воспоминаніе Св. Горы Аѳонскія», — см. выше, на стр. 22.

Далѣе:

О священной обители Иверской и честной иконѣ Портаитской. Чюдо 21.

Нач.: Въ лѣта благочестивѣйшаго и приснопамятнаго царя Константина процвѣте вѣра наша...

Изданы въ книгѣ «Рай мысленный, въ немъже различныя цвѣты преподобнымъ *Стефаномъ Святогорцемъ* собраны...», напечатанной въ Иверскомъ монастырѣ въ 1659 г. Есть списки. Срв. слѣдующую статью.

Переводъ — не болѣе какъ посредственный. Языкъ — церковно-славянскій тяжелый и неясный.

ныхъ наказаніяхъ, понесенныхъ грѣшниками за ихъ дѣянія. Дѣйствіе трехъ изъ нихъ происходитъ «въ западныхъ странахъ», одного — «во градѣ Константинѣ», одного — въ Ликаонскомъ монастырѣ. Несомнѣнно, всѣ эти разсказы — переводные. Языкъ ихъ (церковно-славянскій, простой и ясный) не даетъ указаній на языкъ оригинала.

Въ томъ же Синодикѣ находится также одна изъ редакцій «Лѣкарства духовнаго» (см. ниже), переведенная, несомнѣнно, съ греческаго.

Пѣтуховъ, Очерки изъ литературной исторіи Синодика, стр. 160—219, №№ 36—39, 51—57, 83—86.

Изъ книги преподобнаго Максима Грека о иконѣ Пресвятыя Богородицы, юже отрокъ пусти на море, она же пріиде во Святую Гору.

Начало: Бѣ нѣкто купецъ въ Иверскомъ царствіи, богатъ вельми; имѣяше сына единороднаго млада еще....

Пользуемся спискомъ Публ. Библ. О. I. 72, л. 112 об., конца XVII в.

Языкъ церковно-славянскій, сбивающійся на русскій: бити челомъ, чтобы приняли его, выбиша его вонъ, мы того человѣка слыхали, къ самой берви приближшуся, сосуды вся и запасы.

Въ собраніи трудовъ Максима Троицк. Л. № 200, л. 460 об., эта статья не имѣетъ заглавія. Въ другихъ (многихъ) спискахъ она называется: Слово о святогорскомъ монастыри, зовомый Иверскій, въ немъже церква Успеніе Пресвятыя Богородица (Уваров. № 1880, Погод. № 1588, XVII в.). Очень часто передъ нею въ сборникахъ (и въ Троицк. № 200) помѣщается «Воспоминаніе Святыя Горы Аѳонскія» (см. выше, стр. 22).

О манастырѣ Ватопеди.

Начало: Бысть въ Римстѣмъ градѣ купецъ нѣкій вельми богатъ и по обычаю своему въсхотѣ ѣхати за море.... (чудо съ ребенкомъ).

Пользуемся спискомъ Троицк. Л. № 200, л. 463; въ немъ, какъ и во многихъ другихъ, эта статья слѣдуетъ за предъидущею.

Языкъ — церковно-славянскій, съ руссизмами [1]).

Послѣднія двѣ статьи, по нашему мнѣнію, переведены въ XVI вѣкѣ [2]).

---

1) Другое сказаніе о Ватопедѣ («Чудо Пресвятыя Богородица во Святѣй Горѣ въ монастыри въ Ватопедѣ»; начало: Пришедшу убо празднику Похвалы Пречистые, пришедшимъ всѣмъ отшельникомъ....), часто слѣдующее въ рукописяхъ за «Воспоминаніемъ Св. Горы Аѳонскія», переведено ранѣе XV—XVI вв. и едва ли въ Россіи. Мы пользуемся спискомъ Спб. Дух. Ак. Соф. № 1418, л. 58, половины XVI вѣка. Другой списокъ XVI в.—Синод. Библ. № 855, л. 206.

2) Пріѣхавшіе въ Москву въ 1642 г. старцы Зографскаго монастыря при-

Описаніе Іерусалима.

Проскинитарій святыхъ мѣстъ святаго града Іерусалима.

Начало: О святѣмъ градѣ Іерусалимѣ. Великій и чудный градъ Іерусалимъ есть первый градъ и глава...

Въ концѣ: Списаніе сіе Проскинитаріонъ святыхъ мѣстъ святаго града Ерусалима отъ изданія іеромонаха и священновѣствователя *Арсеніа Каллуди* критскаго, печатаннаго гречески въ Венеціи 1679.

Преведеся же съ греческа на славенскій діалектъ въ... Москвѣ, въ обители Чуда святаго архистратига Михаила..., въ лѣто отъ созданія міра 7194, отъ воплощенія же Бога Слова 1686.

Издано *архим. Леонидомъ* въ «Памятникахъ Древней Письменности» 1882 г., по единственному извѣстному списку Синод. Библ. № 543. Оригиналъ указанъ *Legrand*'омъ: Προσκυνητάριον τῶν ἱερῶν τόπων...., παρὰ Ἀρσενίου ἱερομονάχου Καλλούδη τοῦ Κρητός. Венеція, 1661, 1679, 1683.

Переводъ принадлежитъ *Евѳимію*.

Поученія ново-греческихъ учителей церкви.

1. *Дамаскина* монаха ѵподіакона и *Студита* Слово въ поклоненіе честнаго и животворящаго креста, глаголемое въ третію недѣлю святыхъ постовъ.

Начало: Уподобляется днешній святый день, благословеніи христіане, якоже егда единъ царь идетъ на брань и побѣдитъ враги своя...

Напечатано при Скрижали 1656 года. Переводъ принадлежитъ *Арсенію Греку*. Оригиналъ находится въ сборникѣ поуче-

везли письмо книжное на столбцахъ. Сначала въ немъ писана похвала о царскомъ преславномъ здравіи и о вѣрѣ и о милости, двустрочіемъ (=стихами), а потомъ *повѣсть* о явленіи иконы страстотерпца Георгія и почему ихъ монастырь именуется Зографъ. *Сношенія Россіи съ востокомъ*, II, 225. Этого «письма» въ дѣлахъ не сохранилось.

ній *Дамаскина Студита*, писателя XVI в.[1]): Βιβλίον καλούμενον Θησαυρός, пользовавшемся у грековъ прежде и теперь большой славой, и помѣченъ въ немъ какъ 26-е слово. Первое изданіе Θησαυρός'а, венеціанское, — 1570 г. (описанное подробно *Legrand*'омъ: Bibliographie Hellénique aux XV et XVI siècles, II, 12); послѣднее — 1844 г.

Въ началѣ XVIII в., по порученію новгородскаго митрополита Іова, Θησαυρός былъ переведенъ на славянскій языкъ *Полетаевымъ* (объ этомъ переводѣ по списку Академіи Наукъ — *Лавровъ*, Сокровище Дамаскина Студита въ нов. русск. переводѣ, Од. 1901).

Южно-русскій выходецъ, аѳонскій монахъ Самуилъ *Бакачичъ*, переведшій на славянскій языкъ Ἁμαρτωλῶν σωτηρία[2]) и «Мессію Правдиваго», Галятовскаго[3]), перевелъ и Θησαυρός[4]).

Ново-болгарскій (XVII—XVIII в.) переводъ того же сборника насъ не касается.

2. Книга именуемая *Ѳисаvросъ*, сирѣчь сокровище, юже списа въ монасѣхъ *Дамаскинъ* ѵподіаконъ и *Студитъ* ѳессалонитскій. Здѣ положишася и *иная нѣкая словеса* полезная *седмь* на концѣ книги, таже и толкованіе Отче нашъ.

Единственный списокъ — Хлудовск. № 69, к. XVII в., подробно описанный *Андреемъ Поповымъ* въ «Описаніи рукописей... А. И. Хлудова», стр. 141 сл. Слово, напечатанное въ Скрижали (см. выше), помѣщено здѣсь въ томъ же переводѣ.

Переводчикъ — неизвѣстенъ; возможно, что это — *Арсеній Грекъ*[5]).

3. Епифаній Славинецкій въ своемъ «Оглавленіи книгъ»,

---

1) О Дамаскинѣ Студитѣ см. у *Голубинскаго*, Очеркъ исторіи просвѣщенія у грековъ (*Прав. Обозр.* 1872 г.).

2) См. ниже, стр. 337.

3) *Гласник Земальског Музеја Босни и Херцеговини*, т. XIII (1901 г.), стр. 51.

4) *П. А. Кулаковскій*, Отчетъ о научн. занятіяхъ заграницею, Варш. 1900, стр. 39.

5) Одно изъ словъ Дамаскина (23-е) по Хлудовскому списку издано *И. И. Срезневскимъ* въ его «Сказаніяхъ объ антихристѣ въ славянскихъ переводахъ», Спб. 1874, прилож., стр. 73.

кромѣ помѣщеннаго въ Скрижали, знаетъ въ переводѣ лишь одно поученіе Дамаскина:

Слово на боготѣлесный гробъ Господа нашего І. Христа и на плачъ Пресв. Богородицы,

съ начальными словами: Злая искушенія...

Это — 7-ое слово Θησαυρός'а, находящееся въ Хлудовской рукописи *въ другомъ переводѣ*.

Библіотека Архангельской Дух. Семин., повидимому, владѣетъ спискомъ извѣстнаго Епифанію текста XVII в. (*Викторовъ*, 21).

4. Между рукописями Вахрамѣева, въ одной, № 462, XVII—XVIII в., находится

Увѣщаніе .... *Дамаскина* иподіакона *Студита* къ хотящимъ спастися монахомъ,

съ начальными словами: Братіе и отцы, понеже міръ оставихомъ и ангельскаго житія пожелахомъ....

Мы съ этимъ текстомъ незнакомы.

Выписанное выше (стр. 334) заглавіе полнаго перевода Θησαυρός'а говоритъ о «иныхъ нѣкихъ словесахъ полезныхъ» семи и о «толкованіи Отче нашъ». Очевидно, въ томъ изданіи Θησαυρός'а, которое послужило оригиналомъ для переводчика и которое намъ неизвѣстно, находились еще слова неизвѣстнаго автора.

Они — слѣдующія:

О любви. Начало: Іисусъ Христосъ и Богъ всѣхъ завѣща святымъ...

О искушеніи. Нач.: Якоже рѣхъ выше о любви...

О сребролюбіи. Нач.: Да возглаголю вамъ и о сребролюбцахъ...

О милостыни. Нач.: Пророкъ глаголетъ: милуяй...

О зависти. Нач.: Изъ начала бѣ зависть, и еще днесь...

О покаяніи. Нач.: Имамъ донести вашей любви...

О исповѣданіи. Нач.: Человѣцы, елицыи хотятъ душу свою спасти...

О Отче нашъ. Нач.: Отче нашъ иже еси на небесѣхъ. Како исповѣдаетъ нѣкто Христа звати творцомъ...

Эти слова находятся также въ переводѣ *Полетаева*, сдѣланномъ съ венеціанскаго изданія 1683 г.

Слово *о страстехъ* Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, новопреведенно зъ греческаго языка на словенскій.

Начало: Нынѣ всѣхъ пророкъ пророчествія збытіе есть, нынѣ всему писанію исполненіе есть, нынѣ недовѣдомыя вещи...

Между прочимъ: Слышасте ли, братіе, въ субботу мимошедшую о четверодпевномъ воскресеніи Лазоревѣ...

Мы знаемъ лишь одинъ списокъ — Синод. Библ. № 435, к. XVII в. Это слово, кстати сказать, не имѣющее ничего общаго съ печатными «Страстями Христовыми», — богато апокрифическими подробностями[1]).

Языкъ — церковно-славянскій, съ кое-какими юго-западнорусcизмами. Можно отмѣтить: *укрестовати* = распять, *огородъ* = садъ, *на колесьхъ* ѣдуща.

Грѣшныхъ спасеніе.

Книга преизрядная, именуемая Амартолонъ сотиріа, сирѣчь Грѣшныхъ спасеніе, юже сочини на греческій простой языкъ многимъ прилежаніемъ *Агапій* критянинъ, скитствующій во Святой Горѣ Аѳонстѣй, и исправи той же и печатію издаде въ Венеціи.

(Посвященіе). Преславнѣй Приснодѣвѣ Богородицѣ и Владычицѣ всея твари.

Начало: Обычай есть учителемъ и творцемъ, егда...

(Предисловіе автора). Агапій всѣмъ обще.

Начало: Аще владѣеши всѣмъ міромъ, о человѣче, яко...

---

1) О 30 сребренникахъ (волхвы принесли Христу), о разбойникахъ, о судьбѣ Іуды.

Оглавленіе.

Три части; въ первой 38 главъ, во второй 22 главы, въ третьей 69 чудссъ.

Начало 1-й главы 1-й части: Понеже человѣческое естество оставлено быти проклято...

Третья часть заключаетъ въ себѣ разсказы о чудесахъ Богородицы, нерѣдко заимствованныя авторомъ изъ Speculum Викентія изъ Бове, изъ Dialogus Цезарія Гейстербахскаго и т. п. *западныхъ* сборниковъ. Отсюда такія начала разсказовъ: «Пишетъ *Викентій* въ *Зерцалѣ исторіамъ*» (чудо 62), «Пишетъ *Кесаріе* въ *Діалозѣ* своемъ» (чудо 48); отсюда такія мѣста дѣйствія разсказовъ, какъ Парижъ (чудо 36), Аламанія, Саксонія.

Мы пользуемся единственнымъ извѣстнымъ намъ спискомъ Академіи Наукъ 31.6.38, до 1716 г. Библіотека Архангельской Семинаріи въ 1791 г. владѣла спискомъ того же, вѣроятно, перевода (*Викторовъ*, 56).

Переводъ сдѣланъ чудовскимъ монахомъ *Дамаскиномъ* въ концѣ XVII и началѣ XVIII в. Послѣ первой части замѣтка: «Декемвріа 19, 1693. Конецъ книги Грѣшныхъ спасенія первыя части». Изъ письма Дамаскина къ митрополиту новгородскому Іову мы знаемъ, что въ 1705 г. Дамаскинъ только оканчивалъ переводъ (*Яхонтовъ*, Іеродіаконъ Дамаскинъ, стр. 17). Изъ отрывковъ въ Синодальномъ сборникѣ № III (= *Горск. и Нев.* № 337), лл. 246, 460, видно, что *Евѳимій* принималъ участіе въ переводѣ.

Оригиналъ много разъ изданъ въ Венеціи (первое извѣстное изданіе — 1641 года). Мы имѣли въ рукахъ изданіе: Βιβλίον ὡραιότατον καλούμενον Ἁμαρτωλῶν σωτηρία, συνεθὲν εἰς κοινὴν τῶν Γραικῶν διάλεκτον παρὰ Ἀγαπίου μοναχοῦ τοῦ Κρητός, τοῦ ἐν τῷ Ἁγίῳ Ὄρει τοῦ Ἄθω ἀσκήσαντος. Венеція, 1725.

Языкъ — церковно-славянскій ученый.

Отъ перевода Дамаскина слѣдуетъ отличать переводъ той же

книги аѳонскаго монаха *Самуила Бакачича*, извѣстный въ русскихъ и сербскихъ спискахъ[1]).

Толкованіе литургіи.

Предзрѣніе главизное на едину куюждо бываемыхъ скрыжажалей и таинствъ въ божественномъ священнодѣйствіи, собранное отъ *Іоанна* іерея *Наѳанаила*.

Начало: Мнози христіане приходятъ въ церковь съ великимъ желаніемъ...

(Глава 1-я). Вопросъ. Что есть церковь? Отвѣтъ. Церковь есть храмъ Божій, мѣсто святое и особный домъ молитвы....

122 главы.

Это — извѣстная *Скрижаль*. Она издана въ Москвѣ въ 1656 г. Переводчикъ — *Арсеній Грекъ*. Оригиналъ — компиляція изъ сочиненія Николая Кавасила и другихъ источниковъ[2]): Ἡ θεῖα λειτουργία μετὰ ἐξηγήσεων διαφόρων διδασκάλων, ἅσπερ μετήνεγκεν εἰς τὴν κοινὴν γλῶτταν Ἰωάννης ἱερεύς ὁ Ναθαναήλ (Венеція, 1574)[3]). Эта книга была доставлена патр. Никону отъ іерусалимскаго патріарха Паисія въ 1653 г. (по словамъ Епифанія Славинецкаго, подробно описавшаго Скрижаль въ «Оглавленіи книгъ»).

Смиреннаго *Гавріила*, митрополита *филаделфійскаго*, иже отъ Монемвасіи Севгирскія, Сочиненіе о святыхъ тайнахъ.

Начало: Великія суть благодѣянія и дары великаго Бога и Отца, яже излія богатно...

---

1) О немъ см. наши «Библіографическія замѣтки» въ *Чтеніяхъ* историч. Общ. Нестора Лѣтописца, XIV, вып. II, стр. 14. Срв. выше, стр. 334.

Чудеса Богородицы, числомъ 69, въ рукописи Кіево-Печерской Лавры 1758 г. (*Петровъ*, № 374), — не что иное, какъ послѣдняя часть «Грѣшныхъ спасенія» въ переводѣ Бакачича.

2) *Правосл. Собесѣдн.* 1878 г., № 5, стр. 85 сл. (статья *Красносельцева*).

3) См. статью *Голубинскаго*: «Очеркъ исторіи просвѣщенія у грековъ» (*Прав. Обозр.* 1872 г.). О немъ говоритъ еще *Муретовъ* въ *Библіографич. Запискахъ* 1892 г., № 7. — Іо. Наѳанаилъ жилъ во второй половинѣ XVI в.

Напечатано при Скрижали 1656 г. Переводъ сдѣланъ, повидимому, при патр. Филаретѣ[1]). Греческій оригиналъ напечатанъ въ Венеціи въ 1600 г.: Τοῦ ταπεινοῦ μητροπολίτου Φιλαδελφίας Γαβριὴλ.... Συνταγμάτιον περὶ τῶν ἁγίων καὶ ἱερῶν μυστηρίων.

Толкованіе божественныя литургіи, егда священнодѣйствуетъ архіерей по чину и обычаю восточныя церкве. *Аѳонасій*, прежній вселенскій патріархъ, на Москвѣ сице сподобивыйся (?) въ 1653 году лѣта, мѣсяца іюлія, индикта 6.

Другое заглавіе (на начальномъ чистомъ листѣ): Чинъ священнодѣйства божественныя литургіи цареградскаго патріарха.

Начало: Егда хощетъ архіерей священнодѣйствовати божественное тайнодѣйствіе...

Единственный списокъ — Синод. Библ. № 698, лл. 1—64. За этимъ текстомъ въ этой рукописи помѣщенъ «Чинъ божественныя службы святыя іерусалимскія церкви, выписанъ изъ книги старца Арсенія Суханова»; оба текста должны составлять одно цѣлое[2]). Греческій оригиналъ хранится въ Моск. Синод. Библ. № 245.

Языкъ — церковно-славянскій хорошій.

---

1) *Алмазовъ*, Тайная исповѣдь въ православной восточной церкви, I, 578, говоритъ, что переводъ сдѣланъ и *напечатанъ* при патр. Филаретѣ и что экземпляръ филаретовскаго изданія находится въ библіотекѣ Одесской Дух. Семин. (безъ выходнаго листа).

Кіево-печерскій монахъ Тарасій Земка въ своемъ трактатѣ о литургіи (въ приложеніи къ печ. кіевскому Служебнику 1629 г.) пользовался трудомъ Гавріила.

Мнѣніе *Шляпкина* (Димитрій Ростовскій, 215), повторенное *Сменцовскимъ* (Братья Лихуды, 233, прим.), что переводъ сочиненія Гавріила относится къ 1693 г., лишено основанія.

Объ авторѣ см. *Малышевскій*, Александрійскій патріархъ Мелетій Пигасъ, Кіевъ, 1872, стр. 365, 492, и *Legrand*, Bibliographie Hellénique aux XV et XVI siècles, указатель.

2) Объ авторѣ, бывшемъ константинопольскомъ патріархѣ Аѳанасіи Пателарѣ, пріѣхавшемъ въ Москву въ 1653 году, см. *Макарія*, Исторія русской церкви, XII, 121—125, и *Каптерева*, Пріѣздъ бывшаго к-го патріарха Аѳанасія въ Москву въ 1653 г. (*Чтенія въ Общ. Люб. дух. просвѣщ.* 1889 г., № 10). См. еще ниже, стр. 368.

Κατηχησις ἱερα, рекше божественныя и священныя литургіи толкованіе и истязаніе хиротонисуемыхъ, купно и съ многими иными, къ пользѣ вѣрнымъ, наипаче съпростирающихся, изданыя повелѣніемъ свѣтлѣйшаго и всечестнѣйшаго господина, господина Христодула, керкурскаго величайшаго протопапа и предсѣдателя, отъ *Николаа* же *Вулгорова* брата, судіи гражданства, врача и философа, сложеныя, купно и возложеныя всечестнѣйшему и благороднѣйшему начальнику Леонту Глукѣ, сущему изъ Іоанниновъ. Въ Венетіи, лѣта отъ богорожденія 1681...

Начало сочиненія: Истязатель и избранный. Истязатель. Пришедъ сѣмо, брате, чесо ищещи. Избранный. Желая азъ пріяти достоинство священства...

Введеніе, три части и указатель.

При переводѣ находится посланіе *Евѳимія* къ патріарху Адріану о томъ, что трудъ Вулгара представляетъ нѣкоторыя «недоумѣнія» и нуждается, прежде напечатанія, въ «опасномъ разсмотрѣніи».

Мы пользуемся спискомъ Ростовскаго Музея № 175, автографомъ Евѳимія, съ которымъ вообще сходенъ списокъ Синод. Библ. № 124 (= *Горск. и Невостр.* № 266). Оригиналъ — Κατήχησις ἱερὰ, ἤτοι τῆς θείας καὶ ἱερᾶς λειτουργίας ἐξήγησις...., παρὰ Νιχολάου Βουλγάρι, Венеція, 1681, описанный *Legrand*'омъ подробно (№ 559). Переводъ сдѣланъ по заказу Евѳимія; въ спискѣ книгъ, находящихся при завѣщаніи Евѳимія (Публ. Библ. Погод. № 1963, л. 178 об.), объ этомъ произведеніи замѣчено Евѳиміемъ: «за преведеніе мзду даяхъ азъ отъ себе»; вѣроятно, переводилъ Ѳ. Поликарповъ и другіе старшіе ученики Лихудовъ, стоявшіе близко къ Евѳимію (срв. ниже, стр. 350—351)[1].

Толкованіе чина освященія воды.

Сицево писаніе подано окольничему Ѳеодору Михайловичу Ртищеву смиреннымъ митрополитомъ филипписійскимъ и драм-

1) *Строевъ*, 102; *Викторовъ*, 21, 206—207, 235. Объ Κατήχησις ἱερά—*Красносельцевъ* въ *Прав. Собесѣдн.* 1878 г., № 5, стр. 40—41.

скимъ *Софроніемъ* и *Діонисіемъ*, архимаритомъ иверскимъ, за ихъ архіерея и еромонашескими руками.

Начало: У четырехъ вселенскихъ патріархъ и во всѣхъ градѣхъ и монастырехъ и въ селѣхъ, которыя подъ властію четырехъ вселенскихъ патріархъ, и вездѣ.....

Въ концѣ: А внизу приписи: Смиренный митрополитъ Филипписійскій и драмскій Софроній. Діонисій архимандритъ иверскій. Исакіе архимандритъ иверскій.

«Писаніе» излагаетъ чинъ освященія воды въ праздникъ Богоявленія и представляетъ обстоятельное объясненіе значенія этого чина.

Единственный списокъ, намъ извѣстный,— въ Толстовскомъ сборникѣ нач. XVIII в. (Публ. Библ. F. I. 244, лл. 81—89). Языкъ—церковно-славянскій, простой и ясный. Судя по языку, «писаніе» было написано по-гречески и переводъ сдѣланъ не Діонисіемъ.

Толкованіе одного мѣста въ Апокалипсисѣ.

Преславнѣйшій и честнѣйшій и всякія чести и достоинства достойный государю Борисе Ивановичъ! Бью челомъ и поклоняюся азъ, богомолецъ твой грѣшный архимандритъ *Венедиктъ* цареградскій. Понеже чрезъ сына моего о Дусѣ Святѣ, любимаго и мудрѣйшаго, государя Ѳеодора Михайловича мнѣ велѣлъ еси, богомольцу своему, да ти изъявлю о седьми онѣхъ Фіялѣхъ, о нихъже Іоаннъ Ѳеологъ и евангелистъ пишетъ во Апокалипсисѣ... Да увѣсть паки твоя мудрость сіе вкратцѣ, понеже времене не имамъ, да ти пишу во мнозѣ, якоже и подобаетъ, понеже въ Посольскомъ приказѣ мнѣ велятъ по праздницѣ ѣхать. Понеже Фіялы суть единъ образъ сосуда, яко братина....

Въ концѣ: Во иномъ мѣстѣ писаніемъ помощію Божіею могу тебѣ написати, что бы во всякомъ Фіалѣ и его по святыхъ отцѣхъ значило. Но сіе съ веселымъ сердцемъ пріими, мене же твоею помощію не забывай.

Мы знаемъ одинъ списокъ — въ сборникѣ к. XVII в. Публ. Библ. Q. I, 1010, лл. 207—210. Венедиктъ — тотъ грекъ, который находился въ Москвѣ около 1648 г. и хвалился своею ученостью[1]). Борисъ Ивановичъ и Ѳедоръ Михайловичъ — Морозовъ и Ртищевъ.

Переводъ, довольно нескладный, сдѣланъ однимъ изъ переводчиковъ Посольскаго приказа. Языкъ — русскій, съ церковнославянизмами, но безъ юго-западно-руссизмовъ.

Толкованіе сложенія перстовъ.

Николаа священнаго *Малакса*, протопопа навплійскаго, о знаменованіи соединяемыхъ перстовъ руки священника, внегда благословити ему христоименитыя люди.

Начало: Правость указательнаго перста и косвенство средняго...

Это коротенькое слово напечатано при Скрижали 1656 года. Переводъ принадлежитъ, вѣроятно, *Арсенію Греку*. Оригиналъ — Νικολάου ἱερέως τοῦ Μαλαξοῦ, πρωτοπαπᾶ Ναυπλίου, Περὶ τῆς σημασίας τῶν ἑνουμένων δακτύλων τῆς χειρὸς ἱερέως ἐν τῷ εὐλογεῖν αὐτὸν τὸν χριστώνυμον λαόν (начало: Τὸ μὴν ὄρθιον τοῦ λιχανοῦ δακτύλου...), статья при венеціанскомъ Ирмолоѣ 1671 г. (Моск. Типогр. Библ.), повидимому, находящаяся при Ирмолоѣ и другихъ изданій[2]).

Слово о мантіи, Паисія Лигарида.

Благодарственное слово ко благочестивѣйшему государю царю и великому князю Алексію Михайловичу...., *Паисія*, митрополита газскаго. Преведено монахомъ *Арсеніемъ Грекомъ*.

1) О немъ см. у *Каптерева*, Характеръ отношеній, 484.

2) Объ авторѣ (его надо отличать отъ составителя Номоканона Михаила Малакса) извѣстно очень мало. Онъ жилъ въ первой половинѣ XVI вѣка. *Legrand*, Bibliographie Hellénique aux XV et XVI siècles, II, 305.

Начало: Седмь суть священныя одежды, въ няже облачаются архіереи....

Главное содержаніе — благодарность царю за подаренную *мантію*.

Находится въ Уваровск. сборникѣ № 1755, л. 278 (отсюда выписанное выше), Рум. Муз. Унд. № 712, л. 128, XVIII в., и принадлежавшей Арсенію Суханову († 1668) рукописи Троицкой Лавры № 189, л. 620[1]).

О постѣ, Н. Пасхалевса.

1) Благочестивѣйшимъ христіаномъ, прочитающимъ сію книгу, *Никифоръ* іеромонахъ *Пасхалей*. Елма и азъ въ іеромонасѣхъ малѣйшій, отъ божественныя помилованъ благодати... (о рѣшеніи напечатать свой трудъ).

О таинствѣ покаянія и исповѣданія и о нужди того.

Начало: Въ увѣтство истинно обращающихся къ Богу и кающихся отъ злыя мысли...

Мы пользуемся спискомъ Синод. Библ. № 226, л. 2, заключающимъ въ себѣ часть Номоканона въ изданіи Леунклавія и въ переводѣ Епифанія Славинецкаго, съ поправками Евѳимія. Другіе списки — Яросл. Спасо-Преображ. монастыря № 117—104, 1702 г., и Моск. Рум. Муз. Унд. № 433, XVIII в.[2]).

2) Похвала всечестнаго страстоубійцы и аггелообразнаго поста, купно же показаніе, яко вселенскими и священными соборы сіи три посты: Христова рождества, святыхъ апостолъ и успенія Пресвятыя Богородицы уставишася.

---

1) Сборникъ Толст. II, 220, въ настоящее время неизвѣстно гдѣ находящійся, имѣетъ на лл. 72—77 «Ученіе духовное, собранное отъ всесвященнѣйшаго митрополита газскаго, господина *Паисія* хіанина». Несомнѣнно, это слово не имѣетъ ничего общаго ни съ «Поученіемъ, или бесѣдою увѣщательною», Паисія (издано въ «Матеріалахъ для исторіи раскола», IX, 271), ни съ его Словомъ въ день рождества Христова (издано тамъ же, 280), составленными имъ на *латинскомъ* языкѣ.

2) Еще списки: *Викторовъ*, 21, 79, 235.

Начало: Первѣе убо достойно поста рещи похвалы...

3) Счиненіе, сирѣчь собраніе отъ божественныхъ и священныхъ каноновъ и отъ церковныхъ преданій святыхъ отецъ о четыредесятницѣ и постѣхъ всего лѣта, и кую мысль имѣетъ кійждо постъ, сложеный издавна языкомъ еллинскимъ и нынѣ преложено на общій языкъ отъ мене, малѣйшаго во іеромонасѣхъ *Никифора Пасхалеа.*

Слѣдуютъ выписки. Въ концѣ: И елицы воехощутъ прочитати сія, да здравствуютъ о Господѣ и да молятъ Бога о мнѣ, худѣйшемъ рабѣ своемъ.

Мы имѣли въ рукахъ списокъ Унд. № 432, к. XVII в., подробно описанный его бывшимъ владѣльцемъ; на поляхъ его варіанты къ словамъ текста.

Переводъ всѣхъ трехъ статей сдѣланъ однимъ лицомъ. Объ авторѣ см. въ книгѣ *Алмазова*: Тайная исповѣдь въ православной восточной церкви, Од. 1894, I, 178 сл.[1]). Здѣсь приводится такое заглавіе оригинала: Ἐξομολογητάριον ἀναγκαῖον περὶ τοῦ μυστηρίου τῆς μετανοίας, παρὰ Νικηφόρου ἱερομονάχου τοῦ Πασχαλέως, Венец. 1673. У *Legrand*'а (I, 156) мы нашли указаніе на книгу: Ἐγχειρίδιον μεθοδικὸν... περὶ τοῦ μυστηρίου τῆς μετανοίας, παρὰ Νικηφόρου ἱερομοναχοῦ τοῦ Πασχαλέως, Венец. 1622. По Алмазову, трудъ Пасхалевса — «руководство не столько для духовниковъ, сколько для кающихся».

Языкъ — церковно-славянскій тяжелый (между прочимъ, есть слово *саввать* = субота, о которомъ см. стр. 288).

---

1) См. еще: *Дмитріевскій*, Современное богослуженіе на православномъ востокѣ, Кіевъ, 1891, I, 82—83.

Рукопись Академіи Наукъ 32. 4. 24, к. XVII в., послѣ «Послѣдованія о исповѣданіи», имѣетъ «Предисловіе и сказаніе о еже како подобаетъ быти духовнику и сказовати невозбранно приходящимъ къ нему» (начало: Пріемляй помышленія человѣческая долженъ есть быти...), несомнѣнно позднее и переводное.

Семь смертныхъ грѣховъ.

Безъ заглавія.

Здѣ являемъ дѣлательно 7 *смертныя грѣхи*, якоже въ видѣ древесъ, въ нихъже коренѣхъ послѣдуютъ иніи 10 грѣховъ, якоже видиши. И свыше оныхъ рождается добродѣтель, якоже цвѣтъ рожи, свыше увѣнчаемъ вѣнцемъ царскимъ; сірѣчь творяй оную добродѣтель побѣждаетъ смертный грѣхъ съ десятію его отрасли, якоже во указаніи.

Слѣдуютъ не дерева, а таблицы, съ надписями и подписями, числомъ 7.

За этою статейкою слѣдуютъ короткіе перечни: 7 дарованій Св. Духа, 7 таинъ церковныхъ, 4 родныхъ добродѣтелей душевныхъ и 4 добродѣтелей тѣлесныхъ.

Напечатано въ Анѳологіонѣ 1660 г. Арсеній Грекъ, въ предисловіи этой книги, перечисляя переведенныя имъ статьи, этой не называетъ. Оригиналъ мы нашли въ Ирмолоѣ, Венеція, 1671, стр. 203 сл., съ начальными словами: Ἐδῶ φανερώνομεν ἐμπράκτως τὰ ἑπτὰ θανάσιμα ἁμαρτήματα, и съ изображеніемъ деревъ.

Языкъ — церковно-славянскій, тяжелый и неправильный[1]).

Предисловіе къ Синтагмѣ, Паисія Лигарида.

Передъ текстомъ Синтагмы, Матѳея Властаря, въ переводѣ Евѳимія, находится:

Предсловіе на сущій Номоканонъ смиреннаго митрополита газскаго господина *Паисія Лигарида*, егоже собра во іеромонасѣхъ мудрѣйшій и словеснѣйшій Матѳей Властарь.

Начало: Даде человѣколюбецъ Богъ всему роду человѣческому три законы...

Конецъ: Дадеся въ великом*у* град*у* и благородн*о* Москвѣ *по* спасительному лѣту 1669 (=1661), іаннуаріа въ 1 день.

---

1) Въ несомнѣнной связи съ этой статейкой находится гравюра знаменитаго Ушакова 1665 г. *Ровинскій*, III, 158.

Это — переводъ (очень темный) предисловія Паисія на простомъ греческомъ языкѣ (находящагося въ греческой рукописи Моск. Синод. Библ. № 150), сдѣланный, судя по ошибкамъ, едва ли не *Спаѳаріемъ*.

Мы пользуемся отличнымъ спискомъ Синтагмы Спасо-Ярославскаго монастыря № 78—65, конца XVII в. (л. 160).

О папской власти, патр. Нектарія.

Блаженнѣйшаго и мудрѣйшаго патріарха великаго и святаго града Іерусалима кѵръ-*Нектаріа* ко принесеннымъ положеніемъ отъ сущихъ въ Іерусалимѣ фраторовъ, чрезъ Петра тѣхъ маистора (и учителя), о начальствѣ папы противовѣщаніе.

Напечатася нынѣ первое (греческимъ типомъ) въ честной патріаршей и господарской обители святыхъ славныхъ первоверховныхъ апостолъ, зовомѣй Цетацуіа, въ лѣто спасительное 1685, въ мѣсяцѣ іуліи, въ Гіасіи Молдавстѣй; на славенскій же діалектъ преведеся въ царствующемъ и велицѣмъ градѣ Москвѣ.

Посвященіе Іоанну Дукѣ, воеводѣ всея Молдавіи. Начало: Побѣждающу Филиппу, македонскому царю...

Досиѳея, патріарха іерусалимскаго, о Нектаріи повѣствованіе.

Указатель и за нимъ сочиненіе Нектарія, раздѣленное на 47 главъ.

Мы пользовались отличнымъ спискомъ Ярославскаго Спасо-Преображенскаго монастыря № 105—92, к. XVII — нач. XVIII в. Синодальная рукопись № 528 (=*Горск. и Нев.* № 309) имѣетъ указаніе на то, что переводъ сдѣланъ *Ѳедоромъ Поликарповымъ* въ 7201 (=1693) году; а изъ Синодальной рукописи № 391 (=*Горск. и Нев.* № 305), гдѣ помѣщенъ отрывокъ этого текста съ поправками *Евѳимія*, можно видѣть, что Евѳимій исправилъ трудъ Поликарпова.

Греческій оригиналъ, доставленный патріарху Іоакиму іерусалимскимъ патріархомъ Досиѳеемъ, носитъ названіе: Τοῦ μακα-

ριοτάτου καὶ σοφωτάτου πατριάρχου τῆς μεγάλης καὶ ἁγίας πόλεως Ἱερουσαλῆμ κυρίου Νεκταρίου πρὸς τὰς προσκομισθείσας θέσεις παρὰ τῶν ἐν Ἱεροσολύμοις φρατόρων, διὰ Πέτρου τοῦ αὐτῶν μαΐστορος, περὶ τῆς ἀρχῆς τοῦ πάπα ἀντίῤῥησις. Ἐν Γιασίῳ τῆς Μολδαβίας, 1682 (*Legrand*, II, 568)[1].

Книга Нектарія въ этомъ переводѣ почти цѣликомъ вошла въ Щитъ вѣры послѣдней редакціи (Синод. № 346 = *Горск. и Нев.* № 310).

Сѣчивце, Максима Пелопонесскаго.

Книжица, глаголемая *Сѣчивце*, сложенная отъ мудрѣйшаго іеромонаха *Максима Пелопонисійскаго*, ученика же приснопамятнаго папы александрійскаго Мелетіа Пига, о новшествовавшемъ начальствѣ папы, о исхожденіи Святаго Духа, о безквасныхъ, о преложеніи или пресуществленіи таинствъ, о чистительномъ огни, о воспріятіи праведныхъ, си есть аще пріяша обѣтованіе.

Предсловіе. Начало: Подобаше убо, братіе и чада восточныя церкве, не пріити роду нашему....

Глава 1. Яко народствуемое начальство папино есть вина схисмы, рекше раздора церквей.

Начало: Аще реклъ бы мнѣ кто, чесо ради начинаеши...

35 главъ.

Списокъ Синодальной Библ. № 490 представляетъ черновой текстъ переводчика *Ѳ. Поликарпова*, исправленный *Евѳиміемъ*[2]); послѣдній, сверхъ того, помѣстилъ на поляхъ разнаго рода замѣтки.

Извѣстно еще нѣсколько списковъ; между ними можно отмѣтить списокъ Спб. Дух. Ак. № А. 86, съ указаніемъ на 1703 г. (л. 169), имѣющій 40 главъ (такъ какъ нѣкоторыя главы ори-

---

1) *Строевъ*, 236, 398; *Викторовъ*, 22.

2) Подробное описаніе этой рукописи—*Горскій и Невоструевъ*, II, 3, № 307.

гинала и Синодальнаго списка въ немъ раздѣлены)[1], и Публ. Библ. Погод. № 1226, к. XVII в., съ страннымъ указаніемъ на 173 г. (л. 170 об.). Списокъ Архангельской Дух. Семин. (не бывшій у насъ въ рукахъ) принадлежалъ Аѳанасію Холмогорскому († 1702)[2].

Оригиналъ изданъ іерусалимскимъ патріархомъ Досиѳеемъ въ Букурештѣ въ 1690 г.: Ἐγχειρίδιον κατὰ τοῦ σχίσματος τῶν παπιστῶν, συντεθὲν παρὰ τοῦ σοφωτάτου ἱερομονάχου Μαξίμου τοῦ Πελοποννησίου... (*Legrand*, II, 475; славянское заглавіе передаетъ второе заглавіе греческаго текста)[3].

Сборникъ сочиненій противъ латинянъ.

Досиѳей, милостію Божіею патріархъ святаго Христа Бога нашего воскресенія града Іеросолѵма, всей христоименитой полнотѣ въ Господѣ радоватися.

Начало: Мнимъ, братіе, ничесомуже васъ неявну быти... Въ концѣ дата: Въ лѣто спасенія 1692, въ мѣсяцѣ октовріи.

Краткое стихотвореніе («надписаніе») «къ блаженнѣйшему (Досиѳею) и седми списателемъ книги».

Оглавленіе, съ указаніемъ страницъ греческаго оригинала.

Посвященіе Досиѳея константинопольскому патріарху Діонисію. Начало: Пастырскій чинъ и достоинство еже въ церкви...

Судя по оглавленію, за посвященіемъ должно было слѣдовать сочиненіе Досиѳея, но этого сочиненія нѣтъ въ Синодал. рукописи № 57, которою мы пользуемся. А слѣдуетъ въ ней — законохранителя *Іоанна* діакона «Слово противоглаголательное хульнаго и лживаго предѣла сущаго во Флорентіи», изданное нѣкіимъ іеромонахомъ Іоакимомъ и исправленное Досиѳеемъ.

---

1) Этотъ списокъ описанъ *Родосскимъ*, стр. 115.

2) *Викторовъ*, 21.

3) Объ авторѣ и его трудѣ см. у *Малышевскаго*, Алекс. патр. Мелетій Пигасъ, I, 497 сл.

Въ началѣ предисловіе Досиѳея (нач.: Вся убо человѣки кротостію...).

Листъ 1-й имѣетъ дату перевода, руки Евѳимія: «203 годъ (=1695), августа въ 20 день». То же на листѣ 53 об.: «7204 (=1695), септе. 15 день».

Синодал. рукопись № 57 (=*Горск. и Невостр.* № 307) писана по большей части *Евѳиміемъ*. Переводъ принадлежитъ, по всей вѣроятности, ему же. Повидимому, имѣлось въ виду перевести весь греческій сборникъ, но это намѣреніе почему-то не было исполнено.

Греческій оригиналъ, изданный іерусалимскимъ патріархомъ *Досиѳеемъ*, носитъ названіе: Τόμος καταλλαγῆς, ἐν ᾧ περιέχονται συγγραφαί ἀνωνύμων τινῶν καὶ Ἰωάννου τοῦ νομοφύλακος καὶ Γεωργίου τοῦ Κορεσσίου καὶ Μακαρίου ἱερομονάχου τοῦ Μακρὴ καὶ Συνέλευσις ἐν τῇ ἁγίᾳ Σοφίᾳ.... Яссы, 1694.

Два сочиненія противъ кальвинистовъ.

Блаженнаго *Мелетіа Сѵрига*, учителя и протосѵггела сущія въ Константинуполи церкве, на главы калвинскыя и вопросы Кѵрилла Лукарea Противоглагольства, и *Досиѳея*, патріарха іеросолѵмскаго, Егхірідіон, сирѣчь сѣчиво или мечецъ, на калвинское вредословіе, напечатаная иждивеніемъ же и тщаніемъ .... Іоанна Константиновича, Басарабскаго воеводы, природѣніемъ же и исправленіемъ словеснѣйшаго нотарія Великія церкве господина Михаила Макри..., въ славномъ градѣ Букуресті Уггровлахійскомъ въ лѣто отъ спасенія 1690, въ мѣсяцѣ септемвріи.

Слѣдуютъ стихи въ честь воеводы Іоанна Басарамба архимандрита Хрисанѳа и учителя константинопольской школы Спандонія и въ честь Сирига архимандрита Хрисанѳа.

Далѣе: посвященіе тому же воеводѣ патріарха Досиѳея (начало: Книги и слоги яже во человѣцѣхъ...), предисловіе Досиѳея (начало: Многы и ины напасти...) и «Житіе Мелетіа Сѵ-

рига», Досиѳея (начало: Мелетій іеромонахъ Сvригъ сущаго въ Критѣ...).

Далѣе: *Мелетіа Сvрига*, іеромонаха критскаго, *Противоглаголаніе* на изложенное исповѣданіе христіанскіа вѣры отъ Кvрилла, патріарха константинопольскаго, надписанное подъ именемъ христіанъ всѣхъ восточныя церкве, съ греческаго на славенскій діалектъ преведеное.

Начало: Довлѣло было намъ братися противо единому токмо врагу нашему...

Обширное сочиненіе, въ которомъ приводятся 18 «главъ», «надсловія» и 4 «вопросоотвѣщанія» Кирилла съ подробными опроверженіями Сирига.

Далѣе: *Еггеіріdіон*, сирѣчь мечецъ, посѣщающій калвинское умовредіе, клевещущее на святую восточную каѳолическую и апостольскую церковь умствовати въ сущихъ о Бозѣ и божественныхъ, яко сами сіи, калвине рекше, злоумствуютъ, предлагающе на вѣру негли глаголемыхъ ими глаголемыя Кvрилловы Лукаря главы. Сложенъ блаженнѣйшимъ *Досиѳеемъ*, патріархомъ святаго града Іерусалима, въ лѣто 1672-е отъ появленія во плоти Христа и Бога нашего.

Слѣдуетъ предисловіе Досиѳея (начало: Время глаголати и время молчати...).

Начало 1-й главы: Яковы убо совѣсти бѣ Кvриллъ, мы въ насущемъ крѣпитися не обѣщаваемся...

6 главъ (изъ нихъ послѣдняя очень обширна) и «надсловіе».

Въ концѣ: Напечатася (сія книга) въ Букурестѣ Уггровлахійскомъ, иждивеніемъ.... господаря и вождя всея Уггровлахіи, господина кvръ-Іоанна Константиновича, Басарабскаго воеводы, отъ боголюбезнѣйшаго епископа прежде хусійскаго господина Митрофана, прирадѣніемъ же и исправленіемъ словеснѣйшаго нотаріа Великія церкве господина Михаила Макри... в лѣто спасенія 1690, мѣсяца септемврія.

Мы пользуемся рукописью Синод. Библ. № 158 (= *Горск. и Невостр.* № 308), черновымъ экземпляромъ переводчиковъ

Ѳ. Поликарпова, Н. Головина, А. Барсова, Ѳедота Агѣева, Іосифа Аѳанасьева и монаха Іова[1]), съ многочисленными поправками и замѣтками *Евѳимія*, между прочимъ съ записью Евѳимія на 1-мъ (по его счету) листѣ: «7199 (=1690), августа въ 25 день». Въ рукописи Рум. Муз. Унд. № 484 находится одинъ Енхиридіонъ, бѣловой экземпляръ-автографъ Евѳимія. Мы знаемъ сочиненіе Сирига еще въ рукописи Спб. Дух. Ак. Соф. 1198, а сочиненіе Досиѳея еще въ сборникѣ Ростовск. Музея № 175 (вмѣстѣ съ Катихисис іера), к. XVII — нач. XVIII в.[2]); начало книги (стихи Хрисанѳа и Спандонія, посвященіе и предисловіе Досиѳея и «Житіе» Сирига) находится также въ не переплетенномъ сборникѣ Синод. Библ. № I, л. 345 сл.

Греческій оригиналъ имѣетъ заглавіе: Τοῦ μακαρίου Μελετίου Συρίγου, διδασκάλου τε καὶ πρωτοσυγγέλου τῆς ἐν Κωνσταντινουπόλει μεγάλης ἐκκλησίας, κατὰ τῶν καλβινικῶν κεφαλαίων καὶ ἐρωτήσεων Κυρίλλου τοῦ Λουκάρεως αντίῤῥησις. Καὶ Δοσιθέου, πατριάρχου Ἱεροσολύμων, Ἐγχειρίδιον κατὰ τῆς καλβινικῆς φρενοβλαβείας. Букурештъ, 1690[3]).

---

1) Ихъ иниціалы находятся на начальныхъ листахъ тетрадей ихъ перевода.

2) *Строевъ*, 392; *Викторовъ*, 21. *Цвѣтаевъ*, Литерат. борьба съ протестантствомъ, 161—166. Объ Енхиридіонѣ — *Малышевскій*, Алекс. патр. Мелетій Пигасъ, I, 497.

Мелетій Сиригъ въ 1644 г. сообщилъ о составленіи имъ, вмѣстѣ *съ преосвященнымъ кіевскимъ*, въ Яссахъ книги противъ главъ кальвинскихъ стараго патр. Кирилла и просилъ денегъ на напечатаніе. *Сношенія Россіи съ востокомъ*, II, 305, 293.

Мелетію Сиригу принадлежитъ «Служба положенію нешвеннаго хитона Христова, пренесеннаго отъ Персиды въ Москву во время благочестиваго царя Михаила Ѳедоровича» (нач.: Хитонъ тканый носилъ еси...; Син. Библ. № 456= *Горск. и Невостр.* № 140, л. 487 об.). Имъ же составлены каноны: святымъ отцамъ печерскимъ (Син. Б. № 456, л. 481; въ измѣненномъ видѣ изданъ въ кіевской Псалтыри 1643 г.), Параскевѣ-Пятницѣ и св. Григорію Декаполиту (изданы на греч. яз. въ Молдавіи въ 1692 г.).

О патріархѣ Кириллѣ Лукарисѣ и его кальвинизмѣ см. статью *А. П. Лебедева*: «Протестантская смута въ греческой церкви XVII в.» (*Богословск. Вѣстн.* 1900 г., № 4—6).

3) *Legrand*, II, 458 (подробное описаніе; перепечатаны цѣликомъ стихи Хрисанѳа, предисловіе Досиѳея и біографія Сирига).

Православное исповѣданіе.

Въ началѣ 1) предисловіе патріарха іерусалимскаго Нектарія 1662 г. и 2) удостовѣреніе собора восточныхъ патріарховъ 1643 г. о томъ, что книга согласна съ догматами православной церкви.

Заглавіе:

Православное исповѣданіе вѣры каѳолическія и апостольскія церкве восточныя.

Начало: Вопросъ 1. Человѣкъ христіанинъ православный и каѳолическій что долженствуетъ хранити... Отвѣтъ. Вѣру правую и дѣла добрая....

Три части (о вѣрѣ, о надеждѣ, о любви). Въ первой 126 вопросо-отвѣтовъ, во второй 63, въ третьей 72.

Напечатано въ Москвѣ въ 1696 г. Переведено, по благословенію патр. Іоакима, въ 7193=1685 г. *Евѳиміемъ*. Печатное изданіе снабжено обширнымъ введеніемъ отъ лица патріарха Адріана, гдѣ излагается исторія этого сочиненія (оно приписывается Петру Могилѣ).

Это сочиненіе принадлежитъ одному изъ южно-русскихъ ученыхъ и написано первоначально на церковно-славянскомъ или русскомъ языкѣ. Затѣмъ оно переведено на простой греческій языкъ, исправлено (Мелетіемъ Сиригомъ) и напечатано.

Греческое изданіе, упоминаемое Адріаномъ,—Ὀρθόδοξος ὁμολογία τῆς καθολικῆς καὶ ἀποστολικῆς ἐκκλησίας, Константинополь, 1662, первое изданіе, сдѣланное грекомъ Панагіотомъ[1]).

---

1) О «Прав. исповѣданіи», его авторѣ и исторіи см. *м-та Евгенія*, Разсужденіе о книгѣ именуемой Прав. исповѣданіе вѣры, Спб. 1804, и *м-та Макарія*, Исторія р. церкви, XI, 583 сл.

Въ краткомъ кіевскомъ катихизисѣ («Събраніе короткои науки о артикулахъ вѣры», Кіевъ, 1645) есть ссылки на первоначальный славянскій текстъ «Прав. исповѣданія» («Катехизмъ великій»). *Голубевъ*, Петръ Могила, II, прилож., 484.

Экземпляръ изданія 1662 г., принадлежавшій Евѳимію, теперь находится въ Моск. Типографской Библ. См. выше, стр. 215.

Вопросы боярина Стрешнева и отвѣты Паисія Лигарида.

Отписка къ болярину Симеону Лукіяновичу Стрешневу митрополита *Паисія Газскаго* и на 30 вопросовъ отвѣты новыхъ обычаевъ Никоновыхъ, бывшаго патріярха московскаго, во 171-мъ (1663) году.

Свѣтлѣйшему между боляры и добродѣтельствующему и пречестнѣйшему господину, господину Симеону Лукьяновичу Стрешневу многолѣтное здравіе привѣтствуемъ. Се потружденъ посылаю статьи допросныя и отвѣтъ *до* пречестнѣйшей твоей свѣтлости....

Между прочимъ: Мнѣ вельми жаль, что вашего языка не знаю, чтобъ переводилъ тѣхъ рѣчей, какъ я самъ желаю, понеже переводчики *зъ* большей части того, чего не разумѣютъ, опускаютъ или толкуютъ противъ любви и воли своей, покрываючи прямую свою глупость. Бью челомъ, чтобъ твоя милость учинилъ радѣніе прилежно, чтобъ перевестъ на русскій языкъ или на латинскій, чтобъ я увидѣлъ самъ вашихъ переводчиковъ толкованіе, какъ его совершаютъ, понеже непобѣдимое и великое ваше царство потребуетъ такихъ мужей переводчиковъ, которые и иныхъ языковъ разумъ имѣли, истинно и прямо и непремѣнне толковали совѣтне и чтобъ разсужденіе чинили объ тѣхъ дѣлахъ, которыя пишутся, вѣрою и правдою, и то пускай будетъ. Полно теперече, а Господь Богъ далъ бы вашей честности многолѣтное здоровье и многолѣтствіе и получилъ бы спасительное и благое прошеніе. Здравствуй, *съ* пречестнѣйшихъ мужей высокорожденный господине. Писано въ Москвѣ 15 числа августа, лѣта отъ рожденія Христова 1662-го. Вашей преславной честности о всемъ богомолецъ вашъ *Паисій Лигаридусъ*.

Статьи распросныя, которыя даны суть митрополиту Паисі*и* Газскому, чтобъ противу ихъ совершенный отказъ далъ великому государю... чрезъ боярина его... Стрешнева.

Предисловіе. Рече Господь.... Убо Христу послѣдуя, отвѣщаю вамъ яко проповѣдникъ истинны на нѣкоторыя статьи и во-

просы, которые омрачаютъ очи помысловъ нашихъ, и будемъ имѣти мзду отъ мздовоздателя Бога и похвалу отъ христолюбивыхъ людей, понеже возвращая душу отъ прелести спаситель именуется. *Отвѣтъ*. Аще истинна речется преніе...

Вопросъ, глава 1. Есть ли безгрѣшно изнова преосвящатися? Единъ архіерей, когда премѣняется... *Отвѣтъ*. Три тайны есть, которыя даютъ знаменіе...

20 вопросовъ и отвѣтовъ (=главъ).

Мы пользуемся спискомъ Румянц. Муз. № 376 (лл. 264—273), письма извѣстнаго Евѳимія. Съ нимъ сходенъ списокъ Унд. № 712, XVIII в. (лл. 207—232). Изданы *Гиббенетомъ*, Историч. изслѣдованіе дѣла п. Никона, II, 518—550, и *Субботинымъ*, Матеріалы для исторіи раскола, VII, стр. IX, 150—181. Переводъ сдѣланъ какимъ-то Стефаномъ[1]), очень плохой. Греческій оригиналъ—въ Государственномъ Архивѣ въ Спб.

Языкъ—русскій.

Вопросо-отвѣты І. Каріофилла.

Предложеніе вопросо-отвѣтовъ, изятое[2]) съ греческаго діалекта и нынѣ ново-сочиненое со многимъ трудолюбіемъ славенски, коемуждо благочестивыхъ зѣло полезно и къ вѣдѣнію потребно.

Длинное предисловіе:

Доброрачительному читателю о Господѣ радостно долгоденствовати, благоденствовати и благодѣйствовати. Изъ начала неизреченный промыслъ всесильнаго Бога, давшаго коейждо твари...

Между прочимъ *переводчикъ* говоритъ: Изслѣдовахъ по премногу, како бы сіе суесловіе или буесловіе *о фортунѣ* разрушити, и тако по тщанію моему случися мнѣ обрѣсти разсѣянно нѣкія вопросы и отвѣты на греческомъ діалектѣ учителя мужа

1) *Макарій*, Исторія р. церкви, XII, 390.

2) Срв. слово *изятый* въ заглавіи Риторики Скуфа, въ значеніи: изданный.

мудра, грека суща, *Іоанна Кгріофилла* о таковомъ подлозѣ[1]) и о иныхъ нѣкихъ полезныхъ, еже есть о предопредѣленіи и о промыслѣ божественномъ и о прочихъ, ... ихъже и тщательно *по сокращенію* славенски сочиниxъ, ова убо отлагая, ова убо прилагая отъ иныхъ учителей, гречески и латински, яже и собрахъ въ 23 вопроса.

1-й вопросъ: Есть ли счастіе, или *фортуна*, по чесому управляются вся вещи въ мірѣ.

2. Аще есть предопредѣленіе и что есть и како предопредѣляетъ Богъ вся хотящая быти...

6. Что есть душа...

8. Коликими образы зачинается во чревѣ человѣческое тѣло...

Затѣмъ второе заглавіе:

Вопросы и отвѣты рѣшительніи, по философскому и богословскому восточнаго православнаго мудрованія опредѣленію предложени.

Вопросъ 1. Множицею пребыхъ...

Вопросъ 23. Разумѣхъ и основаніе...

23 вопросо-отвѣта.

Мы пользуемся спискомъ Публ. Библ. Погод. № 1199, нач. XVIII в.

Другіе списки этого текста: библіотеки римско-католич. церкви св. Екатерины въ Спб. № 16, Антоніева Сійскаго монастыря и принадлежавшій Е. В. Трехлѣтову[2]), послѣ предисловія имѣютъ «риѳмы» переводчика съ подписью: Типографіи справщикъ *Николай* малѣйшій (= Ник. Семен. *Головинъ*). Переводъ сдѣланъ не ранѣе 1698 г. (см. выше, стр. 287).

Греческій оригиналъ напечатанъ въ 1697 году: Ἐγχειρίδιον περὶ τινῶν ἀποριῶν καὶ λύσεων, ἢ περὶ ἐξετάσεως καὶ ἐπιβεβαιώσεως

1) Слово *подлогъ*, въ значеніи: предметъ, встрѣчается въ переводахъ Евѳимія.

2) Описанъ въ *Ярославск. Губ. Вѣдом.* 1856 г., стр. 223. Собраніе Трехлѣтова поступило въ Имп. Публ. Библіотеку, но между рукописями послѣдней этого списка мы не нашли.

ἀναγκαίων τινῶν τῆς ἐκκλησίας δογμάτων, παρὰ... διδασκάλου κυρίου Ἰωάννου Καρυοφύλλου, μεγάλου λογοθέτου τῆς τοῦ Χριστοῦ Μεγάλης Ἐκκλησίας... Ἐν τῇ μονῇ τοῦ Συναγώβου [1]).

Хронографъ Дороѳея Монемвасійскаго и „Туркогреція“.

Книга историчная, или *Хронографъ*, сирѣчь лѣтописецъ, объемля вкратцѣ различныя и изрядныя исторіи, сирѣчь повѣсти, начинаемыя отъ созданія міра даже до взятія константинопольскаго, и по взятіи Царяграда о царѣхъ турскихъ. Собрана убо отъ различныхъ опасныхъ исторій вкратцѣ иногда, и отъ еллинскаго языка на общій, сирѣчь на греческій, преведеся отъ преосвященнаго митрополита монемвасійскаго киръ-*Дороѳеа*.

Нынѣ же, повелѣніемъ благочестивѣйшаго.... Алексіа Михайловича... отъ греческаго на славено-россійскій языкъ іеромонахомъ *Арсеніемъ Грекомъ* начася [2]) и святогорцемъ архимандритомъ грекомъ *Діонисіемъ* совершися въ лѣто отъ созданія міра 7174, отъ рождества Христова 1665, мѣсяца декемвріа, въ царствующемъ и преименитомъ великомъ градѣ Москвѣ.

(Предисловіе). Всѣмъ православнымъ и благочестивымъ христіаномъ, получающимъ настоящую историчную книгу, здравіе и благополучіе отъ Христа Бога. Польза исторіи есть многа и велика по истиннѣ....

Между прочимъ: «обрѣтаху же ся исторіи сіи на ветхомъ еллинскомъ языцѣ, егоже нынѣшніи еллини не разумѣютъ»; поэтому Дороѳей «преложи на общій греческій языкъ». Книга Дороѳея попала къ киръ-Зоту Цыгару, зятю молдо-влахійскаго воеводы Петра, потомъ въ руки брата его Апостола Цыгаря, который

---

1) *Legrand*, III, 45. Отрывокъ изъ греческаго оригинала находится въ принадлежавшей Ник. Головину рукописи Спб. Дух. Акад. Соф. № 1547 (*Христ. Чт.* 1881 г., № 3—4, стр. 310).

О Каріофиллѣ см. въ *Богословск. Вѣстн.* 1900 г., № 6, стр. 216—220 (статья *А. П. Лебедева*).

2) Арсеній Грекъ выбылъ изъ справщиковъ московской типографіи въ маѣ 1663 г. и его мѣсто занялъ Діонисій. *Бѣлокуровъ*, Арсеній Сухановъ, I, 433.

повелѣлъ ее напечатать на свое иждивеніе. Нынѣ же по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича она переведена на славянороссійскій языкъ. «Сія историческая книга объемлетъ многія исторіи... отъ созданія міра (сокращеніемъ и малословнѣ) даже до царства блаженнаго Константина Палеолога, послѣдняго царя греческаго, подобнѣ и исторіи святѣйшихъ патріарховъ, патріаршествовавшихъ на апостольскомъ престолѣ константинопольскомъ. Еще объемлетъ исторіи многихъ кесарей и папъ стараго Рима, о пресвѣтлой Венеціи, когда создася, о Константинополи и о Мореѣ, како владѣша фрапги и како изгнашася. Повѣствуетъ и о соборѣ, иже бысть во Флоренцѣ, и толкованіе на святый символъ вкратцѣ. Повѣдаетъ плѣненіе константинопольское отъ агарянъ, и откуду нечестивыхъ агарянъ колѣно, и когда явишася, и какія рати и брани сотвориша, и кія грады взяша, и колики султаны царствоваша въ Царѣградѣ даже до султана Мехемета, сына Ибраимова. Еще объемлетъ и нѣцыи *хрисмы* (на полѣ: пророчества), о нихъже глаголютъ, яко обрѣтошася надъ гробомъ святаго и великаго Константина, перваго царя христіанскаго, ихъже истолкова премудрѣйшій куръ-Григорій Схоларій, иже бысть первый патріархъ по плѣненіи константинопольскомъ и именовася Геннадій. И саны царствія греческаго и церковныя саны священническія великія константинопольскія церкве»....

Въ концѣ: Святогорецъ архимандритъ *Діонисій Грекъ* со клевреты своими, труждающимися въ сей книгѣ....

Оглавленіе.

Второе заглавіе: Сокращеніе повѣстей начинаемыхъ отъ созданія міра даже до.....

Начало: Хотяй премудрый содѣтель Господь нашъ и Богъ творити міръ....

253 главы.

Изъ многихъ списковъ мы пользуемся списками Публ. Библ. F. IV. 94, F. IV. 574, XVII в., Моск. Арх. Мин. Ин. Д. № 2—2, 1691 г., Синод. Библ. № 343, XVII в. Синодальный списокъ

(черновой, съ поправками) въ предисловіи имѣетъ слова: и *напечатася* первое его же царскимъ повелѣніемъ, великаго государя нашего.... Алексіа Михайловича..., въ (21)[1] лѣто державы царства его.... (и по благословенію преосвященнаго и богоизбраннаго намѣстника великаго и высочайшаго патріаршескаго престола московскаго и всея Россіи кўръ-Павла, митрополита сарскаго и подонскаго, и всего освященнаго собора), въ лѣто отъ созданія міра 717 (оставлено мѣсто для четвертой цифры), отъ воплощенія Слова Божія 166 (тоже), мѣсяца (оставлено мѣсто). Въ спискѣ Публ. Библ. F. IV. 574, послѣ перваго заглавія, находятся слова: изготовися въ *тисненіе*, и волею Божіею не совершися печатнымъ тисненіемъ, построити сію книгу не успѣ[2]).

Оригиналъ — трудъ писателя конца XVI и начала XVII в. Доровея, митрополита монемвасійскаго, вышедшій въ свѣтъ впервые въ Венеціи въ 1630 г. и потомъ много разъ переизданный, одна изъ популярнѣйшихъ греческихъ книгъ XVII—XVIII вѣковъ, — Ὁ Χρονόγραφος, τουτέστι βιβλίον ἱστορικὸν συνοπτικόν... (мы имѣли въ рукахъ изданіе 1676 г., экземпляръ Моск. Типогр. Библ.)[3].

Языкъ—церковно-славянскій тяжелый, съ кое-какими южнославянизмами (Дупавъ и т. п.).

---

1) Что въ скобкахъ, то въ текстѣ зачеркнуто.

2) Приготовленный къ печати славянскій текстъ представляетъ не мало уклоненій отъ оригинала. Цѣлыя мѣста въ немъ отчеркнуты, съ замѣткою для переписчика: «не писать»; при главѣ 3-й сказано: «всю сію третію главу выписати изъ библіи, а здѣшнее все оставить».

3) Авторъ—едва ли не одно лицо съ *Іероѳеемъ*, митрополитомъ монемвасійскимъ, который въ 1588 г., вмѣстѣ съ констант. патріархомъ Іереміею, былъ въ Москвѣ и участвовалъ въ посвященіи перваго московскаго патріарха. *Сношенія Россіи съ востокомъ*, I, 189.

О Хронографѣ, между прочимъ, см. у *Малышевскаго*, Александр. патріархъ Мелетій Пигасъ, I, 503.

Въ описи книгъ Львовскаго Братства 1601 г. значится «Кроника о грецкомъ панствѣ, издана отъ Ивана Вишенского, скоростію (= скорописью) писана» (*Голубевъ*, Петръ Могила, I, прилож., стр. 169). Если эта Кроника была на славянскомъ или русскомъ языкѣ, она — всего скорѣе — переводъ труда Доровея.

Переводъ Хронографа Дороѳея въ концѣ XVII в. былъ пересмотрѣнъ и дополненъ, при участіи *Евѳимія*. Большая часть новаго текста находится въ рукописи Моск. Арх. Мин. Ин. Д. № 579—1081, съ поправками и замѣтками. Здѣсь заглавіе:

Νέα Σύνοψις, сирѣчь новое собраніе разныхъ исторій, начинающееся отъ сотворенія міра и оканчивающееся даже до сего лѣта отъ Христа 1624[1]).

На л. 507 сл. помѣщается «Исторія гражданская о плѣненіи Константинополя, писанная отъ *Мартина Крусіа*, сирѣчь отъ книги *Туркогрециі*, начинающаяся отъ шестьтысячнаго девятьсотаго лѣта отъ Адама, отъ Христа же 1392, и кончающаяся даже до днесь».

На л. 580 об. слѣд. находится «Разглагольствіе святѣйшаго Сильвестра, папы ромскаго, на іудеи, бывшее въ Римѣ....»

Послѣдніе листы (588—590) заняты разсказомъ: «О еже како создася Венеція», принадлежащимъ Хронографу Дороѳея.

Къ этой передѣлкѣ имѣетъ какое-то отношеніе неполный текстъ Хронографа съ замѣтками и матеріалами для дополненія (письма Евѳимія) въ Синод. № 483, л. 64 сл.

Изъ книги *Мартина Крузія* (Crusius), знаменитой въ свое время Turcograecia (Basileae, 1584)[2]), упомянутой выше, былъ переведенъ, между прочимъ, слѣдующій разсказъ (не оконченный).

И паки ину повѣсть честнѣйшу воспомянемъ вашей любви мало послѣди. Прешедшимъ двадесятимъ меньшимъ или малымъ чѣмъ больше по взяти отъ турковъ Царяграда о духовной власти архиереомъ данной отъ Бога вязати и разрѣшити.

Начало: По преслав(н)ѣмъ убо Христовѣ рождествѣ о лѣтѣ 1186 (?) сотворися убо таково нѣчто преславно чудо при Максимѣ патріархѣ Царяграда, якоже повѣдаетъ о семъ исторія

1) Νέα Σύνοψις — для отличія отъ кіевскаго *Синопсиса*?

2) Переиздана *Migne*'емъ, CLXI.

Константинопольская, отъ *Θеодосія Зигомала*, историка грецкаго, исписаная, въ книзѣ же нарицаемѣй *Туркогреція* гречески и латынски типомъ изданная, на листѣ 27 и во второмъ на листѣ 132 сице свидѣтельствуетъ. Тому убо святѣйшему патріарху въ та времена Максиму, во священной философіи искусному и благочестнымъ житіемъ свѣтло сіяющему мужу, бяху во оно время у безбожнаго царя агаренскаго султана Махмета въ царской полатѣ честніи и великаго рода и наученіи мужіе отъ Трапезонтскаго града родомъ, между имиже бяше единъ сынъ Амируцы нѣкоего потурченный, въ грецкомъ же и арапскомъ языцѣ зѣло художный, иже книги наша, въ нихъже исповѣданіе православныя христіянскія вѣры и иныя таинства христіянская содержатся, повелѣніемъ султановымъ во арабскій прелагаше языкъ...

Султанъ узналъ отъ христіянъ, что тѣло умершаго въ отлученіи отъ церкви не истлѣваетъ, и пожелалъ удостовѣриться. Патріархъ указалъ на тѣло попадьи-блудницы.

Есть мелкія подробности, отсутствующія у Зигомалы-Крузія. Какъ будто переводъ разсказа принадлежитъ человѣку, слышавшему преданіе о чудѣ.

Переводъ — свободный. Языкъ — церковно-славянскій простой, но правильный.

Мы пользуемся сборникомъ Публ. Библ. F. IV. 218, XVII—XVIII в., лл. 78—80.

Повидимому, тотъ же разсказъ находится въ сборникѣ Вахрамѣева № 466, XVIII в., лл. 13—22, съ заглавіемъ:

Исторіа политическая Констянтинопольская, отъ *Θеодора Зигомала*, историка греческаго, исписанная, въ книзѣ же нарицаемой *Туркогреціа* гречески и латински тvпомъ изданная. Въ первой книзѣ на листѣ 26 и во второй на листѣ 132[1]).

---

1) Объ Θ. Зигомалѣ см. *Legrand*, Notice biographique sur Jean et Theodose Zygomalas, Paris, 1889 (срв. ст. *Дестуниса* въ *Ж. М. Н. Пр.* 1891, № 1), и *Малышевскій*, Александр. патр. Мелетій Пигасъ, I, 539.

Пророчество о Константинополѣ.

Одна изъ послѣднихъ главъ Хронографа Дороѳея посвящена *пророчеству о судьбѣ Константинополя*, начертанному на гробницѣ Константина Великаго. Въ переводѣ она носитъ заглавіе:

О останкахъ великаго царя Константина, ихъже принесе сынъ его царь Константій отъ Никомидіи.

Начало: Якоже царствова сынъ великаго Константина Константій, принесе останки отца своего...

Нѣкіи прозорливые мужи сдѣлали надпись на «кровлѣ» гробницы, не полными словами, а лишь начальными буквами словъ, заключавшую въ себѣ предсказаніе, «хризмы», о турскомъ царствѣ и сокрушеніи его «русымъ» народомъ. Она была истолкована при царѣ Іоаннѣ Палеологѣ патріархомъ *Геннадіемъ*, когда онъ былъ еще міряниномъ.

Эта глава встрѣчается въ сборникахъ к. XVII в. отдѣльно отъ Хронографа (наприм. въ сборникѣ Публ. Библ. Q. XVII. 87, лл. 137—138). Сверхъ того, она (или большое извлеченіе изъ нея) была переведена отдѣльно.

1. Выписано съ греческаго печатнаго лѣтописца и переведено на словенскій языкъ.

Какъ воцарился сынъ великаго Константина о Константіосъ, пренесе мощи отца своего...

Этотъ переводъ сдѣланъ *Арсеніемъ Сухановымъ* и имъ представленъ въ Посольскій приказъ въ 1650 г., при статейномъ спискѣ. Изданъ (съ греческимъ оригиналомъ) *Бѣлокуровымъ*, Арсеній Сухановъ, I, стр. CXXIX; II, стр. 221—224; по столбцамъ Моск. Арх. Мин. Ин. Д.

2. Сія писанія, или хризмы, сирѣчь слова, обрѣтошася верху гроба великаго Констянтина.

Начало: 1 числа индикта царство Измаилево, реченнаго Махмета...

Въ концѣ: А переведено пророченіе сіе съ греческаго языка съ древняго письма на русское въ лѣто 7149-го (=1641).

Этотъ текстъ находится въ сборникѣ Моск. Типогр. Библ. № 394, XVII—XVIII в. (*Орловъ*, Библіотека Моск. Синод. Типографіи, ч. I, вып. I, стр. 119). Въ сборникѣ Публ. Библ. Q. XVII. 187, л. 197, онъ носитъ заглавіе: Выписано изъ греческаго печатнаго лѣтописца въ Мутьянской земли (т. е. въ Молдавіи).

Языкъ—церковно-славянскій, съ юго-западно-руссизмами и полонизмами: *маетъ*, *абы*, *звытяжилъ*.

3. Написаніе, начертанное отъ нѣкихъ святыхъ прозорливыхъ отецъ, изображенное еллинска художества знаменьми и положенно на камени ископанномъ надъ гробомъ святаго Констянтина, перваго царя христіанскаго, во градѣ Никомидійстѣмъ.

Начало: А (вмѣсто 1) индикта царство Измаилево, нареченнаго Магмета....

Въ концѣ: Сіе же писаніе истолкова премудрѣйшій патріархъ Геннадій Цареградскій, бывы во время Ивана Палеолога греческаго. А преведе сіе зъ греческаго на словенскій языкъ преосвященный *Гаврилъ*, митрополитъ Назарета Галилейскаго, сый въ царьствующемъ градѣ Москвѣ, въ лѣто 7159 (=1651), марта въ 1 день[1]).

Мы пользуемся сборникомъ Публ. Библ. Погод. № 1561, л. 120 об., XVII в. (*Бычковъ*, стр. 117).

4. Переводъ съ греческаго языка на словенскій предлагаю азъ, богомолецъ *вашъ*, смиренный Парѳеній, митрополитъ лаодикійскій, который издавна претолковася Схоларіемъ патріархомъ константинопольскимъ Геннадіемъ, для подлиннаго познанія вся-

1) Гавріилъ, митрополитъ назаретскій, прибылъ въ Москву въ декабрѣ 1650 г., выѣхалъ въ іюлѣ 1651 г. Онъ повидимому былъ сербъ родомъ, во всякомъ случаѣ хорошо зналъ церковно-славянскій языкъ, и на пути въ Москву, находясь у Хмѣльницкаго, читалъ молитвы «по-русски» (*Соловьевъ*, Истор. Р., изд. Обществ. Пользы, II, 1725). Его «Повѣсть о святыхъ и богопроходныхъ мѣстѣхъ св. града Іерусалима», написанная въ Москвѣ въ мартѣ 1651 г., извѣстна въ значительномъ числѣ списковъ (издана, вмѣстѣ съ собственноручною челобитною Гавріила и кое-какими данными о немъ, — въ *Палестинск. Сборникѣ*, вып. 52, 1900 г.).

кому любопытливу православному христіанину: како и когда побѣдится злочестивый султанъ турскій. Якоже повѣдаетъ той Схоларій въ семъ своемъ переводѣ.

Письмена, яже обрѣтошася написана надъ гробомъ великаго Константина царя: тпт. тідт. ивсл. тілм.....

Зри и толкованіе сихъ писменъ, иже отъ Схоларія патріарха константинопольскаго кѵръ-Геннадія вышеписанныя.

Перваго индикта царство Исмаилево, нарицаемый Моамеѳъ, имать побѣдити родъ Палеологовъ, седмохолміе обдержитъ и въ немъ воцарится.....

Преведе же сіе съ греческаго на словенскій языкъ и преосвященный Гавріилъ, митрополитъ Назарета Галилейскаго, сый бывый въ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ лѣто 7159, марта 10 день.

Вслѣдъ за этимъ стихи (всего 12 двустишій):

Вселенскій патріарше, Начальниче іерарше,
Кѵръ-Геннадіе свѣтило, Явися мудрый кормило,

Слова мудро столковавый...
Ты, Христе, даждь намъ узрити, И звышше вся исполнити (предсказанное Геннадіемъ).

Тѣмъ и азъ, грѣшный, дерзаю, Сихъ простыхъ стиховъ являю.

Вслѣдъ за этими стихами находятся «стихи на побѣду злочестиваго Мустафы, султана турскаго», того же Парѳенія, помѣченные 12 апрѣля 1698 года.

Мы знаемъ лишь одинъ списокъ — Публ. Библ. Погод. № 1745, нач. XVIII в.[1]).

---

1) О митрополитѣ Парѳеніи Небозѣ или — вѣрнѣе — Небогѣ, русскомъ по происхожденію: м-тъ *Евгеній*, II, 152; *Горскій и Невостр.*, II, 2, 187; *Шляпкинъ*, Дим. Ростовскій, 361; *Перетцъ* въ *Чтеніяхъ въ историч. Общ. Нестора Лѣт.*, кн. XV.

Списки втораго и третьяго перевода довольно многочисленны; ихъ заглавія и начальныя слова представляютъ нѣкоторое разнообразіе. Возможно, что былъ еще одинъ, пятый, переводъ [1]).

Стихотворенія Паисія Лигарида.

1) На двоеглавнаго орла [2]), всевеличайшаго царя нашего Алексѣя Михайловича, написъ [3]).

Въ птицахъ орелъ всепревысочайшій единъ отъ нихъ,
Въ царѣхъ царь московскій преимуществуетъ.
Лѣпотствоваше бо цареви великому, державному же [самоначальнику
Имѣти самодержцевъ символ*а* владык*овъ*.

2) Написъ [2]) на вѣнецъ.

Вѣнецъ твой извѣствуетъ, царственнѣйшій царю міра,
Яко начальствуеши сугубою земли благія частію.
Начинаетъ восходящее солнце отъ твоего царства,
Грядетъ западающее въ твою паки страну.
Убо пророку, о царю, ты возначальствуеши восходомъ, западомъ, обоими странами на царствующую Московію.

3) Написъ [2]).

Московія царица, Мосохъ градъ, *градъ царей ромейскихъ, надежде*, радуйся же, здравствуй вельми,

---

1) См. текстъ, изданный *Терновскимъ*: Изученіе византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси, II, 267. Заглавіе: На камени, накованномъ надъ гробомъ святаго царя Константина перваго, написано литерами сице.

Пекарскій, II, 306: Въ печатной «Исторіи о разореніи послѣднемъ св. града Іерусалима... (и) о взятіи славнаго.... Константинополя», 1-ое изд. М. 1713,— «обыкновенно помѣщается изображеніе письменъ греческихъ обрѣтшихся на гробѣ великаго Константина, и толкъ... отъ Генадія патріарха».

2) Вѣроятно, есть связь съ панегирикомъ Симеона Полоцкаго царю Алексѣю Михайловичу «Орелъ россійскій». Близкія отношенія между Паисіемъ и Симеономъ не подлежатъ сомнѣнію.

3) Или: написъ.

Желтый поне *народъ* произыдетъ, яко отъ улій
Племена пчелъ, твоихъ удобовзращьшихъ чреслъ,
Яко прежде Ахиллсево воинство, изскакуетъ на турки
И скифскія татары, всегда вооружающаяся.
Гряди, иди, великосердый Алексѣе, сыне Михайловъ,
Крѣпотствуй, мужайся, буди побѣдоносенъ,
Исполни отцевъ богореченія, яко ты носиши
Вѣнецъ самодержцевъ, знамя Палеулоговъ.

Пояше *Паисій*, газскій передсѣдатель, *Лигаридъ*.

Все выписанное нами находится на скорописномъ столбцѣ Рум. Муз. № 1644, XVII в. Переводъ сдѣланъ не русскимъ, можетъ быть, близко стоявшимъ къ Паисію Арсеніемъ Грекомъ. Срв. выше, стр. 342.

Хрисмологіонъ.

Хрисмологіонъ, сирѣчь книга пререченословная, отъ пророчества Даніилова, сказаніе сонія Навуходоносорова. Таже: о четырехъ монархіахъ вселенныя и о ложномъ пророцѣ Махметѣ и о царствіи его. Потомъ: Предреченіе Льва царя Премудраго и иныхъ о плѣненіи Царяграда и о туркахъ, и что имать быти въ грядущее время. Таже: О антихристѣ и о иныхъ многихъ изрядныхъ вещехъ; яже вся на *три* особныя книги раздѣляются.

Отъ *древнѣйшія харатейныя книги* еллино-греческія преведена на словенскій языкъ повелѣніемъ.... государя царя и великаго князя Алексія Михайловича... чрезъ Николаа *Спаваріа*, и не токмо преведена, но и на вся главы различная и пространная толкованія его многотруднымъ тщаніемъ приложена.

Въ царствующемъ и преименитомъ градѣ Москвѣ, въ лѣто отъ сотворенія міра 7181-ое (1673), мѣсяца іаннуаріа въ 25 день.

Предисловіе (посвященіе царю Алексѣю Михайловичу)[1].

Пролегоменонъ, се есть предлагательное на четыре монархіи.

---

1) Издано въ *Русск. Вѣстн.* 1841 г., № 5.

Оглавленіе (подробное).

Начало пророчества Даніилова, отъ вторыя главы, и сказаніе сонія Навуходоносора, царя вавилонскаго, и толкованіе ею.

Глава 1. Стихи іамвійстіи....

Листъ 298 об. До сего мѣста *совершися первая книга харатейная.* Мы же послѣдуемъ четвертыя монархіи царемъ даже до конца. И паки объ Августѣ кесарѣ. Сей Августъ... (слѣдуетъ перечень византійскихъ и римскихъ, западныхъ, императоровъ).

Листъ 308 об. И сице скончася царство Греческое и начася Турское. Понеже убо о Турскомъ царствѣ и о царѣхъ во *второй* книзѣ напишемъ[1]), сего ради здѣ начинаемъ кесарей римляно-нѣмецкихъ писати, отъ Кароля Великаго даже донынѣ. Аще убо западніи глаголютъ, яко царство Греческое премѣнися въ Нѣмецкое, таже и турцы глаголютъ, яко отъ Бога царство Греческое имъ предадеся. Мы же глаголемъ, яко Греческое царство на Русское премѣнися, не токмо благочестія греческаго ради, но царстворodoсловія отъ Анны Деспина цареградскаго ради....

Въ концѣ (л. 309) перечень германскихъ императоровъ.

Мы пользуемся отличными списками Синод. Библ. № 192 (принадлежавшимъ патр. Адріану), 1693 г., и Публ. Библ. F. I. 698, XVII в. (едва ли не изъ царской библіотеки).

Нѣкоторые списки: Рум. Муз. № 2615, XVIII в., Чудова мон. № 289, XVII в.. Публ. Библ. Q. I. 446, XVIII в., и др. имѣютъ въ концѣ слѣдующій

Епилогъ, или совершеніе.

Первая убо книга сего Хрисмологіона и со четвертою монархіею и прочая совершися; Богу же поспѣшествующу на прочая двѣ книги подвигнемся къ совершенію. И сице намъ подобаетъ всегда молити Бога и во концѣ книги сея и четвертыя сея монархіи, яко паки щедротами своими неизреченными призритъ на досажденную и понужденную церковь греческую и царство, еже

1) Спаѳарій не исполнилъ обѣщанія: Хрисмологіонъ во всѣхъ спискахъ имѣетъ лишь одну первую книгу.

стенетъ подъ игомъ тиранскимъ и невѣрнымъ агаряновъ турковъ, и возставитъ, яко иногда Іисуса Навина, Іуду Маккавеа, своихъ воеводъ непобѣдимыхъ, самодержавнѣйшаго и Богомъ избраннаго царя нашего .... *Петра Алексіевича...*, яко да высокою мышцею и крѣпкою рукою побѣдитъ и весьма возодолѣетъ прескверный родъ Магметовъ возвышенъ и очиститъ храмы Божіи отъ мерзости запустѣнія и возвыситъ рогъ благочестія, яко иногда Константинъ, великій во царѣхъ, во славу Божію, и да речетъ вси людіе: буди, буди! Аминь.

Этотъ «эпилогъ» показываетъ, что списокъ Хрисмологіона въ эпоху азовскихъ походовъ былъ поднесенъ Спаѳаріемъ царю Петру.

Греческій оригиналъ Хрисмологіона—не «харатейная» книга, какъ пишетъ Спаѳарій, а произведеніе *Паисія Лигарида* Χρησμολόγιον Κωνσταντινουπόλεως Νέας Ρώμης παρῳχήμενον ἐνεστώς καὶ μέλλον, ἐκ διαφόρων συγγραφέων συλλεχθὲν καὶ συναρμοσθὲν παρὰ... μητροπολίτου Γάζης κυρίου Παϊσίου [1]). Авторъ не названъ переводчикомъ, можетъ быть, потому, что въ это время утратилъ уже авторитетъ въ глазахъ царя и долженъ былъ уѣхать изъ Москвы.

Неизвѣстно, имѣлъ ли Спаѳарій всѣ тѣ четыре «книги», о которыхъ говоритъ въ заглавіи, или у него была только одна, имъ переведенная.

Языкъ — церковно-славянскій тяжелый [2]).

---

1) *Legrand*, IV, 49. По словамъ *Пападопуло-Керамевса*, Ἱεροσολυμιτικὴ Βιβλιοθήκη, I, № 160, іерусалимскій списокъ 1656 года—автографъ Паисія, съ посвятительнымъ письмомъ царю Алексѣю Мих. Не это ли письмо было подано Паисіемъ царю (*Соловьевъ*, Исторія Р., изд. Общ. Пользы, III, 543)?

2) О Хрисмологіонѣ, кромѣ *Legrand*'а, см. *Горск. и Невостр.* II, 3, № 259, и *Истрина*, Откровеніе Меѳодія Патарскаго, М. 1897, стр. 239, 290, 299 сл., прилож. VII. О «построеніи» этой книги—*Доп. къ Акт. Историч.* VI, 198, и *Сборникъ Архива Мин. Ин. Дѣлъ*, III—IV, стр. 24, статья Токмакова. Объ Паисіи новѣйшія статьи *Лавровскаго* въ *Христ. Чт.* 1889 г., № 11—12, *Воробьева* въ *Р. Арх.* 1893, № 1, *Пирлинга* въ *Р. Стар.* 1902 г., № 2, а также *Каптеревъ*, Характеръ отношеній Россіи къ правосл. востоку, стр. 181 сл. Объ близости Паисія и Спаѳарія см. *Доп. къ Акт. Ист.*, VI, 216, и книгу *Каптерева*, стр. 202.

Прошеніе патріарха Аѳанасія.

Переводъ съ греческаго письма съ тетрати, какову подалъ великому государю царю и великому князю Алексію Михайловичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу, бывшій цареградской патріархъ *Аѳанасій* во 162 (=1653) году, декабря въ 13 день.

Начало: Слово понуждаемое ко благочестивому, тихомирному и Богомъ вѣнчанному нашему царю... (объ освобожденіи грековъ отъ турецкаго ига и о занятіи русскимъ царемъ Константинополя).

Мы знаемъ два списка—Увар. № 1755, XVIII в., лл. 247—275 (отсюда выписанное выше), и Рум. Муз. № 712[1]).

Физіологъ, Дамаскина Студита.

Дамаскина архіерея *Студита* Собраніе отъ древнихъ философовъ о нѣкихъ собствахъ естества животныхъ.

О орлѣ, глава 1. Орелъ есть царь надъ всѣми летающими и никогда же въ животѣ своемъ піетъ воду...

О пѣтелѣ, глава 2. Пѣтелъ глаголется пѣтухъ, имать...

О славіи, глава 3. Славій глаголется соловей, имать...

О зміи дипсѣ, глава 90. Есть инъ змій...

О онокентаврѣ, глава 91. Есть животно во Индіи...

91 разсказъ о чудесныхъ свойствахъ животныхъ.

Изъ многихъ списковъ мы пользуемся спискомъ Публ. Библ. Q. VI. 1, XVII в. (отсюда взято выписанное выше), Спб. Дух. Ак. Соф. № 1428, XVIII в., Моск. Общ. Ист. и Др. № 207, Увар. № 1873, XVII в. Есть списки, въ которыхъ разсказы

---

1) Содержаніе см. у *Макарія*, Исторія р. церкви, XII, 124, и у *Каптерева*, въ *Чтеніяхъ Общ. Люб. дух. просв.* 1889 г., № 10, стр. 373—385 (по Румянц. рукописи). Срв. выше, стр. 339.

Изъявленіе надежды, что Богъ «въ недолгое время» подастъ московскому царю наслѣдіе царя Константина, появляется въ письмахъ греческихъ патріарховъ со второй половины XVI в. (*Сношенія Россіи съ востокомъ*, I, 150—151).

Дамаскина расположены въ порядкѣ русскаго алфавита. Есть списки (и ихъ много) съ дополненіями изъ Толковой Палеи, Шестоднева и др. источниковъ; къ послѣднимъ принадлежитъ отличный списокъ Синод. Библ. № 377, принадлежавшій Евѳимію и отчасти имъ писанный.

Греческій оригиналъ изданъ при венеціанскомъ Ирмолоѣ 1671 г. (экземпляръ — въ Моск. Типогр. Библ.)[1]. Здѣсь заглавіе: Δαμασκηνοῦ ἀρχιερέως τοῦ Στουδίτου Συνάθροισις ἐκ τῶν παλαιῶν φιλοσόφων περὶ φύσεως ἰδιωμάτων τινῶν ζώων.

Начало: Καὶ πρῶτον περὶ ἀετοῦ. Ὁ ἀετός εἶναι βασιλεύς εἰς ὅλα τὰ πετώμενα. Καὶ ποτὲ εἰς ὅλην τοῦ τὴν ζωὴν νερὸν δὲν πίννει...

Языкъ — церковно-славянскій ученый.

Риторика.

1. Предисловіе къ читателю.

Читателю любезный, *Софроніа Лихудіа* грека учителя словесное сіе теченіе, прежде начато сущо, нынѣ совершися, преведено бывше съ еллинскаго на славенское бесѣдованіе честнымъ и словеснѣшымъ іеродіакономонахомъ грекомъ *Космою* аѳоноиверскимъ въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ, въ честнѣй обители Чуда архистратига Михаила, за многое тщаніе и иждивеніе ученика его, Крашенинnaго ряда купца *Іоанна* Іоаннова сына, нарицаемаго *Краткаго*[2]), въ славу и честь святыя Троицы, въ пользу же любоучительнымъ. Въ лѣто отъ созданія міра 7206-ое (=1698), мѣсяца августа въ 12 день.

---

1) *Тихонравовъ* (Соч. I, прим. стр. 7) говоритъ о венец. *Октоихѣ*. — Объ этомъ Физіологѣ и его авторѣ см. *Карнѣевъ*, Матеріалы и замѣтки по литературной исторіи Физіолога, стр. 43, прим.

2) Этотъ московскій купецъ въ 1713 г. далъ средства на переводъ или сочиненіе «Зерцала естествозрительнаго» (Публ. Библ. О. VII. 1). *Литерат. Вѣстн.* 1901 г., кн. 6, стр. 128.— Фискалъ Курбатовъ въ 1716 г. писалъ Петру о московскихъ купцахъ Иванѣ Короткомъ и Аѳ. Павловѣ, что они — «люди умные и торговцы знатные и лѣтами не старые». *Соловьевъ,* Ист. Р., изд. Обществ. Пользы, IV, 202.

Софроніа іеромонаха *Ликудіева* кефалинитянина, философіи же и священныя богословіи учителя, О силѣ риторичестѣй, или о риторицѣ божественнѣй же и человѣчестѣй книги 4.

Предисловіе. Начало: Мысль (негли зѣло неправедна) родися и возрасте нѣкіихъ во умѣ....

(Книга 1). О стіхіахъ риторики.

Глава 1. О естествѣ риторики.

Начало: Риторика убо наречеся отъ греческаго глагола рео, рекше теку....

Книга 2-я. Предисловіе о красноглагольствѣ.

Начало: Предложительно намъ бяше расположеніе....

Глава 1. О красноглаголаніи и раздѣленіи его и о лѣпотѣ первыя его части.

Начало: Красноглагольство, якоже опредѣлися нами....

Книга 3-я. О изложеніи и частехъ слова.

Предсловіе. Начало: Якоже обрѣтеніе отверзаетъ....

Глава 1. О мудрованіи же и разсужденіи изложеніе.

Начало: Первыя части изложенія суть, яко....

Книга 4-я и послѣдняя. О показательномъ словѣ и о началѣ его и характирѣ.

(Предсловіе). Начало: Побесѣдовавшимъ (намъ) родственнѣ....

Глава 1-я. О веществѣ похвалы и о тѣхъ, имъже отдается похвала.

Начало: Начинаемъ убо отъ Діа....

(Въ этой книгѣ, въ концѣ, образцы словъ, съ рисунками деревъ = схемъ).

Эпилогъ всея книги. Начало: Сія суть вся еже по силѣ....

Пользуемся спискомъ Уваров. № 2110, к. XVII в., отличнаго письма, въ бархатномъ переплетѣ, вѣроятно, подноснымъ экземпляромъ переводчика; изъ него взято выписанное выше. Съ нимъ сходенъ (но не имѣетъ указаніе на Козму) списокъ Румянц. Муз. № 245, нач. XVIII в. Изъ списка Флорищевой пустыни 1699 г., написаннаго «ученикомъ» Сохинскимъ, можно усматривать употребленіе перевода Козмы въ качествѣ учебника.

Трудъ Лихуда даетъ извлеченія (въ переводѣ) не только изъ греческихъ, но и изъ латинскихъ писателей (Цицерона и др.)[1].

Списокъ Публ. Библ. О. XV. 8, нач. XVIII в. (отчасти, кажется, автографъ Андрея Денисова, см. л. 139 об.), имѣетъ много мелкихъ отличій. Въ немъ нѣтъ предисловія Козмы; въ заглавіи, послѣ «учителя», прибавлено: новую московскую лукію ученіемъ просвѣщающаго; начало предисловія: Возрасте нѣкихъ во умѣ мудрованіе негли зѣло неправедно...; начало 1-й главы 1-й книги: Риторика убо наречена бяше отъ греческа глагола рео глаголю... Съ этимъ спискомъ въ общемъ согласенъ великолѣпный списокъ Публ. Библ. Погод. № 1659, нач. XVIII в.

---

2. Безъ заглавія.

Что есть риторика? Риторика есть наука красно и о всякихъ вещехъ прилично глаголати. Егда риторика наречется добрѣ глаголати, и симъ разнствуетъ отъ неправаго и неграмматическаго глаголанія, яко добрѣ глаголати есть грамматически глаголати...

Въ главѣ введенія о «частяхъ риторики» мы читаемъ: «Части риторики суть пять: изобрѣтеніе, расположеніе, изглаголаніе, память, произношеніе.

Книга 1-я начинается словами: Понеже всякъ премудрый риторъ долженствуетъ...

Книга 2-я, о расположеніи, начинается словами: Расположеніе есть вторый чинъ риторскій, нуждный ритору....

Мы пользуемся списками Спб. Дух. Акад. Соф. №№ 1510 (изъ него выписанное выше) и 1559, нач. XVIII в., и Ярославскаго Спасо-Преображ. монастыря № 193—180, к. XVII в. (л. 11 сл.)[2]. Послѣдній списокъ имѣетъ надписи: «Реторика казенная 1701-го (года)», на л. 1; «1701-го году», на л. 178 об.; «Реторика казенная, переведена съ *латинскаго* языка»[3]), на зад-

1) О Риторикѣ Лихуда, ея оригиналѣ (книгѣ Скуфа) и переводахъ см. у *Смирнова*, Исторія Славяно-греко-латинской Академіи, стр. 51 сл.

2) Срв. *Викторовъ*, 315.

3) Срв. Увар. № 2040. Здѣсь часть этой Риторики (съ посвященіемъ Козмы Мусину-Пушкину) имѣетъ заглавіе: Риторика сочинена на латинскомъ языкѣ

ней доскѣ переплета; часть его текста (л. 11) писана *Евѳиміемъ*. Передъ Риторикой въ немъ «Предсловіе риторики»; здѣсь начальныя слова: Якоже обрѣтеніе отверзаетъ источники естества и благоглаголанія дѣланіе, тако и изложеніе...; здѣсь же такого рода объясненіе автора: Обаче азъ въ семъ риторическомъ своемъ дѣлѣ имамъ ину мысль по премногу разну (юныхъ разума), понеже оставивъ древльняя оная училищная пѣнія, намѣрихся положити въ краткословіи предъ очеса ваша прилежнѣйшая суды и словеса свѣтлыхъ творцевъ о родѣ благоглаголанія и о всемъ сказаніи риторскія силы *пресвѣтлыхъ еллино-грековъ*.... [1]).

О принадлежности этой Риторики *Софронію Лихуду* мы знаемъ отъ *Смирнова*, Исторія Славяно-греко-латинской Академіи, М. 1855, стр. 54. Переводъ сдѣланъ съ греческаго, какъ видно уже изъ большого количества въ текстѣ греческихъ словъ въ позднемъ греческомъ произношеніи.

Языкъ — церковно-славянскій ученый, не вездѣ удобопонятный.

---

3. Книга риторскаго всекраснаго златословія. Твореніе красотословеснаго дидаскала *Козмы*, діакона и аѳоногрека, монаха и обитателя чудовскаго.

(Посвященіе Скуфа). Пречистѣй Приснодѣвѣ Маріи ангельскій радуйся.

Начало: Въ руку Твоею святою, о Пречистая Дѣво, книга сія лежитъ....

(Предисловіе Козмы). Трудолюбезнѣйшему читателю о Господѣ радоватися.

Начало: Понеже, любимый мой читателю, повелѣніе имамы....

преосвященнымъ *Стефаномъ* (Яворскимъ)..., переведена же на словенскій Ѳеодоромъ Поликарповымъ, типографщикомъ, лѣта Господня 1705, февруарія.

1) Списокъ Академіи Наукъ 16. 6. 13, нач. XVIII в., также имѣетъ «Предсловіе о риторикѣ. Похвала и сказаніе о разумѣ ея» (съ начальными словами: Риторика есть художество, еже учитъ слово украшати....), отличное отъ вышеуказаннаго.

Софроній Лихудъ въ первый разъ преподавалъ риторику въ 1688 г. *Сменцовскій*, Лихуды, 72.

Между прочимъ: Послѣдую же во всемъ изданію медоточнаго учителя философіи и священныя богословіи ... іерея *Фрагкійска Скуфа Критскаго*; не яко гробокопатель, по Великому Василію, того чуднаго мужа медоструйное изданіе свойствуя, но яко ухо ему приклонивъ, подражая того медоточность и по стопамъ его ходя и въ его сочиненіе яко въ чистое зерцало прилежно зря, свое писую изданіе....

Пріими убо, брате мой, сію книгу яко изъ рукъ Пречистыя Дѣвы Маріи, видѣвъ неисчетныя моя труды, яко странствуя и всякимъ препинаемъ противнымъ случаемъ, яко тать дни и часы крадуя, на сіе упражняхся....

Предисловіе всея книги.

Начало: Велія есть сила царственныя риторики....

Книги риторскія часть 1.

Глава 1. О обрѣтеніи риторики.

Начало: По общей воли всѣхъ учителей сего художества на двое раздѣляемъ риторику...., на естественную глаголю и художественну....

Мы пользуемся неполнымъ спискомъ Уваров. № 2113, нач. XVIII в.

Списокъ Публ. Библ. Q. XV. 1, первой полов. XVIII в., съ пропусками и перебитыми листами, передъ посвященіемъ Богородицѣ, имѣетъ еще слѣд. посвященіе:

Тишайшаго и непобѣдимѣйшаго царскаго пресвѣтлаго величества сенатору и совѣтнику..., болярину господину Іоанну Алексіевичу Мусину-Пушкину долголѣтнаго пребыванія и всегдашняго благополучія.

Начало: Аще бы онъ, яже Богъ преблагій и превеликій природѣ твоей вдаде....

По этому списку Риторика дѣлится на 4 части, изъ которыхъ первая заключаетъ въ себѣ 28 главъ, третья (о сказаніи или благовѣщаніи) 12 главъ, четвертая (о схиматахъ) 37 главъ. Послѣдняя оканчивается короткимъ послѣсловіемъ:

Сія вся да будетъ въ славу и честь истиннаго Божія Слова....

Оригиналъ—Τέχνη ῥητορικῆς Φραγκίσκου ἱερέως τοῦ Σκούφου Κρητός, Венеція, 1661, на «простомъ» греческомъ языкѣ[1]).

Трудъ Козмы — не простой переводъ, а мѣстами передѣлка его оригинала. Многочисленные примѣры взяты имъ изъ русской исторіи и дѣйствительности и говорятъ то объ Россіи, Москвѣ, то объ свв. Борисѣ и Глѣбѣ, Алексѣѣ митрополитѣ (о послѣднемъ часто: Козма жилъ въ Чудовомъ монастырѣ)[2]).

Языкъ — церковно-славянскій ученый, но сравнительно ясный, съ большимъ количествомъ греческихъ словъ. Отмѣтимъ (въ посвященіи Мусину-Пушкину): *Іовишъ*, *Палляда*.

Метафизика и космографія.

1) Безъ заглавія.

Глава первая. Два вида суть познанія, имаже, яко свѣтомъ нѣкимъ пресвѣтлѣйшимъ, сокровенная и тайная....

Глава 2. О чинѣ и степенехъ, имиже совершается познаніе. Познаніе божественнымъ преданое....

Книга седмая, въ нейже дѣйствуется о аггелѣхъ и волхвованіи и раздѣленіи аггеловъ.

Глава 4. О раздѣленіи демоновъ.

Глава 8. О уставѣ и раздѣленіи волхвованія[3]).

Далѣе, съ л. 98, другой текстъ:

2) *Іоанникія* іеромонаха *Маркура* керкуреанина, учителя философа, О метеорахъ.

Начало: Хотящимъ намъ повѣдати о метеорныхъ вещехъ....

---

1) Писаревъ перевелъ эту Риторику вновь; подъ названіемъ: «Златословъ, или открытіе риторскія науки», она напечатана въ 1779 и 1796 годахъ. Срв. *Журн. Мин. Н. Пр.* 1845 г., ч. 45, стр. 84 (ст. Смѣловскаго).

2) О Козмѣ и его переводахъ *съ русскаго на греческій* см. статьи X. М. Лопарева въ *Памятникахъ Древн. Письм.* № 141, и А. А. Дмитріевскаго въ *Визант. Времени.* 1894 г., № 2, стр. 424.

3) Одна изъ рукописей Флорищевой пустыни, описанная *Георгіевскимъ* («Флорищева пустынь», стр. 197), заключаетъ въ себѣ сочиненіе *Іоанникія Лихуда*, безъ заглавія и начала (вторая часть говоритъ о «богословскомъ истязаніи»), повидимому Метафизику. Подробнѣе о ней—у *Георгіевскаго*, № 54.

Рѣчь идетъ о млечномъ пути, кометахъ, снѣгѣ, дождѣ, росѣ, землетрясеніи и т. п.

Мы знаемъ лишь одинъ списокъ Публ. Библ. Погод. № 1672, конца XVII—нач. XVIII в.

Языкъ—церковно-славянскій, съ грецизмами: Ѳалисъ, Димокритъ и т. п.

Оригиналъ втораго сочиненія указанъ *Legrand*'омъ: Μετεωρολογικόν, ἤγουν διήγησις χαριεστάτη εἰς τὰ μετέωρα τοῦ Ἀριστοτέλους..., παρὰ τοῦ λογιωτάτου ἐν ἱερομονάχοις κυρίου Ἰωαννικίου τοῦ Μαρκουρᾶ τοῦ ἐκ Κερκύρας, Венеція, 1642. Заглавіе нашего текста передаетъ второе заглавіе оригинала: Ἰωαννικίου ἱερομονάχου Μαρκουρᾶ τοῦ Κερκυραίου, διδασκάλου φιλοσόφου, Περὶ μετεώρων.

Математика сочиненія.

Оныя книга 1-я.

Начало: Преизрядно мнѣ видится сія, яже смотрительнѣ философствована быша, разлучити зрительную философіи часть отъ дѣятельныя. Аще бо....

Мы знаемъ этотъ текстъ въ сборникѣ Публ. Библ. Q. XVII. 6, конца XVII в. (лл. 78—164). Содержаніе — нѣчто въ родѣ космографіи, съ геометрическими чертежами (на которыхъ буквы *латинскія*; цифры славянскія и арабскія). Переводъ — плохой, малопонятный. Языкъ — церковно-славянскій тяжелый, со словами: фызика, *форма*, *фигура*, *сентенція*, *миля* нѣмецкая и т. п. съ одной стороны, *к*ентръ, ко *аркту*, *о*ризонтъ, *и*ѳирская естества, *е*ѳ*и*рь, ма*ѳ*ематика, *ѳ*еологически и т. п. съ другой. Между прочимъ: Дунай межъ Ульма ближняго и межъ (въ) Византіи Ѳракійстѣй по его долготѣ и бѣжанію въ *Понтъ* испрожняется..., межъ Ульма и Византіи....

На нашъ взглядъ, скорѣе переводъ съ греческаго, чѣмъ съ латинскаго. Объ оригиналѣ не можемъ сказать ничего[1]).

---

1) Іоаннакій Лихудъ преподавалъ, между прочимъ, «физику», по Аристотелю. *Смирновъ*, Исторія Московской Славяно-греко-латинской Академіи, М.

Изъ грамматики.

Аноима, архимарита святыя Голгоѳы, о силѣ книжнѣй, яже надъ коеюждо рѣчію пишется, отъ просодия.

Начало: Просодио наречется гречески вся верхняя сила книжная...

Текстъ, который мы имѣемъ въ рукописи Синод. Библ. № 933 и который изданъ *И. В. Ягичемъ* въ «Изслѣдованіяхъ по русскому языку», т. I, стр. 785—788, представляетъ передѣлку греческой статейки объ надстрочныхъ знакахъ.

Слѣдуетъ отмѣтить выраженіе: *во еллинскомъ* же и въ *словенскомъ* писаніи [1]).

Лунникъ.

О лунномъ хожденіи. Нач.: Идетъ луна день 13 ступень, да 11 чертъ, а во всякой зодіи по 30 ступеней идетъ....

Лунникъ іерусалимъскій. Нач.: Сказаніе іерусалимскаго Лунника: роженіе 24 часа въ день....

Въ концѣ: Сей Лунникъ іерусалимский преведенъ отъ іерусалимскиа грамоты *Козмою* новгородцемъ.

1855, стр. 60 (здѣсь объ этомъ курсѣ на основаніи рукописи Моск. Дух. Ак.). Но нѣтъ основанія видѣть въ «Математика сочиненія» эти лекціи Лихуда.

«Физика» съ «краткою метафизикою», по Духовному Регламенту 1721 г., входитъ въ курсъ академіи новаго типа.

«Зерцало естествозрительное», переведенное въ Москвѣ въ 1718 г. (Публ. Библ. О. VII. 1), нѣчто въ родѣ руководства по физикѣ, астрономіи, метафизикѣ, не имѣетъ ничего общаго съ «Мат. соч.». Срв. стр. 369, прим.

1) «Въ концѣ рукописной грамматики XVI вѣка находится слѣдующее примѣчаніе: Сіе писахъ памяти для, поелику уразумѣхъ *превести зъ греческіе на словеньскій языкъ*, пребывая и учася въ училищи (греческомъ?). А какъ уже разума прибыло, ино въ то время въ суетахъ міра сего поспѣвахъ и силы телесныа убыло, *иные чины и уставы грамматичные* не преведены по-російскы. А здѣсе (въ Россіи?) того не знаютъ и не въспрашиваютъ и учитися не хотятъ». *Н. К. Никольскій*, Рѣчь тонкословія греч., III, прим. (*Пам. Др. Письм.* № CXIV).

Въ одной изъ рукописей Флорищевой пустыни (*Георгіевскій*, стр. 172) значится статейка: О верхней силѣ *еллинской*.

Эти двѣ небольшія статьи находятся въ сборникѣ Публ. Библ. Q. XVII. 67, нач. XVII в., лл. 161—162. Въ серединѣ второй изъ нихъ вставлено «Ученіе луннику преведеному отъ жидовскыхъ книгъ» (см. ниже).

Быть можетъ, Лунникъ іерусалимскій продолжается послѣ указанія на переводъ его Козмою и къ нему принадлежитъ «Настатіе книжнымъ мѣсяцемъ, еже есть епактіе (нач.: Сія седмь рукъ имѣетъ въ себѣ...[1]).

Руководство по иконописи.

Сохранившаяся часть издана *Н. И. Петровымъ*: «Типикъ о церковномъ и о настѣнномъ письмѣ епископа Нектарія .... и значеніе его въ исторіи русской иконописи», Спб. 1899 (изъ *Записокъ* Имп. Русск. Археологич. Общества), съ изслѣдованіемъ.

«Лѣта 7107 (=1599), іюля въ 24 день написанъ сій типикъ при державѣ благочестиваго и великаго государя царя и великаго князя Іоанна Васильевича, всея Россіи самодержца. Изло-

1) Лунниковъ, или статей «о лунномъ теченіи», «о лунномъ хожденіи», въ Москвѣ XVI—XVII вѣковъ обращалось нѣсколько. Въ сборникѣ Моск. Арх. М. Ин. Д. № 220—381, л. 109 сл., находится статья: «О крузѣ солнечномъ и о лунномъ и о прехожденіи пасхи греческой и латинской». Здѣсь мы читаемъ: Подобаетъ вѣдати, чесо ради солнечный кругъ съ луннымъ во счетѣ не сличенъ, якоже показуетъ нынѣшняго 7176-го (=1668) году кругъ солнца 8 въ доходѣ, а кругъ луны 12 въ доходѣ же, а по счету быть кругу лунному третіему на десять въ доходѣ. Аще кто хощетъ истинно разумѣти, вѣдаетъ сіе. Понеже въ *московскихъ лунникахъ* положенъ первый кругъ луны.... (далѣе говорится о «печатныхъ лунникахъ», т. е. о находящихся при печатной Слѣдованной Псалтыри).

Изъ обращавшихся въ Москвѣ Пасхалій (руководствъ къ нахожденію дня пасхи, съ таблицами или безъ таблицъ) нѣкоторыя, навѣрное, переведены съ греческаго. Между ними вотрѣчается «Пасхалія философа нѣкоего, именемъ Клеопатра, сложеніе и мудрость воеводы Царяграда, обрѣтено на персти его» (*Погорѣловъ*, Библіотека Моск. Синод. Типографіи, II, стр. 34), самое названіе которой указываетъ на переводъ съ греческаго. Въ молдавскомъ сборникѣ 1512 г., со статьями русскаго происхожденія, эта Пасхалія имѣетъ болѣе ясное заглавіе: Пасхаліа обрѣтена на прьстени Клеопатринѣ, вънегда основаніа полагаахуся стлъпа Константина благочьстиваго (*Яцимирскій*, Изъ славянскихъ рукописей, М. 1898, стр. 86).

жено отъ греческихъ обычаевъ о церковномъ и настѣнномъ письмѣ.... епископомъ *Нектаріемъ* изъ Сербскія земли, отъ града Велеса». Изъ этихъ словъ не видно, съ чего сдѣланъ переводъ, съ греческаго ли текста привезеннаго Нектаріемъ, или съ греческаго текста написаннаго уже въ Россіи Нектаріемъ.

Годъ перевода, указанный выше, соотвѣтствуетъ даннымъ о Нектаріи. Онъ въ 1599 году былъ уже въ Россіи; въ 1613 году былъ сдѣланъ вологодскимъ архіепископомъ; въ 1622 году жилъ въ Москвѣ.

Языкъ — русскій простой. Переводъ сдѣланъ, повидимому, русскимъ, однимъ изъ переводчиковъ Посольскаго приказа.

Епистолія о недѣлѣ.

Посланіе Господа нашего Іисусъ *Христа*, *съ небесе* спадшее въ святы градъ Іерусалимъ, вѣсть дивна, бывшая во святомъ Іерусалимѣ....

Начало: Спаде камень студенъ съ небеси въ святѣмъ градѣ Іерусалимѣ, и тяготы его не можетъ никто исповѣдати. Въ единъ же отъ дни патріархъ іерусалимьскый съборъ сътвори и молитву сътворше за 3 дни и за 3 нощи.... Видите, сынове человѣчестіи, еже первое и второе послахъ вамъ писанія, и не вѣроваете....

Упоминается, какъ современникъ, іерусалимскій патріархъ Іоакимъ, бывшій патріархомъ въ 1438 и 1442—1453 гг.[1]). Въ концѣ: Написа же ся сіе посланіе въ лѣто 6956 (=1448), индикта 12, въ градѣ Іерусалимѣ; преписа же ся сей списокъ въ богоспасаемѣмъ славнѣмъ градѣ Москвѣ, при державѣ великаго самодержьца князя Василіа Василіевича и его сына великого князя Ивана Василіевича, а по благословенію господина нашего митрополита Іоны, кіевьскаго и всея Руси, въ лѣто 6960 (=1452), индикта 15, мѣсяца марта въ 2 день.

Старшій списокъ — Спб. Дух. Акад. Кирилл. 11—1088,

---

1) *Архіеп. Сергій,* Мѣсяцесловъ востока, II[2], 690.

конца XV в., лл. 254—260 об. (изданъ акад. *Веселовскимъ* въ *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1876 г., № 3).

Языкъ — церковно-славянскій, безъ сколько-нибудь яркихъ южно-славянизмовъ.

Лѣкарство духовное.

1) Повѣсть чудна о врачѣхъ.

Повѣдаша отцы, яко проходя мнихъ сквозь скитъ, вниде въ гостинницу и видѣвъ врача преславна зѣло. Мнози приходяще къ нему различныя имѣюще недуги, врачь же комуждо раздаваше одержимымъ различными недуги былія цѣлебная. Мнихъ же, сія зря, дивляшеся. И рече мнихъ врачу: есть ли быліе во множествѣ грѣховъ успѣвающе? Врачь же рече: ей, пріиди мужественнѣ, пріими корень послушанія и листвіе терпѣнія и цвѣтъ чистоты и плодъ добрыхъ дѣлъ, изотри въ котлѣ беззлобія и просѣй въ рѣшетѣ разсужденія, всыпли въ горнецъ смиренія и пролей воды отъ слезъ.

Мы пользуемся лицевымъ Синодикомъ Публ. Библ. F. I. 733, л. 237, XVIII в.

2) Безъ заглавія. Начало: Нѣкій мнихъ пріидоша въ нѣкую врачебницу, узрѣхъ врача...

Находится въ сборникѣ Син. Библ. № 865 (*Горск. и Нев.* № 327), XVII в., л. 62. Срв. текстъ лубочной картины XVIII в. *Ровинскій*, III, 52.

3) Аптека душевная. Нач. Нѣкій человѣкъ пріиде къ врачу, прося у него: есть корень цѣляй грѣхи...

Находится въ сборникѣ Моск. Арх. Мин. Ин. Д. № 509—990, XVII в., л. 227. Срв. текстъ лубочной картины XIX в. *Ровинскій*, III, 52; V, 214.

Близкая по содержанію греческая статейка напечатана въ приложеніи къ книгѣ: Προσκυνητάριον τοῦ ἁγίου ὄρους τοῦ Ἄθωνος, ὑπὸ ἰατροῦ Ἰωάννου τοῦ Κομνηνοῦ. 1701. Ἐν τῇ μονῇ τοῦ Σιναγώβου (въ Валахіи). Ея заглавіе: Ἰατρία ψυχωφελής; началь-

ныя слова: Ἀδελφός τις ἀπελθὼν εἰς ἰατρόν, ἠρώτησεν αὐτόν, ἂν εὑρίσκεται... Наши переводчики воспользовались, вѣроятно, рукописными текстами статейки [1]).

Біографія Езопа и его басни.

1) Житіе Езопа баснослова и о хожденіи его и о его мудрости, како стязаяся съ еллинскими мудрецы и свою мудрость показуя многимъ царемъ. Списано отъ *Максима Клавдія* (=Плануда).

Начало: Вещей человѣческихъ естество преслѣдоваша и прочіи и наслѣдовавшимъ подаша; Езопъ же не кромѣ Божіяго духновенія....

Предисловіе къ читателю.

Ты же, любимый читателю, чтый меня и утѣшая,
И всякія мудрости и разума всегда исполняя,
И меня, баснослагателя Езопа, во всякихъ мудростей
[спрашивайся....

Еще нѣсколько стиховъ разной величины. Затѣмъ:

Вирши на премудраго баснослагателя Езопа.
Баснослагатель Езопъ не украшенъ образомъ;
Внимая же сего, обрящешися съ разумомъ.... (стихи).

Въ концѣ: словеса.... яже отъ *еллинскихъ* [2]) преведенна суть мною...

Слѣдуютъ басни Езопа, съ толкованіемъ; изъ нихъ первая: Орелъ съ лисицею. Начало: Орелъ съ лисицею содружившися и близь себе жити оба начаша....

Надписаніе *Автонія* мудреца.

Баснь или притча отъ творцевъ изиде (стихи, гдѣ дается опредѣленіе басни).

---

1) Книга I. Комнина переведена ок. 1705 г. чудовскимъ монахомъ Дамаскиномъ (переводъ его изданъ *архим. Леонидомъ* въ «Памятникахъ Древней Письменности» 1883 года); здѣсь нашей статейки нѣтъ.

2) Однако Езопъ, Автоній (Ἀφθόνιος) и т. п.

Въ концѣ: Исторія книги сея. Притчи, или баснословіе Езопа Фрига, философа греческаго и баснописца, преведены были съ греческаго діалекта на словенскій языкъ Өеодоромъ Касьяновымъ сыномъ *Гозвинскимъ* въ царствующемъ градѣ Москвѣ, отъ созданія міру 7116 (=1607), октября въ 19 день.

Мы пользуемся списками Моск. Арх. Мин. Ин. Д. № 250—455, к. XVII в., подробно описаннымъ П. К. Симони[1]) (здѣсь текстъ обрывается на 129-й баснѣ), и Публ. Библ. Погод. № 1964, XVII в., упомянутымъ у *А. Н. Пыпина* (Очеркъ, 169); здѣсь басни, числомъ 142, безъ «Предисловія къ читателю»[2]).

Списокъ Публ. Библ. Q. XV. 103, к. XVII в., заключаетъ въ себѣ текстъ 132 басенъ съ толкованіемъ и съ заглавіемъ:

Книга глаголемая Езопфъ по-русски, а по-гречески стихіесловъ, и еллински вирша, въ нейже написашася повѣствованіе о небесныхъ птицахъ и о земныхъ скотѣхъ и о звѣрѣхъ и о гадѣхъ, и приводится ко всякому человѣческому разуму и нраву притчами, сказуется и о дружбѣ и недружбѣ и о лести. Прочитая же уразумѣетъ вся.

Языкъ — церковно-славянскій ученый.

2) Житіе естественнѣ острѣйшаго Есопа Фригійскаго.

Начало: Естество вещей, еже есть въ человѣцѣхъ, испытаху и иніи мнози и предаша тое послѣдороднымъ своимъ...

Извѣстенъ лишь одинъ списокъ — Публ. Библ. Q. XVIII. 3, к. XVII в.

Переводъ — очень недуренъ; мѣстами на поляхъ варіанты къ отдѣльнымъ словамъ текста. Языкъ — церковно-славянскій ученый, удобопонятный[3]).

1) *Симони*, Старинные сборники р. пословицъ, поговорокъ..., Спб. 1899. Здѣсь, стр. 54, выписаны начальныя слова всѣхъ басенъ въ переводѣ Гозвинскаго

2) Другіе списки указаны у *Пыпина*, ibid. Срв. *Пекарскій*, II, № 28.

3) Изданіе басенъ Эзопа съ біографіей его (Плануда) и съ разсужденіями о баснѣ Афтонія, Филострата и Гермогена, вышло въ Базелѣ въ 1518 г. и было въ XVI в. не разъ повторено.

Изъ сочиненія Г. Кодина.

Изложеніе титуловъ по изъясненію чертогоправителя *Кодина*, какимъ образомъ пишетъ константинопольскій патріархъ къ протчимъ патріархамъ и архіепископамъ, также митрополитамъ и протчимъ мірскимъ властеначальникамъ вельможамъ.

Находится въ рукописи Казанскаго Университета № 1566, XVIII в. (*Артемьевъ*, 45)[1].

М-тъ Евгеній, а за нимъ архіеп. Филаретъ, приписываютъ этотъ переводъ *Арсенію Сатановскому*. Если это вѣрно, то переводъ сдѣланъ съ латинскаго, такъ какъ Арсеній не зналъ по-гречески (см. выше, стр. 286, прим.).

Епифаній Славинецкій въ своемъ «Оглавленіи книгъ» не упоминаетъ объ этомъ переводѣ.

Изъ Исторіи Өукидида.

Уставы граждано-правительныя, отъ *Өукидидовы* Исторіи, книги первыя.

Начало: Кикеронъ и Өукидидъ кратокъ есть и тонкій....

Конецъ взятъ изъ «Панегирика» Плинія (срв. стр. 183, прим.).

Мы знаемъ объ этомъ переводѣ изъ «Оглавленія книгъ», Епифанія Славинецкаго. Здѣсь говорится о томъ, что переводъ принадлежитъ *Епифанію*, что всѣхъ тетратей въ 4° было въ немъ 73.

Что это за сочиненіе, мы не въ состояніи опредѣлить; объ языкѣ оригинала не можемъ ничего сказать.

---

1) Сочиненіе «De officiis Magnae Ecclesiae et aulae Constantinopolitanae (откуда взятъ этотъ отрывокъ)—*Migne*, CLVII. О немъ и его авторѣ см. *Krumbacher*, Gesch. d. byzant. Litter. ², 424—425.

V.

Изъ записей устныхъ разсказовъ.

Московское правительство XV—XVII вѣковъ живо интересовалось тѣмъ, что происходило въ сосѣднихъ государствахъ, и усердно собирало «вѣсти». Посольскій приказъ въ Москвѣ и воеводы въ пограничныхъ городахъ распрашивали всѣхъ пріѣзжихъ, иностранцевъ и русскихъ, о томъ, что они видѣли и слышали въ чужихъ земляхъ, и записывали ихъ «сказки» [1]). Бывшіе за границею московскіе послы и гонцы также разузнавали о всякой всячинѣ (согласно наказамъ изъ Москвы) и добытыя свѣдѣнія вносили въ свои статейные списки.

Само собою разумѣется, большая часть полученныхъ такимъ образомъ сообщеній касалась политики и для обыкновеннаго московскаго книжника не представляла ничего любопытнаго. Они до насъ дошли въ приказныхъ дѣлахъ. Но другая часть сообщеній, разсказы почему-нибудь особенно занимательные [2]), иногда

---

1) Напримѣръ, когда въ 1588 г. пріѣхалъ въ Россію константинопольскій патріархъ Іеремія, приставу было велѣно вывѣдывать отъ его людей, гдѣ рать султана, воюетъ ли онъ съ персидскимъ шахомъ, въ миру ли онъ съ испанскимъ королемъ и съ цесаремъ, что дѣлается въ Литвѣ, и т. п. *Сношенія России съ востокомъ*, I, 192.

2) Синайскіе монахи разсказали въ 1558 г. о чудѣ александр. патр. Іоакима (о немъ см. выше, стр. 274—275). Ихъ повѣсть находится въ М. Арх. Мин. Ин. Д, греч. статейн. спис. № 1, л. 134 об.; изложеніе ея—*Сношенія России съ востокомъ*, I, 93.

Грекъ Иванъ Павловъ разсказалъ въ 1674 г. кіевскому воеводѣ кн. Трубецкому о такомъ чудѣ: Будучи въ Царигородѣ, ходилъ смотрить, гдѣ была

выходили за стѣны канцелярій и получали большее или меньшее распространеніе. Такимъ образомъ получилось нѣкоторое число статей въ сборникахъ XV—XVII вѣковъ, говорящихъ о событіяхъ внѣ Россіи[1]).

Московскіе люди, конечно, главнымъ образомъ изъ числа начальныхъ, т. е. митрополиты, єпископы, бояре[2]), слушая разсказы пріѣзжихъ о заграничныхъ мѣстахъ, лицахъ и событіяхъ, иногда ихъ записывали. Такимъ образомъ получилось еще нѣкоторое число статей о разнородныхъ предметахъ, болѣе или менѣе интересныхъ.

Языкъ этихъ статей — почти всегда русскій; изложеніе — самое простое, дѣловое, не допускающее сомнѣній въ томъ, что передъ нами запись устныхъ сообщеній, а не переводъ написанныхъ на иностранномъ языкѣ разсказовъ.

Вотъ списокъ подобныхъ статей, намъ извѣстныхъ. Онъ не великъ; большая ихъ часть (ходило ихъ, повидимому, много) до насъ не дошла.

церковь Софѣя Премудрость Божія, для того, что до приходу его къ той церкви звонъ былъ великой, а колоколъ нѣтъ и не видѣти ихъ.

Тотъ же грекъ сообщилъ, что слышалъ отъ турокъ о явленіи въ то же время въ султанскихъ палатахъ старца въ святительскихъ одеждахъ; онъ сидѣлъ въ креслахъ и передъ нимъ горѣла лампада. *Симбирскій Сборникъ*, т. I, М. 1845, малоросс. дѣла, стр. 156 сл.

1) Разсказовъ о Сибири и ея чудесахъ, въ родѣ изданнаго *Анучинымъ* сказанія «О человѣцѣхъ незнаемыхъ въ восточной странѣ» (*Древности* М. Арх. Общ., XIV), мы не имѣемъ въ виду касаться.

2) Архіепископъ новгородскій Геннадій въ 1490 г. писалъ м-ту Зосимѣ: «Сказывалъ ми посолъ цесаревъ про шпанскаго короля, какъ онъ свою очистилъ землю; и азъ съ тѣхъ рѣчей и списокъ къ тебѣ послалъ». *Р. Историч. Библ.*, VI, 775. Срв. *Голубинскій*, Исторія р. церкви, II, 571, прим.

Зашедшіе въ Новгородъ аѳонскіе монахи, сообщая о положеніи славянъ-христіанъ подъ игомъ турокъ, разсказали ему также и о мученіи св. Георгія Болгарскаго. Макарій велѣлъ записать ихъ рѣчи. На ихъ основаніи въ 1539 г. его крестовый іеромонахъ составилъ житіе Георгія. *Ключевскій*, Др.-русскія житія святыхъ, 235 сл.; *Барсуковъ*, Источники русской агіографіи, 120.

Курбскій записалъ слышанные имъ отъ Максима Грека разсказы о чудесахъ блаж. Августина. См. выше, стр. 195.

По римскому закону отъ Божія нароженія лѣтъ тысяща и четыреста и пятьдесятъ и одно, мая въ первый день, на память святаго мученика Мокѣя. А по русскому лѣтописцу тысяща и четыреста и пятьдесятъ и девять. Тогды турской Царьградъ взялъ; а имя царю Амуратъ.

А писана ся память лѣта шестьтысящного девятьсотного девятьдесятъ девятого. А сказывалъ *попъ Веньяминъ*, родомъ словѣнянинъ, а вѣрою латынянинъ.

Мы привели весь этотъ разсказъ (цѣликомъ) изъ рукописи Рум. Муз. № 93, XVI в. (творенія Діонисія Ареопагита). Здѣсь онъ помѣщенъ на приклеенной бумажкѣ. За нимъ находится вкладная богоявленскаго игумена Герасима Поповки въ Пафнутіевъ монастырь (подъ Боровскомъ) 1503 г.[1]).

Трусъ цареградской вновѣ былъ. Былъ въ Цариградѣ трусъ съ рождества Христова на шесть недѣль. Царь турскый вельми въ страсѣ былъ, къ патріарху самъ пѣшь ходилъ, да велѣлъ молебны пѣти по всему граду. Да нынѣ вельми въ великой ослабѣ отъ турскаго патріархъ: къ царю патріархъ самъ безъ печальника ходитъ о всякомъ дѣлѣ.

Чудо цареградское. Въ лѣто 6997 (=1488) былъ въ Цариградѣ трусъ съ Николина дни осенного до крещенія. Полатъ вельми много пало, и стѣны градныя много пало. И царь вельми устрашился, да патріарху велѣлъ молебны пѣти; да съ тѣхъ мѣстъ трусъ престалъ. И царь нынѣ добръ до патріарха: далъ ему судъ святительскый. А ходитъ къ царю патріархъ безъ печальниковъ.

А сказывалъ архіепископу Генадію *Алексей* новгородецъ; а въ ту пору былъ въ Цариградѣ.

Эти два разсказа объ одномъ и томъ же событіи, записан-

---

1) *Востоковъ*, стр. 164.—*Голубинскій*, Исторія р. церкви, II, 571.

О Герасимѣ Поповкѣ см. замѣтку *Л. Н. Майкова*, въ *Изв. Отд. р. яз. и словесн. Ак. Н.* 1900 г., кн. 2, стр. 371.

ные повидимому со словъ одного и того же лица, находятся въ сборникѣ Спб. Дух. Ак. Соф. № 1462, л. 25, XVI в.; они изданы *Малининымъ*, Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей, 232.

..... 13, наказаніе Божіе было надъ турки во Царѣградѣ и около въ предѣлѣхъ его. Земля тряслася ... и въ нощь, и во многихъ мѣстѣхъ отъ таковаго трясенья изрушилася, и стѣны градскіе и дома каменные распадалися, ... церкви впадали въ землю, христіанстіи же безъ всякого врежeнія осталися, а дворъ царевъ весь и съ мизгитомъ сквозь землю пропалъ, ... въ томъ мѣстѣ учинилася на 80 сажень и больши. И Галата, иже была противъ Царяграда, вода совсѣмъ потопила; церкви турскіе ... палися, русскіе же церкви на водѣ всѣ знать цѣлы. Изгибло же во Царѣградѣ въ то время всякаго человѣка и женъ боле 30 тысещь, ... осталися во градѣ живы, тѣ всѣ выбѣжали изъ града вонъ на поле отъ страха, и по се время на полѣ живутъ. Сее первѣе повѣдано бысть ли... Жикгимонту.

Мы выписали все, что сохранилось въ сборникѣ Публ. Библ. Q. XVII. 67, л. 8 об., плохой сохранности; по письму онъ могъ бы быть отнесенъ къ концу XVI в., но въ немъ есть лѣтописныя замѣтки съ послѣднимъ годомъ 7100. Въ началѣ разсказа, повидимому, была дата землетрясенія.

Лѣта 7138 (=1630) году, августа въ 24 день, писалъ государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Россіи и великому государю святѣйшему патріарху московскому Филарету Никитичу изъ Крыму посолъ Степанъ Тарбіевъ да подьячей Иванъ Басовъ.

Декабря въ 18 день пришелъ къ нимъ полоненикъ курчанинъ посадскій человѣкъ *Афанасей Васильевъ*, а сказывалъ имъ, что былъ онъ въ Турской землѣ много лѣтъ въ работѣ, и нынѣ онъ отработался и вышелъ въ Крымъ сего лѣта, а хочетъ на Русь ити.

А сказывалъ имъ, что въ Царѣградѣ у соборные церкви у Софіи Премудрости Божія надъ дверьми явилась икона Пречистыя, и турской-де царь съ пашами ходилъ тоѣ иконы смотрити, и паши-де ему говорили, что-де воруютъ греки и стрѣльцы города того греческаго (=греческіе?), что тою икону поставили на томъ мѣстѣ. И турской-де царь ту икону велѣлъ обдѣлать кругомъ и закрыти досками и прибити гвоздьми, чтобы тое иконы никто не видѣлъ. На завтріе-де той образъ Пречистыя Богородицы сталъ на томъ же (мѣстѣ) у церковныхъ дверей...

Султанъ приказывалъ бросить икону въ колодецъ, въ море, въ огонь, хотѣлъ казнить патріарха; но икона и теперь стоитъ въ церкви Софіи надъ дверьми.

Этотъ разсказъ находится въ сборникахъ: 1) Общ. Др. Письм. О. VIII, XVIII в. (отсюда взято выписанное выше), безъ конца, 2) Спб. Синодал. Архива, л. 463, XVII в., безъ начала, 3) Моск. Дух. Акад. № 32 (202), л. 142, XVII в., и 4) Рум. Муз. № 116, л. 16, XVII в. Въ послѣднемъ дата — 7130 = 1622 г., а фамилія дьяка — Холоповъ.

О знамени(яхъ), бывшихъ въ Царѣградѣ.

За Перскою землею на пути межи Царяграда есть небольшая земля, именемъ Аская словетъ; царь греческія вѣры. Писалъ къ Москвѣ великому государю... Алексѣю Михайловичу...

Были знаменія страшна надъ Царемъ-градомъ нынѣшняго 161 (1652) году, ноября въ 6 день. Былъ градъ великъ зѣло, всякая градка была вѣсомъ по четыре фунта, грановитъ, а не круголъ. И тою казнію много людей побило, и палаты небольшія разбивало. И послѣ того прилетѣлъ змій страшный великъ, весь огненъ, зѣло палящъ, и сѣлъ надъ царевыми палатами, и дыхая огнемъ на тѣ палаты три дни и три нощи; и что было въ тѣхъ палатахъ сосудовъ златыхъ и сребряныхъ и мѣдныхъ, то все растопилося. И по тріехъ днехъ прилетѣлъ змій къ палатамъ и положилъ главу свою на окно палатное и испустилъ изъ себя въ

палату страшный огненный пламень. И отъ того пламени палаты загорѣшася, и горѣли три дни и три нощи, и сгорѣли въ пепелъ. А самъ царь ушелъ въ иный градъ.

И въ Тевризѣ градѣ видѣли того града людіе на воздусѣ Спасовъ образъ, на престолѣ стоящъ, а въ руцѣ держитъ крестъ; и отъ креста того виситъ полотенце. Да въ (то) же время пошли полоненики на Русь изъ Царяграда; враны ихъ расклевали, всю плоть ихъ.

Мы выписали весь этотъ разсказъ (цѣликомъ) изъ сборника Публ. Библ. Q. XVII. 213, лл. 109 об.—110, XVIII в.

Сказаніе старца *Климента* о іерусалимскихъ монастырѣхъ, къ старцу Васіяну.

Отъ Іерусалима до лавры святаго Савы 12 верстъ, а отъ лавры св. Савы до Ерихона 15 верстъ, отъ Ерихона до Предтечевы лавры, гдѣ крестился Господь, 3 версты...

Этотъ коротенькій разсказъ вполнѣ изданъ *Поповымъ* въ «Описаніи рукописей А. И. Хлудова», стр. 161, 192, по Хлудовскимъ рукописямъ №№ 74, 75, XVIII в., а отчасти *Бычковымъ*, стр. 89, въ описаніи Погодинскаго сборника № 1553[1]).

Лѣта 6097, мая..., сказывалъ старець *Исаіа*, что пришелъ изъ Святые Горы.

Съ Святые Горы даютъ турьскому царю на годъ сто копъ да сорокъ, ино то 14 тысящь отманьскыхъ денегъ...

Свѣдѣнія о дани, платимой туркамъ, патріарху, селунскому митрополиту: перечень монастырей (здѣсь чудо съ пастухомъ Василіемъ въ монастырѣ Дохіарѣ).

---

1) См. еще *Строевъ*, 439.

О пріѣздѣ синайскаго старца Климента въ 1518 г. см. *Сношенія Россіи съ востокомъ*, I, 33. Старецъ Вассіанъ, безъ сомнѣнія,—извѣстный Вассіанъ Патрикѣевъ. Срв. написанное для него Максимомъ Грекомъ сказаніе «о Святой Горѣ жительства» (Соч. III, 243).

Въ градѣ Селунѣ церковь великій Димитрій, стоитъ на седмидесятъ столпѣхъ основана...

Да тотъ же старець *Исаіа* сказывалъ: Была-дей въ Святой Горѣ грамота великаго князя Василіа Василіевича, перерѣзана съ угла на уголъ, за золотою печатью, и тое-дей грамоты половина у *великаго князя* въ казнѣ, а другая половина въ Святой Горѣ сгорѣла...

Мы пользуемся спискомъ Макар. Миней, декабрь, л. 958. Списокъ Троицкой Лавры № 793, по которому этотъ разсказъ изданъ *Ундольскимъ* въ *Чтеніяхъ М. Общ. Ист. и Др.* 1846 г., № 4, имѣетъ дату: 7087=1579 г.; списки Публ. Библ. Погод. № 1553 и Увар. № 1776 имѣютъ дату (70)97=1589 г.; списокъ Чудова монастыря № 236 имѣетъ дату 6007 г.[1]). Судя по титулу: великій князь, наиболѣе вѣроятная дата — 6997= 1489 г.

Типикъ Святыя Горы.

Въ лѣто 7059-е (=1550), мѣсяца декабря въ 29, господину преосвященному Макарію митрополиту всея Русіи сказалъ игуменъ *Паисія*, Хиландаря монастыря, что Святая Гора кругомъ 100 верстъ, а вдоль 50, а въ ширину 10, а индѣ 15. А монастырей во Святой Горѣ большихъ 21, а въ нихъ въ иномъ 300 братовъ, индѣ 200, индѣ 150, индѣ 30, а малыхъ монастыревъ, глаголемыхъ пустынь,—1000...

О дани и главныхъ налогахъ, платимыхъ туркамъ; о разстояніяхъ между аѳонскими монастырями и ближайшими городами и островами.

По сборнику Чудова монастыря № 236, лл. 397—400, к. XVI в., изданъ *Поповымъ* въ «Библіографическихъ Матеріа-

---

1) *М-тъ Евгеній*, I, 211; *Строевъ*, 119, 439; *Бычковъ*, 86, 229.

Неполный (безъ начала) списокъ Публ. Библ. Q. XVII. 134, нач. XVII в. (л. 4 сл.), послѣ словъ: Всѣхъ монастырей во Святой Горѣ 20, а въ нихъ старцевъ 2280, имѣетъ вставку — перечень аѳонскихъ монастырей: 1) Ѳиландаръ, 2) Семень, 3) Ватопеть, 4) Пандократоръ, 5) Руская Богородица, 6) Каріа, 7) Кутломосъ...; конецъ: а длина горы 80 верстъ, а поперекъ 20; во Святѣй Горы братіи во всѣхъ монастырехъ 5000.

лахъ», № XIII. Другой списокъ—въ Макар. Минеяхъ, декабрь, л. 959.

Въ лѣто 7069 (=1560), мѣсяца ноября въ 6 день, на память иже во святыхъ отца нашего Павла Исповѣдника..., приходили на Москву къ боговѣнчанному царю ... Ивану Васильевичу.... изъ святыя горы Аѳонскія, изъ Русскаго монастыря святаго и великаго мученика Пантелеймона игуменъ *Іоакимъ*, а съ нимъ священникъ Матѳей.... И тѣхъ игуменовъ и старцевъ святогорскихъ господинъ преосвященный Макарій, митрополитъ всея Русіи, многажды спрашивалъ... о святой Аѳонской горѣ и о святыхъ тамошнихъ монастырѣхъ и о церковныхъ чинѣхъ, чтобы испытали подлинно. И тѣ игумены и старцы, соборно себѣ совѣтовавъ, да о Святой Горѣ и описали сице.

Сказаніе о святѣй горѣ Аѳоньстѣй, извѣстно и достовѣрно.

Святая гора Аѳонская стоитъ въ морѣ, на полудни, но собою не гладка есть...

Подробное описаніе природы Аѳона, главныхъ его монастырей, плодовъ, рѣкъ, звѣрей, птицъ, винограда и деревяннаго масла, мсковъ и коней, наконецъ платимой туркамъ дани.

По сборникамъ XVII в. М. Арх. Мин. Ин. Д. № 1093 и Синод. Библ. № 272, издано по первому—*Ундольскимъ* въ *Чтеніяхъ* Моск. Общ. Ист. и Др. 1846 г., № 4, по второму—*архим. Леонидомъ* въ *Памятникахъ Др. Письм.* 1882 г.

Слогъ и терминологія показываютъ, что устный разсказъ аѳонскихъ старцевъ былъ записанъ кѣмъ-то изъ русскихъ [1]).

Во 172 (=1663) году, декабря въ 21 день, по государеву цареву и великаго князя Алексѣя Михайловича... указу, былъ въ Кириловѣ монастырѣ въ ссылкѣ изъ Палестины Аѳонскіе горы Констоманитова монастыря архимандритъ *Ѳеофанъ*, а съ нимъ

1) *Строевъ*, 123.

того же монастыря старецъ Васьянъ, и сказывали въ Кириловѣ монастырѣ о святой горѣ Аѳонстѣй и о монастырѣхъ.

Входя во Святую Гору, направо 1) монастырь Зуграфъ, зданіе болгарскаго царя Шишмана...

Описаніе аѳонскихъ монастырей и свѣдѣнія о дани, платимой ими патріарху и туркамъ.

По сборнику Публ. Библ. № 1553, XVII в., издано *архим. Леонидомъ* въ *Памятникахъ Др. Письм.* 1883 г., съ предисловіемъ, гдѣ сообщаются свѣдѣнія объ Ѳеофанѣ[1]).

---

1) О Царѣградѣ.

Царюграду имянъ седмь: первое Византія, 2. Царьградъ, 3-е Констянтинъ градъ, 4-е Царствующій градъ...

Число воротъ въ Царьградѣ (съ ихъ названіями), число церквей, количество платимой царю турскому патріархомъ и Святою Горою дани, число митрополитовъ; «уставъ чиномъ» царства Цареградскаго, и т. п.

Конецъ: Въ лѣто 7030 сказаніе о градѣхъ. Новыя имена градомъ: Египетское царство глаголется Мисюрь. Вавилонское царство — Богодать, Дамаскъ — Шамъ, Персида великая — Теврезъ.

2) О Египтѣ, градѣ великомъ.

Египетъ, великій градъ, 14000 мезгитей въ немъ, а у мезгити по сту столповъ...

Между прочимъ: Дворъ салтановъ, рекше царевъ, съ Москву нашу, съ Кремль.

Конецъ: А сказывалъ се великаго князя казначей *Михайло Гирьевъ*; былъ, скажетъ, въ томъ градѣ Египтѣ сорокъ дней.

Мы пользуемся изданіемъ этихъ небольшихъ разсказовъ въ трудѣ *Малинина*, Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей, при-

---

1) Мы имѣемъ извѣстіе, что грекъ Іоанникій въ 1627 г., по желанію московскаго правительства, составилъ «сказку» о монастыряхъ въ Царьградѣ, на Аѳонѣ и вообще въ Греческой землѣ. *Каптеревъ*, Характеръ отношеній Россіи къ правосл. востоку, 171. Объ Іоанникіи см. выше, стр. 286, 292. Но «сказка», кажется, до насъ не дошла.

ложенія №№ XII и XIII. Здѣсь же, въ изслѣдованіи, стр. 162, догадка, что Михаилъ Гирѣевъ не кто иной, какъ дьякъ *Мисюрь Мунехинъ*, близкій знакомый старца Филоѳея. Срв. статью *Шахматова* въ *Извѣстіяхъ Отдѣл. русск. яз. и словесн. Ак. Наукъ* 1899 г., кн. 1, стр. 200—222, гдѣ изданы или указаны списки этихъ разсказовъ[1]), и сдѣланъ выводъ о тожествѣ Гирѣева и Мунехина.

Одинъ изъ изданныхъ Шахматовымъ списковъ перваго разсказа имѣетъ дату 7001=1493 г., болѣе вѣроятную, чѣмъ дата 7030 г.

Въ лѣто 7032-го. Во Царѣградѣ церквей христіянскихъ 67, а въ Галатѣ 10; а даетъ патріархъ царю оброку 3000 золотыхъ на годъ; а Святыя Горы даютъ...

Этотъ коротенькій разсказъ, изданный *Шахматовымъ* въ выше указанной статьѣ (стр. 221) по сборнику Публ. Библ. Погод. № 1553, XVII в., повторяетъ данныя разсказа Гирѣева.

Въ лѣто 7055 (=1547), мѣсяца февраля въ 27 день, сказывалъ господину преосвященному Макарію, митрополиту всеа Руси, старецъ Синайскія горы священноинокъ *Григорей*. Въ Египтѣ 14000 улицъ, а во всякой улицѣ по 14000 дворовъ каменныхъ, и посредѣ посаду стоитъ городъ, гдѣ жилъ прекрасный Іосифъ, а величествомъ съ Москву. И въ томъ городѣ одна стоитъ церковь Никола Чудотворецъ; а въ той церкви служитъ патріархъ александрѣйскій Іоакимъ.

Приведенный нами цѣликомъ разсказъ изданъ *Шахматовымъ* въ выше указанной статьѣ (стр. 221), по сборнику Публ. Библ. Погод. № 1553[2]).

---

1) См. еще *Журн. Мин. Н. Пр.* 1901 г., № 12, стр. 486. Въ указанномъ здѣсь спискѣ Публ. Библ. О. XVII. 4, л. 17, XVII в., дата—7032=1524 г.

2) См. еще *Строевъ*, 439.

Пишетъ же индѣ, яко въ Угорской землѣ, въ державѣ *пана* Фускаго, имя ему Явалъ, въ волости Марамориши, у *мѣста* Сигота, въ горахъ *полонинныхъ*, ... стоитъ монастырь зовомый Зановъ, а въ немъ церковь Вознесеніе Господне; а пашня у нихъ лѣшая, сѣютъ просо на кашу...

Описаніе монастыря и рѣдкостей въ окрестностяхъ монастыря.

Этотъ разсказъ внесенъ въ нѣкоторые списки Хронографа XVII в.: Румянц. Муз. № 457, л. 715 об. (*Востоковъ*, стр. 766—767, издалъ его здѣсь цѣликомъ), Моск. Арх. Мин. Ин. Д. № 467—929, л. 239.

Онъ находится также въ сборникѣ Соловецкой библіотеки № 504, л. 194, XVII в. Здѣсь начало: *Въ лѣто 7060* (=1552) въ Угорской земли, въ державѣ пана Фусскаго, имя ему Кавалъ Хриштова...[1]).

Евротійскыя страны короли. Цесарь—той римскій царь. А подъ тѣмъ король нѣмецкій, иже и наслѣдникъ Римскому царству. А подъ тѣмъ король францескій. А подъ тѣмъ король угорьскій. А подъ тѣмъ король испаньскій. А подъ тѣмъ король неглитрьскый. А подъ тѣмъ король портогальскій. А подъ тѣмъ король анаполитаньскій. А подъ тѣмъ король ческый. А подъ тѣмъ король скотскый, иже и свѣйскый именуется. А подъ тѣмъ король дадцкій. А подъ тѣмъ король польскый.

Мы выписали весь этотъ разсказъ (цѣликомъ) изъ сборника Рум. Муз. Унд. № 1226, л. 368, первой половины XVI в.

Повѣсть о Сивильскомъ царствѣ.

Межъ югомъ и западомъ, за Нилою рѣкою, за Политарскою страною, есть гора, имя ей Скала...

Въ этой горѣ, въ пещерахъ, живутъ дѣвицы, безскверныя и безсмертныя, съ своею царицею Сивиллою. Къ нимъ прихо-

---

1) *Описаніе*, II, стр. 234.

дятъ послы политарскіе, италинскіе, шпанскіе, виницейскіе, цесарскіе и другихъ земель и привозятъ въ даръ дѣвицъ до 10 или 12 лѣтъ. Эти приводныя дѣвицы становятся также безсмертны послѣ того, какъ ихъ омоютъ живою водой.

Конецъ: А пословъ тѣхъ учатъ премудрости: и небесному движанію, и земному коловрату; а ходятъ съ тѣми послы все по 12 человѣкъ: и 10 выдутъ, а по 2 остаются у нихъ.

Мы пользуемся изданіемъ этого небольшого разсказа въ трудѣ *Орлова*, Библіотека Моск. Синод. Типографіи, вып. I, Сборники, М. 1896, стр. 112—113, по рукописи XVII—XVIII в.[1]).

Въ лѣто 7113 (=1605), во градѣ Самарѣ былъ человѣкъ поморянинъ, именемъ Аѳанасій; рожденіе его за Соловками, на усть Колы. И онъ сказывалъ про многія морскія дивныя чудеса и про иныя слыхалъ...

Аѳанасій былъ въ «темной землѣ»; а за темную землю ѣздилъ нѣмчинъ Белогородъ. Тамъ царство сильнаго антрупскаго царя. Далѣе находится «царство крещеное», гдѣ царствовала дѣвица; она многихъ прельстила, и за это царство потонуло. Нѣмецъ Белогородъ возилъ оттуда много колоколовъ въ Русскую землю. А иное было «царство крещеное», то за беззаконіе и за содомство превратилось зміями; тамъ говорятъ человѣческимъ голосомъ, а живутъ на горѣ высокой.

По сборнику Рум. Муз. № 3058, нач. XVIII в., издано *М. И. Соколовымъ* въ «Землевѣдѣніи», т. I, съ объясненіями Д. Н. Анучина.

На Чермномъ морѣ есть островъ, имянуемъ Секилійскій, а на немъ мука. Мѣсто горитъ день и ночь безъ престани великимъ пламенемъ. А около его многіе бѣси. Которые гости на кораблехъ къ тому острову приходятъ торговать, и у кораблей на якорныхъ

1) О немъ см. еще *Отеч. Записки* 1861 г., № 9, стр. 38 (ст. *Буслаева*).

конатехъ привязываютъ крестъ, и стоятъ до своего времени невредимы. А которые не привяжутъ у кораблей своихъ на конаты крестовъ, и тѣ конаты бѣси рѣжутъ и корабли отпущаютъ и многую людемъ тѣмъ чинятъ пакость.

Мы выписали весь этотъ разсказъ (цѣликомъ) изъ сборника Публ. Библ. Погод. № 1570, л. 190, к. XVII в.[1]).

О судѣ царей египетскихъ и о народномъ собраніи.

Судъ царей египетскихъ таковъ былъ: кому съ кѣмъ судитися, и онъ прежде истецъ подастъ судьѣ исковую роспись...

Конецъ: А игоръ всякихъ держать не велѣли, для того, что люди отъ тѣхъ игръ ста(но)вятся не воинскіе.

Въ сборникѣ Погод. № 1580, второй половины XVII в., лл. 223—225[2]).

1) *Бычковъ*, стр. 18.
2) *Бычковъ*, стр. 46.

VI.

Литература жидовствующихъ.

Вопросъ о сущности ереси жидовствующихъ, при скудости наличныхъ данныхъ, долженъ считаться неразрѣшимымъ. Единственное, что можно утверждать, это то, что въ числѣ еретиковъ находились не только христіане по рожденію, но и крестившіеся евреи. Участіе послѣднихъ въ дѣятельности ереси, повидимому, очень значительное, — подало поводъ православнымъ подозрѣвать, что еретическое ученіе имѣетъ еврейскую окраску, и превратило невинныя, повидимому, мнѣнія о чрезмѣрности почитанія у православныхъ Богородицы, святыхъ и иконъ (въ ущербъ почитанію Бога) — почти что въ отступничество отъ христіанства.

Исторія ереси неясна. Можетъ быть, русскіе жидовствующіе находятся въ какой-нибудь связи съ жидовствующими болгарскими XIII—XIV вѣковъ, осужденными на Терновскомъ соборѣ 1360 г. (ученіе которыхъ намъ почти совсѣмъ неизвѣстно)[1]; возможно, что солунскій грекъ Хіоній, о которомъ возникло въ Солунѣ дѣло въ 1336 г. и который раздѣлялъ какіе-то взгляды солунскихъ евреевъ[2]), также причастенъ къ нашей ереси; не лишено вѣроятія, что тѣ нѣсколько человѣкъ христіанъ, которые въ Польшѣ «приступили къ жидовскому закону»

1) *Сырку*, Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV в., I, 1, 267 сл.; *Радченко*, Религіозное и литературное движеніе въ Болгаріи, 228 сл.

2) Στέφανος, сборникъ статей въ честь Ѳ. Ѳ. Соколова, Спб. 1895, стр. 64, статья *Меліоранскаго*.

и «обрѣзанье приняли», а потомъ выѣхали или «вывезены были» въ Литву и здѣсь въ 1539 г. были разыскиваемы литовскими властями [1]), — собратья русскихъ жидовствующихъ. Но тутъ далѣе предположеній мы не въ правѣ идти. Изъ датъ, имѣющихъ отношеніе къ русскимъ жидовствующимъ, мы можемъ указать на одну новую—1466 г., упомянутую въ «Лунникѣ отъ жидовскихъ книгъ» (см. ниже); въ этомъ году этотъ Лунникъ, повидимому, былъ переведенъ съ еврейскаго, во всякомъ случаѣ уже существовалъ.

Центромъ ереси былъ едва ли не Кіевъ. Захарія Скара (или Схарія, Схарина, Скарина) [2]), объявленный у насъ ересіархомъ, пріѣхалъ въ Новгородъ изъ Кіева. Д. В. Шеинъ «говорилъ съ тѣмъ жидовиномъ съ Захаріею съ Скарою, коли былъ посломъ» въ Крыму, повидимому, когда ѣхалъ въ Крымъ черезъ Кіевъ [3]). Архіепископъ Геннадій въ 1490 г. писалъ митрополиту Зосимѣ: «Здѣсе пріѣхалъ жидовинъ новокрещеный, Даниломъ зовутъ, а нынѣ христіанинъ, да мнѣ сказывалъ за столомъ во всѣ люди: нарядился-дѣй есми изъ *Кьева* къ Москвѣ, ино ми-дѣй почали жидове лаяти: собака-дѣй, ты ся куды нарядилъ? князь-дѣй великій на Москвѣ церкви изъ града всѣ выметалъ вонъ....» [4]). Должно имѣть въ виду, что въ небольшой еврейской колоніи въ Кіевѣ въ XV в. были случаи обращенія въ христіанство [5]) и что въ 1495 г., когда король Александръ приказалъ всю «жидову» изъ своихъ владѣній «вонъ выбити», повидимому, всѣ кіевскіе евреи приняли христіанство (въ документахъ XVI в. уже нѣтъ

---

1) *Бершадскій*, Документы и регесты къ исторіи литовскихъ евреевъ, Спб. 1882, I, № 175.

Объ одномъ изъ русскихъ жидовствующихъ, принявшемъ будто-бы обрѣзанье, Ивашкѣ Черномъ, современникъ говоритъ, что онъ куда-то «отбѣгалъ», едва ли не въ Литву. *Голубинскій*, Исторія р. церкви, II, 1, стр. 578, прим.

2) Можетъ быть, *Скора́* или *Скори́на*, нерѣдкія прозвища-фамиліи въ юго-западной Руси стараго времени?

3) См. предисловіе *С. А. Бѣлокурова* къ изданному имъ посланію инока Саввы («О ереси жидовствующихъ», М. 1902).

4) *Русск. Историч. Библ.*, VI, 773.

5) *Бершадскій*, Литовскіе евреи, Спб. 1883, стр. 244.

упоминаній объ евреяхъ въ Кіевѣ)[1]. Слѣдовательно, Кіевъ, при отсутствіи у кіевскихъ евреевъ вражды къ христіанству, представлялъ особенно благопріятныя условія для того, чтобы быть центромъ тяготѣвшей къ еврейскому ученію христіанской ереси.

Одно не подлежитъ сомнѣнію: жидовствующіе, какъ русскіе, такъ и евреи, были людьми для своего времени образованными, любившими науку и книги. Новгородскіе еретики имѣли въ своихъ рукахъ большое число книгъ, между прочимъ такихъ, какихъ архіепископъ Геннадій не могъ отыскать у новгородскихъ православныхъ. Позволительно догадываться, что они владѣли сводомъ обращавшихся тогда въ Россіи библейскихъ книгъ и что Геннадій воспользовался ихъ спискомъ этихъ книгъ[2]), какъ воспользовался ихъ переводомъ Шестокрыла. Позволительно думать, что у нихъ была какая-то особая редакція перевода Псалтыри; «жидова еретическое преданіе дрьжатъ — псалмы Давыдовы или пророчества испревращали, по тому какъ имъ еретици предали *Акила* и *Симмахъ* и *Θеодотіонъ*»[3]). По свидѣтельству Геннадія, у нихъ были книги: «Селивестръ папа римскій» (т. е. житіе Сильвестра съ полемической окраскою противъ еврейства), «Аѳанасій Александрійскій» (т. е. слова его на аріанъ), Козьмы пресвитера

1) *Бершадскій*, стр. 257, прим.

2) Этимъ можно объяснить то, что Пятикнижіе Моисеево въ Геннадіевой Библіи раздѣлено *по-еврейски* на параши, или суботнія чтенія. *Горскій и Невоструевъ*, I, 8—9.

3) Посланіе Геннадія къ Іоасафу 1489 г. Срв. въ посланіи его къ Прохору о тетради, «по чему жидовствующіе молились по-жидовски»: «ты тамо узришь, ...какъ превращены *псалмы* на ихъ обычай».

Переводъ книгъ Царствъ, сдѣланный въ 1416 г., при деспотѣ сербскомъ Стефанѣ Лазаревичѣ, имѣетъ вставки въ текстѣ и приписки на поляхъ—толкованія разныхъ мѣстъ этихъ книгъ на основаніи древнихъ переводовъ ихъ съ еврейскаго на греческій *Акилы*, *Симмаха* и *Θеодотіона* (они переведены, вмѣстѣ съ библейскимъ текстомъ, съ греческаго). См. сербскіе списки Румянц. Муз. № 1684, XVI в., и Новоросс. Университета 1418 г., описанный *М. Г. Попруженкомъ*, Изъ исторіи литературной дѣятельности въ Сербіи XV в., Одесса, 1894. Срв. указаніе на греч. списокъ у *еп. Порфирія*, Путешествіе въ Метеорскіе монастыри, 515.—Переводъ толкованія на книгу Іова 1412 г. имѣетъ однородныя приписки на поляхъ — ссылки на переводы тѣхъ же *Акилы*, *Симмаха* и *Θеодотіона*. См. сербскій списокъ Синод. Библ. № 202 (*Горск. и Невостр.* II, 1, 52—59).

сочиненіе противъ богомиловъ, Діонисій Ареопагитъ, сочиненія, разъясняющія догматы христіанства или православія; очевидно, жидовствующіе или интересовались христіанской догматикой, или вели полемику съ евреями[1]). Отъ того же Геннадія и отъ другихъ обличителей ереси мы знаемъ, что жидовствующіе владѣли Шестокрыломъ, Логикою, большимъ количествомъ астрономическихъ и гадательныхъ сочиненій («прилежали звѣздозаконію, чародѣянію и чернокнижію», какъ выражается Іосифъ Волоцкій); само собою разумѣется, между этими книгами были не одни ихъ собственные переводы съ еврейскаго и другихъ языковъ, но также и старые переводы съ греческаго, и обращавшіеся въ то время въ западной Руси западно-русскіе и польскіе тексты.

Въ предлагаемомъ ниже *спискѣ произведеній литературы жидовствующихъ* мы не помѣщаемъ трехъ текстовъ, обыкновенно связываемыхъ съ жидовствующими, именно:

книги Эсѳирь, которая извѣстна въ спискахъ XIV вѣка и уже поэтому не можетъ быть связана съ жидовствующими[2]);

книгъ ветхаго завѣта отчасти въ переводѣ прямо съ еврейскаго, отчасти въ древнемъ переводѣ, приспособленномъ къ еврейскому тексту, дошедшихъ въ западно-русскомъ спискѣ Виленской Публ. Библ. XVI в. № 262; несомнѣнно, надъ этимъ произведеніемъ потрудился ученый еврей, принявшій ли

1) Еврейскія слова и еврейскія собственныя имена съ еврейской звуковой окраской въ нѣкоторыхъ спискахъ древнихъ церковно-славянскихъ переводовъ какъ будто свидѣтельствуютъ о томъ, что эти переводы были въ рукахъ жидовствующихъ. Такъ, въ апокрифическомъ Житіи Моисея по списку Макарьевскихъ Миней (подъ 4 сентября) мы читаемъ: *Цифора* (вм. Сепфора; по печ. изданію, стр. 171—173); въ апокрифич. Евангеліи Іакова по Соловецк. списку XVI—XVII в.: воземъ *шикобель* (вм. водоносъ). *Порфирьевъ*, Апокрифич. сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, Спб. 1890, стр. 142. Срв. еврейскія слова и еврейскія формы собственныхъ именъ въ книгахъ Моисеевыхъ XV—XVI в. Рум. Муз. № 27 (*Востоковъ*, Описаніе Рум. Муз., стр. 30—31).

Любопытно что въ Холмскомъ сборникѣ, заключающемъ въ себѣ Шестокрылъ, Космографію и Тайная тайныхъ (о немъ см. ниже), находятся также полемическія статьи противъ еврейства (лл. 47 об., 57, 62).

2) О ней подробнѣе см. ниже, приложеніе II.

христіанство, но и по принятіи сохранившій уваженіе къ еврейскому тексту священнаго писанія, или оставшійся вѣрнымъ вѣрѣ отцовъ и лишь выполнившій заказанную ему какимъ-нибудь любителемъ изъ христіанъ работу. Но нѣтъ никакихъ данныхъ, свидѣтельствующихъ объ употребленіи этого произведенія жидовствующими или о какой-нибудь связи его съ ересью[1]);

такъ называемой «Псалтыри» Ѳедора Жидовина, или еврейскихъ молитвъ, переведенныхъ на плохой церковно-славянскій языкъ евреемъ Ѳедоромъ, который крестился при митрополитѣ Іонѣ (до 1461 г.), а трудился надъ переводомъ по благословенію митрополита Филиппа (до 1473 г.); на нашъ взглядъ, нѣтъ данныхъ, говорящихъ о принадлежности Ѳедора къ жидовствующимъ.

Равнымъ образомъ мы не находимъ возможнымъ отнести къ литературѣ жидовствующихъ ни 1) «Слова блаженнаго Зоровавеля», или повѣсти о Зоровавелѣ, находящейся въ полномъ видѣ въ сборникѣ Спб. Дух. Акад. Соф. № 1462, XVI в., л. 119 слѣд., и въ отрывкѣ въ сборникѣ Публ. Библ. Q. XVII. 67, нач. XVII в., л. 67[2]), ни 2) молитвы Іуды по-еврейски. съ переводомъ «по-русски», извѣстной намъ въ сборникѣ М. Арх. Мин. Ин. Д. № 478—958, XVI в., л. 393[3]),—въ виду отсутствія какихъ бы то ни было признаковъ связи этихъ текстовъ съ жидовствующими.

---

1) По нашему мнѣнію, этотъ переводъ съ еврейскаго сдѣланъ не ранѣе XVI в., когда въ западной Руси явился рядъ переводовъ книгъ свящ. писанія на западно-русскій языкъ.

Одна изъ этихъ книгъ, книга Даніила, издана *И. Е. Евсѣевымъ* («О ереси жидовствующихъ», М. 1902).

2) Здѣсь *Корѣшъ*=Киръ, *цуряне, цидяне* = жители Тира и Сидона. Языкъ повѣсти — очень недурной церковно-славянскій, съ зап.-руссизмами.

3) Вотъ ея начало: Молитва іюдина по-жидовьски. Что есть по-жидовски Іюда молилъся Богу, иже въ кладязи сѣдѣлъ отъ Елены царицы, и како молитва его: Маакра акравія филеонія ославефь дофалъ зальзи оводъ фафуй вархуфанъ лаима тарахусіи намелои авахафа залезлілль діель фофъ люлітъ. По-русски: Боже...

„Логика".

Московская Синодальная Библіотека владѣетъ небольшою рукописью половины XVI в., писанной въ восьмушку, на 134 листахъ, и принадлежавшей одному изъ послѣднихъ московскихъ патріарховъ (№ 943). Надпись на ней, конца XVII в., такова: «Изъ книгъ, что взяты у патріарша казначѣя въ семъ году». Въ «Указателѣ» епископа Саввы она упомянута, какъ «Метафизика на южно-русскомъ нарѣчіи»; Горскій и Невоструевъ не успѣли высказать о ней своего мнѣнія; изъ другихъ ученыхъ до сихъ поръ никто ея не касался[1]).

Такое невниманіе къ тексту, дошедшему до насъ лишь въ немногихъ спискахъ, будетъ ясно, если мы пробѣжимъ его мелькомъ. Хотя почеркъ Синодальнаго списка—вполнѣ четкій и разборчивый полууставъ, хотя всѣ слова читаются ясно, тѣмъ не менѣе смыслъ текста, за немногими исключеніями, представляетъ значительныя затрудненія. Передъ нами рядъ словъ или совсѣмъ неизвѣстныхъ въ другихъ текстахъ, или хотя и извѣстныхъ, но употребленныхъ не въ обычномъ значеніи. Между этими словами есть несомнѣнно сочиненныя: *самость*, *проляквство*, *душевенство*, *мушенство*, *воденство*, приводъ *телественый*, *всячество*, *гдѣчество*, *егдачество*, *чтовство*, и т. п.

Лишь при очень внимательномъ чтеніи можно догадаться что первая часть текста — не что иное, какъ краткая логика, и что слово *одержитель* значитъ субъектъ, слово *одержанный* — объектъ, слово *осудъ* — сужденіе, слово *роженая* — умозаключеніе. Но и при этомъ условіи многое остается неяснымъ; напримѣръ, такая фраза: «всѣхъ словъ во вратѣхъ сихъ 14: *уемъ* (=убавленіе?), *прикладъ*, *уемъ всячный*, *прилогъ всячный*, *уемъ раздробный*, *прилогъ раздробный*», и т. д. (л. 6); или такая: «вся-

1) Другіе списки: 1) Публ. Библ. Погод. № 1146, XVII в.; 2) Соловецк. № 263. Срв. *Голубинскій*, Исторія р. церкви, II, 1, стр. 887. — Одинъ изъ списковъ Азбуковника XVII в. упоминаетъ о *Логикѣ*: «есть книжка тако нарицаема» (*Карповъ*, Азбуковники, Каз. 1877, стр. 195).

кій осудъ, аще и мѣнится одержаный *ея* ко одержителю *ея*...» (л. 10).

Эта часть въ дальнѣйшемъ изложеніи не разъ называется логикой: «якоже предрекохомъ *въ лоицѣ*» (л. 85), и т. п.[1]).

Вторая часть, еще менѣе удобопонятная, чѣмъ первая, заслуживаетъ, кажется, названія метафизики. Читая внимательно, и здѣсь можно кое о чемъ догадаться. Слово *снуръ*, повидимому, значитъ линія, *просторъ* — поверхность, *плоть* — тѣло, *душевенство* и *гіюли* (или *гіюль*) — духъ и матерія. Но неяснаго остается много; напримѣръ, «слово, иже наречется во *язычной* дѣло, наречется въ лоице *молва*, алва (=альбо?) судно, а мы наречемъ...» (л. 73); «яко бы *рекальство* и *болванство* и куклярьство и *мечествованіе*...» (л. 82); «которая рѣчь иже посполюетъ единыхъ многихъ, наречемъ *его* существо, а которая рѣчь иже не посполюетъ существа, наречемъ *его* всячество... (л. 63).

Обѣ части упоминаютъ не разъ о «долгой лоицѣ». Послѣдняя имѣла восемь частей, изъ которыхъ 5-я называлась: *книга заблуждьшая*, 6-я — *книга козноднѣйская* (= риторика, гомилетика?), 7-я — *книга спорная* (=эристика?) и 8-я — *книга пѣсненая* (=поэтика?), л. 66 об.

Вторая часть упоминаетъ объ Аристотелѣ: «Се иже реклъ Аристотель великій...» (л. 69 об.). А обширное заключеніе этой

1) Вотъ начальныя фразы первыхъ «словъ» въ этой части Логики.

Слово 1-е. Слова, иже зовутъ ихъ по-еврѣйскіи носе, а по-словенски деръжитель; а по-еврѣйски насу, а по-словенски одержанный, не есть разнь, хотя бы имя или дѣло или рѣчи или судно...

Слово 2-е. Всякъ осудъ, егда приложеши къ нему вещь, наречется прилогъ...

Слово 3-е. Всякъ осудъ, иже будетъ одержаникъ ея дѣло, опершійся отъ него назовется двойчатъ...

Слово 4-е Два осуда еже удержателныхъ однаковы, али уимаетъ...

Слово 5-е. Всякій осудъ, аще и мѣнится одержаный ея ко одержителю ея...

Послѣднее, 14-е, слово Логики (л. 76 об.): Премудрости словесное на трое: 1. на ту силу, чимъ человѣкъ достоваетъ до разумныхъ, имже дѣлатель дѣлы свои; 2. имъже знаетъ рѣчи божественыя, а то наречеся слово нутреннее; а третіе — имже скажетъ языкомъ у него на души.

части, не вездѣ удобопонятное, говоритъ объ отношеніи Аристотеля къ еврейскимъ «мудрецамъ»: «А мудростію исполнилъ ея (семь мудростей?) Аристотель, голова всѣмъ философомъ первымъ и послѣднимъ, подлугъ смыслу мудрецовъ израилевыхъ. Аже по плѣненіи не нашли своихъ книгъ, а ступилися (=основалися?) на его разумъ, иже равенъ въ пророческихъ фунтаментехъ, занеже невозможно есть, абы пророкъ не полонъ былъ въ седми мудростяхъ, а о всѣмъ въ лоицѣ пути ихъ. А исполнилъ ея осмыми книгами, преже реченными, иже она направитъ каждаго въ тыхъ мудростехъ. А она подобна есть воазѣ и мѣре и ослѣ златой. А дѣло иногды именуется наука разумнаа, а иногды дѣйственая. А первая отъ седми мудростей численая, вторая мѣрилная, третія спѣвалная, четвертая небесная, пятая свѣтьскаа. А тая на четверо: первое водити душу свою; 2-е домъ свой; 3-е вестися государю великому; 4-е водити землю и суды ея. Шестая о прироженіи сего свѣта. А тыхъ книгъ десять, и мудрость лѣкарьская, подъ неюже седмая мудрость божественная. Она есть всѣмъ глава седмыма, и ядро ихъ статочное, занеже ею оживетъ во веки душа человѣческая...» (лл. 129—131).

«А Аристотель, Мардаха и Зорававель и Ездра пророкъ и пророкъ Малахія во едины лѣта были; а у тѣхъ Аристотель учился миротвореніе...» (л. 134).

Это заключеніе, повторяющее обычное у средневѣковыхъ евреевъ ученіе, что классическая мудрость заимствована греческими философами у еврейскихъ мудрецовъ, принадлежитъ, безъ сомнѣнія, *еврею*.

На то же указываютъ первыя строки текста: «Начало во имя Бога превѣчнаго, не осѣнимаго въ премѣненіи. Слово 1. Слова, иже зовутъ ихъ по-еврѣйскіи *носе*, а по-словенски держитель; а по-еврѣйски *насу*, а по-словенски одержанный...»

Авторъ-еврей названъ по имени въ заглавіи рукописи: «Рѣчи *Моисея Египтянина*»[1]). Этотъ Моисей — не кто иной, какъ зна-

1) За заглавіемъ слѣдуетъ краткое предисловіе автора: «Пыталъ мя панъ единъ премудрый рѣчникъ арапскій о премудрости словесной, нарицаемая

менитый Моисей, сынъ Маймона, извѣстный въ средневѣковой Европѣ подъ именемъ Моисея Египетскаго, Moses Aegyptius, или Моисея Маймонида. Онъ жилъ въ XII в., родился въ Испаніи, большую часть жизни провелъ въ Египтѣ въ качествѣ придворнаго врача и здѣсь умеръ въ 1205 году. Его многочисленныя сочиненія посвящены по преимуществу толкованію Талмуда и медицинѣ. Изъ нихъ медицинскіе труды въ средніе вѣка были переведены на латинскій языкъ. Его логика также извѣстна въ латинскомъ переводѣ; библіографы (Grässe) указываютъ, какъ на рѣдкость, на изданіе ея латинскаго текста въ Венеціи въ 1550 году («Voces logicae quas construxit R. Mosche ben Maimon, cum duobus commentariis»); еврейскія ея изданія, новѣйшаго времени, повидимому, — обычное явленіе («Milloth Higgaion»); въ нихъ еврейскій текстъ сопровождается: 1) еврейскимъ комментаріемъ и 2) нѣмецкимъ переводомъ (напечатаннымъ, къ сожалѣнію, еврейскимъ шрифтомъ). Эти изданія какъ-будто — школьные учебники логики.

Мы имѣли возможность[1]) провѣрить указаніе заглавія и сличить начальныя строки нѣсколькихъ главъ русскаго текста XVI в. съ соотвѣтствующими строками нѣмецкаго перевода въ вѣнскомъ изданіи сочиненія Маймонида 1822 г.: совпаденіе оказалось почти полнымъ. Можетъ быть, дальнѣйшее изслѣдованіе покажетъ, что русскій текстъ представляетъ значительныя уклоненія отъ текста еврейскаго, или даже лишь пересказъ послѣдняго[2]). Но съ насъ достаточно одного того факта, что Синодаль-

лоика, абыхъ ему расказалъ слово странныхъ, иже прислухаютъ въ лоицѣ премудрымъ людемъ, языкомъ короткимъ, не преволокая, о всѣхъ словесѣхъ странныхъ, нижли збудитъ сердце учениково до премудростей седми и до великихъ книгъ лоичныхъ, иже они суть судно всѣмъ тѣмъ мудростемъ седмимъ».

1) Этимъ и нѣкоторыми свѣдѣніями относительно еврейскаго языка мы обязаны любезности А. Я. Гаркави.

2) Проф. П. К. Коковцевъ намъ сообщаетъ: сличивъ издаваемыя нами здѣсь выдержки изъ «Логики» съ еврейскимъ текстомъ Маймонида (по варшавскому изданію 1865 г.), онъ убѣдился, что русскій текстъ представляетъ не переводъ, а скорѣе пересказъ или—можетъ быть — даже передѣлку еврейскаго текста, и что переводчикъ какъ-будто плохо понималъ по-еврейски.

ная рукопись представляетъ переводъ сочиненія Моисея Маймонида.

Нашъ текстъ, судя по всему, — переводъ прямо съ еврейскаго. Это видно и изъ приведенныхъ уже еврейскихъ словъ *носе* и *насу*, и изъ употребленія еврейскаго *гіюли* или *гіюль* безъ перевода (= греч. ἡ ὕλη, матерія; еврейскій языкъ получилъ изъ арабскаго), и изъ такой фразы: речемъ: носъ у коня *пия* (л. 74 об. = евр. рі ротъ), и изъ названія главъ *вратами* (какъ въ еврейскомъ и арабскомъ языкахъ)[1]. Такія неправильности въ согласованіи, какъ «всякій осудъ, аще и мѣнится одержаный *ея*...», кажется, вполнѣ объясняются при помощи еврейскаго языка (еврейское слово, соотвѣтствующее нашему *осудъ*, — женскаго рода).

Переводчикъ вставилъ кое-что свое. Въ его текстѣ есть счетъ на *мили* (л. 56); есть фраза: «наречемъ единаго (снура) *а в*, а втораго *г д*, едина бы бѣгла отъ *аза* до *вѣдей*, а вторая отъ *добра* до *глаголя*» (л. 48); есть примѣръ: «Максимъ убилъ Ходора» (л. 3). Но другіе примѣры: «Египятъ передь Индѣею поченши отъ Іерусалима», «Індѣя переже Египта поченши отъ моря ея» (лл. 109 об., 110), очевидно; принадлежатъ автору, жившему въ Египтѣ еврею. Еще: «аще бы не разумѣ то поарабски, не исказати его по-персеки» (л. 38 об.).

Не вполнѣ удобопонятное (кое-гдѣ, повидимому, искаженное) заключеніе Логики по Синодальному списку, отчасти уже нами приведенное (стр. 403), имѣетъ, между прочимъ, ссылку на *Авіасафа*: «Рече Авиасафъ: премудрость божественая, подобаетъ учитися ея послѣ миротворенія, но поперeжаемъ ею, занеже честнѣе всѣхъ седми есть, а перемененія въ ней болей всѣхъ; она же есть остатокъ всѣхъ и первомышленія ихъ, наукаю послѣ всѣхъ есть по глубинѣ своей и тяжка статіа болій свѣтской. Но мы приведемъ слово отъ свѣтьскіе, чимъ ея да разумѣетъ корень

1) Отмѣтимъ еще слова: вещію приложеною нань отъ *елоса* (л. 61), снѣгъ и *камфоръ* едино бѣлостію (л. 100 об.), якоже и *магамуда* хладитъ (л. 119 об.), подобна есть *воазъ* и мѣре и ослѣ златой (л. 130).

ихъ. Но исполнимъ умы ихъ всей премудрости *двьма предисловіи и пятма главизнами*: 1) о частехъ естества і о судѣ[1]) его; 2-я о приводе естества всего; 3-я о прообразованіи его, 4-я о дѣлехъ его и прикосновеніи обрѣтеныхъ къ нему, 5-я о качестве обрѣтенія ихъ отъ него подлугъ умыслу ихъ» (лл. 133 об.—134).

Эти слова указываютъ на существованіе продолженія текста Синодальнаго списка. Повидимому, оно находится въ Кіевской рукописи.

Въ библіотекѣ Кіево-Михайловскаго монастыря, въ числѣ другихъ рѣдкостей, хранится цѣнный сборникъ въ восьмушку, описанный Н. И. Петровымъ (II, стр. 220, № 493). Запись его такова: «Книга зовомая приточникъ Васка писаря пана Миколаа Радивиловича, въ лѣто 6991, индикта 1»; изъ нея видно, что писецъ жилъ гдѣ-то въ западной Россіи и работалъ въ 1483 году.

Послѣдніе листы сборника (269—288), находящіеся послѣ записи и, судя по всему, помѣщенные переплетчикомъ не на своемъ мѣстѣ, заключаютъ въ себѣ часть сочиненія по логикѣ, какъ-будто близкаго по содержанію къ тексту Синодальнаго списка. Смыслъ его представляетъ тѣ же затрудненія, что̀ и смыслъ Синодальнаго текста; терминологія—та же, что въ Синодальномъ текстѣ, необычная и неясная. Мы въ ней находимъ и *самость*, *мушенство*, *возможенство*, *противенство*, *всячство*, *чтовство*, *нѣтовство*, и *одержатель*, *одержанный*, *осудъ*, *уемъ всячный*, *судно*. Вотъ еще нѣсколько терминовъ, которыхъ мы не отмѣтили себѣ въ Синодальномъ текстѣ: *треснурно* (повидимому, съ значеніемъ: треугольникъ), *уѣтъ примѣпный*, *уѣтъ урѣзный*.

Рѣчь не разъ идетъ о «лоикѣ»: «симъ завяжомъ о *лоице* пятма кругы сими», «предословіе о ряду *лоичномъ*», «части убо

---

1) Можетъ быть: осудѣ?

лоичныя и рядъ ея памѣтью толкуется», «мудрѣцы же *лоичныи* зовутъ дѣло словомъ, а слово судномъ»[1]).

Авторъ именуется нѣсколько разъ *Авіасаѳомъ*: «Рече Авіасаѳъ: хвала Богу...» (л. 269); «Рече Авіасаѳъ: егда уже уставилося намъ...» (л. 270 об.); «Рече Авіасаѳъ: части убо лоичныя и рядъ ея памѣтью толкуется...» (л. 271 об.)[2].

Дважды мы встрѣтили слово *тимсахъ*: «премѣни его въ

---

1) Вотъ заглавіе и первыя строки Кіевскаго текста:

Рече Авиасаѳъ: хвала Богу хранітѣлю нашему о(тъ) заблуженіа и вказавшему намъ отняти пути неразумныхъ и молитву о наособнѣйшомъ въ повышеньи.

Истинный брате, хотѣлъ еси слова достаточного о открытіи тяжбы на ѳилосоѳи, и ломаніа разумовъ ихъ, и подсады замешаніа ихъ, и заблуженіа ихъ; а не надѣяйся стати на той речи, нижли увѣдавъ мнѣніе ихъ и научився разуму ихъ, понеже стояніе на скаженьи мнѣніа, преже огорненіа удостатого отъ нихъ приключенье есть; но се(й) есть въ истинну пѣколованье (?) слѣпотою и заблуженіемъ. Видѣхъ убо росказати переже умыслы ихъ отъ премудрости словѣсныя и прироженное и божественое, не проволокая о доводѣхъ ихъ. А повѣдаю тебѣ переже, ижъ мудрость ихъ дѣлится на четвѣро: 1) лоика, 2) путные, 3) прироженыа, 4) божественыа. Путные же убо смышляють о числе и о мѣрѣ ихъ; сіи же убо ровны всимъ мудростямъ; посему не приводимъ ихъ зде. Божественыи е же много мненіе ихъ изменно истинне, а истинна приходить въ нихъ чюдомъ. А *лоика* правда въ немъ (?) многа, а заблуженье не просто, но прѣменится правда въ ней со единаченіемъ и положеніемъ чюжемышленымъ, занже прьво мышленіе въ ней направити пути доводныа, въ семь же прикосновеніи вси четци. Прирожена ихъ правда въ ней замѣшена въ празднословіе, а не мочи разсудити възможная съ невъзможьными, но изьяснится *въ книзе повалной* мнѣное въ володѣно и вразумеется туто, што привѣдемь его путемъ писменнымъ. Исполнивъ убо сію, докончаемъ останокъ *въ книзе повалной*, и дастъ ли Богъ.

Предословие *о ряду лоичномъ* и сказаніе по (?) мочи его и частей его....

П. К. Коковцевъ догадывается, что названіе *путные* (науки) — неудачный переводъ еврейскаго hergĕlijot, какъ именовались въ еврейскихъ переводахъ съ арабскаго такъ наз. пропедевтическія науки (математика, геометрія, астрономія и музыка), а названія: *прирожденныя* и *божественныя* — буквальный переводъ еврейскихъ названій естествознанія и метафизики. *Повальная книга*, по мнѣнію П. К. Коковцева, — неудачный переводъ еврейскаго названія: *Книга одолѣнія* (или: побѣжденія); такъ въ еврейскихъ переводахъ сочиненій по логикѣ именуется пятая часть «Органона» Аристотеля.

2) П. К. Коковцевъ выставляетъ догадку, что Авіасафъ — не кто иной, какъ знаменитый арабскій философъ *Ал-Фарабій* (X в.), авторъ большого сочиненія по логикѣ, имя котораго въ еврейскихъ переводахъ иногда звучитъ *Ави-іеша*.

тимсахъ, или въ иную животину» (л. 274 об.); «*тимъсахъ*, онъ же крятаетъ (двигаетъ) челюсть верхнюж» (л. 279). Это не что иное, какъ еврейское (собственно — арабское) timsah крокодилъ.

Примѣры говорятъ объ Іерусалимѣ, Египтѣ, Индіи: «яко речемь: Іаковъ, или въ Іерусалимѣ, или въ Египтѣ, или въ Индѣи» (л. 278 об.); «аще речешь, яко или въ Іерусалимѣ, или въ Египтѣ, лжешь, ижь можеть быти въ Римѣ» (л. 282 об.)[1].

Тотъ же сборникъ Кіево-Михайловскаго монастыря на лл. 211—214 имѣетъ еще отрывокъ сочиненія по логикѣ, съ терминологіей очень близкой къ вышеуказанной: *держитель*, доводъ *чемный* (отъ *чемъ*—почему?), доводъ *ащный* (отъ аще?).

Здѣсь четыре неполныхъ главы, или «вратъ». Отъ первой сохранился лишь конецъ, отъ четвертой лишь начало.

Мы пока не владѣемъ данными, чтобы сказать объ отношеніи этого отрывка къ тому, о которомъ мы только что говорили[2].

Эти тексты (въ полномъ, конечно, видѣ) имѣютъ всѣ права на названіе Логики жидовствующихъ: только ихъ могъ имѣть въ виду архіепископъ Геннадій. Въ началѣ 1489 года, когда написано имъ посланіе къ архіепископу Іоасафу съ упоминаніемъ

---

1) Вотъ еще нѣсколько мѣстъ.

Напишемъ о ровнаніи въ дву крузѣхъ, пѣрвое о тѣлествіи его, второе о душествіи его, а симъ завяжомъ о лонце пятма *кругы* сими.

Кругъ 1. О указе словномъ, да растолкуется умыслъ ихъ пятма частми.

Кругъ 2. О вѣщехъ всячьныхъ и о прѣмѣненіи прикосаніа ихъ и частей ихъ.

Кругъ 3. О замѣшаніи розныхъ и частій осудовыхъ. Аще речеши: коли бы солнце възышло, ино бы звѣзды незнакомы,— правъ еси...

2) Вотъ первыя слова «вратъ».

Врата 2. Ровнаніе же доводное дѣлиться въ то, ижь присовокупляеть приводъ обрѣтѣніа роженое, и въ то, ижь...

Врата 3. О вѣщехъ, ижь на нихъ обиходъ премудростий доводныхъ, сиречь положеніе о дѣржитѣли.

Врата 4. О укончаніи предковъ доводныхъ.

о «Логикѣ», онъ зналъ лишь объ ея существованіи; позднѣе онъ, вѣроятно, досталъ ее, какъ досталъ Шестокрылъ.

Языкъ Логики по Синодальному списку — западно-русскій, съ нерѣдкими полонизмами (*але*, *подлугъ*, *нижадный* человѣкъ камень, *мусить* и т. п.) и съ еще болѣе нерѣдкими церковно-славянизмами (*аще*, рядомъ съ *аче*, *убо*, *предрекохомъ*, *превращеный*, *власатый* и т. п.). То же можно сказать и объ языкѣ отрывковъ Логики по Кіевскому списку.

Космографія.

Н. И. Петровъ[1]) обратилъ вниманіе ученой публики на западно-русскій сборникъ XVI в. въ Музеѣ Холмскаго православнаго Свято-Богородицкаго Братства (№ 96, 1893 г.), какъ на заключающій въ себѣ Тайная тайныхъ и Шестокрылъ. Въ этомъ сборникѣ на листахъ 90—101 находится текстъ безъ заглавія, не вполнѣ удобопонятный, съ тою самою терминологіею, которую мы отмѣтили въ Логикѣ[2]).

Начало этого текста таково:

«Книга сіа дѣлится на 4 главизны: 1. что есть кругъ, что есть *тычка* круговаа, что есть *снуръ*, что есть пятка, а колко круговъ небесныхъ, а каковъ образъ земъскій; 2. о крузѣхъ *судна* сего, егоже съокружаемъ на подобіе небесное; 3. о восходѣ и зъходѣ о зодѣйскомъ и о розни дневной и нощной и о иклимехъ земъскихъ; 4. о качестве и (?) образа небесного, и о бѣгу седми планитъ, и о приводѣ солнечномъ и лунной гибели.

Главизна 1 и основанья премудрого Клидаса. И то нарицается кругъ, половина обиходу кругового и около снура, олны доидеть до мѣстьца своего, тогды ся наречеть кругъ равенъ в частках своихъ, а плоть одеръжанная въ обыходѣ томъ наречеться кругъ. Премудрай же Феодосей зоветь кругомъ то, что

---

1) *Кіевск. Старина* 1893 г., № 10, стр. 155—156.

2) Напечатанныя курсивомъ слова находятся также въ Логикѣ.

своей тычьце равенъ по своимъ сторонамъ; тычка же насереднейшаа, то есть — тычка кругови, а снуръ — то, что приходить съ одной стороны круговой и до другое черезъ тычьку его; а верги (= -хи?) того снура нарицаються пятки свѣтови. Круговъ же небесныхъ 9: 1. тотъ, што нѣтъ у немъ звѣздъ; а другій подъ тымъ, а у немъже 12 домов*о* задейныхъ; а уси иныи звѣзды у томъ же; а седмъ планитъ, каждаа у своемъ небе. 1. планита Кронъ; подъ тою же Зевесъ; а подъ тою Аррисъ[1]); подъ тою солнце; а подъ тою Авъфродисъ; а подъ тою Ермисъ; а подъ тою луна; она же меншей усѣхъ. Кругъ же делится надвое: 1. по своей *самости*, 2. подлугъ зреніа человѣческого и по седенію ихъ. Иный же кругъ кривъ, а иный же прямъ. Которыи же седять подъ равенствіемъ, ино кругъ прямый делить зреніе ихъ углы прямыми. А которыи живуть подъ кривымъ, ино кругъ кривый делить зреніе ихъ на углы непрямые. А пятка одна надъ ними, а другаа подъ ними. И усякъ плотный или будеть небесный, и(ли) основалный. Небесный, еже непременный, ино пребываеть у вѣки; основалный — еже применяется уставно отъ искръ небесныхъ, а протожъ делится на четверо. Земля бо у самой середине неба, а не выходить николиже изъ мѣстьца своего. Верху же ея вода, а покрыла ей мало не две доли; а из верху ея ветръ; и онъ же имаеть трое прироженіе. Перво же сее, што отъ земли, волгко и тепло. Облаки же усходять отъ земли коль высоко, какъ моръскаа глубина. Огнь же коль (или: коло?) ветру, *нолны*[2]) до самого неба. Усіе же небеса одинъ ув одномъ, какъ цибуля. Круги же планитные имають два бѣги: 1. подлогъ бѣгу неба веръхнего, оно же ходить на пяткахъ своихъ отъ востока до запада; а кругъ же прямый делить небо тое на две части, ровны же; бегъ же другій то есть бегъ иныхъ 78 круговъ; они же имають кажный особный снуръ и особъную пятку; а бегъ ихъ на востокъ и па западъ, и пятка тыхъ 78 нѣбъ далече пятки 9-тго (=того?) неба—три и 20 степенѣ и мало болши. А вер-

1) Заслуживаютъ вниманія *греческія* формы названій.
2) Это слово встрѣчается въ Тайная тайныхъ.

ховное небо тягнеть за собою иныхъ небъ около земли одновчи (?) у четырехъ и у двадъцати годинъ. А кругъ *за*дейный делить верхънего круга на две половици ровныхъ; а подъ кругомъ *за*дейнымъ ходять 7 звѣздъ переходныхъ. Кронъ обыиходить зодияка за 30 лѣтъ, Зевесъ за 12, Аррисъ за 2 года, солнце за 365 денъ и за четвертую долю дня, Афродитъ же и Ермисъ яко солнце, луна за 7 и за 20 день и за 8 годинъ, путемъ близкимъ. А можеть быти, ижь основаніа и небеса кругли; а коли бы не кругли, не были (= былъ?) бы бегъ ихъ съединаченъ; нету бо места порожнего, тощего межъ небесъ. Бегъ же съ (?) небесны отъ востока на западъ знаемъ потому, *заньже* звезды восхожають отъ востока а идуть до полунеба; а далѣкость и близъкость и межъ ими ровна на кажный часъ, а потому а (?) видяться на востоцѣ бѣгомъ ровнымъ. Аще знаемъ, потому, ижь звезды, што подлей пятки полуденъное, подлѣ колъ (?) видимъ, иже ходять около мѣрою ровною завжды».

Главизна 2. Крузи же у суднѣ семъ иные велики, а иныи малы....

Главизна тамо (?) 3. Ведай, ижь восхоженіе (и) низъхоженіе кажного отъ 12 зодій....

Главизна 4-а. Исперва хочемъ говорити о кружки планетныи, а потомъ будомъ говорити о приводе гибелномъ солнцю или лунѣ....

Конецъ: «Слово о гибели лунной и солнечной, ис чего то. Вѣдай, (и)жь солнце болше земли 166 частей; протожь осіаеть болши половицю зем*лю*. Погибель лунная, коли она полна и подлѣ главы зміиной или подле хвоста его противу солнца. Но тогды земля посреди ихъ, а тѣнь тотъ падеть на луну. Але коли солнце и луна отъ главы или отъ хвоста меншій 12 степеній, но гибель не по всему мѣсяцю. И такежь коли солнце и луна посполу у главѣ или у хвостѣ или межю двунадесять степеней; коли ся нарожаеть онъ, тогды закрываеть намъ солнце; и луна отъ земли сорокаа (?) доля».

Вотъ имена знаковъ «зодияка»: «Имена же *за*деямъ си суть:

овенъ, юнець, близнець, ракъ, левъ, дева, яремъ, скоропіа, стрелець, козій рогъ, водолій, рыбы. А всакса (=всякаа?) задея делится на 30 степенъ, кажнаа степе(нь) на 6 десятъ дробницъ, а каждаа дробница на 60 уторыхъ, а каждый уторый на 60 третихъ» (л. 93).

Вотъ перечень «климовъ»: «Велми мало выкладуваеться зодіякъ, олны будеть: учини собѣ кружокъ, а черъкни его вдолжь и поперекъ, и се выйдуть тобѣ снуры иные, нарицаються иклимы. Иклима перваа... нарицается клима Амирійска. Шириня *его* 440 *миль*... Иклима 2-а... клима Чинійскаа... Иклима 3-а... клима Александрѣйскаа... Иклима 4-а... клима Толитольскаа... Иклима 5-а... клима Римскаа... Иклима 6-а... клима Ломбардійскаа... Иклима 7-а... клима Ирускаа (?) и Немецькаа... Априче сего есть много уселенныхъ мѣстъ и острововъ на мори; але философове не дбали о нихъ, или рописовали климы» (л. 99).

На оборотѣ листа 100 находится чертежъ: круги пересѣкающіеся, красные и черные.

Авторъ ссылается не разъ на Птоломея: «*Птоломей* поведаеть довъжину (=долготу) тое частъки 3 и 20 степенѣ и 40 и 1 дробницъ; *Аламоионъ* (?) же поведаеть долъжину его 3 и 20 степеній и 3 и 30 дробницъ» (л. 94 об.); «якоже рече *Италомей*» (л. 99 об.). Выше (въ началѣ 1-ой главы) упоминаются «премудрый Клидасъ» (=Эвклидъ) и «премудрый Ѳеодосей».

Космографія въ единственномъ извѣстномъ намъ спискѣ находится непосредственно послѣ Шестокрыла. Однако мы не рѣшаемся признать ее частью Шестокрыла. Языкъ обоихъ текстовъ представляетъ значительное различіе: языкъ Космографіи богатъ полонизмами, въ языкѣ же Шестокрыла полонизмовъ почти нѣтъ. Между прочимъ, въ значеніи: линія, въ Космографіи употребляется слово *снуръ*, а въ Шестокрылѣ слова *черта*, *чертка*; въ значеніи: часъ, въ Космографіи: *година*, въ Шестокрылѣ: *часъ*, и т. п.; сравни также слова *степень*, *дробница*[1]) въ

1) Слово *степень*, очевидно, = градусъ, *дробница* = минута, *вторый* = секунда, *третій* = терція.

Космографіи съ однозначащимѝ (повидимому) *ступль*, *дробль* въ Шестокрылѣ.

Шестокрылъ.

Архіепископъ Геннадій упоминаетъ о Шестокрылѣ какъ объ одной изъ книгъ жидовствующихъ; онъ не только знаетъ его, но и изучаетъ, «испытно проходитъ». Потомъ отъ Шестокрыла предостерегаютъ православныхъ старецъ Филоѳей и авторъ Домостроя; это произведеніе въ XVI в. попадаетъ въ индексъ запрещенныхъ книгъ. Книжники XVII в. уже не знаютъ Шестокрыла, но продолжаютъ повторять, что «зѣло мерзостенъ предъ Господомъ Богомъ всякъ вѣруя волхванію и чародѣйству и звѣздочетцамъ и планитникамъ и *Шестокрылу* и любяй геометрію и прочія таковыя» [1]).

Авторъ Шестокрыла — итальянскій еврей *Иммануэль-бар-Якобъ*—жилъ въ XIV в. Его трудъ былъ переведенъ *Хрисококкомъ* на греческій языкъ въ концѣ XIV или началѣ XV в.; до насъ дошли списки и еврейскаго оригинала, и греческаго перевода, которые намъ, къ сожалѣнію, остались недоступны [2]).

Упомянутый выше (стр. 409) Холмскій сборникъ XVI в. на листахъ 85—89 имѣетъ текстъ безъ заглавія, раздѣленный на шесть «крылъ» и потому несомнѣнно заслуживающій названія Шестокрыла [3]). Этотъ текстъ такъ коротокъ, что мы рѣшаемся издать его здѣсь цѣликомъ.

Крило первое.

Аще хощеши вѣдати поновленіа ровное или противленіе ровное, кѳторому мѣсяцю коли схочешь, поиди собѣ к первому

---

1) *Карповъ*, Азбуковники, Каз. 1877, стр. 197.

2) *Wolf*, Bibliotheca hebraea, IV, 940—944 (Hamburg, 1733); *Fabricius-Harles*, Bibliotheca graeca, IV, 153, 611, XII, 54. Еще см. статью *Прозоровскаго* въ *Древностяхъ* Моск. Археолог. Общ. 1887 г. и «Сочиненія» *Тихонравова* I, 242.

3) Незначительный отрывокъ изъ Шестокрыла (таблицы съ подписями) — въ Псалтыри Троицкой Лавры № 326, XVI в., л. 626 об. Одна подпись такова: «Поновленіе, сирѣчь нароженіе, младу мѣсяцу, лунникъ изъ *Шестокрыла*».

крилу, възми събѣ кржгы цѣлый прошлыхъ яко сими часы цѣлыхъ кржговь, с̃. о̃. з̃. круговъ, а всякій кругъ отъ сихъ круговь дръжить ѳ̃і. годъ, а тыи ѳ̃і. годъ словеть кржгъ лунный. Ино възми противь с̃.о̃.з̃. прошлого тую строку всю; а еще възми числа противъ лѣта прошлыи кржжныхъ *рекома* межи ѳ̃і. лѣтъ лжнный кржгъ лѣта прошлаго (?) строку тжю всю, да пиши събѣ подъ нимъ *рекома рекома*[1]) подъ первую строку, што есмо писали; а еще възми събѣ числа противъ того мѣсяца, што ты ищешь ему поновленіа или противленіа, простымъ противъ простыхъ, прибыточнымъ противь прибыточныхъ, да пиши събѣ *дробли* противъ *дробли*, *стжпли* противъ стжпли, зодіи противъ зодіи; да протягни подъ тыми *чертжж*, да избери ихъ, да почни избирати отъ конца дроблихъ, отъ шестидесятъ дроблыхъ, учини стжпль одинъ да взбери его ись стжплями; а што останется менши отъ шестидесятъ, пиши его подъ *чрътою* противь дробли отъ л̃. ступли, учини зодій одинъ, а збери его к зодѣемъ; а што останется менши тридцати, пиши его подъ чертою подъ стжплями противъ; а еще избери зодіи, што изберется в̃і., то мечи прочь; а што меньши в̃і., то пиши подъ чрътою противь зодіи; а што бждеть в̃і., ни менши, ни больши, то пиши *цифра*. Аще пріидешь к пятой строцѣ, збирати, што наверхь писано, дробли, часы, дни; отъ ѯ̃. дробли учини часъ одинъ, да избери его к часомъ; што будеть менши шестидесять, пиши подъ чертою, дробли противь дробли; а ещеще (sic) избери часы, отъ к̃. и д̃. часовъ учини день одинь; што будеть менши к̃. и д̃., пиши подъ чертою, часы противь часы; а такожь збери дни; што коли зберется дни, по семи мечи, а останокь пиши подъ чертою, дни противъ дни. Послѣ яко зберешь всѣхъ числь и подпишешь подъ чертою, выйдеть тобѣ окоммигнѣнья поновленіе или противленье ровное. А того полно тобѣ толкованіа вѣдати пръваго крыла.

Крило в̃-е.

А коли хощешь вѣдати поновленье или противленье правое

1) Что значитъ?

или мѣсту свѣтлому правое того часу, или справити *уконъ* лунѣ, или уконъ *змію*[1]), поновленію часъ или противленію, тъгды поиди събѣ къ второму крилу и въниди в ширину крила у страници и (=из?) зодѣемъ и з дроблями *укона* лунаго, што в рѫкахъ у тебе, а тако же въниди удолжь крыла из зодіемъ и з дроблями укона солнечнаго, што в рѫкахъ у тебе, а найдешь ихъ писаныи вдолжь и в ширину отъ шести к шести стѫпли; да заведи палцами отъ ширины страници и отъ долживы страници, штоб ся на одной строцѣ споткали; и възми събѣ подлугь ты(хъ) уконовь отъ часовъ и отъ дробль у строцѣ, што писано на ней зверху, поновленье или противленье, и припиши, што коли найдешь подъ часы и подъ дробли поновленья или противленья ровного, и збери ихъ, яко вѣдаешь отъ пръваго крила и зверзь отъ збиранья день одинъ; а *що* останетъ (въ) рукахъ, то бѫдеть окоммигнѣнья поновленіа или противленья правое, дни, часы, дробли. А еще възми събѣ отъ стѫпли и отъ дробли подли сего же *столпъ*, што писано *наврху* правое обѣма, и припиши, што коли найдешь, ступли и дробли, у мѣстци свѣтломъ ровное. А тако же ты стѫпли и дробли припиши *наврху* укона змеева, да избери, яко умѣешь, да покинь три стѫпли отъ мѣстца свѣтлы и отъ укона змеева, да будеть, што останеть мѣсто правое ѳбѣма свѣтломъ и мѣстцо правое укону змееву. А то вѣдай: аще бѫдеть ровное поновленіе, преже правое поновленіе д҃. годины до в҃і. годонъ, приложи на укона змеева дробль одину; а естьли в҃і. годинъ бѫдеть, а любо болше, приложи на укона змеова г҃. дробли; аще будеть ровное поновленіе, посли праправое (sic) д҃. годины, а любо больше до в҃і., убавь отъ укона змееваго а҃. дроблю; а естли будеть в҃і. годинъ или больше, убавь г҃. дробли. А назовется послѣ справна (=справленіа?) сій змея лунный.

Аще хощешь справити уконъ лунный, вѣдай собѣ числа, часы и дробли, што межи поновленья или противленья ровное и меже поновленья или противленья правое; што есть межи ними

---

1) Что значитъ? О *зміи* говоритъ и Космографія.

лишнее, а личи ихъ, яко бо они стѫпли и дробли; а личи ихъ по м̃ дробли; ино убавь с нихъ отъ ꙃ҃. дробли по к҃.; а личи по м̃. и припиши, што коли зберется укона луннаго, што в рукахъ у тебе. Естли будеть поновленія или противленья правое послѣ поновленіа или противленіа ровное, а любо убавь, што коли зберется отъ укона лунного, што в рукахъ у тебе. Естли бѫдеть поновленіа или противленіа правое, преже поновленіа или противленіа ровное, а што коли зберется посли прибавленья или убавленья, она назовется уконъ правый лунѣ, поновленію часъ или противленію часъ правое. А то полно тобѣ вѣдати толкованіа второго крыла.

Крыло третее.

Яко схочешь вѣдати окомигнѣнья поновленья или противленья, што в рукахъ в тебе, колько есть оно далека отъ въстока къ западу, поди собѣ к третему крылу и вниди из мѣстцомъ свѣтломъ, што в рукахъ в тебе, да вѣдай собѣ съ того часы полуденныи. По сем же вѣдай окоммигнѣнья, што в рукахъ в тебе, у день ли то, или в нощи, коль есть далеко отъ въстока напередъ или назадъ. Аще схочешь вѣдати, который часъ противленья затемнѣеть луна, вѣдай собѣ спръва не (=на) семъ крѣлѣ, аще будеть правое противленье въ день отъ одное годины, яко зыйдеть солнце, до одное годины, пръво, яко западеть, нѣтъ исканіа на ней, аще будеть в ночи, котором же окоммигнѣньемъ будеть, или въ день, *ми*нши одное годины посли входа, или менши одное годины посли запада. Аще хощешь вѣдати темность солнцу, вѣдай собѣ в *сомъ* крылѣ, аще будеть правое поновленіе, отъ полугодины пръво запада до полугодины послѣ всхода, подобно ижь затемнѣеть солнце в томъ поновленіи, яко вкажомъ тобѣ в пятомъ крылѣ и в шестомъ. А то полно тобѣ вѣдати крыла третяго.

Крыло четвртое. Аще хощешъ вѣдати мѣру темность лунного и часы его, пойди до четверътаго крыла, а вниди удолжь крыла и(зъ) змеемъ луннымъ, да възми, што выйдеть числа пальци, темность и дробли ихъ. А только будеть мѣра темность,

а еще възми, што выйдеть отъ часовъ и отъ дробли, отъ строкы писано наврьхъ, пръваа веремя, ано будеть веремя отъ *початокъ* темности до половины, или отъ половины до конца.

Крыло є̃.

Яко схочешь вѣдати окоммигнѣньемъ поновленья вѣдящаго, то окомигнѣніемъ половина темность солнечнаго; а вѣдай собѣ пръво окомигнѣнье поновленьа правое, колько оно переже полудня или посли. А поиди собѣ к пятому крылу, вниди из зодѣемъ, што снялися обѣ свѣтлыи удолжь крыла ись часы, што в рукахъ у тебе, што переже полудня или посли, а в ширину крыла сꙋ укономъ оправленомъ лжнѣ. А възми собѣ отъ часовь и отъ дробли и прибави ихъ на время правого поновленья; аще будеть— послѣ бысть луна на полунебеси, а любо убави ихъ, яко пръво бысть луна на полунебеси; а што выйдеть тобѣ числа послѣ прибавленья или убавленья, то окомигнѣнья поновленья видящого; оно есть окомигнѣнья ись середины темности. А такѣжь обрящеши у сомъ крылѣ окомигнѣнья, яко бысть луна на полунебеси право.

Крыло шестое.

Аще хощешь вѣдати мѣры темности и времени ее, да поди собѣ к шостому крылу, а вниди вдолжь крыла съ змеомъ солнечнымъ, а въ ширину сж укономъ лунныимъ правленымъ, да възми собѣ, што выйдеть отъ числа пальци темности и дробли ихъ; а се и будеть мѣра темность. А еще възми събѣ отъ часы и отъ дробли и (=изъ?) строкы писано на немъ время полтемности; се будеть время *с початокъ* темности до сь (?) середины, или отъ середины до конца. А то полно тобѣ вѣдати всѣхъ шести крыль.

Листы 106—111 Холмскаго сборника заняты таблицами, относящимися къ Шестокрылу. Несомнѣнно, что это — лишь небольшая часть тѣхъ таблицъ, изъ которыхъ собственно и состоитъ Шестокрылъ; остальныя, повидимому, утрачены. Цифры—славянскія. Изъ надписей видно, что таблицы на лл. 106 и 106 об. имѣютъ своимъ предметомъ «уконъ лунный», что въ

таблицѣ л. 111-го находятся «два ряды зміины, водій, уконъ лунный урядн(ый)», что въ таблицѣ л. 111 об. помѣщены «зодѣй, уконъ лунѣ урядный, два ряду зміины», что таблицы 107 и слѣдующихъ листовъ относятся къ пятому крылу, а таблицы лл. 111-го и 111 об. — къ шестому крылу. Названія знаковъ зодіака здѣсь русскія и еврейскія (русскими буквами): овенъ — *тале*, телецъ — *шоръ*, яремъ — *мознаимъ*, скоропіа — *акравъ*, стрелецъ — *кешетъ*, козирогъ — *геопсъ*, водолей — *дели*, рыба — *дагимъ* (листы 107—110 об.), или одни еврейскія: *тале*, *шоръ*, *тоомимъ*, *сартанъ*; *аръп*, *бетула*, *мознаимъ*, *акравъ*, *кешетъ*, *геди*, *дели*, *дагимъ* (лл. 110 об. 111 об.).

Еврейскія слова говорятъ о переводѣ Шестокрыла съ еврейскаго.

Языкъ Шестокрыла — западно-русскій, съ немногими церковно-славянизмами[1]).

Два сборника Публ. Библ. Погод. № 1287, нач. XVI в., л. 98, и Q. XVII. 67, нач. XVII в., л. 161, и западно-русскій сборникъ Виленской Публ. Библ., заключающій въ себѣ, между прочимъ, Тайная тайныхъ (о немъ см. ниже), XVI в., л. 79 об. (съ таблицею), имѣютъ слѣдующую статейку:

«Ученіе[2]) луннику, преведено *отъ жидовскихъ книгъ*. Аще хощеши вѣдати поновенье лунѣ, преже увѣдай, кый есть кругъ лунѣ и кый есть кругъ лѣта, и обрѣтши запиши, понеже бо *по еврейску ученію* починокъ круга сего е҃с҃ и ѕ҃, а лѣто ҂е҃с҃к҃ѕ҃-е, а *по нашему* ученью лѣто ҂ѕ҃-ное ц҃о҃д҃ (=1466); а круговъ въ толицѣхъ лѣтѣхъ т҃ и ѯ҃ и з҃. А сій починокъ починается мѣсяцемъ септевріемъ на всяко лѣто».

1) Тихонравовъ (Соч. I, 244) считаетъ заимствованнымъ изъ Шестокрыла Лунникъ въ Слѣдованной Псалтыри. На нашъ взглядъ, этотъ Лунникъ ни по содержанію, ни по языку не имѣетъ ничего общаго съ Шестокрыломъ; судя по всему, онъ — переводъ греческой статьи, основанной на еврейскихъ источникахъ. Не лишнее замѣтить, что этотъ Лунникъ въ сборникѣ Кіево-Михайловскаго монастыря 1483 г. (о которомъ выше, на стр. 409) имѣетъ такую фразу: «Въ лѣто 6740 (=1232) лунному кругу» (л. 259).

2) Виленскій списокъ: Поученье.

Въ напечатанномъ выше текстѣ Шестокрыла нѣтъ важнаго указанія на 1466 годъ; необходимо предполагать, что эта статейка или не имѣетъ отношенія къ Шестокрылу, или заимствована изъ не дошедшей до насъ части Шестокрыла. Можно отмѣтить, что Шестокрылъ употребляетъ слово *початокъ* (въ значеніи: начало), а въ этой статейкѣ употреблено слово *починокъ*[1]).

Тайная тайныхъ.

«Тайная тайныхъ», обширное сочиненіе энциклопедическо-поучительнаго характера, написанное будто бы Аристотелемъ для Александра Македонскаго, явилось на русскомъ языкѣ до половины XVI в. Стоглавъ знаетъ его подъ именемъ «Аристотелевыхъ Вратъ»; Курбскій увлекается имъ, и его идеи о значеніи боярства, выдаваемыя нашими историками за идеи московскихъ бояръ, — не что иное, какъ идеи этого произведенія[2]); старшій списокъ — Виленской Публичной Библіотеки № 222, западнорусскаго происхожденія,—относится къ половинѣ XVI вѣка.

Начало «Тайная тайныхъ» таково:

Сказаніе о сотвореніи книги сея, како и когда сотворена бысть любопремудрѣйшимъ философомъ Аристотелемъ.

Начало: Александръ Макидонскій, дивнымъ житіемъ живы, вѣру же... (разсказывается, какъ Аристотель написалъ Александру поучительную книгу, какъ Александръ его благодарилъ, какъ послѣ его смерти книга досталась Птоломею, египетскому царю, какъ по многомъ времени египтянинъ Патрикій перевелъ ее съ еллинскаго на арабскій языкъ).

Рече Патрикій списатель: Господи направи тя, царю благовѣрный, и укрѣпи тя хранити... (разсказывается, отъ лица переводчика Патрикія, какъ онъ нашелъ книгу).

---

1) Снимки съ двухъ таблицъ Шестокрыла см. въ приложеніи.

2) «Вѣдай, поучаетъ авторъ Тайныхъ Александра Македонскаго, иже бояре — крѣпость земная и честь царская...., они — мура крѣпкая народу твоему».

Книга нарицаемая Тайная тайныхъ, сложенная премудрымъ Аристотелемъ.

Пользуемся списками Рум. Муз. № 626, нач. XVIII в., Синод. Библ. № 359, XVII в. («верховая государя патріарха», со вкладной патр. Никона 1661 г.), и Нов. Іерус. № 160, к. XVII в. Списки Рум. Муз. Унд. № 750, к. XVII в., и Синод. Библ. № 724, 1640 г., начинаются словами: Рече Патрикій списатель. Виленскій списокъ не имѣетъ начала; Холмскій списокъ, о которомъ см. выше (стр. 409, 413), не имѣетъ первой половины сочиненія (лл. 1—47)[1].

Вотъ нѣсколько заглавій главъ по Виленскому списку:

Главизна четвертая: о правители и о писари и о печатнику и о градодръжцы и о тыхъ, (иже) збираютъ дане сего, и о витезехъ и о закасцехъ и о печатникохъ. Начало: Александръ, чти книгу сію многожды...

Главизна пятая: о пути его и о тыхъ, что на путь ходять отъ него и въ посольствѣ отъ него, и о повѣданіи посольствія его. Начало: Александръ, подобаеть ти имѣти зерцало дорожное и образъ міра сего и обычай земскій...

Главизна седьмая: о повѣданіи воевномъ и о образѣхъ полковомъ и о сторожѣхъ, како подобаеть росправити войско, съ кимъ ся бити и съ кимъ ся не бити, и о премудрости парсунной, како заховати царю животъ свой питіемъ и яденіемъ и спаніемъ и порты. Субота. Начало: Александръ, не вымыкайся въ лихое мѣсто на войнѣ...

Здѣсь таблица для гаданья объ исходѣ боя или поединка, съ наставленіемъ, какъ ею пользоваться.

Далѣе: Врата первая: о премудрости парсунной. Недѣля. Начало: Александръ, вѣдай, иже премудрость сяя нужная царю...

Врата 2-я: о премудрости прироженой, исполненіе премуд-

1) Здѣсь листы 9—12 должны находиться передъ 1-мъ листомъ. Въ Сборникѣ Іосиф. № 183, до 1572 г., лл. 125—158,—отрывокъ «Тайная тайныхъ».

рости парсунной подлугъ силы нашея, любви ради твоея. И недѣля. Начало: Вѣдай же сліяніе животное...

Врата 17: познати, которая кручина изсилѣла. Начало: Знаменіе кровавыя си суть...

Врата 18: о купли рабъ и рабынь. Начало: Подобаеть смотрѣти преже смотрѣніи холопова...

Врата 21-я (послѣднія): особная кождому знамяна хороброго. Начало: Груба волосомъ...

Далѣе: Рече Моисей Египтянинъ: хочу, государю, написати, что мя еси просилъ о повѣданіи отруповомъ адовныхъ. Книга же сія дѣлится на двѣ части: 1) часть о кушеніи животовъ ядовныхъ, 2) часть, какъ ся имаеть стеречи отъ окорму, или будеть окормленъ, какъ его имаеть избыти.

Часть 1: о ѣствахъ. Начало: Рече списатель: хочу написати то вѣданіемъ посполитое и недовѣдомо всякимъ лѣкаремъ, но философомъ вѣдомо есть...

Другіе списки имѣютъ въ общемъ тотъ же текстъ, что и Виленскій; но въ однихъ изъ нихъ нѣтъ таблицы для гаданія, а въ другихъ (Синод. Библ. № 723) эта таблица не та, что въ Виленскомъ спискѣ.

Списки Синод. Библ. №№ 359 и 723 и Нов. Іерус. № 160 оканчиваются статьею:

Сказаніе о еллинскомъ философѣ о премудромъ Аристотелѣ. Начало: При Аминфѣ царѣ Макидонстѣмъ бысть еллинскій философъ...

Оригиналъ Тайныхъ — одна изъ редакцій очень распространеннаго на западѣ Европы въ средніе вѣка и въ XV в. сочиненія псевдо-Аристотеля Secretum Secretorum. Мы до сихъ поръ не имѣли случая имѣть въ рукахъ ни одного печатнаго изданія этой книги, и потому не можемъ ничего сказать объ отношеніи нашего текста къ западно-европейскимъ[1]).

1) О спискахъ и печатныхъ изданіяхъ латинскаго текста см. въ ст. *Knust*'а въ *Jahrbuch für romanische und englische Litteratur*, X (1869 г.).

Словарный матеріалъ «Тайная тайныхъ» представляетъ смѣсь, въ которой трудно разобраться.

Въ немъ есть несомнѣнные великоруссизмы: *холопія* (собират.), *кузнецъ*, вѣсъ на *гривенки*, *золотники* и *почки*, что какъ будто говоритъ за великорусское происхожденіе перевода, — но еще больше западно-руссизмовъ и полонизмовъ[1]). Формы аориста и имперфекта и разные церковно-славянизмы нерѣдки.

Грецизмы также нерѣдки и между ними есть поздніе (тюркизмы): Галинъ, Галиносъ, царю *амирю*, *наранзъ*, *кидони*, *марулія*, *стафилій*, *феруза* (бирюза), *фуртунъ* на мори (буря), лѣчити *несловесна* (= ἄλογα?). Но нельзя говорить о переводѣ непосредственно съ греческаго: конь дуцефалъ, въ *олиеѣ* древяномъ, *петрузелья*.

Рядомъ съ ними находится рядъ непонятныхъ словъ. Нѣкоторыя изъ послѣднихъ по справкѣ оказываются еврейскими. Вырѣжи на перстнѣ «образъ *бтулинъ*, иже хоробруетъ и ѣздитъ на *кфирѣ*». Въ этой фразѣ первое непонятное слово есть евр. betula дѣвушка, знакъ зодіака дѣва, а второе — евр. k'fir левъ, знакъ зодіака левъ. «Луна въ образѣ *сарафѣ*» (списокъ Синод. Библ.). Здѣсь евр. saraf серафимъ. «Будетъ на немъ *шюма*, веди его въ лазню». Здѣсь евр.-талмудич. schuma наростъ, бородавка. Прилагательное *гіюльный* несомнѣнно находится въ связи съ существительнымъ *гіюли*, *гіюль*, отмѣченнымъ нами въ Логикѣ, и связываетъ Тайная тайныхъ съ этимъ послѣднимъ текстомъ[2]). Собственныя имена арабскихъ ученыхъ звучатъ по-еврейски: *Авенроштъ* (= средневѣк. лат. Averroes, Averroys), *Авенсина* (= средневѣков. лат. Avicena, Avicenna). Наставленія медицинскаго содержанія излагаются не отъ лица Аристотеля, а отъ

1) Отмѣтимъ: да *лаетсм* (=стережется) всякое речи ганебное, учинить изъ селянина бояриня, а зъ бояриня *витязя* (срв. хорв. vitez = Ritter). Мы пользуемся Виленскимъ спискомъ.

О языкѣ Вил. списка (послѣдній имѣетъ тѣ же великоруссизмы, что и другіе списки) см. *Карскаго*, Къ исторіи звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи. Варш. 1893.

2) Сверхъ того, Тайная тайныхъ, какъ и Логика, имѣютъ слово *самость*.

лица «Моисея Египтянина», то-есть, Моисея Маймонида[1]). Наконецъ, въ значеніи: отдѣлъ, глава, употребляется слово *врата* («главизна 1 имать *врата* четвера...»), а въ значеніи: ученый, мудрецъ, — слово *фарисей* («якоже рекуть *фарисеи* арапьскіи...»).

Лопаточникъ.

Книга отъ *Петра Египтенина*, иже научаются вѣдати неисходимаго плеча овець, занже проявляеть знаменіе, что имъ надобеть въ разумъ вложити.

Начало: Глаголемъ, яко всихъ плеча на разумъ иже...

Это небольшое произведеніе, посвященное гаданью по бараньей лопаткѣ, издано *М. Н. Сперанскимъ* въ «Памятникахъ Древней Письменности», 1900 г., съ свѣдѣніями объ употребленіи этого гаданія у византійцевъ и у народовъ востока[2]).

Заглавіе его говоритъ объ Петрѣ Египтянинѣ, лицѣ совершенно неизвѣстномъ изъ другихъ источниковъ. Языкъ, западнорусскій, отличается неудобопонятностью и обиліемъ своеобразныхъ выраженій. Мы читаемъ: *неисходимаго* плеча овець (по изданію г. Сперанскаго стр. 26), обратити того плеча на вышшее *рамо* (стр. 26), или узриши вышшую *раму* посреди гбежи на лѣвой странѣ (стр. 31), вышедши *рамѣ* яко тучю черну (стр. 31), кровь съ черненью прогнанія кажеть цареви сѣдящему во власти коей-любо *близъ* царя, въ него мѣсто намѣненаго (стр. 30), миръ являеть, яко противникомъ *не совокупиться межи собою на мечъ* (стр. 31), любо побѣдишь, любо *побѣду пріимешь отъ нихъ* (стр. 30), *побѣду пріимуть*, но убѣжати безъ пакости (стр. 31),

---

1) Упоминаются еще, съ приведеніемъ ихъ словъ, ученые: *Ромосъ* или *Ромасъ*, *Авензопаръ* (=средневѣков. лат. Avenzohar, Avenzoar), *Галиносъ*, *Ипократъ*; «книга Пакратова нарицаемая *Перишлаи*».

Отмѣтимъ: «зри на *люди нѣмецькія*, ... коль дурныя и безстужы...», «у татаръ и *францусовъ* и у *прусовъ*...» (списокъ Синод. Библ. 1640 года: «у татаръ и у *францусовъ* и у *персовъ*»).

2) На западѣ гаданіе по лопаткѣ неизвѣстно.

аще *исполнишь будешь полки своя*, лутши *оз невѣдомъ* возвратитися (стр. 31), и т. п.

Эти выраженія таковы, что не получають объясненія изъ извѣстныхъ намъ языковъ, и вопросъ объ языкѣ оригинала Лопаточника остается открытымъ.

Единственное, что обращаетъ на себя вниманіе въ текстѣ Лопаточника, это—нѣкоторое сходство его языка въ общемъ съ языкомъ Логики: та же своеобразность, та же западно-русская окраска, то же присутствіе церковно-славянскаго элемента (*аще*, *страна* и т. п.), наконецъ нѣсколько словъ тѣхъ самыхъ, которыя находятся въ Логикѣ: *намѣнити* (= задумать), *заньже*, *занеже* (=такъ какъ), *иже* (=что, если); сравни въ Логикѣ: *мѣнити*, *заньже*, *иже*. Большаго сходства языка Лопаточника съ языкомъ Логики нельзя и ожидать въ виду полнаго различія этихъ двухъ произведеній по содержанію.

Въ виду этого позволительно подозрѣвать въ Лопаточникѣ одно изъ произведеній литературы жидовствующихъ[1]).

Астрологическія статьи.

Западно-русскіе сборники, которыми мы выше воспользовались, заключающіе въ себѣ произведенія литературы жидовствующихъ, заключають въ себѣ еще нѣсколько статей, переведенныхъ не съ еврейскаго, изъ которыхъ нѣкоторыя какъ будто имѣютъ отношеніе къ жидовствующимъ. Всѣ эти статьи—астрологическаго содержанія.

1) Предословіе о поесехъ небесныхъ, что ся глаголютъ *по еврейскому языку* небеса, и о седми звѣздахъ великихъ, иже ся наричють планеты. Да навыкнемъ....

Здѣсь, между прочимъ: По *Дамаскинѫ* убо поясы наричются, *по-еврейски* небеса. Обычай бо писанью и воздухъ нари-

1) Лопаточникъ включается въ индексъ запрещенныхъ книгъ (Кириллова книга 1644 г.).

цати...; 9-е небо, на немже *араветъ* звѣзда...; якоже *Дамаскинъ* есть рекъ...

Находится въ Виленскомъ сборникѣ, послѣ Тайная тайныхъ (см. стр. 419), лл. 60 об.—61 об. Срв. выше, стр. 137.

2) О седми звѣздахъ великихъ, яже ся наричются планеты, о силе ихъ и о ходу и о домехъ ихъ.

Пѣрвая планета рекомый Кронъ, а держить суботу, а стоить надъ Русью, надъ Новымъ городомъ и надъ Москвою и надъ Литвою; а домы его — козей рогъ и водолей....

Третья планета ариесъ, а держить вовторокъ, а стоить надъ Угорьскою землею и надъ Ческою и надъ Волош(с)кою...

А пятая планета Афродитъ, а держить пятокъ, надъ Индейскою землею и надъ Вавилонскою....

Седмая планета (названія нѣтъ), понедѣльникъ, а стоить надъ Римскою землею и надъ всимъ заподомъ....

Между прочимъ: стережи себѣ онехъ звѣзд*ахъ* (л. 63 об.).

Находится въ томъ же Виленскомъ сборникѣ, лл. 61 об.—66. Срв. выше, стр. 141.

3) Сказаніе о седми планетахъ, сиречь великихъ моцьныхъ звѣздахъ.

Солнце—языкъ женьскій, а она седить во счастьи, и во всякомъ счастьи 30 дней и 10 часовъ и полчаса; а хто пріидеть...

Апродитъ и она — языкъ женьский, и она земля, седить во счастіи...

Ėрмій вѣтръ — мужикъ. А хто пріидеть пытати....

Кронъ — мужикъ, въ счастіи седить.... для паробка, или для робы, или для *жидовина*...

Зевесъ, счастие ей красно, мужикъ, земля, седить во всякомъ счастіи....

Находится въ томъ же Виленскомъ сборникѣ, лл. 71—72.

4) Осени (?) 12 звѣзды, што владѣють къ 12 частьямъ (?) человѣческимъ; есть межи ими, што ся слюбять, а есть межи ими, што ся гневають. Солнцю служить лѣвъ. Лунѣ служить ракъ. Аріу служить овень и шкорпія... Афродиту служить *туръ* а весы...

Находится въ томъ же Виленскомъ сборникѣ, л. 73.

5) А коли хочешь вѣдати каждого человѣка звѣздѫ его, прочти имя его и имя матери его, мечи 9-ти и прочии (?). А коли останется....

Находится въ томъ же Виленскомъ сборникѣ, л. 74 слѣд. Срв. выше, стр. 141.

6) **Сказаніе о седми звездахъ великихъ** и которыи ся зодеи которымъ звездамъ служатъ. Сѫб(ота). Пѣрвый Сатарнусъ.... (изъ Виленскаго списка).

Между прочимъ: Цветъ (Сатурна), албо барва чарна. Дръжить подъ собою 2 домы, одинъ, в которомъ онь сътворенъ, то есть каприкорпусъ, козій рогъ, зимного прироженья, сѫхого и студеного. А пишется такъ онъ (изъ Холмскаго списка).

Я есми козелъ,	Я тымъ козеліа,
Яко злый посолъ,	Козлы и поселіа.
Я крови николи не пущаю.	Крови не пущаю,
Бо в томъ части я не имаю;	Никды бо в томъ счастья не маю.
Редко сердца въ мнѣ веселятся,	Не бы во мнѣ моцна.
Не бывають въ мнѣ танца.	
Я в лазню не вхождаю,	А до лазни не доходзаю,
Бо в томъ здровья не доваю.	Бо в томъ здоровія не ведаю.
На оба поддана,	Мне колена полѣцена,
Абы отъ злого защичена,	Бы отъ злаго захована.
(М)не цветность черная дана,	Мнѣ есть барва дана черна,
Бо у томъ жалость приодена.	Бо в томъ жалость приодяна.
Коли наставаеть въ мнѣ мѣсяць, день злостивы, ко всему недобры; а коли вполнѣ, тогды злостиво же.	Кды наста во мнѣ мѣсяць, день злостливъ, ко всему есть злый; кды противно, есть злостливо.
(Изъ Холмскаго списка).	(Изъ Виленскаго списка).

Другій домъ Сатурновъ. Аквариусъ есть водолей, прироженья есть повѣтреного, теплого и мокрого; а онъ ся пишетъ такъ.

Я есми водка чорныхъ матка,
Гневливыхъ правая служка.
Я изъ жилъ завжды кровь пущаю,
А голени ся не дотыкаю...

(Изъ Холмскаго списка).

Такимъ же образомъ даютъ опредѣленіе себѣ и прочіе знаки зодіака.

Находится въ сборникахъ Виленскомъ (л. 67 сл.) и въ Холмскомъ (л. 103 сл.); въ послѣднемъ безъ заглавія и начальныхъ словъ. Языкъ, болѣе польскій, чѣмъ русскій, — страшно искаженный. Оригиналъ, несомнѣнно, — на польскомъ языкѣ, частію въ стихахъ.

7) Безъ заглавія.

Еріесь землю дръжить первую Парсію, Британію, Влоскіе страны, Ерманію, Алманію, Кра(ко)вскую землю, послѣднею Часткою землю, тежь и где Каѳа стоить. Места его: Краковъ с третьимъ лицомъ и с первымъ лицомъ юнцовымъ, Верона, Плоцко, Флеренціа а Антіохіа...

Таврусъ землю одръжить подле берега морскаго и где Канстинтинополь, Татарскіи поля, Белую Русь, где Новгородъ стоить, тежь Великую Польску пръвымъ лицомъ. Мѣста его: Парижь, Бононіа, Констянтина градъ, Ерусалимь...

Саитариусъ землю дръжить Утанскѫю и Угорскую, Склавскую землю, частку дръжить и в Ческой земли и Моровскѫю землю. Места его: Будавица...

Каприкорнусъ землю дръжить Арпскѫю и двое море до Индіи и Макидонію, полземли Грецкое, тежь Литовскую ис сторанами к Литве прислухаючими. Мѣста его: Фармиумъ и Ошмена, Вилня....

Находится въ Холмскомъ сборникѣ (л. 150 сл.), непосредственно послѣ предъидущей статьи. Языкъ — западно-русскій, со множествомъ полонизмовъ. Срв. выше, стр. 145.

Ни въ одной статьѣ, которую бы можно почему-либо при-

знать принадлежащею къ литературѣ жидовствующихъ, нѣтъ разсказа о звѣздѣ *цигръ*; между тѣмъ подобная статья должна была не только существовать, но и пользоваться значительнымъ распространеніемъ: изъ нея повѣствованіе о *цигрѣ*, *чигрѣ*, *чигирѣ* перешло въ русскія астрономическія и астрологическія компиляціи[1]). Слово *цигръ*, повидимому, не что иное, какъ еврейское названіе планеты Венеры zohar въ какомъ-нибудь мѣстномъ произношеніи.

Ни въ одну статью, намъ извѣстную, не входятъ органически свѣдѣнія о связи знаковъ зодіака съ ангелами (*Кавцыемъ*, *Цаденикъ*, *Анноелъ* и др.) и мѣсяцевъ съ сыновьями Іакова, которыя входятъ въ составъ описаннаго нами выше (стр. 138) Уваровскаго сборника.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Русская статья по астрономіи.

Прежде всего — изображеніе печати премудраго царя Соломона (см. выше, стр. 226).

Затѣмъ:

Сказаніе царя Соломона, что есть печать большая, откуду, какъ ему приде.

Егда Соломонъ пріятъ царьство, отъ рожденія своего въ двадесятъ пятое лѣто, и тогда возсташа на него вси царіе, емуже бо еще младу сущу. Нача же Соломонъ тужити и просити у Бога премудрости, а не царьства. И даде ему Богъ премудрость по его прошенію; и вся книги прошедъ и звѣздочетію навыче и

---

1) Одна изъ нихъ слѣдуетъ за симъ, въ приложеніи I. Другая: «О добрыхъ зодіяхъ и злыхъ и посреднихъ»,—въ сборникѣ Рум. Муз. № 12; въ «Описаніи» Востокова, стр. 15, приведенъ отдѣлъ, говорящій о звѣздѣ *чигирь*. См. еще *Перетцъ*, Матеріалы къ исторіи апокрифа и легенды. II. Къ исторіи Лунника, стр. 24, 29.

небес(н)ымъ планетамъ, и *бѣги небесныя*[1]), и *како на поясѣхъ звѣзды* ходятъ, и земля и море, и за сколько лѣтъ, и что въ тѣ лѣты сотворится, и о лѣтѣхъ прибылыхъ, и како и куды тѣ лѣта идутъ, и что на четвертой годъ прибудетъ, и гдѣ положены и како обрѣтаются, в коихъ лѣтѣхъ, и размѣрилъ, по скольку часовъ большихъ въ годъ прибудетъ и по скольку часовъ дробныхъ въ часу большомъ и по скольку точекъ въ дроби[2]), и въ дроби сколько границъ на всякъ день прибудетъ, и въ коликихъ точкахъ и д(р)обяхъ соберется большой часъ, и сколько на день прибудетъ того большаго часа. То все развелъ Соломонъ царь своею мудростію, каковъ къ чему часъ и въ часу дробь и точка и граница во дни или въ нощи, и *въ коемъ часу куда ходити или ѣхати* или *зъ* сильнымъ стрѣчатися, и *коло* земли тутъ же ввелъ и *отокъ* морскій, границы землій положи и вервь протягну и въ ней воздушное шествіе, и повелѣ камень добыти въ Еѳіопіи аѳраксъ зеленый и постави его въ чистомъ златѣ и сдѣлати перстень повелѣ и вырѣзать на немъ печать сію, *чтобъ* всегда взирати на него и на печать его, куда поѣдетъ или куда пойдетъ и что гдѣ будетъ, на войнѣ или гдѣ-нибудь. Мастеръ печать ему, царю Соломону, рѣзалъ въ той перстень р҃, р҃, р҃, р҃, ѯ҃, і҃, д҃, б҃, и҃, е҃. Аще кто хощетъ мудръ быти, тогда приложи къ симъ числамъ ушеса своя. Имя всей мудрости введе въ печать сию. Еще бо имя ему т҃, т҃, т҃, р҃, н҃. Отъ сего много царь Соломонъ взялъ мудростей. По многихъ же лѣтѣхъ, како Соломонъ созидалъ святая святыхъ храмъ, егда сивилла восхотѣ сѣсти на честное древо, попали ея огнь отъ того честнаго древа, понеже что быти на томъ древѣ распяту Сыну Божію. И восхотѣла молвити, егда же опалена бысть: о треклятое древо! И внезапу духъ приде на нея и глагола: о треблаженное древо![3]) Бесѣдова же Соломонъ съ нею. Приложили еще къ той же печати *землемѣріе* и многія мудрости

---

1) Срв. выше, стр. 132.

2) Срв. *дробль* = минута въ Шестокрылѣ (выше, стр. 414).

3) Срв. сказаніе о крестномъ древѣ. *Тихонравовъ*, Пам. отреч. русск. литературы, I, 311.

внесенны въ нея, халдѣйскія и перскія и аѳинскія и еллинскія, латинскія и скиѳскія, *словенскаго языка* и иныхъ многихъ. Есть бо въ ней Духъ Святый разума, аще кто хочетъ разумѣти времена и лѣта, токмо не всякому держащемуся тѣхъ статей; не бранитъ бо, кто и держится ихъ; токмо достоитъ въ сердцы Бога имѣти и страха его боятися; таковый осудится зъ симъ х҃. т҃. р҃. п҃., се бо того есть имя: т. с. р. р. г. Кто хощетъ, и уразумѣетъ имя его, что суть. Приложити къ симъ числомъ х҃. ѯ҃. ѕ҃, ту будетъ плачь и скрежетъ зубомъ въ мукахъ безконечныхъ....

Нынѣ же побесѣдуемъ, что пишетъ въ писаніи о неизреченной премудрости Божіи, яко той исперва сотвори, но нѣчто возьмемъ отъ *богословецъ*. Что Давидъ глаголетъ: небо небеси Господь, и то убо *седмь поясовъ небесныхъ*[1]), не о томъ глаголетъ небѣ, но о томъ небѣ, которое всѣхъ выше небесъ, о немже Давидъ глаголетъ: и вода яже превыше небесъ; не про видимую глаголетъ воду, но про невидимую. Та убо вода огустися Божіимъ повелѣніемъ яко кристаль свѣтовиденъ, сирѣчь покровъ всѣхъ превыше небесъ. И сотвори Богъ седмь поясовъ небесныхъ, сирѣчь небесъ, и всѣ равны сотворилъ; выше же небесъ почиваетъ самъ Господь Богъ; а на коемждо небеси постави служеніе и по чиномъ раздѣли и по достоинству украси ихъ всѣхъ равно, и даде имъ дѣло сіе—пѣніе непрестанное, хвала и великолѣпіе Божіе. И есть же н(а) поясѣхъ чини: первый чинъ—учительный, вторый — повелительный, третій — промыслительный, четвертый — служительный, пятый — научительный, шестый же — разлучительный, седмый во иныхъ потребахъ готовы. На первомъ убо небеси ангели, на второмъ убо архангели, на третіемъ начала, на четвертомъ власти, на пятомъ силы, на шестомъ господства, на седмомъ херувими и серафими еще же многоочитіи, на нихъже почиваетъ Богъ Слово и Духъ Святый. Превыше же Бога Отца (и) Слова — покровъ. Не можетъ бо того покрова зрѣти никтоже.... (объ ангелахъ).

1) Срв. выше, стр. 424.

Паки побесѣдуемъ *о небеси и о планетахъ* небесныхъ. На седми бо поясѣхъ небесныхъ красоты хожденія положи, сирѣчь *звѣздное теченіе*, како звѣзды ходятъ по поясомъ небеснымъ.

На первомъ убо небеси утверди звѣзды и постави имъ старѣйшиною звѣзду *Кронъ*, еже именовашеся гречески. Та звѣзда Кронъ всѣхъ звѣздъ надзираетъ и весь поясъ обтекаетъ, но токмо единъ поясъ знаетъ, а выше того пояса не ходитъ. Кронъ бо во звѣздахъ свѣтла, а восходитъ она съ полуденную страну. А ходитъ бо она не тако, якоже иные звѣзды. Солнце и луна ходитъ къ верху и небо преходитъ; а она идетъ къ верху до полунеба, то бо именуется поясъ небесный. А дано ей хожденіе таково: двѣ звѣзды по сторонамъ а она среди ихъ третія, симъ образомъ, *якоже зриши здѣ*[1]). А дано ей отъ Бога величество—знаменуетъ о земныхъ плодахъ, гдѣ быти плоду, или гдѣ не быти. Егда бо взойдетъ, скоро изъ тѣхъ дву звѣздъ вытечетъ, и въ кую страну пойдетъ и станетъ, въ коей странѣ блѣдна видомъ и зракъ свой премѣнитъ Кронъ, то въ той странѣ будетъ гладъ великъ. А егда веселующися блещетъ и ходитъ равно съ тѣми звѣздами, то добры на земли плоды будутъ. Кронъ бывый нѣкто человѣкъ, прежде жрецъ идольскый, злый чародѣй и творя людемъ добро и зло чары своими; дано бо ему отъ Бога добро, а отъ діявола зло. А сія звѣзда своимъ зракомъ являетъ на земный плодъ, добро же и зло, и назваша ту звѣзду Крономъ и ради чаровъ его поставиша мудрецы въ звѣзду на поясъ небесный, что тогда люди поклонялися ему, а Бога не знали, и ради его чаровъ внесохомъ его на небо въ звѣзду.

А на второмъ убо небеси звѣзда луна, нарицается *Зевесъ*... (ссылка на «подобіе», «якоже зриши»). Зевесъ бо человѣкъ бывый, сынъ Кроновъ, и уби отца своего Крона и обрѣза ему тайныя уды и кинулъ въ море отца своего. И начаша люди поклонятися по отцѣ его ему, Зевесу. И потомъ Зевесъ такія чары творяше, громи же и молнія, огни же и вѣтри, и снѣзи, и дожди

1) При оригиналѣ были рисунки или чертежи?

велицы, все то напущалъ на землю, и по воздуху леталъ; самъ бо въ громѣ и молніи прихождаше къ людемъ, и бывый злый блудникъ, яко и мертвыхъ дѣвицъ красныхъ во гробѣхъ не спущалъ. А на рожденіи его мати умре, яко не можаху его родити, но люди его изъ боку у матери его вырѣзали и выняли изъ утробы матери его. А матери его бокъ зашили, и паки оживе. Таковъ Зевесъ былъ золъ, яко и матери (отцу?) своей тайныя уды вырѣзалъ и огнемъ сжегъ. И ради чаровъ его и злости поставили мудрецы въ звѣзду на второмъ поясѣ небесномъ и нарекоша сію планету въ его имя Зевесъ, что яра.

А на третіемъ небеси царское блистаніе, сірѣчь солнечное хожденіе *чигиря* звѣзды. Чигирь бо звѣзда именовашеся *сирскимъ* языкомъ. Чигирь предъ солнце(мъ), аки бояринъ царевъ. Царь идетъ, тогда болярииъ показуетъ приходъ царевъ; люди его боятся прежде царя. И егда царь пріидетъ, тогда его не знать будетъ. Таковъ бо предъ царемъ чигирь показуетъ предъ солнцемъ, блещущися веселится и велитъ всѣмъ людемъ царя ждати. Тако и чигирь звѣзды устрояетъ, а егда же солнцу восходити будетъ время, тогда чигирь поидетъ во свое мѣсто, потомучто она не на томъ поясѣ утвержена, она на седмомъ поясѣ, токмо показуетъ восходъ солнечный. Якоже бо воинъ царевъ, егда предъ царемъ очиститъ путь и устроитъ хожденіе, а самъ паки возвратится во уготованное ему мѣсто свое, дондеже царь по него пошлетъ; а тамо пребываетъ, гдѣ службу свою служитъ. Такожде и чигирь звѣзда показуетъ солнечный востокъ, а сама обтечетъ всѣ поясы небесныя до седмаго небеси, гдѣ сама она пребываетъ.

На третіемъ же убо поясѣ небесномъ ходитъ звѣзда *заря* предъ солнцемъ, день и нощь безъ престани. Имѣетъ же она въ себѣ силу такову. Егда быти ведру и дождю, звѣздамъ бо покажетъ царя, сірѣчь солнце, и потомъ поидетъ въ нощь; звѣзды бо учнутъ восходити и являтися на поясѣ небесномъ, а та звѣзда заря въ вечерней зорѣ идетъ надъ солнцемъ, блещется, еже въ то время близъ хожденія сущу; а еже солнце утаилось, и пока-

зуетъ она, у брега свѣтло блещется и намъ мнится, что скачетъ, и то знаменуетъ ведро, и ясно будетъ. А егда же звѣзда заря румяна явится, тогда знаменуетъ дождь или снѣгъ или мракъ, а не ясно. А *чигирь* тогда стоитъ на востоцѣ, блещется. Егда же солнце познаетъ западъ свой, тогда чигирь спрятываетъ лучь свой и поидетъ во обтекъ всѣхъ поясовъ...

Далѣе не разъ говорится опять о чигирѣ, но это не представляетъ уже интереса.

Имена планетъ — греческія.

Несомнѣнно, въ этомъ текстѣ мы имѣемъ дѣло съ компиляціею, составленною въ Московской Руси не позднѣе конца XVI вѣка, на основаніи источниковъ греческаго происхожденія и литературы жидовствующихъ.

Языкъ — церковно-славянскій плохой и сбивающійся то и дѣло на русскій.

Мы пользуемся скорописнымъ спискомъ Публ. Библ. Погод. № 1561, XVII в., л. 88 сл.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Книга „Эсѳирь".

Описывая списокъ Геннадіевой библіи 1499 г., Горскій и Невоструевъ остановились, между прочимъ, на текстѣ первыхъ 9 главъ книги «Эсѳирь», тѣхъ главъ, которыя одни только и извѣстны въ еврейскомъ оригиналѣ. Они нашли, что ихъ «переводъ не древній» и что онъ сдѣланъ непосредственно съ еврейскаго языка. Въ примѣчаніи у нихъ мы читаемъ: «Есть извѣстіе, что у насъ былъ сдѣланъ и переводъ Псалтыри съ еврейскаго языка при м-тѣ Филиппѣ I (1464—1473).... *Можетъ быть*, не задолго передъ тѣмъ явился и переводъ книги Эсѳири»[1]). Архіеп.

1) *Описаніе*, I, стр. 53 слѣд.

Филаретъ и Галаховъ повторили предположеніе Горскаго и Невоструева, что переводчикъ «Эсѳири» — то же лицо, что и переводчикъ еврейской Псалтыри (т. е. Ѳедоръ Еврей). Тихонравовъ въ своемъ извѣстномъ разборѣ «Исторіи русской словесности» Галахова заявилъ уже рѣшительно: переводъ «Эсѳири» сдѣланъ въ концѣ XV вѣка и «почти несомнѣнно Ѳедоромъ Евреемъ».

Востоковъ, описывая Румянцевскій списокъ библіи, отозвался о переводѣ «Эсѳири» иначе: онъ, по его мнѣнію,—древній. Мнѣнія Востокова объ языкѣ, съ котораго сдѣланъ этотъ переводъ, мы не знаемъ. Приведенный отзывъ знаменитаго филолога остался у насъ незамѣченнымъ. А между тѣмъ, хотя бывшій въ рукахъ Востокова списокъ — поздній, этотъ отзывъ заслуживаетъ полнаго вниманія.

Прежде всего — мы знаемъ списокъ «Эсѳири» (Публ. Библ. Q. I. 2), если не конца XIV, то по крайней мѣрѣ начала XV вѣка [1]). Этотъ фактъ, до сихъ поръ бывшій неизвѣстнымъ нашимъ ученымъ, устраняетъ предположеніе объ участіи въ переводѣ Ѳедора Еврея.

Затѣмъ, разсматривая данныя языка [2]), мы видимъ рядъ древнихъ чертъ: правильныя древнія формы имперфекта, аориста, plusquamperfect'а, сослагательнаго наклоненія, описательныя формы въ родѣ: *бяше пѣстуя* домачадицу сироту, не *бяше* Есѳирь *повѣдающи* рода своего, супинъ: сѣде пи*тъ*, нечленныя формы прилагательныхъ: въпльмь велик*ъмь* и гор*ком*(ь), къ вратомъ царев*ъмь*, въ одежи сукнян*ѣ*, бяше так*ъ* уставъ царевъ, древнія формы именъ, въ родѣ: на кон*и*хъ, Есѳир*и* царице (зват.), двѣма десят*ьма*; наконецъ, синтаксисъ древній: речи седми старост*ъ* (родит. п. при числительномъ *семь*), дъступиши царств*а* (род. безъ предлога), удолѣша враго*мъ* (дат.).

Словарь «Эсѳири» указываетъ вмѣстѣ и на древность, и на русское происхожденіе текста. Мы находимъ въ немъ рядъ

1) Другой списокъ того же времени — Троицк. Л. № 2.

2) Мы пользуемся только что упомянутымъ спискомъ Публичной Библіотеки.

словъ, извѣстныхъ намъ изъ древне-русскихъ памятниковъ: вьрвьми *шьлковыми*, ушьвъ *шьлковъ*, *тіунъ*, *староста*, *приставъ*, *капь* (мѣра вѣса), *днѣшній* (внутренній; сравн. Лѣтоп.), не прихожаше *лапь* къ царю (Дан. Пал.), *желя* июдѣомъ бяше (Слово о полку Иг.), *жельнъ* (скорбенъ), речеши *ать* повѣсять Мардъхая, заповѣдалъ ей *а бы* не повѣдала, уставити *а быша* творили, не *рачи* прити (не соблаговолила). Сверхъ того, въ немъ есть нѣсколько словъ такихъ, которыя намъ изъ другихъ текстовъ неизвѣстны: *чьрвь* (багряница), *лептугъ*, *лептужьнъ* (?), вредити мужь своихъ (почитать), *обряку* (= обрящу дважды).

Наконецъ, не излишне отмѣтить находящіяся не только въ спискѣ Публичной Библіотеки, но и въ другихъ слова *охв*ота (съ *хв*, какъ въ западно-русскихъ и псковскихъ текстахъ), *охв*отьнъ, бър*зд*ый (съ *зд*, какъ въ западно-русскихъ текстахъ).

Текстъ «Эсѳири» не отличается ясностію; очевидно, переводъ сдѣланъ буквально.

Съ какого языка переведенъ этотъ текстъ?

Прежде всего обратимъ вниманіе на выраженіе: мѣсяць тевеѳъ по жидовьскому, а *по-гречьску* декябрь.

Далѣе, заслуживаютъ быть отмѣченными греческіе обороты: *бысть егда* глаголахуть, боляромъ земнымъ и иже ихъ *о немъ* (сравн. περὶ αὐτόν).

Но особенно важными намъ кажутся звуковыя особенности еврейскихъ собственныхъ именъ: Ес*ѳ*и*рь (постоянно *и* на мѣстѣ еврейск. *е*, греч. *η*), *В*изъса*нъ* (= евр. *Б*из'та), Хар*в*ува*нъ* (= евр. Харбона), *В*игъѳа*нъ* (= евр. *Б*иг'та), Ваа*в*ахѳа*нъ* (=евр. ва А*б*аг'та)[1]. Они указываютъ на греческій языкъ оригинала.

Послѣднія четыре имени стоятъ въ формѣ дат. п. послѣ глагола *рече*. Если предположить, что греческій оригиналъ имѣлъ, на

1) Свѣдѣніями о еврейскомъ произношеніи этихъ именъ мы обязаны любезности А. Я. Гаркави.

Вотъ фраза, гдѣ находятся послѣднія четыре слова: «вънегда ся удобряше мысль царева въ винѣ, и рече Емууманови и Визъсану и Харвуванови и Вигъѳану и Ваавахѳану и Зъвихѳару и Варкохасу» (л. 241 об.).

мѣстѣ формы дат. п., предлогъ πρὸς съ формою вин. п.,—будетъ ясно происхожденіе окончанія *нъ* этихъ именъ: оно не что иное, какъ греческое окончаніе формы вин. п. ед.

Итакъ, наша «Эсѳирь» переведена въ Россіи въ XI—XIII вѣкахъ, съ греческаго языка. Греческій оригиналъ былъ переводомъ отличнымъ отъ перевода 70-ти, повидимому, до нас не дошедшимъ [1]).

Западно-русскія особенности въ языкѣ «Эсѳири», нами указанныя, свидѣтельствуютъ, кажется, лишь о томъ, что дошедшіе до насъ списки Эсѳири восходятъ къ древнему западно-русскому списку.

---

1) Возраженія И. Е. Евсѣева противъ нашего мнѣнія о переводѣ «Эсѳири» съ греческаго и защита имъ мнѣнія о переводѣ съ еврейскаго, на нашъ взглядъ, не выдерживаютъ критики.

Онъ говоритъ: «Одну только маленькую прибавку къ сплошному переводу съ масоретскаго (еврейскаго) можно, повидимому, *ставить въ связь съ греческимъ* текстомъ: въ мѣсяць десятый глаголющійся тевеѳъ по жидовскому, а по-гречески декабрь. Подобныя поясненія есть и въ другихъ мѣстахъ.... Несомнѣнно, Лукіановъ (греческій) текстъ *не могъ повліять* на указанныя славянскія вставки, и ихъ слѣдуетъ объяснять вліяніемъ вообще на славянскаго книжника книжной византійской традиціи». *Извѣстія Ак. Н.*, т. VIII (1898 г.), стр. 342—343.

Какъ ни слабо это объясненіе Евсѣева, другое его объясненіе еще неудачнѣе. Онъ говоритъ: «Есть три имени, у которыхъ *-нъ* не имѣетъ оправданія въ масоретскомъ оригиналѣ, но имена эти стоятъ въ томъ стихѣ, гдѣ въ сосѣднихъ именахъ (?) былъ вполнѣ явный соблазнъ (?!) для такой невинной (?!) прибавки» (стр. 342). Срв. два послѣднія имени этого стиха (стр. 435, пр.).

Единственный фактъ изъ указанныхъ Евсѣевымъ, на нашъ взглядъ, важный,—звукъ *ш* въ словѣ Тере*шь*; онъ какъ будто свидѣтельствуетъ въ пользу перевода прямо съ еврейскаго. Но должно замѣтить, что звукъ *ш* мы изрѣдка встрѣчаемъ въ текстахъ, переведенныхъ въ до-монгольской Руси, судя по всему, съ греческаго, въ не-греческихъ именахъ. Такъ, въ повѣсти объ иверской (=грузинской) царицѣ Динарѣ находятся мѣстныя названія: *Ш*амахія или *Ш*амагія, *Ш*арбенской или *Ш*ирбенской монастырь. Или, въ повѣсти о снахъ царя Мамера есть собственное личное имя *Ш*аики*ш*а или *Ш*аха*ш*а. Или, въ одной редакціи апокрифа о 12 пятницахъ мы читаемъ названіе города *Ш*ептаилъ (*Тихонравовъ*, Пам. отр. р. литер., II, 323).

Съ *б* въ имени тіуна въ «Эсѳири» *Б*ихванъ сравни *б* въ ра*бб*и въ Зографскомъ Ев.

VII.

Кто былъ первый русскій библіографъ?

Титулъ «отца славяно-русской библіографіи» долгое время принадлежалъ Сильвестру Медвѣдеву. Его далъ Медвѣдеву покойный В. М. Ундольскій, открывшій и издавшій въ 1846 г. (въ *Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Др.*) найденный имъ между рукописями Московской Синодальной Библіотеки библіографическій трудъ второй половины XVII в.: «Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ» (№ 828)[1].

«Оглавленіе» дошло до насъ только въ одномъ экземплярѣ, судя по всему, въ оригиналѣ автора. Въ виду этого Ундольскій обратилъ вниманіе на почеркъ рукописи, и найдя въ немъ сходство съ почеркомъ черновыхъ писемъ Медвѣдева, призналъ «Оглавленіе» за трудъ Медвѣдева. Такимъ образомъ онъ основалъ свое мнѣніе *единственно* на сходствѣ почерковъ. Но сходство это, по нашему мнѣнію, мнимое.

Если мы вглядимся въ почеркъ «Оглавленія» и въ скорописный почеркъ писемъ Медвѣдева (хотя бы на снимкѣ, приложенномъ Ундольскимъ къ его изданію «Оглавленія»), то увидимъ, что все сходство этихъ двухъ почерковъ заключается въ томъ, что они оба мелки. Во всемъ другомъ, и въ общемъ ихъ харак-

1) Выше намъ приходилось не разъ ссылаться на этотъ памятникъ.

терѣ, и въ начертаніи отдѣльныхъ буквъ, они совершенно различны.

Далѣе, если мы обратимся къ тому, что описано въ «Оглавленіи», то окажется, что изъ книгъ (печатныхъ и рукописныхъ), имѣющихъ хронологическую дату, послѣдняя по времени относится къ 1665 году. Это «Небо Новое» Іоанникія Галятовскаго. Такъ какъ въ «Оглавленіи» не упомянуты вышедшія въ 1666 году «Жезлъ Правленія» Симеона Полоцкаго и «Мечъ Духовный» Лазаря Барановича, книги, которыя (особенно первая) пользовались значительною извѣстностью и распространеніемъ въ Москвѣ, гдѣ несомнѣнно работалъ нашъ первый библіографъ, то поэтому время составленія «Оглавленія» должно быть относимо или къ концу 1665 или къ 1666 г. Въ то время Медвѣдевъ былъ еще молодымъ подьячимъ и только что начиналъ свое образованіе подъ руководствомъ Симеона Полоцкаго [1]). Само собою разумѣется, онъ былъ тогда не въ состояніи не только исполнить, но даже предпринять такой трудъ, какъ «Оглавленіе»; сомнительно, чтобы ему могли тогда быть доступны библіотеки патріарха, Чудова монастыря («Оглавленіе», № 23) и, повидимому, Печатнаго двора, которыми авторъ «Оглавленія» пользовался.

Далѣе, если мы обратимъ вниманіе на современниковъ нашего перваго библіографа — на дѣятелей русской литературы второй половины XVII в., то замѣтимъ, что между ихъ именами въ «Оглавленіи» нѣтъ имени Симеона Полоцкаго. Неужели бы могъ забыть своего любимаго учителя и покровителя Медвѣдевъ, если бы онъ былъ составителемъ «Оглавленія»?

Итакъ, нѣтъ никакой возможности считать «отцомъ славяно-русской библіографіи» Медвѣдева. По нашему мнѣнію, всѣ права на титулъ перваго русскаго библіографа принадлежатъ Епифанію Славинецкому. Вотъ нѣсколько доказательствъ.

---

1) По даннымъ, собраннымъ Забѣлинымъ, начало занятій Полоцкаго съ Медвѣдевымъ и другими подьячими относится къ 1665 г.

1-е. Языкъ «Оглавленія» заключаетъ въ себѣ нѣсколько словъ и выраженій, показывающихъ, что авторъ его былъ уроженцемъ Литовской, юго-западной Руси. У него мы находимъ слова такъ называемаго «бѣлорусскаго» языка XVI—XVII вв., т. е. того литературнаго языка, который употреблялся въ юго-западной Россіи: *друкъ* московскій (№ 59), вм. печать московская, *россы* (№ 26), *россійй* (№ 51), вм. русскій, псал*тиръ* (№№ 27, 138), род. п. псал*тира* (№ 138), и т. п. Языкъ тѣхъ писателей, которые были уроженцами Московской Руси, называется у него *московскимъ* (№ 131), а не русскимъ; Московская Русь именуется *землею Московскою* (159), а не Русью, или землею Русскою; говорится даже о *царѣ московскомъ* (№№ 27, 64). Эти особенности языка «Оглавленія» позволяютъ видѣть въ авторѣ его южно-русскаго уроженца. Обиліе греческихъ словъ въ родѣ *вівлія* (№ 26), *анепсій* (№ 44), выраженія въ родѣ Ромъ (№ 58), вм. Римъ, *ромская* церковь (№№ 27, 58), вм. римская, папа *ромскій* (№№ 27, 50, 86, 198), Кассіанъ *ромлянинъ* (№ 112) и др., составляющія обычную принадлежность языка Епифанія Славинецкаго, свидѣтельствуютъ, что «Оглавленіе» составлено именно имъ.

2-е. Между русскими авторами второй половины XVII в. въ «Оглавленіи» особенно обстоятельно говорится только объ одномъ — объ Епифаніи Славинецкомъ. Тутъ мы находимъ не только перечисленіе его сочиненій и переводовъ, но и свѣдѣнія, въ какомъ году и мѣсяцѣ онъ прибылъ въ Москву, когда именно начатъ и когда конченъ каждый большой его трудъ, съ какого изданія сдѣланъ переводъ и т. п. Изъ разсмотрѣнія этихъ свѣдѣній становится несомнѣннымъ, что ихъ могъ сообщить только самъ Епифаній.

Наконецъ, 3-е. Почеркъ «Оглавленія» очень близокъ къ почерку несомнѣнныхъ автографовъ Епифанія, хранящихся въ Московской Синодальной Библіотекѣ. «Оглавленіе» писано мелкимъ полууставомъ, переходящимъ въ скоропись, очень тщательнымъ; изъ несомнѣнныхъ автографовъ Епифанія то же

письмо мы находимъ, между прочимъ, въ переводѣ Космографіи (Синод. Библ. № 19), снимокъ съ одной изъ страницъ котораго находится въ изданныхъ Археологическимъ Институтомъ «Палеографическихъ снимкахъ», табл. XLV.

Итакъ, титулъ «отца славяно-русской библіографіи» долженъ считаться принадлежащимъ Епифанію Славинецкому.

ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНІЯ.

Къ стр. 5. Переводъ Римскаго Патерика, о которомъ мы говоримъ здѣсь, надо отличать отъ другаго, болѣе древняго, котораго списки сравнительно рѣдки (Синодальн. Библ. № 265, XV—XVI в.; Публ. Библ. Погод. № 909, XVI в.; Макар. Четьи Минеи). Отрывки изъ Римскаго Патерика, находящіеся въ Прологахъ XIII—XIV вв., заимствованы изъ этого послѣдняго перевода.

Къ стр. 21. Указаніе на Іоанна Златоустаго Посланіе къ Киріаку епископу надо перенести на стр. 299—300.

Къ стр. 22. Воспоминаніе отъ части Святыя Горы Аѳонскія дошло до насъ, между прочимъ, въ средне-болгарскомъ спискѣ Румянц. Муз. № 1706, XVI в., л. 18 об.

Чюдо архистратига Михаила во Св. Горѣ находится въ Макар. Минеяхъ подъ 6 сентября и издано.

Къ стр. 76. Переводъ Путешествія въ Святую землю, Ник. Радзивилла, изданъ не Палестинскимъ Обществомъ, а Русск. Географич. Обществомъ въ приложеніи къ XV тому *Извѣстій* Общества (подъ редакціей П. А. Гильдебрандта).

Къ стр. 87. Въ описи книгъ *Евѳимія*, между прочимъ, значится «*Лавсаикъ*, превожена съ *греческихъ*». *Лѣтописи* Тихонравова, V, стр. 55.

Къ стр. 106—107. Оригиналъ Художествъ огненныхъ — Artifices du feu et divers instruments du guerre; en

français et en allemand. Strassburg, 1603 и 1604. Гравюры исполнены *Jos. Boillot*'омъ.

Къ стр. 120. Другой списокъ Риторики безъ заглавія— Увар. № 2117, нач. XVIII в., лл. 1—35.

Къ стр. 122, прим. 2. Начало текста *А. Олферьева*:

Грамотикъ онъ иже преведы грамотикію сію съ римскаго языка на польскій языкъ и въ лѣто 7094 Андрей Олферьевъ *грамотику сію* и зъ громограпхиею *съ помской грамоты преведы на словенскую* по прежъ писаннѣй бесѣдѣ, яже о имени вѣщанія написа. Въ пятіи вѣщаніи подобники о именіихъ римскаго языка, въ первомъ три, во второмъ шесть....

Къ стр. 137—138, 140, 141, 226. Рукопись Публ. Библ. F. III. 11, половины XVIII в., заключаетъ въ себѣ текстъ съ заглавіемъ:

Выкладъ Даніила пророка противъ седми планетъ и двѣнадесяти знаменій небесныхъ, учинена практика Пиѳогора, великаго философа, вразумленій ради гадательныя науки, противу литеръ алфабета изъявлена, напечатана въ Краковѣ въ друкарнѣ Александра Цонедла, лѣта Господня 1700 года.

Въ началѣ «Предисловія» (первыя слова: Ежели хочешь кому объявити сонъ...), затѣмъ «Объявленіе» (начало: На прикладъ, Божіяго пришествія судъ видѣть во снѣ...), затѣмъ списокъ «сновъ по алфабету» (въ порядкѣ буквъ русской азбуки), затѣмъ статья II, описанная нами на стр. 137—138, также съ раскрашенными изображеніями планетъ и знаковъ зодіака, но въ другомъ переводѣ, затѣмъ «Таблица философа Пиѳагора гадательная», упомянутая нами на стр. 140, также въ другомъ переводѣ. Переводъ относится несомнѣнно къ XVIII в.

Къ стр. 158—159. О переводѣ Великой Науки Люлла *Совицкій* («Русскій гомилетъ начала 18 вѣка Іоакимъ Богомолевскій», Кіевъ, 1902, стр. 168) говоритъ, что это — комментарій *Андрея Бѣлободскаго* на «Ars magna». Срв. критическую замѣтку о трудѣ Совицкаго въ *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1903 г., № 3.

Къ стр. 174. Совицкій, какъ только что сказано, устанавли-

ваетъ принадлежность *Андрею Бѣлободскому* комментарія на Ars magna (или, можетъ быть, подробнаго изложенія содержанія съ объясненіями?). Ему же принадлежатъ: 1) краткая риторика «философа Андрея Христофоровича», изданная Обществомъ Древней Письменности, № 18, по списку Общества (другіе списки — Спб. Дух. Акад. А. 417 и Рум. Муз. Унд. № 878, XVIII в.), и представляющая собою, повидимому, компиляцію (по Совицкому, стр. 167, подъ вліяніемъ принциповъ Люлла), и 2) гомилетика («О разумѣхъ письма святаго»), дошедшая въ спискахъ XVIII в. Увар. №№ 2115, 2116, 2117, Рум. Муз. Унд. № 430 и Кіево-Михайловскаго монастыря № 1733, также компиляція. Послѣдняя Совицкимъ приписывается Іоакиму Богомолевскому, преподавателю Московской Академіи нач. XVIII в.; но см. вышеуказанную критическую замѣтку въ *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1903 г., № 3.

Къ стр. 159, строка 8-я сверху. Списокъ Спб. Дух. Ак. не XVII, а XVIII в.

Къ стр. 216. Статья «О различныхъ литургіяхъ» *Кассандра*, находящаяся въ рукописи Арханг. Дух. Сем., состоитъ изъ 24 главъ Въ концѣ ея — *Чинъ мши латинской*, сирѣчь литоргіи, преведенъ съ латинскаго діалекту на русскій увѣдѣнія ради: каково есть разнстно ихъ съ православною греческою вѣрою (*Строевъ*, 392).

Рукопись Академіи Наукъ 16. 6. 9, к. XVII в., имѣетъ переводъ «Чина литургіи римской», отличный отъ Синодальнаго. Его начальныя слова: К(сендзъ). Пришедъ предъ святый олтарь по обычаю и сотворивъ поклонъ, перекрестится....

Къ стр. 219. Въ сборникѣ Флорищевой пустыни статья: *О плотскомъ образѣ* Господа нашего І. Христа (*Георгіевскій*, стр. 204), — повидимому, та самая, которая отмѣчена нами въ сборникѣ М. Общ. Ист. и Др.

Къ стр. 226. См. выше.

Къ стр. 228—229. Курбскій въ письмѣ къ Вассіану Муромцеву пишетъ: Писаніеце твое... дошло до меня, а книгу Ге-

расимово житіе и *счетъ лѣтомъ* привезли же ко мнѣ. *Правосл. Собесѣдн.* 1863 г., ч. II, стр. 553.— Срв. выше, стр. 280, примѣч.

Къ стр. 293. Тотъ же текстъ перевода Литургіи *ап. Іакова*, что въ Синодальныхъ спискахъ, находится также въ рукописи Румянц. Муз. Унд. № 484, л. 79, повидимому, автографѣ *Евѳимія*.

Къ стр. 304. Переводъ Оглашеній Кирилла Іерусалимскаго, сдѣланный *Евѳиміемъ*, имѣетъ въ началѣ:

Прокатихисіс, или прологос, си есть предсловіе Оглашеній во святыхъ отца нашего Кѵрилла, архіепископа Іеросолѵмовъ. Нач.: Уже блаженства воня на вы, о свѣщаеміи...

Заглавіе 1-го Катихизиса: Во святыхъ отца нашего Кѵрилла, архіепископа Іеросолѵмовъ, Оглашеніе первое, свѣщаемымъ въ Іерусалимѣхъ внезапственное (на полѣ: внезапствующее), въ водное крещеніе приходящимъ, и чтеніе отъ Исаіи: омыйтеся и прочая.

Начало 10-го Катихизиса: Вѣровати во единаго Бога Отца Вседержителя наученіи...

Начало 18-го Катихизиса: Корень (всего) благодѣянія востанія надежда...

Заглавіе 1-го таинственнаго Катихизиса:

Тогожде огласительная словеса къ новопросвѣщеннымъ пять. Тайноводственное первое оглашеніе къ новопросвѣщеннымъ и чтеніе отъ Петрова каѳолическаго перваго посланія, отъ еже: Трезвитеся, бодрствуйте, до конца посланія.

Начало: Пожелахъ вамъ паки, о искрняя...

Мы пользуемся автографомъ Евѳимія Синод. Библ. № 133.

Къ стр. 384, строка 6-я снизу. Вмѣсто *ему* надо читать: архіеп. Макарію.

УКАЗАТЕЛЬ I

именъ авторовъ, переводчиковъ, писцовъ и т. п.

Цифры означаютъ страницы.

УКАЗАТЕЛЬ II

книгъ, статей и т. п.

Цыфры означаютъ страницы.

ѿвї

кѹглопомтоѥ

вѹба прыба

О І

пале

О А В Г Д Е

АІ І Д И Ѕ

часы поладнемъ · наперѣ · інналада

0 0 0 0 0 МД

Е МЕ О МО МВ О МО ЛН О ЛД О ЛД Ѕ

ЛЅ И МД ЛД МЕ МД МВ М ЛН ЛЅ Е

КЅ МЕ КЅ ЛД ЛЅ ЛЅ ЛД ЛВ ЛЛ Д

И МИ И КИ И КЅ КЕ КД КГ КГ КА Г

И Е Ѕ О О Ѕ О Ѕ О Ѕ О Ѕ О Ѕ О Ѕ В

Ѕ МЕ Ѕ МЕ

половина дне

А М

Ѕ Ѕ КГ О КГ О КГ О ИО НІ О ЅІ О ЕІ О ЕІ Д

МО МЅ О МИ О МЅ О МГ О М О ЛН О ЛГ

полъ дне

Е Д Ѕ ЛГ А ЕІ А ДІ А АІ А Ѕ А Г А О О НН А

Д ЛД Е ЛД ЛД ЛГ КГ КЕ ДІ ЕІ А ДІ В

Г МЕ Е АІ МД МГ ЛД ЛЕ КЅ КЅ КД Г

Г Е Д МГ МД МЅ МД ЛД ЛД ЛД ЛГ Д

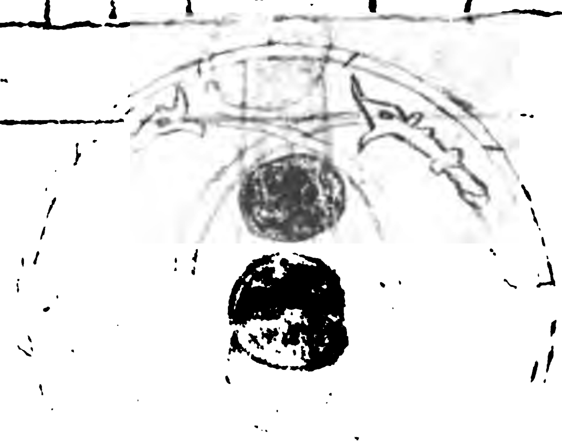
В МЕ А МИ А МЕ А М А ЛЕ А КД А КЕ А КД Е

В ЛЅ

Ѕ О

годѣ[illegible]

оу҃бѧ кь	при кл						І									масы полдени
						Лени										переглада
ѯ	ж	ѯ		А		В		Г		Д		Е		Ѕ		
ЛІ	Ѕ			ЛІ		І		Д		Н		З				
сп тал	дроб	стоп род	часы	дроби	часы	дроби	часы	дроби	часы	дроби	часы	дроби	часы	дроби	часы	дроби
ф к	н л															д лз
лз н	мд	ѯ з	ѯ нд	ѯ ни	ѯ на	ѯ на	ѯ мд	ѯ ме								д ѯ
ме д	д	ѯ ни	ни	мѕ	ма		ма		мд		мп					г
ф лѕ д	н	ѯ кѕ	ѯ кѕ	ѯ кд	кг	ѯ ка	ѯ к	ѯ кд								в
																л т
д еі	д еі					Іполовина нбін.										
д мд	ѕі	ѯ г	ѯ г	ѯ в	ѯ в	ѯ в	ѯ в	ѯ в								нд
н мд	д лі	ѯ лг	ѯ лг	ѯ лд	ѯ кв	ѯ кѕ	ѯ кѕ	кѕ								днь
н е	ѕ мд	ѯ е	а д	а в	а мд	а нд	а ма	а мд								а
ѕ ѕі	ка	кв	ка	ні	еі	і	ѕ	в								в
ѕ мк	ѕ мн	ѯ ле	а лг	а	а кѕ	а ка	а ѕі	а ѕі								г
мѕ	ѕ еі															д ѯ
е д	ѕ ли															д к

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXXIV, № 2.

Е. В. Аничковъ.

ВЕСЕННЯЯ ОБРЯДОВАЯ ПѢСНЯ

НА ЗАПАДѢ И У СЛАВЯНЪ.

ЧАСТЬ I.

ОТЪ ОБРЯДА КЪ ПѢСНѢ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1903.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Апрѣль, 1908 года. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

академику Александру Николаевичу

Веселовскому.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Изученіе древнѣйшихъ историко-литературныхъ явленій въ тѣсной связи съ явленіями народнаго быта и обряда подъ вліяніемъ, многочисленныхъ ученыхъ трудовъ и лекцій Александра Николаевича Веселовскаго въ средѣ русскихъ нео-филологовъ всегда казалось обязательнымъ и необходимымъ. Поэтому, когда, рецензируя книгу пр. Жанруа о происхожденіи средневѣковой лирической поэзіи, Г. Парисъ высказалъ мнѣніе, что въ основѣ искусственной средневѣковой поэзіи лежитъ весенняя обрядовая пѣсня, намъ русскимъ нео-филологамъ подобная точка зрѣнія показалась особенно близкой и интересной. Это вскользь брошенное мнѣніе Г. Париса я и постарался разработать болѣе подробно. Вполнѣ естественное для русскаго знаніе славяно-русской весенней обрядовой пѣсни помогло мнѣ поставить этотъ вопросъ нѣсколько шире.

Почти одновременно съ установленіемъ этого важнаго значенія весенней обрядовой пѣсни для историко-литературныхъ разысканій на весеннюю обрядность обратили особое вниманіе еще и миѳологи и историки религій. Она стоитъ въ самомъ центрѣ миѳологическихъ построеній обоихъ крупныхъ послѣдователей Маннгардта, Фрезера и Рошера. Этотъ интересъ въ ученой литературѣ къ весенней обрядности естественно поддерживалъ во мнѣ желаніе проникнуть въ самую глубь на-

роднаго обрядового сознанія и отдать себѣ и въ свою очередь отчетъ о томъ, какое мѣсто занимаетъ народная обрядность вообще и весенняя въ частности въ общей системѣ эволюціи религіознаго сознанія.

По мѣрѣ того какъ для настоящей работы собирались факты интересъ такимъ образомъ раздваивался и факты классифицировались по двумъ направленіямъ. Передо мной одновременно возникло двѣ задачи: во 1-ыхъ, къ какимъ выводамъ можетъ привести изученіе народной весенней обрядности историка религій и во 2-ыхъ, что даетъ связанная съ весенней обрядностью пѣсня для исторіи литературы и вообще для науки о прекрасномъ? При такой двойственности интересовъ работа моя естественно затянулась. Если-бы не помощь цѣлаго ряда ученыхъ, не отказывавшихъ мнѣ въ совѣтахъ и указаніяхъ, можетъ быть, многихъ трудностей и вовсе не удалось бы преодолѣть. Я считаю для себя поэтому пріятнымъ долгомъ высказать признательность прежде всего Гастону Парису, члену Французской Академіи, профессору Максиму Максимовичу Ковалевскому и покойному Марилье, бывшему редактору Revue de l'histoire des réligions. Мнѣ необходимо также поблагодарить профессоровъ Университета св. Владиміра И. В. Лучицкаго, Т. Д. Флоринскаго, Н. П. Дашкевича и Р. И. Сонни, помогавшихъ мнѣ въ моихъ разнообразныхъ библіографическихъ поискахъ, и указаніями, и предоставленіемъ мнѣ своихъ частныхъ библіотекъ. Одновременно я приношу благодарность академикамъ А. Н. Веселовскому и В. И. Ламанскому, при содѣйствіи которыхъ настоящая работа вышла въ свѣтъ.

Двойственность тѣхъ задачъ, которыя поставила себѣ настоящая работа, разрѣшилась однако ихъ объединеніемъ. Изученіе весенней обрядовой пѣсни на всемъ протяженіи европейскаго фольклора дало мнѣ въ концѣ концовъ право формулировать нѣсколько гипотезъ о происхожденіи поэзіи, а отсюда и о выдѣленіи эстетическаго сознанія. Въ основѣ своей это послѣднее показалось мнѣ тѣсно связаннымъ съ сознаніемъ религіознымъ.

Синкретическая первобытная пѣсня-пляска, составляющая неотъемлимую принадлежность обряда, оказалась на полъ-пути между зачаточной формой религіознаго сознанія и первымъ проблескомъ сознанія эстетическаго. Оттого и настоящее изслѣдованіе распалось на двѣ части. Первую часть я назвалъ *отъ обряда къ пѣснѣ*, а вторую *отъ пѣсни къ поэзіи*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

БИБЛІОГРАФІЯ И СОКРАЩЕНІЯ.

Аничковъ, Е. В. Микола Угодникъ и св. Николай. СПБ. 1892. *Записки Неофилологическаго Общества.*

Афанасьевъ, 64 русскія народныя пѣсни. СПБ. 1866.

—— Русскія пѣсни перел. съ акк. фортепіано, 7 вып. Москва. 1876.

Аѳанасьевъ, А. Поэтическія Воззрѣнія славянъ на природу. Москва. 1865 — 1869. 3 т.

Балакиревъ, Сборникъ русск. народныхъ пѣсень. СПБ. 1866.

Барсовъ, Е. В. Юрьевъ день. Труды Этнограф. Отдѣла, т. 3. *И. И. О. Л. Е. А. и Э.* т. XIII, 1874.

Безсоновъ, П. Бѣлорусскія Пѣсни. Москва. 1871.

—— Колѣки Перехожіе. М. 1861—63.

Березинъ, Хорвотія, Славонія, Далмація и Военная Граница, т. I и II. СПБ. 1878.

Бежеряновъ, Какъ праздновалъ и празднуетъ народъ русскій Рождество Христово, Новый Годъ, Крещеніе и Масляницу. СПБ. 1895.

Братство, издао Друштво Светога Саве у Београду. № 1 (1887) —

Булгаковскій, Пинчуки. СПБ. 1890. *З. И. Р. Г. О.*, т. XIII.

Буслаевъ, Ѳ. Историческая Христоматія церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ. 1861.

—— Русская Христоматія. 3-ье изд. Москва. 1881.

Варенцовъ, Сборникъ пѣсень Самарскаго Края. СПБ. 1862.

Васнецовъ, А. Пѣсни сѣверо-восточной Россіи. Москва. 1894.

Верещагинъ, Вотяки Сосновскаго Края. СПБ. 1886. *З. И. Р. Г. О.*, XIV, 2.

—— Вотяки Сарапульскаго уѣзда Вятской губерніи. *З. И. Р. Г. О.*, т. XIV, вып. 3.

Верковичъ, Народныя пѣсме Македон. Бугора. Бѣлградъ. 1860.

—— Веда Словена, Бългрски народни песни. Бѣлградъ. 1874.

—— Описаніе быта Болгаръ, населяющихъ Македонію. *И. И. О., Л. Е. А. и Э.*, т. XIII, Труды Этнограф. кн. 3, в. I.

—— Веда Словена, Обрядни песни отъ языческо врѣмя. СПБ. 1881.

Веселовскій, А. Н. Разысканія въ области духовнаго стиха.

—— Отчетъ о Тр. Этн. Эксп. Чубинскаго. Приложеніе къ XXXVII т. Записокъ Импер. Академіи Наукъ. СПБ. 1885.

—— Вилла Альберта. Москва. 1870.

Подр. см. Указатель къ научнымъ трудамъ А. Н. В. 1859 — 1895, 2-ое изд. СПБ. 1896.

Вильбоа, 100 русск. пѣсень, зап. съ народнаго напѣва. СПБ. 1860.

Владиміровъ, П. В. Введеніе въ Исторію Русской Литературы. Кіевъ. 1896.

Де Волланъ, Углорусскія пѣсни. СПБ. 1885. *З. И. Р. Г. О.* XIII, 1.

Вольтеръ, Матеріалы для этнографіи латышскаго племени. СПБ. 1890, и *З. И. Р. Г. О.* т. XV.

Гально, Народни пісні и обряды зъ околицъ надъ Збручемъ, 2 части. Львовъ. 1862.

Галлеръ, Рай дѣтей. СПБ. 1886 г.

Галлеръ, Сборникъ русскихъ народныхъ пѣсень СПБ. губерніи. СПБ. 1889.

Головацкій, Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси. Москва. 1878.

Гондатти, Слѣды язычества у инородцевъ сѣверо-западной Сибири. Москва. 1888. (Изъ VII книги Трудовъ Этнографическаго Отдѣла).

Гринченко, Б. Д. См. Этногр. Мат.

О. Гулакъ Артемовскій, Народни Украінскі пісні зъ голосом. Киів. 1868.

Даль, В. Пословицы русскаго народа. Москва. 1862.

Дашковъ, В. А. См. Сборн. антр. и этн. ст.

Дембовецкій, Опытъ описанія Могилевской губ. 3 книги. Могилевъ на Днѣпрѣ. 1882.

Добровольскій, В. Н. Смоленскій этнографическій сборникъ, 2 ч. СПБ. 1891—1894. *З. И. Р. Г. О.* т. XX.

Дубровинъ, Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ. СПБ. 1871.

Духовный Регламентъ, 1722. Полное Собр. Законовъ, № 4022.
Кедровъ, Д. Р. въ связи съ преобразовательной дѣятельностью Петра В. Москва. 1886.

Ермаковъ, Н. Я. Пословицы русскаго народа. СПБ. 1894.

Етнографичний Збірник видае наукове товариство імени Шевченко. 1895 и слѣд.

Ефименко, П. С. О Ярилѣ, языческомъ божествѣ Русскихъ Славянъ. *З. И. Р. Г. О.* II (1869) 77—115.

—— Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губ. т. I и II. *Тр. Э. О. И. О. Л. Е. А. и Э.* кн. V, 2 вып. (1878).

—— Малорусскія заклинанія (Сборникъ м. з.). Москва. 1874.

Живая Старина. СПБ. 1889 и слѣд.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

З. И. Р. Г. О. Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, 1-ый т. 1867.

Извѣстія Имп. Общества любителей естеств., антропол. и этнографіи, Труды Этнограф. Отдѣла. Москва. 1-ый т. 1866.

Илиевъ, И. Т. Сборникъ от народни умотворения, обичаи и др., к. I. Софія. 1889. 8⁰.

Истоминъ, Пѣсни русскаго народа. СПБ. 1894.

Калинскій, Церковно народно мѣсяцесловъ. *З. И. Р. Г. Общ.* VII, 1877, и отд. изд. СПБ. 1877.

Караџић, (В. Ст.) Српске народне пјесме скупио и на свијет издао (Државно изданье). Биоградъ. 8⁰. I, II, III, IV. 1891—96.

—— Српске народне пословицы и т. д. издао ихъ В. С. К. У Бечу. 1849.

—— Живот. и Обичаји народа српскога. У Бечу. 1867. 8⁰.

Каравеловъ, Памятники народнаго Быта Болгаръ. Москва. 1861. Книга 1-ая.

Качановскій, Памятники болг. нар. творчества, вып. 1-ый. Сборникъ западно болгарскихъ пѣсень. СПБ. 1882.

Кирпичниковъ, А. И. Св. Георгій и Егорій Храбрый. *Ж. М. Н. Пр.* 1879 (XII) и 1880 (I и II), тоже СПБ. 1879.

Кирѣевскій, П. В. Пѣсни собранныя П. В. К. изданы Обществомъ любителей россійской словесности. Москва. 1861—1874. 10 выпусковъ.

Ковалевскій, М. Первобытное Право. Москва. 1886. 2 выпуска.

—— Современный обычай и древній Законъ. 1886.

—— Законъ и обычай на Кавказѣ. Москва. 1890. 2 тома.

—— Tableau des origines et de l'évolution de la famille et de la propriété. 1890. Stokholm, (publ. d. la fond. Lorén).

—— Modern Customs and Ancient Laws of Russia (Ilchester Lectures). London. 1891.

Красић, Вл. Српске народне пјесме. Пинчевъ. 1880, т. I.

Крачковскій, Бытъ западно-русскаго селянина. Москва. 1874.

Лаговскій, Народныя пѣсни Костромской, Вологодской, Новгородской, Нижегородской и Ярославльской губ. Череповецъ. 1877.

Лапатинъ Пронутинъ, Сборникъ русскихъ народныхъ лирическихъ пѣсень. Москва. 1889. 2 ч.

Львовъ, Н. А. Русскія народныя пѣсни (напѣвы записалъ и гармонировалъ Ив. Прачъ). СПБ. 1876.

Магнитскій, В. Пѣсни крестьянъ села Бѣловолжскаго, Чебоксарскаго уѣзда, Казанской губ. Казань. 1877.

Магницкій, Матеріалы къ объясненію старой чувашской вѣры. Казань. 1881. Изданіе Коммиссіи Миссіонерскаго противомусульманскаго Сборника при Казанской Духовной Академіи.

Максимовичъ, Украинскія народныя пѣсни. Г. Москва. 1834, въ 8⁰.
—— Дни и мѣсяцы, въ Собр. соч.
Милићевић, М. Б. Живот. срба сельака. 2 изд. Београдъ. 1894. *Српски Етн. Зборник, к. I.*
Миллеръ, Всев. и Фортунатовъ, И. Ф. Литовскія народныя пѣсни собранныя М. и Ф. Москва. 1873.
Миллеръ, Вс. Осетинскіе этюды. Москва. 1887.
—— Русская Масляница и западноевропейскій Карнавалъ. Москва. 1884 г.
Милодановци, Бѫлгарски народни пѣсни собрани одъ братья М. 1-ое изд. Загребъ. 1861. 2-ое изд. София. 1893.
Милојевић, М. С. Песме и Обичаи Укупног народа Србског. 2 кн. У Београду. 1869.
Минхъ, А. П. Народные обычаи, обряды, извѣстія и предразсудки Самарской губ. 1861 — 1888. *З. И. Р. Г. О.* т. XIX, вып. II. СПБ. 1889.
Мирновић, П. Српске народне пјесме изъ Босне. Панчево. 1886.
Миропольскій, Крещеные вотяки Казанскаго уѣзда. Казань. 1876. Отд. Оттискъ «*Православнаго Собесѣдника*». Декабрь.
Николић, Гр. Српске народне песме. Скупио их у Срему и за штампу удесло. Новый Садъ. 1888, in 8.
Новицкій, Гр. Краткое описаніе о народѣ Остяцкомъ (1715 г.), издано Л. Н. Майковымъ. СПБ. 1884. 4⁰.
Образцы мордавской народной словесности. Казань. 1882.
Овсянниковъ, В. Русскія народныя пѣсни, записанныя въ г. Казани. Этнографическіе матеріалы. Казань. 1886.
Орловъ, В. Крестьянскія пѣсни, записанныя въ Тамбовской губерніи. СПБ. 1890.
Пальчиковъ, П. Крестьянскія пѣсни, записанныя въ с. Николаевкѣ, Мензенскаго уѣзда, Уфимской губ. СПБ. 1888.
Первухинъ, Эскизы преданій и быта инородцевъ Глазовскаго уѣзда. Вятка. 1888.
Петрушевичъ, Обще-русскій дневникъ. 1866. Львовъ.
Поповъ, В. Народныя пѣсни, собранныя въ Чердынскомъ уѣздѣ, Пермской губ. Москва. 1880.
Потебня, Объясненіе малорусскихъ и сродныхъ пѣсень. Варшава. 1883—87.
Потебня, О купальскихъ огняхъ и сродныхъ съ ними представленіяхъ. Москва. 1867.
—— О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій. Москва. 1865.
—— Рецензія на Головацкаго, Народныя пѣсни и галицкой, и угорской Руси. СПБ. 1880. (Куб. 1880 — 1209). Отд. оттискъ изъ «*Записокъ Имп. Ак. Наукъ*», Н. XXXVII, II, 103 — 152. (Отчетъ о присужденіи наградъ Графа Уварова).
—— Малорусская народная пѣсня по списку XVI вѣка. Текстъ и примѣчанія. Воронежъ. 1877. Отд. отт. изъ «*Филологическихъ Записокъ*».
Прокунинъ, Русскія народныя пѣсни. Москва. 1877—1881.
Пыпинъ, А. Н. Исторія Русской Литературы. СПБ. 1898.
Радловъ, Нарѣчія сѣверныхъ тюркскихъ племенъ. Отд. I. Образцы народной литературы. СПБ. 1866—96.
Радченко, Гомельскія народныя пѣсни. СПБ. 1888 (подъ ред. Истомина). *З. И. Р. Г. О.* т. XIII.
Римскій-Корсаковъ, Сборникъ русскихъ народныхъ пѣсень. 2 к. СПБ. 1877.
Роговъ, Матеріалы для описанія быта Пермяковъ. *Пермскій Сборникъ*, кн. 2. Москва. 1860. Отд. 2-й, стр. 1—128.
Романовъ, Бѣлорусскій Сборникъ, т. I, выпуски 1-ый и 2-ой. Кіевъ. 1885.
Савельевъ, Сб. Донскихъ пѣсень. СПБ. 1886.
Сахаровъ, Сказанія русскаго народа, изд. Суворина. СПБ. 1883.
—— Пѣсни русскаго народа. СПБ. 1838—39, въ 18⁰, ч. I—V.
Сборникъ антропологическихъ и этнографическихъ статей, изд. В. А. Дашковымъ. Москва. 1868—73. 2 тома.
—— **за народни умотворения, наука и книжнина.** София. 1891—
Смирновъ, А. Пѣсни крестьянъ Владимирской и Костромской губ. Собраны А. С. Москва. 1847.
Смирновъ, И. П. Пермяки. Казань. 1891.
—— Вотяки. *Изв. Каз. Общ. арх. ист. и Этногр.* т. VIII. 1890. Казань.
Смирновъ, Н. Мордва, истор. этногр. очеркъ. *Изв. Каз. Общ. Арх., Ист. и Этногр.* 1892—95 г. Казань.
—— Черемисы. Казань. 1889. Тамъ же.
Снегиревъ, И. Русскіе простонародные праздники, в. I — IV. Москва. 1837—39.

Снегиревъ, И. Русскіе въ своихъ пословицахъ. Москва. 1834. 4 книжки.

Соболевскій, А. И. Великорусскія народныя пѣсни, т. I—VII. СПБ. 1895—1902.

Спрогисъ, И. Я. Памятники латышскаго народнаго творчества. Вильна. 1868.

Срезневскій, И. Святилища и обряды языческаго богослуженія древнихъ славянъ. СПБ. 1846.

Српски етнографски Зборник. 1894—

Стојадиновић, Бл. Српске народне песме. У Београду. 1869.

«Стоглавъ». СПБ. 1862. Лондонъ. 1862.

Стоиловъ, Сборникъ отъ български народни умотворения. Вып. 1, *битови пѣсни.* София. 1894.

Студитскій, Ѳ. Народныя пѣсни Вологодской и Олонецкой губ. СПБ. 1841.

—— Народныя пѣсни собранныя въ Новгородской губерніи. СПБ. 1874.

Сумцовъ, О свадебныхъ обрядахъ преимущественно русскихъ. Харьковъ. 1881. I—266. 8⁰.

—— Культурныя переживанья. Кіевъ. 1890, изъ *Кіевской Старины.*

—— Разборъ этнографическихъ трудовъ Романова. СПБ. 1894.

Терещенко, Бытъ русскаго народа. Ч. I—VII. СПБ. 1848.

Третьяковъ, Туруханскій Край, его природа и жители. СПБ. 1871.

«Труды Этнографическаго Отдѣла» см. Изв. Имп. Общ. Естеств. Арх. и Этн. при Имп. Моск. У. т.

Фаминцынъ, Божества древнихъ славянъ. СПБ. 1884.

Фенютинъ, Увеселенія г. Мологи въ 1820—1832 гг. *Труды Яросл. Стат. Комитета,* вып. 1. 1866. Ярославль, стр. 1—153.

Худяковъ, Верхоянскій сборникъ. Иркутскъ. 1890. *Записки Восточно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Р. Геогр. Общества.* По Отдѣлу Этнографіи, т. I, вып. 3.

Чолаковъ, В. Българскый народенъ Сборникъ, събр. отъ В. Ч. ч. I. Болградъ. 1872.

Чубинскій, Труды Этнографическо-статистической экспедиціи въ Западно Русскій Край снаряженной Имп. Русск. Геогр. Общ. Юго-Западный Отдѣлъ, т. I—V. СПБ. 1871—

Чулковъ, Собраніе разныхъ пѣсень. 2-ое изд. Москва. 1788. 16⁰. 4 части.

Шадринъ, Лѣтнія и зимнія гулянія Шенкурскаго народа и окологородныхъ деревень. *Труды Архангельск. Стат. Ком.* за 1865, стр. 66—115.

Шапкаревъ, Сборникъ отъ български народни умотворения. [Прил. къ 1-ой части.] (Бълг. обичаи, обряды и пр.). София. 1891—94.

—— Руссалии, древенъ и твърди интересенъ бълг. обичай записенъ и до днесь въ южна Македония. Софія. Пловдинъ. 1884. 8⁰.

Шейковскій, Бытъ Подолянъ. Кіевъ. 1860.

Шейнъ, Русскія народныя пѣсни. Москва. 1870.

—— **Ш.** Бѣлорусскія народныя пѣсни. 1870.

—— **Ш.** Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края. СПБ. 1887.

—— **Ш.** Великоросъ въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, сказкахъ, легендахъ и т. п. (Изд. Имп. Акад. Наукъ). СПБ. 1898, томъ I, вып. первый.

Шишковъ, С. П. Радопски старини или Сборникъ отъ обичаи, суевѣрия, пѣсни и пр. на радопскитѣ жители. Кн. 1. Пловдинъ. 1887 г. т. II. Обичаи въ Ахъ-Челебийската кааза. 1888.

Шишонко, Отрывки народнаго творчества Пермской губерніи. Пермь. 1882.

Этнографическіе матеріалы собр. въ Черниговской и сосѣднихъ съ ней губерніяхъ. Томъ III, пѣсни под. ред. Б. Д. Гринченка. Черниговъ. 1899. Прим. къ № XI и XII *«Земскаго Сборника»* 1898 года.

Этнографическій Сборникъ. СПБ. 1860—

Этнографическое Обозрѣніе, изданіе Этнографическаго Отдѣла Имп. Общ. Любит. Естеств. и Этнографіи состоящаго при Моск. Универс. Москва. 1889—

Юшкевичъ, Литовскія пѣсни съ переводомъ на русскій яз. *Зап. Имп. Акад. Наукъ,* т. XII, кн. 1, прил. № 1.

Якушкинъ, П. Народныя русскія пѣсни изъ собр. П. Я. СПБ. 1865.

Ястребовъ, Обычаи и пѣсни турецкихъ сербовъ. СПБ. 1887.

—— Матеріалы по этнографіи Новороссійскаго края собр. въ Елизав. и Алекс. уѣздахъ, Херс. губ. Одесса. 1894 г.

Achelis, Moderne Volkerkunde, deren Entwickelung und Aufgaben. Stuttgart. 1896.

Adan le Bossu, Le Jeu de Robin et de Marion p. p. E. Langlois. Paris. 1896.

Alemannia, Zeitschrift für Volkskunde. Bonn. 1870—1896.

Almanach ou pronostication des laboureurs par A. Maginus, dit l'ermite solitaire. Troyes. 1663. [Biblioth. Nationale Reserve V—2757].

Amalfi, Tradizioni et Usi nella penisala Sorrentina. 1890. *C. p. tr.*

Am Urquell. I Bd. 1889—

D'Ancona, A. La poesia popolare italiana. Livorno. 1878.

—— Origini del teatro italiano. 2 v. Firenze. 1889.

Andree, R. Ethnographische Parallelen und Vergleiche. 2 Folger. Leipzig. 1889.

—— BraunschweigerVolkskunde.Braunschweig. 1896.

Andrian, Fr. v. Ueber Wetterzanberei. *Mittheilungen d. Antropologischen Gesellschaft in Wien,* XXIV Bd. 1894, № 1.

Appel, C. Provenzalische Chrestomathie. Lpz. 1895.

—— Provenzalische Inedita aus Pariser Handschriften. Lpz. 1890.

Arbaud, D. Chants populaires de la Provence. Aix. 1862. 2 v. in 12.

Archiv für Slavische Philologie, издаваемый Ягичемъ. Wien. 1880—

Aubrey John, R. S. S. Remaines of Gentilisme and Judaisme. 1686—87, ed. by J. Britten. London. 1881. F. L. S.

A. p. l. st. d. tr. p. Archivio per lo studio delle tradizini populari. Palermo. 1881 (v. I)—

Ballesteros José Perez, Cancionero popular Gallego. Madrid. 1886, въ *Biblioteca de las tradiciones pop. esp.*

Bartoš, Fr. Naše děti. v. Berně. 1888.

—— Nové národní pisně morovske, v. Brně. 1882. 8⁰.

—— Narodne písně morovské v nove nasbironě, v. Brně. 1888—89.

—— Moravsky lid. Sebrané rozpravy z oborn moravske lidovědy, v. Telei. 1892.

—— Lid. a narod. ve Velkein Mezižiči. 1885 и 1891.

Bartsch, K. Verz. см. Grundriss zur Geschichte der Provenzalischen Literatur. Elberfeld. 1872.

—— Romanzen und Pasturellen. Leipzig. 1870.

—— Sagen Märchen und Gebräuche aus Meklenburg, 2 B. Wien. 1879. 8⁰.

Bastian, A. Der Mensch in der Geschichte, 3 Bd. Leipzig. 1860.

—— Beiträge zur vergleichenden Psychologie. Die Seele und ihre Erscheinungs weisen in der Ethnographie. Berlin. 1868.

—— Allerlei aus Volkskunde. Berlin, u. 82 v. 1888.

—— Allgemeine Grundzüge der Ethnographie. Berlin. 1884, in 8.

—— Der Buddismus. Berlin. 1893.

—— Controversen in der Ethnographie. 3 v. Berlin. 1893—94. 8⁰.

—— Die Kulturländer der Alten America. Berlin. 8⁰.

—— Der Fetisch in der Küste Gvineas. Berlin. 1884, u. 8⁰.

—— Ideale Welten. Berlin. 1892. 3 v.

—— Indonesien oder die Inseln des malagische. Archipel. 4 v. 1884—89. Berlin.

—— Inselgruppen Oceanien. Berl. 1883.

—— Die Lapua. Berlin. 1885.

—— Religions philosophische Probleme auf dem Forschungsfelde buddistichen Psychologie und der Vergleichenden Mythologie. Berl. 1894.

—— Ueber Psychologische Beobachtungen bei Naturvölker. Leipzig. 1890.

—— Vorgeschichtliche Schöpfungslieder in ihren Ahnischen Elementen. B. 1893.

—— Zur Kenntniss Howoi's. B. 1883.

—— Ethnographische Forschungen.Jene. 1894.

Baudissin, Studien zur semitischen Religionsgeschichte. Leipzig. 1878.

Baumeister, A. Hymni homerici accedentibus epigrammatis et batrachomyomachia Homero vulgo attributis, éx. rec. A. B. Lipsiae. 1877. *(Bibl. scr. gr. et rom. teubneriana).*

Beauquier, Ch. Chansons populaires recueillies en Franche-Compté. Paris. 1894.

De Beaurepaire, Etude sur la poésie populaire en Normandie. Paris. 1856.

Bédier, De Nicolao Museto. Paris. 1893.

Beiträge zur deutsch-böhmischen Volkskunde geleitet v. prof. A. Haffen. Prag. 1896.

Bérard, L'origine des cultes Arcadiens. Paris. 1894.

Bergk-Hiller, Anthologia Lyrica sive lyricorum graecorum veterum praeter Pindarum reliquiae potiores. Post Th. Bergkium quatrum edidit, Ed. Hiller. Lipsiae. 1897. *(Bibl. script. graec. et rom. teubneriana).*

Bergreihen ein Liederbuch des XVI Jahrh. ed. John Meier. Halle. 1892. *(Nachdrucken deutscher Litteratur).*

Bertran de Born, см. A. Thomas.

Bertrand, A. Nos Origines. La Religion der Gaulois. Les Druides et le Druidisme. Paris. 1897, pp. IX, 486.

Bielschovsky, Geschichte der höfischen Dorfpoesie. Berlin. 1890.

Birlinger, A. Volksthümliches aus Schwaben. Freib. in Breisgau. 1862. 8⁰. I. Sagen, II. Gebräuche.

—— Aus Schwaben. Wiesbaden. 1873. 2 Bd.

Bladé, I. F. Poésies populaires en langue française, recueillies dans l'Armagnac et l'Agenois. Paris. 1879.

—— Poésies pop. de la Gascogne, см. *Llpdtln.*

Blagajić, K. Hrvatske narodne pjesme i pripoviedke iz Bosne. U Zagrebn. 1886, in 8.

Boas, The Central Eskimos. *VI-th. Annual Repport of the Bureau of Ethnology.* (Smithsomian Institute.) 4⁰. Washington. 1888.

Böckel, Hessische Volkslieder Marburg. 1885.

Böcler-Kreutzwald, Der Ehsten abergläubische Gebräuche. S.-Petersbourg. 1854.

Bötticher, Der Baumenltus der Hellenen. Berlin. 1856, in 8⁰.

Boissier, La réligion romaine d'Auguste aux Antonius. Paris. 1874. 2 v. 8⁰.

Boissonade, Les Fêtes de villages en Poitou et en Augoumois au XVIII s. Ligugé. 1897. 15 p.

Bower, H. M. The Elevation & Procession of the Ceri at Gubbio. L. 1897. F. L. S.

Braga, Concioneiro e romanceiro general Parto c Lisbonne. 1867. 5 v.

—— Cancioneiro portugnez da Vaticana. Lisbonne. 1878. 4⁰.

—— O povo portugnez nos seus costumes, crenças e tradiçes. 2 v. Lisbon. 1885.

Brakelmann, J. Les plus anciens chansonniers français. Paris. 1870—91 et Marburg. 1896. *(Ausgaben und Abhandlungen aus dem Gebiete der romanischen Philologie,* XCIX).

Brand-Ellis, Brand, Observations on the popular antiquities chifly illustrating the origin of our vulgar & provinciale customs, ceremonies & superstitions. 1-st edition. 1813. 2 v. 4⁰, by Sir H. Ellis 2 etit. 1841, in 3 vol. *«Bohn's Antiquarian Library».* London. 1890.

Brugsch, Religion und Mythologie des alten Aegypter. Leipzig. 1884.

Bücher, K. Arbeit und Rythmus. Leipzig. 1896. 130 s. (русск. пер. СПБ. 1889).

Bugeaud, J. Chants et chansons populaires dei provinces de l'Ouest. Niort. 1865. 2 v. in 8⁰.

Bulletin de folklore wallon. Bruxelles.

Du Cange, Glossarium mediae et infimae latinitatis conditum a Carolo Dufresne domino d. C. auctum a monachis ord. S. Benedicticum supplementis integris D. P. Carpenterii ed. Henschel. Paris. 1840—50. 4⁰. 7 v. Id Niort. 1885.

Canti e racconti del popolo italiano publ. da D. Comparetti e A. d'Acona. Torino e Firenze. 1870 sq.

«Carmina Burana» her. gg. v. I. A. Schmeller. 2. Ausg. Breslau. 1883.

Časopis maćicy serbskeje red. M. Hórnik. Bantzen. 80 нумеровъ прекр. 1889 г.

Caspari, Kirchenhistorische Anecdota Christianis. 1883.

—— edit *Martin evèque de Brocara.* De correctione rusticorum Christian. 1883 in 8⁰.

Castren, Vorlesungen über die Finnische Mythologie übers v. Schiefner. S. Petersb. 1853. 8⁰.

Čelakovsky, Fr. L. Narodní pisně slovanske. V. Praze. 1822—1827. 3 Díl.

Cénac-Moncaut, Litterature populaire de la Gascogne. Paris. 1868, in 12.

Centralblatt f. Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte. № 1. 1896—

Černy, A. Třeča zběrka lužiskoserbskich pěsni. Budyšin. 1893. *Časopis Mačicy serbskeje.*

Cesareo, La poesia siciliana sotto gli Suevi. Catania. (N. Giannotta), in 16. 1894.

—— Sue le «poesie volgari» del Petrarca. Rona S. Casciano. 1898. 8⁰.

—— La origini della poesia lirica in Italia. Catania. (N. Giannotta). 1899, in 16⁰.

Cesaresco-Martinengo, Essays in the Study of Folk Longs. London. 1886.

Český lid. Sbornik věnovaný studiu lidu Českého v Čechach na Morove ve Hezsku a na Slovensku, подъ ред. L. Niederle.

Champfeury et Weckerlin, Chants populaires des provinces de France. Paris. 1860, in 4⁰.

Champler, Les Anciens Almanachs et calendrier illustrés. Paris. 1886.

Chantepie de la Saussaye, Lehrbuch der Religionsgeschichte. Lpz. und Freib. i

Breisgau. 2 Bd. 1897. 2. Ausg. (русск. переводъ. СПБ. 1901 г.).

Chastel Etienne, Hist. de la destruction du paganisme dans l'empire d'Orient. Paris. 1850.

Child, The english and skottish popular ballads. Baston. 1898. 4⁰. VIII vol.

Chrestien de Troy, Ivain ed. Foerster. Halle. 1887.

Colin Muset, см. Bédier.

C. I. L. Corpus inscriptionum latinarum ed. Mommsen. I, 2-nda ed. Berlin. 1892.

Cornoy et Nicolaides, Traditions populaires de l'Asie Mineur. Paris. 1893. *Lpdtln.*

Cortet, Essai sur les fêtes religienses. Paris. 1867.

Crooke, An Introduction to the Popular Religion od F. L. of Northern. India. 1894.

—— The popular religion of India. London. 1896. 8⁰, (въ N. B. стр.).

Crusius, O. Herondae Mimiambi accedunt Phoenicis coronistae Mattii mimiamborum Fragmenta ed. O. Cr. Lipsiae. 1892. *(Bibl. script. graecorum et romanorum teubneriana).*

C. p. tr. Curiosita popoluri tradizionali ed. da Pitré. Palermo. 1885. 19 v.

Daremberg et Saglio, Dictionnaire de l'Antiquité. Paris. 1889—

Decombe, L. Chansons populaires recueillies dans le departement d'Ille et Vilaines. Rennes. 1884.

Diez, Fr. Die Poesie der Troubadours, 2. Ausg. v. K. Bartsch. Lpz. 1883.

Di Giovanni, Usi, credenze e Pregiudizi del Canavese. 1889. *C. p. tr.*

Dobšlaský, P. Prostonárodne obyčaje, povery a hry slovenské. Turč. sv. Martin. 1880.

Domas Hinard, Romancero español. Paris. 1844. 2 v. in 12.

Ditchfield, P. H. Old English Customs extant at the Present Time. L. 1897.

Dyer, British Popular Customs. L. 1878 & 1891.

—— English Folk Lore. L. 1878.

—— Old English Social life as told by Parish Registers. L. 1898. 8⁰, pp. VI, 267.

Ellis, W. Polynesian Researches in two volumes. London. 1829.

Engelien, A. und Jahn, Der Volksmund in der Mark Brondenburg. Berlin. 1868.

Erben, Prostonárodní cěské pisně, v. Praze. 1862—64.

—— Pisně národni v Čechach, v. Praze. 1843—45, in 12. Sw. 1—3.

Erben, Česká nár. poladka, v. Praze. 1855.

—— Prostonarodni česke pisne a řicalda, v. Praze. 1882.

Erk-Böhme, D. Lh. Erk. L. Deutsches Liederhort her. v. Böhme. Berlin. 1870—93. 3 Bd. in 4⁰.

Ewald, Die Alterthumer des Volkes Israel, 2. Ausg. Göttingen. 1854.

Farnell, The cults of the Greek States. 3 v. Clar. Press. 1896—98.

Fath (F.). Die Lieder des Castellans, v. Coucy. Heidelberg. 1883.

Federowsky, Lud okolic Zarek, siewierza i Pilicy, jego zwyczaje, sposób życia, obrzędy et d. 2 tom. Warszawa. 1888. *(Bibljoteka Wisły,* t. I u. II).

Ferrari, Biblioteka di litteratura popolare. Firenze. 1882.

Ferraro, G. Canti popolari monferrini *(Canti racconti).* Torino. 1870 sq.

—— Superstizioni, usi e proverbi Monferrini. Palermo. 1886.

—— Canti popolari del basso Monferrato. Palermo. 1888.

—— Canti popolari in dialetto logodarese *(Canti racconti).* 1891.

Finamore, Usi e costumi abruzzesi. 1890. *C. p. tr.*

Flamenca publié par P. Meyer. Paris. 1860. 2 ed. Paris. 1901.

Fleury, J. Litterature arabe de la Basse-Normandie. Paris. 1883. *Llpdtln.*

F. L. изданія Folk-Lore Soilty. London (Nutt).

—— **Folk-lore,** A quaterly review for the F. L. Society. L. 1890—

Folk Lore Record, v. I (1878) — V (1882).

Folk Lore Journal. London. 1885—89.

Fränkel, Studien zur römische Geschichte. Breslau. 1884.

Frazer, Golden Bough. London. 1890. 2 v. 2-nd ed. 1901. 3 v.

Gagnon, Chants populaires du Canada. Quebec. 1865, in 8⁰.

Gaidoz, Le Dieu Gaulois du soleil et le symbolisme da la roue. Paris. 1886.

—— Un vieu rite médicale. Paris. 1892, pp. 84, in 8⁰.

Gasté, Noels et vaudevirs du Ms. de Jehan Poree. Caen. 1883.

—— Chansons normandes du XV s. Le Gost-Clérisse. 1866, in 12.

Georgi, Merkwürdigkeiten der abischen Ostjaken, Sambjeden, doürischen Tungusen etc. Leipzig. 1777.

—— Bemerkungen einer Reise im russischen Reiche. 1772—1774. St.-Petersburg.

Georgi, Russland. Beschreibung aller Nationen des russ. Reiches, ihrer Lebensart, Religion, Gebräuch, Wohnungen, Kleidungen u. übrigen Merkwürdigkeiten. Lpz. 1783, in 4⁰.

—— Описаніе всѣхъ обитающихъ въ Русскомъ государствѣ народовъ, ихъ житейскихъ обрядовъ и пр. СПБ. 1799, in 4⁰.

Giacobbe, Il Canavese, coluso cronistorico-corografico. Torino. 1884.

Gilbert, Geschichte u. Topographie d. Stadt Rom. im Altert. Lpzg. 1883.

G. di Giovanni, Usi, credenze e prediudizi del Canavese. Palermo. 1889, p. 168. *Usi e cost.* v. VI.

Giusti, Raccolta di proverbi toscani. Firenze. 1853. 16⁰.

Glastnik Zemaljskog Muzeja u. Bosni i Hercegovini. Sarajevo. 1887—1901.

Gloger, Z. à Noskowski, Z. Piesni ludu. W Krakowie. 1892.

Godefroy, Fr. Dictionnaire de l'ancienne langue française. Paris. 1881— 4⁰. 9 v.

Goedecke Tittmom, Liederbuch du XVI Jahr. Leipzig. 1867.

Goehler, De matris magnae apud Romanos cultu. Lipsiae. 1886.

Golembiovski, Gry i zabawy różnych stanów w kraju catym lub niektórych tylko prowincyach. Warszawie. 1831.

—— Lud Polski jego zwyczaje i zabawy. W Warszawie. 1830. 8⁰.

—— Domy i dwory. Warszawa. 1830.

Gopćević Spiridon, Makedonien und Alt. Serbien. Wien. 1889, (р. пер. СПБ. 1899 г. пер. Петровичъ).

Gotti, Aggiunta ai proverbi toscani di Giusti. Firenze. 1855, in 16⁰.

Grabinscki, S. Die Sagen des Aberglaubes und aberglaubische Sitten in Schlesien. Schveidnitz. 1887.

Gregor, Rew. W. Notes on the Folk-Lore of the North East of Scotland. London. 1881.

Grimm, J. Deutsche Mythologie (1-ое изд. 1835) 4-ое изд. Е. Н. Meyer'a, 1878. 4. B.

D. M. англ. пер. Teutonik Mythology by J. Grimm translated from the 4 ed. with notes and Appendix by *James Steven Stallybrass.* London. 1882—1888. 4 vls.

Groeber, Grundriss der romanischen Philologie. Strassburg. 1886—1902.

Groos, K. Die Spiele der Menschen. Jena. 1899.

Groot, Les fêtes annuelment célébrées à Emoni (Amoy), étude concernant la religion populaire des chinois. Paris. 1886, dans les *Annales du Musée Guimet,* XI et XII.

Grosse, Die Anfänge der Kunst. Leipzig. 1894.

Guechat, Les fêtes populaires de l'ancienne France. Paris, in 24. 1886. Petite Bibliotheque populaire.

Guillaume de Dôle, см. Servois.

Haas, Als. Volkstümliches aus Vögisheim in badische Markgräflerland. Bonn. 1897.

Habermann, Aus der Volksleben der Egerlandes. Eger. 1886.

Haller, Altspanische Sprichwörter. Lpz. 1883, gr. 8⁰.

Halm, H. Skizzen aus dem Frankenlad. Schwäbisch-Hall. 1884. 5 theile.

Hanuš, Bájesbovny Kalendár slovansky. Praže. 1860.

Hartland, E. S. County Folk-Lore ed by E. S. H. London. 1892.

Hartmann, Der Römische Kalender. Leipzig. 1882.

Hasse, Kirchengeshichte. Leipzig. 1890.

Haupt, M. Neidhart von Reuenthal. herausg. v. M. H. Leipzig. 1858.

—— Französische Volsklieder. Leipzig. 1877, in 12.

—— u. **Schmaler** v. Smolerz.

Hauttecoeur, Le f. l. de l'ile de Kythnos. Bruxelles. 1898.

v. Hefele, C. I. Konziliengeschichte. Freiburg in Br. 1877.

Heikel, A. Die Gebraüche der Ceremissen, Mordwinen, Esten und Finnen. Helsingfors. 1888.

Heinrich, G. A. Agrarische Sitten und Gebräuche unter der Sachsen Siebenbürgens. Hermanstadt. 1880.

Henderson, W. Notes on the Folk-Lore of the Northern Counties of England & the Borders. London. 1879, new edition. 1879. *F. L. S.*

Hoefler, Volksmedicin und Aberglaube in Oberbayern. München. 1888. (Ernst Stahl).

Hoff, B. Lud Cieszyński. Warszawa. 1888.

Ilič, Narodni slavon obič. Zagreb. 1846.

Izvestja Muzejskega drüstva za Kranjsko, v. Ljubljani. 1890—

Jahn, U. Die deutsche Opfergebraüche bei Ackerban und Viehzucht. Breslau. 1884.

Jakobowski, L. Die Anfänge der Poesie. Dresden. 1891.

Jan, Św. Lud nadrabski od Gdowa po Bochnię. Krakow. 1893.

Jaufre Rudel, v. Stimming.

Jeanroy, A. Chansons et Ditz artesiens du XIII s. p. par A. J. et H. Guy. Bordeaux. 1898.

—— Les Origines de la poésie lyrique en France au moyen agen. Paris. 1889.

Junod, H. Les chants et les contes des Ba Ronga de la bais de Delagoa Sousanne (Bridel) 4 b. 1898.

Kaindl, Das Fest kalender der Rusnaken und Huzulen. Czernowitz. 1891. *(Am d. Mitth der K.K. Geograph. Gesellschaft)*.

Kehrein, Volkssprache und Volkssitte im Herzogthum Nassau. 2 Bd. Weilburg. 1860—1862. 8⁰ gr.

Klaić Vjenoslav, Hrvatska pjesmarica. Zagreb. 1893. Izdala *Matica Hrvatska.*

Klemm, Allgemeine Culturgeschichte. Leipzig. 1843.

Köhler, C. und Meier John, Volkslieder von der Mosel und Saar Halle. 1896.

Köhler, R. Aufsätze über Märchen und Vollkslieder herausg. v. E. Schmidt. Berlin. 1894.

Kollar, Narodnie zpiewanky. V. Budíně. 1834—35. 2 v.

Kolbe, Hessische Volks Sitten und Gebräuche. Marburg. 1888. 8⁰. M. 5780. 2. Aufl.

—— Heidnische Abterthumer in Oberfessen. Marburg. 1881.

Kolberg, Lud. Jego zwyczaje sposób życia, mowa, podania, przyslowia, obrzedy gusla zabawy, pieśni, musyka i tańce, I—XIII. Warszawa. 1857—1897.

Kollár, Narodnié zpiewanky. V. Budině. 1834—35. 2 t.

Krauss, Sitten und Brauch der Südslawen. Wien. 1885.

—— Volksglaube und Religiöns Brauch der Sudslaven. Wien. 1890.

Krek, Einleitung in die slavische Lit. Graz. 1887, in 8⁰.

Kriegk, Deutsches Bürgerthum im Mittelalter. Frankf. a M. 1868.

Kuba Ludvik, Slovanstvo ve svých zpěvech. 1884—

Kuhač, Južno-slovjenske narodne popjevke 4 t. Zagrebu. 1878—1881.

Kuhn, A. Märkische Sagen u. Märchen. Berlin. 1843.

—— Sagen Gebräuche und Märchen aus Westfalen und einigen andern, besonders den angrenzenden Gegenden Nord deutschlands. Theil I Sagen. Theil II Gäbraische und Märchen. Leipzig. 1859.

Kuhn, A. Herabkunft des Feuers und des Göttertranks. Berlin. 1859.

—— Mythologische Studien. 2 te Ausg. 1886.

Kuhn, A. und Schwartz, Narddeutsche Sagen, Märchen und Gebräuche aus Mecklenburg, Pommern der Mark, Sachsen Thüringen, Braunschweig, Hannover, Oldenberg und Westphalen. Leipzig. 1848.

Kulda, Moravské narodní pohadky, pověsti obyčeje a pověry. V. Praze. 1874. 2 sv.

Lachmann, K. und Haupt, Der Minnesangs Frühling, 4. Ausg. Leipzig. 1888.

Lang (Andrew), Myth., ritual and Religion. London. 2 v. 1887.

—— The Making of Religion. London. 1898.

—— Modern Mythology. London. 1897.

—— Magic and Religion. London. 1901.

Lang, K. Abriss der Sitten und Bräuche aller Nazionen. Nuremberg. 1810.

Langlois, E. Robin et Marion, v. Adam le Bossu.

Lechner, Mittelalterliche Kirchenfeste und Kalendarien in Baiern. Freiburg in Breisg. 1891.

Lecoy de la Marche, Les Manuscrits et les Miniatures. Paris. 1884.

Legrand, E. Recueil de chansons populaires grecques. Paris. 1874.

Lemke, Volkstümliches in Ostpreussen. Mohrungen. 1884. 1 Theil.

Leoprechting, Aus dem Lechrain. Münschen. 1855.

Lespy, Dictons et proverbes de Bearne. 2 ed. Paris. 1892.

Letopis Matice Slovenske.

Levstik, Fr. Vadnikove Pesni izdala i založila *Matica Slovenska.* 1869. Ljubljani.

Liebrecht, F. Zur Volkskunde Heilbron 1879 (Heninger) gr. 8⁰.

Liliencron, R. F. Deutsches Leben im Volksliede um 1530. Berlin u. Stuttgardt. 1884.

Lippert, Christantum. Berlin. 1882.

—— Allgemeine geschichte des Priesterthums. Berlin. 1883. 2 B.

—— Deutsche Festbräuche. Prag. 1884, VII, 221 s. t. 3.

—— Kulturgeschichte der Menschheit. Stuttgart. 1887.

—— Deutsche Sittengeschichte, 2 Theile, 1889. № 68 и 69, изд. «*Das Wissen der Gegenwart*». Praga, Leipzig.

Lipdtin. Les litterature populaires de toutes les nations.

V, VI et VII. Bladé, Poesies populaires de la Gascogne. 3 v. 1883.

XI. Fleury, Litterature orale de la Basse Normandie. 1883.
XV. Vinson, Folk Lore du pays basque. Paris. 1883.
XVII et XVIII. Weckerlin, Chansons populaires de l'Alzace. 2 v. Paris. 1883.
XXII. Sebillot, Contumes populaires de la hantes Bretagne. Paris. 1886.
XXVIII. Caspoy et Nicolaidès, Traditions populaires de l'Asie Mineure. 1888.
XXIX. Sauvé, Le Folk Lore des Hautes Vosges. 1889.
XXXI. Georgeakis et Pineau, Le Folk Lore de Lesbos. 1894.
XXXIII. Orain, Folk Lore de Ville et Vilaine. 1897.
XXXV. Sébillot, Littérature orale d'Anvergon. 1898.

Latz, Questiones de hist. Sabbati. Leipzig (Diss.) 1882. 108 p.

Lud. Lwów. 1895—

Luzel et le Braz, Somion Breiz Izel, chansons populaires de la Basse Bretagne recueillies et traduites. Paris. 1890. 2 v.

Lyncker, Deutsche Sagen und Sitten in hessischen Gauen gesammelt. Cassel. 1854.

Machado y Alvarez, Biblioteca de las tradiciones populares españoles ed. da M. y A.

Máchal, Nákres Slovanskieho Bàjeslovi. 1891. Praga.

Macroaldi, Canti popolari inediti. 1855.

Maetzner, Altfranzösische Lieder. Berlin. 1853. 2 v.

Mahn, C. A. F. Gedichte der Troubadours. 4 Bd. Berlin. 1856—73.

—— Werke der Troubadours. 4 Bd. Berlin. 1846—57.

Malinowskij, L. Zarysy zycia ladowego na Szląsku. Warszawa. 1877.

Mannhardt, Beitrag zur germanische Sittenkunde. Berlin. 1868. (Dümler).

—— Wald und Feldkulte. 2 Th. Berlin. 1875.

—— Mythologische Farschungen *(Quell. u. Forsch.)* Strasbourg. 1884.

Manni, J. Maggio Firenze 1816, nelle «Veglie piacevoli», v. VIII.

Marcellus, Conte de M. Chants populaires de la Grèce moderne. Paris. 1860.

Marin, Cantos populares españoles Sevilla 1882—83. I—V.

Martinov, J. Annus Ecclesiasticus Graeco-slavicus etc. Bruxellis. 1863.

Marty-Laveaux, см. Rabelais, Oeuvres publ. p. M. L.

Materiały antropologiczno - archeologiczne i etnograficzne, продолж. «Zbiora wiadomosti».

Mažuranic Stjepan, Hrvatske narodne Pjesme. Svezak 1,2, Lenju. 1880 u. 16⁰.

Meirac, Traditions, coutumes, légendes et contes des Ardennes. Charleville. 1890.

Mélusine, Recueil de mythol. litt. pop., trad. et usages. Paris. 1878 (I) —

Meyer, E. H. Germanische Mythologie. Berlin. 1891. *Lehrbücher der Germanischen Philologie,* I.

Meyer Gustaw, Essays und Studien zur Sprachgeschichte und Volkskunde. Berlin. 1885.

Meyer, J. Volkslied und Kunstlied in Deutschland. Münschen. 1898.

Meyer Paul, Recueil d'anciens textes baslatins, provençaux et français. Paris. 1877.

—— v. Flamenca.

Mikloschitsch, Ueber die Rusalien. Wien. 1864. *Sitzungsberichte d. K. W. Ak. d. Wiss. phil. hist. kl.* Cl. XLVI.

Mogk, Mythologie, v. Paul's Grundriss, I, p. 982—1138.

Mommsen, Feste der Stadt Athen. Lpz. 1898.

Monaci, E. Crestomazia italiana. Citta di Castello. 1889.

Monier, Traditions populaires comparées. Paris. 1854.

Monnier et Vingtrinier, Traditions populaires comaprées. Paris. 1854.

Montanus, Die Vorzeit, 2 Bd. herausgg. v. Waldbruhl. Elberfest. 1870—71.

—— Die Deutschen Volksfeste, Volksbräuche und deutscher Volksglaube. Iselorn. 1854—58. 2 Bändchen.

Mucke, J. R. Horde und Familie in ihrer urgeschichtlichen Entwickelung. Stuttgart. 1895.

Mülleneisen, De Cornelii Labeonis fragmentis, studiis, adservationibus. Marburg. 1889. Diss.

Müllenhoff, Sagen Märchen und Lieder der Herz. Schlesian, Holstein und Lanenburg. Kiel. 1845.

Müller, Max. Essays. Leipzig. 1881.

Müller, W. Beiträge zur Volkskunde der Deutschen in Mähren. Wien (Gräses). 1893, s. 144. 8⁰.

Naaf, Das Jahr im Volkslied und Volksbrauch der Deutsch böhmen. *Mittheilungen des deutschen Böhmerwuldbundes,* Budweis XXII, s. 250—264; XXIII, s. 182; XXV, s. 380—393; XXVII, s. 344—349.

Národopisný Sbornik česko-slovanský, v Praze. 1897—

Narodne Pjesme, izdala Matica Dalmatinska u. Zadru. 1865.

Nauk, J. Aus dem Böhmerwalde. Leipzig. 1843 u. 1851.

Neidhart v. Reuenthal, v. Haupt.

Nigra, c. Canti del Piemonte. Firenze. 1889.

A. de Nore, Coutumes, mythes et traditions des provinces de France. Paris. 1846.

Novati, Fr. Malmaritata, canzone a ballo lombarda del secolo XV. Ad Al. d'Ancona che da trent'anni dottamente insegna nell'Ateneo Pisano offrano Fr. Novati e A. Nerri. XXX Giugno MDCCCXC. Genova Tip. Sardo Muti (въ продажу не поступало).

Nowosielski, Lud ukraiński (jego piesni bajki, podania, klechdy). Wilno. 1857.

Pabst, E. Die Volksfeste des Maigrafen. Berlin. 1865. 4⁰.

—— Der Maigraf und seine Feste. Reval. 1864.

Pajek, J. Črtice iz duševnega žitka štajerskih Slovencev *(Matica Slovenska)*. V Ljubljani. 1884.

Panzer, Beitrag zur deutschen Mythologie. München. 2 Bd. 1848—55.

Paris, G. Chansons du XV-ème siècle. *(Société des Anciens Textes français)*. Paris. 1875.

—— Les origines de la poésie lyrique en France au moyen âge. Paris. 1892, in 4⁰. Extrait du *Journal des savants*.

Passow, Carmina popularia graeca. Lpz. 1860, in 8⁰.

Paul, H. Die Gedichte Walters v. d. Vogelweide herausg. v. H. P. Halle. 1892.

—— Grundriss der Germanischen Philologie. Strassburg. 3 Bd. 1. Aufl. 1891—1893.

Pauli, Ž. Piésni ludu polskiego w Galicyi. Lwów. 1838, in 8⁰.

—— Pieśni ludu ruskiego w Galicyi. I, II. Lwów. 1839—40, in 8⁰.

Peck, Ed. Valašské národní písně a říkadla. 1884.

Peschel, Völkerkunde. 6. Ausg. Berlin. 1885.

Peter, I. Charakter und Sittenbilder aus dem deutschen Böhmerwalde. Graz. 1886.

Pfannenschmid, Germanische Erntefeste im heidnischen und christlichen Kultus mit besonderer Beziehung auf Niedersachsen. Hannover. 1878.

—— Weinachts-Neujahrs und Drei Königslieder aus dem Ober Elsass. Colmar. 1884. 8⁰.

Piazza, Studio critico intorno al Pervigilium Veneris. Trani. 1889. 8⁰.

Piper, Karls des Grossen Kalendarium. Berlin. 1858.

Pires Thomaz, Calendario rural. Elvos. in 18⁰. 1893.

Pitré, Bibliografia delle tradizioni popolari d'Italia. Palermo. 1894, in 8⁰ gr.

—— Proverbi siciliani, 2 v. Palermo. 1880. «*Biblioteca di tradizioni popolari siciliani*».

—— Usi e costumi siciliani. 4 v. 1887—1889. Ibid.

—— Spettacoli e feste popolari siciliani. Palermo. 1881. Ibid.

—— Studi di poesia popolare. Palermo. 1872.

—— Le Premier Mai en Italie. *La Tradition*. № 33, 34, 35 (1889—90).

Poésies populaires de la France. Paris. Mss. Bibl. Nat. Nouvelles Acquisitions. № 3338—43. 6 vol. in folio.

Poestion, Die alten nordischen Frühlingsfeste, составл. по Troels Lund, Danmarks og Norges Historie i Seutningen af den XVI Aarhudrede I Kjobenhavn. 1885. *Z. f. V.* III (1891) ss. 268—271, 310—311, 349—350, 387—389, 425—432, 464—475.

Pokucia, Obraz etnograficzny skreślil, Or. Kolberg. Krakow. 1882.

Preller, Römische Mythologie. Berlin. 1865.

—— Römische Mythologie. 3. Aufl. v. H. Jordan. 2 B. Berlin. 1881.

Pröhle, Harzbilder. Leipzig. 1855.

Proverbes et dictons Agricoles de la France. Paris. 1872.

De Puymaigre, Chants populaires recueillis dans le Pays Messin. 2 ed. Paris. 1881. 2 v.

—— Folk-Lore. Paris. 1885.

Rabelais, Les oeuvres de Maistre Fr. R. etc. par Marty-Laveaux, v. I—IV. Paris. 1878—89.

Radloff, Die Sprachen der türkischen Stämme Süd-Sibiriens und der dzungarischen Steppe I Abt. Proben der Volkslitteratur. 1866.

Ramsay, Scotland and Scotsmen in the XVIII c. from the Mss. of John R. ed. by A. Allardyce. London. 1888.

Rank, J. Aus dem Böhmenwalde. Leipzig. 1843.

Raynaud, G. Bibliographie des chansonniers français des XIII et XIV siecles etc. Paris. 1884. 2 v.

—— et Lavoix H. Recueil de motets français des XIII et XIV siècles. 2 v. Paris. 1884.

Reifferscheid, A. Westfalische Volkslieder in Wort und Weise etc. Heilbronn. 1879.

Reinsberg-Düringsfeld, Festkalender aus Böhmen. Prag. 1893.

—— Das festliche Jahr. Leipzig. 1863.

—— Traditions et légendes de la Belgique. Bruxelles. 1870.

—— Calendrier belge. Bruxelles. 1862.

Renault, Esquisses historiques sur les feux et les chants de la Saint Jean Coutances. 1856.

Réville Albert, Les Religions des peuples non-civilisés. Paris. 2 v. 1883.

—— **Jean.** La Religion à Rome sous les Sevères. Paris. 1886.

R. d. l. r. Revue des langues romanes. Monpellier-Paris. 3-ème serie.

Revue des traditions populaires. Paris. 1885—

Rezasco, G. Maggio Genova. 1886. (Nuovo articolo del *Diziorario italiano storico ed administrativo*, estratto da *Giornale Ligustico di Archeologia Storia e Letteratura* anno XIII, pp. 81—159, Fascicoli II, III, IV, pp. 1—83.

Riehl, Bavaria Landes u. Volkskunde des könightums Baiern. 1860—67. 4 B.

Robertson-Smith, Lectures on the religion of the Simites. Edinburgh. 1889.

Rochholz, Drei Gauggöttinnen: Walburg, Verena und Gertrud als deutsche kirchenheilige. Sittenbilder. Lpz. 1870.

—— Deutscher Glaube und Brauch im Spiegel der heidnischen Vorzeit. 2 B. Berlin. 1862.

Rodd. The customs and Lore of modern Greece. London. 1892.

Rolland, E. Recueil de chansons populaires tomes I—V. Paris. 1883—1887, in 8⁰.

Romania, Recueil trimestriel pp. M. M. G. Paris et P. Meyer. Paris. 1872—

Roscher, Ausführliches Lexicon der Griechischen und Römischen Mythologie. Leipzig. 1894—

—— Studien z. Griechischen Mythologie vom vergl. Standpunkt. Lpzg. 1890.

Rossi-Teiss, Miscellanea Nuziale R.-T. Bergamo. 1897.

Le Roux de Lincy, Livre de proverbes français. Paris. 1859.

Rozière, Recherches sur la poésie contemporaine. Paris. 1896.

Rzehorz F. Kalendářik z narodního života Lemkův. Praga. 1897. (*Čas. Musea Kr. Českeho*).

Sachs Hans, herausgegeben von A. v. Keller. Tübingen. 1870—1891. *Bibliothek des Litterarischen Vereins in Stuttgart.*

Salomone-Marino, Costumi e usanze dei contadini di Sicilia. Palermo. 1897.

De Santa-Anna Nery, Folk Lore Brésilien. Paris. 1889.

Saxo Grammaticus, Historia Danica ed. Holder. Strassburg. 1886.

Sbornik musealnej slovenskej spoločnosti. I. 1896—

Sborník slovenských národnich piesni, povesti i t. p. vydava *Matica Slovenská.* 1870.

Schade Oscar, Klapfan, ein Beitrag zur Geschichte der Neujahrsfeier. Hannover. 1855.

Scheible, Das Kloster-Weltlich und Geistlich. Stuttgart. 1845—1847. 6. Bd. Die gute alte Zeit etc. 7. Bd. Festkalender, Sitten und Gebr. herausg. g. v. Nork.

Scheinigg, Narodne Pesni koroškich Slovencev. Ljbljana. 1889.

Scheffler, Die französische Volksdichtung und Sage. 2. Bd. Leipzig. 1884—85.

Scheler, A. Trouvères belges du XII au XIV siècle. 2 series. Bruxelles. 1878—1879.

Scherer (W). Poetik. Berlin. 1888.

Schlegel, L'Uranographie Chinoise. Haye. 1875.

Schleicher, Volksthümliches aus Sonnenberg in Meiningen. Oberlande. Weimar. 1854.

Schlossar, Cultur und Sittenbilder aus Steiermark. Graz. 1885.

—— Deutsche Volkslieder aus Steiermark. Innsbruck. 1881.

Schmitz, Sitten und Bräuche des Eifler Volkes. Trier. 1856. 2 Bd.

Schönbach, Die Anfänge des deutschen Minnesang. Graz. 1898.

v. Schulenberg, W. Wendische Volkssagen und Gebräuche aus dem Spreewald. Lpzg. 1880.

Schultze, Fr. Psychologie der Naturvölker. Leipzig. 1900. 8⁰.

Schultze, Vict. Geschichte des Untergangs des griechisch-römischen Heidentums. Jena. 1887.

Schurtz Heinrich, Katechismus der Völkerkunde. Lpzg. 1893.

Schwartz, W. Indogermanischer Volksglaube. Berlin. 1885, in 8⁰.

—— Prähistorisch-anthropologische Studien. Berlin. 1884.

—— Der heutige Volksglaube und das Heidenthum. 1. Ausg. 1850. 2. Ausg. 1862.

—— Die Poetischen Naturanschauungen der Griechen, Römer und Deutschen in ihrer Beziehung zur Mythologie. Berlin. I B. (1874), III B. (1879).

Seeman, B. Hannoversche Sitten und Gebräuche (Hannover). Leipzig. 1862.

Seifart, Sagen, Märchen, Schwänke und Gebräuche aus Stadt und Stift. 2. Aufl. Hildesheim. 1889.

Servois, Guillaume de Dôle publié par S. Paris. 1894. *(Société des anciens textes français).*

Settegast, Ueber Joi in der Sprache der Troubadours neben Bemerkungen über jai, joia, und gaug. *Berichte über die Verhandlungen der Königlichen Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften zu Leipzig.* (Philol. historische Classe). I. 1889, s. 99—154.

Simrock, Handbuch der Germanischen Mythologie. Bonn. 1887.

Smolerja, Pjesnički hornych a dolnych Łužiskich Serbow wodate wot Leop. Howpta a I. E. Smolerja. Grymi. 1841—1843. 4⁰. 2 č.

Sobotka, Rostlinstvo v národním podání slovanském. Praze. 1879. *Novočeska Bibliotheka,* číslo XXII.

Sommer, E. Sagen Märchen und Gebräuche aus Sachsen und Thüringen. Halle. 1846.

Spee, Volksthümliches von Niederrhein. Köln. 1875. 2 Hefte.

Spiess, Aberglauben und Gebräuche im Ober-Erzgebürge. H. 2. 1862.

Spencer, H. Descriptive Sociology or groups of sociological facts. by H. Spencer compiled by D. Duncan, R. Scheppig & I. Collier. London. 1873—1878, in folio.

—— The Data of sociology, p. пер. Основанія Соціологія. СПБ. 1876.

Šaffařjka, I. Blahoslaw, Jan. Pisně swětaké lidu slowenského w Uhřjch. W Pessti. 1823—27. 12⁰.

Steenstrup, Etudes sur les chansons danoises au moyen âge. Copenhague. 1891. (Extrait du Bulletin d. l'Academie Royale Dan. des Sciences et des Lettres pour l'année 1891).

Stimming, Der troubadour Jaufre Rudel. Kiel. 1873.

Stojanović, Slike iz domaćega života Slavonskog naroda i iz prirode, s dodatkom i Slavonske pučne igre. U Zemunu. 1857.

Stöber, A. Elsässisches Volksbuchlein. Strassburg. 1842.

Strekelj, K. Slovenske narodne pesmi izdala in založila *Slovenska Matica.* V Ljubljani. 1895—97. I—III.

Strutt, Sports and pastimes of the peeple of England. L. 1834.

Strzygowski, Die Calenderbilder des Chronographen vom Jahre 354. Berlin. 1888.

Sušil, Moravské národní písně. V. Brně. 1862. 2 vyd. 1853—1859. 8 svaz.

Szulc, Mythologija słowiańska. Poznań. 1880.

Tarbé, P. Romancero de Champagne. Reims. 1863—64. 5 vol. 8⁰.

—— Les chansonniers de Champagne aux XIIe et XIIIe siècles. Reims. 1850.

—— Chansons de Tiebaut IV, compte de Champagne et de Brie. Reims. 1851.

Teodorescu, G. Dem. Poesii populare române. Bucuresci. 1885, in 4⁰.

Thomas, A. Poésies complètes de Bestran de Born p. p. A. Th. Toulouse. 1888. (*Bibliothèque Medidionale* 1-ère serie, tome I).

Tiersot, I. Histoire de la Chanson Populaire en France. Paris. 1889.

Tigri, Canti popolari toscani. Firenze. 1860.

Tille, A. Yule & Christmas their place in the Germanic year. London. 1899. Nutt.

Tobler, L. Schweizerische Volkslieder. *Bibliothek älterer Schriftwerke der deutschen Schweiz* her. v. I. Baechtold und F. Vetter. Bd. 4 und 5. 1884.

La Tradition, revue générale des Contes, Legendes, Chants, Usages etc. 1886—

Tréburcq, La chanson populaire de la Vendée. Paris. 1896.

Trojel-Lund, v. Poestion.

Trombatore, Folklore Catanese. Torino (Clousen). 1896.

Tylor, Early History of Mankind. London. 1865.

—— Researches in the early history of mankind. 2 v. 1865.

—— Primitive Culture. 2 v. London. 1873 & new edition 1893.

Urban, As da Haimat. Eine Sammlung deutscher Volkslieder aus dem ostfränkischen Sprachgebiete. Falkenau. 1894.

Usener, Religionsgeschichtliche Untersuchungen II Christlicher Festbrauch Bonn. 1889. (Das Weinachtfest).

Václavek, M. Moravské Valašsko Na Vsetíně. 1894.

Veckenstedt, Edm. Wendische Sagen, Märchen und abergläubische Gebräuche. Graz. 1880.

Venusgärtlein, Ein Liederbuch des XVII Jahrh. herausgeg. v. Waldberg, *(Nachdrücke zur deutsch. Litteratur)*.

Vernaleken, Alpensagen Volksüberlieferungen aus Schweiz, Vorarlberg, Kärnten, Steiermark und Oesterreich. Wein. 1858.

—— Mythen & Gebräuche des Volks in Oesterreich. Wien. 1859. I.

Volkov, Th. Rites et usages nuptieux en Ukraine. *Anthropologie*, t. II, pp. 160—180, 408—487, 537—587; t. III, p. 541—588.

Vraz Stanko, Pěsni ilirske koji se pěvaju po štajerskoj, kranjskoi, koruškoi i zapadnoj strani ugarske. U Zagrebu. 1839.

Wackernagel, Das deutsche Kirchenlied bis zu Anfang des XVII Jahrh. Leipzig. 1864—1877.

Waitz, Th. Anthropologie der Naturvölker. 6 Bd. Lpz. 1860—72, fortgesetzt v. G. Gerland.

Walsh, W. S. Curiosities of Popular Custums & of Rites, Ceremonies, Observences & Misc. Antiquities Ill. (Gibbings), p. 10. 1898.

Walter v. d. Vogelveide, см. Paul.

Weckerlin, J. B. L'ancienne chanson populaire en France (16e et 17e s.) avec préface et notices par J. B. W. Paris. 1887.

—— Fêtes et chansons pop. du primtemps et de l'été. Opuscules sur la ch. pop. et sur la musique. *Mémoires de la Société des Antiquaires*. VI, 1874, p. 144.

Weinhold, Deutsche Jahrtheilung. Kiel. 1862.

—— Deutsche Monatsnamen. Halle. 1869.

—— Die deutschen Frauen im Mittelalter. Wien. 1882. 2. Aufl.

Weiss, Volkssitten und religiöse Gebräuche. Brenen. 1893.

Westermark, History of human marriage. London. 1893.

Wetzer und Welte, Kirchenlexikon oder Encyklopädie der Katolischen Theologie und ihrer Hulfswissenschaften. 2. Aufl. herausg., v. Dr. Fr. Kaulen. Freib. in Breisg. 1885—1897.

Wiedemann, Aus dem inneren und äusseren Leben der Ehsten. S.-Petersbourg. 1876.

Willmanns, Walter von der Vogelweide. 1886.

Wilson, H. H. Essays and Lectures chiefly on the Religion of Hindus. 2 v. ed. by Reinhold Rost. London. 1862.

Wisła, miesięcznik geografraczno-etnograficzny pod kierunkiem literackim Jana Karłowicza. Warzzawa. I (1887)—

Witzschel, Sitten und Gebräuche aus der Umgegend von Eisenach, 1866. «*Jahresbericht über der Karl-Friedrichs-Gymnasium zu Eisenach von Ostern 1865 bei Ostern 1866*».

—— Kleine Beiträge zur deutschen Mythologie, Sitten u. Heimatskunde aus Turingen. Wien. 1-er Th. 1866. 2 Th. 1878. Sagen Sitten und Gebräuche aus Thuringen gesammelt v. A. W. u. herausg. v. Dr. G. L. Schmidt [сокр. Wintzschel-Schmidt].

Whislocki, Sitte und Brauch der Siebenburgen Sachsen. Hamburg. 1888.

—— Volksglaube und religiöser Brauch der Zigeuner. Münster. 1891.

—— Aus dem inneren Leben der Zigeuner. Berlin. 1892.

—— Volksglaube und religiöser Brauch der Magyaren. Münster. 1893.

—— Volksglaube und Volksbrauch der Siebenbürgen Sachsen. Berlin. 1893.

Waeste, J. Volksüberlieferungen. Iserlohn. 1848.

Wojnicki, Zarysy domove. 1842.

Wuttke, Der deutsche Volksaberglaube der Gegenwart. 1869.

Z. d. V. f. V. Zeitschrift der Vereins fur Volkskunde. Продолжение Z. f. V. 1890—

Z. f. d. A. Zeitschrift für deutsches Alterthum. Berlin. Neuefolge. 1868—

Z. f. d. Ph. Zeitschrift für deutsche Philologie. Halle. 1868—

Zeitschrift für österreichische Volkskunde. Wien. I. 1895—

Z. f. r. Ph. Zeitschrift für romanische Philologie. Halle. 1868—

Z. f. V. Zeitschrift fur Volkskunde. Leipzig. 1884—1890.

Zbior wiadomości do antropologii krajowej, wydawany, staraniem komisyi antropologeznéj Akademii umiejętności w Krakowie. 1877—1895.

Zbornik za narodni život i običaje Južnich Slovena, Na svijet izdaje Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti. Svezak I—IV. U Zagrebu. 1896—

Zibrt, Č. Seznam pověr a zvyklostí pohanských z. VIII věku. Praga. 1894. *Rozpravy české akademije*, r. III, t. I, č. 2.

—— Staročeské výroční obyčeje, pověry, slavnosti a zabavy prostonárodní pokud o nich vypravují písemné památky až po náš věk. v. Praze. 1889. (Č. L.)

—— Myslivecké pověry a čary za star. čas. v. Č. Písku. 1889. (Č. L.)

Zibrt, Listy z českých dějin Kulturných, ve. Praze. 1891. (Č. L.)

—— Skřítek v lidovem podáni staro č. v. Praze. 1891. (Č. L.)

—— Chozeni s klibucu v době vánoční a masupustní, v. Praze. 1893. (Č. L.)

—— Vynošení «smrti» a jeho vyklady, v. Praze. 1893. (Č. L.)

—— Jizda «králů» o letnicich v zemích česko-slovenských. 1892. (Č. L.)

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Введеніе.

Изученіе всякаго художественно-литературнаго произведенія вызываетъ цѣлый рядъ вопросовъ, на первый взглядъ какъ будто мало связанныхъ другъ съ другомъ. Когда цѣль изслѣдованія составляетъ созданіе поэта, естественно спросить себя, чьимъ художественнымъ исканіямъ оно отвѣтило, естественно постараться открыть въ немъ отраженіе личности автора, вліяніе среды, въ которой оно возникло, литературнаго направленія, воспитавшаго художественные пріемы его творца. Все это вопросы историко-литературные. Съ ними связаны и вопросы эстетическіе. Художественный замыселъ, образность выраженій, сама форма, въ которую облечено произведеніе, могутъ быть обслѣдованы и внѣ генетической связи, съ точки зрѣнія общихъ теорій поэтическаго творчества. Но помимо этого памятники художественной литературы служатъ еще и средствомъ культурно-историческаго разысканія. Въ нихъ всегда содержится богатый подборъ данныхъ для изученія той среды, той эпохи и той народности, къ которымъ они принадлежатъ. При ихъ внимательномъ изученіи, въ нихъ вновь оживаетъ весь укладъ вѣрованій, понятій, потребностей и идеаловъ создавшаго ихъ общества.

Только разсмотрѣвши литературное явленіе со всѣхъ этихъ сторонъ, его и можно понять и оцѣнить. Только вдумавшись въ

произведеніе искусства со всѣхъ этихъ точекъ зрѣнія, можно сжиться съ нимъ и глубоко прочувствовать его художественную прелесть и философское значеніе.

Когда дѣло идетъ о народной пѣснѣ, работа изслѣдователя осложняется тѣмъ, что на мѣстѣ одной, вполнѣ опредѣленной, личности автора стоитъ загадочная коллективная личность народа. Возникнувъ какимъ то таинственнымъ процессомъ общенароднаго творчества, пѣсня не связана въ большинствѣ случаевъ ни съ какимъ опредѣленнымъ моментомъ исторіи человѣчества. Въ основѣ своей она чаще всего отвѣчаетъ такому поэтическому спросу, который уже давнымъ давно сталъ чуждъ современному человѣку; но неустойчивый, часто колеблющійся текстъ ея постоянно обновляется заново и воспринимаетъ мысли и образы, всецѣло принадлежащіе новымъ условіямъ народной жизни. Подъ цѣлымъ рядомъ послѣдовательныхъ наслоеній, совершенно чуждыхъ первоначальному смыслу пѣсни, въ ней теплится такимъ образомъ слабый лучъ какого то древняго, завѣтнаго міровоззрѣнія. Чтобы понять ее болѣе или менѣе отчетливо, надо поэтому съ одной стороны постараться возстановить ея исторію, а съ другой — вдуматься въ тѣ культурно-историческія условія, въ которыхъ она сложилась. Художественный замыселъ народной пѣсни надо не только «прочувствовать тѣмъ простымъ чувствомъ, какимъ чувствуетъ народъ», не только продумать съ точки зрѣнія народнаго бытованія, современной жизненной тяготы; чтобы подойти къ его пониманію, надо еще возсоздать то давно минувшее первобытное міровоззрѣніе народа, которое глубоко залегло въ основаніи его художественнаго творчества.

При изученіи народной пѣсни историко-литературное изслѣдованіе постоянно сплетается поэтому съ изслѣдованіемъ фольклористическимъ и на первомъ мѣстѣ стоитъ сравнительный методъ, не позволяющій замкнуться въ данныхъ народной словесности одного какого нибудь племени, одной какой нибудь народности. Приходится тщательно собирать отрывочныя извѣстія о крестьянскомъ житьѣ-бытьѣ по всему лицу европейскаго материка, при-

ходится на каждомъ шагу прибѣгать къ тѣмъ «сближеніямъ» и «сопоставленіямъ», которыя многимъ кажутся такими произвольными и не научными. При тщательной провѣркѣ болѣе устойчивымъ историческимъ и историко-литературнымъ матеріаломъ эти сопоставленія и сближенія могутъ несомнѣнно открыть цѣлый міръ новыхъ фактовъ, уяснить цѣлое множество загадочныхъ явленій народной жизни и народной поэзіи.

I.

Всякій, кто вдумывался въ условія культурнаго общенія германо-романскаго Запада съ славяно-русскимъ Востокомъ и маломальски слѣдилъ за изученіемъ этого общенія, не могъ не замѣтить, какъ быстро за эти послѣднія, три, четыре десятилѣтія накопляются въ наукѣ относящіеся сюда факты. Эти два міра, такъ долго отдѣленные другъ отъ друга событіями политической и церковной исторіи, испытавшія такія различныя вліянія, такія совсѣмъ не схожія судьбы, теперь какъ будто сблизились. Оказалось, что искони взаимодѣйствіе между Востокомъ и Западомъ Европы было гораздо сильнѣе, что несравненно живѣе были ихъ сношенія другъ съ другомъ. Многіе образы въ литературахъ славянъ, считавшіеся когда то самобытными, породнились съ поэтическими представленіями Запада. Не мало отдѣльныхъ чертъ политическаго и соціальнаго строя Запада нашло себѣ аналогіи и совпаденія въ жизненныхъ условіяхъ славянскихъ народовъ. По мѣрѣ того, какъ мы болѣе знакомимся съ прошлымъ славянорусскаго Востока, онъ представляется намъ такимъ образомъ все менѣе замкнутымъ и обособленнымъ.

Параллельное изученіе культурно-историческихъ памятниковъ Запада и Востока Европы однако все еще сосредоточивается почти исключительно въ рукахъ славянскихъ ученыхъ и направлено поэтому главнымъ образомъ на опредѣленіе вліяній

умственной жизни передового Запада на едва поспѣвающемъ за нимъ славяно-русскомъ Востокѣ. Изслѣдуются вліянія западныхъ литературныхъ формъ и поэтическихъ образовъ, отраженія возникшихъ на Западѣ идей и представленій, устанавливаются мало по малу тѣ пути, по которымъ сказались эти вліянія, опредѣляются и обстоятельства, способствовавшія имъ или напротивъ ихъ тормозившія. Съ другой стороны преимущественно, что касается, такъ называемыхъ, бродячихъ сказаній, шедшихъ съ Востока на Западъ черезъ Византію, литературное наслѣдіе славяно-русской старины пріобрѣло значеніе и для научной работы надъ источниками самой западно-европейской письменности. Въ томъ и другомъ случаѣ дѣло сводится такимъ образомъ къ изслѣдованію «заимствованій» одной культурно-исторической среды у другой.

Нѣсколько иныя цѣли преслѣдуетъ параллельное изученіе данныхъ греко-славяно-русскаго и германо-романскаго фольклора. Тутъ ужъ не всегда будетъ идти рѣчь о «заимствованіяхъ» и вліяніяхъ. Независимо отъ случаевъ усвоенія народнымъ сознаніемъ восточной Европы представленій, свойственныхъ фольклору Запада, остается еще огромная область обычаевъ, повѣрій, предразсудковъ, обрядовъ и сказаній, схожихъ въ обѣихъ половинахъ Европы. Болѣе богатый славяно-русскій фольклоръ уже привлекалъ къ себѣ Гримма и въ особенности Маннгардта тѣмъ, что здѣсь можно было найти болѣе архаическія и полнѣе сохранившіяся формы такихъ явленій, которыя на Западѣ отмѣчены лишь въ отдаленныхъ и не полныхъ пережиткахъ [1]). Знакомство съ Востокомъ Европы ведетъ естественно къ расширенію поля сближеній, къ пользованію болѣе богатымъ матеріаломъ, могущимъ не только поспособствовать разрѣшенію цѣлаго ряда вопросовъ, но даже и поставить ихъ совершенно заново. Если примѣру Маннгардта не послѣдовалъ почти никто изъ западныхъ

---

1) О занятіяхъ Маннгардта славяно-русскимъ фольклоромъ см. статью о немъ Шейна въ *Этн. Обозр.* VII, 150.

этнографовъ и данныя славяно-русскаго фольклора до сихъ поръ принимаются въ соображеніе только австрійцами, этого нельзя поэтому не пожалѣть. Уходя въ поискахъ за новымъ матеріаломъ далеко за предѣлы Европы къ индусамъ, къ американскимъ краснокожимъ, къ китайцамъ и т. д., западные фольклористы и соціологи какъ будто забываютъ, что бокъ о бокъ съ ними въ болѣе или менѣе уже разработанномъ видѣ находится такой богатѣйшій подборъ данныхъ. М. М. Ковалевскій на первой изъ своихъ оксфордскихъ лекцій о современномъ обычаѣ и древнемъ законѣ въ Россіи[1]) указалъ на то, что напр. «Основанія соціологіи» Спенсера совершенно игнорируютъ прошлое арійскихъ народовъ, между тѣмъ какъ славяно-русскіе историческіе и этнографическіе памятники въ значительной мѣрѣ помогли бы восполнить этотъ пробѣлъ». Этотъ особенно яркій примѣръ игнорированія западной наукой восточно-европейскаго культурно-историческаго матеріала, конечно, далеко не одинокъ. Достаточно заглянуть напр. въ Зибртовское изданіе извѣстнаго «Indiculus superstitionum et paganiorum»[2]), чтобы убѣдиться воочію въ богатствѣ и разнообразіи славяно-русскаго фольклора. А много ли фактовъ, собранныхъ Зибртомъ, вошло въ обращеніе въ западной наукѣ?

Передъ славянскими фольклористами, владѣющими этнографическимъ матеріаломъ обоихъ концовъ Европейскаго материка, естественно ставится такимъ образомъ задача освѣщенія данныхъ западнаго фольклора тѣми фактами, которые имѣются у нихъ однихъ. Они стоятъ въ этомъ отношеніи въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ ихъ западные собратья; они могли бы давать изслѣдованія, несравненно болѣе богатыя подборомъ фактовъ. Однако, къ сожалѣнію, кромѣ двухъ-трехъ ученыхъ, среди которыхъ первое мѣсто принадлежитъ, конечно, А. Н. Весе-

1) Mod. Cust. and Anc. Law of Russia p. 31.

2) Zibrt. Seznam pověr a zvyklostí pohanských въ III томѣ трудовъ чешской академіи.

ловскому, мало кто изъ нихъ знакомится съ западнымъ фольклоромъ по первоисточникамъ, и очень немногіе стремятся къ полнотѣ собранныхъ данныхъ. Вошло какъ то въ обычай слишкомъ часто довольствоваться кое-какими указаніями, взятыми изъ вторыхъ рукъ, почерпнутыми только изъ общихъ сочиненій. Отчасти это объясняется, конечно, чисто внѣшними обстоятельствами: въ обширной фольклорической литературѣ запада, на первомъ мѣстѣ стоятъ провинціальныя изданія начала и середины вѣка, большинство которыхъ трудно раздобыть. Большого труда требуетъ и собираніе этнографическаго матеріала въ историческихъ памятникахъ. Современныя же болѣе доступныя изданія по фольклору при быстромъ вымираніи всякихъ пережитковъ стараго, традиціоннаго міровоззрѣнія сравнительно бѣдны фактами, и сообщенія ихъ блѣдны и сбивчивы. Именно указанія старыхъ провинціальныхъ сборниковъ на ряду съ извѣстіями литературныхъ и историческихъ памятниковъ среднихъ вѣковъ дали бы возможность использовать по отношенію къ Западу все богатство славяно-русскаго фольклора. Тщательно подбирая, то тамъ, то сямъ кое-какія данныя, которыя западный фольклористъ иногда обойдетъ, не обративъ на нихъ вниманія, и обставивши ихъ показаніями славяно-русской этнографіи, можно открыть цѣлый забытый міръ. Понятное дѣло, что именно средневѣковое крестьянство ближе по общему строю своихъ воззрѣній и интересовъ къ наиболѣе отсталымъ медвѣжьимъ угламъ восточной Европы.

Особенно выдающееся значеніе имѣютъ данныя славяно-русскаго фольклора для изученія народной пѣсни. Они пріобрѣтаютъ тутъ огромную важность и съ историко-литературной точки зрѣнія. Безъ знакомства съ славянскими и русскими памятниками народной словесности изученіе народной пѣсни Запада мнѣ представляется даже совершенно невозможнымъ. Существенно важная и зачастую совершенно необходимая помощь, какую можетъ оказать въ изученіи западно-европейской пѣсни, знакомство съ пѣснями русскаго и южно-славянскаго крестьянства, выступитъ

ярко, если только вспомнить, въ какомъ видѣ дошло до насъ пѣсенное достояніе Западной Европы.

Оно распадается на три основные отдѣла: первое мѣсто занимаютъ, конечно, пѣсни либо записанныя изъ устъ народа, собирателями XVIII и XIX столѣтій, либо случайно попавшія въ печать; рядомъ съ ними стоятъ старыя пѣсни, находящіяся въ рукописяхъ, печатанныхъ пѣсенникахъ и летучихъ листкахъ XV, XVI и XVII [1]) вѣковъ. Третій отдѣлъ составляютъ тѣ анонимныя пьесы, сохранившіяся то тамъ, то здѣсь въ средневѣковыхъ рукописяхъ, которыя историки литературы считаютъ народными пѣснями. Народный—не книжный—характеръ нѣкоторыхъ изъ нихъ совершенно ясенъ уже по тому виду, въ какомъ онѣ до насъ дошли; относительно другихъ, напротивъ, еще можно спорить, признавая ихъ также сочиненными средневѣковыми поэтами, какъ и остальныя пьесы сохранившихъ ихъ сборниковъ [2]).

На первый взглядъ мы имѣемъ такимъ образомъ какъ будто бы гораздо болѣе данныхъ о пѣсняхъ Запада, чѣмъ о русскихъ и юго-славянскихъ. Кромѣ записанныхъ въ наше время изъ устъ народа здѣсь есть еще и старыя пѣсни. Это даетъ, повидимому, возможность прослѣдить пѣсню и исторически. Извѣстно, какое важное значеніе имѣло для изученія русской народной словесности открытіе нѣсколькихъ ея образцовъ въ рукописяхъ XVII [3]) вѣка и какъ выдвигается теперь и важность пѣсенни-

---

1) Библіографію нар. пѣсни германскихъ нар. см. въ Grundriss'ѣ Paul'a II s. 752—776 и у Erk-Böhme. Deutscher Liederhort, I, Quellen-Verzeichniss s. XVII—LX; французской у Weckerlin. L'anc. ch. pop. p. XV—XXXIX и у Jeanroy. L'origine de la p. l. en France au m. âge. p. I—VI; итальянской у Pitrè. Bibliografia delle trad. pop. d'Italia.

2) Эти старинныя народныя пѣсеньки стали подбирать особенно тщательно для цѣлей ученой полемики, возникшей среди историковъ средневѣковой литературы послѣ выхода въ свѣтъ книгъ Вильманса о Вальтерѣ фонъ-деръ-Фогельфейде и Жанруа о происхожденіи средневѣковой лирической поэзіи; о томъ и о другомъ см. ниже.

3) Въ этомъ отношеніи на первомъ мѣстѣ стоитъ, конечно, «Малорусская народная пѣсня по списку XVI в.», изданная проф. Потебней въ *Филологическихъ Запискахъ* 1877.

ковъ XVIII вѣка. Относительно западной пѣсни историческія данныя однако настолько сбивчивы, настолько поддаются даже противорѣчащимъ другъ другу толкованіямъ, что, пользуясь ими одними, нельзя сдѣлать ни шагу впередъ.

Одинъ изъ наиболѣе важныхъ вопросовъ, который ставится при изученіи западно-европейской народной пѣсни, есть вопросъ объ отношеніи ея къ искусственной средневѣковой поэзіи. Близость не только старой пѣсни XV и XVI вѣковъ, но даже и пѣсни, которая поется до сихъ поръ во Франціи, Германіи и Италіи, къ лирикѣ трубадуровъ, труверовъ и миннезингеровъ несомнѣнна.

Собранія старыхъ пѣсенъ, наприм. французскій сборникъ Гастона Париса и нѣмецкій Гёдеке-Титмана пестрятъ такими хорошо извѣстными всякому медіевисту видами искусственной средневѣковой поэзіи, какъ «chansons à personnages» и «pastourelles»[1]). На каждомъ шагу въ нихъ попадаются также эти условныя фигуры: la mal mariée, le jaloux, les envieux, le faux jaloux, le vilain[2]) нѣмецкіе: Schmähen, Neider, Merner[3]). Множество пѣсенъ начинается и условнымъ уже, въ средніе вѣка начавшимъ надоѣдать особеннымъ запѣвомъ, говорящимъ о «весенней радости», о томъ, что весна есть время любви, что пока все ликуетъ, весною грустенъ только одинъ влюбленный, не добившійся любви своей милой, и т. д.[4]). Въ отношеніи къ этимъ мотивамъ пѣсенники XV и XVI вв. совершенно схожи и съ лирикой тогдашнихъ поэтовъ: съ Charles d'Orléan, съ Christine de Pisan, съ современниками Маро и съ нѣмецкой «галантной лирикой» XVII в. Насколько были распространены въ

---

1) G. Paris. La ch. du XV s. №№ I—III, VI, VII, IX, XII, XXIX, L и др.

2) Ibid. №№ V, XV, XX, XXXI, XXXII, XLI, XLV, XLVI, LXIX, LXXVI, CIX, CXIX, CXX, CXXX.

3) Goedeke-Tittman. Liederb. des XVI Jahrh. №№ 80, 87, 88, 90, 149, 150, 153 и др.; Waldberg. Die galante Lyrik s. 53; ср. А. Н. Веселовскій. Три главы изъ истор. поэтики *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1898, стр. 102, отд. оттиска.

4) G. Paris l. c. №№ VIII, XVII, XLII, XLVI, XLVII. LIII, LXX, LXXX, CXV; Erk-Böhme. DLh. II №№ 378—386, 389—393[б], 394.

старыхъ пѣсенникахъ до самаго исхода XVII вѣка эти общія мѣста рыцарской лирики, видно хотя бы изъ того, что Векерлэнъ, въ предисловіи къ своему сборнику прямо указавшій на условность множества пѣсенныхъ мотивовъ въ сборникѣ, изданномъ Гастономъ Парисомъ, и пообѣщавшій подобрать въ печатныхъ пѣсенникахъ XVI и XVII вв. пѣсни болѣе народнаго склада, былъ всетаки вынужденъ пополнить и свой собственный сборникъ пѣснями, носящими тотъ же самый характеръ [1]).

Подобное сходство между пѣсней XV, XVI и XVII вв. и средневѣковой поэзіей толковали различно. Съ одной стороны оно объяснялось, какъ простое наслѣдіе средневѣковья, какъ переживаніе возникшихъ тогда поэтическихъ образовъ и идей [2]), съ другой стороны даже и тѣ, кто, какъ Гастонъ Парисъ, не могли не видѣть въ этихъ пѣсенникахъ черть подражанія куртуазной поэзіи, всетаки считали заключающіяся въ нихъ пѣсни народными и на основаніи сближенія съ ними старались даже выдѣлить народные элементы въ поэзіи трубадуровъ, труверовъ и миннезингеровъ [3]). Оцѣнка этихъ сборниковъ оказывается такимъ образомъ двойственной. Совершенно естественно ставится поэтому вопросъ, какъ выдѣлить изъ пѣсенниковъ XV и XVI вѣковъ то, что народно и то, что подражательно, какъ отличить въ нихъ литературное наслѣдіе отъ народно-поэтической традиціи?

Понятное дѣло, что для успѣшнаго разрѣшенія этихъ вопросовъ надо расширить поле сравненій; надо ввести еще новый матеріалъ, матеріалъ независимый, взятый со стороны; при помощи его необходимо постараться установить критерій для сужденія о томъ, каковы тѣ черты, на основаніи которыхъ слѣдуетъ

---

1) Weckerlin L'anc. ch. pop. pp. III—V и 55—57, 154, 247, 485 (вес. запѣвы), 10, 81, 137, 140, 141, 157, 197, 250, 314, 343, 421 (la mal mariée) 53, 87, 248, 256, 317, 417 (pastourelles), 19, 38, 104, 114—117, 138, 163, 165, 204, 208, 247, 251, 254, 262, 306, 361, 472 (chansons à personnages) и мн. др.

2) Tiersot. Histoire de la ch. pop. en France, p. 78—83; Waldberg. Die galante Lyrik s. 48; Willemotte въ *Bull. du F. L. Wallon*, 1891, p. 28—29.

3) G. Paris l. c., p. X; Uhland. Schriften III, s. 4—5; Liliencron. Deutsches Leben, s. XIII; Groeber. Grundriss, II,1 s. 666.

признать какую-нибудь пѣсенную тему, какой-нибудь пѣсенный сюжетъ принадлежащимъ народному творчеству. Безъ этого привлеченнаго со стороны матеріала можно до безконечности сближать, сличать и сравнивать пѣсни, народно-традиціонное происхожденіе которыхъ заподозрѣно; подобныя попытки никогда не дадутъ никакой возможности придти къ мало-мальски положительному результату[1]).

Такія же сомнѣнія возникаютъ и относительно современной пѣсни. Постепенно мѣняя свое внѣшнее обличье, проходя черезъ тѣ же этапы развитія, что и самое слово, изъ котораго она сложена, пѣсня можетъ дожить до нашихъ дней отъ самой глубокой древности; лучшимъ примѣромъ такой устойчивости народной памяти служитъ знаменитая пѣсенка о ласточкѣ, которую греки поютъ по веснѣ вотъ уже тысячу лѣтъ, измѣнивъ въ ней только весьма немногое[2]). Современная пѣсня, записанная изъ устъ народа въ долинѣ Рейна или на склонѣ Пиренеевъ, или на берегахъ Средиземнаго моря, можетъ также повѣдать о самой глубокой старинѣ. Въ принципѣ отрицать возможности такого сохраненія пѣсни, конечно, нельзя. Но рядомъ съ такой стариной среди современныхъ народныхъ пѣсенъ завѣдомо есть и такія, которыя только недавно сочинили поэты, иногда даже вовсе и не подлаживавшіеся подъ народный тонъ. Собиратели, записывая пѣсни, не разъ замѣчали, что народъ поётъ иногда просто стихотвореніе, или романсъ, или шансонетку. Такъ вошло въ обиходъ нѣмецкой народной пѣсни стихотвореніе Уланда «Der gute Kamerad»[3]). Чаще всего пѣсенка, перешедшая изъ искусственной поэзіи въ народную, подвергается въ новой средѣ нѣкоторымъ измѣненіямъ; она мало по малу пріобрѣтаетъ

---

1) См. указанную ниже литературу, возникшую подъ вліяніемъ книги Jeanroy. Les origines de la p. l. en Fr. au m. âge и въ ней самой pp. 127—238.

2) Gustav Meyer. Essays und Studien. I, s. 310; countess E. Martinengo-Cesaresco Essays in the study of f. Songs, p. 250—252.

3) См. статью Steinthal'a *Z. f. Vps XI*, s. 28 и ff.; ср. тоже статью Flaischlen'a въ *Z. d. V. f. Vk. III*, (1893), ss. 79—81.

внѣшнее обличье народной пѣсни, сливается со всѣмъ комплексомъ народнаго пѣсеннаго творчества и какъ бы утопаетъ въ немъ [1]). Сколько среди народныхъ пѣсенъ такихъ опростившихся созданій поэтовъ, конечно, рѣшить въ высшей степени трудно. Когда въ народъ попадаетъ стихотвореніе какого-нибудь извѣстнаго поэта, его, конечно, не трудно узнать, какъ бы не былъ искаженъ его текстъ: оно слишкомъ хорошо извѣстно и памятно всякому; но сколько рядомъ съ произведеніями поэтовъ бродитъ въ устной традиціи стиховъ, сочиненныхъ неизвѣстными, можетъ быть, никогда не печатавшимися стихотворцами изъ среды самаго народа? Эти послѣднія, новыя или даже современныя пѣсни надо было бы какъ нибудь выдѣлить; но чтобы ихъ узнать, надо найти какой-нибудь критерій. Самый простой способъ будетъ, конечно, прежде всего сближеніе съ пѣснею XV и XVI вв. Тѣ пѣсни, которыя найдутся въ старыхъ пѣсенникахъ, уже завѣдомо не принадлежатъ къ этому послѣднему и поверхностному налету на народную поэзію. Пѣсни XV и XVI вв. имѣютъ первенствующее значеніе и не только этимъ. XV и XVI вѣка считаются золотымъ вѣкомъ пѣсеннаго творчества. «Именно эта эпоха, писалъ Г. Парисъ въ предисловіи къ своему изданію пѣсенъ XV вѣка, не только во Франціи, но и въ нѣсколькихъ другихъ странахъ Европы, наиболѣе обогатила сокровищницу народной поэзіи... она остается основной базой народной поэзіи и доставила образцы для всей послѣдующей народной пѣсни вплоть до самаго послѣдняго времени» [2]). Важность XV и XVI вѣковъ для эволюціи современной народной пѣсни опредѣляется еще особенно тѣмъ, что самые сюжеты современныхъ пѣсенъ связаны съ событіями, дѣйствительно имѣвшими мѣсто въ то время [3]). Вотъ почему пѣсенники XV и XVI вѣковъ занимаютъ, такъ сказать, центральное положеніе въ исторіи народной пѣсни.

---

1) **Wackerness**. Das. d. Volksl. S. 4—5.

2) G. **Paris**. Ch. du XV s., p. IX.

3) См. **его-же** статью о Пьемонтскихъ пѣсняхъ, изданныхъ графомъ Нигра въ *Journal des Savants* 1889, pp. 620—621.

Нечего и говорить, что на современную пѣсню при этой близости съ пѣснею XV и XVI вѣковъ перешли и нѣкоторыя характерныя ея особенности. Современная пѣсня носитъ, такъ сказать, печать родства съ пѣсенниками временъ Людовика XI и Генриха IV. Въ ней сохранились не только сюжеты и мотивы, но даже образы и выраженія того отдаленнаго времени. При консервативности народно-поэтической традиціи это совершенно естественно. Если, какъ мы видѣли, характерную черту пѣсни того времени составляетъ галантность или куртуазность, которая унаслѣдована ею отъ среднихъ вѣковъ и нѣсколько передѣлана на свой собственный ладъ, въ современныхъ французскихъ пѣсняхъ именно черезъ передачу пѣсенниковъ XV вѣка сохранились такія выраженія, какъ:

.... le doux rossignol y vint
Qui me disoit en son latin, [1])

отъ которыхъ отдаетъ какимъ-то затхлымъ запахомъ вѣтоши; черезъ эту же передачу въ ней до сихъ поръ еще разсказываются сценки, набившія оскомину еще у труверовъ и миннезингеровъ:

Ich ging einmal im Garten, hoho!
den Kohl den wolt ich warten; hoho!
da standen zwei Liebelein, heho!
unter einem Bäumelein heho! [2])

Взаимодѣйствіе между средневѣковой пѣсенной традиціей и современной народной пѣсныо, установившееся именно черезъ посредство полународныхъ пѣсенниковъ XV и XVI вѣковъ, осо-

1) Rolland. Recueil de ch. pop. I p. 45 и слѣд. эта пѣсня взята изъ пѣсенника XVIII в. Ballad'a Rondes 1754; ея современный варіантъ см. въ рукоп. сборн. Poésies pop. VI, 422 (Rolland l. c. p. 46); выраженіе «disoit en son latin» въ другой современной пѣснѣ, схожей съ только что приведенной, стало уже: «m'a dit trois mots de latin» въ томъ же рук. сб. Poésies pop. IV, fol. 368.

2) Reifferscheid. Westf. Volksl. S. 165; ср. Erk-Böhme DLh B. II, 511, 517, 522, 538.

бенно наглядно можно прослѣдить на примѣрѣ упомянутыхъ уже мною chansons à personnages и pastourelles, этихъ шансонетокъ среднихъ вѣковъ, разсказывающихъ отъ перваго лица любовное приключеніе съ знатной дамой, пастушкой или крестьянской дѣвушкой[1]). Эта тема въ средніе вѣка была въ большомъ ходу. Самый старый примѣръ подобнаго сюжета принадлежитъ еще древнѣйшему изъ трубадуровъ Прованса, Вильгельму, графу Пуату[2]). Отъ XIII вѣка такихъ пѣсенокъ сохранилось уже цѣлое множество[3]). Когда черезъ одинъ или два вѣка рыцарь или трубадуръ были замѣнены бариномъ, охотникомъ, а то и просто удалымъ парнемъ, эволюція этой пѣсенной темы закончилась и почва для современной шансонетки была подготовлена[4]). Что въ основѣ своей эта тема принадлежитъ всецѣло оригинальному

---

1) Объ этихъ пьесахъ см.: Groeber. Romanzen und Pasturellen Zurich 1872; Jeanroy. Les oriqines de la p. l. pp. 1—45; G. Paris въ рецензіи на книгу Жанруа *Journal des Savants* 1891, p. 735 и слѣд.; см. также мою статью: Очеркъ литер. исторіи Арраса *Журналъ Мин. Народн. Просв.*, 1900, февраль, стр. 266—279.

2) Bartsch. Verz 183, 12.

3) Старо-франц. пьесы этого рода всѣ собраны въ сборникѣ Bartsch'a. Romanzen und Pasturellen; пров. указаны Оскаромъ Шульцомъ въ *Zs. f. r. Ph.*, 1884, s. 106; надо еще только прибавить къ этому изданіе Kleinart'a. Vier ungedruckte Pastorellen des Severi von Genova. Halle. 1890.

4) При ихъ многочисленности перечислить всѣ пѣсни подобнаго склада едва ли необходимо; я укажу только немногія: Rolland Rec. I p. 34—44, 180, 207—208, 235—237, II p. 22 et 45; Bladé P. p. de la Gascogne *Lpdtln* VI pp. 171, 176, 180, 184, 193, 200, 214, 235; Fleury Litt. orale de la Basse Normandie, *Lpdtln* XI pp. 282, 284, 285—287; Nigra C. del Piemonte №№ 90, 105, 106; Braga C. Pop. II p. 152; Erk-Böhme DLH. №№ 41, 42, 134, 511, 517, 522, 538, 1485—1496. Съ точки зрѣнія перехода средневѣковой pastourelle въ современную шансонетку особенно поучительны родственные мотивы пѣсень: «Marguerite au bord du bois» и L'occasion manqué. Эта тема восходитъ къ одной пьесѣ Барческаго сборника Bartsch R и P II,38 въ XVI она встрѣчается въ испанскомъ романсѣ, сообщ. Реннертомъ въ *Zs. f. r.* Ph. XVII; французскіе варіанты: Haupt Fr. vl. p. 142; Rolland l. c. II p. 27 et 32; Gasté Ch. norm. № XLIII; Tarbé R. de Ch. II p. 137—139; Bugeaud Ch. et ch. pop. des prov. de l'Ouest I p. 255; Arbaud Ch. pop. de la Provence, II,90; Gagnon Ch. pop. du Canada p. 90—92; Bladé l. c. p. 115, 181, 184, 209 Tréburq Ch. de V. p. 197; итальянскіе варіанты у Nigra l. c. №№ 70—74. Это мнѣніе о происхожденіи шансонетки высказалъ и Jeanroy въ Grande Encyclopédie см. Chanson.

творчеству средневѣковыхъ поэтовъ, едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. Г. Парисъ напрасно считалъ ее свободно возникшей изъ народной пѣсни [1]). Напрасно также проф. Жанруа полагалъ, что такія русскія пѣсни, какъ «Вечóръ поздно изъ лѣсочку», показываютъ, что тема эта присуща народной поэзіи, и не подвергшейся вліянію трубадуровъ и труверовъ [2]). Разбираемый пѣсенный мотивъ напротивъ несомнѣнно совершенно чуждъ народной словесности Востока Европы, и тѣ двѣ, три пѣсни, гдѣ онъ встрѣчается, — ничто иное, какъ передѣлки западныхъ мотивовъ [3]), которыми изобиловали и наши старые пѣсенники XVIII в., подражавшіе самымъ рабскимъ образомъ французскимъ и нѣмецкимъ пѣсенникамъ XVI и XVII вѣковъ [4]). Историческая филіація между современной народной пѣсней и пѣсенными темами, наполнявшими пѣсенники отъ XIV до XVII вѣка, на примѣрѣ этой темы можетъ быть такимъ образомъ проведена даже дальше современной народной пѣсни Запада. Пѣсенники XVII и XVIII вв.

---

1) *Journal des Savants*, 1891, p.740; въ этомъ отношеніи заключенія Жанруа совершенно правильны l. c. p. 23 и слѣд.; онъ напрасно поэтому отказался отъ нихъ см. Petit de Julleville. Hist. de l. et de la litt. br. I p. 356 и 363.

2) Les origines de la p. l. entrance au m. âge p. 454.

3) За это мнѣніе стоитъ прежде всего рѣдкость въ русскихъ пѣсняхъ пѣсенной темы, схожей съ пастурелью или chanson à personnages. Кромѣ широко распространенной пѣсни «Вечóръ поздно изъ лѣсочку» эта тема встрѣтилась мнѣ только разъ у Студитскаго Нар. Пѣсни Новгор. губ., стр. 45—48 № XVII. Передъ русскимъ читателемъ на этомъ едва ли и нужно настаивать. Пѣсня «Вечóръ поздно изъ лѣсочку» (Кирѣевскій, вып. 9-й, стр. 51—65) по свидѣтельству Безсонова (ibid стр. 48—49) традиція связываетъ съ судьбой Параши Кузнецовой, или Горбуновой, или Ковалевой, крѣпостной актрисы Шереметева, впослѣдствіи (съ 1801 года) графини Парасковьи Ивановны Шереметевой, «рожденной отъ фамиліи польскихъ шляхтичей Ковалевскихъ». Она впервые появилась въ «Глазуновскомъ» пѣсенникѣ 1819 года, гдѣ помѣщена среди пастушескихъ подъ № 282. Быть можетъ, она дѣйствительно была сочинена кѣмъ либо изъ дворовыхъ Шереметевыхъ.

4) Я разумѣю такіе пѣсенники, какъ: Новое и полное собр. россійскихъ пѣсенъ, содержащее въ себѣ пѣсни любовныя, пастушескія и т. д. Москва, у Н. Новикова, 1780 года; Новый росс. пѣсенникъ или собраніе любовн., хороводныхъ, пастушьихъ и т. д. 2-е изд. Спб., 1791; Весельчакъ на досугѣ или собраніе новѣйшихъ пѣсенъ... пастушьихъ и пр., собранный изъ разныхъ старинныхъ пѣсенниковъ и новѣйшихъ книгъ. Москва. 1797 и др.

повліяли и за предѣлами Западной Европы; они возбудили и у насъ интересъ къ народной пѣснѣ, но въ то же время дали образцы для модныхъ, салонныхъ, настушескихъ пѣсенекъ, которымъ предстояло въ будущемъ также превратиться въ народныя пѣсни. Этимъ еще возбуждается интересъ къ передаточной роли, которую, несомнѣнно, сыграли пѣсенники Возрожденія; эти пѣсенники должны были бы останавливать вниманіе не только однихъ западныхъ историковъ литературы. Ихъ вліяніе въ русской литературѣ XVIII в. составляетъ любопытную страничку нашей литературной исторіи, которая, къ сожалѣнію, еще не написана.

Что современная пѣсня дѣйствительно особенно тѣсно связана съ пѣсенниками XV и XVI в., на это косвенно наводятъ еще наблюденія надъ взаимнымъ отношеніемъ ея варіантовъ. Всякаго, привыкшаго сличать варіанты нашихъ пѣсенъ, при ознакомленіи съ монографіями по отдѣльнымъ темамъ западно-европейскихъ народныхъ пѣсенъ несомнѣнно поражаетъ необыкновенная близость между отдѣльными варіантами, даже записанными въ далекихъ другъ отъ друга провинціяхъ. Въ сущности здѣсь всюду одинъ и тотъ же варіантъ, только сказанный наизусть, такъ что вполнѣ естественно то или иное слово замѣнилось въ немъ другимъ, а иногда и сбились строфы. Я разумѣю главнымъ образомъ пѣсни, изученныя монографіями гг. Жилльерона и Донсіё на страницахъ «Романіи» [1]). Особенно поучительна работа Жильерона. Онъ самъ сознается, что, несмотря на множество собранныхъ имъ варіантовъ, ему не удалось объяснить ни одной трудности, которыя представляетъ текстъ изучаемой имъ пѣсни: оказалось, что во всѣхъ варіантахъ почти одно и тоже. Еслибы г. Донсьё ограничился французскими варіантами пѣсни о королѣ Рено, его работа была бы столь же безплодна, что и работа Жилльерона. Только введя чужіе не французскіе варіанты,

---

1) Romania XII (1883) «La claire fontaine» pp. 307—331 и XXIX (1900) «La chanson du Roi Rénaud» pp. 219—257.

узналъ г. Донсьё тѣ эпизоды пѣсни, которые пропустили всѣ французскіе варіанты и при помощи которыхъ и получилась возможность изучить эту пѣсенную тему и дать ей соотвѣтствующее названіе. Тексты французскихъ пѣсенъ о королѣ Рено, какъ это видно изъ работы г. Донсьё, настолько близки другъ къ другу, что ему удалось даже возстановить одинъ общій критическій текстъ. Едва ли что либо подобное было бы возможно сдѣлать съ русской пѣсней. Варіанты нашихъ пѣсенъ слишкомъ разнообразны и далеки другъ отъ друга. Близость другъ къ другу варіантовъ французскихъ пѣсенъ можно объяснить только однимъ предположеніемъ, что мы не имѣемъ здѣсь вовсе дѣла съ нѣсколькими варіантами, а всего на всего съ однимъ и тѣмъ же текстомъ, вытѣснившимъ всѣ остальные. Этотъ единственный, сохранившійся варіантъ пѣсни, очевидно, попалъ въ одинъ изъ распространенныхъ пѣсенниковъ XVI, XVII или даже XVIII вв. и сталъ циркулировать уже въ этой пѣсенной формѣ, формѣ застывшей и м. б. закрѣпленной мелодіей и пр. Облетѣвши провинціи Франціи, варіантъ этотъ уже потомъ заново чисто искусственно вновь сталъ народной пѣсней и въ свою очередь разложился на варіанты. Понятное дѣло, что эти вторичные, болѣе новые варіанты могутъ разниться другъ отъ друга лишь въ кое-какихъ словцахъ, кое-какихъ выраженіяхъ.

Въ составъ современной народной пѣсни, записанной изъ устъ народа, входятъ такимъ образомъ прежде всего пѣсни, попавшія въ пѣсенники XVI и XVII вв. Это, такъ сказать, ея главный субстратъ, но рядомъ съ нимъ въ народной памяти сохранились до нашихъ дней и пѣсни болѣе древнія, почему либо ни разу не попавшія въ старые пѣсенники; кромѣ того теперь, очевидно, поются также и совсѣмъ новыя пѣсни. Какъ разобраться во всемъ этомъ?

Относительно современныхъ народныхъ пѣсенъ совершенно такъ же, какъ и относительно тѣхъ, которыя наполняютъ модные старинные пѣсенники XV, XVI и XVII вѣковъ, возникаетъ вопросъ, какъ выдѣлить въ нихъ народно-традиціонные элементы изъ элементовъ, либо взятыхъ изъ искусственной поэзіи, либо

унаслѣдованныхъ черезъ посредство старыхъ пѣсенниковъ отъ среднихъ вѣковъ.

Если въ пѣснѣ XV и XVI в. сохранился цѣлый рядъ мотивовъ, сюжетовъ, выраженій и образовъ искусственной поэзіи среднихъ вѣковъ, и это наслѣдіе рыцарской лирики черезъ посредство модныхъ пѣсенниковъ перешло и въ современную народную пѣсню, то своимъ общимъ складомъ, западная народная пѣсня представляется скорѣе литературной, не чисто народной, прошедшей черезъ перемолъ искусственной поэзіи. Въ послѣднее время этотъ характеръ ея подчеркивается особенно упорно. Исторію народной пѣсни стали разсматривать въ связи съ явленіями исторіи искусственной поэзіи. Такъ какъ первенство французской лирики въ средніе вѣка и вліяніе ея на всѣ литературы Запада уже давнымъ давно засвидѣтельствованы самымъ категорическимъ образомъ [1]), то стали высказываться предположенія, что только подражая французамъ, научились остальные народы слагать лирическія пѣсни. Такую мысль высказалъ впервые Вильмансъ въ своей книгѣ о Вальтерѣ фонъ-деръ-Фогельвейде. По его мнѣнію, у германскихъ народовъ любовная лирическая пѣсня вплоть до самаго миннезанга, возникшаго исключительно подъ романскимъ вліяніемъ, находилась лишь въ самомъ зачаточномъ состояніи [2]). Это сужденіе Вильманса пріобрѣло въ лицѣ Вальтера и Шёнбаха адептовъ [3]), но изъ среды большинства германистовъ вызвало цѣлый рядъ возраженій. Существованіе народной любовной лирики и національное происхожденіе миннезанга въ Австріи отстаивали противъ Вильманса: Бурдахъ, Кёгель, Р. Мейеръ, Бергеръ

1) Paul Meyer. De l'influence des troubadours sur la poésie des peuples romans. *Romania V*, p. 287.

2) Wilmanns. Leben und Dichten W. v. d. V. S. 16—18.

3) Walter. Ueber den Ursprung des höfischen Minnesanges und sein Verhältniss zur Volksdichtung. *Germania XXXIV*, s. 1—74 и 141—156. Schönbach. Die Anfänge des deutschen Minnesanges.

и др. [1]) Самыя важныя и убѣдительныя опроверженія Вильмансу были представлены Кöгелемъ въ его исторіи древнѣйшаго періода нѣмецкой литературы. Кöгель указалъ на изгнаніе статутами Бонифація «puellarum cantica» и «choros secularium» изъ церквей и на воспрещеніе по капитуляріямъ Карла Великаго монахинямъ распѣвать «uiuileodе» [2]). Это послѣднее слово обыкновенно толкуется, какъ женская любовная пѣсня. Въ пьесахъ Нидгарта фонъ-Рюенталь, австрійскаго миннезингера конца XII и начала XIII вв., оно обозначаетъ однако пѣсни, которыя пѣлись во время танцевъ и игръ. Uinileode такимъ образомъ тоже самое, что и «choros secularium» [3]).

Мнѣніе Вильманса, расширивши его уже на всѣ литературы Западной Европы, повторилъ черезъ десять лѣтъ правда въ нѣсколько смягченномъ видѣ Жанруа въ своей книгѣ «О происхожденіи французской средневѣковой лирики». И по его мнѣнію указанія на то первенствующее значеніе, какое имѣла искусственная лирика Франціи для развитія лирической поэзіи всѣхъ сосѣднихъ народовъ, даетъ почему то право предпологать, что совершенно такое же значеніе имѣла и французская народная пѣсня [4]). Это мнѣніе звучитъ однако, тѣмъ страннѣе, что ни въ одномъ мѣстѣ своей книги Жанруа ни разу не отрицаетъ существованія исконной народной пѣсни повсемѣстно въ Европѣ и независимо отъ французскаго вліянія [5]). Онъ говоритъ, что вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе, по которому даже à priori

---

1) Burdach. Das volkstümliche deutsche Liebeslied. *Zs. f. d. A. XXVII*, s. 343—367; Kögel Ahd. und and. Lit. Paul's Grundriss II s. 166—172; R. Meyer Alte deutsche Volksliedchen *Zs. f. d. A. XXIX*, s. 121—236; Berger. Die volkstümlichen Grundlagen des Minnesanges *Zs. f. d. Ph. XIX*, s. 440—486.

2) Paul's Grundriss II, s. 170.

3) См. у Вальтера въ его статьѣ въ *Germania XXXIV*, s. 3; Niedh. ed. *Haupt* 62,32 и 96,4.

4) Les origines de la poésie lyr. en Fr. au m. âge pp. XIII, XVI, 230—231 и 441; говоря «французская пѣсня», я разумѣю одновременно и провансальскую и сѣверно-французскую, оставляя въ сторонѣ вопросъ о ихъ взаимномъ отношеніи; его я коснусь въ другомъ мѣстѣ и по другому поводу.

5) См. особенно стр. XVII, 231, 242 и 454 его книги.

надо признать, что ни одинъ народъ не можетъ не имѣть лирической пѣсни[1]). Это послѣднее заявленіе явно стоитъ въ противорѣчіи съ основной системой его книги, но Жанруа выходитъ изъ затрудненія предположеніемъ, что національная лирика остальныхъ народовъ Европы была по формѣ совершенно иная, чѣмъ французская, и что отъ нея почти ничего не дошло до насъ. То же, что отъ нея сохранилось, носитъ также печать французскаго генія[2]).

Мнѣніе Жанруа постарались опровергнуть уже романисты: Чезарео и Лангъ недавно наглядно показали, что нѣкоторые пѣсенные сюжеты, которые Жанруа считалъ перешедшими изъ Франціи, въ болѣе примитивномъ видѣ засвидѣтельствованы въ старыхъ пѣсняхъ Италіи и Португаліи[3]).

Главныя возраженія противъ книги Жанруа, возраженія, которыя онъ и самъ впослѣдствіи не могъ не принять, исходили однако отъ лица его собственнаго учителя, Гастона Париса. Маститый романистъ въ своей знаменитой рецензіи на книгу Жанруа[4]) вопроса о томъ, существовала ли повсемѣстно въ Европѣ въ эпоху, предшествовавшую трубадурамъ, труверамъ и миннизенгерамъ народная лирическая пѣсня, не коснулся собственно вовсе, но онъ указалъ за то на единственно вѣрный путь, по которому можно добраться до возстановленія забытой и утерянной народной пѣсни среднихъ вѣковъ.

Парисъ впервые высказалъ предположеніе, что искусственная лирическая поэзія среднихъ вѣковъ развивалась подъ вліяніемъ народной весенней хороводной пѣсни (reverdie), и много чертъ ея прямо восприняты изъ этой послѣдней. Такая точка зрѣнія позволяетъ, конечно, признать цѣлый рядъ сюжетовъ, образовъ и особенностей поэтическаго выраженія искусственной

---

1) Ibid. p. 441—442.

2) Ibid. p. 443—444.

3) Cesareo. Le origini della poesia lyrica p. 77—79; Lang. Das Liederbuch des k. Denis s. LXIII и CIII.

4) *Journal des Savants*, 1891, novembre et décembre, 1892 mars et juillet.

поэзіи за черты свойственныя и утраченной народной пѣсни [1]). Мы такимъ образомъ получаемъ возможность все-таки составить себѣ о ней нѣкоторое понятіе, кое-какъ возстановить себѣ ея общую схему.

Совершенно независимо отъ Париса тоже самое предположеніе высказалъ почти одновременно съ нимъ Бьельшовскій. Изучая пѣсни уже названнаго мною миннезенгера Нитгарта фонъ-Рюенталь, Бьельшовскій постарался представить его такъ называемыя весеннія пѣсни, какъ пѣсни, связанныя съ весеннимъ культомъ и весенней обрядностью древнихъ германцевъ [2]). Онъ считалъ эти пѣсни даже носящими отпечатокъ сакральной священной пѣсни, отвѣчающей потребностямъ языческаго культа. Что тутъ, конечно, онъ впалъ въ нѣкоторое преувеличеніе, на это указалъ ему уже Шёнбахъ въ рецензіи на его книгу [3]). Но если забыть о культѣ древнихъ германцевъ, соображенія Бьельшовскаго въ основѣ своей, конечно, справедливы: пѣсни Нитгарта самымъ тѣснымъ образомъ соприкасаются съ весенней обрядностью и ихъ народные элементы поэтому вполнѣ возможно выдѣлить.

Обѣ указанныя работы, и Г. Париса, и Бьельшовскаго выдвигаютъ такимъ образомъ существенную важность изученія обрядовой пѣсни и дѣлаютъ попытку возстановленія этой послѣдней въ ея самомъ древнѣйшемъ видѣ. Такая точка зрѣнія въ высшей степени важна; она кажется мнѣ даже единственно продуктивной. Обрядовая и бытовая пѣсни именно и представляютъ собою тотъ видъ народной лирики, существованіе кото-

---

1) *Journal des Savants*, 1892, p. 155; это мнѣніе Париса приводилось множество разъ въ отдѣльныхъ монографіяхъ и исторіяхъ литературы см. Gorra Delle origini della poesia lir. del m. evo. Torino. 1895. p. 28—31; Petit de Julleville Histoire de la langue et de la littérature franç. I p. 363—366; Groeber въ Grundriss'ѣ II,1 s. 663.

2) Bielschowsky Gesch. der deutschen Dorfpoesie s. 1—22 см. особенно стр. 13.

3) *D. L. Z.* 1891, s. 1455—1456.

раго у всѣхъ народовъ можно признать à priori. Именно стоя на твердой почвѣ быта и обрядности, можно найти критерій, чтобы рѣшить, какую пѣсню считать народной и какую напротивъ отвѣчающей характеру чисто-литературнаго творчества. Плодотворность подобнаго метода изслѣдованія народной пѣсни въ средніе вѣка подтверждается въ особенности еще тѣмъ, что тѣ немногія пѣсни, носящія отпечатокъ народнаго творчества, которыя дошли до насъ отъ того времени, всѣ совершенно очевидно входятъ въ разрядъ бытовыхъ и обрядовыхъ пѣсенъ; таковы: «chansons d'istoires» или «chansons de toile» [1]), такова англо-нормандская колядка XII в. [2]), таковы застольныя пѣсни парижскихъ студентовъ, сохранившіяся въ рукописи университетской библіотеки Монпелье, [3]) таковы и старо-нѣмецкія заплачки и свадебныя пѣсни, свѣдѣнія о которыхъ собралъ Кöгель [4]). Въ ту же рубрику входятъ, и плясовыя старо-французскія пѣсни изъ романа Guillaume de Dôle [5]) и изъ пастушеской драмы Адама де-ла-Галь [6]), и такія же итальянскія изъ Декамерона Боккаччіо [7]). Къ этой послѣдней группѣ примыкаютъ знаменитая пьеса «A l'entrada del temps clar» [8]) вмѣстѣ съ близкимъ

---

1) Bartsch. Rom. и Past. I, 1, 2, 3, 5, 11—18; объ этихъ пѣсняхъ у Jeanroy. Les origines etc. почему то говоритъ только вскользъ p. 216—225; см. о нихъ въ предисловіи Гастона Париса къ изданію Servois романа Guillaume de Dôle p. XCII—XCIV, см. также мой Очеркъ лит. ист. Арраса *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1900, февраль, стр. 257—259.

2) Напр. у P. Meyer'a. Recueil d'anc. textes p. 382; ср. также подобную же пьесу Адама де-ла-Галь. Oeuvres compl. d'A. d. l. H. p.p. de Coussemacker. Paris. 1872 p. 235 и *Romania VI*, 271.

3) Recueil de motets pp. *Raynaud* p.p. 214—215, 255—256, 264—265 и 216—218.

4) Paul's Grundriss II, s. 168—169.

5) Ed. Servois p. 16—17; о пѣсни объ Аалисъ см. статью Г. Париса въ *Mélanges Wahlund*, p. 1 etc.

6) Robin et Marion p.p. Langlois Paris, 1896, pp. 34—36, 44—46, 132 и др.

7) Canzonette antiche pp. 123 etc.; *Giornale Storico IV*, 440.

8) Bartsch. Verz. 461,12; напечатана во всѣхъ провансальскихъ христоматіяхъ: у Appel'a, s. 86, № 48 у Crescini, p. 43; motets ed. *Raynaud CXXXV*, p. 151.

ей старо-французскимъ motet и нѣмецкія пьесы изъ латинскаго сборника «Carmina Burana»[1]). Внѣ всякой связи съ обрядностью стоятъ только итальянскія пѣсни XIII в., сохранившіяся въ одномъ нотаріальномъ актѣ того времени[2]).

При выдѣленіи изъ пѣсеннаго достоянія среднихъ вѣковъ обрядовыхъ пѣсенъ воспользоваться показаніями современной пѣсни будетъ ужъ вполнѣ логично. Обрядъ придаетъ пѣсни особую устойчивость, подъ его прикрытіемъ можетъ сохраниться пѣсня многія столѣтія. Рядомъ съ перечисленными мною пѣсенками XII и XIII вв. вполнѣ законно займутъ мѣсто: trimouzettes, aguilaneufs и проч. Къ сожалѣнію, современный текстъ большинства изъ нихъ уже совершенно обѣднѣлъ содержаніемъ, онѣ зачастую уже превратились въ простыя присказки, иногда просто шуточныя и лишенныя всякаго поэтическаго выраженія; иногда въ нихъ проникло и завѣдомо книжное вліяніе.

Но вотъ тутъ-то и пригодятся намъ пѣсни изъ сборниковъ XVI и XVII вв. При ознакомленіи съ этими сборниками, въ нихъ случается нерѣдко наткнуться на болѣе полные варіанты современныхъ обрядныхъ пѣсенъ, еще не вполнѣ обнищавшіе содержаніемъ.

Изъ всего пѣсеннаго достоянія Западной Европы такимъ образомъ можно выдѣлить цѣлый отдѣлъ пѣсенъ, несомнѣнно народныхъ: это пѣсни обрядовыя. Таковъ первый этапъ въ научномъ изученіи пѣсенной литературы. Онъ сразу покажетъ настоящій путь и наведетъ на цѣлый рядъ дальнѣйшихъ разсужденій и сближеній.

На томъ, что среди нихъ первое мѣсто займутъ аналогіи къ западной пѣснѣ въ пѣснѣ славяно-русскаго Востока, на этомъ, мнѣ кажется, и не надо настаивать передъ русскимъ и славянскимъ читателемъ. Богатая содержаніемъ и еще полная

---

1) Одна изъ нихъ указана Willmans'омъ L. u D. V. v. d. V., s. 17.

2) Memoriale dell'Archivio notariale di Bologna подъ 1282-мъ годомъ; нап. у Carducci Int. ad alcune rime dei sec. XIII e XIV; 12 пьесъ изъ нихъ напечатаны у Monaci Crist. ital., pp. 289—297.

истинной поэзіи обрядовая пѣсня славянъ, сама заставитъ вспомнить о себѣ; она не только доставитъ множество поучительныхъ аналогій, цѣлый рядъ такихъ фактовъ, которые приблизятъ къ пониманію самаго смысла обряда и самаго назначенія пѣсни, она сдѣлаетъ больше: при сопоставленіи западно-европейской обрядной пѣсни съ славяно-русской центръ интереса перенесется съ Запада на Востокъ, и общую схему доставитъ именно обрядовый обиходъ Восточной Европы. Западныя пѣсни только войдутъ въ эту схему, занявъ то тамъ, то здѣсь укромное мѣсто и намекая этимъ на то, что когда-то и на Западѣ пѣлись подобныя же пѣсни въ подобномъ же примѣненіи.

Но слѣдя за колебаніемъ мысли и настроенія въ обрядовой пѣснѣ русскихъ и славянъ, зачастую будешь тщетно искать аналогій въ обрядовомъ обиходѣ современнаго западнаго крестьянства; чтобы найти искомыя аналогіи надо обратиться къ средневѣковой старинѣ; въ литературныхъ памятникахъ Франціи и Германіи, въ которыхъ ученые путемъ разныхъ догадокъ уже выискали отраженіе недошедшей до насъ народной поэзіи, коекогда удастся напасть на чисто-обрядовое явленіе, совершенно ясно объясняемое изъ аналогіи съ схожимъ явленіемъ славянорусской обрядности. Такое явленіе, мнѣ кажется, можно будетъ съ увѣренностью поставить на счетъ народной традиціи, признать присущимъ тому народно-поэтическому субстрату, который искони одинаково присущъ народной поэзіи всѣхъ европейскихъ народовъ [1]).

Славяно-русская обрядовая пѣсня имѣетъ такимъ образомъ важное историко-литературное значеніе. Упускать изъ виду об-

1) Настаивая на подобномъ значеніи славяно-русской пѣсни, я далекъ отъ того, чтобы отрицать возможность существованія и заимствованій пѣснью славяно-русскаго востока изъ пѣсенъ запада. Среди мотивовъ лирико-эпическихъ пѣсенъ напр. несомнѣнно найдутся такія, которыя прямо взяты у сосѣднихъ народовъ. Подобный примѣръ представляетъ собою сербо-лужицкая пѣсня изъ сборника Haupt'a и Smolerj'a № CXLV, str. 168; ср. съ ней нѣмецкія пѣсни Böckel Hess. Vl. s. 71, № 87, Tobler Schw. Vl, s. 150, № 54 и *Z. f. Ostr. Vk. III* (1897), s. 8.

рядовый характеръ нашей пѣсни было бы поэтому въ высшей степени жаль. Надо, напротивъ того, тщательно обслѣдовать его, надо подходить къ изученію народныхъ пѣсенъ именно съ точки зрѣнія обряда.

И менѣе всего можно противополагать подобному изслѣдованію работу надъ сюжетами или мотивами лирической пѣсни [1]). Въ нѣсколькихъ мѣстахъ этой книги мнѣ предстоитъ показать, что изъ того же обряда объясняется смыслъ и нѣсколькихъ распространенныхъ пѣсенныхъ темъ; обрядъ помогаетъ возстановить ихъ начальный остовъ, послѣ чего уже не трудно понять путемъ какихъ измѣненій возникъ тотъ или иной варіантъ данной темы.

Смыслъ очень многихъ пѣсенъ зиждется на особомъ пѣсенномъ символизмѣ. Раскрыть его иногда бываетъ не такъ легко. Особенно, когда пѣсня уже порвала всякую связь съ обрядомъ, и ея символическіе образы начинаютъ пониматься буквально, въ пѣсню постепенно входятъ уже новые эпизоды, имѣющіе цѣлью либо сдѣлать пѣсню болѣе понятной, либо оживить ея слишкомъ простое, незанимательное содержаніе. Лирическая пѣсня тогда обыкновенно переходитъ въ лирико-эпическую, въ балладу. Чтобы добраться до основного, первоначальнаго ея вида, надо прежде всего постараться прослѣдить, къ какому обряду она относится и какое примѣненіе она имѣла въ самомъ обрядовомъ дѣйствіи. Вернувши пѣсню въ обиходъ обряда, изъ котораго она вышла, и сопоставивши ее съ другими пѣсенными темами, связанными съ тѣмъ же самымъ обрядомъ, будетъ уже легко открыть основной смыслъ ея символизма и освободить ее отъ навязанныхъ ей прикрасъ и приростовъ.

Символизмъ народныхъ пѣсенъ въ высшей степени устойчивъ; одинъ и тотъ же символическій образъ употребляется обы-

---

1) См. рецензію пр. Соболевскаго на Великороса Шейна въ *Этн. Обозр.*, 1900; ср. мнѣніе Потебни Объ малор. и ср. пѣсенъ I, стр. 41—42 прим. и Истомина въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1886, май, стр. 160 и слѣд.

кновенно въ томъ же самомъ смыслѣ въ пѣсенной литературѣ всѣхъ народовъ Европы. Всякое настроеніе: и сердечная тоска, и горе, и радость выражаются въ народной пѣсни посредствомъ схожихъ символовъ. Вотъ почему символизмъ въ особомъ традиціонномъ употребленіи и составляетъ тотъ искомый признакъ который даетъ намъ возможность судить, либо о народномъ происхожденіи разбираемаго поэтическаго произведенія, либо только о народномъ субстратѣ, легшемъ въ его основаніи.

Именно черезъ посредство тѣсно связаннаго съ обрядомъ пѣсеннаго символизма мнѣ удастся, я надѣюсь, подойти къ отмѣченнымъ спорнымъ вопросамъ, возникающимъ при изученіи средневѣковой лирики и народной пѣсни Запада.

Если вдуматься въ нѣкоторыя пѣсенныя темы именно съ точки зрѣнія ихъ символизма, если не принимать разсказываемыя ими событія въ прямомъ смыслѣ, то и многія лирико-эпическія пѣсни придется считать обрядовыми, только потерявшими съ обрядомъ всякую связь. Отколовшійся отъ обряда пѣсенный мотивъ, мнѣ кажется, лежитъ напр. въ основѣ тѣхъ французскихъ пѣсенъ, которыя со времени Уланда приводились какъ одинъ изъ возможныхъ источниковъ Шиллеровскаго «Кубка». Я разумѣю: «Le jeune marinier» и L'anneau perdu»[1]). Онѣ давно порвали всякую связь съ обрядностью и, можетъ быть, именно въ пѣсенникахъ XVI в. получили новую отдѣлку, придавшую имъ характеръ баллады. Какъ мы увидимъ, придѣланный къ нимъ, но по существу имъ совершенно чуждый трагическій конецъ имѣлъ цѣлью возбудить къ ихъ содержанію болѣе живой интересъ, послѣ того какъ символизмъ пересталъ уже быть понятенъ. Истинный смыслъ этихъ пѣсенъ можетъ быть однако лучше всего понятъ въ связи съ цѣлымъ рядомъ обрядовыхъ пѣсенъ; гдѣ основной образъ, на которомъ вертится ихъ содержаніе, имѣетъ уже завѣдомо символическое значеніе.

---

1) Объ этомъ см.: Scheffler. Die franz. Volksdicht. und Sage II, s. 138—145; *Mélusine* II, стр. 223; Tiersot. Hist. de la ch. pop. p. 20—21.

Если эти построенія относительно происхожденія данной пѣсни окажутся правдоподобными, мы будемъ имѣть такимъ образомъ возможность воочію прослѣдить тотъ процессъ выдѣленія пѣсенныхъ сюжетовъ изъ обряда, на которое указываетъ А. Н. Веселовскій въ одной изъ уже обнародованныхъ главъ своей «Поэтики»[1]).

При изученіи пѣсенъ «L'anneau perdu» и «Le jeune marinier» тѣ, схожія съ ихъ основнымъ содержаніемъ обрядовыя пѣсни доставляетъ именно славяно-русская народная словесность; символизмъ этихъ пѣсенъ, отчетливо сохранился у насъ, а на Западѣ онъ прозябаетъ въ жалкихъ перезвукахъ. Равнымъ образомъ именно изъ сличенія съ сходными русскими и польскими пѣснями совершенно иначе, чѣмъ это сдѣлалъ Г. Парисъ, придется истолковать и эту модную въ средніе вѣка тему о плохо вышедшей замужъ женщинѣ (la mal mariée), распространившуюся и за предѣлы Франціи[2]). Въ русскихъ и польскихъ хороводныхъ пѣсняхъ она явилась въ связи съ родственными съ нею пѣсенными темами, стоящими ближе къ обрядовому обиходу, и черезъ посредство ихъ легко будетъ понять ея основной смыслъ. Также въ связи съ темами русскихъ и славянскихъ весеннихъ пѣсенъ объяснится болѣе полно и еще нѣсколько распространенныхъ на Западѣ пѣсенныхъ мотивовъ. Таковъ прежде всего споръ матери и дочери о томъ, идти-ли въ хороводъ, который любилъ изображать старый нѣмецкій миннезенгеръ Нитгартъ фонъ-Рюенталь[3]).

Народная поэзія Востока Европы такимъ образомъ совершенно необходима для объясненія западной пѣсни.

---

1) *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1899. Три главы изъ истор. поэтики.

2) Jeanroy. Les origines d. l. p. l. en Fr. au m. âge pp. 84—102; А. Н. Веселовскій. Три главы, стр. 29 отд. оттиска.

3) Jeanroy l. c. p. 165—166, 198—199, 203—207; ср. также у Біельшовскаго Gesch. d. d. Dorfpoesie, s. 109—112; спеціальной монографіи эта тема не вызвала; смежный сюжетъ изучилъ Renier. Il dialogo fra la madre e la filuola въ сборникѣ *Rossi-Teiss* (per nozze).

II.

Важное значенiе, какое имѣетъ съ историко-литературной точки зрѣнiя сравнительное изученiе обрядовыхъ пѣсенъ, заставляетъ, конечно, приглядываться возможно пристальнѣе къ тому, что такое народный обрядъ. Только понявши основное назначенiе обряда, съ которымъ связана пѣсня, можно отдать себѣ отчетъ въ томъ, какую мысль или какой образъ она лелѣетъ.

При изученiи народной пѣсни еще менѣе возможно удержаться на почвѣ чисто художественныхъ интересовъ, чѣмъ при всякомъ другомъ историко-литературномъ изслѣдованiи. Если замыслъ всякаго литературнаго произведенiя отвѣчаетъ не только эстетическимъ запросамъ, то народная пѣсня, стала вообще отвѣчать имъ только очень поздно. Въ основѣ своей она есть не болѣе, какъ одна изъ составныхъ частей обряда.

Народные обряды представляются намъ совершенно иррецiональными дѣйствiями, но они устойчиво совершаются простонародьемъ по нѣскольку разъ въ годъ при вполнѣ опредѣленныхъ обстоятельствахъ. Зачѣмъ нужно прибѣгать къ обрядамъ, чаще всего уже забыто, и тѣмъ не менѣе имъ придается въ высшей степени важное значенiе; къ нимъ обращаются во время бѣдствiй, затрачивая при этомъ нѣкоторыя средства и готовясь даже понести отвѣтственность за его соблюденiе. Каждый разъ, какъ во время послѣдней холеры или вообще при падежахъ скота крестьяне опахивали свои селенiя, они ждали отъ этого извѣстнаго реальнаго блага[1]). Когда въ Ямпольскомъ уѣздѣ они бросили въ воду священника въ полномъ облаченiи во время служенiя молебствiя о ниспосланiи дождя, они не могли не чувство-

---

1) Холера въ Люблинѣ въ 1892 году и мѣры борьбы съ нею. Наблюденiя и впечатлѣнiя люблинскаго обывателя. Спб. 1893, стр. 27; прив. въ *Этн. Обозр.* XIX (1893), стр. 287; объ обрядѣ опахиванiя вообще см. Zibrt *Zeznam povĕr.* str. 125 etc.; о его весеннемъ примѣненiи см. ниже, Глава Третья I.

вать, что совершили поступокъ съ точки зрѣнія современнаго законодательства довольно рискованный [1]).

Очевидно, въ тайникахъ народнаго сознанія еще живутъ такія мысли, такія представленія, которыя совершенно чужды нашимъ взглядамъ на вещи. Какъ объяснить ихъ? Что представляютъ они собою? На это отвѣчали различно. Нѣтъ ни одной области человѣческой самодѣятельности, изученіе которой приводило бы къ такимъ различнымъ и даже противорѣчивымъ толкованіямъ. За эти полвѣка съ небольшимъ, что существуетъ фольклоръ, въ немъ смѣнилось нѣсколько школъ, выставившихъ цѣлый рядъ совсѣмъ отличныхъ другъ отъ друга, оригинальныхъ системъ или теорій. Общую имъ всѣмъ черту составляетъ только полная ихъ апріорность. Даже когда не устанавливалось никакого pronunziamento, которое было бы точно формулировано, какъ въ самомъ подборѣ фактовъ, такъ и въ ихъ освѣщеніи, всегда чувствовалось, что самыя данныя нанизываются по заранѣе задуманному плану, укладываются въ заранѣе установленную схему.

Подробное разсмотрѣніе всѣхъ этихъ системъ или теорій послѣ Исторіи Русской Этнографіи А. Н. Пыпина [2]) было бы едва ли нужно. Онъ достаточно уже охарактеризовалъ и разобралъ ихъ. Нѣкоторыя изъ нихъ даже безвозвратно сданы въ архивъ. Однако отдѣльныя отрывочныя мысли, выхваченныя изъ цѣлаго, еще продолжаютъ повторяться и до нашихъ дней и вошли даже въ предметъ преподаванія, какъ нѣчто, навсегда принятое въ наукѣ.

Въ капитальномъ трудѣ Гримма, стоящемъ во главѣ всѣхъ изслѣдованій подобнаго рода, изученіе обряда занимаетъ еще

---

1) Изъ *Одесскаго Листка* сообщ. Муркомъ въ *A. f. sl. Ph.* 1890, s. 640; ср. сообщеніе проф. Кирпичникова изъ *Новороссійскаго Телеграфа* 1899, 16 іюня въ *Этн. Обозр.*, 1894, № 4-й, стр. 3; о весеннемъ примѣненіи заклинанія дождя см. ниже, Глава Вторая II и III.

2) См. главнымъ образомъ статьи объ Аѳанасьевѣ въ I томѣ и о Костомаровѣ въ III.

сравнительно небольшое мѣсто. Обрядъ остался внѣ общей системы Германскаго Олимпа. Весенняя обрядность представлена здѣсь напр., какъ воспроизведеніе стоящаго совершенно въ сторонѣ миѳологическаго представленія о смѣнѣ зимы и лѣта[1]). Гриммъ нѣсколько, преувеличилъ его значеніе. Это загадочное исключительно германское представленіе мнѣ кажется отраженіемъ скорѣе бѣглой мысли; большинство разобранныхъ Гриммомъ весеннихъ обрядовъ, какъ я постараюсь показать, съ нимъ, вѣрнѣе всего, ничего общаго не имѣютъ; однако въ принципѣ объясняя имъ весеннюю обрядность, творецъ германской миѳологіи стоялъ на точкѣ зрѣнія вполнѣ возможной и законной. Я назову ее точкой зрѣнія чисто обрядовой. Она не даетъ еще повода къ тѣмъ совсѣмъ произвольнымъ разсужденіямъ, на которыя были такъ падки послѣдователи Гримма. Можно спорить о томъ, дѣйствительно ли слѣдуетъ назвать представленіе о спорѣ зимы и лѣта миѳомъ, но попытки объяснить путемъ его общій укладъ весенней обрядности не представляютъ ничего нелѣпаго съ методологической точки зрѣнія. Это дѣйство внѣ всякаго сомнѣнія принадлежитъ весенней обрядности, и спрашивается только, дѣйствительно-ли оно занимаетъ въ ней то центральное положеніе, которое приписывается ему со времени Гримма[2]).

Другое дѣло теоріи Шварца и Куна. Онѣ основаны на томъ положеніи, что всякій обрядъ изображаетъ собою миѳъ, и вотъ отсюда начались поиски за соотвѣтствующими миѳическими

---

1) Deutsche Mythologie англ. пер. съ 3-го изданія, ст. 754 и слѣд. и добавленія къ нимъ, стр. 1524 и слѣд. Въ предисловіи ко второму изданію своей Миѳологіи Гриммъ писалъ: «Я постарался показать, какъ зажиганіе путемъ тренія, пасхальные огни, цѣлебные источники, вызыванія дождя, священныя животныя, споръ зимы и лѣта, вынесеніе смерти и все множество предразсудковъ, особенно относительно перекрестковъ и вылѣчиванія болѣзни, могутъ быть несомнѣнно возведены къ языческому источнику. Относительно многаго объясненіе однако требуетъ подробнаго изслѣдованія посвященнаго всей жизни народа во всѣ времена года и во всѣхъ возрастахъ его жизни». Стр. XVI третьяго тома англійскаго изданія.

2) А. Н. Веселовскій. Три главы истор. поэтики *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1899, стр. 19 и слѣд. отдѣльнаго оттиска.

разсказами въ поэзіи грековъ, римлянъ, древнихъ индѣйцевъ и германцевъ, открывшія самый широкій просторъ научной фантазіи. Онъ еще расширился, этимъ страннымъ, но долго и упорно державшимся убѣжденіемъ, будто первобытный человѣкъ смотритъ на природу *поэтически*, будто его больше всего интересуютъ атмосферическія явленія, такъ что большинство обрядовъ ничто иное, какъ подражаніе небеснымъ явленіямъ, понятымъ аналогично съ схожими земными явленіями. При такой точкѣ зрѣнія стало возможно знаменитое, предложенное Куномъ, объясненіе обычая выгонять скотъ въ первый разъ на пастбище ударомъ свѣжей вѣтки или освященной вербы [1]). Съ этимъ обрядомъ, засвидѣтельствованнымъ въ Сѣверной Германіи, у французовъ и у славянъ, Кунъ сопоставилъ и слѣдующій обрядъ, о которомъ говорится въ Yajur veda (Vâya ra neyi-Samhita и Taittirîga-Samhita); здѣсь сообщается, какъ передъ новой луной, чтобы достать необходимое для жертвоприношенія молоко, жрецъ срываетъ вѣтку palâça или çamî и отдѣляетъ ею телятъ отъ коровъ. При этомъ жрецъ приговаривалъ: «Да поведетъ васъ божественный Савиторъ къ прекраснѣйшему дѣлу; отдѣлите вы коровы ту часть, которая слѣдуетъ Индрѣ; пусть никакой разбойникъ и никакой злой человѣкъ не воспользуется вами, обильными телятами и не тронутыми никакими болѣзнями» [2]). Сдѣлавши это сопоставленіе, Кунъ вполнѣ справедливо замѣчаетъ, что «у индійцевъ, также какъ и у Германцевъ, существовалъ обычай ударять скотъ при выгонѣ его въ первый разъ на пастбище вѣткой священнаго дерева для того, чтобы сдѣлать его сильнымъ и молочнымъ» [3]). Это вполнѣ логично и, мнѣ кажется, не можетъ вызвать никакого воз-

---

1) Я останавливаюсь на толкованіи этого обряда, потому что оно было принято, какъ одно изъ главнѣйшихъ пріобрѣтеній теоріи поэтическаго воззрѣнія на природу, и Шварцъ ссылается на него въ предисловіи къ I тому своихъ Poetischen Naturanschauungen (s. VIII), какъ на одинъ изъ основныхъ пунктовъ, на которыхъ зиждется его pronunziamento.

2) Mythologische Studien ss. 160 и 162—167 2-го изд.

3) Ibid. s. 167.

раженія, если только самое соотвѣтствующее мѣсто Веды понято Куномъ вполнѣ правильно.

Вполнѣ кстати приводитъ Кунъ и стихъ изъ Ригъ Веды (IV, 27, ст. 4), гдѣ разсказывается о томъ, какъ птица, несшая на землю божественный somâ, уронила перо, и перо это, упавши на землю, стало, по объясненію брамановъ, деревомъ palâça или çamî[1]). Этотъ разсказъ подтверждаетъ священность дерева çamî и тѣмъ самымъ помогаетъ понять смыслъ обрядоваго удара его вѣткой. Но Кунъ на этомъ не остановился; его влекло гораздо дальше: самое объясненіе обряда удара вѣткой было интересно ему только постолько, посколько оно вводило въ дальнѣйшія разсужденія совершенно иного порядка. Птица, несшая somâ, несла собственно огонь; вотъ почему миѳъ о птицѣ, который по его собственному признанію довольно теменъ[2]), Кунъ сопоставляетъ съ неимѣющими съ нимъ ничего общаго миѳами о Прометеѣ и Agni-soma[3]). Птица оказывается принесла на землю огонь, похитивъ его съ неба; упавшее на землю перо ея, хотя и превратилось въ дерево, было поэтому также огнемъ и потому, когда ударяютъ скотъ вѣткой, — въ сущности бьютъ его огнемъ, главнымъ божествомъ индо-европейскихъ народовъ, т. е. живительной силой солнца[4]). Кромѣ того, при совершеніи этого обряда, по мнѣнію Куна, думали вовсе не о реальныхъ коровахъ: выгоняемое на пастбище стадо изображало стадо небесное — облако. Такимъ образомъ, весь обрядъ есть ничто иное, какъ воспроизведеніе изгнанія весною огнемъ, т. е. молніей облачнаго стада на пастбища, т. е. на сводъ небесный. Скромный весенній обрядъ оказался такимъ образомъ религіозно-поэтическимъ воспроизведеніемъ первой грозы[5]).

---

1) Ibid. s. 125—126 и 159.
2) Ibid. s. 110.
3) Ibid. s. 117 и f.
4) Ibid.
5) Ibid.; эту точку зрѣнія, какъ извѣстно, принялъ, говоря о тождественномъ славяно-русскомъ обрядѣ, и Аѳанасьевъ. Поэт. воззр., II, стр. 389 и прим.; см. также и у Барсова, Юрьевъ день, *Изв. И. О. Л. Е. А. Э.*, т. XIII (1874), *Тр. Этн.* отд. III, кн. I, стр. 113.

Я остановился на этомъ необыкновенно красивомъ и мастерски проведенномъ толкованіи одного изъ весеннихъ обрядовъ, потому что тутъ всего ярче выразилась система изученія обрядовъ съ миѳологической точки зрѣнія. Мнѣ придется нѣсколько разъ въ этой работѣ показывать, насколько подобныя толкованія произвольны и какія натяжки необходимы, чтобы ихъ провести. Дѣйствительно, что въ глазахъ индо-европейскихъ народовъ реальный скотъ изображаетъ собою небесное стадо облаковъ, что вѣтки священнаго дерева — небесный, солнечный огонь, и наконецъ, что таинственная птица, о которой разсказывается въ Ригъ Ведъ, какъ она похитила съ неба огонь, изображаетъ сверканіе молніи въ первую весеннюю грозу, все это, разумѣется, основано только на совершенно апріорномъ и ничѣмъ не доказанномъ убѣжденіи, будто первобытный человѣкъ воспринимаетъ природу поэтически, будто онъ живетъ въ какой-то фантасмагоріи образныхъ представленій, изъ которыхъ впослѣдствіи создались миѳы, будто онъ относится къ природѣ, какъ вдохновенный артистъ, а не какъ напуганный и хищный struggler for life, у котораго на первомъ мѣстѣ стоитъ борьба за собственное пропитаніе, дающееся не легко и требующее самаго близкаго знакомства съ чисто утилитарными явленіями природы.

Теоріи поэтическаго воззрѣнія на природу, запутавшія и направившія по совершенно не научному пути изученіе германскаго и славянскаго фольклора, были еще въ полной силѣ, когда начали выходить работы Тайлора и Лäббока, построенныя по совсѣмъ другой системѣ [1]). Обычаи и обряды разсмотрѣны здѣсь уже внѣ всякой связи съ миѳологіей. На нихъ стали смотрѣть, какъ на явленія жизненныя, основанныя на данныхъ быта, имѣвшія когда-то реальный, практическій смыслъ. Изслѣдовались эти обычаи и обряды уже не у индо-европейскихъ народовъ, а у со-

---

1) Я разумѣю вышедшія въ серединѣ шестидесятыхъ годовъ Early history of mankind и Researches in the early history of mankind Tylor'a и Prehistoric times Lubbock'a.

временныхъ дикарей. Такимъ образомъ одновременно расширялось поле сближеній и пошатывалась лингвистическая точка зрѣнія, доведенная Максомъ Миллеромъ до крайнихъ предѣловъ преувеличенія [1]).

Воззрѣнія Тайлора и Лаббока отразились въ особенности на сочиненіяхъ Маннгардта, перваго поставившаго изученіе народнаго обрядоваго обихода на высоту научнаго изслѣдованія. На книгу Маннгардта мнѣ придется ссылаться на каждомъ шагу, пользоваться ею придется, какъ съ точки зрѣнія самыхъ собранныхъ въ ней данныхъ, такъ и съ точки зрѣнія предложенныхъ въ ней толкованій. Но, слѣдуя во многомъ за разсужденіями этого столпа современнаго нѣмецкаго фольклора, мнѣ придется остановиться на полъ-пути. Къ сожалѣнію, Маннгардтъ никогда не могъ отдѣлаться отъ миѳологическихъ увлеченій юныхъ лѣтъ. Какъ онъ самъ сознается въ одномъ изъ своихъ предисловій, онъ подходилъ къ изученію фольклора еще въ романтическомъ увлеченіи живописностью сѣдой старины, съ страстнымъ желаніемъ воссоздать утраченную языческую религію германцевъ [2]). И на Маннгардтѣ еще чувствуется отраженіе знаменитаго положенія Крейцера, что «главный трудъ, лежавшій на миѳологѣ, заключается... въ воспріятіи (Apperception), которому нельзя научиться или добиться трудомъ, но которое обусловливается духовной организаціей вродѣ той, какая дѣлаетъ поэта» [3]). Этимъ увлеченіемъ миѳологіей должна объясниться основная натяжка, лежавшая въ основѣ замысла капитальныхъ изслѣдованій Маннгардта о лѣсныхъ и полевыхъ культахъ: онъ напрасно разсматривалъ народные обряды черезъ призму повѣрій о лѣсныхъ духахъ, о лѣшихъ, о Holundermutter, Eschenfrau, Holzund, Moosfräulein, Wildleute, Elben, о дріадахъ, кентаврахъ, о Фавнѣ и Панѣ [4]).

1) См. особенно Essay II стр. 60 нѣмецкаго перевода.

2) Wald- und Feldkulte II, s. VII—IX и XXVII.

3) Symbolik und Mythologie der alten Völker, besonders der Griechen 1-е изд. 1810—12; приведено у Пыпина Ист. русской этн. III, стр. 177 прим.

4) Wald- und Feldkulte I s. 12, 72—154, 603—608; I s. 32—159.

Вѣдь въ народной обрядности эти сверхъестественныя существа не играютъ ни малѣйшей роли, ни у германцевъ, ни у славянъ, ни даже у древнихъ[1]). Объяснять поэтому обрядъ черезъ посредство представленій объ этихъ миѳическихъ образахъ, значитъ уже оставить твердую почву фактовъ и, пустившись въ область ничѣмъ не оправданныхъ сближеній, дать полный просторъ воображенію. Слѣдуя за Маннгардтомъ надо поэтому каждый разъ останавливаться тамъ, гдѣ онъ переходилъ отъ данныхъ обряда къ совершенно уже постороннимъ имъ представленіямъ.

Эта миѳологическая сторона системы Маннгардта, эта попытка возсоздать цѣлую миѳологію духа или бога растительности имѣла, къ сожалѣнію, гораздо большій успѣхъ, чѣмъ его дѣйствительно капитальный трудъ надъ обрядностью. Послѣдователи его, число которыхъ увеличилось особенно за послѣднее время, развиваютъ всего чаще именно эту сторону Маннгардтовской теоріи. Я имѣю въ виду не Соботку[2]), тотчасъ же по выходѣ въ свѣтъ книгъ Маннгардта продѣлавшаго, рабски подражая ему, ту же работу надъ славянскимъ фолькломомъ, но книгу Фрезера прогремѣвшую особенно въ Англіи[3]), и миѳологическій словарь Рошера[4]), гдѣ ссылки на Маннгардта попадаются на каждомъ шагу и выводы его принимаются, какъ нѣчто безусловно установленное. Фрезеръ съ ревностью неофита даже еще развилъ растительную миѳологическую систему. У него Духъ Растительности признается лежащимъ въ основѣ чуть-ли не всѣхъ извѣстныхъ намъ миѳическихъ обликовъ. Когда онъ иронизуетъ надъ словами Масперо, что «Озирисъ, какъ всѣ боги, есть солнце»[5]),

---

1) По мнѣнію Маннгардта, одѣтыя въ свѣжія листья и вѣтки фигуры тожественны съ перечисленными лѣсными духами (W. u. Fk. I s. 311—341, 406—421, 422—424, 492—496; II s. 159—208, 264—273); но доказательствъ этому положенію Маннгардтомъ не представлено.

2) Sobotka. Rostlinstvo v národnim podání.

3) Golden Bough; вліяніе Frazer'a сказалось въ свою очередь на недавнихъ книгахъ Crooke'a The pop. religion and F. L. of northern India и Bower The Elevation & Procession of the Ceri въ изданіяхъ FLS., см. особенно стр. 74.

4) Ausf. Lex. der gr. und r. Mythologie, см. особенно статью о Марсѣ и Маіѣ.

5) Golden Bough. I p. 311—317.

онъ не замѣчаетъ, что онъ самъ постоянно впадаетъ въ совершенно такое же преувеличенiе, что и у него оказывается, будто всѣ боги, и въ томъ числѣ тотъ же Озирисъ,—духи растительности.

Миѳологическая система, придуманная Маннгардтомъ и развитая Соботкой и Фрезеромъ, мало вѣроятна особенно тѣмъ, что въ основѣ ея лежитъ слишкомъ отвлеченное представленiе. Первобытный умъ еще плохо умѣетъ обобщать, языку его не знакомы общiя понятiя. Если онъ уже умѣетъ назвать однимъ и тѣмъ же словомъ хорошо ему знакомыя различныя породы деревьевъ, противоположенiе растительнаго царства царству животному едва ли ему вполнѣ доступно [1]). Самъ же Маннгардтъ собралъ множество свидѣтельствъ о томъ, что первобытные люди приписываютъ дереву такiя свойства и проявленiя, на которыя способно только животное. Предполагается, напр., что у дерева есть кровь, что оно можетъ страдать и даже говорить [2]).

Еще менѣе свойственно дикарю пониманiе вообще акта произрастанiя, общей дѣйствительной или жизненной силы. Всѣ процессы, которые происходятъ въ деревѣ, первобытной человѣкъ считаетъ вовсе не вызванными посторонней силой, т. е. какимъ-нибудь естественнымъ закономъ или какимъ-нибудь однимъ общимъ двигателемъ, они, по его мнѣнiю, ничто иное, какъ актъ чисто волевой. Дерево приноситъ плодъ, потому что оно такъ хочетъ, и приноситъ оно плоды для человѣка изъ любви къ человѣку, подъ влiянiемъ присущей ему заботливости о человѣкѣ. Потому-то де-

1) Lubbock. Les origines de la civilisation pp. 427.

2) W. u. Fk. I, s. 9—10 и др.; Спенсеръ, правда, не допускаетъ, чтобы человѣкъ, даже на самой низшей ступени развитiя, могъ незнать различiя между одушевленнымъ и неодушевленнымъ, потому что разница между тѣмъ и другимъ извѣстна уже животнымъ (Осн. Соцiол. I, стр. 140—142) и вѣрованiя въ «одушевленное» дерево не считаетъ «первичнымъ» (ibid. стр. 145), но онъ вполнѣ допускаетъ «что при первыхъ усилiяхъ къ истолкованiю себѣ явленiй окружающаго мiра, онъ строитъ представленiя, несогласныя съ этимъ предустановленнымъ различiемъ между одушевленнымъ и неодушевленнымъ», «вслѣдствiи того, что какой-нибудь поразительный опытъ вводитъ его въ заблужденiе, т. е. вноситъ зерно ошибки, которое развивается потомъ въ цѣлый ошибочный рядъ объясненiй» (тамъ же).

рево можно благодарить и умилостивлять, къ нему можно обращаться съ угрозой или просьбой. Цѣлый рядъ до сихъ поръ справляемыхъ европейскимъ простонародьемъ обрядовъ по преимуществу на новый годъ указываетъ на подобный взглядъ на растительность [1]).

Что касается духа дерева, т. е. духа, поселившагося въ деревѣ, то это всегда одинъ опредѣленный духъ, вовсе не мѣшающій существованію множества другихъ. Ему покланяются, обращаясь къ одному опредѣленному дереву или къ цѣлой породѣ деревьевъ. Объ одномъ единомъ духѣ, живущемъ во всѣхъ растеніяхъ, первобытный человѣкъ даже не способенъ подумать. На такое отвлеченное представленіе у него вовсе не можетъ хватить умственной энергіи.

Едва-ли имѣютъ также что-либо общее съ производительностью растительности лѣсные духи, населяющіе пустынныя мѣста. Они бродятъ въ нихъ и ведутъ за владычество ими постоянную борьбу съ человѣкомъ, но чтобы отъ нихъ зависѣли процессы, происходящіе въ самихъ деревьяхъ, объ этомъ не говоритъ ни одна сказка, ни одно античное сказаніе о дріадахъ, фавнахъ и проч.

Несомнѣнной заслугой Маннгардта надо однако признать то, что онъ выдвинулъ самостоятельное изученіе обряда, какъ такового, что онъ всетаки нѣсколько высвободилъ его изъ миѳологіи. Онъ совершенно справедливо пришелъ также къ заключенію, что нельзя смотрѣть на обрядъ, какъ на переживаніе культа того или иного языческаго бога, какъ это думали, напр., въ Германіи Янъ, а у насъ Ефименко [2]). Къ цѣлому ряду обрядовъ, съ которыми намъ придется вѣдаться, Маннгардтъ относился, какъ къ дѣйствіямъ преслѣдующимъ чисто практическія цѣли и

1) Объ этихъ обрядахъ Маннгардтъ говоритъ мало, см. W. u. Fk. I, s. 9; ср. Kuhn Westf. S. II, p. 109; Habermann Aus d. Vl. des Egerl. s. 75; Ястребовъ. Об. и п. тур. сербовъ, стр. 32—40.

2) Jahn Germ. Opferbr: ss. 73, 83 и др.; Ефименко. О Ярилѣ въ *З. И. Р. Г. О.* II (1869) стр. 77—115.

въ этомъ именно смыслѣ считавшимся когда-то вполнѣ раціональными.

Маннгардтъ ускорилъ так. обр. появленіе той точки зрѣнія, по которой большинство обрядовъ можетъ служить предметомъ самостоятельнаго изученія внѣ всякой связи съ попытками воссоздать какую-нибудь древнюю языческую вѣру. Изучить обрядъ значитъ прежде всего высвободить его изъ всего случайнаго и наноснаго, изъ всего того, что извратило его основной смыслъ и доискаться до этого смысла, пристально присматриваясь къ бытовому примѣненію обряда. Его миѳологическое значеніе отходитъ при этомъ въ сторону. Обрядъ разсматривается, какъ одинъ изъ элементовъ, создавшихъ какую-либо вѣру [1]). Онъ есть скорѣе одна изъ ячеекъ религіознаго сознанія, чѣмъ воспроизведеніе вполнѣ сложившихся миѳологическихъ представленій. Эти послѣдніе чаще всего моложе его и возникли при его посредствѣ.

Подобный взглядъ на народные обряды пріобрѣлъ въ послѣднее время довольно широкое распространеніе. «Во всѣхъ разновидностяхъ христіанской церкви, пишетъ Робертсонъ-Смитъ, въ своихъ лекціяхъ о религіи древнихъ евреевъ, признано, что ритуалъ имѣетъ значеніе только въ связи съ догматомъ. Такимъ образомъ среди христіанъ изученіе религіи стало обозначать изученіе христіанскихъ вѣрованій. Во всѣхъ античныхъ религіяхъ мѣсто догматики заняла миѳологія... но вѣра въ извѣстную серію миѳовъ вовсе не была обязательной частью настоящей религіи, вѣра не признавалась также религіозной заслугой или средствомъ для пріобрѣтенія милости боговъ. Обязательнымъ и заслуживающимъ похвалу считалось только соблюденіе извѣстныхъ сакральныхъ актовъ, освященныхъ традиціей. А если это такъ, то миѳологіи вовсе не слѣдуетъ отводить то первенствующее мѣсто, какое ей часто приписываютъ въ научномъ изученіи древнихъ вѣрованій» [2]). Дополняя эту мысль, молодой французскій ученый

---

1) Frazer. Golden Bough. I, p. VIII—IX. См. въ особенности 2-е изд. этой книги I отдѣлъ: Primitif Magic pp. XVI, 62 и 70.

2) Robertson-Smith. Lectures on the Religion of the Semites, p. 17—19.

Бераръ въ своей книгѣ объ аркадійскихъ культахъ разсказываетъ, что когда Павзаній пріѣзжалъ въ какой-нибудь храмъ Тегеи или Фигаліи, онъ находилъ здѣсь множество обрядовъ, богослужебныхъ знаковъ, священныхъ предметовъ и проч., соблюденіе которыхъ жрецы считали необходимымъ, объясняя ихъ однако каждый по своему. Павзаній позволилъ себѣ поэтому многіе миѳы о богахъ назвать нелѣпыми («εὐηθείας ἔχεμον πλέον» [VIII, 8,3]). Бераръ справедливо приходитъ отсюда къ заключенію, что «не миѳъ составляетъ религію, онъ ничто иное, какъ ея облаченіе и прикраса»[1]). Схожее мнѣніе высказалъ недавно и Ахелисъ[2]).

Народная обрядность или, какъ еще принято говорить, народный календарь ускользаетъ такимъ образомъ изъ рукъ миѳологовъ, совершенно также, какъ навсегда отняты у нихъ народный эпосъ и народная сказка.

Также какъ въ эпосѣ и сказкѣ, преимущественно подъ вліяніемъ Андрью Ланга теперь обыкновенно видятъ поэтическое выраженіе бытовыхъ устоевъ первобытнаго человѣчества, такъ же точно и еще въ большей степени слѣдуетъ понимать и народные обряды[3]). Эти дѣйствія, совершенно ирраціональныя, съ нашей точки зрѣнія, когда-то казались разумными, считались необходимыми и неизбѣжными. Они принадлежатъ даже не къ народной религіи, а вѣрнѣе къ тому болѣе древнему субстрату вѣрованій и представленій, изъ котораго постепенно выдѣлилась религія въ томъ особомъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ ее теперь, когда она занимаетъ самостоятельное мѣсто, совершенно отдѣльное отъ философіи, права, искусства и научнаго знанія. Когда идетъ рѣчь о самыхъ раннихъ стадіяхъ религіознаго сознанія, необхо-

---

1) Bérard. C. Arcadiens, p. 34.

2) Achelis. Moderne Völkerkunde, s. 367; ср. Lippert. Kulturgeschichte I, s. 98—99.

3) Какъ на примѣръ подобнаго толковаго эпическаго сказанія укажу на статьи Crooke'a. The Wooing of Penelope. *FL.* IX (1898), p. 97 etc. А. Н. Веселовскій. О Добрынѣ и Алешѣ. *Ж. М. Н. Пр.* 1898 г.

димо поэтому замѣнять слово религія словомъ міровоззрѣніе. Оно обнимаетъ собою и философію и религію и совершенно точно обозначаетъ тотъ комплексъ комбинируемыхъ совершенно иначе, чѣмъ у насъ, представленій, познаній и убѣжденій, которыми живетъ первобытный человѣкъ и которыя вызываютъ его на тотъ или иной поступокъ, опредѣляютъ у него тотъ или иной порядокъ разсужденій [1]).

Вообще то, что мы называемъ фольклоромъ, есть именно пережитокъ болѣе первобытнаго мировоззрѣнія. И въ этомъ смыслѣ фольклоръ, какъ наука, изучаетъ такой типъ представленій, который можно противопоставить не только нашему нынѣшнему научному или религіозному міровоззрѣнію, но и религіозному воззрѣнію древнихъ. Въ древнеримской религіи, мы можемъ, напримѣръ, очень легко выдѣлить религію оффиціальную, жреческую и болѣе старую религію народную. Древніе римляне строго различали народную пѣсню (opprobria rustica) отъ поэзіи, они прекрасно знали также различіе между сказкой и достойной поэтическаго воспроизведенія легендой. Не умѣя объединить все это однимъ словомъ, и древніе сознавали такимъ образомъ существованіе фольклора. Выдѣленіе этого языческаго фольклора и попытка его возсозданія именно и составляютъ самую крупную заслугу Маннгардта [2]). На все это по различнымъ частнымъ поводамъ мнѣ придется часто указывать, предостерегая отъ сказывающагося подъ часъ и теперь желанія разсматривать явленія фольклора, какъ пережитокъ жреческой, вѣроисповѣдной формы религіознаго сознанія.

Если бы мы знали германскую религію Одина и славянскую Перуна также подробно, какъ намъ знакомы религіи Зевса и Юпитера, эти свѣдѣнія не прибавили бы такимъ образомъ намъ многаго относительно народной обрядности.

---

1) Schultze. Psych. der Naturvölker, s. 213—214; ту же мысль высказалъ давнымъ давно и Маннгардтъ. W. und Fk. II, s. XXVII—XXVIII.

2) W. u. Fk. II, s. XXXVII.

При подобной точкѣ зрѣнія само собою разумѣется, что германскій и славянскій Олимпъ не играютъ никакой роли въ изслѣдованіи народной обрядности. Не говоря уже о богинѣ Весны, о разныхъ Деляхъ, Ладахъ, Живахъ и пр., которыя прямо были измышлены и никогда не существовали, даже, такое божество, какъ Ярило, въ существованіи котораго, повидимому, нельзя усомниться, не должны вовсе останавливать на себѣ наше вниманіе.

Если мы встрѣчаемъ обращеніе къ Марсу въ пѣснѣ Арваловъ[1]) или въ очистительномъ заклинаніи поля, о которомъ говорится у Катона[2]), либо призыванія Кылдысина, Квазя и иныхъ боговъ въ пѣсняхъ — молитвахъ нашихъ инородцевъ-язычниковъ[3]), то развѣ боги эти не вспомнились здѣсь ревнителямъ обряда совершенно также, какъ вспоминаются св. Никола, Юрій, Богородица въ великодныхъ пѣсняхъ бѣлорусовъ? И христіанскіе святые, и языческіе боги упоминаются либо, съ цѣлью усилить религіозное значеніе обряда тогда, когда вѣра въ него самого уже пошатнулась, либо, потому что тотъ или иной божественный обликъ по самому своему характеру близокъ къ представленіямъ, обусловившимъ собою и появленіе обряда. Но чаще всего моленіе какому-нибудь божественному существу проникаетъ въ обрядъ по причинамъ чисто-календарнымъ; если обрядъ справляется въ такую пору, которая совпадаетъ съ чествованіемъ какого-либо божества, обрядъ сосуществуетъ съ привычкой молиться ему, и тогда оба различныхъ въ началѣ религіозныхъ акта сливаются во едино, и имя божества проникаетъ въ слова, сопутствующія обряду; при такихъ обстоятельствахъ въ концѣ-концовъ обрядъ можетъ легко стать даже однимъ изъ священныхъ дѣйствій культа.

Христіанскіе святые поминаются въ весеннихъ обрядовыхъ пѣсняхъ и еще въ другомъ смыслѣ, они поминаются, какъ

---

1) *CIL.* I,1, p. 9, № 28 и Birt въ *Arch. f. l Lexicol.* XI (1898), s. 160.

2) Cato. De agric. CXLI ed. Keil Lpz. 1884, v. I, pp. 87—88.

3) См. напр. пѣсню — молитву у Первухина. Эскизы пр. и б. инор. Глазовскаго уѣзда. Эск. III, стр. 7—9.

«праздничкиъ», т. е. какъ олицетворенія того времени, когда совершается обрядъ. Обрядовая пѣсня любитъ олицетворенія; большинство этихъ загадочныхъ названій которыя попадаются въ нихъ на каждомъ шагу: Марена, Купало или Купалочка, Кострома, Кострубонько, Усень, Додолъ, Перперуга, Кальянъ, Pfingstl, Maierösslein, trimouzette и др., суть ничто иное, какъ названія либо самаго обряда, либо того праздника, когда онъ совершается, ставшія въ концѣ-концовъ даже олицетвореніями обряда.

Къ сожалѣнію этимологія большинства этихъ словъ еще не установлена, и это, конечно, въ высшей степени затрудняетъ изученіе самыхъ обрядовъ. Помочь этому предложеніемъ собственныхъ этимологій я однако и не пытался. Залогомъ успѣшности подобнаго изслѣдованія долженъ быть богатый подборъ формъ, взятыхъ изъ хорошо обработанныхъ текстовъ, изъ фонетически точно записанныхъ произведеній народной словесности. Около нихъ слѣдовало бы собрать слова имъ близкія, подыскать ихъ примѣры въ древней письменности и т. д. Словомъ тутъ нужно особое филологическое изслѣдованіе, матеріалъ для котораго можетъ только случайно попасть подъ руку историку языка. Я предоставляю ее поэтому кому-нибудь изъ славистовъ, филологовъ. Но можетъ быть данныя о значеніи самого обряда, собранныя въ предлагаемомъ трудѣ до нѣкоторой степени облегчатъ эти этимологическія изысканія.

Если я сказалъ, что большинство словъ, о которыхъ идетъ рѣчь, ничто иное какъ названіе праздника или какого-нибудь характернаго дѣйствія, входящаго въ составъ относящагося къ нему обряда, я позволилъ себѣ это предположеніе потому, что таковы именно тѣ названія, этимологія которыхъ либо уже установлена, либо сама собою очевидна; сюда относятся: съ одной стороны Купало[1]), каляды, colindele, calendas mayas[2])

1) = Креститель: Сумцовъ. Култ. переж., стр. 140.
2) А. Н. Веселовскій. Раз. въ обл. дух. ст. VII, стр. 104.

и родственныя имъ этимологически aghinaldo, aguilaneuf, guillonée[1]) и съ другой стороны волочобныя пѣсни[2]), пѣсни царинныя[3]), русальныя, русалки[4]) и т. д. Этимологія этихъ словъ указываетъ, мнѣ кажется, лучше всего, гдѣ искать объясненія и другихъ менѣе понятныхъ и еще не изслѣдованныхъ словъ, попадающихся въ описаніяхъ народныхъ обрядовъ. Можетъ быть, въ лексикѣ старыхъ европейскихъ говоровъ всѣхъ трехъ основныхъ языковыхъ группъ еще найдутся когда-нибудь выраженія также просто объясняющія и загадочныхъ Кострубонько, Морену, trimazos, Авсень, Додолъ и др., но для успѣшности работы надъ ихъ этимологіей надо, конечно, прежде всего выяснить основную форму и главный смыслъ тѣхъ обрядовъ, къ которымъ они относятся.

При томъ пониманіи фольклора, которому я намѣренъ слѣдовать въ предлагаемомъ трудѣ, объясненіе народныхъ обрядовъ будетъ въ немъ главнымъ образомъ, какъ выражался Потебня, «раціоналистическимъ»[5]). Мнѣ кажется прежде всего необходимо установить, какой смыслъ предавалъ каждому обряду его первобытный приверженецъ. Лежитъ-ли или нѣтъ въ основѣ обряда, какое-либо иносказаніе, его непосредственное назначеніе съ точки зрѣнія первобытнаго міровоззрѣнія, разумѣется нельзя игнорировать. Равнымъ образомъ при толкованіи обряда необходимо имѣть прежде всего въ виду тѣ пѣсни, смыслъ которыхъ особенно прозраченъ и особенно тѣсно связанъ съ самымъ обрядомъ. Я

---

1) Такъ же отъ «calendae» Schuchart въ *Romania* IV, p. 253; ср. *Melusine* 1898, col. 90.

2) Отъ волочиться (сл. волокита, вольчага, волочуга, волочай) А. Н. Веселовскій, ibid. стр. 212.

3) Отъ рум. ţară (< terra), цара = поле.

4) Происхожденіе того и другого отъ dies rosae, rosaria теперь уже считается установленнымъ (А. Н. Веселовскій. Розыск. въ обл. дух., ст. VII, стр. 204—206 и XIV, 261—271; ср. Пыпинъ, Ист. русск. лит. III, стр. 89); названіе русальскихъ пѣсенъ и самой русалки происходитъ т. обр. у насъ отъ названія праздника, а въ греко-римскомъ мірѣ, откуда оно перешло къ намъ, оно пошло отъ одного изъ главныхъ признаковъ совершаемаго обряда.

5) Потебня. Объясн. мал. и ср. пѣсень I, стр. 93.

не думаю, чтобы можно было сомнѣваться въ томъ, что только, восходя отъ менѣе сложнаго къ болѣе сложному, удастся придти къ выводамъ до нѣкоторой степени объективнымъ. Какъ мы увидимъ, обрядовая пѣсня либо констатируетъ то, что производится во время самого обрядоваго дѣйствія, либо заставляетъ олицетвореніе праздника совершать обрядъ, либо наконецъ описываетъ обрядъ въ болѣе или менѣе иносказательной формѣ. Болѣе сложной интерпретаціи требуютъ, конечно, тѣ изъ обрядовыхъ пѣсенъ, въ которыхъ содержится сюжетъ или пѣсенный мотивъ, на первый взглядъ ничего общаго съ обрядомъ не имѣющій. Для объясненія смысла подобныхъ именно пѣсенъ на первомъ мѣстѣ будетъ стоять уже бытовая обстановка обряда, и только знакомство съ нею позволитъ открыть смыслъ самого сюжета, чаще всего представляющаго собою ничто иное, какъ традиціонное иносказаніе или символъ.

III.

Поставивши себѣ задачей изучить въ настоящей работѣ народныя пѣсни, связанныя съ весенними обрядами, я постараюсь прослѣдить по нимъ выраженіе тѣхъ цѣлей, которыя преслѣдуютъ эти обряды т. е. выраженіе тѣхъ надеждъ, заботъ и опасеній, которыя заставляютъ къ нимъ прибѣгнуть; но прежде всего надо, конечно, установить, что разумѣть подъ весенними обрядами.

Съ тѣхъ поръ для изслѣдованія религіозно-обрядоваго сознанія европейскихъ народовъ обращается все большее вниманіе на данныя современнаго фольклора, народные праздники обыкновенно представляются группирующимися около четырехъ моментовъ солнечнаго года. Зимніе праздники совпадаютъ съ Рождественскими святками, лѣтніе пріурочиваются къ Иванову дню, а весенніе и осенніе распредѣляются сообразно началу и концу полевыхъ работъ; такимъ образомъ 2 солнце-стоянія и 2 равно-

денствія составляютъ какъ бы четыре центральныхъ момента народнаго календаря.

Гриммъ высказывается по этому поводу довольно неопредѣленно: съ одной стороны онъ говоритъ, что у германцевъ, какъ это естественно для сѣвернаго народа, годъ распадается только на два времени, на зиму и лѣто, разъ въ годъ вступающихъ другъ съ другомъ въ борьбу, а съ другой онъ приводитъ свидѣтельство сѣверныхъ сагъ въ доказательство существованія у германцевъ трехъ торжественныхъ ежегодныхъ жертвоприношеній. Это послѣднее извѣстіе согласно съ показаніемъ Тацита, что германцы не знали слова осень[1]).

Еще болѣе сбивчиво стали относиться къ народному календарю послѣ Гримма. Ясное пониманіе возможности правильной группировки народныхъ праздниковъ и обычаевъ сообразно временамъ года было на долго запутано пользовавшимися такимъ незаслуженнымъ успѣхомъ миѳологическими построеніями Куна и Шварца. Согласно ихъ теоріи, какъ мы видѣли, народныя поэзія и обрядность, по своему воспроизводятъ атмосферическія явленія, и на почвѣ этой чисто-художественной дѣятельности первобытнаго человѣка создается только гораздо позднѣе ученіе о богахъ. Современный народный обрядъ старше древней миѳологіи, и поэтому онъ не долженъ быть вовсе понятъ, какъ переживанье праздничнаго ритуала старой религіи, а какъ остатокъ еще болѣе древняго поэтическаго воззрѣнія на природу. «Первобытный человѣкъ, писалъ Шварцъ въ предисловіи къ своему сочиненію о поэтическомъ воззрѣніи грековъ, римлянъ и германцевъ на природу, воспринимаетъ тѣ элементы природы, въ которыхъ онъ впослѣдствіи находитъ своихъ боговъ, прежде всего, какъ нѣчто объективное, возникшее

---

1) Grimm. Deutsche Myth. англ. пер. съ 3-го изд. pp. 42,738 и особенно 1526 (доп. къ 758-й); это мнѣніе недавно старался защитить Tille Yule & Christmas, their place in the germanic year. London, 1899. Ср. однако рецензію Mogk'a въ *Litteraturblatt für germanische und romanische Philologie*. 1900, December.

внѣ его, какъ чудесный міръ, существующій самъ по себѣ и отражающійся на окружающей его природѣ только по кое-какимъ признакамъ. Этотъ небесный міръ онъ представляетъ себѣ по аналогіи съ тѣмъ окружавшимъ его міромъ, который былъ ему близокъ и явленія котораго онъ, какъ умѣлъ, старался осмыслить и уяснить себѣ. Только множащіяся и возвышающіяся изъ поколѣнія въ поколѣніе наблюденія надъ явленіями природы, распорядокъ и правильность которыхъ все отчетливѣе и отчетливѣе отлагались въ сознаніи, и которые становились основнымъ субстратомъ поэтическаго воззрѣнія, привели мало по малу къ признанію небесныхъ существъ за небесныя силы, которымъ человѣкъ долженъ молиться и которыхъ ему необходимо уважать. Такимъ же точно образомъ и большинство обрядовъ и обычаевъ были въ началѣ только подражаніями аналогично понятымъ небеснымъ явленіямъ, причемъ къ этимъ послѣднимъ въ то же время приравнивались по возможности и земныя условія... Когда ранней весной въ первую грозу воображеніе заставляло видѣть выгонъ облачнаго стада, въ зигзагахъ молніи усматривали вѣтку, которую тащитъ за собой одно изъ животныхъ. И такое представленіе не только отразилось въ Греціи въ извѣстномъ разсказѣ о похищеніи Гермесомъ воловъ, но воспроизводится до сихъ поръ въ первомъ весеннемъ выгонѣ скота въ сѣверной Германіи, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ сохранившійся цѣлыя тысячелѣтія народный обрядъ»[1]). Само собою разумѣется, что при подобномъ взглядѣ на народные обряды не можетъ быть рѣчи ни о какихъ циклахъ. Также безостановочно, какъ совершаются атмосферическія явленія, производятся и соотвѣтствующіе имъ обряды; каждый шагъ, который дѣлаетъ природа, либо на пути къ увяданію, либо на пути къ разцвѣту отмѣчается особо въ обрядовомъ обиходѣ. Такъ же какъ внезапно не наступаетъ ни весна, ни зима, ни осень, также постепенно отъ зимы къ веснѣ движатся и обрядовыя дѣйствія.

---

1) Schwartz. Die Poetischen Naturanschauungen I Bd. s. VIII.

Слѣдуя въ послѣднихъ своихъ томахъ, то за Шварцомъ и Куномъ, то за Гриммомъ, Аѳанасьевъ усвоилъ себѣ обѣ указанныя точки зрѣнія. Съ одной стороны, онъ представилъ народный праздничный годъ славянъ «распадающимся на двѣ половины» зиму и лѣто[1]), такъ что весна по мнѣнію Аѳанасьева, считается народомъ только «предверіемъ лѣта», осень — «первой порой зимы»[2]), съ другой въ своихъ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ онъ какъ будто отступился отъ этого мнѣнія и распредѣлилъ народные праздники совершенно иначе, основываясь на этотъ разъ уже не на гриммовскомъ представленіи о спорѣ зимы и лѣта. Такъ какъ извѣстій о языческихъ культахъ славянъ у Аѳанасьева почти вовсе не было въ распоряженіи, то распредѣленіе праздничнаго года приходилось дѣлать исключительно на основаніи современныхъ народныхъ обрядовъ и ихъ болѣе древнихъ упоминаніяхъ въ старыхъ памятникахъ. И вотъ для иллюстраціи своихъ взглядовъ Аѳанасьевъ совершенно произвольно раздѣлилъ народные обряды на обще-народные и простонародные. Къ первымъ онъ отнесъ игры и пляски, въ которыхъ хозяйственная бытовая основа менѣе запечатлѣна, и которую по этому можно было болѣе произвольно толковать согласно миѳологическому методу[3]), а во вторую группу попали неоспоримо хозяйственные обряды; о нихъ Аѳанасьевъ говоритъ только вскользъ и совершенно отдѣльно[4]). Вотъ почему обряды осенніе: дожинки, обжинки или толоки, какъ обряды чисто-хозяйственные и упоминаются только среди простонародныхъ праздниковъ въ концѣ главы[5]), вслѣдствіе чего отъ «Ивана Купала» или лѣтняго

---

1) Аѳанасьевъ. Поэт. возър. т. III, стр. 659. Въ этомъ отношеніи онъ слѣдовалъ всецѣло за Гриммомъ, полагавшимъ, что вообще у всѣхъ сѣверныхъ народовъ можетъ быть только два времени года. D. M. a. n., a. 758.

2) Поэт. возър., т. III, стр. 660.

3) Ibid. стр. 683—760.

4) Ibid. стр. 763—775; того же мнѣнія держится и проф. П. В. Владиміровъ. (Введеніе въ Исторію Русск. Слов. стр. 71); у него я и заимствую выраженіе: «простонародный праздникъ».

5) Поэт. возър., т. III, стр. 767 и слѣд.

солнце-ворота, когда по мнѣнію Аѳанасьева начинался «поворотъ солнца на зиму» и ожиданіе «грядущей смѣны лѣта зимою» до самыхъ «Колядъ» или до Рождества не оказалось уже вовсе никакихъ обрядовъ, никакихъ праздниковъ [1]). Только на Рождествѣ, когда «свѣтило поворачиваетъ на лѣто» приходитъ новый циклъ. Изъ пропуска осенней обрядности получилась такимъ образомъ довольно сбивчивая и не логичная группировка. Оказалось, во-первыхъ, что весеннее возрожденіе природы, народъ празднуетъ какъ бы два раза въ годъ: оно начинается заклинаніемъ весны въ мартѣ [2]) и кромѣ того гораздо раньше колядами въ декабрѣ [3]); во-вторыхъ, оказалось также, что собственно то раздѣленіе года, на лѣто и зиму, которое Аѳанасьевъ установилъ въ началѣ главы о народныхъ праздникахъ, собственно совершенно не соотвѣтствуетъ имъ же изображенной ихъ системѣ. Приходится скорѣе, какъ въ сущности на дѣлѣ и допускалъ Аѳанасьевъ, подраздѣлить годъ на праздники возрожденія природы отъ зимняго солнцестоянія до лѣтняго и праздники ея постепеннаго замиранія отъ лѣтняго поворота солнца до зимняго [4]). Съ точки зрѣнія приведеннаго выше взгляда Шварца это вполнѣ послѣдовательно и логично. Если въ основѣ обряда лежитъ миѳъ, образно воспроизводящій явленія природы, каждый отдѣльный моментъ ея жизни долженъ отлагаться въ обрядѣ самостоятельно. И тогда ни о какихъ циклахъ народныхъ праздниковъ не можетъ быть и рѣчи.

Но, дѣйствительно ли, народные обряды воспроизводятъ миѳы? Дѣйствительно ли миѳъ есть ничто иное, какъ поэтическое изображеніе атмосферическихъ явленій? То и другое еще требуетъ доказательствъ. Въ томъ и другомъ современная наука уже давно усумнилась. Она пошла на поиски за совершенно другой интерпретаціей народной обрядности.

---

1) Ibid., стр. 728—729.
2) Ibid., стр. 683, 689 и слѣд.
3) Ibid., стр. 751—752.
4) Ibid., стр. 683.

При первоначальномъ и непредвзятомъ ознакомленіи съ народной обрядностью на всемъ протяженіи европейскаго фольклора, въ ней вполнѣ ясно выступаютъ именно четыре момента, четыре типа праздниковъ, до тождественности схожихъ у всѣхъ индо-европейскихъ народовъ. Какъ бы ни объяснилось это сходство, исходнымъ пунктомъ всякаго изслѣдованія въ этой области должно быть прежде всего его опознаніе (констатированіе), а отсюда естественно и признаніе существованія этихъ четырехъ типовъ или цикловъ народныхъ праздниковъ.

Лѣтній солнцеворотъ, совпадающій съ христіанскимъ Ивановымъ днемъ (24 іюня), какъ народный праздникъ, справляемый особой присущей ему обрядностью, отмѣченъ еще въ проповѣди Элигія въ VII в. [1]). Онъ извѣстенъ у всѣхъ европейскихъ народовъ, и всюду справляемыя въ немъ игры и забавы носятъ тѣже сходныя черты: зажиганіе огней, гетерическіе обряды, обычаи кумовства или побратимства, похороны или топленіе особой куклы (Марены, Костромы, Кострубонька) или разукрашеннаго дерева [2]). Гиллебрандтъ привелъ указанія на аналогичный праздникъ въ древней Индіи [3]); А. Н. Веселовскій вмѣстѣ съ другими изслѣдователями сблизилъ его съ античнымъ, пришедшимъ съ востока праздникомъ Адониса [4]), а Бертранъ еще и съ римскими палиліями и праздникомъ ирландскаго Бельтенея [5]). Сохранившееся до нашихъ дней празднованіе лѣтняго солнцеворота съ особыми, присущими ему обрядовыми и даже миѳологическими представленіями заходитъ, стало быть, далеко за предѣлы хри-

---

1) Migne. Patrol. lat. t. 87 p. 528; cp. ibid. t. 40, p. 1172.

2) Потебня. О купальскихъ огняхъ и сродныхъ съ ними предст.; Gaidoz. Le Dieu du soleil et le symbolisme de la roux. А. Н. Веселовскій. Гетеризмъ, побратимство и кумовство въ купальской обрядности *Ж. М. Н. Пр.* 1894, февраль; A. Bertrand. La Religion des Gaulois, les Druides et le Druidisme, p. 96—139. Сумцовъ. Культурн. Переж. глава 57-я.

3) Hillebrandt. Die Sonnwendfeste in Alt-Indien. s. 300—304.

4) l. c. 290—291 и др. ср. *З. И. Р. Г. Общ.* II, стр. 88 и 113 (Ефименко и О. Миллеръ).

5) l. c. p. 99—101 и 105.

стіанства и представляется съ вполнѣ опредѣленной и законченной физіономіей.

Столь же широко распространены и обряды дожинокъ, обжинокъ или талаки, нѣмецкаго Erntefest, французской «dernière gerbe», англійскаго «Harvest home», обряды Ильина дня, праздника св. Мартына и пр.[1]). Этого типа праздникъ отмѣченъ совершенно достовѣрно у древнихъ германцевъ и у славянъ. Можетъ быть, такой же точно смыслъ имѣло у полабскихъ славянъ описанное Саксономъ Грамматикомъ жертвоприношеніе идолу, носившему имя св. Вита[2]). Такое же народное празднество существовало и у древнихъ[3]). Въ современномъ фольклорѣ мы находимъ повсемѣстно, тоже торжественное внесеніе въ село или усадьбу послѣдняго снопа, убраннаго лентами, платьемъ или цвѣтами. При этой радостной процессіи поются особыя пѣсни, совершаются особые обычаи. За этимъ основнымъ актомъ обрядовой игры идутъ и другія развлеченія, пляски и пиршества, шумно справляющія наступленіе давно ожидаемаго изобилія плодовъ земныхъ. Этотъ типъ народныхъ праздничныхъ отправленій, правда, не можетъ быть такъ точно пріуроченъ къ опредѣленному моменту солнечнаго года, и въ древней Италіи онъ даже совпадалъ, какъ думаютъ нѣкоторые изслѣдователи, съ только что упомянутымъ солнцеворотомъ[4]). Однако по своему хозяйственному значенію онъ всетаки долженъ быть названъ праздникомъ осеннимъ, занимающимъ промежуточное мѣсто между обоими солнцеворотами. Вотъ почему осеннее равноденствіе всетаки можетъ быть признано особенно для центральной и восточ-

1) О немъ см.: Pfannenschmidt. Germ. Erntefeste etc. А. Н. Веселовскій. Р. въ Обл. Дух. Стиха VI—X, стр. 443—446.

2) Historia Danica ed. Holder p. 444, прив. впервые у Срезневскаго. Сват. и обряды яз. бог. др. славянъ, стр. 97—98; ср. у Máchal'a Nákres slov. Bejeslovi стр. 26—29.

3) Boissier. La rel. rom. d'Auguste aux Antonins I, p. 365 Mannhardt. Wald. und Feldk. II, s. 214—258.

4) Frankel. Studien zur röm. Geschichte, s. 126—127.

ной Европы, тѣмъ идеальнымъ пунктомъ, около котораго группируются обряды этого типа.

Одинаковая общераспространенность и аналогичность замѣчается и въ обрядахъ, на Рождественскіе святки, совпадающіе съ зимнимъ солнцеворотомъ[1]) и съ Julfest'омъ древней Скандинавіи[2]). Коляды, Плугъ, Colindele, Aguillaneuf, Aguinaldo, Drei Kōnige, три короля и пр. также не только приведены въ связь съ Сатурналіями[3]), но схожіе съ ними обряды найдены еще въ современной и древней Индіи[4]). И здѣсь мы повсюду видимъ совершенно аналогичные обряды. Повсюду поются переходящими изъ дома въ домъ пѣвцами особыя поздравительныя пѣсни, за которыя домохозяева должны отблагодарить подарками. Повсемѣстно въ это время молодежь рядится въ различные костюмы, иногда въ этихъ нарядахъ совершая и свои поздравительные обходы.

На томъ, что и весенняя обрядность, центральнымъ пунктомъ которой можно признать весеннее равноденствіе, заключаетъ въ себѣ черты общія въ фольклорѣ не только Европы, но и всѣхъ индоевропейскихъ народовъ, я покамѣстъ настаивать не буду, такъ какъ этому посвящено все настоящее изслѣдованіе.

На возможность распредѣленія народныхъ праздниковъ сообразно временамъ года, а слѣдовательно и на самостоятельное обрядовое значеніе весенняго цикла указывали давно. Такъ думалъ еще Снегиревъ, когда распредѣлилъ, сообразно съ этимъ, свою книгу о русскихъ простонародныхъ праздникахъ[5]). Такое же мнѣніе высказалъ категорически и Монтанусъ относительно

---

1) А. Н. Веселовскій. Румынскія, славянскія и греческія коляды въ его Разысканіяхъ въ Обл. Дух. Ст. VII вып. Tille. Die Gesch. der deutschen Weinacht и особенно англійское изданіе Yule & Christmas, their place in the germ. year; для Франціи см. Gasté. Noels et vaudevirs du Ms. de Jehan Porée.

2) Могкъ l. c. s. 1125—1126.

3) Веселовскій, l. c. стр. 109—111.

4) H. H. Wilson. The Religions Festivals of the Hindus въ его Essays and Lectures v. II p. 151—155.

5) Ср. особенно Русск. Прост. пр. вып. I, стр. 45—46.

нѣмецкихъ праздниковъ. «Религія и обычаи, а съ ними и праздники, писалъ онъ, устанавливались сообразно видимой природѣ. Моменты обоихъ солнцеворотовъ и обоихъ равноденствій опредѣлили, какъ повсемѣстно въ древности, такъ и у германцевъ, главные праздники. Въ Ивановъ день въ серединѣ лѣта (24 іюня), когда солнце стоитъ всего выше, и въ день евангелиста Іоанна (27 дек.), когда оно всего ниже, и равнымъ образомъ въ весеннемъ равноденствіи въ концѣ марта и въ день св. Михаила осенью приходились четыре главныхъ праздника, четыре великихъ поры (Hoch-Zeiten)»[1]. Въ настоящее время дѣленіе праздничнаго года на четыре части или на четыре цикла можно повидимому считать общепринятымъ. Большинство современныхъ миѳологовъ и фольклористовъ признаетъ вполнѣ установленнымъ то положеніе, что каждое время года имѣло издревле свой особый, присущій ему типъ или циклъ праздниковъ, справляемыхъ болѣе или менѣе одинаково во всѣхъ концахъ Европы[2]. При этомъ солнцевороты и солнцестоянія надо, разумѣется, считать только идеальными моментами, удобными для изслѣдователя, какъ точки отправленія. Какъ совершенно справедливо замѣчаетъ Могкъ, за этими Ивановымъ днемъ, Рождествомъ, днемъ св. Михаила и пр. современными христіанскими пріуроченіями не надо видѣть опредѣленныхъ дней, въ которые якобы когда то справлялись какіе-нибудь языческія празднества у славянъ или германцевъ: мы должны имѣть въ виду скорѣе «опредѣленные періоды времени», чѣмъ опредѣленные дни, скорѣе циклы и типы праздниковъ, чѣмъ законченные и точно установленные ихъ ритуалы».

Такое признаніе законности раздѣленія народнаго календаря на четыре части однако мало еще помогаетъ изслѣдователю ка-

1) Die Deutschen Volksfeste s. 10.

2) A. H. Meier. Lehrb. der germ. Myth. § 263; Mogk. Germ. Myth. § 84; Weinhold въ статьѣ: *ZdVfVk.* IV (1894), s. 100; Bertrand. La Rel. des Gaulois p. 104—105; старое Grimm'овское раздѣленіе на три части германскаго года отстаиваетъ теперь одинъ Tille Yule & Christmas; ср. однако отзывъ Mogk'а въ *LfrgPh.* 1900, S. 401.

кого-нибудь одного изъ четырехъ цикловъ. Остается еще рѣшить, какъ выдѣлить этотъ циклъ изъ всего годового круговорота? Какіе праздники должны войти въ каждую изъ четырехъ категорій?

Какъ бы въ сторонѣ отъ этихъ четырехъ моментовъ, около которыхъ группируются народные праздники, остается напримѣръ, наша Масляница, Карнавалъ романскихъ народовъ, нѣмецкая Fastnacht. Занимая промежуточное мѣсто между зимнимъ и весеннимъ циклами, этотъ праздникъ какъ будто нарушаетъ стройность дѣленія народнаго календаря сообразно временамъ года. И здѣсь мы какъ будто имѣемъ дѣло не съ христіанскимъ праздникомъ; изслѣдователи часто видятъ въ немъ прямое переживаніе болѣе древняго языческаго празднества: прототипъ Карнавала указывался и въ римскихъ Луперкаліяхъ [1]) и въ древней Индіи наряду съ прототипомъ зимняго солнцеворота [2]). Однако характера самостоятельнаго обрядоваго цикла за этимъ праздникомъ обыкновенно не признается, и его представляютъ то дальнѣйшимъ распространеніемъ Рождественскихъ святокъ [3]), то напротивъ праздникомъ, открывающимъ собою весенній циклъ [4]).

Одинаковая трудность возникаетъ и относительно другой группы праздниковъ, примыкающихъ къ весеннимъ, группы передвижныхъ христіанскихъ праздниковъ Троицы и Духова дня, сохранившихъ у славянъ и ново-грековъ древнее названіе Русальной недѣли. Эти праздники также занимаютъ промежуточное положеніе между двумя циклами, на этотъ разъ между лѣтнимъ и весеннимъ. Въ нихъ совершаются часто тѣ же самыя обрядовыя дѣйствія, тѣ же игры и забавы, что и въ купальской обрядности. Передвигаясь вмѣстѣ съ Пасхой впередъ, они попадаютъ иногда даже на средніе числа іюня. Какъ быть съ этими неустой-

1) Hase. Kirchengeschichte I, s. 459.

2) Wilson l. c. p. 222—243.

3) А. Н. Веселовскій. Раз. въ обл. дух. ст. VII, стр. 433 и *Ж. М. Н. Пр.* 1884, августъ, стр. 433; Потебня. О мие. зн., стр. 14.

4) Simrock. Handb. der d. Myth. s. 574; Вс. Миллеръ. Рус. Масл., стр. 19.

чивыми и не типичными праздниками? Куда отнести ихъ? Сахаровъ начиналъ съ нихъ разсмотрѣніе лѣтнихъ праздниковъ [1]). Наряду съ этими послѣдними ставитъ ихъ А. Н. Пыпинъ [2]). Махаль отводитъ имъ въ своей славянской миѳологіи отдѣльный параграфъ [3]). Ефименко и А. Н. Веселовскій говорятъ о смѣшеніи весеннихъ и лѣтнихъ обрядовыхъ представленій [4]).

Естественно ставится такимъ образомъ вопросъ, относить-ли къ весеннему циклу масляничную и троицкую обрядность. Рѣшить это нужно заранѣе, a priori. Необходимо уже a priori установить себѣ извѣстный критерій для сужденія о томъ, что собственно должно входить въ кругъ настоящей работы. Надо поставить извѣстные предѣлы изслѣдованію, заключить свои наблюденія въ какъ можно болѣе опредѣленныя рамки.

Казалось бы самое простое было бы обратиться для этого къ календарю въ его историческомъ развитіи. Календари искони отмѣчали начало и конецъ весны. Раздѣленіе на времена года знаетъ и народный календарь. Календарь Юлія Цезаря весною считалъ промежутокъ времени отъ 7-го или 10-го февраля до 7-го или 10-го мая. Такое мнѣніе высказываетъ и Овидій въ своихъ Фастахъ [5]). Въ календаряхъ начала христіанской эры, какъ это показалъ Томашекъ въ своей извѣстной статьѣ о Русаліяхъ, 22 марта называлось Dies violationis и dies violaris, а на дни отъ 10 до 20 мая назначался Dies Rosationis, dies rosae, Rosaria, rosa sumat [6]), и эти праздники первой фіалки и первой

---

1) Сказ. II, стр. 183.

2) Исторія русской литературы III, стр. 155.

3) Nákres slov. Bajeslovi, str. 196—200.

4) См. статью Ефименки О Ярилѣ *З. И. Р. Г. О.* II и А. Н. Веселовскаго Гетеризмъ, кумовство и побратимство въ купальской обрядности *Ж. М. Н. Пр.*, февраль, стр. 310—314.

5) Roscher's Ausf. Lex. II,2, s. 2403, 55—60; Peter Ovidii fast. libri sex. Einl. s. 22 u. ff; см. Fasti II, 150.

6) Tomaschek Ueber Brumalien und Rosalien *Sitzb. der Wiener Ak.* LX (1868), ss. 375—378. 23 Мая «rosa sumat» въ календарѣ 354 годъ при Констанціи II, Fasti Philoc. Mommsen CIL I ed. 2nda (1893), p. 264.

розы Томашекъ призналъ предѣльными: «Dies violationis, пишетъ онъ, есть день, съ котораго вступаетъ весна совершенно такъ же, какъ dies rosationis вступаетъ лѣто»[1]). Однако въ Fasti Silvii отмѣтка initium aestatis находится лишь противъ 27-го іюня[2]). Въ календарѣ Карла Великаго: отмѣтка verus oritur попала на 23-е февраля, а aestas oritur на 24-е мая[3]). Эти послѣднія числа можно считать предѣльными и съ точки зрѣнія современнаго народнаго календаря. Календарь Карла Великаго принадлежитъ скорѣе къ нашей эрѣ, ко времени, когда передѣлка римскаго календаря въ календарь христіанскій уже вполнѣ закончилась. И у насъ искони начало весны считается съ Благовѣщенія[4]) либо съ Вербной субботы[5]).

Приблизительно относя весну, разумѣется, къ тому же времени, перечисленные мною календари всетаки противорѣчатъ другъ другу. Противорѣчіе это можно, конечно, примирить по чисто географическимъ соображеніямъ. Показателями наступленія весны повсюду служатъ обыкновенно тѣ же самыя явленія природы. Овидій въ своихъ Фастахъ первыми признаками весны называетъ таяніе льда и появленіе первой зелени[6]), малорусская веснянка основнымъ весеннимъ признакомъ считаетъ разливъ рѣкъ[7]); равнымъ образомъ и вотяки видятъ начало весны въ проходѣ льда, и тогда дзэкъ попъ произноситъ общую весеннюю молитву на берегу рѣки во время ледохода[8]). Первые при-

---

1) Tomaschek l. c. s. 378.

2) CIL I² (1893) p. 267 (Polemius Silvius p. Chr. 448/449).

3) Piper Karls des Grossen Kalendarium, s. 20—31.

4) Порфирьевъ, Аллег. изобр. временъ года. *Православный Собесѣдникъ* I (1860), стр. 443; Калинскій, Церк. нар. Мѣсяц. *З. И. Р. Г. О.* VII (1877), стр. 878; Чубинскій, Труды III, стр. 9—10; *Этн. Обозр.* 1891, № 4, стр. 144—148 и 187—189; *Прав. Вѣстн.* 1895, мартъ.

5) Статья о. Бермана въ *З. И. Р. Г. О.* V, стр. 9; *Этн. Обозр.* 1894, № 1, стр. 128; Kolberg Pocucia str. 145; ср. еще Петрушевичъ Общер. кал. стр. 30—33.

6) Fasti II, 150 et 853—855 III, 235—237.

7) Чубинскій. Труды III, стр. 142, № 48.

8) Первухинъ. Эскизы пред. и быта инор. Глаз. уѣзда III, стр. 9.

знаки весны представляются такимъ образомъ въ Италіи совершенно такъ же, какъ и на сѣверо-востокѣ Европы и совпадать въ календарномъ отношеніи они, разумѣется, не могутъ. Въ Италіи, гдѣ возникъ римскій календарь, наступленіе весны должно праздноваться раньше, чѣмъ въ средней Европѣ, куда онъ былъ занесенъ сначала римскимъ владычествомъ, а послѣ христіанствомъ. Въ защиту такой точки зрѣнія можно было бы напомнить и то, что въ Грузіи весна считается уже наступившей на Масляницу[1]).

Распредѣленіе празднованія весны въ различные праздники сообразно климатическимъ условіямъ, признавалъ и Гриммъ, а за нимъ и Монтанусъ[2]). Послѣдній полагалъ даже, что такое различіе можно прослѣдить даже не выходя за предѣлы Германіи: «Въ южной Германіи, писалъ Монтанусъ, главный весенній праздникъ справлялся 22-го февраля, 1-го марта или на Масляницу; въ Пфальцѣ и Швабіи 21-го марта или на средопостное воскресеніе, далѣе на Пасху или на 1-е апрѣля; сѣвернѣе, а именно въ странѣ древнихъ Саксовъ, онъ попалъ на 1-е мая или на Духовъ день, а въ Швеціи только на Ивановъ день»[3]). Заявленіе это однако совершенно голословно и самымъ очевиднымъ образомъ противорѣчитъ фактамъ. Въ противность мнѣнію Гримма надо, напр., признать, что празднованіе майскихъ календъ присуще главнымъ образомъ романскимъ народамъ. У нѣмцевъ оно появляется нѣсколько рѣже и на мѣсто его становится зачастую Духовъ день.

Присмотрѣвшись поближе, нельзя не замѣтить, что особенно на время празднованія весны климатическія условія вовсе не имѣютъ рѣшающаго вліянія. Дѣло въ томъ, что празднуется весна всего болѣе торжественно вовсе не въ первый же моментъ своего появленія: весна есть время переходное, пролѣтье, глав-

---

1) Изъ *«Квали»* 1893, № 5; прив. въ *Этн. Обозр.* 1893, № 1, стр. 192.
2) Grimm D. M. a. a. стр. 776—780 и Montanus D. Volksf. S. 20—21.
3) Ibid. s. 20.

ный ея признакъ есть постепенное длительное оживленіе природы, и чѣмъ ближе къ лѣту, тѣмъ нагляднѣе и важнѣе въ хозяйственномъ отношеніи тѣ явленія, которыя приковываютъ къ себѣ вниманіе человѣка, живущаго близко къ природѣ. Самый расцвѣтъ весны ему поэтому гораздо важнѣе и интереснѣе ея первыхъ признаковъ. Онъ всего болѣе склоненъ чествовать, такъ сказать, кульминаціонный пунктъ весенняго возрожденія, т. е. именно самое пролѣтье, самый конецъ весны.

Опредѣлить этотъ моментъ, конечно, также не легко, и онъ въ свою очередь является моментомъ чисто-условнымъ. Доискиваться опредѣленія его мнѣ кажется и не надо. Вопросъ о томъ, что считать спеціально весенней обрядностью наблюденіями надъ народнымъ календаремъ вовсе и не можетъ быть рѣшенъ. Къ рѣшенію его можетъ повести одно только наблюденіе надъ самими обрядами, надъ самими играми и забавами.

Придавать особое значеніе самому пріуроченію обрядовъ было бы вообще ошибкой. Обряды свободно привязываются, то къ тому, то къ другому празднику. А. Н. Веселовскій уже давно замѣтилъ, что «одни и тѣ же обряды одинаково связаны съ празднованіемъ весны у народовъ славянскаго и германскаго племени, а спеціальное пріуроченіе ихъ къ 23 апрѣлю является лишь на одной сторонѣ». Къ этому можно добавить, что и у одного и того же народа тѣ же самые обряды падаютъ на разные праздники; напр., въ Германіи 1-е мая и Духовъ день справляются совершенно одинаково въ разныхъ мѣстностяхъ. И чѣмъ дальше въ глубь вѣковъ, тѣмъ большая свобода въ пріуроченіи. Въ одной, не то сербской, не то болгарской книжкѣ начала этого вѣка закланіе курбана, повсемѣстно совершаемое на Юрьевъ день, отнесено напр., нѣсколько позже на день св. Аѳанасія (2-го мая) [1]. Нѣмецкій календарь XVI в. называетъ день св. Георгія временемъ

1) Книга сіѧ зовомаѧ Ѡгледало ѡ̓пи́сасѧ.... Ігуменомъ Краль Марковаго Монастырѧ и́же.... Тетоець Пе́йчиновићь. Въ Будинѣ градѣ 1816. Сообщено Новаковичемъ въ *Arch. f. sl. Ph.* XII, s. 303—7.

хороводовъ, хотя такое пріуроченіе существуетъ только у южныхъ славянъ, и Юрьевъ день вообще въ настоящее время въ Германіи вовсе не празднуется [1]). Еще любопытнѣе свидѣтельство одного французскаго судебнаго акта 1367 года, въ которомъ какая-то дѣвушка жалуется на молодого человѣка за то, что онъ прибилъ на Николинъ день къ ея двери вѣтку бузины [2]). Этотъ обычай на всемъ протяженіи европейскаго фольклора соблюдается на 1-е мая: молодые люди украшаютъ окна и двери своихъ возлюбленныхъ цвѣтами, а дѣвушекъ дурного поведенія позорятъ, замѣняя цвѣты прутьями или бузиной. Незаслуженному примѣненію къ ней этого позорнаго вида весенняго убранства и обидѣлась подательница этой любопытной жалобы. Сообщая этотъ фактъ, Маннгардтъ заключилъ отсюда, что самый обычай такого украшенія домовъ дѣвушекъ свѣжими вѣтками, равно какъ и опозориваніе ихъ сухими сучьями или зловредными растеніями оторвался отъ календарнаго пріуроченія и сталъ возможенъ даже зимою на Николинъ день (6-го декабря). Маннгардтъ, повидимому не зналъ о существованіи другого Николина дня 9-го мая, тѣмъ болѣе, что въ актѣ число не проставлено; къ этому весеннему Николѣ однако и надо, конечно, отнести упоминаемый имъ случай [3]). Подобныхъ примѣровъ совершенно неожиданнаго прі-

1) Приведено у Liliencron'a Deutsches Leben, s. 136.

2) Godefroy Dict. de l'anc. l. française III p. 489 (изъ Дюканжа) прив. и у Маннгардта W. u Fk. ss. 163—164.

3) Въ настоящее время этотъ праздникъ совершенно забытъ въ римско-католическихъ и еще болѣе въ протестантскихъ странахъ; такъ, Болландисты 9-е мая праздникомъ не считаютъ (см. Mgr Guérin. Les petits bollandistes V p. 406). Установленный впервые папой Урбаномъ II (Martinov. Annus ecclesiasticus. Bruxelles. 1863, p. 125), въ старину весенній Николинъ день однако обыкновенно отмѣчался въ римско-католическихъ календаряхъ. Я встрѣтилъ его, напр., въ рукописномъ Missele XIII в. (Парижск. нац. библ. Fonds latins) № 16824), въ иллюстрированномъ календарѣ XIV в., выставленномъ въ музеѣ Клюни въ Парижѣ (salle III, № 1885). Онъ довольно распространенъ и въ календаряхъ XVII в. Almanach prognostic et historial. Paris. 1633. [B. N. Reserve V 2, 633]; Almanach pour l'an 1655 par. Questier, id. par. Commelet, id. par Noel; id. par Tilleur, id. par Faguemant [Bibl. Nat. Reserve V 2, 679—682 et 685]. Здѣсь всюду 9 Mai Translation de st Nicolas. Въ XIX вѣкѣ онъ встрѣтился мнѣ въ Almanach des bons laboureurs 1837—1849 par Maginus.

уроченія широко распространенныхъ обрядовъ можно было бы собрать еще нѣсколько. Я привелъ только самые яркіе.

Обрядовой обиходъ европейскихъ народовъ занялъ собою главнымъ образомъ самые старые христіанскіе праздники: Пасху[1]), Духовъ день[2]), день св. Георгія[3]), и рядомъ съ ними какимъ-то чудомъ сохранился и совсѣмъ свѣтскій праздникъ майскихъ календъ. Можетъ быть довольно долго просуществовали еще и другіе народные, языческіе праздники, но о нихъ мы не имѣемъ никакихъ извѣстій. Во всякомъ случаѣ, по мѣрѣ увеличенія числа христіанскихъ праздниковъ, эти новые праздники очень рано замѣнили еще сохранившіеся языческія, и народные обряды получили довольно разнообразное пріуроченіе. Такъ идетъ дѣло въ теченіи всѣхъ среднихъ вѣковъ. Но за эти послѣднія пять, шесть вѣковъ замѣчается обратное движеніе: количество праздниковъ начинаетъ сокращаться. Причина этому лежитъ и въ протестантизмѣ, и въ чисто-экономическихъ причинахъ. Понятное дѣло, что при уменьшеніи числа справляемыхъ праздниковъ тѣ изъ нихъ, которые были менѣе закрѣплены традиціей и считались не такими важными, забываются, и обрядность концентрируется цѣликомъ, во всемъ своемъ разнообразіи, во всей пестротѣ преслѣдуемыхъ ею цѣлей на нѣсколькихъ удержавшихся еще праздничныхъ дняхъ. Такъ изъ болѣе позднихъ весеннихъ праздниковъ Георгіевъ день, Троица и Русальная недѣля привлекаетъ къ себѣ все обрядовое дѣйство цѣликомъ на Востокѣ Европы, а на Западѣ все болѣе одиноко начинаютъ стоять 1-е мая, и Духовъ день, стянувши въ себя все то, что

---

1) Пасха была оффиціально установлена имп. Ѳеодосіемъ, Codex Theod. II, 8, 2.

2) Въ одномъ церковномъ предписаніи, дошедшимъ до насъ подъ именемъ св. Бонифація (VIII в.), еще оказалось нужнымъ убѣждать народъ, что Духовъ день — такой же праздникъ, какъ и Пасха. V. Hefele Konciliengeschichte III, s. 586.

3) Помѣченъ въ календарѣ Карла Великаго Piper l. c. s. 20—31 и въ Calendarium Albani (Μηνολόγιον τῶν εὐαγγελίων) Morcelli Kal. Constantinop. Roma 1778, I, p. 17.

было живучаго либо забавнаго въ весенней обрядности. Подобнымъ процессомъ объясняется то, что можно было бы назвать синкретизмомъ современной народной обрядности: нѣсколько обрядовъ, вовсе не связанныхъ первоначально вмѣстѣ, не только начинаютъ справляться одновременно, но даже почти сливаются воедино. Разсматривать обряды надо поэтому прежде всего порознь, не придавая слишкомъ большаго значенія ихъ пріуроченіямъ и ихъ связи между собою.

Однако если народную обрядность надо изучать, какъ таковую, то сейчасъ же возникаетъ вопросъ о томъ, что собственно характерно для весенней обрядности? Какіе обряды можно признать специфически весенними? Невольно возникаетъ сомнѣніе въ томъ, достаточно ли опредѣленно выступаютъ собственно весеннія черты въ обрядности этого времени года. А. Н. Веселовскій въ своемъ изслѣдованіи о св. Георгіи, указавъ на нѣсколько примѣровъ сходства въ дѣйствіяхъ такихъ отдаленныхъ другъ отъ друга обрядовыхъ цикловъ, какъ осенній и весенній[1]), замѣчаетъ: «Я склоняюсь къ убѣжденію, что при изученіи народнаго повѣрья и обряда слѣдуетъ выдѣлить въ томъ и другомъ то, что я назвалъ бы общими мѣстами культа, жертвоприношенія и т. п., повторяющимися въ сходныхъ чертахъ, при разнаго рода праздникахъ и внѣ связи съ мѣстомъ, занимаемымъ ими въ земледѣльческомъ годѣ»[2]). Въ этихъ словахъ высказано вполнѣ основательно предостереженіе противъ слишкомъ поспѣшныхъ обобщеній. При изученіи народной обрядности одного какого нибудь времени года, надо, конечно, быть осмотрительнымъ и оттѣнять въ ней только то, что дѣйствительно характерно, что съ достовѣрностью можетъ быть признано типичнымъ для данной поры. И при внимательномъ отношеніи къ дѣлу это характерное, особенное и можетъ быть вполнѣ удовлетворительно установлено. Если оставить въ сто-

1) Разысканія въ обл. дух. стиха II, стр. 6—9, 62—66, 151—157.
2) Ibid стр. 157.

ронѣ произвольныя построенія миѳологовъ всѣхъ школъ и оттѣнковъ и признать, что періоды времени, когда справляются народные праздники, совершаются извѣстныя обрядовыя дѣйствія и поются соотвѣтственныя пѣсни, зависятъ, какъ выражается Могкъ, «не отъ того или иного положенія солнца, а отъ того или иного вліянія, какое оно оказываетъ на землю» [1]), искомыя характерныя черты могутъ несомнѣнно быть найдены. Всѣ весенніе обряды, игры и забавы отвѣчаютъ одному и тому состоянію сознанія. При гораздо меньшемъ, чѣмъ въ наше время, выдѣленіи личности, при исконной привычкѣ первобытнаго человѣка жить и чувствовать совмѣстно съ себѣ подобными и вовсе не стремиться уйти въ себя и какъ нибудь обособиться въ своемъ собственномъ духовномъ мірѣ, одно и тоже настроеніе чаще, чѣмъ въ наше время, охватывало всѣхъ членовъ общины. Подобное коллективное настроеніе и находило исходъ въ извѣстныхъ обрядовыхъ дѣйствіяхъ.

И нужды нѣтъ, если одни и тѣже обрядовыя дѣйствія встрѣчаются въ разныхъ примѣненіяхъ въ различныя времена года. Какъ мы увидимъ, дѣйствительно очень немногіе изъ тѣхъ обрядовъ, о которыхъ пойдетъ рѣчь въ предлагаемомъ изслѣдованіи, производятся только разъ въ годъ. Ттакіе типы обрядовъ, какъ очищенія, поздравительные обходы, проводы, чествованія предковъ, заклинанія дождя или урожая и пр. совершаются чуть ли не по поводу каждаго важнаго событія, неизмѣнно повторяются въ обиходѣ каждаго обрядоваго цикла. Къ изученію каждаго изъ нихъ можно было бы поэтому приступить и отдѣльно, разсматривая его внѣ связи съ народнымъ календаремъ. Подобное изслѣдованіе было бы даже въ высшей степени желательно, оно установило бы общую схему, общій складъ народнаго обрядоваго обихода. Я скажу болѣе: только подобныя изслѣдованія и могутъ отвѣтить на вопросъ о томъ, что такое народная обрядность и установить ея отношенія къ народной религіи. Если бы подобная работа была

1) Mogk. Mythologie, Paul's Grundriss I, s. 1125.

уже сдѣлана, она, конечно, въ значительной степени облегчила бы и изученіе отдѣльныхъ цикловъ годового обрядоваго круговорота. Тогда оставалось бы только выяснить, почему въ такое то время года народъ находитъ нужнымъ прибѣгать къ такимъ то именно дѣйствіямъ. Если бы истинное значеніе этихъ основныхъ типовъ обрядовъ и ихъ различныя формы и разновидности были бы уже установлены, самое совершеніе ихъ въ то или иное время года повело бы къ характеристикѣ основного настроенія въ эту пору религіозно-хозяйственной общины, ревнительницы обряда. Въ настоящемъ изслѣдованіи мнѣ придется продѣлать обѣ намѣченныя работы: мнѣ придется съ одной стороны каждый разъ выяснять общій смыслъ тѣхъ или иныхъ обрядовъ, встрѣчающихся весною, установить, къ какому типу относится каждый данный обрядъ, и въ то же время мнѣ придется постараться выяснить ихъ чисто весеннее примѣненіе, т. е. угадать, каково то чисто весеннее настроеніе, которому отвѣчаетъ тотъ или иной обрядъ или группа обрядовъ.

Каково это общее всѣмъ членамъ религіозно-хозяйственной общины завѣтное весеннее настроеніе, на это отвѣтитъ, конечно, все предлагаемое изслѣдованіе. Я закончу однако это введеніе попыткой заранѣе намѣтить его общую схему и а priori нѣсколькими фактами охарактеризовать то состояніе сознанія, въ какое приводитъ человѣка, близкаго къ природѣ, наступленіе весенняго возрожденія природы.

IV.

Основной, существенный смыслъ четырехъ указанныхъ цикловъ праздничной обрядности опредѣляется прежде всего реальными условіями близкой къ природѣ жизни, находящейся въ такой тѣсной зависимости отъ условій погоды. Въ сознаніи человѣка, живущаго натуральнымъ хозяйствомъ, каждый моментъ годового рабочаго круговорота отлагается соотвѣтственными усиліями, надеждами и опасеніями. Явленія природы въ народной

психикѣ понимаются прежде всего въ ихъ чисто-утилитарномъ значеніи. Находясь въ постоянной зависимости отъ нихъ, первобытный человѣкъ зорко присматривается къ ихъ особенностямъ, привыкаетъ сообразоваться съ ними, угадывать по нимъ то, что его ожидаетъ въ будущемъ; онъ не теряетъ случая воспользоваться благопріятными для него явленіями и принимать всевозможныя мѣры для борьбы съ неблагопріятными. Исходнымъ пунктомъ всякаго изслѣдованія обрядоваго обихода должны служить поэтому прежде всего реальныя условія быта т. е. насущныя потребности первобытнаго человѣка въ каждый данный моментъ его хозяйственнаго года. Какъ въ отношеніи ко всякому другому культурно-историческому изслѣдованію, такъ и относительно народныхъ праздничныхъ обрядовъ и связанныхъ съ ними пѣсень, условія быта даютъ единственно вѣрную точку отправленія. Пониманіе четырехъ моментовъ обрядоваго года должно пріобрѣсти поэтому особую достовѣрность путемъ введенія въ кругъ фольклористическихъ сближеній и сопоставленій еще и наблюденій надъ хозяйственнымъ бытованьемъ сельскаго люда.

На этой простой, но, къ сожалѣнію, слишкомъ часто забываемой истинѣ, особенно настаивалъ Липпертъ. «Праздники и праздничныя пріуроченія предшествующаго христіанству времени, пишетъ онъ, мы можемъ гораздо лучше опредѣлить себѣ изъ самыхъ условій жизни и хозяйственныхъ отношеній, насколько мы можемъ себѣ ихъ представить, чѣмъ изъ скудныхъ и сбивчивыхъ историческихъ указаній»[1]). Изучать обрядовый обиходъ и связанныя съ нимъ игры, забавы и пѣсни надо несомнѣнно, исходя изъ хозяйственныхъ отношеній. Бытовой укладъ крестьянства нужно постоянно имѣть въ виду и на всемъ протяженіи подобнаго изслѣдованія. Къ нему придется постоянно возвращаться, вѣдаться съ нимъ придется на каждомъ шагу, по поводу каждой подробности. Даже въ сюжетахъ пѣсни, уже нѣ-

1) Christenthum. s. 580.

сколько оторвавшейся отъ обряда, многое ждетъ объясненія именно съ этой точки зрѣнія. Подобной постановки вопроса, правда, не надо преувеличивать, не надо забывать, что отъ когда то сложившейся подъ реальными условіями хозяйственныхъ отношеній первой ячейки современнаго обряда прошло много вѣковъ, легло на сознаніе народа много разнообразныхъ наслоеній. Каждый новый моментъ исторіи оставляетъ свой осадокъ, вноситъ новую черту въ народныя понятія, вѣрованія, художественныя представленія. Это сказывается и въ новыхъ пріуроченіяхъ народныхъ праздниковъ, и въ новыхъ элементахъ его обрядности, вытѣснившихъ и измѣнившихъ старыя, и въ новыхъ сюжетахъ, проникшихъ въ его пѣсни. Только открывши эти новшества путемъ тщательнаго изученія, можно дойти наконецъ до познанія основного остова, до первоначальной схемы обряда. Было бы ошибкой, такимъ образомъ, заключать сразу отъ даннаго современнымъ фольклоромъ пріуроченія къ существованію его хозяйственнаго древняго прототипа. Въ подобную ошибку несомнѣнно впалъ напр. Липпертъ, когда пытался опредѣлить хозяйственный смыслъ всѣхъ четырехъ указанныхъ цикловъ праздничной обрядности. Исходя изъ условій быта кочевника, весенніе праздники онъ объяснилъ исканіемъ свѣжихъ пастбищъ, выборомъ проводника, перекочевкой съ зимней стоянки на лѣтнія, а осенніе—заготовкой продовольствія на всю зиму, и, слѣд., изобиліемъ пищи[1]). Труднѣе оказалось, однако, истолковать хозяйственный смыслъ обоихъ цикловъ солнцестояній, т. е. середину зимы и середину лѣта. Когда Липпертъ говоритъ, что въ срединѣ зимы должны были происходить новыя закалыванія скота, обновленіе провіанта, и съ этимъ связаны праздничныя забавы[2]), онъ ужъ, конечно, впадаетъ въ натяжку, въ завѣдомое подыскиваніе аргументовъ для объясненія возникновенія такихъ праздниковъ, распространенность которыхъ гораздо лучше выяс-

1) Christenthum, s. 584.
2) Ibid. s. 588.

няется соображеніями совершенно другого порядка. Обрядность, группирующуюся около двухъ солнцестояній, едва ли можно объяснить непосредственно изъ хозяйственныхъ отношеній; здѣсь, несомнѣнно, многое осложнилось историческими наслоеніями.

Съ точки зрѣнія хозяйственныхъ отношеній вполнѣ отчетливо и ясно представляются однако весенній и осенній циклы праздниковъ. Въ какихъ бы климатическихъ условіяхъ ни находился народъ, разъ онъ живетъ натуральнымъ хозяйствомъ, въ его матеріальной жизни, разумѣется, всегда будутъ играть роль эти два главнѣйшіе момента: начало весеннихъ работъ, т. е. запашка, засѣвъ или разсадка съ одной стороны, и удовольствіе при видѣ результата затраченнаго труда при уборкѣ продуктовъ съ другой. Хозяйственно-бытовая основа обоихъ этихъ цикловъ выступаетъ до очевидности наглядно. Обряды, входящіе въ эти два цикла, имѣютъ поэтому вполнѣ опредѣленную физіономію. Ихъ психологія можетъ быть вполнѣ отчетливо охарактеризована данными быта. Она зиждется на извѣстномъ комплексѣ заботъ и радостей, опасеній и надеждъ. Стоитъ только вдуматься въ условія натуральнаго хозяйства, стоитъ только приглядѣться къ крестьянскому житью-бытью, чтобы отдать себѣ отчетъ, каковы тѣ душевныя движенія, которыми живетъ крестьянинъ въ эти времена года.

Съ хозяйственно-бытовой точки зрѣнія весенняя обрядность не только мыслится, какъ нѣчто законченное въ себѣ, но даже а priori можно представить себѣ, какого именно типа обрядовыя дѣйствія въ нее входятъ. Имѣя дѣло съ какимъ нибудь обрядомъ, такъ или иначе соприкасающимся съ весеннимъ цикломъ народнаго календаря, вполнѣ возможно, вдумавшись въ его психологію, рѣшить, дѣйствительно ли онъ сюда относится по существу или его занесло въ этотъ циклъ какое нибудь болѣе или менѣе случайное сцѣпленіе обстоятельствъ.

Исходя изъ чисто матеріальныхъ потребностей человѣка, живущаго натуральнымъ хозяйствомъ, я и постараюсь представить основныя черты хозяйственно-бытовой психологіи этой поры года.

Согласно основному, чисто-утилитарному воззрѣнію первобытнаго человѣка на природу, весна представляется ему извѣстной комбинаціей затраты силъ для будущаго и наслажденія выгодами въ настоящемъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи она получаетъ для него различное значеніе сообразно тому, въ какой степени его благоденствіе зависитъ отъ скотоводства.

Для кочевника, какъ это справедливо замѣтилъ Липпертъ, весной сразу наступаетъ время изобилія[1]). Относительное изобиліе наступаетъ и для всего сельскаго люда, жизнь котораго зависитъ въ той или иной степени отъ скотоводства. Весною скотъ приноситъ приплодъ и неразрывно съ этимъ прибываетъ и молоко.

A Sent — Miqueu,
La lèyt de baque puye au cèu;
En abriu,
Que baxe coumuarriu.

(«На святого Михаила коровье молоко подымается къ небу, въ апрѣлѣ оно течетъ рѣкой»), говорится въ Беарнѣ[2]). Свѣжія весеннія пастбища сразу оживляя и обновляя производительность стада, приносятъ вмѣстѣ съ тѣмъ и облегченіе въ хозяйствѣ. Еще за долго до наступленія весны, крестьянинъ съ нетерпѣніемъ ждетъ того дня, когда скотъ можетъ пойти на подножный кормъ. Чѣмъ раньше наступитъ выгонъ скота въ поле, тѣмъ менѣе онъ рискуетъ, что настанетъ безкормица, что истощится лѣтняя заготовка корма. «Кто мае кормъ, у того весна поздняя, кто не мае — у того ранняя»[3]), иронизируетъ бѣлорусская пословица, называя раннимъ наступленіемъ весны выгонъ скота на едва зазеленѣвшія пастбища. Когда-нибудь однако да придетъ лѣтняя пастьба скота, и забота о его прокормѣ на время прекратится. По мнѣнію русскихъ крестьянъ, это случится

1) Christenthum, s. 584.

2) Lespy, Dict. et prov. de Bearne, p. 166.

3) От. Берманъ, Календарь по нар. пред. въ Воложанскомъ приходѣ. *З. И. Р. Г. О.* V, стр. 36.

между вешнимъ Егоріемъ и Николинымъ днемъ. «Егорій съ лѣтомъ, а Никола съ кормомъ»[1]), или «Егорій везетъ корму въ торокахъ, а Никола возомъ»[2]), говорятъ они, и потому хотя скотъ и выгонятъ на Егорья, по пословицѣ: «гони животину на Юрьеву росу»[3]), надо, чтобы корма хватило до Николы. Оттого и говорится: «сѣна у дурня до Юрья, у разумнаго до Николы»[4]).

На Николинъ день выгонъ долженъ непремѣнно установиться, и русскій крестьянинъ выгоняетъ въ этотъ день и лошадей: «Никола вешній коней выгоняетъ, Никола зимній загоняетъ», или «св. Юрій коровъ запасаетъ, Никола коней»[5]). Ужъ очень плоха весна, когда, какъ говорится въ Польшѣ:

Przyydzie May, przecie bydłu dai[6]).

Если, съ точки зрѣнія скотоводства, съ весной приходитъ, такимъ образомъ, пора сравнительнаго изобилія, съ точки зрѣнія продуктовъ хлѣбопашества, это, напротивъ, самое тяжелое время. Запасы хлѣба приходятъ къ концу, и крестьянинъ, живущій своимъ хлѣбомъ, начинаетъ напрягать всѣ старанія, чтобы дотянуть до нови. Такъ и въ пѣснѣ поется:

Охъ, весна краснà
Все повытрясла,
Изъ закромовъ
Все повыскребла;
Новымъ вѣничкомъ
Все повымела[7])

Вотъ почему въ пословицахъ европейскаго простонародья весна изображается періодомъ голодовки. Время идетъ медленно

---

1) Даль, Пословицы, стр. 979.
2) Ibid.
3) Ibid стр. 980.
4) Ibid.
5) Ibid стр. 979.
6) Снегиревъ, Русскіе въ св. посл., IV, стр. 29: «Придетъ май, а скотинѣ подавай корму».
7) Шейнъ, Великороссъ, стр. 338, № 1180; ср. его же Мюзкр. I, стр. 126, №№ 123 в. и 88 и № 170, стр. 165.

и тоскливо «Loung coum la hami de may» («долгъ, какъ голодъ въ маѣ») говорится на югѣ Франціи[1]). Въ это время, когда дѣла такъ много, когда надо боронить, пахать, сѣять, а то и вывозить навозъ, когда, наконецъ, близится и сѣнокосъ, деревенскому люду приходится перебиваться почти впроголодь.

Entre la daio et lou voulam
Lou païsan mor de fam[2]).

(«Между косой и серпомъ крестьянинъ мретъ съ голоду»). И въ этомъ смыслѣ въ Россіи говорятъ, что весной «солому сѣкутъ— пироги пекутъ, сѣномъ подмазываютъ»[3]).

На сѣверѣ Франціи поэтому весенніе праздники и изображаются самыми дорогими. Говорятъ, напримѣръ:

C'est, dit-on, à la Penthecouste,
Que qui trop mange cher luy couste[4]).

(«Говорятъ: кто много ѣстъ на Духовъ день, тому это стоитъ дорого»). Дороговизна Духова дня, вошедшая въ пословицу, создала даже стереотипное опредѣленіе этого праздника, какъ самаго недоступнаго. Въ старо-французскихъ романахъ, въ которыхъ дѣйствіе начинается часто на самый Духовъ день, этотъ праздникъ называется обыкновенно «icele feste qui tant coste»[5]). Это опредѣленіе, сохранившееся и у Раблэ[6]), повело даже къ шуточному предположенію, что въ Духовъ день и должно происходить засѣданіе общества обжоръ, находившихся подъ покровительствомъ святого Уазона (каплуна), потому что жирный каплунъ въ это время стоитъ всего дороже. Такое шуточное замѣчаніе мы находимъ въ одной старо-французской сатирической пьесѣ XIII в.

---

1) Lespy, Dict. et pr., p. 180.
2) Ibid (pr. provençal).
3) *Подольскія Губерн. Вѣдомости* 1895, № 26-й.
4) *Le Roux de Lincy*, Livre de prov. tr., p. 115.
5) Yvain, ed. Foerster (Halle. 1887) v. 5 и прим. къ нему стр. 273.
6) «Mais ce que faict la quaresme si hault, par sainct Fiacre de Brye ce n'est pour aultre chose que la Penthecoste ne vient foys qu'elle ne me couste». Pantagruel ch. XI ed Marty Laveaux. I, p. 271.

Li sieges saint Oison est devant Pentecouste
Car çou est li saisons c'uns cras oisons plus couste[1])

У насъ, вѣроятно, по такимъ же соображеніямъ зовутъ иногда весенній праздникъ Георгія Побѣдоносца (23 апр.) голоднымъ Егоріемъ[2]) и говорятъ: «На Руси два Егорія: одинъ холодный, а другой голодный»[3]). Въ такомъ же смыслѣ говоритъ и сербскій крестьянинъ «Није глада до Ђурђева дана»[4]). Въ Россіи въ такомъ же смыслѣ характеризуется день Маріи Египетской (22 апр.): «пришли, говорятъ, на Марью пустыя щи»[5]).

Если полакомиться весной оказывается, стало быть, мало чѣмъ, за то работы крестьянину вдоволь, и онъ только и думаетъ, какъ бы управиться со всѣмъ тѣмъ, что ему предстоитъ сдѣлать. «Выховай отъ колядъ три пяцъ ($3 \times 5 = 15$ недѣль), говорятъ Бѣлоруссы, то людзи въ поле лѣтяць, а удова то и въ 12 недзѣль хозяйство править»[6]). И дѣйствительно, съ самой весны начинается страда. Предстоитъ весь тяжелый и разнообразный циклъ сельскихъ работъ. Много нужно затратить усилій и преодолѣть затрудненій, чтобы имѣть право сказать себѣ:

labor omnia vicit
improbus et duris urgens in rebus egestas.
(Virg. Georg. I, 145—146).

Для земледѣльца по столько, по сколько онъ зависитъ отъ своей запашки, весна—скорѣе время напряженныхъ усилій и заботъ о будущемъ. Чтобы насладиться болѣе обильной растительной пищей, чтобы увидѣть результаты своего труда, хлѣбопашцу надо, разумѣется, подождать еще нѣсколько мѣсяцевъ. Ему весна больше обѣщаетъ, чѣмъ даетъ. Съ сельско-хозяйственной точки

1) Chansons et dits artésiens, p.p. Jeanroy (Toulouse 1898), p. 66, v. 59—60.
2) Калинскій, Мѣсяцесловъ *З. И. Р. Г. О.* VII, стр.
3) Даль, Пословицы, стр. 1000 и Безсоновъ, Бѣлор. пѣсни № 36.
4) В. Караџић, Српске нар. посл., стр. 214.
5) *Нижегор. Губ. Вѣдомости*, 1895, № 22.
6) *З. И. Р. Г. О.*, V, стр. 36; ср. пословицу: «На благовѣстнымъ тыждни удовинъ плугъ оре». *Степь*, 1885, № 41.

зрѣнія это—самое важное время года, и не безъ основанія испанцы называютъ апрѣль и май ключемъ всего года: «la llave de todo el año» [1]), а французы думаютъ что,

> «Avril et mai de l'année
> Font tous seuls la destinée» [2]).

(«Апрѣль и май одни опредѣляютъ судьбу всего года»). Такое рѣшающее значеніе весеннихъ мѣсяцевъ происходитъ потому, что: «en may blé et vin naist» [3]) или, какъ пояснено въ испанской поговоркѣ: «entre Abril e Mayo haz harina para todo el año» [4]): («въ апрѣлѣ и маѣ готовится мука на весь годъ»).

Такого рода пословицы указываютъ, конечно, на то важное значеніе, какое имѣетъ именно весна для урожая не только яровыхъ, но и озимыхъ хлѣбовъ. Оно вполнѣ отчетливо выражено въ одной сицилійской пословицѣ, говорящей отъ имени озимыхъ всходовъ:

> — Marzu mi rifazzu
> — Aprili, ti vegnu a vidiri
> — Maju, s'un t'attalentu
> Curri a la casa e accatta lu frumentu [5])

(«Я отхожу въ мартѣ, въ апрѣлѣ я могу на тебѣ взглянуть; если въ маѣ я тебя не обрадую, бѣги домой и покупай хлѣбъ»). Рѣшающее значеніе весенніе мѣсяцы имѣютъ, главнымъ образомъ, въ южныхъ странахъ, гдѣ хлѣбъ поспѣваетъ гораздо раньше, такъ что въ южной Франціи даже говорятъ:

> «Que ba mau ta la roumendade
> Si may non la lexe cabelhade» [6]),

(«Плохо пшеницѣ, если май ее не оставитъ выколосившейся»),

---

1) «Апрѣль и май ключъ всего года». Haller. Altspanische Sprichw. № 415, ср. Gotti. Aggiunta ai prov. tosc. di Giusti, p. 42.

2) *Le Roux de Lincy*, Livre de prov. fr., p. 92.

3) Ibid., p. 108.

4) Haller, l. c., s. 501, Gotti, l. c., p. 42.

5) Pitrè, Prov. Sic. I, p. 29.

6) Lespy, Dict. et prov., p. 181.

что было бы совершенно неподходящимъ замѣчаніемъ въ центральной и сѣверной Европѣ. У насъ поэтому пословицы отмѣчаютъ не весну, а лѣто, какъ время, отъ котораго зависитъ всего болѣе благополучіе крестьянина. Говорятъ, напр., «день лѣтній годъ кормитъ», или «лѣто — припасиха, а зима — подбериха» [1]).

И чѣмъ первобытнѣе хозяйство, тѣмъ менѣе можетъ хлѣбопашецъ надѣяться на свои собственныя силы, тѣмъ болѣе непреодолимыми и роковыми ему кажутся явленія природы. Первобытный человѣкъ, разумѣется, не имѣетъ понятія о существованіи той средней и болѣе или менѣе постоянной урожайности, которой въ состояніи добиться современный сельскій хозяинъ. Производительность его поля постоянно колеблется; всякое неблагопріятное состояніе погоды вліяетъ на него самымъ неисправимымъ образомъ. Онъ даже не вѣритъ въ возможность правильнымъ веденіемъ сельскихъ работъ обезпечить себя отъ неблагопріятныхъ дѣйствій погоды: «Ἔτος φέρει οὐχὶ ἄρουρα....» [2]) думали древніе греки; ту же мысль повторяютъ до сихъ поръ въ Испаніи: «Mas produce el año que el campo bien labrado» [3]). («Больше производитъ годъ, чѣмъ хорошо обработанное поле»). Въ томъ же смыслѣ говоритъ и русскій мужикъ, что «лѣто родитъ, а не поле» или, «что Богъ не дастъ и земля не родитъ» [4]).

Вотъ почему земледѣлецъ знаетъ и множество вынесенныхъ изъ долголѣтнихъ наблюденій примѣтъ, по которымъ онъ судитъ о будущемъ урожаѣ. Примѣты эти, конечно, мѣняются по мѣстностямъ и поэтому часто другъ другу противорѣчатъ. Три нѣмецкія пословицы, относящіяся къ распредѣленію влаги, ясно показываютъ это естественное несогласіе. По одной изъ нихъ говорится:

«Am April regen
Ist viel gelegen»

1) Даль. Посл., стр. 1018.
2) Theophrastus. De plantis VIII.
3) Haller, Altsp. Sprichw., s. 500.
4) Обѣ у Даля, стр. 1008 и 1009.

(«въ апрѣлѣ дождь полезенъ»), а по другой напротивъ:

Drüge April
Ist Landmann's Will

(«сухового апрѣля хочетъ хозяинъ»). Совершенно иначе считаетъ необходимымъ распредѣленіе влаги третья нѣмецкая пословица:

«April warm, Mai kühl, Iuni nass
Fullt dem Bauer Scheuer und Fass[1]).

(«Теплый апрѣль, прохладный май и мокрый іюнь наполняютъ крестьянину закрома и погребъ»). По шотландской пословицѣ надо, чтобы мокрымъ былъ май:

«A misty May an a drappy June
Macks the crap come in soon[2]).

(«Влажный май и сухой іюнь помогаютъ скоро убраться съ поля»). Напротивъ, въ Италіи хозяева предпочитаютъ, чтобы влаги было побольше въ апрѣлѣ; они говорятъ:

Aprile piovoso,
Maggio veneroso,
Anno fruttoso[3]).

(«Дождливый апрѣль и знойный май, вотъ и урожайный годъ»). или «val piu un'aqua tra Aprile e Maggio que i buoi con il carro»[4]) («апрѣльскія и майскія дожди сдѣлаютъ больше, чѣмъ волы и плугъ»). Ту же мысль высказывалъ и старый календарь земледѣльцевъ во Франціи:

«En May rosée, en Mars gresil,
Pluye abondante au mois d'Avril,
Le laboureur est contant plus,
Que ne feront cinq cens escus»[5]).

То же повторяютъ и поговорки: «Pluie d'Avril vaut fumier ou

---

1) Приведены у Haller'а, l. c., s. 500.
2) R. W. Gregor, The Folk-Lore of the North-East of Scotland, p. 151.
3) Giusti. Racc. di prov. toscani., p. 181.
4) Gotti, Aggiunta ai prov. tosc. p. 43, Pitrè, Prov. sic. III, p. 61.
5) Almanach etc. par A. Maginus, подъ маемъ мѣсяцемъ, изд. 1663 года.

purin de brebis»[1]) и «La pluie d'Avril remplit les greniers»[2]) («Апрѣльскій дождикъ лучше навоза или овечьяго помета» и «апрѣльскій дождь наполняетъ чердаки»). Въ Россіи, напротивъ, предпочитаютъ дождь въ маѣ, потому что въ апрѣлѣ еще только что начинаютъ сѣять. «Какъ въ маѣ дождь, будетъ рожь», или «мартъ сухой, да мокрый май, будетъ каша и каравай», замѣчаетъ нашъ мужикъ. Соотвѣтственно этому и въ одной галицкой колядкѣ поется:

А дождикъ каже: «Нема надъ мене:
Якъ же я пôду три разы въ маю,
Розвеселю жь я горы й долины,
Горы й долины, поля, дубровы,
Жита пшеницî, всякî пашницî»[3]).

Того же мнѣнія держатся и чехи; они также любятъ дождливый май:

Suchy Březen, mokry Maj,
bude humno jako raj.

(Erben P. a ř. str. 48).

говорятъ они.

Рядомъ съ этими общими наблюденіями дѣлаются и болѣе частныя, относящіяся къ подробностямъ, къ отдѣльнымъ отраслямъ хозяйства. Въ сѣверной Франціи, напримѣръ, замѣтили, что

«Quind i pleut l'nuit d'mai
Gn'y a point d'chérises»[4]).

(«Когда идетъ дождь въ ночь на 1-е мая, не бываетъ вишень»), а въ южной — то же явленіе, т. е. дождь на 1-е мая имѣетъ, по мнѣнію простонародья, совершенно другой результатъ. Здѣсь говорятъ:

---

1) Prov. et dictons agricoles, p. 53.

2) *Le Roux de Lincy*, L. de prov. fr., p. 93; въ Эльзасѣ тоже говорится о Маѣ *R. de tr.*, p. IX, p. 313.

3) Обѣ у Даля Посл., стр. 982 и 1011, пѣсня у Головацкаго, Нар. п. Г. и У. Руси, часть III, отд. 2, стр. 3, ч. II, стр. 19.

4) Prov. et dictons agric., p. 61.

«Sé plaou aou prumé dé may
Lou buou qué gagno et lou porc qué perd» [1]),

т. е. что будутъ хороши пастбища, но мало желудей.

Пользуясь тѣмъ матеріаломъ для характеристики взгляда простолюдина на весну, какой доставляютъ намъ пословицы европейскихъ народовъ, мы уже пришли, мнѣ кажется, къ нѣкоторому пониманію ея чисто-хозяйственнаго утилитарнаго значенія. Весна съ сельско-хозяйственной точки зрѣнія есть, стало быть, время сравнительнаго облегченія и изобилія по отношенію къ скотоводству и пора усиленной и напряженной работы, начало страды, въ отношеніи къ полевому хозяйству. Въ это трудовое и въ высшей степени важное время для хлѣбопашца онъ живетъ, перебиваясь кое-какими остатками, и всѣ интересы и надежды его направлены на будущее, т. е. на лѣтнюю и осеннюю уборку сѣна, хлѣба, овощей, фруктовъ и проч.

Къ этому наиболѣе существенному для сельскаго люда значенію весны присоединяется еще и пониманіе ея эстетической прелести. Природа какъ бы улыбается въ это время человѣку въ своемъ самомъ пестромъ и яркомъ убранствѣ. Только нѣжно ласкающее и еще не грозное, не палящее солнце играетъ на яркой зелени, усыпанной цвѣтами. Множество водяныхъ осадковъ блеститъ повсюду. Воздухъ легокъ и свѣжъ, дышится вольно и радостно, всюду чувствуется обновленіе, надежда, нескрываемая радость. Весна обоятельна опьяняющимъ порывомъ своей молодости.

Красота осенняго или зимняго пейзажа мало, если не сказать вовсе непонятна первобытному человѣку. Человѣкъ, живущій близко къ природѣ, ведущій съ ней постоянную и почти что непосильную борьбу, слишкомъ страдаетъ отъ холода и ненастья, чтобы ему пришло въ голову наслаждаться грустной, наводящей томную тоску осенью. Ни въ какомъ отношеніи не примѣнимо болѣе, чѣмъ въ этомъ, шиллеровское выраженіе,

---

1) Ibid., p. 60.

наивный взглядъ на природу. Къ тому же первобытный человѣкъ, какъ ребенокъ, любитъ яркіе цвѣта, дѣйствующіе сильно на его зрѣніе. Какъ извѣстно, дикарь, удовлетворяющій свое эстетическое чувство прежде всего украшеніемъ себя различными предметами, любитъ и убранство цвѣтами не менѣе, чѣмъ люди на болѣе высокой степени развитія [1]). Красота цвѣтовъ, можетъ быть, есть единственная несомнѣнная и общеобязательная красота. Въ признаніи эстетической прелести цвѣтовъ сходится, можно сказать, все доступное наблюденіямъ человѣчество, и въ самой тѣсной связи съ нею общераспространенной и общеобязательной можетъ считаться и эстетика весны, одинъ изъ характерныхъ признаковъ которой есть обиліе цвѣтовъ.

Правда, въ народной поэзіи почти совсѣмъ не отразилось эстетическое воспріятіе весенняго ландшафта; описанія природы ей чужды, какъ чужды они вообще первобытной поэзіи. Пониманіе красоты природы есть одно изъ самыхъ позднихъ, долго и упорно завоевываемыхъ достояній нашего сознанія. Бизе [2]), пересмотрѣвшій заново вопросъ о чувствѣ природы у древнихъ, пришелъ къ заключенію, что и у нихъ этой отрасли эстетическихъ воспріятій не было почти вовсе. Она стала сказываться только позднѣе, со временъ Еврипида, ее можно отмѣтить въ Александрійскую эпоху, у греческихъ элегиковъ и ихъ позднихъ римскихъ подражателей, у Виргилія и у Овидія. И полнаго расцвѣта поэтическое описаніе природы, проникнутое тѣмъ внутреннимъ восторгомъ передъ ея красотой, который твердо укоренился со временъ Гёте, античная поэзія достигла только въ самые послѣдніе вѣка своей жизни, въ своихъ предсмертныхъ усиліяхъ. Въ нашемъ смыслѣ воспроизводятъ природу и сознательно любуются ею только Авзоній и Фортунатъ. Равнымъ об-

1) Объ этомъ см. статью Гратъ Аллена: Aesthetic evolution in Man *Mind* V, (1880).

2) A. Biese. Die Entwickelung des Natur gefühls bei den Griechen und Römern 2 theile. Kiel. 1882—1884.

разомъ въ ту пору, когда раздались новые звуки пришедшей на смѣну древнимъ, поэзіи варварскаго міра, въ ней также не было мѣста подобнымъ описаніямъ. Средневѣковой поэтъ, такъ любовно описывавшій, какъ сверкаютъ на солнцѣ боевые доспѣхи, какъ плещутъ въ воздухѣ разноцвѣтныя знамена, никогда не вглядывался испытующимъ и ищущимъ взоромъ художника въ окружавшій его пейзажъ. Вѣдь нельзя же назвать описаніемъ природы, такъ называемые, весенніе запѣвы (Natureingänge, débuts printanniers) трубадуровъ, труверовъ и миннезингеровъ, гдѣ на скорую руку, какъ затверженный урокъ, упоминаются основные признаки весны. Еще Дицъ замѣтилъ, что у трубадуровъ «зелень луговъ и деревьевъ, запахъ цвѣтовъ, ясность солнца и пѣніе птицъ исчерпываютъ содержаніе весеннихъ запѣвовъ и они, пестро нагроможденные другъ на друга, просто на просто перечисляются» [1]).

Кое-какія пѣсенки, изображающія весеннее пробужденіе природы, правда всетаки встрѣчаются въ сборникахъ. Такъ даже въ одной вотской веснянкѣ, переведенной Первухинымъ, поется:

Осень миновала,
Подошла весна!
Въ рѣчькѣ разломала иго льда волна.
Льдины внизъ уплыли
Рѣчька разлилась,
И на сучьяхъ ивы зелень развилась [2]).

Болѣе подробно говоритъ тирольская пѣсенька:

In da Sumeseit is's liabli,
Und d'Wies'n wearn grean
Kemman d'Schwalbaln scho z'ruck
Und da Früaling mit eahn!

***

1) Poesie der troubadours. ed. Bartsch, s. 108.
2) Эскизы инор. Глазовскаго уѣзда, эск. III, стр. 51.

Dös g'spüarn alli Vogain
So guat als wia d'Leut';
Wenn's aus is mit'n Winta,
Aft singan's vor Freud'

* * *

Und's Bachal, wia's plodert!
Wie's lustig abirinnt —
's macht pruzlati Wellaln
Und spielt wia a kind.

* * *

Und siehst es: die Blüamain
Sein a schon meahr da!
's is heraussten viel scheana,
I glab's Euk halt ja [1]).

(«Такъ прелестно лѣтомъ; луга зеленѣютъ, ласточки возвращаются ужъ назадъ и съ ними приходитъ весна».

* * *

«Щебечутъ всѣ птицы не хуже пѣнія людей. Когда проходитъ зима, онѣ часто радостно поютъ».

* * *

«И какъ болтливо журчитъ ручей, какъ весело онъ стекаетъ; онъ бѣжитъ закругленными волнами и играетъ, какъ дитя».

* * *

«Посмотри-ка: ужъ стало больше цвѣтовъ, гораздо красивѣе въ полѣ, я думаю и вамъ такъ кажется»).

Обѣ эти пѣсни взяты изъ сборниковъ, казалось бы, дающихъ образцы истинно-народнаго творчества. Книжное происхожденіе вотской народной поэзіи можетъ показаться мало вѣроятнымъ. Тирольская пѣсня написана на мѣстномъ нарѣчіи. Ихъ литературный складъ однако бросается въ глаза.

---

1) Изъ сборника Greinz und Kapferer'a, s. 10—12; ср. подобныя пѣсни у Erk-Böhme. D. Lh. II, ss. 190—196, №№ 378—382.

Чтобы подслушать въ народной пѣсни отзвукъ того эстетическаго воспріятія весны, которое нельзя обойти молчаніемъ при общей оцѣнкѣ взгляда на нее простого человѣка, надо искать не описаній весеннихъ прелестей, не художественнаго ихъ воспроизведенія. Народная пѣсня относится къ природѣ по своему [1]. Она зорко слѣдитъ за ея явленіями, знаетъ ихъ близко и подробно, но говоритъ она объ нихъ только мимоходомъ. Онѣ вспоминаются ей, когда они идутъ навстрѣчу извѣстному настроенію, когда ихъ образы отвѣчаютъ извѣстнымъ движеніямъ души и этимъ подсказываютъ символъ, даютъ средства къ иносказанію. Тогда создается тотъ «психологическій параллелизмъ», общій поэзіи всѣхъ странъ и народовъ [2], которому примѣры находятся, и въ Пѣсни Пѣсней [3], и въ поэтическомъ посланіи изъ старо-нѣмецкаго, написаннаго еще по латыни, романа о Руотлибѣ [4]. И въ символикѣ этого параллелизма основные весенніе признаки всегда означаютъ радостное веселое настроеніе, желательное, пріятное событіе. Запѣвы средневѣковыхъ пѣвцовъ, «идущіе, по выраженію А. Н. Веселовскаго, навстрѣчу народно-пѣсенному параллелизму» [5], именно этой чертой своего замысла отражали вѣроятнѣе всего живой укладъ народной пѣсни, присущій тѣмъ веснянкамъ (reverdies), изъ которыхъ они вышли.

Еще болѣе опредѣленно, чѣмъ эти бѣглые намеки на эстетическое воспріятіе весны, лелѣетъ народная пѣсня тѣ же весенніе признаки и еще иначе. Не изображая ихъ вовсе, какъ источникъ радостей и веселья, она заставляетъ съ ними сжиться:

---

1) См. объ этомъ м. пр. очеркъ графини Мартиненго-Чевареско. Nature in Folk-Songs въ ея Essays in the study of Folk-Songs, p. 30—53.

2) Психологическій параллелизмъ всего подробнѣе разобранъ Бöкелемъ въ предисловіи къ его Hessische Volkslieder, s. LXXXII u f. и А. Н. Веселовскимъ въ статьѣ Психологическій параллелизмъ и его формы въ отраженіяхъ поэт. стиля *Ж. М. Н. Пр.*, мартъ, 1898.

3) Гл. II, ст. 1—3.

4) Fragm. XVI, 10—14.

5) Психологич. паралл., стр. 40, отдѣльнаго оттиска.

Это представилъ наглядно одинъ неизвѣстный бѣлорусскій народный поэтъ:

Ой вяница, вясна!
Да якажъ ты красна!

поется въ одной смахивающей на виршу веснянкѣ Слонимскаго уѣзда, Гродненской губ.

Мы для цябе співаямо,
Цябе мило спотыкаямо.
Співаймо же, братки,
Кажды коля свои хатки.
Жаворонокъ на небо лятая,
Вясни пѣсянку спявая.
Дзятки наши гурбою
Вясяляцца вясною,
Поплескиваюць ручками,
Подригиваюць ножками:
Пожанямо волики,
Будзямъ пасьвиць коники,
Будзямъ квятки збираци,
Будзямъ ў вяночки вплятаци. [1])

Играть на свѣжей муравѣ луга въ хороводныя игры подъ веселый или унылый напѣвъ пѣсни, щипать цвѣты и вить изъ нихъ вѣнки, все это любо деревенской молодежи и для этого ждетъ она наступленія весны независимо отъ матеріальныхъ хозяйственныхъ соображеній. Весенніе признаки имѣютъ въ глазахъ народа свою особенную прелесть; онъ вѣдается съ ними въ особомъ примѣненіи. Онъ любитъ цвѣты и любуется ими не въ пассивномъ созерцаніи ихъ прелести; они дороги ему, какъ предметъ забавы, какъ пестрое убранство. И къ современному крестьянству примѣнимы эти слова Грантъ-Аллена: «Наши дѣти

---

1) Шейнъ. Мат. для из. русск. нас. сѣв.-зап. края, томъ I, ч. 1-я, стр. 127—128, № 128.

и современные дикари, говоритъ онъ въ статьѣ, на которую я уже сослался выше, сравнительно мало интересуются цвѣтами вообще, цвѣтами въ томъ видѣ, какъ они растутъ на кустахъ или въ полѣ: но они начинаютъ любоваться ими, когда наберутъ ихъ цѣлыми охабками, и еще болѣе, когда они сплетены въ вѣнки, собраны въ букетъ, или всунуты въ волосы» [1]).

Вѣнки, сплетенные изъ весеннихъ цвѣтовъ, какъ мы увидимъ, имѣютъ еще и чисто обрядовое значеніе въ связи съ ихъ особеннымъ символизмомъ; цвѣты собираются весной съ практическими цѣлями; но рядомъ съ этимъ они отвѣчаютъ и извѣстному чисто-эстетическому спросу, нравятся просто, какъ красивая вещь, какъ естественно напрашивающееся средство украшенія.

Эстетику весенняго обновленія природы необходимо имѣть въ виду для пониманія настроенія въ эту пору года первобытнаго человѣка. Рядомъ съ болѣе существеннымъ, чисто-хозяйственнымъ обрядовымъ обиходомъ, весной есть мѣсто, и забавамъ, и обычаямъ, какъ бы нѣсколько оторвавшимся отъ своей утилитарной основы и отвѣчающимъ потребностямъ болѣе отвлеченнымъ.

Весна у крестьянина, главнаго носителя той завѣтной старины, изученіе которой охватывается фольклоромъ, вызываетъ так. обр., хотя и сложное, но довольно опредѣленное настроеніе. Что это настроеніе не надо вовсе считать исключительно простонароднымъ и что оно когда-то было обще всему народу, потому, что и жизнь высшихъ классовъ была нѣкогда по своимъ интересамъ вполнѣ тождественна съ интересами современнаго крестьянина, на этомъ едва-ли надо долго настаивать.

Вотъ почему весенніе праздники съ типичной для этого времени года обрядностью отмѣчены почти во всѣхъ религіозныхъ системахъ міра. У народовъ, живущихъ въ климатическихъ и бытовыхъ условіяхъ, схожихъ съ европейскими, они представ-

---

1) *Mind* V (1880), p. 452.

ляютъ даже не мало общихъ чертъ и аналогій съ европейской обрядностью. Совпаденія эти придется не разъ указывать. Ими придется пользоваться особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда они помогутъ показать, что данная обрядовая черта основана на представленіи или вѣрованіи, присущемъ извѣстной степени культурнаго развитія, черезъ которую неминуемо проходятъ всѣ человѣческія рассы и народности. Вообще же если Бастьянъ и Тайлоръ [1]) и пролили много свѣта путемъ широкихъ сближеній и сопоставленій между обычаями и вѣрованіями различныхъ народовъ, надо всетаки признать, что вполнѣ позволительно съузить кругъ наблюденій, чтобы избѣжать иной разъ болѣе заманчиваго, чѣмъ поучительнаго отождествленія. Когда Максъ Миллеръ въ рецензіи на очерки Тайлора [2]) указалъ на то, что къ совпаденіямъ между обрядами народовъ родственныхъ между собою по языку должно относиться нѣсколько иначе чѣмъ къ такимъ, которые вынесены изъ сравнительнаго изученія совершенно посторонникъ другъ другу народовъ [3]), онъ внесъ существенную поправку въ методологію антропологическихъ изслѣдованій. Надо прибавить только, что лингвистическая близость тутъ не играетъ можетъ быть такой рѣшающей роли: когда пріемственность культуры можетъ быть точно и достовѣрно обоснована историческими данными, она должна быть принята еще больше во вниманіе. Вотъ почему извѣстіями быта русскихъ инородцевъ я буду пользоваться иногда на ряду съ данными быта русскаго крестьянства. Живя бокъ о бокъ съ нашимъ простонародьемъ, инородецъ справляетъ праздники, близко подходящіе къ нашимъ и по обрядовому содержанію, и по календарному пріуроченію. Вѣрнѣе всего, что инородческіе весенніе праздники

1) Я разумѣю первыя книжки Бастіана: Der Mensch in der Geschichte. Lpzg, 1860 и Beiträge z. vergl. Psychologie, Berlin, 1868 и Тайлора Researches in early history of mankind 2 v. London, 1865.

2) «Un rites and customs», нап. въ его Essays (нѣм. переводъ, изд. 1881, II Bd.).

3) Passim s. 260.

эти — Ишемъ Байрамы, Мункуны, Кереметъ-Тасадосы Чувашей, Елбола Вогуловъ, Кого-Неча и агга-паремъ Черемисовъ, Будзиналъ, тулымъ-гэры и буэ-шуръ Вотяковъ, Шушмонь-латонь-озксъ и Ливтеме-совавтома-озксъ Мордвы восходятъ къ глубокой древности и не образовались исключительно подъ русскимъ вліяніемъ, но связь ихъ съ нашей обрядностью слишкомъ тѣсна и очевидна, чтобы можно было обособить ихъ и выдѣлить совершенно изъ круга славяно-русской обрядности. Рядомъ съ русскимъ обычаемъ, обычай инородческій всегда будетъ интересенъ съ точки зрѣнія провѣрки или дополненія. Инородецъ болѣе наивно сохраняетъ обрядъ, уже не твердо держащійся въ нашемъ простонародіи. Его представленія менѣе осложнены и какъ бы болѣе прозрачны. Черезъ нихъ можно такимъ образомъ увидѣть многое, что только чуть вырисовывается въ нашей обрядности.

Я приведу, здѣсь так. обр., нѣсколько данныхъ о весеннихъ праздникахъ у такихъ только народовъ, которые не состоятъ ни въ культурной, ни въ племенной связи съ европейцами. Этимъ лишній разъ оттѣниться та общечеловѣческая ихъ основа, въ пониманіе которой ввели насъ пословицы.

Начнемъ съ китайцевъ. У нихъ всего отчетливѣе и разнообразнѣе обозначались весенніе праздники, поразительное подчасъ сходство которыхъ съ нашими указываютъ иногда и сами синологи [1]). По лунному календарю китайцевъ годъ начинается, какъ въ древнемъ Римѣ, весной. Такимъ образомъ, праздникъ фонарей, справляемый въ первое полнолуніе въ году, есть уже праздникъ весенній [2]). Это такъ же, какъ и остальные китайскіе праздники, праздникъ подвижной, имѣющій мѣсто между 21 января и 19 февраля. Весенній же характеръ носитъ и праздникъ Матери земли: «Ti-K'i» или «Heou T'ou», происходящій 10-го числа 1-го мѣсяца [3]). Рядомъ съ этими праздниками есть и еще одинъ празд-

1) Schlegel. L'Uranographie Chinoise, p. 139—145.
2) Groot. Les fêtes ann. cel. à Enoy, p. 132.
3) Ibid., p. 148—150.

никъ торжественной встрѣчи весны — 5-го февраля. Это торжество называется «ngiâ^{ac}tch^eoun»[1]). Оно восходитъ къ глубокой древности, и упоминаніе о немъ встрѣчается еще въ «Книгѣ обычаевъ»[2]). Оно напоминаетъ живо весеннія забавы Европы, съ которыми мы познакомимся дальше: «Отъ дома высшаго чиновника города выѣзжаетъ длинная процессія. Военныя и гражданскія власти направляются за городъ на востокъ, одѣтые въ зимнее мѣховое платье и въ сопровожденіи своихъ ближайшихъ помощниковъ. За ними идетъ толпа людей, несущихъ на плечахъ быка или буйвола изъ разноцвѣтной бумаги. Это—«Быкъ весны» и онъ символизируетъ земледѣліе, работы котораго должны начаться. Его росписное облаченіе обозначаетъ цвѣты, въ которые уберется природа. По выѣздѣ изъ города въ поле, шествіе направляется къ жертвеннику, построенному въ честь духовъ поля и хлѣбовъ или покровителя земледѣлія. Всѣ склоняются передъ жертвенникомъ, возжигаютъ фиміамъ и потомъ, когда весенній быкъ сожженъ или разорванъ въ клочки, участники церемоніи возвращаются въ свои Ямаңы. По возвращеніи домой они снимаютъ зимнее платье и надѣваютъ лѣтнее»[3]). Въ этотъ день дома убираются зеленью и цвѣтами, что, вѣроятно, также принадлежитъ къ одному изъ стариннѣйшихъ обычаевъ, потому что его воспѣваютъ древніе поэты[4]).

Еще одинъ также весенній праздникъ описалъ недавно Шлегель въ интернаціональномъ архивѣ по этнографіи[5]). Онъ сохранился только среди простонародія и даже запрещенъ властями. Онъ празднуется 3-го числа третьяго мѣсяца (въ апрѣлѣ), т. е. гораздо позже только что описанной встрѣчи весны. Самый обрядъ состоитъ главнымъ образомъ въ перебѣганіи босикомъ по раскаленнымъ углямъ и полученіи писанныхъ талисмановъ,

1) Ibid., p. 90.
2) Ibid., p. 93.
3) Ibid., p. 92 -93.
4) Ibid., p. 239 и 245.
5) La fête de fouler le feu tah-ho *I. A. f. E.* IX (1896), s. 193 etc.

имѣющихъ, по мнѣнію вѣрующихъ, значеніе для будущаго урожая.

У народовъ, живущихъ ближе къ экватору, обрядность, имѣющую аналогію съ нашей весенней, придется искать въ совершенно другое время года, и иногда она повторится даже дважды или трижды сообразно каждому новому оживленію природы и подготовкѣ къ каждому урожаю. При этомъ и порядокъ обрядовыхъ отправленій оказывается иногда совершенно инымъ и весенніе праздники носятъ нерѣдко такія черты, которыхъ въ Европѣ нельзя встрѣтить. У семитовъ, напримѣръ, у которыхъ современная Пасха, впослѣдствіи ставшая празднованіемъ исхода евреевъ изъ Египта, нѣкогда была чисто весеннимъ хозяйственнымъ праздникомъ [1]), она однако совпадала съ одной изъ уборокъ хлѣба, и мы находимъ въ ней по свидѣтельству книги Левитъ (гл. 23,15) рядомъ съ принесеніемъ въ жертву перваго приплода и приношеніе перваго снопа. Этотъ послѣдній видъ жертвы, конечно, заставляетъ насъ сблизить Пасху скорѣе съ европейскими праздниками уборки (Erntefest). Наряду съ этимъ и въ древнемъ Египтѣ, гдѣ праздникъ Озириса съ его символическимъ веденіемъ плуга носилъ несомнѣнно характеръ весенній, онъ происходилъ, однако, въ ноябрѣ, когда вода въ Нилѣ начинала спадать и населеніе готовило почву къ зимнему урожаю [2]).

У современныхъ дикарей аналогіи съ нашими весенними праздниками нужно также искать въ другое время года, обыкновенно передъ началомъ періода дождей, когда дѣлаются приготовленія къ полевымъ или инымъ работамъ. Такого рода праздничные обряды однако записываются чрезвычайно рѣдко. Если праздники осенняго изобилія послѣ сбора риса, пшеницы или другихъ хлѣбныхъ растеній зачастую отмѣчаются этнографами, праздники начала работъ прослѣдить оказывается труднѣе, и они

---

1) Robertson-Smith, Lectures on the religion of the Simites, p. 387; ср. также Kittel Gesch. der Hebräer I, s. 104.

2) Brugsch, Religion und Myth. der alten Aegypter, s. 613 und 617.

часто ускользаютъ отъ наблюденія европейца. Праздникъ уборки всегда сопровождается пиршествами и оргіями и его характеръ простъ и понятенъ. Его шумное веселье бросается въ глаза и какъ бы само заявляетъ о себѣ. Вотъ почему такого рода праздники отмѣчены въ Африкѣ [1]), у Полинезійцевъ [2]), на Молукскихъ островахъ [3]), на Суматрѣ [4]), у индѣйскихъ Гондовъ [5]), у американскихъ Ирокезовъ [6]).

Изъ весеннихъ праздниковъ у Австралійцевъ и Малайцевъ отмѣчается часто торжественное празднованіе обрѣзанія молодежи [7]). Сельско-хозяйственные весенніе праздники съ умилостивленіемъ боговъ передъ предстоящимъ посѣвомъ справляются въ западной Африкѣ [8]) у Ирокезовъ [9]) и у Гондовъ центральной Индіи [10]). На островахъ Тонга въ Океаніи при посадкѣ сельско-хозяйственныхъ растеній также приносятся просительныя жертвы богу Футтафайхе [11]). На Фиджи и Миль-Микронезіи такія же просительныя жертвы производятся въ праздникъ Тамба-Налауга [12]). Въ Новозеландіи призываютъ передъ началомъ полевыхъ работъ богиню Кумара [13]).

---

1) У Зулусовъ (Gardiner, Narr. of a Journey to the Zooln Conn try, p. 96 прив. въ Spencer Descr. Soc. № 4, p. 14) у Бегуановъ (Meckensie, Ten years north of the Orange River p. 385, y Frazer'а Golden Bongh I, p. 69) у Матебеле Schneider, Die Rel. der afrik. Naturvölker, s. 77.

2) Ellis, Polinesian Researches II, p. 217.

3) Bastian, Indonesien I. Die Molucken, s. 14.

4) Ibid II. Die Sumatra und Nachbarschaft, s. 8 und 23.

5) Hislop, Aboriginal tribes of the Central provinces, p. 17 въ Spencer. Descr. Soc. № 5, p. 18.

6) Morgan, League of Iroquois, p. 183 въ Spencer. Descr. Soc. № 6, p. 17.

7) Spencer. Descr. Soc. № 3, p. 20. Ср. с. Schellong. Das Barlum Fest der gegend Finschhafens (Kaiserwilhelmsland) *I. A. f. E.* II (1889), s. 145 u. f., baron v. Hoevel. Een Bezwerings fest (mapasaoe) te Mooeton. Ibid. V (1892), s. 69 u. f.

8) Allen & Thomson. Narrative of Exp. to the River Niger II, p. 398.

9) Morgan, League of Iroquois, p. 183 y Spencer'а Descr. Soc. № 6, p. 17.

10) Hislop Abor. tribes of the Central Prov., p. 17 y Spencer'а Descr. Soc. № 5, p. 18.

11) Bastian. Inselgrupp. in Oceanien, s. 37.

12) Ibid., s. 63.

13) Ibid, s. 199.

Весеннее хозяйственное жертвоприношеніе отмѣчено также и у сѣверо-американскихъ дикарей, живущихъ около Оризона. Оно происходитъ въ день весенняго равноденствія (Пулю люконти) и состоитъ главнымъ образомъ въ особой игрѣ солнца — змѣи [1]).

Во всѣхъ этихъ праздникахъ сказывается выжидательное настроеніе, приготовленіе къ предстоящему труду, радость наступленія весенняго обновленія природы, надежда на предстоящее изобиліе; особенно выпукло и наглядно выразилось все это въ одной новогвинейской мимической пляскѣ [2]). Когда, приблизительно въ ноябрѣ мѣсяцѣ, подходитъ періодъ дождей, и выжженная палящимъ солнцемъ растительность снова оживаетъ, когда море тихо и прозрачно, когда слышатся первые раскаты грома, предвѣстники животворящей влаги, дикарь надѣваетъ юбку изъ листьевъ, свой праздничный и плясовой костюмъ, покрывается ужасной, огромной шапкой, изображающей голову рыбы, придѣлываетъ себѣ рыбій хвостъ и, раньше чѣмъ приступить къ настоящей рыбной ловлѣ, мимически изображаетъ ее въ пляскѣ. Слова его пѣсни не замысловаты. Онъ поетъ:

«Я вижу свое изображеніе въ прозрачномъ горномъ ручьѣ.
«Нарѣжьте мнѣ листья для моей плясовой юбки.
«Прощай мертвая листва кокосовой пальмы. Да, вотъ и молнія.
«Рыба приближается, время намъ строить на встрѣчу ей запруды».

«Эта церемонія, замѣчаетъ записавшій ее Гэддонъ, должна была отпраздновать наступленіе дождливаго времени года, когда растительность оживляется послѣ лѣтней засухи, когда стада рыбъ

---

1) Fewkes. Provisional list of annual ceremonies at Walpi *I. A. f. E.* VIII (1895), p. 219. Болѣе подробно тотъ же праздникъ разсказанъ тѣмъ же авторомъ въ *Americican Folk Lore* 1893, Oct. & Dec.

2) Haddon, The secular and ceremonial dances of Torres Straits *I. A. f. E.* VI (1893), s. 146 etc.

приближаются къ берегамъ, иными словами она прославляетъ начало періода обновленія и изобилія, время веселья и пляски»[1]).

Эта коротенькая и непосредственная новогвинейская пѣсенька можетъ служить лучшимъ введеніемъ и въ европейскую весеннюю обрядовую пѣсню. Выжидательное и полное радостныхъ надеждъ настроеніе, такъ прозрачно и наивно въ ней выраженное, есть самая основная и существенная черта всѣхъ тѣхъ пѣсенъ, игръ и обрядовъ, которые намъ предстоитъ изслѣдовать у европейскаго простонародья.

---

1) Haddon, l. c., p. 148

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Встрѣча и чествованіе весны.

Когда давно и съ трепетомъ ожидаемые, начинаютъ проявляться первые признаки пробужденія природы отъ зимняго застоя, естественно сказывается потребность какъ-нибудь запечатлѣть это желанное событіе, естественно хочется обставить его какимъ-нибудь торжественнымъ и знаменательнымъ обряднымъ дѣйствіемъ.

Но особенно позднѣе, послѣ того, какъ весна уже настала и растительность снова ожила, цѣлый рядъ новыхъ гораздо болѣе сложныхъ обрядовыхъ дѣйствій необходимъ, чтобы вмѣсто благополучія и веселія не случилось какого-нибудь бѣдствія. Наивному сознанію первобытнаго человѣка, кажется возможнымъ поспособствовать наиболѣе благодѣтельному для его жизненныхъ спросовъ приходу весеннихъ радостей. Ему представляется совершенно необходимымъ какъ-нибудь закрѣпить за собой блага, приносимыя весной. Онъ прибѣгаетъ къ цѣлому ряду религіозно-хозяйственныхъ обрядовъ, чтобы какъ-нибудь не лишиться тѣхъ выгодъ, которыя онъ для себя ждетъ въ эту пору. Обрядъ старается своими средствами какъ-нибудь связать съ судьбой человѣка весь тотъ наплывъ животворящей силы, въ которомъ природа ликуетъ передъ его глазами. И при этомъ онъ принимаетъ различныя формы, сообразно тому,

пріобщается ли къ весеннему благу цѣлая религіозная организація, цѣлая религіозно-хозяйственная община или отдѣльная семья. Составляющіе общину отдѣльные очаги, считаются самостоятельными религіозно-хозяйственными единицами. Они занимаютъ поэтому свое собственное мѣсто въ обрядности, становятся сами въ непосредственныя сношенія съ совершающимся вокругъ нихъ возрожденіемъ природы. Раздѣляя общую судьбу всей той общины, въ которую они входятъ, отдѣльныя хозяйства зависятъ еще и отъ своей собственной судьбы.

I.

Великорусскія и бѣлорусскія пѣсни до сихъ поръ сохранили характерное выраженіе «закликать» или «гукать» весну. Въ относящихся сюда пѣсняхъ вполнѣ отчетливо представлено то ожидательное, полное надеждъ настроеніе, которое проходитъ красной нитью черезъ всю весеннюю обрядность. Такъ, въ одной пѣснѣ поется:

Дзякуй тобѣ, Боже,
Што зиму скончали,
Што вясны дождали!
Помажи намъ, Боже,
У добрый часъ начаци
Вясну выкликаци!
Придзи, придзи, весна
Придзи, придзи, красна,
Къ намъ у таночекъ
Приняси намъ здожжа,
Приняси намъ красокъ,
Кабъ намъ звиць вяночикъ!
Ѣздиць весна, ѣздиць,
На золотомъ кони,

Въ зяленомъ саяни,
На сосѣ сѣдзючи,
Сыру землю аручи,
Правой рукой сѣючи,
А смыкомъ скародзючи.
Вязець, вязець весна,
Вязець, вязець красна,
Ясные дзянечки,
Чистые дождочки,
Зяленыя травы,
Красные цвяточки
Намъ на вяночки [1]).

Другая, также бѣлорусская пѣсня нѣсколько болѣе оттѣняетъ серьезное хозяйственное значеніе весны:

Да поможи́, Божа, вясну закли́кати
На ти́хоя лѣто, на я́дряно жито,
Жито и пшаницу,
Усякаю пашницу.
У по́ли копа́ми, на гумнѣ стога́ми,
На току́ умоло́томъ, у пру́дя намо́ломъ,
У дяжи подхо́домъ, а ў печи́ ро́стомъ,
На столѣ кро́емъ, людямъ на здоро́вья [2]).

Самый обрядъ закликанія сохранился въ Бѣлоруссіи и нѣкоторыхъ мѣстахъ Великороссіи. На Евдокію (1-го марта), на Сорокъ мучениковъ (9-го марта) или на Благовѣщеніе (25-го марта) молодежь собирается на пригоркахъ, крышахъ амбаровъ и вообще на возвышенныхъ мѣстахъ и тутъ распѣваетъ особыя пѣсни. Кое-гдѣ этотъ обрядъ тянется весь великій постъ и хоры разныхъ деревень перекликаются такъ, чтобы пѣніе ихъ не

---

1) *Подольск. Губ. Вѣд.* 1895, № 26.

2) Безсоновъ, Бп. стр. 166, № 181; варіанты: Шейнъ, М. для изсл. быта и яз. ср. кр. I, ч. 1-я, стр. 126, №№ 124 и 123 а. и б.; Шейнъ, Бп. стр. 404, № 171.

умолкало и гдѣ-нибудь, хоть вдалекѣ, да слышалась пѣсня[1]). Въ буйскомъ уѣздѣ, костромской губерніи, по словамъ Снегирева, дѣвушки совершали свое закликаніе, стоя по поясъ въ водѣ, или, если еще не растаялъ ледъ, то вокругъ проруби. Обрядъ этотъ производится иногда рано утромъ еще до восхода солнца[2]).

Пѣсни, которыя при этомъ поются, сохранились на всемъ протяженіи русскаго населенія отъ самаго сѣвернаго края Великороссіи вплоть до Галиціи. Только здѣсь онѣ вошли въ число «Гайлокъ», т. е. хороводныхъ, какъ бы оторвавшись отъ уже забытаго обряда. Содержаніе этихъ пѣсенъ сводится къ двумъ-тремъ мотивамъ, передаваемымъ повсюду почти въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ. Чаще всего пѣсня обращается къ олицетворенной веснѣ съ вопросомъ, какія радости она принесла съ собою. Въ с. Тростянцѣ, бѣльскаго уѣзда, гродненской губерніи, гдѣ подобную пѣсню теперь поютъ гораздо позднѣе, уже послѣ Пасхи, она звучитъ такъ:

Ой вэсна красна,
Штожъ ты намъ принэсла?
Ой рано, рано,
Штожъ ты намъ принэсла?
Малымъ дитонькамъ
По крашанумъ яечку.
А старимъ бабамъ
По дубовумъ кіечку.
Молодымъ молодицямъ
По вышитумъ чіепочку,

---

1) Сахаровъ, Сказанія II, стр. 34 и 39; Снегиревъ, Русск. прост. праздники. III, стр. 12—15; Аѳанасьевъ, Поэт. воззр. III, стр. 678, 690 и 703; Шейнъ, М. с. з. кр. I, ч. 1-я, стр. 125. Сахаровъ указываетъ тотъ же обрядъ въ тульской губ. на красную горку. Сказ. II, стр. 185.

2) Снегиревъ, Р. пр. пр. III, стр. 13. Можетъ быть этотъ же обрядъ разумѣетъ 25-й вопросъ Стоглава: «А о Велицѣ Дни окличка». Буслаевъ, Русская Христоматія, стр. 242.

А дѣвченятамъ
По рутьяномъ виночку[1]).

Болѣе описательно ту же мысль высказываетъ старая великорусская пѣсня изъ сборника Сахарова:

Весна красна!
На чемъ пришла?
На чемъ пріѣхала?
На сошечкѣ,
На бороночкѣ... [2])

Или, какъ выражается варіантъ той же пѣсни, уже забывшій образъ весны, ѣдущей на сохѣ:

На жердочкѣ,
На бороздочкѣ,
На овсяномъ колосочкѣ,
На пшеничномъ пирожечкѣ[3]).

Образъ весны, пріѣзжающей на сохѣ, образъ остоявшійся, распространенный, вытекающій изъ самой сущности взгляда крестьянина на эту пору года. Весна — время пахоты, крестьянину пора наладить соху и борону, и онъ ѣдетъ въ поле. Надо разборонить взоранное съ осени ржище подъ посѣвъ ярового и успѣть потроить паренину, чтобы приготовить ее къ осеннему посѣву. Поэтому въ пѣсняхъ, нѣсколько другого склада, и Богородица, открывающая на Благовѣщеніе (25-го марта) ве-

---

1) *Гродненскія Губ. Вѣд.* 1891, № 33 (часть неофф.); ср. Галько, Нар. зв. и обр. ч. 1-я, стр. 96 (гаѣвка); Головацкій, Нар. п. У. и Г. Россіи II, стр. 177, 178 и 677 (гаилки); Чубинскій, Тр. III, стр. 109, № 1 и 160, № 74; Романовъ Бсб. т. I, вып. 1-й и 2-й, стр. 264, № 5 и 268, № 21 (здѣсь указано еще три бѣлор. варіанта); Шейнъ, М. с. з. кр. I, ч. 1-я, стр. 126, №№ 1236 и 125; Шейнъ, Великоросъ, стр. 337, №№ 1176 и 1178; Булгаковскій, Пинчуки *З. И. Р. Г. О.* XIII, в. 3-й, стр. 52, № 1; Гринченко Этн. Мат. № 89.

2) Сахаровъ, Пѣсни р. н. IV, стр. 374—375, № 1 (запѣвъ пѣсни хороводной); та же пѣсня у Снегирева, Р. пр. пр. III, стр. 14—15 (С. говоритъ, что ее въ томъ же видѣ пѣли при обрядѣ закликанья).

3) Шейнъ, В. стр. 337, № 1175.

сеннiй циклъ праздниковъ, также изображается ѣдущей «на похацѣ» [1]).

Торжественное шествiе весны или весенняго «праздничка» на сохѣ и на боронѣ символизируется даже въ особомъ обрядѣ, сохранившемся «за унiяцкихъ часовъ» въ борисовскомъ уѣздѣ. «Подъ вечеръ въ одинъ изъ праздничныхъ дней молодежь обоего пола собиралась на полѣ, предназначенномъ подъ яровые посѣвы. Раскладывались костры, приглашали музыку, большею частью дударя, и приступали къ выбору изъ дѣвушекъ «вясноўки». Въ выборѣ принимали участiе и парни, и дѣвушки. Требовалось, чтобы избранная была красива и работяща. Ее украшали вѣнкомъ изъ весеннихъ травъ и цвѣтовъ и сажали на «смыкъ», засланный сверху плавуномъ; въ борону впрягались молодые люди и возили по полю вясноўку вокругъ огней, причемъ дѣвушки пѣли подъ аккомпанементъ дударя» [2]). Какiя пѣсни пѣлись при этомъ, авторъ замѣтки, къ сожалѣнiю, не говоритъ, такъ же, какъ онъ не сообщаетъ и того, когда собственно, въ началѣ или въ концѣ весны, справлялся этотъ обрядъ. Если принять въ соображенiе, что «вясноўку» на боронѣ возили по яровому, раскладывая при этомъ еще костры, можно съ увѣренностью сказать, что это дѣлалось ужъ никакъ не послѣ того, какъ засѣется овесъ, т. е. еще ранней весной, приблизительно къ тому времени, когда производятся и «закликанiя» или «гуканья» весны.

Въ тимскомъ уѣздѣ, курской губернiи, пѣсню о приходѣ весны поютъ дѣти, причемъ приносятъ съ собой на огороды печеныхъ изъ тѣста куликовъ. Этихъ куликовъ привязываютъ нитками къ шестамъ, которые втыкаютъ въ одонки. Кулики качаются отъ вѣтра и какъ бы летятъ; дѣти поютъ при этомъ

---

1) Шейнъ, Бп. стр. 367, № 141; въ другихъ пѣсняхъ Богородица ѣдетъ «на возику», а то даже и въ каретѣ въ сопровожденiи всѣхъ святыхъ; ср. Шейнъ, Бп. № 147, стр. 382; Безсоновъ, Бп. № 3, стр. 4; Ш. Мсзкр. I, ч. 1-я, № 143 и Романовъ, Бсб. I, ч. 1 и 2, № 10, стр. 456. Дембовецкiй, Опытъ описанiя могил. губ., ч. III, стр. 533, № 3.

2) *Подольскiя Губ. Вѣд.* 1895, № 26, стр. 193.

пѣсню; послѣ приведенныхъ уже выше словъ, обращающихся къ олицетворенной веснѣ, здѣсь говорится еще:

А мы вясну ждали,
Клочки допрядали.
Летѣлъ куликъ
    Изъ-за морья.
Принесъ куликъ
Девять за́мковъ.
«Куликъ, куликъ!
    Замыкай зиму, 2
Отпирай вясну —
    Теплое лѣто [1]).

Нѣчто подобное творилось еще въ 60-хъ годахъ, въ саратовской губерніи. Здѣсь, какъ это дѣлается до сихъ поръ, въ большинствѣ мѣстностей Россіи, 9-го марта пекли жаворонковъ. Съ ними мальчики и дѣвочки взбирались на крыши избъ и кричали отсюда:

Жаворонки, жаворонечки!
Прилетите къ намъ,

---

1) Ш. В. стр. 337, № 1175; ср. Ш. Мсзкр. I, ч. 1-я, стр. 126, № 124 (безъ упоминанія о куликахъ). Образъ отмыканья ключемъ земли, воды и пр. мы встрѣтимъ еще не разъ и въ пѣсняхъ другого рода. Обыкновенно это производитъ св. Юрій. Ш.В. стр. 338, № 1181; Р. Бсб., стр. 263, № 1 и 267, № 17; Ш. Мсзкр. I, ч. 1-я, стр. 127, № 127 и №№ 123, 137 и 148; Ш. Б. п. стр. 373, № 142 и стр. 379, № 146; Б. Бп. ст. 22—23, №№ 32—34; Чуб. Тр. III, стр. 30—31; тоже въ сербскихъ пѣсняхъ: Караџић Срп. н. п. II, стр. 2; въ болгарскихъ: *Сб. за н. ум.* 1889. Нар. умотв. стр. 13, № 6; въ моравскихъ и чешскихъ: Kulda, Mor. n. poh. II, str. 295; Bartoš Lid a narod. Dil 2, str. 33; Sušil Mor. nar. p. str. 768—773; Erben Pr. č. p. a ř. ř. I, str. 57; Václavek Mor. Val. Dil. I, str. 78; объ этомъ пѣсенномъ представленіи см. еще у Аѳанасьева, Поэт. воззр. II, стр. 399—415. Обрядъ съ куликами былъ также уже извѣстенъ Аѳанасьеву, Поэт. воззр. III, стр. 690. Мотивъ ключа встрѣчается и въ одной нѣмецкой весенней пѣснѣ, но здѣсь съ ключами появляется ап. Петръ, см. Erk-Böhme Lh. № 1206, B. III, s. 125. Объ этомъ см. также у А. Н. Веселовскаго, Раз. въ обл. дух. ст. II, стр. 97—99 и Потебня, Объясн. мал. и ср. пѣсенъ I, стр. 123—127.

Принесите намъ
Лѣто теплое,
Унесите отъ насъ
Зиму холодную;
Намъ холодная зима
Надоскучила,
Руки, ноги отморозила! 1)

Въ лицѣ весенней птицы закликаютъ весну и на Украйнѣ. Только относящейся сюда пѣсни не сохранилось, а говорится нѣчто вродѣ заговора или присказки: «Ой вылынь, вылынь, гоголю! вынеси лѣто зъ собою, вынеси лѣто, лѣтечко и зеленеє житечко, хрещатенькій борвȋночокъ и запашненькій василёчокъ!» 2) Въ Бѣлоруссіи, гдѣ вмѣсто жаворонковъ пекутъ аистовъ: «бусля», мальчики приговариваютъ, присутствуя при ихъ приготовленіи: «Бусля, бусля на табѣ галіопу (пирогъ на подобіе аиста), а мнѣ дай жита копу» 3). Такое обращеніе, какъ и въ Тимскомъ уѣздѣ, Курской губерніи, здѣсь называетъ то ласточку, то галочку. Сизая галочка выноситъ ключи, какъ великорусскій куликъ:

Благослови, Боже,
Вясну кликаць,
Зиму провожаць,
Лѣта дожидаць.
Вылеци сизая галочка,
Вынеси золоты ключи,
Замкни холодную зимоньку, 4)
Отомкни цеплое лѣцечко.

---

1) Минхъ, Нар. об. и пр. Сарат. губ. *З. И. Р. Г. О.* XIX в. 2-й, стр. 100, ср. Терещенко, Б. р. н. VI, стр. 20.

2) Ефименко, Сб. малор. закл., стр. 66, № 208.

3) Крачковскій, Б. зап. р. сел., стр. 102. Въ Рязани эти печеныя птицы называются еще «чувилки» *Этн. Об.*, кн. XXIX—XXX (1896), стр. 198—199, №№ 2—3.

4) Ш. Мсзкр. I, ч. 1-я, стр. 126, № 121 (изъ памятной кн. Смоленск. губ., 1859 г., стр. 139); ср. пѣсню о ласточкѣ Б. Бп. № 179 и 180, стр. 165—166.

Птицы играютъ вообще большую роль въ весенней обрядности и съ ихъ прилетомъ связано много примѣтъ и повѣрій. Полагаютъ, напримѣръ, что 1-го марта прилетаютъ грачи, почему этотъ день и называется Грачевники [1]). На Сороки (сорокъ мучениковъ, 9 марта) говорятъ: «прилетѣлъ куликъ изъ-за моря, принесъ воду изъ неволья» [2]). Весною птица — существо священное. Въ Москвѣ въ Охотномъ ряду изстари заведено огульное выпусканіе птицъ на свободу: съ утра народъ закупаетъ птицъ и своими руками пускаетъ ихъ. Это дѣлается нѣсколько позже, на Благовѣщеніе [3]). Богомольное отношеніе къ весеннимъ птицамъ отразилось особенно въ повѣрьяхъ, связанныхъ съ ласточкой: если она совьетъ гнѣздо на домѣ, это означаетъ счастье [4]).

По словамъ польскаго лѣтописца Прокоша, поляки вѣрили, что высшій владыка вселенной превращается весной въ кукушку и предвѣщаетъ каждому въ ея пѣніи число оставшихся лѣтъ жизни. Кукушка вообще и до сихъ поръ считается почти повсемѣстно въ Европѣ имѣющей таинственное вліяніе на судьбу человѣка; что по ея крику можно узнать, сколько лѣтъ осталось жить, думаютъ крестьяне и въ Англіи [5]). Прилетъ аиста наблюдаютъ съ благоговѣніемъ и Турки въ Малой Азіи. Они думаютъ, что онъ (Hadji-Baba) каждый годъ отлетаетъ въ Мекку и вьетъ гнѣздо только на мечетяхъ и домахъ правовѣрныхъ, избѣгая постройки христіанъ [6]).

---

1) Сахаровъ, Сказ. II, стр. 35.

2) Петрушевичъ, Общер. дн., стр. 32 и Сахаровъ, l. c., стр. 38.

3) Ibid., стр. 40.

4) См. статью Зобнина въ *Живой Старинѣ* 1894, вып. I, стр. 40.

5) Procosz Chr. Slav, 112 прив. у Фаминцына, Божества др. сл., вып. I, стр. 19; ср. *F. L. Record*, II, p. 86—89. Потому въ весеннихъ пѣсняхъ жалующаяся на свою судьбу молодицы часто обращается къ «зозюлѣ». Головацкій II, стр. 179, 183, 680; Ш. Мюзкр. I, стр. 131, № 133; Ш. Бп. №№ 178 и 179; Чубинскій Тр. №№ 67, 87—18, стр. 157—168 и стр. 188, № 4; Радченко Гом. п. № 21, стр. 8—9.

6) Cornoy et Nicolaides Tr. p. de d'Asie Mineure *Lpdtln* XXVIII, p. 298.

Обрядъ закликанія весны сохранился на Руси такимъ образомъ въ двухъ типахъ. Въ одномъ изъ нихъ пѣсня обращается къ олицетворенной веснѣ, проситъ ее привезти съ собой свои обычные дары, изображаетъ ее ѣдущей на сохѣ, всячески зазываетъ ее. Другой типъ магическимъ провозвѣстникомъ весеннихъ радостей считаетъ прилетающихъ съ юга птицъ, шумно заявляющихъ о своемъ прибытіи веселымъ пѣньемъ и чириканьемъ.

Нѣсколько иначе справляется схожій обрядъ у сербовъ, гдѣ онъ носитъ типичное названіе «на ранило». Накануцѣ сорока мучениковъ и Благовѣщенія дѣвушки накупаютъ сухихъ дровъ и кладутъ ихъ гдѣ-нибудь на сборное мѣсто посреди села. Около полуночи онѣ складываютъ костеръ и зажигаютъ его. Тогда начинается пѣніе пѣсней около костра, и живо собирается сюда молодежь со всего села. Такъ описываетъ этотъ обрядъ Милићевић[1]). Болѣе сходно съ русскимъ обрядомъ справляютъ «на ранило» турецкіе сербы. «Наканунѣ этихъ праздниковъ (т. е. сорока мучениковъ и Благовѣщенія), разсказываетъ Ястребовъ, по селамъ всѣ дѣвушки собираются въ двухъ-трехъ домахъ. Хозяинъ дома, къ которому пожаловали дѣвушки, приготовляетъ, насколько возможно, самый лучшій ужинъ. Послѣ ужина дѣвушки устраиваютъ хороводъ и поютъ пѣсни, до первыхъ пѣтуховъ. При крикѣ послѣднихъ всѣ онѣ выбѣгаютъ изъ избы на дворъ и стараются вскарабкаться на крышу избы и другія постройки»[2]). Сидя на кровляхъ, дѣвушки поютъ пѣсни.

Тексты пѣсень, приведенныхъ Ястребовымъ[3]) при этомъ описаніи, однако не проливаютъ свѣта на самый смыслъ обряда. Они носятъ скорѣе шуточный характеръ. Только припѣвъ

«рано, најрано»

указываетъ на ихъ тѣсную связь съ обрядомъ. Самый сюжетъ

---

1) Живот срба сељака, стр. 95.

2) Об. и пѣсни тур. сербовъ. Стр. 91 (села Моравы).

3) Ibid и др. пѣсни, ibid стр. 91—95 и 43, гдѣ тотъ же обрядъ указывается на Рождество. Нѣкоторыя пѣсни обращаются шуточно къ опоздавшей или проспавшей дѣвушкѣ, другія говорятъ о самомъ внѣшнемъ складѣ обряда.

ихъ, правда, также подходитъ къ случаю, но никакого отношенія къ существенному хозяйственному значенію весны онъ не имѣетъ. Въ одной пѣснѣ напр., какъ будто, обращаются къ попу, будятъ его, говорятъ, что его попадья проспала и не разбудила во время, что въ это время дѣвушки украли ключи, вошли въ церковь, прочли всѣ книги и только не успѣли дочитать Евангелія. Встать пораньше надо священнику, потому что

Све се овце изјагњише
Рано, најрано!
Свака овца по јагњета,
Рано, најрано!
Преоткина два јагњета
Рано, најрано!
Свака овца по карлицу
Рано, најрано!
Преоткина две карлице.

Это типичное для весеннихъ пѣсенъ заявленіе о благополучіи приплода еще не разъ встрѣтится намъ въ весеннихъ пѣсняхъ различнаго склада и примѣненія[1]). Болѣе къ мѣсту, въ обращеніи къ пастуху, тоже самое говорится и въ одной пѣсенькѣ Призрѣнскаго Подгора, поющейся также «на ранило»:

Ој јубава ми девојко!
Чије ведро рано звни?
— Најрано је девојкино!
Рано тиће, рано лети,
Те ми паде на појате,
Те ми вика млад'овчара:

1) Оно встрѣчается, какъ обозначенія весенняго благополучія въ колядкахъ, волочобныхъ пѣсняхъ и др.; въ колядкахъ: Караџиħ, Српске нар. пј. II, стр. 119, № 189; Головацкій, П. Г. и У. Р. II, стр. 14—16, №№ 20—22, III стр. 14, № 17; Булгаковскій, Пинчуки *З. И. Р. Г. О.* XIII в. 3-й, стр. 31 и 46 №№ 1—2 (въ щедрицкихъ); Lud V, № 48, str. 237; Б. Бп. №№ 7, 10.

Дизај ми се млад'овчаре!
Овце ти се изјагњиле:
Свака овца по јагњенце,
Првоскиња два јагњета [1]).

Изъ относящихся къ обряду «на ранилю» сербскихъ пѣсенъ есть собственно только одна, которая, какъ будто указываетъ на основной забытый смыслъ этого дѣйства, вѣроятно, близкій по значенію нашему закликанію весны. Эта пѣсня напечатана у Миличевић'а:

Подранила девојка, подранила
Рано, ранано!
Јутром рано у горе, јутром рано,
Рано, ранано!
Да претекне месеца, да претекне,
Рано, ранано!
Да пробуди ораче, да пробуди
Рано, ранано!
Те да иду да ору, те да иду
Рано, ранано
Да си хране дечицу, да си хране.
Рано, ранано!

(Смыслъ этой пѣсни такой: настала рабочая пора, пусть встанетъ рано дѣвушка и разбудитъ пахаря, ему нужно теперь ѣхать въ поле орать, отъ этого зависитъ благополучіе семьи, особенно его малыхъ дѣтокъ).

Остальныя пѣсни только вслѣдствіи внѣшней близости содержанія вошли въ обиходъ этого обряда. Если это не просто пѣсни шуточныя, то онѣ прямо или иносказаніемъ говорятъ о сватовствѣ и суженомъ [3]); къ нимъ мы вернемся поэтому позже,

1) Ястребовъ, l. c., стр. 41—42, ср. стр. 93.
2) Жив. срба сел., стр. 96.
3) Таковы — изъ пѣсенъ Миличевић'а третья на стр. 95, и у Милојевић'а II. и об. укупной н. срб. I, стр. 119—120.

когда будетъ идти рѣчь о поздравительныхъ и хороводныхъ пѣсняхъ, отвѣчающихъ именно этой сторонѣ быта.

Обрядъ «на ранило» такъ же, какъ и закликаніе весны въ Россіи, производится въ Сербіи и при водѣ. Такъ совершается онъ на Вербное воскресенье. Дѣвушки водятъ коло, играютъ и поютъ около рѣчекъ или источниковъ [1]). Къ этой разновидности обрядоваго дѣйства приспособляются и соотвѣтственныя пѣсни. Въ нихъ говорится о томъ, какъ замутилась вода, о томъ, зачѣмъ вода нужна дѣвушкамъ и этимъ способомъ также приходятъ къ суженому и къ сватовству [2]).

Представленіе о перелетной птицѣ, какъ о ближнемъ провозвѣстникѣ весеннихъ радостей въ сербскихъ пѣсняхъ «на ранило» не встрѣчается вовсе. Нѣчто подобное поется только въ одной хороводной пѣсенкѣ. Тутъ роль птицы играетъ пчелка. Она приноситъ отъ Бога «празднички» съ ихъ типичными аттрибутами:

Долете челка од Бога,
Казуje лето богато:
Великдан шарен, прешарен,
Ђурђевдан травком и шумом.
Петровдан белим jечменом [3]).

У прочихъ славянскихъ народностей такъ же, какъ и въ фольклорѣ Запада, лишь кое-гдѣ сохранились отрывочные намеки на изображенный только что обрядъ. Онъ переживаетъ здѣсь въ отдаленныхъ примѣненіяхъ, уже подвергшихся постороннимъ наслоеніямъ, и только пристально приглядѣвшись къ нимъ, можно

---

1) Ястребовъ, l. c., стр. 93—94; Караджичъ Ж. и Об., стр. 26.

2) Таковы кромѣ пѣсенъ Милоjевиħ'а (указанныхъ выше) пѣсни у Караджича Ж. и Об. стр. 26 и его же Срб. н. пj. I стр. 126, № 200, та же и у Милиħевиħ'а стр. 95; ср. еще пѣсню объ оленѣ, замутившемъ воду, Караджичъ Ж. и Об. стр. 26, Срп. нар. пj. I, стр. 126, № 199, Милиħевиħ l. c., стр. 95. Эта тема принадлежитъ пѣсенному достоянію всей Европы; см. у Jeanroy, Les or. de la p. l. p. 162; объ отношеніи оленя къ браку см. Потебня Объясн. малор. и ср. п. II, глава XX-я.

3) Ястребовъ, l. c., стр. 119; ср. русскую пѣсню ШВ стр. 338, № 1181.

открыть въ нихъ основную мысль, близкую разобраннымъ мною русскимъ и сербскимъ обрядамъ. Таковъ обрядъ, сообщенный Кольбергомъ: въ Польшѣ, на великій четвергъ, дѣвушки собираются передъ разсвѣтомъ на берегахъ рѣкъ и прудовъ и тамъ ожидаютъ восхода солнца. Какъ только солнце выйдетъ изъ-за горизонта, онѣ раздѣваются, скачутъ въ воду, распускаютъ волосы и приговариваютъ:

Wodane! na tobi rusu kosu
daj mini diwoczu krasu,
daj krasu denyci
bij'm buła borzo mołodyci (a)[1].

Здѣсь основной смыслъ развитъ еще, какъ впрочемъ и въ большинствѣ сербскихъ пѣсенъ «на ранило», чисто дѣвичьими заботами о бракѣ. У чеховъ выходятъ передъ восходомъ солнца въ поле на великую пятницу, становятся на колѣни и говорятъ:

Ráno, ráno, raníčko,
Dřív než víšlo slunečko,
Židé pana Ježíše jali.
On se třás, oni se ho ptali:
Pane máš-li zimici?
«Nemám, onež miti bude,
Kdo na mou smrt pamatovat bude»[2].

(«Рано, рано, раненько, до восхода солнца, взяли жиды господина Іисуса. Онъ дрожалъ, а они его спрашивали: «Господинъ, нѣтъ-ли у тебя лихорадки?» — Нѣтъ, и у того не будетъ, кто станетъ помятовать мою смерть»). Въ этой странной пѣснѣ сохранился все-таки напѣвъ, соотвѣтствующій нашему «рано ой рано» и сербскому «рано најрано».

Возможно, что въ какомъ-нибудь отношеніи къ обряду «на ранило», справляемому при водѣ, стоитъ и чешскій пасхальный

1) Kolberg, Pokucia str. 146.
2) Erben, Pr. č. p. a. ř. I, str. 60.

обычай «chodit na Kupání», на который указывалъ Hanuš. Онъ приводитъ также два варіанта пасхальной пѣсенки, близкой нашимъ закличкамъ весны; въ нихъ поется:

Velkonočko, Velkonočko, kdes tak dlouho bývala?
U studánky, u studánky ruce nohy myvala.

или, какъ въ другомъ варіантѣ:

Líto, líto, líto, kdes tak dlouho bylo?
U vody u vody ruce nohy mylo? [1])

Обращеніе къ олицетворенной Пасхѣ или веснѣ, конечно, вполнѣ соотвѣтствуетъ нашему призыву весны.

Можетъ быть далекое переживаніе даннаго обрядоваго типа лежитъ и въ основѣ краковскаго «Kuliga», этого сложнаго маскараднаго дѣйства, которое справляютъ, наряжаясь старостомъ и старостихой, жидомъ арендаторомъ и кабатчикомъ, цыганомъ и пр. и въ подобныхъ костюмахъ, какъ будто невзначай, наѣзжая къ кому-нибудь въ гости. Въ этой по преимуществу шляхетской забавѣ, конечно, много святочнаго; но откуда его названіе? Что оно взялось не спроста и что въ немъ можно заподозрѣть черты типично весеннія, какое-то смутное отраженіе празднованія весенняго прилета птицъ, можетъ быть позволительно усматрѣть изъ словъ старосты; когда онъ представляетъ свой маскарадный кортежъ хозяину того дома, гдѣ будетъ происходить пиршество, онъ между прочимъ говоритъ:

Z szezękiem, brzękiem Kulig jedzie,
Kulig, kulig - ptaszek szary;
przez lato pilnuje pola,
by się nie dał pożyć biedzie [2]).

(«Съ лязгомъ и бряцаньемъ ѣдетъ куликъ, куликъ сѣрая птичка стережетъ лѣтомъ поле, чтобы не случилось бѣды»).

---

1) Hanuš, Báj. kal. slov. str. 126—127; ср. Erben, P. a. ř. str. 58.

2) Kolberg, Lud. s. V сл. 1ª str. 255—256; описаніе самаго обряда 252—260. Ср. Петрушевичъ, Общер. кал., стр. 30.

Въ Германіи сохранились кое-какіе остатки чествованія первыхъ прилетѣвшихъ птицъ и первой фіалки [1]). Во Франкфуртѣ еще въ XVIII в. сторожъ на городской башнѣ извѣщалъ трубнымъ звукомъ о прилетѣ перваго аиста и получалъ за это изъ общественныхъ суммъ вознагражденіе. Подобная уплата была произведена еще 1-го марта 1704 года [2]). Намекъ на самое «закликаніе» можно видѣть и въ словахъ одного Пфальцскаго варіанта тѣхъ многочисленныхъ «споровъ зимы и лѣта», описаніемъ которыхъ обыкновенно начинаютъ обзоръ нѣмецкихъ весеннихъ обрядовъ [3]). Эта игра изгнанія зимы и введенія лѣта, какъ извѣстно, всего чаще, имѣетъ мѣсто въ воскресенье на четвертой недѣлѣ великаго поста (Laetare), когда по старому римскому календарю зима встрѣчалась съ лѣтомъ. Въ Пфальцѣ въ серединѣ прошлаго вѣка при этомъ между прочимъ пѣли:

Wir woll'n hinaus in den Garten,
Den sommer zu erwarten,
Wir wollen hinter die Hecken,
Den sommer zu erwecken u s. w. [4]).

(«Мы хотимъ пойти въ садъ дожидаться лѣта, мы хотимъ пойти за ограду лѣто разбудить»).

Въ Швеціи сельскій людъ троекратнымъ возгласомъ встрѣчаетъ прилетъ первой ласточки [5]), а въ Стокгольмѣ въ началѣ великаго поста происходило даже нѣчто совершенно близко напоминающее наше «закликаніе». Городскіе жители выходятъ съ ве-

---

1) Grimm, D. M. a. п. III, p. 762—763.

2) *Journal von und für Deutschland* 1784 Bd. I s. 423 приведено у Wintzschel-Schmidt'a Kleine Beitr. z. d. M. 2er th., s. 302.

3) Объ этомъ кромѣ 24-й главы Миѳологіи Гримма (съ приложеніями) см. Uhland, Schriften III, s. 18 u f.; Jahn, Opferbräuche, s. 89—94; Hönig въ *Z. d. V. f. V.* III, s. 226—227; Usener, Italische Mythen *Rhein. Museum* XXX, p. 191 etc.; Frazer, Golden Bough, I, pp. 257—268; Máhal, Nákres slav. bajesl., str. 192; А. Н. Веселовскій. Три главы изъ ист. поэтики *Ж. М. Н. Пр.* 1898, апрѣль—май, стр. 19—25 отд. оттиска.

4) Montanus, Deutsche Volksf., s. 24.

5) Grimm, D. M. a. п. p. 763 (v. III).

чера за городъ, располагаются подъ едва зеленѣющими деревьями и ждутъ здѣсь восхода солнца, которое они привѣтствуютъ пѣснями. Текстъ этихъ пѣсней, авторъ, сообщившій этотъ обрядъ, къ сожалѣнію, однако, не приводитъ. Послѣ этого подъ звуки уже другихъ пѣсенъ всѣ возвращаются обратно домой[1]).

Можетъ быть нѣчто подобное представляетъ собою и сообщенное вкратцѣ графиней Мартиненго итальянское обыкновеніе «chiamar l'erba». Оно производилось въ мартѣ мѣсяцѣ на озерѣ Poschiavo[2]).

Извѣстный старо-англійскій Cuckoo Song, восходящій, быть можетъ, къ серединѣ XIII вѣка всего вѣроятнѣе, также отвѣчалъ какому нибудь обрядовому представленію. Отголоскомъ его въ современномъ быту представляется отмѣченный въ началѣ этого вѣка въ Шропширѣ обычай не работать въ тотъ день, когда въ первый разъ услышана кукушка[3]). Далеко не исключительно подъ вліяніемъ своего классическаго образца воспѣлъ кукушку и неизвѣстный латинскій поэтъ VIII—IX в., въ такъ наз. Carmen de Cuculo[4]).

Сущность всѣхъ этихъ, не особенно распространенныхъ, но все же интересныхъ обрядовъ состоитъ въ молитвенномъ обращеніи къ веснѣ. Они производятся рано утромъ на зарѣ, такъ что солнце представляется въ моментъ отправленія обряда какъ будто восходящимъ впервые, возвѣщающимъ весеннее возрожденіе природы, приносящимъ съ собою наступившую наконецъ новую пору (ver novum). Обращаются относящіяся сюда пѣсни однако не къ солнцу, а либо къ перелетной птицѣ, носительницѣ

---

1) *Breslauer Zeitung* 1889, фельетонъ 29-го сент.; приведено у Bielschowskiego, Gesch. d. deutsch. Dorfpoesie, s. 12, прим. 3-е къ стр. 11.

2) Count. E. Martinengo-Cesaresco, Essays in the st. of folk-songs, p. 254.

3) Ten-Brink, Early english. Lit. London. 1887, p. 305; Brand, Pop. Antiqu. ed Ellis II, p. 197; о кукушкѣ въ англ. литер. см. James Hardy, Popular History of the cuckoo. *Fol-Lore Rec.* II, pp. 47—91.

4) Duemler Poetae Latini Aevi Carolini, p. 269. *Mon. Germaniae* t. I; Ebert, Allg. Geschichte der Lit. des Mittelalters Band II, s. 68. А. Н. Веселовскій, Три главы изъ ист. поэтики, стр. 21, отд. отт. *Ж. М. Н. Пр.* 1898, апрѣль.

весеннихъ благъ, либо къ самой олицетворенной веснѣ, либо къ Богу, для каждаго вѣрующаго представляющемуся естественно источникомъ всякой благодати.

Къ олицетворенной веснѣ кромѣ приведенныхъ выше пѣсенъ уже прямо молитвенно взываетъ одна великорусская пѣсенка изъ сборника Сахарова:

Весна, весна красная,
Приди весна съ радостью,
Съ радостью, съ радостью,
Съ великою милостью:
Со льномъ высокіимъ
Съ корнемъ глубокіимъ
Съ хлѣбами обильными [1]).

Я уже привелъ веснянку изъ сѣверной части Подольской губерніи, начинающуюся благочестивымъ христіанскимъ запѣвомъ; въ другой пѣсенкѣ изъ той же мѣстности схожій мотивъ развивается подробнѣе:

Благослови, Боже,
Зимы замыкаци
Весну выкликаци.
Дай же намъ, Боже,
Жита и пшаницы,
Зяленой травицы.
Дай же намъ, Боже,
На хлѣбъ-жито родъ,
А на статокъ плодъ,
На людзей здоро(у)е [2])

Тоже напѣваетъ и совершенно независимая отъ обряда закликанія весны великорусская пѣсня:

---

1) Сахаровъ, П. р. н. IV, стр. 375.
2) *Подольскія Губ. Вѣд.* 1895, № 26.

Охъ и дай, Боже, добрые годы!
Годы добрые, хлѣбородные.
Зароди, Боже, жито гу́стое,
Жито густое, колосистое,
Колосистое, ядренистое,
Чтобы было съ чего пиво варити,
Пиво варити, робятъ женити,
Робятъ женити, дѣвокъ отдавати [1]).

Рядомъ съ этими двумя - тремя русскими молитвенными пѣснями можно поставить еще одну болгарскую, записанную въ Кремиковцахъ на Софійскомъ полѣ. Она относится только къ нѣсколько болѣе позднему времени и призываетъ Святую Троицу:

Кирле ресле — Господи помилуй.
Света Тройца слезни оз-горе,
Та си влезни въ село,
Та искарай кмете, кметице!
Куни да носимъ, Бога да молимъ:
«Я дай ми Боже ситна росица —
По горѣ руйно, пó поли ситно,
Трѣва да расте, паунъ да пасе,
Паунъ да пасе, перья да рони,
Перья да рони, моми да бератъ,
Моми да бератъ, китки да віятъ,
Китки да віятъ, момци да зиматъ [2]).

(«Кνріе елейсонъ — Господи помилуй. Святая Троица сойди съ неба, войди въ село и прикажи кметамъ и кметицамъ. Пусть носимъ мы вѣтви и молимъ Бога»: «Дай мнѣ, Боже, частую росу на горѣ обильно, по полю мелко, да ростетъ трава, да пасется павлинъ, да пасется павлинъ, да роняетъ онъ перья; дѣвушки

1) Ш. В. стр. 338, № 1179.

2) Качановскій, Пам. б. нар. творчества, № 40, стр. 109; ср. схожую лазарскую пѣсню Илиевъ Сб. отъ нар. умотв. I,1 стр. 238, № 189.

пусть ихъ берутъ и вьютъ вѣнки, вьютъ вѣнки, парни пусть ихъ будутъ сватать»). Начавши молитвеннымъ запѣвомъ, пѣсня сошла на образъ такой же типично весенній, какъ и въ сербскихъ на ранило. Это роняньe перьевъ птицы упоминается не спроста, это одинъ изъ иносказательныхъ способовъ заговорить о суженомъ, который широко распространенъ и въ колядкахъ, и въ весеннихъ пѣсняхъ различнаго склада и примѣненія[1]).

Обрядъ закликанія весны привелъ насъ, такимъ образомъ, къ молитвѣ, къ культу.

О существованіи весенняго культа боговъ у славянъ и германцевъ мы никакихъ положительныхъ свѣдѣній не имѣемъ, но вѣроятнѣе всего нѣчто подобное у нихъ существовало. То молитвенное настроеніе, которое сказывается въ приведенныхъ мною веснянкахъ, разумѣется, вполнѣ естественно, и въ до-христіанскую пору оно должно было вылиться въ формѣ моленія богамъ и того или иного вида жертвоприношенія[2]).

Косвеннымъ подтвержденіемъ существованія у славянъ весенняго культа могутъ служить еще и кое-какія аналогіи. У нашихъ инородцевъ-язычниковъ, рядомъ съ обрядами вполнѣ схожими съ тѣми, которыми наше простонародье начинаетъ весной каждый новый шагъ въ своей дѣятельности, справляются въ весенніе праздники и общія жертвоприношенія, предназначенныя иногда для цѣлой волости. Во время нихъ и при ихъ посредствѣ инородцы молятся объ общемъ благополучіи, сразу охватывая

---

1) Потебня, Объясн. Мал. и ср. п. II, главы XLIV и XLV.

2) Можетъ быть тутъ умѣстно привести свидѣтельство Менеція (XVI в.) о Пруссахъ, Литвѣ и Жмуди, сообщенное Фаминцынымъ (Бож. др. славянъ, стр. 115): «Въ день св. Георгія, разсказываетъ Менецій, они имѣютъ обыкновеніе приносить жертву Пергрубіосу, котораго признаютъ богомъ цвѣтовъ и растеній. Жертвоприношеніе происходитъ слѣд. обр.: жрецъ, называемый вуршкайтъ, держитъ въ правой рукѣ чашу, наполненную пивомъ, и, призывая имя бога, пьетъ хвалу его: «ты, возглашаетъ онъ, — прогоняешь зиму, ты возвращаешь прелесть весны, ты зеленишь поля и сады, покрываешь листвою рощи и лѣса!» Пропѣвши эти слова, онъ схватываетъ зубами чашу и, не прикасаясь до нея руками, выпиваетъ пиво, пустую же чашу бросаетъ назадъ черезъ голову». Menecius. De sacrif. 890.

религіозной мыслью всѣ свои запросы, всѣ тѣ хозяйственныя предпріятія, которыя каждое порознь всетаки обставятся еще и отдѣльнымъ обрядовымъ актомъ.

У вотяковъ, напримѣръ, на слѣдующій день послѣ запашки (гырны-потонъ) справляется торжественный праздникъ Гуждоръ, на который сходится все окрестное населеніе. Оно состоитъ изъ особой моляны, для которой дѣвушки той деревни, гдѣ она имѣетъ мѣсто, выбираютъ попа; на пригоркѣ подъ елью разстилается скатерть; на нее кладутъ особыя лепешки, блины и проч., и жрецъ произноситъ молитвы, держа въ рукахъ вѣтку пихты. Во время богослуженія дѣвушки угощаютъ присутствующихъ кумышкой и взимаютъ за это особую плату. Послѣ молитвы праздникъ заканчивается, разумѣется, гуляньемъ [1]). Подобный характеръ носитъ вотскій же праздникъ буэ-шуръ или буэ-дюкъ [2]). Такое же торжественное жертвоприношеніе совершаетъ Мордва на праздникъ Шушмонь латонь озксъ [3]) и совершали прежде подъ названіемъ агга-паремъ [4]) заволжскіе черемисы. Осетинскій праздникъ Рамонъ-бонъ (въ концѣ пятой недѣли великаго поста), во время котораго приносится жертва и призываются святые Николай, Георгій и Илья, можно отнести въ ту же категорію. Во время богослуженія жрецъ нѣсколько разъ спрашиваетъ присутствующихъ: «Чего вы хотите?», и получаетъ все тотъ же отвѣтъ: «Хоръ-хоръ (хлѣба, урожая)» [5]).

Первухинъ приводитъ одну довольно длинную вотскую весеннюю молитву, произносимую дзэкъ попомъ на проталинкахъ:

---

1) Верещагинъ. Вотяки Сосновскаго края *З. И. Р. Г. О.* XIV вып. 2 (I) стр. 39—42.

2) Тезяковъ, Праздники и жертв. пр. у вотяковъ язычниковъ. *Новое Слово* 1896, январь, стр. 5.

3) Смирновъ, Мордва. *Изв. Общ. Арх. Ист. и Этн. при Казанскомъ Университетѣ* XII (1894), стр. 313.

4) Знаменскій, Горные черемисы. *Вѣстн. Евр.* 1867, декабрь, стр. 65.

5) Дубровинъ, Истор. войны и влад. русск. на Кавказѣ I в. 1-й, стр. 302—303.

«Помилуйте насъ Инмаръ, Кылдысинъ!

Хорошія: весну, лѣто и осень ниспошлите намъ!

Семью кружками сосѣдей однообразно и единодушно встаемъ и садимся,

Съ добрыми сосѣдями: съ воршуномъ Петра (имя рекъ: перечисленіе) встаемъ и садимся.

Съ воршуномъ Пурга, Бигра, Ворця и Какся мы встаемъ и садимся.

О творецъ и хранитель хлѣба! Весною во время нашего выхода на общую работу, во время пашни, бороньбы, во время разбрасыванія — разсѣиванія зерна, дай намъ легкости и силы!

Въ Герберъ, когда мы выйдемъ работать — трудиться во время кошенія»....

и такъ далѣе, перечисляется весь кругъ работъ вплоть до осени, причемъ жрецъ старается ничего не пропустить, назвать все, что предстоитъ сдѣлать. Кончается эта молитва слѣдующимъ пожеланіемъ:

«Въ то время, когда мы поволочемъ — потянемъ зерна съ овина, въ амбары, когда мы будемъ наполнять, насыпать сусѣки зерномъ, пусть людямъ будетъ весело, какъ поющему лебедю!

Когда мы зерно возьмемъ ложкою, да не будетъ замѣтно слѣда.

Когда мы возьмемъ ковшомъ, да не останется слѣда,

Когда мы возьмемъ ночевкой, да не останется слѣда,

Когда мы возьмемъ корзиной, да не останется слѣда,

. . . .

О творецъ и хранитель хлѣба, Кылдысине!

О податель и стражъ домашнихъ животныхъ, Инмаре!

О распорядитель и повелитель пчелъ, Квазе-э

Будьте здоровы!!» [1])

---

1) Первухинъ. Эскизы пр. и б. инородцевъ Глаз. уѣзда, эскизъ III-й, стр. 7—9.

Эта пространная молитва относится, очевидно, уже не къ отдѣльной разновидности весенней обрядности. Она захватываетъ шире, ставится вровень съ общимъ весеннимъ культомъ.

Въ древнихъ Аѳинахъ во время городскихъ Діонизій 9-го Элафеболія (мартъ — апрѣль) происходило въ театрѣ общее служеніе двѣнадцати богамъ и хоръ пѣлъ: «ἄλλοις τε θεοῖς καὶ τοῖς δώδεκα», при чемъ каждый жрецъ представлялъ особое божество. Моммзенъ полагаетъ, что общій характеръ этого торжества оно не пріобрѣло при введеніи вакхизма, а, напротивъ, имѣло искони. «Само время года, прибавляетъ онъ, наводило на это. Въ мартѣ и апрѣлѣ вѣютъ нѣжные вѣтры (зефиръ), флора еще не поражена лѣтнимъ зноемъ, деревья покрываются листвой, послѣ тихой зимы вновь слышится пѣніе прилетѣвшихъ птицъ; все прекрасное возвращается къ человѣку. Кого ему возблагодарить за это? Конечно, небесныхъ гостей; они опять вернулись и принесли съ собою все прекрасное» [1]). Равнымъ образомъ и Виргилій совѣтовалъ земледѣльцу:

In primis venerare deos, atque annua magnae
Sacra refer Cereri laetis operatus in herbis
Extremae sub casum hiemis, jam vere sereno.

(Georg. I, 338—341).

Можетъ быть, позволительно параллельно съ этимъ весеннимъ богослуженіемъ поставить и старое римское празднество въ честь Dea Dia, происходившее въ ея священной рощѣ на via Campana на разстояніи пяти тысячъ шаговъ отъ Рима вверхъ по теченію Тибра. Это передвижное торжество, въ эпоху императоровъ назначенное, правда, гораздо позже, на послѣднія числа мая, имѣло, такъ сказать, общее весеннее значеніе. Братья Арвалы, которые совершали жертвоприношеніе Deae Diae (и еще какимъ-то другимъ богинямъ?), въ своей старинной пѣснѣ, при императорахъ уже переставшей быть непонятной, призывали ларовъ,

1) Feste der St. Athen. ss. 437 u. 446—447.

Марса (весенняго сельско-хозяйственнаго бога по преимуществу въ древнемъ Римѣ) и semones[1]).

Какъ переживаніе какой-то формы культа, обыкновенно и толкуется обрядъ «закликанія» весны; относящіяся же сюда пѣсни понимаются именно, какъ молитвы[2]). Въ подтвержденіе этого мнѣнія зачастую приводится еще одинъ, какъ будто подходящій сюда, великорусскій обрядъ, разсказанный нѣкогда Сахаровымъ и теперь не такъ давно записанный снова въ Саранскомъ уѣздѣ, Пензенской губерніи. Какъ только станетъ сходить снѣгъ, бабы начинаютъ раскладывать свои точи. На нихъ онѣ кладутъ кусочекъ пирога или что-нибудь другое, оставляютъ эти кусочки на всю ночь и приговариваютъ: «вотъ тебѣ, весна — матушка»[3]). Къ молитвенной пѣснѣ присоединяется такимъ образомъ и самое жертвоприношеніе.

Однако заключать отъ современнаго обряда къ существованію языческаго культа всегда опасно, и когда приходится склониться къ этому, необходимо оговориться, въ какомъ объемѣ и въ какомъ значеніи это дѣлается. Культъ предполагаетъ религіозное дѣйствіе, сложившееся въ особыхъ условіяхъ жреческаго, вѣроисновѣднаго состоянія религіозныхъ формъ. Онъ стоитъ скорѣе въ концѣ обрядовой эволюціи, и въ извѣстномъ смыслѣ завершаетъ, доканчиваетъ эту эволюцію. «Когда простѣйшее анимистическое міросозерцаніе, говоритъ А. Н. Веселовскій, вышло къ болѣе опредѣленнымъ представленіямъ божества и образамъ миѳа, обрядъ принялъ болѣе устойчивыя

---

1) Roscher's Ausf. Lex. der gr. u r. Myth. I отд. 1-й, ss. 965,8—50; 969,10—60, 974—975,60—30. Въ пониманіи пѣсни братьевъ Арваловъ я слѣдую главнымъ образомъ за Биртомъ. Das Arvallied *Archiv fur lateinische Lexicografie* (1898) XI, s. 149—195; см. особенно страницы: 155, 159, 163, 169—172 и др. Въ указанныхъ мѣстахъ Биртъ старался подчеркнуть обще-весенній религіозный смыслъ пѣсни Арваловъ. См. также Pauly-Wissowa Realenciclopedie, ss. 1475—1486.

2) Аѳан., Поэт. воззр. I, стр. 228—230; Фаминцынъ, Божества др. сл., вып. 1-й, стр. 296.

3) Сказ. р. н. II, стр. 50; Аѳан., Поэт. воззр. II 690; *Этн. Обозр.* 1891, № 4, стр. 187.

формы культа»[1]). Так. обр. чтобы получить право усматривать въ современномъ обрядѣ пережитокъ культа, надо прежде всего удостовѣриться въ томъ, что разсматриваемое религіозное дѣйствіе обращается или дѣйствительно нѣкогда обращалось къ божескому образу, и затѣмъ открыть еще и миѳъ, лежащій въ основу ученія объ этомъ божествѣ.

Въ отношеніи къ обряду «закликанія» весны первое, повидимому, уже на лицо. Олицетворенная весна, къ которой обращаются пѣсни, понимается обыкновенно, какъ богиня весны. Разъ «языческіе боги вообще возникли изъ различныхъ олицетвореній»[2]), то встрѣчая олицетвореніе въ обрядѣ, пѣснѣ или сказкѣ, мы вправѣ принять его за «аллегорическую ступень въ образованіи миѳа»[3]). Олицетвореніе будетъ какимъ-то эмбріономъ божескаго образа, богомъ недоразвившимся, застывшимъ на ранней стадіи своего миѳологическаго развитія. Поэтому если веснѣ-матушкѣ приносятъ жертву, если она представляется ѣдущей на сохѣ, и ея образъ подъ видомъ «вясноўки» даже воспроизводится въ обрядовомъ дѣйствѣ, то весна можетъ также, повидимому, претендовать на особое мѣсто въ славянскомъ Олимпѣ. Ей, правда, нехватаетъ еще миѳа, но вотъ недавно на страницахъ Вѣстника Европы Фаминцынъ постарался прибавить этой богинѣ и недостававшій ей миѳъ[4]). Слѣдуя въ методологическомъ отношеніи за Шварцомъ и Куномъ, онъ выходитъ изъ предположенія, что обрядъ отражаетъ миѳъ и что отдѣльные эпизоды этого миѳа могутъ быть возсозданы изъ сопоставленія разныхъ разбросанныхъ въ обрядѣ и пѣснѣ подробностей. Къ такому методу достаточно, конечно, приложить немного фантазіи, и тогда по старой канвѣ античныхъ разсказовъ о богахъ

---

1) Три главы истор. поэтики *Ж. М. Н. Пр.* 1898, апрѣль—май, стр. 13 отд. оттиска.

2) Grimm, D. M. a. n., p. 882.

3) Uhland, Schriften III, s. 86.

4) Богиня Весны въ пѣсняхъ и обрядахъ славянъ. *Вѣстн. Евр.* 1895, іюнь и іюль.

можно развести какіе угодно миѳологическіе узоры. Богиня весны ожила подъ перомъ Фаминцына въ стройно установленномъ миѳѣ, и миѳъ этотъ, какъ и слѣдовало ожидать, оказался извѣстнымъ разсказомъ о Деметрѣ и Персефонѣ. Персефона — весна, и вотъ, когда она исчезаетъ, похищенная въ лѣтній зной подземнымъ богомъ, ей поется пѣсня, до сихъ поръ сохранившаяся въ Бѣлоруссіи:

Весна, весна, весняночка, идѣ твоя дочка Маряночка?
— Сидить у садочку, шъеть сыну сорочку [1]).

То же поется и въ малорусской веснянкѣ:

Ой весна, весна, да весняночка
Де твоя дочка, да паняночка.
Десь у садочку шие сорочку;
Шовкомъ по біллю да вишиває,
Своему милому пересилає:
Надівай іі що неділеньки,
Споминай же мене що годиноньки.
Шовкомъ я шила, а біллю рубила,
Жаль мені козака, що я полюбила [2]).

Что образъ весны, о дочери которой спрашиваетъ пѣсня, куда она скрылась, не случайный, а коренной въ пѣсенной литературѣ, показываютъ его многія параллели. Фаминцынъ привелъ нѣсколько аналогичныхъ пѣсенъ изъ купальскаго цикла:

— Купалночка,
Гдѣ твоя дочка?
— У городѣ красочки рве,
Красочки рве, вяночки вье,
Дѣвóчкамъ дае,
Сяей — таей по вяночку [3]).

1) Романовъ, Бсб. I, стр. 263, № 4; бѣл. русск. варіанты: Ibid № 1; Радченко, П. Гом. уѣзда. *З. И. Р. Г. О.* XIII, в. 2-й, стр. 2, № 2.
2) Чубинскій, Тр. III, стр. 113, № 4.
3) Б. Бп., стр. 35, № 67; *Вѣст. Евр.* 1895, іюнь, стр. 679.

Сюда же относится и одинъ чешскій варіантъ; рядомъ съ приведенными выше пѣсенными вопросами у весны, куда она дѣлась, Hanuš сообщаетъ одинъ моравскій варіантъ подобной пѣсни, можетъ быть сродный съ бѣлорусской пѣсенкой о Маряночкѣ:

— Ej Maria, ej Maria,
kdes tak dlouho byla?
— U studánky u ruděnky (?)
jsem se umývala
šátečkem, šátečkem jsem se utírala,
Zámečkem, zámečkem jsem se zamýkala [1]).

(«Эй Марія, эй Марія, Гдѣ ты такъ долго пребывала»? «У студенца, на лугу, я умывалась и т. д.» [2]).

Эти пѣсни Фаминцынъ сближаетъ съ одной стороны съ нѣсколькими купальскими пѣснями, гдѣ говорится объ Купалѣ, какъ похитителѣ дѣвушки на сушѣ или на водѣ, а съ другой съ извѣстнымъ также купальскимъ обрядомъ бросанья въ воду или сжиганья или похоронъ кудрявой березки или соломеннаго чучела, изображающаго женщину. Изъ этого сопоставленія, по его мнѣнію, оказывается, что, приносимая весною въ село въ видѣ «гостейки» [3]), славянская богиня весны исчезаетъ въ пору лѣтняго солнцестоянія, какъ древне-греческая Персефона, похищенная богомъ преисподней. Миѳъ о Деметрѣ и Персефонѣ лежитъ такимъ образомъ въ основѣ всей весенней и лѣтней обрядности [4]).

На первый взглядъ такое толкованіе можетъ показаться стройнымъ. Оно однако должно сильно поколебаться, если приглядѣться къ даннымъ обряда нѣсколько ближе.

Прежде всего вѣдь въ приведенныхъ выше русскихъ весеннихъ пѣсняхъ о куда-то запропастившейся дѣвушкѣ, она названа

---

1) Bájesl. kal. str. 127; Erben, P. a ř. str. 57.
2) Переводъ Фаминцына, *Вѣстн. Евр.* 1895, іюль, стр. 145.
3) Относительно «гостейки» см. ниже.
4) *Вѣстн. Евр.* 1895, іюнь, стр. 683—699.

дочерью весны, такъ что весна оказывается скорѣе Деметрой, чѣмъ Персефоной греческаго миѳа. Это первое затрудненіе. Его Фаминцынъ обходитъ, правда, указаніемъ на то, «что и Деметра, и Персефона, представляютъ собою только раздвоеніе идеи *одной* и той же богини плодородія, на мать и дочь, весною обусловливающихъ оживленіе природы и потому радостныхъ и блаженныхъ, а къ осени совершенно мѣняющихъ свой характеръ, дѣлающихся мрачными, гнѣвными, подземными богинями»[1]). Это, можетъ быть и такъ, но въ Купальской пѣсни дѣвушка названа уже дочерью того же самаго Купалы, который ее и похищаетъ. Нужно ли и тутъ предположить «раздвоеніе»? Фаминцынъ этого не говоритъ, и эту трудность обходитъ уже молчаніемъ.

Еще большія затрудненія возникаютъ при толкованіи самой купальской обрядности. Топится, сжигается или хоронится здѣсь не только дѣвушка (Марена, Кострома, Русалка)[2]), но какой-то мужской образъ (Купало, Кострубонько)[3]). А. Н. Веселовскій, изучавшій купальскую обрядность совсѣмъ съ другой точки зрѣнія, даже предполагаетъ, что именно мужское существо и должно было первоначально изображаться въ обрядѣ[4]). Далѣе женская фигура сама называется именемъ своего похитителя (Дзѣвкой Купалой, Купалочкой)[5]). Конечно, и эти колебанія обряда можно объяснять «самозабвеніемъ», но какъ тогда установить границу между «самозабвеніемъ» и «переживаніемъ»?

Миѳологическія толкованія народныхъ обрядовъ всегда неминуемо ведутъ къ слишкомъ произвольному ихъ пониманію,

---

1) Ibid., стр. 680.

2) Аѳанасьевъ, Поэт. Воззр. III, стр. 721; Чубинскій, Тр. III, стр. 193—195; Kolberg, Lud I str. 202; Сахаровъ, Сказ. II, стр. 207—216; Терещенко, Б. р. н. VI, стр. 191—195; ШВ., стр. 367 и слѣд.; *Зап. Общ. Арх. Ист. и Этн. при Каз. Унив.* X (1892), стр. 119—121.

3) Чубинскій, Тр. III, стр. 77; Головацкій, Нар. п. Уг. и Г. Р. II, стр. 185; Ž. Pauli, P. L. Rusk. I, стр. 21—22.

4) *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1894, № 2, стр. 313 и раньше Розыск. въ Обл. дух. ст. II, стр. 99—100.

5) Чубинскій Тр. III, стр. 195; Аѳанасьевъ, Поэт. Воззр. III, стр. 723.

всегда навязываютъ имъ такія особенности, которыхъ въ нихъ вовсе нѣтъ. И это вполнѣ понятно. Всякій миѳическій разсказъ всегда содержитъ въ себѣ цѣлый рядъ подробностей, безъ которыхъ теряется его главный смыслъ. Въ миѳѣ о Деметрѣ и Персефонѣ, напр., похититель непремѣнно долженъ быть Плутономъ, богомъ преисподней. На этой чертѣ миѳа зиждется все природное, основное его значеніе. Безъ него миѳъ теряетъ весь свой смыслъ. Ясное дѣло поэтому, что для теоріи Фаминцына совершенно необходимо, чтобы и нашъ Купало, играющій роль Плутона, оказался богомъ подземнаго міра. Но что же заставляетъ насъ думать, что это такъ? Доказательства этому, содержащіяся въ статьѣ Фаминцына, едва ли могутъ кого-нибудь убѣдить. «Подобно Плутону, говоритъ онъ, съ благодѣтельной, благопріятной для человѣка стороны его природы, онъ является подателемъ урожая, представителемъ богатства и изобилія. Купало также въ старинныхъ памятникахъ именуется богомъ *обилія и плодовъ земныхъ*. Купалу, по словамъ густинской лѣтописи, «безумніи за *обиліе* благодареніе приношаху въ то время, егда имяше настати жатва»... «Идолъ Купало, пишетъ Гизель, его же *бога плодовъ земныхъ* быти мняху и ему прелестью бѣсовскою омраченіи благодареніе и жертву *въ началѣ жнивъ* приношаху». Какъ представитель палящаго зноя и пёкла (подземнаго огня, по представленію жгущаго «травы и муравы» и древесные «подземные коренья»), Купало является въ купальскихъ пѣсняхъ подобно Плутону *похитителемъ* и *губителемъ* упомянутой выше паняночки»[1]). На основаніи такихъ общихъ доводовъ, можно бы съ одинаковымъ успѣхомъ признать Купало и солярнымъ богомъ, какъ это дѣлалось до сихъ поръ. Одинаково можно назвать его богомъ или духомъ растительности.

Гораздо правдоподобнѣе объяснился купальскій обрядовый обиходъ въ статьѣ А. Н. Веселовскаго[2]) изъ сопоставленія

1) *Вѣстн. Евр.* 1895, іюнь, стр. 682—683.

2) Гетеризмъ, Побратимство и Кумовство въ Купальской обрядности, *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1894, февраль, стр. 288—318.

его съ Адоніями. Тутъ мы не покидаемъ чисто обрядовой почвы и все время остаемся въ области тѣхъ же календарныхъ пріуроченій. Толкованію подвергаются также не отдѣльные эпизоды обряда и пѣсни, а весь купальскій циклъ со всѣми его особенностями, съ его гетеризмомъ и кумовствомъ, съ его христіанскими наслоеніями и широкой распространенностью по лицу всего европейскаго фольклора.

Вернемся однако къ пѣснѣ о Маряночкѣ, дочкѣ весны.

Схожія съ нею пѣсни купальскія представляютъ скорѣе аналогію пѣсеннаго замысла, чѣмъ являются ея варіантами. Купалочка, Аграфена купальница (23 іюня), и дочка ея такое же усугубленіе образа, какъ весна и ея дочь, паняночка. Купалочкина дочка въ саду вьетъ вѣнки, и назначеніе ихъ вполнѣ точно опредѣляется Купалочкой въ разговорѣ съ Иваничкой (24 іюня):

— «На што тебѣ красочки, Купалочка»?
Вянки вити, Иваничка,
Вяжисьскимъ дѣўкамъ, Иваничка:
Яны замужь пойдуть, Иваничька[1]).

Это вполнѣ въ пѣсенномъ стилѣ: праздникъ всегда совершаетъ въ пѣснѣ то, что въ это время дѣлаютъ люди или, что происходитъ въ природѣ; такъ и въ одной изъ весеннихъ варіантовъ разбираемаго типа поется:

Весна Дуньку кличе:
Дай, Дунька, ключи
Одомкнуць зямлицу, (bis)
Выпустить травицу
На раннее лѣто,
На буйное жито[2]).

1) Б. Бп., стр. 30, № 51; ср. Сумцовъ, Культ. Пережив., стр. 145.

2) Ш. М.с.зкр. I, в. 1-й, стр. 127, № 127; схоже съ приведенной выше чешской аналогичной пѣсней и моравской; Марену спрашиваютъ:

Mařena, Mařena,
Kdes ty kluče poděla?

Эта Дунька, конечно, — та же дочка весны. Въ весеннихъ пѣсняхъ — вопросахъ смыслъ менѣе ясенъ, но и тамъ дочка сидитъ въ саду, какъ и подобаетъ весной. Она шьетъ рубашку милому, что, конечно, только пѣсенный предлогъ заговорить о суженомъ, отвоевавшемъ себѣ, какъ мы это увидимъ, не маловажное мѣсто въ весеннихъ пѣсняхъ. Въ другихъ варіантахъ чтеніе испорчено: у дочки весняночки оказываются и у самой дѣти.

Пѣсни о дочкѣ весны такимъ образомъ просто составляютъ небольшой и небогатый обрядовымъ содержаніемъ циклъ обращеній къ олицетворенной веснѣ, не имѣющій прямого отношенія къ самому закликанію, но близкій ему по общему поэтическому замыслу. Никакихъ свѣдѣній о миѳѣ весенней богини въ нихъ не содержится. Олицетвореніе не поднялось въ немъ до высоты божескаго образа.

Послѣ неудавшейся попытки доискаться весенняго миѳа приходится поэтому только признать, что несмотря на усилія Фаминцына, богиня весны остается всетаки безъ миѳа, а отсюда естественно должно нѣсколько поколебаться и представленіе о ея культѣ. Оно пошатнется еще болѣе, если отбросить ту теорію, по которой всякое поэтическое олицетвореніе содержитъ въ себѣ зародышъ божескаго образа. Если въ чемъ-нибудь можно упрекнуть маститаго создателя германской миѳологіи, то именно въ преувеличеніяхъ, вытекающихъ изъ подобнаго взгляда. Еще Маннгардтъ въ предисловіи ко второму тому своихъ Wald- und Feldkulte замѣтилъ, что Гриммъ слишкомъ произвольно возводилъ въ боги олицетворенія, на которыя онъ натыкался въ поэзіи и обрядѣ (s. XI). Этимологія ни одного имени языческаго бога не открыла въ немъ подобной основы. Въ большинствѣ случаевъ происхожденіе боговъ затянуто непроницаемой тайной, и только послѣдующія наслоенія въ ихъ культѣ дѣ-

---

прив. у Václavek'a, Moravské Valašsko, d. I, str. 78; въ другой, также моравской, пѣснѣ Марену просятъ отдать ключи св. Юрью. Kulda, M. n. p. II, str. 295, Erben, l. c., № 57.

лаютъ изъ нихъ представителей той или иной силы природы. Когда человѣкъ приписываетъ явленіямъ внѣшней природы свойства чисто человѣческія, и этимъ создается то своеобразное міровоззрѣніе, которое теперь называютъ анимистическимъ, онъ дѣлаетъ это скорѣе въ отношеніи къ конкретнымъ предметамъ, чѣмъ къ общимъ отвлеченнымъ понятіямъ. Ихъ первобытный умъ научается называть только гораздо позже. На пути обозрѣнія весенней обрядности мы не разъ встрѣтимся съ олицетвореніемъ временъ года, праздниковъ, даже мѣсяцевъ. Они особенно распространены въ народныхъ играхъ, — но большинство изъ нихъ носитъ воочію характеръ поздняго, почти современнаго образованія.

Напротивъ, символизмъ перелетной птицы, представленіе о ней, какъ о магическомъ провозвѣстникѣ весны, какъ о носителѣ весеннихъ радостей и счастья вообще, даже судя по тѣмъ даннымъ, которыя собраны мною до сихъ поръ, отражаютъ старинное, укоренившееся религіозное представленіе. Обращеніе въ молитвенной пѣснѣ къ прилетѣвшимъ только что птицамъ можно признать поэтому болѣе устойчивымъ, чѣмъ обращеніе къ олицетворенному времени года. Всякій разъ, какъ мы встрѣтимъ подобное обращеніе и въ другого рода пѣсняхъ, оно будетъ также и хронологически и по типу примѣненія, носить печать глубокой древности. Мы уже видѣли, что птица — существо священное, почти обоготворяемое.

Рядомъ съ призывомъ весны и перелетныхъ птицъ въ разбираемой группѣ пѣсенъ стоятъ еще чисто христіанскія обращенія. Разсмотрѣніемъ ихъ я и закончу этотъ обзоръ. Они лучше всего наведутъ на пониманіе того, въ какомъ смыслѣ молитвенныя пѣсни могутъ быть признаны отраженіемъ древняго весенняго культа.

Дѣло въ томъ, что вполнѣ отчетливо молитвенное настреніе сказалось вовсе не въ пѣсняхъ, прямо пріуроченныхъ къ обряду «закликанія». Оно выразилось здѣсь только въ запѣвахъ, обращенныхъ къ христіанскому Богу. Цѣликомъ, все содержаніе

пѣсни оно заняло лишь въ веснянкахъ, совершенно независимыхъ отъ «закликанія», и опять-таки проникнутыхъ христіанскимъ міровоззрѣніемъ. Приподнять это церковное наслоеніе и заглянуть въ далекое прошлое до-христіанской старины только на основаніи этихъ ничтожныхъ намековъ поэтому нечего и думать. Они позволяютъ только подозрѣвать существованіе культа, но отнюдь не констатировать его. Какимъ богамъ и въ какомъ смыслѣ весною молились и «жрали жертвы» наши предки, при такихъ скудныхъ свѣдѣніяхъ объ языческой религіи славянъ, мы, конечно, знать не можемъ и объ этомъ было бы напрасно дѣлать предположенія и строить догадки. Только въ такомъ общемъ и строго ограниченномъ смыслѣ и можно говорить о молитвенномъ складѣ разбираемыхъ пѣсенъ.

Пѣсни, непосредственно связанныя съ самымъ «закликаніемъ» носятъ, напротивъ, характеръ не культа, а обряда. Онѣ указываютъ на религіозное отправленіе, совершающееся въ самой религіозно-хозяйственной общинѣ средствами, которыми она располагаетъ сама, независимо отъ болѣе широкой религіозной организаціи. Эти средства въ данномъ случаѣ сводятся къ особой разновидности *заклинанія или пѣсеннаго заговора*. Въ народномъ сознаніи заклинаніе и молитва, хотя и сосуществуютъ, но довольно отчетливо различаются. Вспомнимъ, что въ обѣихъ бѣлорусскихъ молитвенныхъ пѣсняхъ христіанскаго Бога просятъ допустить до «закликанія» весны, дозволить удачно совершить этотъ особый, имѣющій самостоятельное значеніе, обрядовый актъ. Къ такому пониманію разбираемаго обряда склонялся и Аѳанасьевъ [1]), когда вторично разсматривалъ его въ третьемъ томѣ своего огромнаго и цѣннаго труда, не всегда, какъ извѣстно, послѣдовательнаго и выдержаннаго на однихъ и тѣхъ же основныхъ принципахъ.

Молитва естественно обращается къ личности подателя благодати; она возможна только при отчетливомъ представле-

1) Поэт. Воззр. III, 689—690.

ніи о подобной личности, при вполнѣ опредѣленномъ представленіи о его свойствахъ и способностяхъ. Заклинаніе, напротивъ, выходитъ изъ условій самой жизни, изъ тѣхъ потребностей и пожеланій, которыя испытываются совершающимъ его человѣкомъ. Первобытный человѣкъ, вѣруя въ симпатическую силу слова и дѣйства, старается вызвать ими желательное ему явленіе; и поэтому въ формулѣ заклинанія ему не такъ важно упоминаніе имени и аттрибутовъ самого подателя всякихъ благъ, какъ перечисленіе того, что онъ собственно желаетъ. Логическій интересъ лежитъ именно на этомъ послѣднемъ. Вотъ почему при замѣнѣ одного представленія о богахъ другимъ, при принятіи новаго вѣроученія, отрицающаго старое, почти безъ измѣненія продолжаютъ жить въ обрядовомъ обиходѣ старые пріемы заклинанія и заговора. Только самый образъ стараго подателя благодати, конечно, долженъ со временемъ стереться и либо замѣниться новымъ, либо совсѣмъ исчезнуть. Въ пѣсенныхъ весеннихъ заклинаніяхъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, такъ именно и случилось. Сохранилась старая формула, и въ нее проникло слишкомъ общее безразличное въ религіозномъ отношеніи представленіе о веснѣ. Олицетвореніе есть только поэтическое выраженіе для этого общаго представленія. Равнымъ образомъ, когда бабы кладутъ весною на разосланныя красна или точи кусочки жертвеннаго приношенія, онѣ въ своей присказкѣ употребляютъ то же безразличное въ религіозномъ смыслѣ слово «весна-матушка». Если бы какой-нибудь святой въ ихъ міровоззрѣніи представлялся имъ покровителемъ ткацкаго ремесла, онѣ назвали бы его, и тогда эта наивная жертва естественно повысилась бы въ своемъ молитвенномъ значеніи.

II.

Въ приведенныхъ выше пѣсенкахъ преобладаетъ элементъ ожиданія. Весна еще не настала во всемъ своемъ блескѣ, ее

еще зовутъ, заклинаютъ. Правда, уже прилетѣли птицы, но онѣ лишь вѣстники весны, онѣ только что принесли ее съ собою. Ключи, которыми отмыкается земля и выпускаются на волю, и живая растительность, и роса, и теплое время, только что еще безшумно повернулись въ замкѣ. Принесены жертвы и спѣты молитвенныя пѣсни, чтобы снискать благоволеніе на самомъ рубежѣ новой поры, но въ самой природѣ проявились еще только кое-какіе признаки весенняго обновленія. И люди, и животныя, и хлѣба трепещутъ въ напряженномъ и полномъ надеждъ ожиданіи. Томительно тянется это переходное время, хотѣлось бы дружной, быстрой весны, а опа медлитъ, останавливается на своемъ пути, какъ будто въ раздумьи. Говорятъ даже, что мартъ нарочно, разсердившись на зазнавшагося человѣка, на зло ему занялъ нѣсколько дней у апрѣля[1]). Послѣ короткаго февраля этотъ мѣсяцъ кажется такимъ длиннымъ. Какъ-то ужъ слишкомъ растянулся и великій постъ. Но мартъ, конечно, напрасно храбрится; будь онъ не рядомъ съ благодѣтельнымъ апрѣлемъ, онъ, пожалуй, могъ бы уничтожить весь скотъ и въ конецъ измучить людей; но апрѣль уже на дворѣ. Озими ожили, земля вздохнула, на деревьяхъ появилась листва, на лугу замелькали первые цвѣты (фіалки). Быстро вслѣдъ за ними станутъ цвѣсти и жимолость и боярышникъ, зацвѣтутъ и береза, и липа. Скоро вся природа пріодѣнется въ свой привѣтливый, совсѣмъ свѣжій нарядъ. Тогда, наконецъ, скажетъ весна свое послѣднее слово, какъ пора переходная, подготовительная, какъ *пролѣтье;* немудрено поэтому, что этотъ конечный моментъ весенняго расцвѣта природы чествуется особенно торжественно.

Весело, шумно, въ самодовольной радости справятся обряды, относящіеся къ этому второму и главному циклу весеннихъ об-

---

1) Кавказская легенда: Дубровинъ, Ист. войны и влад. русскихъ на Кавказѣ I,1, стр. 276. Отраженіе той же легенды можно видѣть въ народныхъ англійскихъ стишкахъ о «borrowing days» или «blind days». W. Henderson, F. l. of the North. Caunties, p. 94—95.

рядовъ. Тутъ уже нѣтъ конца пѣснямъ, пляскамъ, играмъ. Поэтому даже въ то время, когда человѣкъ совсѣмъ уже осмѣлился передъ природой и пересталъ больше дорожить дѣловой стороной обрядоваго обихода, этотъ циклъ его онъ будетъ всетаки соблюдать ради него самого, какъ забаву, какъ праздничное развлеченіе. Разгульный характеръ циклъ этотъ имѣлъ и искони, потому что, когда и повеселиться человѣку, какъ не въ это время, наконецъ наставшее послѣ великопостнаго затишья и томленія. Изстари въ высшій моментъ весенняго расцвѣта было мѣсто и простымъ играмъ и забавамъ. Онѣ то сплетались съ основнымъ хозяйственно-религіознымъ обрядовымъ дѣйствіемъ, то раздавались рядомъ съ нимъ, заканчивая его своимъ болѣе свободнымъ и непосредственнымъ весельемъ.

Остановимся покамѣстъ только на томъ, что заключается серіознаго, дѣлового въ этомъ циклѣ пѣсенъ и связанныхъ съ ними обрядовъ, въ чемъ проявилось отраженіе той или иной религіозной мысли.

«Лѣтъ за десять передъ симъ», писалъ въ началѣ этого вѣка Успенскій, «многократно случалось и мнѣ въ нѣкоторыхъ великороссійскихъ городахъ и селеніяхъ видѣть, какъ возвращавшіяся изъ лѣсу толпы черни, предводимыя плясунами и плясуньями, имѣвшими въ рукахъ довольной величины зеленыя вѣтви, при странномъ крикѣ пѣсенъ подъ вечеръ, особливо въ день Св. Троицы, входили въ городъ или селеніе» [1]). Въ этомъ описаніи мы имѣемъ дѣло съ обычаемъ, широко распространеннымъ нѣкогда въ западно-европейскомъ обрядовомъ обиходѣ. У романскихъ народовъ онъ пріуроченъ къ 1-му мая. Одинъ рыцарскій романъ конца XII в. даетъ его подробное описаніе:

Tuit li citoien s'en issirent
Mie nuit por aler au bos.

---

1) Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ, изд. 1818 года, ч. I, стр. 415, прим. прив. у проф. Владимірова, Введ. въ ист. русск. литер., стр. 103. Ср. Терещенко, Бытъ русск. нар. VI, стр. 141.

La cité en avoit le los
D'estre toz jors mout deduianz.
Au matin, quant li jors fu granz,
Et il aporterent lor mai,
Tuit chargié de flors et de glai
Et de rainsiaus verz et foilluz:
Onc si biaus mais ne fu veüz
De gieus, de flors et de verdure;
Parmi la cité a droiture
Le vont a grant joie portant,
E dui damoisel vont chantant:

'Tout la gieus sor rive mer,
Compaignon, or dou chanter.
Dames i o'n)t bauz levez:
  Mout en ai le cuer gai.
Compaignon, or dou chanter
  En l'onor de mai'.

Qant il l'orent bien porchanté,
Es soliers amont l'ont porté,
Et mis hors parmi les fenestres,
Dont ont enbeliz toz les estres;
Et getent partot herbe e flor
Sur le pavement, por l'onor
Du haut jor et doi haut concire.
Qui la fu, il pot mout bien dire
C'onques, en lieu ou il alast,
Ne vist tant richece a gast
Aler, com il a la alé;
Les rues de lonc et de lé
Sont portendues de cortines;
De cendaus, de penes hermines,
De baudequins, de ciglatons,
Ont toz les pignos des mesons
Fet par richece encortiner;

L'en n'i pooit nul lieu trover
Nule part se richece non[1]).

(«Въ полночь всѣ жители вышли за городъ въ лѣсъ; великое веселіе наступило послѣ этого въ городѣ; они вернулись утромъ, когда совсѣмъ разсвѣло, неся съ собой «Май», нагруженные цвѣтами, душистыми травами и зелеными, густо покрытыми листвой, вѣтками. Никогда не было «Мая» красивѣе этого! столько было цвѣтовъ и зелени. Радостно несли они его прямо посреди города. Двое молодыхъ людей пѣли пѣсню:

Тамъ на морскомъ берегу,
Друзья, какъ сладко пѣть!
Дамы устроили балъ,
Радостно сердце мое!
Друзья, какъ сладко пѣть
Во славу Мая!

Когда они воспѣли должнымъ образомъ май, они внесли наверхъ на крыши домовъ майскія вѣтви и выставили ихъ между окнами. Этимъ они украсили все кругомъ. И стали они повсюду на мостовую бросать траву и цвѣты въ честь великаго дня и великой радости. Всякій, кто тутъ присутствовалъ, могъ бы сказать, что нигдѣ не видѣлъ онъ столько щедрой рукой разбросаннаго богатства. Улицы вдоль и поперекъ были убраны куртинами. Роскошно развѣшаны были на щипцахъ домовъ кисейныя ткани, горностаевые мѣха, балдахины изъ дорогихъ матерій. Повсюду въ глаза бросалось богатство»).

Подобное же, но только нѣсколько болѣе скромное описаніе майскаго обряда встрѣчается и въ одной лирической старо-французской пѣснѣ XIII в., принадлежащей пикарскому труверу Willaume li Viniers:

Le premier jor de mai
dou dous tans cointe et gai,

1) Guillaume de Dôle ed. Servois vers 4142—4178, pp. 125—126.

cbevalchai
entre Arras et Douai.
dous touses encontrai:
flors et glai
et mai portent a foison
et chantent un novel son
d'un dous lai
'dorenlot! deus or haes,
j'amerai'.

— * —

Lors me deschevauchai
vers eles m'aprochai
sans delai.
errant les saluai,
a eles m'acointai:
enquis ai
coment chascune ot a non.
puis me mis en lor chancon,
si chantai
'dorenlot! deus or haes,
j'amerai'.

— * —

Que qu'aliens juant
et joie demenant
et chantant,
vi d'antre part venant
un grant tropiau de gent
flahutant,
de foille et de'mai chargie.
vers nos se sont aprochie
maintenant.
'derenlot des or haes,
je l'aim tant'.

---

1) Raynaud. Bibl., № 87, Bartsch, Rom. u. Past., III, 29.

(«Въ первый день мая, въ эту сладкую пору, тихую и веселую, разсказываетъ поэтъ, я ѣхалъ верхомъ между Аррасомъ и Дуэ. Мнѣ встрѣтились двѣ дѣвушки, онѣ несли май, цвѣтовъ и душистой травы въ изобиліи и пѣли новенькую пѣсню, сладостный лэ:

'доренло! съ этой поры
я полюблю!'

Тогда я слѣзъ съ лошади и сейчасъ же подошелъ къ нимъ. Я на ходу поклонился, присосѣдился къ нимъ и спросилъ, какъ ихъ звать по имени. Потомъ и я принялъ участіе въ ихъ пѣснѣ и также сталъ пѣть:

доренло! съ этой поры
я полюблю!

Пока мы такъ шли, веселясь и рѣзвясь и напѣвая пѣсни, я увидѣлъ большую толпу людей. Они шли съ другой стороны, играя на волынкѣ, покрытые маемъ»)...

Обычай идти 1-го мая спозаранку въ лѣсъ, вырубить май, набрать цвѣтовъ и свѣжихъ вѣтокъ и внести ихъ торжественно съ пѣснями въ село или городъ, упоминается даже въ дѣловыхъ актахъ средневѣковой Франціи. Такъ, въ хартіи, по которой Enguerrand de Coussi въ XIII вѣкѣ уступалъ жителямъ города Фэръ свои сюзеренныя права, онъ разрѣшаетъ имъ между прочимъ рубить май въ своихъ лѣсахъ и приносить его въ городъ[1]). Напротивъ, Людовикъ Святой въ хартіи, данной монахамъ одного монастыря, запрещаетъ кому бы то ни было рубить май въ принадлежащихъ монастырю рощахъ[2]). Отъ XIV и XV вѣковъ подобныхъ извѣстій сохранилось уже цѣлое множество. Въ одной

---

1) «Si les hommes et femmes de la Paix vont le jour de May, querir le May, dans aucun bois de nostre seignorie: apporter le pourront sans forfait». La Fere par M° Sebastian Roulliard. A Paris, 1627, p. 52. Актъ относится, по мнѣнію издателя, къ 1207 году. Ibid, p. 7. [Bibl. Nation. L⁷ k. 3287].

2) ...«ne quis nemora praedictorum fratrum intrare praesum at occasione consuetudinis, quae Maium dicitur, quae re vera potius est corruptela». Charta S. Ludovici ann. 1257, Arch. Nation. JJ. Reg. 30 Chartof. reg. ch. 525. Оба извѣстія см. у Godefroi, Dict. de l'anc. français подъ словами «mai» и у du Cange'a, Dict. m. et inf. lat. IV, p. 198.

хартіи 1478-го года, приведенной у Дю-Канжа, напр., разсказывается: «Слѣдуя этому обычаю и обряду... послѣ ранней обѣдни они пошли съ аттрибутами своего ремесла и со знаменемъ, которое они устраиваютъ при помощи полотенца или головного платка, внести май, какъ требовалъ обычай» [1]).

Еще въ XVI в. обрядъ внесенія майскаго дерева въ городъ или деревню былъ широко распространенъ во Франціи. Клерки Парижскаго парламента, извѣстные своими сценическими представленіями (Basochiens), каждое 1-е мая устраивали торжественную процессію и ставили майское дерево передъ зданіемъ суда [2]). Иллюстрированные календари того времени на виньеткѣ, представляющей май мѣсяцъ, зачастую изображаютъ подобное внесеніе мая [3]). Такой рисунокъ находится, напримѣръ, въ знаменитомъ своими артистическими миніатюрами часословѣ Anne de Bretagne, жены Карла VIII, и послѣ Людовика XII [4]). На картинкѣ другого календаря, также изображающей май, представлена вся процессія, везущая майское дерево: это — огромный столбъ, убранный лентами и другими украшеніями. Онъ установленъ на большой телѣгѣ, которую тащитъ нѣсколько паръ воловъ при веселыхъ крикахъ народа, окружающаго шествіе [5]).

Въ нашемъ вѣкѣ отъ этого стараго праздничнаго обряда, какъ и отъ многихъ другихъ, остались только рѣдкіе и незначительные слѣды. Только въ немногихъ глухихъ углахъ Франціи народъ помнитъ о своихъ старыхъ традиціонныхъ забавахъ. Обрядъ внесенія мая сохранился, напр., въ нѣсколько своеобразномъ видѣ на среднемъ теченіи Луары. Въ Бозакѣ, въ Ретурнагэ, въ Шамальерѣ и въ Верэ молодежь наканунѣ 1-го мая

---

1) Дю-Канжъ, l. c., тоже у Mannhardt'a W. u. k. I, s. 161, примѣч. 1-е и 2-е.

2) Guéchot, Les fêtes populaires, p. 45; Cortet, Essai sur les fêtes relig. p. 158; *R. de tr. p.* IV, 1889, pp. 262—263.

3) *Lecoy de la Marche,* Les Man. et la Min. p. 221.

4) Champier, Les Anc. Alm. et cal. illustrés, p. 30.

5) Ibid, p. 28; тоже въ *R. de Tr. p.* IV (1889), p. 258.

ставитъ у входа въ деревню сосну и пляшетъ вокругъ нея. При этомъ поется и пѣсня:

Maye es venu, maye es tourna
A noustre porta s'es posa и т. д. [1])

(«Наступилъ май, май вернулся, онъ стоитъ у нашей двери»). Одинаково сохранился этотъ обрядъ около Меца, около Бордо и въ Провансѣ [2]).

Итальянскія майскія празднества извѣстны съ XIV в. На одномъ изъ нихъ во Флоренціи, по словамъ Боккаччьо, девятилѣтній Данте Алегіери увидѣлъ впервые свою Беатриче, тогда еще семилѣтнюю дѣвочку [3]). Эти праздники также справлялись внесеніемъ въ городъ или деревню майскаго дерева. Въ XVII и XVIII вѣкахъ подобный обрядъ имѣлъ мѣсто въ Римѣ, въ Перуджіи, во Флоренціи, въ Болоньи и около Падуи [4]). Только Сицилія не знала этого обычая. Здѣсь май замѣненъ цвѣтами. Въ обычной формѣ внесеніе мая справляло одно пришлое населеніе [5]). Если судить по слѣдующему отзыву одного средневѣковаго акта, такъ же, какъ и во Франціи, обряду внесенія майскаго дерева придавали и въ Италии значеніе чего то серіознаго. «Prima die maji cuidam emphyteusin ab orphanis Lucensibus habenti id onus incumbit, ut ad eos arborem majalem deferat, non paucis taeniis ornatam annexis tribus frumenti spiciis; si istac abessent emphyteuta a beneficiis possessione statim decideret» [6]), читаемъ мы въ одномъ актѣ.

---

1) Smith въ *Rom.* II, p. 65.

2) Puymaigre, Le Pays Messin. p. 448; De Nore, Coutumes, mythes et trad. p. 137; Bérenger-Féraud, Superstitions et survivances V, p. 308—309.

3) Vita di Dante p. ed Macri-Leone. Firenze 1888. Разсказъ Боккаччьо обыкновенно считается вымысломъ (Scartazzini. Dantologia 1894 2da ed. p. 75 и А. Н. Веселовскій, Боккаччіо, его среда, сверстники. Спб., 1894, II, стр. 293), что для моихъ цѣлей, конечно, безразлично.

4) Rezasco Maggio, pp. 15—16, 18—21, 43—46, 35.

5) Pitrè, Spettacoli e feste pop. siciliane, p. 253—255. Rezasco, ibid., p. 23—27.

6) Muratori Antiquit. III, p. 187, Grimm Recht alterth. 361 приведено у Маннгардта Wald- und Feldkulte I, S. 171—172.

Нѣсколько болѣе похоже на разсказъ романа Guillaume de Dôle представленъ обрядъ внесенія мая у Полидора Виргилія: «Est consuetudinis, ut juventus promiscui sexus laetabunda Cal. Maji exeat in agros, et cantitans inde virides reportet arborum ramos, eosque ante domorum fores ponat, et denique unusquisque eo die aliquid viridis ramusculi vel herbae ferat; quod ne fecisse poena est, praesertim apud Italos» [1]).

Тотъ же обрядъ на 1-е мая въ Англіи носитъ искони названіе «to go a maying». Самое раннее свидѣтельство о его соблюденіи находится еще въ одномъ изъ Чоусеровскихъ, Кентерберійскихъ разсказовъ: въ «Разсказѣ Рыцаря» Тезей идетъ «a maying» со своей молодой супругой, королевей амазонокъ [2]). Въ другомъ романѣ уже конца XV в., который однако долго приписывали также Чоусеру, «The Court of Love», изображается королевскій дворъ справляющимъ обрядъ на разсвѣтѣ 1-го мая:

Thus sang they al the service of the feste
And that was done right erly to my dome,
And forth goth al the courte, both most and lest,
To fetche the flouris fresh, and braunch and blome,
And namely hauthorn brought both page and grome,
With fresh garlantis partly blew and white
And than rejoysin in ther grete delite.

— * —

Eke ech at othir threwe the flouris bright
The Prymrosa, the violete and the gold... [3])

---

1) De invent. rerum. 5,2, приведено у Grimm'a D. M. a. п. стр. 781.

2) The Knightes Tale ed. Skeat (Clar. press) Oxford 1893, стихи: 188—189, 641, 815—819 ср. *Folk-Lore Rec.* II (1878), p. 158.

3) Объ романѣ Court of Love см. замѣчаніе Скита въ The Student's Chaucer ed. W. W. Skeat, Oxford. 1895 pp. XVII—XVIII. Этотъ отрывокъ вообще приводился довольно часто, что естественно происходило изъ желанія опереться, на свидѣтельство автора Кентерберійскихъ Разсказовъ. Ср. напр., у Стороженка Предшественники Шекспира, Спб., 1872, прим., стр. 2; Walsh Popular Customs p. 684; привожу по изданію John'a Urry. The works of G. Chaucer, London, 1714, fol. p. 571 стихи 1430—1440.

(«Такъ отпѣли они всѣ праздничную службу, и это, я полагаю, было скоро сдѣлано. И (тогда) весь дворъ, и важные и не важные, отправились за свѣжими цвѣтами и зелеными, цвѣтущими вѣтками; и главнымъ образомъ бояршникъ приносили пажи и служители, вмѣстѣ съ бѣлыми и голубыми гирляндами; а послѣ этого въ великой радости стали они бросать другъ въ друга цвѣтами, бѣлой буковицей, фіалками и златоцвѣтомъ»).

Отъ XVI и XVII вв. примѣры упоминанія майскаго обряда становятся болѣе частыми [1]). Его описываетъ, напримѣръ, Спенсеръ устами пастуха Полидора въ майской эклогѣ своего Пастушескаго календаря:

Yougthes folke now flocken in every where,
To gather May bus-kets and smelling brere:
And home they hasten the postes to dight,
And all the kirke pillours eare day light,
With Hawthorne buds, and swete Eglantine,
And girlonds of roses, and Sopps in wine. [2])

(«Молодежь сходится теперь повсюду, чтобы идти набрать майскихъ вѣточекъ и пахучаго терновника; и (потомъ) торопится украсить до свѣта межевые столбы и всѣ церковныя коллонады чуть распустившимся бояршникомъ, нѣжнымъ пахучимъ шиповникомъ и вѣнками изъ розъ и гвоздики»).

Англичане были какъ-то особенно привязаны къ исполненію майскаго обряда: Шекспиръ употреблялъ выраженіе «Заставить проспать утро 1-го мая» для обозначенія чего-то совершенно не-

---

1) Особенно часто расказывается этотъ обрядъ въ пастушескихъ произведеніяхъ XVI и XVII вѣковъ, напр., въ «Аркадіи» Филиппа Сиднея (Complete Poems ed. Grosard 2 v. London, 1873, Strephon and Klaius, 50) въ Britania's Pastorals Брауна II, p. 122, (изд. 1625), у Barnfield'а въ Affectinate Shepherd XXX, 2-nd part (Ruxburne Club edition). См. особенно въ изданіи K. Chambers'а English Pastorals. London, 1895. Другіе примѣры см. у Brand'а Pop. Ant. I, p. 239—244.

2) Shepheards Calender, ed. C. H. Herford, London. 1895, p. 35.

достижимаго[1]). 1-е мая считалось въ до кромвелевское время праздникомъ узаконеннымъ, важнымъ: даже учениковъ Итонской школы освобождали въ этотъ день отъ уроковъ и отпускали идти «а maying»[2]). Лондонцы всѣхъ сословій и состояній отправлялись поутру за городъ. Каждый приходъ ходилъ отдѣльно, а иногда и нѣсколько вмѣстѣ. Изъ деревни приносили зелень, цвѣты и везли торжественно на колесницѣ, запряженной шестью парами воловъ, майское дерево или майскій столбъ (may-pole)[3]). Цѣлый рядъ этихъ деревьевъ украшалъ на 1-е мая Стрэндъ[4]). Приходы соперничали другъ съ другомъ въ великолѣпіи своихъ may-poles. Это были раскрашенные въ разные цвѣта высокіе столбы, убранные флагами, лентами и гирляндами цвѣтовъ. Обыкновенно они служили нѣсколько лѣтъ сряду и сохранялись вмѣстѣ съ церковными предметами. Ихъ изображенія сохранились и на гравюрахъ того времени[5]). Пуританинъ Стäббсъ, котораго нелестный и, конечно, несправедливый отзывъ объ обычаѣ «to go a maying» я приведу нѣсколько ниже, даетъ намъ и описаніе ненавистнаго ему «идола»: «Берется двадцать или сорокъ паръ воловъ съ букетами цвѣтовъ на рогахъ, и эти волы тащатъ домой майское дерево (или скорѣе вонючій идолъ), весь покрытый цвѣтами и травами, сверху до низу обвязанный кругомъ веревками и иногда раскрашенный различными красками. Двѣсти или триста мужчинъ, женщинъ и дѣтей слѣдуетъ за нимъ съ большимъ благоговѣніемъ»[6]).

Конецъ майскимъ деревьямъ пришелъ, когда пуританская проповѣдь направила и противъ нихъ свое суровое обличеніе.

1) Henry VIII, V, 3 стихи 11—13; Шекспиръ довольно часто намекаетъ на майскій праздникъ и майскіе обряды; см. объ этомъ у Dyer'a Folk-Lore of Sh., pp. 287—289; см. также мою статью May-festivals in Sh. въ *Transactions of the Anglo-russian lit. society*, 1894, № 6.

2) Brand-Ellis Pop. Ant. I, p. 217; Dyer Br. pop. cust. 284.

3) Brand-Ellis l. c., p. 215.

4) Ibid., p. 231.

5) Подобныя описанія собраны Маннгардтомъ W. u. Fk. I, s. 175—177; изображенія: Brand-Ellis, l. c. I title-page; Chambers Book of. Days. London. 1864, I, p. 572 & 575—576; Hone Every-day book London, 1864, pp. 297 & 336.

6) Brand-Ellis, l. c. p. 234—235.

Пуритане стали даже называть эти невинныя забавы не совсѣмъ подходящимъ словомъ: идолопоклонство. «Какъ ведутъ себя, восклицаетъ одинъ писатель того времени, наши парни и дѣвушки, когда они, вставъ рано утромъ, отправляются плясать на лужекъ! Какихъ только глупыхъ шутокъ у нихъ не насмотришься! Какія только нарушающіе цѣломудріе поступки они ни совершаютъ! ...Отъ этихъ плясокъ не одна дѣвушка лишилась невинности; я готовъ ихъ назвать разведеніемъ и складомъ незаконныхъ рожденій. Ну, что производитъ наша молодежь въ маѣ! Развѣ они не дожидаются темной ночи, чтобы красть молодыя деревца на чужой землѣ и приносить ихъ домой въ свой приходъ, подъ предводительствомъ наемныхъ музыкантовъ? А когда они уставятъ ихъ, они покрываютъ ихъ цвѣтами и гирляндами и пляшутъ вокругъ дерева»[1]). Такимъ же негодованіемъ исполнено часто приводимое по поводу обряда 1-го мая замѣчаніе другого пуританскаго писателя XVI в. Филиппа Стäбса[2]): «ко времени мая, пишетъ онъ, жители каждаго прихода или деревни собираются всѣ вмѣстѣ, мужчины, женщины, дѣти, старые и молодые, всѣ безъ разбора; они идутъ всей гурьбой или отдѣльными кучками, одни въ лѣса и рощи, другіе въ горы и холмы, одни въ одно мѣсто, другіе въ другое, проводятъ всю ночь въ развлеченіяхъ и утромъ возвращаются, неся съ собою березки, и вѣтви деревьевъ, чтобы украсить ими свои собранія. Я слышалъ, какъ мнѣ передавали (viva voce), изъ достовѣрнаго источника и отъ людей серьезныхъ, заслуживающихъ довѣрія и съ вполнѣ установленной репутаціей, что на сорокъ или шестдесятъ или сто дѣвушекъ, которыя ходятъ ночью въ лѣсъ, едва ли третья часть возвращается домой, не потерявши невинность». Майскія деревья стали въ глазахъ пуританъ даже символомъ папизма, извращеннаго и порочнаго взгляда на жизнь[3]). Подъ вліяніемъ

1) Collier's Northbrooke's Treatise, 1577, p. 176; прив. въ *Folk-Lore Record* II (1878), p. 199.

2) Anatomy of Abuses. 1585, f. 94; пр. у Strutt Sports & Past., p. 352—353; Brand-Ellis. Pop. Ant. I, p. 213.

3) Ibid., I, p. 236 etc.

такой точки зрѣнія въ 1644 г. они были запрещены Долгимъ Парламентомъ вмѣстѣ съ театральными зрѣлищами. Пуританская проповѣдь заставила ихъ, впрочемъ, почти исчезнуть къ этому времени; еще въ 1634 г. одна анти-пуританская поэма оплакиваетъ ихъ исчезновеніе:

Happy the age, and harmless were the dayes,
(For then true love and amity was found)
When every village did a May-pole raise.....

Alas, poore Mäy-poles! what should be the cause
That you were almost banish't from the earth?
Who never were rebellious to the lowes [1]);

(«Счастливо было то время и невинны были дни (потому что тогда были, и настоящая любовь, и настоящая дружба), когда каждое село воздвигало майское дерево... Увы, бѣдныя майскія деревья! изъ-за чего вы почти изгнаны съ лица земли, вы, которыя никогда не возставали противъ законовъ!»)

Разгульная и снисходительная къ человѣческимъ слабостямъ реставрація послѣднихъ Стюартовъ однако возстановила и этотъ обычай старой веселой Англіи. Майскія деревья вновь украсили Лондонъ и прочіе города зеленаго острова.

Въ сельскихъ округахъ, рядомъ съ торжественнымъ майскимъ столбомъ сохранилась даже до начала этого вѣка и болѣе примитивная форма этого обряда, напоминающая ту, которую изображаютъ французскій романъ Guillaume de Dôle. Въ Корнвалисѣ, напр., слово «May» есть существительное собирательное. Оно обозначаетъ, вообще, свѣжія вѣтки терновника и другихъ кустарниковъ, за которыми дѣти бѣгутъ спозаранку 1-го мая [2]). Эти путешествія въ лѣса за свѣжими вѣтками и соотвѣтствуютъ всего лучше старому термину «to go a maying». Иногда они превращаются и въ простые пикники, до которыхъ очень охочи

1) Приведено у Brand-Ellis'a, l. c. I, p. 239—240.
2) Dyer, l. c., p. 235 и 239—240 (Hertfordshire).

англійскія семьи. Тогда праздникъ сводится просто къ забавамъ по возможности на лонѣ природы [1]).

Извѣстія о внесеніи майскаго дерева въ Германіи приблизительно также древни, какъ и во Франціи [2]). Въ XVI в. въ городахъ: Франкфуртѣ, Кёльнѣ, Зигбурнѣ и др. этотъ обычай былъ въ полной силѣ [3]). Въ Франкфуртѣ разукрашенный май возвышался на Römer platz'ѣ противъ Ратуши [4]). Назывался обычай ходить весной за городъ въ лѣсъ и приносить оттуда зелень — Grünes holen, а самый праздникъ Holzfahrttag; гораздо чаще, однако, самое дерево зовется, какъ и у прочихъ европейскихъ народовъ, Маемъ: Maibaum. Наименованіе это широко распространено несмотря на то, что самъ обрядъ въ Германіи производился не только на 1-е мая. Во множествѣ мѣстностей въ Германіи, какъ мы сейчасъ увидимъ, его искони соблюдали и на Духовъ день [5]).

Со второй половины XVII вѣка, отчасти подъ вліяніемъ протестантской проповѣди, болѣе ретиво преслѣдовавшей народныя повѣрья и традиціи, чѣмъ католицизмъ, а отчасти изъ вполнѣ понятнаго стремленія оберечь лѣса отъ опустошительныхъ набѣговъ приверженцевъ этого обряда, онъ вызываетъ, какъ и въ Англіи, запрещеніе со стороны властей [6]). Власти перестаютъ думать, что, какъ выражается старая народная пѣсня,

dem rîchen Walde lutzel schadet,
ob sich ein man mit holze ladet [7]).

---

1) Ibid., pp. 236, 237 etc.

2) Mannhardt, W. u. Fk. I, s. 161 прим. и 170 прим. сообщаетъ по Kaufmann'у Caesarius v. Heisterbach. Cöln 1862, s. 190, 120 Anm. о майскомъ деревѣ въ Ахенѣ въ 1225 году.

3) Mannhardt, l. c., s. 161, прим. 1-ое: Kriegk, Deutsch. Bürgerth s. 451, Hüllman, Deutsches Städtwesen IV, s. 171, *Am Urquell* V, s. 111.

4) Mannhardt, l. c., s. 167 прим.; Kriegk, l. c., s. 452.

5) Интересно въ этомъ отношеніи названіе Pfingstmaie (Тюрингія) Sommer, s. 151—152.

6) Объ этомъ см. *Germania* V, 281; Uhland, Schriften, III Bd. «Sommer und Winter».

7) Uhland, l. c. 59, прим.

(«Мало порчи богатому лѣсу, если одинъ человѣкъ нагрузитъ себя зелеными вѣтвями»).

Въ 1659 г. обрядъ украшенія зеленью запрещается формально въ Швейцаріи (въ Винтертурѣ [1]). Въ 1665 г. его стараются прекратить и въ Ревелѣ [2]). Въ Швабіи еще въ 1802 г. произносится такое же воспрещеніе [3]). И повторять его до нашего вѣка было дѣйствительно необходимо: майскій обрядъ удержался въ Германіи, въ полной силѣ до сихъ поръ; онъ тутъ гораздо устойчивѣе, чѣмъ, напримѣръ, во Франціи и Италіи, гдѣ слѣды его такъ рѣдки. Маннгардтъ собралъ множество извѣстій о соблюденіи этого обряда въ разныхъ концахъ современной Германіи [4]). Въ Швабіи, Верхней Баваріи, Западной Богеміи, Ольденбургѣ, Эйфлѣ, Фойгтландѣ и въ Рейнской провинціи на Духовъ день ставится въ каждой общинѣ высокій столбъ, на верхушкѣ котораго оставляется иногда немного зелени; этотъ столбъ раскрашивается и увѣшивается лентами, флагами, гирляндами и цвѣтами [5]). Его везутъ въ торжественной процессіи изъ лѣсу въ деревню. Иногда, чтобы привезти это дерево, надо было нѣсколько телѣгъ и нѣсколько паръ лошадей или воловъ. За деревомъ слѣдовала музыка и деревенская молодежь въ праздничномъ платьѣ. То же производится и на Майнѣ (Frankenland) около Бромберга [6]). Иногда дерево обвѣшивается разной снѣдью, яйцами, пряниками, даже бутылками съ разными напитками. Около майскаго дерева

1) Troll, Gesch. von Winterthur III, 188 у Mannhardt'a l. c., s. 161, прим.

2) Pabst, Der Maigraf, s.

3) Birlinger, Aus Schwaben, s. 91.

4) W. u. F. k. I, s. 168 и пр. 171 и 178.

5) Meier, Schwäb. Sagen 396,74; *Bavaria* I (1860), s. 378; Habermann, Aus d. Vl. d. Egerlandes, s. 82. (Здѣсь этотъ обычай носитъ названіе «Henkengehn»); Strackerjan Abergl. и Sagen aus Oldenb. II, 47 § 317; Köhler Volksbrauch s. 175,5 u. 177,9 послѣднія свид. у Mannh. l. c., s. 168 Anm. Особенно торжественно обрядъ производится въ Budjadinger'ѣ и его окрестностяхъ (Ольденбургъ); *Am Urquell* IV (1893), s. 237—238.

6) Здѣсь только украшается уже находящаяся около деревни липа или осина. Ее окружаютъ помостомъ и украшаютъ лентами, и здѣсь происходятъ танцы съ зелеными вѣтками въ рукахъ. Halm, Skizzen aus dem Frankenlande, s. 76.

обыкновенно происходятъ танцы, съ которыми намъ еще придется познакомиться. Кое-гдѣ этотъ особенный видъ майскаго дерева — столба (Maistange) вызываетъ и своеобразный родъ развлеченія: парни лазаютъ на него, чтобы достать какую-нибудь цѣнную вещь и какое-нибудь лакомство, повѣшенное на самой верхушкѣ [1]).

Рядомъ съ этимъ видомъ майскаго дерева сохранились въ Германіи и болѣе примитивныя березки, которыми украшаются дома, комнаты, скотные дворы, церкви и пр. Въ восточной Пруссіи до сихъ поръ молодежь ходитъ въ лѣсъ запастись спозаранку свѣжей зеленью для весенняго убранства. Обрядъ подобнаго внесенія зелени и украшенія ею домовъ отмѣченъ на нижнемъ теченіи Рейна, въ Мекленбургѣ, въ Бранденбургской Маркѣ, въ Шлезвигѣ и въ Гольштиніи [2]).

Кромѣ 1-го мая и Духова дня подобное внесеніе дерева производится въ Германіи иногда и гораздо раньше на Масляницу или на воскресенье четвертой недѣли великаго поста (Laetare). На Мозелѣ и въ Швабіи бабы имѣли право каждый годъ на Масляницу вырубить дерево въ общественномъ лѣсу, принести въ деревню и продать [3]). Внесеніе дерева въ Эйзенахѣ связано съ представленіемъ извѣстнаго спора зимы и лѣта; съ самой этой игрой мы еще будемъ имѣть случай ознакомиться; обыкновенно она происходитъ именно на масляницу и въ первую половину великаго поста. Олицетворенная зима въ видѣ соломенной куклы выбрасывается изъ деревни, а, напротивъ, олицетвореніе лѣта, зелень или кудрявое деревцо, торжественно вносится въ нее. Этотъ послѣдній актъ, вообще не всегда соблюдаемый, произво-

---

1) Mannhardt, l. c., s. 171, Anm.

2) Lemke, Volkst. in Ostpr. 1-er Th., s. 18; Spee, Volksth. v. Nr. H. 2, s. 30; K. Bartsch, s.s. u Gebr. in Mekl. II, s. 270; Engelien und Jahn, Der Volksm. in der Mark Brandenb. S. 234; *Am Urquell*, I, s. 88; Grimm D. M. a. n. стр. 777—778.

3) Meier Sagen aus Schw. 379,20; *Z. f. d. M.* I, s. 89; Schmitz, Silten und Gebr. der Eifler v. I, s. 13 ff.; всѣ три прив. у Mannhardt'a W. u F. k. I, s. 173—174.

дился въ XVIII в. въ Эйзенахѣ. Жители города, изгоняя зиму, выходили за ворота города и здѣсь пріобрѣтали себѣ «лѣто», т. е. деревцо, увѣшанное библейскими картинками, лентами, пряниками и пр.; такое деревцо они приносили съ собой домой [1]).

У сѣверныхъ народовъ — Датчанъ, Шведовъ и Норвежцевъ — на 1-е мая и на Духовъ день извѣстны издавна подобные же обряды [2]). «Шли въ лѣсъ, пишетъ одинъ датскій фольклористъ, и всякій ломалъ себѣ цвѣтущихъ вѣтокъ. Вооруженная ими, съ пѣніемъ и веселыми криками при звукахъ рожковъ и барабановъ, молодежь совершала свой торжественный входъ, такъ что издали слышно было приближеніе шествія, и казалось, что весь лѣсъ двигается въ городъ. Это возвращеніе домой составляло центральный пунктъ всего праздника и отъ него пошло и его названіе. По датски оно называлось обыкновенно «ввозить верхомъ (или просто ввозить) лѣто въ городъ». По обѣимъ сторонамъ Зунда его звали также «вносить въ городъ Май». «Что это датское названіе, продолжаетъ тотъ же авторъ, восходитъ къ глубокой древности, можно заключить изъ того, что оно встрѣчается въ одной богатырской пѣснѣ. Здѣсь разсказывается, какъ Сивардъ Снаренсвендъ вырвалъ съ корнями дубъ, къ которому онъ былъ привязанъ и вернулся, неся дерево за поясомъ. — «Вотъ идетъ Сивардъ Снаренсвендъ и несетъ лѣто въ городъ!» — воскликнулъ король, когда со сторожевой башни увидѣлъ возвращеніе героя» [3]).

Это описаніе датскаго майскаго обряда [4]) напоминаетъ самую древнюю его форму, ту, которая изображена въ романѣ Guil-

---

1) Witzschell, Sitten und Gebr. v. Eisenach, s. 12 u. *Z. f. D. M.* III, 318 прив. у Mannhardt'a W. u F. k. I, s. 156—157.

2) *Z. f. Vk.* III, (1891), ss. 387, 427—428, 473.

3) Die alten nordischen Frühlingsfeste. Nach dem Dänischen des Trojels-Lund, von Poestion, *Z. f. Vk.* Bd. III (1891), s. 464—465, ср. 427 и 469; ср. Grimm D. M. a. п., стр. 775.

4) Къ сожалѣнію, г. Тройелъ не сообщаетъ, самъ ли онъ наблюдалъ этотъ обрядъ или взялъ изъ литер. источника. Гдѣ производится обрядъ, такъ же не ясно. Изъ контекста можно заключить, что разумѣется островъ Борнгольмъ.

laume de Dôle и у Чоусера и бытуетъ, какъ мы видѣли, до сихъ поръ въ цѣломъ рядѣ мѣстностей Англіи и сѣверной Германіи.

Рядомъ съ нимъ извѣстна и другая форма внесенія мая, т. е. столбъ украшенный лентами, цвѣтами, свѣжими вѣтками. Авторъ статьи, въ которой я почерпнулъ всѣ эти свѣдѣнія, приводитъ извѣстія изъ XVIII вѣка для Småland'а и Шопена и изъ XVI вѣка для Бергена [1]). Характерную особенность соблюденія разбираемаго обряда на сѣверѣ составляетъ то, что пріурочивается онъ не только къ 1-му маю или Духову дню, какъ въ Германіи, но и къ Иванову дню. Эту черту отмѣтилъ еще Маннгардтъ [2]). Въ Стокгольмѣ 22 іюня продаются свѣжія вѣтки и маленькіе майскіе столбики для дѣтей [3]). Майскій столбъ воздвигался на Ивановъ день около Кольмара [4]). Тоже имѣетъ мѣсто и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Норвегіи [5]).

Мы видѣли въ разныя эпохи, отъ среднихъ вѣковъ до нашего времени, въ главнѣйшихъ странахъ западной Европы нѣсколько, разнящихся другъ отъ друга, но все же схожихъ формъ внесенія весенняго дерева. Отъ кудрявыхъ березокъ и свѣжихъ вѣтвей, до раскрашеннаго и обвѣшаннаго флагами и лентами огромнаго майскаго столба, повидимому, цѣлая пропасть. Невольно спрашиваешь себя, дѣйствительно ли мы имѣемъ въ обоихъ случаяхъ дѣло съ однимъ и тѣмъ же обрядовымъ явленіемъ, только бытующемъ въ разныхъ видахъ. На первый взглядъ, кажется страннымъ, почему вздумалось ревнителямъ майскихъ торжествъ замѣнить весело зеленѣющее деревцо неуклюжимъ, грубо разукрашеннымъ бревномъ, сохраняющимся изъ года въ годъ вмѣстѣ съ церковной утварью, и тѣмъ самымъ какъ бы совсѣмъ уже не отвѣчающимъ символизму весенняго пробужде-

1) Trojel, ibid., s. 465—466, ср. 428.

2) W. u. Fk. I, s. 159—160; Trojel, ibid, s. 428.

3) Westerdahl, Beskrifning om Svenska allmogens Seder. Stockholm 1774, s. 7; прив. у Mannh. I, l. c., s. 160.

4) Trojel, ibid., s. 446.

5) Reimann, Deutsche Volksfeste, s. 401; y Mannh., l. cit., s. 160.

нія природы (veris novi). Обыкновенно замѣна эта объясняется тѣмъ, что пляска около дерева происходила нѣсколько дней и поэтому стало желательно имѣть такое деревцо, которое не такъ быстро бы завяло. Какъ бы то ни было, майскій столбъ есть, внѣ всякаго сомнѣнія, позднѣйшій пережитокъ прежнихъ живыхъ деревьевъ и вѣтокъ. Въ этомъ по крайней мѣрѣ не сомнѣвался Маннгардтъ, внимательно изучившій внѣшность весенняго дерева у разныхъ народовъ и въ разное время [1]). По старо-фр., какъ явствуетъ изъ обоихъ, приведенныхъ мною выше, отрывковъ, изображающихъ весеннее внесеніе деревца, слово «Mai» имѣетъ даже значеніе собирательнаго и означаетъ зелень вообще («e mai portent a foison» и «es soliers a mont l'ont porté»). [2]) И это значеніе слова «Mai» сохранилось, какъ мы только что видѣли и въ Англіи. Сначала вносилось въ городъ или деревню, слѣдовательно, даже не одно кудрявое дерево, а вообще зелень, которая и называлась вся вообще маемъ. Въ самыхъ древнихъ свидѣтельствахъ о майскихъ торжествахъ мы и имѣемъ дѣло съ внесеніемъ вообще зелени, съ убранствомъ ею домовъ, церквей и цѣлыхъ улицъ, а вовсе не непремѣнно съ внесеніемъ причудливо разукрашеннаго майскаго дерева.

Установить это древнѣйшее значеніе слова «май», а слѣд. и древнѣйшую форму разбираемаго мною обряда было важно потому, что это облегчитъ намъ переходъ къ его славяно-русской формѣ. Ни у насъ, ни у южныхъ славянъ, ни у ново-грековъ неизвѣстна позднѣйшая болѣе торжественная форма даннаго обряда. Въ славянскомъ мірѣ она встрѣчается только, да и то

---

1) W. u. Fk. I, s. 175—176.

2) Еще очевиднѣе тоже значеніе слова «mai» видно изъ слѣд. отрывка старо-фр. пастурели анонимнаго автора:

Si trovai seant en un vergier
touse cantant de cuer jai
et legier, chapel de mai
faisoit et d'aiglentier Bartsch R. u. P. II 96, 5—9.

Ср. слово «Mai» въ словарѣ Godefroy (Dictionn. de l'ancienne langue franç. Paris, 1881, v. V, p. 69

рѣдко, у западныхъ славянъ, поляковъ и чеховъ, бытовой укладъ которыхъ вообще близокъ къ обычаямъ и привычкамъ ихъ ближайшихъ сосѣдей, а часто и единовѣрцевъ и соотечественниковъ нѣмцевъ. У нихъ можно еще встрѣтить внесеніе майскаго столба въ городъ или деревню, производимое на 1-е мая или на Духовъ день. Кольбергъ отмѣчаетъ его, напр., въ Познани, гдѣ все производится, какъ и въ Германіи: вносятъ очищенный отъ вѣтокъ столбъ, украшаютъ его всячески, на верхушкѣ навѣшиваютъ гостинцы, и парни, которые по ловчѣе, лазаютъ на столбъ [1]). По словамъ Голембіевскаго, зеленое дерево устанавливали во время весеннихъ хороводовъ даже въ нынѣшнемъ Пинскомъ уѣздѣ и въ другихъ мѣстахъ Литвы [2]). Тоже производится и у Чеховъ, Моравовъ и Словаковъ. Ербенъ и Соботка подробно разсказываютъ, какъ до разсвѣта чешская молодежь, подобно французской, англійской и нѣмецкой, идетъ въ лѣсъ и возвращается утромъ, нагруженная зеленью [4]). Весеннее деревцо и называется по чешски «май». Такъ, въ Моравіи при внесеніи деревца поютъ:

Noseme májíček
Ut'al ho Ieníček,
Pěkny, pěkný,
U vrchu zeleny,
Pěkně přestrojeny,
Pentlemí zdobeny,
Heló, heló, heló, heló! [5])

Что въ этихъ чешскихъ и польскихъ обрядахъ мы имѣемъ дѣло съ простымъ подражаніемъ нѣмецкимъ майскимъ праздникамъ, едва ли подлежитъ сомнѣнію. На греко-славянскомъ востокѣ ни-

---

1) Lud. IX, 2 (X), str. 202—203.

2) Gry i zabawy, str. 185.

3) Hanuš, Baj. Kal., str. 145—147; Sb. slovensk. nar. pismě. (M. Sb.), s. 197—198 Č. *L.* II (1892), str. 119; id IV (1894), str. 2 и 510; id VIII (1899), str. 290.

4) Erben P. a. ř. str. 70—71; Sobotka, Rostlivstvo, str. 105.

5) Kulda, Mor. nar. pohadki II, str. 296; почти тоже поется и въ Познани Lud X, str. 196.

чего подобнаго не отмѣчено. Процессъ торжественнаго внесенія дерева или зелени былъ настолько абсолютно, повидимому, чуждъ славянамъ, что невольно хочется заподозрѣть достовѣрность приведеннаго въ самомъ началѣ главы сообщенія Успенскаго. Его однако перепечаталъ Терещенко почти безъ измѣненій, сохранивъ даже разсказъ отъ перваго лица [1]). Нѣчто подобное внесенію весенняго дерева можно, впрочемъ, видѣть въ нѣкоторыхъ эпизодахъ русскихъ семицкихъ игръ. «Послѣ всѣхъ игръ, — говоритъ Сахаровъ, — всею гурьбою — заламывали березку, обвѣшивали ее лентами и лоскутками и съ пѣснями возвращались домой» [2]). На шествіе съ зеленью какъ будто указываетъ и слѣдующія строки Чулкова изъ «Стиховъ на Семикъ»:

Беріозка шествуетъ въ различныхъ лоскуткахъ,
Въ тафтѣ и въ бархатѣ, и въ шелковыхъ платкахъ.
Вина не пьетъ она; однако пляшетъ,
И вѣтвями треся, такъ какъ руками, машетъ.
Предъ нею скоморохъ, неправильно кричитъ,
Ногами въ землю онъ, какъ добрый конь, стучитъ,
Танцуетъ и пылитъ, и грязь ногами мѣситъ,
Доколѣ хмѣль его совсѣмъ не перевѣситъ [3]).

Болѣе опредѣленно выступаетъ внесеніе дерева въ одномъ обрядѣ въ Красноуфимскомъ уѣздѣ, Пермской губ. «Нѣсколько лѣтъ тому назадъ (лѣтъ 10—15) съ березкой, съ пѣснями, ходили по селу и разряжали березку на мосту черезъ рѣчку» [4]). Тоже дѣлается и въ Владимірской губ.: «Часа въ два пополудни собираются дѣвицы большими группами и отправляются въ лѣсъ, гдѣ выбираютъ красненькую березку, срубаютъ ее и цѣлою толпою съ пѣснями тащатъ домой и ставятъ въ саду на самомъ красивомъ мѣстѣ; навѣшиваютъ на нее ленты разныхъ цвѣтовъ и

---

1) Бытъ р. нар. VI, стр. 141.
2) Пѣсни р. нар., стр. XXVII
3) Венгеровъ, Русская поэзія, Спб., 1897, т. I, стр. 886.
4) Шейнъ, Великороссъ, стр. 358.

величины, потомъ становятся въ кружокъ, схватясь рука объ руку около березки и начинаютъ пѣть» [1]).

Всѣ эти три приведенныхъ эпизода Троицкаго обрядоваго дѣйства, представляющіе нѣкоторое сходство съ западнымъ майскимъ, отличаются отъ него тѣмъ, что они не связаны съ украшеніемъ домовъ зеленью, и совершаются не до разсвѣта, какъ на Западѣ, а скорѣе послѣ продолжительныхъ игръ въ рощахъ на исходѣ дня. Убранство зеленью домовъ, церквей и проч., существуетъ однако повсюду въ славянскихъ земляхъ [2]). Оно составляетъ неотъемлемый аттрибутъ Троицы у насъ, Юрьева дня у Сербовъ, зеленыхъ святокъ у Поляковъ. Только это убранство зеленью, производящееся также либо раннимъ утромъ, либо съ вечера, дѣлается совершенно просто безъ опредѣленнаго ритуала. Обряды начинаются собственно только тогда, когда всѣ домики въ деревнѣ или городкѣ уже украшены и обставлены молодыми березками. Вотъ почему центральный пунктъ обряда составляетъ не входъ съ зеленью, не внесеніе ея, а напротивъ, выходъ, вынесеніе. Эта черта ярко отмѣчена въ протоколѣ засѣданія Святѣйшаго Правительственнаго Синода 13-го мая 1741 года. «Въ великоторжественный Сошествія Святаго Духа день», читаемъ мы здѣсь между прочимъ,... «оные безчинники въ толь великій и святой день вмѣсто подобающаго благоговѣнія вышепомянутыя березки, износя изъ домовъ своихъ, аки бы нѣкую вещь честную, съ немалымъ людства собраніемъ провождаютъ по подобію елинскихъ пиршествъ: овіи въ лѣса, овіи же къ водамъ...» [3]). Та же черта ясно выступаетъ и въ саратовскомъ семицкомъ обрядѣ. Здѣсь послѣ пирушки въ полдень дѣвушки выходятъ на площадь села, гдѣ стоитъ живая красивая березка. Одна изъ дѣвушекъ поднимаетъ ее и несетъ въ лѣсъ; за ней слѣдуетъ весь хоръ и

---

1) Ibid, стр. 346; ср. тамъ же, стр. 344.

2) Снегиревъ, Р. пр. III, стр. 101—102; Ш. М. ю. з. кр. I, 1. стр. 185; Чуб. Труды III, стр. 185; Терещенко, Бытъ VI, стр. 178 и 160; Ястребовъ, стр. 143 и 156; Lud V, стр. 293 и IX,1 стр. 140 и т. д.

3) *Живая Старина* I (1890) отд. II, стр. 34.

поетъ пѣсни. Послѣ этого начинаются развлеченія и хороводныя игры на лонѣ природы. Во время шествія поется пѣсня, также оттѣняющая именно движеніе въ лѣсъ, а не изъ лѣсу

Не радуйтесь дубы,
Не радуйтесь зеленые!
Не къ вамъ дѣвушки идутъ,
Не къ вамъ красныя;
Не вамъ пироги несутъ
Лепешки, яичницы.
Іо, іо, семикъ, да Троица.
Радуйтесь березы,
Радуйтесь зеленыя!
Къ вамъ дѣвушки идутъ,
Къ вамъ красныя;
Къ вамъ пироги несутъ
Лепешки, яичницы.
Іо, іо, семикъ да Троица [1]).

Нѣсколько иначе та же пѣсня поется въ Чебоксарскомъ уѣздѣ, Казанской губ., гдѣ позабыто значеніе жертвы, которую несутъ березѣ:

Не радуйтесь вы дубья, вязья,
Лило! Лило!
Не къ вамъ идемъ
Не вамъ пѣсню поемъ,
Лило! Лило!
Радуйся ты, бѣлая береза,
Лило! Лило!

---

1) Терещенко, Бытъ VI, 164—165; см. варіанты. Снегиревъ, I, с. III, стр. 118, № 8, Ш. Мюзкр. I, 1. стр. 186, № 180, стр. 188, № 184, стр. 189, № 186; Минхъ, Нар. об. кр. Сам. г. *З. И. Р. Г. О.* XIX, 2 стр. 104; таже пѣсня приведена у Маннгардта W. u Fk. I, стр. 157—158; ср. еще пѣсню съ тѣмъ же припѣвомъ Безсоновъ, Кол. Пер. в. 6-й, № 541, Ш. Мюзкр. I № 193, стр. 192 и Ш. В. №№ 1203 и 1204, стр. 346.

Мы къ тебѣ идемъ,
Тебѣ пѣсню поемъ,
Лило! Лило! [1]).

Эта пѣсня и особенно ея первый болѣе распространенный варіантъ передаетъ вполнѣ точно совершаемый тутъ обрядъ: подъ березки идутъ дѣвушки съ яичницей и пирогами или особымъ караваемъ, украшеннымъ зеленью, и тамъ происходитъ на вольномъ воздухѣ пиръ, разумѣется, какъ и всѣ обрядовые пиры, пережитокъ жертвоприношенія. Это весеннее пиршество отмѣчено во всѣхъ концахъ Великой, Бѣлой и Малой Россіи [2]).

Рядомъ съ этимъ обрядомъ тутъ же въ лѣсу дѣвушки играютъ въ разныя игры, плетутъ вѣнки и «завиваютъ березку». Этотъ послѣдній обрядъ производится на Волгѣ, въ Муромскомъ уѣздѣ (Влад. губ.), въ Красноуф. уѣздѣ (Пермской губ.), въ Вяземск. уѣздѣ (Смоленской губ.), и въ разныхъ мѣстностяхъ Бѣлоруссіи и Украйны. «Завивать березку» начинаютъ обыкновенно сейчасъ послѣ пирушки [3]). Иногда при этомъ ѣдятъ и особыя лепешки «козули», изображающія вѣнокъ. Самое «завиваніе» заключается въ томъ, что вѣтки особенно кудрявой или плакучей березки сплетаются вмѣстѣ такъ, чтобы вышелъ вѣнокъ. Это дѣлается обыкновенно молча, и пѣсни только отражаютъ этотъ обрядъ, упоминаютъ о немъ. На Волгѣ пѣсня поется и при совершеніи обряда. Она обращается къ березкѣ:

Близъ тебя, берюзонька,
Красны дѣвушки
Въ Семикъ поютъ,

---

1) Магнитскій П. кр. села Бѣловолжскаго, стр. 109.

2) Снегиревъ Русск. прост. пр. III, стр. 105, 133, 135; Сахаровъ Сказ. II, стр. 200 и 203; Терещенко, Бытъ VI, стр. 152, 194; Ш. Мюзкр. I, стр. 185; Ш. В. стр. 363 и пр.

3) Снегиревъ, l. c., стр. 104; Ш. В., стр. 344, 347, 352 и 366; Ш. Мюзкр. I, стр. 184 и 190; *Жив. Стар.* IV (1891), стр. 200; Чубинскій, Тр. III, стр. 190 и 192.

Подъ тобой, берюзонька,
Красны дѣвушки
Вѣнокъ плетутъ [1]).

Остальныя пѣсни, такъ или иначе относящіяся къ завиванью березки, довольно разнообразны и распадаются на нѣсколько совершенно различныхъ типовъ; пѣсня иногда испрашиваетъ у олицетвореннаго праздника поспѣшествованія въ исполненіи обряда; тогда въ ней поется:

Благослови, Троица!
Богородица!
Намъ въ лѣсъ пойти,
Намъ вѣнки завивать,
Ай Дидо, ай Ладо!
Намъ вѣнки завивать
И цвѣты сорывать и т. д. [2])

Иногда она какъ бы указываетъ на серьезное хозяйственное значеніе обряда; такъ въ бѣлорусской пѣснѣ говорится:

Пойдземъ дзѣвочки
Во луга лужочки
Завиваць вѣночки.
Мы завьемъ вѣночки
На годы добрые,
На житое густое
На ячмень колосистый,
На овесъ рѣсистый,
На гречиху горную,
На капусту бѣлую [3]).

---

1) Снегиревъ, l. c., III, стр. 105; Терещенко, l. c., VI, стр. 152; ср. варіантъ сбившійся съ первоначальной темы и сохранившій только запѣвъ Ш. В. № 1202, стр. 346.

2) Снегиревъ, Р. пр. праздн. III, стр. 117; Сахаровъ, П. р. нар. IV, стр. 376; Терещенко; Бытъ VI, стр. 159 и 180.

3) Ш. Мюзкр., стр. 190, № 188 и 190, стр. 185, № 178.

Малорусская пѣсенка просто напросто заявляетъ:

Ой завъю вінки да на всі святки,
Ой на всі святки, на всі празники,
Да рано на всі празники [1]).

Нѣсколько въ сторонѣ отъ другихъ пѣсенъ стоитъ одинокій бѣлорусскій варіантъ пѣсни о плетеніи вѣнковъ, въ которомъ вспоминается и весенняя птица «зозуля» (кукушка). Обыкновенно въ калядкахъ и веснянкахъ зозулю просятъ пѣсни [2]) не куковать слишкомъ рано. Здѣсь напротивъ, дѣвушки призываютъ кукушку къ ея недолгой и однообразной весенней пѣсенкѣ:

Ходзиця дзѣвачки ў лѣсъ гуляци,
Зялёныхъ вянкоў завиваци.
А мы ўжо вяночки завили
И горэлочку пополи.
Закукуй, зязюля, закукуй!
Нямного табѣ куковаци,
Отъ Вяликодня до Питра,
Ды отъ чистаго чацверга [3]).

Во время всѣхъ этихъ весеннихъ обычаевъ совершаются еще гаданья о женихахъ, но это мы разсмотримъ особо въ другомъ мѣстѣ. Въ данномъ случаѣ достаточно указать на то, что самое завиваніе березокъ (на Семикъ и Троицу) и развиваніе ихъ (на Духовъ день) заставляетъ молодежь проводить все время въ лѣсу, а не въ селеніи или городѣ, переносить главное обрядовое дѣйство въ чистое поле, а не домой на улицу

1) Чубинскій, Труды III, стр. 190, № 9 и 192, № 14; Ш. Мюзкр. I, стр. 192, № 192.

2) Объ этой темѣ см. у Потебни, Объясн. М. Р. п. II, стр. 79—80; въ весеннихъ пѣсняхъ она встрѣчается: Головацкій, Нар. п. Гал. и Угр. Руси II, стр. 179, 183 и 680; Чубинскій, Труды III, стр. 157, № 67, стр. 165, № 87, стр. 168, № 96, стр. 188, № 4; Ш. Мюзкр. I, стр. 131, № 133; Ш. Бп. стр. 410, № 179; Радченко Гом. п. стр. 8—9, № 21.

3) Ш. Бп. стр. 409, № 178.

или площадь. Весеннее дерево, такимъ образомъ, и здѣсь, какъ и на западѣ, играетъ центральную роль, въ обрядѣ, оно только остается въ лѣсу и часто даже на корню. Подъ деревомъ приносится жертва, на немъ завивается вѣнокъ, около него поются пѣсни и заигрываются хороводныя игры [1]).

Выходъ въ чистое поле за свѣжей зеленью для плетенія вѣнковъ и пр. забавъ уже совершенно безъ всякой процессіи съ березкой извѣстенъ въ Греціи и Сербіи. На островѣ Лесбосѣ дѣвушки изъ одной и той же части города на зарѣ собираются вмѣстѣ, чтобы съ пѣснями идти за городъ собирать цвѣты. Возвратившись домой, онѣ плетутъ вѣнки, развѣшиваютъ ихъ на дверяхъ и окнахъ, и такимъ образомъ, къ утру всѣ дома убраны цвѣтами [2]). Это производится на забредшее сюда, вѣроятно, отъ итальянцевъ 1-е мая.

Тоже собираніе молодежью цвѣтовъ совершается въ Сербіи на Юрьевъ день (23 апр.). Обрядъ называется идти «за билячки». Нѣкоторыя изъ пѣсенъ, которыя при этомъ поются вполнѣ отчетливо, оттѣняютъ основной пунктъ обряда: собираніе цвѣтовъ; такова одна пѣсенка Дибрскаго округа (Турецкой Сербіи).

Кинисале ми, кинесале ми
        Двесте девојки,
Двесте девојки, двесте девојки,
        Триста невести.
Да ми је одит, да ми је одит
        На биље брање.
Двесте девојки, двесте девојви
        Биље копаје,
Триста невести, триста невести
        Цвеће береје,

1) Кромѣ приведенныхъ уже ссылокъ см. еще Минхъ, l. c. стр 104; *Живая Старина* IV (1891), стр. 200; *Этн. Сборн.* I, стр. 279 и II, стр. 52; Чубинскій, Тр. III, стр. 185—186.

2) Pineau et Georgeakis F. l. de L. Litt. p. de t. l. n. XXI p. 301.

Цвеће береје, цвеће береје
Венци вијеје
Венци вијеје, венци вијеје
На мошки деца [1]).

(«Собиралося двѣсти дѣвушекъ и триста молодокъ, онѣ пойдутъ нарвать травку; двѣсти дѣвушекъ копаютъ травки, триста молодокъ собираютъ цвѣты; онѣ собираютъ цвѣты и вьютъ вѣнки для мальчиковъ»). Своеобразная и не вполнѣ понятная особенность этого обряда идти «за билячки» заключается въ томъ, что собираются цвѣты не только весенніе, но и старые уцѣлѣвшіе еще съ осени. Существованіе этой черты запечатлѣно вполнѣ ясно въ одной билярской пѣснѣ старой Сербіи, гдѣ изображается разговоръ юрьевскаго цвѣтка съ купальскимъ.

Две се цвеће сговаривале
Једно бело друго црвено.
Бело цвеће ђурђевско,
А црвено Иван-денско.
Беле цвеће говорило,
Бело цвеће по ђурђевско
Тај ђурђевак и беле ружа:
«Блазе тебе рујно цвеће.
Што ти цутиш стреде лето,
Стреде лето на ђурђев ден,
А ја пула стреде зима,
Стреде зима коложига.
Мене беру старе жене,
Старе жене стари љуђе,
А тебека ти јунаци
Да ти носу под фесови.
Ти јунаци млади храбри... [2]).

---

1) Ястребовъ, стр. 147; ср. Stojanović, стр. 50.

2) Милојевић, стр. 157—158, № 216; ср. Ястребовъ, стр. 149; ср. болгарск. вар. Илиевъ Сб. отъ нар. умотв. I,1 стр. 279—280, № 242; сх. сюжетъ въ лазарскихъ п. Шапкаревъ Сб. отъ болг. нар. умотв. I,1 стр. 90, № 89 и стр. 96, № 104.

Сравнивая обѣ пѣсни можно заключить, что собираніе старыхъ прошлогоднихъ цвѣтовъ производятъ старухи, можетъ быть, также и для приготовленія изъ нихъ всякихъ цѣлебныхъ снадобій, а молодицы и дѣвушки рвутъ цвѣты свѣжія и плетутъ изъ нихъ, какъ и въ Россіи, вѣнки; при этомъ молодежь носитъ цвѣты на себѣ и даже старается о сохраненіи ихъ свѣжести. Сами цвѣты говорятъ въ другой бильярской пѣснѣ:

Како знојет девојките,
Да ми идет, да ме берет,
Да ми носит по појаси,
И по дарпни, и по киски,
Весдењ дења по појаси
Соноћ ноћа в студна вода... [1])

Тутъ уже совершенно очевидно, что разумѣются цвѣты, живые.

Вѣнки изъ нарванныхъ цвѣтовъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ нѣкоторыя пѣсни, имѣютъ и то же символическое значеніе, что и русскіе троицкіе и духоводенскіе вѣнки; они также наводятъ на мысли о любви и о бракѣ.

Сербы и эллины въ своемъ весеннемъ обрядѣ стоятъ такимъ образомъ, какъ бы нѣсколько въ сторонѣ отъ остальныхъ народовъ Европы: у нихъ играютъ роль не зеленыя вѣтки и деревья, а цвѣты. Цвѣты украшали молодежь и во время средневѣковыхъ майскихъ праздниковъ, и у насъ на Троицу изъ нихъ конечно, и плетутся вѣнки, но основной интересъ, и у насъ, и на Западѣ сосредоточивается всетаки на березкахъ и на свѣжихъ вѣтвяхъ, которыми убирались дома. Только въ Сициліи на первое мая идутъ не за вѣтками, а за цвѣтами [2]), но эту особенность здѣшняго майскаго обряда, можетъ быть, можно отнести также на

---

1) Ястребовъ, стр. 148—149; схожи также болгарскія пѣсни у Илиева, Сб. отъ народни умотв. обичаи и др. I,1, стр. 280, № 243 и у Качановскаго, Пам. нар. тв. вып. 1-й, стр. 101, № 33; ср. также хороводную пѣсню у Караджича, Српске нар. пј. I, стр. 182, № 256.

2) Pitrè, Spettacoli e feste p. 253—255.

счетъ греческаго вліянія. Въ Греціи весенній праздникъ цвѣтовъ повидимому существовалъ искони. Приблизительно одновременно съ нашимъ 1-мъ маемъ, Юрьевымъ днемъ, Троицей, и Духовымъ днемъ Греки и Римляне справляли праздникъ Русалій, отразившійся въ славяно-русской русальской недѣли. Томашекъ собралъ цѣлый рядъ свѣденій о Ѳракійскихъ русаліяхъ XII и XIII вѣковъ [1]). Изъ собственно греческихъ источниковъ о русаліяхъ не явствуетъ правда, какіе именно обряды съ цвѣтами происходили во время этого праздника. Удостовѣренъ только уходъ изъ города въ деревню на лоно природы. Такъ архіепископъ Димитрій Хоматіанъ (XIII в.) сообщаетъ о жителяхъ «τοῦ θέματος τοῦ Μολισκοῦ», что «παλαιοῦ ἔθους ἐν τῇ χώρᾳ τούτων κρατοῦντος, ὃ δὴ ῥουσάλια ὀνομάζεται, τῇ μετὰ τὴν πεντηκοστὴν ἑβδομάδι σύνταγμα γίνεσθαι νεωτέρων καὶ τὰς κατὰ χώραν κώμας αὐτοὺς περιέρχεσθαι καὶ παιγνίοις τισὶ καὶ ὀρχήμασι καὶ βεβακχευμένοις ἅλμασι καὶ σκηνικαῖς ἀσχημοσύναις ἐγκαλεῖσθαι δῶρα παρὰ τῶν ἐνοικούντων ἐν κέρδος αὐτῶν» [2]). Роддъ отмѣтившій соблюденіе Русалій еще въ недавнее время въ современной Греціи также не упоминаетъ о собираніи цвѣтовъ во время этого праздника [3]). Однако само названіе Русалій ἡμέρα τῶν ῥόδων уже даетъ достаточное основаніе полагать, что цвѣты играли тутъ не маловажную роль. Въ римскихъ календаряхъ параллельно съ dies rosae, Rosalia или еще dies Rosationis встрѣчается и dies violae или Violationis, имѣющій мѣсто нѣсколько раньше, еще въ апрѣлѣ. Очевидно, какъ die violae праздновали первую фіалку (Florum prima ver nuntiantium viola alba, Plinii XXI, II, 38), такъ die rosae или Rosationis должны были окружить какимъ-нибудь обрядомъ, дѣйствіемъ свѣже-распустившіяся розы [4]). Дѣйствительно, коментируя выраженіе «S. Timothei

1) Ueber Brumalia und Rosalia. ss. 369—371.

2) Сообщено по Мюнхенской рук. Миклошичемъ Rusalien s. 388; приведено вкратцѣ у Томашека l. c. s. 370.

3) The costums and Lore of modern Greece p. 139.

4) Томашекъ l. c. ss. 374—379.

ῥοδισμός», приведенное болландистами подъ IX Мая одинъ изъ историковъ римскаго календаря замѣчаетъ: «festum translationis S. Timothei quia IX Maii celebratur, quando maxima est rosae ubertas credibile est multum tunc fideles indulsisse jacendis rosis sertisque nectendis» [1]). Тотъ же историкъ, говоря о капуанскомъ и неаполитанскомъ праздникахъ l'Ingirlandata, замѣчаетъ, что въ дѣтствѣ еще видѣлъ, какъ въ этотъ день священнику подъ ноги бросали цвѣты [2]). Такой же характеръ вѣроятно носилъ и ликійскій праздникъ τῶν Ῥοσσαλίων τοῦ ἁγίου Νικολάου, о которомъ упоминается въ такъ наз. иномъ житіи св. Николая [3]).

Что цвѣты въ большомъ ходу и въ западно-европейскихъ майскихъ и духоводенскихъ обрядахъ, это мы отчасти уже видѣли: цвѣтами убирались майскія деревья, цвѣты несетъ въ процессіи молодежь изъ лѣсу, гирлянды и вѣнки вьются изъ полевыхъ цвѣтовъ. Объ обрядахъ, справляющихъ именно весенній разцвѣтъ во Франціи и Германіи кое-какія указанія можно найти въ средневѣковой лирической поэзіи.

Въ старо-французскихъ pastourelles и chansons à personnage случается, что труверъ, воспѣвая свою поѣздочку молодецкую весной, зачастую изображаетъ себя собирающимъ цвѣты, чтобы свить себѣ вѣнокъ [4]), а еще чаще разсказываетъ, какъ засталъ за этимъ занятіемъ даму или пастушку [5]). Вѣночекъ вьетъ себѣ и красавица Аэлисъ въ одномъ изъ варіантовъ маленькаго цикла несомнѣнно народныхъ старо-французскихъ пѣсенъ:

Bele Aaliz main leva
   [Por Dé, traiez vos en la!]
Son cors vesti et para;

1) Ibid., s. 380; **Mazochius**, In vetus Marmoreum St. Neapol. eccl. kalendarium Commentarius. Neapoli, 1794. I. p. 54.

2) Ibid.

3) См. объ этомъ **Е. Аничковъ**, Микола Угодникъ и св. Николай, Спб., 1892 и мою же статью st. Nicolas & Artemis *Folk-Lore* 1894, p. 111—114.

4) **Bartsch** Rom. u. Past. I 38, 53b, 73.

5) Ibid I 36; II 10, 18, 29, 52, 63, 74, 96, 99, 120; III 20, 35, 40.

En un vergier s'enentra;
Cinc floretes i trova:
Un chapelet fait en a
De rose florie.
[Por Dé, traiez vos en la
Vos qui n'amez mie!] 1)

«Прекрасная Аэлисъ встала ранешенько — [Уйдите ради Бога прочь] — Она одѣлась и нарядилась; — Она вышла въ садъ; — Пять цвѣточковъ здѣсь она нашла: — Свила вѣночекъ — Изъ цвѣтущихъ розъ, — [Ради Бога, идите вы прочь — Вы, невлюбленные вовсе»].

Болѣе опредѣленно на обрядовое значеніе собиранія цвѣтовъ указываетъ одна также весенняя пѣсенка Нидгарта изъ Рюенталя, средне-верхне-нѣмецкаго миннезингера, произведенія котораго содержатъ въ себѣ такъ много данныхъ для нѣмецкой обрядности въ средніе вѣка:

die nû vor grôzer huote megen,
die sulen balde ir bestez vîretacgewant an legen;
lâzen sich dar inne ersehen
wir suln schouwen
vor den ouwen
maneger hande bluomen brehen 2).

«Теперь по причинѣ большой и важной заботы (объ урожаѣ? ср. послѣднюю строфу) они (молодежь «stolzenkint» стихъ 14-й) должны скоро одѣть свое лучшее праздничное платье; пусть онѣ покажутся (намъ) въ немъ. Мы должны увидѣть вблизи воды, какъ многія руки станутъ рвать цвѣты». Гансъ Саксъ въ одной изъ своихъ пьесъ также описываетъ какой то весенній обрядъ,

---

1) Привожу по тексту Гаст. Париса въ Mélanges de philologie romane dédiés à C. Wahlund Paris 1896, p. 10 (эта книга въ продажу не поступала).

2) Haupt N. v. R. I s. 5 v. 25—31 ср. тутъ же ss. XIV, XXII, XXIV, XXVII, XXXV; 1, 6,5; 17; 18,18—20; 19,14; 21,14; 24,20—30; 25,29.

связанный съ весенними цвѣтами, на этотъ разъ фіалками: вокругъ первой фіалки водятъ хороводъ и поютъ пѣсню, начинающуюся словами:

Der Meie, der Meie
Bringt uns der Blumlein viel [1])

Пѣсня эта однако никакихъ указаній на значеніе обряда не даетъ.

Въ нѣмецкомъ миннезангѣ и французской труверской лирикѣ цвѣты нужны, чтобы свить вѣнокъ. Ношеніе вѣнковъ весной было повидимому обязательно. Это прямо заявляетъ въ трехъ пьесахъ Colin Muset, труверъ того времени [2]). Значеніе вѣнковъ, конечно и здѣсь тоже, что и въ русской и въ сербской обрядности. И здѣсь они символизируютъ любовь. Но этотъ особый символизмъ весеннихъ вѣнковъ на западѣ и на славянскомъ востокѣ объяснятъ намъ другіе обряды и пѣсни; покамѣстъ я остановлюсь только на самомъ сбираньи цвѣтовъ и свѣжихъ вѣтокъ, на убранствѣ ими, какъ самого человѣка, такъ и его жилища. Символическое значеніе вѣнковъ составляетъ уже послѣдующій этапъ психологіи весенняго обрядоваго обихода и къ нему мы подойдемъ въ одной изъ послѣдующихъ главъ.

Обрядъ весенняго убранства переживаетъ, какъ мы видѣли, въ двухъ типахъ, соотвѣтствующихъ двумъ великимъ культурно-историческимъ группамъ, на которыя распалось населеніе Европы; и при этомъ греко-славяно-русскіе виды его, менѣе опредѣленные и законченные въ своей формѣ, подходятъ ближе къ той разновидности обряда, какая нѣкогда въ далекомъ средневѣковьи бытовала и на Западѣ. Но, въ германо-романскомъ мірѣ при меньшей зависимости отъ церковнаго наставленія, при меньшемъ трепетѣ передъ христіанской аскезой обрядъ пріобрѣлъ бо-

---

1) Erk-Böhme D. Lh. II s. 713; см. также у Grimm'a D. M. a. n. p. 763.

2) ..... chapiau de flors porter
Ainsi comme el mois de mai
Raynaud Bibl. №№ 74, 582, 967; нап. у Bédier De Nicolao Musato pp. 98 119 et 124.

лѣе торжественный и шумный ритуалъ. Наканунѣ Возрожденія и развитія общественности относительная независимость отдѣльныхъ мѣстныхъ самоуправленій (преимущественно въ городахъ) вдохнула въ него новую жизнь, заставила при широко развитыхъ международныхъ отношеніяхъ свободно циркулировать одну особую болѣе передовую его форму. Отсюда большая опредѣленность извѣстій, большое сходство въ западныхъ видахъ обряда. Только сельское населеніе сохраняло еще первоначальную форму. У насъ напротивъ, обрядовое сознаніе народа укромно ютилось вдали отъ центровъ, робко сохранялось, укрывшись отъ враждебной ему церковной власти. Вотъ почему оно до извѣстной степени застыло и обѣднѣло въ своихъ проявленіяхъ. Народное творчество болѣе живучее, чѣмъ на Западѣ, правда отвѣчало ему болѣе охотно. Книжная образованность еще не заставила умолкнуть, относящіяся къ нему пѣсни, и онѣ-то и даютъ намъ самыя прочныя свидѣтельства о смыслѣ обряда.

Первобытная религія по замѣчанію Тайлора, «настолько послѣдовательна и логична, что при малѣйшей попыткѣ классификаціи ея данныхъ, она сразу обнаруживаетъ основанія своего образованія и развитія, и эти основанія оказываются въ существѣ своемъ раціональными, несмотря на то, что они развиваются въ такихъ умственныхъ условіяхъ, которымъ присуще самое глубокое и закоренѣлое невѣжество». Всякій обрядъ, какимъ бы нелѣпымъ онъ ни казался современному человѣку, какъ бы ни былъ сокровенъ его смыслъ, какъ бы ни былъ его исконный характеръ затертъ и подавленъ послѣдующими наслоеніями, которыя неминуемо ложатся на него подъ вліяніемъ представленій чуждыхъ, создавшей его культурно-исторической средѣ, всякій обрядъ зиждется на данныхъ первобытнаго міровоззрѣнія, отвѣчаетъ извѣстнымъ умственнымъ запросамъ, можетъ быть понятъ и объясненъ въ связи съ извѣстнымъ порядкомъ идей и представленій; и въ этомъ смыслѣ всякій обрядъ есть нѣчто раціональное, логически необходимое. Исходя изъ этой точки зрѣнія намъ предстоитъ вдуматься въ психологію внесенія весенняго

древа и весенняго убранства, постараться отдать себѣ отчетъ, при наличности какихъ воззрѣній, вѣрованій, хозяйственно-религіозныхъ отношеній обрядъ этотъ могъ свободно возникнуть въ воображеніи первобытнаго человѣка и оказаться ему необходимымъ въ его житейской тяготѣ.

На рѣшеніе этого вопроса насъ наведутъ нѣкоторые индѣйскіе обряды, которые уже сопоставлялъ съ разобраннымъ нами эпизодомъ весенняго дѣйства, англійскій послѣдователь Маннгардта, Фрезеръ. Въ Гиндукушѣ въ началѣ дождливаго времени, когда происходитъ посѣвъ, изъ деревни посылаютъ двухъ дѣвушекъ отрубить вѣтку священнаго дерева Chili (родъ кедра). Придя въ лѣсъ, дѣвушки обливаютъ деревцо виномъ и масломъ и послѣ этого отламываютъ онъ него вѣтку. Вѣтка Chili приносится въ деревню и кладется на камень на берегу ручья. Тогда начинается принесеніе жертвы передъ священной вѣткой. Обыкновенно для этого употребляютъ козла. Вслѣдъ за жертвоприношеніемъ слѣдуютъ пляски и игры [1]).

Еще болѣе подходятъ къ европейскому внесенію дерева другіе два обряда, справляемые у Ораоновъ въ Бенгалѣ. У нихъ также весною вносятся вѣтки священныхъ деревьевъ, карма и саалъ. Молодое деревцо карма у Ораоновъ и Мунда молодежь несетъ въ деревню въ торжественномъ шествіи при барабанномъ боѣ; это производится во время высадки риса. Деревцо устанавливаютъ на площади посреди села, гдѣ происходятъ обыкновенно пляски. Богослуженіе ему состоитъ въ принесеніи жертвъ, въ украшеніи деревца лоскутками разноцвѣтныхъ матерій, въ плясках и хороводахъ вокругъ дерева. За вѣтвью саалъ Ораоны идутъ предводительствуемые деревенскимъ жрецомъ, когда это дерево въ цвѣту. Обрядъ открывается так. обр. молебной процессіей Священная роща Сарна, гдѣ ростетъ саалъ имѣетъ по мнѣнію Ораоновъ вліяніе на дождь. Подъ деревьями приносится

---

1) Biddulph Tribes of the Hindu Koosh op. 106 et sq. приведено у Frazer'a, Golden Bough. I p. 71—72.

жертва, состоящая изъ пяти домашнихъ птицъ, при чемъ каждый присутствующій получаетъ кусочекъ мяса. Послѣ этого нагруженные цвѣтущими вѣтками сааль вѣрующіе возвращаются въ село [1]).

Рядомъ съ этими бенгальскими празднествами я приведу еще одно изъ совершенно другой мѣстности. Абхазскіе Абазины, которые также поклоняются еще деревьямъ и имѣютъ священныя рощи [2]), встрѣчаютъ весну почти такимъ же способомъ, какъ и въ Бенгалѣ. Только непосредственное отношеніе этого торжества къ культу деревьевъ у нихъ, какъ христіанъ нѣсколько сгладилось. «Съ наступленіемъ весны жители горной Абхазіи праздновали *манычъ-чеканъ*, или праздникъ перваго цвѣтка. Въ этотъ день все народонаселеніе сосредоточивалось преимущественно въ трехъ аулахъ: Тамъ-агу, Агдера и Рыдца, предпочитаемыхъ всѣмъ другимъ ауламъ, потому что они окружены были лучшими заповѣдными рощами. Въ полночь, наканунѣ праздника, съ пѣснями и стрѣльбою, дѣвушки, подъ предводительствомъ старухъ, отправлялись искать пятилиственникъ, а молодые люди разсыпались по окружнымъ курганамъ и искали кладовъ. ....Съ первыми лучами солнца съ музыкою, пѣніемъ и особою церемоніею, всѣ возвращались въ аулъ, сакли котораго убраны были зеленью и цвѣтами. Впереди всѣхъ старый джигитъ, повитый дубовымъ вѣнкомъ, ѣхалъ верхомъ на оленѣ, обреченномъ на жертву Мизитху — богу лѣсовъ. За нимъ слѣдовала толпа народа, и каждая дѣвушка должна была принести съ собою на площадь аула или цвѣтокъ или вѣтку и сложить ее у подножія камня, на которомъ будетъ принесена жертва Мизитху. Достигнувъ камня и сложивъ передъ нимъ свои приношенія, дѣвушки становились по лѣвую его сторону, мужчины отходили къ саклямъ, а старый джигитъ, прося обилія плодовъ и лѣсу, ловкимъ ударомъ кинжала отдѣлялъ голову отъ туловища

1) Dalton Ethnology of Bengal p. 259—261; Frazer, l. c. I p. 288 и 85.
2) Дубровинъ, Исторія войны и влад. русскихъ на Кавказѣ т. I, вып. 2, стр. 12, 15 и др.

жертвы; если операція бывала удачна, то въ мгновеніе раздавались выстрѣлы и крики радости, но если голова не была отдѣлена однимъ ударомъ, то народъ считалъ, что жертва непріятна Мизитху. Вслѣдъ за выстрѣлами появлялись конные джигиты и шесты съ надѣтыми на нихъ папахами, которые и разставлялись въ разныхъ мѣстахъ площади. Выстрѣлъ жреца служилъ сигналомъ для начала игръ. Джигитовка и бросанье палокъ составляли главную забаву абазинъ. Ни одинъ праздникъ ни одно торжество въ горахъ не обходилось безъ этихъ забавъ. Каждый удачный выстрѣлъ, или ударъ брошенной палки, давалъ право на полученіе цвѣтка, положеннаго у подножія камня» [1]).

Схоже съ этимъ справляется Троицынъ день (Остăлті кувд) у осетинъ. Въ то время, какъ молодежь рѣзвится на лугу, старухи одѣтыя въ бѣлую одежду идутъ къ священному дереву (дзуару) аула, произносятъ здѣсь молитвы, ѣдятъ особыя лепешки и пляшутъ вокругъ дерева. Вечеромъ онѣ торжественно возвращаются въ аулъ, при входѣ въ который ихъ ожидаютъ мужчины. Цѣль кувда испросить урожай [2]).

Сходство этихъ обрядовъ съ разобранными славянскими и западно-европейскими очевидно; оно бросается въ глаза каждому. И тутъ и тамъ торжественная процессія въ лѣсъ за свѣжей растительностью и потомъ не менѣе торжественное шествіе обратно. И тутъ и тамъ особыя обрядовыя дѣйства, особыя игры посреди села вокругъ принесенной изъ лѣсу зелени. Отличіе отъ европейскихъ обрядовъ только въ томъ, что Ораоны несутъ вѣтви не изъ простого лѣса, а изъ священной рощи; въ священныя же рощи идутъ за зеленью и абхазцы; нарубленныя вѣтви сами собою представляютъ поэтому предметы религіознаго обожанія.

Эта характерная черта индѣйской и кавказской разновидностей обряда внесенія весенняго дерева особенно важна. Близкое отношеніе весенней обрядности разбираемаго типа къ культу

---

1) Ibid., стр. 19—20.

2) В. Миллеръ Осет. Эт. II стр. 276—277.

деревьевъ, указывалось много разъ. Какъ на пережитокъ поклоненія древу, смотрѣлъ на наши семикскія игры еще Карамзинъ [1]). Маннгардтъ, а за нимъ его послѣдователи Соботка и Фрезеръ также разсматривали весеннее внесеніе дерева или зелени, какъ одно изъ данныхъ о культѣ деревьевъ [2]). Совершенно также толкуетъ религіозный смыслъ майскаго дерева и Гуго Мейеръ [3]).

Обоготвореніе дерева и священныхъ рощъ составляетъ одну изъ тѣхъ формъ религіознаго сознанія, черезъ которую проходитъ на извѣстной ступени своего развитія все человѣчество [4]). Мы имѣемъ множество свѣдѣній о существованіи его у потагонцевъ, мексиканцевъ, сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, на Цейлонѣ, у кафровъ, у негровъ Гвинеи, въ Австраліи и въ Полинезіи [5]). У индо-европейскихъ племенъ культъ деревьевъ засвидѣтельствованъ еще болѣе опредѣленно. У грековъ и римлянъ со времени Бöттихера существованіе самостоятельныхъ священныхъ деревьевъ правда не признается, потому что дерево было самымъ древнимъ изображеніемъ божества, и всѣ священныя деревья или рощи искони были у древнихъ связаны съ какимъ-нибудь богомъ или богиней [6]). Однако возможно допустить, что «эти деревья, которыя срослись съ миѳами или съ извѣснымъ богослуженіемъ, считались первоначально священными сами по себѣ независимо отъ этой послѣдующей связи» [7]). Таковы, мо-

---

1) Истор. Госуд. Росс. I пр. 214; см. также Аѳанасьевъ, Поэт. воззр. II, стр. 321—322.

2) W. u. Fk. I s. 180—181; Sobotka Rostlinstvo v národním podání, str. 50 etc.; Frazer, Golden Bough I p. 98.

3) Germ. Myth. s. 83 u f. Lippert.

4) Lübbock, Les origines de la civil. p. 297; Achelis Moderne Völkerkunde s. 388.

5) Lübbock l. c. p. 278—291; cp. Chantepie de la Saussaye Lehrb. d. Relig. gesch. см. Указатель подъ словомъ «Baumkultus»; ср. также *Revue de l'hist. des rel.* XXXVII (1898) pp. 370—375.

6) Ueber den Baumcultus der Hellenen см. особенно главу II: «Umriss des hellenischen Baumcultus; cp. Farnell, The cults of greck states. I p. 14.

7) Chantepie de la Saussaye, l. c. II, s. 232.

жетъ быть, оливковое дерево Аѳины Поліосъ на Акрополѣ, три дерева на Делосѣ въ храмѣ Аполлона, священный дубъ Юпитера Феретрія на Капитоліи, роща Dea dia на правомъ берегу Тибра вверхъ по теченію отъ Рима по via Campana и множество другихъ деревьевъ у алтарей боговъ, которымъ приносились жертвы и на вѣтки которыхъ вѣшались различные дары [1]).

Предположеніе о томъ, что у древнихъ существовалъ когда-то независимо отъ ученія о богахъ отдѣльный культъ деревьевъ отчасти находитъ себѣ подтвержденіе и въ устойчивомъ напоминаніи христіанской проповѣди новообращеннымъ оставить среди другихъ предразсудковъ и древопоклонство. Формула отрѣшенія отъ язычества, приписываемая Ефрему Сирину, высказываетъ обѣтъ не дѣлать ничего, что происходитъ обыкновенно «у источниковъ подъ деревьями и на перекресткахъ» [2]). Противъ культа деревьевъ пишетъ папа Григорій Великій въ восемнадцатомъ письмѣ VIII кн. посланій [3]). Въ знаменитой проповѣди Елигія (VII в.) запрещается между прочимъ, чтобы «nullus christianus... ad arbores... luminaria faciat aut vota reddere praesumat» [4]). Эта проповѣдь обращается къ романскому населенію и въ эпоху, когда римская традиція и остатки античной религіи еще доживали свои послѣдніе дни. У романскихъ же народовъ отличаетъ культъ деревьевъ Мартинъ Брокара въ своемъ сочиненіи «De corectione rusticorum» [5]), составленномъ имъ послѣ синода 572 года, когда было снова рѣшено, какъ и на предшествующихъ соборахъ въ Арлѣ и Толедо, принять мѣры противъ язычества [6]).

---

1) Boetticher, l. c. ss. 107—110, 115, 133—135; ср. Farnell, l. c. I p. 292—293 (относительно оливковаго дерева Аѳины Поліосъ); см. также изображенія свящ. деревьевъ съ висящими на нихъ дарами въ приложенныхъ къ книгѣ Бёттихера рисункахъ.

2) Schultze, Gesch. d. Unterg. des gr.-röm. Heidenth. I, s. 307.

3) Migne, Patrol. lat. t. 77 p. 921.

4) Напечатана у Grimm'a D. M. a. п. стр. 1738 и у Migne'a, Patr. lat. t. 87, p. 528.

5) Caspari, Kirch. gesch. anecdota p. 204.

6) Schultze, Gesch. des Unterg. d. hell. röm. Heidth. I s. 403—404.

Существованіе поклоненія деревьямъ и рощамъ у германцевъ и славянъ безъ всякаго отношенія къ другимъ религіознымъ представленіямъ не подлежитъ уже никакому сомнѣнію. Свидѣтельствъ объ этомъ множество. Сюда относится прежде всего одна изъ рубрикъ знаменитаго: «Indiculus superstitionum»: «De sacris silvarum, quae nimidas vocant»[1]). Не менѣе краснорѣчиво говорятъ приведенныя Гриммомъ свидѣтельства Тацитовой Германіи («Silva auguriis patrum et prisca formidine sacra», «in insula oceani castum nemus», «antiquae religionis lucus») и житій св. св. Бонифація, Аманда и Барбата, извѣстія у Адама Бременскаго и т. д.[2]). Къ германскому (готскому?) населенію относятся можетъ быть и слова славянскаго житія св. Константина Философа о жителяхъ города Фуллъ въ Крыму; у нихъ, говорится въ житіи былъ, «дубъ велеи, сърослься съ чрѣшнею и подъ нимъ трѣбы дѣахоу»; «отъ того, заявляли они, обрѣтаемъ вся за прошенія наша, дьждь наипаче и инаа многа»[3]).

О культѣ деревьевъ и священныхъ рощъ у славянъ цѣлый рядъ поучительныхъ данныхъ былъ собранъ еще Срезневскимъ. Таковы извѣстія Константина Порфиророднаго объ островѣ св. Георгія, Устава Владиміра о тѣхъ «кто молится въ рощеньи», житія Константина Муромскаго о поклоненіи «дуплинамъ древянымъ», таковы же замѣтки Кирилла Туровскаго, Гостинной и Ипатьевской лѣтописей и наконецъ запретъ Духовнаго Регламента «передъ дубомъ молитвы пѣть». Особенно много указаній имѣется о культѣ деревьевъ у Балтійскихъ славянъ и чеховъ. Срезневскій приводитъ относящіяся сюда замѣчанія Эббо, Сефрида, Титмара, Гельмгольда, Арнольда Любекскаго,

---

1) Изданъ у Grimm'a D. M.[2] въ прилож. «Aberglàuber» B. a. п. стр. 1739 и Zibzt'омъ Seznam pověr etc. str. 35 и слѣд.

2) Grimm, D. M. a. п. стр. 70 и 72—74. Ср. еще извѣстіе изъ житія св. Мартина, гдѣ разсказывается о его чудѣ съ деревомъ, которому покланялись язычники и которое онъ приказалъ срубить. La Légende Dorée ed. Brunet, t. I, p. 347 прив. въ *Rev. d. tr. pop.* XIV (1899) p. 449.

3) Сообщ. проф. Ламанскій въ *Жив. Стар.*, 1893, вып. I, стр. 134—135.

Марескалька Турія и наконецъ Козьмы Пражскаго[1]). Зибртъ къ этимъ указаніямъ присоединилъ еще нѣсколько свѣдѣній изъ проповѣдей пражскихъ епископовъ (XII в.)[2]). О древопоклонствѣ южныхъ славянъ еще въ XVII в. въ Босніи интересныя данныя привелъ въ одномъ изъ выпусковъ «Живой Старины» проф. Ламанскій[3]). Это отрывокъ изъ письма, адресованнаго въ Римъ въ 1629 и 1630 годахъ и оплакивающаго упадокъ католицизма въ славянскихъ земляхъ. «Въ провинціи Пожеганской (nella provincia di Possega nel ducato Zerni), читаемъ мы здѣсь, въ пустынной мѣстности есть дерево: липа; здѣсь всякое первое воскресенье девятой луны собирается множество турокъ и христіанъ съ жертвами и со свѣчами и другими предметами. Ближній приходскій священникъ за милостыню, которую здѣсь собираетъ служитъ имъ мессу»[4]). Культъ дерева продолжается такимъ образомъ и тогда, когда язычество уже давно исчезло. Къ нему примѣняется даже христіанское богослуженіе. Подобное же, уже принявшее обличье христіанства, почитаніе древа, на этотъ разъ рябины, сохранилось и на Руси до 1612 г., какъ о томъ свидѣтельствуетъ житіе св. Адріана Пошехонскаго[5]).

Изъ всѣхъ этихъ извѣстій особенно интересенъ приведенный Срезневскимъ разсказъ Гельмгольда[6]). Здѣсь описывается цѣлая священная роща подобная тѣмъ, о которыхъ мы узнаемъ изъ бенгальскихъ обрядовъ внесенія дерева. Даже самое внѣшнее описаніе ея подходитъ вполнѣ къ помѣщенной у Крука фотографіи современной индѣйской священной рощи[7]).

---

1) Свят. и Обряды стр. 31—35; тоже у Аѳанасьева Поэт. Воззр. II, стр. 321—324.

2) Seznam pověr, str. 37.

3) 1893, вып. I, стр. 133—134.

4) Взято изъ «Acta Bosnae potissimum ecclesiastica cum insertis editorum documentorum regestis ab anno 925 usque ad annum 1752». Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium. t. XXIII Zagrabiae 1892.

5) Сообщ. проф. Соболевскимъ въ *Жив. Стар.*, вып. VI (1891), стр. 229.

6) Срезневскій, l. c. стр. 33.

7) The popul. rel. and f. l. of Noth. India v. II, p. 82—83.

Не лишнимъ будетъ, можетъ быть, прибавить къ этимъ извѣстіямъ о славянскомъ культѣ деревьевъ и кое-какія данныя о той же формѣ религіознаго сознанія, какъ у нашихъ инородцевъ, такъ и на Кавказѣ. Священныя рощи почитали, напр., черкесы; а въ Хевсуретіи (на р. Арагвѣ) былъ древній дубъ, котораго называли Багратіономъ. Если кто-нибудь изъ рода Багратіоновъ обнималъ его и говорилъ при этомъ: «предокъ мой защити своего потомка», народъ считалъ себя обязаннымъ прійти ему на помощь [1]). Георги разсказываетъ, что еще при Петрѣ Великомъ всего въ 10 верстахъ отъ Петербурга стояла на Рижской дорогѣ священная липа, которой поклонялись Ижорцы [2]). Остатки священныхъ рощъ сохранились и до сихъ поръ у черемисовъ и вотяковъ. Еще такъ недавно газеты сообщали о вооруженномъ сопротивленіи черемисовъ-язычниковъ Елабужскаго уѣзда по поводу вырубки ихъ священныхъ рощь. У вотяковъ эти рощи называются «восяськонни-чатча». Это «небольшіе остатки лѣса, намѣренно невырубленные гдѣ-нибудь на задворкахъ деревни, на пригоркѣ, у подножія или съ боковъ которыхъ протекаетъ рѣчка, ручеекъ или просто ключъ». Иногда это просто священныя мѣста въ сосѣднихъ лѣсахъ, но интересны для нашихъ цѣлей именно эти расположенныя неподалеку отъ деревни небольшія рощи на холмикѣ у ручейка или колодца [3]).

Подобные остатки культа деревьевъ не трудно узнать и у коренного русскаго населенія сѣверной Россіи. Дѣйствительно, ничто иное, какъ древнія священныя рощи, представляютъ собою эти покрытые лѣсомъ холмики, которые торчатъ такъ часто посреди полей, неподалеку отъ деревень въ отдаленныхъ отъ

---

1) Дубровинъ, Ист. войны и влад. русск. на Кавказѣ I, в. 1-й, стр. 100—101 и в. 2-й, стр. 291.

2) Опис. всѣхъ обит. въ росс. госуд. народовъ изд. 1799, стр. 25, тоже у Лапарей, стр. 12 и у Остяковъ, стр. 75; ср. Castren, Vorl. über Finn. Myth. s. 105.

3) Первухинъ, Эскизъ второй, стр. 5; ср. *Русскія Вѣдомости* 1901, № 347, корр. изъ Сарапула; преосв. Владиміромъ по этому поводу составлена брошюра, но мнѣ не удалось ее достать.

крупныхъ центровъ мѣстахъ сѣверныхъ губерній. На этихъ холмикахъ зачастую увидишь подъ тѣнью березъ или елей маленькую деревянную часовню, изъ подъ которой бѣжитъ чистая струйка воды. Часовенька не даромъ построена именно въ рощицѣ на горѣ и надъ самымъ ключемъ или ручейкомъ. Крестъ на крышѣ часовни и лики угодниковъ надъ дверью и на иконостасѣ какъ бы заключаютъ здѣсь договоръ міра и согласія съ гостепріимно принявшей ихъ подъ свой покровъ чащей деревьевъ, наслѣдницей угасшей и позабытой святыни.

Въ обрядовомъ обиходѣ, конечно, далеко не одни только весеннія вѣтви и майскія деревца отражаютъ древопоклонство. Маннгардтъ былъ совершенно правъ, когда разсматривалъ майскій обрядъ въ связи съ такими широко и повсюду распространенными обычаями, какъ зелень и разукрашенныя деревца на свадьбахъ (малорусское гільце или смерека), какъ сохраненіе дерева около деревни и вообще у жилья, какъ втыканье зеленой вѣтки въ послѣдній возъ или снопъ во время уборки (Erntemai и Erisione). Въ разной степени и въ различныхъ смыслахъ всѣ эти обряды вполнѣ законно признать фольклористическими доказательствами существованія культа деревьевъ или, какъ принято говорить, его пережитками, бытующими до нашихъ дней[1];

1) Mannhardt, Baum. u. Feld. k. особенно томъ I, стр. 9—12, 49—54, 159—160, 190—223; II стр. 212—258; его-же Mythologische Forschungen, стр. 112 и 337; къ собраннымъ здѣсь фактамъ, Фрезеръ прибавилъ аналогичныя и изъ быта современныхъ дикарей Golden Bough I, p. 69 и др. О роли деревца на свадьбѣ см. у Ѳ. Волкова. Rites et usages nuptiaux en Ukraine *Anthropologie*, II p. 408 и слѣд. Рядомъ съ этими обрядовыми переживаньями культа дерева приводятся еще и запѣвы народныхъ пѣсенъ (преимущественно славянскихъ), гдѣ дерево либо сопоставляется, либо противопоставляется человѣку см. Sobotka Rostlinstvo v. narodn. podání, str. 8—9, 14 etc. и Илиевъ, Растителното царство въ народната поезия *Сб. за Нар. Умотв.* VII (1892), стр. 311—412. Собранныя здѣсь пѣсенныя выраженія едва ли однако отвѣчаютъ какой-нибудь религіозной мысли. Вѣрнѣе всего здѣсь «дѣло идетъ не объ *отождествленіи* человѣческой жизни съ природой и не о *сравненіи*, предполагающемъ сознаніе раздѣльности сравниваемыхъ предметовъ, а о сопоставленіи по признаку движенія». А. Н. Веселовскій, Психологическій параллелизмъ и его формы въ отраженіяхъ поэтическаго стиля *Ж. М. Н. Пр.* 1898, мартъ, стр. 1 и слѣд. отд. отт.

только исходятъ ли всѣ эти обрядовыя представленія изъ одного общаго основанія, какъ это думалъ Маннгардтъ, отвѣчаютъ ли они всѣ одной и той же религіозной мысли, это еще вопросъ.

Если и индо-европейскимъ народамъ были нѣкогда присущи обоготвореніе деревьевъ и культъ священныхъ рощъ, объясненіе обряда внесенія весенняго дерева посредствомъ приведенныхъ бенгальскихъ обрядовъ получаетъ особое значеніе. Каково бы ни было происхожденіе культа деревьевъ, надо ли объяснять его, какъ результатъ анимистическаго взгляда на природу [1]), или какъ одно изъ видоизмѣненій культа предковъ [2]), или какъ результатъ тотемизма [3]), или, наконецъ, какъ отраженіе поклоненія надгробному фетишу [4]), разъ подобный культъ возникъ, извѣстныя обрядовыя представленія должны неминуемо отвѣчать ему именно весною. Въ это время года онъ долженъ получить особый смыслъ. Дольтонъ прямо говоритъ, что въ Бенгалѣ священныя рощи несутъ отвѣтственность за урожай [5]). Не зацвѣти священное дерево, засохни оно или опади его цвѣтъ, — это было бы принято, какъ великое горе. Это конечно, значило бы, что весна не обнадеживаетъ, а напротивъ, предвѣщаетъ нѣчто зловѣщее.

Внести вѣтви изъ священной рощи въ деревню значитъ пріобщить ее, какъ религіозно-хозяйственную единицу къ благу знаменующемуся въ священномъ деревѣ или даже исходящему изъ него. Первобытный человѣкъ всегда считаетъ свою семью, свою деревню, свой кланъ центромъ міра; онъ интересуется внѣшней природой только настолько, насколько явленія ея отражаются на судьбѣ родной ему общины. И религіозно хозяйственная еди-

---

1) Tylor, Primitive Culture II, p. 221,89 (изд. 1873).

2) Спенсеръ, Основ. Соціол. I, стр. 392 (р. перев. 1876 г.).

3) Lubbock, Les origines de la civ. (изд. 1873), pp. 272 et 277 относительно тотемизма см. послѣднія статьи Marillier, La place du totemisme dans l'ev. religieuse *R. de l'histoire des rel.* 1898, pp. 376—376.

4) Lippert, Kulturg. der Mensch. II, s. 381.

5) Ethnol. of. Bengal. p. 259 прив. у Frazer'a Golden Bough I, p. 288.

ница, къ которой онъ принадлежитъ представляется ему носительницей своей собственной судьбы. Далеко не одни только атмосферическія явленія, не только состояніе почвы и неизмѣнный, заведенный по рутинѣ способъ ея воздѣлыванія опредѣляютъ въ глазахъ первобытнаго хозяина надежды на урожай. Когда современное русское крестьянское общество рѣшаетъ соблюдать впредь день такого-то святого послѣ чумной заразы, неурожая, или иного несчастья, и оно также смотритъ на себя, какъ на религіозно-хозяйственную единицу, связанную общей судьбой, стремящуюся къ достиженію общаго блага общимъ культомъ и усиліями общей молитвы.

Признавъ такимъ образомъ приведенные мною бенгальскіе обряды основнымъ и наиболѣе осмысленнымъ въ сакральномъ отношеніи видомъ обряда внесенія въ религіозно-хозяйственную общину весенняго древа, можно будетъ яснѣе установить и тождество его западной и русской формы: на Западѣ сохранился самый актъ внесенія вѣтви или деревца изъ священной рощи, у насъ непозабытымъ оказалось жертвоприношеніе, самый культъ дерева и торжественное шествіе къ нему.

Культъ деревьевъ и священныхъ рощъ даетъ намъ, стало быть, возможность вполнѣ удовлетворительно объяснить обряды весенняго внесенія дерева на западѣ и наши Троицкіе и семикскіе обряды. Однако въ самой тѣсной связи съ ними стоятъ еще собираніе цвѣтовъ, плетеніе гирляндъ и вѣнковъ, обряды убранства цвѣтами и зелеными вѣтками, какъ самаго человѣка, такъ и его жилища. И какъ мы видѣли, эти обычаи представляются какъ бы болѣе древними, болѣе устойчивыми въ народномъ сознаніи. Надо ли и въ нихъ видѣть обрядовое примѣненіе древопоклонства? Если принять въ соображеніе, что тутъ на первомъ планѣ стоятъ не вѣтви деревьевъ, а цвѣты, то на этотъ вопросъ придется отвѣтить отрицательно. Какъ я постараюсь показать, чествованіе цвѣтовъ имѣетъ особый самостоятельный смыслъ. Уясненіе его поможетъ намъ дать себѣ отчетъ и въ томъ, почему всѣ разобранные здѣсь обряды падаютъ на самые поздніе

весенніе праздники, почему они пріурочены скорѣе къ концу весны, чѣмъ къ ея началу.

Моментъ цвѣтенія есть несомнѣнно самый важный моментъ въ теченіи всего періода постепеннаго возрожденія природы. Отъ него находится въ самой тѣсной зависимости производительность каждаго растенія, каждаго злака. Этотъ моментъ можно назвать типично весеннимъ. Всѣ тѣ явленія, за которыми зорко слѣдитъ каждый хозяинъ отъ самаго перваго дуновенія весны, въ періодъ цвѣтенія находитъ свое высшее выраженіе. Когда цвѣты станутъ блекнуть, когда опадетъ цвѣтъ на фруктовыхъ деревьяхъ и что всего важнѣе, отцвѣтетъ хлѣбъ, тогда уже наступитъ лѣто съ его страдой, и урожай болѣе или менѣе опредѣлится. Пора ожиданія, страховъ и надеждъ, составляющихъ самую характерную черту весенняго настроенія тогда уже пройдетъ. Весна важна именно этимъ своимъ конечнымъ моментомъ.

Особенно характерны въ этомъ отношеніи римскія Флораліи, такъ близко напоминающія современныя весеннія цвѣточныя празднества. Я имѣю въ виду особенно старыя Флораліи, тѣ которыя производились до ихъ оффиціальнаго признанія въ 173 до Р. Хр. [1]). Плиній сообщаетъ, что онѣ имѣли мѣсто, «ut omnia bene deflorescerent» [2]). Это замѣчаніе мнѣ представляется особенно важнымъ. Слово: «omnia» несомнѣнно обнимаетъ и хлѣбныя растенія. На отношеніе этого празднества къ урожаю указываетъ и сохранившееся до послѣдняго времени бросанье въ народъ сѣмянъ [3]). Обсыпаніе есть заклинаніе обилія. Отсюда можно заключить, что празднество древнихъ Флоралій когда-то преслѣдовало цѣли заклинанія хлѣбныхъ злаковъ.

Фрезеръ во второмъ изданіи своей книги рядомъ съ взятой имъ у Маннгардта системой интерпретаціи обрядовъ, предло-

---

1) О нихъ см. Daremberg et Saglio, Dict. de l'ant. p. 1190.

2) Plinii, Natur. Histor. XVIII, 29,69.

3) «... in ludis Floribus ...: omnia semina super populum spargebant» Pers V, 177 Cf. et schol.

жилъ и новую, основанную на признаніи большинства народныхъ обрядовъ магическими пріемами; подъ магіей онъ при этомъ разумѣетъ чаще всего симпатическое заклинаніе [1]). Согласно этой точки зрѣнія весенній цвѣточный праздникъ Фрезеръ объясняетъ, какъ симпатическое заклинаніе весенняго расцвѣта природы; подобно тому, какъ индѣйцы Британской Колумбіи, передъ наступленіемъ времени улова ставятъ въ воду изображенія рыбъ, думая такимъ способомъ ускорить ихъ появленіе, первобытный человѣкъ, говоритъ Фрезеръ, «наряжаясь въ листья и цвѣты помогалъ обнаженной земли покрыться зеленью» [2]). Такое объясненіе несомнѣнно очень правдоподобно; мнѣ кажется только, что дѣло идетъ здѣсь не о весеннемъ убранствѣ природы: объ этомъ поздно думать на 1-е мая, или на Духовъ день, или на «dies Rosae», которое есть «aestatis initium» [3]). Цвѣтами въ римскихъ Флораліяхъ заклинали цвѣтъ хлѣбныхъ растеній, и туже роль играютъ цвѣты и на Духовъ день и на 1-е мая. Въ основѣ цвѣточнаго праздника лежитъ стремленіе помочь и ускорить цвѣтъ хлѣбовъ, украсивши, и себя самаго, и свое жилище цвѣтами.

И какъ совершенно справедливо замѣчаетъ Фрезеръ въ очеркѣ народной магіи, заклинанія основаны не на томъ состояніи сознанія, которое надо назвать религіей, а скорѣе на смутномъ древнемъ мировоззрѣніи, изъ котораго только впослѣдствіи диференцировалось религіозное сознаніе [4]). Заклинаніе цвѣтенія хлѣбныхъ злаковъ надо такимъ образомъ признать явленіемъ болѣе древнимъ, чѣмъ самое древопоклонство. И можетъ быть именно на почвѣ такихъ пріемовъ заклинанія, уже кристаллизировавшихся въ повторяемыхъ изъ года въ годъ обрядахъ и создалось мало по малу представленіе о божественности нѣкоторыхъ деревьевъ и породъ деревьевъ. Это особенно легко

---

1) Golden Bough 2-ое изд., I pp. 7—58.
2) Ibid. II p. 110; ср. I, p. 23.
3) См. выше стр. 53—54.
4) Golden Bough 2-ое изд., I pp. 62—63, см. также выше стр. 37—39.

могло случиться, если дерево цвѣло одновременно съ главнымъ хлѣбнымъ растеніемъ. Анимистическій взглядъ на природу и система тотемизма шли только навстрѣчу этому процессу образованія культа деревьевъ.

III.

Обрядъ внесенія въ село или городъ весенняго дерева, какъ мы это видѣли, сравнительно бѣденъ относящимися къ нему пѣснями. Собственно поется во время него не мало. Поютъ и при собираніи зелени въ лѣсу, поютъ и по возвращеніи домой во время устраиваемыхъ вокругъ дерева плясокъ; но пѣсни эти мало привязаны къ обряду, онѣ скорѣе входятъ въ отдѣлъ игръ и забавъ, весеннихъ хороводовъ, средневѣковыхъ майскихъ танцевъ или пасхальныхъ игръ.

Я перейду теперь къ обряду близкому внесенію дерева: къ пѣсенному весеннему привѣтствію. Здѣсь пѣсня стоитъ въ самомъ центрѣ обрядоваго дѣйствія, въ ней заключается главный его смыслъ.

Обрядъ весенняго привѣтствія совершенно схожъ съ зимней колядой, съ пѣсеннымъ поздравленіемъ aguilloneurs. Толпы молодежи парней и дѣвушекъ, иногда дѣтей переходятъ изъ дома въ домъ по селу или въ городѣ. Въ особой пѣсенкѣ они высказываютъ разныя пожеланія хозяевамъ и ждутъ въ награду гостинца или денегъ. На западѣ содержаніе ихъ незамысловатыхъ пѣсенъ отчасти обѣднѣло, отчасти обновилось заново. Оно, то спускается до простого выманиванія подачки, до грубой и неловкой любезности, то ищетъ болѣе художественнаго выраженія. Въ Россіи и у прочихъ славянъ подобная пѣсня иногда достигаетъ однако образной идеализаціи настроенія сельскаго люда предъ началомъ весеннихъ работъ. У романскихъ народовъ этотъ обрядъ затемняется теперь и наслоеніемъ мотивовъ чуждыхъ его

первоначальному складу, но чѣмъ дальше мы будемъ подвигаться на Востокъ, тѣмъ яснѣе будутъ вырисовываться въ немъ черты, указывающія на его исконное, основное значеніе. Какъ мы увидимъ обрядъ привѣтствія широко распространенъ по лицу всей западной и восточной Европы.

У большинства романскихъ народовъ: въ Португаліи, Испаніи, Франціи и Италіи обрядъ весенняго привѣтствія справляется 1-го мая, или въ первое воскресенье въ маѣ. Всего чаще его совершаютъ дѣвушки, иногда нарочно нарядившіяся для этого въ бѣлыя платья. Во Франціи ихъ зовутъ trimousettes или trimazos [1]). Вотъ самый старый изъ извѣстныхъ мнѣ текстовъ той пѣсенки, которая поется при этомъ. Онъ пріютился въ одномъ изъ пѣсенниковъ начала XVIII в.

C'est le mai, le joli mai,
C'est le mai, le tri mà ça.
Bonne dame de céans,
Faites du bien pour Dieu le grand,
Et des œufs de vos gelines,
De l'argent de votre bourse:
C'est le mai, le joli mai,
Le joli tri mà ça.

—

En revenant de voir vos blés,
Nous les avons trouvés sarclés,
Le doux Jésus en soit béni,
De vos vignes et de vos blés
Au tri mà ça:
l'est le mai, le joli mai
Le joli tri ma ça.

—

1) Общую библіографію см. у Tiersot, Hist. de la chanson pop. en France p. 191—193 и Scheffler, Die Franz. Volksd. I, s. 291—297 (тутъ подробное описаніе обряда).

Quand votre mari reviendra des champs,
Priez le bon Dieu qu'il le renvoye,
Ni plus ni moins content,
Voyant que les blés se portent bien,
Au trois de mai,
C'est le mai, le joli mai [1]),
Le joli mois de mai.

(«Вотъ, май, вотъ прекрасный май, вотъ...! Добрая хозяйка, ради великаго Бога сдѣлайте доброе дѣло, [дайте] яицъ отъ вашихъ куръ, денегъ изъ вашего кошелька. Вотъ, май, вотъ, прекрасный май, вотъ...»

«Возвращаясь съ поля, гдѣ мы видѣли хлѣба, мы ихъ нашли чистыми [выполотыми]; благославенъ милостивый Іисусъ, за ваши виноградники и хлѣба.... Вотъ, май, вотъ прекрасный май, вотъ...»

«Когда вернется изъ поля вашъ мужъ, молитесь Богу, чтобы онъ вернулъ его вполнѣ довольнымъ видомъ хлѣбовъ, которые хороши. ....Вотъ, май, вотъ, прекрасный май, вотъ,...»).

Этотъ текстъ, очевидно извращенный, можно считать однако, основнымъ для большинства французскихъ пѣсней trimouzettes. Устойчивъ особенно припѣвъ, звучащій теперь:

O trimouza! le joli ma de moua! [2])

До сихъ поръ сохранился и второй куплетъ [3]).

Третья строфа подверглась большимъ измѣненіямъ. Пѣсня забыла, зачѣмъ упомянута прогулка хозяина, и строфа извратилась въ совсѣмъ безсмысленное пожеланіе:

---

1) Прив. у Weckerlin, L'anc. chanson pop. p. 68.

2) Poésies pop. de la France (Ms., Bibl. Nat. Nouv. Acqu. №№ 33, 38) I f. 346; Puymaigre, I p. 257; Cortet, Essai sur les fêtes religieuses, p. 167; Tarbé, Rom. de Champagne II, p. 62; cp. Ibid. p. 60, 64; Puymaigre, I 251, 255 и 257; Tiersot l. c.; Rolland, Recueil de ch. pop. I, p. 59.

3) Puymaigre, I p. 251; cp. Ibid., p. 255; Tiersot, l. c., p. 192; Tarbé, Rom. de Champ. II, 59—66; Poesies pop. de la France I f. 346.

Quand vot' mari s'en va dehors
Que Dieu lui soit en bon accord, [1])

вмѣсто того, чтобы сослаться на авторитетъ хозяина о хорошемъ состояніи всходовъ, какъ было въ старой пѣснѣ.

Особенно разнообразится просительная строфа. Тутъ есть мѣсто и шуткѣ. На этой части пѣсенки, естественно ставшей самой существенной, особенно изощряется народное остроуміе. Въ Бретани напр., поютъ:

Entre vous, bonnes gens,
Qu 'avez de la poulaille
Mettez la main au nid.
N'apportez pas la paille,
Apportez d's œufs dix sept o dix huit,
Mais n'apportez pas de pourris [2]).

(«Вы, милые люди, у васъ есть куры, суньте руку въ гнѣздо. Не приносите соломы, принесите 17 или 18 яицъ, но не приносите гнилыхъ»).

Если въ домѣ ничего не даютъ, пѣвцы удаляются съ бранью, также выраженной обыкновенно въ коротенькомъ куплетѣ. Здѣсь также есть, конечно, мѣсто попыткамъ на остроуміе [3]). Когда обрядъ исполняется парнями, они позволяютъ себѣ и не совсѣмъ скромные намеки, вродѣ слѣдующаго:

Si vous n'ez rien à nous donner
Donnez nous la servante;
Le portous du panier
Est tout prêt la prente,

---

1) Tiersot, l. c.

2) Sébillot, въ Les Litt. pop. de toutes les nations XXII, p. 190; Poésies pop. de la Fr. I, f. 283, 285 и 288; Orain въ Les Litt pop. de t. les n. XXXIII, p. 93; ср. Ibid. p. 97, Poésies pop. I, f. 346 и др.; de Beaurepaire, Etude s. l. p. pop. en Normandie p. 11.

3) Puymaigre I, p. 257; Tiersot, l. c. p. 193; Orain, l. c. p. 94.

L'n en a pas il la voudrait teni
A la sortie du mois d'avri [1]).

(«Если вамъ нечего дать дайте намъ служанку, носитель корзинки готовъ ее взять; у него нѣтъ дѣвушки, а онъ хотѣлъ бы ее имѣть на исходѣ Апрѣля, мѣсяца»).

Старая пѣсня, удержавшаяся въ современныхъ варіантахъ, замѣнилась кое-гдѣ и совершенно новой, болѣе литературно-сложенной. Такъ въ юго-восточной Франціи (Forez et Velay, между городами Пюи и Ліономъ), гдѣ этотъ обрядъ совершаютъ дѣти, они распѣваютъ пѣсню церковно-школьнаго происхожденія. Въ ней между прочимъ говорится:

Nous prierons le Seigneur,
Nous prierons le Seigneur,
Que par sa sainte grâee
Vous prépare une place
Dans son saint paradis;
A dieu mes chers amis [2]).

(«Мы будемъ просить Господа, пусть онъ по своей святой милости, приготовитъ вамъ мѣсто въ своемъ святомъ раю. Прощайте, мои милые друзья»).

Такого же ненароднаго происхожденія одна пѣсня итальянская (изъ нагорныхъ мѣстностей около Пистойи); здѣсь только интересъ сосредоточился не на духовно-нравственныхъ разсужденіяхъ, какъ въ приведенной французской пѣснѣ; правда и въ Италіи встрѣчается этотъ наставительный тонъ [3]), но болѣе распространенъ другой сюжетъ: описаніе весеннихъ красотъ [4]).

---

1) Sébillot, l. c. p. 190; Orain, p. 97; Poésies pop. I, f. 283; ср. и нѣмецкую пѣсню изъ Рейнской области Am Urquell V, s. 17 и другую у того же Sébillot, p. 240.

2) Сообщено Smith'омъ *Romania* II, p. 60.

3) Barbi, Maggi della montagna Pistoiese *A. p. l. st. di. tr. pp.* VII, p. 108—110 e 111—112.

4) Barbi, ibid., p. 104—105.

Впослѣдствіи мы будемъ имѣть возможность прослѣдить исторически развитіе этой темы въ весеннихъ пѣсняхъ. Она имѣетъ свою исторію, отражаетъ одинъ совершенно особый родъ средневѣковой поэзіи.

Кромѣ мѣхоноши (porteur du panier), о которомъ упоминается въ одномъ изъ приведенныхъ выше отрывковъ пѣсенъ, среди хора поздравляющихъ выводится иногда особое дѣйствующее лицо, la reine de mai или la mariée[1]) или «Sposa di Mag», какъ ее зовутъ въ Канавезе (въ Италіи). Тогда пѣсня поется какъ бы отъ имени королевы или невѣсты; въ пользу ея собираются и подарки. Въ Канавезе поютъ при этомъ пѣсню, которую сообщившій ее Джіакоббе считаетъ въ высшей степени старинной:

Mi presento nel cortile
D'una amabil, gentil sposa,
D'un bel mattin d'aprile,
Cara e fresca come rosa,
  Oro che buon vegna,
  Che buon vegna lo mese di mag.

—

A voi tanto generosa
Siamo tutte a supplicare:
Fate onor a nostra sposa,
Ella va, si ben vestia
Col cappel color di rosa;
Tutta grazia e leggiadria
Nel marciar e nella posa.
  Oro che buon vegna,
  Che buon vegna lo mese di mag [2]).

---

1) Въ Forez et Velay см. Smith, въ *Romania* II, p. 62; Cortet, Essai sur les fêtes rel. p. 60; *Romania* II p. 62.

2) Il Canavese I, p. 59; таже пѣсня у G. di Giovanni, Usi, cred. e preg. del Canavese, p. 168.

(«Я вхожу на дворъ прекраснымъ апрѣльскимъ утромъ, любезной, милой невѣстой, прелестной и свѣжей какъ роза. Пусть настанетъ теперь, пусть настанетъ счастливо май мѣсяцъ».

«Васъ столь щедрую просимъ мы всѣ: окажите уваженіе нашей невѣстѣ, она идетъ одѣтая такъ хорошо съ вѣнкомъ цвѣта розы; она вся грація и легкость въ походкѣ и позѣ. Пусть настанетъ, пусть настанетъ счастливо май мѣсяцъ»).

Въ Португаліи и Провансѣ водятъ вмѣстѣ съ дѣвушкой еще парня, и парочка называется—«maio e maia»[1]). Въ Италіи, когда водятъ парочку, она носитъ названіе жениха и невѣсты. Одна пѣсня поется отъ имени обоихъ:

Viva, viva il nuovo sposo
E la sua sposa pulita[2]).

Обрядъ подобнаго характера въ Португаліи оторвался, такъ сказать, отъ формы поздравленія; вмѣсто того, чтобы водить съ собою дѣвушку, хоръ украшаетъ ее цвѣтами и устраиваетъ ей посреди улицы нѣчто вродѣ трона, также убраннаго цвѣтами. Съ проходящихъ при этомъ собирается дань[3]). Такая разновидность нашего обряда, возникшая, можетъ быть, вслѣдствіи изданнаго въ XIV в. запрещенія ходить по домамъ и пѣть поздравительныя пѣсни[4]), отмѣчена еще въ средніе вѣка и въ Италіи. Въ Болоньи въ 1268 подобная графиня мая возсѣдала подъ портикомъ въ мѣстности Сарагоссѣ[5]). Сходная форма обряда существовала и во Франціи[6]).

---

1) Braga, Opovo portuguez II, p. 282; *Rdtrp.* III, p. 250—251.

2) Rezasco, Maggio p. 66.

3) Braga, ibid.

4) Braga, Cancioneiro et romanceiro general I, p. 99, сообщаетъ, что въ 1385 Лисабонскій муниципалитетъ постановилъ: «que daqui em diante nesta cidade e em seu termo não se *cantem janeiras nemmajas*», т. е. зимнія и весеннія поздравительныя пѣсни.

5) De Grifonibus, Mem. hist ann. 1268 y Muratori, Rerum it. Scriptores XIII, d'Ancona, Orig. del teatro it. I, p. 247 говоритъ, что тоже имѣло мѣсто въ Моденѣ и Феррарѣ.

6) Cortet, Essai sur les f. r. p. 160.

Зачастую поздравители являются въ дома не съ пустыми руками. Молодежь приноситъ съ собою свѣжія, только что распустившіяся вѣтки или цвѣты. Въ Тосканѣ хоромъ предводительствуетъ парень съ большимъ свѣжимъ «маемъ», убраннымъ цвѣтами, и за нимъ идетъ двое другихъ, съ цѣлымъ ворохомъ маленькихъ вѣточекъ для раздачи ихъ въ каждомъ домѣ. При хорѣ состоитъ, конечно, и сборщикъ подаяній съ корзиной. Болѣе разукрашенныя вѣтки раздаются дѣвушкамъ, которыя въ отплату должны наготовить особыя сласти (Zuccherini)[1]. Во Франціи цвѣты разносятся по домамъ дѣвушками. Въ такомъ случаѣ онѣ поютъ:

De bon matin je me sui levée
Ah! la rosée du joli mois de mai que Dieu nous a donnée[2])!
Dans mon jardin, je suis allée,
Trois jolies fleurs, j'y ai trouvées,
Deux j'en ai pris, une ai laissée;
Si j'en ai pris, c'est pour vousen donner (Forez)[3].

(«Рано утромъ я встала, я пошла въ садъ, тамъ нашла я три красивыхъ цвѣтка, я взяла два и третій оставила; если я сорвала ихъ, то это для того, чтобы дать ихъ вамъ»).

Здѣсь изображается какъ бы и тотъ первый актъ этого обрядоваго дѣйства который мы видѣли выше; пѣвцы представляютъ себя ходившимися рано поутру въ лѣсъ, какъ въ приведенномъ мною старо-французскомъ романѣ и въ отрывкахъ изъ Чоусера; теперь молодежь возвращается и приноситъ цвѣты. Вѣроятно и въ Италіи происходило тоже самое: нѣкоторые куплеты пѣсней изъ Пистойскихъ горъ сообщаютъ, что

Noi si vien dalle colline
Tutti allegri giubilanti[4].

(«Веселые и довольные, мы пришли сюда съ пригорковъ»).

---

1) Barbi, Maggi *A. p. l. st. di. tr. it.* VII, p. 97—98.
2) Припѣвъ повторяется послѣ каждой строки.
3) *Romania* II, p. 60 (Smith).
4) *A. p. l. st. di trad. pop.* VII, p. 106 и тоже p. 99 въ другомъ варіантѣ.

Что при этомъ несутъ цвѣты, это категорически заявляется въ одной пѣснѣ:

E per meglio assicurarvi
Che siam giunti a primavera,
Un mazzetto in questa sera,
Una rosa vo'donarvi [1]).

Къ этому же типу относится и испанскій обрядъ. Здѣсь поетъ только одно лицо: мальчикъ или дѣвочка, спрятанные въ нѣчто въ родѣ передвижного шалаша изъ свѣжихъ вѣтокъ. Толпа сопровождающая его только собираетъ подачки. Мальчикъ скрытый зеленью называется «Mayo», дѣвочка — «Maya», они поютъ:

Esté e'o Mayo que Mahiño é
Esté e'o Mayo que anda d'o pé [2]) и т. д.

Въ Португаліи совершаютъ такой же обходъ съ мальчикомъ убраннымъ зеленью [3]). Такую же фигуру водятъ съ собой поздравители 1-го мая и во Франціи. Въ Бри ее называютъ le père May, въ Бургони — le fouillé. Извѣстіе это находится однако только у **Маннгардта** [4]), и мнѣ не случалось увидѣть описаніе подобныхъ обрядовъ во французской фольклористической литературѣ. Вродѣ этого производился нашъ обрядъ и въ Италіи. Покрайней мѣрѣ на одной старой вышивкѣ Флорентійскаго Археологическаго музея, изображающей мѣсяцъ Май, представлена слѣдующая картинка: на переднемъ планѣ три дамы, и мальчикъ подаетъ имъ блюдо; онѣ кладутъ на него монеты; за мальчикомъ, верхомъ на ослѣ маленькій ребенокъ, съ развѣсистымъ деревомъ въ рукахъ; сзади остальная молодежь съ свѣжими вѣтками. Съ зеленой вѣткой въ рукахъ производилъ

1) Ibid., p. 107.
2) *Romania* VI, pp. 52 et 67 (сообщ. Milà y Fontanals'омъ); тоже у **Ballesteros**, Cancionero Gallego II, p. 194—198.
3) **Braga**, O povo post. II, p. 281.
4) Wald. u. Feldkulte I, s. 314.

въ XV в. въ Феррарѣ описываемый обрядъ и Rinaldo d'Este [1]).

Свѣжая вѣтка, только что распустившейся растительности, или человѣкъ, съ ногъ до головы покрытый зеленью, или иная эмблема весны, составляютъ черту, присущую обряду весенняго привѣтствія почти у всѣхъ индо-европейскихъ народовъ. Мы увидимъ нѣсколько дальше, что этотъ послѣдній типъ нашего обряда слѣдуетъ считать самымъ основнымъ, исконнымъ, отражающимъ, то первоначальное значеніе, какое имѣлъ обрядъ весенняго привѣтствія, въ глазахъ народа. Онъ наводилъ уже на пониманіе сокровеннаго значенія этого обряда Маннгардта и Фрезера.

Напротивъ, случайнымъ и позднимъ нужно признать тотъ религіозный характеръ нашего обряда, который онъ иногда принимаетъ у романскихъ народовъ. Во Франціи, Португаліи и Италіи дѣвушки собираютъ подарки, деньги и яйца, не въ свою пользу, а на украшеніе престола Божіей Матери. Такъ и въ пѣснѣ поется:

Ce n'est pour boir'ni pour manger;
C'est pour aider avoir un cierge
C'est pour lumer la noble vierge [2]).

(«Не для того, чтобы проѣсть или пропить, а для того, чтобъ поставить свѣчку, чтобы освѣтить благородную Дѣву»). Эта новая черточка пристала къ обряду весенняго привѣтствія въ XVIII в., когда католическая церковь посвятила мѣсяцъ Май Богородицѣ [3]).

---

1) d'Ancona, Orig. del teatro it. I, p. 248; Ferraro, Superst., Usi e Proverbi monferrini, p. 37, Rezasco, Maggio, pp. 31—32 и 34.

2) Puymaigre, Ch. du pays Messin I, p. 251; Sauvé Hautes Vosges *Lpdtln* XXIX, p. 133; Cortet, Essay s. l. f. pop. p. 160 разсказываетъ даже, что въ XV, съ дѣвушками вслѣдъ за mariée ходилъ и священникъ; см. еще Barbi, въ *A. p. l. st. d. tr. p.* VII, pp. 108—109.

3) См. A. Nicolas, La Vierge Marie vivant dans l'église. 3ème partie II, 2nde ed. Paris 1860, p. 287; посвященіе мая Богородицѣ вызвало цѣлую литературу

Кромѣ 1-го мая, или одного изъ воскресеній мая мѣсяца, весеннее привѣтствіе производится въ Италіи на Пасху и на страстную субботу. Въ Монферато, рабочіе приходятъ къ дому хозяина, напѣвая пѣсенку, которая называется canzone dell'ovo. Въ ней также высказываются пожеланія благополучія и испрашиваются яйца [1]); Во Франціи изъ праздниковъ, могущихъ быть отнесенными къ весеннему циклу, привѣтственная пѣсня поется на масляницу и на пасху. Однако извѣстные мнѣ тексты этихъ пѣсенъ, или вѣрнѣе куплетовъ, носятъ, то шуточный, то прямо нищенскій характеръ. Весенній привѣтъ въ нихъ вовсе отсутствуетъ; кромѣ просительной строфы ничего и не уцѣлѣло. Въ Арденахъ сажаютъ на осла толстощекаго мальчика, вѣроятно олицетворяющаго сытную масляницу, и водятъ его съ собою отъ дома къ дому; при этомъ поютъ:

Saint Pançard n'a pas soupé
Vous plait-il de lui en donner?
Une petite croute de pâté?
Taillez haut, taillez bas.
Si vous n'avez pas de couteau,
Donnez lui tout le morceau [2]).

На Пасху попадаются еще болѣе безличныя обращенія [3]). Это ужъ пѣсня нищихъ въ родѣ той, которую пародировалъ Риш-

---

такъ наз. «Mois de Mai»; такихъ книжечекъ около 100; самая старая въ Нац. Библіотекѣ 1816 г.; появленіе ихъ вызвано сочиненіемъ итальянца Lalomia Il mese di maggio consecrato alle glorie della Madre di Dio etc. Palermo 1758. Еще въ 1787 г. эта книжка была перевена по франц. въ Nancy. Другой переводъ былъ сдѣланъ позднѣе, уже 1807 г. безъ упоминанія имени Лаломіи. Интересна замѣтка на стр. 5-ой изданія 1816 г.: «Le titre de cet ouvrage pourra surprendre»; очевидно, это еще было въ новѣ. Что въ XVII в. этотъ обычай еще не существовалъ, несомнѣнно: въ книгѣ Mre Louis Abelly, La tradition de l'Eglise touchant la dévotion... envers la Mère de Dieu 2 ed. Paris 1662, 8° [Bibl. N. D. 3976] не говорится о немъ ни слова.

1) Ferraro Canti Monf. p. 123.

2) Tarbé, Rom. de Ch. II, p. 44; таже пѣсня поется и на 1-ое воскресенье великаго поста (Dimanche des Brandons).

3) Ibid., p. 49.

пенъ. Безсодержательность пасхальной пѣсни объясняется можетъ быть тѣмъ, что въ старину по этому случаю пѣлись духовные стихи о страстяхъ Господнихъ.

Нѣсколько большій интересъ, представляетъ для нашихъ цѣлей, пѣсенка въ Бри:

Pasque fleurit
En Iesus Crist!
Harangère,
Poissonnièree
Videz vos câques!
C'est aujourd'hni Samedi,
C'est demain Pasque! [1])

Мальчики, распѣвая эту пѣсню, обращаются очевидно къ торговкамъ соленой рыбой; ея сбыту съ наступленіемъ пасхальныхъ розговенъ придетъ на время конецъ.

Привѣтственная весенняя пѣсня пріурочивается такимъ образомъ у романскихъ народовъ вполнѣ опредѣленно только къ празднику 1-го мая; но въ народномъ быту сохранились лишь самые блѣдные пережитки соблюденія того-же обряда въ началѣ весны. Подвигаясь ближе къ востоку Европы, мы увидимъ однако, что это болѣе раннее пріуроченіе весенняго привѣтственнаго обхода встрѣчается все чаще и чаще. Въ Россіи весенняя поздравительная пѣсня поется даже исключительно на Пасху.

Покамѣстъ обратимся однако къ сѣверо-западу.

Въ Даніи, когда Maigraf справляетъ свой торжественный въѣздъ въ деревню, начинается хожденіе по домамъ. При этомъ поются особыя пѣсни молитвеннаго характера съ припѣвомъ «Maye er velkommen!» [2]). Схоже съ этимъ производится этотъ обрядъ на «Valborg Mass Eve» и въ Швеціи [3]). Въ Голлан-

1) Poésies pop. de la Fr. (Bibl. Nat. Mss. Nouv. Acqu. № 3341, p. 93 verso).

2) I. M. Thiele, Danske Folksagen. Kjöbnhavn 1818, I, s. 145 и слѣд., 119 и слѣд.

3) Du Chaillu, The Land of the Midnight sun v. II, p. 411—414, приведено въ *The Folk-Lore Record* V, p. 163—164.

діи, какъ и у романскихъ народовъ, ходитъ и майская парочка [1]).

Старая веселая Англія знала привѣтственную пѣсню только на 1-ое мая, какъ Франція и Италія. Въ Лондонѣ обязанность пѣть ее лежала на молочницахъ. Онѣ рядились по этому поводу въ самыя яркія цвѣта и носили на головахъ вмѣсто обычныхъ горшковъ молока пирамиду тарелокъ, украшенную лентами и цвѣтами [2]). Въ Ньюкастлѣ на Тайнѣ рано утромъ ходила по улицѣ женщина, несшая свѣжіе вѣнки. Вѣнки эти продавались желающимъ. Она пѣла пѣсенку обращенную къ своимъ подругамъ:

Rise up, maidens! fy for shame!
For I've been four lang miles from hame:
I've been gathering my garlands gay:
Rise up, fair maids, and take in your May» [3]).

(«Встаньте, дѣвушки, стыдитесь; я уже была за три длинныя мили отъ дома; я собирала мои веселыя гирлянды. Встаньте красавицы и внесите въ домъ Май»). Въ Суффолкѣ рабочіе приносили утромъ на ферму 1-го мая вѣтку цвѣтущаго терновника и пѣли слѣдующій коротенькій стишокъ:

This is the day
And here is our May,
The finest ever seen,
It is fit for the queen;
So pray, ma'am, give us a cup of your cream [4]).

(«Насталъ день и вотъ нашъ Май, самый красивый какой когда либо видѣли, онъ годенъ для королевы. Пожалуйста сударыня дайте намъ чашку сливокъ»). Подобные обряды справляются до

1) Mannhardt, W. u. Fk. I, s. 432.
2) Brand-Ellis Pop. Ant. I, p. 217.
3) Ibid., p. 219.
4) Ibid., p. 229 & Dyer Br. pop. cust. p. 263.

сихъ поръ въ деревенскихъ округахъ Соединеннаго Королевства въ Беркширѣ, Эссексѣ, Герфортширѣ, Гантингтонширѣ, Нортгэмптонширѣ и др. мѣстахъ [1]). Дайеръ приводитъ два варіанта такъ наз. «Mayer's song» [2]). Въ этой пѣснѣ заявляется также о принесеніи майской вѣтки:

Remember us poor mayers all,
And thus do we begin
To lead our lives in righteousness,
Or else we die in sin.

—

We have been rambling all this night,
And almost all this day,
And now returned back again
We have brought you a branch of May [3]).

(«Вспомните о насъ бѣдныхъ «mayers», мы начинаемъ вести честную жизнь, иначе мы умремъ въ грѣхѣ. Мы бродили всю эту ночь и почти весь день, и теперь, прійдя назадъ, мы приносимъ вамъ вѣтку Мая»).

Иногда къ мотиву внесенія зеленыхъ вѣтокъ и цвѣтовъ присоединяется и другой мотивъ, знакомый намъ изъ обзора весеннихъ обходовъ у романскихъ народовъ: въ поздравительную процессію вводятся lord and lady of May, соотвѣтствующіе королевѣ и королю, графу и графинѣ, невѣстѣ и жениху романской обрядности. Такъ въ серединѣ этого вѣка въ Гедингтонѣ около Оксфорда, дѣти носили по деревнѣ огромную гирлянду на длинныхъ палкахъ, за гирляндой слѣдовали дѣвочки и мальчики, связанные другъ съ другомъ бѣлыми носовыми платками. Это и есть lord and lady of May. Маленькая госпожа Мая носитъ съ собою мѣшокъ. Въ каждомъ домѣ поздравители просятъ наполнить его

1) Dyer l. c. pp. 233, 237, 240—241, 251, 261 etc.

2) Ibid., pp. 233 & 240.

3) Ibid., p. 240—241; таже у гр. Мартиненго-Чезареско, Songs tor the Rite of May. p. 255, въ ея Essays in the St. of F. S.

деньгами. Когда монетка дана, господинъ Мая снимаетъ болѣе или менѣе граціознымъ движеніемъ шляпу, цѣлуетъ свою госпожу, и только послѣ этого монетка попадаетъ въ мѣшокъ [1]).

Въ Соединенномъ Королевствѣ преобладаетъ такимъ образомъ среди обрядовъ поздняго весенняго привѣтствія именно тотъ типъ, который я назвалъ типомъ основнымъ и исконнымъ. Безъ эмблематическаго внесенія въ домъ свѣжей зелени хоръ поздравителей почти и не рѣшается выпрашивать себѣ подарковъ и угощенія. Въ Германіи къ этой чертѣ внесенія зелени прибавляются иногда еще и другія черты, которыя помогутъ еще лучше оттѣнить жизненное значеніе нашего обряда. Рядомъ съ этимъ здѣсь сохранились въ большей полнотѣ и тѣ привѣтственные пѣсни, знаменующія наступленіе весны, которыя у болѣе западныхъ народовъ почти совершенно выродились. Въ нѣмецкой поздравительной пѣснѣ весенніе мотивы начинаютъ слышаться съ самой масляницы. Они повторяются, и на воскресенье 4-й недѣли великаго поста (Mid Fasten или Laetare), и на Пасху и тянутся до самаго 1-го мая и Духова дня.

Во время первой половины великаго поста по мнѣнію нѣмецкаго народа зима встрѣчается съ лѣтомъ и вступаетъ съ нимъ въ единоборство; происходитъ споръ или состязаніе, причемъ зима терпитъ разумѣется, пораженіе. Это представленіе создало цѣлую пѣсенную литературу и кристаллизовалось въ особомъ обрядѣ [2]); нѣсколько дальше мы подробно ознакомимся съ нимъ [3]). Споръ зимы и лѣта отразился и на весенней поздравительной пѣснѣ, пріуроченной къ воскресенью на 4-й недѣли поста. Въ этотъ день Пфальцѣ молодежь, вооруженная палками, обвязанными разноцвѣтными лентами, переходитъ изъ дома въ

---

1) Brand l. c. I, p. 233—234. Иногда является только одна May lady и ее изображаетъ даже кукла см. фотографію въ *Folk-Lore* 1894, pp. 442—443; ср. *Folk-Lore* VIII (1897), p. 308.

2) Объ этомъ см. А. Н. Веселовскій, Три главы изъ исторической поэтики, *Ж. М. Н. Пр.* 1898, апрѣль и май, стр. 19—23 отд. оттиска.

3) См. первый параграфъ слѣдующей главы.

домъ и поетъ пѣсенку, сохранившуюся въ цѣломъ рядѣ варіантовъ[1]). Какъ это бываетъ обыкновенно въ пѣсенной литературѣ, ни одинъ изъ нихъ не представляетъ собою сколько-нибудь исправнаго текста, но сопоставивши ихъ вмѣстѣ, можно отдать себѣ отчетъ о первоначальномъ складѣ и содержаніи этой пѣсенки. Судя по тексту XVIII в. она состояла изъ коротенькаго куплета въ 2 рифмующія между собой строчки и особого припѣва, повторяющагося за каждымъ куплетомъ. Припѣвъ этотъ, звучащій въ текстѣ XVIII в.:

Tra - ri - ro
Der sommer der ist do [2])

сохранился почти во всѣхъ современныхъ варіантахъ, правда, уже не въ видѣ припѣва: въ одной пѣснѣ онъ составляетъ запѣвъ; въ другихъ просто вошелъ въ самый текстъ пѣсни[3]). Первый куплетъ могъ звучать, какъ въ пѣсни XVIII в.

Wir wollen hinter die Hecken
Und wollen den sommer wecken,

второй куплетъ, быть можетъ, состоялъ изъ 1-го куплета двухъ другихъ варіантовъ:

Die Veilen und die Blumen
Die bringen uns den Summer [4]),

третій можетъ быть, въ первоначальномъ текстѣ и первый, торжествовалъ побѣду надъ зимой:

---

1) Erk-Böhme, D. Lh. III, s. 130—131, № 1219 и далѣе №№ 1219—1223; ср. еще Wintzschel-Schmidt, Kl. Beitr. 2 Th., s. 300 и Grimm, D. M. a. п. p. 765; эта странная особенность разбираемой формы обряда, по которой ходятъ пѣть поздрав. пѣсню съ длинными палками въ рукахъ, встрѣчается еще у чеховъ и лужицкихъ сербовъ см. Kollar, Nar. sp. II, str. 68—69 (на масляницу) и Срезневскій, Зап. *Живая Старина* в. II (1890), отд. 1-й стр. 55.

2) Erk-Böhme l. c. № 1219 (взято изъ *Deutsches Museum* 1778, s. 362 и f.).

3) Ibid., №№ 1220, 1221, 1222 etc. u Wintzschel-Schmidt passim.

4) Ibid. u Erk Böhme, l. c. № 1221 и 1223.

Der Winter leit gefangen
Den schlagen wir mit staugen [1]).

Такое представленіе соотвѣтствовало вполнѣ самому обряду, т. е. ношенію разукрашенныхъ палокъ. Послѣ этого слѣдовали вѣроятно пожеланія хозяевамъ. Изъ нихъ одно вполнѣ соотвѣтствуетъ стихосложенію пѣсни и встрѣчается въ другихъ варіантахъ:

Dem Herrn wünschen wir'nen goldnen Tisch
Drauf sollen sein gebackne Fisch [2]).

На остальныхъ пожеланіяхъ, напр., жениха дочери, полныхъ шкаповъ пряжи хозяйкѣ и пр., я уже останавливаться не буду. Равнымъ образомъ я не буду возстановлять и юмористическаго просительнаго куплета, который переживаетъ, конечно, въ громадномъ разнообразіи во всѣхъ варіантахъ.

Разобранная мною пфальцская пѣсня восходитъ внѣ сомнѣнія къ XVI в. Въ одномъ календарѣ 1584 года помѣщена ея литературная обработка. Въ этой передѣлкѣ уже нѣтъ припѣва, и она состоитъ изъ 5 куплетовъ въ 4 строчки, рифмующихъ послѣдовательно по двѣ строки [3]). Первый стихъ приведенной пѣсни встрѣчается и въ саксонской пѣсенкѣ, при совершенной тождественности обряда [4]). Близка къ пфальцской и соотвѣтственная пѣсня нѣмецкой Богеміи [5]).

Въ Вестфаліи молодежь обходитъ дома съ такими же палками, только намековъ на споръ зимы съ лѣтомъ здѣсь уже не дѣлается никакихъ. Производится это въ четвергъ на масляницу: «Lütkenfassel - åvent». Пѣсенки, которыя при этомъ поются, со-

1) Ibid., № 1219.
2) Ibid., № 1221 и Wintzel-Schmidt 2-er Th. s. 300.
3) Erk-Böhme, l. c. № 1218; объ этой песенкѣ см. ниже главу третью «объ изгнаніи смерти» (среди очистительныхъ обрядовъ).
4) Ibid., № 1226.
5) Ibid., № 1227.

хранились, въ короткихъ, неполныхъ и въ большинствѣ случаевъ шуточныхъ варіантахъ. Запѣвъ ихъ намѣкаетъ на то, что мы и тутъ имѣемъ дѣло съ первоначально одной и той же пѣснею [1]). Они поются отъ имени олицетворенной масляницы:

Fasselåwend häit ik
alle schelmstücke wäit ik и т. д. [2])

Подобный обрядъ совершается и въ Voigtland'ѣ и въ Erzgeburge; но палка стала носить другое назначеніе: ее приспособили, чтобы прямо изъ окна получать гостинцы [3]).

Такъ же какъ и въ вестфальской группѣ пѣсенокъ, ужъ безъ намековъ на споръ лѣта съ зимой, звучитъ весенняя привѣтственная пѣсня въ Обервальдѣ и Швейцаріи. Она поется, какъ и пфальцская, въ воскресенье на 4-й недѣлѣ:

Hüt ist Mitti-Faste,
mer hei kei chorn im chaste
Wie der Winter ist so chalt!
Die Röseli vor dem gruene Wald [4]).

И въ пожеланіи, и въ стихосложеніи эта пѣсня близка къ пфальцской, хозяину и здѣсь хоръ напѣваетъ золотой столъ и по жареной рыбѣ на каждомъ его углу [5]). Близость по складу этой пѣсни съ пфальцской выражается еще и въ томъ, что и эта пѣсня всего вѣроятнѣе пѣлась съ припѣвомъ послѣ каждыхъ двухъ рифмующихъ строкъ. Сохранился этотъ припѣвъ, правда, только въ одномъ варіантѣ.

Масляничновеликопостному циклу весенней поздравительной пѣсни не чуждъ и тотъ типъ ея, на который я особенно настаи-

1) Kuhn, Westf. Sagen II, s. 125—127; Erk-Böhme, l. c. III, s. 125, № 1207.

2) Kuhn, l. c., s. 126.

3) Erk-Böhme, l. c. III, № 1208, s. 126.

4) L. Tobler, Schw. V. II, s. 237; Erk-Böhme, l. c. III, № 1224, s. 134—135. Тутъ указаны другіе варіанты.

5) Строфа 9-я текста Erk-Böhme.

валъ, говоря о сродныхъ пѣсняхъ романскихъ народовъ. Внесеніе свѣже-распустившихся вѣтвей при совершеніи обряда привѣтствія, которое въ романскихъ странахъ и въ Англіи совершается въ началѣ мая, въ Германіи встрѣчается кое-гдѣ, и на масляницу, и въ срединѣ великаго поста. Проповѣдникъ XVII в. Лубберть въ своей обличительной книжкѣ «Fastnachteufel» возмущается тѣмъ, что въ воскресенье на масляницѣ «дѣти, вооруженные длинными шестами обвитыми зелеными листьями, расхаживаютъ, заходя въ дома и поютъ всевозможныя пѣсни». Это происходило вѣроятно въ городкѣ Болендорфѣ около Любека, гдѣ жилъ этотъ священникъ [1]). Упоминаемый имъ обрядъ безъ сомнѣнія тотъ самый, который мы видѣли въ Пфальцѣ и Швейцаріи. Только въ версіи Лубберта палки оказались украшенными зеленью. Ужъ прямо зеленыя вѣтки разноситъ по домамъ хоръ поздравителей въ Мекленбургѣ; онъ и въ пѣсни своей прямо поетъ:

Ich bring zum Fastel-Abend einen grünen Busch
Habt ihr niest Eier, gebet uns Wurst [2]).

Въ нѣмецкой Богеміи (около города Трубау) привѣтственный хоръ также ходилъ на 4-ое воскресенье великаго поста съ распустившимся уже деревомъ и пѣлъ при этомъ:

Maia, Maia, Summa grü,
die liebn Engel signa schü
sie singa all' zu gleicha
im grussn Himelreicha и т. д. [3])

Тексты другихъ весеннихъ поздравительныхъ пѣсенъ, какъ швейцарскія: «Um's wurstli singen» и нѣмецкіе «Eiergänge» не представляютъ слѣдовъ болѣе или менѣе отчетливаго вос-

---

1) Grimm, D. M. a. п. стр. 770 прим.
2) Bartsch, S. S. G. aus Mekl. II, s. 254.
3) Vernaleken, M. G. der V. aus Oestr. I, s. 298; ср. варіантъ: Erk-Böhme c. III, № 1236, s. 142, который поется въ маѣ.

поминанія о смыслѣ обряда. Они сохранили только просительную часть текста, которую иной разъ несообразно развили[1]). Такіе же безличные грубо попрошайническіе стихи поются и на Вербное воскресенье и на Пасху[2]). На нихъ я останавливаться не буду.

Перейдемъ скорѣе къ слѣдующему циклу весеннихъ праздниковъ, къ 1-му маю и къ особенно чествуемому нѣмецкимъ простонародьемъ Духову дню[3]). Прежде всего надо конечно и тутъ выдѣлить тѣ мѣстности, гдѣ обрядъ стерся, утратилъ всѣ черты особенно для него характерныя, а пѣсня превратилась въ присказку (Spruch), отражающую, разумѣется, одинъ только просительный куплетъ. Таковы присказки Эльзаса, Пфальца и Граца. Ихъ поютъ, совершая свой привѣтственный обходъ, мальчики или молодые парни на Духовъ день[4]). Послѣдней степенью вырожденія нашего обряда долженъ быть признанъ тотъ его видъ, который былъ принятъ въ 40-хъ годахъ истекшаго вѣка въ окрестностяхъ Эйзенаха. Здѣсь хоръ поздравителей, носящій названіе Huren состоитъ изъ людей одѣтыхъ въ рубища и старыя женскія юбки; Huren очевидно изображаютъ нищихъ[5]). При этомъ весеннія черты обряда, разумѣется, стушевывались вовсе.

Нѣмецкіе поздравительные обходы этого второго болѣе поздняго пріуроченія почти тождественны съ соотвѣтственными обрядами другихъ европейскихъ народовъ. Только здѣсь, какъ

---

1) Библ. см. у Tobler'a, Schw. Vl. I, s. CXLIII—CXLV, а также и нѣсколько текстовъ II, s. 234—247; тоже Spee, Vth. v. Nrh 1es Heft, s. 1—2.

2) Erk-Böhme, DLh III, ss. 138—140, №№ 1228—1231.

3) Если слова Нитгарта:

mägde ir nemt des meien stiuwer

ed. Haupt 18,16 (ср. Bielschowsky Gesch. der hof. dorfr., s. 18) можно понять, какъ намекъ на разбираемый теперь обрядъ, то здѣсь мы имѣемъ самое древнее его упоминаніе.

4) Erk-Böhme, DLh, № 1249, III, s. 148.

5) Wintzschel, S. u. Gebr. aus d. Umg. v. Eisenach, s. 13 и 54; Mannh. W. u. Fk. I, s. 440—441.

впрочемъ и въ Англіи и на сѣверѣ, рѣже встрѣчается мотивъ королевы, графини, невѣсты или любовной парочки. Онъ отмѣченъ правда въ Альтмаркѣ и въ Брауншвейгѣ, гдѣ водятъ невѣсту, называя ее Maibraut[1]). Въ Вестфаліи и въ Ольденбургѣ, около Дюсельдорфа вмѣсто Maibraut говорятъ еще Pfingst-brûd потому очевидно, что обрядъ пріурочивается къ Духову дню, а не къ 1-му мая. Около Дюсельдорфа хоръ, сопровождающій невѣсту, поетъ коротенькую пѣсеньку въ прославленіе ея и ея возлюбленнаго[2]). Около Мюнхена водятъ парочку и обрядъ носитъ названіе Sandrigl[3]). Нѣчто подобное совершается и въ Саксоніи[4]).

Въ большинствѣ мѣстностей Германіи переживаютъ разновидности привѣтственнаго и просительнаго обхода, съ выпукло выступающимъ чисто весеннимъ мотивомъ. Мотивъ этотъ сказывается, и въ подробностяхъ обряда, и въ припѣвѣ пѣсни, и въ кое какихъ намекахъ и замѣчаніяхъ, разсѣянныхъ въ пожеланіяхъ. Нигдѣ весеннее настроеніе не выдержано такъ настойчиво, какъ въ слѣдующей пѣсенькѣ:

Der liebe Maie zieht ein
Mit Lied und sonnenschein.
Es bringt Blümelein rot und weiss;
Wir fegen die Brunnen ihm rein
Im Mai, im Mai, Juchhei!
Der Mai bringt Vögelein jung und alt,
Im grünen, grünen Wald[5]).

Въ этой пѣснѣ весенній мотивъ отзывается однако книжностью. Онъ болѣе отчетливъ въ томъ типѣ весенняго обхода, на которомъ я каждый разъ останавливаюсь съ особымъ вни-

---

1) **Mannh.** W. u. Fk. I, s. 438; **Erk-Böhme**, l. c. III, s. 145.
2) *Z. d. V. f. V.* II, s. 82; **Erk-Böhme**, l. c. III, № 1243.
3) **Panzer**, Beitr. II, s. 81, № 124.
4) **Sommer**, S. M. u. G. aus Sachsen und Thüringen, s. 151.
5) **Montanus**, Volksf. s. 31.

маніемъ. Если въ Испаніи поздравительный хоръ водитъ съ собою мальчика спрятаннаго въ передвижную будку, сплетенную изъ свѣжей зелени, то въ Германіи убираютъ зеленью съ головы до ногъ молодого человѣка, и онъ долженъ сопровождать хоръ изъ дома въ домъ. Эту фигуру называютъ: der grüne Mann, Grasskönig, Laub mänchen (въ Тюрингіи)[1], der Fustige Mai (въ Альтмаркѣ)[2], Pfingst mänchen (въ Гессенѣ)[3], Pfingstl (въ нижней Баваріи и въ Саксоніи)[4], Lotzmann (въ Швабіи)[5], Pfings käss (въ Брейсгау)[6], Maienrösslein и Pfingst klötzel (въ Эльзасѣ)[7].

Въ Саксоніи передъ самымъ обходомъ Pfingstl'я — хоръ исполняетъ и еще одинъ обрядовый актъ, повидимому имѣющій цѣлью показать, откуда взялась эта зеленая фигура. Этотъ 1-ый вступительный актъ обрядовой комедіи называется «den wilden Mann aus dem Busche jagen». Однако содержаніе его, какъ мы сейчасъ увидимъ, этому названію вовсе не соотвѣтствуетъ: одинъ изъ парней заранѣе убѣгаетъ въ лѣсъ и прячется въ кустахъ; толпа будущихъ поздравителей начинаетъ искать его и, разумѣется, скоро находитъ; но парень не поддается и убѣгаетъ. Тогда начинается стрѣльба холостыми зарядами. Парень притворяется убитымъ и падаетъ. Толпа идетъ къ нему, отряжаетъ одного изъ своихъ, чтобы играть роль доктора и вернувши парня къ жизни, торжественно ведетъ его въ деревню[8]).

Во всѣхъ этихъ разновидностяхъ поздравительнаго обхода поются, конечно, всего чаще пѣсни безсодержательныя, отражающія одинъ просительный куплетъ. Нѣкоторыя пѣсни, со-

---

1) Wintzschell, S. S. u. G. aus Thüringen II, 202 ff.
2) Kuhn, M. S. 321 и f.; Mannhardt, W. u. Fk. I, s. 324.
3) Kolbe, H. Vs. 2 Aufl. s. 60.
4) Panzer, Beitr. I, s. 235; Sommer, S. M. u. G. aus Sachten, s. 155.
5) Birlinger, Vth. aus. Schwaben I, s. 120 и f.
6) *Z. d. V. f. Vk.* VII (1898), s. 328—329.
7) Stober, Els. Vb. s. 56; Mannh. W. u. Fk. I, s. 312.
8) Mannh. W. u. Fk. I, s. 333.

хранили однако типичный припѣвъ; онѣ слышатся на Рейнѣ. Самое содержаніе и въ нихъ отражаетъ только просительный куплетъ, но припѣвъ, звучащій въ нѣсколькихъ варіантахъ:

Fierrosen Blumelein

или

Fein Rosenblümelein,

даетъ право предположить, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ болѣе устойчивой пѣсенной традиціей. Можетъ быть, и грубые комплименты одного изъ этихъ варіантовъ отражаютъ дѣйствительно привѣтственный мотивъ:

Dat Huhs, dat steht op Muhre
Drenne wonne fette Buhre.
De (NN) es en jode Mann,
Gitt os wat e gäwe kann и т. д.[1]).

(Домъ стоитъ на стѣнахъ, въ немъ живутъ жирные мужики; NN хорошій человѣкъ, дайте намъ, что можете). «Жирные мужики» несомнѣнно прославленіе хозяина и его зажиточности, которое въ русскихъ пѣсняхъ подобнаго рода будетъ занимать центральное мѣсто. Намекъ на подобное прославленіе мы видѣли уже во французскихъ trimouzettes.

Къ обряду даннаго типа примыкаютъ швейцарскія и сѣверно-нѣмецкія пѣсеньки о «Maierrösslein» или «Pfungstblüme»[2]); въ нихъ, повидимому отразилось нѣчто вродѣ танца, исполняемаго фигурой схожей съ «Pfingstl'омъ.

Въ нѣмецкомъ варіантѣ этой пѣсеньки одѣтой въ зелень фигуркѣ говорятъ:

Maireesele, kehr di dreimal erum,
Loss de beschaie rum un rum![3])

---

1) *Am Urquel* V, s 18; ср. Erk-Böhme, l. c. III, s. 150, №№ 1252 и 1253.

2) Samlung von schweizer-Kuehreihen und Volksliedern 3tte Aufl. Bern 1818, s. 56—57; прив. у Tobler'a и Erk-Böhme l. c. III, ss. 143—144.

3) Erk-Böhme, l. c. № 1239, III, s. 143.

Припѣвъ «So fahre wir vo Maie in di Rose» повидимому припѣвъ старый. Онъ встрѣчается въ одномъ отрывкѣ пѣсеньки еще XVI в.[1])

Рядомъ съ указаннымъ только что типомъ весенняго поздравленія оно производится и проще. Вмѣсто зеленой фигуры убранной въ свѣжія вѣтки и цвѣты вносится и просто только что распустившаяся вѣтка. Такъ привѣтствовали съ наступленіемъ весны на 1-ое мая въ Цюрихѣ въ началѣ этого вѣка. Такъ совершается этотъ обрядъ и въ Эйфлѣ. Здѣсь поютъ:

Wir kommen hier gegangen
Röschen roth
Ihr wollt uns schön empfangen
Roschen roth.

Въ концѣ пѣсни напѣваютъ, какъ мы это видѣли и въ англійскихъ майскихъ пѣсняхъ:

Wir stellen euch den Mai[2]).

Болѣе многозначительно напѣваютъ на нижнемъ теченіи Рейна. Здѣсь прямо поютъ на Духовъ день:

Wir bringen euch den Mai in't Hut
Und holen uns'nen naten Fut[3]).

Хоръ такимъ образомъ не только поздравляетъ съ наступленіемъ весны, не только высказываетъ извѣстныя пожеланія, онъ вноситъ въ домъ къ очагу свѣжую эмблему весны, самый наглядный показатель ея наступленія.

Свѣжая молодая растительность, конечно, символизируетъ вполнѣ естественно весеннее оживленіе природы. Но рядомъ съ нею есть другой столь же радостный показатель наступленія

1) Erk-Böhme, l. c. III, № 1240, s. 144.
2) Ibid., № 1237; Schmitz, S. и G. d. Eifl. V. I, s 33.
3) Mannh. W. u. Fk. I, s. 162; Montanus, D. V., s. 29 и 31; Erk-Böhme, l. c. III, № 1234, s. 141.

весны. Весной природа пробуждается и въ пѣньи птицъ. Соловей, ласточка, кукушка сами какъ бы совершаютъ весеннее привѣтствіе. Около Дюсельдорфа хоръ поздравителей напѣвая хозяину богатство поминаетъ въ своей пѣснѣ весеннихъ птицъ, какъ вещественный признакъ наступленія новаго времени года:

Vögele geflogen, gestowen wall öwer de Rhîn
wo di fette Farke sîn.
Farke hewwe statter
Köj'hewwe Hönder
Jeffers hewwe Tönder
Üss der dann genne rîke Mann
denn uss brâw watt gewe kann?[1])

(«Прилетѣли птицы изъ за Рейна, гдѣ есть жирныя свиньи. Пусть имѣется вдоволь свиней, сто коровъ и тысяча овецъ. Отъ нихъ будешь богатымъ человѣкомъ, могущимъ намъ свободно дать что нибудь»).

Мы увидимъ дальше, что символизмъ весеннихъ птицъ и за предѣлами Германіи: у славянъ и новогрековъ, зачастую замѣняетъ символизмъ свѣжей растительности. Онъ правда какъ будто менѣе устойчивъ; можетъ быть по пословицѣ: «Одна ласточка весны не дѣлаетъ» весеннимъ птицамъ, какъ показателю весны, люди менѣе довѣрялись, предпочитая удостовѣриться на болѣе дѣйствительныхъ и осязательныхъ данныхъ.

Символизмъ птицы сохранился въ Германіи еще въ связи съ одной своеобразной особенностью весенняго поздравительнаго обхода, съ которой мы еще не встрѣчались. Ознакомившись съ ней на почвѣ нѣмецкаго фольклора, въ дальнѣйшихъ экскурсахъ мы будемъ часто съ ней вѣдаться. Въ нижней Баваріи молодые парни на Духовъ день разъѣзжаютъ по селу верхами, взявъ съ собою Pfingstl'а, покрытаго съ ногъ до головы соломой.

---

1) *Z. d. V. f. Vk.* II, s. 446.

Когда обходъ кончепъ Pfinstl'а, т. е. соломенную куклу бросаютъ въ колодезь[1]). Тоже самое дѣлаютъ и въ Мейнингенѣ[2]). На нижнемъ теченіи Рейна мальчиковъ, которые носятъ съ собой свѣжія вѣтви и поздравляютъ хозяевъ каждаго дома съ наступленіемъ весны, обливаютъ изъ окна водой[3]). На эту обрядовую подробность указываетъ и пѣсня изъ нижней Баваріи[4]).

Около Эйзенаха (Рула) и въ Нассау (въ Узингенѣ) дѣти, которые ходятъ съ Pfingstl'емъ или съ Laubmännchen'омъ сами обливаютъ эти куклы водой[5]). Въ верхней Баваріи тотъ же обрядъ совершается торжественнѣе и здѣсь вмѣсто Pfingstl'а появляется уже птица: въ понедѣльникъ послѣ Духова дня водятъ по селу всадника, на котораго надѣта огромная шея лебедя. Туловище лебедя дѣлается изъ зелени и болотныхъ цвѣтовъ. Эта фигура называется Wasservogel. Ее старательно обливаютъ водой[6]). Въ Баденѣ хоръ поздравителей, который водитъ съ собой «Wasservogel'а» поетъ:

Pfingst'n is komẽ
das freut de alt.n und jungõ,
wöln di bauern's pfingstreid.n ve'cbiəən,
tät myi di best.n ross nach Friedberg reid[7]).

Въ Баумгартенѣ этотъ обрядъ, первоначально имѣвшій смыслъ заклинанія дождя[8]), котораго естественно весною ждали съ нетерпѣніемъ, выродился въ простую игру. Парни вѣшаютъ ведро

---

1) *Z. d. V. f. Vk.* III, s. 8—9; **Panzer**, Beitr. I, s. 235—236.

2) **Mannh**. W. u. Fk. I, s. 320; **Wintschel**, s. 13.

3) **Montanus**, D. V., s. 29.

4) **Erk-Böhme**, l. c. III, № 1245, s. 146, таже п. у **Panzer'a**, l. c., s. 335.

5) **Wintschel**, S. и Gebr. a. d. U. Eisenach, s. 13; **Kehrein**, Vsp. и Vs. im H. Nassau, s. 156; оба изв. у **Mannhardt'a**, B. u. Fk. I, s. 320—321.

6) **Panzer**, l. c. I, s. 234.

7) Ibid. II, s. 84.

8) **Grimm**, D. M. a. n. p. 583 и 784; Вейнгольдъ напрасно видитъ въ подобномъ обрядѣ изображеніе человѣческой жертвы *Zd. V. f. Vk.* III, s. 9.

воды на гибкомъ шестѣ прикрѣпленномъ къ столбу. На ведрѣ находились дощечки, въ которые надо было попасть, проѣзжая мимо на рысяхъ. Неловкія обливались, конечно, водой[1]).

Знакомство съ весеннимъ привѣтствіемъ въ Германіи дало намъ такимъ образомъ еще двѣ новыя его формы, забытыя западнѣе Рейна. Я распредѣлилъ имѣющіяся у меня подъ рукою данныя объ этомъ обрядѣ въ географическомъ порядкѣ именно для того, чтобы было совершенно ясно, какъ постепенно двигаясь на востокъ, естественно обогащаешь свои свѣдѣнія по фольклору. Когда перейдя за границу Германіи въ Россію и къ славянамъ, мы будемъ здѣсь наблюдать разбираемый теперь обрядъ, онъ представится намъ въ еще большемъ разнообразіи и въ несравненной большей полнотѣ. Рядомъ съ этимъ перемѣнится и характеръ пѣсни; мы больше не будемъ имѣть дѣло съ кое-какими отрывками, съ ничтожными пережитками, мы уже услышимъ пѣсню полную содержаніемъ, выраженную при помощи всѣхъ поэтическихъ средствъ народнаго творчества.

IV.

У всѣхъ славянскихъ народовъ, у грековъ и у румынъ весенняя привѣтственная пѣсня поется также, какъ и на Западѣ, начиная съ Великаго Поста до Тройцы и майскаго праздника. У чеховъ поздравительные обходы начинаются на четвертой недѣлѣ великаго поста (Smertná neděle). Въ пѣсенькахъ, которыя здѣсь поются наступленіе весны изображается еще нѣсколько на книжный ладъ.

---

1) Panzer, l. c. I, s. 262.

Fijala, růže
kvísti nemůže,
až jí milej pán Bůh
s nebe pomůže.

—

Růžička se horěvá,
že listejčků nemá:
počkej, počkej, růžičko!
až dá pán Bůh teplíčko;

—

až zahučí hrom,
obalí se strom
listém zeleným,
kvétem červeným[1]).

(«Фіалки и розы не могутъ цвѣсти, если имъ Богъ не поможетъ съ неба.—Роза гнѣвается, что у нея нѣтъ еще листьевъ: подожди, подожди, роза! Вотъ дастъ Богъ тепло; — загремитъ громъ, одѣнется дерево зеленымъ листомъ и червоннымъ цвѣтомъ»). При стоящемъ и здѣсь на первомъ планѣ испрашиваніи подарковъ отъ хозяевъ того дома, куда пришли поздравители, они поютъ:

Pěkná paní stojí,
v bílé sukne chodí,
ona do ní sáhne,
bílý groš vytáhne,
nam ho daruje[2]).

(«Панна стоитъ въ бѣломъ платьѣ, она вынесетъ бѣлый грошъ и подаритъ его намъ»). Это вполнѣ напоминаетъ и безразличный въ обрядовомъ отношеніи нѣмецкій просительный стишекъ.

1) Erben Prost. české písně a říkalda str. 58 № 8.
2) Ibid. str. 59 № 12.

Въ Болгаріи и Сербіи подобный обрядъ совершается на Лазареву субботу (на 6-й недѣлѣ великаго поста). Въ этотъ день, какъ разсказываетъ Шапкаревъ, дѣвочки двѣнадцати и тринадцати лѣтъ собираются вмѣстѣ въ количествѣ пяти, шести, ходятъ по домамъ и поютъ Лазарскія пѣсни. Онѣ называются Лазарицами. Войдя въ домъ, Лазарицы становятся полукругомъ, лицомъ къ очагу или къ хозяйкѣ дома; одна изъ нихъ запѣваетъ пѣсню. Пропѣвъ одну или двѣ, Лазарицы цѣлуютъ руку хозяйкѣ и хозяину и получаютъ подарки[1]). Такой-же обычай существовалъ и въ Сербіи, но теперь по свидѣтельству Караджича и Ястребова онъ уже вымираетъ, и справлять его рѣшаются только цыганки или совсѣмъ бѣдныя дѣвушки[2]). Въ Болгаріи стали также уже стыдиться просительнаго обхода, и потому обрядъ этотъ принялъ нѣсколько иную форму. Также какъ испанскія и итальянскія дѣвушки, болгарки уже болѣе не ходятъ по домамъ, а располагаются гдѣ нибудь на перекресткѣ, усаживаютъ одну изъ дѣвушекъ въ видѣ невѣсты и поютъ пѣсни прохожимъ. За это онѣ также получаютъ подарки[3]).

Лазарскія пѣсни необыкновенно разнообразны по содержанію. Особыя пѣсни поются хозяину, особыя хозяйкѣ; пѣсня мѣняется и соотвѣтственно тому, есть-ли въ домѣ малыя дѣти или дѣвушка на выданьи или молодуха, или неженатые парни; особыя пѣсни поются и попу, и магометанину, и портному, и столяру[4]). Дѣвушкамъ, парнямъ и ихъ родителямъ пѣсня обыкновенно въ болѣе или менѣе иносказательной формѣ предсказы-

---

1) Шапкаревъ Сб. отъ бълг. нар. умотв. III стр. 167 и слѣд.; ср. Каравеловъ стр. 202 и слѣд.; Чолаковъ Бълг. нар. сб. стр. 341; Качановскій Пам. болг. нар. тв. стр. 12 и слѣд.

2) Караџић Жив. и об. стр. 25; Ястребовъ Об. и п. тур. серб. стр. 96—109; Милићевић Жив. срба сел. стр. 98—99. Милојевић П. и об. стр. 103—105.

3) Шапкаревъ l. c.

4) См. напр. изъ сб. Илиева I №№ 141, 142, 144, 146, 149, 150, 151 и 181; у Ястребова l. c. стр. 99 и слѣд.; у Милојевић'а Песме и об. №№ 151, 152, 164 и др.

ваетъ свадьбу; къ традиціонному символизму этого рода пѣсень я еще буду имѣть случай вернуться, когда пойдетъ рѣчь вообще о любовныхъ и брачныхъ мотивахъ въ весеннихъ обрядовыхъ пѣсняхъ. Остановимся пока на хозяйственныхъ темахъ лазарскихъ пѣсень; онѣ проникнуты радужнымъ настроеніемъ, мечтою о лучшемъ житьѣ-бытьѣ, объ достаткѣ, довольствѣ и счастьѣ. Проблески этого напѣванія радости и успѣха въ хозяйствѣ мы уже видѣли въ пѣснѣ французскихъ trimousettes'ъ, извѣщающей объ обильныхъ всходахъ ржи и овса. Въ нѣмецкихъ пѣсняхъ, гдѣ хозяева изображаются въ достаткѣ и довольствѣ, мы имѣемъ далекое переживаніе того же самаго. Лазарскія пѣсни подобную мысль высказываютъ образно и при этомъ не боятся выспренняго преувеличенія. Онѣ называютъ дворъ царственнымъ, хозяина съ хозяйкой царемъ и царицей:

Летале ми летале — Лазаре!
Девет рала гулаби.
Коде шчо ми паднале?
Паднале ми паднале
Во цареви дворови.
Шчо чинеше царица?
Царица та седеше,
Ситен бисер нижеше.
Цар во двора седеше
На сребрен стол седеше
Дробно азно броjеше[1]).

Царь и царица сидятъ такимъ образомъ во дворѣ и пока царица нанизываетъ бисеръ, царь считаетъ свои богатства. Также описываетъ крестьянскую семью и сербская лазарица:

1) Илиевъ l. c. стр. 246 № 201; ср. Каравеловъ l. c. стр. 197.

Ова кућа богата
Пуна, равна дуката.
Има дете малено,
Обучем га црвено,
Опашем га зелено,
Зелен-коња јахнуло.
Седло му је сребрно.
Узда му је злаћена[1]).

(«Эта богатая семья полна гладкихъ денегъ. У нея есть малое дитя, оно одѣто въ красное платье и опоясано зеленымъ кушакомъ; оно ѣдетъ на сѣромъ въ яблокахъ конѣ. Сѣдло у него серебрянное, уздечка позлаченая»). Богатство двора происходитъ разумѣется отъ успѣха въ сельскомъ хозяйствѣ; это объясняетъ цѣлый рядъ болгарскихъ лазарицъ; въ одной изъ нихъ о достаткѣ хозяина узнаетъ самъ царь и присылаетъ своихъ пословъ спросить, чѣмъ онъ нажилъ такъ много добра. На это хозяинъ отвѣчаетъ:

Разорах цжрно оранье,
Посеях бела белия
И червената черница
И шестореди ичимик;
Метна година, роди се,
Метна година скапия,
Продадох бела болия
Та не зех бели грошеве
И тия жжлти жжлтици;
От там сам станал болярин[2]).

1) Милићевић l. c. стр. 99; ср. у Ястребова l. c. стр. 102 въ обращеніи къ ребенку въ люлькѣ.

2) Илиевъ l. c. № 195 стр. 242; ср. также у Милојевић'а П. и об. стр. 114 № 166.

Хозяйственные мотивы въ лазарскихъ пѣсняхъ встрѣчаются еще не такъ часто, какъ въ другихъ сродныхъ пѣсняхъ, къ которымъ мы перейдемъ нѣсколько дальше. Въ своемъ стремленіи подыскать слова, подходящія либо къ семейному положенію либо къ занятію дворовъ, куда входятъ лазарицы, пѣсни какъ-будто стали забывать мотивъ прославленія. Постепенно этотъ мотивъ сталъ уступать мѣсто констатированію основныхъ нуждъ и надеждъ домохозяевъ, или даже просто на просто сбиваться на болѣе или менѣе приспособленныя къ случаю замѣчанія. Такъ портному говорятъ напр. о заказѣ[1]), пастуху о томъ, сколько овецъ онъ заколетъ къ свадьбѣ[2]), попу какую либо нравственную сентенцію[3]), магометанину о любви къ гяуркѣ[4]), торговцу скотомъ, о грозившемъ ему разореніи отъ гайдука, оказавшагося, однако братомъ снохи и потому отплатившаго за все, что было похищено[5]) и т. д. Все это, конечно, случайные и поздніе мотивы, въ обрядовомъ отношеніи не представляющіе особаго значенія.

Просительный стихъ, который поютъ лазарицы сложенъ уже разумѣется, въ духѣ обычнаго пѣсеннаго преувеличенія:

Да дочекашъ и вгодина
И въ година и за многу!
Не мой многу не вѫртине;
Міе многу не сакаме
Петъ хиляди и петъ аспри;
Петъ хиляди да сѐ твои,
Пет — те аспри да сѐ наши;
Да дочекашъ и въ година
И въ година и за многу[6]).

1) Илиевъ l. c. № 144 и Ястребовъ стр. 104.
2) Илиевъ № 152.
3) Ibid. № 131.
4) Ibid. № 146.
5) Ibid. № 142.
6) Милодиновци Бѫлг. нар. п. 2-ое изд. стр. 488; ср. Шапкаревъ I, 1 стр. 101 № 119.

Т. е. ты дождешься насъ черезъ годъ, дайте намъ не много, мы много не просимъ: пять тысячъ и пять асиръ, пусть пять тысячъ твои, а пять асиръ наши. Ты дождешься насъ черезъ годъ.

У турецкихъ сербовъ обходъ на Лазареву субботу сопровождается еще и нѣкоторымъ дѣйствомъ. Одна изъ дѣвушекъ, разсказываетъ Ястребовъ, «одѣвается въ мужской костюмъ, обвязываетъ около фески на головѣ платокъ или шаль, убираетъ себя цвѣтками, а въ руки беретъ булаву которую держитъ на правомъ плечѣ. Другая одѣвается въ праздничное платье, но на голову набрасываетъ дувак (мѣшокъ изъ прозрачной красной кисеи, надѣваемый на невѣсту), который спускается до пояса и совершенно закрываетъ лицо дѣвушки, представляющей лазарицу. Она также вся въ цвѣтахъ»[1]). Лазарь и лазарица при посѣщеніи домовъ вмѣстѣ танцуютъ подъ звуки поющихся пѣсень. Эти фигуры напоминаютъ и нѣмецкую «Maierössleiu», испанскихъ «mayo» и «maya», англійскихъ «lord and lady of may»; дувак, покрывающій лазарицу, даетъ основаніе сблизить ее и съ итальянской «sposa», съ французской «mariée», съ нѣмецкой «Maibraut» или «Pfingstbrûd».

Еще болѣе соотвѣтствуетъ всѣмъ этимъ фигурамъ весенняго привѣтственнаго обхода на Западѣ сербская «Кралица», которую водятъ въ вѣнкѣ изъ цвѣтовъ на Тройцу. Лицо сербской кралицы также какъ и лазарицы закрыто бѣлымъ полотенцемъ; ее сопровождаетъ краль, съ клубкомъ изъ цвѣтовъ на головѣ, знаменосецъ и служанка. Съ этой свитой она входитъ въ дома и садится на «столицу»; кругомъ нея сопровождающія дѣвушки водятъ хороводъ и поютъ[2]).

Пѣсни кралицы по общему складу близко напоминаютъ пѣсни лазарскія. Направленіе ихъ одно и тоже. Онѣ совершенно

1) Ястребовъ Об. и п. стр. 96—97.

2) Караџић Жив. и Об. стр. 35—37; Милићевић Ж. срба сел. стр. 126; Милојевић П. и об. стр. 173—183; Березинъ Хорв., Слав., Далм. и т. д. II стр. 551—552.

также разнообразятся соотвѣтственно занятіямъ и семейному положенію двора, для котораго поется пѣсня. Дѣвушкамъ, неженатымъ парнямъ и ихъ родителямъ тѣмъ-же самымъ иносказаніемъ напѣвается близкая свадьба; хозяину поютъ объ его успѣхахъ въ хозяйствѣ. У сербо-хорватовъ пѣсня въ русскомъ переводѣ Березина звучитъ такъ:

Во дворѣ нашего хозяина, ладо.
Стоятъ волы быстроногіе —
И растутъ цвѣты душистые —
И пшеница уже созрѣла —
Подари-ка хоть что нибудь[1]).

Также льститъ хозяину и кралица изъ старой Сербіи, говоря, что у него волы, какъ олени, изъ бальзамина можно-бы сдѣлать ярмо, василекъ, какъ палка и пшеница, что золото.

У овога дома
Добра домаћина
Іелени волови,
Калопер јармови,
Босиљак палице,
Жито, као злато[2]).

Кралицы поютъ еще и pro domo sua, изображая свой обходъ:

Од двора до двора,
До царева стола,
Где цар вино пије
Царица му служи,
Из злата кондира[3]).

Царь и царица, пьющіе изъ золотой чаши, къ которымъ направляется кралица, какъ мы это знаемъ изъ болгарскихъ лазар-

1) Березинъ l. c. стр. 551 — 552.
2) Караџић Ж. и Об. стр. 38 № 2 и Пј. I стр. 101.
3) Караџић Пј. I стр. 100.

скихъ пѣсень, разумѣется, ничто иное, какъ хозяинъ и хозяйка двора, гдѣ испрашиваются подарки. О нихъ кралицкія пѣсни упоминаютъ обинякомъ, не выпрашивая, а увѣряя, что хозяева сами съ радостью готовятся осыпать всю процессію самыми дорогими дарами. Такъ хозяйкѣ въ одной пѣсенькѣ поется:

Заспала госпођа
Под жутом неранцом,
Господар је буди,
У очи је љуби:
«Устани, госпођа!
«Краљице су дошле;
«Дај, да даруjемо;
«Не ћеш млого дати:
«Краљу врапа коња,
«А кралице венце,
«Венце и обоце,
«Младом барјактару
«Свилену кошуљу,
«Бурму позлаћену [1]).

(«Заснула госпожа подъ желтымъ померанцемъ, ее будитъ мужъ, цѣлуетъ ее въ глаза: Встань, пришли кралицы, давай подаримъ ихъ. Ты не хочешь дать много: королю воронаго коня, королевѣ вѣнецъ и серьги, молодому знаменосцу шелковую рубашку и служанкѣ позолоченное кольцо»).

Весенніе привѣтствія съ королевой кромѣ Сербіи и Болгаріи соблюдаются еще у словенцовъ, у чеховъ, у моравовъ и у поляковъ, но стройныхъ полныхъ содержаніемъ пѣсень здѣсь

1) Ibid. стр. 106—107 № 169; Жив. и об. стр. 43 № 11 ср. ibid. № 10 стр. 42—43; сходно поютъ зачастую и болгарскія лазарицы: Шапкаревъ I, 1 стр. 94 № 8 и стр. 97 № 106, Илиевъ I № 205 стр. 248—249 и Каравеловъ стр. 205.

однако уже не сохранилось[1]). Поздравители поютъ одни полушуточные, поздравительные стишки въ родѣ тѣхъ, какіе мы видѣли уцѣлѣвшими на западѣ. Ихъ довольно много собралъ Эрбенъ[2]). Королева изображена въ нихъ усталой и бѣдной. Отъ ея имени поется напр.:

Královna a služka bosa,
chudá kralovna, chudý král,
nemaj volů ani krav:
  prosíme, pomozte
  naší chudé králce![3])

(«Боса королева и боса прислужница, у худой королевы и худого короля нѣтъ ни воловъ, ни коровъ; мы просимъ помочь нашей худой королевѣ»). Въ полномъ блескѣ и съ торжественной свитой верхомъ на коняхъ, убранныхъ нарядной сбруей, совершаетъ въ Чехіи свой объѣздъ только король, но здѣсь главное вниманіе обращено не на пѣсенное привѣтствіе, а скорѣе на самую процессію. Эта форма обряда стоитъ поэтому нѣсколько въ сторонѣ и ее мы разсмотримъ въ иной связи и по иному поводу[4]).

Обходъ съ королевой вводятъ насъ и въ другой типъ весенняго привѣтствія. Мы видѣли, что въ Сербіи кралица убирается цвѣтами; въ Польшѣ ее представляетъ маленькая дѣвочка вся закрытая листвой и вѣнками. Она этимъ еще больше напоминаетъ испанскаго «mayo». Весеннее поздравленіе съ внесеніемъ свѣжей вѣтки, какъ символа весенняго обновленія природы, во всѣхъ его разновидностяхъ и во всѣхъ примѣненіяхъ столько-же

---

1) Stojanovič, Slike iz dom. ž. slav. nar. str. 54 — 55; Bartoš, L. a nar. II str. 34 — 35; Hanus, Bajesl. Kal. str. 152 — 157; Sobotka, Rostlinstvo str. 57; Č. *L.* IV (1894) str. 32 — 33 a 2; VII (1897) str. 229 — 230; VIII (1899) str. 291; Gloger, Piesni ludu str. 15.

2) Prost. p. ař. str. 74—75.

3) Ibid. str. 74.

4) Полное описаніе обхода короля недавно сдѣлалъ Zibrt Jizda «králů» Č. *L.* II (1892) str. 105 и слѣд.

распространенъ на славяно-русскомъ востокѣ, какъ и на германо-романскомъ западѣ.

У славянъ центральной Европы: у лужицкихъ сербовъ, у чеховъ и поляковъ весеннее привѣтствіе этого типа справляется совершенно въ томъ-же видѣ, какъ и у нѣмцевъ, англичанъ и французовъ. Хоръ обходитъ дворы, неся свѣжую вѣтку иногда разукрашенную лентами. У чеховъ это дѣлается даже на 1-ое мая[1]). Въ Польшѣ съ gaikiem или novem latkiem или maiczkiem обходятъ дома еще на Пасху. Пѣсень, которыя при этомъ поются, собрано довольно много[2]). Большинство изъ нихъ, либо въ запѣвѣ, либо въ припѣвѣ сохранили стихи въ родѣ слѣдующихъ:

Gaiku zielony, pięknie ustrojony,
Pięknie sobie chodzi, bo mu się tak godzi.
Na naszym gaiku niebieskie wstązeczki,
Boć go ustroiły nadobne dzieweczki[3]).

Самый текстъ нѣкоторыхъ пѣсенекъ поразительно близко напоминаетъ французскую пѣсеньку trimouzettes: такъ напр.

Na podwórzu gołębica,
Na polu śliczna pszenica,
Zieleni się, kwitnac będzie,
Pan gospodarz chodzi wszędzie.

—

Niechże chodzi, nieh obchodzi,
Patrzy jak pszeniczka wschodzi.
Niech weźmie za nią talary,
By aż po ziemi taezaly[4]).

---

1) Grimm D. M. a. n. p. 772; *Живая Старина* II (1890) отд. 1-ый стр. 55; Erben l. c. str. 70—71. Č. *L.* VII (1897) str. 75—77.

2) Gloger l. c. str. 14 — 15 №№ 21 — 24; Hoff L. Ciesz. str. 59; Sobotka Rostl. str. 197; ср. у Mannh. W. u. Fk. I ss. 156 и 181; Kolberg Lud X str. 14 и 196—198; *Zb. wiad.* VIII (1884) str. 67; *Wisła* IX (1895) str. 84—85. Z. Pauli Pl. p. str. 15—18.

3) *Wisła* (1895) IX str. 84—85; ср. Gloger, Hoff, Kolberg passim.

4) Gloger str. 14 № 21.

Польскія поздравительницы также, какъ и французскія trimouzettes, приглашаютъ такимъ образомъ хозяина обойти свое поле и посмотрѣть на всходы хлѣбовъ. Въ той же самой пѣснѣ выражено и прославленіе, характерное для этого рода пѣсень: хозяинъ сидитъ за столомъ, его жупанъ шитъ золотомъ, у окошка стоитъ хозяйка въ дорогомъ головномъ уборѣ, она побрякиваетъ ключами, готовясь поблагодарить за поздравленіе и внесеніе свѣжей вѣтки:

Siedzi gospodarz w rogu stoła
Żupan na nim w złote koła
Gospodyni w oknie stoi,
W zloli czepiec główkę stroi,
Kluczykami pobrzękuje,
Dla nas podarek gotuje.

Эти послѣднія двѣ строчки близко напоминаютъ и нѣмецкіе просительные стихи. Нѣкоторыя пѣсни, подвергшись школьной передѣлкѣ, ввели такое же общее описаніе весеннихъ прелестей съ чисто эстетической точки зрѣнія, какое мы также видѣли въ соотвѣтственныхъ нѣмецкихъ пѣсняхъ [1]).

Объднѣвъ окончательно содержаніемъ, подобныя пѣсни ограничиваются и простымъ пожеланіемъ, говоря:

Do tego to domku wstępujemy
Szczęscia, zdrowia winszujemy [2]).

На внесеніе свѣжихъ вѣтокъ въ домъ, какъ-будто намекаютъ привѣтственные обходы на Лазареву субботу, совершаемые у румынъ. Здѣсь при этомъ поютъ: «Лазарь. — Вотъ какъ это случилось, что сдѣлалъ, то и потерялъ. Лазарь. Лазарь. — Всталъ рано утромъ, по утру онъ всталъ, вымылъ черные очи, взялъ въ руки топорикъ, чтобы нарубить свѣжихъ вѣтокъ для

1) Hoff l. c. str. 58; cp. Gloger l. c. № 24 str. 15.
2) *Wisła* IX (1895) str. 84.

овецъ и ягнятъ. Дерево всколыхнулось и Лазарь укололся, потекла кровь изъ носа и изо рта.—У Лазаря было три сестры и т. д.»[1]) Съ этого мѣста начинается уже другой сюжетъ: сестры Лазаря собираются его лѣчить; на этомъ обрывается пѣсня. Смыслъ этой пѣсни, которую А. Н. Веселовскій отказался понять[2]), дѣйствительно въ высшей степени не ясенъ. Если приведенные у Теодориску варіанты не полны можно было-бы предположить, что даже сестрамъ Лазаря не удастся его вылѣчить, и онъ умретъ, послѣ чего Христосъ воскреситъ его; но какой смыслъ первой части пѣсни? зачѣмъ Лазарь идетъ въ лѣсъ? А. Н. Веселовскій сопоставилъ ее съ слѣдующимъ бѣглымъ замѣчаніемъ сербской лазарской пѣсни, сообщенной Ястребовымъ[3]):

Шчо стоите, синови, шчо гледате?
Не л поідиле, синови, в честа гора.
Пресечите, синове, до две дрва,
Натравите, синови, мос на река
А поминетъ, синове, Лазарките[4]).

(«Что стоите, сыновья, чего глядите? Пойдите въ лѣсъ, срубите два бревна, устройте мостъ черезъ рѣку, тамъ пройдутъ Лазарки»). Однако Лазарь долженъ въ румынской пѣснѣ нарубить скорѣе мелкихъ, свѣжихъ, только что распустившихся вѣтокъ, чѣмъ цѣлое дерево, годное для моста. Вѣрнѣе всего, что въ сообщенныхъ у Теодореску варіантахъ мы имѣемъ собственно двѣ разныя пѣсни, и потому-то со словъ: «у Лазаря было три сестры» мѣняется и строй пѣсни. Въ основѣ своей общаго другъ съ другомъ онѣ ничего не имѣютъ. Во второй пѣснѣ говорится о болѣзни Лазаря и о заботахъ о немъ сестеръ; въ первой

1) Teodorescu Poesii pop. rum. p. 204 пѣсня вторая тутъ же pp. 204—206 другіе варіанты.
2) *Ж. М. Н. Пр.* 1886 Октябрь стр. 399.
3) Ibid.
4) Ястребовъ Об. и п. полр. серб. стр. 110.

Лазарь рубитъ въ лѣсу свѣжіе вѣтви. Эпизодъ укола Лазаря сучкомъ, введенъ, можетъ быть, только для того, чтобы соединить обѣ пѣсни воедино. Если въ первоначальномъ видѣ первой пѣсни отсутствовалъ эпизодъ ухаживанія за больнымъ Лазаремъ сестеръ, Лазарь, весьма вѣроятно, шелъ въ лѣсъ, чтобы приготовиться къ привѣтственному обходу по домамъ со свѣжими вѣтками. Совершеніе «святымъ праздничкомъ» самаго обряда составляетъ одинъ изъ наиболѣе распространенныхъ пѣсенныхъ пріемовъ. Его примѣровъ мы уже видѣли цѣлый рядъ, говоря о встрѣчѣ весны.

При обходѣ съ свѣжими вѣтками вспоминаются у славянъ тѣже святые, къ которымъ обращаются при заклинаніи весны. Такъ у чеховъ поздравители иногда приговариваютъ:

A ty svatá Markyto!
dej nam pozor na žito,
i na všecko vobilí,
co nam nan Bůh nadělí [1]).

Обращаясь къ Св. Юрію, его просятъ, какъ и при заклинаніи весны, отворить ключемъ землю. Такъ поютъ въ «okolí Žatce»:

Svaty Jiří vstava, zem odmykává,
aby trava rostla, travička zelená,
růžička červená, fialka modrá [2]).

Тотъ же святой Юрій появляется въ обрядѣ весенняго привѣтствія и еще иначе. Въ Кроатіи и у словенцевъ, гдѣ пѣсенное поздравленіе совершается на Юрьевъ день, хоръ вводитъ съ собою парня съ ногъ до головы покрытаго зелеными вѣтками совершенно схоже съ испанскими «mayo», съ нѣмецкимъ «Fustige Mai» и съ чешской кралицей. Эту фигуру называютъ «зеленымъ Юріемъ». При этомъ здѣсь поютъ:

---

1) Erben Pr. č. p. a. ř. str. 59 № 9.

2) Č. *L.* V (1895) str. 185—186.

Svetega Jurja vodimo,
Za jajca, špeha prosimo,
Sveti Juri orožnik,
Bodi ti naš pomočnik [1]).

Въ варіантѣ той же пѣсеньки сообщенномъ Ягичемъ на страницахъ его Архива [2]) содержаніе осложнено еще упоминаніемъ вѣстницы весны кукушки. Поздравители послѣ представленія своего зеленаго спутника:

Ovo se klanja zeleni Juraj
Zeleni Juraj, zeleno drevce
Zeleno drevce zelenoj holi etc.,

поютъ еще:

Kukuvačica zakukovala
U jutro rano v zelenom lugu,
V zelenom lugu, na suhom drugu
Na suhom drugu na rakitovom etc.

Въ ту же категорію, что кроатскій Зеленый Юрій входитъ и малораспространенный русскій обычай водить «кустъ» или «тополю». Обрядъ «тополи» сообщенъ былъ Снегиреву изъ харьковской губерніи проф. Гулакомъ-Артемовскимъ; его описалъ и Сементковскій въ «Маякѣ» 1843 года изъ полтавской губ.: «Дѣвушки, собравшись, выбираютъ изъ своей среды одну, которая должна изображать «тополю». Она поднявъ руки вверхъ, соединяетъ ихъ надъ головою; на руки ей навѣшиваютъ мониста, ленты, платки, такъ что голова вовсе не видна изъ подъ украшеній, грудь и станъ также завѣшиваютъ разноцвѣтными платками; чаще, чтобы избавить «тополю» отъ необходимости постоянно держать руки поднятыми, прикрѣпляютъ у плечь двѣ

1) **Pajek** Črt. duš. žitka št. slovencev str. 63; ср. **Mannh.** W. u. Fk. I s. 314 изъ журн. *Ausland* 1872 s. 471; **Аѳан.** Поэт. Воззр. I стр. 706; **Máchal** Nakres sl. Baj. str. 195.

2) *Arch. f. sl. Ph.* XII s. 306—307.

палочки и надъ ея головой связываютъ ихъ подъ острымъ угломъ. Убравъ такимъ образомъ «тополю», дѣвушки водятъ ее по селу и по полю, причемъ хозяева ихъ угощаютъ, а «тополя» при этомъ низко кланяется». Во время обхода дѣвушки поютъ:

Стояла тополя, въ край чистаго поля,
Стій тополенко, стій не развивайся.
Войному вітроньку не поддавайся[1]).

Мотивъ привѣтствія въ обрядѣ тополи такимъ образомъ уже почти исчезъ. Онъ сохранился однако въ Пинскомъ уѣздѣ подъ названіемъ «Куста». «Кустъ» изображаетъ дѣвушка съ ногъ до головы, укутанная вѣтками и листьями. Съ нею на Троицу дѣвушки ходятъ по домамъ, поютъ пѣсни и испрашиваютъ подарки. Просительные куплеты тутъ сохранились совершенно отчетливо:

Привэлы куста
Дай изъ зеленаго клону;
Дай намъ, пану,
Хоть по золотому,
Да выкоть, пане,
Три бутылки горылки[2]).

Большинство этихъ кустовыхъ пѣсенокъ полно намековъ на предстоящую свадьбу парня или дѣвушки. По свидѣтельству Безсонова отдѣльныя пѣсни поются парню, отдѣльныя дѣвушкѣ совершенно также, какъ и при обходахъ съ кралицей или лазарицей у южныхъ славянъ[3]).

---

1) Объ этомъ см. у проф. Сумцова Культ. Переживанія стр. 146. Здѣсь собрана библіографія. Пѣсню см. еще у Чубинскаго Труды Этн. Эксп. III, стр. 210, № 20; тоже у Снегирева Прост. нар. русск. пр. IV стр. 47. См. еще объ этомъ обрядѣ у Владимірова Введ. стр. 104 и 103.

2) Б. Бп., стр. 25 и Булгаковскій Пинчуки *З. И. Р. Г. О.* т. XIII, вып. 8, стр. 55, № 5. *Lud.* стр. 140, § 2.

3) Б. Бп., стр. 27.

Въ параллель съ «тополей» или «кустомъ», можетъ быть, слѣдуетъ поставить и сибирскую «Гостейку». Въ Минусинскомъ округѣ Енисейской губ. на Семикъ одѣваютъ березку въ женское платье и приносятъ ее въ клѣть, гдѣ она находится до Троицы. Дѣвушки заходятъ въ это время спровѣдать «гостейку» и поютъ передъ ней пѣсни[1]); какія это пѣсни, къ сожалѣнію неизвѣстно; неизвѣстно также, носили-ли когда нибудь «гостейку» по домамъ. Этотъ одинокій обрядъ повидимому представляетъ собою пережитокъ какого-то болѣе полнаго и сложнаго обряда. Во всякомъ случаѣ онъ несомнѣнно входитъ также въ разрядъ внесеній въ домъ свѣжей вѣтки или деревца, эмблемы весенняго пробужденія природы.

При разсмотрѣніи нѣмецкихъ обрядовъ, схожихъ съ только что разобранными славяно-русскими, мы видѣли, что убранную зелеными вѣтвями фигуру (Pfinstl'а, Wasservogel'а и т. д.) обыкновенно обливаютъ водой. Это, конечно, есть ничто иное, какъ весеннее заклинаніе дождя. У славянъ совершенно такое же заклинаніе дождя входитъ также въ обиходъ весенней обрядности и связано съ пѣсеннымъ привѣтствіемъ. Еще одинъ изъ пунктовъ Познанскаго собора 1420 г. запрещалъ обливать водою на пасхальной недѣлѣ[2]). Обычай этотъ въ Польшѣ сохранился и до нашихъ дней. Въ понедѣльникъ на Пасхѣ парни ходятъ толпой по городу или по селу и обливаютъ дѣвушекъ водой. Въ городахъ вмѣсто воды для этого употребляютъ духи. Это называется ходить «po dyngusie»; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обрядъ этотъ носитъ также названіе: «smigust». При этомъ заходятъ и въ дома и выпрашиваютъ особой пѣсней подарки: колбасы, крашанки и проч. пасхальную

---

1) Сахаровъ Сказ. II, стр. 203 — 204; тоже у Снегирева Русск. Прост. Пр. III, стр. 134; у Mannhardt'а прив. въ W. u. Fk. I, стр. 158.

2) Сообщ. Брюкнеромъ въ *Arch. f. sl. Ph.* V, s. 687 — 688, ср. *Wisla* V (1891), str. 279.

снѣдь. Подачка идетъ какъ-бы въ уплату за совершеніе обряда[1]).

Изъ пѣсенъ, выпрашивающихъ подачку, наиболѣе распространена, начинающаяся словами:

Przyšli-my tu po dyngusie
Zaśpiewamy o Jezusie[2]),

но отношенія къ обряду она не имѣетъ и говоритъ до самаго конца о страстяхъ Господнихъ. Ближе стоитъ къ обряду другая пѣсенька, варіанты которой также встрѣчаются въ сборникахъ по нѣскольку разъ:

Małe my dziatki
Zbierámy kwiatki,
Po wzi roznosimy,
O dyngys prosimy[3]).

(Мы малыя дѣти мы собираемъ цвѣты, разносимъ ихъ по деревнѣ и просимъ о дынгушѣ). Упоминаніе цвѣтовъ, разносимыхъ по деревнѣ, относитъ насъ прямо къ разобранной выше формѣ весенняго привѣтствія съ эмблемой радостнаго времени года въ рукахъ.

Обливаютъ водою по свидѣтельству Ястребова и Лазарицу[4]). То-же повидимому совершаютъ и надъ Зеленымъ Юрьемъ, потому что въ одномъ варіантѣ пѣсни, относящейся къ этому обряду, говорится:

---

1) *Ž. Pauli* P. L. P. str. 29—31; Kolberg Lud. V,1, str. 263—268, IX,1, 135—137, X, str. 200—201; Marcinkowsky str. 127; *Wisła* IV (1890), str. 279—282, 284, 286—287; IX (1895), str. 86.

2) Kolberg III,1, str. 216; ср. *Zb. wiad.* VIII, str. 70, Gloger P. L. str. 11 № 14.

3) Сообщ. Петровымъ въ *Zb. wiad.* II (1878), str. 18—20; ср. *Ž. Pauli* P. L. P. str. 30—31; Gloger P. L. str. 11, № 12.

4) Об. и пѣсни тур. Серб. стр. 97, прим. второе (изъ Тетова).

Zelenego Jurja vodimo
Zelenego Jurja spramano,
naj naše čede pasel bo,
Ce né ga w' vodo sunemo[1]).

Бросаніе въ воду, конечно, имѣетъ тотъ же смыслъ, что и обливаніе. Вѣроятно въ тѣхъ-же самыхъ цѣляхъ бросали въ воду въ Минусинскѣ и «гостейку»[2]).

Схожій съ обливаніемъ водою нѣмецкаго Pfingstl'я обрядъ совершается у славянъ и независимо отъ весеннихъ праздниковъ, во время засухи, обыкновенно среди лѣта. Одна изъ дѣвушекъ или какой нибудь парень, одѣвшись въ зеленыя вѣтки и листья, ходитъ, въ сопровожденіи хора по деревнѣ и по полямъ. Передъ каждымъ домомъ его обливаютъ водою. Дѣвушка при этомъ еще пляшетъ[3]). По свидѣтельству Караджича дѣвушка для этого раздѣвается до нага и покрыта только своимъ зеленымъ уборомъ[4]). У Новогрековъ для совершенія этого обряда обнажаютъ ребенка и украшаютъ его цвѣтами[5]). Въ Сербіи и въ Румыніи справляютъ этотъ обходъ всего чаще цыганки и цыгане[6]). Фигура, покрытая листвой, зовется по сербски Додолица, по болгарски Пеперуга, у сербо-хорватовъ Prporoša, у Румынъ Paparuda, Păpăluga или Calianŭ. Связанныя съ этимъ обрядомъ пѣсни вполнѣ отчетливо выражаютъ его смыслъ. Въ нихъ въ той или иной формѣ всегда произносится молитва о дождѣ. Дождь необходимъ, конечно, для хозяйства:

---

1) Текстъ прив. у Mannhardt'a W. u. Fk. I, s. 314.

2) Сахаровъ Сказ. II, стр. 203—204.

3) Караџић Жив. и Об. стр. 61—64; Ястребовъ, стр. 167 и слѣд.; Милојевић П. и об. стр. 17—21; Каравеловъ Пам. стр. 226; Илиевъ Сб. отъ нар. бълг. ум. I, стр. 386; Sobotka Rostl. str. 59; Аѳанасьевъ Поэт. возэр. I, стр. 336, II, 172—179, III, 801; Teodorescu P. pop. r. p. 208; *Zb. z. a. n. ž.* I.

4) Ж. и Об. passim.

5) Аѳанасьевъ Поэт. Воззр. II, стр. 177.

6) Ястребовъ l. c. стр. 168 и Teodorescu l. c. passim.

онъ необходимъ, и для озимой пшеницы, и для «трехъ-перой кукурузы», и для виноградниковъ, чтобы, какъ выражается сербскій варіантъ приведенный Ястребовымъ:

Од два класа чабар жита
Од два гражда чабар вина[1]).

Дружное паденіе тревожно ожидаемаго дождя заранѣе описываетъ румынская пѣсня: «Какъ теперь текутъ слезы, поется въ ней, такъ пусть потечетъ и дождь, какъ рѣка... пусть наполнятся канавы, пусть станетъ рости всякая зелень и всякая трава»[2]).

Незамысловатое содержаніе этихъ коротенькихъ пѣсенокъ интересно прослѣдить потому, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ такимъ-же точно колебаніемъ между молитвой и заклинаніемъ, какое мы видѣли выше, когда дѣло шло о закличкѣ весны. Пѣсня либо говоритъ безлично въ формѣ заклинанія, призывая дождь:

Да зароси ситна роса[3]),

либо завѣряетъ, что по мѣрѣ того, какъ совершается обрядъ, уже начинаютъ появляться дождевыя тучи, и вотъ вотъ раньше, чѣмъ можно было ожидать, польется животворящая влага:

Мы идемо преко села
А облаци преко неба,
А ми бржи, облак бржи,
Облаци нашъ претекоше
Жито, вино поросише[4]).

---

1) Ястребовъ l. c. стр. 167.

2) Teodorescu l. c. p. 212.

3) Ястребовъ ibid.; Караджичъ Ж. и О. стр. 62—63, № 3 и Пјесме I, стр. 117, № 186.

4) Караџић Пј. I, стр. 117—118, № 187; тоже Ж. и Об. стр. 63—64, № 5; ср. Милићевић стр. 136, только здѣсь пѣсня сбилась далѣе на молитвенный типъ; такой же смыслъ имѣетъ и пеперуга у Каравелова, стр. 226 и особенно приведенная Чолоковымъ Лазарица, стр. 341.

(«Мы идемъ по селу, облака по небу, мы скорѣе, облака скорѣе, облака насъ перегнали, поросили хлѣба и виноградники»). Эта послѣдняя пѣсня составляетъ по своей формѣ самый чистый типъ пѣсеннаго заклинанія, какой мнѣ до сихъ поръ встрѣтился. Здѣсь вполнѣ ясно чувствуется та вѣра въ магическую силу слова, на которой основано всякое заклинаніе.

Другія пѣсни всѣ выражаются уже молитвенно, либо прямо:

Молимо се вишнем Богу
Да удари росна киша[1])

либо, говоря отъ имени додолы и пеперуги или кальяна; такъ въ румынской пѣснѣ поется: «Кальянъ, кальянъ, онъ и я, мы вмѣстѣ просимъ, чтобы отверзлись врата, и освободился дождь и пошелъ, какъ рѣчка, съ шумомъ до самой ночи, чтобы росло зерно»[2]). Тоже говорится и въ далматинской и болгарской пеперугахъ:

Прпоруше ходиле,
Терем Бога молиле,
Да нам даде кишицу и т. д.[3])

или

Пеперуга руга
Пу дворуве ходи
Та са Богу моли:
—Та дай, Боже, та дай
Да ми Фати маглица
Да си росне русица и т. д.[4])

Одна румынская пѣсня обращается и къ самой папарудѣ: «Папаруда отъ тебя пусть потечетъ вино, и пойдетъ дождь, какъ изъ ведра; да будетъ кукуруза, что заборъ, да растутъ

1) Караџић, Ж. и Об. № 1.
2) Teodorescu, l. c. p. 212.
3) Караџић, Ж. и Об. стр. 65.
4) Илиевъ, Сб. отъ нар. умотв. I, стр. 386, № 322.

колосья, какъ воробьи, да поспѣетъ зерно, и наполнятся амбары; пусть растворятся тверди небесныя, и пойдетъ дождь, и освободятся нивы отъ всякаго несчастія, и будетъ изгнано пекло изъ полей»[1]).

Проф. Сумцовъ сопоставляя приведенные здѣсь обряды Балканскихъ народовъ съ малорусской «тополей», какъ будто-бы считаетъ этотъ обрядъ въ основѣ своей купальскимъ, перешедшимъ на Духовъ день[2]). Мнѣ кажется наоборотъ, что обрядъ этотъ самымъ кореннымъ образомъ весенній; онъ только повторяется по мѣрѣ надобности и лѣтомъ. Додолица и пеперуга уже слишкомъ близко стоятъ къ такимъ несомнѣнно весеннимъ обрядамъ, какъ Pfingstl, Wasservogel, Лазарица, когда на нихъ также льютъ воду, къ поливаемому Зеленому Юрью и проч. Да призываніе дождя весною и вполнѣ естественно. Изъ пословицъ европейскаго крестьянства мы видѣли, какое значеніе предается весеннимъ дождямъ[3]). Они необходимы для посѣвовъ яроваго, отъ нихъ зависитъ и правильный ростъ озимыхъ хлѣбовъ. Потому призываніе дождя даже заранѣе на всякій случай мы встрѣтимъ не разъ при обзорѣ различныхъ типовъ весенняго обрядоваго обихода.

Что Папаруга и Додолица перешли на лѣто именно изъ весенняго цикла, на это, мнѣ кажется, есть и совершенно очевидныя указанія. Чолоковъ какъ будто бы даже относитъ пеперугу къ пятой недѣлѣ великаго поста, когда въ это время случится засуха[4]). Среди лазарскихъ болгарскихъ пѣсень есть

---

1) Teodorescu l. c. p. 210; припѣвы вродѣ:

Oj додо ле
Moj божеле (Караџић Пј. I, № 86 и Ястребовъ стр. 167.)

конечно вовсе не имѣютъ характера обращеній; слово «боже» въ звательномъ падежѣ надо бы писать большой буквой, такъ какъ здѣсь упоминается Богъ христіанскій; ср. Караџић Пј. I, № 184 и 185; Илиевъ, № 322 и др.

2) Культ. Пер. стр. 146—147.

3) См. выше стр. 70—73.

4) Бълг. нар. сб. стр. 341, № 89.

пѣсни, прямо относящіяся къ заклинанію дождя. Такъ въ сборникѣ Илиева въ одной изъ нихъ поется совершенно схоже съ додолицами и пеперугами:

Лазар се вози
На златни колца,
Нис село ходи,
Богу се моли:
— Я ми дай, Боже,
Ситен ми джждец,
Роса да роси,
Трева да никне и т. д. [1])

Особенно наглядно виденъ этотъ переходъ на лѣто связаннаго съ лазарскими пѣснями обряда на одномъ кавказскомъ пріемѣ вызыванія небесной влаги. Здѣсь не смотря на совершеніе обряда среди лѣта все таки упоминается Лазарь: во время засухи въ Кахетіи дѣвушки совершаютъ такой-же обходъ, какъ и съ додолицей; только обливаютъ при этомъ не самихъ исполнителей, а особыя, налѣпленныя нарочно для этого глиняныя фигурки, называемыя «Лазарэ»; Лазаря не забыла и пѣсня, которую при этомъ поютъ:

Лазарь подошелъ къ воротамъ
И все обводитъ глазами. . .
Обошелъ онъ всѣ углы
И сдѣлался, какъ луна. . .
. . . .
Боже избавь отъ засухи [2])
И подай намъ дождя.

---

1) Илиевъ Сб. отъ нар. умотв. I, стр. 238, № 189; ср. Каравеловъ, стр. 205.

2) Дубровинъ Истор. Войны и влад. русск. на Кавк. I,1, стр. 176 — 177; ср. объ этомъ у А. Н. Веселовскаго Раз. въ обл. дух. стиха VI—X, стр. 312.

Устойчивость упоминанія Лазаря въ заклинаніи дождя, помимо календарнаго пріуроченія его праздника, коренится быть можетъ, какъ это предположилъ А. Н. Веселовскій, и въ евангельскомъ разсказѣ о совсѣмъ другомъ Лазарѣ: «имя Лазаря въ грузинской молитвѣ о дождѣ и болгарскій обычай лазаровать также съ молитвой о дождѣ, представляется мнѣ, пишетъ Веселовскій, въ связи съ просьбой богача у Луки (16, 24): Отче Аврааме, умилосердись надо мною и пошли Лазаря, чтобы омочилъ конецъ перста своего въ водѣ и прохладилъ языкъ мой. Сл. Безсоновъ Кал. I, № 22

Омочи-ка, братецъ, безымянный перстъ въ Океанъ Морѣ
Помажь-ка, братецъ, печальныя уста:

здѣсь произошло смѣшеніе: лазарствуютъ въ память одного Лазаря, а въ пѣсню примѣшиваются мотивы пѣсни о другомъ, съ ея моленіями о подаяніи влаги, чему шелъ на встрѣчу, очевидно, до-христіанскій аграрный обрядъ — умоленія дождя»[1]. Это, конечно, вполнѣ правдоподобно.

Обзоръ весенняго пѣсеннаго привѣтствія на славяно-русскомъ востокѣ мнѣ остается теперь закончить еще одной формой поздравленія; до сихъ поръ мы видѣли ее только въ Германіи въ связи съ заклинаніемъ дождя; я разумѣю замѣну свѣжихъ вѣтокъ и цвѣтовъ, какъ эмблемы весенняго пробужденія природы, фигурой весенней птицы, по преимуществу ласточки, т. е. хожденіе по домамъ съ изображеніемъ птички и съ пѣсней о ея желанномъ прилетѣ.

Слѣдя за этой формой разбираемыхъ обрядовъ, намъ прійдется прежде всего заглянуть въ далекое прошлое эллинскаго народа. Подобная пѣсня уцѣлѣла еще отъ античной старины. Ее пѣли въ древней Элладѣ мальчики; это знаменитая пѣсня о ласточкѣ, когда-то такъ понравившаяся Шатобріану; она начинается словами:

---

1) *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1892, Мартъ, стр. 168.

Ἦλθ', ἦλθε χελιδών,
χάλας ὥρας ἄγουσα[1]).

Смыслъ ея слѣдующій: «Идетъ, идетъ ласточка, приносящая съ собой прекрасные часы и прекрасные дни; на животикѣ она бѣлая, на спинкѣ черная. Вынеси-ка мармеладу изъ богатаго дома, и чашу вина, и корзинку сыра. И яйца, и похлебку ласточка не отвергнетъ. Уйдемъ мы или получимъ? Если дашь

1) Bergk-Hiller Anth. lyr. p. 324 — 325, Carmina popularia № 44; отъ древне-греческой старины до насъ дошло привѣтственныхъ пѣсень такого же склада цѣлыхъ пять. Кромѣ пѣсни о ласточкѣ см. пьесы: Herondae Mimiambi ed. Crusius Lpz. 1892, p. 70, Homeri hymni rec. Baumeister Lpz. 1874, p. 89 et 90 и Bergk-Hiller Anth. lyr. p. 319. Эта послѣдняя пьеса, сохранившаяся въ знаменитой статьѣ: Περὶ τῆς εὑρέσεως τῶν βουκολικῶν изъ схолій къ идилліямъ Теокрита (ed. Ahrens II, p. 4 и Fritzsche ed. major I, p. 4) особенно близко напоминаетъ просительные куплеты современныхъ привѣтственныхъ пѣсень: калядокъ, trimouzettes, лазарскихъ пѣсень и проч.:

Δέξαι τὰν ἀγαθὰν τύχαν
δέξαι τὰν ὑγιείαν
ἂν φερομεν παρὰ τας θεοῦ
ἂν ἐκαλέσσατο τῆνα.

Упоминаемая здѣсь богиня сицилійская Артемида, отъ лица которой и приносили βούχολοι заздравную просвирку (это толкованіе слова ὑγιεῖα предложено Крузіусомъ: ὑγι(ί)η = cibus sacratus, Herondae Mimiambi ed. Crusius Lpz. 1894, p. 37 въ пьеса IV стр. 94-ый прим.). Такъ какъ праздникъ Артемиды, быть можетъ, падалъ въ Сициліи на Артемизій, мѣсяцъ весенній, можно счесть эту пѣсню также за весеннее привѣтствіе (см. Preller Gr. Myth. index). Мнѣ кажется однако, что это старое пониманіе приведеннаго стишка, какъ привѣтственной пѣсни опредѣленнаго календарнаго пріуроченія (Adert. Theocrite. Genève 1843, p. 7 и Fritzsche Einl. изданіе Токрита Fritzsche-Hiller Lpz. 1881, s. 9), надо оставить послѣ разъясненій Reitzenstein'a (Epigramm und Skolion. 1893, s. 2). Его характеристика βούχολος Артемиды, исходящая изъ замѣчанія Платона (de rep. II, 264, B.), можетъ считаться окончательной; а если это такъ, то и пѣсня βουχόλων съ предложеніемъ просвирки не имѣетъ ничего общаго съ народной обрядностью (ср. однако Crusius въ *Liter. Centralbl.* 1894, s. 727). Чтобы убѣдиться въ этомъ достаточно внимательно отнестись къ самымъ словамъ статьи Περὶ εὑρέσεως τῶν βουκολικῶν: βούχολος «шелъ въ сосѣднія деревни *искать пропитаніе*; онъ пѣлъ *веселыя* и *шуточныя пѣсни*, которыя заканчивалъ приведенной пѣсней». Тутъ повидимому идетъ дѣло скорѣе о какомъ то сакрально-скоморошьемъ ремеслѣ.

что-нибудь: если-же не дашь, мы не уйдемъ. Мы или дверь унесемъ или преддверіе или женщину, которая находится внутри. Она маленькая мы ее легко утащимъ. Если ты вынесешь что-нибудь, вынеси побольше. Открой, открой двери ласточкѣ; мы не старики, а дѣти». Эта пѣсня содержитъ какъ будто какія-то слѣды драматическаго воспроизведенія. Мальчики, которые пѣли ее отъ имени ласточки такъ же, какъ теперь итальянскія дѣвушки поютъ отъ той «sposa», которую онѣ водятъ съ собою, начинали свою пѣсню очевидно еще раньше, чѣмъ войти въ домъ. Можетъ быть, имъ и отвѣчали изъ дома, поддразнивая ихъ и отказываясь дать имъ то, что они просятъ. Во всякомъ случаѣ ея шуточный складъ намекаетъ на то, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ однимъ просительнымъ куплетомъ или съ шуточной просительной сценкой. Предпослѣдняя строчка, гдѣ мальчики просятъ отворить двери, намекаетъ на то, что этимъ дѣло какъ будто не кончится, и войдя въ домъ, спутники ласточки споютъ еще что-нибудь. Быть можетъ только здѣсь уже въ домѣ напѣвались хозяевамъ тѣ блага, которыя сулятъ современныя славянскія лазарицы и кралицы.

Возможно также, что мальчики носили съ собою какое нибудь изображеніе ласточки; по крайней мѣрѣ въ фольклорѣ современной Греціи деревянная ласточка составляетъ необходимую принадлежность привѣтственнаго обхода. 1-го марта, разсказываетъ Роддъ, толпа мальчишекъ носитъ грубо выдѣланную изъ дерева фигуру ласточки, уставленную на деревянномъ цилиндрѣ, и поетъ пѣсню, объявляющую о прилетѣ ласточки и о всѣхъ благахъ, которыя она приноситъ съ собою. При этомъ они испрашиваютъ какой нибудь подарочекъ за свою добрую вѣсть. Въ пѣсни они, по словамъ Родда, поютъ: «Ласточка моя, о быстрая, откуда ты прилетаешь, изъ какихъ дикихъ странъ? Какой подарокъ ты несешь намъ? Ты приносишь тепло и радость»[1]).

---

1) Rodd. The customs and Lore of mod. Greece pp. 136 and 271.

Античная пѣсня о ласточкѣ принадлежитъ Родосу, но вѣроятно схожія пѣсни пѣлись и по всему лицу Эллады. Во всякомъ случаѣ теперь ея варіантовъ довольно много. Пассовъ собралъ ихъ семь. Также, какъ и въ древней родоской пѣсенькѣ, хозяйственнаго содержанія въ нихъ нѣтъ, и весна описывается скорѣе съ общей точки зрѣнія. Пѣсня начинается словами:

Χελιδόνι ἔρχεται
Θάλασσαν ἀπέρασε,
Τὴν φυλιὰ θεμέλιωσε,
Κάθησε κ'ἐλάλησε· 1)

Въ ней говорится слѣдующее: «Ласточка прилетаетъ; она перелетѣла черезъ море; она свила гнѣздо, сѣла въ немъ и запѣла: — Мартъ, снѣжный мартъ и дождливый февраль. Объявился уже сладкій апрѣль, и онъ не далеко. Птицы щебечутъ, деревья зеленѣютъ, курицы начинаютъ класться. Стада начинаютъ подыматься на горы. Ягнята скачутъ и обгладываютъ первыя почки. И животныя, и люди, и птицы радуются о прилетѣ ласточки. Прекратились дожди, снѣгъ и холодный вѣтеръ. — Мартъ, снѣжный мартъ и дождливый февраль, вотъ прекрасный апрѣль. Прочь мартъ, прочь февраль». Въ современномъ быту эллиновъ пѣсня о ласточкѣ повидимому пріурочилась къ Пасхѣ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ ея варіантахъ упоминается о крашенныхъ пасхальныхъ яйцахъ:

Χελεδόνι μου γοργὸ
Ποῦλθες ἀπ' τὴν ἐρημό,
Τί καλὰ μᾶς ἔφερες;

---

1) Passow, Carmina popularia gr. pp. 225 — 229; ср. объ этихъ пѣсняхъ G. Mejer, Ess. unt Studien I, s. 310 и Martinengo-Cesaresco, Essays in F. L. pp. 250 — 252. Намекъ на весенній привѣтственный обходъ можно видѣть еще въ XIII в. въ словахъ Димитрія Хоматіана архіеп. Ахриды о Руссаліяхъ см. объ этомъ у Tomaschek'a Ueber Brumalia und Rosalia. *Sitzb. d. k. Akad. der Wissensch.* phil. hist. Cl. LX, s. 370.

Τὴν ὑγειὰ καὶ τὴν χαρὰ
Καὶ τὰ κόκκινα τ' αὐγά [1]).

Въ славяно-русскомъ обрядовомъ обиходѣ пѣсенъ весенняго привѣтствія съ намеками на весенній прилетъ птицъ мнѣ встрѣтилось очень немного. Подобныя пѣсни болѣе охотно поются при закликаніи весны; встрѣчается этотъ сюжетъ и въ колядкахъ. Весною, если не считать пѣсни, сообщенныя Верковичемъ [2]), свидѣтельству котораго не всегда можно довѣриться, привѣтственныя пѣсни этого склада найдутся только въ Польшѣ и въ Бѣлоруссіи. Польскіе поздравители поютъ на масляницу:

Kukułeczka zakukała, haleluja,
Gospodarza przebudziała:
Powstan', powstan', gospodarzu,
Pochodz', pochodz' po oborze:
Bo w oborze Bog dał dobrze
Krowisia się omnożyła и т. д. [3])

На пасху въ Польшѣ совершается также обходъ по домамъ съ «Kogutkiem». Это — сдѣланное изъ пѣтушьихъ перьевъ изображеніе птицы. Пѣсня, поющаяся при этомъ, говоритъ о страстяхъ Господнихъ, но въ концѣ въ ней прибавляется:

A my z Kurkiem rano wstali,
Pierwszą roskę otrząsali,
Nasz Kureczek rano pieje,
Wstajcie panny do kądziele,
A wy matki jeszcze śpijcie,
Bo się przez dzien' narobicie [4]).

---

1) Passow, l. c. № CCCVI.
2) Веда Словена II, стр. 163—164.
3) Kolberg Lud. V,1, str. 237, № 48.
4) Gloger P. L. str. 12, № 20.

«Мы рано встали съ пѣтухомъ, отрясали первую росу. Нашъ пѣтухъ поетъ рано. Встаньте панны, чтобы взяться за кудель, а вы, матки, еще спите, потому что за день много наработаете». Пѣтухъ здѣсь могъ замѣнить и другую птицу; на мысль о немъ повидимому навело раннее вставаніе. Впрочемъ въ Бѣлоруссіи тотъ-же мотивъ связанъ и съ ласточкой:

Чи не ластоўка въ окно бьётся,
Чи не господыньку побужаеть:
«Устань, устань, пани господынька,
Выйди, выйди на короўничекъ:
Восимъ короў отялилося,
Восимъ тялятъ народилося [1]).

Эта пѣсня поется при привѣтственномъ обходѣ на Пасху и входитъ въ разрядъ «волочобныхъ» пѣсень, къ которымъ я перейду.

V.

Къ типу весенней поздравительной пѣсни я отношу и бѣлорусскія великодныя или волочобныя пѣсни [2]). Онѣ поются на Пасху толпой молодежи, носящей названіе волочобниковъ или

---

1) Б. Бп., № 7, стр. 8.

2) Безсоновъ, Бѣл. пѣсни №№ 1—28, стр. 1—21, его-же Кол. Пер. вып. 6, стр. 37—39; Шейнъ, Бѣл. п. стр. 359—404, его-же Мат. для из. быта и языка русск. нас. сѣверо-зап. края I,1, стр. 136 — 165, его-же Русск. нар. пѣсни, стр. 389—394 и Великоросъ, стр. 341—342 (изъ Псковской и Смоленской губ.); Романовъ, Бѣлор. Сб. вып. 1 и 2-ой, стр. 268, № 19 и стр. 448—487; Дембовецкій, Опытъ оп. Могил. губ. кн. III, стр. 533; Крачковскій, Бытъ Подолянъ стр. 107 и слѣд.; о волочобныхъ п. на Волыни см. *Zb. Wiad.* XI (1887), str. 163 (пѣсень однако не приведено; можно было бы собрать еще немало варіантовъ изъ мѣстныхъ газетъ; я пользовался напечатанными въ *Виленскомъ Вѣстникѣ*, 1891, №№ 86 и 93 и *Смоленскомъ Вѣстникѣ*, 1890, № 37). Самое древнее упоминаніе *«волочільныхъ»* пѣсень восходитъ къ XVI в. въ проп. Іоанна изъ Вишни (Потебня, Об. мал. и ср. п. II, стр. 56).

лалынщиковъ, а иногда и колядовщиковъ и скомороховъ. Свой обходъ волочобники совершаютъ подъ вечеръ на пасхальной недѣлѣ. Хоръ останавливается подъ окномъ каждаго дома, становится полукругомъ и запѣваетъ пѣсню. Запѣваетъ починальникъ, аккомпанирующій себѣ на скрипкѣ, а хоръ поетъ всего чаще только припѣвъ:

Христосъ воскрёсъ, сынъ Божій!

Пожертвованія складываетъ въ свой мѣшокъ мѣхоношій.

По свидѣтельству наблюдавшихъ этотъ обрядъ этнографовъ, крестьяне придаютъ важное значеніе обходу волочобниковъ. Они зорко слѣдятъ за тѣмъ, какова погода, во время нахожденія волочобниковъ на дворѣ, и если ихъ застигаетъ непогода, крестьяне боятся, что и для лѣтнихъ работъ не будетъ ведра[1]). О серьезномъ отношеніи крестьянства къ этому обряду можно заключить и изъ самаго текста пѣсней. Онъ сохранился довольно исправно и полно. Шуточныхъ пѣсенекъ въ репертуарѣ волочобниковъ можно указать лишь самое незначительное количество[2]), очень немногія изъ нихъ представляютъ также собою тотъ просительный куплетъ[3]), который на западѣ только одинъ и переживаетъ въ современномъ бытованіи. Вообще великодняя пѣсня отвѣчаетъ возвышенной обрядовой идеализаціи, затрагиваетъ существенные, насущные запросы жизни.

При устной передачѣ основной процессъ, опредѣляющій литературную исторію пѣсни, слишкомъ часто оказывается процессомъ вырожденія. Народная память слабѣетъ; отдѣльные эпизоды пѣсни исчезаютъ; этимъ нарушается ея логическая стройность; тогда новые эпизоды вторгаются въ текстъ, чтобы замѣнить пропущенныя и тѣмъ возстановить плавное развитіе основной мысли. Попробуемъ однако, сопоставляя варіанты, по-

---

1) Шпилевскій, Волоч. въ Вит. губ. *Русскій Дневникъ*, 1859, № 101; воспр. у Шейна Мат. из. с. з. кр. I,1, стр. 573—574.

2) Ш. Бп. №№ 145, 155, 167 и Ш. В. № 1193, стр. 342.

3) Б. Кп. № 538; *Смол. Вѣстн.* 1890, № 37, стр. 2.

лучить по возможности полный пѣсенный укладъ. Такого рода попытка лучше всего наведетъ на уясненіе основного бытового смысла не только волочобныхъ пѣсней, но и вообще всей весенней привѣтственной пѣсни, какъ ее понимала создавшая ее народная среда.

Наиболѣе полныя и исправныя волочобныя пѣсни начинаются особымъ запѣвомъ, какъ напр.:

Не макъ, рожь расцвѣтаиць, —
Бѣлы молойцы наступаюць [1]).

или

Изъ подъ лѣсу — лѣсу тёмнаго
Ишла тучка Волочобная;
А не туча то шла — Волочобники,
Волочобники, бѣлы молойцы
Бѣлы молойцы, а ўсё Кудинцы.
Вобралися братъ за брата,
Братъ за брата, другъ за друга.
И шли яны дорогою,
Дорогою широкою,
Широкою, торненькою,
Траўкой, — мураўкой зялёненькою [2]).

Это первый эпизодъ пѣсни. Онъ, конечно, можетъ и разнообразиться. Иногда обозначается время, когда ходятъ волочобники: «А на перши день, да на Вяликъ — день» [3]). Всего чаще поется просто:

Шли — бряли волочебники [4]).

1) Ш. Мюзкр. I,1, № 149, стр. 155; ср. Ш. Рп. № 3, стр. 391.

2) Б. Бп., № 2, стр. 3; ср. Б. Бп., № 1; Р. Бсб. № 1, 5, 7; Ш. Мюзкр. I,1, № 136; Ш. Бп., № 139 (послѣ привѣтствія).

3) Б. Бп., № 1; Ш. Бп., № 147; Ш. Мюзкр. №№ 138 и 147.

4) Ш. Бп., №№ 138, 140, 141; Ш. В. № 1198; Р. Бсб. № 6 и 7 стр. 458; Ш. Мюзкр. I,1, № 137; Дембовецкій, Оп. оп. М. губ. стр. 538, № 1; Крачковскій, Б. под. стр. 108.

Представленіе объ обходѣ вызываетъ и представленіе объ усталости, о трудностяхъ пройденнаго пути; волочобники стараются разжалобить домохозяевъ, напѣвая о себѣ:

Шли — бряли волочебнички
По цямной ночи да по гразной грази,
Волочилися да й обмочилися,
Шаталися и боўталися
Къ богатому дому пыталися [1]).

Съ приходомъ къ «богатому дому» начинается новый эпизодъ: вызовъ хозяина и прославленіе его двора [2]). Въ нѣсколькихъ варіантахъ первый эпизодъ осложненъ еще тѣмъ, что дорогу ко двору волочобники нашли не сразу, а она указана имъ самимъ Богомъ, съ которымъ они встрѣтились по пути [3]); тогда самый мотивъ отысканія двора даетъ поводъ къ любезному прославленію домохозяина. Ему поютъ:

Почомъ жа значенъ яго дворъ?
Вокóло згорóду усе жалѣзны тынъ,
А шýлочки мурованные,
Вереюшки усё точѐнные,
Вороцики позлачóные,
Подворотница—бѣла рыббя косьцъ,
А клямочки позлачонные,
А замочки серэбранные [4]).

---

1) Ш. Бп., № 141; Ш. Мюзкр. І,1, №№ 137, 143; Б. Кп., № 588; Р. Бсб. І, №№ 4 и 6, стр. 451—453.

2) Слѣд. варіанты пропускаютъ этотъ эпизодъ: Ш. Бп., №№ 139, 142, 145, 146, 150, 151; Ш. Мюзкр. І,1, № 142; Б. Бп. № 4.

3) Б. Бп., №№ 1 и 2; Р. Бсб. № 3 и 4, стр. 450—451.

4) Ш. Мюзкр. І,1, № 136, стр. 137; ср. тамъ же, № 143, стр. 149; Ш. Бп., №№ 138, 139, 141; Б. Бп., №№ 1 и 2; Р. Бсб. №№ 4 и 5.

Въ двухъ, трехъ варіантахъ этимъ и кончается пѣсня[1]), но чаще всего волочобники, заявивши свое появленіе подъ окномъ избы, вызываютъ хозяина. Хозяина якобы будятъ и говорятъ ему встать и посмотрѣть, что у него дѣлается на дворѣ, или въ полѣ, или въ хлѣву. Вставая хозяинъ, конечно, производитъ идеальное облаченіе, соотвѣтствующее и идеализаціи его усадьбы.

Да чи дома, дома слаутый папе?

спрашиваютъ волочебники,

Коли дома, ўстань рано,
Ўстань рано, умыйся бѣло,
Ўмыйся бѣло, утрися сухо,
Надзѣнь боты козловые,
Подпиражи поясъ шелковинькій,
Завяжи хусточку щиро злотную,
Надзѣнь шапку бобровую,
Надзѣнь шубу атласбвую
Одчини окно, поглядзи у гумно,
Отчини другое, поглядзи у поле. и т. д.[2]).

Этимъ оканчивается второй этапъ пѣсенной логики[3]).

Два варіанта сбиваются на этомъ мѣстѣ и нарушаютъ естественное развитіе исконной темы. Въ нихъ поется, что хозяину некогда, что онъ идетъ въ церковь[4]). Такое измѣненіе въ текстѣ

---

1) Напр. Б. Бп., № 2, здѣсь пѣсня далѣе только прославляетъ среди богатствъ двора хозяйскіе улья; ср. Р. Бсб. I, № 4, стр. 451; Б. Кп., № 539 сбивается въ сторону иначе; Домбовецкій, Оп. оп. Могилевской губ. № 4, совсѣмъ обрывается на этомъ эпизодѣ.

2) Ш. Мюзкр. I,1, № 138, стр. 143; ср. тамъ же №№ 137, 138, 148, 149; Ш. Бп., №№ 141, 142, 145, 146, 150; Р. Бсб. I, № 7, стр. 454.

3) Слѣдующіе варіанты начинаются прямо съ этого эпизода пѣсни, т. е. прямо вызываютъ хозяина: Ш. Бп. №№ 142, 146, 150, 151; Ш. Мюзкр. I, № 142; Р. Бсб. № 10, стр. 456; пропускъ этого эпизода: Б. Бп. №№ 1 и 2; Ш. Бп., № 138; Ш. Мюзкр. I, № 143; Р. Бсб. I, № 1, стр. 449.

4) Ш. Бп., № 147; ср. Ш. Мюзкр. I, № 136.

ведетъ пѣсню къ описанію молитвы хозяина о дарованіи плодовъ земныхъ. Чтобы вернуться къ обычному содержанію, пришлось сдѣлать перерывъ и начать снова:

Я потомъ честного мужа,
Честного мужа, пана Григорка[1]),
О чимъ-жа ты ославился?

На этотъ вопросъ отвѣчаетъ самъ хозяинъ и восхваляетъ свой дворъ въ преувеличенно роскошномъ описаніи, какъ въ приведенныхъ выше варіантахъ это дѣлали волочобники. Только этимъ и становится возможнымъ въ данномъ варіантѣ продолжить пѣсню, перейти уже къ третьему эпизоду т. е. къ тому, что видитъ хозяинъ, выглянувъ въ окно. Это зрѣлище есть центральный, основной эпизодъ всего повѣствованія. Понять его значитъ усвоить себѣ основную обрядовую задачу волочобниковъ.

Варіанты однако всего болѣе разнообразятся именно по отношенію къ этому основному, третьему эпизоду. Они даютъ намъ нѣсколько несходныхъ другъ съ другомъ мотивовъ, правда стремящихся къ одной и той же религіозной мысли, но всетаки совершенно различныхъ по замыслу. До сихъ поръ напротивъ пѣсня не знала разнообразія, она только выпускала, забывала то первый, то второй эпизодъ, то оба вмѣстѣ. Остается даже подъ вопросомъ, считать ли разобранные первые два эпизода, присущими исконному складу или они естественно выросли изъ самыхъ данныхъ обряда. Ихъ непосредственная простота придаетъ имъ характеръ чего то несущественнаго; основная мысль пѣсни въ нихъ стоитъ почти неподвижно. Третій эпизодъ напротивъ полонъ поэтическаго повѣствованія. Взглянувъ въ окно хозяинъ видитъ по истинѣ чудо:

1) Ш. Бп., стр. 383.

Штожь ў поли да синѣецца
Да синѣецца да чернѣицца
Да синѣецца да краснѣецца?
Пречистая Маць на похацѣ ѣдзець,
Восьми конями да ўсё вороными,
Тремя слугами да ўсё вѣрными,
Святъ Ягорья на козлахъ сядзиць,
Святъ Илля на запяткахъ стоиць,
А святъ Микола посради яе.
Подъѣзжающь яны къ честному мужу,
Къ честному мужу, къ богатому дому [1]), и т. д.

Въ другихъ варьянтахъ, болѣе распространенныхъ, тотъ же приходъ святыхъ на дворъ хозяина, которому поется пѣсня, представляется нѣсколько проще. Хозяинъ видитъ дворъ свой въ волшебномъ очарованіи подобномъ тому, какъ его увидѣли въ уже приведенныхъ выше варіантахъ сами волочобники. Посреди двора еще болѣе удивительное видѣніе:

Сяродъ двора шацеръ стоиць новюсиньки,
Новюсеньки, яснюсеньки,
Златомъ крыты, сребромъ литы,
Прибрамочки серебряныи,
Защепнички золотыи.
Да у тымъ шатрѣ кресло стоиць,
Кресло стоиць золотое,
Ды у тымъ креслѣ самъ Богъ сядзиць,
Самъ Богъ сядзиць, ксёншку дзяржиць.
Коло яго пчёлки лятали,
Пчелки лятали, мяды збирали.
Тые пчелки, ўси святочки

---

1) Ш. Бп., № 141, стр. 367 — 368; ср. тамъ же, № 147; Б. Бп. № 8; Ш. Мюзкр. I, № 143; Р. Бсб. № 10.

Пирадъ Богомъ збиралися,
Збиралися, раховалися:
Которому святцу перестаци?

или какъ говорятъ другіе варіанты: «напередъ пойци»[1]). Далѣе слѣдуетъ перечисленіе праздничковъ въ календарномъ порядкѣ, уходящихъ куда то со двора хозяина, гдѣ они возсѣдали. Остановимся покамѣстъ однако на томъ моментѣ, когда святые не оставили двора хозяина; потомъ мы увидимъ, куда они направятся. Представленіе объ засѣданіи святыхъ среди двора повело и къ изображенію ихъ пирующими:

На его дворѣ да ягонь горицъ,
Колѣ того ягня да столы стояцъ
А на тыхъ столахъ ўсё скацерци,
А на тѣхъ скацеркахъ да ўсё кубочки,
Ўсё кубочки да ўсё полные,
Да ў тыхъ столовъ да усе креслички,
Да на тыхъ кресличкахъ да ўсё праздничкн
Раховалися, собиралися.
Одного праздничка раховалися,
Якого праздничка?[2])

Такимъ образомъ путемъ другого образа пѣсня приходитъ къ тому же самому перечисленію праздниковъ. Только, если въ

1) Ш. Бп., № 142, стр. 371 или Ш. Мюзкр. I, №№ 136, 137, 148, 150; Р. Бсб. № 7, стр. 454; Ш. Рп., № 2; Ш. В., № 1192; Ш. Бп., № 146; Крачковскій, Б. под. стр. 8. Нѣкоторые пѣсни начинаются прямо съ этого эпизода: Б. Бп., № 3; Ш. Рп., № 2, стр. 390 и Ш. В., № 1192; въ цѣломъ рядѣ варіантовъ на дворѣ стоитъ церковь и тамъ на престолахъ сидятъ святые: Ш. Бп., №№ 138, 146; это какъ бы дальнѣйшая христіанизація или религіозный раціонализмъ.

2) Ш. Бп., № 147; Б. Бп., № 1 и Р. Бсб. I, № 1 (тутъ пропускается предшествующій эпизодъ); Ш. Мюзкр. I, № 139 (начинается съ этого эпизода); Р. Бсб. I, № 5, хозяинъ ѣдетъ въ церьковь и тамъ кланяется святымъ, слова: «А кого послать [имя] искать?» поставлены совершенно нелогично послѣ словъ: «А на святого [имя] забывся?»

предшествующемъ типѣ третьяго эпизода, святые должны рѣшить, которому изъ нихъ начать раньше предстоящую имъ дѣятельность, въ послѣднемъ типѣ они напротивъ узнаютъ, какой изъ святыхъ уже занятъ и не присутствуетъ на пирѣ. Мотивъ пира святыхъ, на которомъ одного изъ нихъ нѣтъ, или на которомъ одинъ изъ святыхъ утомленный работой роняетъ свой кубокъ, довольно распространенъ въ сербскомъ духовномъ стихѣ[1]). Онъ образно представляетъ благотворную дѣятельность угодниковъ; въ своей наивной идеализаціи онъ ярко отражаетъ тѣ религіозно утилитарныя надежды, которыя возлагаетъ народная вѣра на своихъ излюбленныхъ «праздничковъ»: Юрья, Николу, Илью и др.

Мотивъ пира на дворѣ хозяина встрѣчается въ нѣсколькихъ варіантахъ волочобной пѣсни; трудно однако рѣшить, вошелъ ли онъ, какъ дальнѣйшее поэтическое развитіе мотива засѣданія на дворѣ, или напротивъ, этотъ послѣдній мотивъ есть ни что иное, какъ упрощеніе, обезличеніе первоначальнаго замысла. Статистическія соображенія, впрочемъ мало убѣдительныя, говорятъ, скорѣе за первое изъ этихъ двухъ мнѣній: на три варіанта, описывающихъ пиръ святыхъ, девять говорятъ о простомъ засѣданіи или о постепенномъ выходѣ святыхъ на поле для своей благодатной дѣятельности. Второе мнѣніе дѣлаетъ болѣе правдоподобнымъ подробность одного варіанта, напоминающаго по складу знаменитую колядку о козленушкѣ[2]): въ пирѣ учав-

---

1) Б. Кп. вып. 6, № 544; Караджж. Србске н. п. II, № 22; болгарскія: Качановскій, стр. 97; *Сб. за нар. ум.* 1889, нар. ум. стр. 14 — 15; см. также у Mažuranić'a, str. 188; объ этомъ сюжетѣ Потебня Об. мал. и ср. II, стр. 147 и слѣд.

2) Эта пѣсня (Снегиревъ, Р. Прост. Праздн. I, стр. 103 и II, стр. 68) впервые напечатана Срезневскимъ въ *Украинскомъ Вѣстникѣ* 1817 г. Она вообще сильно заподозрѣна: старикъ со своимъ «булатнымъ ножемъ», которымъ онъ собирается зарѣзать козла слишкомъ театраленъ для народной пѣсни; мотивъ горѣнія котловъ однако вполнѣ въ духѣ распр. пѣсенныхъ образовъ; онъ особенно часто встрѣчается въ колядкахъ см. у Потебни Объясн. мал. и ср. пѣсень II, стр. 149 и слѣд. Потебня привелъ также

ствуютъ и волочобники; при этомъ мотивъ пира стоитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ мы видѣли волшебное изображеніе двора хозяина: волочобники, «удалые молойцы», ищутъ двора, и самъ Богъ со своими святыми показываетъ имъ дорогу. Найти дворъ помогаетъ то обстоятельство,

Што у яго (хозяина) на дворѣ огни горятъ,
Огни горятъ усе тихонькія
А дымять дымы усё синянькія,
А висять котлы усё мядяныя,
А варятъ пиво усё пшеничноя,
А гонятъ горѣлку акавиточку
А къ сяму къ тому, къ святому Вялички.
Іонъ къ собѣ гостей сподяваятца.
А якихъ гостей? Волочобничкоу,
Волочобничкоу зъ Господомъ Богомъ,
Господа Бога съ усими святыми,
Съ усими святыми и зъ Прячистою.

Затѣмъ слѣдуетъ знакомый намъ вопросъ:

Ци ўсѣ святцы позбиралися? [1])

Послѣ этого разсказъ переходитъ къ дѣятельности святыхъ, т. е. уже къ четвертому послѣднему эпизоду волочобной пѣсни. Только въ двухъ варіантахъ волочобники обратили вниманіе исключительно на самое описаніе пира и уставленныхъ брашнами столовъ; это восхваленіе угощенія стало даже не только центральнымъ, но и единственнымъ содержаніемъ пѣсни; такъ

схожую купальскую пѣсню (l. c. стр. 150). Однако онъ напрасно полагалъ, что огонь здѣсь = купальскій костеръ въ приведенной имъ куп. пѣсни (Ш. Бп. 486) какъ будто произошло смѣшеніе обоихъ костровъ, но въ существѣ дѣла этотъ костеръ, какъ это совершено ясно изъ волочобныхъ пѣсенъ, предназначается для варки пива. Это можно увидѣть въ любомъ селѣ передъ праздникомъ. (О пѣсни о Козленочкѣ: Владиміровъ Введ. въ ист. р. слов. стр. 80—81).

1) Б. Бп., № 1.

что за нимъ идутъ одни просительные стихи, и имена святыхъ отсутствуютъ вовсе [1]).

Участіе на пиру самихъ волочобниковъ заставляетъ думать что мотивъ пира есть ни что иное, какъ восхваленіе пасхальныхъ розговѣнъ, и его можно считать поэтому скорѣе всего крѣпкимъ великодной пѣсни. Сами волочобники, получающіе угощенія съ пасхальнаго стола, собирающіе пасхальныя яйца, вправѣ называть себя желанными гостями. Огни—огни пасхальные. Варка пива у крестьянъ обычное предпраздничное занятіе. Пасхальный столъ съ освященной пасхой и яйцами, по народно-языческому представленію есть жертва, актъ священный, торжественный. Поэтическая идеализація его можетъ привести свободно къ представленію, что самъ Богъ со святыми пируетъ за нимъ вмѣстѣ съ хозяевами дома. Какъ мы сейчасъ увидимъ, если нѣтъ на лицо кого нибудь изъ святыхъ, то это лишь потому, что весной, въ моментъ высшаго напряженія производительности природы, имъ некогда; они заняты; они трудятся на благо человѣка, въ данномъ случаѣ на пользу самого хозяина. Только упрощеніе, обѣднѣніе пѣсни отъ первоначальной образности привело къ сухому представленію, что Богъ и святые пришли во дворъ и стали рѣшать, кому изъ нихъ раньше выйти на работу. Если мнѣ удалось возстановить наиболѣе вѣроятнымъ образомъ основной смыслъ эпизода о присутствіи святыхъ на дворѣ хозяина, переходнымъ этапомъ между обоими указанными его типами, могутъ служить тѣ варіанты, которые не упоминая вовсе о пирѣ, сохранили всетаки соотвѣтствующую этому типу формулу перечисленія святыхъ. Въ одномъ варіантѣ, начинающемся прямо съ этого эпизода, поется:

Да на Вяликъ дзень, на перши дзень,
Да ўсѣ святые собиралися,
Собиралися яны, раховалися:

---

1) Ш. Бп., №№ 139 и 140.

Котораго святка на улицѣ нѣту?
—Ой нѣту, нѣту святаго Юрья. и т. д.[1])

Разобранный только что эпизодъ кончается такимъ образомъ вопросомъ: «которому святу напередъ пойци?» или «котораго святка на улицѣ (или на пиру) нѣтъ?» Въ отвѣтъ идетъ въ обоихъ случаяхъ перечисленіе того, что они должны дѣлать или, чѣмъ они въ настоящее время заняты. Въ первомъ случаѣ идетъ чисто календарное сухое перечисленіе христіанскихъ праздниковъ съ коротенькой характеристикой церковнаго и сельскохозяйственнаго значенія каждаго изъ нихъ; перечисленіе начинается, то съ самаго Рождества, то съ праздника сорока мучениковъ; вотъ примѣръ подобной календарной пѣсенной справки:

Святое Рожствó напяродъ прышло
Святое Василле на Новы рокъ
А на Новы рокъ поздраўляецца,
Святоя Крещенне на Ердань хóдзиць,
На Ердань ходзиць, воду свéнциць,
Святые Громницы свѣчи сýкаюць,
Свѣчи сукаюць, на прыстаў стаўляюць
Святы Зборъ ляды разбиваець,
Ляды разбиваюць, воду пущаець,
Свята Вербница вербу свяцила,
Благовѣщенне лемеши йстрила,
Воронымъ конемъ, золотой сохой,
Золотой сохой да правой рукой.
Свято Величко зъ краснымъ яечкомъ,
Старымъ и малымъ яéчки качаць,
Яечки качаць святцау провожаць. и т. д.[2])

---

1) Ш. Мюзкр. I, № 139; ср. тамъ же 149; Ш. Бп., №№ 138, 141 и 150; Б. Бп., № 1 Р. Беб., № 1 стр.; пѣсня Ш. Рп., № 2 напр. знаетъ эпизодъ пира безъ посылки за святымъ.

2) Ш. Мюзкр. I, № 186, стр. 198; ср. тамъ же 137, 148 и 150; Ш. Бп., № 142 и 146; Р. Беб., I, № 7, стр. 454.

Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ такимъ олицетвореніемъ праздниковъ, которое встрѣчается и въ календарныхъ пословицахъ. Интересно замѣтить, что и въ монфератской canzone del ovo, о которой было упомянуто выше, мы находимъ такое же постепенное перечисленіе праздниковъ съ коротенькими характеристиками. Сухая, внѣшняя характеристика годовыхъ праздниковъ мѣняется однако, начиная съ пасхи; съ этого момента она становится болѣе сложной, болѣе образно задуманной. Съ этого момента она также вполнѣ совпадаетъ въ обоихъ типахъ волочобной пѣсни. При обоихъ приведенныхъ только что вопросахъ о святыхъ, начиная съ пасхи, праздники изображаются святыми особаго, чисто хозяйственнаго характера. Эти святые представлены за работой на пользу сельскаго люда, въ поляхъ и на лугахъ, гдѣ все то, что даетъ весна и лѣто хлѣбопашцу производится ихъ усиліями и ихъ заботами. Такъ приведенный только что варіантъ продолжаетъ:

Святы Юръры пó лугу ходзиць
По лугу ходзиць, кони пасецъ,
Кабы были добры да побрыкивали.
Святы Микола по межахъ ходзиць,
По межахъ ходзиць, жито рóдзиць.
Святая Ушесьця поле выметаець,
Поле выметаець, колосъ высыпаець.
Святая Тройца жито красуець.
Святы Дзевятникъ краску здымаецъ,
Краску здымаець, пяту станóвиць,
Святы Иванъ да помогаець,—
А святы Илля зажинаець,
Золотымъ серпомъ, правой ручкой и т. д.[1]).

---

1) Ш. Мюзкр. I, стр. 138 — 139, ср. тамъ же стр. 141, 145, 154, 156 — 157, 159; Ш. Бп., стр. 360, 369—370, 376, 379, 383, 389—390; Б. Бп., стр. 2; Ш. В., № 1192; Крачковскій Б. под. стр. 107. Иногда святые только смотрятъ на поля и сами не работаютъ: Ш. Бп., № 144 и Ш. Мюзкр. № 188.

То обстоятельство, что оба типа начинаютъ совпадать, какъ только дѣло доходитъ до весеннихъ праздниковъ послѣ пасхи, и что упоминаніе праздниковъ до пасхи носитъ чисто внѣшній календарный характеръ, а напротивъ праздники послѣ пасхи изображаются въ болѣе осложненномъ и поэтическомъ образѣ, приводитъ естественно къ заключенію, что присуще нашей пѣсни изображеніе святыхъ, празднуемыхъ только послѣ пасхи, а отнюдь не съ самого Рождества. Можно также въ этихъ соображеніяхъ видѣть лишнее доказательство и тому, что представленіе о пирѣ, на которомъ присутствуетъ Богъ со святыми угодниками, типъ исконный, крѣпкій древнѣйшему складу пѣсни: упрощенный видъ этого эпизода съ формулой: «шихуютця, рухуютця, которому святому на передъ пойци», соотвѣтствуетъ гораздо логичнѣе календарному перечисленію праздниковъ, завѣдомо носящему всѣ признаки вставки, чѣмъ образному представленію объ угодникахъ, какъ о помощникахъ простого народа въ его хозяйственныхъ интересахъ и заботахъ.

При вопросѣ: котораго праздничка на улицѣ (или пирѣ) нѣтъ? въ однихъ варіантахъ, просто сообщается, что его нѣтъ потому-то и потому-то, а въ другихъ разыгрывается сценка вродѣ слѣдующей: святые возсѣдаютъ во дворѣ на «креслячкахъ»:

Раховалися, собиралися
Якого праздника? Святого Миколу.
Кого сыскаць по Миколу послаць?
—Петрика сыскаць по Миколу послаць.
Петрикъ имъ отказывае:
«Я коня не маю, Миколу не знаю».
Ну кого сыскать по Миколу послаць?
—Иллю сыскаць, по Миколу послаць.
Илля же имъ отказывае:
«Я коня не маю, Миколу не знаю».
Ославиўся Святый Юрій:
«Я коника маю, Миколу знаю».

Только Юрій коня сѣдлае,
Коника сѣдлае, два раза уѣзжае.
Со двора съѣзжае, Миколу устрѣкае.
«Гдзѣ-жа ты Микола позабавиўся?»
—Я по полю ходзиў, росу росиў,
—Я по межѣ ходзиў, жито родзиў,
—Я по бору ходзиў да рои садзиў.— [1]).

Варіантъ, изъ котораго я заимствовалъ этотъ эпизодъ, изображаетъ на работѣ одного Миколу Угодника. Въ другихъ тотъ же окликъ святыхъ производится нѣсколько разъ, и каждый разъ оказывается, что одного изъ нихъ нѣтъ, пока дѣло не доходитъ до св. Ильи или святой Пречисты [2]).

Хозяйственная дѣятельность святыхъ вообще соотвѣтствуетъ тому, какія сельскія работы начинаются въ Бѣлоруссіи, непосредственно послѣ праздника каждаго святого. Наиболѣе полно, хотя и вкратцѣ изображаетъ должность «праздничковъ» одна, часто приводимая пѣсенька, пропустившая всѣ предшествующіе эпизоды:

Святая Величко
Зъ чирвоннымъ яичкомъ
Христосъ воскрёсъ
Сынъ Божій.
Святы Юрья
Зъ росицею,
Святый Борисъ
Коній песець,
Святы Микола,
Обойдзець вокола,

Святая Троица
Жито красуець,
Святы Петра
Пятку даець,
Святы Илля
Поспѣваиць,
Свята Ганна
Зажинаець;
Святы Борисъ
У копны складаиць [3]).

1) Ш. Бп., стр. 383, № 147.
2) Тамъ же № 138; Ш. Мюзкр., № 149; Р. Бсб., № 1.
3) Ш. Бп., № 143.

Полной устойчивости въ дѣятельности святыхъ однако нѣтъ. Такъ Юрій и Никола въ другомъ варіантѣ, начинающемъ тоже съ этого эпизода, только «пошли у поле жита глядзѣть»[1]). Въ большинствѣ случаевъ св. Юрій называется ключникомъ, и выпускаетъ росу[2]). Зачастую онъ пасетъ и скотъ[3]). Только рѣдко онъ родитъ жито[4]). Эго чаще всего лежитъ на обязанности св. Николы[5]). Св. Никола однако также не рѣдко пасетъ коней, особенно, когда св. Юрій пасетъ коровъ[6]). Бываетъ, какъ мы видѣли, что коней пасетъ и св. Борисъ[7]). Въ нѣсколькихъ пѣсняхъ родитъ жито самъ Богъ[8]). Святая Тройца красуетъ жито[9]) и, наконецъ, св. Илья почти всегда зажинаетъ[10]). Къ вопросу о распредѣленіи весеннихъ работъ въ предѣлахъ христіанскаго календаря мы еще будемъ имѣть случай вернуться, изучая весенніе сельско-хозяйственные обряды.

Настойчивыя усилія святыхъ «праздничковъ», разумѣется, приводятъ въ пѣснѣ къ изобилію всѣхъ плодовъ земныхъ. Его пожеланіемъ или вѣрнѣе завѣреніемъ и кончается волочобная пѣсня:

Часты, густы на небѣ звѣзды,

поютъ волочобники:

---

1) Тамъ же № 144.

2) Тамъ же №№ 142, 143, 146; Ш. Мюзкр. I, №№ 137, 148; Кочановскій Б. под. стр. 108; Р. Бсб. I, № 7; ср. стр. 93 прим.

3) Ш. Бп., №№ 138 и 141; Ш. Мюзкр. I, №№ 136, 142, 149; Ш. Рп., № 2; Ш. В., № 1192.

4) Ш. Мюзкр. I, № 139.

5) Тамъ же №№ 136, 137, 148; Ш. Бп., №№ 138, 142, 143 и 146.

6) Ш. Бп., № 141; Ш. Мюзкр. I, № 149.

7) Ш. Бп., №№ 143 и 146.

8) Ш. Мюзкр. I, № 138; Крачковскій Б. под. стр. 107; Р. Бсб., I, № 1.

9) Ш. Бп., № 143 и Ш. Мюзкр. I, №№ 136 и 137.

10) Р. Бсб. I, № 1 и 7; Ш. Мюзкр. №№ 136, 137; Ш. Бп., № 138, 142, 146; Ш. Рп., № 2; Ш. В., № 1192; случается, что Илья же и родитъ жито: Б. Бп., № 1, Ш. Бб., № 141.

Часцѣй, гусцѣй у слаўнаго мужа
У слаўнаго мужа да у поли снопы.

. . . .

Широкъ, высокъ на небѣ мѣсяцъ
Ширэй, вышэй у слаўнаго мужа сцеги
Святы Покроў ў гумно звозиць и т. д.

Или:

Дай Боже, кабъ жита родзило,
На нивѣ копáми, а ў гумнѣ сьциртами,
На току́ умолотомъ, а ў ору́дзѣ споромъ,
Ў орудзѣ споромъ, а у пру́дзѣ намоломъ,
Ў дзяжы подходомъ, а печцѣ ростомъ,
А на столикѣ сыцьцемъ[1]).

Послѣ этого пожеланія остается только просительная строфа, иногда комическаго склада съ остротами насчетъ мѣхоноши. На ней я останавливаться не буду. Въ заключеніе приведу только одинъ варіантъ волочобной пѣсни, сообщенной нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Виленскомъ Вѣстникѣ и еще не вошедшій въ сборники. Онъ даетъ понятіе объ общемъ складѣ пѣсни именно того типа, который я постарался представить, какъ наиболѣе близкій ея первоначальному складу. Хоть и въ сокращенномъ видѣ, но этотъ варіантъ упоминаетъ всѣ главнѣйшіе эпизоды волочобной пѣсни:

Черезъ поле широкое,
Черезъ межи золоценькіе,
Шли тудою волочебники, [чи,
Шли ены играючи припѣваю-
Ясного пана да пытаючи, [ра.
Якогожъ папа-пана гаспада-

Дзень, добры-дзень пану-га-
[спадару!
Кали къ дому-окажися,
Къ святому дню прибярися,
Къ святому дню къ вяликодню.
Холодною водицею умойся,

1) Ш. Мюзкр., I, № 136; ср. тамъ же №№ 138, 142, 149; Ш. Бп., № 141, 146, 147; Ш. Рп., № 2 и Ш. В., № 1192 или Ш. Мюзкр. I, № 187 ср. тамъ же № 150 и Б. Бп., № 4.

Чистымъ полотеицемъ уци-
[райса,
Въ сапоги, въ лапци обувайса,
Въ бѣлу свитку одзѣвайса!
Заметай двора ды павымъ пе-
[ромъ,
Все павымъ перомъ, золотымъ
[крыломъ.
Поставляй столы все цесовые
Всѣ цесовые, написанные,
Застилай столы все китайкою,
Китайкою, да зеленою,
Ставляй кубки србляные,
Наливай кубки зеленымъ ви-
[номъ,
Зеленымъ виномъ, чернымъ
[пивомъ,
Чернымъ пивомъ, солодкимъ
[медкомъ.
Зелено вино пану гаспадару
Черное пиво для яго жены
Солодокъ медокъ — для яго
[дѣтокъ.
Да чимъ нашъ панъ ославиўса,
Чимъ гаспадарь падариўся,
Посажу святкоу по застолей-
[ку,
Стали святки величацися,
Ены все лигатца да лигатца—
Одного святка недолигатца:
Того святка—святого Юрья.
Треба слати Юрья шукати.
Святы Илья сядай на коня
Да бѣгай ты въ поля,
Да шукай тамъ Юрья.
Не успѣу Илья сѣсть на коня,
Якъ Юрай на дворъ,
Да кулемъ на столъ,
Не дали Юрью разобратися
Стали у Юрья пытатися,
Гдзѣ енъ бывау, что енъ чувау.
Святы Юрай по полямъ ходзіу
Да жито радзіу.
Гдѣ гора, тамъ жита копа,
Гдѣ лужокъ, тамъ сѣна сто-
[жокъ,
Гдѣ долинка, тамъ жита скир-
[да,
Якъ на небѣ звѣзды часты,
Такъ на поли копы густы[1]).

При разборѣ волочобныхъ пѣсень также, какъ и раньше, когда дѣло шло о лазарскихъ и кралицкихъ пѣсняхъ, я остановился только на серіозныхъ хозяйственныхъ мотивахъ. Ихъ я старался подчеркнуть и въ соотвѣтственныхъ западныхъ пѣсняхъ. Весенее привѣтствіе съ намеками на предстоящую свадьбу, съ убранной по праздничному фигурой «невѣсты», которую водитъ

1) *Виленскій Вѣстникъ,* 1891, № 93.

съ собою хоръ, мы разсмотримъ отдѣльно. Только отчетливое пониманіе религіозно-хозяйственнаго, дѣлового значенія этого обряда можетъ привести къ болѣе или менѣе объективной его интерпретаціи. Освоившись съ нимъ, намъ будетъ уже легче вдуматься и въ обрядовую психологію, лежащую въ основѣ второго типа поздравительныхъ пѣсень, гдѣ напѣвается уже не счастье въ хозяйствѣ, а удача въ личной семейной жизни.

Съ точки зрѣнія отношенія разбираемыхъ обрядовъ къ крестьянской хозяйственной тяготѣ волочобныя пѣсни послужатъ намъ, разумѣется, главнымъ источникомъ. Въ нихъ выжидательное и полное надеждъ весеннее настроеніе сельскаго люда выражено уже вполнѣ отчетливо и наглядно. Не говоря уже о жалкихъ пережиткахъ привѣтственной пѣсни на западѣ, гдѣ только изрѣдка въ кое какихъ словцахъ промелькнетъ мысль о хозяйствѣ, даже въ южно-славянскихъ лазарскихъ и кралицкихъ пѣсняхъ уловить сельско хозяйственное значеніе обряда весенняго привѣтствія можно лишь по нѣсколькимъ варіантамъ. Лазарскія пѣсни напѣваютъ скорѣе общее благополучіе, одинъ только результатъ успѣха въ сельско-хозяйственномъ трудѣ. Волочобныя пѣсни напротивъ образно воспроизводятъ этотъ успѣхъ, заставляя самихъ святыхъ угодниковъ работать на хозяина [1]). Въ нихъ особенно цѣнны эти — образность и символичность выраженій. Несмотря на христіанизованную форму обряда весенняго привѣтствія въ Бѣлоруссіи, въ немъ сохранились черты въ высшей степени архаическія. Онѣ и наведутъ насъ на пониманіе того, какія религіозно-обрядовыя представленія вызвали его къ жизни, какой потребности первобытнаго человѣка онъ отвѣчаетъ и какого порядка идей онъ оказывается далекимъ отраженіемъ?

---

1) Среди волочобныхъ пѣсень только одна напѣваетъ благополучіе въ сельско-хозяйственномъ трудѣ, не зависящее отъ благодѣтельной помощи святыхъ «угодничковъ»: Б. Бп., № 4. Эта пѣсня ближе всего подходитъ къ лазарскимъ.

Нѣкоторые миѳологи и этнографы обратили особенное вниманіе на собираніе подарковъ хоромъ поздравителей и этой подробностью хотѣли объяснить смыслъ всего обряда. Обрядъ оказался въ ихъ толкованіи совершенно безсмысленнымъ и ненужнымъ переживаньемъ древняго сбора пожертвованій для общественнаго пира или жертвоприношенія. На подобную мысль могли навести развѣ только тѣ пирушки, которыя обыкновенно устраиваетъ молодежь, набравши яицъ или другихъ лакомствъ во время обхода[1]). Но только на западѣ, гдѣ въ большинствѣ случаевъ сохранились отъ первоначальной пѣсни одни просительные стихи, эта черта разбираемаго обряда выступаетъ какъ бы на первый планъ. Разсмотрѣвши обрядъ во всемъ томъ разнообразіи, какое представляютъ его различные типы въ фольклорѣ Европы, нельзя не видѣть въ сборѣ пожертвованій только подробность почти случайную, естественно чрезмѣрно развившуюся въ современномъ бытованьи, но вовсе не существенную для его первоначальнаго смысла.

Второстепенной, не основной чертой разбираемаго обряда представляется мнѣ и тѣсно связанное съ просьбой о подачкѣ прославленіе хозяина и хозяйки. Исключительно на эту послѣднюю черту обратилъ вниманіе Потебня. «На всѣхъ ступеняхъ развитія», писалъ онъ, «потребность счастья, блеска, могущества, требуетъ удовлетворенія, хоть въ мечтѣ. Тѣмъ болѣе способно на время утолить эту жажду нѣчто столь объективное, какъ пѣсня. Даже нынѣшній человѣкъ не могъ бы подавить свѣтлой улыбки, если бы ему о немъ спѣли:

На коня садится, подъ нимъ конь бодрится;
Онъ пó лугу ѣдетъ — лугъ зеленѣетъ,

(Ефименко, Матер. II, 123).

---

1) Срезневскій, Свят. и обр. стр. 99; Kolbe Hessische sitten s. 27 — 28; *Am Urquell* V, s. 18; ср. еще болѣе странное объясненіе у Weinhold'a *Z. d. V. f. Vk.* III (1893) s. 1.

Но несравненно важнѣе значеніе величальной пѣсни для людей прежнихъ. Чѣмъ далѣе въ старину, тѣмъ обычнѣе и крѣпче вѣра въ способность слова однимъ своимъ появленіемъ производить то, что имъ означено. На такой вѣрѣ основаны всѣ поздравленія и проклятія. Они и до нынѣ держатся не одною инерціею, но и самою этой вѣрой; такимъ образомъ не одна память о старинѣ но и живая правда слышится въ томъ, что колядники и волочобники, гости «недакушные» (Ш. Бп. № 78, 93), «нечастые», «калядные», «угодные» (ib. 47), называются любимыми гостьми: «Любi гости все колядники» (Гол. IV, 2), серб. «добри гости колеђани» (Кар. II, 1, 116), болг. «Добри сме ти гостьи дошли, добри гостье коледжаны. Подоберъ сме гласъ (=вѣсть) донесли» (Качановскій. Сб. зап. болг., п. 75—77)[1].

Объясненіе Потебни, такъ наглядно и ясно представляющее психологію переживанья поздравительной пѣсни въ современномъ быту, едва ли проливаетъ однако много свѣта на самое зарожденіе этого обряда. Величанье скорѣе послѣдующій этапъ, чѣмъ основная задача. Напѣванье, наговоръ, пророчество счастья, составляютъ психологическую основу привѣтственной пѣсни, или вѣрнѣе психологическую среду, въ которой она должна была лучше всего сохраниться. Цѣль прославленія, комплимента, естественно была, такъ сказать, въ силу вещей навязана привѣтственной пѣсни, когда забылся ея главный смыслъ. Преслѣдуя ее, пѣсня даже зачастую сбивается въ сторону воспринимаетъ совсѣмъ посторонніе мотивы. Къ таковымъ я отношу напр. волочобную пѣсеньку объявляющую, что хозяинъ уѣхалъ «у городя суды судить»[2]) или болгарскую лазарскую пѣсню, гдѣ оказывается, что богатство хозяина составляютъ его многочисленныя дѣти[3]).

Основная, реальная потребность, вызвавшая обрядъ этотъ къ жизни, религіозно-бытовой спросъ, на который онъ явился отвѣ-

---

1) Объясн. мал. и ср. пѣсень II, стр. 58—59 и 65.
2) Б. Бп., № 6, стр. 8. Объ этомъ см. также у Потебни l. c. гл. LXX.
3) Илиевъ, Сб. за нар. умотв. № 187.

томъ, представляются мнѣ нѣсколько иными, болѣе конкретными и наглядными для первобытнаго ума. То обстоятельство, что обрядъ этотъ пріуроченъ къ опредѣленному времени года, что онъ производится отдѣльно въ каждомъ домѣ, куда непремѣнно долженъ зайти хоръ поздравителей, наконецъ столь распространенное внесеніе въ домъ извѣстнаго символическаго знака, все это остается за предѣлами предложеннаго Потебней объясненія. Между тѣмъ эти черты и составляютъ самую неотъемлимую принадлежность разбираемаго обряда. Пѣсня, которая при этомъ поется такъ сказать придатокъ, подробность; ея содержаніе сложилось на почвѣ извѣстнаго дѣйствія, и потому самое дѣйствіе надо осмыслить раньше.

Принявши только что перечисленныя черты обряда весенняго привѣтствія за основныя, мы прежде всего естественно прійдемъ къ мысли о сопоставленіи его съ обрядомъ внесенія въ село или городъ свѣжей растительности. Дѣйствительно, разница между обоими типами обрядовъ заключается только въ томъ, что майское дерево или майскій столбъ вносятся въ цѣлое селеніе и въ немъ поэтому принимаетъ участіе цѣлая община, а въ обрядѣ весенняго привѣтствія, разумѣется, болѣе мелкій знакъ, не дерево, а вѣтви вносятся въ каждый отдѣльный домъ. Оба типа обрядовъ кромѣ того производятся кое гдѣ въ самой тѣсной связи другъ съ другомъ: хожденіе по домамъ въ цѣломъ рядѣ мѣстностей производитъ молодежь немедленно по возвращеніи изъ своего ночного или утренняго шествія по цвѣточки или «a maying». Мы сейчасъ увидимъ, что въ индѣйскихъ обрядахъ поспособствовавшихъ объясненію европейскаго обряда внесенія зеленыхъ вѣтокъ эта связь еще болѣе наглядна.

Какъ одну изъ разновидностей внесенія символа весны, понималъ весеннее привѣтствіе еще Маннгардтъ[1]). При разборѣ этого обряда у европейскаго крестьянства я все время, старался

1) Mannhardt, Wald. u. Feldk. I, s. 357.

подчеркнуть широкую распространенность по всему лицу европейскаго фольклора, ношенія свѣжераспустившихся вѣтокъ зелени, иногда убранныхъ цвѣтами и лентами, сопровожденія особой фигуры, покрытой листвой съ ногъ до головы, внесенія въ домъ изображенія ласточки или аиста. Что это не подробность, не разновидность обряда весенняго привѣтствія, а напротивъ черта основная, опредѣляющая его сущность, его основной смыслъ, особенно наглядно выступаетъ именно въ индѣйскомъ обычаѣ, приведенномъ Фрезеромъ; о немъ мнѣ уже пришлось упомянуть выше. Когда въ Бенгалѣ Ораоны совершаютъ весной свое торжественное внесеніе цвѣтущихъ вѣтокъ изъ священной рощи Сарма, жрецъ деревни накладываетъ цвѣтовъ отъ священныхъ деревьевъ въ широко раскрытую корзинку и носитъ ее изъ дома въ домъ. Хозяйки встрѣчаютъ жреца на порогѣ своихъ домовъ, становятся передъ нимъ на колѣна и обмываютъ ему ноги. Послѣ этого жрецъ совершаетъ священную пляску, и прикрѣпляетъ вѣтку священнаго дерева надъ дверью дома и въ волосахъ хозяйки. Какъ только это сдѣлано, женщина выливаетъ на жреца кувшинъ воды. Затѣмъ слѣдуетъ уже пиршество-веселье [1]).

Выливанье воды конечно ни что иное, какъ уже знакомое намъ изъ европейскихъ обычаевъ заклинаніе дождя. Эта подробность обряда весенняго привѣтствія, которая сохранилась въ нѣмецкомъ Wasservogel'ѣ, сербской Додолѣ и Лазарицѣ. Для самаго обряда она несущественна. Она встрѣчается какъ мы увидимъ дальше и въ связи съ другими весенними обрядами, преимущественно при запашкѣ и засѣвѣ. Мы видѣли также, что обрядъ привѣтствія подъ вліяніемъ этой черты оторвался отъ весенней обрядности и производится въ лѣтній зной, каждый разъ какъ чувствуется потребность въ заклинаніи дождя. Такъ

1) Dalton, Ethn. of Bengal p. 261, прив. у Frazer'a Golden Bough. 1-ое изд. I, p. 85.

случилось съ Додолицей и Лазарицей южныхъ славянъ. Обливаніе водой, какъ заклинаніе весенняго дождя, производится и совершенно помимо обхожденія по домамъ. Въ Польшѣ въ понедѣльникъ на святой деревенскіе парни занимаются тѣмъ, что обливаютъ дѣвушекъ водой[1]). Тоже производится въ чистый понедѣльникъ, въ карпатахъ въ Буковинѣ[2]), у Угроруссовъ[3]) и у Лемковъ[4]); тоже происходитъ и у насъ въ Саратовской губерніи на Троицу[5]). Очевидно тотъ же забытый смыслъ имѣло и запрещенное указомъ Прав. Сената 17 Апр. 1721 обливаніе водой на пасху тѣхъ, кто не былъ у заутрени[6]). Подъ этимъ предлогомъ обливаютъ на Пасху въ Пошехонскомъ уѣздѣ и до сихъ поръ[7]). Этотъ же способъ заклинанія дождя практикуется и помимо всякой связи съ вес. обрядностью въ лѣтній зной. У насъ въ Россіи, чтобы вызвать дождь, обливаютъ вѣдьму. Такъ въ деревнѣ Нововладиміровкѣ Херсонской губ. 16 Іюня 1899 года во время молебствія о дождѣ одну бабу приняли за вѣдьму и облили водой[8]). За неимѣніемъ вѣдьмы поливаютъ въ такихъ случаяхъ и могилу вѣдьмы[9]). Въ Ямполѣ (Подольской губ.) въ 1890 году во время молебствія о дождѣ крестьяне облили водой самаго священника[10]). Въ Уфимской губерніи всякій проходящій мимо деревни во время засухи рискуетъ, что дѣвушки выльютъ на него ведро воды[11]). Подобный же способъ вызыванія дождя

---

1) Kolberg, Pokucia str. 150—151; его же Lud. III,1, str. 215 и IX, str. 135, 138 а 130; Hanuš, Bajesl kal. str. 216; *Lud.* IV (1898) 3, str. 326.

2) *Этн. Обозр.* 1891, № 4, стр. 255.

3) Ibid., XIX (1893) стр. 221.

4) Řehoř, Kal. z. n. ž. Lemków. str. 361.

5) *Этн. Обозр.* XIII и XIV (1892) №№ 2 и 3, стр. 240.

6) Сахаровъ, Ск. р. н. II, стр. 175 и Снегиревъ, Прост. р. пр. I, стр. 42; ср. сообщ. Густинской Лѣтописи П. С. Р. Л. II, 257 у Аѳан. Поэт. Воззр. III, стр. 703; въ Малороссіи см. у Чубинскаго Тр. III, стр. 24.

7) *Этногр. Сборникъ*, II, стр. 52.

8) *Этн. Обозр.* 1894, № 4, стр. 3.

9) Ibid., 1891, № 1, стр. 234.

10) *Archiv f. sl. Ph.* 1890, s. 640; тоже *Z. d. V. f. V.* III (1893) s. 85.

11) *Уфимск. Губ. Вѣд.* 1890, № 7.

извѣстенъ и у современныхъ дикарей. У полинезійцевъ есть даже особый классъ жрецовъ спеціально къ тому предназначенныхъ, чтобы ихъ окатывали водой въ лѣтній зной[1]).

Другой практикуемый способъ вызыванія дождя заключается въ бросаньи одѣтаго человѣка въ воду; примѣры этого способа мы также уже видѣли въ связи съ нѣмецкой весенней поздравительной пѣснью. Если на Рейнѣ обливаютъ водою Pfingst'a въ тѣхъ домахъ, куда онъ является, а около Эйзенаха и въ Насау и въ верхней Баваріи сами поздравители обливаютъ Laubmann'a и Wasservogel'a[2]), въ нижней Баваріи и въ Мейненгенѣ зеленое облаченіе Pfingstl'a бросается въ воду[3]). Тѣже дѣйствія совершаются съ весеннимъ деревомъ: въ Россіи обливаютъ троицкую березку[4]), а въ Германіи майское дерево бросается въ воду, послѣ того какъ закончится его чествованіе[5]). Заклинаніе дождя путемъ бросанія въ воду одѣтаго человѣка или какого-нибудь символическаго знака совершается также совершенно внѣ всякой связи съ весенней обрядностью во время засухи. Въ такомъ примѣненіи независимомъ отъ народнаго календаря обрядъ этотъ извѣстенъ и въ славянскомъ фольклорѣ. Въ 1780 году въ Черновицѣ мужики заставили всѣхъ бабъ купаться нераздѣваясь, причемъ одна баба даже потонула и многія заболѣли простудой[6]). Черезъ семнадцать лѣтъ подобный случай произошелъ и въ Буковинѣ. Здѣсь крестьяне бросили насильно въ воду съ цѣлью вызвать дождь двухъ румынокъ, которыхъ признали вѣдьмами[7]).

1) Turner, Ninet. Years in Polyss. p. 88; прив. Spencer Descript. Soc. III, p. 17.

2) Montanus, D. Vf. s. 29; Wintzschel, S. u. Gebr. a. d. U. Eisenach s. 13; Kehrein, Vsp. u. Vs. im Herz. Nossau s. 156; Mannh. W. u. Fk. I, s. 320—321; Panzer, Beitr. z. d. Myth. I, s. 234.

3) Ibid., s. 235—236; *Z. d. V. f. V.* III, s. 8—9. Mannh. l. c. s. 320.

4) Терещенко, Бытъ VI, стр. 163; ср. Чубинскій, Тр. II,1, стр. 379.

5) Köhler, Voigtl. s. 176,9; Mannh. l. c. s. 170 прим. Гриммъ, D. Myth. a. n. s. 593, 785 и доп.

6) *Zs. d. V. f. V.* III (1893) s. 85.

7) Ibid.

Въ Чечнѣ мѣсто вѣдьмы заняла какая то исполинская человѣческая кость (бедро), хранящаяся въ церкви Тхабяй-Ерды. Во время засухи одинъ изъ стариковъ сосѣднихъ ауловъ въ присутствіи всего народа носитъ эту кость къ рѣкѣ Асеѣ и погружаетъ ее нѣсколько разъ въ воду[1]). Соотвѣтственно тому, какъ въ Россіи обливаютъ священника во время молебствія о дождѣ, у Дагестанскихъ горцевъ во время молитвеннаго призыванія небесной влаги муллу, произносящаго молитву, бросаютъ въ воду[2]). Болѣе торжественно и уже внѣ связи съ молитвой заклинаютъ дождь во время засухи въ Абхазіи. Здѣсь изготовляется для этого изъ соломы кукла ввидѣ женщины. Ее усаживаютъ на ишака и везутъ къ рѣкѣ. Въ воду однако куклу не бросаютъ, а помѣщаютъ на приготовленный нарочно изъ вѣтокъ плотикъ и зажигаютъ; кукла горитъ и плыветъ по рѣкѣ. Ишака также загоняютъ въ рѣку и заставляютъ даже переплыть на другой берегъ[3]).

Къ этимъ двумъ основнымъ способамъ заклинанія дождя можно прибавить и еще одинъ основанный въ существѣ дѣла на томъ же принципѣ; его примѣровъ въ европейскомъ фольклорѣ мнѣ не случалось найти; онъ практикуется въ центральной Америкѣ у Чибчей. Жрецы выѣзжаютъ на высокія горы разводятъ костры и разсѣваютъ пепелъ по воздуху. Они говорятъ, что такимъ способомъ тучи станутъ гуще и пойдетъ дождь[4]).

Во всѣхъ этихъ трехъ способахъ вызыванія дождя мы имѣемъ дѣло съ такъ называемымъ симпатическимъ заклинаніемъ[5]). Совершенно аналогичный процессъ мысли заставляетъ напр. беременныхъ женщинъ развязывать всѣ узлы, которые могутъ ока-

---

1) Дубровинъ, Истор. войны и влад. р. на Кавказѣ, I,1, стр. 387.

2) Ibid., стр. 532—533.

3) Ibid., I,2, стр. 25—26.

4) Spenser, Descriptive Soc. II, p. 24.

5) Bastian, Ethnogr. Forschungen, s. 323 и его же Geographische und ethnogr. Bilder, s. 183; ср. Frazer, Golden Bough 2-ое изд. I, pp. 81—95, 99—115.

заться на платьѣ или еще скакать, какъ можно выше, на Масляницу, чтобы былъ высокій ленъ[1]).

Приведенные примѣры позволяютъ мнѣ кажется съ достаточнымъ основаніемъ выдѣлить изъ приведеннаго мною бенгальскаго обычая самое обливаніе жреца водой. Остается изъ этого обряда внесенье священной вѣтки въ домъ, и это то и составляетъ его основную, существенную черту. Другой индѣйскій обрядъ, также уже приведенный мною выше, представляетъ собою полную аналогію съ разбираемымъ. Въ Инду-Кушѣ послѣ торжественнаго принесенія жертвы священной вѣтки «чилы», мужчины возвращаются домой, и раньше чѣмъ переступить порогъ, вступаютъ въ коротенькій діалогъ съ находящейся въ домѣ женщиной: Женщина спрашиваетъ, что принесъ съ собою хозяинъ? Мужчина отвѣчаетъ, что принесъ съ собою изобиліе хлѣба, скота, дѣтей. Тогда его впускаютъ, и онъ вноситъ въ домъ вѣтку священнаго дерева[2]).

Связь обоихъ обычаевъ съ внесеніемъ въ деревню священной вѣтки въ высшей степени поучительна. Она вполнѣ ясно указываетъ на то, что поздравительная весенняя пѣсня есть собственно разновидность или вѣрнѣе новое примѣненіе внесенія зелени въ деревню или городъ, основное значеніе котораго было уже мною разсмотрѣно: когда свѣжая растительность вносится въ деревню, имѣется ввиду пріобщеніе къ благамъ приносимымъ весеннимъ возрожденіемъ природы всей деревни, всей сельской общины; при совершеніи привѣтственнаго обхода это давно страстно ожидаемое благо приносится въ каждый домъ, къ каждому частному очагу, для каждой родовой общины, какъ самостоятельной хозяйственно-религіозной единицы. Равнымъ образомъ, если въ цвѣточный праздникъ люди убираютъ самихъ себя

1) v. Schulenburg, Wendische Vs. u. Gebr. s. 252; cp. Frazer Golden Bough 2-ое изд. I, p. 35 — 37.

2) Biddulph, Tribes of the Hindu Koosh p. 106; у Frazer'a G. B. 1-ое изд., I, p. 71—72.

цвѣтами, чтобы ускорить или возбудить цвѣтеніе хлѣбныхъ злаковъ, какъ члены одной религіозно-хозяйственной общины, съ той же самой цѣлью они убираютъ и свои дома и самихъ себя, какъ члены отдѣльной родовой общины, живущей около одного и того же домашняго очага. Необходимость принести изобиліе въ самый домъ и важность подобнаго религіозно-обрядового акта показываетъ гурійскій обычай, справляемый на новый годъ и близко напоминающій только что приведенный индукушскій обычай. Гурійцы приготовляютъ особое блюдо, называемое «табла» (свиная голова и кружка вина). На ночь оно ставится въ амбарѣ. Утромъ вокругъ «табла» зажигаютъ свѣчи и обносятъ его по всѣмъ хозяйственнымъ постройкамъ. Производитъ это старшій въ домѣ вмѣстѣ съ младшими членами семьи. Когда носители «табла» подходятъ къ дому, они находятъ дверь запертою, и на ихъ стукъ изнутри спрашиваютъ: «что несешь?» Отвѣтъ сообщаетъ, что идутъ съ хлѣбомъ, виномъ, шелкомъ, счастьемъ и т. д. Тогда двери отворяются и «табла» вносится въ домъ[1]). Въ весенній Вотскій праздникъ Гэры-поттонъ послѣ посѣва по возвращеніи съ поля почи-попъ также обходитъ каждую семью и благословляетъ трапезу. При этомъ онъ произноситъ молитву сельско-хозяйственнымъ божествамъ Инмарэ, Кылдысинъ и Квазь. Въ этой молитвѣ, какъ въ бѣлорусской волочобной пѣснѣ разсказанъ весь обиходъ лѣтнихъ работъ и высказываются пожеланія и надежды на обиліе во всѣхъ отрасляхъ хозяйства[2]). Въ праздникъ Тау-каронъ на слѣдующій день послѣ Гуждара вотскіе попы также обходятъ дома вмѣстѣ съ дѣвушками, участвовавшими въ праздникѣ. Дѣвушки при этомъ угощаютъ кумышкой[3]).

Въ перечисленныхъ только что обрядахъ совершенно ясно выступаетъ религіозное значеніе самаго очага или дома отдѣльной

---

1) *Этн. Обозр.* 1889, кн. III, стр. 36.
2) Первухинъ, Эскизъ третій, стр. 15—16.
3) Верещагинъ, Вотяки Сосновск. Края, стр. 42—43.

родовой общины или семьи. Если «сельская община — преемница родовой, не устраняющая собою необходимости дальнѣйшаго существованія семейной»[1]), вполнѣ естественно, что одинъ и тотъ же обрядъ обращается къ обѣимъ хозяйственнымъ единицамъ. Родовая община группирующаяся около своего священнаго домашняго очага имѣла, конечно, свой собственный, отдѣльный домашній культъ; иначе говоря каждая семья составляла самостоятельный религіозный союзъ. Интересамъ этой хозяйственной и религіозной единицы и отвѣчаетъ обрядъ весенняго привѣтствія. Первобытному человѣку мало того, чтобы наступила весна для всей общины, для всѣхъ людей, ему нужно увѣриться, что она наступила и для него. Ему надо утвердить за собою, за своимъ собственнымъ хозяйствомъ тѣ блага, которыя приноситъ весна и слѣдующее за нимъ лѣто. Изучая обряды запашки и засѣва, мы часто встрѣтимся съ тѣмъ взглядомъ первобытнаго человѣка, по которому урожай и прочее изобиліе наступаетъ не въ силу общихъ атмосферическихъ и почвенныхъ условій, а сообразно причинамъ находящимся въ самомъ хозяинѣ: онъ самъ носитель своей судьбы, своего предопредѣленія. Поэтому необходимо, чтобы онъ самъ пріобщился веснѣ, чтобъ онъ самъ ради своего собственнаго хозяйства совершилъ весеннее заклинаніе. Въ этомъ смыслѣ должна быть понята, на первый разъ кажущаяся совершенно безсмысленной фраза одной нѣмецкой весенней поздравительной пѣсни:

Und schenket sie (хозяйка) uns das Gackei nicht
So bringen wir euch den Sommer nicht.

Эти слова въ современномъ бытованіи вѣроятнѣе всего вызываютъ улыбку и у тѣхъ, кто ихъ произноситъ, и у тѣхъ, къ кому обращена эта угроза, но въ основѣ ея лежитъ угасшая вѣра въ животворящую силу вносимаго въ домъ священнаго сим-

---

1) М. Ковалевскій, Первобытное право, I, стр. 88.

вола обновленія природы. Успѣхъ въ предстоящемъ сельскомъ трудѣ представляется въ прямой зависимости отъ соблюденія этого обряда. Такое насущное стремленіе закрѣпить за собой, какъ за самостоятельной хозяйственной единицей, тѣ блага, которыя должна принести съ собою весна и выражено въ бѣлорусской волочобной пѣснѣ. Этимъ именно объясняется воображаемое присутствіе всѣхъ святыхъ или праздничковъ на дворѣ хозяина или за его столомъ. Самъ Богъ посѣщаетъ его; если не всѣ святые въ сборѣ то только потому, что они работаютъ въ полѣ. Весенній священный знакъ, связанный съ культомъ растеній замѣненъ въ волочобной пѣснѣ представленіемъ о святыхъ угодникахъ, вѣрныхъ помощникахъ сельскаго человѣка; но самая основная обрядовая идея: внесеніе благополучія въ семью и заклинаніе этого благополучія, сохранилась та же самая. Зеленый Юрій западныхъ славянъ служилъ какъ бы переходной ступенью отъ чисто свѣтскаго весенняго мотива къ христіанско-миѳологическому. Замѣна стараго образа, уже неговорящаго ничего религіозному сознанію, образомъ новымъ, соотвѣтствующимъ новому міровоззрѣнію, естественно сохранила самый обрядъ и связанную съ нимъ пѣсню отъ разложенія. Привѣтственный обходъ остался важнымъ серіознымъ дѣломъ. Его связь съ жизненной хозяйственной тяготой не была нарушена. Потому то волочобная пѣсня такъ важна для пониманія обряда.

Предлагая эту попытку толкованія обряда весенняго пѣсеннаго привѣтствія близко соприкасается съ теоріями Маннгардта. Мнѣ кажется поэтому необходимымъ указать, на какомъ этапѣ его разсужденій я перестаю за нимъ слѣдовать.

Объясненіе преимущественно нѣмецкихъ формъ весенняго привѣтствія занимаетъ въ книгѣ Маннгардта, такъ сказать, центральное мѣсто; именно здѣсь, разсматривая такіе обрядовыя представленія, какъ Pfingstl, Fustige Mai, Зеленый Юрій и пр., Маннгардтъ постарался найти звѣно между обѣими частями своей работы: между изученіемъ обрядовъ, отражающихъ культы дерева съ одной стороны и изученіемъ повѣрій о лѣсныхъ ду-

хахъ, лѣшихъ, дреядахъ, Waldleute и проч. съ другой. Мнѣніе Маннгардта съ свойственной ему ясностью въ выраженіяхъ Фрезеръ формулируетъ такъ: «Существуетъ весьма поучительный рядъ случаевъ, когда духъ дерева представленъ одновременно, то растительнымъ знакомъ, то въ формѣ человѣка; это дѣлается, какъ будто, чтобы объяснить одно представленіе другимъ. Человѣческій представитель духъ дерева изображенъ въ этихъ случаяхъ, либо куклой, либо живымъ человѣкомъ, но въ томъ и въ другомъ видѣ онъ стоитъ рядомъ съ деревцомъ или зеленой вѣткой; такимъ образомъ то и другое, человѣкъ или кукла, деревцо или вѣтка составляютъ нѣчто вродѣ надписи на двухъ разныхъ языкахъ, причемъ одна составляетъ текстъ, а другая ея переводъ»[1]). Путемъ подобнаго разсужденія деревцо или зеленая вѣтка черезъ посредство куклы или человѣка оказывается представленіемъ тождественнымъ съ лѣсными духами. Въ подтвержденіе этого Маннгардтъ приводитъ еще и сообщенный мною выше обрядъ: «den Wilden Mann aus dem Busche jagen[2])».

Ни Маннгардту ни его послѣдователямъ не пришло ни разу въ голову спросить себя, почему ни въ одномъ медвѣжьемъ углу на всемъ протяженіи европейскаго фольклора фигура, соотвѣтствующая Pfinstl'ю, Füstige Mai, lord and lady of mai, Mai-König и пр. не названа однимъ изъ тѣхъ именъ, которыми европейское крестьянство называетъ лѣсныхъ духовъ, почему также ни въ одномъ разсказѣ объ этихъ духахъ не находится ни малѣйшаго намека на весеннюю обрядность. Даже приведенный Маннгардтомъ обрядъ: «den Wilden Mann aus dem Busche jagen» носитъ всѣ признаки простой игры и въ описаніяхъ схожихъ обрядовъ занимаетъ совсѣмъ одинокое мѣсто.

Мнѣ кажется, что именно на примѣрѣ весенней поздравительной пѣсни можно понять, какъ далеко зашли Маннгардтъ и

1) Frazer, G. B., I, p. 82; Mannh. W. u. Fk. I, s. 315.
2) См. стр. 189.

его послѣдователи Соботка и Фрезеръ, въ своихъ попыткахъ найти въ весенней обрядности отраженіе цѣлой миѳологіи растительности. Что въ зеленой вѣткѣ, первоначально принесенной изъ священной рощи, надо видѣть скорѣе сакральный знакъ, чѣмъ образъ божества, покажетъ отмѣченная мною нѣсколько разъ въ нашемъ обрядѣ замѣна зелени образомъ весенней птицы: ласточки или аиста. Замѣна одного знака другимъ ясно показываетъ, что никакой миѳологіи въ основѣ разсматриваемаго обряда искать не слѣдуетъ. Вѣдь нельзя же предполагать, что и ласточка греческой пѣсни образъ бога растительности? Гораздо правдоподобнѣе признать, что и то и другое и ласточка и цвѣтущая вѣтка появляются въ весенней обрядности, какъ таковыя. При отсутствіи у первобытнаго человѣка умѣнья различать вполнѣ сознательно, которое изъ двухъ сосуществующихъ явленій должно быть признано слѣдствіемъ и которое причиной, ласточка могла оказаться, какъ въ вѣрованіи краснокожихъ, дѣйствительнымъ подателемъ весны[1]). Такимъ же источникомъ всѣхъ весеннихъ выгодъ могла представиться зеленѣющая или цвѣтущая растительность, и еще болѣе могли видѣть подателя весны въ первыхъ распустившихся вѣткахъ и въ первыхъ цвѣтахъ люди, благочестиво увѣровавшіе по той или иной причинѣ въ святость деревьевъ. Отказываясь восходить въ толкованіи интересующаго насъ обряда до миѳологіи растительности, я не могу такимъ образомъ признать нѣмецкаго Pfingstl'a, испанскаго mayo, сербскую кралицу, французскаго père May за божескіе лики.

Въ предлагаемой здѣсь попыткѣ объясненія весенняго пѣсеннаго привѣтствія, какъ одной изъ формъ весенняго заклинанія, я старался прежде всего подчеркнуть его чисто весеннее значеніе. На первый взглядъ ему какъ будто противорѣчитъ то обстоятельство, что совершенно схожій обрядъ производится и

---

1) A. Lang, M. Cust. and Rel. p. 89.

на Рождество. Совершенно также, какъ и весною, на Рождество и еще чаще на Новый Годъ ходятъ по домамъ по всему лицу европейскаго фольклора взрослые или дѣти, поютъ пѣсни и испрашиваютъ подарки. Пѣсни эти: aguilaneuf или gillaneu, quêtes de Noel, aguinaldo, janeiras, klopfan и проч. теперь еще болѣе обѣднѣли содержаніемъ, чѣмъ весенні[1]). Въ Нормандіи уже съ XVI в. они перешли отъ взрослыхъ дѣтямъ и въ концѣ концовъ стали достояніемъ нищихъ и бродягъ[2]). Сличеніе съ ними схожихъ весеннихъ пѣсенокъ по этому не можетъ привести ни къ какому результату. И тутъ и тамъ таже просительная, благодарственная или оскорбительная для тѣхъ, кто ничего не далъ, строфа. Только очень рѣдко среди болѣе или менѣе общихъ пожеланій промелькнетъ въ ней намекъ на хозяйство[3]). Символическій знакъ, который носятъ съ собою весенніе поздравители какъ будто представляется поэтому просто какой то придачей, добавкой къ обряду, совершающемуся и безъ него въ другое время года. Къ совершенно иному выводу приводитъ однако сходство весеннихъ поздравительныхъ пѣсень на греко-словяно-русскомъ востокѣ съ калядами, коледами, κάλανται, colindele, щедрівками и плуговыми пѣснями[4]).

---

1) Scheffler, D. Fr. Vd. u. S. I, s. 276 — 287; Tiersot, Hist. d. l. ch. p. p. 190 etc.; Beaurepaire Et. sur l. p. p. en N. p. 7—12; Gasté, N. et Vv. 25—26; Erk-Böhme, D. Lh. №№ 1180 — 1203 и ср. Schade, Klopfan, Hannover 1855, Weckerlin, Ch. d'Alz. I, p. 12 и Wlislocki, V. gl. u. Vbr. des Sieben b. Sachsen s. 54 — 57; Ferraro, C. p. logudorese p. 43; Braga, O povo port. II, p. 254 — 258; De Santa Anna Nery, F. L. brasilien, p. 61.

2) Gasté, Noels et Vv. p. 26; Одинъ Noel XVII в. говоритъ объ этомъ:

Ceste nuit allaient jadis
En troupe chanter et dire
Canticques chez leur amis,
Mais par chiche avarice
Les bourgeois de qualité
Ont ce devot exercice
Aux petits enfants quitté.

Bearepaire, Et. s. la p. p. de Norm. p. 7.

3) Cenac-Moncaut, Litt. pop. d. la Gascogne, p. 280—283.

4) Объ этомъ см. Потебня Объясн. мал. и ср. п. II, стр. 33 — 168; А. Н. Веселовскій, Раз. въ обл. дух. ст. VI—X, стр. 114—128.

Особенно близки къ колядкамъ волочобныя пѣсни. Я разумѣю при этомъ не такія совпаденія между ними, какъ фикція усталости, долгаго пути, пройденнаго поздравителями; наряду съ волочобными пѣснями она встрѣчается, и въ португальской janeira, и въ англо-нормандскомъ Noël XII в., и въ современной нѣмецкой пѣсенькѣ на Трехъ Королей[1]). Поучительны также не «радости» или величанія, напѣвающія хозяина успѣхъ въ сельскомъ трудѣ[2]), сытный столъ[3]) или даже избраніе въ судьи[4]). Это все, конечно, общія мѣста, естественно подсказывающія въ силу внѣшняго уклада совершаемаго обрядоваго дѣйствія. Важнѣе сходство самыхъ поэтическихъ образовъ, самаго замысла пѣсни. Таково: характерное для волочобной пѣсни изображеніе Бога и святыхъ угодниковъ работающими на хозяина. Этотъ образъ на каждомъ шагу попадается въ малороссійскихъ щедрівкахъ, въ ново-греческихъ, чешскихъ, польскихъ и угро-рус-

---

1) Braga, O povo post. II, p. 255 и P. Meyer, Recueil d'anc. textes, p. 382; *Z. f. d. M.* IV, s. 45.

2) Ш. Мюзкр. I, №№ 42 и 78; Ž. Pauli, P. l. p. str. 8, № 6; Teodorescu, Noţiuni despre colindele române p. 24 — 25, прив. у А. Н. Веселовскаго, l. c., стр. 117 и др.

3) Въ двухъ нѣмецкихъ Weinachtlieder встрѣчается выраженіе знакомое намъ изъ рейнской пѣсеньки на Духовъ день:

Wir wünschen dem Herrn ein'n vergoldeten Tisch
Auf allen vier Ecken einen gebratenen Fisch.

Erk-Böhme, D. Lh. № 1201 и 1185.

4) Ш. Бп., №№ 90 и 91; его же Р. п. стр. 367; Потебня, Объясн. м. и ср. п. II, стр. 710 — 714 приб. въ кол.: Головацкій, Н. п. Гал. и Угр. Р. II, стр. 607, № 45, ст. 33, № 57, Н. № 15 и Чубинскій, Тр. III, 369. Потебня не сдѣлалъ попытки объяснить происхожденіе этого величанія; на него однако наводитъ варіантъ у Б. Бп., № 5; здѣсь мужи честные судятъ «раду волочобную» и выбираютъ хозяина войтомъ; онъ присуждаетъ «самому пану коня вороного»; далѣе этотъ одинокій варіантъ сбивается: «а женѣ его жоўтыя лисы». Мнѣ кажется смыслъ этого варіанта тотъ, что «рада волочобная» рѣшаетъ, кому напѣвать, какую «радость»; такая пѣсня могла пѣться при сборахъ раньше, чѣмъ начать обходъ, какъ поются сербскія кралицкія пѣсни; перейдя въ самый обрядъ, пѣсня сбилась и стала называть войтомъ хозяина; тогда судить суды стало источникомъ дохода; настоящій варіантъ уже носитъ слѣды этого перехода. Слѣды прежняго смысла я вижу въ варіантахъ Головацкаго и Чубинскаго.

скихъ калядахъ[1]). Таково же также знакомое намъ, изображенiе пира происходящаго на дворѣ хозяина, гдѣ возсѣдаютъ святые и самъ Богъ[2]). Этотъ мотивъ кромѣ уже указанныхъ сербскихъ духовныхъ стиховъ[3]) встрѣчается еще въ упомянутомъ уже англо-нормандскомъ средневѣковомъ Noel'ѣ[4]). Даже образъ ласточки, прилетѣвшей изъ за моря, типично весеннiй смыслъ котораго бросается въ глаза, и тотъ также попадается въ малорусскихъ колядкахъ. И здѣсь совершенно также, какъ и въ волочебной пѣсни, ласточка будитъ хозяина и посылаетъ его посмотрѣть на счастливый отелъ коровъ. Рядомъ съ ласточкой въ колядкахъ поется еще и о кукушкѣ, и о зозулѣ, и о соловьѣ[5]). Эти послѣднiе мотивы колядокъ показались Потебнѣ имѣющими рѣшающее значенiе, и онъ прямо заявилъ, что «время дѣйствiя въ разсмотр. колядкахъ есть не зима, а начало весны»[6]). Иначе говоря привѣтственныя пѣсни на Рождество и Новый годъ носятъ весеннiй характеръ.

Впослѣдствiи мы еще разъ встрѣтимся съ сходствомъ между зимней и весенней обрядностью и опять невольно спросимъ себя, какъ объяснить это повторенiе въ обрядовомъ обиходѣ. Что обходъ по домамъ съ привѣтственной пѣсней производился весною искони, что совершенiе его несомнѣнно не передвинулось съ зимнихъ мѣсяцевъ или съ зимняго солнцеворота на весеннее равноденствiе, лучшимъ доказательствомъ этому служитъ глубокая древность греческой пѣсни о ласточкѣ. Косвеннымъ подтвержденiемъ этому можно считать и то обстоятельство, что весною совершается, какъ мы видѣли, разбираемое обрядовое

1) Потебня, l. c. 105—106; Веселовскiй, l. c. стр. 118, 123—125.
2) Потебня, l. c. глава XII.
3) См. выше стр. 230 прим. [1]).
4) Тутъ пѣлось, что Noel
.....en cest hostel
soleit tenir sa feste anuel
A hicest jur. (P. Meyer, Recueil d'anc. t. p. 382).
5) Потебня, l. c. стр. 78—79.
6) Ibid., стр. 82.

дѣйствіе и въ Индіи. Въ Кормчей 1282 года какъ будто указаны на 1-ое марта и коляды[1]). Это наводитъ на предположеніе, что, можетъ быть, самый обрядъ совершался нѣкогда vere novo въ началѣ сельскохозяйственнаго года[2]). *Январскими колядами* привѣтственныя пѣсни стали такимъ образомъ, можетъ быть, лишь впослѣдствіи.

Такое разрѣшеніе вопроса было бы однако голословно: «observare kalendas Januarias ritu paganorum» старался запретить еще вормскій епископъ Бурхардъ († 1025)[3]); отъ XII в. до насъ англонорманская поздравительная пѣсня; у насъ о колядницахъ рядомъ съ лодыгами и турами упоминается еще въ памятникахъ XII в.[4]), а самый обрядъ въ его современномъ видѣ имѣетъ въ виду знаменитая грамота верхотурскаго воеводы Рафа Всеволожскаго 1649 года т. е. задолго до введенія Петромъ январскаго года[5]).

Вопросъ о весеннихъ мотивахъ въ колядкахъ требуетъ еще пересмотра. Подойти къ нему ближе поможетъ лишь подробное изученіе исторіи юліанскаго календаря и связанной съ нимъ римской традиціи. Это завело бы меня однако слишкомъ далеко и заставило бы уже совершенно выйти за предѣлы, поставленные этой работѣ. Я предпочитаю поэтому закончить рѣчь о весенней поздравительной пѣсни простымъ констатированіемъ отраженія присущихъ ей образовъ въ привѣтственныхъ пѣсняхъ и зимняго пріуроченія.

---

1) Буслаевъ, Истор. Хрест. стр. 382.
2) Вс. Миллеръ, Русск. Масляница и зап. евр. Карнавалъ, стр. 19.
3) Прив. у Böckel'a D. Volksl aus Oberhessen, s. CXXXV.
4) Павловъ, Неизд. памятн. русскаго церковнаго права, 1890 г., стр. 26; прив. у Владимірова, Введ. въ ист. русск. слов. стр. 73.
5) Пыпинъ, Ист. русск. литер. III, стр. 22—23.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Хозяйственно-религiозный весеннiй ритуалъ.

Въ разобранныхъ до сихъ поръ обрядахъ и пѣсняхъ я старался оттѣнить серьезное дѣловое воззрѣнiе на весну, память о всемъ томъ важномъ и сложномъ трудѣ, который предстоитъ исполнить въ эту пору года человѣку, живущему натуральнымъ хозяйствомъ. Къ этой главной темѣ въ нихъ прибавляются и другiя черты: напѣванье жениха или вообще семейнаго благополучiя, различныя забавныя шутки, постороннiя чисто обрядовому дѣйству. Ихъ мы подробно разсмотримъ нѣсколько дальше; но уже теперь можно сказать, что все это въ связи съ пестрѣющей красотой цвѣточнаго праздества придаетъ встрѣчѣ и чествованiю весны характеръ веселой потѣхи.

Теперь намъ предстоитъ прослѣдить человѣка во время самыхъ совершаемыхъ весною работъ и ознакомиться съ обрядами уже не веселаго праздничнаго склада, а напротивъ скорѣе строго религiозно-хозяйственнаго. Если въ тѣхъ обрядахъ, о которыхъ шла рѣчь до сихъ поръ, преобладаетъ надежда и ожиданiе себѣ благополучiя, приводящiя въ радостное, приподнятое настроенiе, теперь, напротивъ, мы увидимъ различныя опасенiя, тревоги, заботы о томъ, чтобы не встрѣтилось какихъ нибудь помѣхъ на пути къ достиженiю цѣлей, преслѣдуемыхъ въ это время года.

Въ этой группѣ обрядовъ пѣсня будетъ ужъ звучать не такъ часто. Мы будемъ имѣть дѣло главнымъ образомъ съ различнаго рода суевѣрными дѣйствіями. Въ изслѣдованіи весеннихъ пѣсней пожалуй можно было бы многія изъ нихъ совершенно оставить въ сторонѣ. Я предпочитаю однако включить и ихъ въ кругъ моихъ наблюденій, потому что, если пѣсенъ отъ нихъ сохранилось мало или и искони тутъ не было мѣста пѣнью, то очень многія представленія, основанныя именно на этого рода обрядахъ, всетаки отразились въ пѣсняхъ разнаго склада и примѣненія, и пѣсня зачастую прямо изобразила самое исполненіе подобнаго обряда.

I.

Когда весна настала, и къ ней пріобщились и община и отдѣльное хозяйство, наступаетъ потребность удостовѣриться, что приносимое ею благо не будетъ отравлено какимъ нибудь зловреднымъ явленіемъ. Надо уберечь себя отъ порчи, отъ заразы, отъ вліянія всякой скверны. Средства, какими обладаетъ для этого первобытный человѣкъ, совершенно аналогичны съ его обыкновенными медицинскими пріемами. Первобытный умъ понимаетъ явленіе грубо механически: если онъ увѣренъ въ возможности изъять всякую болѣзнь посредствомъ «сосанья», этого самаго распространеннаго способа лѣченія у дикарей [1]), то и относительно своего дома, своего поля, своего скота, онъ поступаетъ, исходя изъ подобнаго же воззрѣнія и прибѣгаетъ къ очищенію. Процессъ «очищенія» отличается отъ медицинскихъ пріемовъ только предупредительнымъ значеньемъ принимаемыхъ здѣсь мѣръ. Въ этомъ смыслѣ весеннее очищеніе совершенно

1) О сосаніи см. у Лäббока Les origines de la civ. p. 24—28.

параллельно очищенію при погребеніи. Какъ при разставаньи съ мертвецомъ «дѣтски задуманныя средства борьбы противъ духовъ», какъ выражается Липпертъ, «группируются около воды, огня и шума»[1]), такъ и весеннее очищеніе знаетъ тѣже три основныхъ способа: омовеніе, очищеніе огнемъ и изгнаніе шумомъ. Къ нимъ присоединяются только еще два новыхъ способа: опахиваніе или вообще обходъ и очищеніе воздухомъ (качанье).

Почти у всѣхъ народовъ весною назначается такой день или такая недѣля, когда производится полная чистка всего хозяйства. Зимой, когда люди боятся холода, ни мести, ни мыть хорошенько въ жильѣ неудобно. Весной, напротивъ, какъ только отворятся окна, и двери, даже самая первобытная гигіена требуетъ, чтобы накопившуюся за зиму грязь вымыли, вычистили, вытрясли. Это простое мытье, отвѣчающее чисто практической цѣли, народное воображеніе понимаетъ шире; оно придаетъ ему уже и религіозное значеніе:

Omne nefas omnemque mali purgamina causam,

говоритъ Овидій,

Credebant nostri tollere posse senes.
Graecia principium moris fuit....

(Fasti, II, 35—39).

Такое всеобщее очищеніе мнѣ извѣстно въ Шотландіи, у Джеваховъ и въ Кахетіи, у Чувашей, въ Вестъ-Индіи и у Индѣйцевъ, живущихъ на Аризонѣ[2]). Въ различныхъ частныхъ примѣненіяхъ мы увидимъ его на всемъ протяженіи Европейскаго фольклора.

---

1) Kulturgesch. II, s. 241.

2) Gregor, Notes on the F. L. of NE of Scotland. p. 176; *Этн. Обозр.* (1889) III, стр. 38—39; ibid., 1894, № 3, стр. 142; Георги, Опис. нар. ч. I, стр. 40; Fewkes, Provisional list of annual ceremonies at Walpi. *I. A. f. E.* VIII (1895) s. 219 и 223; Bastian, Buddism. s. IX.

Овидій относитъ его къ февралю, т. е. къ самому началу весны [1]). Въ современной Европѣ цѣлый рядъ очистительныхъ обрядовъ производится приблизительно около того же времени. У насъ въ Россіи оно пріурочено къ Благовѣщенью и совершается еще съ особеннымъ стараніемъ передъ самой Пасхой и въ чистый понедѣльникъ. Особенно къ Пасхѣ послѣ поста хочется пріубрать и очистить себя и свое жилье: во время говѣнья очистилась душа; тѣло должно слѣдовать ея примѣру. Малороссы говорятъ «къ Великодню сорочка хочь лихенькая, абы бѣленка» [2]). И вотъ въ это время почти повсемѣстно начинается возня: надо вымыть, подмести избу или хату, сходить въ баню, а то и выкупаться. Весь домашній скарбъ также перетряхается и провѣтривается [3]).

Мы видѣли при разборѣ обрядовъ внесенія весенняго благополучія въ семью или общину, что весенніе обряды распадаются на два цикла: ранній и поздній. Къ весеннему очищенію прибѣгаютъ сообразно этому дважды. Къ нему обращаются вторично уже наканунѣ наступленія лѣта, на Юрьевъ день въ Восточной Европѣ, или на 1-е мая въ Западной.

Этотъ второй поздній циклъ весенняго очищенія извѣстенъ также и у древнихъ. «Если устраненіе всякой пыли и нечистоты, пишетъ Моммзенъ, обнимается вмѣстѣ съ церемоніальнымъ освобожденіемъ отъ тяготѣющаго надъ душой грѣха однимъ и тѣмъ же понятіемъ очищенія, то мы можемъ сказать, что большинство праздниковъ Таргелія (май — іюнь) преслѣдуетъ одинаковую цѣль», и онъ прибавляетъ при этомъ, что «въ основѣ государственныхъ очищеній Таргелія въ древнихъ Аѳинахъ лежитъ

---

1) Въ приведенномъ мѣстѣ: Fasti II, 35—39.

2) Петрушевичъ, Общ. дн. стр. 40.

3) Берманъ, Кал. по нар. пред. въ Воложанскомъ приходѣ. *З. И. Р. Г. О.* V (1873) стр. 9—10; Калинскій, Церк. нар. мѣсяцесловъ. *З. И. Р. Г. О.* VII (1877) стр. 379, 449 и 456 — 458; *Ярославск. Губ. Вѣд.* 1891, № 19; *Новое Вр.* 1894, № 6514.

общераспространенный домашній обычай»[1]). Въ древнемъ Римѣ въ связи съ культомъ Марса и Bona Dea также производилось множество различныхъ очистительныхъ обрядовъ. Среди нихъ первое мѣсто занимаетъ пѣсня братьевъ Арваловъ, о которой я уже имѣлъ случай упомянуть по другому поводу[2]). Очистительный смыслъ имѣетъ особенно третья строка въ интерпретаціи Бирта, сопоставляющаго ее съ приведенной у Катона очистительной молитвой, обращенной къ тому же Марсу, что и пѣсня Арваловъ[3]). Въ текстѣ Mommsen'а эта строчка читается:

Satur fu, fere Mars. Limen sali. sta. Berber[4]).

Позднее весеннее очищеніе продолжалось и въ христіанскую пору, несмотря на запрещеніе св. Елигія, чтобы «nullus praesumat lustrationes facere»[5]). По предположенію Узенера сама римская церковь нашла нужнымъ сохранить этотъ обычай и превратила его въ «Litania maior» 25-го апрѣля[6]). Литанія была утверждена Орлеанскимъ Соборомъ (511 г.) для Галліи и Львомъ III (въ концѣ VIII вѣка) для Рима[7]).

Въ современномъ фольклорѣ очистительные обряды обоихъ цикловъ, не всегда обладая тѣмъ почти церковнымъ смысломъ, какой приняли обряды на чистый понедѣльникъ и на Пасху, удержались не только въ формѣ простого омовенія и вытряханія, а и въ болѣе частныхъ, специфическихъ обрядовыхъ пріемахъ.

Начнемъ съ очищенія водой. Этотъ способъ, конечно, всего проще. Онъ отмѣченъ выпукло у Сербовъ. Здѣсь на Великую

1) Feste der st. Athen, s. 468.
2) См. выше стр. 109—110.
3) Birt въ *A. f. l. L.* XI (1898) s. 160.
4) *C. I. L.* I,1, p. 9, № 28.
5) Grimm, D. M. a. n. p. 1738 и Migne, Patr. lat. t. 87, p. 528.
6) Usener, Das Weinachtf. s. 294—295.
7) Ibid.

субботу (бијела недѣља) обливаютъ водою дома, и думаютъ, что этимъ изгоняются злые духи[1]). Въ Босніи (въ Фочи, въ Сараевѣ, въ Зеницѣ, въ Вышеградѣ и др. мѣстахъ) на первую пятницу послѣ Пасхи (Цвиіетима, Источни петак) купаются въ источникахъ[2]). Тоже дѣлаютъ и на Юрьевъ день въ Босніи и у Турецкихъ Сербовъ[3]). Въ этотъ день обыкновенно производятъ омовеніе «омахом», т. е. водою изъ подъ мельничнаго колеса, при чемъ въ воду кладутъ еще пасхальное яйцо, траву «милодуху» или вообще цвѣты[4]). Болѣе торжественно справляется тотъ же обрядъ въ Турціи на свѣтлую пятницу. Этотъ день называется здѣсь Балыклея по имени одного источника около Константинополя. Молодежь собирается у горныхъ источниковъ, гдѣ служатъ водосвятіе и купаются. Послѣ этого водятъ хороводы и поютъ пѣсни. Ястребовъ приводитъ три изъ нихъ, но по своему смыслу онѣ не отвѣчаютъ самому обряду[5]).

Этимъ Сербскимъ обрядамъ конечно вполнѣ соотвѣтствуетъ и древне-римскій обычай, отмѣченный календаремъ на камнѣ Неаполитанскаго музея. Здѣсь подъ майскими календами значится: «lustratio ad flumen»[6]). Сюда же относится и упомянутый уже мною чешскій обрядъ «chodiť na kupani». Мы видѣли, что сербскія, русскія и польскія обряды заклинанія весны также производятся при водѣ, при чемъ считается необходимымъ выкупаться или вымыться до разсвѣта. Чешская пѣсенька, обращающаяся къ олицетворенію Пасхи заставляетъ ее самое совершать это весеннее омовеніе:

---

1) Березинъ, Хорв. Слав. Далм. и Военная Гр. II, стр. 546.
2) Лилек. въ *Гл. З. М.* VI (1894) стр. 265—266.
3) Ibid., стр. 267; Ястребовъ, Об. и п. тур. серб. стр. 145 и 156; Березинъ, l. c. II, стр. 550.
4) *Гл. З. М.* VI (1894) стр. 267 и 374; Ястребовъ, l. c. стр. 145.
5) Ibid., стр. 140—142.
6) C. I. L. X,1, p. 378, № 3792.

«Smrtonočko! Velkonočko
kde's tak dlouho byla»?
—U studanky, u studanky,
ruce, nohy myla [1]).

Весьма вѣроятно, что это омовеніе въ основѣ своей имѣло значеніе очищенія.

Вѣроятно въ связи съ этимъ очистительнымъ весеннимъ ся значеніемъ сложилось въ Германіи повѣрье, что вода, молча зачерпнутая изъ ручья внизъ по теченію въ пасхальное Воскресеніе, имѣетъ особую врачебную силу [2]). Въ Германіи вообще считается, что для здоровья нужно на Пасху облиться водой, зачерпнутой въ 12 часовъ ночи [3]). Такое же цѣлебное значеніе приписывали въ XV и XVI вѣкѣ и купанью въ маѣ мѣсяцѣ [4]). Старые календари, обыкновенно настойчиво совѣтуютъ купаться въ маѣ, ссылаясь на опасныя для здоровья свойства этого мѣсяца. Такъ одинъ южно-нѣмецкій календарь 1573 г. говоритъ:

Lassen im Mayen ist nit schad,
Purgir dich und suech Wasserbad [5]).

Это майское купанье—иллюстрированный французскій календарь 1439 года изображаетъ даже наглядно. На майской виньеткѣ представленъ юноша, играющій на гитарѣ, а невдалекѣ отъ него подъ деревомъ сидитъ въ ваннѣ женщина. Она очевидно принимаетъ майскую ванну, которая считалась такой полезной [6]).

---

1) Erben, Pr. č. p. a. řic. str. 57, № 2, ср. Hanuš, Baj. kal. str. 126; о сербскихъ «на ранило», исхожихъ русскихъ и польскихъ обр. см. выше стр. 99—101.

2) Grimm, D. M. a. n. p. 1808.

3) Lemke, Volksth. in Ostpr. 1-er Th. s. 14 и 16.

4) Kriegk, Deutsches Bürgerth, s. 10 u fl.; Birlinger, Aus Schwaben, II, s. 92—94.

5) Приведено у Trenkle, Zur älteren sudd. Calenderk. Alemania, 1877, s. 244.

6) Воспроизведено у Champier, Les anc. almanachs pl. I.

Въ связи съ очистительнымъ значеньемъ весною источниковъ и колодцовъ справляется въ Германіи на 1-е мая ихъ чистка и убиранье цвѣтами. Производятъ это дѣвушки, которыя бродятъ изъ дома въ домъ со своими поздравительными пѣснями. Объ этомъ онѣ иногда заявляютъ и въ своей пѣсенкѣ, такъ что собираемыя ими яйца идутъ какъ бы въ уплату за мытье колодцевъ и носятъ названіе: Brunnen-Eier [1]). Такой же обрядъ совершается и на Ивановъ день [2]). Его упоминаетъ среди другихъ духоводенскихъ или майскихъ забавъ и одна изъ самыхъ знаменитыхъ пѣсенъ XVI вѣка.

Spazieren zu den Brunnen
Pflegt man in dieser Zeit,

говорится здѣсь [3]).

Огонь издревле считается очистительнымъ элементомъ такъ же, какъ и вода [4]). «Зажиганьс костровъ и прыганье черезъ нихъ, писалъ еще Потебня, имѣетъ цѣлью освобожденіе отъ враждебной силы болѣзни, смерти и связанныхъ съ послѣднею миѳическихъ существъ» [5]). Подобное значеніе огня особенно явствуетъ изъ русскихъ и славянскихъ Благовѣщенскихъ масляничныхъ и пасхальныхъ обрядовъ. Такъ въ разныхъ мѣстностяхъ средней Россіи наканунѣ этихъ праздниковъ сжигаютъ солому постелей, на которыхъ спали всю зиму [6]). Сжигаютъ тутъ и всякій соръ; дымомъ отъ этого обкуриваютъ избу и думаютъ, что этимъ обе-

---

1) *Am Urquell*, IV, s. 240; Erk-Böhme, D. Lh. III, s. 150, № 1254 и слѣд.; ср. также Frazer G. B. 2-ое изд. III, pp. 91—93.

2) Ibid.

3) Goedeke-Tittman, s. 159, № 155 и Erk-Böhme, II, 191.

4) Tylor, Prim. Cult. II, p. 429 etc.

5) О купальскихъ огняхъ стр. 3. Тоже мнѣніе высказываетъ относительно костровъ на Ивановъ день и Jahn, Deutsche Opferbr. s. 37 — 47; тоже Bertrand, Nos origines, p. 95 etc.; ср. также прыганье черезъ костры на свадьбу. Сумцовъ, Св. обр. стр. 91—92.

6) Сахаровъ, Сказанія II, стр. 41.

регутся отъ всякой болѣзни[1]). Тоже дѣлаютъ и Латыши въ Великій четвергъ на страстной недѣлѣ. Они зажигаютъ еще муравейникъ и этимъ дымомъ обкуриваютъ избы[2]). Въ Турецкой Сербіи на Благовѣщенье, на 40 мучениковъ и на св. Ѳедора Тирана жгутъ передъ домами коровій калъ[3]). Тоже дѣлаютъ и мусульмане на Юрьевъ день[4]). Эти обряды отмѣтила еще Кормчая 1282: «Передъ храмины своими или враты домовъ своихъ, говорится здѣсь, пожаръ запаливше перескакуютъ по древнему нѣкоему обычаю»[5]), а Стоглавъ говоритъ, что «въ Великій Четвертокъ порану солому палятъ»[6]).

Вѣроятно первоначально близкій къ этому очистительному значенію смыслъ имѣли и пасхальные нѣмецкіе огни, свѣдѣнія о которыхъ собраны еще Гриммомъ и Яномъ[7]). На ихъ очистительномъ значеніи я настаивать, однако, не буду, чтобы не входить въ разсмотрѣніе такъ называемой солярной системы, изъ которой они объясняются всего чаще[8]).

Третій изъ названныхъ мною выше способовъ очищенія составляетъ такъ называемое опахиванье или обходъ. Извѣстный «Indiculus superstitionum et paganiorum» отмѣчаетъ между прочимъ: «De sulcis circa villas»[9]). Способъ этотъ знали и древніе римляне: при закладкѣ города требовалось объѣхать мѣсто для него плугомъ, запряженнымъ волами и коровой, при чемъ, и тѣ,

---

1) *Этн. Обозр.* 1891, № 4, стр. 188 и XVII (1893) стр. 219.
2) Вольтеръ, Мат. для Этн. Лат. пл. стр. 3—4.
3) *Гл. З. М.* VI (1894) стр. 632; Ястребовъ, Об. и п. тур. срб. стр. 90.
4) *Гл. З. М.* l. c.
5) Порфирьевъ, Ист. р. л. I, стр. 36; Буслаевъ, Истор. Христ. 384.
6) Буслаевъ, Русск. Христ. стр. 242 (вопр. 26).
7) Jahn, D. Opferbr. s. 130 и ff.; W. Schwarz, Volksth. aus Lautersb. *Z. f. Ethn.* 1896, s. 151; Trojel-Poestion, Die alt. nord. fr. F. *Z. f. V.* III, s. 310 и 388.
8) Frazer G. B. 2-ое изд. III, p. 246—258 объясняетъ огни на пасху, какъ воспоминаніе о зажженіи новаго огня въ тотъ моментъ, когда весною начинался нѣкогда новый годъ. Ср. также Bertrand, Nos origines, p. 102.
9) Zibrt, Seznam povĕr, s. 125.

и другая должны были быть бѣлаго цвѣта. Тамъ, гдѣ предполагались ворота, плугъ приподымали, чтобы, въ случаѣ, если заведется въ будущемъ городѣ скверна, она могла бы изъ него всетаки удалиться[1]). Подобный пріемъ магическаго обереженья отъ всякой нечисти, извѣстный и у нѣмцевъ[2]), особенно отчетливо засвидѣтельствованъ у насъ въ Россіи. Терещенко и Сахаровъ подробно разсказали, какъ женщины въ однѣхъ рубахахъ съ распущенными волосами, съ серпами, кочергами и проч. въ рукахъ, идутъ процессіей вокругъ села, при чемъ обнаженная вдова, или беременная женщина, или старуха тянетъ соху. Это дѣлается главнымъ образомъ, чтобы изгнать изъ деревни такъ называемую «коровью смерть»[3]). При этомъ говорятся разныя присказки. Сахаровъ привелъ длинную молитву, обращающуюся къ какимъ-то старцамъ, въ надеждѣ, что они наложатъ «на ту-ли на злую смерть», «проклятьице великое»[4]). Въ другой присказкѣ описывается самый обрядъ:

Вотъ диво, вотъ чудо,
Дѣвки пашутъ,
Бабы песокъ разсѣваютъ.
Когда песокъ взойдетъ,
Тогда къ намъ смерть прійдетъ[5]).

Обрядъ опахиванья, какъ большинство заклинаній, производится и съ образомъ въ рукахъ; тогда приговариваютъ:

Выйди вонъ, выйди вонъ
Изъ села, изъ села.
Мы идемъ, мы идемъ

---

1) Preller, Röm. Myth. II, s. 67—68.
2) Wuttke, D. d. Volksabergl. § 420.
3) Сахаровъ, Сказ. II, стр. 27—29; Терещенко, Б. р. н. VI, стр. 40—41; *Этн. Сб.* II (1889) стр. 64 и I, стр. 217.
4) Сахаровъ, Сказ. II, стр. 29.
5) *Этн. Сб.* I, стр. 218.

Девять дѣвокъ, три вдовы
Со ладономъ, со свѣчами,
Съ Божьей Матерью[1]).

Къ этому способу очищенія, издавна таившемуся въ народномъ сознаніи, особенно часто прибѣгали крестьяне во время послѣднихъ холерныхъ эпидемій[2]).

Въ весеннемъ примѣненіи опахиванье совершается 24-го апрѣля въ селѣ Крылатномъ (подъ Москвой)[3]). Въ другихъ мѣстахъ оно обыкновенно замѣнено простымъ обходомъ; такъ производится напримѣръ весеннее очищеніе на Пасху у Лемковъ (въ Галиціи)[4]). Сербскія женщины, по словамъ Ястребова, «верхомъ на палкѣ, нагишемъ, или съ мутовкою на плечѣ, облетаютъ свои «бачило» (базъ), чтобы никто у нихъ не кралъ молока, и чтобы оно не портилось отъ жары». Это дѣлается на Юрьевъ день[5]). Въ Сѣвскомъ уѣздѣ Орловской губ. на Троицу, или на Духовъ день, раньше чѣмъ водить хороводы, молодежь, держась не за руки, а за платки, гуськомъ обходитъ кругомъ деревни[6]). Въ Саратовской губерніи на Пасху происходитъ торжественный обходъ вокругъ всего села съ иконами и хоругвями» для охраны его отъ несчастій и пожара»[7]). Въ связи съ очистительной силой огня производятъ обходъ вокругъ домовъ сербы. Они обносятъ вокругъ домовъ горящій уголекъ[8]).

Такое же очистительное значеніе имѣютъ и качели, это излюбленное народное развлеченье южно-славянъ, румынъ и нашего

---

1) Снегиревъ, Р. н. пр. III, стр. 75; Zibrt, Seznam povêr, стр. 127.
2) Холера въ Люблинѣ въ 1892 г. СПБ. 1893, стр. 27 прив. въ *Этн. Обозр.* XIX, 1893, стр. 237 и Zibrt, l. c. str. 125 etc.
3) *Этн. Обозр.* 1890, II, стр. 224—225.
4) Rzehorz, Kal. z. nar. ž. Lemkův. str. 361; Mannhardt, W. u. Fk. I, s. 561.
5) Ястребовъ, Об. и п. Тур. С. стр. 144.
6) Ш. В., стр. 363.
7) Минхъ, Нар. об. обр. и т. д. Сар. губ. *З. И. Р. Г. О.* XIX, 2, стр. 104.
8) Березинъ, Хорв. Слав. Далм. и т. д. II, стр. 547.

простонародья. При сербскомъ «љуљање» поются и особыя пѣсни. Лилекъ совершенно правъ, усматривая, что въ основѣ этого развлеченія лежитъ представленіе серьезное. Качанье ничто иное, какъ purgatio aere. Вотъ почему въ Босніи и Герцоговинѣ и Старой Сербіи говорятъ, что кто покачается на Лазареву субботу, тотъ будетъ здоровъ весь годъ, а кто не качался, у того будетъ болѣть голова [1]).

Перейдемъ къ послѣднему способу очищенія; на немъ прійдется остановиться подольше. Я разумѣю очищеніе отъ погони и нечистой силы путемъ ея изгнанія крикомъ, шумомъ и угрозами. Это особенно торжественно производятъ наши инородцы; у нихъ этотъ обрядъ называется изгнаніемъ шайтана. Происходитъ онъ въ весенній Канмъ (Лазарева суббота) или въ началѣ мартовскаго новолунія. «Изгнаніе шайтана, разсказываетъ Знаменскій, начинается съ крайней избы, куда собирается нѣсколько человѣкъ съ рябиновыми палками въ рукахъ. Огонь гасятъ и начинаютъ съ крикомъ и шумомъ колотить палками по стѣнамъ, столамъ, лавкамъ, по полу; къ этому шуму присоединяется еще оглушительная музыка *цадра* (родъ трещотки); все это дѣлается, чтобы распугать шайтановъ. Изъ избы эта церемонія переносится на дворъ; здѣсь стучатъ по всѣмъ заборамъ, хлѣвамъ, амбарамъ. Изъ перваго дома переходятъ во второй и т. д. Толпа изгнателей все ростетъ, потому что къ ней присоединяются и обыватели пройденныхъ и очищенныхъ домовъ. Во всякомъ домѣ берутъ съ собой лепешки и яйца, которыхъ

1) Предлагаемая интерпретація сокровеннаго смысла качанья принадлежитъ Лилеку въ его статьяхъ о весеннемъ очищеніи въ *Гл. М. З. въ Босн. и Герц.* VI (1894) стр. 281. О качаньи на «бизеле неђеље» или Лазареву субботу см. у Милојевића, Песме и обичаи, стр. 99—101. Пѣсни см. тамъ-же, а также у Ястребова, Об. и п. стр. 151 и слѣд. Болгарскія пѣсни при качаньи на Юрьевъ день см. у Миладиновцевъ, Бжлг. нар. п. № 636, стр. 503 и слѣд., тоже у Илиева, Сб. отъ нар. умотв. Отд. 1-ый, кн. 1-ая, № 246, стр. 282 и др. Frazer G. B. 2-ое изд. II, p. 448 собралъ нѣсколько извѣстій объ качаніи весною и въ Западной Европѣ.

вездѣ приготовляется вдоволь. Кончивъ свой обходъ всей деревни, толпа идетъ съ тѣмъ же шумомъ въ оврагъ въ ближайшемъ лѣсу. Выбравши здѣсь самое большое дерево, окружаютъ его, обходятъ три раза и бьютъ по немъ палками. Послѣ этого палки бросаются»[1]). Очевидно считается, что теперь шайтаны вошли въ дерево; но палокъ изъ предосторожности все таки въ деревню назадъ не берутъ. Схоже съ этимъ производятъ изгнаніе шайтановъ на страстной недѣлѣ и вотяки. «Вооруженные бичами, цѣпами, липовыми палками и пуками зажженной лучины, которыхъ Шайтанъ особенно боится, и съ пронзительнымъ крикомъ начинаютъ они ударять по всѣмъ угламъ избы и двора, послѣ чего выбѣгаютъ на улицу, захлопнувъ за собой ворота и плюютъ на выгнаннаго шайтана. Точно такимъ же образомъ изгоняютъ шайтана и изъ другихъ избъ»[2]). Тоже самое дѣлаютъ и Чуваши[3]). Въ такихъ же цѣляхъ въ день перваго весенняго равноденствія въ Дагестанѣ, во время прыганья черезъ костеръ, стрѣляютъ изъ ружей и производятъ всяческій шумъ[4]).

У насъ и въ западно европейскомъ фольклорѣ это изгнаніе нечисти путемъ шума, составляющее неотъемлимую принадлежность народной свадьбы[5]), въ весеннемъ обрядовомъ обиходѣ не сохранилось такъ отчетливо. При обходахъ деревень бабы правда зачастую производятъ и шумъ; переживаніе этого способа очищенія можно также усмотрѣть и въ кое какихъ другихъ обрядовыхъ дѣйствіяхъ. Отраженіемъ его можно напримѣръ признать отмѣченное еще Страховымъ изгнаніе кики-

---

1) Горные черемисы Казанскаго края *Вѣстн. Евр.* 1867, Декабрь, стр. 63—64; Смирновъ, Черемисы, стр. 165—167.

2) Бехтеревъ, Вотяки *Вѣстн. Евр.* 1880, Сентябрь, стр. 161—162; Верещагинъ, Сосн. Край *З. И. Р. Г. О.* XIV, 2, стр. 62—63.

3) Магницкій, Матеріалы, стр. 131; Георги, Опис. народовъ, I, стр. 40.

4) Дубровинъ, Истор. войны и вл. р. на Кавказѣ, I, стр. 529 и 531.

5) Сумцовъ, Свад. Обр. стр. 10.

моры на Грачевники (4 марта)[1]). Весьма вѣроятно также, что когда въ Бѣлоруссіи на святой палятъ изъ ружей или когда на верховьяхъ Пинеги съ крикомъ и звономъ мальчики встрѣчаютъ Ѳому, они тоже производятъ такой обрядъ, который когда то былъ тождественъ изгнанію Шайтана или вообще нечести[2]). Такой-же смыслъ имѣетъ и то, когда въ Болгаріи на первое марта «гръмять съ пушки»[3]). Въ Германіи во многихъ мѣстностяхъ: въ Вестфаліи, въ Баденѣ, Маркѣ и другихъ мѣстахъ на 22 февраля (St. Peters Stulfeyers Tag) мальчики бѣгаютъ по деревни и бьютъ молоткомъ въ двери. Иногда тоже совершаетъ и самъ домохозяинъ. При этомъ приговариваютъ присказки въ родѣ слѣд.:

Ruit, ruit, Suemerfuegel
Sünte Peiter ies kuemen,
Sunte Tigges well kuemen.
Riut, riut, alle Mius
Riut, riut, junge Mius
Alles Unglück ut diesem Hius!

Schwellenvogel или Sonnenvogel обозначаетъ при этомъ змѣй и всякихъ нечистыхъ животныхъ, которыхъ этимъ способомъ прогоняютъ[4]). Нѣчто подобное дѣлаютъ и на Духовъ день въ нѣмецкой Богеміи: когда мальчики заходятъ во дворы съ поздравительной пѣсней, двое изъ нихъ метутъ по двору соломенной метлой. При этомъ они оба увѣшаны бубенчиками[5]). Такой-же очистительный смыслъ имѣютъ щелканье кнутами на Духовъ день[6]) или звяканье коровьими колоколами, съ крикомъ произво-

---

1) Сказ. р. н. II, стр. 35—38; *Елиз. Вѣстн.* 1889, № 69.
2) *Смол. Вѣстн.* 1890, № 39, стр. 4; Ефименко, Мат. стр. 141.
3) Шапкаревъ, Сб. отъ бълг. нар. ум. II, стр. 164—165, 169 и 170—171.
4) Jahn D. Opfebr. s. 95; тоже Erk-Böhme. DLh., № 1205, III, s. 124; Bartsch. S. и S. и G. aus Mekl. II, s. 254.
5) Habermann, Aus dem Volksl. des Egerlands, s. 82—88.
6) *Z. f. O. V.* II, s. 195, III, s. 112—113; ср. *Mélusine*, IX (1899) p. 239.

димое тирольской молодежью на 1-е мая либо, когда впервые скотъ уходитъ въ горы. Этотъ послѣдній обрядъ называютъ Grassausläuten только потому, что основной смыслъ его уже позабытъ [1]). Такое же обрядовое представленіе лежитъ и въ основѣ бѣганья съ зажженными метлами у лужицкихъ сербовъ [2]).

У южныхъ славянъ подобный обрядъ совершается на 1-е мая, въ день пророка Іереміи [3]). Изгоняются тутъ змѣи и гады. А. Н. Веселовскій видитъ въ этомъ обрядѣ отраженіе легенды о пророкѣ Іереміи, разсказанной въ «Сербской Александріи» (III, гл. 29). Александру докладываютъ, что въ Александріи невозможно жить отъ змѣй, выходящихъ изъ Нила, и онъ велитъ принести кости Іереміи. Средство это оказывается вполнѣ пригоднымъ и «отъ толѣ и до дьнесь оу Александріи змиꙗ чловѣка оуханажти не можеть» [4]). Дѣйствительно во всѣхъ сербскихъ и болгарскихъ присказкахъ, относящихся къ этому обряду поминается пророкъ Іеремія. Сербы приговариваютъ:

О мј мили Рајоле!
Іеремија у поље
Беж' те змије у море.
Ваше море дубоко
Наше поље широко
Сал' је једна остала
Она ј' очи избола
На два трна глагола
На̑ четири шипова [5]).

---

1) *Z. f. d. M. Sittk*, III, s. 339.

2) Veckenstedt, Wend. S. M. u. abergl. Gebr. s. 442, §§ 71, 72, 74; Срезневскій въ *Живой Старинѣ*, II (1890) отд. 1-ый, стр. 56.

3) Каравеловъ, Пам. нар. б. болгаръ, стр. 221; Милодиновы, Бълг. нар. п. стр. 522 и 524; Чолоковъ, Бълг. нар. сб. стр. 34; Ястребовъ, Об. и п. тур. серб. стр. 164 и 166; Милићевић, Жив. срба сељ. стр. 171—173; Милојевић, П. и об. стр. 103—104.

4) Изъ романа и повѣсти I, стр. 337 и 367.

5) Милићевић, Живот. срба сељ. стр. 124; ср. Милојевић, Песме и об. стр. 171—172 и Ястребовъ, стр. 164.

Почти тоже говорится и въ Болгаріи:

Бѣ̂гай, Бѣ̂гай Еремия.
И то ти к гай дурия
Ке ти мотатъ черева-та
Сосъ желѣзни мотовила[1]).

А. Н. Веселовскій замѣтилъ, что ни у румынъ, ни ново-грековъ этого обычая не встрѣчается и что ничего подобнаго нѣтъ и въ обрядовомъ обиходѣ Запада. Мы видимъ, однако, что это не совсѣмъ такъ. Какъ ни скудны извѣстія о весеннемъ очищеніи путемъ изгнанія въ современномъ фольклорѣ, существованіе его все-таки можетъ быть установлено. Этотъ видъ очищенія, какъ и всѣ прочіе весенніе обряды, пріурочивается къ обоимъ весеннимъ обрядовымъ цикламъ и бытуютъ въ приблизительно схожихъ формахъ въ разныхъ мѣстахъ Европы. Въ циклъ очищеній путемъ изгнанія входитъ несомнѣнно и изгнаніе змѣй у южныхъ славянъ. Если даже не придавать значенія тому, что Чолоковъ отмѣчаетъ такое же изгнаніе въ Болгаріи совершенно независимо отъ Іереміи на Благовѣщенье[2]), можно все-таки сказать, что основа его дана была въ обрядовомъ сознаніи народа и помимо всякаго вліянія легенды о пророкѣ Іереміи, какъ изгонителѣ змѣй. Насчетъ воздѣйствія «Александріи» или иной версіи легенды о Іереміи, какъ властителѣ надъ змѣями, можно поставить только самое пріуроченіе этого обряда именно къ 1-му маю, а не къ другому весеннему празднику. Легенда вѣроятно также съузила объектъ изгнанія подставила змѣй всякой погани и сквернѣ вообще. Она такимъ образомъ пошла, такъ сказать, на встрѣчу обряду и повліяла на него, но отнюдь не создала его цѣликомъ. Потребность въ очистительномъ обрядѣ того или иного примѣ-

1) Каравеловъ, Пам. нар. б. болгаръ, стр. 221.
2) Бълг. нар. сб. стр. 34.

ненія издавна была на лицо совершенно независимо отъ легенды о Іереміи, пророкѣ[1]).

Весна именно въ силу своего важнаго хозяйственнаго значенія время, когда по народному представленію необходимы всякія предосторожности, всякія средства борьбы съ окружающей человѣка опасностью, будь то мнимой, будь то дѣйствительной. Я постараюсь изъ этого тревожнаго, боязливаго и въ то же время полнаго надежды на будущее весенняго настроенія, объяснить и еще одинъ циклъ весеннихъ обрядовъ, который обыкновенно понимается совершенно иначе. Онъ слишкомъ близокъ по общему своему складу къ разобраннымъ очистительнымъ пріемамъ, чтобы его нельзя было мыслить въ самой тѣсной связи съ ними.

Насъ подведетъ къ этому циклу обрядовъ одна изъ разновидностей изгнанія коровьей смерти, которую разсказалъ Терещенко: «Женщины и дѣвки выносятъ въ полдень наземъ за село или за деревню и складываютъ его въ кучу съ двухъ противоположныхъ селенію концовъ, а потомъ зажигаютъ въ полночь. Къ одной зажженной кучѣ везутъ дѣвки соху, въ бѣлыхъ рубахахъ и съ распущенными волосами, а одна дѣвка несетъ за ними образъ. Къ другой кучѣ несутъ женщины, въ черныхъ юбкахъ и грязныхъ рубахахъ, чернаго пѣтуха. Пришедши къ мѣсту, онѣ обносятъ пѣтуха вокругъ кучи три раза. Потомъ одна женщина, схвативъ пѣтуха, бѣжитъ съ нимъ на противоположный конецъ селенія, и въ то время забѣгаетъ она къ каждому дому; остальныя женщины бѣгутъ за нею и кричатъ: а, ай, ату, згинь, пропади, черная немочь! Добѣжавши до конца селенія, она бросаетъ пѣтуха въ тлѣющій наземъ. Дѣвки бросаютъ сухіе листья и хворостъ; потомъ, схватясь за руки, онѣ

---

1) Схожее съ изгнаніемъ шайтана и слав. заклинаніями на прор. Іеремію изгнаніе нечести производили нѣкогда и въ Перу: въ августѣ, когда сѣяли маисъ производили всякій шумъ оружіемъ и думали, что этимъ прогоняется всякая болѣзнь и зараза. Fernandez, Historia del Peru. Sevilla, 1571, f. 129,31 прив. у Spencer'a, Descr. soc. II, p. 26.

скачутъ вокругъ огня, приговаривая: сгинь, сгинь, пропади, черная немочь! По сожженіи пѣтуха впрягаются женщины въ соху, а дѣвки, неся передъ ними образъ, опахиваютъ селеніе три раза»[1]).

Какой смыслъ имѣетъ опахиваніе, мы уже знаемъ; я остановлюсь на значеньи сжигаемаго чернаго пѣтуха. Онъ очевидно въ представленіи ревнителей этого обряда поглащаетъ всю смерть, живущую въ деревни, и въ немъ смерть изгоняется за ея предѣлы и сжигается. Смерть такимъ образомъ вынесли изъ села въ типично очистительномъ обрядѣ. Исходя изъ него, я и позволю себѣ спросить, не относится ли извѣстное въ весенней обрядности *вынесеніе смерти* также въ основѣ своей къ представленіямъ близкимъ очищенью?

О вынесеніи «смерти» у западныхъ славянъ цѣлый рядъ свѣдѣній собралъ въ спеціально посвященной этому обряду статьѣ Зибртъ[2]). Самыя старыя свидѣтельства о немъ у чеховъ восходятъ еще къ XIV в.[3]). За ними слѣдуютъ другія XVI в.[4]). Обрядъ во всѣхъ нихъ назначенъ на 5-ой недѣлѣ великаго поста (smertná neděle). Онъ состоитъ въ томъ, что дѣти дѣлаютъ изъ соломы фигуру женщины, изображающую смерть, выносятъ ее изъ деревни и топятъ. Одинъ календарь 1617 года сохранилъ намъ и пѣсенку, которую поютъ при этомъ; она вполнѣ отвѣчаетъ тѣмъ, которыя поются и до сихъ поръ:

Již nesem smrt ze vši, nové léto do vši
Vitej, léto libezné, obilíčko zelené![5]).

---

1) Бытъ русск. нар. VI, стр. 41—42; ср. съ этимъ обрядомъ сжиганія пѣтуха и схожій купальскій обрядъ, разсказанный у Mannhardt'a W. u. Fk. I, s. 515.

2) Vynošeni «smrti» a jeho vyklady. Č. *L.* 1893, отд. от. Прага, 1893 ср. также у Máhal'a, Nákres sl. Baj. стр. 192 и слѣд.

3) Постановленія Пражскаго Собора прив. у Зибрта l. c. стр. 4—5 прим. 11-ое и 12-ое.

4) Ibid., стр. 5 и 6, прим. 16-ое и 18-ое.

5) Ibid., стр. 7, пр. 20-ое.

Далѣе слѣдуютъ уже болѣе частыя упоминанія XVII, XVIII и XIX вѣковъ.

Въ современныхъ фольклористическихъ сборникахъ этотъ чешскій обычай отмѣченъ множество разъ, и всегда обрядъ этотъ совершается одинаково. Изъ соломы дѣлается фигура старухи; ее подымаютъ на шесты, выносятъ за деревню, топятъ или разрываютъ на части, а потомъ иногда возвращаются назадъ, неся свѣжую вѣтку, эмблему весны. Какъ мы видѣли, этотъ обрядъ примыкаетъ и къ весеннему привѣтствію. При этомъ поется пѣсня, почти повсемѣстно звучащая одинаково:

Smrt nesem ze vsi,
novy lito do vsi:
bud'te, pàni, veseli,
że vàm lito nesemy
s červenými mazanci.[1]).

или еще

Bud'te, pàni, veseli
na tu smrtnou neděli:
smrt jsme vam odnesly,
nové lito přinesly.[2])

Схоже съ чехами производятъ также на воскресенье Laetare вынесеніе смерти и лужицкіе сербы.[3]).

Въ Польшѣ и у Моравовъ вмѣсто названія «смерть» встрѣчается другое: Marzana, Marena. Такъ зовется здѣсь эта фигура, которую выносятъ изъ села и бросаютъ въ воду на воскресенье Laetare (5-ой нед. вел. поста) по самому старому извѣстію

---

1) Erben, Pr. č. p. a. ř. № 5, стр. 59; ср. Mannh. W. u Fk. I, s. 156—157; Zibrt, l. c. str. 16—20; Sobotka, Rostl. str. 196—197; Hanuš, B. Kal. str. 130—134. См. еще: Č. *L.* II (1892) str. 104—185 и V (1895) str. 184—185.

2) Ibid.

3) Smolerj и Haupt, Volksl. der Wenden I, s. 20 и II, s. 222; Č. *M. S.* (1882) I, str. 29, 30; Срезневскій въ *Жив. Стар.* II (1890) отд. 1-ый, стр. 55—56.

объ этомъ обрядѣ въ Польшѣ (у Длугоша)[1]). Топленіе Морены справляется у польскаго простонародья и до сихъ поръ совершенно такъ же, какъ и топленіе смерти у чеховъ; зачастую ее называютъ также смертью[2]). Съ самымъ именемъ Морены намъ уже пришлось встрѣтиться въ моравскихъ пѣсенкахъ, схожихъ съ русскими закликаньями весны[3]). Тамъ ее какъ будто призывали, спрашивали, куда она дѣвалась, говорили, что либо сама она открываетъ ключами землю, либо она передаетъ ключи св. Юрью, чтобы онъ выпустилъ росу и весеннюю свѣжую растительность. Схоже съ этими пѣснями поютъ, при вынесеніи чучела изъ села, въ Лубтау словаки:

Mamuriena dievka,
Kde si prebývala?
Na vyšnom konci
Za Hrnčiarovci.
Čo ti tam dávali?
Sukňu mi krájali[4]).

Въ моравской пѣснѣ напротивъ о Моренѣ говорятъ совершенно такъ же, какъ и о смерти у чеховъ, только въ концѣ, возвращаясь къ передачѣ ключей св. Юрью:

Neseme Mařenu
Na oleji smaženú,
Pěknu, pěknu
Hěló, hělό, má milá Mořeno!
Komus dala kliče и т. д.[5]).

1) Прив. у Zibrt'a, l. c. стр. 20 и 46.

2) Lud. XV, str. 11 a 175; *Sbior. wiad.* IX, str. 56—58; Zaryzy dom. III, str. 277; Gałębiowski Lud. polski str. 168—169; *Wisła* II, str. 439.

3) См. выше стр. 112 и слѣд.

4) Sbornik slov. narodn. piesni etc. vyd. Mat. Slov. str. 187.

5) Kulda, Mor. nar. poh. II, str. 295; Sušil, Mor. nar. písně str. 768—770; Václavek, Mor. Val. d. I, str. 79—80; см. т. у Фаминцына, *Вѣстн. Евр.* 1895, Іюнь, стр. 690—697.

Что подобные обряды совершаются и въ Германіи, мы уже видѣли при обозрѣніи весенней поздравительной пѣсни. Въ Тюрингіи и Эйфлѣ, обойдя дворы, мальчики собирали солому, дѣлали изъ нея человѣка, привязывали его къ колесу, зажигали и пускали подъ гору [1]). Въ Австріи происходятъ похороны соломенной женщины, при чемъ поютъ пѣсню, совершенно схожую съ приведенной чешской:

Den Tod haben wir ausgetragen,
Den Sommer bringen wir wieder,
Den Sommer und den Mai,
Der Blümlein allerlei [2]).

Эта пѣсенка восходитъ еще къ XVI в. и сохранилась въ литературно обработанномъ текстѣ того времени; слово «Tod» въ немъ замѣняется словомъ «Winter», которое показалось понятнѣе. Этой пѣсенкѣ пародировалъ Лютеръ [3]). Въ сторонѣ отъ ея столь схожихъ въ общемъ варіантовъ стоитъ только одна подобная пѣсня изъ Бранденбургской Марки:

Tod aus, Tod aus,
Sommer un de Mëe
Blumel mancherlëe,
Komm se ausgetrieben, getrieben
U lieben Sommer breng se wieder. etc. [4]).

Разобранные обряды вынесенія смерти или Морены, всѣ производятся въ средней Европѣ и всѣ пріурочены къ одному и тому же времени: къ серединѣ великаго поста. Они относятся

---

1) Wintzel-Schmidt, s. 304; Schmitz, S. и Br. des Eifl. V. s. 25, др. изв. см. у Jahn'a, D. Opferbr. s. 8 и 91 и у Frazer'a, Golden Bough. I, p. 257—268.

2) Vernaleken, M. und Gebr. I, s. 294—296; ср. Erk-Böhme, D. Lh. III, № 1226, 1227 и 1218 A—D; ср. обрядъ у Wlislocki, Sitte und Br. der Siebenb. Sachsen s. 15—16.

3) Erk-Böhme, D. Lh. III, № 1218, s. 129—130.

4) Engeliess, Der Volkm. s. 228—229.

такимъ образомъ исключительно къ первому циклу весеннихъ праздниковъ. Ихъ географическая и календарная близость въ связи съ полной тождественностью дѣйства и заставляли нерѣдко высказывать предположеніе, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ однимъ и тѣмъ же обрядомъ, проникшимъ къ сосѣдямъ; Чехи говорили о его польскомъ происхожденіи,[1]) нѣмцы о чешскомъ[2]) и т. д. Извѣстное взаимодѣйствіе, можетъ быть, и нужно предположить между этими обрядами у чеховъ, нѣмцевъ, поляковъ и лужицкихъ сербовъ.

Въ другихъ странахъ Европы схожіе обряды совершаются въ другомъ болѣе позднемъ циклѣ и носятъ совсѣмъ иной характеръ. Въ Россіи фигура, сдѣланная по обличью человѣка, или изображаемая человѣкомъ, хоронится, сжигается, или бросается въ воду на Троицу или на Духовъ день. Она называется уже не смертью, а Костромой. Обрядъ этотъ отмѣченъ главнымъ образомъ въ Муромскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи[3]). Въ настоящее время онъ совершается повсюду одинаково: выносятъ изъ избы скамейку, на нее кладутъ корыто и начинаютъ дѣлать въ корытѣ бабу; на бабу надѣваютъ рубашку, сарафанъ, косынку на голову и проч. Когда баба готова, корыто подымаютъ и несутъ къ водѣ; здѣсь платье съ Костромы снимаютъ, а самое чучело бросаютъ въ воду[4]). По извѣстію Сахарова, Кострому изображала и дѣвушка, которая сейчасъ же по избраніи отходила отъ хоровода и стояла насупившись, пока ее не выкупаютъ въ водѣ[5]). Иногда раньше, чѣмъ бросить Кострому въ воду, происходитъ и борьба между одной партіей, которая охраняетъ ее, и другой, нападающей. Все это конечно давнымъ

---

1) Zibrt, Vyn. Smrti, l. c.
2) Jahn, D. Opferbr. s. 89.
3) Сахаровъ, Сказ. русск. нар. II, стр. 207—216; Аѳанасьевъ, Поэт. Воззр. III, стр. 724—726; Ш. В., стр. 368—371. *Этн. сб.* I, стр. 56.
4) Ш. В., стр. 369, № 1257.
5) Сказ. русск. нар. II, стр. 207.

давно уже выродилось въ игру, и вся забава заключается только въ изображенiи похоронъ, какъ впрочемъ и при польскомъ погребенiи смерти[1]).

Аналогично съ похоронами Костромы производятся и проводы русалки[2]). Обыкновенно это дѣлается гораздо позже, уже среди лѣта, но Сахаровъ отмѣчаетъ этотъ обрядъ на Клесальную субботу[3]). Русалка изображается уже съ болѣе типичными подробностями, чѣмъ Кострома, и смыслъ этого обряда яснѣе; мы имѣемъ здѣсь уже несомнѣнно дѣло съ изгнанiемъ чего-то зловѣщаго, сквернаго. Кромѣ изображенiя русалки въ видѣ чучела, ея роль исполняется и дѣвушкой въ одной рубахѣ, а то и нагишемъ, съ распущенными волосами и большимъ вѣнкомъ на головѣ. Русалка ѣдетъ верхомъ на кочергѣ и черезъ плечо держитъ помело[4]). Въ Саратовской губернiи русалку изображаетъ конь, на которомъ сидитъ молодой парень. Коня топятъ въ рѣкѣ[5]). Въ другихъ мѣстностяхъ русалку обыкновенно не топятъ, а только провожаютъ «до ржей» или «до бору», гдѣ она и остается нѣкоторое время, а потомъ задворками возвращается домой. Когда народъ, проводивъ русалку, идетъ весело назадъ, онъ многозначительно приговариваетъ: «мы русалку проводили, можно будетъ вездѣ смѣло ходить»[6]). Очевидно сохранилось глухое сознанiе, что отдѣлались отъ чего то нехорошаго, опаснаго.

Рядомъ съ этими топленьями, изгнаньями, проводами и сжиганьями можно было бы привести и цѣлый рядъ другихъ обря-

---

1) *Wisla* II, str. 489. Здѣсь производится даже нѣчто вродѣ шуточнаго судбища, выносящаго смертный приговоръ. Такая же игра производится и въ Германiи (въ Эйфлѣ) Schmitz, S. u. B. des Eifler V. s. 20.

2) Сахаровъ, Сказ. II, стр. 196; Радченко, Гом. нар. п. *З. И. Р. Г. О.* XIII,2, стр. XXVI; Минхъ, Нар. Об. и пр. Сар. губ. *З. И. Р. Г. О.* XIX,2, стр. 105; Ш. В., стр. 367; *Нижегор. Губ. Вѣдом.*, часть неоф. № 21.

3) Сказ. II, стр. 196—197.

4) Радченко, Гом. нар. п. *З. И. Р. Г. О.* XIII,2, стр. XXVI; въ видѣ чучела Ш. В., стр. 367.

5) Минхъ, Нар. обыч. и пр. *З. И. Р. Г. О.* XIX,2, стр. 105.

6) Ш. В., стр. 367, № 1256.

довъ, пріуроченныхъ къ другому времени и совершающихся въ иныхъ формахъ. Нѣсколько дальше я сведу ихъ вмѣстѣ. Покамѣстъ остановимся однако на приведенныхъ обрядовыхъ дѣйствіяхъ.

Ихъ толковали разно; въ нихъ видѣли переживаніе самыхъ различныхъ миѳологическихъ воззрѣній, обрядовыхъ представленій и даже устоевъ быта. Я отмѣчу главнѣйшія изъ нихъ: Гриммъ привелъ обрядъ изгнанія смерти въ главѣ о спорѣ Зимы и Лѣта и считалъ, что «Смерть стала на мѣсто зимы, потому что зимою природа костенѣетъ и кажется спящей»[1]). Морену польскихъ и моравскихъ обрядовъ онъ считалъ богиней Зимы, которая умираетъ, давая мѣсто молодой народившейся богинѣ Весны. Такое толкованіе особенно подходитъ къ тому типу разобранныхъ обрядовъ, гдѣ, изгнавши смерть, молодежь возвращается съ зелеными вѣтками. Но какъ объяснить тогда топленье Костромы и изгнаніе Русалки? Гримму эти обряды не были знакомы, и ихъ онъ поэтому не касался. Напротивъ Маннгардтъ подробно разобралъ также и русскія троицкія погребенія и топленія Костромы, и они представились ему трудно поддающимися интерпретаціи. Топленія Костромы онъ понялъ было, какъ заклинаніе дождя,[2]) но на этомъ не остановился, подыскивая единообразнаго объясненія для обоихъ параллельныхъ обрядовыхъ типовъ. Первый циклъ, т. е. вынесеніе смерти, согласно его общей теоріи, какъ и слѣдовало ожидать оказался «погребеніемъ изжившагося духа растительности стараго года», и замѣной новымъ нарождающимся духомъ растительности, свѣжей, весенней[3]). Но что значитъ тогда вторичное погребеніе? Нѣтъ ли и тутъ причины для гибели духа растительности? Отнеся всѣ обряды погребенія Костромы исключительно къ лѣтнему солнцестоянію и отождествивъ ихъ съ похоронами и Купалы, Манн-

1) D. M. a. п. стр. 767 & 773.
2) W. u. Fk. I, s. 417 и II, s. 264—265.
3) Ibid., s. 359 и 416.

гардтъ достигъ желаемаго результата: вторичное погребеніе или топленіе происходитъ въ серединѣ лѣта, въ концѣ полнаго разцвѣта жизненныхъ силъ природы; духъ растительности тутъ естественно представляется умирающимъ, и отраженіе его смерти въ обрядѣ въ этомъ пріуроченіи даже гораздо логичнѣе, чѣмъ ранней весной, когда можно скорѣе ждать его поминокъ, чѣмъ похоронъ. Вопросъ такимъ образомъ перемѣстился, и основнымъ моментомъ похоронныхъ обрядовъ оказался не первый, а второй ихъ циклъ. Маннгардтъ говоритъ: «Погребеніе и потопленіе Костромы имѣли повидимому тотъ же смыслъ, что и укладываніе въ гробъ или опусканіе Смерти; только воспроизведеніе этого явленія совершалось одинъ разъ въ началѣ злого, убивающаго жизнь и ростъ времени года, а другой разъ въ концѣ его, на этотъ разъ въ соединеніи съ праздникомъ возрожденія и оживленія растительности»[1]).

Подобнымъ заключеніемъ Маннгардтъ достигаетъ, конечно, желательной стройности въ интерпретаціи разобранныхъ мною обрядовъ. Сомнѣніе возникаетъ только относительно того, зачѣмъ надо было народу изображать эту смерть духа растительности и еще изображать ее дважды, какое обрядовое значеніе имѣетъ это убійство? На эти вопросы постарался отвѣтить уже послѣдователь Маннгардта—Фрезеръ. Смерть бога, по его мнѣнію, представленіе, присущее всѣмъ первобытнымъ религіямъ: сѣверо-американскіе индѣйцы считаютъ, что Великій Духъ, сотворившій міръ, давно умеръ; дикари Филиппинскихъ острововъ показываютъ гробницу создателя міра; древніе знали гробницы Зевса на Критѣ, знали, гдѣ покоились тѣла и Діониса и Аполлона. И смерть бога необходима и желательна; нужно чтобы онъ умеръ въ цвѣтѣ силъ; иначе будетъ ослаблена его дѣеспособность, которая, если онъ умеръ во время, можетъ въ разцвѣтѣ перейти въ другого бога, замѣнившаго перваго. Соотвѣт-

---

1) Ibid., I, стр. 418—419, ср. II, 365.

ственно этому, говоритъ Фрезеръ, убиваютъ и царя, и главнаго жреца и проч. Въ тѣхъ же цѣляхъ необходимо было убить и духъ растительности, чтобы онъ могъ не оскудѣть, а возродиться вновь въ полной силѣ[1]).

Во всѣхъ этихъ трехъ теоріяхъ, такъ сказать, взаимно дополняющихъ другъ друга, лежитъ въ основѣ представленіе объ обрядѣ, какъ отраженіи миѳа. Я не буду уже вновь останавливаться на томъ, насколько подобная точка зрѣнія возможна. Я уже имѣлъ случай указать, что она слишкомъ часто ведетъ къ натяжкамъ. Едва ли нужно также вновь возвращаться къ вопросу о томъ, присуще ли дѣйствительно народному сознанію представленіе о духѣ растительности. Въ данномъ случаѣ, мнѣ кажется, достаточно очевидно, что Смерть или Морена, или Кострома, изображаемая соломеннымъ чучеломъ или женщиной, не даетъ собственно никакихъ поводовъ къ отождествленію ея съ духомъ растительности, даже въ томъ случаѣ, если предположить, что представленіе о немъ было дѣйствительно когда то присуще религіозному сознанію древнихъ аріевъ. На нѣчто подобное намекаетъ, можетъ быть, только русская русалка, но и ея миѳологическая природа, какъ мы уже видѣли, коренится въ области религіозныхъ воззрѣній, не имѣющихъ ничего общаго съ растительностью.

Совершенно въ сторонѣ отъ обычныхъ миѳологическихъ представленій стоитъ теорія, предложенная Каллашемъ на страницахъ Этнографическаго Обозрѣнія. Въ статьѣ «о положеніи неспособныхъ къ труду стариковъ въ первобытномъ обществѣ» онъ постарался показать, что мнимое обрядовое убійство есть отраженіе убійства настоящаго. Когда теперь въ современномъ обрядѣ топится или сжигается изображеніе бабы, народъ въ простомъ символѣ дѣлаетъ то же самое, что когда то онъ производилъ надъ своими собственными родителями[2]). Мы имѣемъ

1) Frazer, Golden Bough, I, p. 269, cp. p. 213—214, 215—240, 247 и 250.
2) *Этн. Обозр.* II (1889) особенно стр. 160.

здѣсь такимъ образомъ дѣло съ пережиткомъ реальныхъ устоевъ быта, и никакого календарно-религіознаго значенія наши обряды не имѣютъ. Если они пріурочены къ веснѣ, то только потому, что въ весеннюю голодовку, когда припасы истощены, убіеніе стариковъ оказывается еще болѣе ощутительно необходимымъ.

Теоріи, которыя я привелъ здѣсь, всѣ обходятъ такимъ образомъ тотъ очистительный характеръ, который мнѣ хотѣлось бы подчеркнуть въ обрядѣ вынесенія или топленія смерти или иного образа. На него однако есть немало совершенно опредѣленныхъ указаній; обойти его значитъ не понять той единственной бытовой основы этихъ обрядовъ, которая заставила ихъ сохраниться до нашихъ дней и еще недавно дѣлала ихъ въ глазахъ ихъ ревнителей не только цѣлесообразными, но и необходимыми. Нечего и говорить, что со временемъ этотъ смыслъ очищенія такъ же забылся, какъ было забыто очищеніе вообще, и напр. въ похоронахъ Костромы и въ топленіи Морены современный народъ не видитъ ничего, кромѣ простой игры. Чѣмъ глубже мы будемъ однако восходить въ древность, чѣмъ болѣе мы будемъ приглядываться къ тому, какъ обрядъ этотъ справлялся въ старину, тѣмъ болѣе отчетливо будетъ выступать его очистительный характеръ.

Онъ вполнѣ ясно оттѣненъ напримѣръ въ тѣхъ обрядахъ древнихъ грековъ и римлянъ, которые со времени Узенера и Маннгардта приводятся въ параллель къ изгнаніямъ и топленіямъ символическихъ фигуръ въ современномъ обрядѣ[1]). Въ древней Греціи схожъ съ обычаями изгнанія дельфійскій обрядъ похоронъ Харилы. Плутархъ разсказываетъ со словъ какого то знатока дельфійскихъ древностей, что «по указанію оракула Дельфійцы исполняли въ честь Харилы «жертвоприношеніе, связанное

1) Usener, Italische Mythen *Rhein. Mus.* XXX, s. 203—204; Mannh. W. u. Fk. II, s. 265—273.

съ очищеніемъ»; этотъ обрядъ они «и теперь соблюдаютъ каждые девять лѣтъ». Онъ состоялъ въ томъ, что царь, торжественно возсѣдая во время празднества, раздавалъ всѣмъ присутствующимъ ячменную крупу и овощи; послѣ этого къ нему подводили куклу, одѣтую молоденькой дѣвушкой; ее называли Харилой; царь ударялъ ее по лицу сандаліей, и послѣ этого старшая изъ Тіадъ уносила ее, обматывала веревкой вокругъ шеи и наконецъ хоронила. Узенеръ совершенно вѣрно опредѣляетъ этотъ обрядъ, какъ заканчиванье и погребеніе одного опредѣленнаго періода времени. Харила олицетворяла этотъ періодъ. При этомъ естественно было произвести и очищеніе; всякая скверна, все злое должно было погибнуть вмѣстѣ съ Харилой[1]).

Въ древнемъ Римѣ параллель къ разобраннымъ нами европейскимъ обрядамъ указывается обыкновенно въ такъ называемомъ сверженьи въ Тибръ Аргеевъ. Діонисій и Плутархъ разсказываютъ, что въ майскіе иды 24 фигуры людей изъ прутьевъ и соломы бросали весталки въ Тибръ съ Pons sublicius. При этомъ присутствовала и Flaminica Dialis съ грустнымъ лицомъ нечесанная и неумытая[2]). Плутархъ называетъ этотъ обрядъ τὸν μέγιστον τῶν καθαρμῶν[3]). Онъ долженъ былъ, стало быть, освободить городъ отъ какой-то уносимой въ Тибръ этими 24 куклами скверны, совершенно такъ же, какъ уносила съ собой что-то недоброе и греческая Харила.

Оба древнихъ обряда, соотвѣтствующихъ разобраннымъ европейскимъ, преслѣдуютъ такимъ образомъ очистительныя цѣли. Какъ мы сейчасъ увидимъ, ихъ можно вполнѣ отчетливо увидѣть и въ европейскихъ изгнаніяхъ и топленіяхъ. Постановленіе Пражскаго Собора 1366 года прямо указываетъ цѣль вынесе-

---

1) Usener, l. c., s. 203; Плутархъ, Quest. Graec. XII; Roscher's Ausf. Lex. B. I,1, s. 872—873.

2) Roscher, Ausf. Lex. I, s. 496—500; Preller-Iordan, R. Myth. II. s. 135—137; Mannh. W. u. Fk. II, s. 265—273.

3) Quaest. Rom. LXXXVI.

нія смерти: «quod mors eis ultra nocere non debeat»[1]). Это краткое замѣчаніе въ высшей степени важно. Въ то время, когда оно было высказано, смыслъ обряда безъ всякаго сомнѣнія былъ болѣе ясно сознаваемъ, чѣмъ теперь. Тоже назначеніе этого обряда указываютъ и описавшіе его у словаковъ писатели прошлаго столѣтія; они говорятъ, что народъ вѣрилъ въ возможность уберечься этимъ способомъ отъ смерти и немочей, а равно и отъ несчастныхъ случаевъ въ хозяйствѣ[2]). Это послѣднее повѣрье сближаетъ нашъ обрядъ со второй строкой древней пѣсни Арваловъ:

nevel verve Marmar sins incurrere in pleores[3]).

Эту строчку Биртъ въ приведенной уже нѣсколько разъ статьѣ переводитъ слѣд. образомъ: «ne sinas Mars, quidquid hoc vere natum est in inferos incurrere»[4]).

Коренной смыслъ нашего обряда именно таковъ. Онъ вполнѣ подходитъ и къ названію его вынесеніемъ смерти или Морены. Для пониманія его вовсе не надо дѣлать такое совершенно неправдоподобное предположеніе, будто понятіе смерти подставилось понятію духа растительности или богини зимы? Очищеніе посредствомъ вынесенія особыхъ куколъ извѣстно и у дикарей. Въ Океаніи «во время приготовленія къ Очистительному празднеству демоны заключаются въ куклы и потомъ en bloque выбрасываются въ море». Этотъ пріемъ очищенія есть такимъ образомъ одна изъ формъ сознанія первобытнаго ума[5]).

Толкованіе обрядовъ изгнанія, топленія или сжиганія Морены у чеховъ и поляковъ въ очистительномъ смыслѣ было уже

---

1) Прив. у Zibrt'a Vyn. smrti, str. 4, прим. 11-ое, тоже говоритъ и Miroticky, ibid. прим. 6-ое.

2) «Lid veril že vynesenim smrti bude chránĕn před morem a nemočemi» Zibrt, l. c. str. 13 и прим.

3) *A. f. L. L.* XI (1898) s. 193.

4) Ibid., s. 170.

5) Bastian, Inselgr. Ocean. s. 69.

не такъ давно предложено въ русской фольклористической литературѣ: «Смерть, писалъ г. Фаминцынъ, обозрѣвая чешскія вынесенія Морены, въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣняется близко родственной чумой (mór). Такъ напр. въ Силезіи по вынесеніи и потопленіи Марзаночки поютъ:

Вынесли мы чуму (mór) изъ села.

Достойно вниманія, что, по представленію русскаго народа, коровья смерть, т. е. чума рогатаго скота, пробѣгаетъ по селамъ въ февралѣ чахлая и заморенная, въ видѣ старухи въ бѣломъ саванѣ. Въ то же время появляется и Кумаха — олицетвореніе лихорадки, посылающая своихъ сестеръ-губительницъ въ міръ людей знобить, грѣшное тѣло мучить. По мнѣнію русскихъ старухъ, вообще болѣзни тощія и заморенныя, просидѣвъ зиму въ снѣжныхъ горахъ, *наканунѣ 1-го мая* (уже на послѣднемъ рубежѣ лѣта) разбѣгаются по бѣлому свѣту и нападаютъ на неосторожныхъ.

Страшнѣе всего для человѣка заразныя болѣзни. Для огражденія себя и скотины отъ губительнаго дѣйствія заразы, человѣкъ издревле прибѣгалъ къ разнымъ обрядовымъ дѣйствіямъ и заклинаніямъ. Западные славяне охраняли себя отъ чумы и вообще заразы ежегоднымъ исполненіемъ обрядовъ проводовъ и изгнанія смерти»[1]).

Что весна считается въ народномъ представленіи временемъ опаснымъ для здоровья, мы уже видѣли, когда рѣчь шла объ очищеніяхъ водою. Я указалъ тогда чисто календарный источникъ этого мнѣнія. Подобнымъ взглядомъ на весну объясняется и вопросъ евреевъ Христу и въ чешской пѣснѣ на ранило: «Pane, máš-li zimici?»[2])

При предложенномъ мною объясненіи обрядовъ изгнанія вполнѣ понятно и существованіе его двухъ цикловъ, т. е. соб-

---

1) *Вѣстн. Евр.* 1895, Іюль, стр. 141—142.
2) Erben, Pr. p. a. ř. str. 60; см. выше стр. 100 и 263—265.

ственно повторенія того же дѣйствія въ концѣ весны или въ началѣ лѣта. Мы видѣли уже, что всѣ несомнѣнно очистительные обряды производятся также дважды и именно одновременно съ обрядами изгнанія. Существованіе второго цикла я буду имѣть случай объяснить нѣсколько дальше. Покамѣстъ я отмѣчу только, что въ немъ изгоняется въ Россіи миѳическій образъ вполнѣ аналогичный тому значенію, какое я старался придать чешской «Смерти». Мы видѣли, что изгоняется русалка, т. е. нечистая и зловредная таинственная сила.

Нѣсколько обособленное мѣсто занимаетъ топленіе Костромы. Эту фигуру въ ея современномъ обрядовомъ примѣненіи мы поймемъ яснѣе, ознакомившись съ другимъ типомъ обрядовыхъ изгнаній. Въ древнемъ Римѣ на иды марта (15-го числа) носили чучело мужчины и, прогнавъ его розгами черезъ весь городъ, сжигали и хоронили. Эта фигура называлась Mamurius Veturius. По общему признанію, этимологія этого имени указываетъ на связь со словами Marmar=Mars (изъ пѣсни Арваловъ) и vetus, veter. Мамурій-Ветурій представлялъ, такимъ образомъ, какъ бы стараго Марса въ противоположеніе новому, только что народившемуся[1]). Изъ аналогіи съ Харилой дельфійскаго обряда, мнѣ кажется, вполнѣ ясно видно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ олицетвореніемъ стараго мартовскаго года. Какъ въ Харилѣ изгоняли и хоронили извѣстный истекшій календарный срокъ, такъ и изгоняя Мамурія-Ветурія, входили въ новый періодъ времени, новый годъ. Лишь впослѣдствіи смыслъ обряда былъ забытъ, и потребовалась такъ же, какъ и для Харилы, этіологическая легенда, чтобы объяснить его.

Изгнаніе Ветурія въ имѣющихся о немъ извѣстіяхъ не выставлено, какъ обрядъ очистительный, и поэтому я не упоминалъ о немъ до сихъ поръ. Это обрядовое представленіе мыслится такимъ образомъ исключительно, какъ изгнаніе извѣстной

---

1) Mannh. W. u. Fk. II, s. 297—298; Usener въ *Rhein. Mus.* XXX, s. 213; Roscher's, Ausf. Lex. II,2, s. 2409.

олицетворенной поры времени. Подобныя изгнанія сохранились и по всему лицу современнаго европейскаго фольклора. Извѣстны напримѣръ: оплакиваніе и похороны прошлаго года, справляемыя во Франціи и во французской Швейцаріи 31 декабря или 1-го января. Фигура, о которой шуточная уже теперь пѣсенка поетъ, что она умерла отъ пьянства, называется «le bon homme Sylvestre»[1]). Она внѣ всякаго сомнѣнія изображаетъ собою годъ, истекшій ко дню св. Сильвестра. Такой же смыслъ имѣютъ и проводы старухи, «Befana» или «Befania», отмѣченные въ Италіи (въ Римѣ, въ Тосканѣ и въ другихъ мѣстахъ)[2]). Интересный обрядъ такого же чисто календарнаго свойства разсказалъ Либрехтъ. Въ Алатри (около Рима) 28 марта особая процессія ходила къ обѣднѣ въ маленькую церковь Богородицы и потомъ отправлялась къ Porta Bellona. Здѣсь на стѣнѣ находилось рельефное изображеніе двухъ фигуръ; одна называлась Marzo, а другая Aprile. Фигура Марта избивалась камнями. Подобный же обычай существовалъ и въ Геймбергѣ близъ Вѣнскихъ воротъ. Только фигуры назывались тутъ подъ вліяніемъ столь распространенныхъ въ Германіи споровъ зимы и лѣта именами этихъ временъ года[3]).

Всего чаще въ современномъ фольклорѣ изгнанія имѣютъ не строго календарный смыслъ. Изгоняется обыкновенно олицетвореніе какого-нибудь цикла праздниковъ, или поста, или одного изъ временъ года. Изгнанія подобнаго рода уже неоднократно подробно отмѣчались въ миѳологіяхъ и изслѣдованіяхъ по фольклору. Такъ въ Италіи, Франціи, Германіи, Россіи и Чехіи справляются шумныя, носящія повсемѣстно юмористическій, маскарадный характеръ похороны Карнавала, Фашинга,

1) Usener, l. c. s. 195; объ изгнаніи св. Сильвестра см. еще Vernaleken, M. u. Ges. s. 291; Mannhardt, W. u. Fk. I, s. 386.

2) Usener, l. c. s. 197—198.

3) Liebrecht, Zur Valkskunde, s. 412—413; прив. также у Вс. Миллера, Русск. Масл. и Зап.-Евр. Карнавалъ, стр. 34—35.

Масляницы, Мясопуста, «boeuf gras» и проч. За этимъ слѣдуетъ не менѣе торжественное и также шуточное сожженіе на 5-ой недѣлѣ поста бумажнаго изображенія «Micarême», что соотвѣтствуетъ итальянскому «segare la vecchia» или «vecchia da brusar»[1]). Равнымъ образомъ изгоняется въ Сербіи великій постъ, олицетворяемый подъ названіемъ бабы Коризмы[2]). Въ Германіи изгоняютъ и Ostermann'a[3]).

Схожимъ обрядовымъ дѣйствомъ заканчивается и циклъ весеннихъ праздниковъ. Тутъ сжигается или топится олицетвореніе самой весны. Подобное значеніе именно и имѣютъ въ глазахъ современнаго простонародья похороны Костромы. Обрядъ этотъ называется прямо Проводами весны[4]). Пѣсня, которая поется при этомъ, также, какъ французская пѣсенка о «bon homme Sylvestre», изображаетъ Кострому веселой и гульливой дѣвушкой, потому что она представляетъ собою пѣвунью и плясунью весну съ ея хороводами, играми и прочими забавами[5]). Русскіе проводы весны въ этомъ отношеніи принадлежатъ къ одной категоріи съ существующимъ кое-гдѣ финаломъ нѣмецкаго майскаго праздника, когда одѣтую въ зеленыя вѣтви фигуру топятъ, раздираютъ на части, или когда ей отрубаютъ голову[6]). Тотъ же первоначальный смыслъ имѣетъ и отмѣченное Маннгардтомъ въ Австріи и Франціи возстановленіе майскаго

---

1) Вс. Миллеръ, l. c. стр. 33—34 и 36; Mannh. W. u. Fk. I, 410; Frazer, Golden Bough. I, p. 272—275; Usener въ *Rhein. Mus.* XXX, ss. 192—194 и 200; Č. *L.* IV (1894) str. 298; Ш. В. стр. 333, *Смол. Вѣстн.* 1896, № 27, стр. 4 и т. д.

2) Милићевић, Ж. Срба Сел. стр. 89, 93, 107 и 546; Березинъ, Хорв. Далм. и т. д. II, стр. 543—544; Караџић, Жив. и Об. стр. 23—24; ср. тоже въ Польшѣ, *Lud.* V, str. 281.

3) Panzer, Beitr. z. d. Myth. II, s. 78—79.

4) А. Н. Веселовскій, Гетеризмъ и побр. въ купальской обрядности, *Ж. М. Н. Пр.* 1894, февраль, стр. 314; *Этногр. Сб.* I, стр. 56; *Зап. Общ. Арх. Ист. и Этн. при Казанск. Унив.* X (1892) стр. 119—121; ср. Сахаровъ, Сказ. II, стр. 214—215.

5) Собр. у Ш. В. стр. 367—371.

6) Mannh. W. u. Fk. I, s. 347—349 и 321; Sommer, s. 152.

дерева на Ивановъ день, при чемъ оно сжигается въ Купальскомъ кострѣ[1]).

Теперь все это конечно забава, игра, послѣднiй аккордъ оборвавшагося разгула праздничныхъ развлеченiй. О серьезномъ смыслѣ всѣхъ этихъ обрядовъ народъ, конечно, позабылъ уже давнымъ-давно. Однако, если въ основѣ своей всѣ эти изгнанiя, сожженiя и топленiя имѣли какое-нибудь серьезное религiозно-хозяйственное значенiе, оно не могло не быть въ самой тѣсной связи съ очищенiемъ. Когда изгонялось олицетворенiе извѣстнаго промежутка уже пережитаго времени, изображавшая его фигура брала на себя все то злое, недоброе, опасное, всю скверну прошлаго, чтобы въ будущемъ ждало одно только полное благополучiе и довольство. Особенно vere novo хотѣлось начать жить сначала, войти въ новую пору, избавившись отъ всего гнетущаго и мѣшающаго полному счастью.

Въ сторонѣ отъ обрядовъ очищенiя и внѣ всякой связи съ ними остается однако третiй родъ изгоняемыхъ олицетворенiй; онъ разсматривался до сихъ поръ всегда совмѣстно съ только что изложенными обрядовыми дѣйствами. Я разумѣю нѣмецкiе споры Зимы и Лѣта, имѣющiе свою длинную литературную исторiю отъ временъ Карла Великаго до нашихъ дней[2]). Эта литературная исторiя открывается, какъ извѣстно, латинской эклогой, приписанной рукописями IX вѣка знаменитому Алкуину[3]). Эклога вся построена по образцу Виргилiевыхъ, и только поютъ амобейную пѣсню или споръ не пастухи, а аллегорическiя фигуры, изображающiя зиму и весну. Народный сюжетъ здѣсь такимъ образомъ лишь воспроизведенъ; поэтъ имъ воспользо-

---

1) Ibid., s. 177—179 и *Z. f. O. V.* II, s. 194.

2) См. объ этомъ прежде всего у Гримма D. M. главу, озаглавленную Sommer und Winter; см. также Hönig статью въ *Z. d. V. f. V.* III, s. 226—227; А. Н. Веселовскiй, Три Главы изъ Ист. Поэт. стр. 19 и слѣд. отд. отт. и Lilienkorn, Deutsch. Leb. s. XLIX и слѣд.

3) См. *Mon. Germ. Hist.* Poetae Latini Aevi Carolini, Berlin, 1881, 4°, t. I, p. 270—272.

зовался, вовсе не имѣя даже ввиду подладиться подъ тонъ народной поэзіи, или воспроизвести болѣе или менѣе близко ея наиболѣе характерныя черты. Однако мысли чисто народныя, несомнѣнно близкія хозяйственнымъ устоямъ сельской жизни, на каждомъ шагу встрѣчаются въ этомъ стихотвореніи и оттѣняютъ общій остовъ той недошедшей до насъ пѣсни, которую пѣли о зимѣ и лѣтѣ Франки VIII и IX вѣковъ. Весна начинаетъ съ пожеланія, чтобы прилетѣла ласточка:

Opto meus veniat cuculus, carissimus ales.

Зима, напротивъ, говоритъ, что прилетъ ласточки вовсе не желателенъ, и доказываетъ это указаніемъ на весеннюю голодовку, которую такъ подчеркиваютъ народныя поговорки и пословицы современнаго простонародья: «Iste (cuculus) famem secum semper portare suescit», говоритъ Зима[1]). Зима указываетъ также на трудовое значеніе весны, когда она говоритъ, что ласточка «generat forte labores». Подобныя выраженія лучше всего указываютъ на близость этого школьнаго произведенія къ народной поэзіи. Нѣсколько дальше зима и весна спорятъ и о томъ, кто изъ нихъ двухъ господинъ и кто слуга (стихи 35—43), совершенно такъ-же, какъ и въ современныхъ народныхъ спорахъ Зимы и Лѣта. Этотъ мотивъ встрѣчается напримѣръ въ самой старой пѣснѣ подобнаго рода; ее сохранилъ намъ одинъ летучій листокъ 1580 года. Здѣсь зима также говоритъ:

So bin ich der Winter ich gib dirs nit recht
O liebe Sommer du bist mein knecht[2]).

Въ XVI в. этотъ споръ уже появляется въ отчетливо обозначенной обрядовой связи. Себастьянъ Франкъ въ своей книжкѣ, напеча-

---

1) Пословицы подобнаго склада сведены выше на стр. 66—68.

2) У Уланда, № 8; у Лиліенкорна Deutsch. L. № 52; тоже Erk-Böhme, D. Lh. № 1066, III, s. 11.

танной въ 1542 году, разсказываетъ, что на 5-ой недѣлѣ великаго поста въ Франконіи носятъ двѣ фигуры, изъ которыхъ одна называется Зимой, а другая Лѣтомъ. Зима и Лѣто вступаютъ въ единоборство; и побѣждаетъ, конечно, лѣто[1]). Точно пріуроченной къ воскресенью Laetare[2]) эту игру назвать однако нельзя: ее справляютъ, и на Пасху[3]), и на Рождество[4]). Гансъ Саксъ изобразилъ ее на св. Матѳея (12/25 февраля)[5]).

Пѣсня XVI в. сохранилась до нашего времени въ трехъ различныхъ варіантахъ, и во всѣхъ нихъ мы находимъ то же самое замѣчаніе, что лѣто слуга зимы, которое мы видѣли еще въ «Conflictus veris et hiemis[6])». Остальные извѣстные мнѣ шесть варіантовъ[7]), такъ сказать, откололись отъ основной пѣсенной традиціи. Однако и среди нихъ многіе сохранили старинный, типичный припѣвъ, иногда нѣсколько измѣняющійся; онъ звучалъ въ XVI вѣкѣ:

Der Sommer (или der Winter) ist fein[8]).

По своему складу теперешніе варіанты принадлежатъ, какъ мы это видѣли, къ поздравительнымъ пѣснямъ, и исполняются двумя только пѣвцами; согласно этому они относятся къ тому, что называется амобейнымъ пѣніемъ и входятъ въ довольно

---

1) Weltbuch. 1542. Bl. 1316, прив. и у Уланда, Schriften, III, s. 18.

2) Какъ пьесы: Ditfurt, Frank. Volksl. II, № 378; Erk-Böhme, D. Lh. III, s. 18, № 1071; Vernalcken, M. und gebr. s. 297.

3) Erk-Böhme, D. Lh. III, s. 18, № 1067.

4) Habermann, Aus d. Vl. des Egerl. s. 78.

5) Hans Sachs herausg. von A. v. Keller, Bd. IV, s. 255—262: «Ein Gesprech zwischen dem Somer und dem Winter»; ср. польскую пословицу: «Św. Maciej zimę traci lub zbogaci» Петрушевичъ, Обще-русск. дневникъ, стр 27.

6) Erk-Böhme, D. Lh. № 1067; Süs. № 53; Schlossar, D. Volksl. aus Steiermark, s. 392, № 354 и Erk-Böhme, l. c. № 1070.

7) Erk-Böhme, l. c. №№ 1068, 1069, 1071; Hruschka-Toischer, D. Vl. aus Böhmen, №№ 70—72; Vernaleken, M. und Gebr. s. 297—298; *Z. d. V. f. V.* III, s. 226—226.

8) Erk-Böhme, l. c. № 1066.

обширную литературу тѣхъ пѣсенныхъ споровъ, которымъ А. Н. Веселовскій въ обнародованныхъ до сихъ поръ главахъ своей поэтики придалъ такое важное значеніе въ развитіи народнаго поэтическаго стиля [1]).

Споръ Зимы и Лѣта есть обрядовая игра чисто нѣмецкая. Тѣ два примѣра подобныхъ споровъ, которые записала въ Бѣлоруссіи г-жа Радченко, надо вѣрнѣе всего отнести также на счетъ нѣмецкаго вліянія [2]), можетъ быть черезъ Польшу [3]). Однако нерѣдко дѣлались попытки подыскать аналогіи къ нѣмецкому спору зимы и лѣта и далеко за предѣлами всякаго нѣмецкаго вліянія; ихъ находили въ древности и у современныхъ дикарей. Вотъ два обряда, наиболѣе близкіе къ разбираемой нѣмецкой игрѣ. Геродотъ разсказываетъ, что въ Египтѣ у храма Вулкана стояли двѣ статуи, носившія названіе зимы и лѣта. Статуя лѣта получала приношенія, а статуя зимы предавалась поруганію [4]). Это нѣсколько напоминаетъ Marzo и Aprile приведеннаго выше итальянскаго обряда. Игра, еще болѣе схожая съ нѣмецкимъ споромъ, разыгрывается у Эскимосовъ [5]). На одинъ изъ осеннихъ праздниковъ молодежь разбивается на два отряда: тѣ, кто родился зимой, называются дѣтьми зимы, а тѣ, кто родился лѣтомъ—дѣтьми лѣта. Обѣ партіи берутся за противоположные концы веревки и начинаютъ

---

1) См. его статьи: Объ эпич. повт. *Ж. М. Н. Пр.* 1897, № 4-ый, стр. 2; Псих. парал. ibid. 1898, № 3-ій, стр. 34—40 и Три главы, стр. 9—10, отд. отт.; кромѣ этого см. Böckel, Hess. Vl. ss. XI — XIV; Uhland, Schriften, III, s. 181 и слѣд.; Pitrè, Studi di p. pop. pp. 47, 83, 111 — 116 и др.; Nigra, La p. pop. it. p. XV — XXIV; Gust. Meyer Ess. und st. I, s. 406; G. Paris въ *Journ. des s.* 1892, Novembre, p. 156—161; Wilmotte въ *Bull. de F. L. Wallon*, 1891, p. 15—18; Mélusine, I, p. 571—578.

2) Гом. нар. п. № 1 — 2 (въ отд. веснянокъ) *З. И. Р. Г. О.* XIII,3 и Аѳан. Поэт. В. III, стр. 691.

3) Споръ зимы и лѣта въ формѣ игры отмѣченъ около Кракова; эта игра введена въ масляничную поздравительную пѣсню, которая называется «chodzić na bachuski»: Kolberg, Lud. V,1, str. 263—264; тоже производится и у словенцевъ, причемъ лѣто называетъ: «zeleni Juri»: Pajek, Črt. str. 65.

4) Геродотъ, II, 121; прив. у Liebrecht'a, Zur Volkskunde, s. 413.

5) Boas, The Central Eskimos, p. 605.

каждая тянуть въ свою сторону, кто кого перетянетъ. Если дѣти лѣта побѣдятъ, то это значитъ, что можно еще ждать хорошей погоды.

Оба эти послѣдніе приведенные обряда, мнѣ кажется, проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на сокровенный и, конечно, также забытый смыслъ нѣмецкой игры. Сопоставлять ее съ изгнаніемъ смерти едва ли нужно; вѣрнѣе всего эти два обрядовыя дѣйства, хотя они и могли слиться, когда ихъ смыслъ уже былъ забытъ, въ основѣ своей ничего общаго другъ съ другомъ не имѣютъ. Зима вовсе не такъ категорически изгоняется, какъ смерть; она споритъ, мѣряется съ лѣтомъ. Это указываетъ именно на гаданіе или заклинаніе, какъ въ египетскомъ и эскимосскомъ обрядахъ. Возможно, что въ обряды типа изгнанія споръ зимы и лѣта вошелъ только гораздо позже, когда очистительное значеніе, лежащее, какъ я старался показать, въ основѣ всякаго изгнанія, уже было совершенно забыто и сохранилась только одна чисто календарная, шуточная забава.

II.

Во всѣхъ славянскихъ земляхъ среди весеннихъ обрядовъ чуть не первенствующее мѣсто занимаютъ поминки на кладбищахъ. О нихъ упоминаетъ еще Стоглавъ въ 23-емъ Вопросѣ: «Въ Троицкую Субботу по селамъ и по погостамъ сходятся мужи и жены на жальникахъ (общихъ могилахъ) и плачутся по гробомъ съ великимъ кричаніемъ. И егда начнутъ играть скоморохи, и гудцы, и пречудники, ониже, отъ плача преставше, начнутъ скакати и плясати, въ долони бити, и пѣсни сатанинскія пѣти, на тѣхъ же жальникахъ, обманщики и мошен-

ники»[1]). Почти въ такомъ же видѣ и до сихъ поръ на Родительскую субботу или на Ѳомино воскресенье т. е. на Радуницу или на Навій день, совершаетъ и городское, и сельское простонародье, обрядъ поминокъ. Народъ сходится на кладбища, приноситъ съ собою, чѣмъ выпить и закусить, и располагается на могилахъ родителей и родственниковъ. Сначала духовенство служитъ литіи и панихиды, а по отходѣ ихъ начинается пированье, поются пѣсни и выходитъ нѣчто въ родѣ всенародной оргіи[2]).

Какъ большинство обрядовъ, и эти ежегодныя поминки совершаются болѣе торжественно и устойчиво въ Малороссіи и Бѣлоруссіи. По свидѣтельству Чубинскаго, въ Дубенскомъ уѣздѣ общая заупокойная трапеза происходитъ даже въ притворѣ церкви или въ церковной оградѣ, и на ней присутствуетъ и духовенство. Заупокойная обѣдня служится также сообща всѣмъ селомъ. Въ Переяславльскомъ уѣздѣ подобный общій обѣдъ устраивается на кладбищѣ. При этомъ каждый отецъ семейства вконцѣ частной панихиды на могилѣ родителей разбиваетъ крашанку объ крестъ и послѣ этого отдаетъ ее нищимъ на споминъ души. На самую могилу бросаютъ еще соль и остатки «свяченаго» кушанья; выливаютъ даже рюмку водки и приговариваютъ, обращаясь къ покойникамъ: «іжте, пийте, виривайте (?) и насъ споминайте»[3]).

Совершенно также поминаютъ и угощаютъ покойниковъ и въ Бѣлоруссіи. Здѣсь этотъ обрядъ, какъ извѣстно, называется Дзяды[4]). Когда могилы поливаютъ виномъ и начинаютъ сами ѣсть и пить, здѣсь приговариваютъ:

---

1) Буслаевъ, Ист. Хр. стр. 241.

2) Снегиревъ, Пр. р. пр. III, стр. 47, 48 и 51; Сахаровъ, Сказ. II, стр. 185 и 188—190; Терещенко, Бытъ, VI, стр. 149—150; Калинскій, Церк. нар. мѣсяц. *З. И. Р. Г. О.* VII, стр. 465 и слѣд.; Роговъ, Мат. для оп. быта Пермяковъ, *Пермскій Сборникъ*, ч. 2-ая, стр. 29.

3) Чубинскій, Труды, III, стр. 27—29.

4) *Этнографическій Сборникъ*, II, стр. 212—214 и III, стр. 153—154; Крачковскій, Бытъ зап. русск. селянина, стр. 121.

Святые радзицели
Што одъ насъ полядѣли,
Ходзице къ намъ
Будзимъ ясци, что Богъ дау...

или: «святыи радзицели, ходзице, ходзице къ намъ ѣсци, что Богъ давъ» [1]). Тутъ сознаніе, что заупокойная трапеза есть угощеніе или жертвоприношеніе покойникамъ, сохранилось такимъ образомъ въ полной силѣ.

Въ старину въ Великороссіи и въ Сибири эти поминки имѣли мѣсто и не только въ честь родителей или вообще предковъ. Въ Москвѣ, въ Устюгѣ Великомъ, въ Иркутскѣ и въ другихъ мѣстахъ ходили на Семикъ или Пятидесятницу молиться и справлять тризну въ такъ называемые Убогіе дома, Скудельницы, Буйвища или Гноища, гдѣ погребались всѣ, кому не довелось пріобщиться передъ смертью. Во время традиціонныхъ всеобщихъ поминокъ очевидно считали благочестивымъ дѣломъ вспомнить и объ этихъ погибшихъ душахъ, помолиться за ихъ спасеніе и принести имъ въ тоже время жертву [2]).

У южныхъ славянъ совершенно схожій обычай въ томъ же календарномъ пріуроченіи мнѣ извѣстенъ у Лемковъ и въ Сербіи. Здѣсь также въ сопровожденіи священника ходятъ на Ѳомино воскресенье на кладбища и тамъ служатъ панихиды по предкамъ. Обрядъ этотъ носитъ названіе «Задушница» [3]).

Поминанія покойниковъ, какъ и очищенія, не составляютъ, разумѣется, обряда исключительно весенняго. Они совершаются, можно сказать, рѣшительно во всѣ знаменательные моменты на-

---

1) Крачковскій, ibid., стр. 114; *Смоленскій Вѣстникъ*, 1890, № 39, стр. 3; тоже у Снегирева и Сахарова passim.

2) Снегиревъ, Простон. р. пр. III, стр. 50—51 и 177—210; Терещенко, Бытъ, IV, стр. 150; *Московскія Вѣдомости*, 1894, № 149, стр. 5 (фельетонъ).

3) Řehoř, Kal. z. nar. živoła L. ČMkrČ. str. 362; Караџић Ж. и Об. стр. 23; Милићевић, Живот. с. сељака, стр. 107, § 9.

роднаго календаря. Пріуроченіе ихъ къ веснѣ однако не можетъ не имѣть спеціальнаго смысла. Если въ это время года считается необходимымъ общаться съ предками, помолиться и имъ и за нихъ, угостить ихъ, т. е. задобрить, умилостивить, это дѣлается не спроста. Проф. Смирновъ, описывая такое кормленіе предковъ у Мордвы, объясняетъ это обыкновеніе тѣмъ, что «предки первые хранители интересовъ своего потомства»[1]); изъ подобнаго представленія весенній культъ предковъ объясняется вполнѣ ясно: съ точки зрѣнія всякаго ревнителя культа предковъ необходимо задобрить этихъ «хранителей интересовъ своего потомства» именно весною, въ самый важный моментъ хозяйственнаго года. Весенній культъ покойниковъ въ существѣ дѣла преслѣдуетъ тѣже цѣли, что и очищенія. Первобытному хозяину мало того, что онъ избавится отъ всякой скверны, что онъ очиститъ свой домъ и свое хозяйство отъ всякой порчи, отъ всякаго посторонняго вліянія; если онъ чтитъ своихъ предковъ, ему необходимо задобрить, упросить и ихъ: пусть они не только не помѣшаютъ ему воспользоваться всѣми благами, которыя ему сулитъ весна, но по возможности пусть они еще помогутъ ему своимъ таинственнымъ, вѣщимъ вліяніемъ на его судьбу, и слѣдовательно на его хозяйство.

При такой, какъ мнѣ кажется, единственно возможной интерпретаціи нашихъ весеннихъ поминальныхъ обрядовъ представляется только страннымъ, почему они оказываются пріуроченными къ самому концу весны, когда прошли всѣ главныя работы, когда уже посѣяно поле ярового, а озимое уже скоро начнетъ колоситься? И рядомъ съ этимъ вторымъ цикломъ поминаній родителей дѣйствительно существуетъ и гораздо болѣе раннее ихъ чествованіе, какъ разъ соотвѣтствующее по времени началу

---

1) См. ниже стр. 300, прим. 1-ое.

сельско-хозяйственныхъ работъ. По сообщенію проф. Соболевскаго, въ домонгольскую пору жертва «навьямъ», т. е. предкамъ производилась въ четвергъ на страстной недѣлѣ. При этомъ для предковъ топилась и баня [1]). Поминаніе покойниковъ въ Великій четвергъ знаетъ и Стоглавъ [2]). Въ Малороссіи до сихъ поръ этотъ день еще называется «Навскій великдень». По народному повѣрью, мертвецы въ полночь встаютъ изъ гробовъ и идутъ въ церковь подъ предводительствомъ того изъ своей среды, кто при жизни былъ священникомъ. Двери церкви сами отворяются передъ ними, и они служатъ пасхальную обѣдню. Къ утру они уже вновь уходятъ на кладбище. И горе тому, кому удастся подсмотрѣть это страшное богослуженіе [3]). Указанія на поминки на пасхальной недѣлѣ сохранились изъ Польши отъ XVI, XVII и XVIII вв. Тутъ все происходитъ совершенно также, какъ и у насъ на Ѳомино воскресенье: въ полномъ сборѣ идутъ семьи на кладбище, ѣдятъ на могилахъ «Kulisz» и пляшутъ «taniec umarlych» [4]). Также на Пасху устраиваются поминки и у Чеховъ [5]). Въ Сараевѣ это происходитъ на «Велики петак» [6]).

Къ этимъ свѣдѣніямъ интересно прибавить и извѣстія о соблюденіи того же самаго обряда у нашихъ инородцевъ; онъ пріурочивается у нихъ также къ началу весны и при этомъ совершается въ формахъ въ высшей степени архаичныхъ. Можетъ быть, онъ отражаетъ болѣе древній моментъ обрядовой эволюціи, общій инородческому міру съ близко соприкасавшимся съ нимъ міромъ славяно-русскимъ.

---

1) *Живая Старина* (1891) вып. IV, стр. 229.
2) Буслаевъ, Истор. Хр. стр. 242 (вопросъ 26-ой).
3) Чубинскій, Труды, III, стр. 14—15.
4) *Wisła*, IV (1890) str. 278—280.
5) Hanuš, Bajeslov. Kal. str. 129.
6) Лилек, см. въ *Гл. Земельск. Муз.* VI (1894) стр. 153.

Наши инородцы не только ходятъ на могилы и тамъ трапезуютъ, они не только приносятъ жертвы въ родовыхъ куалахъ, они самымъ реальнымъ образомъ дѣйствительно угощаютъ своихъ покойныхъ предковъ, либо оставляя во время пиршества пустыя мѣста, либо давая накрытому столу нѣкоторое время постоять, чтобы мертвецы могли сѣсть за него и поѣсть всласть, либо наконецъ выставляя кушанья на улицу у порога избы, увѣренные, что предки придутъ и отвѣдаютъ приготовленныхъ для нихъ яствъ. Кромѣ этого совершенно также, какъ въ древне-русскомъ извѣстіи, сообщенномъ проф. Соболевскимъ, они еще топятъ бани, воображая, что туда придутъ помыться ихъ умершіе родичи. У Черемисовъ это производится въ четвергъ на страстной недѣлѣ, у Вотяковъ на *Будзиналъ*, у Чувашей на *Колымъ-конъ*, т. е. на Пасху[1]). Черкесы до принятія могометанства ходили на могилы на вербный день, *чушгахъ*. Осетины угощаютъ своихъ предковъ на *Рамонъ-бонъ* и на *Лаусъгананъ* (3-ья и 4-ая недѣля великаго поста)[2]).

Передъ началомъ весеннихъ работъ призываются духи умершихъ предковъ и въ Индіи у Драовидійскихъ племенъ[3]).

На происхожденіе пріуроченія поминальныхъ обрядовъ къ недѣлѣ св. Отецъ, т. е. къ недѣлѣ предшествующей Духову дню и Троицѣ, указанія даетъ ея названіе Русалья или Русальная недѣля[4]). На Руси это названіе вошло въ употребленіе еще съ

---

1) Смирновъ, Мордва, гл. V, *Изв. Общ. Арх. Ист. и Этнографіи при Каз. Унив.* т. XI (1893) стр. 556 и XII (1894) стр. 313; Знаменскій, Горные Черемисы Казанскаго края, *Вѣстн. Евр.* 1867, декабрь, стр 64—65; Тезяковъ, Праздники и жертвоприношенія у вотяковъ-язычниковъ, *Новое Слово*, 1896, январь, стр. 4; Магницкій, Матеріалы къ объясн. старой чувашской вѣры, 7-ой вып. стр. 104.

2) Дубровинъ, Истор. войны и влад. р. на Кавказѣ, I, стр. 108, 302 и 304.

3) Crooke, The pop. rel. of India, II, p. 292.

4) Снегиревъ, Простон. р. пр. IV, стр. 14—15; Терещенко, Бытъ, VI, стр. 136; Петрушевичъ, Общер. дн. стр. 51—52; Калинскій, Церк. нар. Мѣсяц. *З. И. Р. Г. О.* VII, стр. 469; Чубинскій, Труды, III, стр. 185.

XII вѣка[1]). У Болгаръ Духовъ день зовется также Русали и предшествующая ему недѣля Русальницы[2]). Также точно зеленыя святки у румынъ—rusale, rusali, у албанцевъ rsciài, rrsciài, у сербовъ rusalje, rusalji, у словинцевъ—risale, у словаковъ—rusadlje, rusadla, у чеховъ rusadla, rusadle; по словински risalček стало наименованіемъ и вообще мая мѣсяца[3]). Что въ основѣ этой терминологіи лежатъ греко-латинскія Ῥουσάλια, Rosalia, Rosaria, dies Rosationis, dies Rosarum, это показали уже давнымъ—давно Миклошичъ и Томашекъ[4]). «Старинная праздничная обрядность, говоритъ Томашекъ, перешла отъ романизованнаго населенія (сѣверной Греціи) на славяно-болгарское»[5]). Когда рѣчь шла объ обрядахъ «по цвѣточки», мы уже видѣли основное значеніе празднества розъ[6]). Съ нимъ намъ прійдется встрѣтиться и еще по другому поводу. Теперь мнѣ важно отмѣтить отчасти уже указанный Томашекомъ поминальный его характеръ.

Такой характеръ когда-то носили Русаліи во Ѳракіи[7]). Въ этомъ смыслѣ въ высшей степени интересны приведенныя Томашекомъ надписи изъ окрестностей Драмы; изъ нихъ видно, что на совершеніе Розалій надъ покойниками завѣщались даже цѣлыя состоянія[8]). Схожія надписи Томашекъ приводитъ и изъ Италіи, при чемъ здѣсь Rosaria носятъ даже одновременно особенно краснорѣчивое для насъ названіе *Parentalia*[9]).

---

1) Ипатьевская лѣтопись, см. года 1174, 1177, 1195 и 1262.

2) Каравеловъ, Пам. стр. 125; Чолоковъ, Бълг. нар. сб. стр. 39; Качановскій, Пам. болг. нар. тв. стр. 11.

3) Miklosich, Christliche terminologie der slav. Sprache. Wien, 1875, s. 25—26, прив. у Веселовскаго, Розысканія, XIV, стр. 264.

4) Miklosich, Die Rusalien *Sitz. d. Wiener Akad.* Phil. hist. classe XLVI (1864) s. 386—405 и Tomaschek, Ueber Brumalien und Rosalia ibid. LX (1869) s. 369 и f.

5) Tomaschek, l. c. s. 378.

6) См. выше стр. 166—167.

7) Rodd, The customs f. Lore of modern Greace, p. 139.

8) Томашекъ, l. c. стр. 373—374.

9) Ibid. 377—379.

Повидимому черта эта присуща цвѣточному празднику искони. Поминаніе предковъ, связанное съ украшеніемъ гробницъ цвѣтами, восходитъ и къ классическому періоду античной религіи. «Праздникъ цвѣтовъ (въ мѣсяцѣ Anthesterion), пишетъ Момзенъ, считался неблагопріятнымъ временемъ, отнюдь не годнымъ для какихъ-нибудь дѣлъ; въ это время полагали, что можно было видѣть души умершихъ» [1]). Только государственной важности и полной жреческой торжественности этотъ праздникъ въ классическую пору не достигъ. Онъ ютился скорѣе въ частной жизни, имѣлъ значеніе для средняго обывателя, соблюдался народомъ по традиціи, принадлежалъ скорѣе къ тому, что можно было бы назвать языческимъ фольклоромъ. Вотъ почему съ уничтоженіемъ государственныхъ культовъ въ переходное время между язычествомъ и христіанствомъ онъ получилъ нѣкоторое офиціальное признаніе. Онъ какъ разъ принадлежалъ къ такимъ безразличнымъ празднествамъ, въ которыхъ могли принимать участіе и христіане. Томашекъ прекрасно охарактеризовалъ эту группу праздниковъ: «Это праздники, говоритъ онъ, либо выражающіе обновленіе явленій природы, какъ засѣвъ, уборка, выжимка винограда и нашъ лѣтній праздникъ, либо относящіеся къ рожденію и смерти» [2]). Въ Италіи Rosaria дѣйствительно и упоминаются главнымъ образомъ въ такихъ памятникахъ, какъ Feriale Campanum (387 г. по Рож. Хр.) и Kalendarium Lambecianum (387—361 г. по Рож. Хр.), составленныхъ при императорахъ Валентиніанѣ II и Констанціи II. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что вслѣдъ за надписями первыхъ вѣковъ христіанской эры этотъ праздникъ Русалій встрѣчается и въ христіанскихъ памятникахъ. Онъ очевидно былъ нѣкогда признанъ церковью и только отнесенъ насчетъ того или иного святого. При этомъ изъ его стараго ритуала

---

1) Feste der st. Athen, s. 390.
2) Томашекъ, l. c. стр. 375.

могъ сохраниться на церковной почвѣ всего легче именно его поминальный характеръ. Я уже указалъ выше на «ῥοδισμος S. Timothei Patriarchae»[1]). Такой же смыслъ имѣетъ и это странное мѣсто изъ такъ называемаго «иного житія св. Николая», которое въ греческомъ подлинникѣ читается такъ: «φθάσαντος δὲ τοῦ καιροῦ τῶν ῥοσσαλίων τοῦ προπάτορος ἡμῶν ἁγίου Νικολάου, κατῆλθεν ἐν Μύροις τῇ μητροπόλει εἰς τὴν σύνοδον ὁ τοῦ θεοῦ δοῦλος Νικόλαος»[2]).

Поминальный характеръ Русалій лежитъ въ основѣ и вѣрованія въ русалокъ, распространеннаго почти повсемѣстно на Руси[3]). «Анализъ русскихъ суевѣрій, говоритъ А. Н. Веселовскій, приводитъ къ заключенію, что весеннія русаліи—главнымъ образомъ поминальный обрядъ; русалки = manes...... Покойниковъ хоронили въ языческую пору на горахъ, въ лѣсахъ, на распутьяхъ, спускали въ воду; оттого галицкія мавки=русалки представляются живущими на горныхъ вершинахъ, какъ наши русалки любятъ качаться на вѣтвяхъ деревьевъ. Ихъ преобладающій нынѣ водный характеръ можно было бы объяснить позднѣйшимъ обособленіемъ ихъ типа; горныя русалки наконецъ должны были исчезнуть въ мѣстности, гдѣ горы были рѣдки...»[4]) Такое воззрѣніе на происхожденіе народныхъ повѣрій о русалкахъ въ настоящее время, если не ошибаюсь, можетъ считаться общепризнаннымъ. На души умершихъ, которыхъ чествовали во время Русалій, перешло названіе праздника, и онѣ стали русалками. Остается только невыясненнымъ, почему покойники стали

---

1) Томашекъ, l. c. стр. 380 (Acta ss. Mai tom. II, p. 359).

2) Иное житіе св. Николая изд. арх. Леонидъ, О. Л. Др. П. сл. мою работу «Никола угодникъ и св. Николай»; греческій отрывокъ пр. Томашекомъ, l. c. стр. 379.

3) О русалкахъ см.: Снегиревъ, Пр. пр. IV, стр. 7 — 8 и 13 — 17; Сахаровъ, Ск. II, стр. 185, 196—197; Терещенко, Бытъ, VI, стр. 125—132 и 136—137; Ш. Мюзкр. I, стр. 196 — 198; Чубинскій, Труды, III, стр. 186; Аѳанасьевъ, Поэт. воззр. III, стр. 124 — 125 и 243 — 244 и Фаминцынъ, Бож. др. сл. стр. 212—214.

4) Разысканіе, XIV, стр. 270.

представляться исключительно въ женскихъ образахъ, почему ихъ характернымъ признакомъ стала женская красота и длинные распущенные волосы? Но останавливаться на этомъ вопросѣ здѣсь, конечно, не мѣсто.

Если русалки въ основѣ своей ничто иное, какъ души умершихъ, естественно возникаетъ вопросъ о томъ, что такое «проводы русалки», которые я занесъ въ одинъ отдѣлъ съ очистительными обрядами. Можетъ быть это скорѣе проводы чествуемыхъ предковъ? Мнѣ кажется однако, что напротивъ, лишь полная переработка въ народномъ сознаніи этого образа, перелицовка его, дошедшая до совершеннаго забвенія о его первоначальномъ характерѣ, сдѣлала возможнымъ появленіе обряда проводовъ русалки; изгнаніе русалокъ есть ничто иное, какъ изгнаніе нечести. Русалка проникла въ обрядъ очищенія именно, какъ особый видъ напасти, которой надо особенно остерегаться какъ разъ въ то время, когда сталъ производиться обрядъ. Представленіе о русалкѣ, какъ о душѣ умершаго предка не имѣетъ тутъ вовсе мѣста. Дальнѣйшее видоизмѣненіе обряда составляетъ его сліяніе съ «проводами весны»; онъ припялъ тогда болѣе безразличный въ обрядовомъ отношеніи характеръ скорѣе провожанья, чѣмъ изгнанія.

Если русскія и южно-славянскія Русаліи представляютъ изъ себя ничто иное, какъ переживаніе занесеннаго вмѣстѣ съ христіанствомъ греко-римскаго праздника розъ, въ греко-римскомъ обрядовомъ обиходѣ и надо искать объясненія тому обстоятельству, что предки чествуются вторично въ концѣ весны совершенно такъ же, какъ когда то они чествовались и вначалѣ ея. Объяснить это поможетъ намъ то странное сліяніе цвѣточнаго праздника съ культомъ покойниковъ, которое мы видѣли въ Ѳракійскихъ Русаліяхъ. Что въ основѣ цвѣточнаго праздника лежитъ заклинаніе цвѣта хлѣбовъ, было уже достаточно разъяснено. Нѣсколько дальше мы увидимъ, что моментъ цвѣтенія хлѣбныхъ растеній считался у древнихъ въ высшей степени опаснымъ. Цѣлое множество предосторожностей, цѣлый рядъ

предохранительныхъ очищеній былъ нуженъ, чтобы съ цвѣтомъ не случилось бы какой-нибудь бѣды. Среди подобныхъ дѣйствій выдающееся мѣсто и занялъ культъ предковъ, «хранителей интересовъ своего потомства». Совершенно такъ же, какъ въ началѣ весны первобытный хозяинъ старался заручиться помощью умершихъ родичей, онъ приносилъ имъ вторичную жертву и во время цвѣтенія хлѣбовъ уже въ концѣ весны.

Мнѣ остается еще, раньше чѣмъ покончить съ весенними поминальными обрядами, отмѣтить ту ихъ черту, на которой особенно настаивало обличеніе Стоглава. Поминаніе изображается, какъ обрядъ веселый; во время него вошло въ обыкновеніе «играть скоморохи, и гудцы, и причудники, ониже отъ плача преставше, начнутъ скакати и плясати, въ долони бити, и пѣсни сатанинскія пѣти». Въ такомъ видѣ справлялись и русаліи. А. Н. Веселовскій остановился съ особеннымъ вниманіемъ на томъ значеніи, какое приняло это слово у насъ на Руси еще съ XI в. Въ Азбуковникѣ прямо переводится: роусаліꙗ = игры скоморошескія. Въ начальной лѣтописи (подъ 1067 годомъ) «роусальи» упоминаются рядомъ съ «скомрахы» и «гоусльми»; у Кирилла Туровскаго онѣ заканчиваютъ перечисленіе: «бѣсовьскꙑꙗ пѣсни, плѧсанье, боубнꙑ, сопѣли, гусли, пискове, играньꙗ неподобнꙑꙗ»; то же въ одномъ посланіи апостола Павла XIII вѣка и въ «Прошеніи апостольскомъ о мукахъ и о грѣсѣхъ и о покояніи и обрѣтеніи милости Господнѧ»; наконецъ въ Словѣ и въ Житіи св. Нифонта послѣ перечисленія различныхъ атрибутовъ народнаго веселья говорится: «и нарекоша игры тѣ русалія»[1]). Изъ приведенныхъ здѣсь мѣстъ слѣдуетъ, что русаліи вслѣдствіе ихъ особенно веселаго характера, слѣдовавшаго по словамъ Стоглава непосредственно за грустнымъ поминаніемъ, стали даже обозначеніемъ вообще народныхъ

1) Веселовскій, Разысканія, VII, стр. 189 и 204—207 и XIV, стр. 278—279.

игрищъ. Что игрища эти носили непремѣнно скоморошій характеръ, предполагать, мнѣ кажется, едва ли необходимо. «Заповѣдь с҃тыхъ ѡ҃ць ко исповѣдающимся с҃номъ и҃ д'щеремъ» сопоставляетъ русалія съ колядами, а Стоглавъ, относя въ вопросѣ 24-омъ русаліи на Ивановъ день, говоритъ: «роусаліи о Іоанновѣ дни и навечерни рожьства Христова и Богоявленія сходятъ ся моужие и жены и дѣвицы на нощное плещевание и на безчинный говоръ и на бесовские пѣсни и на плясание и на скаканіе и на богомерские дѣла»[1]). Это послѣднее извѣстіе несомнѣнно разумѣетъ именно народное гуляніе: пляски и хороводы, имѣющіе мѣсто какъ разъ на Рождественскія святки и также Ивановъ день. Можетъ быть, веселый характеръ русалій достаточно объясняется тѣмъ, что помимо собственно поминанія на Троицкой недѣли имѣютъ мѣсто и убиранье березокъ, и гулянье по цвѣточки, и хороводы. То и другое естественно должно было слиться вмѣстѣ, тѣмъ болѣе что на самихъ поминкахъ, заключавшихся пиршествомъ, дѣло, разумѣется, не могло и помимо всякого обрядового смысла веселія обходиться безъ пѣсенъ и плясокъ.

Однако А. Н. Веселовскій путемъ цѣлаго ряда въ высшей степени интересныхъ сближеній сдѣлалъ болѣе, чѣмъ правдоподобнымъ, что «Русаліи» была особая спеціальная игра военно-маскараднаго склада[2]). На особенностяхъ этой игры я здѣсь уже останавливаться не буду. Мнѣ прійдется еще коснуться ея въ особой связи нѣсколько дальше, когда пойдетъ рѣчь о весеннихъ играхъ и забавахъ.

---

1) Тихонравовъ, Памятники Отреч. лит. II, стр. 320 и Буслаевъ, Христом. 3-ье изд. стр. 242; Веселовскій, Разыск. XIV, стр. 279.

2) Ibid., стр. 262—267 и 271—277.

III.

До сихъ поръ мы видѣли общія предосторожности, принимаемыя для отвращенія всякой напасти и обезпеченія благопріятнаго исхода наступающихъ новыхъ заботъ. Каждый отдѣльный шагъ въ хозяйственной жизни также обставляется обрядовыми дѣйствіями. Англійскаго путешественника начала XIX в., Эллиса, поразила у полинезійцевъ потребность начинать всякое, даже самое простое дѣло съ молитвой или жертвоприношеніемъ [1]); то же самое онъ могъ бы несомнѣнно встрѣтить и на всемъ протяженіи европейскаго фольклора.

Сельско-хозяйственная жизнь открывается весною съ одной стороны облегченіемъ, какое доставляетъ выгонъ стада на пастбища, а съ другой напряженнымъ трудомъ на пашнѣ. Результаты этого послѣдняго скажутся, конечно, не скоро: только въ концѣ лѣта, а то и осенью выяснятся его окончательные результаты. Напротивъ отъ скотоводства въ первобытномъ хозяйствѣ именно весною и получается наибольшая прибыль. Мало того, что не надо уже заботиться о кормѣ для скота, потому что и овцы, и лошади, и рогатый скотъ находятъ уже себѣ съ каждымъ днемъ все больше пищи на выгонахъ, приплодъ въ первобытномъ хозяйствѣ получается почти исключительно весною, и лѣтомъ бываетъ поэтому всего болѣе молока. Вотъ почему весна въ аллегоризмѣ античнаго искусства и олицетворяется юношей, несущимъ на плечахъ ягненка, т. е. «кріофоромъ», сыгравшимъ въ ранней христіанской символикѣ такую важную роль подъ названіемъ «добраго пастыря» [2]).

---

1) Ellis, Polynasian Researches. London, 1829, v. II, p. 216.

2) См. напр. фрески могилы Назонія: Le pitture antiche del sep. de Nasonii da P. Santi Bartoli e G. P. Bellori, Roma, MDCLXXX, tabela XXII e pag. 65. О кріофорѣ вообще см. Veyries, Les fig. cr. dans l'art grec, gréco-romain et l'art chr. Paris, 1884.

Forda ferens bos est......,

(Fasti IV, 631).

говоритъ Овидій о весеннихъ мѣсяцахъ. По отношенію къ скотоводству весенніе праздники поэтому носятъ характеръ Ernte-fest'a. Первый приплодъ приносится въ жертву и отсюда возникаетъ, разумѣется, пиршество. Такое именно значеніе имѣла у древнихъ евреевъ Пасха съ ея жертвеннымъ агнцемъ[1]).

Первый приплодъ, имѣющій наиболѣе устойчивое обрядовое значеніе въ христіанскомъ фольклорѣ, доставляется птицеводствомъ. Пасхальное яйцо, составляющее неизмѣнную принадлежность всѣхъ весеннихъ обрядовъ самаго разнообразнаго примѣненія[2]), представляетъ собою именно жертву первымъ приплодомъ; символическое значеніе, какое ему приписываютъ иногда миѳологи[3]), вѣрнѣе всего вовсе и не приходитъ на умъ огромной массѣ простого люда, благочестиво припасающаго и съ любовью расписывающаго свои крашенки. Совершенно справедливо замѣчаетъ по этому поводу Липпертъ: «Я не могу допустить, чтобы пасхальное яйцо, котораго вовсе не знаетъ древне-христіанскій обычай (s. Augusti Arch. II, 239), было обязано своей распространенностью какой-нибудь символикѣ. Эта распространенность объясняется самымъ положеніемъ вещей: простое хозяйство въ это время года ничего особеннаго и не можетъ предоставить кромѣ яицъ»[4]).

Появленіе первыхъ яицъ отмѣчаетъ цѣлый рядъ южно-французскихъ пословицъ, какъ бы оттѣняя его этимъ самымъ, какъ событіе интересное и важное. Судя по этимъ поговоркамъ, класться начинаютъ куры на святую Анну (3 февр.), на св. Агату

---

1) Ewald, Die Alterthümer des Volkes Israel 2-te Ausg. ss. 397 и 400.

2) О пасхальныхъ яйцахъ см. Brand-Ellis, Pop. antiqu. I, p. 167—177; Jahn, Gerstsche Opferbr. ss. 78—81, 112, 128, 138, 158 и 271; Калинскій, Нар. Кал. *З. И. Р. Г. О.* V, стр. 460—462.

3) Szulc, Myth. slav. str. 88.

4) Lippert, Christenth. p. 602.

(5 февр.) или св. Матвѣя (24 февр.)[1]). Въ сѣверной Европѣ въ первобытномъ хозяйствѣ куры несутся, конечно, нѣсколько позже: какъ разъ къ Пасхѣ. На Пасху подарокъ яйцами хору поздравителей, принесшему въ домъ весеннюю радость, поэтому болѣе чѣмъ естественъ. Отсюда яйцо и преимущественно крашенка, какъ излюбленный подарокъ, переходитъ и дальше во второй циклъ весеннихъ праздниковъ.

Чествованіе перваго приплода отъ домашнихъ животныхъ до сихъ поръ сохранилось въ славянскомъ фольклорѣ. Въ Сербіи и Болгаріи существуетъ обычай, по которому до вешняго Егорья баранины не ѣдятъ, а на этотъ праздникъ непремѣнно колятъ ягненка. Ягненокъ этотъ считается священнымъ; на рогахъ у него зажигаются свѣчи, и его водятъ, раньше чѣмъ зарѣзать, къ церкви, гдѣ онъ получаетъ благословеніе священника. Священникъ получаетъ за это шкурку, а ягненокъ приготовленный особымъ образомъ съѣдается на торжественной семейной трапезѣ[2]). Благословеніе кушанья есть явленіе обычное въ народномъ обиходѣ, и очень часто оно вызывается самимъ духовенствомъ; придавать особое значеніе религіозному характеру вкушенія ягненка поэтому, можетъ быть, и неслѣдовало бы, однако повидимому «колоніе курбана» на Юрьевъ день дѣйствительно до сихъ поръ народъ считаетъ дѣломъ религіознымъ и именно *жертвоприношеніемъ*. По сообщенію Каравелова, хозяинъ дома раньше чѣмъ зарѣзать ягненка, произноситъ: «св. Герги на ти ягне!», и при этомъ бабы ходятъ кругомъ и обмазываютъ медомъ ротъ барашка[3]).

Что описаніе Каравелова не имѣетъ ничего преувеличеннаго, видно изъ одной проповѣди начала этого вѣка, написанной не то по — сербски, не то по — болгарски нѣкіимъ игумномъ Краль-

---

1) Lespy, Dict. et prov. de Bern. p. 172—173.

2) Караџић, Жив. и об. стр. 28 и Рјечник см. «Ђурђев дан»; Милојевић, П. и Об. стр. 165—170; Чолоковъ, Сб. за нар. умотв. стр. 56.

3) Каравеловъ, Пам. стр. 211—212.

Марковаго Монастыря Пейчиновичемъ[1]). Мы узнаемъ отсюда, что народъ считалъ «колотье курбановъ» дѣломъ прямо входящимъ въ общій ритуалъ православной церкви. Производилось оно у церкви въ присутствіи попа, и народъ приговаривалъ при этомъ: «курбанъ го праћамо Богу». О. Пейчиновичъ поэтому старается объяснить, что подобное дѣяніе языческое, и говоритъ это въ такихъ выраженіяхъ, какъ будто обращается скорѣе къ священникамъ, допускающимъ эти жертвы, чѣмъ къ мірянамъ. Курбанъ по сообщенію Пейчиновича колется не на св. Георгія, а на св. Аѳанасія (2 мая). Это совершенно необычное пріуроченіе разбираемаго обычая однако не можетъ, конечно, имѣть вліяніе на его толкованіе. Можетъ быть мы имѣемъ дѣло и съ какимъ-нибудь чисто мѣстнымъ колебаніемъ въ соблюденіи обряда.

О жертвоприношеніи на св. Георгія у литовскихъ племенъ любопытное извѣстіе заключается въ соч. Менеція (XVI в.): «Въ день св. Георгія они (Пруссы, Литва, Жмудь и проч.) имѣютъ обыкновеніе приносить жертву Пергрубіусу, котораго признаютъ богомъ цвѣтовъ и растеній. Жертвоприношеніе происходитъ слѣдующимъ образомъ: жрецъ (sacrificulus), называемый вуршкайтомъ, держитъ въ правой рукѣ чашу, наполненную пивомъ, и призывая бога поетъ хвалу его: «ты (Пергрубій) — возглашаетъ онъ, прогоняешь зиму, ты возвращаешь прелесть весны, ты зеленишь поля и сады, покрываешь листвою рощи и лѣса»[2]). Тотъ же праздникъ описываетъ и Стрыйковскій; по его версіи молитва звучитъ такъ: «О всемогущій боже, нашъ Пергрубій! ты прогоняешь непріятную зиму и размножаешь растенія, цвѣты и травы: мы просимъ тебя, умножай хлѣбъ

1) Книга сіѧ зовомаѧ Ѡгледало ѡпи́сасѧ...... Ігуменомъ Краљ Марковаго Монастырѧ и́же....... Тетоецъ Пе́йчиновићь....... Въ Будинѣ градѣ и т. д. 1816. Сообщено г. Новаковичемъ въ *Arch. f. sl. ph.* XII, s. 303—307.

2) Фаминцынъ, Бож. древнихъ слав., стр. 115.

нашъ насѣянный и который мы еще будемъ сѣять, чтобы онъ росъ колосисто, а весь куколь вытопчи»[1]).

Здѣсь о закланіи ягненка или другого молодого животнаго ничего не говорится, но при этомъ чисто весеннее значеніе этого жертвоприношенія или пира выступаетъ вполнѣ выпукло. Что касается молитвы богу Пергрубію, то въ XVI в. она, конечно, представляется скорѣе сомнительной; вѣрнѣе всего, ее надо понимать, какъ пѣсню-молитву полухристіанскаго склада; такъ какъ дѣло идетъ о Юрьевѣ днѣ, то и молитва вѣроятно обращалась къ этому святому или хотя бы подразумѣвала его. Во всякомъ случаѣ схожая пѣсня-молитва христіанскаго склада поется у бѣлоруссовъ до сихъ поръ; въ ней заключаются и намеки на жертвоприношеніе, выраженные правда въ нѣсколько шуточной формѣ:

На Свято́го Юрья
Была баба ду́рнемъ.
Напякла нерапіечъ
Поўнюсеньку пьечъ;
Да навыбирала
Дво́и ночовокъ,
Часто сито.
Родзи Боже жито
Чисто ядронисто,
На колосъ колосисто,
Ядро зъ ведро,
Колосокъ зъ пирожокъ;
Да зъ колосо́чка
Будзіе зъ поўосьми́нки.
Да судзи, Боже, ихъ поживаци
И Юрья ўспоминаци[2]).

---

1) Ibid., стр. 116; Stryikowski, Kron. Pols. I, iv, 148.
2) Ш. Мюзкр. I,1, стр. 171, № 159.

Такой же полухристіанскій характеръ носятъ и латышскія пѣсни объ Усинѣ, на которыхъ прійдется остановиться подольше. Онѣ поются также на весенній праздникъ св. Георгія. Въ этотъ день латыши посылаютъ первый разъ лошадей въ ночное, и молодежь по этому поводу устраиваетъ въ полѣ пирушку, состоящую изъ пива, мяса и яицъ [1]). Слова пѣсенъ прямо говорятъ о жертвоприношеніи Усиню:

Я зарѣзалъ Усиню пѣтуха
Съ девятью хохлами,
Чтобы росла рожь, росъ ячмень,
Чтобы круглы были лошадки [2])

или

Сегодня вечеромъ, сегодня вечеромъ
Поѣдемте, братцы, въ ночное;
Принесемте Усиню въ жертву
Сотню яицъ [3]).

Вольтеръ сообщаетъ, что не такъ давно эту жертву Усиню даже клали отдѣльно отъ пирушки на особыхъ пняхъ [4]).

Обыкновенно на основаніи существованія жертвы Усиню его представляли себѣ такимъ же древнимъ богомъ, какъ и Перргрубія. Усинь считается богомъ солнца, покровителемъ земледѣлія и скотоводства. Только въ христіанскую пору слился съ нимъ св. Георгій, въ праздникъ котораго его чествуютъ. На такой выводъ наводитъ еще и бросающееся въ глаза сходство слова Усинь съ нашимъ русскимъ зимнимъ Авсенемъ [5]). Толко-

---

1) Объ этомъ см. Auning, Was ist Uhssing? *Magaz. der lettliter. Geselsch. zu Mitau*, XVI, s. 5 — 42; Фаминцынъ, Бож. др. слав., стр. 248 — 253; Вольтеръ, Мат. по этн. лат. пл. *З. И. Р. Г. О.* XV, стр. 7—16 и 19—42.

2) Auning, l. c. № 29; Фаминцынъ, l. c. стр. 251.

3) Auning, l. c. № 34; Фаминцынъ, l. c.

4) Вольтеръ, l. c. стр. 32.

5) Фаминцынъ, l. c. стр. 252.

ваніе Усеня, какъ языческаго бога, восходитъ еще къ XVII в. Іезуиты называли Усиня: «equorum deus» и говорили про пирушки въ честь его: «deo equorum quem vocant Dewing, Usching, offerunt singuli duos solidos et duos panes et frustrum pinguedinis, quod in ignem conjiciunt»[1]).

Мнѣ кажется однако, что достаточно внимательно прочесть пѣсни объ Усинѣ, чтобы разъ навсегда оставить подобныя воззрѣнія. Мнѣ хотѣлось бы подчеркнуть его чисто обрядовое значеніе. Смыслъ Усиня всего лучше выяснится именно по аналогіи съ приведеннымъ только что южно-славянскимъ жертвоприношеніемъ или пиршествомъ въ честь св. Георгія. Особенно если поставить пѣсни о немъ въ параллель съ замѣчаніями волочобныхъ пѣсенъ о св. Георгіи и Николаѣ, нельзя не прійти къ заключенію, что Усинь есть чисто обрядовая фигура и, какъ большинство изъ нихъ, ничто иное, какъ олицетвореніе праздника: дѣйствительно, Усинь въ пѣсняхъ дѣлаетъ тоже самое, что каждый «праздничекъ»: онъ либо приноситъ съ собою извѣстное благо и доставляетъ хозяину ту идеальную выгоду, которую онъ ждетъ себѣ съ наступленіемъ даннаго праздника, либо самъ совершаетъ обрядовое дѣйствіе, назначенное на этотъ день. Чисто календарное значеніе имѣютъ напр. такія пѣсенки, какъ слѣд.:

Усинь идетъ, Усинь идетъ
Мартинъ идетъ, еще лучшій:
Усинь приноситъ лугъ полный травы,
Мартинъ—закромъ полный ржи[2]).

Какъ податель блага, Усинь изображается въ пѣсняхъ, въ которыхъ о немъ поется:

---

1) Прив. у Вольтера, l. c. стр. 22.
2) Auning, l. c. № 3; Фам. стр. 249.

Усинь сидитъ у забора,
Ожидая, что его позовутъ въ домъ:
«Взойди, Усинь, въ домъ,
Садись за столъ на первое мѣсто![1])

или

Прійди, Усинь, прійди, Усинь,
Долго тебя ожидали:
Кони ждутъ зеленой травы,
Парни веселыхъ пѣсенъ[2]).

Обрядовое дѣйствіе, совершаемое въ пѣсняхъ Усинемъ, есть, конечно, то самое, которое полагается у латышей на св. Георгія, когда и поется пѣсня:

Спѣшите, стремитесь на ночлегъ!
Юсень уже ѣдетъ на ночлегъ,
Пять яицъ за пазухой,
Въ бутылочкѣ поплескиваетъ,
Три стаканчика въ горлѣ,
По ложечкѣ въ карманѣ[3]).

Все это совершенно въ стилѣ волочобныхъ пѣсенъ: и тамъ поется о посѣщеніи Богомъ и святыми «праздничками» двора хозяина, объ участіи праздниковъ въ его розговѣнахъ. Какъ въ волочобной пѣснѣ святые работаютъ въ полѣ, такъ поступаетъ и Усинь.

Усинь имѣетъ двухъ сыновей
Съ красными головами:
Одного онъ посылаетъ въ ночное,
Другого съ плугомъ въ поле[4]).

1) Auning, № 1.
2) Ibid., № 15.
3) Вольтеръ, стр. 8, № 4; ср. №№ 1, 2 и 12—15, гдѣ вмѣсто Усиня говорится о куликѣ, фигурѣ обычной въ весенней обрядовой поэзіи.
4) Auning, № 41, ср. 42.

Появленіе сыновей Усиня насъ, конечно, удивить не можетъ: это обычное въ пѣсенномъ стилѣ усугубленіе образовъ; пѣсни поютъ и о матери св. Георгія, и о дочеряхъ Купалочки и весны.

Дальнѣйшій шагъ въ пониманіи Усиня позволитъ сдѣлать пѣсня, изображающая его внѣшность. Когда она говоритъ:

Сюда прибылъ броненосецъ верхомъ
На каменнообразномъ конѣ:
Принесъ деревьямъ листья,
А землицѣ зеленую траву [1]),

она сознательно изображаетъ его въ томже рыцарскомъ, воинскомъ облаченьи, въ какомъ на иконахъ изображенъ св. Георгій. Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ вмѣсто Усиня даже прямо и называется св. Георгій:

Скорѣй, скорѣй на ночлегъ
На самый край болота!
На ночлегъ къ тому болоту!
Ахъ, заступись за меня святой Юрій!
Пусть святой Юрій пасетъ лошадей
И въ годъ выкормитъ ихъ круглыми [2]).

Усинь такимъ образомъ есть латышское названіе для св. Георгія, а вовсе не имя древняго языческаго бога, «атрибуты котораго перешли на св. Георгія». Можетъ быть, когда филологи наконецъ установятъ болѣе или менѣе достовѣрную этимологію этого загадочнаго слова, оно окажется притяжательнымъ, могущимъ служить эпитетомъ св. Георгію; на это наводятъ многочисленныя *nomena locorum* въ Россіи и Литвѣ, происходящія отъ на-

---

1) Трейландъ-Бривземніанъ, Мат. по этн. лат. пл. въ Сборн. антроп. и этн. статей Дашкова. Москва, 1873, кн. II, стр. 52, № 190.

2) Вольтеръ, l. c. стр. 17, № 33.

званія Усинь, Ушинь, Юсень[1]), и еще болѣе правдоподобнымъ дѣлаетъ это предположеніе та связь, въ которой это слово встрѣчается въ изборникѣ Святослава: «'Ахатис, акы іꙗсинь іесть»[2]). Въ видѣ опредѣленія драгоцѣннаго камня это слово не можетъ имѣть другого значенія, какъ чего то въ родѣ: свѣтлый, блестящій, и тутъ невольно вспоминается эпитетъ св. Георгія «свѣтлохрабрый» и описаніе его, соотвѣтствующее его изображенію на иконахъ:

По колѣно ноги въ чистомъ серебрѣ,
По локоть руки въ красномъ золотѣ,
Голова его вся жемчужная[3]).

Тотъ путь, по которому мнѣ кажется всего правдоподобнѣе искать отвѣта на поставленный Аунингомъ вопросъ: что такое Усинь? вовсе не преграждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что Авсень — русская форма для латышскаго Усиня. Авсень еще въ XVII в. упоминается, какъ фигура относящаяся къ зимней обрядности[4]), вѣдь мы уже такъ часто видѣли аналогіи между зимнимъ и весеннимъ обрядовыми циклами, мнѣ уже не разъ пришлось указывать на чисто весенніе элементы, распространенные въ зимнія святки. Если Ушинь есть эпитетъ св. Георгія у латышей, у русскихъ Авсень могъ быть наименованіемъ другого такого же свѣтлаго и радостнаго обрядового представленія.

Жертвоприношеніе или пиршество въ честь Пергрубія и Усиня, alias св. Георгія, оба не представляютъ собой такой типичной жертвы первымъ приплодомъ, какъ сербское и болгарское вкушеніе ягненка. Поставить его рядомъ съ южно-славянскимъ

---

1) Ibid., стр. 32 и Фаминцынъ, стр. 233.
2) Приведено у Фаминцына, стр. 252.
3) Изображеніе св. Георгія въ духовныхъ стихахъ см. у Кирпичникова Св. Г. и Егорій Храбрый, стр. 158.
4) Потебня, О миѳ. значеньи, стр. 21.

обычаемъ, а не съ другими жертвами общаго хозяйственнаго значенія, о которыхъ рѣчь впереди, меня заставила необходимость свести вмѣстѣ всѣ извѣстные случаи жертвы, относящейся къ скотоводству. Чтобы вновь встрѣтиться съ наглядным обрядомъ вкушенія перваго приплода, надо обратиться въ другую страну, далеко отстоящую отъ литовско-латышскаго племени.

Закланіе животной жертвы св. Георгію правда не только въ его весенній праздникъ, но также на Пасху и еще гораздо позже, осенью, широко распространено на Кавказѣ. «Георгія чествуютъ 23-го апрѣля (Мингрельцы, Сванеты и Осетины), въ первый день Пасхи (Абхазы), 14 (въ Ацхури, въ Кахетіи) и 22 августа (въ Карталиніи), 21 октября (въ Мингреліи), 10 ноября у ингилойцевъ, Сванетовъ и Осетинъ», говоритъ А. Н. Веселовскій[1]). Разнообразіе въ пріуроченіи этихъ кавказскихъ празднествъ происходитъ отъ того, что здѣсь они связаны съ храмовыми праздниками, а Кавказъ весь усѣянъ церквами въ честь св. Георгія[2]). Къ этимъ извѣстіямъ можно прибавить и еще одно, относящееся къ южной части Малой Азіи и свидѣтельствующее самымъ краснорѣчивымъ образомъ о глубокой древности разбираемаго обычая. Въ такъ называемомъ «Иномъ житіи св. Николая», древне-русскій переводъ котораго относится къ XI в., разсказывается между прочимъ, какъ самъ миръ-ликійскій чудотворецъ закалывалъ быковъ на жертвенникахъ св. Георгія[3]).

Въ житіи св. Николая къ сожалѣнію ничего не говорится о томъ, когда происходило это жертвоприношеніе. На его весеннемъ значеніи нельзя поэтому настаивать совершенно также, какъ не позволяютъ на этомъ настаивать и извѣстія о кавказскихъ празднествахъ въ честь св. Георгія. А. Н. Веселовскій,

---

1) Раз. въ обл. дух. стиха, II, стр. 66.

2) Ibid., стр. 59—65.

3) Иное житіе св. Николая изд. г. А. А. *Труды Кіевской Дух. Акад.* 1869, іюнь, стр. 478; см. также мою работу Микола Угодникъ и св. Николай, стр. 6.

разсматривавшій эти обряды въ совершенно другой связи, исходя изъ легенды о Георгіи, какъ о змѣеборцѣ и спасителѣ пропавшаго скота, поэтому замѣчаетъ вполнѣ справедливо, что «аналогіи грузинскихъ и славяно-греческихъ обрядовъ при различіи ихъ календарнаго пріуроченія заставятъ отнестись осторожно къ попыткамъ извлечь изъ нихъ народно-миѳологическое содержаніе, истолковавъ ихъ, какъ обряды весенніе». Въ этихъ обрядахъ, конечно, содержатся «общія мѣста культа, жертвоприношенія и тому подобныя, повторяющіяся въ сходныхъ чертахъ, при разнаго рода праздиествахъ»[1]).

Мнѣ кажется однако, что если жертвоприношеніе св. Георгію весною въ Греціи, у южныхъ словянъ, у латышей (Пергрубій и Усинь) и на Кавказѣ (у Сванетовъ, Осетинъ и Абхазцевъ) все-таки засвидѣтельствовано самымъ категорическимъ образомъ, этой весенней жертвѣ можетъ быть придано совершенно самостоятельное значеніе. Весеннее закланіе жертвы и весеннее пиршество въ связи съ скотоводствомъ должно имѣть самостоятельный смыслъ, совершенно независимо отъ того, производится ли нѣчто подобное въ какое-нибудь другое время года, во время праздника какого-нибудь другого типа. И вотъ это то весеннее жертвоприношеніе св. Георгію на основаніи данныхъ греко-славянской обрядности, мнѣ кажется, вполнѣ законнымъ признать именно вкушеніемъ отъ перваго приплода. Дальше по мѣрѣ того, какъ развертывается хозяйственный народный календарь, для принесенія жертвъ и для пиршествъ найдется немало другихъ основаній и поводовъ, но на этотъ разъ, при наступленіи весны и при выходѣ стада впервые на свѣжія пастбища, оно производится именно по указанной мною причинѣ.

Весеннее празднество вкушенія отъ перваго приплода, зависящее отъ особенностей первобытнаго хозяйства, съ точки зрѣ-

---

1) Раз. въ обл. дух. стиха, II, стр. 157.

нія психологіи весенней обрядности, какъ уже было указано, стоитъ все-таки нѣсколько обособленно среди другихъ весеннихъ обрядовъ. Психологически оно ближе къ Ernte-feste, къ гораздо болѣе позднему моменту народнаго календаря. Въ немъ нѣтъ и помину того тревожнаго ожиданія, той надежды, которыми проникнута вся весенняя обрядность. Эту черту мы встрѣтимъ вновь, когда перейдемъ къ другой группѣ обрядовъ связанныхъ съ скотоводствомъ и производимыхъ на греко-славянскомъ востокѣ на тотъ же день св. Георгія.

При разборѣ пѣсенъ объ Усинѣ мы уже отчасти подошли къ этому типу весеннихъ обрядовъ. Пѣсни эти относятся къ первой поѣздкѣ въ ночное, т. е. къ первому выгону лошадей на подножный кормъ. На тотъ же день св. Георгія справляется торжественный выгонъ скота на пастбище на всемъ греко-славянскомъ востокѣ[1]). Скотъ посылается послѣ долгаго содержанія на дворѣ на «Юрьеву росу». Вслѣдъ за Юрьевымъ днемъ такое же значеніе имѣетъ и Николинъ день (9 мая), при чемъ въ Россіи этотъ послѣдній праздникъ посвящается выгону лошадей. Заботливый русскій хозяинъ пускаетъ на траву лошадей позже, чѣмъ рогатый скотъ и овецъ. Онъ ожидаетъ, чтобы побольше наросло корму. Силы лошади ему слишкомъ дороги. Съ такимъ постепеннымъ и сложнымъ распредѣленіемъ выпаса связаны и народныя поговорки и пословицы; схоже говорятъ и пѣсенныя сентенціи, вошедшія въ большомъ количествѣ въ волочобныя пѣсни: «Выгоняй скотъ на Юрьеву росу», «Юрьева роса, не треба коніомъ аўса», «какъ Егорьевъ день въ исходѣ, пускай коня на волѣ: какъ Егорьевъ день въ молоду, держи коня въ поводу», «Егорій съ тепломъ, а Никола съ кормомъ»,

---

1) Сахаровъ, Сказ. II, стр. 52; Снегиревъ, Прост. р. пр. III, стр. 75; Терещенко, Бытъ, VI, стр. 28 и 32; Калинскій, Ц. н. р. кал. *З. И. Р. Г. О.* VII, стр. 389; Ш. Мюзкр. I,1, стр. 165 — 171; *Гл. З. М.* VI, стр. 375; Шапкаревъ, Сб. за нар. умотв. III, стр. 170; Řehoř, Kal. z. nar. ž. str. 363; Pajek, Črt. str. 63.

«догодуй скотину до Юрья, та и вилы закинь», и т. д.[1]). Въ волочобныхъ пѣсняхъ бѣлоруссы поютъ:

Юрья, Юрья,
Божа мой,
Подай клю́чи,
Зямлю одмыка́ть,
Бычка напасать!
На Юрьеву росу
Бычка напасу:
«Бычокъ третьячокъ,
Ци по́венъ бочокъ?»
— Яще ня по́венъ,
— Зъ лѣвымъ ня ровенъ[2]).

Св. Юрій здѣсь и самъ заявляетъ о своихъ скотоводческихъ заботахъ; онъ говоритъ:

Я короў пасциў и запасаў,
Я запасциўши, домой пригоню.
Домоў пригоню, ў хлѣў загоню[3]),

а св. Никола, когда пришелъ его чередъ похвастаться, заявляетъ, что то же, что Егорій сдѣлалъ для коровъ, онъ сдѣлаетъ для «коній».

На Западѣ, начиная съ Чехіи, хотя Юрьевъ день въ своемъ скотоводческомъ значеніи и не забытъ вполнѣ[4]), и въ этотъ день кое-гдѣ справляются нѣкоторыя пастушескія празднества, основнымъ днемъ, когда надо выпустить скотъ въ поле, считается

1) Сахаровъ, Сказ. II, стр. 51—52; Кирпичниковъ, св. Георгій и Егорій Храбрый, стр. 141—142.

2) Б. Бп., стр. 23, № 34.

3) Ш. Бп., стр. 369.

4) Ср. напр. Panzer, Bayer. S. II,1, s. 77; Zingerle, S. Br. u. Meinungen d. Tiroler v. 2-te Ausg. s. 144 и Mannh. W. u. Fk. I, s. 404, собр. у Кирпичникова, l. c. стр. 141.

либо Духовъ день, либо 1-ое мая. При этомъ центральной личностью естественно оказывается пастухъ; ему даютъ подарки и угощаютъ на мірской счетъ [1]). Самое старое указаніе на подобный настушескій праздникъ часто видятъ въ извѣстномъ разсказѣ Титмара (1017 г.). По его словамъ, въ окрестностяхъ Мерзебурга пастухъ ходилъ изъ дома въ домъ и носилъ при себѣ палку, на верху которой была выдѣлана рука, держащая желѣзное кольцо. Войдя въ домъ, пастухъ говорилъ: «vigila, Hennil, vigila!» [2]). Названіе Генниль обыкновенно понимается, какъ имя бога, но и г. Фаминцынъ, вполнѣ принимающій это мнѣніе, всетаки видитъ, что славянскую этимологію этого страннаго названія надо искать въ словахъ: гнать, чешс. honiti, польск. gonić, сербск. гонити и т. д. [3]). Подобная этимологія, мнѣ кажется, указываетъ на чисто обрядовое значеніе этого слова, вѣроятно далеко не точно переданнаго лѣтописцемъ. Я привожу это знаменитое извѣстіе, не придавая ему впрочемъ особаго значенія, потому что упоминаемый здѣсь обрядъ не отнесенъ ни къ какому моменту народнаго календаря [4]).

Если въ этотъ важный для скотоводства день героемъ торжества оказывается пастухъ, то именно на его личность направлены нѣкоторые обычаи, имѣющіе въ виду закрѣпить за сда-

---

1) Erben, Prost. č. p. a. ž. I, str. 72—74; Bartsch S., S. и G. aus Mecklenburg, II, s. 267—273; Birlinger, Aus Schvaben, II, s. 94—98; Pröhle, Harzbilder, s. 66; Grimm, D. M. a. n. s. 787; Erk-Böhme, D. Lh. III, s. 145—146; Cortet, Essai sur les fêtes rel. p. 160.

2) Tietmar, Chron. VII 50, прив. у Кирпичникова, св. Георгій, стр. 154—155 и у Фаминцына, Бож. др. сл. стр. 20 и 190; извѣстію Куна, Märk. S. s. 330 я не придаю никакой вѣры: слова Hennil waehe едва ли подслышаны отъ народа; это прямое повтореніе Титмара.

3) Фаминцынъ, l. c. стр. 190. Другую этимологію предлагаетъ Либрехтъ (Zur Volksk. s. 403); въ «Hennil vigila» онъ видитъ венгерское «haynal vagyan» (= aurora est); въ такомъ пониманіи извѣстіе изъ Титмара есть не болѣе какъ утренній возгласъ пастуха, выгоняющаго скотъ. Слова «Mars vigila» Serv. Aen. 8,3, едва ли можно сближать съ даннымъ обрядомъ.

4) Проф. Кирпичниковъ указалъ въ этомъ отношеніи ошибки Ефименка и Костомарова: см. Св. Г. и Егорій Храбрый, стр. 154, прим. [2]).

ваемымъ на его попеченіе стадомъ извѣстныя преимущества. Для обилія въ подножномъ кормѣ необходимо еще болѣе влаги, чѣмъ тепла, и вотъ первобытный хозяинъ, заклинавшій влагу, какъ мы это уже видѣли во время различныхъ весеннихъ праздниковъ, производитъ тоже самое и при первомъ выгонѣ стада въ поле. Пріемы онъ употребляетъ обычные; только лицомъ, которое на этотъ разъ должно быть объектомъ обрядового дѣйствія, оказывается пастухъ. Водой обливаютъ пастуха у русскихъ, у эстовъ и у латышей[1]). Въ настоящее время это обливаніе народъ сталъ объяснять иначе; говорятъ, что этимъ возбуждаютъ вниманіе пастуха, пусть онъ не будетъ спать; но это объясненіе только post factum; оно невольно напросилось, когда смыслъ обряда былъ забытъ.

Первое мѣсто среди обрядовыхъ дѣйствій, которыми обставляется первый выгонъ, занимаютъ однако не эти забавы съ пастухомъ. Оно принадлежитъ опять-таки очищеніямъ. Кромѣ подробно разсмотрѣннаго нами общаго очищенія хозяйства отъ всякой скверны, посылаемый на пастбище скотъ подвергается еще въ свою очередь спеціальному очищенію. При этомъ чаще всего прибѣгаютъ къ магическому обходу; этимъ стадо предполагается обезпеченнымъ отъ всякаго тлетворнаго посторонняго вліянія. Самыя подробныя свѣдѣнія объ магическомъ обходѣ относятся къ Бѣлоруссіи и Литвѣ. Въ Ново-Александровскомъ уѣздѣ (Ков. губ.) «скотъ выпускается предварительно на скотный дворъ, потомъ хозяинъ беретъ обыкновенную тарелку, покрываетъ ее салфеткою или полотенцемъ, прилѣпляетъ къ ея краямъ въ видѣ трикирія свѣчи, кладетъ на тарелку образа, пару яицъ и, держа въ рукахъ все это, отправляется по скотному двору, кругомъ «своей живоцинки». За хозяиномъ вслѣдъ шествуетъ хозяйка, держа въ одной рукѣ горшокъ съ горящими угольями, а въ другой передникъ, наполненный свентоянской и

1) *Этн. Сборникъ*, II, стр. 52; Вольтеръ, Мат. по Этн. лат. пл. *З. И. Р. Г. О.* XV, стр. 5; Wiedemann, Aus d. inn. und aus Leben der Esten, s. 359.

евангельской травой. Ими она окуриваетъ весь наличный, тутъ собранный скотъ; за хозяйкою идетъ пастухъ со сбереженною отъ вербной недѣли вербою, ударяя ею по возможности каждое животное; такимъ образомъ они обходятъ три раза вокругъ собранной скотины»[1]). Подобный обходъ, производимый и въ разныхъ мѣстностяхъ Великороссіи, въ настоящемъ быту понимается, какъ чисто пастушеское заклинаніе стада, чтобы оно не разбрелось и держалось вмѣстѣ[2]). Такое пониманіе этого обряда видно напр. изъ того, что латышскій пастухъ, обнося кругомъ стада камень, бросаетъ его въ середину, какъ бы объединяя этимъ знакомъ всю скотину въ одно цѣлое[3]). У эстовъ то же самое знаменуется тѣмъ, что пастухъ до совершенія обхода втыкаетъ свою палку въ землю, надѣваетъ на нее свою шапку, трижды читаетъ: «Отче нашъ», и только потомъ, собравши стадо вокругъ палки, онъ трижды обходитъ его[4]).

Эти послѣдніе пріемы однако не должны отвлекать нашего вниманія: въ основѣ обряда лежитъ все-таки очищеніе. Оно выступаетъ совершенно отчетливо, когда кромѣ обхода вокругъ стада практикуется еще обходъ и вокругъ каждой отдѣльной скотины[5]). Очищеніе имѣютъ также въ виду внѣ всякаго сомнѣнія бѣлоруссы, когда обхожденіе вокругъ всего стада у нихъ заканчивается слѣдующей дополнительной сценой: обойдя три раза кругомъ стада, «останавливаются на томъ мѣстѣ, изъ котораго вышли». «Стадникъ», смотря на стадо, говоритъ: «спаси, Господзи, наша стаэда и ўсякую стачининку отъ усякыга гада бѣгу-

1) Ш. Мюзкр. I,1, стр. 166; ср. стр. 169; тоже въ Лужскомъ уѣздѣ *З. И. Р. Г. О.* IV, стр. 275 и въ Смоленск. губ. *Этн. Сб.* I, стр. 167; эти два послѣднихъ извѣстія прив. у проф. Кирпичникова, Св. Георгій и Егорій Храбрый, стр. 134.

2) См. статью Барсова въ *Тр. Этн. Общ.* III, кн. 1, стр. 113 и тоже въ *Смоленскомъ Вѣстникѣ*, 1896, № 97, стр. 3.

3) Вольтеръ, М. по Этн. лат. пл. *З. И. Р. Г. О.* XV, стр. 5.

4) Wiedemann, Aus dem inn. und auss. Leben der Esten, s. 358.

5) Вольтеръ, Мат. Этн. лат. пл. *З. И. Р. Г. О.* XV, стр. 23 и 24; Фаминцынъ, Бож. др. сл., стр. 248; *Смол. Вѣстн.* 1896, № 97, статья Селезнева.

чаго и отъ звѣря лихóго»! Затѣмъ «стадникъ» и всѣ пастухи оборачиваются затылкомъ къ стаду, а лицомъ въ открытое поле, и «стадникъ», доканчивая свою рѣчь, говоритъ: «а-ту яго!» Всѣ пастухи кричатъ: «а-ту яго!» Шедшій впереди пастушекъ съ кнутомъ звонко хлопаетъ имъ въ воздухѣ. Стадникъ продолжаетъ: «соль жну въ вочи!» и пастушекъ бросаетъ изъ горсти соль въ открытое поле. «Гылывня жнý у зубы!» и пастушекъ бросаетъ въ ту же сторону горящую головню. Послѣ этого всѣ пастухи опускаются на землю и обѣдаютъ [1]). Тутъ ясно видно, что обходъ долженъ образовать магическій кругъ, отъ котораго отгоняется всякая напасть.

Совершенно тождественную цѣль преслѣдуетъ и практикующійся въ Великороссіи обходъ самой ухожей. При этомъ по сообщенію Сахарова поется и пѣсенка, гдѣ впрочемъ вмѣсто мистической скверны говорится о болѣе реальномъ врагѣ: волкѣ или вообще «звѣрѣ лукавомъ» [2]).

Очищенія обходомъ имѣютъ по преимуществу характеръ предосторожности: ими хозяева хотятъ достигнуть того, чтобы къ скотинѣ не пристала никакая скверна; но надо еще удостовѣриться въ томъ, что сама скотина уже не испорчена, надо очистить ее самое отъ всякой заразы. Для этого мало еще обхода; у первобытнаго человѣка для этого есть другія средства. Самое простое изъ нихъ состоитъ въ томъ, чтобы перегнать стадо черезъ такой предметъ, который этой предполагаемой скверны не пропуститъ. При этомъ возможно одно изъ двухъ: либо предметъ этотъ настолько святъ, что скверна на немъ остановится и не будетъ имѣть возможности слѣдовать далѣе за скотомъ, либо самъ данный предметъ можетъ принять въ себя всю пакость и стадо изъ соприкосновенія съ нимъ выйдетъ совершенно чистымъ и непорочнымъ.

---

1) Ш. Бп., стр. 408.

2) Терещенко, Бытъ, IV, стр. 31—38; Сахаровъ, Сказ. II, стр. 58; Аѳанасьевъ, Поэт. Возвр. I, стр. 706; ср. еще пѣсню Безсоновъ, Кал. Пер. вып. 6-ой, № 543.

Ко второму типу очищеній относятся латышскій и литовскій обряды обнесенія пѣтуха[1]). Мы уже видѣли, что черный пѣтухъ по народному представленію способенъ принять въ себя изгоняемое зло, и это послѣднее выносится изъ села въ тѣлѣ пѣтуха. Въ примѣненіи этого способа къ очищенію скота съ пѣтухомъ поступаютъ въ Бѣлоруссіи совершенно также, какъ и при общемъ очищеніи всего хозяйства или всего села.

Стремленіе отдѣлаться отъ предполагаемаго зла, заставивъ его войти въ какое-нибудь постороннее тѣло, видно еще болѣе наглядно изъ другого обряда, практикуемаго при выгонѣ скота. То тамъ то сямъ отъ Великобританіи до нашихъ инородцевъ этотъ способъ бытуетъ до сихъ поръ[2]), а самое старое упоминаніе его, относящееся къ югу Франціи, восходитъ еще къ знаменитой проповѣди св. Елигія[3]). Заключается онъ въ томъ, что скотъ прогоняется сквозь спеціально построенныя для этого земляныя ворота вродѣ тунели. Стадо такимъ образомъ какъ бы проходитъ сквозь землю, и земля должна принять все, что есть въ скотѣ порчи и заразы.

Изъ способовъ очищенія, имѣющихъ въ виду воспользоваться такой силой, передъ которой не можетъ устоять никакое зло, первое мѣсто принадлежитъ огню. Когда рѣчь шла объ общемъ очищеніи, мы уже видѣли, какое значеніе придаетъ ему народно-обрядовое сознаніе. Мордвины, устраивая тунель, черезъ которую прогоняется стадо, разводятъ еще въ ней костеръ, такъ что скотина идетъ въ облакахъ дыма[4]). Въ Череповецкомъ уѣздѣ

---

1) Вольтеръ, М. Этн. лат. пл. *З. И. Р. Г. О.* XV, стр. 23 и 24; ср. Фаминцынъ, Бож. др. сл. стр. 248; г. Фаминцынъ напрасно считаетъ этого пѣтуха жертвеннымъ.

2) Барсовъ, Юрьевъ день, *Т. Э. Ѳ.* III, кн. 1, стр. 114; Смирновъ, Мордва, *И. О. А. И. и Этн. при Каз. Ун.* XII, стр. 316 и Кайюнъ-Наспровъ, Пов. и оф. каз. татаръ, *З. И. Р. Г. О.* VI, стр. 294; въ Англіи обрядъ сохранился въ переживаніи: животныя просто должны проползать въ ухожую подъ барьеромъ: Dyer, P. cust. p. 254—255.

3) Такъ я понимаю: «terra forata», Grimm, D. M. a. n. p. 1738 и Migne, Patr. l. t. 87, p. 528.

4) Смирновъ, l. c. стр. 316.

(Новгор. губ.), у Гуцуловъ въ Польшѣ, въ Арденнахъ и цѣломъ рядѣ мѣстностей въ Германіи скотъ прогоняется между двухъ костровъ. Въ XVIII в. то же дѣлалось въ Ирландіи и Шотландіи [1]. Этотъ способъ очищенія восходитъ еще къ древнему Риму [2], а за предѣлами европейскаго фольклора онъ практикуется у нашихъ Вотяковъ [3] и у Готтентотовъ въ Африкѣ [4].

Чисто цѣлебное, гигіеническое значеніе этого обряда совершенно отчетливо живетъ въ народномъ сознаніи, и этотъ пропускъ скотины черезъ огонь практикуется и во время эпидемическихъ болѣзней. Овидій, описывая Палиліи (21 апр.), объясняетъ происходившее въ это время прыганье черезъ костры именно очищеніемъ:

Moxque per ardentes stipulae crepitantis acervos
Trajicias celeri strenua membra pede.
Expositus mos est: moris mihi restat origo.
Turba facit dubium, coepta que nostra tenet.
Omnia purgat edax ignis, vitiumque metallis
Excoquit: idcirco cum duce purgat oves.

(Fasti, IV, 790—796).

Такую же очистительную силу приписываютъ кое-гдѣ и пасхальному яйцу; и оно можетъ остановить скверну, не давъ ей выйти со скотиной въ поле. Поэтому въ Гродненскомъ уѣздѣ, когда выгоняютъ первый разъ стадо изъ хлѣва на Юрьевъ день, передъ порогомъ стелятъ шубу шерстью вверхъ и туда кладутъ

---

1) *Этн. Обозр.* 1894, № 1, стр. 124; Lud. V (1899) str. 217; Meirae, Trad. cont. etc. des Ardennes, p. 68; cp. Frazer, G. B³. III, p. 289; Jahn D. Opferbr. s. 29—30; Brand-Ellis, Pop. ant. I, p. 227; Scotland and Scotsmen in the XVIII, c. from. the Mss. of John Ramsay, 1888, II, p. 445; cp. Frazer, G. B². III, p. 262.

2) Preller-Jordan, R. M³, I, s. 417.

3) *Новое Слово*, 1896, январь, стр. 3—4, статья Тезякова.

4) Kolben, Present state of the Cape of Good Hope, I, p. 129; прив. у Спенсера, Descript. Soc. 4, p. 14.

яйца[1]). То же дѣлается и въ Германіи; въ Бранденбургской Маркѣ скотъ также переступаетъ черезъ зарытое подъ порогомъ яйцо, а въ Эрцѣ пастухъ просто бросаетъ яйца подъ ноги коровамъ, чтобы онѣ раздавили ихъ[2]).

Къ обрядамъ очистительнымъ слѣдуетъ отнести и извѣстный обычай удара по спинѣ каждаго выгоняемаго на выпасъ животнаго вѣткой рябины, вербы или просто березины. Какое фантастическое объясненіе было дано этому скромному обряду Куномъ[3]), помнитъ всякій, кто мало-мальски слѣдилъ за развитіемъ нѣмецкаго фольклора. Кунъ привлекъ тогда весь арсеналъ миѳологической мудрости и разсыпалъ всю роскошь догадокъ, сближеній, отождествленій и проч. Вышла увлекательная книга и очень красивая миѳологическая система, которой недостаетъ только ревнителей. Разбираться теперь въ ея построеніяхъ было бы неумѣстно и излишне. Я напомню поэтому только самые обрядовые факты, прибавивши къ нѣмецкимъ даннымъ и соотвѣтствующіе славянскія обряды.

Почти повсемѣстно въ Германіи «до сихъ поръ имѣетъ мѣсто обычай на 1-е мая ударять каждую отдѣльную скотину вѣткой рябины или (при церковномъ наслоеніи на обрядъ) вербой»[4]). То же дѣлаютъ на Юрьевъ день въ Босніи и Герцоговинѣ[5]); то же и въ Галиціи[6]). Въ Великороссіи скотъ погоняютъ преимущественно освященной вербой[7]), а въ Бѣлоруссіи

---

1) Ш. Мюзкр. I,1, стр. 167, ср. 168.

2) Jahn, Deutsche Opferbr. s. 302.

3) Ad. Kuhn, Die Herabk. des Feuers 2-te Aufl. Объ этомъ обычаѣ см. стр. 159—166.

4) Jahn, Deutsche Opferbr. s. 299; Peter, Volksth. II, s. 252, 282; Grohmann, Abergl. a. Böhmen, s. 137, 1001; J. Rank, Aus d. Böhmerwald s. 127; Kehrein, Volksprache u. Volkss. II, ss. 258 и 154; Wuttke, § 89 и § 682; Kuhn, Westf. Sagen, II, №№ 433 и 434; Proehle, Unterh. Sagen, № 310; Birlinger, Aus Schwaben, I, s. 387.

5) *Гл. З. М.* VI (1894) стр. 375, статья Лилек'а.

6) Řehoř, Kal. z. nar. ž. str. 363.

7) Терещенко, Бытъ VI, стр. 84—85; Ш. Мюзкр. I,1, стр. 166—169; Калинскій, Нар. кал. *З. И. Р. Г. О.* VII, стр. 389.

кое-гдѣ даже нарочно на вербное воскресеніе выгоняютъ стадо изъ хлѣва, чтобы примѣнить къ своему хозяйству только что полученный въ церкви священный прутъ[1]. Въ Баваріи и Пфальцѣ вѣтка иного происхожденія: она сохранена еще съ прошлой осени, когда на день св. Мартына пастухъ приноситъ особую разукрашенную вѣтку, чтобы ее приберегли во все время, пока скотъ будетъ стоять въ хлѣвѣ[2].

Это несложное и скромное обыкновеніе нѣсколько осложняется въ Вестфаліи и Мекленбургѣ, гдѣ ударъ примѣняется главнымъ образомъ къ нетелямъ, получающимъ впервые названіе. При этомъ приговариваются и стишки, констатирующіе обрядовое дѣйствіе и внушающіе нетелямъ, что когда онѣ станутъ коровами, пусть онѣ будутъ молочны[3]. Совершенно тождественный обрядъ съ практикуемымъ въ Вестфаліи и Мекленбургѣ отмѣченъ и въ самомъ центрѣ Франціи: въ безплодной равнинѣ Солонь[4].

Кунъ съ этими европейскими обрядами сближаетъ и одно любопытное извѣстіе изъ Яйуръ-веды: чтобы получить молоко, необходимое для жертвоприношенія на новолуніе, жрецъ собираетъ не менѣе шести коровъ съ неотнятыми еще телятами и вѣткой *паласа* или *сами* впервые отгоняетъ телятъ отъ матерей. Послѣ этого коровъ доютъ и получаютъ *первое молоко* для жертвы[5].

Во всѣхъ этихъ обрядахъ, въ какой бы формѣ они ни справлялись, мнѣ кажется сливается и совпадаетъ два различныхъ обрядовыхъ представленія. Съ одной стороны мы имѣемъ здѣсь дѣло съ типичнымъ обрядомъ *выгона*. Простой актъ выгона тутъ

---

1) Іоаннъ Берманъ, Календарь по нар. пр. *З. И. Р. Г. О.* V (1878) стр. 9; *Этн. Обозр.* 1894, № 1, стр. 129.

2) Jahn, l. c. s. 298—299.

3) Kuhn, Westf. Sagen, II, № 445; его же Herabkunft der Feuers[2], s. 161—162.

4) Legier, Tradition et usages de la Sologne: *Memoire de l'Akad. celtique*, t. II, p. 205—217.

5) Herabkunft des Feuers[2], s. 159—160.

совершается болѣе торжественно; и во время него естественно воспользоваться какимъ-нибудь болѣе многозначительнымъ знакомъ: освященная верба либо, та священная вѣтка, которая была принесена изъ лѣсу въ особой процессіи, либо еще совсѣмъ особая, нарочно для этого заготовленная вѣтка,—все это совершенно естественно напрашивается въ руки. При первомъ выпасѣ, конечно, вполнѣ своевременно дать и имена нетелямъ; онѣ идутъ въ первый разъ вмѣстѣ съ остальнымъ стадомъ и скоро огоняются. Когда этихъ нетелей ударяютъ вѣткой при дарованіи имъ имени, мнѣ кажется, имѣется въ виду главнымъ образомъ символъ подчиненія и покорности волѣ хозяина.

Рядомъ съ этимъ прямымъ значеніемъ удара вѣткой онъ имѣетъ однако и болѣе сокровенный смыслъ. Ударъ какимъ-нибудь знакомъ практикуется и въ самостоятельномъ примѣненіи: это вѣдь также одинъ изъ способовъ очищенія[1]). Къ такому заключенію меня приводитъ та тѣсная связь съ типичными очищеніями, въ какой встрѣчается обрядовой ударъ. Въ Бѣлоруссіи напр. пастухъ хлещетъ вѣткой каждое животное какъ разъ въ то время, когда хозяинъ и хозяйка совершаютъ свой очистительный обходъ[2]). У Босняковъ человѣкъ, которому поручено произвести это обрядовое избіеніе, становится въ дверяхъ хлѣва и не даетъ пройти ни одной скотинѣ, чтобы не хлестнуть ее[3]). Здѣсь ударъ какъ бы замѣняетъ собою огонь или яйцо подъ порогомъ и пр. Очистительный характеръ имѣютъ и слова, которыя произносятъ, назначая имя коровѣ; въ Солоньи напр. приговариваютъ: «я запрещаю волку тебя съѣсть», и присутствующіе отвѣчаютъ: «волкъ ее не съѣстъ»[4]). Особенно интересны слова индѣйскаго жреца, обращенныя во время жертвоприношенія къ той вѣткѣ, которую онъ еще держитъ въ рукахъ; вотъ какъ передаетъ эти

---

1) Такое-же толкованіе даетъ этому обряду и Frazer во 2-омъ изд. G. B. I, p. 301 и III, pp. 127, 216.

2) Ш. Мюзкр. I, стр. 166.

3) Статья Лиляк'а въ *Гл. З. М.* VI (1894) стр. 375.

4) *Mem. de l'Academie celtique*, t. II, p. 205—217.

слова Кунъ: «о, вѣтка паласа!..... предохрани приносящій жертву скотъ, который будетъ бродить въ лѣсу, отъ страха вора, дикихъ звѣрей и всякой напасти; коровы предохраненныя вѣткой безошибочно прійдутъ домой»[1]). Ударъ прутомъ и вѣткой встрѣчается въ обрядахъ очищенія и совершенно несвязанныхъ со скотоводствомъ: напр., когда болгарскія дѣвушки качаются на св. Юрья, совершая purgatio aere, парни постегиваютъ ихъ прутьями; когда качаются парни, то же самое производятъ дѣвушки[2]). Еще нагляднѣе видно очистительное значеніе удара вѣткой изъ слѣдующаго разсказа, приведеннаго еще Панцеромъ: «Однажды одинъ конюхъ изъ Швабіи замѣтилъ, что лошади стали биться въ стойлахъ и на хвостахъ у нихъ появилась чесотка. Ему посовѣтовали ударить каждую лошадь три раза тремя вербами и при этомъ произнести три высокихъ имени. Когда онъ вошелъ въ конюшню, онъ услышалъ пріятную музыку; на него прыгнула кошка»[3]). Болѣзнь такимъ образомъ выскочила подъ вліяніемъ ударовъ вербой, принявши видъ кошки.

IV.

Полевыя работы открываются весною запашкой и засѣвомъ. Отъ ихъ успѣшности зависитъ благосостояніе человѣка, живущаго натуральнымъ хозяйствомъ въ теченіе цѣлаго года. Понятное дѣло, что то и другое совершается торжественно, что съ тѣмъ и другимъ связаны молитвы, жертвы, заклинанія и наконецъ очищенія.

---

1) Kuhn, Herabkunft des Feuers, s. 166.
2) Каравеловъ, Пам. стр. 218.
3) Panzer, Beitr. II, s. 189, § 320.

У Черемисовъ, Башкиръ, Чувашей, Вотяковъ, дагестанскихъ Казикухумцевъ и Койсубулинцевъ день перваго весенняго выѣзда въ поле считается днемъ праздничнымъ (Ага-дуй, Анга Єоаренъ, Сабаншуй и пр.). При проведеніи первой борозды присутствуетъ вся религіозная община подъ предводительствомъ муллы или жреца[1]). Въ Бенгалѣ даже выборъ самаго дня возлагается на деревенскаго жреца. Равнымъ образомъ религіозными соображеніями опредѣляется тамъ и то, въ какомъ направленіи провести первую борозду[2]). Въ Дагестанѣ первую борозду ведетъ старикъ одѣтый въ шубу навыворотъ, и въ него бросаютъ камнями и снѣжками[3]).

Въ современномъ быту европейскихъ народовъ сохранились также кое-гдѣ празднованія перваго выѣзда въ поле. Твердаго пріуроченія оно, конечно, не имѣетъ и зависитъ отъ того, когда можно начать орку по климатическимъ условіямъ. Такъ напримѣръ англійскій Plough Monday падалъ на первый понедѣльникъ послѣ Крещенія[4]). British Apollo объясняетъ названіе этого праздника слѣдующимъ образомъ: «Понедѣльникъ Плуга есть народное выраженіе и употребляется только крестьянами, потому что они обыкновенно проводятъ время въ этотъ день гдѣ-нибудь по сосѣдству за чаркой эля, чтобы поздравить и пожелать другъ другу обильнаго урожая большого посѣяннаго хлѣба (такъ называютъ они озимую пшеницу и рожь), а равно и Божьяго споспѣшествованія въ оркѣ, какъ только они возьмутся за плугъ, чтобы приготовить землю подъ посѣвъ ярового»[5]). Въ Дербиширѣ и въ другихъ мѣстахъ молодежь, надѣвъ рубахи сверхъ верхняго платья, убранные лентами, водятъ съ собой

---

1) Георги, Опис. Народовъ, ч. 1-ая, стр. 34 и 108; Бехтеревъ, Вотяки *Вѣстн. Евр.* 1880, сентябрь, стр. 160 и слѣд.; Первухинъ, Эскизъ III-ій, стр. 10—14; Дубровинъ, Ист. войн. и вл. русск. на Кавказѣ, I,1, стр. 529—531; Магницкій, стр. 19—21 и т. д.

2) Crooke, F. L. of north. India, II, p. 287—289.

3) Дубровинъ, l. c.

4) Dyer, Brit. pop. customs, p. 36 и слѣд.

5) Изд. 1710 года, II, p. 92, приведено у Dyer'a, l. c. p. 38—39.

плугъ также причудливо разукрашенный. Этотъ плугъ называется Fool's plough. Съ ними идетъ еще комическая фигура старухи, которая носитъ названіе Bessy[1]). Въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ извѣстенъ этотъ праздникъ, въ Кембриджширѣ, Гёнтингенширѣ, Лейстерширѣ, Линкольнширѣ, Норфолькѣ, Нортгэмбтонширѣ и др. мѣстахъ обрядъ веденія плуга обыкновенно давно уже исчезъ[2]).

Въ Германіи въ Гессенѣ былъ обычай устанавливать 10 марта на крышѣ дома, преимущественно крытаго соломой, деревянное изображеніе плуга, запряженнаго пятью лошадьми и сопровождаемаго куклой пахаря. Эта грубо сдѣланная фигура оставалась на крышѣ дней 40[3]). Въ мѣстности Ронъ (въ Миннерштадтѣ) также въ мартѣ выдѣлывали мальчики маленькій плужокъ, ставили его на доску и водили изъ дома въ домъ. Для этого они одѣвались въ разноцвѣтное платье. Выходило нѣчто въ родѣ поздравительнаго обхода. Являясь въ избу, они приговаривали:

Da Kommen die armen Pfingstbuben
mit Pflug und schar
und wollen hinaus in den Acker fahr.

Около Нейштадта (въ нижней Франконіи) водили въ февралѣ плугъ, запряженный молодыми дѣвушками[4]).

Приведеннымъ обрядамъ веденія плуга, обрядовой смыслъ которыхъ вполнѣ простъ и не нуждается ни въ какомъ миѳологическомъ комментаріи, вполнѣ соотвѣтствуетъ и пылающій масленичный плугъ, упомянутый Себастьяномъ Франкомъ[5]). Равнымъ образомъ, обычнымъ сходствомъ весеннихъ и зимнихъ

1) Dyer, l. c. p. 37 и 39.
2) Ibid., p. 39—43.
3) Kolbe, Hessische S. und Gebr. s. 52—53.
4) Panzer, Beitr. z. d. Myth. I, № 265, s. 239 — 240, то же приведено и у Erk-Böhme, D. Lh. № 1249, III, s. 148; Mannhardt, W. u. Fk. I, s. 556.
5) Weltb. (ed. 1567) I, f. 50, прив. у Jahn'a, D. Opferbr. s. 91; Grimm, D. M. a. n. I, s. 263—264; Mannhardt, W. u. Fk. I, s. 553.

обрядовыхъ цикловъ, на которое я имѣлъ уже случай указать по поводу весеннихъ поздравительныхъ пѣсенъ, объясняется и появленіе плуга въ зимней обрядности малороссовъ, южныхъ славянъ и румынъ[1]). Искать источниковъ его символики въ славяно-русской миѳологіи или объяснять его изъ основного смысла древнихъ сатурналій едва ли представляется логически необходимымъ.

Въ связи съ торжественнымъ починомъ весенней орки стоитъ и странный предразсудокъ, отмѣченный у разныхъ индо-европейскихъ народовъ, по которому весной есть такіе дни, когда опасно браться за плугъ и соху. «Въ сѣверной Индіи, разсказываетъ Крукъ, по извѣстнымъ днямъ запрещается пахать, таковъ Наагпанчамъ (Nâgpancham) или праздникъ змѣи, падающій на пятое число легкой половины Саавана и на пятнадцатое мѣсяца Каарттика. Выворачиваніе земли по этимъ днямъ безпокоитъ Сешанаагу, великую міровую змѣю и Мать Землю. Мать Земля спитъ еще шесть дней въ каждомъ мѣсяцѣ 5-го, 7-го, 9-го, 11-го, 21-го и 24-го или, какъ говорятъ другіе, 1-го, 2-го, 5-го, 7-го, 10-го, 21-го и 24-го. По такимъ днямъ, если только возможно, то лучше не пахать вовсе»[2]). Вѣроятно на какомъ-нибудь представленіи, схожемъ съ этимъ индѣйскимъ повѣріемъ, основаны и англійскіе «blind days» (первые три дня марта), когда также нельзя пахать[3]). Равнымъ образомъ Сербы и Болгары не пашутъ во всѣ четверги отъ Пасхи до Троицы и называютъ эти дни «Зелени Четвртци»[4]). Нѣсколько позже подобный запретъ орки соблюдается у Чувашей; это такъ называемый Сьинзэ; онъ тянется около 12 дней во время цвѣтенія ржи[5]).

1) А. Н. Веселовскій, Раз. въ обл. дух. стиха, VII, стр. 112—120; Потебня, Объясн. мал. кал. и ср. п. II, стр. 40, 45, 99—104 и пр.

2) Crooke, F. L. of north. India, II, p. 293.

3) Brand, Pop. ant. I, p. 316.

4) Милићевић, Жив. срба сел, стр. 112, § 17; Шапкаревъ, Сб. отъ бълг. нар. умотв. ч. 3-ья, отд. I и II, кн. VII, стр. 171; то же у Лужицкихъ сербовъ, Veckenstedt, Wend. Sagen M. und abergl. Gebr. s. 442, §§ 70, 75 и 76.

5) Магницкій, Матеріалы къ объясн. ст. чув. вѣры, стр. 34—37.

Съ выѣздомъ въ поле на пахать, туда обращаются всѣ надежды и тутъ, конечно, своевременно произнести и молитву о плодородіи. У насъ для этого обыкновенно на Юрьевъ день служатъ въ полѣ молебны. Съ такой же молитвенной цѣлью поютъ въ Малороссіи бабы, какъ только соберутся вмѣстѣ:

Ой випиймо, родино,
Щобъ намъ жито родило;
И житечко, и овесъ,
Щобъ зібрався рідъ увесь;
И пшаница, и ячмінь,
Щобъ намъ жити смачній [1]).

Схожія застольныя, молитвенныя пѣсни сообщаетъ и Милојевић у сербовъ. Здѣсь послѣ длиннаго призыва тѣхъ же святыхъ, къ которымъ обращалась и наша волочобная пѣсня, возносится моленіе объ урожаѣ хлѣба и счастливой уборки сѣна [2]). Сюда же можетъ быть отнесена и та весенняя вотская молитвенная пѣсня, которую я привелъ выше, когда шла рѣчь объ общемъ весеннемъ моленіи. Ей вполнѣ соотвѣтствуетъ молитва, произносимая и вотякомъ хозяиномъ, во время посѣва: «Весеннее время наступило, говоритъ вотякъ. Помилуйте (насъ) Инмаръ, Кылдысинъ, Квозь, воршудъ Дурга. Счастье довольства и удачи дайте».

«Въ житьѣ-бытьѣ счастье пошлите».

«Вотъ мы выѣхали въ поле, 3 раза проѣхали сохой по полосѣ и 3 зерна посѣяли, тысяча тысячъ да будетъ».

«Да разрастутся корни ихъ — да будетъ подобна тростнику солома ихъ, да будутъ подобны еловымъ шишкамъ, пуговицамъ

1) Чубинскій, Труды, III, стр. 32; ср. Ш. Мюзкр. I, стр. 171, № 159 сюда же можно отнести и приведенную Стрыйковскимъ молитву на св. Георгія въ древней Польшѣ, Kron. Pols. I,IV, 148, сообщ. у Фаминцына, Бож. др. Слав. стр. 116; то же совершается и у ново-грековъ Schmidt, Volksleben s. 87, le comte de Marcellus, Chants pop. de la Gr. mod. p. 221.

2) Милојевић, Песме и об. ук. нар. србск. стр. 166—167, №№ 223 и 225.

зерна ихъ. Да будетъ хлѣбъ этотъ умолотенъ»[1]). Въ такомъ же духѣ долго еще тянется эта молитва-пѣсня, старающаяся, какъ вообще всѣ первобытныя молитвы, чего-нибудь да не забыть, упомянуть рѣшительно всѣ условія, могущія привести къ благополучію. Въ этой молитвѣ сказывается также и та особая потребность выражаться въ преувеличенныхъ, завѣдомо хватающихъ черезъ край чисто эпическихъ красках, которыя знакомы намъ по бѣлорусской вологодной пѣснѣ. Можетъ быть подобная именно молитва произносилась и у полабскихъ славянъ въ тотъ весенній праздникъ, о которомъ говоритъ Эбонъ[2]).

Пережиткомъ жертвенныхъ обрядовъ при запашкѣ и засѣвѣ слѣдуетъ считать то, когда крестьянинъ ѣдетъ, какъ выражается волочобная пѣсня:

У чистоя поле заарываць,
Зъ соллю, съ хлѣбомъ, зъ бѣлымъ яйцомъ,
Зъ бѣлымъ яйцомъ, зъ боскимъ слоуцомъ[3]).

Хлѣбъ и яйца то кладутся въ борозду, то разбрасываются по полю. Въ Германіи, когда впервые выѣзжаютъ въ поле, при проводѣ первой борозды переѣзжаютъ даже черезъ цѣлую крынку молока съ хлѣбомъ и яйцомъ. Иногда переѣзжаютъ просто черезъ кусочекъ хлѣба или яйцо[4]). Въ Вестфаліи при этомъ плугъ тянетъ не лошадь, а старуха. Перерѣзавъ плугомъ жертвенный хлѣбъ, она отдаетъ его кусочки рабочимъ[5]). Это очевидно остатокъ той жертвенной пирушки, которая до сихъ поръ еще справляется при запашкѣ въ Шотландіи и Италіи[6]).

---

1) Первухинъ, Эск. нр. и б. инор. Глаз. уѣзда, эск. III-й, стр. 10 — 13; см. выше стр. 104—105 и 107—110.

2) Приведено у Котляревскаго, Сказ. объ Отт. стр. 60—61.

3) Ш. Бп., № 142, стр. 372.

4) Wuttke, Der d. Volksabergl. § 428; Jahn, D. Opferbr. s. 74 — 75; Mannh. W. u. Fk. I, s. 158.

5) Kuhn, Westf. S. II, № 332.

6) Gregor, Notes on th. F. L. of NE of Scotland, p. 181; Salomone-Marino, Cost. e us. dei cont. di Sic. p.

Любопытная форма жертвы хлѣбомъ, сохранившаяся въ Германіи, состоитъ въ томъ, что вмѣсто колеса въ плугъ вставляется спеціально испеченный по размѣру круглый хлѣбъ [1]). Жертвы яйцомъ производятся при посѣвѣ и обсѣмененіи и въ Малороссіи и у Сербовъ въ Босніи и Герцоговинѣ [2]). Яйца или скорлупу суютъ въ Германіи и у насъ въ лукошко сѣвца. Обыкновенно для этого употребляются яйца пасхальныя, съ которыми связанъ цѣлый рядъ предразсудковъ [3]). Въ цѣляхъ жертвы перебрасываетъ сѣвецъ горсть сѣмени назадъ черезъ плечо и тогда даже закрываетъ глаза, чтобы не видѣть, куда летитъ сѣмя. Въ настоящее время подобная жертва зерномъ считается въ Германіи обращенной къ птицамъ, чтобы онѣ не клевали остальныхъ сѣмянъ [4]).

Жертва при обсѣмененіи имѣетъ мѣсто и у современныхъ дикарей, напр. на Суматрѣ [5]). Наши инородцы также производятъ при посѣвѣ дѣйствія совершенно аналогичныя съ только что указанными. Здѣсь жертвоприношеніе сохранилось уже вполнѣ отчетливо и сознательно. Въ сороковыхъ годахъ Саратовскому архіерею доносили напр. изъ Телятниковой деревни Хвалынскаго уѣзда, что весною передъ посѣвомъ ярового хлѣба, запасши на домахъ лучшій обѣдъ и взявши съ собой вина и браги, мордва выѣзжаетъ совокупно въ одинъ день каждый въ свой загонъ, дѣлаетъ по своему *молянъ* и потомъ, отрѣзывая по горбушкѣ отъ хлѣба, складываютъ въ нее по кусочку отъ каждаго яства. Эти горбушки зарываются въ землю. Послѣ этого, попировавши принесенными съ собою запасами, приступаютъ къ посѣву [6]). То же дѣлаютъ и вотяки. Они выѣзжаютъ въ поле всей деревней въ

1) Gr. D. M. a. n. p. 1239.

2) Чубинскій, Труды, III, стр. 30—31; Лилек въ *Гл. З. М.* VI (1894) стр. 631.

3) Kuhn, Westf. S. II, № 420; Engelien und Jahn der Volksm. s. 272; Jahn, D. Opferbr. s. 79.

4) Jahn, l. c. s. 71—73.

5) Marsden, History of Sumatra, прив. у Спенсера, Descr. Soc. III, p. 19.

6) Сообщено въ *Этн. Обозр.* 1892, № 4, стр. 120.

праздничныхъ одеждахъ, и каждая семья вспахиваетъ нѣсколько саженъ земли. На вспаханное мѣсто разстилается скатерть. На нее кладутъ яйца, хлѣбъ и пр. кушанья. Старшій изъ семьи, взявъ въ руки яйца и хлѣбъ, произноситъ молитву въ родѣ приведенной выше. За этою молитвою слѣдуетъ первый засѣвъ, при чемъ вмѣстѣ съ зерномъ разбрасываются и яйца. Одно изъ этихъ яицъ запахивается, а другія собираютъ и съѣдаютъ [1]). Такое же раскидыванье по полю яицъ считаютъ необходимымъ при первомъ засѣвѣ и чуваши. У нихъ при этомъ присутствуетъ и мулла и раздаетъ каждому по яйцу. Послѣ засѣва устраивается тутъ же въ полѣ пиръ [2]).

Главную роль во всѣхъ этихъ обрядахъ играетъ самъ сѣвецъ. Его личность окружаютъ особыми обрядами. Залогъ счастья, т. е. урожая долженъ находиться въ немъ самомъ. Вотъ почему у чувашей стараются довнаться, кто въ семьѣ «телейласьыю», т. е. счастливый человѣкъ, и ему поручаютъ вынести сѣмя въ поле до разсвѣта [3]). У вотяковъ сѣвецъ, обыкновенно самъ хозяинъ, до сѣва торжественно садится за столъ, ѣстъ особыя лепешки, молится и пьетъ подносимую ему женою рюмку кумышки [4]). У русскаго простонародья въ цѣляхъ стать носителемъ будущаго благополучія сѣвецъ съѣдаетъ передъ тѣмъ, чтобы пойти въ поле, благовѣщенскую просфору [5]). Въ Самарской губерніи «наканунѣ сѣва вечеромъ хозяинъ запирался въ своей избѣ, зажигалъ восковую свѣчу и клалъ передъ образами горсть зеренъ изъ предназначенныхъ для сѣва; затѣмъ онъ начиналъ усердно молиться о ниспосланіи удачнаго сѣва и урожая. Пред-

---

1) Тезяковъ, Праздн. и жертвоприн. у вотяковъ-язычниковъ. *Новое Слово*, 1896, январь, стр. 4; Верещагинъ, В. С. кр. стр. 35—37 и *Вятск. Губ. Вѣд.* 1895, № 45.

2) Магницкій, Мат. къ объясн. ст. чувашской вѣры, стр. 19—21.

3) Ibid., стр. 23; Верещагинъ, l. c. стр. 35—37; *Вятск. Губ. Вѣд.* 1895, № 38.

4) Верещагинъ, l. c.

5) *Этн. Обозр.* 1891, № 4, стр. 189 и 1895, стр. 22; Терещенко, В. русск. нар. VI, стр. 22.

варительно въ избѣ *затыкались всѣ щелки, всѣ отверстія, трубы въ печи съ тою цѣлью, чтобы нисшедшая отъ молитвы на зерна благодать Божія не могла уйти изъ избы»* [1]). По сходному съ этимъ представленію въ Новозеландіи рабочіе, которымъ предстоитъ вспахать поле, передъ этимъ должны соблюдать постъ и совершать омовенія [2]). Нашему обычаю класть въ сусѣкъ, гдѣ лежатъ сѣмена, или въ лукошко, изъ котораго сѣютъ, благовѣщенскую просвирку, иногда растертую въ порошокъ [3]), соотвѣтствуютъ также нѣкоторые обряды современныхъ дикарей. Въ Индіи напр. держатъ сѣмена надъ огнемъ отъ священнаго дерева Chili [4]). На Санъ Сальвадорѣ (въ Южной Америкѣ) сѣмена должны простоять нѣкоторое время передъ идоломъ въ особыхъ сосудахъ. Надъ ними ставится еще жаровня съ куреніемъ, и жрецы совершаютъ молитву, при чемъ мажутъ идола своей собственной кровью [5]). Тутъ, очевидно, разсчитываютъ на то, что носителемъ счастья будетъ не только сѣвецъ, но и сами разбрасываемыя сѣмена исполнятся особой благодати.

Любопытный обрядъ при выѣздѣ въ поле соблюдаютъ въ среду на 5-й недѣлѣ великаго поста словинцы. Этотъ день зовется у нихъ «Verkovnica», «Varkonca» или «Verkolca». Это названіе происходитъ отъ слова «verklo» (одна изъ частей плуга: въ разныхъ мѣстностяхъ различная), потому что рабочіе въ этотъ день бросаютъ на полѣ «verklo» противъ солнца и на томъ мѣстѣ, гдѣ оно упадетъ, зарываютъ его въ землю. Если «verklo» не заржавѣетъ, это предвѣщаетъ урожай. Вынутое изъ земли «verklo» обвиваютъ плющемъ и вставляютъ въ плугъ. На слѣ-

---

1) *Этн. Обозр.* 1895, стр. 22.

2) Bastian, Inselgr. in Oceanien, s. 199.

3) Аѳан. Поэт. Воззр. III, стр. 764.

4) Biddulph, Tribes of the Hindoo Kosch, p. 103; прив. у Frazer'a Golden Bough. I, p. 70.

5) Palicio, Jan Salvador and Honduras (1576) p. 65 (Spier's Collection of Rare and Original Documents and Relations concerning the discovery and Conquest of America, N. Jork, 1860).

дующее утро, когда ѣдутъ орать, въ томъ мѣстѣ гдѣ было зарыто «verklo» втыкается освященная верба [1]).

Для успѣшности произрастанія посѣянныхъ яровыхъ хлѣбовъ прежде всего нужно, конечно, извѣстное количество влаги. Дождя ждутъ поэтому весною съ нетерпѣніемъ и просятъ о немъ Богородицу, приговаривая:

Мать Божія, подавай дождя
На нашъ, на барскій хлѣбъ [2]).

Въ Болгаріи по свидѣтельству Верковича поютъ на Юрьевъ день слѣдующую пѣсню:

Прироси, Боже, зароси,
Пусни си, Боже, облаците,
Облаците и магли-те
Фъ наше града на поле-ту
На поле-ту на ниви-те
Да са роди бела пшеница; [3]) и т. д.

Въ Германіи въ цѣломъ рядѣ мѣстностей, въ тѣхъ же цѣляхъ вызыванія дождя, когда пахари возвращаются въ первый разъ изъ поля домой, ихъ обливаютъ изъ оконъ водой [4]).

Къ обрядамъ, имѣющимъ въ виду обезпечить урожай, мнѣ хотѣлось бы отнести и еще одинъ типъ народной игры или обрядового дѣйства, который обыкновенно толкуется совершенно иначе. Я разумѣю наши похороны Кострубоньки [5]) и сродныя съ

---

1) Pajek, Črt. iz duš. ž. št. slov. стр. 222, ср. Salomone-Marino, Cort. e uz. dei cont. di Sic. p. 221.

2) Терещенко, Бытъ р. нар. V, стр. 18.

3) Веда Словена, II, стр. 279, № 3.

4) Kuhn, Westf. Sagen II, s. 153—154; Rochholtz, Gaugött. s. 62; Kolbe, Hessische Sitten 2-te Afl. s. 51; Wiedemann, Aus inn. und aus. Leben der Esten, s. 356.

5) Ž. Pauli P. Ludu Russk. I, str. 21—22; Головацкій Н. П. Гал. и Угр. Р. II, стр. 185, № 9; Шейковскій, Бытъ Под. ч. 1-ая, стр. 23 — 27; Чубинскій, Труды, III, № 16, стр. 77; Ястребовъ, Матер. по этн. Нов. Края, стр. 33 — 35.

нимъ игры у другихъ народовъ. Игра въ Кострубонько заключается обыкновенно въ томъ, что водятъ хороводъ, посрединѣ котораго ходитъ дѣвушка и спрашиваетъ въ пѣснѣ:

Ци не видѣли сте
Мого Кострубонько?

Кострубонька оказывается нѣтъ; онъ поѣхалъ то орать въ поле, то звать на свадьбу, то жениться. При этомъ извѣстіи хоръ или сама дѣвушка поетъ:

Що жъ я, бѣдна учинила.
Кострубонько не злюбыла
Пріѣдь, пріѣдь, Кострубоньку,
Стану рано до шлюбоньку,
А въ недѣлю пораненьку,
На томъ бѣломъ камененьку[1]).

Въ концѣ концовъ оказывается, что Кострубонько умеръ. Тогда дѣвушка начинаетъ еще сильнѣе его оплакивать, а иногда, напротивъ, изображая изъ себя недовольную мужемъ жену, она радуется его смерти. Такова эта игра, какъ она записана у малороссовъ. Объясненіе въ словахъ дѣвушки веселаго конца есть, разумѣется, поздній варіантъ, возникшій подъ вліяніемъ другой хороводной игры «мужъ и жена», гдѣ изображается, какъ молодка убѣжала въ хороводъ отъ стараго мужа. Игрѣ въ Кострубонько присуще напротивъ оплакиванье его смерти, такъ что до этого момента она совершенно схожа съ упомянутыми выше похоронами Костромы, съ которыми она зачастую и сливается. Чтобы участники этой игры развеселились, Кострубонько долженъ еще вскочить и начать ловить дѣвушекъ; тогда хоръ весело запоетъ:

Оживъ, оживъ нашъ Кострубонько,
Оживъ, оживъ нашъ голубонько[2]).

1) Головацкій, l. c. стр. 185, № 9.

2) Аѳан. Поэт. Воззр. III, стр. 763; ср. такъ же великорусскую игру въ Кострому, Ш. В., стр. 49—50, № 280.

А. Н. Веселовскій недавно сопоставилъ съ этой извѣстной русской игрой и сходную съ ней игру въ Зафира изъ Эпирской Загоріи. Зафира изображаетъ мальчикъ или дѣвочка: онъ ложится на доски и притворяется мертвымъ, его обсыпаютъ цвѣтами, надъ нимъ произносятъ заплачки и пр., но только что пѣсня объявила, что Зафиръ умеръ, какъ онъ вскакиваетъ и начинаетъ ловить тѣхъ, кто составлялъ собою хоръ. Послѣ этого поютъ другія весеннія пѣсни[1]). А. Н. Веселовскій полагаетъ, что тотъ же первоначально смыслъ имѣла и чисто христіанская игра въ воскресенье Лазаря у ново-грековъ, на Кипрѣ и въ Ливанѣ[2]). Къ этимъ новогреческимъ варіантамъ можно прибавить и еще три: чешскій, молдавскій и французскій. Въ окрестностяхъ Уйлика на 1-ое мая послѣ обхода съ королемъ, его кладутъ на носилки и несутъ въ кабакъ; здѣсь кругомъ него водятъ хороводъ, пляшутъ и поютъ. Одинъ изъ хора при этомъ все время спрашиваетъ, не ожилъ ли король, и узнаетъ, что онъ умеръ. Наконецъ, король однако встаетъ, и тогда начинается пѣніе уже веселыхъ пѣсенъ[3]). Схожій французскій обрядъ изъ окрестностей Бріансона (деп. Hautes Alpes) разсказалъ Маннгардтъ со словъ одного французскаго плѣннаго во время войны 70-го года; перваго мая парни берутъ молодого человѣка, возлюбленная котораго его покинула и вышла за другого, одѣваютъ съ ногъ до головы въ зеленыя вѣтки и ведутъ въ лѣсъ; здѣсь онъ лежитъ и притворяется умершимъ, пока не прійдетъ любящая его дѣвушка и не поцѣлуетъ его. Тогда всѣ идутъ въ кабакъ и новая парочка танцуетъ съ разноцвѣтнымъ флагомъ въ рукахъ[4]). Введеніе невѣсты и фиктивная причина смерти парня, конечно, не болѣе, какъ поздняя прикраса къ обряду, смыслъ котораго пересталъ быть по-

1) Три главы изъ истор. поэт. *Ж. М. Н. Пр.* 1898, апрѣль, май, стр. 24 отд. отт., изъ статьи: Σάρρος Λείφανα τῆς λατρείας τοῦ Λίνου καὶ Ἀδόνιδος ἐν Ἠπείρῳ. въ Δελτίον τῆς ἱστ. καὶ ἐθνολ. ἑταιρίας τῆς Ἑλλάδος V, τεῦχ. 18, стр. 347 и слѣд.

2) Ibid.

3) Ešner, Máje z okolí uhlířsko — janovického, Č. *L.* IV (1894) str. 1 a 502.

4) Mannh. W. u. Fk. I, s. 434—435.

нятенъ. Въ существѣ дѣла эта игра совершенно схожа съ чешской, а черезъ нее и съ игрой въ Зафира и Кострубонько. Вѣроятно, то же самое представляетъ собою и молдавскій обрядъ съ идоломъ-куклой Калаяномъ или Траяномъ. За недѣлю до дня св. Георгія (23 апр.) дѣвочки лѣпятъ фигурку крестьянина изъ глины и одѣваютъ ее въ платье. Фигурка укладывается въ гробъ. Черезъ недѣлю, въ пятницу, до дня св. Георгія онѣ опять собираются вмѣстѣ, зажигаютъ около Калаяна свѣчи и оплакиваютъ его смерть. Послѣ этого онѣ хоронятъ его гдѣ нибудь на задворкахъ и просятъ ниспослать дождь. Фигура Калаяна была доставлена священникомъ изъ села Ерденъ-Бурно Измаильскаго уѣзда въ музей Кіевской духовной Академіи. Призываніе дождя связано, конечно, съ самымъ именемъ Калаянъ, но, можетъ быть, фигурку просили нѣкогда и о плодородіи, воспѣвая его воскресеніе[1]).

Приведенные до сихъ поръ обряды изслѣдователи неоднократно сближали съ ритуаломъ древне-греческаго праздника въ честь Адониса[2]). Я имѣю въ виду особенно самую старую форму культа Адониса, какъ онъ справлялся въ Библосѣ. Женщины плакали, пѣли особыя пѣсни (Ἀδωνιασμοί), ударяли себя въ грудь при звукахъ флейты надъ куклой, изображавшей умершаго Адониса. Черезъ день однако онѣ говорили, что Адонисъ ожилъ и радовались этому воскресенью[3]). Празднество состояло такимъ образомъ изъ двухъ главныхъ актовъ: одного грустнаго погребальнаго, а другого, напротивъ, радостнаго. Въ этомъ и заключался его основной смыслъ. Болѣе торжественно справлялся потомъ этотъ обрядъ въ Александріи и здѣсь рядомъ съ Адонисомъ

---

1) *Странникъ*, 1886, іюнь — іюль, стр. 469, прив. А. Н. Веселовскимъ, *Ж. М. Н. Пр.* 1886, октябрь, стр. 400.

2) Ефименко, О Ярилѣ, *З. И. Р. Г. О.* II, стр. 88 и 112 — 114; Веселовскій, Гетер. побр. и кум. въ Купальской обр. *Ж. М. Н. Пр.* 1894, февраль, стр. 289—291 и слѣд.; Mannh. W. u. Fk. I, s. 274 и др.

3) Mannh. W. u. Fk. s. 281; Roscher, Ausf. Lex. I, s. 73,50—74,10. Daremberg et Saglio, Dictionn. des antiquités, I, p. 72—74; Frazer, Golden Bough. I, p. 280.

покоилась еще Афродита. Адонисъ изображался ея возлюбленнымъ, и смерть его оплакивала сама богиня. Присутствовавшіе молили о возвращеніи Адониса на слѣдующій годъ [1]). При соблюденіи обряда особую роль играли еще и такъ называемые сады Адониса (κῆποι Ἀδώνιδος). Ихъ бросали во время дѣйства въ воду. Это были небольшіе горшки цвѣтовъ, хлѣбныхъ растеній, салата и пр. [2]).

Я не буду входить въ разсмотрѣніе самого миѳа объ Адонисѣ, едва ли отражающаго истинное значеніе разбираемаго обряда; равнымъ образомъ я не буду слѣдить и за сходствомъ Адониса съ Тамузомъ, Аттисомъ, Діонисомъ съ одной стороны и съ Линомъ, Бормомъ, Гилосомъ, Литіэрзомъ съ другой [3]). Мнѣ важенъ въ данномъ случаѣ самый обрядъ, какъ онъ соблюдался въ Библосѣ, колыбели этого культа. Библосская форма дѣйства особенно близко подходитъ къ приведеннымъ выше обрядамъ современнаго европейскаго и малоазіатскаго крестьянства; она также наиболѣе проста и прозрачна, и, что важнѣе, не подверглась, какъ Александрійская, вліянію поэзіи и миѳическихъ разсказовъ. Слѣдуя и здѣсь принятой мною системѣ интерпретаціи народной обрядности, я постараюсь прежде всего уяснить себѣ смыслъ этого обряда, какъ таковаго, выяснить, какую чисто практическую хозяйственную цѣль онъ преслѣдовалъ, какого блага могли ждать для себя его простонародные ревнители.

Значеніе Адоній толковали обыкновенно, какъ оплакиваніе смерти природы въ лѣтній зной или осенью и ликованіе о разцвѣтѣ ея весною. Наиболѣе ясно формулировалъ это общепринятое толкованіе Фрезеръ. «Подъ именами Озириса, Адониса, Томуза, Аттиса и Діониса, говоритъ онъ, египтяне, сирійцы, ва-

---

1) Roscher's, Ausf. Lex. I, s. 74,15—40.

2) Ibid., s. 74,45—55; cp. Ersilia Caetani-Lovatelli, I. Giardini di Adone, *Nuova Antologia*, XL (1892) p. 262—265.

3) Frazer, Golden Bough. I, p. 278—279; А. Н. Веселовскій, Три главы изъ ист. поэтики, *Ж. М. Н. Пр.* 1898, апрѣль, май, стр. 23 отд. отт.

вилоняне, фригійцы и греки представляли умираніе и возрожденіе растительности путемъ ритуала, который былъ, какъ признавали сами древніе, повсюду приблизительно одинаковъ, и параллели котораго находятся въ весеннихъ и купальскихъ обрядахъ современнаго европейскаго крестьянства»[1]). Подобное толкованіе Адоній всегда исходитъ изъ признанія спора зимы и лѣта, борьбы зимней и весенней богинь, смерти и оживленія духа растительности представленіемъ, лежащимъ въ основѣ всей весенней обрядности индоевропейскихъ народовъ. «Въ нѣмецкомъ «преніи», въ народныхъ обрядахъ выноса, изгнанія «смерти-зимы» и кликанія весны, писалъ недавно А. Н. Веселовскій, зима и весна представляются раздѣльными, враждебными другъ другу существами, въ чередованіи побѣды и пораженія. Когда эта дѣйствительность сольется въ представленіе чего то одного, то обмирающаго, то возникающаго къ новой жизни, религіозное сознаніе подвинется на пути развитія: борьба жизни и смерти примкнется къ миѳу одного существа, бога, выразится въ соотвѣтствующихъ обрядахъ календарнаго характера»[2]). Въ Адоніяхъ слились такимъ образомъ въ одно два дѣйства, соотвѣтствующія двумъ разнымъ моментамъ годового круговорота; вмѣсто того чтобы оплакивать Адониса въ лѣтній зной или осенью и ликовать о его возрожденіи весною, одновременно совершали то и другое, и печальную, и веселую часть обряда.

Въ такомъ пониманіи всѣ дѣйства объ Адонисѣ, о нашемъ Кострубонько, объ умирающемъ королѣ чешскаго обряда оказываются простымъ изображеніемъ извѣстнаго миѳическаго представленія, религіозной игрой безъ непосредственнаго практическаго примѣненія. Такой характеръ Адоніи и имѣли, вѣроятно, въ Александріи, когда они уже прошли черезъ передѣлку при-

---

1) Golden Bough. I, p. 278 — 279; Mannh. W. u. Fk. II, p. 281, 286 — 287; Daremberg et Saglio, Dictionn. des ant. I, p. 72 и др.; Roscher въ R's Ausf. Lex. I, s. 75—76.

2) Три главы изъ ист. поэт. *Ж. М. Н. Пр.* 1898, апр. и май, стр. 22 — 23 отд. оттиска.

дворнаго жречества, стремившагося къ торжественности и пышности ритуала. Но понимали ли ихъ такъ въ Библосѣ? Можетъ быть можно найти и такое объясненіе Адоній, которое поведетъ насъ къ пониманію того, какія надежды возлагали люди на этотъ обрядъ, почему онъ былъ необходимъ, считался дѣломъ важнымъ и интереснымъ для каждаго? Мнѣ кажется, надо также постараться подыскать и такое объясненіе, по которому сліяніе обоихъ актовъ дѣйства, скорбнаго и веселаго, не было бы лишь результатомъ санкретизма, а напротивъ было бы необходимо и неизбѣжно. На такое пониманіе Адоній наведетъ насъ одно замѣчаніе схоліаста къ третьей Идилліи Теокрита: «ὁ Ἄδωνις, ἤγουν ὁ σῖτος ὁ σπειρόμενος, ἓξ μῆνας ἐν τῇ γῇ ποιεῖ ἀπὸ τῆς σπορᾶς καὶ ἓξ μῆνας ἔχει αὐτὸν ἡ Ἀφροδίτη, τουτέστιν ἡ εὐκρασία τοῦ ἀέρος. καὶ ἐτότε λαμβάνουσιν αὐτὸν οἱ ἄνθρωποι» [1]). Замѣчаніе о шести мѣсяцахъ, во время которыхъ Адонисъ пребываетъ подъ землей, схоліастъ повторилъ, какъ нѣчто общеизвѣстное, но почему онъ назвалъ Адониса «ὁ σῖτος σπειρόμενος»? Сѣмя вовсе не лежитъ въ землѣ 6 мѣсяцевъ безъ движенія. Мнѣ особенно важно, что схоліастъ прибавляетъ: «καὶ ἐτότε λαμβάνουσιν αὐτὸν οἱ ἄνθρωποι». Онъ, очевидно, нѣчто подслушалъ объ Адонисѣ изъ народныхъ устъ, а народъ зналъ, что Адонисъ есть сѣмя и съ миѳомъ Персефоны ничего общаго не имѣетъ.

И тоже самое говоритъ и Іеронимъ: «Eadem gentilitas hujus modi fabulas poetarum, quae habent turpitudinem, interpretatur subtiliter interfectionem et resurrectionem Adonidis planctu et gaudio prosequens: quorum alterum in seminibus, quae moriuntur in terra, alterum in segetibus quibus mortua semina renascuntur, ostendi putat» [2]). Онъ также въ своемъ объясненіи такимъ образомъ ссылается на народное пониманіе Адониса, какъ сѣмени, и эта ссылка въ высшей степени важна. Она прямо показываетъ

---

1) Schol. ad. Teocriti Idyll. III, 48. Sch. et Gl. ed. Ahrens, Bucolicorum Graecorum Reliquiae, Lpz. 1856, II, p. 151.

2) S. Hieronymi, Commentarius in Ezechielem Lib. III, cap. VIII, 89—90 y Migne'a, Patr. Lat. t. 25-ый, стр. 83 A.

намъ основное значеніе Адоній. Въ словахъ теокритовскаго схоліастта, равно какъ и христіанскаго проповѣдника мы вѣдь имѣемъ вовсе не толкованіе миѳа, вовсе не теорію, объясняющую его происхожденіе и основное религіозное значеніе, намъ дается здѣсь прямое указаніе на то, какъ смотрѣли простые люди въ древности на праздникъ Адоній, и отсюда чего они ждали отъ соблюденія его ритула. Адоніи были въ основѣ своей *заклинаніемъ сѣмени*, такимъ обрядомъ, который долженъ былъ способствовать скорѣйшему и успѣшнѣйшему выходу ростка полезныхъ растеній, послѣ того какъ драгоцѣнное сѣмя брошено въ землю и погибло въ ея страшной неизвѣданной глубинѣ. Только при такомъ пониманіи этого обряда сліяніе грустнаго и веселаго актовъ, представленіе о смерти и о быстромъ, скоро наступающемъ возрожденіи вполнѣ понятны и логичны.

Понятны станутъ при этомъ и «сады Адониса». Что бросаніе ихъ въ воду есть ничто иное, какъ заклинаніе дождя, это допускали и Маннгардтъ, и Фрезеръ, и Рошеръ [1]), но что собственно они такое, это до сихъ поръ не было выяснено. М. т. при признаніи Адоній заклинаніемъ сѣмени, смыслъ этихъ горшковъ съ быстро выходящей зеленью становиться до очевидности ясенъ. Всякій, знающій, какъ приготовляется крестьянинъ къ посѣву, видѣлъ такъ называемыя «ростила», т. е. завязанную въ мокрую тряпку землю съ сѣменами. Если быстро и изъ многихъ сѣмянъ покажутся ростки, это значитъ, что сѣмя припасено хорошее, всхожее. Когда поле уже засѣяно и хлѣбъ, какъ выражаются крестьяне на сѣверѣ Россіи, вышелъ, «что щеть», тогда, конечно, эти ростила болѣе ненужны. При заклинаніи сѣмени ихъ поэтому вполнѣ логично выбросить вонъ и если они могутъ понадобиться для заклинанія дождя, то, конечно, тѣмъ лучше. Ростила играютъ роль при заклинаніи сѣмени и у нѣкоторыхъ ди-

---

1) Mannh. W. u. Fk. II, s. 28; Frazer, Golden Bough. I, p. 286; Рошеръ въ Roscher's, Ausf. Lex. I,1, s. 76,58.

карей. На Санъ Сальвадорѣ клали сѣмена въ маленькіе сосуды изъ калабата и ставили ихъ передъ идоломъ; затѣмъ рыли канаву и въ ней садили сѣмена; надъ ними ставилась жаровня съ куревомъ. Священное курево должно было, очевидно, притянуть къ себѣ поскорѣе ростокъ, который долженъ показаться изъ сѣмени [1]).

Праздникъ Адониса въ Аѳинахъ, Александріи и почти повсемѣстно въ Греціи происходилъ въ серединѣ лѣта [2]). Это пріуроченіе соотвѣтствовало связи Адониса съ Афродитой и въ особенности тому миѳу о немъ, по которому онъ изображаетъ растительность, замирающую отъ лѣтняго солнцестоянія до самой весны, и представляетъ собою нѣчто вродѣ мужского образа Персефоны [3]). Однако, въ Библосѣ, гдѣ Адоніи производились наиболѣе полно, хотя и менѣе пышно, они имѣли мѣсто именно ранней весной — въ мартѣ или къ концѣ февраля [4]) — т. е. какъ разъ во время ярового посѣва, когда естественно возникала въ немъ потребность.

Если только обрядъ этотъ въ самой своей сущности былъ заклинаніемъ сѣмени, онъ, однако, не могъ имѣть первоначально вполнѣ опредѣленнаго пріуроченія и въ разныхъ мѣстностяхъ, вѣрнѣе всего производился въ разное время сообразно раннему и позднему посѣву ярового или озимого хлѣба. Естественно поэтому, что, когда смыслъ обряда былъ забытъ, никакая традиція не мѣшала отнести его на какое нибудь число болѣе или менѣе случайно, можетъ быть, въ связи съ тѣмъ его толкованіемъ, какое было ему дано въ жреческой средѣ, интересовавшейся скорѣе красивымъ миѳомъ Адониса, чѣмъ его старымъ основнымъ значеньемъ въ глазахъ сельскаго населенья. Подобнымъ сообра-

1) Palicio, San Salv. D. Honduras 1576, p. 65 etc. (Spier's Collections of Rare and Original Docum. & Relations concerning the discov. of Amer. New York, 1860) прив. у Spenser'a, Descript, Sociol. II, p. 23.

2) Daremberg et Saglio, Dict. des ant. I, p. 72.

3) Ibid. О миѳѣ Адониса см. Roscher, Ausf. Lex. 69—70.

4) Baudissim, Studien zur semitischen Religionsgeschichte, Lpz. 1876, I, s. 298.

женьемъ можно объяснить и неустойчивость въ пріуроченіи нашей игры въ Кострубонько: въ Купальскій циклъ его легко могъ перетащить са собой схожій съ первымъ его актомъ обрядъ проводовъ весны или похоронъ Костромы.

До сихъ поръ мы разсмотрѣли только тѣ обряды, которые касаются посѣва яровыхъ хлѣбовъ. Озимые всходы, а равно и уже посѣянныя зелени ярового, судьба которыхъ зависитъ также отъ дружной или медленной, сухой или влажной весны, также заботливо обставляется поэтому разнаго рода обрядовыми дѣйствіями. Они открываются еще на Вознесеніе или на Іоанна Лѣствичника, когда во многихъ мѣстностяхъ Россіи пекутъ изъ тѣста такъ называемыя лѣстницы, или просто пироги, которые украшаютъ поперечными перекладинами изъ тѣста [1]); эти лѣстницы вѣроятнѣе всего преслѣдуютъ цѣли заклинанія: лѣстница символизируетъ ростъ соломы, которая должна, такъ сказать, подняться по лѣстницѣ, выросги и чѣмъ выше, тѣмъ лучше. Отношеніе къ полеводству видно изъ того, что въ селѣ Колѣнѣ Аткарскаго уѣзда Саратовской губерніи бабы ходили со своими лѣсеньками въ поле, валялись по озими и бросали вверхъ яйца. Г. Минхъ, разсказавшій этотъ обычай, совершенно вѣрно замѣчаетъ, что это бросанье вверхъ яицъ имѣетъ значеніе заклинанія роста ржи: «какъ высоко взвилось яйцо, такъ должна была вырости рожь» [2]). Послѣ этихъ забавъ принесенные припасы съѣдались тутъ же въ полѣ въ общемъ пиршествѣ, какъ извѣстно, всегда заканчивающемъ всякое жертвенное дѣйствіе теперь, какъ и въ старину.

Этотъ обычай лѣсенокъ есть собственно только прелюдія болѣе торжественныхъ хозяйственныхъ обрядовъ. Они начинаются повсемѣстно собственно только на пасхальной недѣли или на

---

1) Терещенко, Бытъ русск. нар. VI, стр. 20; Петрушевичъ, Общер. нар. дневникъ, стр. 35; Калинскій, Церк. нар. мѣс. *З. И. Р. Г. О.* VII (1877) стр. 381; *Живая Старина*, IV (1891) стр. 200; Минхъ, Обыч. и обр. кр. Сарат. губ. *З. И. Р. Г. О.* XIX,2, стр. 103.

2) Минхъ, l. c.

Юрьевъ день, когда въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи служатъ молебны на озимыхъ поляхъ или вообще молятся о плодородіи[1]); то же дѣлаютъ и словинцы на Юрьевъ день[2]). Въ Португаліи священники также служатъ въ маѣ молебствія о сохраненіи озимыхъ и яровыхъ хлѣбовъ[3]). Въ Верхней Баваріи около Мосбурга на пасху «идетъ каждый крестьянинъ со своими работниками къ своему полю и на каждомъ углу его ставитъ крестъ изъ свѣжихъ вѣтокъ (Palmkreuze, Feldkreuze); тутъ же онъ кладетъ скорлупы отъ пасхальныхъ яицъ». Кромѣ этого въ серединѣ поля такъ же зарывается яйцо[4]). Въ Австріи на Пасху часть посвященной пищи: яицъ, мяса и пр. закапывается въ нѣсколькихъ мѣстахъ поля[5]). Во Фландріи на Вербное Воскресенье на углахъ поля втыкаются вѣтви вербы и при этомъ приговариваютъ:

Ik zegene hier myn kooren,
tegen den bliksen en den oormen,
tegen den meisens en tegens de Knechten,
op dat ze myn Korn niet ommevechten
en tegen dat diuvels zwynsges
dat zoo kwaed om pekken is»[6]).

То же дѣлается и въ Австріи около Земмеринга[7]).

Подобные обряды соблюдаются и въ сѣверной Индіи. «Когда сахарный тростникъ пускаетъ первые ростки, хозяинъ поля, разсказываетъ Крукъ, совершаетъ жертвоприношеніе на слѣ-

1) Калинскій, Церк. нар. мѣсяц. *З. И. Р. Г. О.* VII (1877) стр. 390; Отт. Берманъ, Кал. по нар. преданьямъ въ Воложанскомъ прих. *З. И. Р. Г. О.* V (1873) стр. 21. *Этн. Сб.* I, стр. 323—324; *Смол. Вѣстн.* 1890, № 37.

2) Stojanović, Slike iz domac. živata slov. nar. str. 51.

3) Braga, O povo port. II, p. 281.

4) Panzer, Beitr. z. Deutsch. Myth. II, s. 212.

5) Jahn, Deutsch. Opferbr. s. 78—79.

6) Lausens въ *Wolf's Zeitschr.* III, s. 164 и ff. прив. у Jahn'a, D. Opferbr. s. 82, ср. Mannh. W. u. Fk. I, s. 397 прим.

7) *Z. f. O. V.* II (1896) s. 194.

дующую субботу утромъ. ....Въ мѣсяцѣ Каарттикъ (ноябрь, октябрь) онъ беретъ изъ дому масло, пироги, сласти, пять или шесть кусковъ тѣста, испеченныхъ въ видѣ груши, и немного чистой воды и идетъ въ поле; здѣсь онъ разводитъ огонь и приноситъ нѣсколько пирожковъ духу поля. Послѣ этого онъ закапываетъ имѣющія форму груши куски тѣста, на каждомъ углу своего поля и, съѣвши остальныя явства, идетъ домой въ радости»[1]). Нѣчто подобное дѣлается и у вотяковъ. Послѣ засѣва яровыхъ хлѣбовъ вотякъ совершаетъ жертвоприношеніе у оржаного поля и произноситъ молитву, гдѣ говорится слѣдующее:

«Посѣянный хлѣбъ въ полѣ да зеленѣетъ подобно зеленому дерну».

«Отъ комаровъ, мошекъ и червей избавьте».

«Отъ всякихъ несчастій, и тѣхъ и этихъ, отъ повѣтрій и града сохраните».

«Подобно земляникѣ и клубникѣ, чтобы налилось посѣянное сѣмя и т. д.»[2]).

Ужъ изъ приведенныхъ обычаевъ видно, что заботы о всходахъ имѣли по преимуществу ввиду оградить ихъ отъ бѣды, спасти ихъ отъ всевозможныхъ опасностей. Такого рода забота въ умѣ первобытнаго хозяина вызываетъ естественно представленіе объ очищеніи. Вкапываніе яйца и его скорлупъ и втыканіе креста изъ вѣтвей по угламъ поля и должны окружить молодые всходы заколдованнымъ кругомъ, чтобы туда не проникала никакая скверна. Приведенная мною фламандская пѣсня прямо высказываетъ надежду, что поле будетъ ограждено отъ напасти.

Очищеніе полей весною есть одинъ изъ самыхъ устойчивыхъ и широко распространенныхъ весеннихъ сельско-хозяйственныхъ

---

1) F. L. of North. India, II, p. 301.

2) Первухинъ, Эскизы пред. и быта инор. Глазовскаго уѣзда. Эскизъ III-й, стр. 18.

обрядовъ. Совершается онъ повсемѣстно путемъ торжественнаго обхода по межамъ или кругомъ всего поля. У насъ въ Россіи это дѣлается на Юрьевъ день. Въ Бѣлоруссіи поля обходятъ съ пирогомъ, водкой и селедкой. Женщины при этомъ обтыкаютъ поле косточками, сбереженными ими отъ пасхальнаго стола [1]). Въ Муромскомъ уѣздѣ такой же обходъ совершается съ образами и зажженными свѣчами въ рукахъ. То же дѣлаютъ по словамъ Ефименка и въ Архангельской губерніи [2]). Въ Пошехонскомъ уѣздѣ Ярославской губ. этотъ обрядъ производятъ дѣвушки на Вознесенье, причемъ онѣ несутъ яичницу. Парнямъ не позволяется при этомъ присутствовать. Яичницу съѣдаютъ тутъ же въ полѣ послѣ обѣдни [3]). Болѣе торжественно такой очистительный обходъ совершаютъ сербы и болгары. Онъ называется у нихъ «Крестноше» или «Заветина». Вокругъ полей идетъ длинная процессія подъ предводительствомъ духовенства съ крестомъ и хоругвями. Шествіе останавливается на каждомъ углу поля, и здѣсь священникъ читаетъ евангеліе; въ это время дѣвушки водятъ хороводы, а молодицы, вышедшія замужъ въ этомъ году, подносятъ каждому по крашенкѣ. Парни съ своей стороны производятъ симпатическое заклинаніе, бросая комки и подскакивая, какъ можно, выше, очевидно, чтобы хлѣбъ росъ такъ же высоко, какъ ихъ прыжки. Обнесеніе креста совершается въ Сербіи отъ Пасхи до Петрова дня [4]). Очистительный смыслъ по-

---

1) От. Берманъ, Календ. по нар. пред. въ Воложанск. приходѣ, *З. И. Р. Г. О.* V (1873) стр. 21; Калинскій, Церковно-нар. мѣсяцесловъ, *З. И. Р. Г. О.* VII (1877) стр. 390; Крачковскій, Бытъ Под. стр. 117 — 118; Барсовъ въ Тр. Этн. Отд. И. Общ. Л. Е. А. Э. III, кн. 1-ая, стр. 113.

2) Снегиревъ, Русск. прост. пр. III, стр. 75 и Терещенко, Бытъ русск. нар. VI, стр. 31. Матер. по этн. Арх. губ. *Тр. Этн. Отд. И. Общ.. Л. Е. А. Э.* V (1878) 141.

3) *Ежедн. прибавл. къ Яросл. Губ. Вѣдом.* 1893, № 95 (къ № 85) стр. 3.

4) Караџиħ, Жив. и Об. стр. 29—30; Милиħевиħ, Жив. срба сељ. стр. 127, § 76 — 82; Ястребовъ, Обр. и п. тур. с. стр. 120 — 122; Милоjевиħ, Песме и об. стр. 129; Чолоковъ, Бълг. нар. сб. ч. I, стр. 104; Ивановъ, Новое село (Видинск. окр.) *Этн. Обозр.* 1891, № 4, стр. 261; относительно прыганья, чтобы вызвать ростъ хлѣба см. также у Frazer'a G. B². I, pp. 35—37.

добнаго обхода сохранился въ сознаніи сербскаго народа совершенно ясно. Это видно изъ того, что пока идетъ крестный ходъ, больные ложатся поперекъ дороги, чтобы черезъ нихъ переступили участники процессіи[1]). Болѣзнь этимъ способомъ будетъ изгнана изъ ихъ тѣла совершенно также, какъ всякая скверна изъ поля. Подобные обходы въ XV вѣкѣ отмѣчены у вендовъ въ окрестностяхъ Мекленбурга[2]).

Извѣстіе объ очистительномъ обходѣ въ Германіи восходитъ въ книгѣ XVI вѣка Себастьяна Франка, на которую я уже имѣлъ случай ссылаться. «Въ этотъ день (Духовъ день) разсказываетъ этотъ писатель, во многихъ мѣстахъ идутъ съ палками вокругъ поля, т. е. кругомъ хлѣбовъ; священникъ также ѣдетъ верхомъ и везетъ съ собой святые дары въ мѣшочкѣ, надѣтомъ на шею; на опредѣленныхъ мѣстахъ онъ слѣзаетъ съ лошади и тогда надъ всходами читается евангеліе и происходитъ пѣніе; это дѣлается, пока не будетъ обойдено все поле. Процессію замыкаютъ разодѣтыя дѣвушки. Онѣ поютъ и веселятся. При этомъ происходитъ множество шутокъ, бѣганья, болтовни, пѣнія, желаніе и себя показать, и на людей посмотрѣть»[3]). Въ XVI вѣкѣ нашъ обрядъ происходилъ такимъ образомъ въ Германіи совершенно также, какъ и въ современной Сербіи. Сходно съ этимъ онъ производится и теперь подъ названіемъ Flurumritt'а. Маннгардтъ собралъ о немъ цѣлый рядъ извѣстій изъ разныхъ частей Германіи и нѣмецкой Австріи[4]). Flurumritt совершается теперь на Пасху, на Духовъ день и на 1-ое мая. Объѣздъ начинается обыкновенно еще до восхода солнца. Ѣздятъ молодые парни верхами на коняхъ. Всадники называются Usterreiter или Saatreiter. Кони ихъ покрыты лентами и всевозможнымъ убранствомъ. Въ южной Германіи среди католическаго на-

1) Ястребовъ, Об. и п. тур. серб. стр. 121; Милићевић, Жив. срба сел. стр. 128, § 79.
2) Mannh. W. u. Fk. I, s. 401.
3) Weltbuch. (1584) f. 131, прив. у Mannh. l. c. s. 400.
4) Mannh. l. c. s. 397—402.

селенія въ исполненіи этого обряда принимаетъ до сихъ поръ участіе и священникъ, такъ что обходъ получаетъ характеръ крестнаго хода. Священникъ долженъ также ѣхать верхомъ на лошади. По угламъ поля процессія останавливается, какъ и въ Сербіи, для прочтенія евангелія. Вмѣсто священника предводительствуетъ иногда объѣздомъ и кто нибудь изъ сельскихъ властей[1]). Въ Австрійской Силезіи ѣдетъ напримѣръ сельскій судья[2]). На Рюгекѣ очищеніе обходомъ усиливается еще и огнемъ: при обходѣ несутъ пылающіе факелы и этотъ обрядъ называется поэтому *Molkentönerschen brennen*[3]). Съ факелами въ рукахъ обходятъ свои засѣвы крестьяне, и въ Бельгіи, и во Франціи. При этомъ они говорятъ, что спасаютъ поля отъ плохого сѣятеля[4]).

У Русскихъ и Сербовъ съ этимъ обрядомъ связаны и особыя пѣсни. Судя по тому, что̀ говоритъ Себастьянъ Франкъ, вѣроятно и въ Германіи нѣкогда при обходѣ пѣлись особыя, спеціальныя пѣсни, но въ настоящее время въ нѣмецкихъ пѣсенныхъ сборникахъ нельзя найти ни одной пѣсни, которая хотя бы даже вскользь упомянула о Flurumritt'ѣ. Собственно у насъ въ Россіи подобныя пѣсни также почти совершенно забыты. Снегиревъ приводитъ только коротенькое четверостишіе съ испорченнымъ припѣвомъ, «κύριε ἐλέησον»:

Воскликнемъ-те, братцы,
Святую куралесу:
Дажь, Боже, намъ
Ячмень усатый,
Пшеничку колосисту[5]).

1) Panzer, Beitr. z. D. Myth. II, s. 90, № 137, 212.

2) Vernalecken, Myth. und Gebr. des Volkes in Oestr. I, s. 306, № 28.

3) Mullenhoff, S. u. L. aus Schl. № 288; Jahn, Opferbr. s. 122; ср. Аѳан. Поэт. воззр. I, стр. 706.

4) Reinsberg-Düringsfeld, Calendrier belge, I, p. 141 — 148; Monseur F. L. Wallon, p. 124 etc.; de Nore, Cont. p. 283 etc.; Laisnel de la Salle, Croyances et legendes, I, p. 35 etc.

5) Снегиревъ, Р. простон. пр. III, стр. 75.

Въ Бѣлоруссіи поется пѣсня о св. Юріи, испрашивающая весной влаги[1]). Отраженіе этого обряда можно видѣть еще и въ одной Семикской пѣснѣ:

Ходитъ колосъ по яри,
Что по бѣлой по пшеницѣ.
Изъ зерна-то коврига;
Изъ полу-зерна пирогъ.
Гдѣ дѣвушки шли,
Тутъ рожь густа;
Гдѣ бабы шли,
Тамъ вымокла;
Гдѣ мущины шли,
Тамъ повыросла;
Гдѣ ребята шли,
Тамъ повылегло[2]).

Здѣсь несомнѣнно идетъ рѣчь именно объ обрядѣ обхода полей и его сельско-хозяйственномъ значеніи.

Гораздо богаче содержаніемъ и обрядовымъ примѣненіемъ пѣсни Лемковъ Карпатскихъ горъ. Здѣсь подобныя пѣсни называются «царинными» и поются на Зеленыя Свята, т. е. на Русальной недѣлѣ[3]). Одинаково разнообразны и сербскія пѣсни, которыя поются крестоношами[4]). Логически присущими и поэтому основными надо признать, конечно, тѣ изъ поющихся здѣсь пѣсней, которыя констатируютъ и самый обрядъ и прямо указываютъ на его назначеніе. Такъ, въ одной угро-русской пѣснѣ говорится:

---

1) От. Берманъ, Кал. по нар. пр. въ Волож. приходѣ, *З. И. Р. Г. О.* V (1873) стр. 21; Калинскій, Церк. нар. мѣсяц. *З. И. Р. Г. О.* VII (1877) стр. 390.

2) Снегиревъ, Прост. праздн. III, стр. 119, № 4; Терещенко, Бытъ русск. нар. VI, стр. 163; Магнитскій, П. кр. села Бѣловолжскаго, стр. 110, № 2 (неполная); ср. Ястребовъ, Об. и п. тур. сербовъ, стр. 322.

3) Головацкій, Нар. п. Гал. и Уг. Руси, II, стр. 241—246, ср. III,a, стр. 7.

4) Ястребовъ, Об. и п. тур. серб. стр. 123; Милојевић, П. и об. стр. 142—143.

Сборомъ идеме, полонъ несеме!
Мольме ся Богу и всѣ посполу,
Жебы насъ тучи не заходили,
Злыи вѣтрове не пановали;
Оборонь, Боже, горы, долины,
Горы, долины, наши царины.
Пріими, Божейку, трудъ дорожейку,
Же ме обойшли горы, долины,
Горы, долины, наши царины![1]).

Схоже поется и у Сербовъ: пѣсня прямо заявляетъ, что несутъ крестъ и что дѣлается это въ надеждѣ на то, что Богъ пошлетъ успѣхъ, т. е. урожай:

Чесне кресте ми понесемо,
Господи помилуј,
Господи помилуј,
Амин!
Чесно кресте милог Бога,
Милог Бога Рујевита
Рујевита сильног Бога.
Што нам біје душманине,
Душманине Тартарине.
Што нам даје берићета
Берићета изобиља[2]).

Изъ обряда обхода полей вышло такъ же довольно распространенное въ волочобныхъ и иныхъ обрядовыхъ пѣсняхъ представленіе о томъ, что св. Юрій или св. Никола обходитъ поле. Святой тутъ самъ изображается производящимъ необходимое по понятіямъ народа очищеніе засѣва. Такъ, въ болгарскихъ пѣсняхъ поется:

1) Головацкій, Нар. п. Гал. и Уг. Р. II, стр. 246, № 8; ср. ibid. стр. 241, № 1 и стр. 246, № 10.

2) Милојевић, П. и об. №№ 192—198, стр. 142, ср. Ястребовъ, Об. и п. турецкихъ сербовъ, стр. 123 первую изъ прив. здѣсь пѣсень.

Свети Гірги коня кове
Серебро плочи, злато клинци,
Да си иде да обиде
Да обиде синорето,
Синорето по полето.
Есенини не класили
Пролетнини не никнали.
Весел ойде, сардит дойде.

Послѣ этого онъ возвращается домой и разсказываетъ о своемъ открытіи матери; мать утѣшаетъ его, говоря:

Да ште Господ ситна роса
От Гергювден до Спасовден,
Ша да класят есенини
Ша да никнат пролетнини[1]).

Въ этой пѣснѣ, какъ и въ другихъ схожихъ русскихъ и болгарскихъ пѣсняхъ смыслъ обряда уже забытъ и обходу Юрія или Николы дано другое объясненіе: святой пошелъ «глядѣть жито» и

Дробнымъ дождживомъ промочиваиць
Цихимъ вѣтрыкомъ просушиваиць,

какъ выражается одна бѣлорусская волочобная пѣсня[2]).

Очищеніе посѣвовъ считали необходимымъ производить и древніе римляне. Совершалось это у нихъ приблизительно около того же времени. По мнѣнію тогдашней сельско-хозяйственной науки особенно опаснымъ для полеводства считалось время цвѣтенія озимыхъ хлѣбовъ: «venti nocent frumento, говоритъ Плиній, et hordeo in flore aut protinus eum defluere vel maturescere incipientibus»[3]). Поэтому именно около этого времени отъ конца

1) А. Илиевъ, Сб. отъ нар. умотв. и об. Отд. I, книга 1-ая, № 268, стр. 327 — 328; Качановскій, Пам. Болг. нар. творч. №№ 34 — 37, стр. 101 — 105 (въ послѣдней пѣснѣ эпизодъ обхода уже забытъ); Безсоновъ, Кал. Перех. вып. 6-ой, № 544; Ш. Бп. №№ 133, 142, 143, 146; Ш. Мюзкр. I, в. 136, 137, 143; ср. такъ же Потебню, Объ. мал. и сродныхъ коляда, II, стр. 142—143.

2) Ш. Мюзкр. I, № 143, стр. 154.

3) Historia naturalis lib. XVIII cap. 17, 151.

апрѣля до середины мая и назначались обходныя процессіи Ambarvalia и Robigalia. Этотъ послѣдній праздникъ падалъ на 25 апрѣля (a. d. VI kal. Mai) и долженъ былъ предостеречь хлѣба отъ ржавчины. Когда производились Ambarvalia, точно неизвѣстно, и вѣрнѣе всего это былъ праздникъ передвижной, имѣвшій мѣсто въ сѣверной Италіи 29 мая, а въ южной 1-го[1]). Что очищеніе происходило въ маѣ, на это намъ даетъ самое категорическое указаніе Menologium rusticum, гдѣ подъ маемъ безъ обозначенія числа отмѣчено: «segetes lustrantur»[2]).

Самый обрядъ обхода производился приблизительно такъ же какъ и въ современномъ фольклорѣ; Виргилій говоритъ:

Terque novas circum felix eat hostia fruges
Omnis quam cherus et socii commitentur ovantes
(Georg. I, 345—366).

Во главѣ этого шествія шли, конечно, жрецы и вели съ собою жертвенныхъ животныхъ; ихъ бывало нѣсколько или только одно, смотря по достатку и цѣлямъ производимаго очищенія[3]). Во время обхода произносились и молитвы, въ которыхъ совершенно отчетливо выразился очистительный смыслъ обряда: «Mars pater, te precor quaesoque uti sies volens propitius mihi domo familiaeque nostrae, quoius rei ergo agrum terram fundumque meum suovitaurilia circumagi jussi, uti tu morbos visos invisosque, viduertatem vastitudinemque, calamitates intemperiasque prohibessis defendas averruncesque; utique tu fruges, frumenta, vineta virgultaque grandire beneque evenire siris, pastores pecuaque salva servassis duisque bonam salutem valetudinemque mihi domo familiaeque nostrae: harumce rerum ergo, fundi terrae agrique mei lustrandi lustrique faciendi ergo, sicuti dixi macte hisce suovetaurilibus lactantibus immolatis esto:

1) Hartmann, Der Röm. Kalender, s. 135; Roscher's Ausf. Lex. II,2, ss. 2403 и 2414; Preller-Jordan, Röm. Myth. I, s. 420—425.
2) C. I. L. I, p. 358—359, Menologia rustica: A, B.
3) Preller-Jordan, Röm. Myth. I, s. 420—421.

Mars pater, ejusdem rei ergo macte hisce suovetaurilibus lactantibus esto etc.[1])». Такой же очистительный смыслъ имѣетъ и приведенная Фестомъ молитва, произносимая «cum fundus lustratur»: «Avertas morbum, mortem, labem, nebulam, impetiginem[2])».

Древне-греческую аналогію къ современному обходу полей видятъ обыкновенно въ фаллической процессіи, изображенной Аристофаномъ въ Ахарнянкахъ[3]). Впереди идетъ дочь Дикэополя, несущая корзину и горшокъ съ кашей, за ней слѣдуетъ рабъ Ксантій съ поднятымъ вверхъ фаллосомъ; самъ хозяинъ замыкаетъ шествіе, напѣвая пѣснь въ честь фаллоса и Діониса. Въ текстѣ комедіи не видно, однако, чтобы шествіе это дѣйствительно обходило поле, кромѣ того, едва ли надо также отнести его къ веснѣ. Сельскія діонизіи, какъ называетъ свое торжество самъ Дикиэполь, праздновались въ совершенно другое время года[4]). Сознаніе необхпдимости очищенія хлѣбовъ путемъ обхода продержалось, повидимому, весьма долго и пережило замѣну античной религіи христіанствомъ. Мы уже видѣли, что Robigalia переродились въ чисто христіанскій обрядъ. Параллельно съ этимъ и очищеніе поля, повидимому, совершалось въ IX вѣкѣ на монастырской землѣ. Такъ, аббатисса Марксвида, основательница Шильдейскаго монастыря (около Бильфельда), постановила, чтобы: «annuatim secunda feria pentecostes, spiritu sancto cooperante, eundem patronum (мощи св. Іоанна) parochiis vestris longo ambitu circumferentes et domos vestras lustrantes pro gentilico ambarvali, in lacrimis et varia devotione vos ipsos mactetis et ad refectionem pauperum elemosynam comportetis et in hac curti pernoctantes super reliquias vigiliis et canticis spiritualibus solennisetis,

---

1) M. P. Catonis de agricultura CXLI, ed. Keil, Lpz. 1884, v. I, pp. 87—88.

2) Festi de verb. signific. ed. Müller, Lipsiae, 1880, p. 210.

3) «Ахарнянки», переводъ Георгіевскаго (*Ж. М. Н. Пр.* 1885, ноябрь, декабрь) стр. 14 — 15 отд. отт. стихи 225 — 260.

4) Mommsen, Feste der Stadt Athen, s. 22 — 23, 357, 387.

ut predicto mane determinatum a vobis ambitum pia lustratione complentes, ad monasterium cum honore debito reportetis. Confido autem de patroni hujus misericordia, quod sic ab eo girate terre semina uberius provenient, et varie aeris inclementie cessent[1])». Христіанскіе пріемы культа: мощи, милостыня и проч. приспособились здѣсь къ завѣдомо языческому обряду и, проникнувъ въ него, ничего въ сущности не измѣнили въ его значеніи и религіозно-хозяйственномъ примѣненіи.

Очищеніемъ поля заканчиваются собственно всѣ заботы крестьянина о хлѣбныхъ всходахъ. Ихъ можно признать послѣднимъ актомъ всего весенняго обрядового дѣйства. Теперь остается только ждать, чтобы рожь созрѣла. Тогда наступитъ ужъ совсѣмъ другая пора, и другія работы; настанетъ торопливая уборка хлѣба и съ нею вмѣстѣ придетъ и наслажденіе долго ожидаемымъ изобиліемъ плодовъ земныхъ.

Когда подходитъ время колоситься ржи, крестьяне прибѣгаютъ въ Великороссіи также къ особой игрѣ, описаніемъ которой я и закончу рѣчь о весеннихъ хозяйственныхъ обрядахъ. Игра эта называется «Колосокъ» и производится на Троицу. Дѣвушки и молодицы становятся попарно лицомъ другъ къ другу и берутся за руки крестъ на крестъ, такъ чтобы изъ рукъ образовался плотный четырехъ-угольникъ. Такимъ, образомъ между двумя рядами играющихъ образуется мостъ изъ рукъ. По этому мосту и идетъ «Колосокъ», изображаемый дѣвочкой лѣтъ двѣнадцати въ нарядномъ сарафанѣ. По мѣрѣ того, какъ «Колосокъ» движется впередъ по рукамъ дѣвушекъ, оставшіяся позади пары перебѣгаютъ впередъ и дѣвочка можетъ идти все дальше и дальше. Шествіе направляется къ озимому полю. При этомъ поется и коротенькая пѣсенка:

---

1) Fundatio Monasterii Schildecensis. Monumenta Germaniae ed. fol°. Scriptorum, t. XV,2, p. 1050—1051. То же приведено у Grimm'a, D. M. a. п. p. и у Mannhardt'a, W. u. Fk. I, s. 401—402.

Пошолъ колосъ на ниву,
На бѣлую пшеницу.
Уродися на лѣто
Рожь съ овсомъ, со дикушей,
Со пшеницею.

Когда подойдутъ къ самому полю, тогда дѣвочка отрываетъ горсть ржи и несетъ ее къ церкви, гдѣ и бросаетъ ее [1]). Что игра въ «Колосокъ» есть заклинаніе колоса это само собою очевидно.

Подобными способами старается первобытный хозяинъ обезпечить себѣ урожай. Послѣ всего этого ему остается только терпѣливо ждать, когда наступитъ время жатвы. Тогда сама рожь или пшеница позоветъ его. Этотъ желанный моментъ заранѣе призываетъ одна бѣлорусская троицкая пѣсенка:

У поли пшаница ярая стояла,
Ярая стояла, колосомъ махала,
Колосомъ махала, говоромъ говорила:
«Ти меня сожнице, ти скотъ ўпусьице,
«Ня могу стояци, колоса сдзержаци [2]).

---

1) Ш. В. стр. 358—359, № 1285; схожую съ «колоскомъ» игру составляетъ малорусская хороводная игра «Шумъ»; дѣвушки, взявшись за руки, пробѣгаютъ подъ руками послѣднихъ двухъ подругъ остающихся на мѣстѣ; такимъ образомъ составляется плетень изъ рукъ крестъ на крестъ между двумя рядами играющихъ; тогда по рукамъ заставляютъ бѣгать ребенка лѣтъ шести; это и есть «шумъ», о немъ поютъ:

«Шумъ ходить по дуброві»:

Кончается эта хороводная пѣсня словами:

Завью вінокъ изъ борвинка
Або жъ мені кукню крайте
Або жъ мене заміжъ дайте. (Чубинскій, Труды, III, стр. 50—52).

Шумъ, вѣроятно, обозначаетъ только что распустившуюся листву: съ нею въ лѣсъ «приходитъ» шумъ или шелестъ листьевъ; вѣнокъ и мечты о замужествѣ присущи весенней пѣсни (см. ниже во 2-ой части этой работы); иначе понялъ эту игру А. Н. Веселовскій, Три главы, стр. 81 отд. оттиска.

2) Ш. Мюзкр. I, № 197, стр. 194; ср. № 196, стр. 193—194.

V.

Приступая къ изученію народныхъ весеннихъ обрядовъ, я высказалъ соображенія, заставившія меня изслѣдовать ихъ, какъ явленія совершенно самостоятельныя. Обрядовой обиходъ европейскихъ народовъ не представляетъ собою отраженія системы миѳовъ, онъ не есть выраженіе поэтическаго взгляда на природу. Въ основѣ его лежитъ извѣстный комплексъ вѣрованій и идей, свойственныхъ первобытному человѣку. Опредѣлить, какія вѣрованія и идеи вызвали къ жизни тотъ или иной изъ справляемыхъ по веснѣ обрядовъ и поставило себѣ ближайшей задачей настоящее изслѣдованіе.

Сообразно этому методъ, на которомъ оно построено строго аналитическій. Каждое обрядовое дѣйствіе было разсмотрѣно отдѣльно даже въ томъ случаѣ, если въ народной жизни оно тѣсно связано съ цѣлымъ рядомъ другихъ обрядовыхъ дѣйствій. Цвѣточный праздникъ происходитъ одновременно съ первымъ выгономъ скота въ поле, съ вторичнымъ чествованіемъ предковъ и наконецъ съ обрядовымъ плетеніемъ вѣнковъ, имѣющимъ особое символическое значеніе; тутъ же водятъ хороводы и поютъ пѣсни. Чешское, польское и восточно-нѣмецкое изгнаніе смерти связано съ внесеніемъ въ село или городъ свѣжей зелени. Мы видѣли, что за мысль лежитъ въ основаніи каждаго изъ этихъ обрядовъ. Мы видѣли также, почему именно весною они справляются. Только установивши то и другое, было возможно подойти и къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, почему нѣсколько различныхъ обрядовъ оказались связанными другъ съ другомъ въ народномъ бытованьи. Оказалось, что цвѣточный праздникъ, представляющій собою заклинаніе цвѣта хлѣбныхъ растеній, совпалъ съ первымъ выгономъ стада на подножный кормъ до извѣстной степени случайно, вслѣдствіи простого календарнаго совпаденія. Напротивъ вторичное чествованіе предковъ представилось въ силу самыхъ сокровенныхъ вѣрованій

первобытнаго человѣка необходимымъ какъ разъ въ то время, когда необходимымъ считалось и заклинаніе цвѣта хлѣбовъ.

Большинство разобранныхъ до сихъ поръ обрядовъ входятъ въ двѣ большія категоріи заклинаній и очищеній. На подобной интерпретаціи, какъ мнѣ уже приходилось указывать нѣсколько разъ, особенно настаиваетъ Фрезеръ во второмъ, дополненномъ на цѣлый томъ изданіи своего Golden Bough[1]). Онъ даже создалъ на основаніи ея особую теорію первобытной магіи. Эта теорія правда какъ то неожиданно все еще мирится у него съ системой Маннгардта, которой Фрезеръ по мѣткому замѣчанію Андрью Ланга, былъ когда то пророкомъ[2]), но критика обратила вниманіе только на теорію магіи. И она имѣла значительный успѣхъ въ мірѣ антропологовъ и фольклористовъ. Одинъ изъ рецензентовъ даже пишетъ, что вліяніе книги Фрезера не имѣетъ себѣ подобнаго съ самаго появленія «Первобытной культуры Тайлора[3])».

До сихъ поръ тѣ факты, которые Фрезеръ объединяетъ подъ названіемъ первобытной магіи т. е. факты знахарства, колдовства, заклинанія и очищенія изучались лишь вскользь, при чемъ въ нихъ видѣли отраженіе такъ называемаго анимизма[4]). Совершенно иначе относится къ нимъ Фрезеръ. Онъ минуетъ всѣ построенія, по которымъ первобытный умъ находится во власти, великой метафизической проблеммы о смерти, и нарушающихъ правильное теченіе мыслей сновидѣній. Онъ разсматриваетъ первобытную магію вполнѣ отдѣльно и самостоятельно.

И отмежевавши систему магіи отъ анимистическихъ представленій Фрезеръ былъ несомнѣнно правъ. Спенсеръ упоминая

---

1) См. главу Magie Religion.

2) Modern Mythology by Andrew Lang, p. 43.

3) Alfred Nutt въ F. L. XII (1901) p. 237.

4) Tylor, Primitive culture v. II, ch. XIV; Спенсеръ, Основ. Соціологіи, I, см. особенно гл. XVIII; Reville, Les Religions des peuples Non-Civilisés, I, pp. 95—95, 234, 296 etc.

способы первобытнаго лѣченія путемъ шума, сквернаго запаха, огня или ударовъ, напрасно приходитъ къ убѣжденію, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ изгнаніемъ духовъ вселившихся въ больного[1]). Даже если таково мнѣніе самихъ дикарей, то и это ничего не доказываетъ: разъ появилась вѣра въ духовъ, ею естественно стали объяснять и старыя, издавнія способы лѣченія, возникшія совершенно помимо этой вѣры. Нѣсколько выше въ главѣ о Первобытныхъ Идеяхъ Спенсеръ говоритъ: «вначалѣ сложные объекты и отношенія понимаются въ терминахъ простыхъ объектовъ и отношеній, съ которыми они имѣютъ сходство[2])». Развѣ не даетъ это положеніе совершенно достаточное объясненіе первобытнымъ пріемамъ врачеванія? Болѣзнь мыслится, какъ посторонній предметъ проникшій въ тѣло. Заклинатель долженъ извлечь его. Онъ и прибѣгаетъ ко всевозможнымъ способамъ изгнанія и извлеченія. Что заклинатель извлекаетъ и самую болѣзнь, а не только духа особенно наглядно видно при лѣченіи путемъ сосанія, когда болѣзнь изображается падающей изъ тѣла заклинателя ввидѣ зеренъ, послѣ того какъ онъ упорно и долго сосалъ то мѣсто въ тѣлѣ своего паціента, гдѣ чувствовалась боль[3]).

Совершенно также обстоитъ дѣло и относительно тѣхъ способовъ сельско-хозяйственнаго заклинанія или сельско-хозяйственной магіи, которые разобраны мною въ настоящемъ изслѣдованіи. Человѣкъ убираетъ себя и свое жилище цвѣтами, чтобы зацвѣли посѣянныя имъ хлѣбныя растенія; онъ радуется приходу къ нему въ домъ пѣвцовъ, напѣвающихъ ему изобиліе; онъ изгоняетъ изъ своего хозяйства, жилья, скотины, поля всякую порчу болѣзнь и невзгоду путемъ огня, шума, предварительнаго опахиванія или обхода; наконецъ въ лѣтній зной или ранѣе весною онъ обливаетъ вѣтки деревьевъ или самого себя водою, чтобы политы

1) Основаніе соціологіи, I, стр. 257.
2) Тамъ же стр. 111.
3) Lübbock, Les origines de la civ. p. 24 — 28.

были дождемъ его луга и его посѣвы. Все это вовсе не предполагаетъ непремѣнно вѣры въ духовъ. Все это коренится въ представленіи «сложныхъ объектовъ и отношеній въ терминахъ простыхъ объектовъ и отношеній». Исходя изъ этого представленія первобытный человѣкъ, какъ выражается Фрезеръ «схожими дѣйствіями вызываетъ схожія явленія [1])». Всего яснѣе это видно изъ магическихъ словъ сербской додолицы:

Мы идемо преко села
А облаци преко неба [2]).

Фрезеръ поэтому даже противополагаетъ систему магіи религіозному сознанію и сближаетъ ее съ наукой [3]). Магія по его мнѣнію основана «на особой грубой философіи», содержащей въ себѣ «зародышъ современныхъ понятій объ естественномъ законѣ» [4]). Она оказывается такимъ образомъ результатомъ чисто интеллектуальнаго процесса. И при этомъ совершенно безразлично, существуетъ ли та вѣра въ духовъ, которая считается первой стадіей религіознаго сознанія. Какъ справедливо замѣчаетъ Фрезеръ: «магія относится къ духамъ совершенно также, какъ и къ неодушевленнымъ факторамъ — она понуждаетъ или насилуетъ ихъ вмѣсто того, чтобы ихъ примирить или умилостивить, какъ это сдѣлала бы религія [5])».

Если система Фрезера вполнѣ удовлетворительно объясняетъ логическія построенія лежащія въ основѣ первобытной магіи, то она вовсе не касается однако ея сущности. Первобытная магія т. е. заклинанія и очищенія составляютъ попытку воздѣйствія на природу путемъ ирраціональныхъ съ нашей точки зрѣнія пріемовъ. Увѣнчаться успѣхомъ они могутъ лишь сверхъестественнымъ, а отнюдь не естественнымъ путемъ. Что же побудило

1) Golden Bough [2], I, p. 9.
2) См. выше стр. 218.
3) Golden Bough [2], I, pp. 60 — 64.
4) Ibid. p. 9.
5) Ibid. p. 63 — 64.

человѣка обратиться къ сверхъестественному воздѣйствію? Согласно раціоналистическому взгляду на происхожденіе религій, господствующему въ современной антропологіи этотъ вопросъ обыкновенно обходятъ простымъ предположеніемъ, будто первобытный человѣкъ «не имѣлъ въ своемъ распоряженіи для подраздѣленія феноменовъ этихъ двухъ отдѣловъ: детерминизмъ и сверхъестественный порядокъ явленій [1])». Этимъ замѣчаніемъ довольствуется и Фрезеръ [2]). Дѣло сводится такимъ образомъ къ простой ошибкѣ. Первобытному человѣку вслѣдствіи его невѣжества казались совершенно естественными и раціональными такіе способы воздѣйствія на природу, которые намъ кажутся ирраціональными и сверхъестественными.

Но такъ ли это? Дѣйствительно ли въ этомъ отношеніи такъ разнятся воззрѣнія современнаго человѣка отъ воззрѣнія дикаря?

Какъ это показалъ Андрью Лангъ, надо прежде всего имѣть ввиду, что распредѣленіе «этихъ двухъ отдѣловъ: научный детерминизмъ и сверхъестественный порядокъ явленій» такъ недавно еще было поколеблено въ наукѣ новыми наблюденіями надъ неизвѣстной еще областью внушеній, галлюцинацій, вліяній на разстояніи, угадываній и проч. [3]); а между тѣмъ эти неизвѣданныя явленія, по словамъ А. Ланга, давнымъ давно знакомы дикарямъ [4]) и знакомы гораздо полнѣе и лучше, чѣмъ образованнымъ европейцемъ. Дикарь давнымъ давно привыкъ прибѣгать къ этимъ явленіямъ. Онъ вполнѣ съ ними сжился. Онъ разумѣется не въ состояніи опредѣлить ихъ терминами научной номенкла-

---

1) Guyau, Irréligion de l'arvenir p. 60.

2) G. B. [2], I, p. 9.

3) Вирховъ недавно замѣтилъ: «то что мы называемъ законами природы должно разнообразиться сообразно нашимъ новымъ научнымъ пріобрѣтеніямъ» преведено у Moll'a Hypnotism, p. 357; cp. Richet, S'homme et l'intelligence, Paris, 1884, p. 257 — 260.

4) The Making of Religion, p. 7, pp. 72 — 112; относящіеся сюда факты собраны Бастіаномъ, Ueber psychische Beobachtungen bei Naturvölkern, Lpz. 1890.

туры, но прибѣгая къ нимъ, онъ вполнѣ отдаетъ себѣ отчетъ въ томъ, что онъ дѣлаетъ. Если зулусъ, разсказываетъ Каллауэ, «потеряетъ какой либо цѣнный предметъ, онъ сейчасъ же принимается искать его, но не найдя то, что потерялъ, онъ прибѣгаетъ къ внутреннему откровенію, при чемъ онъ старается почувствовать, гдѣ находится потерянный предметъ[1])». Тайлоръ недовѣрялъ искренности зулусовъ, когда они обращаются къ подобному способу отгадыванія. Возникновеніе его онъ объяснялъ также вѣрой въ духовъ предковъ[2]). Но съ точки зрѣнія современныхъ знаній о дикихъ народахъ едвали можно удовлетвориться такимъ объясненіемъ. Тутъ чувствуется нѣчто иное. Этотъ спеціальный актъ воли необходимый, когда исчерпаны всѣ обычные способы поисковъ, хорошо знаютъ почти всѣ дикіе народы. Они называютъ это: «открыть врата разстоянія[3])».

Приведенный примѣръ ясно показываетъ, что въ область сверхъестественнаго дикаря толкаетъ вовсе не неумѣніе отличить сверхъестественное отъ естественнаго; онъ вовсе не смѣшиваетъ простое исканіе съ «открытіемъ вратъ разстоянія», онъ сознательно прибѣгаетъ къ этому особому акту психической дѣятельности. И мало этого. Совершая актъ, казавшійся Тайлору ирраціональнымъ дикарь поступаетъ напротивъ вполнѣ раціонально. Ничего сверхъестественнаго въ его пріемѣ исканія въ сущности нѣтъ. Въ основѣ «открытія вратъ разстоянія» лежитъ то упорное сосредоточіе мысли, которое психологи зовутъ «ограниченіемъ поля сознанія» и результатомъ котораго является внушаемость[4]). Она способствуетъ «безсознательной мозговой дѣятельности», такъ часто творящей цѣлыя чудеса[5]). Внутреннее

---

1) Callaway, Religion of the Amazulu, p. 358; прив. у A. Lang'a, l. c. p. 77; тоже вскользь приведено и у Tylor'a, Prim. Cult. II, p. 120.

2) Prim Cult. II, pp. 117 — 121.

3) «Opening the gates of distance», см. у A. Lang'a, l. c. p. 72 etc.

4) Б. Сидисъ, Психологія внушенія, р. пер. СПБ. 1902, стр. 50 — 51.

5) Примѣръ подобной дѣятельности современнаго человѣка см. у Сидиса тамъ же стр. 121 и слѣд.

провиденіе, указывающее зулусу, гдѣ находится потерянный предметъ, есть ничто иное, какъ «безсознательная мозговая дѣятельность, граничащая съ вдохновеніемъ». Мы не знаемъ еще ея законовъ, но мы принуждены уже теперь ввести эти законы въ область научнаго детерминизма.

Эти соображенія помогутъ намъ вдуматься въ психологію и заклинаніи, но раньше этого мы должны отдать себѣ отчетъ, въ чемъ заключается коренное отличіе въ міросозерцаніи дикаря и современнаго человѣка.

Основную черту всѣхъ разсмотрѣнныхъ мною обрядовыхъ дѣйствій, черту, которую я тщательно старался подчеркивать каждый разъ, какъ къ тому представлялась возможность, составляетъ вѣра въ одинаковость судьбы самаго хозяина и его поля. Заклинанія, къ которымъ прибѣгаетъ первобытный земледѣлецъ должны непремѣнно указать самымъ нагляднымъ образомъ, что заклинаемое явленіе необходимо именно такому-то опредѣленному дому, такому-то опредѣленному хозяйству. Первобытный хозяинъ всегда считаетъ себя носителемъ своей собственной судьбы; его предопредѣленіе, хотя бы оно и зависѣло отъ явленій, лежащихъ внѣ его, онъ считаетъ присущимъ лично ему или той религіозно-хозяйственной общинѣ, къ которой онъ принадлежитъ. Эта особенность всякаго заклинанія указываетъ совершенно отчетливо на то, что взглядъ первобытнаго человѣка на природу строго эгоцентрическій. Въ этомъ заключается самая основная и характерная особенность его міровоззрѣнія.

Изъ строго эгоцентрическаго взгляда на природу вытекаетъ непоколебимая увѣренность въ цѣлесообразности ея явленій. Съ этой точки зрѣнія смотритъ на природу, и дикарь, и современный крестьянинъ. Ихъ обоихъ интересуютъ въ природѣ не законы, руководящіе ею, а лишь полезныя или вредныя проявленія этихъ законовъ. Они знаютъ достовѣрнѣйшимъ образомъ самыя неуловимыя свойства множества растеній, животныхъ, почвъ, источниковъ и пр. Ихъ свѣдѣнія по прикладной метеорологіи поражаютъ непривычнаго человѣка. Сумма ихъ знаній о явленіяхъ

природы настолько значительна, что любой средній образованный человѣкъ кажется въ сравненіи съ ними невѣждой. И эти то знанія, составляющія результатъ долгого, вѣкового опыта руководятъ человѣкомъ, стоящимъ близко къ природѣ, и на охотѣ, и на рыбной ловли, и при пастьбѣ скота, и въ сельскохозяйственномъ трудѣ. Представляя себѣ самымъ фантастическимъ образомъ законы природы, первобытный человѣкъ умѣетъ артистически пользоваться ея явленіями[1]). Природа кажется ему поэтому созданной лично для него.

Эгоцентрическій взглядъ на природу бываетъ однако поколебленъ въ тѣхъ случаяхъ, когда какое либо явленіе природы оказывается не на пользу, а на вредъ человѣка. И это случается, разумѣется, на каждомъ шагу. На каждомъ шагу обнаруживается и то, что вѣковой опытъ недостаточенъ, что онъ ведетъ къ ошибкѣ, не можетъ помочь человѣку. Тогда міръ перестаетъ казаться цѣлесообразнымъ. Современный человѣкъ теперь давно уже примирился съ подобнымъ выводомъ; онъ считаетъ себя ничтожной песчинкой въ общей системѣ мірозданія. Засухи и слишкомъ обильные дожди, неблагопріятныя состоянія почвы, эпидеміи и отдѣльныя заболѣванія современный человѣкъ принимаетъ безъ ропота. Онъ борется со всѣмъ этимъ и борется все болѣе и болѣе успѣшно, но при этомъ онъ спокойно сознаетъ, какая огромная область такъ называемыхъ бѣдствій остается внѣ сферы его воздѣйствія. И онъ сомнѣвается въ цѣли мірозданія, въ смыслѣ жизни[2]). Иначе относится ко всему этому первобытный человѣкъ. Тутъ сказывается категоричность его эгоцентрическаго міровоззрѣнія. Почти совершенно безпомощный въ борьбѣ съ неблагопріятными для него явленіями природы, дикарь въ силу своего эгоцентрическаго міросозерцанія не можетъ оставить безъ борьбы ни одно изъ этихъ явленій. Онъ считаетъ

---

1) Объ этомъ см. статью Эли Реклю въ *Русскомъ Богатствѣ*, 1893 г.

2) Guyau, Irréligion, de l'avenir p. 327, справедливо говоритъ, что сущность современнаго міровоззрѣнія есть *сомнѣніе*.

ихъ направленными противъ себя. Только мысль о возможности воздѣйствія можетъ привести въ равновѣсіе эгоцентрическую метафизику первобытнаго человѣка. Вотъ почему онъ не можетъ самымъ упорнымъ образомъ не изыскивать хоть какихъ-нибудь способовъ воздѣйствія на природу. Съ нашей точки зрѣнія это воздѣйствіе, оказывающееся заклинаніемъ или очищеніемъ, представляется сверхъестественнымъ. Но если не столь сверхъестественнымъ оказалось зулусское «открываніе вратъ разстоянія», не столь сверхъестественнымъ окажутся, можетъ быть, и заклинаніе, и очищенія?

Заболѣваетъ дикарь, его надо лѣчить. Знахарь производитъ, конечно, самый фантастическій и грубый діагнозъ. Но онъ все-таки начинаетъ съ діагноза, принимается лѣчить и своими травами. И тутъ сразу обнаруживается основная ошибка его взгляда на природу: «сложныя объекты и отношенія представляются знахарю въ терминахъ простыхъ объектовъ и отношеній». Сообразно этому въ лѣченіи на первомъ мѣстѣ стоитъ рвотное. Болѣзнь представляется, чѣмъ-то конкретнымъ, впившимся въ тѣло, и ее знахарь старается удалить посредствомъ рвотнаго[1]). Если въ наиболѣе распространенныхъ описаніяхъ быта дикарей отмѣчается исключительно другой способъ лѣченія, тотъ, который такъ схожъ съ пріемами очищенія и заклинанія, то это объясняется лишь тѣмъ, что этотъ иной способъ болѣе бросается въ глаза. Онъ пригодился также и какъ лишнее свидѣтельство въ пользу распространенности анимистическихъ представленій[2]).

Что первобытный человѣкъ прибѣгаетъ къ лѣченію сверхъестественнымъ способомъ лишь вслѣдствіи неумѣнія, неспособности лѣчить иначе, надо твердо помнить. Не надо упускать изъ

---

1) Réville, Les religions des peuples non-civilisés, I, p. 236; Waitz-Gerland, Antropologie der Naturv. VI, s. 398 — 399.

2) Tylor, Primitive Culture, II, pp. 117—119; Спенсеръ, Основанія Соціологіи, II, l. c. Réville, l. c. pp. 95, 235, 296; Waitz-Gerland, l. c. II, s. 412 и VI, s. 397.

виду, что знахарское врачеваніе выходитъ изъ употребленія по мѣрѣ усовершенствованія прикладныхъ научныхъ знаній. Первобытная магія отжила свой вѣкъ вовсе не потому, что опытъ показалъ ея несостоятельность, какъ это думаетъ Фрезеръ[1]). Ее вытѣснилъ другой съ нашей точки зрѣнія болѣе раціональный способъ воздѣйствія на природу, зародышъ котораго существовалъ искони. Эмбріонъ современнаго детерминизма — не магія, а практическое и пытливое наблюденіе надъ явленіями природы.

Мы уже видѣли, что самые пріемы сверхъестественнаго способа лѣченія основаны все на томъ же ошибочномъ представленіи о «сложныхъ явленіяхъ и отношеніяхъ въ терминахъ простыхъ явленій и отношеній». Это достаточно разъяснено Фрезеромъ. Но насъ интересуютъ теперь не пріемы сверхъестественнаго лѣченія, а его психологія. Намъ важно дознаться, какимъ психическимъ процессомъ въ своихъ поискахъ о воздѣйствіи на неподдающіяся его слабымъ силамъ явленія природы дошелъ человѣкъ именно до заклинанія и очищенія. На это насъ наведетъ наблюденіе надъ тѣмъ, что происходитъ въ психикѣ шамана тюркскихъ племенъ, баксы киргизовъ, негрскаго иніанга или нгангга, жреца — бодо дикихъ Цейлонскихъ Веддовъ, кудесника американскихъ краснокожихъ, анжекока эскимосовъ[2]) въ моментъ ихъ страннаго врачеванія? Равнымъ образомъ намъ важно вдуматься и въ душевное состояніе, какъ самихъ ихъ паціентовъ, такъ и присутствующихъ при врачеваніи родичей и односельчанъ?

Киргизскій баксы, пока онъ «играетъ» надъ больнымъ, призываетъ подъ аккомпониментъ своего кобыза длинный рядъ духовъ, но онъ призываетъ ихъ лишь на помощь; онъ самъ, какъ это видно изъ описанія г. Диваева, считаетъ себя совершающимъ

---

1) Golden Bough [2], I, pp. 75—76.

2) Tylor, Prim. Cult. II, pp. 115 — 117; Waitz-Gerland, Antropologie, II, ss. 412—413, VI, ss. 397—398; A. Réville, Les religions des peuples non-civilisés, I, pp. 93—95, 234—235, 296, II, pp. 132—134.

трудную работу[1]). Онъ находится въ экстазѣ[2]), этомъ особомъ душевномъ состояніи, которое по мнѣнію психологовъ есть результатъ «сосредоточенія умственной энергіи на одномъ и томъ же направленіи мыслей и чувствъ и постояннаго поддерживанія себя въ этомъ сосредоточеніи[3])». Баксы приводитъ себя въ экстазъ упорнымъ внутреннимъ стремленіемъ вылѣчить больного. Оттого въ его призывной пѣсни, обращенной къ духамъ, вырывается возгласъ:

Если я не вылѣчу больного
Развѣ мнѣ не будетъ стыдно?[4])

Иногда баксы также подзадариваетъ себя, не давая вниманію ни на минуту разсѣяться:

Что съ тобой, мой голосъ,
Что не подпѣваешь моему кобызу[5]).

Приведенію въ экстазъ служатъ и внѣшніе пріемы. Среди нихъ первое мѣсто занимало когда-то круженіе. Современный баксы уже болѣе не кружится, но въ текстѣ его пѣсни еще сохранились слова: «я кружусь, я кружусь»[6]). Точно также и однообразная музыка кобыза или бубна, и самые звуки пѣсни, и изступленные крики и тѣлодвиженія, все это составляетъ также общераспространенные пріемы приведенія себя въ экстазъ, или состояніе «внушаемости». Этому служатъ и наркотическіе напитки, и предварительный постъ и пр.[7]). Эти способы само-

1) А. А. Диваевъ, Изъ области киргизскихъ вѣрованій, *Изв. Общ. Арх. Ист. и Этн.* XV,3 (1899).

2) А. А. Диваевъ, Этнографическіе Матеріалы, вып. V, Ташкентъ, 1896, стр. 34; см. также картинку: баксы въ экстазѣ, въ статьѣ: «Изъ области киргизскихъ вѣрованій».

3) Maudsley, Natural causes and supernatural seemings, London, 1887, p. 280 и 315; Murisier, Le sentiment réligieux dans l'extase. *Revue Philosophique*, XLVI (1898) p. 615.

4) Диваевъ, Изъ обл. кирг. вѣр. стр. 14 отд. отт.

5) Ibid. стр. 15.

6) Ibid. стр. 8 и 9 прим. 1).

7) Н. Ѳ. Катановъ, Отчетъ о поѣздкѣ въ Минусинскій Округъ, *Ученыя Записки Каз. Универс.* 1897, стр. 24—26.

внушенія, замѣняющіе пристальное смотрѣніе на кристаллъ, на воду или огонь, отмѣчены въ Остиндіи, у американскихъ индѣйцевъ, у гренландцевъ, у камчадаловъ, у якутовъ, у негровъ и у полинезійцевъ; они извѣстны были и древнимъ[1]). Все это приводитъ къ «крайней умственной повышенности при условіи сосредоточеніи на одной идеѣ[2])». Заклинатель заботится о томъ, чтобы его «нравственныя силы какъ бы удесятерились и онъ чувствовалъ себя способнымъ все совершить и все предпринять», какъ характеризуетъ Рише бодрый періодъ опьяненія[3]). И заклинатель дѣйствительно чувствуетъ себя въ силахъ напряженіемъ своей воли произвести желаемое явленіе. Онъ не можетъ не вѣрить въ себя. Теперь ни одинъ изслѣдователь не станетъ уже считать знахаря дикихъ или полу-дикихъ племенъ простымъ обманщикомъ[4]).

Сверхъестественное врачеваніе объясняется такимъ образомъ совершенно аналогично съ зулусскимъ способомъ исканія потерянныхъ вещей. И оно также должно быть включено скорѣе въ категорію естественныхъ, чѣмъ сверхъестественныхъ пріемовъ воздѣйствія человѣка на природу (въ данномъ случаѣ на природу самого человѣка). До извѣстной степени уже обслѣдованные теперь факты внушенія даютъ намъ поводъ предполагать, что шаманы, вѣря въ свое искусство, не вполнѣ заблуждались. Приведя себя въ экстазъ и заразивши этимъ экстазомъ и всѣхъ присутствующихъ и самого паціента, шаманъ стремится внушить ему здоровье. Возможность подобнаго внушенія допускаетъ при особыхъ условіяхъ и медицина[5]). Поэтому даже

---

1) E. Parish, Ueber Trugwahrnehmung, s. 38, *Schriften der Gesellschaft über Psychologische Forschung*, 6 Heft. Lpz. 1893.

2) Ribot, De l'attention, p. 141.

3) Ch. Richet, L'homme et l'intelligence, Paris, 1884, p. 93.

4) A. Réville, Les réligions des peuples non-civilisés, II, p. 238—239; Guyau, Irréligion de l'avenir p. 63—65.

5) Это мнѣніе было давнымъ давно высказано въ Traité complet du magnétisme animal par M. le baron du Potet, 3-ème ed. Paris, 1856, pp. 283—291; Binet et Féré, Animal Magnetism. 1887, p. 355; прив. у A. Lang'a, Making of réligion, p. 21.

различные фокусы производимыя шаманомъ при врачеваніи, фокусы, которыя онъ можетъ совершить только въ состояніи нравственнаго изступленія: выдыханіе огня, прыганье по раскаленному желѣзу и по острымъ лезвіямъ шашекъ, разсѣканіе однимъ взмахомъ руки стѣнъ юрты[1]), все это поступки также раціональные. Они имѣютъ цѣлью внушить вѣру въ шамана, вѣру въ его силу т. е. передать его собственную вѣру другимъ.

Легшій въ основу нашихъ разсужденій разсказъ г. Диваева о киргизскомъ врачеваніи входитъ въ разрядъ отрицательныхъ заклинаній т. е. очищеній. Изгоняется ли злой духъ вселившійся въ тѣло или просто болѣзнь, во всякомъ случаѣ дѣло идетъ объ изгнаніи. Это явствуетъ и изъ нѣсколькихъ подробностей. Баксы кладетъ рядомъ съ больнымъ пѣтуха, или черепъ верблюда, или особыя куклы[2]). Мы уже знаемъ, къ чему все это служитъ. Дѣло очевидно идетъ о перегонкѣ изъ тѣла больного его болѣзни въ какой-нибудь предметъ.

Типичный примѣръ положительнаго заклинанія содержится въ описаніи шаманскаго дѣйства изъ Минусинскаго округа Енисейской губ., очевидцемъ котораго былъ Н. Ѳ. Катановъ. Шаманъ, Улканъ Алактаевъ, «камнилъ», наговаривая хозяину юрты всякое благополучіе[3]). Самое «дѣйство» мало чѣмъ отличается отъ разсказа г. Диваева: то же приведеніе себя въ экстазъ шаманомъ, то же вниманіе со стороны присутствующихъ, та же длящаяся нѣсколько часовъ однообразная пѣсня. Только вмѣсто кобыза шаманъ аккомпонировалъ себѣ на типичномъ для шаманскаго искусства бубнѣ. Тождественна, разумѣется, и психологія обоихъ дѣйствъ: и тутъ и тамъ одинаковая вѣра въ свои силы

1) Диваевъ, Изъ области киргизскихъ вѣрованій, стр. 16, 19 и 21; аналогичные фокусы при лѣченіи у краснокожихъ Канады приведены у A. Lang'a, The Making of rèligion, pp. 23—24.

2) Диваевъ, l. c. стр. 9.

3) Н. Ѳ. Катановъ, Отчетъ о поѣздкѣ въ Минусинскій Округъ, *Ученыя Записки Казанскаго Университета*, 1897, стр. 22 и слѣд.

шамана и вѣра въ его могущество со стороны присутствующихъ.

Различіе между обоими примѣрами однако огромное. Наговариваніе счастья уже отнюдь не можетъ съ нашей точки зрѣнія считаться раціональнымъ поступкомъ. Никакіе извѣстные намъ законы природы уже не могутъ оправдать его. Тутъ уже можно усмотрѣть коренную ошибку первобытнаго міровоззрѣнія: смѣшеніе раціональнаго съ ирраціональнымъ, естественнаго съ сверхъестественнымъ, играющую по мнѣнію антропологовъ такую важную роль въ первобытномъ міропониманіи. Тутъ первобытный человѣкъ, увлеченный своимъ эгоцентрическимъ міровоззрѣніемъ стремится вліять на то, что съ нашей точки зрѣнія ни въ какомъ случаѣ не подчинено волѣ человѣка. Но эта ошибка намъ уже не представится болѣе такой коренной и въ тоже время чисто случайной, какъ въ теоріяхъ антропологовъ. Она есть неизбѣжное слѣдствіе эгоцентрическаго міросозерцанія. Страстное желаніе дикаря, его воля, представляется ему волей мірозданія. И въ продуктивности, въ могуществѣ своей воли, напряженной на одной какой-нибудь мысли онъ убѣждается «открывая врата разстоянія» и излѣчивая болѣзни шаманскимъ способомъ. Ошибка первобытнаго человѣка лишь въ степени, а отнюдь не въ сущности вещей. Она психологически необходима.

Мы подошли такимъ образомъ къ пониманію того состоянія сознанія, въ которомъ коренятся и разобранныя на страницахъ этой книги сельско-хозяйственные заклинанія и очищенія. Теперь намъ вполнѣ уже ясна искомая психологія народной обрядности. Ставши на точку зрѣнія строгаго эгоцентризма мы естественно проникаемъ въ тайну появленія всѣхъ тѣхъ странныхъ и на нашъ взглядъ нелѣпыхъ дѣйствій, изъ которыхъ она состоитъ. Первобытный человѣкъ не можетъ не вѣрить, что своимъ экстазомъ, помогающимъ ему «открывать врата разстоянія» и врачевать болѣзни, онъ сможетъ вызвать дождь во время засухи, ускорить или обезпечить цвѣтъ полезныхъ растеній, обез-

печить себѣ успѣхъ на охотѣ, на рыбной ловлѣ, при посѣвѣ, при пастьбѣ скота и изгнать всякую скверну изъ своего жилища, стада или поля.

Вдумавшись въ психологію народной обрядности, мы будемъ также въ состояніи внести одну серьезную поправку въ Фрезеровскую теорію первобытной магіи. И эта поправка можетъ быть наведетъ насъ на такой путь развитія религіознаго сознанія, который минуетъ обыкновенно антропологическая школа.

Мы видѣли, что Фрезеръ противополагаетъ первобытную магію т. е. народную обрядность религіи и сближаетъ ее съ зачатками науки. Религія, по мнѣнію Фрезера, есть «согласованіе, превышающихъ человѣческія силы высшихъ силъ, которыя считаются управляющими и контролирующими природу и человѣческую жизнь»; поэтому «она находится въ основномъ противорѣчіи, и съ магіей, и съ наукой, сообразно которымъ порядокъ явленій природы опредѣляется механически дѣйствующими, неизмѣнными законами[1])». Но мы видѣли, что народная обрядность основана какъ разъ наоборотъ, не на признаніи неизмѣнности законовъ природы, а на вѣрѣ въ возможность поспособствовать ихъ нарушенію. Пріемы свои народная обрядность черпаетъ изъ такого пониманія явленій природы, которыя можно дѣйствительно сблизить съ научнымъ, но самая психологія ея коренится въ глубоко не научномъ міросозерцаніи, вполнѣ подходящимъ подъ Фрезеровское опредѣленіе религіи. Дѣйствительно, эгоцентризмъ, въ которомъ зиждется народная обрядность есть одинъ изъ способовъ «согласованія высшихъ силъ» т. е. опредѣленія цѣлесообразности міра, установленія взаимныхъ отношеній между воспринимающимъ я и воспринимаемымъ не я[2]).

---

1) Golden Bough [2], I, p. 63; Фрезеръ опирается еще на Jevons'a, Introduction to the History of Religion, L. 1896 и Oldenberg, Die Religion der Veda, Berlin, 1894, также противополагающихъ магію религіи.

2) См. опред. религіи Caird'a, The evolution of religion. Glasgow. 1893, v. I, p. 67—68.

И мало этого. Народная обрядность не только возникаетъ изъ міровоззрѣнія, которое нельзя не назвать религіознымъ, она въ значительной степени основана на представленіи о божествѣ. Вѣря въ свою власть надъ природой, служащей только ему одному и въ этомъ смыслѣ только и цѣлесообразной, первобытный человѣкъ самаго себя какъ бы мнитъ богомъ. Еще опредѣленнѣе создается представленіе о божествѣ, когда совершителемъ обрядовъ является кудесникъ, жрецъ, шаманъ. И киргизскій баксы, и тюркскій шаманъ считаютъ себя несомнѣнно богами. Въ разсказѣ г. Катанова шаманъ называетъ себя родственникомъ призываемыхъ имъ духовъ. Въ своемъ экстазѣ онъ изображаетъ себя совершающимъ долгую и трудную дорогу черезъ хребты горъ въ жилища духовъ. Пройдя этотъ путь, онъ и становится способнымъ дать благо хозяину [1]). Баксы и шаманъ оттого только призываютъ на помощь духовъ, что они сами стали богами. И представленіе о человѣкѣ — богѣ распространено у всѣхъ дикихъ народовъ. Фрезеръ собралъ объ людяхъ — богахъ огромное количество фактовъ [2]). Если въ народной обрядности современнаго европейскаго крестьянства отъ нихъ не осталось и слѣда, то это объясняется вполнѣ естественно. Христіанство не только остановило эволюцію языческаго религіознаго сознанія, оно заставило его спуститься на низшую степень развитія. Обрядовой эгоцентризмъ оказался такимъ образомъ вновь на самой зачаточной стадіи.

Людей — боговъ Фрезеръ считаетъ населенными духами [3]). Его объясненіе ихъ божественности основано такимъ образомъ на теоріи анимизма. Иначе представится дѣло съ точки зрѣнія предложенной здѣсь системы интерпретаціи народной обрядности. Божественность жреца-заклинателя основана на неудержимой потребности привести въ равновѣсіе пошатывающуюся

---

1) Отчетъ о поѣздкѣ въ Мин. Окр. *Учен. Зап. Казанск. Унив.* 1897, стр. 26.
2) Golden Bough [2], I, pp. 128—166.
3) Ibid. p. 130.

всевозможными бѣдствіями эгоцентрическую цѣлесообразность міра. Она вытекаетъ изъ того же психическаго процесса, что и самое заклинаніе. Жрецъ-заклинатель есть тотъ членъ первобытной общины, который болѣе склоненъ приходить въ состояніе экстаза подъ давленіемъ своихъ желаній. Вѣра въ него даетъ ему силу, а вѣра эта коренится въ его способности сосредоточиться на одномъ желаніи. Божественность заклинателя также точно, какъ и вѣра въ самое заклинаніе объясняется тѣмъ представленіемъ о зарожденіи религіознаго сознанія, которое изложено въ лекціяхъ о сущности религіи Фейербаха. «То чего желаетъ человѣкъ—и не можетъ не желать съ той точки зрѣнія на которую всталъ—тому онъ вѣритъ, говоритъ Фейербахъ. Желаніе есть требованіе того, чего нѣтъ; воображеніе, вѣра представляетъ это человѣку какъ-бы существующимъ на самомъ дѣлѣ[1])». «Нѣтъ религіи, нѣтъ бога безъ желанія[2])».

Пусть религіозное сознаніе возникло изъ попытки разрѣшить великій вопросъ объ отношеніи нашего я къ не я или, какъ выражается Гюйо, изъ «непреоборимаго стремленія, заставляющаго человѣка и даже животное отдать себѣ отчетъ обо всемъ, что онъ видитъ и разъяснить себѣ все это сообразно своему пониманію явленій міра[3])». Но гдѣ стимулъ къ разрѣшенію всѣхъ этихъ вопросовъ? Гдѣ коренится тотъ импульсъ, который заставляетъ человѣка сосредоточиться на вѣчной метафизической проблеммѣ? Мнѣ кажется, что искать его нужно вмѣстѣ съ Фейербахомъ именно въ желаніяхъ, въ потребностяхъ, въ чисто жизненныхъ, а вовсе не познавательныхъ стремленіяхъ первобытнаго человѣка. Теорія непосредственнаго возникновенія религіознаго сознанія исключительно изъ ошибочныхъ отвѣтовъ на вопросы о

1) L. Feuerbach, Vorlesungen über das Wesen der Religion, Lpz. 1851, s. 317.

2) Ibid. s. 322; Подобный же взглядъ на сущность религіознаго сознанія предложилъ недавно и Lesbaseilles, Les bases psychologiques de la réligion. *Revue Philosophique*, XXI (1886) pp. 367—385, 473—494; ср. особенно стр. 379—384; указаніемъ на эту статью я обязанъ И. И. Лапшину.

3) Irréligion de l'avenir, p. 52.

сущности физическихъ явленій, о жизни и смерти, о появленіи и исчезновеніи нашего сознанія мнѣ представляется такой же фантастической и произвольной, какъ и теорія поэтическаго воззрѣнія на природу. Напротивъ постолько, поскольку отъ отношенія я къ не я зависятъ реальныя потребности человѣка, постолько разрѣшеніе этого вопроса не только настоятельно необходимо, но и неминуемо должно быть осуществлено и какъ бы приведено въ исполненіе.

И теперь стало понятно, почему мнѣ было важно такъ подробно разсмотрѣть обрядовой обиходъ одного какого-нибудь опредѣленнаго момента въ хозяйственной жизни человѣка. Потребности и пожеланія человѣка выступаютъ такимъ образомъ болѣе ярко, а эти потребности и пожеланія и составляютъ ту психологическую среду, въ которой возникло религіозное сознаніе. До сихъ поръ мы видѣли, что возникшія изъ потребностей человѣка, живущаго натуральнымъ хозяйствомъ обряды заклинанія и очищенія основаны на представленіи о божественности жреца-заклинателя, царя или бога дождя, солнца и пр. Лишь существованіе подобныхъ божественныхъ личностей вносило гармонію въ эгоцентрическую цѣлесообразность міроздания. На почвѣ тѣхъ-же обрядовъ т. е. тѣхъ-же пожеланій и опасеній, какъ мы видѣли, могла возникнуть и еще одна ступень религіознаго сознанія: вѣра въ священные деревья, поддерживаемая системой тотемизма [1]). Еще дальше поведутъ насъ древне-греческія Адоніи и параллели къ нимъ въ современномъ фольклорѣ [2]). Адонисъ — сѣмя, нарожденіе котораго заклинается вслѣдъ за посѣвомъ, былъ не только предметомъ, но одновременно и способомъ обрядового внушенія. Наркотическій напитокъ, играющій важную роль при заклинаніи, приготовляется вѣдь изъ того-же сѣмени. Отсюда не только полезность, но и божественность сѣмени; отсюда далѣе и представленіе объ особомъ божествѣ, кор-

1) См. выше стр. 164—168.
2) См. стр. 344—346.

мильцѣ и благодѣтелѣ человѣчества, источникѣ божественнаго экстаза. Если анимистическія представленія возникли тѣмъ процессомъ духовнаго творчества, какой изобразили Спенсеръ и Тайлоръ, то этотъ богъ-кормилецъ получитъ совершенно естественно уже духовную сущность. Такимъ образомъ обрядовое дѣйствіе можетъ быть положено и въ основу болѣе совершенныхъ формъ религіознаго сознанія[1]). И мало этого. Оно же объяснитъ намъ и дуализмъ добра и зла, любви и страха въ представленіи о божествѣ: если въ положительномъ заклинаніи совершается процессъ нарожденія бога-благодѣтеля, то въ отрицательномъ заклинаніи, въ очищеніи, нужно искать источника злого, вреднаго, опаснаго духа, суроваго бога-человѣконенавистника.

Слѣдить далѣе за эволюціей первобытной религіи значило бы уже выйти за предѣлы настоящей работы. Намъ важно было лишь отдать себѣ отчетъ въ томъ, что представляютъ собою народные обряды и какое мѣсто занимаютъ они въ исторіи духовной дѣятельности человѣка. Народная обрядность намъ нужна была не сама по себѣ. Ея обслѣдованіе есть лишь этапъ въ общей цѣпи нашихъ разсужденій. И теперь мы можемъ сдѣлать шагъ впередъ. Мы можемъ подойти и къ главному предмету настоящаго изслѣдованія. Теперь передъ нами открылся уже путь *отъ обряда къ пѣсни.*

Намъ поможетъ и въ этомъ отношеніи все тотъ же разсказъ г. Катанова о шаманѣ, Улканъ Алактаевѣ.

Напѣвая благополучіе хозяину той юрты, гдѣ онъ «камнилъ», Улканъ Алактаевъ говорилъ ему: «Да будешь ты долголѣтенъ и да возвысится твой родъ! Живи (въ счастіи) до тѣхъ поръ

---

1) Я не хочу предвосхитить здѣсь возможности подобнаго объясненія нарожденія божествъ греко-римскаго, германскаго и славянскаго Олимповъ. Наши свѣдѣнія о богахъ древняго язычества слишкомъ отрывочны, чтобы попытка подобнаго изслѣдованія могла оказаться удачной. Залогъ смутной возможности такой попытки я вижу однако въ предложенной Фарнелемъ интерпретаціи Зевса, какъ бога дождя. Farnell, The Cults of Greek States, v. I, pp. 44—46.

пока не пожелтѣютъ твои бѣлые зубы; живи (въ счастіи) до тѣхъ поръ, пока не побѣлѣютъ твои черные волосы? Пусть жилище твое наполнится твоимъ потомствомъ, а дворы твои пусть наполнятся скотомъ! Стопы твои (по пути жизни) да будутъ тверды, какъ древесная накипь, отраженія твои (враговъ) да будутъ крѣпки, какъ желѣзо!»[1]) Развѣ этотъ отрывокъ не напоминаетъ замысла поздравительной пѣсни, занимающей центральное положеніе въ весенней обрядности? При толкованіи ея назначенія уже было указано, что въ основѣ своей она есть ничто иное, какъ заклинаніе счастья — довольства[2]). И не однѣ только поздравительныя пѣсни: trimouzettes, aguilaneuf, janeiras, aghiraldo, klopfan, пѣсни Pfingstbuben, лазарицы, кралицы, волочобныя пѣсни, колядки и пр. представляютъ собою заклинанія. Тотъ же смыслъ лежитъ въ основѣ и закликаній весны, и додолицъ, и пѣсень о Кострубонькѣ, и царинныхъ пѣсень[3]).

Теперь, послѣ того какъ мы вдумались въ психологію заклинанія подобное толкованіе разобранныхъ въ этомъ изслѣдованіи пѣсень получаетъ, мнѣ кажется, особое значеніе. Если вначалѣ было сказано, что изученіе народной пѣсни въ связи съ обрядомъ необходимо, чтобы понять подчасъ запутанный замыслъ пѣсни[4]), то теперь изученіе обрядовой пѣсни окажется интереснымъ и съ точки зрѣнія самаго зарожденія пѣсни. Связь пѣсни и обряда — связь органическая. Переходя отъ обряда къ пѣсни мы переходимъ только къ другой сторонѣ одного и того же явленія. Оттого изученіе и тѣхъ обрядовъ, которымъ посвящена эта глава и во время совершенія которыхъ поется сравнительно мало пѣсень, было намъ необходимо. Дѣйствительно. Мы видѣли, что психологическую сущность заклинанія составляетъ сосредоточеніе сознанія на одномъ опредѣленномъ желаніи, приводящее

1) Ibid. стр. 29.
2) См. выше стр. 250—251.
3) См. выше стр. 119, 214, 346.
4) См. выше стр. 20—26.

въ состояніе крайней возбужденности т. е. въ состояніе экстаза. Мы видѣли также, что самое «дѣйство» всякого заклинанія заключается въ пѣсни-пляски подъ аккомпониментъ тамбурина. И эта пѣсня исполняетъ совершенно опредѣленное назначеніе. Она съ одной стороны способствуетъ наряду съ другими пріемами появленію экстаза, а съ другой стороны выражаетъ словомъ самое пожеланіе[1]). Ритмическая ея форма такимъ образомъ тѣсно связана съ содержаніемъ. То и другое неразрывно и необходимо. Ритмически выраженное пожеланіе лежитъ въ основѣ заклинанія; оно отвѣчаетъ той живой потребности, которая создала это заклинаніе.

Если стало быть пѣсня-заклинаніе самымъ тѣснымъ образомъ связана съ заклинаніемъ-обрядомъ то естественно возникаетъ вопросъ: народилась-ли и сама пѣсня вмѣстѣ съ заклинаніемъ или ею только воспользовались въ цѣляхъ заклинанія, какъ чѣмъ то уже извѣстнымъ, даннымъ. Отвѣтъ на этотъ вопросъ представляетъ собою, конечно, огромный интересъ. Вѣдь если мы признаемъ, что пѣсня народилась въ тѣсной связи съ обрядомъ, то тѣмъ самымъ мы прійдемъ къ признанію, что извѣстный по крайней мѣрѣ родъ поэзіи возникъ совмѣстно съ религіознымъ сознаніемъ изъ того же самаго обрядового эгоцентризма. Тогда нельзя ужъ будетъ сказать вмѣстѣ съ А. Н. Веселовскимъ, что «календарный обрядъ... овладѣлъ хорическою пѣсней-игрой»[2]).

---

1) Значеніе внушенія, гипноза и отсюда экстаза въ эстетическомъ воспріятіи послѣднее время все болѣе притягиваетъ къ себѣ вниманіе изслѣдователей, см. книгу Souriau, La suggestion dans les beaux arts. Paris. 1893 и Lechalas, Etudes Esthétiques. Paris. 1902, глава IV. Теорія «опьяненія» Ницше способствуетъ распространенію подобныхъ взглядовъ и интересовъ. Объ роли въ этомъ отношеніи ритма см. Groos, Spiele der Menschen, s 29—31. Онъ напоминаетъ при этомъ извѣстное изрѣченіе Шопенгауера въ 1-омъ томѣ «Міръ, какъ воля и представленіе», § 51.

2) Три главы изъ истор. поэтики. *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1898, апрѣль, стр. 13, отд. отт.; см. однако выше стр. 10, гдѣ А. Н. хотя и говоритъ что «катарзисъ игры пристраивается къ реальнымъ требованіямъ жизни», замѣчаетъ тѣмъ не менѣе, что «подражательный элементъ дѣйства стоитъ въ тѣсной связи съ желаніями и надеждами первобытнаго человѣка».

Внесеніе пѣсни въ обрядъ, какъ актъ сознательнаго или безсознательнаго примѣненія чисто эстетической дѣятельности къ дѣятельности религіозной мнѣ кажется едвали правдоподобнымъ: вѣдь если отдѣлить пѣсню-пляску отъ обряда характера заклинаній и очищеній, то самое исполненіе обряда окажется психологически невозможнымъ. А рядомъ съ этимъ невозможнымъ окажется и вообще психологическое объясненіе происхожденія обряда.

Такимъ образомъ возникнетъ ужъ новая гипотеза о происхожденіи поэзіи. Эту новую гипотезу я и позволю себѣ высказать. *Обрядовая пѣсня-заклинаніе есть самостоятельно возникшій и первоначальный видъ народной поэзіи.*

Однако неужели можно признать столь первобытными всѣ эти: закликанія весны, trimouzettes, mayos, пѣсеньки Pfingstbuben и проч.? Вѣдь все это носитъ явные признаки вырожденія, «обрядового самозабвенія». Все это мы подсмотрѣли у культурныхъ народовъ, стоящихъ на высокой ступени цивилизаціи. Неужели можно такъ слѣпо довѣриться теоріи переживаній? Отъ всѣхъ этихъ вопросовъ я старался уже отчасти оградить себя, каждый разъ когда это было возможно, возводя современную пѣсеньку къ ея болѣе древнему праобразу, пытаясь установить хоть приблизительно ея незамысловатую литературную исторію. Мы видѣли также, что рядомъ съ современной европейской поздравительной пѣснью мы имѣемъ древне-греческую пѣсню о ласточкѣ, что среди современныхъ заклинаній дождя находятся такія явно первобытныя его формы, какъ греко-славянская додолица и пеперуга. Но возвести къ глубокой древности не удалось напр. закликанія весны и эти коротенькія русскія и чешскія пѣсни остались болѣе или менѣе загадочными. Не такъ просто стоитъ дѣло и относительно бѣлорусскихъ волочобныхъ пѣсенъ: они слишкомъ сложны и образны, чтобъ по нимъ можно было судить о первобытной поэзіи.

Всѣ эти затрудненія однако вовсе не столь важны. Западно-европейскія коротенькія пѣсеньки даже въ томъ старинномъ видѣ, который намъ удалось прослѣдить, конечно, въ значитель-

ной мѣрѣ представляютъ собою результатъ вымиранія обѣдненія, а не прямого переживанія. Но что такое вымираніе? Вымираніе не можетъ быть признано творческимъ процессомъ. Это есть не болѣе, какъ шагъ назадъ. Если самый обрядъ при переходѣ къ болѣе высшей степени религіознаго сознанія, сохранившись въ рукахъ лишь наиболѣе низкихъ въ культурно-историческомъ значеньи слоевъ общества, спускается обратно на низшую степень своей эволюціи, то тоже самое случается и съ пѣсней. Средствами современнаго, хотя и простонароднаго, языка, средствами современнаго, хотя и простѣйшаго, стихосложенія современныя пѣсни выражаютъ представленія, стародавнія, схожія съ первобытными. Пользуясь ими, можно поэтому заключать и о древнѣйшей пѣсни. Другое дѣло наши волочобныя, царинныя и др. пѣсни. Христіанство тутъ не вытѣснило древнѣйшій обрядъ, оно обогатило его новымъ содержаніемъ, дало ему новые образы, новую идеализацію. Этимъ оно спасло пѣсню отъ перехода къ простой шуткѣ, сохранило серіозность ея тона, но отъ стараго склада не осталось и помину. Вотъ почему психологію пѣсни и объяснили намъ скорѣе именно эти послѣднія пѣсни востока Европы, между тѣмъ какъ внѣшній складъ, отвѣчающій этой психологіи, самые образы и пріемы вызванные ею къ жизни, какъ это ни странно, мы нашли на западѣ среди народа, торопящагося впередъ въ погонѣ за новыми формами жизни.

Гипотезѣ происхожденія поэзіи, къ которой меня привели наблюденія надъ весенней обрядовой пѣсней не прійдется стоять совершенно въ сторонѣ отъ ужъ высказанныхъ относительно этого другихъ гипотезъ.

Съ тѣхъ поръ какъ Шиллеръ, стараясь развить въ приложеніи къ художественному творчеству Кантовское положеніе о безцѣльной (т. е. безполезной) цѣлесообразности эстетическаго наслажденія, положилъ въ основаніе искусства игру[1]) и эту

---

1) «Письма объ эстетическомъ воспитаніи человѣка». Письмо 14-ое, 15-ое, 23-ье и 26-ое.

мысль въ свою очередь высказалъ и Гербертъ Спенсеръ [1]), древнѣйшая пѣсня-пляска считается, какъ выразился А. Н. Веселовскій, «отвѣчающей потребности дать выходъ, облегченіе, выраженіе накопившейся физической и психической энергіи путемъ ритмически упорядочныхъ звуковъ и движеній [2])». Равнымъ образомъ и В. Шереръ опредѣлялъ поэзію, исходя изъ извѣстнаго стиха Вольтера-фонъ-деръ Фогельфейде:

wir suln sîn gemeit,
tanzen lachen unde zingen.

(Ed. Paul 25,10—12).

Поэзія отвѣчаетъ поэтому прежде всего потребности къ удовольствію «путемъ представленія о будущемъ удовольствіи» причемъ ее «сопровождаютъ выраженія настоящаго удовольствія: прыганье, радость, пляска, пѣніе» и съ этимъ «тѣсно связанъ и смѣхъ [3])».

Однако мало по малу въ самое послѣднее время подобный взглядъ сталъ измѣняться. Вѣдь и Шереръ теорію: искусство-игра считалъ лишь «zum Theil zutreffend [4])». Гроссе, изслѣдуя первобытное искусство, отождествляетъ правда позывъ къ искусству съ позывомъ къ игрѣ «т. е. къ внѣшней, безцѣльной и отсюда эстетической дѣятельности [5])», и этотъ позывъ къ игрѣ онъ считаетъ «далеко болѣе древнимъ, чѣмъ самое человѣчество [6])», такъ что позывъ этотъ вовсе не вызванъ какими либо культурными отношеніями, а лишь только развитъ особеннымъ образомъ въ особыхъ культурныхъ условіяхъ. Но нѣсколькими страницами ниже Гроссе однако заявляетъ, что «если бы энергія посвящаемая эстетическому творчеству и эстетическому воспріятію, была бы совершенно потеряна для самыхъ первыхъ и насущныхъ задачъ жизни, если бы искусство дѣйствительно было бы лишь ненуж-

1) Основанія Психологіи, т. IV, стр. 331—339, р. пер. 1876.
2) Три главы изъ ист. поэт. стр. 2.
3) Poetic, s. 81, ср. ss. 84, 85, 86 и 92.
4) Ibid. s. 93.
5) Die Anfänge der Kunst, s. 294.
6) Ibid. s. 295.

ной игрой, то подъ вліяніемъ естественнаго подбора безъ сомнѣнія народы болѣе практически одаренные вытѣснили бы тѣ народы, которые тратятъ силы такимъ непроизводительнымъ образомъ[1])». И у Гроссе эта двойственная точка зрѣнія проходитъ черезъ опредѣленіе всѣхъ искусствъ, и орнаментики, и живописи, и музыки, и поэзіи. Орнаментъ служитъ изображенію тотемистическихъ знаковъ; живопись воспроизводитъ религіозные символы; пляска-пѣсня возбуждаетъ мужество, внушаетъ солидарность соплеменниковъ, и только рядомъ съ этими практическими назначеніями всѣ эти искусства отвѣчаютъ эстетической потребности въ кантовскомъ смыслѣ[2]).

И мало этого. Самое изученіе игры, получившей такое важное значеніе для изслѣдованія эстетической дѣятельности человѣка въ свою очередь привело къ довольно неожиданнымъ результатамъ. Лазарусъ показалъ, что игра не есть только разрѣшеніе накопившихся силъ просящихся наружу, но и отдохновеніе[3]). Ужъ этимъ игра получила такимъ образомъ значеніе практически цѣлесообразное. Она даетъ возможность человѣку съэкономить силы, необходимыя въ борьбѣ за существованіе. Еще гораздо дальше изученіе игръ человѣка повело Грооса; онъ старался представить игру, и какъ упражненіе т. е. ужъ какъ совершенно необходимую для чисто практическихъ цѣлей дѣятельность человѣка. Подобный взглядъ правда не заставилъ Грооса отрѣшиться отъ теоріи искусства-игры, въ шиллеровскомъ смыслѣ, но сообразно съ измѣнившимся взглядомъ на самую игру и искусство оказалось ужъ не исключительно наслажденіемъ, какъ въ теоріи Шерера. Если Гюйо говорилъ, что «великое искусство не можетъ и не должно подходить подъ теорію игры[4])», то Гроосъ счелъ вполнѣ законнымъ подобное

---

1) Ibid. s. 298.

2) На совершенно схожей точки зрѣнія стоитъ вслѣдъ за Гроссе и Ribot, Psychologie des Sentiments, Paris, 1897, pp. 336—446.

3) Lazarus, Die Reize des Spiels, Berlin, 1882.

4) Guyau, Problèmes d'esthétique, p. 5—6.

возраженіе при «выходящемъ изъ теоріи разряженія силъ одностороннемъ взглядѣ на игру, какъ на лишнее занятіе (Luxus-Beschäftigung)». Только «убѣдившись въ великомъ біологическомъ и соціологическомъ значеніи игры» можно по его мнѣнію согласиться съ теоріей искусства-игры [1]). Да и то. Пляска напр. есть вовсе не простая забава; она есть особенно важное и интенсивное упражненіе, доводящее нравственныя и физическія силы до послѣдней степени напряженія. И рядомъ съ этимъ не надо забывать приведенное уже мнѣніе Гроссе: воспитывая чувство солидарности, пляска имѣетъ и важное соціологическое значеніе [2]). Вотъ почему, когда Гроосъ хочетъ показать отношеніе къ игрѣ первобытной пляски-пѣсни, онъ вновь напоминаетъ, что «первобытный плясовой праздникъ, соединяющій съ пляской музыку и поэзію, не имѣющимъ равнаго могучимъ образомъ дѣйствуетъ на публику», и считаетъ, что лишь «для самыхъ исполнителей ихъ дѣятельность всетаки имѣетъ характеръ игры [3])».

Еще болѣе отдалился отъ теоріи искусства-игры Бюхеръ. Изслѣдуя рабочія пѣсни, онъ пришелъ къ заключенію что ритмъ въ нихъ «данъ самою работой», что пѣсни эти «соединены матеріально съ работой и съ сопровождающими ее условіями [4])». Не только «работа, музыка и поэзія, по мнѣнію Бюхера, на первоначальной ступени развитія были слиты въ одно цѣлое, но основной элементъ этой тройственности составляла работа». И отсюда выводъ: «Энергическія ритмическія тѣлесныя движенія привели къ возникновенію поэзіи; въ особенности же тѣ движенія, которыя мы называемъ работой [5])». Бюхеръ не отрицаетъ при этомъ и значенія пляски въ происхожденіи поэзіи, но указываетъ при этомъ на то, что пляски «не что иное, какъ

1) Groos, Die Spiele der Menschen, s. 503.
2) Ibid. s. 455 и 476.
3) Ibid. s. 510.
4) Работа и ритмъ, стр. 68.
5) Тамъ же, стр. 70.

подражанія извѣстнымъ рабочимъ процессамъ (постройки лодокъ, охоты, войны, жатвы)[1])». Въ окончательномъ своемъ выводѣ Бюхеръ правда нѣсколько обобщилъ свое заключеніе, замѣнивъ, какъ мы видѣли, слово работа словами энергическія пѣсенныя движенія. Такимъ образомъ и онъ какъ будто склоненъ свою гипотезу примирить съ теоріей игры. Однако въ существѣ дѣла такое примиреніе ужъ невозможно: исходя изъ теоріи Бюхера, надо не только признать что «хоровая пѣсня за утомительной работой нормируетъ своимъ темпомъ очередное напряженіе мускуловъ», что «съ виду безцѣльная игра отвѣчаетъ безсознательному позыву упрожнить и упорядочить мускульную и мозговую энергію[2])»; этого мало, Бюхеръ вмѣстѣ съ Ницше видитъ въ ритмѣ понужденіе, напряженіе энергіи, способное довести до внушаемости, до опьяненія, до экстаза[3]). Съ теоріей аристотелевскаго катарсиса, мнѣ кажется, поэтому трудно согласовать это воззрѣніе Бюхера на происхожденіе поэзіи[4]). Пѣсня не есть утѣшеніе въ работѣ; она помогаетъ ея интенсивности; всякій, кто знакомъ съ техникой народныхъ плясокъ, прекрасно знаетъ, что въ пляскѣ музыка доводитъ до крайняго возбужденія мускульную энергію, побуждаетъ къ самымъ эластическимъ, прямо неосуществимымъ безъ нея тѣлеснымъ усиліямъ; также точно и въ работѣ: пѣсня способствуетъ ея производительности постолько, посколько производи-

---

1) Тамъ же, стр. 69; ср. А. Н. Веселовскій, Три главы, стр. 12.

2) А. Н. Веселовскій, Три главы, стр. 2.

3) Работа и ритмъ, стр. 86.

4) См. А. Н. Веселовскій, Три главы, стр. 2; къ вопросу объ аристотелевскомъ катарсисѣ мнѣ еще прійдется вернуться въ концѣ 2-ой части этого изслѣдованія; покамѣстъ замѣчу только, что современнымъ эстетикамъ едвали необходимо придавать особое значеніе этому вскользь брошенному и едвали глубоко продуманному выраженію Аристотеля; Av. Berger, (въ Aristoteles' Poetik, uebers. v. Th. Gomperz, Lpz. 1897, s. 97) справедливо говоритъ, что «напрасно было бы во всей Поэтикѣ искать эстетическаго постулата основаннаго на катарсисѣ.... Аристотель видѣлъ въ катарсисѣ политическое оправданіе того, что государство допускаетъ трагедіи». Ср. и мнѣніе В. Шерера, Poetik, s. 110.

тельность зависитъ отъ напряженности, и, этимъ она преслѣдуетъ чисто практическую цѣль. Смутное сознаніе возрастающей при пѣснѣ мускульной продуктивности и вызвало къ жизни рабочія пѣсни.

Выводы Бюхера о зарожденіи поэзіи намъ особенно важны. Предложенная мною здѣсь теорія зарожденія пѣсни изъ пріемовъ также преслѣдующаго чисто практическія цѣли заклинанія не только не противорѣчитъ теоріи Бюхера, но является ея дальнѣйшимъ развитіемъ. На возможность подобнаго развитія именно и указалъ самъ Бюхеръ, когда въ конечной формулировкѣ своей теоріи онъ замѣнилъ слово работа словами: «энергическія ритмическія тѣлесныя движенія». Къ теоріи игры это замѣчаніе не вернетъ, но оно позволитъ намъ включить въ систему Бюхера, и военныя, и любовныя, и даже сатирическія пѣсни. Въ основѣ происхожденія всѣхъ этихъ родовъ пѣсень лежитъ тотъ же самый психологическій процессъ, что и въ основѣ рабочей пѣсни. Пѣсня служитъ и тутъ возбужденію, напряженію психическихъ импульсовъ и мускульной энергіи. Военная пляска-пѣсня у дикихъ имѣетъ цѣлью «довести бойцевъ до высшей степени остервѣненія [1])»; равнымъ образомъ «первобытные охотники, присутствуя при военной пляскѣ, часто приходятъ въ такое возбужденіе, что при этомъ возникаютъ настоящія побоища [2])». Если справедливо мнѣніе Гроссе, что любовныя пѣсни рѣдко поются у современныхъ дикарей, что «любовь въ нашемъ смыслѣ есть такой цвѣтокъ, который не можетъ распуститься на тощей и жесткой почвѣ охотничьей жизни [3])», то въ моменты чисто физіологическаго общаго полового возбужденія грубыя любовныя эмоціи находятъ себѣ поэтическое выраженіе. Такова именно эта австралійская пѣсня-пляска во время праздника Кааро: вокругъ ямы окруженной кустарникомъ пляшутъ мужчины вооруженные палками и припѣваютъ:

---

1) А. Н. Веселовскій, Три главы, стр. 10.
2) Groos, Spiele der Menschen, s. 314.
3) Grosse, Die Anfänge der Kunst, s. 233.

Pulli nira! Pulli nira
Pulli nira, wataka![1])

Это не есть, конечно, просто подражательная игра. Ея назначеніе еще усилить ужъ и такъ возникшую потребность. Что сатирическія пѣсни и юмористическія пляски, къ которымъ въ высшей степени склонны современные дикари, имѣютъ также цѣлью возбудить смѣхъ, это само собою понятно.

Бюхера затруднилъ вопросъ о развитіи объективной, повѣствовательной пѣсни. Основной процессъ этого развитія онъ видитъ въ выдѣленіи эпоса изъ лирики[2]). Но можно ли дѣлать подобное предположеніе? Если видѣть начало повѣствовательной поэзіи въ наивной импровизаціи, въ которой дикарь поетъ о своей охотѣ, о только что видѣнномъ имъ событіи, даже о самой простой и вовсе не важной встрѣчѣ[3]), то и этотъ родъ пѣсни можно объяснить, совершенно не выходя за предѣлы предлагаемой мной гипотезы. И тутъ все тоже возбужденіе, все тоже самовнушеніе; только стремленія человѣка не заходятъ здѣсь дальше его внутренняго я. Пѣсни подобнаго рода служатъ пособникомъ для внутренняго сосредоточенія вниманія. Остановиться мыслью есть ужъ усиліе, и этому то усилію и способствуетъ ритмическій разсказъ объ интересномъ событіи.

Мы видѣли такимъ образомъ, что аналогично съ происхожденіемъ рабочей пѣсни объясняется зарожденіе и цѣлаго ряда пѣсень другого характера. Первобытный человѣкъ пѣлъ много и часто. «Австралійцу, разсказываетъ Грей, пѣсня тоже, что понюхъ табаку матросу. Разсердитъ его что либо, онъ поетъ, счастливъ онъ, онъ поетъ, голоденъ поетъ, пьянъ — конечно въ

---

1) Смыслъ этого приводящій эту пѣсню Schultze рѣшился передать лишь по латыни:

Non fossa, Non fossa,
Non fossa, sed cumus

Ps. d. N. s. 161; ср. А. Н. Веселовскій, Три Главы, стр. 13.

2) Работа и ритмъ, стр. 83.

3) Ср. Grosse, Die Anfänge der Kunst, s. 226 и А. Н. Веселовскій, Три главы, стр. 6.

случаѣ, если онъ не пьянъ, какъ стелька — онъ поетъ еще веселѣе, чѣмъ когда либо [1])». Однако основными типами должны все-таки быть признаны рабочія и обрядовыя пѣсни. Въ эти двѣ категоріи въ сущности входитъ почти все пѣсенное богатство первобытнаго человѣка. Если дикарь поетъ поминутно, то за то, какъ разсказываетъ Эллисъ о полинезійцахъ, даже самаго простого дѣла онъ не начинаетъ безъ молитвы и жертвоприношенія [2]). Военныя охотничьи и любовныя пѣсни даже прямо можно отнести къ обрядовымъ. Въ слѣдующей части этой книги мы увидимъ, что они даже календарно могутъ быть пріурочены.

Съ психологической точки зрѣнія на первой стадіи можно было бы поставить такимъ образомъ скорѣе всего импровизированныя пѣсни наивнаго эпическаго замысла, еще только помогающія остановить вниманіе; но происхожденіе ритма надо отнести на счетъ работы или занятія, и отсюда — вся гамма пѣсень разнаго примѣненія. Взявши точкой отправленія работу, мы получили довольно стройную систему нарожденія первобытной синкретической поэзіи.

Простымъ изнуряющимъ трудомъ осуществляетъ человѣкъ свою личную сущность въ природѣ. Его увлекаетъ желаніе, напряженіе воли. Во имя своего я и его потребностей онъ стремится побѣдить все то, что позднѣе онъ назоветъ общимъ терминомъ «не я». И сила его ростетъ въ процессѣ работы. Онъ усвоиваетъ себѣ ея ритмъ и на немъ воспитываетъ свое самосознаніе. Ритмъ становится въ его рукахъ властнымъ орудіемъ борьбы и первымъ залогомъ побѣды. Имъ управляетъ человѣкъ и своей колеблющейся, неустойчивой духовной дѣятельностью. Вотъ почему, когда напряженіе должно возрости съ возростаніемъ препятствій, ритмическое внушеніе не только не будетъ забыто, но въ немъ человѣкъ увидитъ и всю свою надежду. Внушеніе ритмической пѣсней, вотъ основной способъ примиренія

1) Grey, Journal of the expedition in N. W. Australia, прив. у Grosse, Anfänge der Kunst, s. 226.

2) Ellis, Polinesian Res. London. 1829, II, p. 216.

этихъ двухъ параллельныхъ міровъ я и не я, вотъ то средство, коимъ постарается человѣкъ возстановить цѣлесообразность, такъ часто кажущагося безпорядочнымъ мірозданія. Каждый разъ, какъ его давитъ спутникъ его жизни природа, пѣсня выражаетъ отчетливо его сознательное желаніе. Ритмически расположенными мыслями и словами напряженное, властное желаніе человѣка ведетъ къ осмысленной цѣли это загадочное и не всегда поддатливое «не я». Міровой процессъ стремится къ сознанію, къ жизни духа. Но безъ желанія нѣтъ сознанія, и чѣмъ полнѣе, напряженнѣе желаніе, тѣмъ богаче сознаніе, тѣмъ шире и глубже оно захватываетъ жизнь. Въ религіи и въ искусствѣ осуществляется сознаніе. Только гораздо позже отъ нихъ отдѣлится еще наука. И тогда въ новые моменты сомнѣнія она будетъ даже преобладать, казаться конечной формой духовной дѣятельности человѣчества...

Теперь мнѣ кажется понятнымъ и то, почему мнѣ было необходимо такъ подробно остановиться на отношеніи обряда къ религіи. Культурно-историческое значеніе обряда объясняется именно тѣмъ, что онъ входитъ въ составъ религіознаго сознанія. Но пѣсни-заклинанія, еще не вылупившіяся изъ обряда, намъ были важны лишь потому, что они должны повести насъ далѣе къ болѣе сложному искусству, къ поэзіи. Теперь нами ужъ пройденъ путь *отъ обряда къ пѣсни*. Въ слѣдующей части этой книги намъ предстоитъ новый длинный путь разсужденій. Я назову его — *отъ пѣсни къ поэзіи*.

Переходомъ къ этой второй части настоящаго изслѣдованія намъ послужатъ такія черты разобранныхъ обрядовъ, которыхъ я коснулся здѣсь только вскользь. Всѣ разобранные обрядовыя дѣйствія сопровождаются на первый взглядъ какъ будто независимымъ отъ нихъ весельемъ пѣсень и плясокъ. Во всѣ тѣ праздники, на которые падаютъ разобранные мною обряды-заклинанія молодежь гуляетъ, пируетъ, водитъ хороводы и тѣшится играми. Мнѣ прійдется на нихъ остановиться подробно въ спеціально посвященной имъ второй части этой работы. Но ужъ теперь

можно сказать, что и эти пляски и пиршества не составляютъ случайный чисто праздничный придатокъ, а входятъ въ обрядовое дѣйствіе его существенной и неотъемлемой принадлежностью. Ихъ назначеніе вполнѣ понятно: они также служатъ къ тому, чтобы возбудить свое желаніе и этимъ способствовать успѣшности заклинанія. И тогда, когда самое заклинаніе поручается особому лицу, въ немъ всетаки должны въ силу именно эгоцентрическаго міровоззрѣнія участвовать и всѣ члены религіозно-хозяйственной общины. Плясками и пѣснями они помогаютъ напряженію религіознаго сознанія. Нѣкогда и эти пѣсни-пляски, можетъ быть, носили характеръ сельско-хозяйственный, схожій съ тѣми играми, которыя описаны у Ксенофонта. Но и безъ этого непосредственнаго отношенія къ предмету заклинанія они также священны.

Добавочныя игры-пѣсни, какъ бы окружающія основной обрядъ своимъ шумнымъ ритмическимъ темпомъ, дополняютъ и самое содержаніе обрядового дѣйства. Въ нихъ встрѣтятся уже новые мотивы. Вся разнообразная человѣческая жизнь со всѣми ея уже чисто-бытовыми жизненными запросами, какъ мы увидимъ, отражается въ хороводномъ весельи. Тутъ призывы любви и грозная удаль молодечества станутъ рядомъ съ хозяйственными заботами и надеждами. Въ обрядовую пѣсню нахлынетъ бурная волна молодыхъ страстей и увлеченій. Оттого-то эти иныя болѣе разнообразныя пѣсни и приблизятъ насъ къ поэзіи въ болѣе современномъ смыслѣ. Вмѣстѣ съ болѣе широкимъ кругомъ идей явится и большее богатство образовъ, вмѣстѣ съ разнообразіемъ душевныхъ волненій обогатится и самая поэтическая форма.

Конецъ 1-ой части.

СПИСОКЪ ИЗДАНІЙ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

(вышедшихъ до 1 февраля 1903 года).

I. **Извѣстія** по Отд. рус. яз. и словесности (*перваго ряда*, въ 4 д. л. 1854—1861 г.). Томы 3—10, по 3 р. за томъ.

II. **Извѣстія** Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ (*второго ряда*, въ 8 д. л.): **тома I-го, изд. 1896 г.**: **книжки**: 1-ая (стр. II+234), кн. 3-ья (стр. 439—646) — *по одному рублю;* кн. 4-ая — (стр. 647—1008, загл. листъ къ I тому и общее оглавленіе) цѣна *1 руб. 50 коп.*, [кн. *2-ой *нѣтъ въ продажѣ*]; — ***тоже тома II-го, изд. 1897 г.**: книжкѣ 1-ой (стр. 1—279) цѣна *одинъ рубль*, кн. 2-ой (стр. 281—575) — цѣна *1 руб. 50 коп.*, кн. 3-ей (стр. 577—844) цѣна *одинъ рубль*, кн. 4-ой (стр. 845—1164, загл. листъ ко II т. и общее оглавленіе) цѣна *1 руб. 50 коп.*; — **тоже тома III-го, изд. 1898 г. книжки**: 1-ая — (стр. 1—314 и прилож. 1—48), кн. 2-я (стр. 315—632 и прилож. с. 49—129), кн. 3-я (стр. 633—969 и прилож. стр. 1—67 и 1—42) и кн. 4-я (стр. 969—1396) — *по 1 руб. 50 коп.*; — **тоже тома IV-го, изд. 1899 г.** книжекъ 1-й и 4-й, а также 2-ой и 3-ьей **тома V-го, изд. 1900 г.** и всѣхъ книжекъ томовъ **VI** (1901) и **VII** (1902) — цѣна *по 1 руб. 50 коп.* каждой. [*1 кн. **V т.** *распродана*].

III. **Ученыя Записки** II-го Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ (1856—1863 г.), кн. 2, 5, 6 и 7 — по 2 р. за книгу.

IV. **Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности** (съ 1867 г.). 8° *).

Томъ I. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. Томъ I (I—XL и 3 указателя) И. И. Срезневскаго. — **Характеристика Державина какъ поэта**, Я. К. Грота. — **Сношенія П. И. Рычкова съ Академіею Наукъ въ XVIII столѣтіи** П. П. Пекарскаго. — **Мнѣнія о Словарѣ славянскихъ нарѣчій**, А. Б. Шлейхера и И. И. Срезневскаго. — **Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина**, Я. К. Грота. — **О второмъ Отдѣленіи Академіи Наукъ**, его же. — Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ II. Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, соч. П. П. Пекарскаго.—**Литовскія народныя пѣсни**, И. Юшкевича.—**Коренное значеніе родства у Славянъ**, П. А. Лавровскаго. — **Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755 — 1764 годовъ**, П. П. Пекарскаго. — **Труды югославянской академіи наукъ и художествъ**, И. И. Срезневскаго. — **Литературные труды П. И. Кеппена**, А. А. Куника. — Къ тому

---

*) Томовъ IV, V вып. 1, VI, IX, XLVII, XLVIII, XLIX, L, LV, LIX—*нѣтъ болѣе въ продажѣ.*

этому приложены портреты: моск. митроп. Филарета и П. И. Рычкова. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ III. Древніе Славянскіе памятники юсоваго письма, съ описаніемъ ихъ и съ замѣчаніями объ особенностяхъ ихъ правописанія и языка, И. И. Срезневскаго. — Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ V, вып. I*. **Воспоминанія о научной дѣятельности митрополита Евгенія**. И И. Срезневскаго, съ прибавленіями гг. Полѣнова и Саввантова, съ письмами къ Городчанинову и Анастасевичу. — **Переписка Евгенія съ Державинымъ**, Я. К. Грота, съ письмами къ гр. Хвостову и къ К. К. Гирсу. — **О словаряхъ Евгенія**, А. Ѳ. Бычкова, съ перепискою между Преосв. и Ермолаевымъ и съ друг. приложеніями. — *Нѣтъ въ продажѣ*.

Тоже, вып. II. **Переписка А. Х. Востокова въ повременномъ порядкѣ**, съ объяснительными примѣчаніями И. И. Срезневскаго.—Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ VII. О трудѣ Горскаго и Невоструева: «Описаніе славянскихъ рукописей Синодальной библіотеки», записка И. И. Срезневскаго.—**Записка о томъ же**, А. Ѳ. Бычкова. — **Дополненія къ исторіи масонства въ Россіи XVIII столѣтія**, П. П. Пекарскаго. — **Толковый словарь В. И. Даля**, записка Я. К. Грота. — **О зоологическихъ названіяхъ въ словарѣ Даля**, записка Л. И. Шренка. — **О ботаническихъ названіяхъ въ словарѣ Даля**, замѣтка Ф. И. Рупрехта.—**Дополненія и замѣтки къ словарю Даля**, Я. К. Грота. — **Дополненіе къ областному словарю**, Н. Я. Данилевскаго. — **Объясненіе темныхъ и испорченныхъ мѣстъ русской лѣтописи**, Я. К. Эрбена. — **Разсмотрѣніе рецензіи «Описанія рукописей Синодальной Библіотеки»**, статья К. И. Невоструева. — **О греческомъ кондакарѣ XII—XIII в.**, архим. Амфилохія. — **Итальянскіе архивы и матеріалы для славянской исторіи** В. Макушева.—**Отчеты о дѣятельности Отдѣленія за 1868 и 1869 гг. и очеркъ біографіи А. С. Норова**, сост. А. В. Никитенко.—Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ VIII. Ломоносовъ какъ писатель. Сборникъ матеріаловъ для разсмотрѣнія авторской дѣятельности Ломоносова. Составилъ А. Будиловичъ. — **Матеріалы для библіографіи литературы о Ломоносовѣ**, С. И. Пономарева. — **Замѣчанія объ изученіи русскаго языка и словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ**, И. Срезневскаго. — **Итальянскіе архивы и хранящіеся въ нихъ матеріалы для славянской исторіи. — II. Неаполь и Палермо. III. Неаполь, Бари и Анкона**, В. Макушева.—Цѣна 1 р. 50 к.

*__Томъ IX. Историческія бумаги, собранныя К. И. Арсеньевымъ.__ Приведены въ порядокъ и изданы П. П. Пекарскимъ съ біографіею и портретомъ Арсеньева. — (*Не имѣется*).

Томъ X. Воспоминаніе о Сперанскомъ, А. В. Никитенко. — **Петръ Великій, какъ просвѣтитель Россіи**, Я. К. Грота.—**Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ**, Д. А. Ровинскаго. — **Когда основаны Уфа и Самара**, П. П. Пекарскаго. — **Повѣсть о судѣ Шемяки**, М. И. Сухомлинова. — **Библіографическія находки во Львовѣ**, Я. Ѳ. Головацкаго. — **Дополненія къ словарю Даля**, П. В. Шейна. — **Воспоминанія о Далѣ и Пекарскомъ**, Я. К. Грота.—Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XI. Исторія Россійской Академіи. Выпускъ первый. М. И. Сухомлинова. — **Записка о путешествіи въ Швецію и Норвегію**, Я. К. Грота. — **Русскій театръ въ Петербургѣ и Москвѣ (1749 — 1774)**, М. Н. Лонгинова.—**Дополненіе къ очерку славяно-русской библіографіи В. М. Ундольскаго**, сост. Я. Ф. Головацкимъ.—**Дополненія и замѣтки І. Ф. Наумова къ Толковому словарю Даля.** Къ книгѣ приложенъ портретъ академика Пекарскаго.— Цѣна 2 р.

Томъ XII. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ XLI—LXV. И. И. Срезневскаго. — **Сборникъ Бѣлорусскихъ пословицъ**, И. И. Носовича. — Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XIII. Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлецера, имъ самимъ описанная. Пребываніе и служба въ Россіи, отъ 1761 до 1765 г. Извѣстія о тогдашней русской литературѣ. Перев. съ нѣм. съ примѣч. и прилож. В. Кеневича (съ портретомъ Шлецера). Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XIV. Исторія Россійской Академіи. Выпускъ второй. М. И. Сухомлинова.—Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XV. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. LXVI—LXXX и Указатели ко II т. И. И. Срезневскаго. — Палеографическія наблюденія по памятникамъ греческаго письма, И. И. Срезневскаго. — Отрывки греческаго текста. каноническихъ отвѣтовъ русскаго митрополита Іоанна II, А. С. Павлова. — Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта, Я. К. Грота. — Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XVI. Исторія Россійской Академіи. Вып. III. М. Сухомлинова. — Цѣна 1 р. 75 к.

Томъ XVII. Апокрифическія сказанія о Ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой библіотеки, И. Я. Порфирьева.—Іерусалимъ и Палестина въ русской литературѣ, наукѣ, живописи и переводахъ (Матеріалы для библіографіи), С. И. Пономарева. — Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области великорусскаго нарѣчія, М. А. Колосова.—Ц. 2 р.

Томъ XVIII. Екатерина II и Густавъ III, Я. К. Грота. — Воспоминанія о четырехсотлѣтнемъ юбилеѣ Упсальскаго университета, Я. К. Грота.—Подлинники писемъ Гоголя къ Максимовичу и напечатанные отрывки изъ нихъ, С. И. Пономарева. — Библіографическія и историческія замѣтки. Орѣховецкій договоръ. Происхожденіе Екатерины I, Я. К. Грота. — Рѣчь въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ по случаю Столѣтняго юбилея Александра I, М. И. Сухомлинова.—На память о Бодянскомъ, Григоровичѣ и Прейсѣ, первыхъ преподавателяхъ славянской филологіи, И. И. Срезневскаго. — Отчетъ комиссіи о присужденіи преміи графа Н. А. Кушелева-Безбородки за біографію канцлера князя А. А. Безбородки, Я. К. Грота. — Замѣтки о сущности нѣкоторыхъ звуковъ Русскаго языка, Я. К. Грота. — Новые труды преосвященнаго Порфирія Успенскаго, С. И. Пономарева. — Цѣна 2 р.

Томъ XIX. Исторія Россійской Академіи. Выпускъ четвертый. М. И. Сухомлинова.—Чешскія Глоссы въ Mater verborum. Разборъ А. О. Патеры и дополнительныя замѣчанія И. И. Срезневскаго. — Цѣна 2 р.

Томъ XX. Некрологъ князя Вяземскаго, составленный акад. Я. К. Гротомъ. — Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ, Я. К. Грота. — Слово о двѣнадцати снахъ Шаханши, по рукописямъ XV вѣка, академика А. Н. Веселовскаго. — О славянскихъ редакціяхъ одного аполога Варлаама и Іоасафа. А. Н. Веселовскаго. — Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. LXXXI—XC, И. И. Срезневскаго. — Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1878 годъ, составленный академикомъ М. И. Сухомлиновымъ. — Заботы Екатерины II о народномъ образованіи. Я. К. Грота. — Князь Вяземскій. М. И. Сухомлинова. — Памяти кн. Вяземскаго. С. И. Пономарева. — Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха: I, академика А. Н. Веселовскаго. Къ книгѣ приложены портреты кн. П. А. Вяземскаго и А. В. Никитенка. Цѣна 2 руб.

Томъ XXI. Записки объ ученыхъ трудахъ И. В. Ягича и А. Н. Веселовскаго составленныя ак. Я. К. Гротомъ. — Русско-нищенскій словарь Минской губерніи мѣстечка Семежова. — Старообрядческій синодикъ, А. Н. Пыпина. — Разысканія въ области русск. духовнаго стиха: II, акад. А. Н. Веселовскаго. — Диссидентскій вопросъ въ Польшѣ. И. А. Чистовича. — Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ. Ст. II, Я. К. Грота. — Фріульскіе Славяне. И. И. Срезневскаго. — Дополненіе къ Бѣлорусскому словарю. И. И. Носовича. — Отчетъ Отдѣленія р. яз. и слов. за 1879 г., составленный М. И. Сухомлиновымъ.—Нѣсколько припоминаній о научной дѣятельности А. Е. Викторова. И. И. Срезневскаго. Цѣна 2 руб.

Томъ XXII. Исторія Россійской Академіи. М. И. Сухомлинова. Выпускъ V.— Южно-русскія былины: I—II, ак. А. Н. Веселовскаго. — Croissans-crescens и средневѣковыя легенды о половой метаморфозѣ, ак. А. Н. Веселовскаго. — О Ксанфинѣ, греческая Трапезунтская былина Византійской эпохи. Г. С. Дестуниса. — Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. XCI. И. И. Срезневскаго. — Отчетъ Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1880 г., съ некрологомъ И. И. Срез-

невскаго, составленный А. Ѳ. Бычковымъ. **Къ книгѣ приложенъ портретъ** И. И. Срезневскаго. — **Цѣна 2 руб.**

Томы XXIII — XXVII. Русскія народныя картинки. Д. А. Ровинскаго. Книга I. **Сказки и забавные листы.** — Кн. II. **Листы историческіе, календари и буквари.** — Кн. III. **Притчи и листы духовные.** — Кн. IV. **Примѣчанія и дополненія.** — Кн. V. **Заключеніе и алфавитный указатель именъ и предметовъ.** — Цѣна за всѣ 5 томовъ вмѣстѣ 10 руб., порознь эти тома не продаются.

Томъ XXVIII. Жизнь и дѣянія великаго Тамерлана. Сочиненіе Клавихо. Дневникъ путешествія ко двору Тимура въ Самаркандъ. 1403—1416. Подлинный текстъ съ переводомъ и примѣчаніями, составленными подъ редакціею И. И. Срезневскаго. — **Разысканія въ области р. духовнаго стиха. III—V.** А. Н. Веселовскаго. — **Богатырское слово въ спискѣ начала XVII вѣка,** открытое Е. В. Барсовымъ. — Цѣна 2 р.

Томъ XXIX. Эрикъ Лаксманъ. Я. К. Грота. — **Отчетъ II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1881 годъ.** А. Н. Веселовскаго. — **Новыя свѣдѣнія о Котошихинѣ по шведскимъ источникамъ.** Я. К. Грота. — **Библіологическій словарь и черновые къ нему матеріалы.** П. М. Строева. Изданъ подъ редакціею А. Ѳ. Бычкова съ составленнымъ имъ особымъ указателемъ. Цѣна 2 р. 25 к.

Томъ XXX. Памятники Болгарскаго народнаго творчества. Выпускъ I-й. Собралъ Владиміръ Качановскій. — Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ XXXI. Славянскія рукописи въ заграничныхъ библіотекахъ. Г. Воскресенскаго. — **Письма Погодина къ Максимовичу.** С. И. Пономарева. — **Исторія Россійской Академіи.** Вып. VI. М. И. Сухомлинова. — **Отчетъ о первомъ присужденіи премій Пушкина,** составленн. Я. К. Гротомъ. — **Отчетъ II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1882 годъ,** составленный А. Н. Веселовскимъ. Цѣна 2 руб.

Томъ XXXII. Очеркъ жизни и поэзіи Жуковскаго. Составленъ и въ день его столѣтняго юбилея читанъ Я. К. Гротомъ.—**Пожаръ Зимняго дворца 17 декабря 1837 года.** Записка В. А. Жуковскаго. — **Списокъ сочиненій, переводовъ и изданій академика Я. К. Грота.** Составленъ С. И. Пономаревымъ. — **Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха. VI—XI.** А. Н. Веселовскаго. — **Письма В. С. Сопикова къ К. Ѳ. Калайдовичу.** Сообщилъ И. Шляпкинъ. — **А. Н. Радищевъ, авторъ «Путешествія изъ Петербурга въ Москву». I—VIII.** М. И. Сухомлинова. — **Замѣтки по литературѣ и народной словесности.** А. Н. Веселовскаго. — **Матеріалы для библіографіи литературы о Карамзинѣ. Къ столѣтію его литературной дѣятельности (1783—1883).** Собралъ С. И. Пономаревъ. — Цѣна 2 руб.

Томъ XXXIII. Отчетъ о дѣятельности II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1883 годъ. Составленный М. И. Сухомлиновымъ. — **Отчетъ о присужденіи Ломоносовской преміи въ 1883 году, съ приложеніемъ четырехъ критико-палеографическихъ статей.** И. В. Ягича. (Съ тремя литограф. таблицами). — **Николай Ивановичъ Гнѣдичъ. Нѣсколько данныхъ для его біографіи по неизданнымъ источникамъ. Къ столѣтней годовщинѣ дня его рожденія (1784—1884).** Сообщилъ П. Тихановъ.—**Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ.** Статья третья. Я. К. Грота.—**Лекціи о русской литературѣ, читанныя въ Парижѣ въ 1862 г. С. П. Шевыревымъ.** Цѣна 2 р. 50 к.

Томъ XXXIV. Разысканія о греческихъ богатырскихъ былинахъ средневѣковаго періода. Г. Дестуниса.— **Описаніе славяно-русскихъ книгъ, печатанныхъ кирилловскими буквами. Томъ I. Съ 1491 по 1652 г.**— Ц. 1 р. 50 к.

Томъ XXXV. Литовскія свадебныя народныя пѣсни, записанныя Антономъ Юшкевичемъ и изданныя Иваномъ Юшкевичемъ. — Цѣна 1 р. 50 коп.

Томъ XXXVI. «Русское правописаніе». Руководство, составленное по порученію Второго Отдѣленія Императ. Акад. Наукъ акад. Я. К. Гротомъ.— **Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1884 г.** Составленъ и читанъ Я. К. Гротомъ. — **Южно-русскія былины (III—XI).** Академика А. Н. Веселовскаго. — **Отчетъ о присужденіи Пушкинской преміи въ 1884 г.,** съ приложеніемъ рецензіи профессора И. В. Помяловскаго. — Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ XXXVII. Исторія Россійской Академіи. Вып. VII. М. И. Сухомлинова. — Цѣна 1 руб. 75 коп.

Томъ XXXVIII. Вопросъ о Кириллѣ и Меѳодіи въ славянской филологіи. И. В. Ягича. — **Странствующій Жидъ.** Предсмертное произведеніе Жуковскаго.—**«Книги законныя», содержащія въ себѣ, въ древне-русскомъ переводѣ, византійскіе законы земледѣльческіе, уголовные, брачные и судебные.** А. Павлова. — **Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII столѣтіи до 1782 г.** Гр. Д. А. Толстого. — **Академическая гимназія въ XVIII столѣтіи, по рукоп. документамъ архива Акад. Наукъ.** Графа Д. А. Толстого. — **Академическій университетъ въ XVIII столѣтіи, по рукоп. документамъ архива Акад. Наукъ.** Гр. Д. А. Толстого. — **Къ изданію Иліады въ переводѣ Гнѣдича.** С. И. Пономарева. — **Отчетъ о дѣятельности II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1885 г.,** сост. акад. А. Н. Веселовскимъ. Цѣна 2 руб.

Томъ XXXIX. Источники для исторіи славянской филологіи, томъ I: Письма Добровскаго и Копитара въ повременномъ порядкѣ. Трудъ орд. акад. И. В. Ягича. (Съ портретомъ и 2 снимками автографовъ). Цѣна 2 руб.

Томъ XL. Нѣсколько разъясненій по поводу замѣчаній о кн. «Русское Правописаніе». Записка Я. К. Грота. — **Изъ исторіи романа и повѣсти.** Матеріалы и изслѣдованія, А. Н. Веселовскаго. — **Древнія поученія на воскресные дни Великаго поста.** Е. В. Пѣтухова. — **Къ вопросу о славянскомъ переводѣ Евангелія.** Г. А. Воскресенскаго. — **Изъ ученой дѣятельности Спирид. Юрьев. Дестуниса. Его переводъ сравнительныхъ жизнеописаній Плутарха.** Г. С. Дестуниса. Цѣна 2 руб.

Томъ XLI. Отчетъ о третьемъ присужденіи Пушкинскихъ премій въ 1886 году, составленный Я. К. Гротомъ. — **Городскія училища въ царствованіе императрицы Екатерины II.** Графа Д. А. Толстого. — **Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверо-Западнаго края,** собранные и приведенные въ порядокъ П. В. Шейномъ. Томъ I, часть I. — **Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности въ 1886 году,** составленный А. Ѳ. Бычковымъ. Цѣна 3 руб.

Томъ XLII. Къ Библіографіи церковно-славянскихъ печатныхъ изданій въ Россіи. Э. Калужняцкаго. — **Народная поэзія.** Ѳ. И. Буслаева. — **Къ вопросу о Кириллахъ-авторахъ въ древней русской литературѣ.** Е. Пѣтухова. — **Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники.** Нѣсколько статей Я. К. Грота съ присоединеніемъ и другихъ матеріаловъ. Ц. 3 р.

Томъ XLIII. Отъ Второго Отдѣленія Академіи Наукъ. — Торжественное собраніе Отдѣленія русскаго языка и словесности 22 ноября 1887 года, посвященное чествованію К. Н. Батюшкова. — Очеркъ личности и поэзіи Батюшкова, рѣчь академика Я. К. Грота. — **Характеристика Батюшкова какъ поэта,** рѣчь члена-корреспондента Императорской Академіи Наукъ. Л. Н. Майкова. — **Изъ исторіи русской переводной повѣсти XVIII вѣка.** Академика А. Н. Веселовскаго. — **Отчетъ о дѣятельности Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ,** составленный Предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи ординарнымъ академикомъ Я. К. Гротомъ. — **Исторія Россійской Академіи.** Выпускъ VIII и послѣдній. Академика М. И. Сухомлинова. — **Указатель ко всѣмъ восьми выпускамъ Исторіи Россійской Академіи.** — Цѣна 2 руб.

Томъ XLIV. Хронологическая канва для біографіи Пушкина. Составилъ Я. К. Гротъ. Изданіе второе, съ дополненіями С. И. Пономарева. — **Пушкинъ въ родной поэзіи.** С. И. Пономарева. — **Изъ исторіи романа и повѣсти. Славяно-романскій отдѣлъ.** А. Н. Веселовскаго. — **Приложенія. — Симбирская молвь.** А. Мотовилова. — Цѣна 2 руб.

Томъ XLV. Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ. Географія. — Исторія. — Этнографія. — Археологія. — Современное положеніе. Составилъ П. Ровинскій. Томъ I: Географія. Исторія. — Цѣна 3 руб.

Томъ XLVI. Четвертое присужденіе Пушкинскихъ премій.—Отчетъ о дѣятельности Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1888 годъ, составленный М. И. Сухомлиновымъ.—**Третье присужденіе премій имени графа Д. А. Толстого. — Матеріалы для исторіи русской литературы. Нико-**

лай Филиппович Павловъ (1805—1864). С. И. Пономарева. — **Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка.** И. В. Ягича. — **Пятое присужденіе Пушкинскихъ премій.** — **Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха.** XI—XVII. А. Н. Веселовскаго. Цѣна 2 руб.

***Томовъ XLVII, XLVIII, XLIX и L: — Сочиненія А. А. Котляревскаго.** Томъ I. Томъ II. Томъ III. — Томъ IV: **Очеркъ біографіи профессора А. А. Котляревскаго,** составленный чл.-корр. И. Ак. Наукъ А. Н. Пыпинымъ (Съ портретомъ А. А. Котляревскаго). «Библіологическій опытъ» и другія статьи; списокъ трудовъ А. А. К—го. — *Не имѣется болѣе въ продажѣ.*

Томъ LI. Отчетъ о дѣятельности Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, за 1889 годъ, составленный Л. Н. Майковымъ.—**Слово о нѣкоемъ старцѣ. Вновь найденный памятникъ Русской паломнической литературы XVII вѣка,** сообщеніе Хрисанѳа Лопарева.— **Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверо-Западнаго края,** собранные и приведенные въ порядокъ П. В. Шейномъ. Томъ I, часть II. — **Матеріалы и изслѣдованія по старинной русской литературѣ.** I. О святыняхъ и друг. достопамятностяхъ Цареграда. Л. Н. Майкова. — Цѣна 2 руб.

Томъ LII. Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ за 1890 г. — Библіографическій списокъ сочиненій, переводовъ и изданій ординарнаго академика А. Ѳ. Бычкова 1838—1890. — Указатель къ періодическимъ изданіямъ Россійской Академіи и Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. — Апокрифическія сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, по рукописямъ Соловецкой библіотеки. И. Я. Порфирьева. — **Къ вопросу о древне-русскихъ скоморохахъ.** А. И. Кирпичникова. — **Шестое присужденіе пушкинскихъ премій.** — **Наши писательницы.** С. И. Пономарева. **Разсказы Нартова о Петрѣ Великомъ.** Л. Н. Майкова. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Томъ LIII. Пятидесятилѣтіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ 1841—1891. Очеркъ дѣятельности Отдѣленія за пятидесятилѣтіе отъ 1841 по 1891 г. Рѣчь Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Я. К. Грота. — **Отчетъ о дѣятельности Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1891 г.,** составленный акад. К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ. — **О родинѣ и происхожденіи глаголицы и объ ея отношеніи къ кириллицѣ.** Историко-литературное изслѣдованіе арх. Леонида. — **Седьмое присужденіе Пушкинскихъ премій.** — **Матеріалы и изслѣдованія по старинной русской литературѣ.** Л. Н. Майкова. II—III. — **Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха. XVIII—XXIV.** Акад. А. Н. Веселовскаго. Выпускъ шестой. — **Новыя данныя для исторіи романа объ Александрѣ.** Акад. А. Н. Веселовскаго. — **Библіографическіе матеріалы для біографіи Александра Аѳанасьевича Потебни 1835—1891,** собралъ Э. А. Вольтеръ. Цѣна 2 руб.

Томъ LIV. Отчетъ о дѣятельности Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1892 г., составленн. акад. Л. Н. Майковымъ. — **Публичное засѣданіе Императорской Академіи Наукъ 19 октября 1892 г.** (8-е присужденіе Пушк. прем.). — **Вновь найденное свидѣтельство о дѣятельности Константина философа,** первоучителя славянъ св. Кирилла, акад. И. В. Ягича. — **Древняя Русская Пчела** по пергам. списку. В. Семенова. — **Переписка Карамзина съ Лафатеромъ,** сообщена др. Ф. Вальдманомъ, приготовлена къ печати Я. Гротомъ. — Цѣна 3 р.

***Томъ LV. Сочиненія Петра Хельчицкаго.** Трудъ Ю. С. Анненкова. Окончилъ по порученію Отдѣленія русскаго языка и словесности ордин. акад. И. В. Ягичъ.— *Нѣтъ въ продажѣ.*

Томъ LVI. Боккачьо, его среда и сверстники. Томъ I. Акад. А. Н. Веселовскаго. Цѣна 3 руб.

Томъ LVII. Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверо-западнаго края, собранные и приведенные въ порядокъ П. В. Шейномъ. Томъ II. Цѣна 3 руб.

Томъ LVIII. Письма Н. М. Карамзина къ брату его Василію Михайловичу Карамзину I—IV (1795—1796 гг.). — Публичное засѣданіе Императорской Академіи Наукъ 19 октября 1893 г.: I. Девятое присужденіе Пушкинскихъ

премій. II. Поминка о Г. Р. Державинѣ. Чтеніе акад. К. Н. Бестужева-Рюмина. — **Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1893 годъ,** составленный акад. К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ. — **Боккачьо, его среда и сверстники,** акад. А. Н. Веселовскаго. Т. II. — **Апокрифическія сказанія,** акад. Н. С. Тихонравова. Ц. 2 р. 50 к.

*Томъ LIX. **«Онежскія былины,** записанныя А. Ѳ. Гильфердингомъ лѣтомъ 1871 года». Изд. 2-е. Томъ I (1894 г.): (съ портр. А. Ѳ. Г-га). *Нѣтъ болѣе въ продажѣ.*

Томъ LX. **Онежскія былины.** Томъ II (съ 2 портр.: Рябинина и Щеголенка и нотами). 1896 г. Цѣна 2 рубля.

Томъ LXI. **Онежскія былины.** Томъ III. Выпускъ 1-ый. 1900 г. Цѣна 2 руб. [*Выпускъ 2-ой: Словарь и Указатели — печатается*].

Томъ LXII. **Источники для исторіи славянской филологіи. Томъ II.** Новыя письма Добровскаго, Копитара, и другихъ южныхъ и западныхъ славистовъ (Шафарика, Раича, Терлаича, Ганки, Кеппена и друг.). 1897. Цѣна 2 руб. 50 к.

Томъ LXIII. Краткій отчетъ о занятіяхъ заграницей доц. И. Спб. унив. П. А. Сырку въ лѣтніе мѣсяцы 1893 и 1894 гг. — Отчетъ о X-омъ присужденіи премій имени А. С. Пушкина въ 1894 г. — Отчетъ о дѣятельности Второго Отдѣленія И. Акад. Наукъ за 1894 г. — П. А. Ровинскій: **Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ.** Томъ II, часть 1-ая: *Этнографія.* Цѣна 3 руб.

Томъ LXIV. **Записка о путешествіи по славянскимъ землямъ** П. А. Лаврова. — **Отчетъ** проф. И. П. Филевича. — **Нѣсколько словъ о Нестеровомъ Житіи св. Ѳеодосія.** А. А. Шахматова. — **Шведская баллада объ увозѣ Соломоновой жены.** А. Н. Веселовскаго. — **Рукописные проложные отрывки въ собраніи Шафарика.** П. А. Сырку. — **Сентябрьская минея-четья до-макарьевскаго состава.** М. Н. Сперанскаго. — **Автографы Пушкина, принадлежащіе графу В. В. Капнисту.** Л. Н. Майкова. — **Сказанія о Вавилонѣ, скиніи и св. Гралѣ. Нѣсколько матеріаловъ и обобщеній.** А. Н. Веселовскаго. — **Къ біографіи Ломоносова.** М. И. Сухомлинова. — **Отчетъ о дѣятельности Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1895 годъ,** составл. акад. А. Ѳ. Бычковымъ. — **Отчетъ объ одиннадцатомъ присужденіи премій имени А. С. Пушкина въ 1895 году.** — **Отчетъ о присужденіи премій проф. Котляревскаго въ 1895 году.** — **Отчетъ о присужденіи Ломоносовской премія въ 1895 г.** — **Разысканія въ области Гото-славянскихъ отношеній: I. Готы и ихъ сосѣди до V вѣка. Первый періодъ: Готы на Вислѣ.** Съ двумя картами. Ѳ. Брауна. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Томъ LXV. **Отчетъ о дѣятельности Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1896 г.,** составленный акад. А. Ѳ. Бычковымъ. — **Обозрѣніе древнихъ русскихъ списковъ Кормчей книги.** (Съ 1 фототипическимъ снимкомъ). И. И. Срезневскаго. — **Замѣтка о Сборникѣ Кирши Данилова.** П. Н. Шеффера. — **Замѣтки о языкѣ „Повѣсти временныхъ лѣтъ" по Лаврентьевскому списку Лѣтописи.** Н. П. Некрасова. — **А. С. Кайсаровъ и его литературные друзья.** М. И. Сухомлинова. — **Замѣчанія о составѣ Толковой Палеи.** I—II. В. М. Истрина. — **В. А. Жуковскій въ Дерптѣ (Юрьевѣ).** Е. В. Пѣтухова. — **Западнорусскій сборникъ XV вѣка, принадлежащій Импер. Публичной Библіотекѣ, Q. I. № 391.** Е. Ѳ. Карскаго. — **Замѣтки о Литовскомъ языкѣ и словарѣ. I—VIII.** Еп. Антонія Барановскаго. Цѣна 3 руб.

Томъ LXVI. **Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1897 г.,** составленн. ак. А. Ѳ. Бычковымъ. — **Отчетъ о присужденіи Ломоносовской премія въ 1897 г.** — **XII-ое присужденіе премій имени А. С. Пушкина въ 1897 г.** — В. А. Францевъ: **А. С. Пушкинъ въ Чешской литературѣ** (съ дополненіемъ). — Ѳ. Вержбовскій: **Къ біографіи Адама Мицкевича** въ 1821—1829 гг. — **Отчетъ о присужденіи премій проф. А. А. Котляревскаго въ 1898 г.** — П. Симони: **Старинные сборники русскихъ пословицъ, поговорокъ, загадокъ и проч. XVII—XIX столѣтій.** I—II. — А. А. Шахматовъ: **Къ вопросу о происхожденіи Хронографа.** 1900. Цѣна 3 руб.

Томъ LXVII. **Извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Отдѣленія русск. языка и слов. за 1898 г.—Записка объ ученыхъ трудахъ** Ф. Ѳ. Фортунатова.—**Записка акад. А. Н. Пыпина о бумагахъ, относящихся къ дѣлу о Новиковѣ**

и принадлежащихъ г. Тургеневу въ Парижѣ. — **Записка** Э. А. Вольтера **объ изданіи постиллъ Даукши.** — **Записка** П. А. Сырку **о Карансебешскомъ Октоихѣ XIII вѣка.** — **Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русск. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ за 1898 годъ,** состав. акад. А. Ѳ Бычковымъ. **Некрологъ чл. кор. А. С. Павлова.** Рѣчь, чит. гр. А. А. Голенищевымъ-Кутузовымъ **о Полонскомъ.** — **Планъ новаго академическаго словаря съ точки зрѣнія иноязычнаго.** Записка И. Х. Пахмана. — **Нѣсколько словъ по поводу записки И. Х. Пахмана,** акад. А. А. Шахматова. — **Письмо** Ф. Ѳ. Фортунатова. **О залогахъ.** — П. Шмидтъ: **Троякая долгота въ латышскомъ языкѣ.** — П. А. Лавровъ: **Апокрифическіе тексты.** — **Воспоминанія** К. Н. Бестужева-Рюмина (до 1860 года), съ предисл. и примѣч. акад. Л. Н. Майкова. — И. Л. Лось: **Люблинскіе отрывки.** — **Присужденіе Ломоносовскихъ премій въ 1899 году. Отчетъ о присужденіи Ломоносовскихъ премій,** сост. акад. А. А. Шахматовымъ. — **Приложенія: I. Рецензія чл. корр.** М. С. Дринова на соч. П. А. Сырку: **«Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV вѣкѣ».** Тома I выпуски 1—2. Спб. 1899—1900. **II. Разборъ проф.** Е. Ѳ. Карскаго труда Н. М. Тупикова: **«Словарь древне-русскихъ личныхъ собственныхъ именъ (Рукопись)».** — А. А. Шахматовъ: **Къ исторіи удареній въ славянскихъ языкахъ.** — Ѳ. Е. Коршъ: **О русскомъ народномъ стихосложеніи.** Выпускъ первый — Былины. — В. Н. Щепкинъ: **Разсужденіе о языкѣ Саввиной книги, съ приложеніемъ двухъ фототипическихъ снимковъ съ рукописи** 1901. — **Цѣна** 3 руб.

Томъ LXVIII. Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія рус. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ за 1899 годъ, акад. А. А. Шахматова. — **Библіографическій списокъ сочиненій, переводовъ и изданій орд. акад. Имп. Ак. Наукъ А. Ѳ. Бычкова** (1838—1899). — В. И. Чернышевъ: **Программа для собиранія особенностей великорусскихъ говоровъ.** — В. Ѳ. Соловьевъ: **Особенности говора донскихъ казаковъ.** — В. И. Чернышевъ: **Свѣдѣнія о народныхъ говорахъ нѣкоторыхъ селеній Московскаго уѣзда.** — В. Г. Богоразъ: **Областной словарь Колымскаго русскаго нарѣчія.** — А. И. Сахаровъ: **Языкъ крестьянъ Ильинской волости, Болховского уѣзда, Орловской губерніи.** — В. И. Чернышевъ: **Дополненія къ свѣдѣніямъ о говорѣ г. Мещовска.** 1901. — **Цѣна** 2 руб. 50 коп.

Томъ LXIX. Извлеченія изъ проток. Отдѣл. рус. яз. и слов. за 1899 г. Приложенія: Записка объ ученыхъ трудахъ И. Н. Жданова, составл. акад. М. И. Сухомлиновымъ. — **Записка** акад. А. Н. Пыпина **о планѣ изданія Сочиненій Импер. Екатерины II.** — **Записка объ ученыхъ трудахъ** В. И. Ламанскаго, составл. акад. А. А. Шахматовымъ. — **Записка объ ученыхъ трудахъ** Ѳ. Е. Корша, составл. акад. А. А. Шахматовымъ. — **Записка объ ученыхъ трудахъ** экстраорд. акад. А. А. Шахматова, сост. М. И. Сухомлиновымъ. — **Записка объ ученыхъ трудахъ** акад. Н. П. Кондакова, составл. акад. Л. Н. Майковымъ. — **Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія рус. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ за 1900 годъ,** составл. акад. А. Н. Пыпинымъ. — **Отчетъ о присужденіи премій графа** Д. А. **Толстого въ 1900 году,** чит. акад. А. Н. Веселовскимъ. — П. Ровинскій: **Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ.** — **Географія.** — **Исторія.** — **Этнографія.** — **Археологія.** — **Современное положеніе.** *Томъ II, Часть 2.* — Г. З. Кунцевичъ: **Исторія о Казанскомъ царствѣ (ея списки).** — С. М. Кульбакинъ: **Отчетъ Отдѣленію рус. яз. и слов. Импер. Акад. Наукъ о занятіяхъ въ книгохранилищахъ Москвы и Петербурга съ 25-го сентября по 23-ье декабря 1898 г.** 1901. **Цѣна** 2 рубля 50 коп.

Томъ LXX. Извлеченія изъ протоколовъ Отдѣленія рус. яз. и слов. за 1900 г. Приложеніе: Записка объ ученыхъ трудахъ орд. проф. И. Спб. Унив. чл.-корр. А. И. Соболевскаго, составл. акад. А. А. Шахматовымъ. — В. М. Истринъ. **Греческіе списки апокрифическаго мученія Даніила и трехъ отроковъ.** — И. В. Ягичъ. **А. С. Пушкинъ въ южно-славянскихъ литературахъ. Сборникъ библіографическихъ и литературно-критическихъ статей.** — В. А. Францевъ. **Остатки языка славянъ полабскихъ, собранные и объясненные** Ф. Л. Челаковскимъ. — К. К. Арсеньевъ. **Россій-**

ская Академія и Разрядъ изящной словесности. — И. Т. Смирновъ. **Каминскій словарь.** — В. И. Срезневскій. **Замѣтки А. Х. Востокова о его жизни. (Съ двумя портретами).** — В. Чернышевъ. **Матеріалы для изученія говоровъ и быта Мещовскаго уѣзда;** въ приложеніи: **Письмо академика** Ѳ. Е. Корша. **Объ удареніяхъ въ русскихъ пѣсняхъ и стихахъ.** 1902. — Цѣна 2 руб. 50 коп.

Томъ LXXI. **Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія рус. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ за 1901 годъ,** составл. акад. А. И. Соболевскимъ. —Н. В. Ястребовъ. **O pŭvodu jednoty bratrské a řádu v ní** Я. Благослава. (Введеніе и текстъ — съ указат.). — П. А. Сырку. **Очерки изъ исторіи литературныхъ сношеній Болгаръ и Сербовъ въ XIV—XVII вѣкахъ. Житіе св. Николая Новаго Софійскаго по единствен. рукописи XVI в.** — Е. Р. Романовъ. **Катрушницкій лемезень. Условный языкъ Дрибинскихъ шаповаловъ.** — Н. П. Кондаковъ. **М. П. Погодинъ, какъ археологъ.** — В. Чернышевъ. **Свѣдѣнія о говорахъ Юрьевскаго, Суздальскаго и Владимірскаго уѣздовъ.**— А. А. Потѣхинъ. **Воспоминанія о М. П. Погодинѣ.** — М. А. Карауловъ. **Матеріалы для этнографіи Терской области. Говоръ гребенскихъ казаковъ.** 1902. — Цѣна 2 руб. 50 коп.

V. Отдѣльныя изданія Отдѣленія:

Словарь русскаго языка, составленный Вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. *I-го тома: выпусковъ 1-го, 2-го и 3-го болѣе нѣтъ въ продажѣ. — II-го тома:* вып. 1 (съ начала изданія 4-й) *Е — Желѣзный.* 1897. Цѣна 1 рубль; — *вып. 2-ой* (съ начала изданія 5-й) *Желѣзный — За.* 1898 г. Цѣна 75 коп.; — *вып. 3-й* (съ нач. изд. 6) *За—Заграчить.* 1899 г. Цѣна 60 коп.; — *вып. 4-й* (съ начала изд. 7) *Заграять—Закрѣплять.* 1900. Цѣна 75 коп. — *вып. 5* (съ начала изданія 8) *Закрѣплять—Заносить.* 1901. Цѣна 75 коп., — *вып 6* (съ начала изданія 9) *Заносить—Засада.* 1902. Цѣна 75 к.

Матеріалы для словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ. Трудъ И. И. Срезневскаго. *Томъ I* (А—К) 1893. Ц. 3 руб.; Вып. 1-го отдѣльно болѣе не имѣется; *Томъ I, вып. 2-й* (Г — начало И.) 1892. Ц. 1 руб. *Вып. 3-й* (И—К). Ц. 1 руб. Т. II, в. 2 (Оба — Пак). Ц. 1 руб. — Т. II, вып. 3 (Пак—Правитель). Ц. 1 руб. Т. II, вып. 4 (пра—пѫч). 1902. Цѣна 1 рубль. — [Дальнѣйшіе выпуски *печатаются*].

Дополненіе къ Опыту областнаго великорусскаго языка. (Издано подъ редакціей ак. А. Х. Востокова.) 1858. 328 стран. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Словарь Архангельскаго нарѣчія. Составилъ А. Подвысоцкій. 1885. Ц 2 руб.

Словарь областного Олонецкаго нарѣчія въ его бытовомъ и этнографическомъ примѣненіи. Собралъ на мѣстѣ и составилъ Г. И. Куликовскій. 1898. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Словарь Бѣлорусскаго нарѣчія, И. Носовича. 1870. Цѣна 3 р.

Литовскій Словарь А. Юшкевича съ толкованіемъ словъ на русск. и польскомъ языкахъ. *Вып. I.* A—Dż. 1897 г. Цѣна 2 р. 50 к. — *Вып. II печатается.*

XIII Словъ Григорія Богослова въ древнеславянскомъ переводѣ *по рукописи Императ. Публичной Библіотеки XI вѣка.* Критико-палеографическій трудъ А. Будиловича. 1875. 1 руб. 50 к.

Памятникъ глаголической письменности. Маріинское четвероевангеліе *съ примѣчаніями и приложеніями.* Трудъ ак. И. В. Ягича. 1883 г. Цѣна 5 руб.

Памятники старославянскаго языка. *Томъ I,* вып. 1-й: С. М. Кульбакинъ: Хиландарскіе листки XI вѣка (съ 4 фототипич. снимками). 1900. Ц. 50 коп. Слѣдующіе вып. печатаются.

Памятники древнерусскаго языка. Томъ I: *Служебныя минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь* въ церковнославянскомъ переводѣ по русскимъ рукописямъ 1095—1097 г. Трудъ ак. И. В. Ягича, съ 6-ю фототип. таблицами снимковъ. 1886 г. Ц. 6 руб.

Изслѣдованія по русскому языку. Томъ I. 1895: М. Козловскій. Изслѣдованіе о языкѣ Остром. Ев.—А. Шахматовъ. Изслѣдов. о яз. Новгородск. грамотъ XIII—XIV в.—Ак. И. В. Ягичъ. Разсужденія южнослав. и русской старины о церковно-слав. языкѣ. (Стран. X+1070). Ц. 5 руб.

— **Томъ II,** *вып. 1-й:* О. Брохъ «Угрорусское нарѣчіе села Убли (Земплинскаго комитата). 1900. Цѣна 75 коп.—*вып. 2-й:* Б. М. Ляпуновъ «Изслѣдованіе о языкѣ Синодальнаго списка I-ой Новгородской Лѣтописи. Вып. 1: Очеркъ изъ исторіи ирраціональныхъ гласныхъ въ русскомъ языкѣ». 1900 г. Цѣна 1 руб. — *Слѣдующіе выпуски тома II-го печатаются.*

Древніе памятники русскаго письма и языка (X—XIV вѣковъ). Общее повременное обозрѣніе. И. И. Срезневскаго. *Второе изданіе.* 1882. 2 рубля.

Грамматика церковно-словенскаго языка, изложенная по древнѣйшимъ онаго письменнымъ памятникамъ. Составлена акад. А. Х. Востоковымъ. 1863. (134 стр.). Цѣна 50 коп.

Филологическія наблюденія А. Х. Востокова, изд. акад. И. Срезневскимъ. 1865. Цѣна 3 руб.

Опытъ общесравнительной грамматики русскаго языка (И. Давыдова), 3 изд. 1854. LXI+512 стр. Цѣна 50 коп.

Исторія Императорской Академіи Наукъ, П. Пекарскаго. Т. I. 1870. Цѣна 3 р. — Т. II. 1873. Цѣна 3 р. 50 к.

Матеріалы для исторіи Императорской Академіи Наукъ. Томъ I (1716—1730) съ 8 портретами. 1885 г. Ц. 3 р. —Т. II (1731—1735) съ 4 портретами. 1886 г. Ц. 3 р.—Т. III (1736—1738). 1886 г. Ц. 3 р.—Т. IV. (1739—41 гг.) 1887. Съ 2 порт. Ц. 3 р.—Т. V. 1889. (1742—43 гг.) съ 3 портр. Ц. 3 р.—Т. VI. 1890. (1725—43 гг.). Ц. 3 р.—Т. VII. 1895. (1744—45 гг.). Ц. 2 р. 50 к.—Т. VIII. 1895. (1746 — 47 гг.) Ц. 2 р. 50 к. Т. IX. 1897. (1748 — (янв—май) 1749 гг. Ц. 2 руб. — Т. X. 1749 (іюнь) — (дек.) 1750 г. — 1900. Ц. 2 руб. —

Эрикъ Лаксманъ. Его жизнь, путешествія, изслѣдованія и переписка. А. Лагуса (перев. Э. Паландеръ). 1890. 1 руб. 50 коп.

Исторія Россійской Академіи. М. Сухомлинова. Выпускъ I—II*). Вып. III. цѣна 1 р. 75 к. Вып. IV, цѣна 2 руб. Вып. V, цѣна 2 руб. Вып. VI, цѣна 1 р. 95 коп. Вып. VII, цѣна 2 р. 50 к.— Вып. VIII (*съ Указат.*). Цѣна 3 р. 50 к.

Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота (I-е изданіе *съ рисунками*). Томы II—IX, 1865—83 гг.:

[Тома I. Спб. 1864 *нѣтъ болѣе въ продажѣ*].—ТомъII (съ рисунками), 1865: 3 р. — Томъ III (съ портретомъ 2-й жены Державина). 1866: 2 руб. — Томъ IV (съ алфавитнымъ указателемъ къ 4-мъ томамъ). 1867: 2 руб. — Томъ V (съ портретомъ Державина, снимками и указателемъ). 1869: 2 руб. 50 коп. — Томъ VI (съ портретомъ Державина и указателемъ). 1871: 2 руб. 50 коп. — Томъ VII (съ указателемъ). 1872: 2 руб. — Томъ VIII (съ портретомъ, рисунками и снимкомъ). 1880: 5 руб. — Томъ IX (со снимками портретовъ, нотами и общимъ указателемъ ко всему изданію. 1883: 3 руб.

Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота, 2-е изданіе, общедоступное, безъ рисунковъ: Томъ I (съ портретомъ Державина). 1868: 1 руб. — Томъ II. 1869: 1 руб. — Томъ III. 1870: 1 руб.—Томъ IV. 1874: 1 руб. — Томъ V. 1876: 1 руб. — Томъ VI. 1876: 1 руб. — Томъ VII. 1878: 1 руб.

Жизнь Державина (съ портретомъ, рисунками и снимкомъ). Т. I. 1880. Томъ II. 1883: Цѣна I тома 5 руб. II тома 3 руб.

Сочиненія М. В. Ломоносова съ объяснительными примѣчаніями акад. М. И. Сухомлинова. Т. I. (съ портретомъ). 1891. Ц. 3 руб. 50 коп. Т. II (съ портрет.). 1893. Ц. 3 р. 50 к. Т. III. 1895. Ц. 3 р. 50 к. Т. IV: Филологич. сочиненія, похв. слова и рѣчи. 1898. Ц. 3 р. 50 к. Т. V. 1902. Ц. 3 р. 50 к.

Сочиненія Императрицы Екатерины II на основаніи подлинныхъ рукописей и съ объяснительными примѣчаніями акад. А. Н. Пыпина. **Томы I—IV:** и **VII—X:** 1901 г. Цѣна I-го тома 2 руб., II-го т. 2 руб. 50 коп., III-го т.

---

*) Отдѣльно уже не имѣются; но заключаются въ тт. XI и XIV Сборника Отдѣленія.

2 р., IV-го т. 1 руб. 50 коп., VII-го т. 2 р., VIII-го т. 2 р., IX-го т. 2 р., X-го т. 1 р. 50 к. (Т. V, VI, XI, XII и слѣд. — *печатаются*).

Сочиненія А. С. Пушкина, подъ ред. и съ примѣчаніями акад. Л. Н. Майкова. *Томъ I:* Лирич. стихотворенія (1812—17 гг.). *Изданіе 2-е.* 1900 г. Цѣна 3 руб. [Томъ II — *печатается*].

Матеріалы для академическаго изданія сочиненій А. С. Пушкина. Собралъ Л. Н. Майковъ. 1902. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Матеріалы для біографіи Ломоносова, собранные П. П. Билярскимъ. 1865. Цѣна 1 р. 50 к.

Русская историческая библіографія за 1865—1876 включительно. Составилъ В. И. Межовъ. Томъ I. 1882. 2 р. 50 к. — Томъ II. 1882. 2 р. 50 к. — Томъ III. 1883. 2 р. 50 к. — Томъ IV. 1884. 2 р. 50 к. — Т. V. 1885. 2 р. 50 к. — Томъ VI. 1886. 3 р. — Томъ VII. 1888. 2 р. 50 к. — Томъ VIII. 1890. 2 р. 50 к.

Подробный словарь Русскихъ граверовъ XVI—XIX вв. Составилъ Д. А. Ровинскій. 1895. Изданіе Отдѣленія русск. яз. и слов. И. Акад. Н. (*въ одномъ только томѣ*). Съ рисунками лишь въ «Историч. обзорѣ гравированія». Ц. 4 руб.

Кондаковъ, Н. П. Памятники христіанскаго искусства на Аѳонѣ (съ 49 фототипіями и 103 рис. въ текстѣ), 1902. Цѣна 7 руб.

Рѣчи, посвященныя памяти Н. В. Гоголя 21 февраля 1902 года. 1902. Цѣна 50 коп.

Перетцъ, В. Н. Памятники русской драмы эпохи Петра Великаго. 1903. Цѣна 3 руб. 50 коп.

VI. Сверхъ того имѣется еще ограниченное количество отдѣльныхъ оттисковъ слѣдующихъ статей, помѣщенныхъ въ Сборникѣ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ:

Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, изслѣдованіе П. Пекарскаго (съ портретомъ и снимкомъ). 1867. Цѣна 1 руб.

Пожаръ Зимняго дворца въ 1837 году. Статья В. А. Жуковскаго. Цѣна 25 коп.

Н. И. Гнѣдичъ. Нѣсколько данныхъ для его біографіи, съ рисункомъ и снимкомъ его почерка. Сообщилъ П. Тихановъ. Цѣна 70 коп.

Странствующій жидъ. Предсмертное произведеніе Жуковскаго по рукописи поэта. С. И. Пономарева. 1885 г. Ц. 50 коп.

Пятидесятилѣтіе Отдѣленія рус. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ 1841—1891. Рѣчь Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи и Вице-президента Академіи Я. К. Грота. 1891. Ц. 30 коп.

Программы для собиранія особенностей народныхъ говоровъ (всѣ экземпляры съ пропускомъ страницъ для отмѣтокъ):

I—II: Программы для собиранія особенностей *великорусскихъ* говоровъ 1900 г. (II + 145 стран.). Цѣна 30 коп. — **III.** Программа для собиранія особенностей говоровъ *бѣлорусскаго нарѣчія*, составлен. по поруч. Отдѣленія русск. яз. и словесн. И. Ак. Наукъ проф. И. Варш. унив. Е. Ѳ. Карскимъ. 1897 г. (59 стран.). Цѣна 25 коп.

Означенныя изданія Отдѣленія русск. яз. и словесн. продаются въ Книжномъ складѣ Императорской Академіи Наукъ, а также у слѣдующихъ ея коммиссіонеровъ: **И. И. Глазунова, К. Л. Риккера и М. Эггерса и Комп.** въ Санктпетер-

бургѣ, **Н. П. Карбасникова** въ Санктпетербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ; **М. В. Клюкина** въ Москвѣ; **Н. Я. Оглоблина** въ Санктпетербургѣ и Кіевѣ; **Н. Киммеля** въ Ригѣ; у **Фосса (Г. Гесселя)** въ Лейпцигѣ.

Лица, покупающія книги въ Книжномъ складѣ Императорской **Академіи** Наукъ [въ зданіи Академіи, по Таможенному переулку] на наличныя деньги, пользуются [независимо отъ количества покупаемыхъ книгъ и ихъ цѣны] уступкою 25% съ цѣнъ, назначенныхъ въ семъ спискѣ; иногородные же адресуютъ свои требованія туда же и, прилагая деньги по выставленнымъ здѣсь цѣнамъ, получаютъ книги почтою безъ платежа вѣсовыхъ.